

Über dieses Buch

Dies ist ein digitales Exemplar eines Buches, das seit Generationen in den Regalen der Bibliotheken aufbewahrt wurde, bevor es von Google im Rahmen eines Projekts, mit dem die Bücher dieser Welt online verfügbar gemacht werden sollen, sorgfältig gescannt wurde.

Das Buch hat das Urheberrecht überdauert und kann nun öffentlich zugänglich gemacht werden. Ein öffentlich zugängliches Buch ist ein Buch, das niemals Urheberrechten unterlag oder bei dem die Schutzfrist des Urheberrechts abgelaufen ist. Ob ein Buch öffentlich zugänglich ist, kann von Land zu Land unterschiedlich sein. Öffentlich zugängliche Bücher sind unser Tor zur Vergangenheit und stellen ein geschichtliches, kulturelles und wissenschaftliches Vermögen dar, das häufig nur schwierig zu entdecken ist.

Gebrauchsspuren, Anmerkungen und andere Randbemerkungen, die im Originalband enthalten sind, finden sich auch in dieser Datei – eine Erinnerung an die lange Reise, die das Buch vom Verleger zu einer Bibliothek und weiter zu Ihnen hinter sich gebracht hat.

Nutzungsrichtlinien

Google ist stolz, mit Bibliotheken in partnerschaftlicher Zusammenarbeit öffentlich zugängliches Material zu digitalisieren und einer breiten Masse zugänglich zu machen. Öffentlich zugängliche Bücher gehören der Öffentlichkeit, und wir sind nur ihre Hüter. Nichtsdestotrotz ist diese Arbeit kostspielig. Um diese Ressource weiterhin zur Verfügung stellen zu können, haben wir Schritte unternommen, um den Missbrauch durch kommerzielle Parteien zu verhindern. Dazu gehören technische Einschränkungen für automatisierte Abfragen.

Wir bitten Sie um Einhaltung folgender Richtlinien:

- + *Nutzung der Dateien zu nichtkommerziellen Zwecken* Wir haben Google Buchsuche für Endanwender konzipiert und möchten, dass Sie diese Dateien nur für persönliche, nichtkommerzielle Zwecke verwenden.
- + *Keine automatisierten Abfragen* Senden Sie keine automatisierten Abfragen irgendwelcher Art an das Google-System. Wenn Sie Recherchen über maschinelle Übersetzung, optische Zeichenerkennung oder andere Bereiche durchführen, in denen der Zugang zu Text in großen Mengen nützlich ist, wenden Sie sich bitte an uns. Wir fördern die Nutzung des öffentlich zugänglichen Materials für diese Zwecke und können Ihnen unter Umständen helfen.
- + *Beibehaltung von Google-Markenelementen* Das "Wasserzeichen" von Google, das Sie in jeder Datei finden, ist wichtig zur Information über dieses Projekt und hilft den Anwendern weiteres Material über Google Buchsuche zu finden. Bitte entfernen Sie das Wasserzeichen nicht.
- + *Bewegen Sie sich innerhalb der Legalität* Unabhängig von Ihrem Verwendungszweck müssen Sie sich Ihrer Verantwortung bewusst sein, sicherzustellen, dass Ihre Nutzung legal ist. Gehen Sie nicht davon aus, dass ein Buch, das nach unserem Dafürhalten für Nutzer in den USA öffentlich zugänglich ist, auch für Nutzer in anderen Ländern öffentlich zugänglich ist. Ob ein Buch noch dem Urheberrecht unterliegt, ist von Land zu Land verschieden. Wir können keine Beratung leisten, ob eine bestimmte Nutzung eines bestimmten Buches gesetzlich zulässig ist. Gehen Sie nicht davon aus, dass das Erscheinen eines Buchs in Google Buchsuche bedeutet, dass es in jeder Form und überall auf der Welt verwendet werden kann. Eine Urheberrechtsverletzung kann schwerwiegende Folgen haben.

Über Google Buchsuche

Das Ziel von Google besteht darin, die weltweiten Informationen zu organisieren und allgemein nutzbar und zugänglich zu machen. Google Buchsuche hilft Lesern dabei, die Bücher dieser Welt zu entdecken, und unterstützt Autoren und Verleger dabei, neue Zielgruppen zu erreichen. Den gesamten Buchtext können Sie im Internet unter <http://books.google.com> durchsuchen.

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

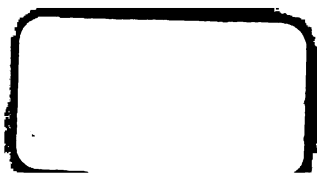
We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 3433 05929152 0

Collar

1589

*QCA

БИБЛИОТЕКА

ДЛЯ

ЧТЕНІЯ.

БИБЛИОТЕКА

ДЛЯ

ЧТЕНІЯ,

ЖУРНАЛЪ СЛОВЕСНОСТИ, НАУКЪ И ПОЛИТИКИ,

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЮ

А. Ф. ПИСЕМСКАГО.

ДВАДЦАТЬ-ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ.

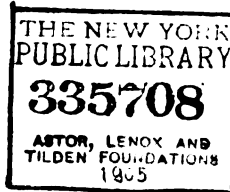
МАРТЪ. /

ТОМЪ СТО-СЕМИДЕСЯТЫЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ШТАБА ОТДѢЛНАГО КОРПУСА ВНУТРЕННЕЙ СТРАЖИ.

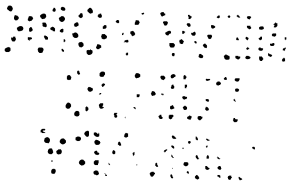
1862. /

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ чтобы по отвѣчаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С.-Петербургъ апрѣля 1 дня, 1862 года.

Ценсоръ *Θ. Веселаго.*

МЪШАЛКИНЫ.

Повѣсть.

I.

Въ глухой деревушкѣ, Рябиновскаго уѣзда, Намордкинѣ, въ самой большой избѣ, около самовара необъятныхъ размѣровъ, довольно многочисленная компанія занималась чаепитіемъ. Первое мѣсто во вниманіи читателя должны занять, какъ герои предлагаемаго повѣствованія, два охотника да сопровождающій ихъ тринадцатилѣтній мальчикъ. Одинъ изъ нихъ—мужикъ лѣтъ пятидесяти, сухопарый, но широкоплечій, съ клиновидной бородкой, замѣтно посѣдѣвшей, съ жидкими свѣтлыми волосами—рябиновскій мѣщанинъ Мѣшалкинъ; другой, молодой человекъ, плотный, довольно неуклюжій—его постоялецъ Ключковъ, писецъ духовнаго правленія; а быстроглавый мальчикъ—сынъ Мѣшалкина.

Такъ какъ время было позднее, осеннее, то охотники наши отравлялись въ *озера* за пролетными лебедями. *Озера* эти, которыми изобилуютъ сѣверовосточныя губерніи, не что иное, какъ довольно мелкіе резервуары воды, сопровождающіе старое русло тамошнихъ рѣкъ, вообще непостоянныхъ въ своемъ теченіи. Всѣ онѣ весной соединяются съ широкимъ разливомъ рѣки, а лѣтомъ, по слитіи весеннихъ водъ, окружены, на необозримое пространство, тучными пожнями; пустынные до половины августа—

потому что сѣнокосъ на нихъ бываетъ обыкновенно послѣ всѣхъ полевыхъ работъ—эти пожни посѣщаются только охотниками, а съ половины августа пестрѣютъ косцами.

Охотники, остановившись въ Намордкинѣ, у родни Мѣшалкина, отдохнуть, съ нетерпѣніемъ пережидали непогоду, чтобы идти въ обѣтованный край: до *озеръ* оставалось верстѣ восемь и колесной дороги къ нимъ не было. Стемнѣло рано. На дворѣ былъ совершенный хаосъ, а въ избѣ неугомонно кипѣлъ пузатый самоваръ и честно шла непорочливая русская бесѣда. Хозяинъ, коренастый, бѣлокурый мужикъ, съ вовсе плоскимъ лицомъ, въ бѣлой холщовой рубашкѣ, разливалъ чай. Около него торчали два маленькіе сыннишка, голоногіе, повязанные ниже брюха, и жадно грызли сахаръ, недоувѣрчиво и угрюмо поглядывая на мѣшалкинскаго мальчика. Хозяйка сидѣла въ сторонѣ и очень походила на пряслицу, которая торчала передъ ней. У окна засѣли какіе-то прохожіе: семинаристъ, не получившій мѣста, съ молодой женщиной, которую называлъ сестрой, впрочемъ, неимѣвшей съ нимъ никакого родственнаго сходства; оба упорно молчали; семинаристъ только смиренно отвѣчалъ на вопросы, предварительно крикая во всю избу, а сестра безпрестанно обжигала губы горячимъ чаемъ. Были тутъ еще два сборщика, съ кожаными сумами, да хромая нищая старуха,—все гости, которымъ гостепріимный хозяинъ радъ: и накормить, и напоить, и согрѣеть даромъ, и за ласковымъ словомъ въ карманъ не полѣзеть. Русскій мужикъ на просѣлкѣ, въ захолустьѣ, совсѣмъ не то, что на большой дорогѣ: тотъ такъ и норовить, чтобы лишнюю копѣйку сорвать съ прохожаго, и самоваръ, и воду, и уголье, даже тепло и свѣтъ—все въ счетъ поставить, а этому денегъ и не предлагайте, развѣ рюмочку-другую поднесете, коли есть съ собой хмѣльное. За то и называли намордкинскаго хлѣбосола Семень простота. Пришелъ еще мѣстный охотникъ, молодой парень, тоже родня Матвѣю, и весь погрузился въ осмотръ ружей.—Ладно, что собрался, Матвѣй Алексѣичъ—заговорилъ онъ,—найдете лебедей; право-слово, найдете на Гагарьемъ озерѣ.

— А ты что же? пойдешь съ нами?

— Нѣтъ, баринъ, время не то: дома работа... Не удалось, братъ Матвѣй Алексѣичъ, нѣтъ мнѣ поохотиться: все работа да работа; дома-то одинъ остался; знать, до зимы ружья въ руки не брать!

— А зимой что?

— Зимой, сударь, мы рябковъ стрѣляемъ... Ну тоже за оленемъ на лыжахъ бѣгаемъ.

— Поди, трудная охота, да добычлива-ль?

— Кому какое счастье, баринъ. Вотъ зимось-то вашъ лѣсничихъ, Оома Кастаныхъ, поди, знаешь? ну такъ вотъ онъ прїѣзжалъ, и пошли мы съ нимъ, за оленемъ-то; сутки двое гонялись; ну, догнали, онъ выпалилъ, упалъ-было олень на колѣнки да понесся—и поминай какъ звали... Такъ, вѣдь, и отступились, больно ужъ пристали... Иной чрезъ часъ безъ добычи не прїѣдетъ, а другой недѣлю прогоняется, съ пустыми руками воротится: значить, роковаго нѣтъ.

— Вотъ самъ-отъ онъ куда счастливъ!—заговорилъ хозяинъ, — оленей по десятку въ зиму убивывалъ!

— А ты, Семень, не охотникъ?

— Нѣту-ти-съ, вотъ порыбачить—это наше дѣло, на Гагаркѣ рѣчкѣ затонъ держимъ.

— Барыши порядочные бываютъ?

— И, полно, баринъ! ужъ какіе барыши, не наши. Сказано: «рыбки да рябки поубавили деньки!»

— Большой ужъ у тебя сынъ, братъ Матвей, продолжалъ онъ, — «ослѣдокъ?»

— Послѣдокъ.

— Тоже на охоту берете, видишь, в ружье...

— Какая охота! такъ, баринъ, побаловать парня захотѣлъ.

— Магъ еще Федюха; вырастешь—стрѣлять научишься; поди-ка, въ школу ходишь?

— Хожу въ училище ужъ другой годъ да и стрѣлять, дялюшка, умѣю, — бойко отвѣчалъ мальчикъ.

Между тѣмъ сдѣлалось совершенно темно; дождь барабанилъ въ крышу; вѣтеръ-то бушевалъ за дверью, словно просился въ избу, то отскакивалъ отъ нея и свистъ его отдавался тоскливымъ, плачевнымъ завываньемъ. Охотники поневолѣ остались почевать въ разговоръ, по погодѣ, принявъ мрачный оттѣнокъ.

— Экой вихрь какой! Вишь какъ вѣтряной-то расходился, прости Господи наши согрѣшенія!—говорилъ Мѣшалкинъ. — Ну, да теперь ничего, не лѣто...

— А лѣтомъ что?—робко спросилъ Федя.

— Извѣстно что: лѣтомъ хлѣбъ. Кабы не громъ, вѣтряной весь хлѣбъ повытопталъ бы.

— Полно врать-то, хозяинъ, — отозвался Ключковъ, — какой тамъ вѣтряной?

— Что, сударь, врать! извѣстно какой вѣтряной: тотъ, что у насъ быка убилъ. Что быку дѣлается, здоровѣшенскъ былъ, да какъ хватило его вихиремъ по лбу-то—и киннулъ бычокъ!

— Ну, тамъ, положимъ, вѣтряной быка убилъ, да громъ-то что ему мѣшаетъ?

— Грома-то, сударь, онъ боится... какъ сталъ онъ хлѣбъ по-тапывать, и взмолился Богу отецъ-отъ Адамъ, ну и выпросилъ громъ...

— Да, братъ, это буки: этого въ писаніи нѣтъ.

— Не знаю ужъ есть ли, нѣтъ ли, а только такъ-съ.

— Задожжидо для новаго-то мѣсяца, — сказала Ключковъ, при-слушиваясь къ шуму дождя, — вѣрно стоять ненастью.

За тѣмъ послѣдовала пауза, неожиданно прерванная Мѣшалкинымъ:

— А что, сударь, вотъ вы въ семинаріи разнымъ наукамъ обучались; мы такъ люди темные; объясните вы намъ, что это такое значитъ новыи да новыи мѣсяцъ? Куда же старые дѣваются?

Ключковъ замаялся, хотъ и обучался разнымъ наукамъ:

— Богъ его вѣдаетъ! Какъ это узнаешь?

— А я такъ слыхалъ объ этомъ отъ солдата; ему тоже ученые люди говорили... Видали вы, сударь, что звѣзды падаютъ?

— Какъ не видать! Ахъ, и я видалъ, много разъ видалъ! — закричалъ Федя, внимательно слушавшій всѣ эти умныя рѣчи.

— Видали-съ. А замѣчали вы, что какъ онѣ тамъ ни падаютъ, все ихъ на небѣ не убываетъ. Откуда же дѣмъ браться бы? Вотъ изъ стараго-то мѣсяца и вырѣзываютъ новыи звѣзды, потому самому, какъ онѣ ни валяются, все ихъ меньше не бываетъ.

— Ну, это, братъ, тоже буки!

— Такъ растолкуйте по своему, по ученому.

— Растолковать тебѣ не умѣю, а что-нибудь да не такъ.

Федѣ тоже казалось «что нибудь да не такъ», и долго думалъ онъ—«какъ же это?» Но познанія, сообщенныя въ училищѣ, не объяснили ему этого, только убѣждали, что рассказы отца невѣроятны, такъ же, какъ убѣждали въ этомъ Ключкова полузабытыя познанія, вынесенныя изъ семинаріи. И ночью, засыпая, все думалъ мальчикъ: «что это за вѣтряной, и какъ отецъ Адамъ выпросилъ у Бога громъ, и почему нѣтъ этого въ исторіи, и

куда дѣваются старые мѣсяцы, и откуда берутся новыя звѣзды? Надо спросить у учителя», рѣшилъ онъ, «Алексѣй Ивановичъ не знаетъ; непремѣнно спрошю!» и уснулъ тихимъ сномъ здороваго ребенка.

Между тѣмъ, какъ всѣ улеглись, кому гдѣ Богъ привелъ, Мѣшалкинъ еще нѣсколько времени бесѣдовалъ съ хозяиномъ. Не одна охота завела его на перепутье къ зажиточному и гостеприимному родственнику—мужику, и онъ былъ очень доволенъ, что погода задержала его у Семена-простоты.

— А у меня до тебя просьба, братъ Семенъ,—началъ онъ, заминаясь и переминаясь.

— До меня?—машинально спросилъ Семенъ.

— До тебя, голова. Вишь дѣло какое... скоро у насъ, голова, придутъ торги окаянныя—прости меня Господи... на землю-то есть, на городскую-то...

— Ну?

— Что ну! деньги, голова, надобны. Вишь, охота бы свою землю удержать... Мы хоша и не крестьяне, городовые, да что безъ земли-то—тѣфу! все наше пустое мѣщанство!...

— Ну?

— То-то деньги надобны...»

— А у тебя нѣтъ, что ли?

— То-то, голова, нѣтъ... А у тебя, я слыхивалъ, теперь есть свободныя, при себѣ, то есть... Слышно, въ долги хочешь отдавать... такъ вотъ, голова, я у тебя-то и хотѣлъ попросить... тебѣ все-равно отдавать... ну, извѣстно, въ проценты, какъ водится...

— Это точно, что есть деньги: отъ васъ же, изъ городу долгъ получилъ. Да сколько тебѣ?

— Рублевъ съ тридцать, голова, али и съ двадцать пять...

— Ну, ладно, сказалъ Семенъ-простота, свой человекъ, не чужакъ, какъ не одолжить. Да на долго ли тебѣ?

— А Богъ его знаетъ, когда торгъ назначать, да какъ Господь поправится поможетъ. Впрочемъ же и то сказать, ты это не хлопочи... рубликъ на мѣсяцъ проценту, пожалуй, понакину...

— Ну, ладно, ладно. Да смотри, Матвѣй, не надуй!

На томъ дѣло и порѣшили, и Матвѣй заснулъ, совершенно довольный, такъ крѣпко, что всѣ сны заспалъ, а сны были куда хороши!

Утро настало сѣренькое; мелкій дождикъ то моросилъ словно

сквозь сито, то какъ будто переставалъ. Но медлить было нечего: охотники двинулись, сопровождаемые общими желаніями успѣха, дрожа отъ холода и крестясь мокрыми отъ дождя руками, Слякоть была нестерпимая; тропинка вилась по скользкой глинистой почвѣ; ноги такъ и разъѣзжались. Прилежно прикрывая лапами ружья, изрѣдка перекидываясь словами, часа два брели они то по колючей щоткѣ выкошенной осоки, то по скользкой глинѣ; даль поженъ со всѣхъ сторонъ, утопая въ туманѣ, сливалась съ сѣренькимъ, низко нависшимъ небомъ.

«Ну ужъ выросту же я подѣ этимъ дождемъ!» храбрился Ѳеда. Матвѣй, промокшій до костей, ёжился въ своемъ длинномолотѣ кафтанѣ; съ широкихъ полей шляпы Ключкова вода струилась дождемъ. Кряхтѣли, но шли храбро, не теряя терпѣнья. Вотъ вдали послышались неопредѣленные крики. Мѣшалкинъ сказалъ, что это лебеди «говорятъ.» Близость цѣли придавала силъ; голоса слышались все ближе; вотъ они ужъ очень близко: казалось, будто нѣсколько неумѣющихъ человекъ неистово дули въ кларнеты, стараясь заглушить одинъ другого.

Вотъ и озеро. Вся окрестность совершенно открыта, только мѣстами торчатъ щедушные кустарники остролистной ивы съ пожелтѣлыми, полуразлетѣвшими листьями; подѣ ногами мокрая щеть осоки; вдали виднѣются ряды стоговъ, лѣсъ и туманъ. Озеро имѣетъ довольно правильную, продолговатую форму, мѣстами нарушаемую узенькими промовинами; ширина его не переходитъ за 200 сажень; а на самой-то срединѣ видны бѣлыя, величественныя фигуры лебедей, по крайней мѣрѣ штукъ тридцать, раздѣлившихся на нѣсколько группъ. Между этими группами глазъ охотниковъ замѣчалъ сотни черныхъ пятнышекъ: это утки; онѣ плаваютъ, ныряютъ, перелетаютъ съ мѣста на мѣсто, крикаютъ, шепелявятъ, гогочуть и въ непсчислимомъ множествѣ покрываютъ все это вмѣстелище стоячей воды...

Дождь пересталъ. Въ какомъ-то недоумѣніи, ошеломленный, стоялъ Ѳеда на кочкѣ, упираясь на ружье, пока голосъ отца не прервалъ его неподвижнаго восторга:

— Нечего глазѣть-то, надо не терять времени. Это не утки: улетятъ, такъ и прощай, больше не увидишь. Вотъ они ужъ замѣтили насъ, поплыли къ тому берегу, вѣдь эти вороваты!

— Такъ что же дѣлать-то?—спросилъ Ключковъ.

— А вотъ вы залагте тамъ по за кусточкамъ, я зайду съ боку,

а Бедюшка ступай на ту сторону, да и похаживай тамъ саженьхъ въ десяти отъ берега.

Планъ былъ безпрекословно выполненъ по предварительномъ осмотрѣ ружей, заряженныхъ рубленнымъ свинцомъ. Началь моросить дождикъ; щеть осоки была совершенно мокра; вѣтви молодожника-ивняка, при малѣйшемъ сотрясеніи, обдавали градомъ крупныхъ капель; воздухъ пропитался сыростью и туманомъ. Дыша порывисто, лежалъ Ключковъ на мокрой землѣ и всматривался въ движеніи лебедей, которые могуче полоскались въ водѣ и непрерывной духовой музыкой оглашали окрестность. Широко разметались они по озеру, а потому эта музыка переливалась съ одного края на другой; едва замолкалъ одинъ конецъ, какъ звучные голоса раздавались съ другаго, и вдругъ все сливалось въ общій нестройный, дикій, но потрясающій концертъ, дышавшій невыразимымъ избыткомъ свободы и мощи. Иногда одинъ изъ бѣлоснѣжныхъ красавцевъ, широко размахнувъ крылья, выдѣлялся изъ стада и, пролетѣвъ нѣсколько сажень надъ водою, опять тяжело опускался, окружая всю свою фигуру фонтаномъ брызговъ.

Вотъ голоса призатихли, потомъ зазвучали еще сильнѣе со всѣхъ краевъ озера: лебеди перекликались, и вдругъ, словно стоворившись, всѣ поплыли къ тому мѣсту, гдѣ скрывался Ключковъ, мало по малу сгущаясь въ одно стадо. Кровь застыла въ жилахъ Ключкова, голова горѣла, руки дрожали... Подплывъ сажень на 40 къ берегу, лебеди опять беззаботно разметались по озеру. Медлить было нечего, рѣшительная минута наступила: глухо прокатился выстрѣлъ по окрестности, дико закричали лебеди, размахнули крыльями, вытянули шеи и поднялись, много-множество утокъ, голоса на разные лады, взвилось и закружилось надъ водою; изъ узенькаго рукава вылетѣло пять-шесть гусей, и они заговорили по своему—словомъ, надъ озеромъ поднялась совершенная суматоха, возмущился, взбунтовался весь птичій міръ, все зашумѣло, заговорило по своему и полетѣло врозь... А на томъ мѣстѣ, гдѣ недавно полоскалось стадо бѣлоснѣжныхъ красавцевъ, вертѣлся и бился одинъ подстрѣленный лебедь, шумно поднимая вокругъ цѣлое облако брызговъ, безпрестанно разсѣкая своими могучими взмахами крыльевъ упругую поверхность воды, и жалобно звучали его предсмертные крики. Утки, мало по малу успокоивавшіяся, покрывали озеро, но не смѣли садиться близъ сраженнаго богатыря; товарищи

его, сдѣлавъ два огромные круга надъ озеромъ , потянули къ югу и пропали за дождемъ и туманомъ.

Но добыча-то была еще невѣрная и быстро отдалялась отъ берега.

— Стрѣлай, хозяинъ! — сказалъ Клочковъ Матвѣю, который между тѣмъ подошелъ къ нему:—смотри, вѣдь онъ уйдетъ...

— Да что стрѣлять-то, отвѣчалъ тотъ, недовольнымъ голосомъ,—лебедь-то ужъ изъ выстрѣла вонъ.

— Ничего, еще можно, стрѣлай, говорятъ!—закричалъ Клочковъ, начиная сердиться,—или давай мнѣ ружье... Фуи, какой нюня, два часа продумаетъ!

Матвѣй неохотно прицѣлился.

— Ну же! да выстрѣлишь ли ты наконецъ, мокрая курица?

Матвѣй спустилъ курокъ, но выстрѣла не послѣдовало: оказалось, что замокшій пистонъ потерялъ свою силу, а лебедь и въ самомъ дѣлѣ вышелъ изъ выстрѣла вонъ.

— О, чучело воронье! кричалъ Клочковъ, окончательно взбѣшонный,—и это охотникъ! мамля, ружья не осмотритъ во время! Надѣвай же новый пистонъ!

Всѣ эти слова были ножъ вострый для Мѣшалкина, который любилъ на охотѣ быть головой и сильно досадовалъ , что добыча досталась на долю не ему, старому охотнику, а начинающему Клочкову.

— Не буду я стрѣлять: что пусто заряды терять, лебедь-то ужъ изъ выстрѣла вонъ,—сказалъ онъ,—вотъ опять дождь зарядилъ. Гдѣ это Федюшка запропастился? домой бы пора!

Злость душила Клочкова при видѣ упущеннаго лебедя; слезы готовы были хлеснуть изъ глазъ; онъ не зналъ что дѣлать, хотѣлъ заряжать ружье и, видѣсто пороху, сталъ сыпать дробь.

Варугъ прогремѣлъ выстрѣлъ; оба поссорившіеся охотника вздрогнули и глянули на озеро: лебедь рванулся изъ воды, но опять тяжело опустился и поплылъ медленно-медленно, уже мертвый. Это выстрѣлялъ Федя съ своего берега; внимательно слѣдилъ онъ за лебедями и давно уже его брало нетерпѣливое желаніе выстрѣлить; лучшаго времени дожидаться было трудно, и, не помня себя отъ удушавшаго волненія, онъ опустилъ курокъ, хотѣлъ посмотреть на озеро, но почувствовалъ нестерпимую боль въ щекѣ: ружье, нѣсколько лѣтъ нечищенное и снабженное слишкомъ большимъ зарядомъ, немилосердно сдало. Глаза у Феди помутились, и онъ упалъ на мокрую щетинистую осо-

гу. Когда онъ открылъ глаза, передъ нимъ стояли Матвѣй и Ключковъ; голова его была вся смочена водой, а щека вспухнула и горѣла. Въ сторонѣ лежалъ прекрасный лебедь съ кровью на бѣлыхъ перьяхъ. «Лебедь, лебедь!» были первыя слова Федя. «Молодецъ Федюха!» весело сказалъ Мѣшалкинъ, «знатно выпалилъ! Изъ тебя будетъ прокъ!» — «А что щека?» спросилъ Ключковъ. — «Что щека? пустое дѣло!» продолжалъ Матвѣй; «до свадьбы заживетъ! Вставай же, Федя, вставай, да пойдемъ: долой пора!»

II.

Рябиновскъ—ничтожный городокъ одной изъ сѣверныхъ губершій, основанный Богъ вѣдаетъ по какимъ соображеніямъ, а вѣрнѣе—безъ всякихъ соображеній, такъ себѣ, для увеличенія числа городовъ, во времена Екатерины II-й; онъ стоитъ при маленькой рѣчонкѣ, черезъ которую лѣтомъ курицы перебродятъ, въ сторонѣ отъ всякихъ торговыхъ дорогъ; по внѣшнему виду отъ большой деревни отличается площадью, на которой стоитъ миньютюрный соборъ, съ каменнымъ зданіемъ присутственныхъ мѣстъ да довольно жалкимъ публичнымъ садомъ. Мѣстные условія не даютъ никакихъ средствъ для развитія въ средѣ обывателей какой бы то ни было промышленности и торговли, а потому городское общество бѣдно и преимущественно занимается, кормится земледѣіемъ, скотоводствомъ да отчасти извозомъ. Встарину обыватели владѣли землей на правахъ общинной поземельной собственности; но высшее начальство нашло полезнымъ, для увеличенія городскихъ доходовъ, отобрать эту общинную поземельную собственность, около 2000 десятинъ пожень, въ городское владѣніе, и распорядилось, чтобы отобранныя земли отдавались въ аренду обывателямъ съ торговъ. Погоревали, погоревали, а, можетъ, быть и поплакали бѣдные хлѣбопашцы по землицѣ, или расчищенной и воздѣланной, принявшей въ себя много кроваваго пота; но дѣлать было нечего, съ начальствомъ не спорять! Отдаваемыя съ торговъ земли, безъ ограниченія поземельной ренты, стали непрерывно подниматься въ цѣнѣ, и лучшія, мало по малу, переходили въ руки богатѣйшихъ изъ обывателей; а бѣдняки, едва успѣвая воспользоваться *оборомъ*, лопали и увеличивали собою число бродягъ и нищихъ. Арендная плата увеличивалась; городскіе доходы возвышались и

шли на воздвиженіе фонарей, будокъ, садовъ и пр. Губернское начальство хвасталось усердіемъ къ соблюденію экономіи въ городскомъ хозяйствѣ; страдали только безотвѣтные бѣдняки... но отчего сборъ податей идетъ туго и недомки за рябиновцамі растутъ съ года на годъ? Отчего уменьшается число торговыхъ свидѣтельствъ, выдаваемыхъ ратушей? Отчего приходское училище стоитъ другой годъ безъ учителя? Отчего больница развалилась и осенній дождикъ, проникая сквозь заплеснѣвшую крышу, льется ручьемъ на койки больныхъ?

Но обратимся къ нашему разсказу. Приближались торги; шестилѣтній періодъ аренды оканчивался. Еще за нѣсколько мѣсяцевъ предъ торгами весь рябиновскій людъ, т. е. пять-шесть купцовъ 3-й гильдіи да человекъ 200 мѣщанъ, былъ вполне увлеченъ предстоявшимъ важнымъ событіемъ. Только и толковъ было, что о торгахъ.

— Что, Матвѣй Алексѣичъ, я чай, на Починокъ бить будешь?— спрашивалъ, безпрестанно завкаясь, бородачій рыжій мѣщанинъ Шиловъ, изъ богатѣйшихъ въ обществѣ, сосѣда Мѣшалкина, который, по обыкновенію, на закатѣ солнца вышелъ за ворота своего небольшого домика, потонувшего въ зелени рябинъ и березъ.

— А какъ же ты думалъ?—мрачно и неохотно отвѣчалъ Матвѣй, глядя куда-то въ сторону. — Поди ты отступишься отъ Шогорѣлки! Каждому, братецъ ты мой, дорога земляца, которую обрабатывалъ своими руками, поди-ка, лѣтъ двѣнадцать сряду!

— Такъ-то, такъ, сосѣдушка, да какъ цѣны-то цѣны будутъ?

— Промететъ какъ-нибудь. Всякаго человека Богъ поправитъ!

— Вишь, голова, всякому земля надо, всякій торговаться лѣзетъ. Вонъ у криваго Корчага и лошадики-то нѣтъ, а тоже, суконное рыло, норогтится землю брать, слышь: на твой Починокъ глаза таращить.

— На Починокъ? Пропadaй онъ, окаянный—прости меня, Господи! Гольшигъ этакой! Да что бы онъ съ Починкомъ сдѣлалъ? Вѣдь одной пашни что! И я-то съ женой, съ семьей что нонись маяты приняла, а безъ найму не обойтись! Только цѣну набьешь, кривой чортъ!

— Земля, говоритъ, очинно хороша... Я и говорю ему: «полно, Корчага, у Матвѣя-то, вѣдь, скотъ, а у тебя что? Земля навозъ нуженъ, съ навозомъ, значитъ, всякая хорошо родить». Да

то Корчага — плёвое дѣло! съ чимъ не тяжело барахтаться! что другой кто развѣ...

— Да ужь, голова, постоянь за себя: живые въ руки не да-
лись!

— Какъ не постоять, съездъ! Одно слово: земля хороша... подъ
руками, у самаго города, родить хорошо: любезное дѣло, зна-
тить! Мой участокъ и добѣръ бы, да очинно несподрученъ...
Юди, рублей тридцать не пожалѣешь, да не отступишься?...

— Сорока не пожалѣю, да не выдамъ въ чужія руки! Двѣ-
вадцать годовъ на этой землѣ потомъ и кровью трудился, —
заль, значить, разстаться; привыкъ больно, словно моя была
она вѣкъ-вѣчински! Коли на споръ пойдетъ, всю мошну выло-
жу, всё 40 дамъ!

Въ это время къ сосѣдямъ подошла еще собесѣдница, мѣщан-
ка Хлѣбосолиха, съ полными ведрами на плечѣ.

— Здравствуйте, Иванъ Федотычъ, здравствуйте, Матвѣй Алек-
сѣичъ. Что о торгахъ-то, голубчики, слыхать?— заговорила она,
опуская съ плеча ведра и подпирая морщинистое, плачевное ли-
цо кулакомъ, черствыиъ, какъ подошва.

— Здорово, Петровна, — покровительственно отвѣчалъ Шиловъ. —
А Богъ вѣсть что будетъ, тетка! Сказываютъ, что дороги бу-
дутъ земли. Намъ, бѣднякамъ, хошь и взадъ пятки, такъ впору!

— И что вымолвилъ, Иванъ Федотычъ: — ужь намъ ли съ ва-
ми равняться? вы безъ земли не будете. Охъ, вотъ наше-то го-
ремычное дѣло! удержимъ ли мы-то полѣновскія-то пожни!
Поди-ка, вѣдь ты, голубчикъ, о нихъ подумываешь, тебѣ сѣно-
косы-то нужны.

— Мнѣ зачѣмъ? нѣхота отвѣчалъ Шиловъ, — что развѣ Матвѣй?

— Матвѣю, братъ, нѣ по-что! ему и Починка за глаза будетъ!
отозвался Мѣшалкинъ.

— То-то, голубчики, ужь вы цѣны-то не набивайте... Дай-то
Господи, кабы да намъ удержатъ пожни: что безъ нихъ? житье
наше пропащее, да и полно!

— Не бойсь, косятка, всякаго человека Богъ поправитъ. Авось-
либо и будетъ твоё...

— Спасибо тебѣ на добромъ словѣ, Матвѣй Алексѣичъ. А
что, хочу и спросить тебя: правда, что дочку-то выдаешь?

— За кого выдавать?— нѣхота отвѣчалъ Матвѣй.

— Да за Расторопченка-то, бають, онъ беретъ... А важный
молодецъ!

— Нѣтъ, еще руки коротки! Голь! ни земли, ни кола, ни двора!—при этомъ Мѣшалкинъ плюнулъ сквозь зубы.

— Ой, сосѣд! свернулъ Шиловъ,—да богатые-то гдѣ? Всѣ мы голь; а погоди, дай срокъ, еще голѣ будемъ.

— Молода, вѣдь, еще она, братецъ, да взгляни только: чтó за краля—зальобуешься, не Расторопченкову рылу чета!

И Матвѣй съ видимымъ самодовольствіемъ посмотрѣлъ на дѣвушку, которая въ это время вышла, съ корзиной въ рукѣ, изъ воротъ. Дѣвушка точно была красива: стройная, плотная, съ легкой походкой, съ лицомъ нѣсколько смуглымъ, но дышавшимъ свѣжестью и здоровьемъ, съ черными плутоватыми глазенками и розовыми ямочками на щекахъ.

— Куда ты, Дуняшка?

— Бѣлье полоскать, въ пшеницынскій садъ, на прудъ, отвѣчала дѣвушка.

Вслѣдъ за тѣмъ бесѣда прекратилась. «Ну добро, прощай сосѣд!» сказалъ Шиловъ и пошолъ къ свосму двухъэтажному дому, квартирѣ городничаго, ворча про себя: «шалишь, Матвѣй, 40 рублей намъ ни почемъ, подымай выше! Спасибо, что сказалъ, значить, такъ и норовить будемъ! А и полѣновскія пожни кусокъ лакомый!»

Подобныя соображенія и толки взволновали однообразную жизнь рябиновскихъ мѣщанъ-пахарей; кто вздыхалъ, мечтая удержать за собой землю, къ которой привыкъ издавна; кто злодѣйски норовилъ утянуть въ свои руки чужой клочокъ, на чужую кучу глаза пучилъ; всѣ думали да гадали, что принесутъ градушце торги.

Мѣшалкинъ былъ мѣщанинъ изъ зажиточныхъ, а въ молодости жывалъ и очень богато, лошадей рублей по 200 держалъ, да рябиновская жизнь немного свихнула его, привила къ нему два художества: страсть поиграть съ дѣвками, къ неудержимой, хоть безплодной, злобѣ жены, дородной Евгеньи, — страсть, которая, впрочемъ, прошла съ молодостью,—да слабость до вина, подъ старость разрѣшившуюся запоемъ. Тщетно Евгенья пускала въ ходъ всевозможныя средства: и составъ какой-то богопротивный въ вино подливала, и травы разныя въ ладанку зашивши, клала подъ подушку, и вино-то заговаривала: слѣдствіемъ всего бывали только синяки подъ ея же глазами. Не пьетъ Матвѣй мѣсяць, не пьетъ другой, пожалуй, и полгода, да какъ выпилъ шкаликъ — и пошла писать! Трезвый, онъ бы-

валъ скроменъ, какъ мокрая курица, безпрестанно молился, на сонъ грядущій звучнымъ шопотомъ читалъ Четвыиномъ съ большимъ недочетомъ въ листахъ, а главное, былъ услуга-мужикъ и мастеръ на всякое дѣло, что испытывалъ всякій, кому приходилось обращаться къ нему за помощью. За то съ пьянымъ Матвѣемъ не сладить ни бранью, ни словомъ ласковымъ: лѣзетъ въ гору — да и конецъ! Откуда ни возьмись, подымается въ немъ мѣщанскій гоноръ: «я-ли, не я-ли свободный человекъ, членъ общеста, мѣщанинъ; у насъ, десять, домъ свой, земля на арендѣ! Насъ хоть сейчасъ въ *малые-пиди*—не хочу! Намъ-ста самъ чортъ не братъ!» Водилась за Мѣшалкиннымъ и третья страсть, которая сохранилась до гроба и служила могучимъ противоядіемъ губительному запою: мальчишкой ваялся онъ за ружье и на всю жизнь остался горячимъ охотникомъ.

Бывало, какъ запыетъ Матвѣй, его сожительница, пользуясь первой же минутой отрезвленія, старается спроводить его на охоту; такой маневръ легко удавался и прекращалъ припадокъ зноя.

Окрестности Рябиновска, богатая дичью всякаго рода, поддерживали его охотничьи наклонности, и никто въ городѣ не умѣлъ лучше его подслушать весною тетеревиный *токъ* и подпѣвать двухъ-трехъ *молляшиковъ*, обойти *заводы* и *озерны* — прытоны *лемковъ* и молодыхъ утокъ, подкараулить пролетнаго лебедя, выслѣдить по порошѣ матерого русака, *подчувывать* на тучела краснобровыхъ *косячей*, выманить въ ясную октябрьскую ночь къ привязанной собакѣ голоднаго волка, *начинать* изъ-подъ привычной собаки-дворняшки десятка три бѣлокъ на тулупчикъ *Федѣ* или *Дунѣ*—это было ужъ его дѣло. Кто хочетъ охотой воззаваться—зови Матвѣя: услужить на всѣ руки.

Семейство Мѣшалкина состояло, кромѣ дородной Евгеньи, изъ дочери да сына. Шеснадцатилѣтняя Дуня составляла предметъ особенной гордости дородной Евгеньи, которая хотѣла выдать свою *кляковку* не иначе, какъ за богатаго жениха, и пока составляла только прядь да ткать, а ко всякой черной работѣ и не приучала: «погулай-моль, ясочка моя, пока молода!» Съ сыномъ Мѣшалкина, *Федей*, читатель немного знакомъ; въ училищѣ шоль онъ отлично: смотритель и учителя не нахвалятся; отецъ было ужъ хотѣлъ взять его домой, за работу, изъ второго класса, да смотритель урезонилъ, жена тоже приступила: «оставь

да оставь, пусть кончить, *тестатъ* получить»—ну, и уломали: оставилъ, да еще съчь почаще просилъ, чтобы наука недаромъ прошла; а безъ розги ужь какая наука! Вздумалъ-было смотритель урезонивать, чтобы отдалъ Матвѣй сына въ гимназію въ губернской городъ, дескать, директору очень хочется, и Евгенья подлипала, да Матвѣй плюнулъ,—ни слова не сказалъ, только плюнулъ. И подлинно далось ученье Федѣ; а когда только онъ учился — шутъ его знаетъ; день-денской бѣгасть, носятъ по полямъ да лѣсамъ, по деревьямъ лазить, гнѣзда птичьи зорить да яблоки чужіе воруетъ—когда бы учиться? Только вечеромъ прикурнетъ съ книжкой у окна, помурлычить-себѣ да и правикъ! А въ училищѣ многихъ исправилъ; только дивятся подростки и сосѣди: что за мальчишка такой удался! Иногда Матвѣй бралъ Федю съ собою на охоту, давалъ ему старое маленькое ружьишко,—и далась Федѣ эта наука, какъ давались ему всѣ. Большой радостью считалъ онъ, когда отецъ кликнетъ: «Федюха, бери шапку, пойдемъ въ лѣсъ!» Особенно нравилось ему въ озеряхъ: что-то заманчивое для него было въ этомъ привольѣ, гдѣ не встрѣтишь человѣческаго образа, не услышишь человѣческаго голоса: особенное чувство подымало дѣтскую грудь; свѣжѣе казался пустынный воздухъ; привѣтливѣе, ярче грѣло солнце; дѣтскія силы обновлялись и укрѣплялись и таинственный шумъ осоки навѣвалъ невыразимо-сладкіе сны... Послѣ удачи на охотѣ за лебедями Матвѣй особенно залюбилъ Федю, даже охотнѣе сталъ слушать совѣты, чтобы отдать мальчика въ гимназію. Вырастая среди такихъ впечатлѣній, слыша рассказы о вѣтряныхъ, о звѣздахъ, вырѣзываемыхъ изъ мѣсяца, упиваясь просторомъ поженъ и озеръ, Федя мало помышлялъ о гимназіи, но тысячи вопросовъ возникали въ его неспокойномъ умѣ и юная, свѣжая душа уже не удовлетворялась средой, въ которую онъ былъ поставленъ; въ ней жило и расло безсознательное желаніе подняться выше этой среды, подышать инымъ воздухомъ, пожить иначе, нежели живутъ другіе: свѣта, свѣта духовнаго хотѣлось ему!...

Противъ небольшого домика Мѣшалкиныхъ стояли развалины двухъ-этажнаго дома, давно оставленнаго хозяевами, а за ними раскинулся, такъ-называемый, пшеницынскій садъ; сада-то въ то время собственно не существовало, но признаки его сохранились, принявъ грустный оттѣнокъ запустѣнія и разрушенія. Въ срединѣ виднѣлся полузавалившійся прудъ съ островомъ и упав-

мѣтъ мостикомъ; на островѣ покачивалась старая-старая осина, а вокруг пруда раскинулись кое-гдѣ кустики маргаритокъ, во-лосора, венериной колесницы... дорожки заросли травой; высоко воднялись старыя березы, ивы и рябины, сверху до низу усыпанныя красными кистями ягодъ; грачи и вороны оклѣвывали плоды торчащихъ кое-гдѣ сибирскихъ яблоней, да свирѣтели шумной стаей со свистомъ проносились надъ садомъ и вдругъ облѣпляли макушки рябинъ, поднимъ свои дымчатые хохлы. Забытый садъ посѣщался только сосѣдними дѣвушками, которые приходили на прудъ полоскать бѣлье. Становилось поздно, а Дуня все еще полоскала бѣлье въ пшеницынской саду; ужъ давно Матвѣй, окончивъ свое стояніе за воротами, сѣлъ за Четьи-миневъ; Федя прикурнулъ съ географіей у окошка; Евгенья ушла корову доить; постоялецъ вернулся изъ гостей отъ сосѣда; Дуни нѣтъ, какъ нѣтъ... Выполоскала она свое бѣлье, сѣла на траву и затинула про-себя какую-то заунывную пѣсенку, словно поджидая кого-то. Осень придала еще болѣе печальный видъ запустѣлому саду: деревья обнажились, желтые листья усылали полузавядшую траву; немилосердо кричали грачи, сбились къ отлету. Наступала холодная, мѣсячная ночь безъ вѣтра; нахло сыростью и плѣсенью; кусты ивняка, густо обросшіе окраины острова, стояли неподвижно, словно замерли, окоченѣли; только старая осина мотала и рѣзко шабаршила своимъ крѣпкимъ листомъ, будто жаловалась на осень.

— Дуня, а Дуня! — послышался мужской голосъ за заборомъ и вслѣдъ затѣмъ выглянуло красивое лицо молодого парня.

— Экъ испугалъ! — отозвался Дуня, хотя испугъ этотъ былъ для нея неновость. — Куда лѣзешь-то? еще увидятъ, пожалуй.

— Не увидятъ, лапушка ты разлапушка моя! Что твой аспидъ-то — все, я чай, щетинится на меня?

— Ну, ну, ладно, держи языкъ-то покрѣпче! не слѣдъ нѣ слушать, какъ отца бранять.

— Погоди, будетъ и на нашей улицѣ праздникъ: вотъ торги придутъ и на нашу долю земляца достанется, да еще какую выберешь — всему міру на удивленье. Знай нашихъ!

— Ну...

— Ну тогда честнымъ пиркомъ, да за свадебку! Тогда не скажутъ: голь Росторопченка, поклонится мнѣ и аспидъ твой, чтобъ ему...

— Да замолчишь ли ты, окаянный ругатель?

— Не буду, не буду, провалиться на мѣстѣ—не буду... Вѣдь зло беретъ.— Эхъ, думаешь, безталанная доля, майся цѣлый вѣкъ безъ радости; всякъ тебѣ въ глаза пальцемъ тычетъ: голь да голь. Дайте срокъ, проживемъ не хуже другихъ, только бы торги поскорѣе пришли.— Оборванцемъ хожу, ни вина, ни пива полгода въ ротъ не биралъ, всякую копѣйку въ скопъ да въ скопъ...

— Ну...

— Ну, теперь и есть на что землю взять, авось дѣло на ладъ пойдетъ... Ладно, что ли?

— Ладно-то, ладно, да что-то сердце болитъ, не вѣрится что-то, — отвѣчала Дуня, вставая и принимаясь собирать бѣлье въ корзину.

— Помочь, что ли?— окликнулъ парень и мигомъ перескочилъ черезъ заборъ, не дождавшись отвѣта, или принявъ молчаніе за знакъ согласія.

III.

Въ началѣ декабря были большія хлопоты въ рябиновскомъ уѣздномъ училищѣ, занимавшемъ на концѣ города низменный домъ въ пять оконъ, выкрашенный сѣренькимъ составомъ, съ приличной вывѣской. Полы, полинялые отъ времени, были тщательно вымыты, скамейки и столы починены, стекла въ окнахъ протерты, а разбитыя перемѣнены; большіе портреты, украшавшіе каждую комнату, въ тусклыхъ золотыхъ рамахъ были вытерты деревяннымъ масломъ и доснились; въ комнатахъ пахло какимъ-то благовоніемъ; даже глухой старикъ-сторожъ, отставной солдатъ, двадцать лѣтъ служащій аргусомъ храма наукъ за рублевое жалованье (хотя въ отчетахъ оно числилось трехрублевымъ), — и тотъ подвергся дистиллировкѣ—вытрезвился, започинилъ свой сюртукъ, пригладилъ голову и навѣсилъ на грудь рядъ вычищенныхъ мѣломъ медалей. Вся эта дистиллировка была произведена въ ожиданіи директора училищъ и его ревизіи. Въ одно утро собравшіеся ученики перешоптывались о чемъ-то, полные страха и трепета; число ихъ значительно уменьшилось противъ обыкновеннаго, потому что всѣмъ, не имѣющимъ сапогъ и чистаго платья, приходило было не приказано, дабы не возмущать взоровъ г. директора. Въ девять часовъ въ училище явился весь соннъ рябиновскихъ просвѣтителей: впереди штатный смотритель, высокій, неуклюжій изукрашенный множествомъ шад-

ръ и бородавокъ; за нимъ его любимецъ—учитель русскаго языка, худенькій господинъ, такъ и разсыпавшійся передъ своимъ начальникомъ мелкимъ бѣсомъ; потомъ законоучитель—священникъ, учитель ариметики и геометріи, поражавшій золтыиъ цвѣтомъ лица, фосфорическимъ блескомъ глазъ и неяршею костюма; помѣшанный на деньгахъ, онъ отказывалъ себѣ во всемъ, жилъ грязно въ вонючей канурѣ, на антоньевской улицѣ, и чахъ отъ какой-то подозрительной болѣзни. Шестіе заключалъ учитель исторіи и географіи, общій любимецъ учениковъ—и не даромъ: уже почтенный человекъ, двадцать лѣтъ несшій бремя уѣзднаго учительства съ полнымъ трудолюбіемъ, полною добросовѣстностью, типъ человека, нѣкогда кипѣвшаго каждою знаніемъ, добра и широкой дѣятельности, но покоробленнаго, побитаго судьбою. Не хотѣлось ему заикнуться въ Рябиновѣ, боялся онъ противъ доли и для себя и ради общаго блага. Рѣдко лая съ рутинными убѣжденіями и не всегда чистыми глазами своихъ начальниковъ и товарищей, онъ прослылъ за человека безпокойнаго, чуть-было не сгибъ ни за денежку; судьба цагнула непокорнаго: надо было смириться, и онъ смирился, зашнуровался въ кругу своихъ учениковъ, своихъ дѣтей, развивая въ нихъ стремленіе къ познаніямъ и къ добру, удовлетворяя и направляя всѣ побѣги юныхъ умовъ, вспышки чистыхъ сердець, и любили Алексѣя Иваныча его дѣти, и довѣряли ему все, что заводилось въ тайникѣ дѣтскихъ думъ, и выросли, поднимались, питаясь духовной пищей отъ его тороватой руки. Любимецъ у него не было; всѣхъ дѣтей своихъ пожилой холостякъ, не жившій въ городѣ ни родныхъ, ни знакомыхъ, любилъ равно, никому не отказывалъ въ своей помощи; но, естественно, то особенное вниманіе его сосредоточивалось на тѣхъ, кто былъ воспріимчивѣе, на кого больше падали его надежды; Они были въ числѣ первыхъ изъ нихъ.

Для дополненія картины должно прибавить, что весь училищный штатъ былъ въ мундирахъ и съ минуты на минуту ждалъ пріѣзда г. директора. Въ квартирѣ смотрителя приготовлялась закуска: подслащенные наливки и только что принесенныя изъ погребка вина, строемъ стояли въ кабинетѣ; къ вечеру были приготовлены ломберные столы, стеариновые свѣчи, мѣлки и карты, потому что его высокородіе любилъ позабавиться въ бостончикъ по $\frac{1}{4}$ копѣчки. Едва смотритель выговорилъ, сильно напирая на ъ: «Что же, отецъ Іоаннъ, начнемте, кото-

рые похуже — спросите нока, а сливки-то оставимъ для г. директора... ха-хо-хо!» и вслѣдъ затѣмъ вызвалъ двухъ мальчиковъ, не принадлежащихъ къ составу сливокъ, какъ въ ворота въѣхала крытая повозка и остановилась не у квартиры смотрителя, а прямо у самаго училища. Директоръ вздумалъ явиться въ училище врасплохъ, какъ снѣгъ на голову. Это чрезвычайно занимало сѣдовласаго начальника, отслуживающаго прибавочныя пять лѣтъ и дожившаго до самой наивной старости. Штатный смотритель, размахивая треугольною шляпою, выскокилъ встрѣчать г. директора, держа въ правой рукѣ рапортъ.

— Вотъ я и къ вамъ, любезнѣйшій Павелъ Михайлычъ, — загнулъ въ носъ сѣдовласый директоръ, утонувшій въ грудѣ подушекъ, — да и не одинъ: дочь привезъ. Ужъ позвольте ее отправить къ вашей Лизаветѣ Михайловнѣ; захотѣлось прокатиться со мною, старикомъ.

Въ самомъ дѣлѣ рядомъ съ нимъ возсѣдала тощая, старая дѣва, въ букляхъ и съ кривымъ ртомъ.

— Милости просимъ, Александръ Васильчъ, милости просимъ, сударыня, очень рады! только ужъ не взыщите на насъ, уѣздныхъ медвѣдяхъ, не поскучайте, — заговорилъ Павелъ Михайлычъ, стараясь измѣнить свой обыкновенный, такъ сказать, домашній, будничный выговоръ на о, на праздничный, по возможности лоя на а, и подъ руки высадилъ ученаго патріарха. Старую дѣву онъ почтительно препроводилъ на попеченіе своей супруги, удивительно гармонировавшей съ нимъ и въ неуклюжествѣ, и количествомъ бородавокъ на физиономіи.

— А, здравствуйте, господа, — сказалъ Александръ Васильчъ, входя въ училище. Это былъ сѣдой старикъ, въ синемъ форменномъ фракѣ, со станиславомъ на шеѣ, въ золотыхъ очкахъ; онъ держалъ голову какъ-то вверхъ, торчкомъ, безпрестанно прикрывалъ глаза сверху ладонью, говорилъ съ отгѣнкомъ малороссійскаго акцента и слылъ за добраго, но взбалмошнаго и недалежнаго человѣка.

— А, очень радъ васъ видѣть, — продолжалъ онъ, обращаясь съ рѣчью къ учителямъ, — здоровыми и бодрствующими на мѣстѣ служенія, по примѣру вашего почтеннаго начальника.

Старику особенно нравилось, что онъ наполъ весь штатъ уже въ мундирахъ и, кончивъ рѣчь, онъ прослезился и принялъ въ объятія почтеннѣйшаго Павла Михайловича.

— А, здравствуйте, дѣти, — опять началъ онъ трогательнымъ голосомъ, — ваши наставники да будутъ вамъ примѣромъ исправности. Старайтесь подражать имъ, и вы будете счастливы, ибо счастье человѣка состоитъ... состоитъ въ исполненіи обязанностей... которыя самъ Богъ наложилъ на кого... «ему же убо урокъ—урокъ, ему же убо дань—дань!»

Г. директоръ былъ человѣкъ добрый, говорить рѣчи—было его страсть. Дѣти ничего не понимали, но, видя трогательность рѣчи г. директора съ начальствомъ училища, ободрились и забыли свой страхъ; ободрился и смотритель, и учителя, хорошо знавшіе, что у Александра Васильича все зависитъ отъ перваго впечатлѣнія. Впрочемъ, у смотрителя былъ приготовленъ порядочный запасецъ соленыхъ грибовъ, рыжичковъ, вареній разныхъ сортовъ, дичи и наливокъ для отпора бѣды, на всякій случай. Осмотрѣвъ мальчиковъ, нѣкоторыхъ погладивъ по головѣ или потрепавъ по щекѣ, Александръ Васильичъ съ удовольствіемъ обратился къ смотрителю: «Одѣты всѣ опрятно... причесаны... подстрижены... очень хорошо... прекрасно... опрятность показываетъ хорошую нравственность, — а нравственность выше всего. Прекрасно: я очень доволенъ!»

Затѣмъ послѣдовалъ экзаменъ, которымъ Александръ Васильичъ остался вполнѣ доволенъ. Въ заключеніе вызвали лучшихъ учениковъ: Мѣшалкина, Хлѣбосолова и Шилова. Смотритель обратился къ директору съ такою рѣчью, стараясь поддѣлаться подъ тонъ его:

— Это лучшіе ученики наши, сливки, такъ сказать, Александръ Васильичъ; прекрасно занимались по всѣмъ предметамъ. Отъ природы одарены знатными способностями, и сѣмя науки пало не на каменистую почву.

— А, братцы, очень радъ. Ты чей сынъ?

— Мѣшанинъ, — бойко отвѣчалъ Федя.

— Всѣ три мѣшанскіе, — вмѣшался Павелъ Михайловичъ.

— Вамъ, братцы, въ гимназію надо... Ты хочешь учиться, Мѣшалкинъ?

— Хочу.

— Молодецъ! Зачѣмъ же ты, любезный, хочешь учиться?

— Чтобы все знать

— Молодецъ. Онъ очень бойкій мальчикъ; его надо непременно къ намъ, въ гимназію, да и всѣхъ трехъ.

— Я говорилъ объ этомъ отцамъ ихъ, да не слушаются. Знаете, Александръ Васильичъ, этотъ народъ еще недобѣрчиво смотритъ на образованіе. Чуть мальчишка моло-мальски грамотѣ навострился, да началъ кое-какъ буквы лѣпить — и полно, больше они ничего не желаютъ.

— Да ихъ надо убѣдить, растолковать, что образованіе, такъ — сказать, нѣкоторымъ образомъ возвышаетъ человѣка... и мѣщанина дѣлаетъ равнымъ дворянину. Ну, да тамъ, я объясню имъ. Вы, любезные, позовите-ка ко мнѣ своихъ отцовъ, хоть сегодня вечеромъ.

Вечеромъ отцы собрались къ Александру Васильичу. Относительно Мѣшалкина краснорѣчіе Александру Васильичу оказалось излишнимъ, потому что едва онъ изъявилъ желаніе взять Федю въ гимназію и только что началъ свою рѣчь «образованіе — это такъ сказать, нѣкоторымъ образомъ... какъ Матвѣй перебилъ его:

— Отчегоже-съ, ваше высокоблагородіе, можно и въ гимназію, только вѣдь у насъ средствій-то нѣтъ, мы люди бѣдные...

— А это, братецъ, не твоя забота: мы поможемъ. А сынъ твой — мальчикъ хорошій и далеко пойдетъ.

Труднѣе было справиться съ рыжымъ Шоловымъ, который упорно отстаивалъ свое убѣжденіе, что-де учиться сыну будетъ, пора дѣломъ заняться; и онъ изъявилъ согласіе, вовсе не убѣдившись краснорѣчіемъ Александра Васильича, а просто, чтобы отвязаться да не осрамиться передъ выскочкой Мѣшалкинымъ. Что же касается оборванца Хлѣбосолова, онъ, не пускаясь въ длинныя возраженія, на всѣ разглагольствованія директора отвѣчалъ коротко и ясно, каждый разъ отвѣщая по глубокому поклону: «Нѣтъ-съ, ваше высокоблагородіе, нельзя-съ, никакъ нельзя-съ» — и выстоялъ на своемъ.

По отъѣздѣ начальника смотритель позвалъ къ себѣ Матвѣя и сказалъ, что Федѣ надо-бы поступить не въ первый, а въ третій классъ гимназіи, еслибы онъ приготовился дома читать по-французски и по-нѣмецки. «Позови, братецъ ты мой, заключилъ онъ будничнымъ языкомъ, т. е. напирая на ó, Ивана Антоныча Бухавецкаго. Хоть Бухавецкій и пьяница, а все читать по французскому и по-нѣмецкому научить, да не дорого и возьметъ!»

— Ладно, ваше высокоблагородіе, отвѣчалъ Мѣшалкинъ, — я побываю у Ивана Антоныча. Покорно васъ благодаримъ.

— А ты, молодецъ, старайся, — обратился Павелъ Михайловичъ

гь бедѣ; — выучился въ училищѣ, такъ не думай, что ужъ и не знаешь; ты еще, братецъ, не Гречь, не Булгаринъ какой нибудь, тебѣ еще надо поучиться; поучишься, такъ и будешь кловѣкъ.

Бедя внимательно выслушалъ слова Павла Михайловича, хотя иногда не думалъ, что ему ужъ ненадо больше учиться; а о Гречѣ да Булгаринѣ и понятія не имѣлъ. До поступленія въ гимназію оставалось около полгода: надо было и погулять, и повторить училищный курсъ, и по-французски да по-нѣмецки мяться съ Бухавецкимъ, подряженнымъ за 50 коп. сер.

IV.

Настали и торги. Въ одинъ январскій день, несмотря на трескутій морозъ и разгулявшуюся вьюгу, часовъ съ 9 утра, грязная ратуша кишмя закищѣла народомъ: мѣщанство толпами брело за кормилицей — землицей, безъ которой оно хоть съ голоду умирай; не только ратуша, такъ и улица то противъ нея захлебнулась толпами народа. Рябиновскъ всегда отличался обиліемъ вольныхъ ямщиковъ, но въ это время вы ни за какія деньги не нашли бы ни одного мѣщанина, который согласился бы вась вести. Толпа шумѣла и волновалась, пока не открылись торги; тутъ все замолкло, обратилось въ слухъ, зрѣніе и соображеніе...

... — № 6 полѣновскія пожни! — объявилъ, обливаясь потомъ, жирный секретарь, — опѣнены въ 8 рублей. Кто болѣе?

— Р-р-рубль! — вызвался звонкій, завкавшійся голосъ знакомаго намъ Шилова, который явился на торгахъ чѣмъ-то въ родѣ рябиновскаго Кокорева и набивалъ пѣны на злу-голову.

— Пятачокъ! — спокойно вымолвилъ старый владѣлецъ пожень, оборваный, щедушный мужъ хлѣбосолихи, знакомой читателю.

— Р-р-рубль, — продолжалъ Шиловъ.

— Пятачокъ.

— Три рубля.

— Пятачокъ, — уже не такъ спокойно отвѣчалъ бѣдняга.

— Три рубля.

— Пятачокъ, — глухо и дребезжа прозвучалъ голосъ бѣдняги.

— Пять рублей.

— Пятачокъ.

— Десять рублей.

— Пятачекъ. — Бѣднякъ видимо горячился, задышался отъ волненія и дрожалъ, какъ листъ.

— Пятнадцать рублей, — еще громче крикнуть неотступный заякъ.

Нѣсколько мгновений прошло въ совершенномъ молчаніи, которое опять прервалъ отчаянный, дребезжавшій голосъ Хлѣбосолова: «Пятачокъ.»

Пожины остались за прежнимъ владѣльцемъ, но вѣсто прежнихъ 8 рублей, цѣна на нихъ поднялась до 38. Какъ вспомнилъ объ этомъ разгорячившійся бѣднякъ, увлеченный споромъ за свою землю, къ которой привыкъ, словно къ собственной, подстрекаемый сознаниемъ, что безъ нея пропадать ему съ голоду да съ холоду, въ жаръ бросило бѣднягу, мурашки пробѣжали по кожѣ, голова кругомъ пошла, слезы выжимались изъ глазъ и, шатаясь, побрелъ онъ въ свою кривобокою избенку съ волоковыми окнами, на самый край города...

Таковъ-то былъ характеръ рябиновскихъ торговъ, съ волненіемъ и надеждами ожидаемыхъ обывателями. Цѣны поднимались то втрое, то впятеро, а то и вдесятеро... «Охъ, плохія времена пришли, тосковали горемыки. Что-то изъ этого всего будетъ.»

— А что будетъ? Пойдемъ всѣ съ сумами по міру, христарничать пойдемъ да и шабашъ!

— Что бьетесь-то, — бранились съ мужьями крикливыя мѣщанки, — ломать не въ моготу, изъ кожи лѣзуть! Что пусто за этукую цѣну и землю брать!

Вся эта кутерьма продолжалась дней десять. Когда торги кончились, землю порасхватили, все затихло; всякій дома раскидывалъ умомъ-разумомъ, что будетъ впереди. Но ни въ комъ не возбуждали торги такой злобы, какъ въ Мѣшалкинѣ, и такого горькаго чувства обманутаго ожиданія, разбитой мечты, какъ въ Расторопченкѣ, сперва съ волненіемъ, а потомъ съ мрачнымъ отчаяніемъ наблюдавшаго за ходомъ ихъ. Шоловъ набивалъ цѣны, забиралъ лучшія земли; кто побогаче, тѣ не уступали ему, и Расторопченку нѣсколько разъ хотѣлось захватъ въ рождество заякъ.

Мѣшалкинъ каждый день усердно посѣщалъ торги и угрюмо прислушивался, какъ бились рябиновцы; иногда проговаривая про-себя: «Ахъ, анаемы, прости Господи, вишь какъ дуютъ

съ дуру-то! Эхъ куда махнулъ, дураково поле! Ну, влопался, глубчикъ!» и т. под. До Починка дѣло дошло только въ десятый, т. е. послѣдній день.

Поздно возвращался Матвѣй, сопровождаемый другимъ соседомъ своимъ и подъ часъ загадочнымъ пріятелемъ, мелочнымъ торговцомъ Плясуновымъ, сѣдымъ крѣпышомъ, горькимъ пьяницей. Оба были зѣло подгулявши, и потому шли попріятельски: они любили пьянствовать заедно, съ тою разницею, что Матвѣй запивалъ на время, періодически, съ какого нибудь пивнаго праздника въ городѣ или соседней деревнѣ, съ радости, съ горя, или хоть просто въ сердцахъ, а почтенный Плясуновъ готовъ былъ пить всегда, лишь бы на чужой счетъ, потому что молодая, не подъ лѣта, пожалуй, сѣдому пьянчугѣ жена его, Авдотья Ивановна, держала деньги подъ замкомъ и не баловала своего сожителя. Съ утра ранняго торчитъ она, бывало, вся разряженная пестро и нарядно, напомаженная гвоздичной помадой и гладко причесанная, словно прилизанная, красуется, какъ маковъ шитье, въ маленькой лавочкѣ подъ домою, да перебивается съ покупателями. И покупатели любили ходить въ лавку смазливой Плясунихи; хотя она, каждый день вынимаемая *пробочки* то изъ мѣшковъ съ мукой, то изъ фунтовиковъ съ чаемъ, слово отъ всякой провизіи, сплошь да рядомъ продавала $\frac{3}{4}$ за фунтъ, 30 фунтовъ за пудъ, — все таки покупатели любили ея лавочку, въ которой чего только и не было: и чай, и треска сушеная, и сахаръ, и деготь, и табакъ, и говядина, и орѣхи, и всякая всячина. И баловала она покупателей, особенно молодых: то орѣшками, то пряничками, то другимъ чѣмъ поподчуетъ. Только мужа держала въ ежовыхъ рукавицахъ. И по дѣломъ старому пьяницѣ. Поэтому-то и норовилъ Плясуновъ выжить на чужой счетъ. Чаше всего удавалось ему поживиться около сѣда Мѣшалкина. Роковые торги сильно задѣли заживое Матвѣя, ужъ около полгода отрезвившагося. Занка Шиловъ отбѣлъ завѣтный Починокъ и на долю Мѣшалкина достался какой-то жалкій влочокъ версты за восемь отъ города, да и то за большую цѣну.

— Подлая рожа, чтобъ тебѣ глаза лопнули, окаянному, чертова кула, занка проклятый, прости Господи! — злобно нахмурившись, ругалъ онъ соседа-лиходѣя.

— Какъ быть? подвернулся Плясуновъ. — Наплюй на него, Матвѣй

Алексѣичъ. Пойдемъ выпьемъ, что ли, завернемъ къ подгороднему!

Матвѣй промолчалъ, по завернулъ къ подгороднему и принялся за шкаликъ, бормоча про-себя: «свиная голова, срамъ, чтобъ тебѣ подавиться первымъ кускомъ, прости Господи!»

Шкаликъ за шкаликомъ—и пріатели порядкомъ накатились, и все, что осталось отъ занятыхъ у Семена-простоты денегъ, изъ кармана Мѣшалкина перешло въ кошню цѣловальника. Плясуновъ помогать на славу: его медвѣжьёю натуру не то, что свалить, и насытить не часто удавалось.

— «Ну, пойдёмъ, Ваня,—забурчалъ Матвѣй, подергивая плечами, пойдёмъ, что ли, ко мнѣ чай пить, а то за виномъ пошлёмъ! Слышь, идемъ! У меня, братъ, чего, не занимать стать, у меня всего много!.. Ужь попьёмъ! Подлецъ онъ, рыжій завка... да мнѣ — тѣфу!.. Ну, пойдёмъ же, старый чортъ, что ли?» —

— Ладно, ладно, пойдёмъ, отчего чайку не выпить? и за виномъ послать можно. «Ну поцалуй же меня, Ваня, вѣдь я, братъ, старикъ-то — у-у-у! молодого за поясъ заткну! У-у-ухъ ты!

Сто-ро-на-ль моя, сторонка,
Не-зна-ко-мая мо-я!
Нѣтъ ни мати, ни отца,
Да ни сердечнаго дружка!

«Ухъ—ты!»

— Славно, славно, сосѣдъ. Не пѣсня дорога, а замычка хороша! Ха-ха-ха!..

— Охъ, братъ Ваня, вѣдь я что еще—одно слово—молодца кусокъ! Вотъ жена-то, братъ, такъ ужь не того... подгуляла. Кабы да мнѣ твою Дуняшку—двадцать лѣтъ съ костей, право-слово двадцать лѣтъ! Хе-хе-хе! не бойсь лакомый кусочекъ! Моя Авдотья, сосѣдъ любезный, хоть кого еще разбутѣ-шить!

Съ такими разговорами подошли они къ мѣшалкинскому домику, когда уже совсѣмъ стемнѣло, а январскій морозъ потрескивалъ по домамъ и опушилъ серебромъ своимъ ихъ бороды.

Какъ Матвѣй вошелъ въ заднюю горницу съ огромной печью, узенькими лавками и расширокими полками, освѣщенную трескучей лучиной, такъ Евгенья и увидѣла, по подергиванью его плечъ, что дѣло не такъ-то ладно; а какъ закричалъ во всю ивановскую:

«мо давай, жена, слышь, чаю, шкура барабанная!» и вслѣдъ за нимъ ввалился, сопя и пыхтя, пріятель Плясуновъ, раскрасившійся, словно печонный ракъ,—такъ и всплеснула она руками, такъ и заголосила:

— Опять запилъ, безшабашная головушка! Люди плачутъ, что переходятъ горькіе дни, а онъ за пьянство принимается!

— Слышь, чаю давай, чертова перечница! Я тѣ мордасы-то сконкаю!

— Да гдѣ чай-то? Кто тебѣ его приготовилъ? Хоть бы шапку-то снялъ да рожу-то перекрестилъ... Не бойсь, Починка-то не могъ удержать...

— Я те дамъ Починокъ, стерво-ты этакое! закричалъ, задѣтый заживое, Матвѣй.—Наплевать мнѣ на Починокъ! тѣфу! Слышь, чаю подавай, пока зубы цѣлы!

— Эй, Евгенья Михайловна, наплюнь на Починокъ... зашамаль-было Плясуновъ, да Евгенья перебила его:

— Ты-то, беззубый чортъ, все такъ; ты всему дѣлу зачинь-голова... Охъ, безталанная моя головушка! Охъ, я сиротинка горемычная! Всѣ-то что ни на есть напасти, на меня! Обездомилъ меня, окоянный пьяница, совсѣмъ обездомилъ!»

— Я тебѣ говорю—чаю! закричалъ окончательно взбѣшонный Матвѣй, подступая къ женѣ съ кулаками.

— Да сейчасъ, сейчасъ! Что это за жизнь моя несчастная, двадцать лѣтъ безъ отдыха маюсь отъ *саманала* эндакого! отозвалась Евгенья, утирая фартукомъ слезы, и, хлопнувъ дверью, пошла ставить самоваръ.

Скоро пузатый самоваръ зашипѣлъ въ комнатѣ; чашки начали выливаться и выпиваться, но не успѣли пріятели насытиться китайской травкой, какъ поднялась у нихъ ссора:

— Живу, слава Богу, сосѣдушка, припѣваючи, хрипѣлъ Плясуновъ:—пуще всего, долгу нѣтъ.

— А у меня есть, что ли? вдругъ закричалъ Матвѣй.— Охъ ты старый хрѣнь, долгу нѣтъ! Развѣ у меня есть? Чтѣ корить-то! Ты давалъ денегъ-то, что ли? Я те дамъ долгу! Вонъ поволь, вонъ!...

— Полно, сосѣдъ, ты не того, экой, вѣдь, ты право...

— Чего тутъ полно! Вонъ, я говорю, чтобъ духу твоего не было, вонъ!

— Да полно ты, чухна!—заступилась Евгенья: баринъ-отъ, востоялецъ, услышитъ, осерчаетъ.

— Что мнѣ твой баринъ? Вонъ пошли, всѣ вонъ! и ты вонъ убирайся, одинъ хочу быть—и шабашъ! Я хозяинъ въ домѣ, все мое... Всѣ вонъ пошли!

Пуще расходился Матвѣй, чашки полетѣли по комнатѣ; «вонъ да вонъ», кричалъ онъ. Плясуновъ выскочилъ безъ шапки, жена и Федя убрались тоже по добру да по здорову.

Оставшись одинъ, Матвѣй оглядѣлся кругомъ: въ переднемъ углу висѣло пять - шесть большихъ иконъ въ мѣдныхъ ризахъ, надъ ними торчали засохшія вербы да березки, желтыя восковыя свѣчи — и наконецъ глиняная лампадка, на столѣ погасшій самоваръ, а у печки широкая кровать съ холщевымъ пологомъ. Осмотрѣвшись, Матвѣй заблагоразсудилъ перекреститься и потомъ завалился подъ пологъ; запѣлъ—было «Сторона ль моя, сторонка», но скоро захрапѣлъ изо всей мочи.

Въ тотъ же день, въ сумерки возвращавшійся съ торговъ Росторопченко встрѣтилъ Дуню, которая шла на рѣку съ ведрами на плечѣ.

— Что?—спросила она дрожавшимъ голосомъ.

— Пропадшее дѣло!—отвѣчалъ онъ, махнувъ рукою и хотѣлъ пройти мимо, но воротился. Прощай, Авдотья Матвѣвна, прощай, моя радость!

— Куда же ты? Богъ съ тобой.

— Куда?.. самъ не знаю куда, только не жите мнѣ здѣсь. Не судилъ мнѣ Господь счастья! Вотъ тебѣ и торги! думалъ землю возьму, домкомъ обзаведусь—говорять, карманъ тонокъ!

— Что разболтались-то? Эки удалые! Ай да Росторопченко! видно голь-то хитра на выдумки! А ты, Дуняшка, не дѣло затѣяла: отцу скажу,—раздѣлся заикавшійся голосъ Шилова, который тоже возвращался съ торговъ, надутый и самодовольный. Дуня, не вымолвивъ ни слова, скрылась съ ведрами, а у Росторопченка сердце такъ и перевернулось.

— Ты что, рыжій заика, ругаешься; ты у меня ухо остро держи, рыло разобью!»

— Ахъ ты, щенокъ бѣлогубый! подъ красную шапку, что ль захотѣлъ! Погоди, голова, уйдешь — не воротиться!

— Такъ нѣтъ же, не уйду, а и уйду, такъ памятенъ тебѣ останусь, чортово сѣмя, зелье ты проклятое! крикнулъ взбѣшонный Росторопченко, подступая къ заикѣ, и засвѣтилъ ему

такого раза, что тотъ, какъ пласть, растянулся на снѣжномъ ступѣ.

ГЛАВА V.

Прошло около полгода. Федя готовился къ отъѣзду въ гимназію. Последніе полтора мѣсяца, по окончаніи училищнаго курса, проходили для него въ суетахъ, словно какой-то болѣзненный сонъ. Надо было и распрощаться со всѣмъ, къ чему онъ такъ привыкъ съ дѣтства, и приготовиться къ предстоящему экзамену. Съ усердіемъ учился онъ языкамъ, рано утромъ бѣжалъ онъ къ Бухавецкому, потому что только въ это время можно было застать этого почтеннаго наставника трезвымъ, способнымъ къ занятіямъ, и принимался за старинный, истертый самоучитель. Бухавецкій—личность интересная, типъ, перѣдко встрѣчаемый въ нашихъ сѣверныхъ уѣздныхъ городкахъ. Во-первыхъ, онъ полякъ, дѣйствительный студентъ, служилъ гдѣ-то учителемъ новѣйшихъ языковъ и сносно объясняется по-французски и по-нѣмецки; во-вторыхъ, забравшихъ, во какой-то игрѣ случая, въ Рябиновскъ, онъ попалъ на самое скудное содержаніе; в-третьихъ, горькая пьяница. Благодаря этой несчастной слабости, Бухавецкій опустился до крайности и окончательно утратилъ не только слѣды образованія и порядочности, но даже свой человѣческій образъ; шапанье по кабакамъ сдѣлалось его исключительной пассіей. И гадко и грустно смотрѣть на этотъ остовъ человѣка, совершенно обезображеннаго: вѣчно въ одномъ и томъ же оригинальномъ костюмѣ, во всѣ времена года, въ истасканномъ, испещренномъ заплатами, демикатовомъ пальто, сѣрыхъ солдатскаго сукна панталонахъ, въ отопкахъ башмаковъ и теплой шапкѣ съ огромными наушниками, пьяный, небритый, пещытый, понюхивая табакъ изъ берестяной тавлинки, медленными, неровнымъ шагомъ ходитъ онъ съ одного конца города на другой, то есть отъ одного кабака до другаго, то одинъ, то съ кѣмъ-нибудь изъ своихъ пріятелей; не снимая шапки, cadaго прохожаго окликиваетъ. онъ своимъ хриплымъ голосомъ и непремѣнно на французскомъ діалектѣ: *c'est vous le vicig Богодѣповъ?* и т. п. Каждый пріѣзжій порядочный человекъ имѣетъ удовольствіе получить визитъ г-на Бухавецкаго; каждому навязываетъ онъ монотонную исторію своей жизни,

прикидываясь угнетенной невинностью, жертвой злой судьбы, и заключаетъ рѣчь такимъ образомъ: «Здѣсь, м. г., скажу между нами, народъ грубый, непросвѣщенный; здѣсь не могутъ меня понять и оцѣнить, не хотятъ помочь человѣку, востигнутому несчастіемъ; надъ каждымъ золотымъ трясутся; на васъ только и надежда, вы, человѣкъ образованный, поймете меня, не откажетесь помочь погибающему въ землѣ варваровъ!» Если рѣчь не производила желаемого дѣйствія, Бухавецкій перемѣнялъ тактику, являлся съ предложеніемъ своихъ услугъ: предлагалъ себя въ учителя, книги почитать, а то и купить—сбродъ, приобрѣтенный, вѣроятно, «по случаю», наконецъ приносилъ грязный листъ, исписанный стихотворной нескладицей на полурусскомъ языкѣ съ частымъ повтorenіемъ имени пріѣзжаго. Такимъ образомъ собиралъ онъ гривеннички и четвертачки, которые поглощалъ откупъ. Иногда на его долю падали и уроки, какъ въ настоящемъ случаѣ съ Федей: за какой-нибудь полтинникъ или рубль, подражался онъ выучить къ сроку читать на новѣйшихъ языкахъ, бралъ въ задатокъ гривенникъ, пропивалъ его и кое-какъ исполнялъ подрядъ. Бухавецкій любилъ похвастать, и розказни его были сносны; Федя слушалъ его довѣрчиво и не безъ удовольствія.

Я выучилъ урокъ, Иванъ Антонычъ! говорилъ онъ, представъ предъ своего наставника.

— Дѣбже! отвѣчалъ Бухавецкій, доставая изъ тавлинки щепотку табаку,—учись, хлопче, учись! Я былъ молодъ, тоже учился! Только не пей; пить будешь—пропадешь вотъ такъ же, какъ я. Далеко бы я пошолъ, кабы не вино! На хорошей дорогѣ стоялъ. — Онъ понюхалъ табаку и щолкнулъ пальцаи.

— Кто знаетъ, что́ будетъ? може и далеко пойдешь. А будешь пить, будемъ пить вмѣстѣ, приходи ко мнѣ.

— Нѣтъ, не буду, Иванъ Антонычъ, отвѣчалъ Федя, — я хочу учиться.

— Дѣбже, малый!.. Поручиться нельзя. Я тоже молодъ былъ, не хотѣлъ пить, да и самъ не знаю, какъ спился.

— Вѣдь это отъ васъ зависѣло, Иванъ Антонычъ: вамъ былъ не пить, да и полно!

— Эхъ, хлопче! не думалъ я быть пьяницей, нуждѣ и горе терпѣлъ, толчки, щелчки переносилъ, и коробило-то и ломало меня, наконецъ не удержался: разъ одинъ запилъ горе этимъ

нищомъ-то проклятымъ—вотъ и пошла писать! Судьба, зна- шть, такая, малый.

— Какое же у васъ такое горе было?

— Ка-коё? А нужда горемычная, на плечахъ семья нищен- ская, матица лихая, да пять сестеръ — ну да это бы не бѣда! А то вотъ счастья захотѣлось: — женился, взялъ ангела въ мѣлю; она мучилась и я мучился, она молчала — и я мол- чалъ, она работала, — и я работалъ. А какъ она оставила меня, изнылъ въ тоскѣ, истаялъ какъ свѣчка, — ну, ужь мнѣ и не въ ночь стало!.. Да что съ тобой, глупе, толковать, не поймешь ты меня! Давай, малый, учиться!

Глубоко засѣвъ въ головѣ Феди разсказъ Бухавецкаго, кото- рый говорилъ скорѣе самому себѣ, нежели Федѣ, и на этотъ разъ былъ истинно въ своихъ словахъ, не привиралъ, не хва- сталъ; гуляя по полямъ, сидя надъ рѣкой и слѣдя за попла- вкомъ, бѣгая по пшеницынскому саду, Федя часто вспоминалъ горемычнаго своего учителя и совершенно новыми глазами сталъ смотрѣть на Ивана Антоныча: изъ-за пьяницы передъ Федей не выставлялся образъ труженика - мученика, возымѣвшего грѣшную мысль—быть счастливымъ и павшаго подъ тяжестью летущихъ напастей, сломившихъ разъ навсегда эту грѣшную мыслъ. Вѣроятно, Бухавецкій находилъ удовольствіе вести та- кие душевные разговоры съ уинымъ мальчикомъ, потому-что никто другой не слышалъ отъ него ничего, кромѣ хвастни и шатора, наполнявшаго голову всякаго пьяницы; а впрочемъ, онъ бывалъ трезвъ только утромъ, и съ трезвымъ Бухавецкимъ раз- говаривать имѣли случаи не многіе; да и то сказать: кто же во всемъ Рябиновскѣ интересовался бѣднымъ пьянчугой? кто говорилъ съ нимъ, какъ съ человѣкомъ? кто надѣялся услышать отъ него что-либо, кромѣ просьбы о гривенникѣ или рюмкѣ водки? Едва-ли не въ первый разъ, и то въ ребѣнкѣ, напольъ отъ полное, сердечное участіе, безъ всякой задней мысли.

— Затѣмъ же вы теперь пьете, Иванъ Антонычъ?—однажды спросилъ его Федя, — развѣ теперь вы не можете перестать?

— Охъ ты, малый! — отвѣчалъ Бухавецкій, мутными глазами осирая мальчика: — тотъ ли я теперь, что былъ? Какъ припом- нить, что я былъ и что сталъ, такъ поневолѣ захочется вы- пить. Что я теперь? пьяница! Развѣ я человѣкъ? развѣ меня кто-нибудь считаетъ человѣкомъ? Нѣтъ, малый, увидать меня трезваго, такъ не узнаютъ, скажутъ: «Бухавецкій ли это? что

онъ не пьянъ? На, возьми пятачокъ, выпей!» и выпьешь, нехай имъ лихо будетъ! и сдѣлаешься Бухавецкимъ настоящимъ, то есть, какимъ привыкли тебя видѣть всѣ добрые люди. Нѣтъ, хлопче, знать ужъ умирать мнѣ такимъ, каковъ есть.

— Да, вѣдь, вы не пробовали не пить; попробуйте хоть разъ.

— Ну, что же ты ко мнѣ пристагъ-то? Ну-ну, ладно, сегодня я не буду пить. Пойдемъ изъ города дальше, дальше!

Они пошли за городъ, взяли съ собой удочки. Долго бродилъ старый пьяница Бухавецкій съ своимъ юнымъ питомцемъ по полямъ и лѣсамъ; долго сидѣли они, склонившись надъ рѣчкой. Ѳедя весь погрузился въ созерцаніе своего поплавка, ожидая, когда рыба начнетъ клевать червячка; весь разгорѣлся онъ отъ жара. День былъ ясный, жаркій; солнышко такъ и пекло, обливая мальчика потомъ, который ручьями затился по его лицу и шеѣ: поверхность воды едва рябила, блестя серебромъ и золотомъ; пахло смолой и березовымъ листомъ. Долго смотрѣлъ Ѳедя на воду, въ которой отражались и колебались кучеватая съ лиловымъ отливомъ облака, и золотое ядро солнца, и лицо самого Ѳеди; вдругъ поплавокъ сильно зашевелился и пошолъ прочь; Ѳедя дернулъ удочку вверхъ и вытянулъ славнаго трепещущаго окуня.

— Иванъ Антонычъ, а Иванъ Антонычъ, что я поймалъ-то! глядь, а Иванъ Антонычъ, пригрѣтый солнышкомъ, склонился въ густую траву и спитъ, безпрестанно вздрагивая.—Иванъ Антонычъ, вставайте! — тихо сказалъ Ѳедя. «Нѣтъ, я умру съ ней... не хочу я оставаться здѣсь.... коханка моя, любя моя...» и еще что-то, чего ужъ и разобрать нельзя, выговорилъ Иванъ Антоновичъ и захрапѣлъ; лицо его было совершенно блѣдно, вѣки дрожали, зубы стиснулись...

«Вдругъ да я сдѣлаюсь такимъ», подумалъ Ѳедя, Богъ вѣсть почему; и онъ долго сидѣлъ надъ заснувшимъ Бухавецкимъ.

— Эй! дай опохмѣлиться,—вымолвилъ съ просонья Иванъ Антоновичъ, подымая голову, и поводя кругомъ мутными глазами,—умру, дай опохмѣлиться!

— Пора домой, Иванъ Антонычъ, — сказалъ Ѳедя.

— Домой, да, да, домой!.. А, это ты, малый; что же ты тутъ дѣлаешь? Пойдемъ, пойдемъ!

Всю дорогу до города Бухавецкій тяжело сопѣлъ и молчалъ, а у кабака, при входѣ въ городъ, не вытерпѣлъ, зашолъ выпить шкаликъ, и вечеромъ явился опять тѣмъ настоящимъ Бу-

щепки, какииъ привыкли видѣть его рябиновцы, медленно странствующимъ отъ одного конца города на другой...

Между тѣмъ время шло; минула пора сѣнокоса; сжали рожь; приближалась осень; до отъѣзда въ гимназію оставалось дней десять. Много переменъ произошло въ домѣ и въ хозяйствѣ Мъшалкиныхъ: видимо разстроивалось то довольство, которымъ любилъ хвастаться Матвѣй передъ Плясуновымъ подъ пьяную руку; надо было внести значительныя арендныя деньги, а денегъ не было, поэтому много кое-чего изъ домашней утвари, серебра, образцовъ, посуды поубавилось; новая земля не обѣщала ничего хорошаго и противъ Пѣчинка никуда не годилась; сѣна снялось очень мало, да и то, на бѣду, стояли дожди, потому что въ самый сѣнокосъ Матвѣй запиетъ, а запивать онъ сталъ почаще, по мѣрѣ того, какъ разстраивалось его хозяйство; каждая неудача раздражала его и уводила въ кабакъ; а тутъ присѣли еще подати, да городскія повинности: понадобилось продать скотъ. Старый домишко боченился; все въ немъ валилось, съ полу дуло, сквозь пазы стѣнъ дуло, печки потрескались, потолоки и стѣны у постояльца до того закоптѣли, что, мѣсто бѣлаго, приняли сѣрый цвѣтъ, а поправлять было не на что. Къ тому же еще Семень-простота нѣсколько разъ за долгъ приходилъ: деньги, молъ, нужно.

— Охъ, времена плохія приходятъ! — говорила Евгенья, забывавъ въ лавочку Плясунихи-щеголихи: — совсѣмъ разоренье да и только, ничего — то нѣтъ; за землю приходится платить, Богъ знаетъ, какія деньги! Домишка валится — бѣда да и только!... Отпусти, гулубушка, Авдотья Ивановна, чайку золотничку въ долгъ, не откажи, сосѣдка!

— Съ превеликимъ моимъ удовольствіемъ, — отвѣчала вертлявая Плясуниха. — Вотъ, сына отправляете въ губернію, выучится, помогать вамъ станетъ...

— Да ужъ что изъ него будетъ, Богъ его вѣдаетъ. Бойкой такой парнишка, говоритъ, «въ гимназію, да въ гимназію! хочи да и полно!» Ужъ и самъ-отъ, толи не утюгъ, надивиться не можетъ! Все не хотѣлъ въ губернію-то его отпускать, а тутъ охъ, парнишка-то, осенесь и полшиби лебедя...

— Парнишка-то, вотъ подика-сь! ахти-миш!

— Вотъ ему, Матвѣю-то Олексѣичу, оченно это и любо стало; а тутъ еще дилехтуръ пріѣхалъ, позвалъ Матвѣя-то да и принудилъ: отдай да отдай, говоритъ въ гимназію, я, гово-

рить, помогу ему, изъ парня будетъ человекъ. Ну, вотъ, матушка ты моя, онъ ужъ и порѣшилъ отдать.

— Что же изъ него тогда-то будетъ, какъ онъ выучится?

— А что? Вотъ ужъ онъ какъ *тестатъ* изъ гимназіи получить, и будетъ не мѣщанинъ, а благородный, значитъ, ни некрутины, ни податей на немъ лежать не будетъ.

— Вотъ какъ, Евгенья Михайловна: онъ, пожалуй, этакъ и дворянномъ сдѣлаться можетъ?

— А какъ же, можетъ. Однако-сь, мой-то, поди, дожидается, надо бѣжать. Добро, прощайте, матушка Авдотья Ивановна, очинно благодаримъ.

«Вишь, занимаютъ золотникъ чаю, голыши этакіе! — прошипѣла Авдотья Ивановна въ слѣдъ своей сосѣдкѣ, «почти и ѣсть-то нечего, а тоже въ благородные съ суконнымъ-то рыломъ лѣзутъ! Мальчишка, паценокъ, тоже «въ гимназію хочу!» Тѣфу, выскочки проклятыя!»

Хлѣбъ родился на новой землѣ тоже не такъ-то хорошъ; прежде, бывало, Матвѣй все лѣто свободенъ былъ, а для работъ нанималъ батрака или батрачиху, самъ же ходилъ-себѣ на охоту, да дрова рубилъ, что для себя, а то и для продажи. Нынѣ нанять было не на что и поневолѣ онъ самъ принялся за полевья работы. Туго, туго приходилось Мѣшалкинымъ, и Федѣ передъ отъѣздомъ Богъ судилъ видѣть упадокъ своего семейства.

— Выучишься, да вырастешь, — говорила ему мать, — такъ можешь ли намъ-то? — Смотри, Федюшка, не забудь мать да отца, какъ благороднымъ-то сдѣлаешься!

Федя ничего не отвѣчалъ, только думалъ про себя: «да ужъ такъ-то помогу, что весь городъ удивлю; домъ выстрою большой, земли куплю много, коровъ, лошадей, что продали, всѣхъ назадъ, да еще и новыхъ позаведу; денегъ будетъ у меня много!» Сама Евгенья, ничего положительнаго не зная о будущности Феде, кромѣ того, что онъ будетъ благороднымъ, всего болѣе рассчитывала, что «наука дастъ деньги».

Отъѣздъ Феде приблизился. Евгенья напекла сыну большой запасецъ пирожковъ, рогуличекъ и ватрушекъ: нельзя иначе, можетъ, первые-то дни, пока начальство помощи не окажетъ и ѣсть парню будетъ нечего! Старый сюртучишка, синяго цвѣта, былъ по возможности започиненъ; добрый постоялецъ подарилъ Федѣ старые штаны да старую латинскую грамматику, да гре-

бену безъ половинны зубьевъ; только сапоги смазные, крѣпкіе, со скрипомъ, были на Федѣ совершенно новые и чрезвычайно занимали его. Всѣ дни передъ отъѣздомъ онъ бѣгалъ, какъ сонный, и не вполне отдавалъ отчетъ себѣ въ томъ, что творилось около него.

— Прощай, Ваня, — говорилъ онъ утромъ въ день отъѣзда товарищу Хлѣбосолову; — сегодня уѣду отъ васъ, не поминайте ляхомъ! Что бы тебѣ тоже ѣхать, вѣдь здѣсь-то скучно!

— Ничего! — отвѣчалъ Хлѣбосоловъ, — мнѣ что: буду работать... все равно... Вотъ тебѣ такъ нельзя будетъ и побѣгать, ни озеръ, ни пшеницынскаго сада не будетъ.

Простыя слова пріятеля заставили Федию задуматься; ему было жаль Рябиновки.

— Побѣжимъ въ садъ! — сказалъ онъ, — погуляемъ въ послѣдній разъ; вонъ еще и Шимовъ идетъ; и его возьмемъ.

Было утро, и на этотъ разъ пшеницынскій садъ, ярко освѣщенный июльскимъ солнцемъ, смотрѣлъ веселѣе; каждый листокъ, каждый цвѣтокъ, каждая капля воды свѣтилась и блестяла; даже старая осина веселѣе шумѣла своими листьями.

— Эко счастье тебѣ Мѣшалкинъ, въ гимназіи будешь! — сказалъ Шимовъ.

— Такъ что самъ не ѣдешь? звалъ, вѣдь, директоръ, тогда и отецъ былъ согласенъ. Вы богатые, тебѣ бы съ полагоря ѣхать-то!

— Мало-чего, былъ согласенъ! тогда былъ согласенъ, а теперь и подступу нѣтъ! Его, вѣдь, не уломаешь! «Баловаться-то, говорить, попустому. Что за гимназія нашему брату? Въ лавку посадить хочетъ. Позавчера я и сидѣлъ, да гнилой ситецъ съ дырами и продалъ за хорошій, — ужъ какъ вѣдь расхвалилъ! Будетъ, говорить, изъ тебя прокъ; этому, говорить, въ гимназіи не научать. Книги и въ руки взять не дастъ, — заругается!

— Вотъ жизнь-то! такъ какъ же ты?

— Да какъ хочешь! учился, учился, а теперь все къ чорту! А что въ лавкѣ-то дѣлать? скука! почиталъ бы; а то сидишь, да орѣхи, со скуки, щелкаешь.

— И то ладно! — вмѣшался Хлѣбосоловъ, — у насъ и того нѣтъ, и хлѣба не всегда найдешь!

Жаль было Федѣ своихъ товарищей, радовался онъ за себя, что выпала ему лучшая доля, что не придется ему въ лавкѣ обманывать, ни работать черную работу съ утра до ночи, и

съ нетерпѣніемъ дожидался отъѣзда. Время пролетѣло мигомъ. Заполдень у воротъ мѣшалкинскаго дома остановилась добрая каурая лошадь, запряженная въ крѣпкую телѣгу, изъ которой выскочилъ дюжій паренъ.

— Готовы, что-ли? — спросилъ онъ, входя въ домъ; — пора ужъ ѣхать-то!

— Готовы, готовы! — отвѣчалъ пьяный Матвѣй. — Заходите, милости просимъ. Эй, жена, давай пива!

— Ну, что заоралъ-то, горло дурацкое! Вишь, какъ натрескался! — говорила Евгенья, вынося сидуку съ пивомъ.

Дюжій паренъ ничего не оставилъ Матвѣю. — На томъ благодаримъ-съ! Пера ѣхать-то!

— Оедюха, а Ѳедюха, собирайся, голубчикъ, — заговорилъ Матвѣй, — слышь, собирайся! Ты, мерзкая, собирай что-ли, живо у меня!

Начались сборы. У Ѳеди голова шла кругомъ. Евгенья и Дуня хлопотали изо всѣхъ силъ; только Матвѣй въ совершенномъ бездѣйствіи бормоталъ что-то себѣ подъ носъ.

Черезъ часъ Ѳедю усадили въ телѣгу, нагроможденную всякой всячиной, и онъ покатился по большой дорогѣ. Пьяный Матвѣй долго бормоталъ самъ съ собой: «Прощай, Ѳедюха, прощай, подлець... не забывай же отца... слышь, подлець... ну, поцѣлуйся... слышь ты, поцѣлуйся!»

Евгенья ушла въ свой уголь и плакала.

А телѣга была уже далеко. Ѳедя ѣхалъ въ какомъ-то полуснѣ и неясно видѣлъ, какъ солнышко двигалось къ закату, яркимъ свѣтомъ обладая даль; какъ легкія облачка, словно дымъ, волоклись по ясному небу; какъ, при блескѣ вечернихъ лучей, хлестнулъ крупный, рѣдкій дождь, называемый въ деревняхъ «грибнымъ»; какъ блестяли на солнцѣ дождевыя струи, словно золотая сѣтка занавѣсой раскинулась по воздуху; какъ потомъ солнце скрылось, на небѣ появились темно-синія ночныя облака, сверкнуло нѣсколько звѣздочекъ; какъ глянула полная луна и прямо ему въ лицо; при томъ Ѳедѣ стало какъ-то страшно; онъ легъ, повернулся бокомъ, и взглянулъ на небо: луна все-таки глядитъ на него, словно заглядываетъ ему на душу; Ѳедя повернулся на другой бокъ и зажмурился, но черезъ минуту не утерпѣлъ, опять посмотрѣлъ на небо: дорога сдѣлала поворотъ, и луна опять-таки заглядываетъ ему на душу. Ѳедѣ стало еще страшнѣе, словно на душѣ его было что-то, чего онъ не хотѣлъ выдать; онъ закрылся рогожкой и уснулъ. Во

«и ему то снилась мать, которая говорила: «не забудь насъ, мы сдѣлаемся благороднымъ-то»; то директоръ, — но такой страшный, сердитый; — то Федя видѣлъ себя уже большимъ, будто сидитъ онъ у Бухавецкаго, будто подноситъ ему Иванъ Антонычъ стаканъ вина: «пей же, малый, пей; намъ съ тобой можно пить, мы нѣ люди, мы пьяницы, — пей!» и вслѣдъ затѣмъ являлся пьяный отецъ: — «пей, подлець, слышь, пей!» Пуще отказывался Федя, пуще приставала отецъ съ Бухавецкимъ, наконецъ, онъ, съ отвращеніемъ, оттолкнулъ... только не вино, а рюмку, и передъ нимъ, словно изъ земли выросло, при яркомъ блескѣ солнца, многое множество церквей и домовъ; тѣла поднялась на вору, и внизу открылась, какъ на блюдечкѣ, разнообразная панорама губернскаго города.

VI.

Послѣ отъѣзда Федей, вскорѣ хозяйство Мъшалкиныхъ пришло окончательно къ упадку. Зима принесла съ собою всѣ пужды въ самомъ безобразномъ ихъ видѣ. При такой обстановкѣ Матвѣй вовсе опустился; пьянство все больше и больше увлекло старика; не подъ силу было ему на старости лѣтъ видѣть постепенное разстройство хозяйства, кровь прилиwała къ сердцу, духъ захватывало, глаза мутились, — и онъ выпивалъ, чтобы забыться, чтобы не видѣть, что дѣлается въ его домѣ. «Эхъ, завей горе веревочкой!» Отъ забавнаго до гадкаго не далеко, и скоро Матвѣй сталъ посмѣшищемъ города, бродя пьяный по улицамъ; куда и гоноръ дѣвался! Онъ осунулся, вовсе поседѣлъ, ходилъ оборванцемъ, часто безъ шапки; каждому встрѣчному и поперечному въ ноги: «прости-те, дескать, меня, — не съ тѣмъ родился!» А когда не на что было выпить, Матвѣй дѣлался гадкимъ попрошайкой, валялся въ погахъ, наивно повторяя: «ваше благородіе, на хлѣбъ насущный одолжите гривеничекъ, хоть пяточокъ, ей-богу не на вино.» Куда дѣвалось уваженіе, которымъ онъ пользовался прежде? Теперь не только Пясуновъ, а Хлѣбосолиха не называла его Матвѣемъ Алексѣичемъ. Грустно иногда останавливалъ онъ глаза на Душѣ и спѣшилъ залить виномъ подступавшую къ сердцу злобу и тоску. Послѣднія вскрыты страсти къ охотѣ потухли и противоядія запою не было. Больше всѣхъ терпѣла бѣдная Евгенья, которая не выходила изъ

сняжковъ; много унесъ этотъ годъ у нея силъ и здоровья, спина согнулась, бойкая рѣчь призатихла, работающія руки опустились, здоровая грудь насадилась.

Зимнее солнышко не заглядится въ маленькія, заиндивѣвшія, оконца комнатки съ холщевымъ пологомъ; чуть бросило въ нее блѣдный лучъ—и зашло за сосѣдній домъ. Вотъ въ комнаткѣ и станетъ какъ-то грустно, а тутъ настаютъ сумерки, долгие-долгія зимнія сумерки; вѣтеръ такъ и дуетъ въ окна, бьетъ пушистый снѣгъ и застилаетъ послѣдніе просвѣты замерзшихъ стеколъ. Этакая скука, этакая тоска! Сидитъ-сидитъ Дуня за пряслицей, жужжитъ, распѣваетъ веретено, и распѣваетъ оно долгую, знакомую пѣсню, о томъ, что было, и о томъ, что есть. Матвѣй, пьяный, ушелъ въ кабакъ, куда ходитъ онъ чуть не каждый день, утащивъ послѣднюю какую-то тряпку. Евгенья, больная отъ каждодневныхъ побоевъ, спитъ да стонетъ на печкѣ, а веретено у Дуни поетъ да поетъ, и поетъ оно: «трудись, красная дѣвица, трудись, не лѣнись! Пьянъ твой отецъ, пропиваетъ онъ остатки довольства своего бывалаго, хочетъ по міру пустить семью свою горемычную. Больна твоя мать; не подь-силу ей стала маята вѣковѣчная; не подь-силу побои каждодневные: сломали они крѣпко-крѣпкую бабу, подломили работающую мать твою! Только Федя, какъ звѣздочка ясная, общаетъ тебѣ... подпору да гдѣ онъ? — на чужой сторонѣ, какъ былиночка во чистомъ полѣ. Пока одна ты работница на всю семью. Пряди, моя пряха, пряди, не лѣнись!

Вотъ и вечеръ поздній приходитъ; вездѣ огоньки зажглись, и Дуня засвѣтила лучинку; трещитъ сырая лучина и грустнымъ полусвѣтомъ обливаетъ горницу. Господи! какъ она измѣнилась въ это время: ободраныя стѣны... вывалился мохъ... вѣтеръ дуетъ въ пазы... пропали куда-то большія иконы и самоваръ пузатый... А веретено поетъ да поетъ, и поетъ оно:

«Куда дѣвалось - скрылося твое беззаботное времечко? Жила ты въ довольствѣ, гуляла да нѣжилась подъ рукою матушки родимой; нужды, голода-холода не вѣдала. Думала ли, гадала ли, что придетъ пора горемычная? Расцвѣла ты, какъ маковъ цвѣтъ, поднялась, какъ кудрявая березынька, коса русая до пояса; глаза черныя, словно звѣздочки, опушились легкимъ пушкомъ; румяныя щочки высоко поднялись; полная грудь—да не на радость расцвѣла ты, не на счастье, а на горе-горемыч-

не! Одна была радость, надежда, и та пропала. Полюбился тебѣ добрый молодець, думала съ нимъ вѣкъ свѣковать, — анъ Богъ не судилъ, и не увидишь ты его больше на бѣломъ свѣтѣ: далеко онъ, голубчикъ, въ холодной Сибири: сковали, сулили, сослали добраго молодца безвозвратно!» Веретено упало изъ рукъ Дуни; крупная слеза покатила на щеку и, склонивъ голову на грудь, она крѣпко-крѣпко задумалась. «И горетъ вѣтъ разсѣять, и повеселиться-то, погулять не удастся! Другія дѣвушки въ 20 лѣтъ по вечеринкамъ ходятъ, съ молодцами гуляютъ. Вонъ у Маши — сосѣдка все погородскому, какъ бары шьютъ, пестрыя платья съ мысами, съ оборками, шляпки розовыя, а мнѣ и надѣтъ-то нечего; послѣдній ситцевый сарафанчикъ совсѣмъ изорвался; платка на голову надѣтъ—и того нѣтъ: срамъ показаться на улицѣ. За водой идешь, такъ думаешь, какъ бы сторонкой пройти, не то что на вечеринку.. Да какія тебѣ вечеринки! съ вечеринками-то, пожалуй, и голодомъ насидишься... А небойсь я не хуже другихъ: на меня и баря хорошіе заглядываются, лѣсничинъ-красавецъ иначе не зоветъ, какъ красоткой чернобровой и все заигрываетъ, да что толку? Онъ ко мнѣ, а я прочь да прочь... Плясуниха все къ себѣ зоветъ: «приходи да приходи ко мнѣ, Дуня, у меня-демолодцовъ всегда много, тоже и дѣвушки бываютъ: повеселишься, голубушка. «И радъ бы, да срамъ показаться, да времени нѣтъ»».

И опять зажужжало веретено, и поетъ оно: «Развѣ не говорила тебѣ Авдотья Ивановна—надѣнь-де мое платье, а тамъ будутъ у тебя и свои: баринъ на тебя заглядывается богатый, всего-то надаритъ онъ тебѣ—и отцу-матери поможешь, и сама разрадишься, и веселье да радость узнаешь, горемычная? Что же ты отпихиваешься? что стыдишься въ чужомъ платьѣ показаться? что боишься богатаго барина? — не съѣстъ онъ тебя, не укуситъ... Сама ты свое счастье отталкиваешь, сама виновата въ своей бездольной участи. Вѣдь, не вернется ужъ твой Расторпченко, а другаго жениха не дождаться тебѣ, безприданница. Для кого же бережешь себя? для кого хоронишь свое дѣвичество? Ну хоть постоялецъ—чѣмъ не молодець? толи не ласкается къ тебѣ, толи не обѣщаетъ помочь?»

Опять упало веретено и задумалась Дуня. «Нѣтъ, страшно, страшно! Хоть Авдотья Ивановна и говоритъ-молъ: «сначала только страшно, а потомъ спасибо скажешь... да нѣтъ, боюсь.. страшно, страшно... И опять зажужжало веретено...

Чаще и чаще нужда стала заглядывать въ домикъ Мѣшалкиныхъ; тяжеле и тяжеле становилось Дуняшѣ: то хлѣба нѣтъ, то дровъ негдѣ взять; о чаѣ и помину нѣтъ. Необходимость заставила обратиться за помощью къ Ключкову; но помощь эта недешево стоила Дуни. А Ключковъ куда измѣнился! онъ ужъ не робкій семинаристъ, онъ ужъ писмоводитель духовнаго правленія, два раза въ годъ по уѣзду ѣздитъ; а такія поѣздки не безвыгодны: смотришь и навезетъ съ собой провизіи—и дѣвать некуда, да денегъ рублей двѣсти. Сошлась съ нимъ Дуня; да отъ скупаго писмоводителя плохая помощь. Правду сказала Авдотья Ивановна: сначала только страшно. Не прошло и полгода, Дуня иначе стала слушать баясы сосѣдки-Плясунихи, а тамъ и подружилась съ ней. Дружба съ такой женщиной не бесполезна была: благодаря Авдотѣ Ивановнѣ, въ домѣ Мѣшалкиныхъ стали являться признаки довольства: самоваръ, чай; на Дуни красивыя платья; она больше не ходила босикомъ да и сама-то стала побойче, посмѣлѣе, даже по рюмкѣ водки стала выпивать. Мать скоро запримѣтила эту переимѣну въ дочкѣ, скоро разгадалъ все материнскій глазъ, почувало материнское сердце что-то недоброе, да какъ говорить-то станешь: голодъ не тетка; призору за дѣвкой нѣтъ; одна она работница въ дому, честно ли, нечестно ли — наживай копейку да корми большую матку. Ну, да и то сказать: не она первая, не она послѣдняя.

VII.

Наступила весна; тепло; ручейки бѣгутъ; солнышко такъ и пышетъ, обливая своими лучами и тающія поля, и зубчатый лѣсъ, отряхающій съ вѣтвей снѣжные клочья, и рѣку, на которой просачивается вольная струя; издали слышенъ токъ тетеревей; высоко надъ городомъ кричатъ станицы пролетныхъ лебедей, гусей, журавлей и утокъ; у зайца лапки ужъ пожелтели; жаворонокъ садится на проталинкѣ или, взвиваясь въ небо, сыплетъ серебряную трель. Приближался благовѣщеневъ-день — *пивной* праздникъ въ Рябиновскѣ. *Пивной* праздникъ веселѣе всякаго другаго: тутъ веселятся до упаду, покупаютъ вина и варятъ пива безъ мѣры, потому эти праздники и *пивные*, чтобы напиться. Если два-три человекъ не обопьются до смерти, не сгорятъ отъ вина, такъ, значитъ, нехорошъ былъ пив-

ной праздникъ, — такое ужъ заведеніе изстари. Кончился праздникъ, и начинаются два-три слѣдствія. Противъ обычая никто не сворить; и начальство противъ пивныхъ праздниковъ ни слова не говоритъ, откупщики же — такъ куда довольны! а откупъ дозволенъ — такъ, извѣстное дѣло, и городничій, и исправникъ и все чиновначіе довольно.

На праздникъ собирается множество народа изъ окрестныхъ деревень; въ каждомъ мѣщанскомъ домѣ полнымъ-полно гостей; иные пріѣзжаютъ за 20, даже за 40 верстъ, отпускаютъ лошадей гулять по городу, на подножный кормъ, чему мѣстная полиція не препятствуетъ, а сами гуляютъ, пьютъ хозяева, пьютъ гости. Чѣмъ больше въ городѣ гостей, тѣмъ лучше: въ каждой деревнѣ придетъ свой пивной праздникъ, гдѣ рябиновцы, въ свою очередь будутъ отгащивать. Любитъ православный людъ пивные праздники и весело проводить ихъ.

Съ утра звонятъ на соборной колокольнѣ во всѣ колокола, призывая и рябиновцевъ и гостей къ обѣднѣ и молебну; а кабаки, вопреки законнымъ постановленіямъ, ужъ открыты и не остаются пусты. Кто дома выпѣдитъ ендовку пива, кто въ кабѣ хватитъ косушку другую, кто въ «бѣлой харчевнѣ» выпьетъ стаканчикъ *шпунтику*, и всякъ спѣшитъ принарядиться, да въ церковь поспѣтъ, хоть къ крестному ходу. Площадь, по срединѣ города, на которой стоитъ миньютюрный соборъ, такъ и кишитъ народомъ, да такимъ наряднымъ, такимъ радостнымъ! У Мѣшалкиныхъ тоже полно домъ гостей: къ Матвѣю пріѣхала намордкинская родня, Семень простота съ сухощавой супружницей, да съ сынишкомъ, и намордкинскій охотникъ; а къ Ключкову — отецъ, зажиточный сельскій священникъ, да братъ послушникъ сосѣдняго монастыря также какъ и Тимошей Аксентьячъ, исключенный изъ семинаріи за великоростіемъ, да сестра, старая дѣвка, ждущая суженаго, которому въ приданое предлагалось отцовское мѣсто.

— Эй, господа постояльцы! весело сказала Мѣшалкина, входя въ ключковскую половину съ ендовой пива: — пивца не угодно ли, да къ обѣднѣ пора; поди, на крестный ходъ захотите.

— Спасибо, хозяйшкa, ужъ послѣ обѣдни. Вотъ чайку не хочешь ли? — отвѣчалъ Ключковъ, расхаживая по комнатѣ въ шапѣ и съ трубкой.

— Чтой-то выдумала Евгенья Михайловна, заговорилъ старикъ священникъ, — до обѣдни-то да за пиво! Вонъ у меня дѣ-

тушки-то китайской травой-то наливаются, и за то браню, да ужь велики, не слушаются! Вѣдь, грѣхъ!

— И, батюшка, молоды еще! постарше будемъ, такъ от-молимъ грѣхи-то, зашекотала сестра Ключкова,—на-ко ты, ужь и чаю нельзя напиться! Вѣдь мы не въ деревнѣ, братецъ—отъ не по деревенскому живетъ; здѣсь не тѣ фасоны-те, что у насъ съ вами. Выпей чашечку, Евгеньюшка, я ужь и налила.

— И то, вѣдь, грѣхъ, Алена Аксентьевна. Батюшка-то правду сказалъ, заотнѣживалась Евгенья, хотя запахъ чайный очень соблазнительно подѣйствовалъ на ея обонятельные нервы.

— Ужь пей, пей!—сказалъ вздыхая, старикъ:—налили, такъ не проподать добру; китайская травка—изъ далека везена.

Евгенья принялась за чашку.

— Что, отъ сына-то получаешь ли вѣсти? спросилъ попъ.

— Рѣдко, батюшка, рѣдко! Зимось были наши-то въ городѣ, такъ, сказываютъ, молъ, учится хорошо и дилехтуръ его жа-луется, на казенное содержанье взялъ—дай ему Господи здо-ровья!

— Поди, жаль: повидать хотѣлось бы?

— И, какъ не хотѣлось! да Богъ знаетъ приведется ли: пло-ха нонѣ больно стала, не доживу до этакой радости... Побывала бы и сама въ городъ-отъ, да гдѣ ужь старухѣ, да еще при нашей-то бѣдности.

Евгенья рукавомъ утерла слезы, которыя градомъ катились по морщинистымъ щекамъ.

— Вотъ то-то, хозяйюшка, на бѣдность жалуетесь,—сказалъ попъ,—а пива, поди, не одно ведро наварили, и вина, я чай, за-пасла. Ой, грѣхи тяжкіе!

— Какъ быть-то, батюшка, грѣшные люди! Вѣдь, какъ же на праздникъ не запасть: мы тоже христіане, праздники свя-тые чествовать должны.

— Вы, вѣдь, чего-то, тятенька, и не вздумаете. Вотъ бы въ праздникъ да и пива не сварить! Эко грѣхъ какой! — опять за-шекотала Алена.

— Ну-ну, дочка, я только такъ, шучу; праздникъ, знаю, что праздникъ... Чу! благовѣстять, пора къ обѣднѣ.

Весь домъ отправился въ церковь, исключая Дуни, которая осталась, какъ говорится, *обряжаться*. Ключковъ расфрантился въ шляпу и пальто табачнаго цвѣта, сестрица его въ красно-жолтое шерстяное платье, съ тальей чуть не подъ мышкой и

круглыми, какъ пузыри, рукавами; даже Мѣшалкинъ былъ одѣтъ опрятнѣе обыкновеннаго, но уже подергивалъ плечами. По окончаніи обѣдни начался крестный ходъ около горѣда, при колокольномъ звонѣ, сопровождаемый длинной, пестрой вереницей народа. Съ полудня открылось полное, ничѣмъ не сдерживаемое веселье. День былъ ясный, теплый. Толпы дѣвушекъ собрались на площади и составили хороводы; все рядалось и охорашивалось, смотрѣло пьяно и весело. Пѣсни, крикъ, бормотня пьяныхъ, безпрестанно обнимающихся, раздавались повсюду. Около ярмарочныхъ рядовъ, противъ собора, явились балаганы съ разными сладостями. Харчевни набились биткомъ: кто пилъ чай, кто угощался виномъ и пивомъ. Изъ кабака цѣловальникъ вытаскивалъ пьяныхъ, безъ церемоніи, за ноги и чинно въ рядъ укладывалъ по косогору на солнышко: пусть ихъ продуетъ, пусть провѣтрятся, а тамъ-де опохмѣлиться милости просимъ, коли Богъ грѣхамъ потерпитъ, да встать живыми сподобитъ! Людя Ивановна усердно торговала, перебивая съ молодцами-покупателями; супругъ ея, съдой Плясуновъ, отыскалъ Мѣшалкина. «Выпьемъ, что ли, сосѣдъ, для праздника?» — «Ладно, ладно; войдемъ ко мнѣ, пивца перво-на-перво хватимъ!» На этотъ разъ Евгенья не бранилась, не сердилась, а съ веселымъ видомъ вынесла андову пива: «кушай, кушай на здоровье, сосѣдъ!» и прибавила, обращаясь къ мужу: «смотри ты-то, не натрескайся для гостей-то!»

Однако это не удержало Матвѣя, в онъ не преминулъ натрескаться.

На другой день всѣ проснулись въ Рябиновѣ съ тяжолыми головами и стѣбшили опохмѣлиться, а къ полудню гости разъѣхались восвояси, приглашая рябиновцевъ къ себѣ отгащивать. Настали для Евгеньи дни скорби, плача и побоевъ; вспоминала она наверняка, каторгій, бывало, удавался и останавливалъ пришедши завоя, и рѣшалась попробовать услатъ мужа на охоту.

— Шолъ бы ты на охоту, что-ли,—заговорила она, пользуясь минутой утренняго отрезвленія,—вотъ и баринъ пошолъ бы.

Подъ именемъ барина подразумѣвался постоялецъ.—Слышь ты, безстыжая рожа, нѣхристь этакой, шель бы въ озера, вымолотилъ бы угаръ-отъ изъ головы.

— Да не пойдетъ баринъ,—вымолвилъ Матвѣй, смотря въ воду.

— Хоть бы поняшика барину къ столу подстрѣлить. Позови барина, можетъ и поидеть.

— Что пусто я звать, ужь знаю не поидеть!

— Ну, заладилъ свое: не поидеть, да не поидеть! попробу прежде...

— Такъ поиду же, откликнулся Ключковъ, валявшійся у себя на тюфякѣ и слышавшій черезъ перегородку разговоръ своихъ хозяевъ. — Ёдемъ, что ли, хозяинъ? — И онъ вошелъ въ комнату.

— Здравствуйте, Тимошей Аксентъичъ, сказалъ хозяинъ, кланяясь и потеревливая жидкую бородку, — извините ужь ваше благо родіе меня, окаяниаго, не съ тѣмъ родился.»

— Ничего, братъ, только перестать надо. Вотъ поѣдемъ - и на охоту.

— Коли вы желаете, я пожалуй. Для чего не поѣхать?

Онъ помолчалъ и глубоко вздохнулъ.

— Теперь, судырь, лебеди есть тутю-тва, на озерахъ, да и бить ихъ въ теперешнее время очинно ловко. Мы, бывало, принапивали штуки по три, по четыре. Въ тѣ поры ловокъ я и стрѣлять былъ, нынѣ ужь устарѣлъ, грѣхи тяжкіе одолѣли. Ахъ, прости меня Господи, окаяниаго!

Онъ опять помолчалъ и вздохнулъ.

— А что это за птица такая! Истинно сказано — царь-птица! плыветь, канальская, крыльями трепещеть, шею изогнула трубой — заглядѣнье! — И онъ, словно видя вдали заглядѣнье-лебедя, прищурилъ сѣрые, посоловѣлые глаза, въ которыхъ еще свѣтились искры потухшей страсти.

— Такъ ѣдемъ, ѣдемъ! заключилъ Ключковъ.

Въ большой телѣгѣ, въ одну лошадь, выѣхали охотники на проселочную дорогу, которая извивалась по зеленѣвшей озими. Едва выѣхали за городское поле, глядь — на встрѣчу старуха. «Не быть добру,» подумалъ Ключковъ «Добру не быть!» Суевѣрная мысль шевелилась въ его головѣ, какъ червякъ.

— Счастливыи путь охотничкамъ! Далеко ли, сударь, ѣхать изволите?

— На озера, бабушка, лебедя хотѣлось бы подшибить.

— Поѣзжайте въ добрый часъ! Погодка хорошая стоять, чтобы да не сглазить. Желаю вамъ уснѣха.

— Что, хозяинъ, неладно дѣло, старуха попалась: не быть добру, — сказалъ Ключковъ.

Матвѣи ничего не отвѣчалъ; все его вниманіе въ это время

лю сосредоточено на маленькомъ домигѣ, называемомъ кабачникъ, который смиренно торчалъ, украшенный многозначительной елкой.

— Тихою Аксентьичъ, — вдругъ сказалъ онъ, — передъ началомъ-то дѣла надо бы выпить.. одинъ шкаликъ, право-слово одинъ.

— Нѣтъ ужъ, почтенный, шалишь! Знаемъ мы, какъ ты одинъ шапкъ выпиваешь!

— Голубчикъ, ваше благородіе, лопни мои глаза, если обману, отъехи моя правая рука.

— Нѣтъ, нѣтъ, хозяинъ, лучше и не говори!

— Такъ плевать я на тебя хочу, поповское отродье! — крикнулъ Матвій и мигомъ соскочилъ съ тѣлги.

Между тѣмъ Дуня лихо гуляла, кутила на злу-голову. Поздно проснулась она на другой день послѣ отъѣзда отца. Глаза заплаканы, губы посинѣли, въ головѣ шумъ. Перекрестившись дрожащей рукой, она достала склянку и хлебнула изъ нея. Вдругъ въ снѣгахъ послышалось топанье сапоговъ и громкій голосъ: «Эй, отворяйте двери!» Дуня отворила дверь, въ которую пахнуло холодомъ, и въ избу вошелъ десятскій, таща подъ руку Матвѣя.

— Вотъ, тетушка Евгенья, я твоего сокола-то притащилъ. Жить себѣ на спольѣ. Подслужиться, думаю, теткѣ-то: рюмку поднесеть...

Матвій, едва десятскій опустилъ его, какъ мертвый грянулъ на полъ. Худощавое лицо его посинѣло, отоцало; глаза закрылись, зубы стиснулись, руки болтались, словно плети, ноги влоклись по полу.

— Вишь какъ нализался, старый! — проворчалъ десятскій.

— Да что онъ, ровно не живой! — сказала испуганная Дуня.

— Кто тамъ? — отозвалась съ печи Евгенья.

— Вотъ, матушка, десятскій тятку пьянаго приволокъ; на спольѣ, говоритъ, поднялъ. Безъ чувствія лежитъ словно и не живой!

— Ой, пьяница окаанный, обездолилъ меня, совсѣмъ обездолилъ! — заговорила Евгенья и, крехтя, слѣзала съ печи. Когда же подошла къ мужу, она такъ и всплеснула руками.

— Ой, что съ нимъ это случилось! Вѣдь умеръ онъ, умеръ, голубчикъ мой, умеръ. Охъ-охъ-охъ, я сирота горемычная, на кого онъ меня покинулъ-то, голубчикъ? Батюшки-свѣты, умеръ, у-у-умеръ!

— Полно, тетка, гдѣ еще умерь, нянь,—сказала деситокіи и видя, что тутъ ничего не дождешься, подвинулся къ двери.

— Прощай, тетушка, въ другой разъ зайду, такъ поднесуш

— А ты что стоишь-то; вскинулась Евгенья на Дуню.— Отецъ помираеть, а ей и не жаль, стоитъ, какъ дерево.

Матвѣй въ это время тяжело застоналъ...

— Ахъ ты, голубчикъ мой! хрипло заголосила Евгенья,—умираеть, кормилецъ, совсѣмъ умираеть! Что станемъ ны безъ негдѣлать-то, сиротинки... О-охъ, о-охъ!... Бѣги ты хоть къ подлегарю-то, безчувственная этакая, дескать тятка умираеть да къ попу заверни. Охъ, помилуй Господи, не дай ему умереть-то безъ покаянія!

Дуня побѣжала къ подлескарю и за попомъ, но оба они явились поздно: Матвѣй уже сгорѣлъ отъ вина.

— Умерь, умерь, ой-ой, умерь, причитала Евгенья,—безъ покаянія умерь, помилуй его, Господи! Покинулъ насъ, кормилецъ, сиротинками. Что будетъ съ нами, безталанными?... и долго раздавался вой Евгенья надъ почернѣвшимъ трупомъ мужа. Впрочемъ, она немного пережила его, и черезъ мѣсяць Дуня осталась въ маленькомъ домикѣ одна-одинешенька...

VIII.

Сельскій жаръ спадалъ. Вечеръ наступалъ тихій и спокойный. Рябиновскія мѣщанки принимали домой своихъ коровушекъ, которыя веселымъ стадомъ возвращались изъ подскотины. Только къ мѣшалкинскому дому не возвращалась ихъ чернуха. Пусто, мрачно смотрѣлъ маленькій домикъ, покривившійся на бокъ, отмѣченный бѣлымъ крестомъ: это значило, что онъ назначенъ въ сломку. Но къ нему спѣшилъ гость; телѣга застучала по деревянному мосту, колокольчикъ еще звякалъ подъ дугой; ящикъ соскочилъ, чтобы отворить ворота; любопытныя сосѣдки выглядывали изъ оконъ, прохожіе останавливались и въ недоумѣніи глядѣли на пріѣзжаго, который торопился войти въ ветхій домикъ. Онъ былъ высокій, плотный, нѣсколько сутулый молодой человекъ; что-то безстрастное было въ его сухощавомъ лицѣ; большіе темные глаза смотрѣли спокойно и нѣсколько гордо, глубоко вдавшись и оттѣняясь угловатыми бровями; когда онъ хмурилъ ихъ, то лобъ весь покрывался морщинами, а изъ открытыхъ губъ бѣгли стиснутые зубы. Но,

и мужской безстрастности, молодой человекъ волновался всею душою. Входя въ домъ, онъ входилъ въ домъ отца своего, домъ, гдѣ встрѣтилъ жизнь и провелъ первый періодъ ея. Какъ же было не волноваться молодому Мъшалкину? Онъ прошелъ прямо въ заднюю половину дома, сбросилъ истертую шинель и, становясь въ новенькомъ сюртукѣ, довольно толстаго сукна, осмотрѣлся кругомъ: вотъ кухня; вотъ станокъ, на которомъ ткала его мать; вотъ на окнѣ остатки Четьи-мией съ пыльными застѣжками; вотъ и комнатка съ холщевымъ пологомъ; все темно, пыльно, облѣплено тараканами, сыро и непривѣтливо смотреть; не видно ни пузатаго самовара, ни иконъ въ посеребренныхъ ризахъ, ни двухствольнаго ружья. Съ грустью глядѣлъ Федоръ вокругъ. Вмѣсто большихъ посеребренныхъ иконъ, онъ заиѣталъ на окнѣ полустертый образъ Федора Стратилана, горько заплакавъ, палъ на колѣни. Чиста и горяча молитва юноши, не избалованнаго благами жизни, принадлежащаго къ Богу передъ началомъ честнаго, тяжелаго жизненнаго труда.

Черезъ нѣсколько минутъ Федоръ осмотрѣлъ другую половину дома: тамъ также не было ни души; сырость чувствовалась истерпимая; стѣны и потолки заплѣсневѣли; въ углу валялись тряпки, взорванный фартукъ и отопки башмаковъ, на окнѣ трубка и обертка съ табаку.

Грусть тяжелая, удушающая томила Федора. Безсознательно подошелъ онъ къ окну, поднялъ его и сѣлъ на колченогій деревянный стулъ. Было совершенно тихо; березки въ палисадѣ неподвижны, словно замерла на нихъ каждая вѣтка, окоченѣлъ каждый листъ; по улицѣ брели вереницейъ послѣднія коровы, потонувшья пастухомъ; двѣ дѣвушки шли съ ведрами и весело тараторяли. Федоръ на все смотрѣлъ, повидимому, очень внимательно, но совершенно ничего не видѣлъ; въ головѣ его былъ какой-то хаосъ, такъ-что онъ не могъ ни на чемъ сосредоточить своихъ мыслей и своего взгляда. Но вотъ что-то заставило его вздрогнуть: до слуха долетѣлъ какой-то знакомый голосъ. Федоръ высунулъ голову въ окно и увидѣлъ Бухавецкаго и Плясунова, которые, пріятельски обнявшись, медленно шли по улицѣ. По какому-то невольному чувству, Мъшалкинъ отскочилъ отъ окна и долго думалъ, ходя взадъ и впередъ по комнатѣ, куда бы дѣваться, и вдругъ вспомнилъ онъ объ Алексѣѣ Ивановичѣ, добромъ своемъ учителѣ, схватилъ фуражку, и скорыми шагами

посѣщилъ къ его домику. Алексѣй Ивановичъ былъ уже пенсіонеръ; онъ посѣдѣлъ, постарѣлъ, но остался тѣмъ же честнымъ добросовѣстнымъ труженикомъ, даромъ занимаясь съ бѣдными дѣтьми, которыя охотно приходили къ нему на домъ. Радости и трогательна была сцена свиданія между наставникомъ и ученикомъ; разспросы и рассказы слѣдовали все длинѣе и дружественнѣе. Здѣсь Феодоръ отдохнулъ душой. Маленькая, опрятная комнатка была ярко освѣщена вечернимъ солнцемъ; на столѣ покрытомъ чистою скатертью, кипѣлъ свѣтлый, одинокій самоваръ; на окнахъ стояли душистые цвѣты; на этажеркѣ и диванѣ лежали книги. Все было такъ чисто, такъ уютно, такъ весело... Алексѣй Ивановичъ разсказалъ Мѣшалкину горькую участь его семейства, сколько зналъ самъ, и утѣшалъ бѣднаго юношу какъ могъ. Мѣшалкинъ сообщилъ, что онъ отказался отъ выгоднаго предложенія знаковыхъ, у которыхъ имѣлъ кондиціи ѣхать въ университетъ вмѣстѣ съ извѣженнымъ баричемъ, вѣдѣ гувернера, и принялъ предложеніе директора гимназіи—поступить въ учителя рябиновскаго уѣзднаго училища, надѣясь помочь своимъ роднымъ, а въ особенности несчастной сестрѣ

— Бѣдный мой Феодоръ,—сказалъ Алексѣй Ивановичъ;—планы твои разрушились, и мой совѣтъ: поѣзжай въ университетъ работай что есть мочи; тогда ты, можетъ быть, и будешь полезенъ, если Богъ приведетъ, для этихъ бѣдныхъ рябиновцевъ. Сестру ты можешь взять съ собой. А здѣсь—что ты сдѣлаешь здѣсь? и самъ погибнешь въ этомъ омутѣ, и другимъ пользы принесешь не много. Поѣзжай. Мнѣ вѣрится, что изъ тебя будетъ прокъ, только не гнушайся своимъ происхожденіемъ, не забудь своихъ бѣдныхъ братій, которымъ не удалось выскочить изъ болота, какъ тебѣ; и, если будетъ возможность протяни имъ руку помощи—не съ милостыней, а какъ братъ брату!

Феодоръ послушался Алексѣя Ивановича и рѣшился ѣхать въ университетъ, о чемъ немедленно же написалъ директору и знаковымъ своимъ, которые принимали истинное участіе въ талантивомъ юношѣ. Но напрасно искалъ онъ сестру: послѣ тщетныхъ поисковъ, открылось, что она ушла съ партіей какихъ то прохожихъ солдатъ... Выѣзжая изъ города, со слезами увидѣлъ Мѣшалкинъ, какъ десятскіе разбирали домикъ отца его

Н. Бунаковъ.

ТРИ ХОЗЯИНА.

СЪ АНГЛІЙСКАГО, ИЗЪ ДИККЕНСА.

Я всегда былъ добрымъ, старымъ провинціаломъ, всю жизнь прожилъ въ своемъ помѣстьѣ и всѣ свои дни проводилъ въ сельскихъ удовольствіяхъ. Ружье или удочка рѣдко выходили изъ моихъ рукъ; я покидалъ ихъ лишь для того, чтобы порыскать во поле на любимомъ конѣ.

Во всемъ графствѣ я считался самымъ твердымъ, непоколебимымъ мясникомъ-дилеттантомъ, наводящимъ ужасъ на все животное царство на нѣсколько миль въ окружности; за то ни одинъ охотничій обѣдъ, ни одно рыболовное празднество не признавались удовлетворительными, когда я не соглашался удостоить собраніе своимъ присутствіемъ, если не въ качествѣ президента, то, по-крайней-мѣрѣ, какъ почетный гость. Никому не приходило на умъ видѣть во мнѣ человѣка жестокаго, никто никогда не называлъ меня лютымъ звѣремъ; напротивъ, во мнѣ видѣли только представителя мужественной породы, а смерть моя считалась большой и незамѣнимой потерей для всей страны.

Однажды я отправился на охоту, на дикихъ утокъ. Мои охотничьи сапоги давно уже были не совсѣмъ въ порядкѣ; да, я дѣйствительно нуждался въ парѣ новыхъ сапоговъ; но погода была такъ благоприятна, я чувствовалъ такую бодрость духа, былъ такъ

весель, что у меня не доставало духу отказаться отъ своего желанія, въ ожиданіи, пока новое охотничье платье будетъ мнѣ выслано изъ Лондона. Я зналъ, что шоль прямо на встрѣчу опасности; моя старая экономка (я не имѣлъ ни жены, ни дѣтей) очень настойчиво предупреждала меня объ этомъ, такъ что, когда я возвратился, къ ночи, домой, промокшій до костей и съ значительными признаками лихорадки, никто въ моемъ домѣ не выразилъ ни малѣйшаго удивленія, видя въ томъ лишь послѣдствіе моего собственнаго неблагоразумія. Вскорѣ во мнѣ обнаружилась сильная горячка; а такъ какъ я всегда былъ невосдерженъ къ крѣпкимъ напиткамъ, то опасность моего положенія до того увеличилась, что чрезъ нѣсколько дней я испустилъ послѣднее дыханіе.

Когда я постучался у обыкновеннаго входа въ Елисейскія поля, прося пропустить меня, то встрѣтилъ со стороны привратника весьма холодный пріемъ.

— Мнѣ кажется, сэръ, вы пришли не во-время?—сказалъ онъ.

— Какъ же это можетъ быть?—спросилъ я его,—кажется, я умеръ такъ, какъ слѣдуетъ, то есть надлежащимъ порядкомъ.

— Не совсѣмъ-то такъ, какъ вы говорите; сколько мнѣ объ этомъ извѣстно,—возразилъ онъ: — впрочемъ, со мною нечего толковать: моя обязанность состоитъ въ томъ, чтобы исполнять приказанія, а потому объявляю вамъ, что мѣсто ваше не готово, и для того, чтобы привести его въ должный порядокъ, требуется еще нѣсколько лѣтъ.

— Что-о?—воскликнулъ я, приходя въ негодованіе.—Полно гордить пустяки, отворй ворота!

— О!—возразилъ онъ презрительно, вручая мнѣ исписанный листокъ бумаги,—подобныя выходки меня не пугаютъ, я выдывалъ на своемъ вѣку много такихъ штукъ.

— Бездѣльникъ!—закричалъ я, уже внѣ себя отъ ярости,—о твоихъ дерзостяхъ будетъ донесено высшему начальству.

— Донесите, сколько хотите,—возразилъ онъ, смѣясь,—я то же самое могу сдѣлать... Человѣкъ, совершающій самоубійство или нѣчто въ этомъ родѣ, долженъ претерпѣть за это наказаніе—это ясно.

Прежде чѣмъ я успѣлъ собраться съ духомъ, чтобы поколотить этого грубіяна, онъ захлопнулъ калитку и я принужденъ былъ ощупью искать обратную дорогу въ совершенной темнотѣ.

тѣ. Прошло нѣсколько времени, прежде нежели я опять увидѣлъ свѣтъ и могъ прочесть данную мнѣ бумагу.

Ея содержаніе вполне оправдывало рѣчи угрюмаго или, скорѣе, ворчливаго привратника; меня укоряли въ томъ, что я насильственной смертью и почти сознательно превратилъ жизнь, нельзя сказать, чтобы полезно или мудро проведенную. Мѣсто мое въ Елисейскихъ поляхъ было дѣйствительно неготово для моего приѣзда, и туда ожидали меня не ранѣе какъ черезъ двадцать-пять лѣтъ, почему и предписывалось мнѣ дотянуть предначтенный срокъ для пребыванія моего на землѣ въ крайне-непріятномъ превращеніи.

Едва окончилъ я чтеніе, какъ упалъ на землю; меня окружила страшная тьма, которая, какъ мнѣ кажется, продолжалась нѣсколько часовъ; а когда она разсѣялась, то душа моя уже переселилась и я былъ не что иное, какъ косматая, несчастная, голодная собака, принадлежавшая разнощику яблокъ.

Хозяинъ мой былъ бѣденъ и, по общему отзыву о немъ, права жестокаго; но въ своемъ первобытномъ состояніи я зналъ такъ много охотниковъ, что не могъ вполне раздѣлять этого мнѣнія.

Мы жили на неопрятномъ, заросшемъ травою, непроходимомъ дворѣ, какъ разъ за цѣлымъ рядомъ богатыхъ дворцовъ. Должность моя состояла въ томъ, чтобъ въ продолженіе цѣлаго дня слѣдовать за тележкой моего хозяина, а ночью исправлять обязанности сторожа.

Великъ былъ трудъ, а кормъ весьма умѣренъ; но послѣдній былъ сообразенъ состоянію моего хозяина, а на трудность работы я не имѣлъ большого права роптать, когда припоивалъ, что въ былые дни я самъ не разъ подвергалъ многихъ животныхъ гораздо мучительнѣйшимъ пыткамъ, и все это ради моей праздной лѣни, тогда какъ одна лишь крайность заставляла моего хозяина поступать со мною такимъ суровымъ образомъ.

Я былъ привязанъ на цѣпи у воротъ, которыя были постоянно открыты и днемъ и ночью. Постель моя состояла изъ маленькаго количества соломы, брошенной у входа: на это я также не могъ жаловаться, потому что у многихъ дѣтей, спавшихъ въ одномъ со мною домѣ, и этого, быть можетъ, комфорта не находилось. Нашъ дворъ былъ всегда почти на половину занятъ тележками разнощиковъ; множество собакъ стерегло, подобно мнѣ,

эти телѣги, и въ свободныя минуты, когда мой хозяинъ въ обществѣ своихъ собратьевъ, желалъ доставить себѣ маленькое развлеченіе, то меня, какъ самаго сильнаго пса, спускали съ цѣпи и подстрекали вступать въ борьбу съ четвероногими моими товарищами. И въ этомъ поступкѣ я встрѣчалъ много общаго между моимъ хозяиномъ и моею прежнею личностью; но какъ велика была разница между чувствомъ, которое я испытывалъ теперь, когда былъ дѣйствующимъ лицомъ въ этой борьбѣ, и тѣмъ, которое я ощущалъ, когда бывалъ неболѣе, какъ зритель! Иногда толпа ребятишекъ, главныхъ членовъ нашего двора, подстрекала меня на самый отчаянный бой, во время котораго ихъ родители съ умиленіемъ восхищались признаками удали, которую выказывали ихъ потомки. Я не могъ и этого слишкомъ строго осуждать, потому что хорошо помнилъ тотъ день, когда отецъ мой, взявъ меня, пятилѣтняго мальчика, на руки, научилъ спустить курокъ ружья, которое было прицѣлено на заборъ нашего сада, при чемъ я попалъ въ бѣднаго воробья, весело чиривавшаго на этомъ заборѣ: бѣдняжка въ одинъ мигъ былъ раздробленъ на нѣсколько частей. Иногда надзиратель нашей части, жившій по сосѣдству съ нашимъ дворомъ, приходилъ къ намъ и прекращалъ слишкомъ часто возобновлявшійся собачій бой, и хоть это казалось мнѣ иногда самоуправствомъ, а все же приходило мнѣ и то на умъ, что такой надзоръ и запрещеніе можно бы употребить еще съ болѣею пользою во многихъ странахъ или помѣстьяхъ, гдѣ охотничье ремесло находится въ особенномъ развитіи.

Дамы изъ сосѣднихъ богатыхъ домовъ, въ сопровожденіи своихъ кавалеровъ, приходили иногда къ намъ, желая, вѣроятно, освидѣтельствовать лично положеніе бѣднѣйшаго класса людей. Посѣтителей поражала дикость нашихъ обычаевъ и свирѣпость нашихъ нравовъ; но одна изъ этихъ прекрасныхъ дамъ, выразившая громче другихъ свой ужасъ, очевидно забывала при этомъ то время, когда я видѣлъ ее на дачѣ, гдѣ она съ восторгомъ любовалась на травлю барсука.

Однажды мой хозяинъ, забывъ, или совѣсть не имѣя понятія о справедливости, хотя бы и къ животнымъ, запретъ меня въ свою телѣжку, нагруженную значительною тяжестью, которую тащить даже и такому здоровому псу, какъ я, было довольно-трудновато; я выказалъ такое сопротивленіе противъ этого, что, выведенный изъ терпѣнія моею настойчивостью, хозяинъ ударилъ меня нѣ-

сколько разъ по спинѣ, какъ это я самъ часто дѣлывалъ въ деревнѣ съ моею упрямою лошадью. Эта такъ называемая жестокость была замѣчена многими прохожими, громко воивавшими противъ такого поступка, и однимъ полицейскимъ служителемъ, который и свелъ хозяина моего вмѣстѣ съ телѣжкой въ часть.

— Какъ вы осмѣливаетесь нарушать законы?

— Я ничего не понимаю въ законахъ, — отвѣчалъ мой хозяинъ и хлопочу только о томъ, чтобы выработать себѣ кусокъ хлѣба.

— Это хорошо, — возразилъ судья, — однако не даетъ вамъ никакого права употреблять для того собакъ. За нарушение закона вы должны заплатить штрафъ въ одинъ фунтъ стерлинговъ.

— Да какъ же это можно? вѣдь это ни на что не похоже, — пробормоталъ хозяинъ. — Моя собака такъ сильна, что могла бы итѣ замѣнить лошадь,

— Вы должны заплатить штрафа одинъ фунтъ стерлинговъ, — прервалъ его судья, прекращая всѣ дальнѣйшія разсужденія.

Мой хозяинъ былъ не приготовленъ къ такому платежу, а потому его телѣжка была взята подъ залогъ до-тѣхъ-поръ, пока онъ не принесетъ денегъ. Полицейскій служитель выпустилъ меня, между тѣмъ, погулять на дворъ; а я, пользуясь удобнымъ случаемъ, пролѣзъ подъ ворота и распрощался навсегда съ моимъ несчастнымъ хозяиномъ и его телѣжкой. Долго бродилъ я, усталый и голодный, по городу; голодный потому, что съ самаго утра ничего не получалъ съѣстного, кромѣ нѣсколькихъ глотковъ молока, котораго я тайкомъ отвѣдалъ изъ горшка, стоявшаго незакрытымъ на фундаментѣ ограды.

Прогулка моя съ полдня до вечера происходила въ самыхъ красивыхъ, чтобы не сказать аристократическихъ, частяхъ столицы, гдѣ улицы и панелы содержатся въ такой чистотѣ, что представляютъ совершенную пустыню, отнимающую всякую надежду у всякой изнуренной отъ голода собаки, какою былъ я.

Смерклося. Я находился уже въ предмѣстіи города; эту мѣстность можно бы назвать даже деревней, если бы пѣлый рядъ развалинъ послѣ погорѣлыхъ домовъ не заслонялъ собою всю перспективу.

Проходя по этимъ чернымъ массамъ, все по прямому направленію, я очутился передъ маленькой несчастной хижиной, строила которой были до половины видны изъ-подъ кровли. Когда я находился въ нерѣшимости—взойти ли туда или нѣтъ, дверь быстро отворилась и какой-то человекъ показался на по-

рогѣ. Казалось, онъ удивился и вмѣстѣ съ тѣмъ обрадовался, увидѣвъ меня; онъ зазывалъ меня ласковыми жестами и знаками, чтобы заманить къ себѣ въ хижину, прибѣгая при этомъ случаѣ къ обычной приманкѣ—кускомъ хлѣба. Мѣсто мнѣ нѣсколько не нравилось, но человѣкъ этотъ казался мнѣ такимъ пріятливымъ, да и предлагаемая подачка имѣла свою прелесть послѣ такого долгаго страствованія и такого продолжительнаго поста, такъ что я рѣшился войти.

Пока я ѣлъ хлѣбъ, мой новыи хозяинъ притворилъ за мною дверь и кликнулъ кого-то изъ задней комнаты. Рѣзкій голосъ отозвался на зовъ, и вскорѣ послѣ того вошла старуха съ мрачнымъ видомъ. Она мнѣ показалась весьма отвратительною и похожею на вѣдму. Оба они стояли въ нѣкоторомъ отъ меня разстояніи, между тѣмъ, какъ я занятъ былъ уничтоженіемъ подачи, которую вторично получилъ отъ моего новаго хозяина; они разговаривали въ полголоса.

— Вѣдь за такую шкуру дадутъ талера три съ половиною,—говорила старуха съ живостью.

— Нѣтъ,—возразилъ мужчина,—къ чему это? я могу и продать его за эту же цѣну.

— Такъ оставь этого пса ужъ лучше у себя, — возразила старуха злобно:—онъ въ два дня сожретъ болѣе, чѣмъ на эту сумму.

— Не смотря на это я все-таки желалъ бы его имѣть при себѣ,—сказалъ мужчина, глядя на меня съ восхищеніемъ.—Что за славный звѣрь!

— Развѣ намъ деньги, что ли, нужны, въ самомъ дѣлѣ? — продолжала озлобленная старуха,—наѣдемъ золы и будемъ ждать урожая—не такъ ли?

Послѣднія слова, казалось, имѣли желаемый успѣхъ, потому что, нѣсколько минутъ спустя, я очутился уже въ мощныхъ рукахъ, изъ которыхъ не было никакой возможности освободиться, и увидѣлъ старуху, которая приближалась ко мнѣ съ огромнымъ острымъ ножомъ.

Судя по тому что я слышалъ и что я видѣлъ предъ собою, мнѣ легко было угадать намѣреніе моихъ хозяевъ, которое состояло въ томъ, чтобы съ меня съ живого содрать шкуру; а извѣстно, что шкура вдвое дороже цѣнится, если она снята съ живого животнаго.

Припоминая свое прошедшее, я чувствовалъ, что совѣсть меня

упрекала во многих дѣйствіяхъ, очень мало отличавшихся отъ настоящаго; только я не имѣлъ никакого права на извиненія, потому что дѣлалъ зло безъ всякой особенной нужды.

Несмотря на то, что человѣческія размышленія побуждали меня извинить поступокъ, вынужденный нищетою, животный инстинктъ одержалъ во мнѣ. однако, верхъ, и я принялся лаять и выть что было силы. Мой хозяинъ старался унять этотъ шумъ, зажимая мнѣ морду, но мои сопротивленія были такъ сильны, что онъ принужденъ былъ, наконецъ, оставить меня выть сколько душъ моей было угодно. Въ то самое мгновеніе, когда старая вѣдьма старалась улучшить удобную минуту для исполненія задуманной надо мною операціи, дверь вдругъ отворилась и нѣсколько человѣкъ показалось на порогѣ. Старуха вырвала ножъ, а хозяинъ бросилъ меня при видѣ этихъ неожиданныхъ гостей, которые, гуляя въ этихъ мѣстахъ, были привлечены въ хижину моими отчаянными воплями. Мои непріатели старались оправдаться, предлагая нѣкоторые объясненія; но это ни къ чему не повело и такъ называемые преступники были отведены моими спасителями въ городъ для допроса о жестокости въ отношеніи собаки. На слѣдующій день, въ присутствіи магистрата и рукоплещущей толпы народа, ихъ осудили на заключеніе въ рабочій домъ на три мѣсяца; а я вторично ускользнулъ, никѣмъ не замѣченный, и снова пустился искать счастья.

Опытъ послѣдней ночи научилъ меня избѣгать городскихъ предмѣстій; къ деревнѣ я не чувствовалъ никакого влеченія, а потому и направилъ свой путь на дорогу, которая, по моимъ соображеніямъ, должна была меня вывести къ самому центру столицы. Послѣ короткаго странствованія я очутился въ отдаленномъ паркѣ, наполненномъ красиво-одѣтыми дамами и кавалерами, ливрейными лакеями, лошадьми, экипажами и прочими принадлежностями роскоши и богатства. Я снова начиналъ испытывать мученія голода, который приближался ко мнѣ съ убійственной настойчивостью; а такъ какъ я ничего съѣдомаго на красиво-усыпанныхъ пескомъ аллеяхъ не находилъ, то и позволилъ себѣ выхватить большой кусокъ пирожнаго изъ рукъ одного чрезвычайно откормленнаго мальчика въ бархатной курточкѣ. Дятя, пораженное испугомъ, не успѣло еще обратиться съ жалобою къ своей нянькѣ, которая была занята разговоромъ съ очень длиннымъ, сухопарымъ солдатомъ, какъ уже и слѣдъ мой

простыль. Проходя мимо скамьи, въ одной изъ лучшихъ частей парка, я невольно обратилъ вниманіе на одну личность привлекательной наружности; это былъ челоуѣкъ среднихъ лѣтъ, въ очкахъ, читавшій книгу. Въ немъ проглядывало столько уладительнаго спокойствія, столько довольства, столько хорошаго расположенія духа, столько внушающаго къ себѣ почтенія, что я не могъ идти далѣе и расположился у ногъ его, высунувъ языкъ и глупо виляя хвостомъ.

«Еслибы судьба, думалъ я, послала мнѣ такого хозяина, я носилъ бы ему корзинки, доставалъ бы брошенную въ прудъ трость, становился бы служить на заднихъ лапахъ — однимъ словомъ, выполнялъ бы всѣ извѣстныя собачьи мудрости, чтобы выразить свой восторгъ и свою благодарность.

Недолго оставался я въ этомъ положеніи, которымъ обратилъ на себя вниманіе почтеннаго господина. Онъ всталъ съ мѣста и такъ поощрительно поманилъ меня за собою, что я тотчасъ же, безъ малѣйшаго колебанія, послѣдовалъ за нимъ. Мы прошли нѣсколько десятковъ шаговъ и чрезъ короткое время находились уже на широкой площади передъ большимъ угольнымъ домомъ, въ которомъ, казалось, мой новый знакомый жилъ. Когда онъ позволилъ, то дверь тотчасъ же была отворена лакеемъ въ ливреѣ.

— Джорджъ, — сказалъ мой почтенный господинъ, весьма кроткимъ голосомъ, — возьми эту собаку и позаботься объ ея содержаніи.

Приказанія добродѣтельнаго господина были буквально исполнены, и чрезъ нѣсколько минутъ я находился уже въ большой собачьей канурѣ, помѣщенной въ конюшнѣ, которая находилась въ концѣ сада; передо мною поставили плошку съ водой и блюдо съ костями и различными вкусными яствами.

Удовлетворивъ свой голодь, я почувствовалъ какое-то особенное довольство и, осмотрѣвшись вокругъ, увидѣлъ еще трехъ собакъ различныхъ породъ. Одна изъ нихъ была маленькая, черная лягавая собака; другая, немного побольше первой, была тоже лягавая, только шотландской породы; третья еще большаго размѣра изъ породы бульдоговъ, и наконецъ я, четвертый и самый большой песъ, помѣсь водолаза и овчарки. Я узналъ изъ разговора съ моими новыми товарищами, которые были весьма сообщительны, что одинъ изъ нихъ былъ купленъ на улицѣ, другой подаренъ старому господину его другомъ, а третій, подобно мнѣ, приглашонъ послѣдовать за нашимъ хозяиномъ. Всѣхъ

ихъ отлично кормили , прекрасно содержали; люди выпускали ихъ въ извѣстные часы для прогулки, но никогда хозяинъ не бралъ ихъ съ собою. Многого они ожидали отъ своего почтеннаго господина , но до-сихъ-поръ не могли вывести о немъ удовлетворительнаго заключенія. Онъ не любитель собакъ , это ясно, да и не охотникъ (я—вздрыгнулъ при этой фразѣ)—неохотникъ потому, что никогда не ѣздилъ за городъ ; казалось, ихъ держали какъ-будто напоказъ, а между тѣмъ не обращали на нихъ никакого вниманія, что было для нихъ загадкой, которой даже и при благоразумномъ моемъ содѣйствіи они не въ состояніи были разрѣшить. Въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль я самъ находился въ томъ же положеніи, о которомъ мои товарищи мнѣ разеказывали, и начиналъ уже чувствовать тягостную усталость, вслѣдствіе однообразія моей жизни; но вдругъ въ одно утро мнѣ показалось, что въ домѣ происходитъ какая-то особенная суета, и точно, вскорѣ послѣ завтрака, нѣсколько служителей вошло въ конюшню и всѣхъ насъ четверыхъ повели въ столовую, гдѣ находились нашъ хозяинъ и нѣсколько подобныхъ ему почтенныхъ на видъ джентльменовъ, украшенныхъ очками и отличавшихся весьма кроткими и мягкими манерами.

— Джорджъ,—сказалъ нашъ хозяинъ, обращаясь къ одному изъ служителей,—все ли готово для хирургическихъ опытовъ?

— Совершенно все,—отвѣчалъ слуга.

— Такъ сдѣлай же одолженіе, — продолжалъ нашъ хозяинъ весьма ласково,—сдѣлай такъ, какъ я говорилъ тебѣ.

Вслѣдствіе этого разговора, маленькая лягавая собачка была уведена; по истеченіи нѣсколькихъ минутъ служители возвратились за шотландкой и потомъ за бульдогомъ. Хотя мы и прохаживались по столовой передъ тѣмъ , какъ насъ уводили, но собравшіеся джентльмены не обращали на насъ никакого вниманія, а были болѣе заняты разговоромъ между собою у окна, которое выходило на площадь. Наконецъ очередь дошла и до меня и я послѣдовалъ за моимъ проводникомъ, съ какимъ-то тайнымъ предчувствіемъ бѣды.

Когда я вошелъ въ залу, то прежде, нежели могъ замѣтить, что стало съ моими товарищами, нѣсколько служителей положили меня и прикрѣпили къ станку, на которомъ я очутился мордой къ верху, растянувши ноги, а въ ротъ мнѣ всунули клубокъ шерсти, вѣроятное назначеніе котораго было препятствовать моему вою. Едва только служители успѣли меня установить

въ этомъ крайне-неудобномъ положеніи, какъ въ комнату вошли почтенные джентльмены и принесли съ собою весьма сильный запахъ химическихъ, физическихъ и разныхъ другихъ аптекарскихъ снадобій.

— Съ тѣхъ поръ, какъ мы въ послѣдній разъ видѣлись, — говорилъ голосъ, который я призналъ за голосъ нашего хозяина, — вѣроятно, вамъ извѣстно, что я вступилъ въ полемику съ одной газетой, корреспондентъ которой подписывается псевдонимомъ *Canis Familiaris*. Миѣ, конечно, неприлично хвалить самого себя; но это уже слишкомъ очевидно, что простой теоретикъ, каковъ мой безыменный соперникъ, имѣетъ очень мало фактовъ для подтвержденія своихъ аргументовъ, въ сравненіи съ такимъ эксперименталистомъ, какъ я. Если *Canis Familiaris* утверждаетъ, что аросупить-декоктъ изъ собачьей капусты—этотъ обыкновенный ядъ, извѣстный подъ именемъ собачьяго яда, не дѣйствуетъ на здоровую собаку, то я заставляю его замолчать, отвѣчая ему тѣмъ, что я своими собственными руками четырнадцать порцій этого яда давалъ такому же количеству собакъ различныхъ породъ, и что я еще до-сихъ-поръ храню ихъ безжизненные трупы въ моей анатомической залѣ, въ доказательство всему міру справедливости моихъ словъ. Ропотъ одобренія, смѣшанный съ бряцаніемъ стакановъ, послышался со стороны джентльменовъ. Я подумалъ, что роковая минута настала и что готовятъ напитокъ для нашего истребленія; но вскорѣ узналъ—по запаху, что достопочтенные господа распивали хересь, а по невнятности ихъ голосовъ, что они грызли сухари.

— Ну что, докторъ Бораксъ,—сказалъ нашъ хозяинъ, худо сдерживая свое торжество,—будете ли вы еще придерживатся мнѣнія, что это ископаемое, которое мы имѣемъ предъ глазами, не остатки простой собаки?

— Буду, безъ сомнѣнія, буду, — отвѣчалъ докторъ Бораксъ едва внятно, потому что ротъ его былъ наполненъ сухарями.

— Очень хорошо, — возразилъ нашъ хозяинъ, глядя рукою свой подбородокъ, а я утверждаю противное и, что еще болѣе, готовъ доказать на опытѣ, что это ископаемое есть остатокъ одной изъ двухъ собакъ шотландской породы или бульдога.

Вторичный ропотъ удовольствія пробѣжалъ по комнатѣ въ отвѣтъ на это смѣлое замѣчаніе, и снова этотъ ропотъ слышался со стукомъ стакановъ и грызеніемъ сухарей.

— Вотъ здѣсь,—воскликнулъ нашъ хозяинъ тономъ оратора

и хлопая рукою по предмету, издававшему глухой звукъ, — я вижу отличный образецъ здороваго бульдога, а вотъ тутъ (опять лаянье и глухой звукъ) такого же достоинства собаку шестиландской породы.

Затѣмъ слѣдовало общее движеніе между джентльменами; они всѣ, казалось, рассматривали что-то, и я справедливо догадался по двумъ глухимъ звукамъ, что мои несчастные товарищи находились въ одинаковомъ со мною положеніи близъ того мѣста, гдѣ стоялъ нашъ хозяинъ, и что онъ производилъ эти звуки, ударяя рукою по ихъ растянутому брюху.

Когда кроткіе джентльмены взаимно высказали свое удовольствіе, нашъ хозяинъ позвонилъ въ колокольчикъ. Въ отвѣтъ на это тотчасъ же появился слуга.

— Джорджъ, — произнесъ нашъ хозяинъ, — снесите этихъ двухъ собакъ къ господину Джемсу въ анатомическую комнату: онъ ужъ распорядится ими соотвѣтственно моимъ приказаніямъ.

Пока эти порученія исполнялись, мой хозяинъ продолжалъ свою рѣчь.

— Господа, — сказалъ онъ, — чтобы возвратиться снова къ нашему вопросу о дѣйствиіи собачьяго яда на всякую собаку, я готовъ сейчасъ же доказать, насколько ошибочно мнѣніе, утверждаемое нѣкоторыми теоретиками, что тѣмъ больше собака, тѣмъ болѣе будетъ въ ней сила сопротивленія къ дѣйствию этого смертоноснаго зелья. Я доказалъ уже истребленіемъ четырнадцати собакъ, что собачья капуста не есть только простое растеніе, какъ утверждаютъ *Canis Familiaris* и многіе другіе, но что это растеніе есть самый сильный ядъ, который когда-либо былъ употребленъ для умерщвленія всякой собачьей породы.

Опять послышались одобрительные звуки и снова сопровождался звономъ стакановъ.

— Повторите намъ еще разъ свою мысль, докторъ, — заговорилъ весьма кроткій джентльменъ, который, казалось, записывал свои замѣтки во все время разговора, — вы говорите, что большая собака при равной порціи умретъ еще скорѣе маленькой?

— Да, — отвѣчалъ докторъ съ гордостью, — и для доказательства моего мнѣнія я запасся, маленькой лягавой собакой и большимъ образцомъ смѣси водолаза и овчарки, надъ которыми я намѣренъ произвести опытъ передъ вашими глазами.

Несмотря на всю опасность моего положенія, я не могъ, однако, не предаться нѣкоторымъ размышленіямъ о томъ, какая

разница бываетъ въ общественномъ положеніи людей; а такъ-какъ мнѣ извѣстно было, какъ мала разница между самоубійствомъ и произвольнымъ стремленіемъ къ оубае, то мнѣ невольно пришло въ голову вопросъ: отчего мои первые два жезяина-мучителя были такъ строго наказаны закономъ, тогда какъ это сборище полуученыхъ полуневѣжественныхъ докторовъ могло безнаказанно истреблять цѣлыя сотни животныхъ, ради какой-то прихотливой теоріи, подъ защитой хладнокровной и мнимои науки.

Въ то время, какъ я былъ занятъ такими размышленіями, мнѣ вдругъ послышался слабый, похожій на локтаніе, звукъ, который производилъ, какъ я подозрѣвалъ, мой маленькій товарищъ, глотая гибельный напитокъ.

Но вотъ ховянтъ мой приблизился ко мнѣ, держа въ одной рукѣ воронку, а въ другой кубокъ, содержащій въ себѣ темную жидкость. Я пытался смягчить его сердце жалостнымъ умоляющимъ взглядомъ, но это стараніе оказалось напраснымъ передъ холоднымъ, самонадѣяннымъ, величественнымъ ученымъ.

Воронка была вставлена въ мой полуоткрытый ротъ и отвратительный напитокъ пропущенъ въ засохшее мое горло; сердце мое замерло; мнѣ показалось, что пары пѣлой сотни москатиленыхъ лавокъ бросились мнѣ въ голову и что я стремглавъ падаю на землю.

Я пришло въ себя. Больной, слабый, лежалъ я въ постели, въ своей комнатѣ, въ деревнѣ, подъ надзоромъ моего доктора и моей старой ключницы. Простуда, полученная мною на охотѣ, превратилась въ воспаленіе мозга, и я долго оставался безъ памяти.

Первое употребленіе, какое я сдѣлалъ изъ медленно возвращавшихся силъ, была забота о введеніи болѣе гуманныхъ обычаевъ въ сельскія мои увеселенія. Ружье и удочку я замѣнилъ палкой и мячикомъ, развелъ лужокъ, на которомъ устроилъ мѣсто для игры въ кегли, куда сходились потомъ всѣ юноши графства и находили всегда ласковый приемъ.

ПРАВЫЕ И ВИНОВАТЫЕ.

ЗАПЕЧКИ СЛѢДОВАТЕЛЯ СОРОКОВЫХЪ ГОДОВЪ.

I.

Уздечка конокрада.

На малопроѣзжемъ проселкѣ, прислонясь задворками къ лѣсу, стояла, да вѣрно и теперь стоитъ, деревушка Нечаевка; всего дворовъ 6 или 7; избышки чистенькія, дворники исправные; черезъ дорогу большіе огороды; все обнесено жердями: видно, что мужички сытые, исправные. Что жъ мудренаго? два торговые села подъ-боккомъ, а оброкъ небольшой, да и лѣсу господскаго въ волю, — какъ не жить? И жили они смирно, дружно, до того смирно, что земскія власти къ нимъ и не заглядывали.

Но вдругъ стряслась бѣда неожиданная.

На самомъ краю былъ дворъ Пахома Карпова, мужичка лѣтъ 35; онъ жилъ съ женой, двумя ребятишками и со старухой-матерью.

Дѣло было весной; ложилась свѣжая вечерняя роса; заря погасала. Утромъ надо будетъ на рынокъ въ Троицкое: говядинки, бѣлой мучки, того другого вскунить къ Милолѣ. Поужинала семья, разлѣглась, заснула. Пахомъ помолился, выискалъ, потяги-

ваясь, на дворъ, бросилъ буркѣ овсепа въ телѣгу да и самъ въ ней растянулся.

Сталъ ужъ было онъ всхрапывать, да жучка зарычала, потомъ стала повизгивать, а бурка рвется и фыркаетъ. Слышать Пахомъ, волосы дыбомъ, морозъ по кожѣ подираетъ. Знать *хозяйня* пришолъ; пошевелиться не смѣетъ, боится глаза открыть; дыханье притаилъ; не прогнѣвался бы *хозяйня*—задушить!

Вдругъ подлѣ него кто-то чихнулъ и выругался совершенно почеловѣчески. Пахомъ открылъ глаза и на просвѣтѣ въ заборѣ видитъ: кто-то брутаетъ его бурку. Какъ гаркнетъ Пахомъ: «кто тутъ?» да такъ гаркнулъ, что жена въ избѣ проснулась. «Воры!» прибавилъ онъ, выскакивая изъ телѣги и хватая топоръ; а воръ, конечно, ждать не сталъ, къ калиткѣ—и драло. Пахомъ за нимъ; выскочила и жена за ворота, завизжала, подняла тревогу, всполошила всю деревню.

Поотворялись окна, заскрипѣли ворота, медленно торопясь, сбѣгались мужички въ рубашкахъ, а кто въ зипунѣ въ наивидку, протирая глаза и не понимая въ чемъ дѣло; а баба голосить-себѣ у воротъ: «родимые спасите! батюшки, помогите, воры!»

— Да ну-те къ чорту, — спросилъ рыжій Фомка, говори, штоль, что такое?

«Спасите, родимые!» орала баба, «въ конецъ разорили, ограбили! о-о-охъ, батюшки, душу всю выворотило!»

— Да гдѣ же воры-то?

— Въ лѣсъ ушли, батюшка.

— Да твой-то гдѣ же?

— Спасите, родимые! да за ними побегъ, догонять побегъ. Ой-ой-ой!

— Да ты не вой! Толкуй, въ кою сторону побегли-то?

— Не знаю, родимые; вонъ въ енту что ли. Батюшки свѣты! погибла моя головушка!

— Да что съ ней, дурой, ребята! Идемъ; чай, Пахомъ отвѣтается.

И человекъ восемь, кто съ дубьемъ, кто съ топоромъ, пошла на помощь Пахому по дорогѣ, на Чурилово; дорожка шла по опушкѣ лѣса. Мужики гадали, окликали Пахома — отвѣту не было. Имъ жутко стало своихъ голосовъ; боязно: и ночь и лѣсъ, и тишина такая! Хотѣли ужъ вернуться! «Можетъ онъ дома» брелъ кто-то мысль. — «И взапрямъ», подхватилъ дюжій Ерема.

Но въ это время Филька гаркнулъ въ сторонѣ; «Стой! держи! здѣсь!» Всѣ бросились. Филька воинственно держалъ за воротъ Пахома.

— Эвова кого поймалъ! — заговорили крестьяне, — что Пахомъ, взапрямъ были воры?

Пахомъ не могъ отвѣчать: онъ тяжело дышалъ, трясся какъ въ лихорадкѣ; безъ шапки; воротъ рубашки растегнуть; въ рукавъ торчать.

— Аль языкъ проглотилъ?—спросилъ Оюмка. — Что жъ ты озраешься словно волкъ, небось — свои.

— Филька... конокрадъ... бурку... съ трудомъ проговорилъ Пахомъ.

— Свелъ, каналья—а?

— Нѣтъ... клѣтъ... замокъ... ушолъ...

— Экъ те прихватило, околесницу какую несешь. Слышите, ребята: замокъ у Пахома ушолъ. Вишь какова страху задалъ Филька! Ай да Филька! Филька!—гаркнулъ говорившій, подь-ко сюда, поднеси на радости, Филько-о-о!

Только лѣсное эхо повторило: «Филько», да загудѣлъ лѣсъ отъ вѣтра, или птицы всполошились, что ли.

— Да полно Филька ли? Не оборотень ли—а? дядя Пахомъ, полно трястись-то. Ну гдѣ жъ Филька? да онъ ли, дядя? не овознался ли?

— Не, нѣтъ, онъ, и уздечка за поясомъ. Какой шустрой, какъ заяцъ въ кусты шварнулся,—съ разстановкой говорилъ Пахомъ,—не догналъ, вотъ-те право не догналъ — сгибъ да прощай.—И онъ понурилъ голову. Что жъ, взаправду, Пахомъ что ли лѣшаго думалъ видѣть, что такъ перепугался?

— Ну такъ и есть, дядя — онъ, коли сгнулъ, хохоча подкинулъ Оюмка, оборотень; а Ерема, ударивъ по спинѣ Пахома, криво въ знакъ уваженія, такъ-что тотъ шага три ткнулся впередъ, добавлялъ: трусь Вавилычъ, герой Нечаевской. Слышь, ребята! мозглявый Филька къ нему атаманомъ съ шайкой наѣзжалъ, да въ полонъ то не дался Карпычу! Ну его! пойдёмъ, братцы! до свѣту далеко, прикурнуть можно, позѣвывая, продолжалъ Ерема.

Равнодушно пошли мужички, сѣтуя, что прервали задаромъ краткій отдыхъ. Утромъ рано вставать надо, а вотъ ужъ отъ востока и вѣтерокъ потянулъ тихій, свѣженькій: куда какъ

вольготно! у другихъ и сомъ отогналъ, а Пахома была дихорада; влететь слова не говорить, идетъ понурия голову.

Мужики, проходя мимо воротъ Пахома, заглянули на дворъ. «Взавравду илѣтъ подломана; два узла добра навязано, да и бурка въ хомутѣ — были воры: вотъ въ замѣтъ и оттычка чужая», покачала головой, ругнули Фильку и Пахома кстати, и разошлись по домамъ; только жена накинулась на Пахома, ругая, зачѣмъ вора не поймалъ, да ее потревожилъ, и сама не зная за что, такъ что Пахомъ изъ себя вышелъ, поучилъ ее да крикнулъ: «Прикуси языкъ-то, дамъ-те Фильку!» сосѣди даже слышали это. «Ишь расходился, знать, приревновалъ Фильку», замѣтилъ кто-то.

Прошло два, три часа.

Встало утро, такое привѣтливое, живительное, ясное, что всякой твари жизни придаетъ, а у человѣка силы такъ и бьютъ илечотомъ. Между свѣжыхъ, едва трепещущихъ листьевъ щебечуть пестренькія птички, на лужайкахъ цвѣты отворяютъ солнцу чашечки, а те тянутъ изъ нихъ ароматы и само будто радуется; съ ручья и топи легко оквезной паръ подымается волнами, свертывается въ облака и розовыя легкія облака со стыдомъ убѣгаютъ въ даль; вѣтерокъ играетъ легкой прохладой и шепчетъ что-то непонятное съ листьями и травою, тонно заговорщикъ.

Очнулась и Нечаевка! Скрипнетъ калитка, затянуть нескладную пѣсню ворота, выйдетъ мужичокъ въ рубашкѣ, почешется, потянется, зѣвнетъ, перекреститъ ротъ, да и пойдетъ черезъ дорогу заправлять соху, али борону; а другой на всѣ стороны помодится набожно и тоже сейчасъ за дѣло не ѣмщи, не димши, кто подводу на торгъ справлять, кто сѣмена асымать. Мальчишка пастухъ то на длинномъ берестовомъ рожкѣ выдѣлываетъ однообразныя трели, то хлопастъ безконечнымъ кнутомъ; отзываются ему со дворовъ коровы и мелочь — и все такъ весело, радостно прыгаетъ, играетъ, мычитъ, ржетъ! телята, поднявъ хвостъ, нескладно прыгаютъ — извѣстно, телятій восторгъ — и пошолъ пастухъ съ своимъ рожкомъ, длиннымъ кнутомъ и холщевой котомкою съ дневною пищею, да неоконченными лаптями; въ перегонку бросилось за нимъ стадо.

Только Пахому что-то было нерадостно, словно камень дѣгъ на сердце, и на рынокъ не поѣхалъ и чуть фпять жену не поколотилъ.

Пошло стадо по дорогѣ, за лѣсъ, на незаказанный лугъ, и шь улеглась по дорогѣ. Вдругъ скачетъ настухъ верхомъ на-амь; стадо бросилъ, машеть, кричить: «Скорѣе! скорѣе! у рутья, близъ дороги Филька-конокрадъ мертвый лежитъ!»

Всѣ, какъ одурѣли, какъ-будто не поняли въ чемъ дѣло: кто что дѣлалъ, такъ и остановился. Ерема взмахнулъ топоромъ да словно окоченѣлъ, «вотъ-те на» съ прибавленіемъ сказалъ онъ, вытараща глаза; — потомъ все это заговорило, закричало, зашумѣлось и побѣжало смотрѣть Фильку. Пахомъ высунулся было въ окно и скрылся.

Правда. Бѣдный конокрадъ Филька лежитъ ничкомъ, руки проны, шляпа откатилась; на затылкѣ и шеѣ широкая кровавая рана; и роковая уздечка тутъ, только ирѣвниимъ узломъ за-згнута вокругъ шеи, да связка баранокъ рассыпалась вонругъ,

Долго молча стояли мужики, кто подпершись рукой, кто не-хотя почесывался; бабы и дѣвки—и тѣ языкъ прикусили.

Стѣпка былъ грамотѣй, въ большомъ городѣ въ извозникахъ ѣздилъ, видалъ виды, а потому посмѣлѣе былъ другихъ; потро-галъ онъ Фильку за руку, потолкалъ его, въ лицо заглянулъ.

— Ишь ты, еще тепленькій, а не дышетъ, какъ есть мертвый!»

— Собакѣ собачья и смерть,—порѣшилъ Ерема:—мало онъ лю-дей обезлошадилъ, въ конецъ разорилъ; вишь самому уздечка на шею попала.

— Нечто, Божья воля,—проговорилъ грустно староста Саве-лій,—дѣло-то неладно, судъ наѣдетъ.

— Охъ-охъ-охъ! хоромъ подхватили всѣ.

— Да что, Савелій Трофимычъ, за ноги его да вонъ туда; это оврагъ-то не нашъ, — подалъ совѣтъ Ерема.

— А по Владиміркѣ не хошь за эвто?—отвѣчалъ строго Саве-лій.—Бога въ тебѣ нѣтъ; все же не тварь какая, а человекъ, хотъ и дурной человекъ, а все мученикъ. Убить, вѣстимо убить; вишь словно топоромъ кто въ догонку-то огрѣлъ—экая апра-то, мозги вывалились, сердечный!

— А что, православные, ужъ не Пахомъ ли его вчера уконо-чили; онъ, вѣдь, отсюда съ топоромъ шолъ?

— Шолъ, былъ. А что жъ ты думаешь, може и онъ. Да гдѣ жъ Пахомъ-то? Мы-те всѣ тутъ, а Пахома нѣтъ, эй! Пахомъ! но Пахома дѣйствительно не было.

— Што жъ онъ вчерась-то не сказалъ, коли его грѣхъ?

— Жди! Онъ вчера жену возилъ, чтобъ молчала.

— И сюда не побегъ, вѣстимо боязно; онъ у окна стоялъ, какъ подпасокъ-то кричалъ.

— Дождался Филька, не сносилъ головы; буде коней красть Филька?—спрашивалъ Ерема, толкая его подъ бокъ.

— Не трошь! Грѣхъ надо-тъ: до суда такъ пусть лежить, описывать будутъ, а смотреть-ко ребята, сапоги-то новы: знать, стянуль гдѣ.

— Еще бы, кувлять могъ. Чай денегъ въ карманѣ...

— Не трошь говорить!—закричалъ Савелій;—какъ же это Шахомъ-то? неужто рука не дрогнула!

— А что дрогнуть-то? догналъ—вотъ-те и хлебыснулъ, да не ладно, може обухомъ хотѣлъ.

— Лухавый, знать, попуталъ. Бываетъ, самъ человекъ подъ топоръ подеунется,—положительно рѣшилъ старикъ.

— Да, а все о Шахонъ-то! неужто онъ?

— Да кто же? одинъ былъ тутъ, никого болѣе не было.

— Поди-ты, познай человека!

— Что спознай — грѣхъ такой, озлобился больно.

— А что ребята, какъ онъ вчера дрожалъ-то, словно осино-вой листь.

— Ишь ты, возьметъ лихоманка душу-то стубить; хоть и конокрадъ, а все же душа, не парь.

— А знашь, дядя Савелій, не наложилъ бы онъ на себя руки, связать бы его.

— Да, да, грѣхъ его, и говорить нече, —единогласно порѣшили сходка.

— Пронеси, Господи, бѣду! надо барину отписать.

Савелій началъ распоряжаться.

— За тобой чередъ, Ерема; подь-ка хошь верхомъ къ сотскому да и къ становому, повѣсти: что-де мертвое тѣло; да много не болтай! А ты, Стѣпка, да хоть ты, Хомка, караульте, знаешь, чтобъ звѣрь не тронулъ, накрой рогожей. Ну, шавель, по домамъ!—крикнулъ староста на мальчишскъ и бабъ.—А вы, православные, пойдемъ на счетъ Шахома-то надить.

— А что надить? Пусть судъ разбираетъ; намъ что?

— Эка голова, намъ что! а сбѣжить или взаправду руки на себя наложить—притянуть и тебя, зачѣмъ-де зѣвалъ, убийство покрывать.

Шахомъ стоялъ у избы, съ оступѣлымъ взглядомъ, до того блѣдный, что всѣ миряне подумали: «неславно, его грѣхъ».

— Пахомъ Карпычъ,—началь Савелій,—грѣхъ-то какой слы-
шся.

— Грѣхъ!—безсознательно промычалъ Карповъ, не трогаясь.
Мать и жена высунулись въ окно.

— Какъ это ты—ась?

— Я? что я?

— Ну, да тово Фильку-то топоромъ по шеѣ-то хватилъ, —
показалъ молодой Стѣпка.

— Перекрестись, родные, што вы? Господи Иисусе Христе!

— Да нечево, судъ-то доберется; не намъ за тебя въ отвѣтъ,
кто догонялъ-то? Пойдемъ къ старостѣ въ избу.

— Да што вы, православные!

— Не што, а во што!—отвѣчалъ Степка, связывая ему назадъ
кушакомъ руки.

— Воля мирская, а вина не моя,—простоналъ Пахомъ.

Въ это время съ громомъ хлынула калитка и сѣдая, рас-
пранная старушка, въ понявѣ и рубашкѣ, выскочила и вцѣ-
пясь въ Пахома.

— Что вы, окайнные! нехристи! что вы, разбойничать! не
мѣ, не пушу!

— Полно, баушка!—перобилъ Степка, усливаясь раздвинуть
костлявыя руки.

— Ты что, пострѣлъ, нетрошь, укушу! Не дамъ, не дамъ,—
терпела она, а глаза выкатились, зубы щелкали.

Мужики совѣстились употребить силу противъ старухи.

— Пусти, матушка, ничово, пусть ихъ тѣшатся, ничево не
будетъ: неповиненъ я; только развѣ что туда погналъ его, —
всталъ Пахомъ, освобождаясь отъ старухи, и, рванувшись,
пошелъ самъ; старуха не отставала, осыпая ругательствами и
проклятіями, угрожая и баринномъ, и исправникомъ, а всѣмъ и
каждому она иначе не умѣла выказать любви своей къ сыну-
корнилицу.

Между тѣмъ у избы происходила другого рода сцена. Жена
Пахома все глядѣла, молча, въ окно; а когда его стали вязать,
тоже выскочила и накинулась на него, что и се, и дѣтей по-
губилъ, и самъ въ каторгу пойдетъ: только ея вѣкъ забѣлъ; по-
томъ, какъ повели его, начала причитывать съ воємъ, какъ по-
войнику; вернула, что и се чуть вчера не убила, повалилась
назадъ и начала кататься съ завываньями.

Мимоходомъ Степка ткнулъ ее сапогомъ въ бокъ, ругнувъ и прибавивъ:—ты-то што, вѣдь, ты жена!

Вся деревня отъ мала до велика какъ глазѣла на тѣло Фильки, такъ же окружила Пахома и дивовалась на него, словно впервые его видѣла, или онъ переродился съ той минуты, когда на него пало это тяжкое обвиненіе.

Мужики поглядывали искоса, бабы и дѣвки съ тупой боязнью; дѣти со страхомъ прятались за матерей. Ни сожалѣнія, ни сердечнаго участія. Убийца! человѣческая кровь на душѣ!

Общественное мнѣніе обвинило его.

Только старуха-мать сидѣла близко къ нему, обвила руки около шеи, положила голову на плечо да что-то медвѣдьятное шевелила губами.

II.

Первое слѣдствіе.

Ерема поѣхалъ къ сотскому, нашолъ его въ трошкѣ кабакѣ; выпили да побаяли, и рассказалъ Ерема, какъ Пахомъ зарубилъ Фильку, какъ онъ спужался послѣ и какъ женѣ бока отмочалилъ, чтобъ молчала. Сотскій отвелъ его къ становому; и тому Ерема съ пьяныхъ глазъ наболталъ и невѣсть что, чути, что самъ видѣлъ, какъ Пахомъ рубилъ Фильку, какъ словно ея ванюю. Поэтъ былъ Ерема, воображенье горячее!

Наѣхалъ судъ въ Нечаево. Прежде всего потребовалъ угощенія. Савелій порядки зналъ; притетовшалъ что слѣдуетъ, чуть ли не по рублю собрать на угощенье. То былъ становой изъ военныхъ, парень молодой, высокій, да молодой лекарь, какой-то приказный за стряпчего и пьемоводитель станового, приказная строка, круглая, красная рожа, изъ вольнонаемныхъ.

Доштыкъ еще наманунѣ сознали; тутъ и ночевали. Сдѣлали мѣстный осмотръ, какъ подобало; въ актѣ написали, что тѣло лежало параллельно дорогѣ, въ кустахъ, ногами къ деревнѣ Нечаевѣ. Филька былъ безродный и никто не зналъ откуда онъ, а Фильку-конокрада между тѣмъ знали въ околоткѣ всѣ, даже и самъ становой.

Лекарь описалъ рану и вывелъ заключеніе, что смерть послѣдовада отъ наружнаго насилія острымъ орудіемъ сзади, съ раздробленіемъ черепа, и смерть была мгновенная.

Описали одежду, ростъ, цвѣтъ волосъ и разстояніе отъ де-

решит — всё подробности. Тѣло велѣно предать землѣ по христіанскому обряду.

— Запасливъ былъ Филька: и баранки съ нимъ, и уздечка, денегъ рубли съ три. Да зачѣмъ уздечка-то на шеѣ, да еще съ мертвой петлей, вѣдь онъ не удушенъ? — спросилъ господинъ за страпачаго.

— Нѣтъ, — рѣшительно отвѣчалъ лекарь, — зарубленъ, вокругъ шеи знаковь нѣтъ.

— Ну, что еще тутъ, уздечка! — закричалъ становой, — только усложнять дѣло!

— Развѣ другихъ прихватить? — значительно посматривая на становаго, спросилъ письмоводитель.

— Ну ихъ къ чорту! некогда, не стоить, — рѣшилъ становой, — Пищи просто: зарубленъ, — короче!

Воротились въ деревню, закусили послѣ такихъ трудовъ и позвали всѣхъ нечестивыхъ мужиковъ гуртомъ.

— Разсказывай! — проговорилъ становой, а самъ хватилъ егана водки.

Мужики, разумѣется, молчали, только переминались да потысывались.

— Ну, не мнись, вѣдь все знаемъ, — добавилъ письмоводитель.

Мужики все таки молчали и переглядывались. Какъ левъ, вскочилъ становой, выхватилъ впередъ Савелья и заоралъ: «Говори! заворю!» У того поджилки затряслись.

— Кто Фильку уколошилъ? ты, что-ли?

— Взмылуѣя в. б. я тамъ и не былъ, съ другими пришолъ.

— Ну, а кто-же тамъ былъ?

— Машонъ Карповъ.

— Кто видѣлъ? говори!

— Онъ оттоля шелъ какъ мы его встрѣтали.

— И никого больше не было на дорогѣ?

— Никого не видали.

— Ну, а топоръ былъ у него?

— Былъ в. б. что видѣли, нельзя сказать что не видали, подтвердили всѣ.

— То-то-же у меня смотри; а кровь на топорѣ видѣли, а? видѣли?

— Не въ домекъ что-то, темно было, значитъ ночь была.

— Такъ можетъ и была кровь? а? говори!

— Кто-жь ее знаетъ! можетъ и была.

— А онъ, какъ схватили его, что говорилъ?

— Ничего не говорилъ, значить языкъ не дѣйствовалъ, лихomanка была.

— А? видите-ли! значить сгрусилъ, совѣсть заговорила — да, что ли, ну?

— Вѣстимо со страху!

— А за что жену онъ билъ?

— Чтобъ молчала, за то и билъ.

— Кто слышалъ? (молчаніе) побилъ: молчи дескать, ну!

— Дамъ-те Фильку, евто сами слышали.

— А онъ узналъ Фильку?

— Оpozналъ, какъ-же, по уздечкѣ опозналъ.

— А какъ вязали — покаялся?

— Покаялся, должно быть покаялся, — бессознательно отвѣчалъ Савелій, — ничего иида вымолвить не могъ, словно ума рѣшился.

— То-то видите ли! такъ значить онъ убилъ?

У мужиковъ не хватило духу произнести такое слово.

— Отвѣчайте, что-ли! — гаркнулъ становой и стукнулъ такъ, что пустой штофъ слетѣлъ на полъ.

Мужики видимо сознавали важность послѣдняго слова своего и не рѣшились принять грѣхъ на душу. Нѣкоторые отвѣтили «кто-жъ знаетъ» мы при этомъ не были.

— Отпираться каналья? — и посыпался наборъ словъ не печатнаго татарскаго лексикона, и запрыгала на столъ посуда.

— Не онъ; такъ кто-же? кто еще былъ? гдѣ же другой убійца, убійца былъ — давай сюда!

— Да никого не было, Пахомъ-то одинъ былъ, — робко отвѣчали мужики.

— Такъ стало-быть онъ? а больше никто?

— Никого не знаемъ, — робко отвѣчали мужики.

— Ну то-то-же! вонъ! и когда мужики вывалили, толкаясь, изъ избы, становой торжественно прошолся, прибавивъ: каково съ мы допрашивасмъ!

Между-тѣмъ писмоводитель писалъ: «184... года мая 10 дня, въ присутствіи отдѣленія № земскаго суда, при нижеподписавшихся, крестьяне деревни Нечасвки, помѣщика Переѣдова спрашиваны *ярознь* и показали.

1., Староста Савелій Никитинъ 52 лѣтъ; (показаніе г. писмоводитель сочинилъ изъ допроса по своему усмотрѣнію).

2. Степанъ Выдровъ 24 лѣтъ, съ прибавленіемъ: показалъ те-же что и староста Савелій Никитинъ.

И такъ далѣе переименовалъ всѣхъ по подворной описи, бывшихъ и небывшихъ.

Послѣ такихъ великихъ трудовъ рѣшили опять поѣсть, выпить и отдохнуть; отдохнувши, позвали Пахома Карпова.

Робко взошолъ Карповъ и перекреститься забылъ, и не поклонился.

Становой подошолъ къ нему, смѣрилъ съ ногъ до головы орлинымъ взглядомъ, и, схвата за бороду, спросилъ: «какъ убилъ, говори, догналъ и ударилъ? да?»

— Не я, ваше... началъ Пахомъ.

— Запираться!—гаркнулъ становой. Онъ былъ такъ грозенъ, что Пахомъ упалъ на колѣни и языкъ прикусилъ.

— Помилосердуйте, какъ есть не провиненъ, не догналъ я его, я...

Становой не далъ договорить, затопалъ, закричалъ: «розогъ, па-локъ!» У Пахома душа ушла въ пятки, языкъ замеръ, мысли смутались.

— Позвольте, я попробую уговорить его, — сказалъ лекаръ, равнодушно до того курившій у окна грошовую сигару.

Онъ понялъ-таки, что такъ не допрашиваютъ и истины никакъ не добьешься, какъ ни горячись; къ тому же ему хотѣлось попробовать свое искусство убѣждать.

Господиный, бывшій за сиряпчаго, только безсловесно тянулъ водку и до дѣла не касался; письмоводителю было не до того: онъ все сочинялъ разные показанія, округлялъ дѣло. Становой махнулъ рукой и хватилъ стаканъ водки.

Много, ласково, мягко, говорилъ лекаръ, недавній студентъ, — отлично говорилъ и о совѣсти, и о гуманности, и о христіанскихъ добродѣтеляхъ, такъ-что и конца свести не могъ, только кончено ничего не понималъ бѣдный Пахомъ, а все-таки рѣчь мягкая подействовала на его нервы: сначала онъ все пыхтѣлъ, потомъ его прошибъ потъ, наконецъ онъ глубоко вздохнулъ и перекрестился.

— Допрашивайте, онъ все скажетъ, — самодовольно прошепталъ лекаръ и закурилъ погасшую сигару.

Дѣйствительно, Пахомъ пришолъ въ себя, и на вопросъ письмоводителя (становой подъ сладкую рѣчь лекаря прилетъ и захрапѣлъ) сперва отвѣчалъ несвязно, робко, но потомъ яонѣ и

ясибе и подробно разсказалъ все, какъ вы читали, что не догналъ Фильку, но въ убійствѣ не совмалодѣ; а какъ онъ оказалъ, что по дорогѣ, догоняя Фильку и возвращаясь на встрѣчу крестьянамъ, ни души живой не встрѣлъ, то письмоводителю улыбался, порѣшилъ: «Достаточно; болѣе совнанія не нужно. Ступай-себѣ любезный. Да! гратотѣ знаешь? «Нѣтъ». — Поставь три креста!

Пахомъ безмолвно, не зная что написано (онъ и спросить не смѣлъ чтобъ прочитали) поставилъ три креста и такъ же безмолвно вышелъ.

Письмоводитель составилъ очныя ставки и повальный обыскъ. Въ очной ставкѣ сказано, что крестьяне дер. Нечаевки порознь уличали Пахома Карпова (а въ чемъ — не изъяснено), а Пахомъ Карповъ утвердился на своихъ показаніяхъ.

Въ обычаѣ понятыхъ было поставлено, что поведеніи Карповъ неизвѣстнаго.

Отыскиали двухъ грамотныхъ; одинъ изъ понятыхъ расписался за всѣхъ *по личной ихъ просьбѣ* на актахъ, присяжномъ листѣ и гдѣ слѣдовало, да Степка также подписался за всѣхъ своихъ нечаевскихъ и даже за Пахома, хотя объ ихъ согласіи и помину не было.

Позвали жену Пахома, но отъ той ничего и добиться было нельзя, только гóлосила и разбудила становаго; тотъ ее собственноручно вытолкалъ вонъ, а показаніе отъ нея сочинилъ письмоводитель.

— Что, готово? — спросилъ становой, зѣвая и наливая водки.

— Конечно, — спокойно отвѣчалъ письмоводитель.

— А что, какво производимъ слѣдствія? Назидѣ не вбрѣтять? — потирая руки и радуясь; спрашивалъ становой.

Нѣтъ, — лаконически отвѣчалъ письмоводитель и затѣмъ — то пошелъ къ старостѣ Савелью, поймалъ его на дворѣ, долго толковалъ ему; тотъ кланялся, мялся, потомъ поклонился и пошелъ съ другими перемоловить.

— Лошадей! Нечего здѣсь время терять, — рѣшилъ становой. — Мнѣ къ Горшкову надо на вечеръ поспѣть: кутежъ будетъ; онъ имяннинникъ.

Подали лошадей. Въ телѣжкахъ что-то мычало и хрюкало. и сидѣть было тѣсно и неловко; однако устались и уѣхали.

Пахомъ сидѣлъ на дворѣ; подъ надзоромъ сотскаго; возлѣ него, туло глядя въ землю, сидѣла старуха-мать.

Къ воротамъ подъѣхала двукошная подвода. Сотскій откуда-то вынулъ шаручники.

При звукѣ ихъ вздрогнулъ Пахомъ; старуха вскочила и безумно вытаращила глаза.

Сотскій держалъ оковы. Видно было, что онъ дѣлалъ это неохотно, съ отвращеніемъ.

— Да что, Пахомъ, чай ты меня сгубить не хошь, не уйдешь?

— Христось съ тобой, куда уйтѣ! Да тебѣ что отъ меня надоть?

— Да въ городъ ѣхать надоть.

— Въ городъ!—замѣталъ, вздыхая, Пахомъ.—Такъ прощайте, православныѣ, не поминайте лихомъ. Не повиненъ я. Простите, въ чемъ согрѣшилъ противъ васъ,—говорилъ онъ, низко кланяясь обѣжавшимся крестьянамъ и всему нечаевскому люду.

— Прощай, прощай, Пахомъ Карпычъ. Дай те Богъ освободить-ся,—говорила мужики, снявъ шапки. Слышны были вздохи и вслипыванья.

— Взаправду, что ли, ты его везешь?—спросила старуха.

— Взаправду, бабушка!—отвѣчалъ грустно сотскій.

— А назадъ скоро отпустишь?

— Гдѣ же, чай, скоро, когда подъ судъ поналъ.

— Пахомъ!—закричала старуха, — не придется тебѣ и глаза нѣ закрыть! Пахомишко, родненькій, въ послѣдяхъ что ли тебя ижу!—И она повисла на его шеѣ и беззубымъ ртомъ впилась въ его губы; а онъ приподнялъ ее и, обезсилившую, положилъ на земь.

Какая-то баба привела дѣтей; жена его на улицѣ разыгрывала роль клинуши.

Пахомъ поглядѣлъ на малютокъ; лицо его исказилось; онъ быстро поцѣловалъ ихъ и еще быстрее пошолъ и сѣлъ въ телѣгу. «Не покиньте, братцы, сироты! Ну, ступайте скорѣе, что ли!» Глаза его блуждали; ротъ былъ раскрытъ; дыханье было тяжело, такъ тяжело, что задохнуться можно.

Сотскій тоже сѣлъ и телѣга двинулась.

Старуха вскочила и побѣжала за нею; она бѣжала пока слышало, пока не задохлась и ноги не подкосились, бѣжала; сердечная, за сыномъ; что ей за дѣло—убійца онъ или нѣтъ; она знаетъ только, что это сынъ.

Высыпали и нечаевцы, кланялись взадъ и прощались съ Пахомомъ до-тѣхъ-поръ, пока двукошная телѣга на новофо-

тѣ не скрылась за густымъ лѣсомъ. У каждаго точно что оторвалось отъ сердца; даже Ерема угрюмо поглядывалъ и ругалъ на чемъ свѣтъ стоитъ всѣхъ, особенно станового: тотъ увезъ его любимаго поросенка.

III.

Острогъ.

Прошло шесть мѣсяцевъ, какъ Пахомъ за убійство содержался въ городскомъ острогѣ, а дѣлу конца не было видно, провалялось оно у станового, лежало въ земскомъ судѣ; кабы не первое число подошло, и еще бы лежало. Измаялся, исхудалъ бѣдный Пахомъ, а душой словно окрѣпъ. Спокоенъ сталъ? нѣтъ. такой покой—обманчивая кора, какъ ледъ на бурномъ озерѣ. И какъ спокойну быть, когда впереди такая гибель позорная! какой покой, когда на душѣ истома, а на сердцѣ страхъ. А жена и дѣти: развѣ за нихъ не болитъ сердце? нѣтъ! окрѣпъ онъ, можетъ быть, въ вѣрѣ, терпѣніи; можетъ быть, копошилась на душѣ какая-то смутная надежда, въ которую и самому не вѣрилось. Надежда никогда совсѣмъ не бросаетъ человѣка; иначе чтó бы было? Да ничего: ложись да умирай человѣкъ безъ надежды. Пахомъ не хотѣлъ умирать; ему не вѣрилось что его обвинять, а въ дѣлѣ обвиненіе было почти неотразимое, чуть нѣ полное сознаніе. «Ну, обвинять», думалъ онъ; «срамъ перенесу, возьму жену и дѣтокъ!» и заливался слезами Пахомъ о родной землѣ: ея взять съ собой было нельзя.

Въ одинъ морозный октябрскій день карета на шестеркѣ почтовыхъ подѣхала прямо къ острогу. Начальникъ губерніи, не предупредивши, пріѣхалъ на ревизію; однако смотритель былъ въ формѣ и на мѣстѣ; все было выметено, вычищено. Губернаторъ взглянулъ на меня и улыбнулся. Я былъ при немъ за секретаря и служилъ по особымъ порученіямъ.

Однако какъ ни мыли, ни чистили, а зданіе, бѣленькое снаружи, было внутри ирочно, душно, пахло могилой.

Въ каморѣ ~~зюловныхъ~~ было человѣкъ семь. Халаты были до того новы, рубашки до того чисты, что губернаторъ улыбнулся.

Онъ спросилъ арестантовъ: «довольны ли, сыты ли, не обижаютъ ли?»

Отвѣтъ понятенъ: свадъ его стоялъ смотритель; только одинъ

блѣдный, съ черной бородкой, мужичокъ выдвинулся впередъ и изогнутой головой упалъ къ ногамъ начальства.

— Ваше сіятельство! смудуйся... ни за што погибаю.

Начальникъ. Встань! Въ чемъ дѣло? (обратился онъ къ страшему, который въ это время представился начальнику губерніи въ полной формѣ, вмѣстѣ съ городничимъ).

Стряпчій. Это Пахомъ Карповъ, поимѣнчій крестьянинъ, судится за убійство конокрада Фильки.

Начальникъ. Изобличень?

Стряпчій. Изобличень, ваше сіятельство, — и вкратцѣ не-рассказалъ съ своей точки зрѣнія сущность дѣла.

Начальникъ зорко всматривался въ Пахона въ это время; прямодушное, страдальческое лицо, умоляющій прямой взглядъ, трепетъ ожиданія не ускользнули отъ него. — Видишь, что говоритъ законъ. Какъ же ты ни за что погибашь?

Пахомъ. Воистинну было такъ, ваше сіятельство; да ты не знаи, а выслушай... Вотъ што: точно гнался я за Филькой, да отъ живой утекъ отъ меня, разрази меня Господь если вру... маковой росинки въ роту не было.

Начальникъ. Не клянись! Говори какъ было.

Пахомъ обрадовался, что можетъ высказать задушевную тяготу, какъ-будто его ужь простили, и рассказалъ. Рассказъ его былъ такъ простъ, наивенъ, что вѣрилось неволью, какъ онъ принялъ вора за домового, какъ бросился догонять, такъ что у него духъ захватило и вся кровь ходенемъ пошла; какъ ему страшно стало, что его обвинили въ убійствѣ, какъ сжала сердце мысль: острогъ, судъ, каторга, сиротки дѣти. — Вотъ-те Престная Богородица, ваше сіятельство, не лгу, не догналъ я его, прытокъ больно, заяцъ сущій, а догналъ бы — за что бить? дрянской былъ, на рукахъ бы принесъ, — закончилъ Пахомъ и жалю ждалъ отвѣта.

— Онъ невиноватъ, сказалъ миѣ по-французски начальникъ. Знаю эти уляки нашихъ слѣдствій. — Оставайтесь когда уѣду, пересѣдуйте. А ты что старикъ? — спросилъ генераль подходившаго къ нему сѣдого высокаго, почтенной наружности старика мужика.

Въ немъ было что-то гордое, самонадѣянное, какая-то язвительная улыбка пробѣгала по губамъ. Онъ не упалъ въ ноги, только низко поклонился.

— Ты, смотрю я, начальникъ прямой, милостивый, не то что выи эти. Выслушай, ваше сіятельство, глупую рѣчь мою. Поса-

дли меня, говорятъ брата убилъ. Разсуди самъ: какъ брата убить? Точно былъ у меня братъ, т. е. не кровной, а двоюродной, Андрей Павловъ Телѣгинъ звали, староста въ Житинѣ былъ т. е. у насъ; такъ мы съ нимъ душа въ душу жили, хоть на разныхъ дворахъ, не то што драться или ругаться, николи не ругались. Придетъ Павелъ ко мнѣ, говоритъ дай денегъ—хоть сочно бери, слова нѣтъ. Спросишь у него: дай лошадку въ городъ—и что спрашивать, запрягай,—во какъ жили!

— Къ дѣлу, старикъ, къ дѣлу!—нетерпѣливо перебилъ губернаторъ.

Такъ вотъ разсуди самъ. Сказано, я будто его убилъ, ни зашто, ни про што убилъ—и посадили, сковали, да! И онъ какъ-то злобно улыбнулся.

— Возьмите это дѣло переслѣдуйте: что-то не такъ и тутъ. Это что?—обратился начальникъ, указывая на дюжого парня, съ наглыми ухватками.

— Бродяга непомнящій родства, ваше сіятельство, другой годъ сидитъ, просьбу за просьбой отлично пишетъ

Начальникъ. Какъ зовутъ?

— Иванъ, отчества не имѣю. отца не знаю ваше превосходительство,—снѣло отвѣчалъ бродяга.

Начальникъ. Гдѣ грамотѣ выучился?

Бродяга. Въ лѣсу, у пастуховъ научился.

Начальникъ. Въ какомъ лѣсу?

Бродяга. Обыкновенно въ лѣсу, а какъ звать—не знаю.

Начальникъ. Подойди поближе, да не размахивай руками, смирно! руки по швамъ, каналья! закричалъ губернаторъ. Бродяга вытянулся, улыбка исчезла. «Налѣво кругомъ», скомандовалъ губернаторъ. Бродяга ловко сдѣлалъ поворотъ. «Какого полка?» спросилъ взадъ губернаторъ.

— Нижнеудинскаго пѣхотнаго, ваше превосходительство, — становясь во фронтъ, отвѣтилъ бродяга.

Начальникъ. Писарь былъ?

Бродяга. Точно такъ, ваше превосходительство.

Начальникъ. Въ который разъ въ бѣгахъ?

Бродяга. Въ третій, ваше превосходительство.

Начальникъ. Имя?

Бродяга. Леонтій Захаровъ.

Начальникъ. Хорошо! Г. городничій, возьмите вашего бродягу, да чтобъ у меня такихъ бродягъ не было—слышите?—и, марнувшись, пошолъ вонъ; всѣ за нимъ.

IV.

Переслѣдованце.

Переслѣдованіе несравненно труднѣ слѣдствія.—Нужно много твердости, чтобъ не увлечься односторонностью взгляда, предупрежденіемъ. Эта борьба между направленіемъ перваго слѣдствія и цѣлю новаго, хотя цѣль раскрыть истину. Легко сказать—«открыть истину», когда потеряно время, когда многія подробности изгладились изъ памяти очевидцевъ, свѣдущихъ людей, когда эти люди, давши разъ показаніе, боятся сдѣлать прѣпротивленіе, проговориться и подпасть подъ отвѣтъ.

Именно въ этомъ положеніи находился я. Первое слѣдствіе обиняло прямо Пахома Карпова въ убійствѣ; разспросы и разговоры съ нимъ вели къ убѣжденію, что могъ и не онъ сдѣлать убійство, но не разъясняли дѣла.

Кто же? Вѣдь, человекъ зарубленъ топоромъ сзади, въ догонку, и никого больше не было, а между тѣмъ Пахомъ такъ вѣроподобно доказываетъ свою невинность.

Я вѣхалъ въ Нечаевку: надо было разыскать, не могъ ли кто другой совершить это убійство.

При вѣздѣ въ деревню опустѣніе крайняго дома прямо бросилось мнѣ въ глаза: крыша разнесена вѣтромъ, стекла выбиты, ворота сорвались съ петель, дворъ разгороженъ. Бѣдный Пахомъ! это вѣрно твой осиротѣлый дворъ. Гдѣ жъ всѣ твои? Гдѣ жъ семья твоя? знать разбрелась по міру. Что жъ это? наказаніе? Ну, если онъ невиноватъ, тогда кто и чѣмъ вознаградитъ такія невозвратимыя утраты?

Никогдато я сохранить не могъ; пока я зашолъ заглянуть на дворъ Пахома, ящикъ съ казакомъ ужъ были окружены поселками; они непріязненно поглядывали на нежданнаго гостя: «опять судъ наѣхаль!»

Я спросилъ—которая изба старосты, и Савелій подобострастно вѣхалъ впередъ я принялся накрывать столъ для угощенія; но я опять прикрикнулъ его къ себѣ.

Савелій, подойди поближе, не бойся! я вотъ зачѣмъ: надо до-

знать насчетъ Фильки, кто это его. Да. Ты и всё ваши невиноваты—дѣло ясно; однако можно ли сказать прямо, что его убилъ Пахомъ? виновать ли и Пахомъ? Вотъ я зачѣмъ и пріѣхалъ. Надо разобрать, братецъ, чтобъ человѣкъ задаромъ не пропалъ. Разсказывай!—Савелій видимо вдумывался.

— Чтожь разсказывать? Мы ужъ и становому баяли, — отвѣчалъ онъ медленно и, запинаясь, разсказалъ то же, что и прежде; но на новые для него вопросы мои отвѣчалъ уклончиво: ясно, онъ боялся противорѣчій, и, зная по опыту, что простой людъ, особенно при допросахъ, не касающихся его собственно, ничего не скажетъ ясно, не видя въ другихъ поддержки. Я, вопреки моихъ правилъ, велѣлъ созвать всѣхъ мужиковъ, а самъ, закуривая трубку, приготовлялся дать допросамъ характеръ бесѣды.

Мужики пришли скоро; сходяъ ужъ они и сами сдѣлали, — разумѣется, *совѣщательный*; они долго таращили глаза и явно не понимали, какъ это я не кричу на нихъ, а такъ себѣ, будто проѣзжіи какой, разговоръ веду съ ними; это ихъ чуть-ли не пугало; видя это, долго подходилъ я къ прямымъ вопросамъ, давая имъ время свыкнуться со иной; наконецъ я сказалъ: — Ваше дѣло, братцы, сторона, да вѣдь раскиньте умомъ-разумомъ сами: точно ли не облыжно можно сказать, что Пахомъ на него руку наложилъ? Ну, какъ думаете? не могъ ли кто другой — не изъ васъ, а разумѣется, какой ни наестъ прохожій, посторонній?

— Вѣстимо дѣло, чужая душа — потемки, отвѣчалъ Ерема, може и взаправду не онъ!

— Такъ вотъ, ребята, помогите же мнѣ добратъся до правды. Ну что какъ онъ безвинно страдаетъ? Поглядите: вся семья погибла.

— Какъ есть погибла, въ конецъ дворъ раззорился, что и говорить! — грустно сказалъ староста. — Ужь и подати мы за него платимъ, оброкъ-то баринъ скинулъ.

— То-то же и есть! Ну, виновать, и говорить нечего; а если не виновать? Не бойтесь же братцы, это не судъ, недопросъ. Мы одни, вотъ скажите мнѣ — кто изъ васъ пришолъ къ покойнику сперва, когда мальчишка повѣстилъ?

Мужики стали переглядыватся. — Степацъ штоль, аль ты Матвѣй? нѣтъ, Сидоръ да Ерема. Ну, все равно, мнѣ именъ не на-

лю. Когда вы пришли-то, ну, всё вѣстѣ, положимъ, что вы увидѣли? какъ лежалъ Филька?

— Да что жь, запирались не въ чемъ, Филька лежалъ-себѣ ничкомъ; дыра такая страшная въ затылкѣ, мозгъ вышелъ.

— А крови много было около-то, на землѣ?

— Да что-то я не замѣтилъ: кажись, не было. «Взаправду шло было», — переговаривались крестьяне.

— Ну, а одежда вся на мѣхъ была?

— Одежда? Какая у конокрада одежда, вѣстимо, что вся. Была ли выпивка, — не знамъ, а закуска съ нимъ была, — смѣлѣ отпичалъ Ерема.

— Какая закуска?

— Баранки были. Вѣдь ты, Степка, собиралъ.

— Всѣ собрали, значить, разсыпались; да вотъ что: вы башну-то не говорите, гдѣ уздечка-то была, — навелъ одинъ старикъ.

— Какая уздечка?

— А вотъ, какъ вашу милость звать — не знаемъ, онъ, то есть Филька-то, конокрадъ былъ; такъ всегда, значить, за поясомъ хранилъ уздечку.

— Гдѣ жь она была?

— Да на шеѣ, ваше благородіе, узломъ затянута, — рѣзко отпичалъ Ерема; прочіе это подтвердили.

А въ дѣлѣ ни слова объ этомъ важномъ обстоятельстве не было; Пахомъ не имѣлъ ни надобности, ни времени накинуть уздечки, бросилось мнѣ въ мысли.

Я. — Да куда жь дѣлась эта уздечка?

Ершиа. Да какъ хоронили-то, твой Митька, что ли, утащилъ, Филька Васильчъ?

Я. Ахъ, братецъ Филипъ, покажи, это любопытная штука, ребята.

Филиппъ. Да была, кто жь ее знаетъ, гдѣ она, — неохотно отпичалъ Филипъ, — подъ чай, мальчишки выкинули, съ мертвеца нехорошо въ дому держать, matka и то ругалась.

Я. Нѣтъ, дружище, пощи, надо поглядѣть, что за уздечка. Савелій, сходи-ка съ нимъ, поищите.

Они пошли; я продолжалъ развивать остальнымъ мысль, что не могъ ли кто-нибудь и другой убить Фильку и чтобы придумали, кто бы могъ это сдѣлать.

Я. Много ли время прошло, какъ вы вернулись съ Пахомомъ, до того часу, какъ тревогу подняли?

Ерема. Кто жь его знаетъ время-то, часовъ-то, баринъ, у насъ въ заводѣ нѣтъ; слышь; ребята, назадъ шли, утренникъ только-что потянулъ, а ужь солнце поверху лѣсу глядѣло, какъ Митюшка-то прискакалъ; кажись, что такъ?—Да; да, подтвердили прочіе.

Значить, часа два не менѣе, могли быть проѣзжіе, подумалъ я.

Я. Что у васъ по этой дорогѣ-то много народу ѣздитъ?

Степка. Кто тутъ ѣздитъ, проселокъ какъ есть; наши ѣздятъ.

Ерема. Какъ никто, а вотъ чуриловскіе съ баранками ѣздятъ.

Я. Съ баранками? какіе?

Степка. Чурилово—это село; тамъ баранки пекутъ, ваше благородіе, знамо, въ Троицкое на торги ѣздятъ.

Я. Часто?

Степка. Каждый разъ по торгамъ.

Баранки были у вора, бараночники ѣздятъ!

Въ это время принесли отысканную подъ лавкой уздечку.

Уздечка хорошая была, ременная, только заскорузла, поводъ затянуть въ петлю мертвымъ узломъ, петля въ одномъ мѣстѣ перерублена острымъ орудіемъ и конецъ повода отсѣченъ: значить, петля сперва была затянута, а потомъ обрублена при ударѣ по шеѣ.

Вопросъ важный, но я не показалъ тому вида. Меня занимали теперь баранки.

— Ну такъ, ребята, чуриловцы-то въ Троицкое ѣздятъ съ баранками; а много ихъ ѣздитъ?

— Да хозяевъ 5 или 6,—отвѣтилъ Савелій, — да вѣтъ Митюшкиныхъ двое, Андреевъ Силверствъ,—и поименовалъ, съ вѣщаго напомниманія, человекъ восемь. Я записалъ въ книжку эти имена.

— Ну, а въ какое время они обыкновенно проѣзжаютъ Нечаевку?

— Ночью больше!—отвѣчалъ кто-то, и всѣ переглянулись.

— Для чего же ночью?

— Чтобъ, значить, до свѣта на рынокъ пріѣхать, получше мѣсто захватить для торгу.

— А въ какіе дни торги въ Троицкомъ?

— Серединные и воскресные торги.

— А когда Фильку-то убили, день какой былъ?

Крестьяне значительно переглядывались.

— Подъ середу, ваше благородіе, — качая глубокомысленно плевой отвѣчалъ Савелій; видно было, что у всѣхъ заражда-
 лась новая мысль.

— Такъ стало чурловны проѣзжали и въ этотъ разъ? Кто
 шёлъ?

— Проѣзжали, — медленно отвѣчалъ одинъ старикъ, — я ба-
 рижковъ купилъ мальчишкамъ, у Онисима сѣдова, это было еще
 до тревоги; темнѣло ужъ какъ проѣзжали, да я-то еще не
 спалъ, у воротъ прохлаждался.

— А всѣ разомъ проѣхали, вмѣстѣ?

— Ну, нѣтъ, кажись не всѣ: пять или шесть подводъ, — от-
 вѣчалъ тотъ же старикъ.

— А остальные, значить, дома остались, или послѣ проѣхали?
 Мужики опять стали переговариваться.

— Слышь, Филипъ, — шепнулъ Степка своему брату, — какъ я
 те толкнулъ-то: кто это ѣдитъ, скрыпнть телѣга, а ты взгля-
 ну въ окно; чурловцы съ баранками, сказалъ.

— Кто жь это ѣхалъ изъ нихъ?

— Да не въ домекъ, а кажись Митюгинны, чалая бѣлогривка
 переди шла; у нихъ, вѣдь, чалая бѣлогривка?

— У нихъ, у нихъ.

— А сколько Митюгинныхъ?

— Двое, ваше благородіе, — отвѣчалъ Савелій, Александро, да
 Василій, ребята молодье; третій есть, нахонькой.

— А сколько подводъ было? — перебилъ я, чтобъ не отвлечь
 вниманье.

— Да три, у нихъ три коня, и чалку нешто замѣтилъ, ло-
 шадка-то здоровенная.

— А поздно это было?

— А какъ мы съ Пахомкой вернулись, соснуть хотѣли, лег-
 ло, да не спалось, а може и соснули, — объяснялъ Степка, по-
 чешая подъ мышкой.

— Скоро послѣ, какъ воротились-то?

— Не, не оченно скоро, ужъ свѣтленько становилось.

— Вотъ видите ли, ребята: — вѣдь могъ и другой человекъ
 гонять Фильку. Время-то много прошло, вѣдь, вы не сейчасъ
 это увидали, а тепленькой еще былъ, да и зачѣмъ уздечка на
 шею, рассудите. Если Пахомъ въ догонку хватилъ топоромъ, такъ
 ачигъ вязать-то было, вѣдь, Филька бороться не смогъ: дравъ

былъ; не самъ же Филька давиться хотѣлъ, глядите-ка, вѣдь, петля-то мертвая, да и разсѣченъ ремешъ, и конца нѣтъ.

Представляя имъ эти выводы, я самъ болѣе и болѣе убѣждался не въ невинности Пахома. На это данныхъ еще не было, но уже была возможность предполагать, что могъ кто-нибудь другой быть убійцей. Передъ уголовнымъ судомъ и это спасеніе, если факты могутъ допустить подобное предположеніе, конечно, при отсутствіи прямыхъ неопроверженныхъ доказательствъ.

Мужики такъ обдержались, что пустились не только въ рассказы, но и въ сужденіе; ихъ очень успокоило, что я не выкладывалъ орудія пытки, то есть бумагъ, и ничего не зависывалъ.

Пахома всѣ одобряли въ прежней жизни; человѣкъ былъ безобидный, тихій, не зазорный, только моркотно ему было отъ жены.

Участіе къ нему возрастало по мѣрѣ того какъ ослаблялись улики, какъ уяснялась возможность защиты; дошли до того, что Ерема вскрикнулъ, удара старосту по спинѣ: — «Эхъ-ма, Савелій Никитичъ, маху дали! Какъ же мы становому-то наврала, такъ-таки съ плеча—Пахомъ, да Пахомъ!»

— Да ты же въ стану напуталъ первый!

— Обишулились, — хоромъ подхватила сходка.

— Ну ужъ, баринъ, ты видашь человѣкъ и разумный и добрый, душа то есть! ужъ батюшка, если Пахомъ-то невиновать, освободи, родной! и всѣ повалились мнѣ въ ноги.

Въ это время подѣхали стряпчій и самъ исправникъ, приглашенные мною. Савелій предложилъ имъ закусить; — не отказались, но только у нихъ были свои запасы. Мужички струхнули было; можетъ подумали, что я надулъ ихъ, лисой подвернулся, но сейчасъ успокоились. Я потребовалъ одноконную подводу, велѣлъ казаку одѣться мужикомъ и собрался одинъ въ Чурилово; исправника и стряпчаго попросилъ написать показанія о чуриловцахъ и актъ объ уздечкѣ и ѣхать потомъ въ Чурилово, гдѣ, не подходя ко мнѣ, созвать мѣстныхъ удѣльныхъ власти и повѣстныхъ на всякій случай. Плачь розыска былъ у меня въ головѣ. Что можетъ выйти—я знать не могъ, но чуриловцы могли многое объяснить: уздечка на шеѣ и баранки тамъ и вертѣлись на умѣ.

Тряско было ѣхать по замрзшей глинистой дорожкѣ, но какъ-то легко дышалось этииъ чистымъ осеннимъ воздухомъ; хоть блѣдно, но ярко свѣтило солнышко, а на душѣ была какая-то отрадная надежда спасти невиннаго.

Прошли еще лѣсную деревушку; кончился лѣсъ; поднялись холмы на горку и через яркое изумрудное поле *зеленой рѣз-* обрисовалось Чурилово съ своей бѣленькой церковью; маленькая бѣдпнская церковь, а село, кажись, богатое.

Вѣхали въ прямую правильную улицу. Какія все красивенькія на ярославскій ладъ избы въ три, четыре и даже въ пять оконъ! есть двухэтажныя, съ разными навѣсами, полотенцами, коньками, издѣлья русскаго топора; сколько бы инструменту понадобилось на это вѣмцу и сколько времени! подумалъ я, ба! вотъ и живопись: на ставняхъ ярко раскрашены горшки съ цвѣтами незнакомой флоры доморощеннаго маляра! вотъ сапоги намазаны, а вотъ на фронтонѣ два охотника, одинъ въ красныкъ штаны, желтомъ фартукѣ, въ картузѣ, а другой весь голубой, въ треугольной шляпѣ, растопыря ноги, въ упоръ стрѣляютъ птиць; между ними не то собака, не то левъ, а вотъ и холщевой нагъ съ своими баранками хлѣбомъ, огурцами и разными разностями; это старика Онисима баранщика, я узналъ домъ по описанію: у окна висятъ не то деревянные, не то пересохшіе баранки и калачи—это *вывьсока*; через село столбовая дорога идетъ; на шестѣ кружокъ соломы съ кистями и ворота открыты, значитъ, милости просить: постоялый дворъ. Я подъѣхалъ къ лавочкѣ; я узналъ сидѣвшаго у воротъ Онисима, или, лучше, догадался, что это онъ; соскочилъ, поклонился ему и спросилъ:—а что, почтеннѣйшій, далеко-ль отсель до Бунчихи?

— А на что тебѣ Бунчиха?

— Да вотъ осмотрѣть надо—продается.

— Може и продается, слышать, что продается.

— Продають, у меня и приказъ есть осмотрѣть.

Казакъ, ловко разыгрывая роль, подошелъ попросить на вышку и ушелъ въ кабакъ, а я, спрося не противень ли Онисиму табакъ, закурилъ трубку и подѣлъ къ нему съ разспросами *снова* Бунчиха, что мужички и все такое, что бы спросилъ покупающій; я назвалъ управляющимъ князя Чертопрахова; казакъ не приходилъ; я ругалъ казана; наконецъ самъ попросилъ волочки; Онисимъ позвалъ въ комнату; вышили; я сталъ подхвалять ихъ село; старика какъ масло по сердцу,—дѣйствительно замѣточное село; перевелъ разговоръ на промыслы, на торговлю баранками, сталъ разспрашивать выгодно ли? гдѣ сбываютъ? вывили еще; Онисимъ былъ словоохотливъ; но когда я сталъ округлять известную поѣздку черезъ *Нечаску*, Онисимъ

насупилъ брови, недовѣрчиво отодвинулся и сердито сказалъ: Ты, баринъ, не спросту, ты знать изъ приказныхъ!

— Это съ чего ты вяжешь? — спросилъ я, подумавъ: — что изъ это? что-нибудь да знаешь про поѣздки.

— Да такъ-съ-то, коли Бунчиху ѣдешь покупать, такъ о Бунчихѣ и говори, на что те знать, какъ мы въ Троицкое-то ѣздимъ?

— Да я такъ спросилъ! и, выпивъ еще, началъ ругать казака: что долго нейдетъ и задерживаетъ.

Словоохотливость Онисима пропала, да тутъ еще, забывшись, я разстегнулъ пальто, и гербовыя пуговицы бросились ему въ глаза:

Онисимъ выпрямился; видимо хотѣлось ему ругнуть меня, да знать, побоялся; помолчавъ, хотѣлъ идти, но мнѣ ужъ нельзя было его отпустить: онъ что-нибудь зналъ, коли заподозрилъ, что я не спросту его спрашивалъ.

Я выглянулъ въ окно: показалась на горѣ тройка исправника.

— Слушай, старикъ, не уходи, ты угадалъ, только не приказный я, а губернаторскій секретарь. — Ты проѣхалъ черезъ Нечаевку въ тотъ день, какъ убили Фильку конокрада; старикъ Филиппъ сидѣлъ у воротъ, остановилъ тебя и купилъ баранокъ. Запираться нечего, говори, отчего вы, какъ обыкновенно, ѣхали не всѣ вмѣстѣ? Кто отсталъ? — строго спросилъ я, обнаруживъ мундиръ и орденъ.

— Кажись, всѣ ѣхали вмѣстѣ, что-то запомнилъ, ваше сіятельство, — угрюмо отвѣтилъ старикъ.

— Грѣшно, старикъ, неправда; значитъ, ты знаешь, въ чемъ дѣло, коли покрывать хочешь.

— Ничего не знаемъ, о чемъ вы спрашиваете.

— Я спрашиваю, кто отсталъ и послѣ пріѣхалъ на торгъ?

— Да кто? кажись, Митюгины, — нерѣшительно отвѣчалъ онъ.

— Отчего, зачѣмъ?

— Колесо, что ли, свалилось, чеку, баяли, потеряли.

— Далекъ ли отъ Нечаевки?

— Версты за двѣ, чай, или поболѣе, — не вѣдаю.

— Такъ что жъ, они сдѣлали чеку?

— Вѣстимо, сдѣлали: безъ чеки ѣхать нельзя.

Топоръ, стало быть, былъ, мелькнуло у меня въ головѣ; въ это время подѣхалъ исправникъ съ стряпчимъ; я назвалъ ихъ, повторилъ вопросъ, послалъ за священникомъ и судомъ отправился по дворъ Митюгина.

Когда мы вошли на дворъ — молодой широкоплечий дѣтина, много дрова; густые золотисто-свѣтлые волосы, съ пробороми посреди, кудрями-то падали на лобъ, то отлетали назадъ. Увидя насъ, онъ выпрямился, не выпуская изъ рукъ топора; свѣтлые, открытые глаза, неподвижно устремились на вошедшихъ.

— Подъ сюда Александра, крикнулъ выборный. Александръ махнулъ топоромъ и всадилъ его въ полъно; рукавомъ рубашки отеръ лицо и потряхивая волосами смѣло подошелъ.

— Что надо?—спросилъ онъ, оглядывая всю компанію.

— Тебя, любезный, надо; ты Александръ Митюгинъ?

— Я самый.

— Ты передъ вешнимъ Николой — ѣздилъ въ Троицкое на торгъ съ братомъ и отсталъ отъ другихъ? у тебя выпала чека и сваллось колесо? такъ что ли?

— Случается—отвѣчалъ онъ не такъ спокойно.

— Это было ночью, около Нечаевского ручья, у самой окраины лѣса—да что жь мнѣ-то рассказывать, надо чтобъ самъ ты указалъ.

— Что такое рассказать? не знамъ-съ; ѣздили—вотъ и всё.

— То-то не все, не заставь меня рассказать какъ дѣло было, лучше объяви самъ.

— Какое дѣло?—отвѣчалъ онъ, измѣнившимся голосомъ, что объявлять? и въ это время бросилъ смущенный взглядъ къ столешнямъ подъ навѣсамъ телѣгамъ.

Я поймалъ этотъ взглядъ.

— На этихъ телѣгахъ ѣздили-то?—спросилъ я сейчасъ.

— «На этихъ». Я пошелъ къ телѣгамъ, пошелъ съ прочими и онъ.

— Ну, братъ твой... что?—спрашивалъ я, рассматривая телѣгу:

— А что братъ, ничего; съ бабами овесъ молотить на гумнѣ.

— Я не про то, а вотъ тогда-то подъ Нечаевиной-то?

— Что подъ Нечаевк... и онъ не договаривалъ; я въ это время на пряслахъ замѣтилъ черныя пятна съ потоками и началъ скоблить перочиннымъ ножомъ, видно что прежде скоблили да не-скоблилось.

— Эта кровь-то, откуда на пряслахъ? вдругъ кинулъ я голову и обернулся къ Александру.

— Кто жь ее знаетъ откуда.

— Александръ, — отвѣчалъ я строго, развѣ не человѣческая кровь это? не блѣднѣй, легче будетъ, говори.

— Какая человѣчья, эвто къ Спасу теленка оправляя!—отвѣчалъ онъ торопливо.

— Наручники! обратился я къ исправнику, возьмите въ избу и никому не давайте съ нимъ говорить.

— За что жъ это? я ничего не сдѣлалъ кажись, воровство что ли какое на меня взводятъ?

Я послалъ выборнаго на гумно за Васькой, братомъ его. Когда онъ отворилъ заднія ворота я увидѣлъ у овина толпу мужиковъ они стояли въ кружкѣ и горячо о чемъ-то толковали. Видно было, что Васька не рѣшался идти, не слушался; я послалъ казака привести его.

Васька вовсе не походилъ на брата, хоть и такого же роста, но сухопарый, длиннорукой, смотрѣлъ лисицей—да и вообще въ немъ отражалась кошачья натура. Подошолъ робко, издали снялъ шляпу, а глаза такъ и бѣгали. Я подвелъ его прямо къ пятну.

— Вотъ оно, видишь?—Онъ вздрогнулъ и отшатнулся, однако отвѣталъ «вижу».

— Что видишь? кровь? чья кровь?

— Чья! извѣстно къ Спасу барана зарѣзалъ такъ и кровь,—потрошилъ барана, да.

— Ты ли или братъ рѣзалъ?

— Я-съ то, коли говорю что рѣзалъ.

Стачка есть, да неискусная, подумалъ я.

Между тѣмъ нѣсколько бабъ несмѣло подвигались изъ заднихъ воротъ, окруженныя ребятишками; сзади понабирались мужики, не смѣя подойти, а очень хотѣлось. Впереди всѣхъ шла высокая довольно-полная, бѣлолицая старуха; синяя кумачная душегрѣйка, накинутая на одно плечо почти свалилась, черный, съ двумя хвостиками сзади, платокъ дурно покрывалъ съ простѣды волосы; положивъ локоть правой руки въ лѣвую, она подпирала ею подбородокъ; все въ ней выражало недоумѣнiе; такъ она подошла почти къ намъ, явно прислушиваясь; но я, заиѣтя ее, прекратилъ разговоръ съ Васькой и мигнулъ исправнику, чтобъ его взяли.

Когда зазвенѣли наручники, она какъ львица бросилась къ нему съ крикомъ: «что вы это хотите дѣлать!» Это была мать ихъ. Конечно, ее удержали; она продолжала рваться, то ругаясь, то

уюлюя насъ; въ задней толпѣ послышались истерическія рыдания, какая-то молодуха упала. «Что вы душегубы, за что это сто? куда? въ солдаты што-ль? Откупила ихъ, право слово откупила: вѣрите слову родненькіе подати всѣ внесла да скажете ли—батюшки, родные, не томите душеньку, Господи помилуй, въ разумъ не возьму!

— Заковали Ваську, слышите православные, Ваську—то моего заковали.

— Скажи лучше кто теленка у васъ рѣзалъ къ Спасову дню?

— Кто? никто не рѣзалъ! какой теленокъ? у меня обѣ бурки прогуляли, а камолая—яловая: отколе же теленка?

— Или барана, что ли?

— У насъ и въ заводѣ нѣтъ барановъ-то. Да что такое ты баешь, не мѣкаю я што-то?

— Ну да вотъ дѣти твои говорятъ, что они зарѣзали (я приостановился, старуха не моргнула), барана или теленка къ Спасу.

— Не, бужанина была въ шахъ а говядина съ квасомъ.

Мои подозрѣнія сильно крѣпли.

Я пошелъ и расположился въ избѣ снимать допросы по формѣ; ни тотъ ни другой братъ не сознавались, хотя дали много тѣсныхъ разнорѣчивыхъ отвѣтовъ; Я свелъ ихъ на очную ставку они стали явно потрафлять другъ другу; я кликнулъ мать, она стояла у крыльца, вперивъ глаза въ двори; сердце ея чуяло бѣду.

— Вотъ, старуха, ты хвасталась, что твои дѣти тебя чтутъ, всегда въ страхѣ Божиємъ находятся, а они лгутъ, не хотятъ покаяться въ грѣхѣ, да въ какомъ грѣхѣ-то! вотъ и батюшки-то не слушаютъ.

Священникъ со вздохомъ подтвердилъ мои слова; она поглядела на всѣхъ и остановилась на дѣтяхъ.

— Господи, оба?! Да что же они сдѣлали, обнесъ что ли сто? Да что вы буркалы-то пречете, взгляните на мать-то! строго начала она.

Они молчали.

— Да что жъ это такое? родимые мои, падая въ ноги завывала старуха, да въ чемъ вина-то ихъ, въ какомъ художествѣ оворочены? Что вы надѣлали, окайные, вскочивъ и подбѣжавъ къ нимъ съ кулаками продолжала она, говорите поганые что вы сотворили? не даромъ судъ-то наѣхалъ; да не мать что ли я больше—батюшки! Господа судьи, да немучьте, скажите —ви-

новаты, такъ языкъ вырву, проклятыя надожу коли не покажутся.

— Видишь, бабушка, виноваты-то они больше передъ Богомъ, да передъ совѣстью. Ты, чай, слышала вешнимъ Миколой подъ Нечаевкой нашли зарубленнаго Фильку конокрада!—Она выпрямилась и одервенѣла. Я сталъ ей высчитывать подозрѣнія, улики, разнорѣчія; она очевидно вслушивалась и соображала; баба была умная и характерная.

Когда дошло опять до барана и теленка, она повернулась къ дѣтямъ: «Не думала, не гадала, да что жъ вы мнѣ-то ничего не сказали, коли вашъ грѣхъ? какъ же ко кресту прикладывались, если человѣческая кровь на васъ? Прости Господи, грѣхъ какой! Не отдавайте чорту, въ адъ кромѣшный душу-то, покайтесь вороги окаянные!» вскричала она; вдругъ голосъ упалъ: «Али голубчики не вашъ грѣхъ—ась? родненькіе—ась? не виноваты—да? говорите же, не виноваты! коли чиста душа-то, вотъ Пресвятая Богородица, поклянитесь передъ ней!» и она съ несвойственной живостью вскочила мимо меня на лавку, схватила образъ и встала передъ сыновьями; Бѣдная мать! ей не вѣрилось, чтобъ ей дѣти были преступники; она ждала клятвы въ невинности, но дѣти повалились въ ноги и повинились въ *убійствѣ!* Образъ выпалъ изъ ся рукъ; она вся затрепетала и безъ чувствъ упала на полъ.

V.

ПОШЛИЛИ РЕБЯТА.

Филька, спрятавшись въ дѣсу отъ преслѣдованій Цахома, потянулъ прочь, слыша крики погони; онъ понялъ, что вся деревня на ногахъ, но на встрѣчу слышались другіе голоса и скрипитъ телѣгъ. Онъ притаился въ кустахъ; замѣтя, что Митюгинны хлѣвочутъ у первой подводы, около колеса, Филька подкрался къ заднему возу срѣзать баранокъ, но опять неудача! Молодые, ловкіе ребята замѣтили его и схватили, бросили въ хребтугъ и привязали уздечкой.

Митюгинны опять пошли у передней лошади съ хохотомъ, подтрунивая надъ Филькой, который ворочался въ хребтугѣ; вдругъ они услышали, что онъ захрипѣлъ; Филька неловко вывернувшись и повисъ на уздечкѣ; съ испугу, чтобъ онъ не удавился, Александръ выхватилъ проворно топоръ, взмахнулъ, лошадь дернула, и, вмѣсто ремня, подъ топоръ начала голова Фильки.

Когда были нами закончены формальные допросы, а цѣлравникъ велѣлъ нарядить опять двѣ двуконныя подводы для отъѣзда Митюгиныхъ въ городъ, взошла ихъ мать съ двумя стариками. Уже не твердо, явно убитая бѣдой, подошла она къ угламъ ницъ на полъ; старики низко кланялись.

— Что ты старуха? встань, пожалуйста, говори!

Старуха молчала, старики кланялись; потомъ одинъ изъ цѣлравниковъ сложилъ на столъ свертокъ въ синей сахарной бумагѣ.

— Это что такое?

— Вашей милости, т. е. мать низко кланяется; ваша власть казнить и миловать, такъ вотъ она насчетъ сынковъ-то, ребята молодые, вѣстимо, вина передъ Богомъ: пролили кровь человѣческую; да будьте милостивы! по глупости, лукавѣй подведъ, вина-то какая? человѣка отъ петли спасти хотѣли—грѣхъ такой приключился; не хотѣли они вѣдь этого.

— Во-первыхъ, бумагу возьми назадъ, я не хочу и знать что въ ней; во-вторыхъ, они виноваты, что не объявили.

— Батюшка, косатикъ! завопила мать, глухие ребята! спужались! помилосердуйте, родные! чѣмъ же они виноваты, что воръ воль топоръ подвернулся?—завопила старуха.

— Чѣмъ? А вотъ, еслибъ они тогда же пришли да покались, цѣ бы только къ священнику послали; а то черезъ нихъ невинный человѣкъ чуть не погибъ.

— Да что ему надоть-то? заплатимъ, только пощлуй,—подержали старики.

— Ничего не могу сдѣлать; судъ рѣшить, законъ!

— Охъ, охъ, охъ! вопила старуха, погубять мою головушку; суды-то заблудить; ихъ истомить въ тюрьмѣ, ужь родимые рѣшите сами сразу. Вѣдь не съ умыслу сдѣлали: Богъ покаралъ меня грѣшную въ дѣтяхъ, косатики! рѣшите по закону что ли, да рѣшите только!—со слезами, на колѣняхъ умоляла мать.

— Нельзя ли, вашей милости, оставьте намъ на поруки: всѣмъ цѣлравникъ руки заложимъ; ребята надежныя!

— Что жь дѣлать, братцы, не имѣю права, власти не дано, законъ того требуетъ.

Поспѣшно ушолъ я изъ избы и уѣхалъ, чтобъ не видать раздѣланной сцены ареста и разставанья.

При веденіи слѣдствія и допросовъ я уже и безъ просьбы сдѣлалъ все, что позволялъ законъ, чего требовала совѣсть, чтобъ облегчить ихъ горькую участь; оставить ихъ на свободѣ я не могъ.

За сокрытие неумышленного преступления они были, по наказанию, отданы в солдаты.

А Пахомъ? конечно, его сейчасъ освободили, да только по формѣ: изъ уѣзднаго суда переслали въ земскій, изъ земскаго къ становому, отъ становаго сотскій повелѣ его для водворенія въ вотчину, чуть ли не на веревочкѣ.

Что онъ передумалъ бѣдный, что онъ почувствовалъ въ эти переходы съ полубритой головой, подъ карауломъ, онъ, невинно пострадавшій! а торопился бѣдный!

И какъ застучало сердце, какъ заходила кровь, какъ онъ ступилъ народную землю, вдохнулъ родной воздухъ!

Но вотъ онъ остановился, грустно покачалъ головою: передъ нимъ полосы бархатныхъ зеленыхъ озимей, а одна полоса черная, мрачная, пустая, — это его полоса.

Впередъ, Пахомъ, впередъ, испей разомъ всю отраву!...

Смотри, вотъ родная кровля, да никто не ждетъ тебя, никто не развелъ огонька обогрѣться, не припасъ щецъ, аль похлебки, не приготовилъ хлѣба-соли; холодно, непривѣтливо глядитъ на тебя избушка черными пятнами окопъ; нѣтъ твоей и бурки на дворѣ; только вѣтеръ гуляетъ и воетъ вмѣсто жучки.

А ужъ вѣсть облетѣла деревню: «Пахома привели!» Стали сбѣгаться, кутаясь въ тулупы, мужики и бабы; здоровались, ахали, а утѣшительнаго ни слова; да и что и сказать-то.

— Гдѣ матушка?—спросилъ Пахомъ.

— Сердечный! долго жить приказала! померла передъ испожинками-то.

— А жена?

— Къ роднымъ ушла, скорѣхонько ушла.

— Дѣти?—блѣднѣя спросилъ Пахомъ. Ему подвели двухъ нищихъ, съ сумками.

Поглядѣлъ Пахомъ на нихъ, хотѣлъ-было зарыдать, да слезъ-то нѣтъ; поклонился онъ низко крестьянамъ.

— Православные, сотворите милостыню, подайте хлѣбушка, Христа-ради!

И пошелъ Пахомъ съ дѣтьми по-міру..

ОБЪ ОТНОШЕНІИ РУССКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ КЪ НАУКЪ.

(По поводу книги: Lectures d'économie politique rationnelle par Matthieu Wolcoff, Paris 1861.)

У насъ есть цѣлый рядъ экономистовъ , которые принадлежатъ Россіи только по имени, нѣкоторые даже не по имени, а по мѣсту жительства и службы, тогда-какъ сочиненія ихъ принадлежатъ къ французской или нѣмецкой литературѣ. Этотъ рядъ началъ собою еще Шторхъ; за Шторхомъ слѣдовалъ Канкринъ, потомъ Тенгоборскій. Если присоединить сюда людей, которыхъ сочиненія не имѣютъ такого значенія, какъ сочиненія Шторха, Канкринна или Тенгоборскаго, то списокъ выйдетъ довольно-великъ; сюда войдутъ Шлецеръ, Якобъ, Гуровъ, князь Голицынъ, Тарасенко-Огрѣшковъ, Головинъ, Шницлеръ, Демидовъ и др. Почему всѣ эти писатели писали не порусски , а пофранцузски или понѣмецки? Одни потому, что не знали русскаго языка. И будь ихъ сочиненія написаны порусски они несомнѣнно принесли бы пользу, распространили бы въ обществѣ элементарныя понятія изъ политической экономіи въ свое время и, можетъ быть, теперь наша экономическая литература не была бы раздѣлена на два лагеря, изъ которыхъ одинъ выдаетъ эти самыя элементарныя понятія, имѣющія для него прелесть новизны за послѣднее слово экономической науки, а другой, напере-

корь этимъ самымъ понятіямъ выдаетъ произведенія фантазіи, подкрашенные колоритомъ гуманизма, тоже за послѣднее слово науки. Нѣкоторые изъ нашихъ экономистовъ, писавшихъ на иностранныхъ языкахъ, безъ сомнѣнія, могли бы писать и порусски; но особенныя причины удержали ихъ отъ этого, и большею частью эти причины отъ нихъ не зависѣли, хотя, наирим. Г. Тарасенко-Отрѣшковъ писалъ объ одномъ и томъ же предметѣ и порусски и пофранцузски: очевидно причины, которыя заставили его писать и порусски и пофранцузски, зависѣли исключительно отъ него. Недавно г. Волковъ издалъ свой трактатъ политической экономіи въ Парижѣ, на французскомъ языкѣ. Что помѣшало ему издать его въ Россіи и порусски? Русскій языкъ, безъ сомнѣнія, онъ знаетъ, и безъ сомнѣнія, могъ бы писать на немъ легче и лучше, чѣмъ пофранцузски. Его французскій языкъ вышелъ какой-то особенный, и потому думать, чтобы г. Волковъ увлекся легкостью французскаго языка и тѣмъ причины. Мы не будемъ теперь рѣшать этотъ вопросъ: можетъ быть, въ концѣ рѣшеніе его представится само-собою.

Г. Волковъ недоволенъ современнымъ состояніемъ экономической литературы: по его мнѣнію, она занимается совсѣмъ не тѣмъ, чѣмъ ей слѣдовало бы заниматься сообразно съ потребностями времени; особенно онъ не доволенъ тою экономической школою, которая всего болѣе пишетъ и печатаетъ по части политической экономіи и которая присвоила себѣ качество политико-экономической ортодоксіи. Вотъ что онъ говоритъ о трактатахъ, въ которыхъ эта школа излагаетъ свое ученіе.

«Въ этихъ трактатахъ предварительныя понятія и производство богатства обыкновенно занимаютъ около половины всего сочиненія. Авторы съ особеннымъ удовольствіемъ обрабатываютъ первую часть своего труда, оставляя безъ вниманія другія части. Нѣкоторые прямо говорятъ, что производство богатства имѣетъ болѣе значенія, нежели распредѣленіе, и что распредѣленіе для нихъ не болѣе, какъ второстепенная подробность. Правда, что для того, кто хорошо надѣленъ при общемъ раздѣлѣ богатства, конечно, всего важнѣе узнать средства, посредствомъ которыхъ богатство производится и увеличивается; но, вѣроятно, не таково мнѣніе тѣхъ, чьихъ доля не соответствуетъ полезности ихъ труда, такъ-что нерѣдко самыя тяжелыя труды не доставляютъ имъ ничего больше крайне необходимаго, несмотря на то, что общественное богатство

вообще увеличивается.» Собственно говоря, въ этихъ строкахъ г. Волковъ сдѣлалъ предисловіе къ своему труду; въ нихъ уже виднѣнъ его исходный пунктъ—цѣль, которую себѣ авторъ задаетъ, и характеръ его будущихъ изслѣдованій.

Потому можно бы и ограничиться этою выпискою и прямо приступить къ разбору тѣхъ законовъ, которые г. Волковъ кладетъ въ основаніе распредѣленія богатствъ. Распредѣленіе богатствъ есть главный предметъ, которымъ занимается г. Волковъ совершенно согласно съ тѣмъ взглядомъ, который онъ имѣетъ на современныя задачи политической экономіи. Другіи вопросы онъ почти не занимается, и хотя производству богатства посвящаетъ нѣсколько главъ, но и въ нихъ онъ все-таки занимается сравнительною оцѣнкою различныхъ элементовъ производства для того, чтобы, на основаніи этой оцѣнки, потѣмъ рачіонально, сообразно съ идеею науки, опредѣлить основаніе для правильнаго распредѣленія богатствъ. Но предварительно онъ дѣлаетъ болѣе подробную оцѣнку того, чѣмъ занимаются тѣ трактаты политической экономіи, которыми онъ недоволенъ.

Авторы усиливаются показать (говоритъ онъ) вредныя послѣдствія регламентарной системы труда, выгоды свободы и конкуренціи. Но, вооружаясь противъ вмѣшательства общественной власти, они не думаютъ изслѣдовать эту свободу въ ея сущности, и, читая ихъ, можно подуматъ, что снятіе всякой опеки совершенно достаточно для полнаго освобожденія работниковъ. Этому несовершенному взгляду обязана своимъ существованіемъ ошибка тѣхъ писателей, которые думаютъ, что въ природѣ вещей ни что не сдѣлаетъ препятствія гармоническому устройству различныхъ классовъ народа, лишь бы только дать имъ свободу, такую, которую писатели имѣютъ въ виду, ту, которой они лишены законами. Повидимому, они совсѣмъ не замѣчаютъ, что есть классы производителей, которые лишены свободы дѣйствія не въ силу одного закона, что, напр., недостатокъ образованія и земли, которою они могли бы располагать въ свою пользу, составляетъ также препятствія къ свободѣ труда не менѣе важныя, которыя притѣмъ устранять гораздо труднѣе, чѣмъ тѣ, которыя происходятъ отъ ложнаго законодательства.

«Но если въ этихъ трактатахъ вы не встрѣтите новыхъ взглядовъ на свободу труда, за то въ большомъ количествѣ

найдете возраженія противъ цеховъ, корпорацій и т. п., какъ будто мы живемъ еще во время Тюрго.

«Много страницъ посвящаютъ эти писатели раздѣленію труда, выгодамъ и невыгодамъ его, равно какъ его естественнымъ границамъ.

«Первые экономисты послѣ того, какъ они замѣтили вліяніе раздѣленія труда на производство, анализировали его самымъ подробнымъ образомъ; ихъ безсмертный трудъ объ этомъ предметѣ увѣнчался полнымъ успѣхомъ.

«Теперь нѣтъ человѣка, который бы не былъ вполне убѣжденъ въ выгодахъ раздѣленія труда, и новѣйшимъ авторамъ давно бы пора перестать распространяться объ этомъ предметѣ. Много изслѣдованій постигнѣ достойныхъ науки уже обогатили политическую экономію, чтобы изъ нихъ составить нѣчто цѣлое, гораздо болѣе полезное, нежели эти описанія, которыя не столько научаютъ, сколько утомляютъ, несмотря даже на превосходный литературный талантъ авторовъ. Экономической наукѣ давно бы пора перестать воспроизводить формы и методы Адама Смита, какъ естественная исторія не воспроизводитъ въ наши дни, изящныя описанія Бюффона. Со времени первыхъ учителей наука уже приобрѣла довольно, чтобы не давать столь много мѣста литературному искусству и не жертвовать для него научною стороною сочиненія, разумѣется, если не имѣтъ особеннаго желанія увеличивать его размѣры.»

Мы не имѣемъ возможности познакомить читателя съ прекрасными взглядами г. Волкова на задачи и средства современной экономической литературы. Желающіе могутъ сами обратиться къ его книгѣ, которая, не смотря на свой очень незначительный объемъ, стоитъ многихъ очень волюминозныхъ сочиненій. Но все-таки не можемъ себѣ отказать въ томъ, чтобы привести нѣсколько сужденій автора.

«Въ главѣ о капиталѣ современные писатели распространяются о пользѣ машинъ и стараются показать въ нихъ выгоды для рабочаго класса. Они признаютъ временныя затрудненія, которыя можетъ произвести быстрое и всеобщее введеніе машинъ, равно какъ и другихъ средствъ и способовъ, замѣняющихъ усилія человѣка силами природы; но думаютъ, что рабочая плата постоянно возвышается вслѣдствіе увеличенія производства и потребленія, возбужденныхъ большею легкостью производства богатствъ.»

«Но машины не гарантируют заработную плату против мнѣнія отношенія между спросомъ и предложеніемъ рукъ». Къ несчастью, по причинѣ возрастанія народонаселенія, которое есть непрѣмное слѣдствіе возвышенія заработной платы, это возвышеніе, имѣющее мѣсто, благодаря введенію машинъ и другихъ усовершенствованій, не есть постоянное. Послѣдовательное и постоянное усовершенствованіе средствъ производства имѣетъ возможность поддерживать заработную плату работника только на высотѣ его потребностей; оно поднимаетъ ее на нѣкоторое время выше только въ такомъ случаѣ, когда эти изобрѣтенія производятъ дѣйствительныя промышленныя революціи. Таково было изобрѣтеніе паровой машины, желѣзныхъ дорогъ, которыхъ вліяніе на увеличеніе благосостоянія массъ народныхъ еще до-сихъ-поръ не вездѣ уничтожено возрастаніемъ народонаселенія.

«Что касается до согласія капитала и труда, мы находимъ у нѣкоторыхъ авторовъ положеніе, изъ котораго они дѣлаютъ общій законъ, вслѣдствіе котораго, когда капиталы какой нибудь страны увеличиваются, то богатства, будучи производимы все въ-большемъ и большемъ количествѣ, распредѣляются такъ, что доля капитала, увеличиваясь абсолютно, въ тоже время уменьшается относительно всей массы производства, тогда какъ доля труда увеличивается абсолютно и относительно. Раздѣленіе продуктовъ такимъ образомъ дѣлается все больше и больше въ пользу труда въ то время, какъ часть, выпадающая на долю капитала постоянно уменьшается относительно той, которая приходится на долю труда».

Г. Волковъ тутъ же критикуетъ это мнѣніе и опровергаетъ его. Но мы не будемъ приводить здѣсь его опроверженіе, потому-что мы къ нему возвратимся впоследствии; а теперь сдѣлаемъ еще нѣсколько выписокъ.

«Потолковавши довольно о производствѣ вообще, продолжаетъ онъ, авторы дѣлаютъ классификацію родовъ промышленности, группируя ихъ подъ названіями, которыя выражаютъ характеръ, принадлежащій многимъ изъ нихъ. Такъ напр., воспитаніе домашнихъ животныхъ, лѣсная промышленность и воздѣлываніе растений и т. п. называются промышленностію территориальною или земледѣльческою. Охота, рыбная ловля, горная промышленность получили имя промышленности извлекающей; роды промышлен-

ности: мануфактурная торговля, транспортная—издавна группированы самым употреблениемъ.

«Земледѣльская промышленность пользуется особеннымъ вниманіемъ экономистовъ; но объ ней можно бы было сказать много вещей гораздо полезнѣе тѣхъ, которыя мы находимъ въ трактатахъ; въ нихъ не опускаютъ случая исчислить выгоды какъ крупной такъ и мелкой поземельной собственности; не имѣя однако средствъ дать какое нибудь рѣшеніе вопроса, авторы даже не поставили его какъ слѣдуетъ, именно: какой объемъ должна имѣть земледѣльская ферма, чтобы приносить самый большій доходъ въ тѣхъ или другихъ данныхъ обстоятельствахъ?

«На дѣлѣ оказывается, что чѣмъ болѣе возвышена цѣна земледѣльческихъ продуктовъ, тѣмъ менѣе выгодно увеличивать размѣры фермы, и наоборотъ — большіе размѣры ея выгоднѣе въ томъ случаѣ, когда цѣна продуктовъ не высока. Разумѣется, вопросъ касается исключительно размѣровъ фермы, а не величины поземельной собственности; пусть одинъ владѣлецъ большого пространства земли сдѣлаетъ на ней нѣсколько фермъ или пусть нѣсколько владѣльцевъ, соединяя небольшіе клочки, принадлежащіе имъ, устроятъ на правахъ ассоціаціи одну только ферму, это не имѣетъ никакого значенія относительно экономіи эксплуатаціи.

«Рациональность производства требуетъ только что бы каждая изъ фермъ была устроена въ наиболѣе выгодныхъ пропорціяхъ, опредѣляемыхъ цѣною главныхъ продуктовъ. Во всякомъ случаѣ земледѣлецъ можетъ сдѣлать осязательное исчисленіе, опредѣляющее размѣры его полей въ виду полученія большаго дохода.

«Очевидно, что послѣ этого всякій споръ относительно большой и малой поземельной собственности долженъ прекратиться, какъ совершенно-чуждый земледѣльской экономіи.

«Послѣ земледѣльской промышленности мы не находимъ въ нѣкоторыхъ группахъ не только у авторовъ новыхъ трактатовъ, но даже у тѣхъ, которыхъ можно назвать учителями въ наукѣ, ничего, что было бы достойно фигурировать въ программѣ экономическихъ ученій. Мы хорошо знаемъ, что литературная форма часто скрывала недостаточность дѣла и что, устраивая симметрически нѣсколько фактовъ и положеній, можно провести одни и тѣ же сравненія, аналогіи и параллели чрезъ цѣлый рядъ главъ.

Но если оставить въ сторонѣ эти литературные приемы и то, что относится къ технологіи—вотъ что мы находимъ у авторовъ относительно остальныхъ родовъ промышленности:

«Мануфактурная промышленность обыкновенно защищается противъ тѣхъ, которые называютъ ее причиною пауперизма. И защита основана обыкновенно на томъ, что народонаселеніе очень рѣдкое страдаетъ болѣе, нежели народонаселеніе густое. Но эта густота имѣетъ предѣлъ, дальше котораго пауперизмъ увеличивается быстрее нежели народонаселеніе.

«Подъ рубрикою «промышленность извлекающая» мы читаемъ въ трактатахъ понятія о постановленіяхъ, которыми управляетъ эта промышленность въ той или другой сторонѣ. Тамъ встрѣтите вы также разсужденія о правахъ государства, владѣльца земли и того, кто открылъ мину; но рѣшенія вопроса тамъ не увидите.

«Относительно промышленности транспортной вы найдете краснорѣчивыя тирады о пользѣ желѣзныхъ дорогъ. Но научаго въ нихъ нѣтъ ничего; это не больше, какъ произведенія воображенія, которыя не требуютъ глубокаго познанія политической экономіи. Если прибавить сюда сравненіе, кое-какъ начерченное между дорогами и каналами, относительно экономіи транспортовъ и нѣкоторыя доказательства въ пользу или противъ постройки путей сообщенія частными людьми или государствомъ, то вы будете имѣть почти все, что дается читателю въ этой главѣ.

«Поговоривъ такимъ образомъ о различныхъ родахъ промышленности, иногда къ концу передъ вами бросаютъ общій взглядъ на ихъ цѣлое, увѣряя васъ въ ихъ солидарности. Подобный предметъ нельзя наполнить ничѣмъ, кромѣ пустяковъ, и въ политической экономіи можно бы найти другое дѣло, кромѣ литературныхъ упражненій на заданныя темы.»

Мы съ намѣреніемъ привели столько выписокъ, въ которыхъ г. Волковъ показываетъ свое отношеніе къ большинству современныхъ экономистовъ; самъ онъ, натурально, старается избѣгнуть тѣхъ недостатковъ, которые осуждаетъ въ другихъ. Такимъ образомъ первая часть курса политической экономіи, гдѣ онъ касается общихъ понятій и производства богатствъ, у него вышла очень коротка; не смотря на то, онъ успѣлъ въ ней высказать всѣ главные экономическіе законы, которые и даютъ ему возможность впоследствии приступить къ рациональному изложе-

нію законовъ, касающихся распредѣленія богатствъ. Прежде всего онъ говоритъ о собственности и о законахъ, которые служатъ ей основаніемъ. Не соглашаясь вполнѣ съ философскими принципами г. Волкова, можно, однако, не спорить съ нимъ, тѣмъ болѣе, что выводы его совершенно справедливы. За собственностью слѣдуетъ глава о полезности и цѣнности, въ которой авторъ излагаетъ очень коротко общепринятое ученіе о характерѣ и происхожденіи полезности, о мѣнѣ, монетѣ, цѣнахъ, объ отношеніи между спросомъ и предложеніемъ, избѣгая настоячиваго опредѣленія всѣхъ мелочей и не вдаваясь въ логику, которою обыкновенно бывають наполнены главы, касающіяся этого предмета у современныхъ экономистовъ. Такъ же коротко онъ говоритъ о производствѣ и богатствѣ вообще, о продуктахъ вещественныхъ и невещественныхъ, объ услугахъ и т. п.; но гораздо подробнѣе онъ разсматриваетъ, сообразно съ задачею, которую онъ себѣ предположилъ, средства производства.

«Обитатель земной поверхности—человѣкъ не можетъ обойтись безъ того, чтобы не занимать какую-нибудь часть этой поверхности, которая служила бы ему мѣстомъ помѣщенія и точкою опоры въ его производительныхъ трудахъ. Одаренный разумомъ, но лишенный средствъ самосохраненія, которыми природа надѣлила низшія породы животныхъ, человѣкъ можетъ доставить себѣ все то, въ чемъ онъ имѣетъ нужду, только помощью разумныхъ усилій, т. е. труда. Такимъ образомъ мы видимъ съ самаго начала, что мѣсто и трудъ суть два средства производства, абсолютно необходимыя человѣку.

«Но человѣкъ, даже самый дикій, не можетъ въ своемъ трудѣ долго пользоваться только одними своими руками и не замедлитъ выдумать себѣ какое-нибудь орудіе для своего облегченія и для удобнѣйшаго достиженія своихъ цѣлей. Самое малое орудіе, самый простой инструментъ, сдѣланный предварительно, есть уже третье средство, различное отъ двухъ предыдущихъ.»

Одна изъ первыхъ заботъ экономиста состоитъ въ томъ, чтобы изучить каждое изъ трехъ средствъ производства богатствъ; и чтобы это изученіе принесло пользу, оно должно имѣть въ виду тѣ вопросы, которые экономическая наука призвана разрѣшить. Ближайшій вопросъ заключается въ томъ, чтобы опредѣлять справедливую пропорцію, въ которой общій продуктъ долженъ быть раздѣленъ между тѣми, которые имѣютъ на

его право, которые доставили три средства производства. Мы и будем въ подробности слѣдовать за изложеніемъ г. Волкова; введи, которые онъ приводитъ въ этомъ мѣстѣ, отличаются только своею строгостью, съ которою авторъ излагаетъ всѣ элементы производства, имѣющіе право на вознагражденіе. Изъ нихъ болѣе всего занимаетъ его трудъ работника, его заработная плата. Заработная плата работника вообще есть главный предметъ его книги, и относительно его онъ строго слѣдуетъ учению Тюнена, который подвергаетъ изслѣдованію ученіе экономистовъ о естественной заработной платѣ. Это ученіе (т. е. ученіе такъ называемыхъ экономистовъ) принадлежитъ къ числу такихъ, которыя всего меньше могутъ возбудить симпатію въ всѣхъ, кто не принадлежитъ къ буржуазной экономической школѣ. Ученіе Мальтуса о томъ, что не имѣетъ права жить тотъ, для кого не приготовленъ особой кувертъ на пиру жизни, въ сравненіи съ этимъ ученіемъ можетъ быть названо гуманнымъ и даже въ высшей степени филантропическимъ. Оно осуждаетъ рабочіе классы на такое состояніе, которое, будучи жалкимъ само-по-себѣ, въ то же время заключаетъ въ себѣ причину, препятствующую измѣненію его къ лучшему. Слѣдуя ему, естественная заработная плата должна ограничиться тѣмъ, чтобы, съ помощью ея работникъ могъ пріобрѣсти только то, что ему необходимо въ жизни, разумѣя подъ необходимымъ тѣ средства поддержки жизни, которыя бы только давали возможность работнику продолжать работать. Экономисты были слишкомъ дошлыми тою судьбою, которую они назначали работнику, и даже воображали, что самъ работникъ останется доволенъ этимъ скуднымъ кувертомъ на пиру жизни. По-крайней-мѣрѣ рядомъ съ этимъ ученіемъ они проповѣдывали и теперь проповѣдуютъ свое ученіе о согласіи интересовъ, которое тоже будто-бы имѣетъ гѣсто при натуральномъ ходѣ производства, какъ они его разумѣютъ, т. е. при экономической анархіи. Г. Волковъ не партизанъ этихъ ученій, и для опроверженія его онъ прежде перемѣнилъ Тюнена, а теперь излагаетъ его ученіе въ своемъ курсѣ политической экономіи. Къ сожалѣнію, нѣкоторые экономисты, считавшіеся, можетъ быть, Бастья, никакъ не могутъ до-сихъ-поръ выбросить изъ головы эту несчастную идею о согласіи интересовъ. Конечно, въ числѣ ихъ есть дилеттанты, въ родѣ г. Леонтьева, который, на основаніи историческихъ изслѣдованій и экономическихъ соображеній, дошелъ до той мысли, что устрой-

ство быта нашего земледѣльческаго сословія не нуждается въ особенной заботливости, а можетъ быть предоставлено обстоятельствамъ; но есть и настоящіе ученые не только между французскими писателями, но и между русскими, имѣющими ученна степеня магистровъ и докторовъ политической экономіи, занимающихъ экономическія кафедры, которые тоже претендуютъ на согласіе интересовъ будто-бы устраивающееся само-собою. Между современными нѣмецкими экономистами эта идея не имѣетъ кредита, но-крайней-мѣрѣ между тѣми, которыхъ сочиненія доходятъ до насъ. Чему приписать это: односторонности ли нѣмцевъ или большей всесторонности нашей—это трудно рѣшить. По-крайней-мѣрѣ сочиненія нашихъ экономистовъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ, ближе подходятъ къ знаменитымъ своимъ ученостью и краснорѣчіемъ сочиненіямъ писателей французской школы. Книга Тюнена на нѣмецкомъ языкѣ написана давно: почему же наши ученые не приняли ея главнаго вывода и до-сихъ-порѣ продолжаютъ толковать о согласіи интересовъ и требуютъ всеобщаго примѣненія правила: laissez faire, laissez passer? Будто намъ суждено еще долго знакомиться съ экономической литературою только посредствомъ словаря Гильемена, какъ это бдѣлъ г. Калининскій въ своей магистерской диссертациі, и будто русская читающая публика еще надолго осуждена читать выписки изъ справочныхъ словарей и изъ риторическихъ упражненій французской официальной школы, выдаваемыхъ ею за слово науки.

Когда вамъ говорятъ о естественной заработной платѣ, то первая мысль, которую вы имѣете отъ авторовъ этого ученія, есть та, что плата, о которой они говорятъ, есть не только единственное справедливое вознагражденіе, но единственно-возможное; а между тѣмъ состояніе, на которое она осуждаетъ работника, дѣйствительно таково, что работникъ помириться съ нимъ не можетъ, и тамъ, гдѣ, благодаря экономической anarchіи, эта мысль приведена въ практику, состояніе рабочаго класса, даже при многихъ обстоятельствахъ, облегчающихъ его, остается невыносимымъ теперь, какъ и двадцать или тридцать лѣтъ назадъ. Между тѣмъ въ другихъ странахъ положеніе ихъ совсѣмъ другое.

«Попробуйте убѣдить американскихъ работниковъ, (говоритъ г. Волковъ) о справедливости платы, не превышающей того, что необходимо для жизни. Прежде всего они будутъ слишкомъ удивлены подобною идеею, равно какъ ироническимъ именемъ

натуральной заработной платы, которая дается самому меньшему из возможных вознаграждений, ниже которого существование работника было бы в опасности. Въ самомъ дѣлѣ, естественно ли, сообразно ли съ видами Провидѣнія, чтобы великое большинство людей было осуждено самыми усѣхами производства на то, чтобы къ концу вездѣ дойти до состоянія столь несчастнаго? Этому трудно и повѣрить.»

Не ограничиваясь тѣмъ, чтобы только не вѣрить тому учению, которое проповѣдуютъ экономисты естественно-заработной платы, г. Волковъ приступаетъ къ опроверженію его, на основаніи сочиненій Тюнена. Тюненъ написалъ два сочиненія: одно— „*Der isolirte Staat*“, а другое— „*Der isolirte Staat in Beziehung auf Landwirthschaft und National-Ökonomie; der Naturmesse Arbeitslohn und dessen Verhältniß zum Zinsfuß und zur Landrente.*“ * Тюненъ самъ принадлежалъ къ числу землевладѣльцевъ сѣверной Германіи. Это былъ истинно-просвѣщенный агрономъ и гуманный владѣлецъ большого земледѣльческаго хозяйства, для котораго онъ употреблялъ нѣсколько десятковъ рабочихъ. Оба его сочиненія если и не приобрѣли слишкомъ большой извѣстности, то это не его вина, а вина тѣхъ экономистовъ, которые въ послѣднее время овладѣли экономической литературою: но всетѣмъ они приобрѣли большое уваженіе между дѣйствительно-учеными экономистами, и, между прочимъ, Рошеръ взялъ на себя трудъ — популяризировать ихъ. Даже французская оффиціальная школа отдастъ имъ справедливость **, но не пользуется ихъ выводами, потому что знаетъ только заглавіе ихъ, а съ выводами совершенно незнакома, можетъ быть, благодаря тому, что разсужденія Тюнена, будучи слишкомъ серьезны и своеобразны, мало-доступны тѣмъ экономистамъ, которые, подобно Моллинару, изъ области «Млетона» перешли прямо въ область политической экономіи. Тюненъ предполагаетъ государство, которое отдѣлено отъ всѣхъ другихъ государствъ непроходимой пустынею; пустыня, впрочемъ, имѣетъ очень плодородную почву; государство это не можетъ имѣть сношеній ни съ какимъ другимъ государствомъ; потому оно само должно удовлетворить всѣмъ своимъ потребностямъ. Оно имѣетъ одинъ только рынокъ, городъ, находящійся

* Это сочиненіе еще въ 1857 г. г. Волковымъ переведено на французскій языкъ.

** Волковскій, напр., равняетъ имя Тюнена съ именами Ад. Смита, Рикардо и Мальтуса.

въ его центрѣ. Это имѣетъ особенное вліаніе на распредѣленіе родовъ промышленности въ государствахъ и на отношеніе между капиталомъ и трудомъ. Естественная заработная плата въ такомъ государствѣ совсѣмъ не та, которая существуетъ въ государствахъ Западной Европы, потому-что работники, получая невыгодное условіе отъ капиталистовъ, имѣютъ возможность занимать порожнія земли, находящіяся на границахъ государства, и обрабатывать ихъ въ свою пользу. Тюненъ излагаетъ и общее ученіе объ отношеніи между капиталомъ и трудомъ, о причинахъ невыгодности его для рабочихъ классовъ и о средствахъ, которыми оно можетъ быть измѣнено. Г. Волковъ пользовался преимущественно вторымъ сочиненіемъ Тюнена; вслѣдъ за Тюненомъ онъ излагаетъ самое происхожденіе капитала, процентовъ, заработной платы и слѣдитъ за ихъ взаимными отношеніями при всѣхъ вліаніяхъ, которымъ они подвергаются. Онъ предполагаетъ себѣ работника, котораго годовое потребленіе онъ изображаетъ цифрою 100, а годовое производство — цифрою 110, такъ что производство превосходитъ потребленіе на 10%; если работникъ въ продолженіе десяти лѣтъ будетъ оберегать этотъ избытокъ, то его сбереженіе будетъ равняться 100, такъ-что чрезъ десять лѣтъ онъ можетъ посвятить работу цѣлаго года на улучшеніе своего быта какимъ бы то ни было образомъ, и въ это время можетъ не заботиться о своемъ продовольствіи, потому-что онъ будетъ его имѣть въ томъ сбереженіи, которое онъ сдѣлалъ; или, не дожидаясь десяти лѣтъ, чтобы найти себѣ помощь въ капиталѣ, онъ, сознавая всю выгоду отъ этой помощи, обратится за капиталомъ къ тому, кто уже успѣлъ его составить; и положимъ, что онъ возьметъ капиталъ, равный его годовому производству, который потому можетъ быть выраженъ цифрою 110; съ помощью этого капитала его производство увеличится, и положимъ, оно достигнетъ 150 вмѣсто 110, увеличеніе будетъ равняться 40; и такъ-какъ этимъ увеличеніемъ онъ обязанъ помощи занятаго капитала, то онъ долженъ изъ этой суммы заплатить владѣльцу капитала, столько сколько тотъ потребуетъ, но съ такимъ условіемъ, чтобы изъ этихъ 40 работникъ имѣлъ и свою пользу. Положимъ, что онъ капиталисту заплатить 30, въ такомъ случаѣ ему останется 10. Найдши выгоду отъ помощи чужого капитала, работникъ не откажется занять и другой такой же капиталъ, если представится случай; а случай долженъ представиться, потому-что сбереженія

увеличиваются, капиталы растутъ, Является вопросъ, насколько помѣй капиталъ увеличить производство? Это новое увеличение производства должно быть меньше нежели прежнее. Вотъ какъ говоритъ объ этомъ г. Волковъ: «Это общій законъ, который замѣчается во всѣхъ родахъ промышленности. Не всякій капиталъ, т. е. не всякій инструментъ, не всякая машина, не всякая постройка увеличиваетъ одинаково производительность труда человѣческаго. Напр., употребленіе лопатки позволяетъ человѣку вскопать въ пятьдесятъ разъ больше песку или зеренъ въ одно и то же время, нежели онъ могъ бы сдѣлать это однѣми руками; теперь увеличить производительность его труда въ обдѣлкѣ дерева на сорокъ разъ; съ помощію сохи онъ сдѣлаетъ больше въ тридцать разъ, нежели съ помощію лопаты; на мельницѣ можно въ двадцать разъ больше смолоть хлѣба, нежели въ ручной машинѣ. Очень естественно предположить, что владельцы капиталовъ будутъ имѣть настолько смысла, чтобы сначала сдѣлать инструменты болѣе производительные, а потомъ менѣе производительные.

«Но особенно уменьшается производительность капиталовъ ихъ умноженіемъ. Въ производствѣ первыхъ лопатокъ, первыхъ топоровъ, сохъ, производительный трудъ имѣлъ право на вознагражденіе весьма высокое, потому-что онъ увеличивалъ производительность труда человѣческаго въ чрезвычайной пропорціи. Но эта великая полезность капитала не удержится вслѣдствіе спроса подобныхъ капиталовъ, возбужденнаго соотвѣтственно самой полезности этихъ капиталовъ. По мѣрѣ того, какъ эти инструменты размножатся, полезность капиталовъ уменьшится; и когда всакій будетъ снабженъ ими достаточно, тогда и съ трудомъ можно помѣщать ихъ такимъ образомъ, что рента на капиталы упадетъ, дойдетъ до цѣны обыкновенныхъ процентовъ, какъ вознагражденіе за издержки ихъ производства. Это будетъ ихъ перьяльная цѣна; и еслибы кто продолжалъ ихъ производить еще, тотъ трудился бы напрасно.»

Изъ всего этого авторъ выводитъ заключеніе въ сущности очень простое, но имѣющее важность для послѣдующихъ выводовъ: всякій новый капиталъ, прибавленный къ тѣмъ капиталамъ, которые уже были употреблены въ производство, доставляетъ, сравнительно, меньше дохода нежели капиталы прежніе.

«Положимъ, что полезность капиталовъ уменьшается на $\frac{1}{10}$ для всякаго капитала, производимаго въ продолженіе года ра-

ботниками и прибавляемого къ капиталамъ предыдущимъ. Если полезность перваго капитала будетъ 40, полезность втораго будетъ 36, третьяго — 32, четвертаго — 29, 2, и т. д.

Такимъ образомъ работникъ, который безъ капитала производитъ, но съ помощію одного капитала 150, съ помощію двухъ—186, съ помощію трехъ—218, 4, съ помощію четырехъ—247, 6, и т. д., вопросъ въ томъ: какую наемную плату будетъ платить работникъ за воѣ эти капиталы? Если онъ за первый капиталъ платилъ 30 изъ 40, на которыя его продуктъ увеличился, и если второй капиталъ приноситъ ему только 36, то онъ прежнюю цифру за него платить не можетъ. Онъ будетъ платить столько, чтобъ изъ общаго продукта осталось прибавленіе дохода собственно для него и пусть онъ попрежнему платить $\frac{3}{4}$ т. е. 27. Если за эту плату онъ получитъ новый капиталъ, то онъ можетъ въ то же самое время получить и другой капиталъ за ту же цѣну и постарается возратить первый, за который онъ платилъ 30, если владѣлецъ перваго капитала не согласится уменьшить плату за него. Но производитель во всякомъ случаѣ за оба капитала заплатитъ такую ренту, которую онъ платитъ за второй капиталъ. Такое же уменьшеніе ренты будетъ и въ томъ случаѣ, когда онъ будетъ нанимать третій и четвертый и слѣдующіе капиталы. Изъ этого г. Волковъ выводитъ второе правило, которое онъ выражаетъ такимъ правиломъ: рента капитала опредѣляется полезностью послѣдняго капитала, прибавляемаго къ прежнимъ, употребляемымъ въ производствѣ. Будемъ продолжать нашъ примѣръ: когда третій капиталъ будетъ прибавленъ къ двумъ первымъ, онъ принесетъ, увеличитъ количество производства на 32, 4; изъ нихъ $\frac{3}{4}$ владѣльцу капитала, т. е. 24, 1. Два предыдущіе капитала, продолжая приносить одинъ сорокъ, другой 36, будутъ платить, однако, каждый только 24, 1 кредитору; такимъ образомъ мы будемъ имѣть для работника, который употребляетъ два капитала, равные каждый одному году труда, во первыхъ его личное производство, равняющееся 110, продуктъ перваго капитала 40, продуктъ втораго 36; весь годовою продуктъ 186; изъ этого продукта ренты на два капитала по 27 за каждый—54; затѣмъ изъ всего количества работнику остается 136.

Занимая третій капиталъ, работникъ будетъ производить больше, нежели прежде на 32, 4, т. е. 218, 4; ренту онъ долженъ будетъ платить на три капитала 72,3 по 24,1 на каждый; исклю-

ить ее изъ 218, 4, будешь имѣть продуктъ работника 146, 1, который больше предыдущаго на 10, 1; изъ этого г. Волковъ изводитъ слѣдующее правило: «уменьшеніе ренты капиталовъ, и ирѣ ихъ возрастанія, возвышаетъ плату работника.» * «Если ли не замѣчаемъ этого на дѣлѣ въ наиболѣе населенныхъ странахъ Европы, гдѣ пониженіе процентовъ не сопровождается уменьшеніемъ заработной платы, причина этого заключается въ несообразномъ предложеніи рукъ, въ недостатокѣ даровыхъ земель, гдѣ разница дохода отъ капиталовъ могла бы оставаться производителю, вмѣсто того, чтобы переходить въ поземельную ренту.

«Мы видимъ, что уменьшеніе ренты капиталовъ, по мѣрѣ ихъ умноженія, въ рукахъ того же числа производителей не мѣшаетъ абсолютному увеличенію ренты, платимой капиталистамъ **; годы работниковъ также увеличиваются въ самое это время, потому-что чѣмъ больше капиталъ, употребленный при одномъ и томъ же трудѣ, тѣмъ больше онъ увеличиваетъ полезность, или производительность труда».

Если сравнивать увеличеніе заработной платы относительно всего производства, то легко замѣтить, что доля труда въ раздѣлѣ общаго продукта уменьшается. Съ помощью одного капитала работникъ производитъ 150; изъ нихъ на его долю достается 120; или $\frac{4}{5}$; съ помощью двухъ капиталовъ онъ производитъ 186, и на его долю достается 129, или около $\frac{2}{3}$; съ помощью трехъ капиталовъ онъ производитъ 218, и на его долю идетъ 137, или около $\frac{1}{3}$ и т. д.; такимъ образомъ, часть труда, относительно всего производства, уменьшается въ то время, какъ капиталъ беретъ въ производствѣ часть, все болѣе и болѣе увеличивающуюся.

«Мы обозначаемъ это (говоритъ г. Волковъ) для того, чтобы опровергнуть мнѣніе нѣкоторыхъ авторовъ. Законъ, который они вообразили, былъ бы пагубенъ для работниковъ. Въ самомъ дѣлѣ, когда заработная плата возвышается абсолютно, то нѣтъ

* Т. е. при естественной организаціи производства, при естественныхъ отношеніяхъ между капиталомъ и трудомъ, умноженіе въ странѣ капиталовъ должно постоянно увеличивать заработную плату, или вообще доходъ трудящихся классовъ.

** Это доказано у г. Волкова въ самомъ началѣ книги, гдѣ онъ изводитъ обыкновеннымъ своимъ способомъ, посредствомъ цифръ, что въ то время, какъ проценты уменьшаются, доля капитала въ раздѣленіи общаго продукта увеличивается.

никакой необходимости, чтобы она возвышалась относительно общаго продукта и, слѣдовательно, относительно части, приходящейся на долю капитала. Напротивъ, когда заработная плата понижается, по причинѣ употребленія одного и того же труда и одного того же капитала, въ обстоятельствахъ менѣе благоприятныхъ для производства, тогда необходимо, для благосостоянія работника, чтобы его часть въ общемъ продуктѣ увеличивалась относительно этого продукта для того, чтобы пониженіе заработной платы было не столь быстро, что и дѣйствительно имѣетъ мѣсто, какъ мы это скоро докажемъ.»

Мы не можемъ слѣдить за г. Волковымъ во всѣхъ его послѣдовательныхъ выводахъ; желающіе познакомиться съ ними, должны обратиться къ самой книгѣ, которая вполне заслуживаетъ вниманія всякаго, серьезно-изучающаго науку. Съ помощью своей строгой методы, г. Волковъ выводитъ рядъ экономическихъ положеній, которые не допускаютъ никакихъ возраженій, и дѣлаются истиннымъ приобретеніемъ науки въ учени объ отношеніяхъ между капиталомъ и трудомъ. * Та же строгая научная метода проведена г. Волковымъ и въ тѣхъ главахъ, гдѣ онъ говоритъ о поземельной рентѣ и распредѣленіи различныхъ родовъ промышленности вокругъ рынка. Эти главы имѣютъ особенный интересъ для нашей литературы, потому-что у насъ, сколько извѣстно, о поземельной рентѣ не пошли дальше Рикардо, а теорія Тюнена, изложенная имъ въ изолированномъ государствѣ, повидимому, тоже неизвѣстна нашимъ публицистамъ, по-крайней-мѣрѣ о земледѣльческой промышленности у насъ писали, и до-сихъ-поръ пишутъ, не только не обращая на нее вниманія, но наперекоръ ей, хотя явленіе, которое принимаетъ, какъ нормальное, Тюненъ, дѣйствительно происходитъ и у насъ, вызванное естественнымъ ходомъ экономического положенія той или другой мѣстности. Мы постараемся изложить только ученіе о естественной заработной платѣ, какъ называетъ ее Тюненъ, или о рациональной заработной платѣ, какъ называетъ ее г. Волковъ.

Натуральная заработная плата есть не то, что подъ этимъ именемъ разумѣли другіе, не та плата, которая ограничиваетъ работника только однимъ необходимымъ для жизни; такую плату нельзя назвать натуральною уже по тому одному, что она осуж-

* Ненадобно забывать, что всѣ эти выводы собственно принадлежатъ Тюнену. Г. Волковъ и не представляетъ ихъ какъ свои.

дать человѣка на какое-то прозябаніе, на тяжелое существованіе безъ исхода; она служитъ препятствіемъ къ увеличенію его благосостоянія матеріальнаго и къ его образованію, вмѣстѣ съ тѣмъ къ возвышенію уровня народнаго образованія вообще. Притомъ, работать только для того, чтобы имѣть возможность поддерживать свою жизнь—на это можетъ согласиться человѣкъ только въ самыхъ крайнихъ обстоятельствахъ, только тогда, когда онъ на землѣ оказывается дѣйствительно лишнимъ, когда онъ дѣйствительно не имѣетъ клочка земли для того, чтобы воспользоваться ея даровою растительною силою, которая, вопреки Бастья, если своимъ происхожденіемъ обязана какому-нибудь капиталисту, то, конечно, такому, который за свой капиталъ процентовъ не беретъ, когда онъ не имѣетъ даже гдѣ приклонить голову, такъ—что если капиталистъ отказываетъ работнику въ занятіяхъ, ему остается только выйти на большую дорогу и въ канавѣ, подлѣ нея, устроить свое мѣстопробываніе. Извѣстно, что это дѣйствительно было съ англійскими работниками каменно-угольныхъ копей. Но такіе работники, собственно говоря, и въ канавѣ не имѣютъ права оставаться, потому—что, и въ современной практикѣ, особенно Англии, и въ ученіи господствующей школы большія дороги, со всѣми принадлежностями, принадлежатъ не государству, не народу, а частнымъ людямъ, такъ—что работникамъ, не имѣющимъ занятій, остается или идти въ воду, въ то мѣсто, которое не пріобрѣтено еще никѣмъ въ собственности, или придумать какое-нибудь средство держаться на воздухѣ. Въ такомъ положеніи работники примутъ, конечно, какое угодно условіе; они могутъ и ограничиться только самымъ необходимымъ для жизни; мало того, они могутъ въ такомъ положеніи дать на себя и кабалу, какъ это прежде дѣлалось. Если разсмотрѣть получше, то положеніе современныхъ работниковъ, ограниченныхъ необходимымъ для жизни, есть та же самая дѣйствительная и полная кабала, только безъ этого имени, и къ ней прямохонько и ведутъ и ее почти прямо проповѣдуютъ экономисты господствующей школы, которые такъ много распространяются о свободѣ труда вообще, о свободѣ торговли, о раздѣленіи труда, о пользѣ машинъ, о великихъ неудобствахъ цеховъ и корпорацій, о вредѣ регламентацій и т. п. Заработная плата, которую примутъ работники западной Европы, чтобы не умереть съ голоду, не есть естественная; естественная заработная плата есть та, которая даетъ средства къ дѣйствительному

материальному благосостоянію чловѣка, которая не лишаетъ его возможности образованія, и которую онъ принимаетъ отъ предпринимателя, дѣлая съ нимъ условія какъ равный съ равнымъ, а не какъ притѣсненный съ притѣснителемъ, не какъ голодный съ сытымъ, который, какъ извѣстно, голоднаго не разумѣетъ.

Такое положеніе дѣла можетъ быть только тогда, когда работникъ, независимо ни отъ кого, можетъ самостоятельно трудиться, можетъ занять еще незанятую почву, или имѣетъ право войти въ земледѣльческую общину, сдѣлаться ея членомъ и получить извѣстную часть земли, могущую доставить ему необходимыя средства къ жизни. При такихъ обстоятельствахъ работникъ, входя въ сдѣлку съ капиталистомъ, приметъ только такія условія, которыя ему будутъ выгодны по его собственному сознанию; заработная плата, которую онъ будетъ получать, доставитъ ему больше, нежели одно необходимое къ его жизни; у него будетъ постоянный остатокъ, изъ котораго, при сбереженіи въ продолженіе извѣстнаго времени, составится маленькій капиталъ; и еслибы предприниматель, по какой бы то ни было причинѣ, вздумалъ понизить плату, многіе работники не захотятъ согласиться на это и тотчасъ оставятъ предпринимателей. Сбереженные остатки послужатъ имъ для ихъ собственныхъ заведеній, такъ что предприниматели принуждены будутъ возвысить плату для того, чтобы привлечь къ себѣ работниковъ. Но предприниматели, зная, что работники имѣютъ возможность трудиться на свой счетъ, и не подумаютъ произвольно уменьшать заработную плату, подъ страхомъ разстроить свои собственные дѣла. И въ этомъ случаѣ есть возможность опредѣлить величину заработной платы, которая будетъ въ состояніи удерживать работниковъ при ихъ занятіяхъ. Очевидно эта заработная плата должна равняться суммѣ полезностей, которую работникъ произведетъ на свой собственный счетъ въ своемъ заведеніи. Положимъ, что для основанія заведенія работникъ долженъ имѣть капиталъ, который равнялся бы продукту 12-ти лѣтъ его труда, и пусть работникъ, трудясь съ помощью этого капитала на свой счетъ, добудетъ втрое больше того, что ему необходимо для его годоваго потребленія: очевидно, что этотъ работникъ-владѣлецъ своего капитала тогда только будетъ доволенъ своею заработной платою, тогда только не будетъ думать о своемъ собственномъ предпріятіи, когда его заработная плата вмѣстѣ съ про-

вѣтани его капитала, составленнаго изъ его 12-лѣтнихъ сбереженій, будетъ равняться тому, что онъ приобрѣтетъ трудась на свой счетъ, т. е. доставлять три раза больше того, что ему нужно для годоваго потребленія. Чѣмъ выше въ странѣ будутъ проценты, тѣмъ меньше въ такомъ случаѣ можетъ быть заработная плата, и наоборотъ, заработная плата должна быть выше, если проценты невысоки. Такимъ образомъ въ данномъ случаѣ, чтобы работникъ имѣлъ триста сотыхъ своего годоваго потребленія; если проценты будутъ равняться пяти, заработная плата должна будетъ равняться 187,5, такъ, чтобы вышло.

$$187,5 + 12 (187,5) \frac{5}{100} = 300.$$

Если заработная плата уменьшится, то долженъ увеличиться процентъ. Положимъ, что заработная плата равняется 120; въ такомъ случаѣ, чтобы равенство осталось, проценты должны увеличиться до 12,5; вообще весь доходъ работника составляетъ при такихъ обстоятельствахъ изъ двухъ элементовъ: изъ заработной платы и изъ процентовъ на сбереженіе; его прямая выгода заключается въ томъ, чтобы оба эти элемента доставляли ему наибольшій доходъ, не дѣйствуя вредно одинъ на другой, чтобы между ними было равновѣсіе, которое въ то же время удовлетворило бы и предпринимателей. Если заработная плата будетъ слишкомъ велика, а проценты на капиталъ слишкомъ малы, т. е. самая производительность капитала будетъ незначительна, это будетъ невыгодно предпринимателю. Если, наоборотъ проценты будутъ слишкомъ высоки, а заработная плата слишкомъ мала, это будетъ невыгодно работнику. Равновѣсіе между процентами и заработной платою должно удовлетворить какъ предпринимателей, такъ и работниковъ: это и будетъ естественное положеніе дѣла и при этомъ положеніи имѣющая мѣсто заработная плата будетъ вполне имѣть право называться естественною. Итакъ, нужно найти такое отношеніе между заработной платою и процентами, чтобы ни одинъ изъ этихъ элементовъ слишкомъ не возвышался надъ другимъ, въ ущербъ всему доходу работника. Вопросъ такимъ образомъ сводится къ тому, чтобы узнать, въ какомъ случаѣ оба элемента дадутъ наибольшій доходъ. Въ представленныхъ выше равенствахъ при 187, проценты равнялись 5; при заработной платѣ въ 120 они равнялись 12,5; въ первомъ случаѣ работникъ получалъ, кромѣ 100 необходимыхъ ему для жизни, еще 87. во второмъ 20. Если

мы вмѣсто 87 и 20 возьмемъ послѣдователя 72, 73, 74, 75, то мы найдемъ для каждой изъ этихъ цифръ соответственную определенную цифру, которая будетъ показывать величину процента на капиталъ; изъ равенства

$$172 + 12 (172) X = 300$$

найдемъ, что X равняется 6,201; если въ равенствѣ вмѣсто 172 поставимъ 173, то X будетъ равняться 6,11; для 174 онъ будетъ равняться 6,03; для 175 онъ будетъ равняться 5,95.

Если во всѣхъ этихъ равенствахъ мы отбросимъ изъ заработной платы величину 100, какъ неизмѣняющуюся, и будемъ разсматривать только тѣ цифры, которыя составляютъ избытокъ заработной платы сравнительно съ годовымъ потребленіемъ работника, то мы найдемъ, что наибольшій доходъ работникъ отъ его сбереженій будетъ въ такомъ случаѣ, когда этотъ избытокъ будетъ равняться 73,2. Въ самомъ дѣлѣ $72 \times 0,0620$, дастъ 4,464; $73 \times 0,0611 = 4,657$; $73,2 \times 0,0610 = 4,4658$; $74 \times 0,060 = 4,4655$; $75 \times 0,059 = 4,462$; такимъ образомъ мы видимъ, что общій доходъ отъ сбереженій возвышается постоянно до того времени, какъ избытокъ годовой платы достигаетъ 73,2; послѣ этой величины онъ начинаетъ опять уменьшаться. И потому возвышеніе до этой цифры во всѣхъ отношеніяхъ выгодно для работника, т. е. его доходъ растетъ и въ вслѣдствіе увеличенія заработной платы, и вслѣдствіе увеличенія ренты, получаемой имъ съ его сбереженій. Дальше ея одинъ изъ элементовъ дохода будетъ увеличиваться, а другой—уменьшаться. Очевидно, что заработная плата 173,2 представляетъ самое выгодное условіе, дѣйствительное равновѣсіе выгодъ работника и предпринимателя, и при дѣйствительной свободѣ экономическихъ отношеній она непремѣнно должна имѣть мѣсто; предприниматель долженъ будетъ согласиться платить ее своимъ работникамъ, въ противномъ случаѣ они его оставятъ. А что онъ можетъ платить ее, это очевидно; изъ общаго продукта—300—ему остается еще 126,8.

Эта заработная плата вычислена для такого случая когда годовое потребленіе работника будетъ 100, а общій продуктъ его труда, съ помощью капитала, будетъ 300. Если мы сравнимъ всѣ эти цифры, то найдемъ, что 100 относится къ 173,2 какъ 173,2² относится къ 300; $100 : 173,2 = 173,2 : 300$, т. е. естественная заработная плата есть среднее пропорціональное между потребностями работника и продуктомъ его труда или,

как называть ее Тюненъ, корень квадратный изъ произведе-
 ния цифры потребностей работника на цифру его производства.
 Такая заработная плата дѣйствительно удовлетворитъ какъ пред-
 принимателя, такъ и работника, и въ этомъ случаѣ между ни-
 ми будетъ дѣйствительное согласіе интересовъ; но не надобно
 забывать, что это имѣетъ мѣсто только, какъ говоритъ г. Вол-
 ковъ при самой полной свободѣ труда, т. е. когда работникъ
 имѣетъ возможность завести собственное хозяйство, когда онъ
 будетъ имѣть право взять для этого даромъ извѣстный учас-
 токъ земли.

Изложивъ ученіе о естественной заработной платѣ, г. Вол-
 ковъ продолжаетъ: «Не будемъ пока идти дальше по этой новой
 дорогѣ, открытой трудами г. Тюнена; Наше желаніе ограничи-
 вается только тѣмъ что-бы заявить то, что у многихъ совре-
 менныхъ экономистовъ намъ кажется несогласно съ рациональ-
 ными принципами науки.» Но самъ г. Волковъ этимъ не ограни-
 чиваетъ свою книгу; онъ оканчиваетъ прекраснымъ, болѣе попу-
 лярнымъ взглядомъ на ученіе экономистовъ о согласіи интере-
 совъ, которые будто-бы всегда и во всякое время существуютъ
 между предпринимателями и работниками, даже—какъ говорить
 одинъ изъ нашихъ молодыхъ ученыхъ—между производителями и
 потребителями. Ученіе о согласіи интересовъ въ этомъ жалкомъ
 видѣ особенно распространилось въ русской экономической ли-
 тературѣ, потому, неговоря о немъ ничего отъ себя, мы приве-
 демъ мнѣніе объ этомъ предметѣ г. Волкова, который, конечно,
 чуждъ нашимъ журнальнымъ ученіямъ и, какъ читатель, вѣроят-
 но, уже замѣтилъ изъ выписокъ, въ своемъ трактатѣ обращаетъ
 вниманіе на чистое ученіе науки.

Нѣкоторые публицисты, которыхъ воспитаніе, чисто-литера-
 турное, сдѣлало неспособными понимать истинное значеніе наукъ
 положительныхъ, претендовали, что экономисты проповѣдуютъ
 антагонизмъ между различными классами общества. Другіе пи-
 сатели вмѣсто того, чтобы отвѣчать имъ, что наука не отвѣчаетъ
 за явленія, которыя она открываетъ, пустились опровергать фак-
 ты и увѣрять, что богатство само-собою распределяется спра-
 ведливо и что наукѣ остается только засвидѣтельствовать гар-
 моническіе законы, дѣйствіемъ которыхъ процвѣтаютъ въ мірѣ
 частные интересы.

«Къ сожалѣнію, производство богатства нигдѣ не слѣдовало раз-
 умнымъ законамъ и нигдѣ оно не распределено справедливо;

достаточно нѣсколько искусственныхъ монополій, чтобы воспрепятствовать этому. Итакъ, нечего говорить объ этой гармоніи, которая не существуетъ еще между интересами; нельзя также сказать, что это непременно должно быть при нынѣшнемъ состояніи общества, или въ какомъ-нибудь опредѣленномъ будущемъ, потому-что гармонія интересовъ есть совершенство, къ которому стремится прогрессъ экономическій, не имѣя, однако, возможности достигнуть его вполне, все равно, какъ никакой другой элементъ общественной жизни никогда не достигнетъ до своего совершенства.

«Согласіе между интересами могло бы, безъ сомнѣнія, существовать, какова бы ни была степень цивилизаціи, образованія, удобствъ территоріальныхъ и, слѣдовательно, свободы и силы народонаселенія. Но что составляетъ необходимое условіе для согласія интересовъ, это то, чтобы свобода дѣйствія была *ею* *разной* *мѣрѣ* доступна всякому производителю, изъ какого бы то ни было класса общества.

«Положимъ, что, наконецъ, уничтожатся всѣ регламентарныя препятствія, которыя теперь нарушаютъ свободу труда и сдѣлокъ; слѣдствіемъ этого будетъ бѣльшее согласіе интересовъ въ различныхъ классахъ народовъ. Несмотря на то, еще много останется сдѣлать для того, чтобы исчезъ антагонизмъ въ обществѣ. Такимъ образомъ, на примѣръ, согласіе между рабочимъ классомъ и классомъ предпринимателей требуетъ достаточной конкуренціи между предпринимателями для того, чтобы ихъ выгоды не превосходили слишкомъ много справедливое вознагражденіе, ниже котораго предприниматель захотѣлъ бы лучше перейти въ рядъ работниковъ. Но этого результата можно достигнуть тогда, когда образованіе распространится между работниками и значительное количество изъ нихъ будетъ въ состояніи дѣлать конкуренцію предпринимателямъ всякій разъ, когда ихъ выгода увеличится несравнѣнно съ ихъ трудами и заботами.

«Въ то время, когда уничтоженіе искусственныхъ препятствій и распространеніе образованія облегчаютъ все болѣе и болѣе соглашеніе различныхъ интересовъ, одно естественное препятствіе совершенно уничтожаетъ всякіе полезные результаты. Народонаселеніе растетъ, распространяется на территоріи страны и наконецъ всю ее занимаетъ, такъ-что нѣтъ болѣе свободнаго мѣста для основанія новыхъ промышленныхъ предпріятій. Въ такомъ случаѣ одинъ видъ свободы, именно свобода дарового за-

нати мѣста для производства, перестаютъ быть доступны для каждаго изъ членовъ общества. Тогда происходитъ конкуренція между производителями въ наймѣ или приобрѣтеніи мѣстностей, которая и производитъ постепенное возвышеніе части общаго продукта, достигающагося на долю поземельной собственности.»

«По мѣрѣ умноженія народонаселенія, конкуренція между производителями дѣлается живѣе и обязываетъ ихъ все больше и больше жертвовать въ пользу владѣльцевъ мѣстностей. Всякій прогрессъ промышленный имѣетъ, безъ сомнѣнія, результатомъ увеличеніе массы продуктовъ, получаемыхъ съ помощью одного и того же труда, и это увеличеніе могло бы быть таково, что доля работниковъ увеличивалась бы, несмотря на растущія требованія владѣльцевъ растущей земли. Но, повидимому, увеличеніе народонаселенія вообще слишкомъ быстро сравнительно съ ускореніемъ производства, потому-что ни въ одной странѣ, въ которой нѣтъ свободныхъ мѣстностей, жизнь простого работника не достигаетъ той степени благосостоянія, до которой она достигаетъ въ странахъ, имѣющихъ свободныя мѣстности, достигающа дѣятельному народонаселенію.

«При изобиліи мѣстностей, удобныхъ для производительныхъ заведеній, постоянная пропорціональность между количествомъ продуктовъ и цифрами народонаселенія достаточна для того, чтобы обезпечить рабочему классу непрерывность его потребленія. Всякое приращеніе богатствъ, получаемыхъ однимъ и тѣмъ же трудомъ, увеличиваетъ въ этомъ случаѣ абсолютное количество доли работника, потому-что доля въ такомъ случаѣ остается одна и та же относительно всей суммы производства.

«Но въ странѣ, гдѣ больше нѣтъ свободныхъ мѣстностей, простая пропорціональность массы продуктовъ съ возрастающею цифрою народонаселенія не можетъ поддерживать благосостояніе производителей; потому-что часть продукта тратится на наемъ мѣстности, а цена найма все болѣе и болѣе возвышается, благодаря увеличенію конкуренціи. Уменьшеніе благосостоянія производителей въ этомъ случаѣ можетъ быть предупреждено только тѣмъ увеличеніемъ продукта, которое могло бы покрыть прогрессивное возвышеніе части, слѣдующей собственникамъ земли. Очевидно, для улучшенія быта работниковъ, увеличеніе продукта должно быть еще болѣе прогрессивно.

«Исторія европейской промышленности представляетъ многіе примѣры необыкновеннаго ускоренія производства. Таковы спо-

ли введенія паровой машины на фабрикахъ и ея приложенія къ мореплаванію и сухопутнымъ транспортамъ. Уничтоженіе монополій и таможенныхъ запрещеній произвело бы то же самое дѣйствіе; но мы впади бы въ утопію, если бы стали думать о возможности постоянного увеличенія количества продуктовъ, и притомъ столь быстро, чтобы оно было въ состояніи поддерживать или увеличить благосостояніе рабочихъ классовъ.

«Экономисты, которые, приступая къ наукѣ, обѣщаютъ доказать гармонію интересовъ, держать свое обѣщаніе такъ плохо, что къ концу, напротивъ, имъ приходится доказывать несчастные послѣдствія избытка народонаселенія; т. е. еще далеко не достигая роковой границы, часть продукта, достающаяся на долю труда, уже уменьшилась ниже той цифры, на которой она стоитъ еще у народовъ, владѣющихъ свободными землями. Часть общаго продукта, выпадающая на долю труда, естественнымъ образомъ уже не поддерживается послѣ того, какъ вся территория перешла въ частную собственность, потому-что добровольная гармонія требуетъ свободы дѣйствія, одинаковой для всякаго производителя; но въ этомъ случаѣ одна часть народонаселенія лишена свободы занимать мѣстность, необходимую для устройства промышленнаго заведенія.

«Положить въ основаніе тотъ принципъ, что гармонія интересовъ есть естественное слѣдствіе свободы труда и потомъ предлагать различныя средства для предупрежденія пониженія заработной платы такіа, какъ эмиграція, участіе работника въ выгодахъ предпріятія, предусмотрительность въ заключеніи браковъ и т. п. есть противорѣчіе, которое часто встрѣчается у новѣйшихъ авторовъ.

«Болѣе послѣдовательны тѣ, которые думаютъ, что участь рабочихъ классовъ можетъ быть улучшена вслѣдствіе самого увеличенія народонаселенія. Они замѣчаютъ, что сближеніе людей само по себѣ значительно увеличиваетъ производство и благопріятствуетъ образованію народа, что имѣетъ послѣдствіемъ естественное расположеніе вида къ тому, чтобы умѣрить свое размноженіе. Но нельзя считать доказаннымъ, чтобы образованіе и богатство производили въ организмъ человѣческомъ перемѣну для способностей пролифическихъ. Большія семейства встрѣчаются въ высшихъ классахъ; и если въ промышленномъ классѣ дѣти не такъ многочисленны, какъ дѣти въ рабочемъ классѣ, тутъ причина не физиологическая; это не больше, какъ резуль-

тъ добровольнаго воздержанія. Впрочемъ, пусть даже мѣры, предлагаемыя одними, или естественный порядокъ вещей, наблюдаемый другими, будутъ достаточны для того, чтобы обезпечить народонаселеніе; все-таки они не въ состояніи будутъ произвести гармонію между интересами различныхъ классовъ обществъ.

Нѣкоторые писатели, повидимому, думаютъ, что гармонія интересовъ все еще существуетъ, несмотря на то, что одна часть народонаселенія лишена значительной части свободы, которою волея наслаждаются нѣкоторые классы, даже нѣкоторые привилегированныя личности. Большинство экономистовъ соглашается, что, при подобномъ состояніи дѣлъ, интересы дѣйствительно не находятся въ согласіи, но въ то же время экономисты думаютъ, что во всякое время свободу труда можно сдѣлать доступною для всѣхъ классовъ общества, и такимъ образомъ преградить въ немъ всякій антагонизмъ. Наконецъ почти всѣ допускаютъ, что гармонія интересовъ уже имѣетъ мѣсто, коль скоро значительное большинство народа, составленное изъ работниковъ, получающихъ самое малое вознагражденіе, будетъ находить въ своей заработной платѣ средства къ поддержанію жизни и силъ.

Что касается до свободы производителя занимать мѣсто, необходимое для веденія его промышленности, объ этомъ мало думаютъ, между тѣмъ эта свобода есть одинъ изъ элементовъ свободы труда, которую экономисты считаютъ необходимымъ условіемъ гармоніи интересовъ. Она имѣетъ большое значеніе въ общественной экономіи, благодаря ея направленію совершенно исключительному и даже противоположному сравнительно съ направленіемъ всякой другой свободы. Въ самомъ дѣлѣ, на данной территоріи увеличеніе народонаселенія постоянно уменьшаетъ пространство свободныхъ земель въ то время, какъ другіе роды свободы, напротивъ, все болѣе и болѣе выигрываютъ.

Мы сказали, что гармонія интересовъ добровольно установится на всякой степени цивилизаціи, лишь бы одинаковое количество свободы труда было доступно для всѣхъ производителей. Общее благосостояніе, конечно, зависитъ отъ степени свободы труда, которою нація пользуется; но согласіе интересовъ отъ этого не зависитъ. Вопросъ о гармоніи интересовъ сводится, такимъ образомъ, къ вопросу объ одинаковомъ количествѣ свободы труда, доступномъ всѣмъ классамъ народонаселенія, какъ бы велико не было это количество. И такъ-какъ всѣ роды свободы, за исключеніемъ одного, увеличиваются прогрессивно и въ при-

родѣ вещей ничто не протянется ихъ распространенію въ массѣ людей, то для того, чтобы увѣриться въ судьбахъ гармоніи интересовъ, намъ нужно рассмотретьъ ретроградный путь этого элемента свободы труда, которой мы называемъ свободою занятія мѣстности.

«Эта свобода существуетъ въ тѣхъ странахъ, въ которыхъ порядочная часть территоріи остается необработана, какъ это имѣетъ мѣсто въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки. Если въ Штатахъ есть слои общества, которые ею не пользуются, причина заключается въ томъ, что они находятся въ рабствѣ, или прикрѣплены къ землѣ, что они заключены въ границахъ, которыя до-сихъ-поръ имъ невозможно было перейти; но въ той части Соединенныхъ Штатовъ, гдѣ нѣтъ рабства, работники получаютъ почти пропорціонально тому, что они могли бы получить, устроивъ свое собственное хозяйство на мѣстности, почти не имѣющей никакой цѣны.

«Одна возможность для работника, получающаго жалованье, устроить свое собственное хозяйство уже достаточна для того, чтобы поддержать цифру его заработной платы. Но именно эта возвышенная цифра и позволяетъ сдѣлать сбереженіе, необходимое для обзаведенія, такъ что въ то время, какъ есть свободныя земли, высокая заработная плата и возможность для работника трудиться на свой собственный счетъ, въ одно и то же время служатъ причиною и слѣдствіемъ другъ другу.

«Въ такомъ положеніи вещей дѣйствительно существуетъ гармонія интересовъ, но только въ томъ смыслѣ, что тогда всякій вознагражденъ пропорціонально тому, что онъ бы могъ приобрести, трудясь на свой счетъ. Въ такомъ случаѣ никто не имѣетъ права жаловаться на прибыли другихъ, какъ бы велики онѣ ни были.»

Здѣсь мы и прекратимъ выписки изъ книги г. Волкова; онѣ совершенно достаточны для того, чтобы показать характеръ экономическаго ученія, которому онъ слѣдуетъ. Выше мы привели основанія, на которыхъ онъ его строить. Какъ метода, такъ и самое изложеніе автора отличаются строгимъ научнымъ характеромъ; окончательный выводъ составляетъ органическую приставку ко всей системѣ, которая, выводя одно положеніе изъ другого, съ логическою необходимостью, также логически и приходитъ къ окончательному результату. Слѣдуя этому ученію, гармоніи интересовъ нѣтъ въ экономическихъ отношеніяхъ современной Европы. Чтобъ она имѣла мѣсто, для этого

и нужны свободныя земли; а такъ-какъ свободныхъ земель въ Европѣ нѣтъ, то ей нужна эмиграція, и г. Волковъ предлагаетъ имиграцію какъ средство экономическаго равновѣсія въ Европѣ; другое средство онъ видитъ въ распространеніи образованія во мнѣхъ классахъ народа, чѣмъ, впрочемъ, онъ занимается малю. Сказавъ, что для устройства хозяйства на собственный счетъ нужно больше способности и больше образованія, не такъ для работы на найму, г. Волковъ на этомъ и останавливается, потому-что этому роду свободы нѣтъ препятствія ни въ чемъ, кромя особенныхъ видовъ предпринимателей, заинтересованныхъ въ этомъ дѣлѣ. Мы не будемъ заниматься вопросомъ о томъ, насколько эмиграція способна поправить современное экономическое состояніе Европы, насколько помочь ей въ этомъ распространеніи образованія въ народныхъ массахъ. Самъ г. Волковъ не много занимается и тѣмъ и другими средствами и не предлагаетъ его какъ действительную современную манаю; все его вниманіе обращено на теоретическое изслѣдованіе вопроса о согласіи интереса, на основаніи котораго всѣ почти современные экономисты, преимущественно французскіе и русскіе, проповѣдывали систему правительственно возмѣнителя въ экономическія отношенія. Что этого согласія нѣтъ—это можно считать доказаннымъ съ математическою точностью. И это ученіе не принадлежитъ г. Волкову, оно нѣтъ за себя авторитетъ Тюнена, котораго книгу коротко воспроизвелъ г. Волковъ.

Для насъ вопросъ о согласіи интересовъ имѣетъ особенную важность. Съ-тѣхъ-поръ, какъ началось у насъ въ литературѣ обсужденіе теоретическихъ и практическихъ вопросовъ политической экономіи, во всѣхъ журналахъ было писано множество статей, въ которыхъ предлагались тѣ или другія рѣшенія ихъ; написано много отдѣльныхъ книгъ и брошюръ, трактовавшихъ тоже о вопросахъ экономическихъ. Между всѣми статьями и книгами огромное большинство принадлежитъ тѣмъ, которыя исходили изъ принципа согласія интересовъ, будто-бы существующаго всегда и всюду въ экономическихъ отношеніяхъ. На основаніи этого-то принципа у насъ наука какъ компрометировала себя, и въ своихъ изреченіяхъ и заключеніяхъ оказалась ниже общества. И слава Богу, что наша экономическая наука, будучи безсильна въ своихъ выводахъ, въ то же время оказалась безсильна и въ своихъ фактахъ, не могла убѣдить общества въ томъ, что она выво-

ды и требованія суть выводы и требованія экономической науки. Было бы очень дурно, если бы та же самая наука, которая въ другихъ случаяхъ проповѣдуетъ принципъ невмѣшательства, успѣла убѣдить, кого слѣдуетъ, въ томъ, что нужно наложить насильственную руку на нашу земледѣльческую общину. Вообще, явленіе, которое произошло у насъ, имѣетъ очень странный характеръ. Науку мы не можемъ себѣ иначе представить, какъ съ характеромъ ясности, сознательности и не только цѣлесообразности, но и прямого направленія къ общественной пользѣ. Между тѣмъ, что же мы видимъ у насъ? Въ то время, какъ правительство, само общество, люди простые, только съ здравымъ смысломъ, незатемненнымъ никакою теоріею, согласно думали о прочномъ, но возможности, устройствѣ быта цѣлыхъ десятковъ миліоновъ людей, хотѣли, послѣ освобожденія крестьянъ изъ крѣпостной зависимости, дать имъ нѣкоторую точку опоры въ ихъ экономическихъ сношеніяхъ съ классомъ предпринимателей и въ области земледѣльской промышленности гарантировать имъ по возможности эту свободу труда, о которой говоритъ г. Волковъ,—въ то время наши ученые, во имя науки, хотѣли поставить его въ новую крѣпостную зависимость, хотѣли осудить эти миліоны людей на бездомное скитальничество, на такіе экономическія отношенія, которыя доставили бы имъ только необходимое для жизни. Мы уже сказали, что согласіе интересовъ не существуетъ для экономистовъ нѣмецкихъ, точно такъ же оно не существуетъ для лучшихъ экономистовъ англійскихъ, американскихъ и даже французскихъ; въ Россіи тоже не всѣ принимали его; кромѣ нѣкоторыхъ журнальныхъ писателей, оно имѣло противъ себя и людей, которые столь же основательно могутъ называть себя представителями науки, какъ и г. Вернадскій. Но за то какое множество писателей, принадлежащихъ или къ официальной наукѣ или къ молодой и просвѣщенной администраціи, или даже литературѣ, которые въ своихъ сочиненіяхъ выходили изъ принципа согласія интересовъ! Сюда относятся гг. Вернадскій, Бунге, Горловъ, Калиновскій, Тернеръ, Ржевскій, Леонтьевъ, Заочный, Безобразовъ, Валуевъ и др. Принципъ согласія интересовъ имѣетъ особенное значеніе въ политической экономіи; тѣ, которые не принимаютъ его, говорятъ, что экономическіе интересы нужно еще согласить такъ или иначе; напр. г. Волковъ говоритъ, что къ этому согласію поведетъ бы эмиграція въ широкихъ размѣрахъ и распространеніе

образованія между бѣднѣйшими классами. Тѣ, которые принимаютъ его, говорятъ, будто стоитъ только уничтожить всё прешствіа, которыя стѣсняютъ свободу труда—и все пойдетъ какъ миза лучше. Но самую свободу труда они понимаютъ не такъ, какъ г. Волковъ: ихъ взглядъ гораздо уже; они думаютъ, что стоитъ только человѣку развязать руки, освободить отъ обязательной работы—и его состояніе вполне обезпечено. До возможности труда во всякое время, особенно до возможности труда на собственный счетъ, они не поднялись; отсюда—то происходили тѣ проекты, которые они предлагали для устройства низшаго земледѣльческаго сословія, и отсюда идутъ ихъ другіе проекты, объ устройствѣ кредита, различные проекты о государственныхъ имуществвахъ, объ общественныхъ предпріятіяхъ, вообще, объ отношеніяхъ государства къ экономическому быту страны. Принципъ о согласіи интересовъ лежитъ у нихъ въ основаніи всего; они принимаютъ его за принципъ науки и потому ему такъ вѣрятъ. Но, какъ видно изъ книги г. Волкова, въ Тюнена, какъ принимаютъ всё ученѣйшіе экономисты, оказывается, что наука говоритъ совсѣмъ противное. Потому безъ исключенія всѣ сочиненія этихъ писателей тамъ, гдѣ они говорятъ о какомъ бы то ни было отношеніи капитала къ труду, въ какой бы формѣ и сферѣ это отношеніе ни происходило, равно какъ тамъ, гдѣ они говорятъ объ экономическомъ отношеніи между частными людьми и цѣлымъ обществомъ, всѣ эти сочиненія должны быть зачеркнуты, отъ перваго до послѣдняго, должны быть исключены изъ области экономической литературы и должны быть причислены къ области или чистыхъ литературныхъ упражненій, какъ ихъ называетъ г. Волковъ, или даже къ области утопій.

Но откуда же у насъ произошло такое странное явленіе? Отвѣтъ на это можно найти во внутреннихъ качествахъ сочиненій этихъ писателей, даже въ нѣкоторыхъ внѣшнихъ признакахъ, напр. въ цитатіяхъ; въ самомъ дѣлѣ наша офіціальная литература — очень вѣрная копія французской, тоже офіціальной литературы. Учились у насъ больше всего по французскимъ книгамъ: по Сею, Росси, Шевалье и главнымъ образомъ въ последнее время по Бастья, и причина этому заключается поидиному не въ томъ, чтобы французскій языкъ у насъ былъ распространенъ слишкомъ много; гдѣ онъ распространенъ, тамъ совсѣмъ не занимаются ничѣмъ и всего меньше рѣшеніемъ

вопросовъ, относящихся къ нашей жизни. Въ ученномъ кругу нѣмецкій языкъ распространенъ не меньше, если не больше, но нѣмецкія ученныя книги имѣютъ то неудобство, что онѣ плохо читаются даже нѣмцами, неблизкими къ наукѣ, плохо-приготовленными къ серьезному пониманію ея; разумѣется, они еще затруднительнѣе для плохо-приготовленныхъ иностранцевъ. Въ то время, какъ Рошера, или Рау, или Листа, слѣдуетъ читать съ напряженнымъ вниманіемъ, чтобы понимать ихъ, сочиненія французскихъ писателей представляютъ что-то въ родѣ голой стены, на которой взору не на чемъ остановиться, мыслямъ не во что углубиться, потому они читаются обыкновенно легко; послѣдовательности, логической связи въ нихъ нѣтъ, ясности, опредѣленности понятій еще меньше; но преемственность фразы, наружная послѣдовательность есть; гладкость и круглость фразы удовлетворяютъ самымъ строгимъ риторическимъ требованіямъ и дѣлаютъ книгу доступною для всякаго, какъ бы кто мало ни привыкъ углубляться въ предметъ, которымъ онъ занимается. Въ этомъ исключительно и надо искать причину, почему сочиненія французскихъ экономистовъ официальной школы имѣли у насъ успѣхъ, особенно сочиненія Бастья; даже до-сихъ-поръ они служатъ главнымъ руководствомъ для нашихъ экономистовъ. Г. Вернадскій, ученѣйшій между ними, докторъ и профессоръ политической экономіи, бывшій издатель «Экономическаго Указателя» и теперешній издатель «Русскаго Экономиста» никакъ не можетъ отъ нихъ оторваться и въ самыхъ послѣднихъ книжкахъ «Экономиста» печатаетъ переводы изъ Бастья все о той же гармоніи интересовъ.

Замѣчательно, что содержаніе послѣднихъ книжекъ «Экономиста» какъ нарочно совпадаетъ съ тѣмъ, что въ началѣ своей книги г. Волковъ говорилъ о трудахъ современныхъ экономистовъ; тутъ вы найдете не одну статью, трактующую непосредственно о гармоніи интересовъ, о естественной организаціи, объ искусственной организаціи, о раздѣленіи труда, о монополіи и конкуренціи, даже о пользѣ машинъ. Если кто нибудь усомнится въ этомъ, того мы отсылаемъ къ послѣдней февральской книжкѣ «Экономиста», гдѣ именно, кажется, самъ г. Вернадскій странно, серьезно и очень учено доказываетъ пользу машинъ, опровергаетъ мнѣніе о нихъ писателей XVIII вѣка, именно, какъ говоритъ г. Волковъ, будто мы еще существуемъ во времена Тюрго или, пожалуй Монтеस्कьё. Напрасный трудъ. Издате-

в «Русского Экономиста» можно было бы найти много побольше дѣла и посерьёзнѣе отнестись къ экономической наукѣ, а прудрое разсужденіе о раздѣленіи труда и пользѣ машинъ дѣйстви́тельно слѣдуетъ перенести изъ ученыхъ трактатовъ, изъ академическихъ разсужденій въ учебники для элементарныхъ школъ, да и тамъ много объ этомъ толковать не придется.

Сообразно объему своихъ экономическихъ воззрѣній, наши экономисты относятся враждебно ко всему тому, что скольконибудь выходитъ изъ ихъ круга. Въ прошломъ году у насъ вышло почти одновременно въ двухъ изданіяхъ переводъ книги Гильдебрандта, въ которой авторъ сдѣлалъ прекрасный очеркъ политико-экономическихъ системъ отъ А. Смита до нашего времени. Замѣчательно, что одинъ переводъ изданъ подъ редакцію г. Безобразова, котораго экономическіе взгляды совсѣмъ не ладятъ съ понятіями г. Гильдебрандта; но этимъ самымъ дѣломъ г. Безобразовъ показалъ, что онъ не прочь отъ истины, что бы съ какой стороны ее ни предлагалъ, и не прочь восполнить свой недостатокъ экономическимъ познаніемъ, который онъ обнаружилъ въ такой значительной степени въ примѣчаніяхъ, сдѣланныхъ имъ къ переводу. Не такъ отнеслись къ этому сочиненію другіе писатели той же школы. Въ «Русскомъ Вѣстникѣ» помѣщена пространная рецензія, подписанная, кажется, г. Заочнымъ. Главная мысль книги Гильдебрандта состоитъ въ томъ, что экономическія теоріи, служащія основаніемъ современнымъ экономическимъ отношеніямъ въ государствахъ Западной Европы, неудовлетворительны; что страданія рабочихъ классовъ происходятъ не отъ причинъ случайныхъ, а частью лежатъ въ самой сущности экономическихъ отношеній, и что, поѣтому, въ нихъ должны быть сдѣланы измѣненія. Статья «Русскаго Вѣстника» не соглашается съ этимъ выводомъ Гильдебрандта; но авторъ ее не потрудился прослѣдить рационально за развитіемъ мысли Гильдебрандта. Онъ отвергъ его выводъ просто и прямо, безъ дальнихъ разсужденій, и не потрудился представить доказательства въ пользу мысли, которую онъ противопоставляетъ мысли Гильдебрандта, именно, что политическая экономія сказала последнее свое слово и что экономическія отношенія Западной Европы составляютъ норму и предѣлъ, дальше котораго человечество идти не можетъ. Такимъ образомъ «Русскій Вѣстникъ», не оставивши отъ г. Безобразова въ короткости экономическихъ взглядовъ и познаній, отсталъ отъ него въ способѣ относиться

къ истинѣ; довольствуясь идеями Бастья, онъ закрываетъ глаза на все, что говорится не въ духъ этихъ идей, или даже въ противность имъ. При взглядѣ на такія отношенія къ политической экономіи даже такихъ людей, которые почитаютъ себя представителями серьезной части нашего общества, дѣйствительно можно долго еще сомнѣваться въ успѣхахъ политической экономіи въ нашемъ обществѣ. Почти такъ же, но съ противоположной стороны, отнесся къ книгѣ Гильдебрандта другой журналъ, тоже называющій себя представителемъ политической экономіи въ нашей литературѣ, именно «Современникъ.» Онъ тоже едва-ли не приравнялъ къ нулю книгу Гильдебрандта, несмотря на главную мысль ея, которая въ сущности очень близка къ идеѣ «Современника», если ее можно назвать такимъ именемъ. На какомъ основаніи «Современникъ» осудилъ Гильдебрандта—объ этомъ трудно сказать что-нибудь. Если Гильдебрандтъ не довольно-раціонально критиковалъ взглядъ Энгельса на современное состояніе Англіи, такъ, впервыхъ, это относится къ одной изъ подробностей, въ сущности весьма незначительной, а во вторыхъ, въ книгѣ было много другого, что было вполне-раціонально. Замѣчательнъ прогрессивный тонъ всей этой рецензіи: рецензентъ умѣлъ сдѣлать такія придирки, которыя именно должны были показать его самый далекій прогрессъ въ экономическихъ взглядахъ. Гильдебрантъ, между прочимъ, дѣлаетъ защиту собственности противъ тѣхъ нападеній, которымъ она подвергалась. Благодаря небольшому объему книги, Гильдебрантъ не могъ сдѣлать эту защиту иначе, какъ самымъ короткимъ образомъ; но, несмотря на короткость, она вышла дѣйствительно очень сильна; однако «Современникъ» ею недоволенъ, и у рецензента вырвалось что-то въ родѣ слѣдующей фразы: «ужь не брался бы авторъ полемизировать, если онъ не умѣетъ». «Современникъ» кажется, воображаетъ, что всѣ на свѣтѣ люди затѣмъ только и живутъ, и въ особенности пишутъ свои сочиненія, чтобы полемизировать. Есть другая задача у писателей, кромѣ полемики, равно какъ, кромѣ того, чтобы быть передовымъ человѣкомъ и пріобрѣтать славу; эта задача состоитъ въ томъ, чтобы способствовать уясненію теоретической истины всякаго рода и въ то же время способствовать проведенію ихъ въ жизнь. У Гильдебрандта именно это только и было въ виду, между прочимъ, и тогда, когда онъ дѣлалъ защиту собственности, и «Современникъ», конечно, не посмѣлъ бы напасть на него въ этомъ случаѣ ни

какъ легкомысленно, какъ онъ это сдѣлалъ, ни какимъ другимъ способомъ, если бы ему было извѣстно, что эти нѣсколько строкъ оставляютъ сущность многихъ страницъ, на которыхъ то же самое сдѣлалъ Прудонъ. Мы нарочно остановились на этомъ фактѣ—на томъ, какъ русская литература отнеслась къ книгѣ Гильдебрандта. Книга Гильдебрандта очень походитъ и по своему методу, строго-научному, и по своему выводу на книгу г. Волкова. Въ общемъ выводѣ книга г. Волкова отличается только бѣльшею опредѣленностью. Но у насъ однимъ она не покажется очень прогрессивна, другимъ слишкомъ прогрессивна, даже только по тому одному, что она не принимаетъ розоваго взгляда на гармонію интересовъ, и тутъ, можетъ быть, слѣдуетъ искать причину того, что г. Волковъ издалъ ее въ Парижѣ на французскомъ языкѣ. Если она не заслужитъ вниманія французской спеціальной школы, то все-таки въ самой Франціи она найдетъ читателей, которые будутъ въ состояніи принять и оцѣнить ея выводъ, не говоря о другихъ странахъ, для которыхъ она будетъ доступна на французскомъ языкѣ. Если бы она явилась у насъ, была напечатана на русскомъ языкѣ, то она не была бы ничѣмъ другимъ, какъ дѣйствительнымъ гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Г. Волкову въ патриотизмъ и въ благородствѣ стремленій, конечно, никто не можетъ отказать, напротивъ, есть положительныя причины, которыя обязываютъ признать въ немъ то и другое въ самой высокой степени. И вотъ одинъ изъ случаевъ, гдѣ, повидимому, можно засвидѣтельствовать явленіе повторяющееся у насъ нерѣдко и дѣлаю неутѣшительное: ученый специалистъ, человекъ, одушевленный желаніемъ добра и особенное желаніемъ быть полезнымъ своей странѣ, удаляется отъ дѣятельности, потому-что легкомысленные кружки, овладѣвшіе вниманіемъ публики, взявшіе на себя дѣло освѣщенія важнѣйшихъ общественныхъ вопросовъ, своимъ обыкновеннымъ, т. е. легкомысленнымъ обращеніемъ съ ними лишаютъ его возможности сдѣлать то, что бы онъ желалъ сдѣлать и къ чему онъ способенъ. Благодаря журнальнымъ отзывамъ, книга Гильдебрандта не имѣла успѣха, не предавалась и не читалась, въ то время, какъ экономическія статьи «Современника» и «Русскаго Вѣстника» расходились по всей Россіи и даже частью читались. Между тѣмъ книга Гильдебрандта имѣетъ очень много общаго какъ съ ученіемъ «Современника», такъ и «Русскаго Вѣстника», и «Современникъ» имѣлъ бы въ ней много для подкрѣпленія въ некоторыхъ изъ своихъ

положений, равно какъ и «Русскій Вѣстникъ». Почему же и тотъ и другой журналы постарались убить эту нейтральную книгу, которая, если даже предположить, что она вредна, въ сущности не могла бы оказаться слишкомъ вредною на дѣлѣ, потому-что въ качествѣ ученой книги она попала бы не въ самую толпу, а въ ту среду, которая все-таки болѣе или менѣе серьезно интересуется экономической наукою. Если «Русскій Вѣстникъ» считалъ эту книгу вредною, то онъ долженъ считать сто разъ вреднѣе ученіе «Современника» какъ по своей сущности, такъ и по отношенію его къ обществу. Точно также и «Современникъ», если считалъ вредною книгу Гильдебрандта, то онъ долженъ считать сто разъ вреднѣе ученіе «Русскаго Вѣстника», какъ по своей сущности, такъ и по отношенію его къ обществу. Съ этой точки зрѣнія взаимныя литературно-экономическія отношенія двухъ журналовъ совершенно ложны и непоследовательны, и весьма трудно найти причину этой непоследовательности. Самое естественное разсужденіе требуетъ, чтобы, въ случаѣ, если я что нибудь предлагаю для общественной пользы и въ то же время другіе предлагаютъ что-нибудь противоположное, я немогу уже ограничиться моимъ простымъ предложеніемъ; я долженъ опровергнуть то, что предлагаютъ въ противность мнѣ: въ такомъ именно положеніи и стояли одинъ противъ другого «Современникъ» и «Русскій Вѣстникъ», а между тѣмъ оба они ограничились только простымъ предложеніемъ, безъ опроверженія противныхъ проектовъ. Можетъ быть, причина такого образа дѣйствія заключалась во взаимномъ презрѣніи. Чтобы сдѣлать такое предположеніе, на это мы имѣемъ много оснований, которыя очень легко и представить: для этого стоитъ только раскрыть по одной изъ книжекъ того и другаго журнала. Но взаимное презрѣніе общественныхъ дѣятелей не можетъ служить причиною того, чтобы каждый изъ нихъ могъ хладнокровно смотрѣть на противодѣйствіе другого. Притомъ, если это и было въ отношеніяхъ двухъ журналовъ, это не помѣшало имъ весьма по-лемически относиться другъ къ другу во всехъ случаяхъ, гдѣ дѣло касалось журнальныхъ интересовъ или личностей, такъ-что публика имѣла полное основаніе подумать, что наши журналы больше заняты личными, нежели общественными интересами. Но, какъ бы то ни было, такое отношеніе органовъ общественной мысли неестественно. Желая провести какую-нибудь теорію, желая сдѣлать какое-нибудь дѣло, они должны между собой согла-

сится; и это соглашеніе вполне возможно, хотя и говорятъ, что изъ споровъ ничего не выходитъ; другіе говорятъ, что именно изъ столкновенія мнѣній и выходитъ истины. Особенно журналъ, имѣющій средства, вмѣстѣ съ тѣмъ имѣеть возможность доводить свои рѣшенія вопросовъ научныхъ или общественныхъ до послѣдней степени ясности; и если они дѣйствительно основательны, представить ихъ въ такомъ видѣ, чтобы не согласиться съ ними, особенно же осудить ихъ, было невозможно.

Результатъ такихъ отношеній между нашими представителями экономическихъ ученій вышелъ нехорошій. Въ то время, какъ понятія одной стороны распространились въ своей сферѣ, въ то время, какъ сотрудники «Русскаго Вѣстника» пошли продолжать и развивать его ученіе въ столбцахъ «Сѣверной Почты» (а это уже можно назвать началомъ дѣла, и намъ, можетъ быть, уже грозятъ политико-экономическія реформы въ духъ французскихъ буржуа), въ это время ученіе противоположной стороны распространилось въ другой сферѣ. Впрочемъ, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ говорить объ ученіи, кажется, излишне: ученіи не было ни на одной сторонѣ; были только фразы, или литературныя упражненія, какъ ихъ называетъ г. Волковъ. Въ самомъ дѣлѣ, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ повидимому усиленной экономическо-литературной дѣятельности, къ чему мы пришли? Съ одной стороны, литературныя упражненія на пустыя темы большею частью основаны на идеѣ гармоніи интересовъ, которую отвергаетъ наука, съ другой—даже не литературныя упражненія, а однѣ фразы, потому что наша гуманная экономическая наука не могла, да и не старалась заинтересовать читателей. Фактъ произошелъ слѣдующій: наше юношество гуманное ученіе приняло—но какъ приняло? Если уже и оставить въ сторонѣ вопросъ—глубоко ли проникло въ него это ученіе, если обратить вниманіе на то, насколько оно его поняло, то зрѣлище представится сколько смѣшное, столько и жалкое. Это, впрочемъ, лучше видѣть на дѣлѣ. Довольно сказать, что слово социальность въ послѣднее время дѣлалось браннымъ въ смыслѣ чужойка, который ничего не понимаетъ да и понять не можетъ, а городятъ всякій вздоръ съ цѣлью представить себя однимъ изъ передовыхъ людей; но это было необходимымъ слѣдствіемъ характера и приемовъ нашей экономической литературы и публицистики. Того ли желали наши экономисты и публицисты?

Д. ИДЕГЛОВЪ.

*

ЛЮБЕВИТЪ

БАЛЛАДА.

ИЗЪ ГАРТМАНА.

Два рыцаря, молча, на лодкѣ
Вдоль свѣтлаго Рейна плывутъ,
Рейнъ тихъ, но глубокъ, и на днѣ его
Волшебницы злыя живутъ.

Одинъ изъ тѣхъ рыцарей, съ русой
И мягкой, какъ шолкъ, бородой,
Клянусь я, сказалъ, нѣтъ прекраснѣй
Прогулки по Рейну такой:

Я ѣду вѣнчаться въ Колонью,
Въ Колоньи невѣста моя;
Глаза у нея голубые,
И самъ ей епископъ родня.

И вскрикнулъ другой,—онъ былъ съ черной,
Какъ темная ночь бородой:—
Клянусь же и я, что не будетъ
Тебѣ ужъ прогулки другой.

И вдругъ ихъ мечи засверкали,
Булатъ о булатъ застучалъ,
И первый, схватившись за сердце,
Въ прозрачныя волны упалъ.

На мечь опираясь, задумчивъ,
Оставшійся рыцарь сидитъ,
Чело омрачилось тоскою,
И злоба во взорахъ блеститъ.

И вотъ, между тѣмъ какъ волнами
Къ Колоньи все лодку несетъ,
За лодкою трупъ-обличитель,
Качаясь, по Рейну плыветъ.

Н. ГРЕКОВЪ.

ВЪ ПУТЬ-ДОРОГУ!..

РОМАНЪ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

XXVII.

Въ корридорѣ къ бабинькѣ подлетѣла наперсница и шепнула:

— Θεο-анъ прїѣхалъ-съ.

— Узнай, гдѣ былъ,—проговорила бабинька.

— Баринъ не приказалъ къ себѣ пускать никого-съ.

— Какъ?—Бабинька остановилась. — Григорій Ивановичъ! —

крикнула она,—слышите вы?

— Что матушка?

— Николинька никого къ себѣ впускать не велѣлъ.—Да ты прешь скверная!—прикрикнула она на Фицку.

— Нѣтъ-съ, матушка барынька... Яковъ сейчасъ мнѣ говоритъ: не приказано-де пускать никого, и дверь на задвижкѣ-съ; я сама пробовала.

Пелагея Сергѣевна покраснѣла и двинулась впередъ, за докторомъ, который вошелъ уже въ бильярдную.

Дверь была дѣйствительно затворена. Яковъ ходилъ взадъ и впередъ вдоль дивана.

Докторъ и Пелагея Сергѣевна вмѣстѣ подошли къ двери.

Оказалось, что изнутри она была на задвижкѣ.

- Яковъ,—спросила бабинька,—баринъ почиваетъ?
- Не могу знать,—процѣдилъ Яковъ, не поднимая головы.
- Какъ не можешь знать?.. Баринъ самъ заперся?
- Сами-съ, я не запираю.
- Да, вѣдь, ему нужно лекарство принимать?
- Не могу знать-съ... Они не кликали.
- Осель, не кликали!.. Ты-бы долженъ былъ догадаться...

А съ нимъ дурно сдѣлается, что-жь тогда будетъ, — а? лѣнивая образина! Вотъ, Григорій Иванычъ, какой у насъ народъ, мерзавцы, разбойники!...

Эскулапъ обернулся къ Пелагеѣ Сергѣевнѣ.

— Его разбудить нужно, коли спать,—проговорилъ онъ: — много спать ему вредно.

Онъ постучалъ въ дверь.

Отвѣта не было.

— Николай Дмитричъ,—пробасилъ докторъ, это я.—Вы спите что-ли, такъ проснитесь, дайте на себя взглянуть.

— Николинька, — провизжала Пелагея Сергѣевна, Григорій Иванычъ тутъ; тебѣ лекарство нужно принимать... Я тебя еще не видала съ утра.

Отвѣта не было.

— Яковъ,—вопросила Пелагея Сергѣевна, да баринъ просыпался?

— Да-съ,—пропустилъ кардишеръ.

— Давно онъ проснулся?

— Не очень давно-съ.

— Да ты къ нему входилъ?

— Какъ-же-съ; они чай кушали.

— Значить, самъ заперся?

— Я вѣдь вамъ докладывалъ, сударыня, что они сами изволили запереться.

Бабиньку такъ всю и передернуло.—Что же это такое, Григорій Иванычъ? Видите вы, куда это идетъ?.. шипѣла она.

— Да пуцай его,—отрѣзала эскулапъ,—не отворяетъ, такъ значить, не хочетъ отворить; а нужно будетъ, такъ позоветъ.

И онъ отошолъ отъ двери.

— Нѣтъ, да какъ же это его одного оставлять? Чуть живъ и лежитъ въ запертой комнатѣ... Вѣдь этого никогда съ нимъ не бывало; вѣдь у него силъ не хватитъ встать: онъ такъ и пролежитъ цѣлый день!..

— Какъ бы силъ не хватило, такъ не стагъ бы зашпраться, зреть докторъ.

— Николышка, — начала опять старуха, прикладываясь лицомъ къ двери, — если можешь встать, отопри. Григорій Иванычъ здѣсь. Прошло съ минутой. Все молчало.

Наконецъ бабышка услышала шорохъ.

— Встаетъ, — проговорила она.

— Оставьте меня, ради Бога, — слышалось въ спальнѣ.

Старуха вздрогнула.

— Ты не хочешь насъ видѣть? — пропищала она.

— Оставьте меня, — повторилъ больной, никого не хочу видѣть.

Бабышка очень явственно разслыхала эти послѣднія слова, но она не унялась.

— Григорій Иванычъ здѣсь, — начала она опять.

Больной вздохнулъ и еще разъ громко сказалъ:

— Никого, никого.

Лицо Пелагеи Сергѣевны горѣло. Она судорожно потирала гднкую ручку двери. Нужно было идти назадъ. Дѣло было проиграно. Она взглянула на Григорія Иваныча. Григорій Иванычъ направлялся уже къ двери.

— Григорій Иванычъ, — проговорила бабышка; вѣдь его нельзя такъ оставить.

— Да что жь сударыня? дверь, что-ли топоромъ взломать? Сошкуются — отопреть. А миѣ пора, заключилъ онъ очень рѣшительно.

— Вы хоть вечеркомъ-то, пожалуйста, заверните.

— Коли худо больно будетъ, такъ пришлите, — проговорилъ сѣрый эскулапъ и направился изъ бильярдной.

Бабышка пошла его провожать, подергивая свою кацавейку.

«Сговорилсь», ворчала она, «сговорились... и этотъ сѣрый тоже съ ними заодно!

Докторъ уѣхалъ. Пелагея Сергѣева долго еще ходила по залу, и то-и-дѣло заглядывала въ бильярдную.

— Матушка барынька, — прошептала, подбѣжавъ къ ней, наперсница... Теофана спрашивала.

— Ну, что же онъ?

— Говорить, что прямо въ гимназію возилъ-съ.

— Вретъ, шельмецъ, вретъ мерзавецъ, — закричала Пелагея Сергѣевна. Стачка, всѣ за него стоятъ горой!

— Прямо, говорить, въ гимназію; никуда не заѣзжали.

— Что ты тутъ твердишь, мерзкая. Ничего ты не умѣешь сдѣлать!

И бабинька толкнула наперсницу въ плечо. Та съѣжилась и скрылась.

А дверь въ спальню была все заперта.

Пелагея Сергѣевна, полная тревоги и злости, пошла обратно въ диванную.

XXVIII.

Борисъ выѣхалъ изъ дома въ началѣ девятаго. Онъ хотѣлъ до гимназіи исполнить вчерашнее порученіе отца.

Федоръ Петровичъ Лапинъ жилъ далеко, чуть не въ полѣ, и ѣхать къ нему нужно было добрые полчаса. Борисъ мало зналъ этого Федора Петровича. Онъ зналъ только, что отецъ когда-то служилъ съ нимъ вмѣстѣ, что Федоръ Петровичъ—старый холостякъ, ѣздитъ лѣтомъ въ какой-то таратайкѣ, на большой рыжей лошади, носить странный картузь гороховаго цвѣта и считается чудакомъ.

Саврасая вятка подвезла Бориса къ небольшому домику, выкрашенному розовой краской. Домикъ стоялъ на самомъ выѣздѣ. За нимъ тянулся заборъ; а дальше видно было поле.

Крыльцо выходило на улицу. Борисъ позвонилъ.

Явился мальчикъ, очень веселой наружности, въ сѣрой курткѣ.

— Дома Федоръ Петровичъ?—спросилъ Борисъ.

— Никакъ нѣтъ-съ. Гулять пошли-съ.

— Гулять?—переспросилъ Борисъ.

— Такъ точно-съ. Они по утрамъ каждый день гуляютъ.

— А назадъ скоро вернется?

— Ближе какъ черезъ часъ не будутъ-съ,—отвѣтилъ мальчикъ и встряхнулъ волосами.

— А въ которомъ часу баринъ обѣдаетъ?

— Въ двѣнадцать ровно-съ,—отвѣтилъ мальчикъ.

— Послѣ обѣда почиваетъ?

— Отдыхаютъ полчаса ровно-съ.

— Такъ ты вотъ что для меня сдѣлай: когда Федоръ Петровичъ вернется съ гулянья, ты не забудь сказать ему, что пріѣзжалъ Телешневъ, сынъ Николая Дмитрича—баринъ ужъ знаетъ.

— Понимаю-съ! —вставилъ мальчикъ.

— Папенька проситъ Федора Петровича... вѣтъ... скажи лучше, что я заѣду во второмъ часу; что у меня дѣло есть важное, отъ папеньки. Понимаешь?

— Понимаю-сь! — отвѣтилъ мальчикъ очень внушительно; и на его веселомъ лицѣ видно было, что онъ, въ-самомъ-дѣлѣ, знаетъ, что ему говорили.

— Вѣдь, баринъ по послѣобѣдамъ дома бываетъ? — спросилъ Борисъ.

— Да-сь, всегда дома; только вечеромъ въ клубъ ѣздить, а и то рѣдко.

— Такъ не забудь же, — повторилъ еще разъ Борисъ, садясь на дрожки.

— Какъ можно - сь! — отвѣчалъ мальчикъ, оправляя его шинель.

Надо будетъ изъ класса уйти, — передумывалъ Борисъ дорогой, — а то опоздаешь къ обѣду, и Целагевъ Сергѣевнѣ порціи дашь... Федора Петровича нужно позвать послѣ обѣда, когда она спитъ. А впрочемъ, что ее бояться?.. Это малодушіе, трусость какая-то!..

Но мысль объ отцѣ, о его слабости въ мигъ убѣдила Бориса, что нельзя теперь вести съ бабинькой открытую борьбу. Онъ вспомнилъ также, что бабинька станетъ непременно допытываться, гдѣ онъ былъ.

Ему совѣстно стало предостеречь кучера; а надо было.

— Феофанъ, — проговорилъ онъ, — если будутъ дома узнавать, куда ты меня возилъ, — скажи, что прямо въ гимназію.

Былый кучеръ обернулся, и съ очень серьезной миной отвѣтилъ:

— Слушаю-сь.

Борисъ былъ увѣренъ, что Феофанъ ничего не разболтаетъ. Этотъ варень былъ одинъ изъ лучшихъ людей двора, и очень любилъ молодого барина.

XXIX.

Въ гимназіи все шло постарому, только инспекторъ свирѣпо глядывалъ въ седьмой классъ.

Было много толковъ о вчерашнемъ днѣ. Горшковъ болталъ со старшими учителями, передразнивалъ директора, описывалъ сцену въ физическомъ кабинетѣ и производилъ этия взрывы шумнаго смѣха.

Въ этотъ день были все языки; французъ и нѣмецъ, по обыкновенію, переливали изъ пустаго въ порожнее; Французъ переводилъ все: «Les guines de Palmire», а нѣмецъ—«Украинскую ночь» изъ книги Топорова.

Послѣ переменъ, классъ раздѣлился: одна половина учениковъ осталась на урокъ законовѣднія, а *университетскіе* пошли въ сборную, на латинскій языкъ.

У Бориса заданное сочиненіе не было написано: не до того ему было наканунѣ. Онъ изиппался передъ учителемъ; а кенигсбергскому филологу, преподававшему латинскій языкъ, было все, какъ говорятъ нѣмцы, ganz Rommade.

Онъ задалъ переводъ и, не слушая какъ ученики варварски искажаютъ смыслъ гораціевыхъ одъ, углубился въ переписываніе черемисской грамматики, составляемой имъ нѣсколько лѣтъ.

Борису хотѣлось уйти послѣ латинскаго класса. Онъ шепнулъ объ этомъ Абласову и Горшкову.

— Ступай,—сказалъ Абласовъ.— Я ужь совру, коли Егорка хватится.

— А что, Борисъ,—спросилъ его Горшковъ,—какъ дома обошлось? Вѣдь, не было записки?

— Не было... за то много было... расскажу послѣ.

— Куда же тебѣ нужно-то?

— Отецъ просидь... надо много рассказывать.

Прозвонили... Не выходя изъ сборной, Борисъ надѣлъ шинель; Горшковъ подсмотрѣлъ, какъ инспекторъ прошолъ въ первый классъ и крикнулъ объ этомъ Теленеву.

Борисъ почти бѣгомъ побѣжалъ по корридору, и по улицѣ еще нескоро умѣрилъ свою походку.

Онъ взялъ бы извощика, но съ собой у него не было денегъ, а дома онъ не хотѣлъ расплачиваться съ извощикомъ... Ему хотѣлось побывать у Федора Петровича и потомъ опять, если можно, поспѣть въ гимназію, въ половинѣ третьяго, и прѣхать съ Теофаномъ домой.

Отъ гимназіи до дома Федора Петровича было не такъ далеко, и Борисъ шолъ форсированнымъ шагомъ.

XXX.

Федоръ Петровичъ встрѣтилъ Бориса въ передней. Борисъ только въ первый разъ поближе разглядѣлъ его. Федору Петровичу было лѣтъ за сорокъ, высокая его фигура немного согблалась,

Крупное, довольно-полное лицо было серёбно, даже нежного урю-ю, но въ карихъ глазахъ видѣлась доброта; волосы на головѣ и небольшихъ бакенбардахъ—съ просѣдью. Федоръ Петровичъ одѣтъ былъ въ старенькій лиловый архалукъ, на бѣлыхъ мерлушкахъ.

Онъ безъ особаго выраженія поклонился Борису и лѣни-вымъ тономъ сказалъ:

— Вы отъ батюшки вашего. Милости прошу.

— Они вошли въ свѣтлую небольшую комнату, которая слу-жила Федору Петровичу и кабинетомъ, и спальней, и салономъ. У средняго окна стоялъ столикъ и большое кресло: видно бы-ло, что въ немъ постоянно сидѣлъ хозяинъ.

— Садитесь, пожалуйста, — сказалъ онъ Борису, и, указывая ему на мѣсто противъ себя, опустился въ свое кресло. — Вы отъ батюшки вашего?—повторилъ онъ еще разъ.

— Да, — отвѣтилъ Борисъ. — Папенька проситъ васъ заѣхать къ нему сегодня, если можно, часу въ пять; онъ хочетъ по-говорить съ вами о какомъ-то очень важномъ дѣлѣ, — приба-вилъ онъ.

— Хорошо, я буду, отвѣчалъ медленно Федоръ Петровичъ. А то, батюшкѣ полегче?

— Вчера онъ лучше себя чувствовалъ; но обыкновенно очень плохо...

— Давно я его не видалъ, — проговорилъ, помолчавъ, Федоръ Петровичъ. — Вы вотъ меня совсѣмъ не знаете, а мы съ вашимъ батюшкой старинные пріатели.

— Папенька служилъ вмѣстѣ съ вами, промолвилъ Борисъ.

— Да-съ, служилъ... Немного онъ выслужилъ... только уша-лся... У насъ собачья служба была; чиновниковъ при губер-наторѣ всего, вѣдь, двое было; не такъ какъ нынче—шестеро вѣдь. Вашъ батюшка все по слѣдствіямъ... дома ему не шло, — прибавилъ Федоръ Петровичъ, съ какимъ-то страннымъ выра-женіемъ.

Борисъ не напомя, что отвѣчать на это.

— А бабушка ваша все здравствуетъ?—спросилъ Федоръ Пет-ровичъ, и улыбнулся.

— Какъ-же, — отвѣтилъ Борисъ, — она здорова..

— Я ее ужъ года съ два не видалъ. Она, вѣдь, меня не до-любываетъ... Я вашего дикаго дома боюсь... право, какъ мимо проѣдешь, страхъ какой-то пробереть... Потому то мы и съ ба-тюшкой съ вашимъ совсѣмъ точно раззнакомлялись.

Федоръ Петровичъ помолчалъ съ минуту.

— Такъ вы говорите очень онъ плохъ?

— Плохъ,—отвѣтилъ Борисъ. Надо бы консилиумъ созвать, да папенька не соглашается.

— А кто лечить-то? Все тотъ, поди, сѣрый?

— Да, Григорій Ивановичъ.

— Бабушки вашей пріятель; а по-моему, противнѣйшая особа, не только-что больному, и здоровому-то на него глядѣть скверно.

При этомъ Федоръ Петровичъ взглянулъ на Бориса очень мягко.

— Ну, а что же съ вами-то будетъ?—проговорилъ онъ. Вѣдь сестра-то у васъ еще маленькая?.. домъ вымеръ,—проговорилъ онъ, почти шопотомъ, и всталъ.

Борисъ тоже всталъ и взялся за фуражку.

— Прикажете сказать папенькѣ, что вы будете?

— Буду, непременно буду; въ началѣ пятого часа пріѣду. До свиданія.—И Федоръ Петровичъ подалъ Борису руку.

«Хорошій человекъ, этотъ Федоръ Петровичъ», подумалъ Борисъ, когда былъ уже на улицѣ. Онъ почувствовалъ какую-то поддержку. Федоръ Петровичъ понималъ его положеніе, и объясняться имъ было нечего. Ему понравилось также въ немъ безцеремонная искренность тона и весь складъ его серьезной фигуры.

Время, однако, шло. Надо было торопиться въ гимназію, чтобъ попасть къ половинѣ третьяго, полочѣе зайти съ директорскаго хода, или со двора и, спустившись въ нижній корридоръ, сѣзшаться съ толпой.

Борисъ отправлялся на крупныхъ рысяхъ. Длинная и пустая улица, полная заборовъ и грязи, вела на небольшую площадь. Нѣсколько переулковъ расходилось отсюда въ разные стороны. Посрединѣ площади стоялъ питейный домъ, а на углу одного изъ переулковъ красовалась вывѣска: *Парижъ—заведеніе*.

Виднѣлось еще два-три воза съ сѣномъ, калачная, нѣсколько ободраныхъ извозчиковъ—и только.

Борисъ вошелъ въ одинъ изъ переулковъ и увидалъ впереди, на тротуарѣ, синее мохнатое пальто, которое двигалось по тому же направленію, какъ и онъ.

Борисъ узналъ инспектора. Надо было спастись бѣгствомъ, на что онъ и рѣшился.

Домъ черезъ два отрывался узенькій переулочекъ, куда онъ

и крикнулъ. Оттуда онъ вышелъ опять на площадь и долженъ былъ дать большой крюкъ, чтобъ обойти гимназію справа и не впасть въ инспектору.

Борису было и смѣшно и грустно. Во всемъ школьничѣмъ сталъ шалить съ человѣкомъ.

Приближаясь къ директорскому подъѣзду, онъ ощутилъ нѣкоторое безпокойство: а ну, какъ подъѣдетъ директоръ?

Крыльцо и стѣны впрочемъ онъ благополучно. Когда онъ спустился въ нижній корридоръ, справа изъ средняго показался инспектъ директорской канцеляріи, большой франтъ и пріятель всѣхъ семиклассниковъ.

Онъ очень развязно крикнулъ: Здравствуйте г-нъ Телепешъ, и шаркнулъ даже посеминарски, откидывая ногу назадъ.

Недолго походилъ Борисъ въ нижнемъ корридорѣ: раздавался звонокъ.

— А, Боря!—вотъ ты откуда!—крикнулъ Горшковъ, когда Борисъ показался на ученическомъ крыльцѣ.—Егорка сейчасъ жидывалъ въ классъ.

Борисъ рассказалъ ему встрѣчу съ инспекторомъ. Вышелъ Масовъ и еще нѣсколько гимназистовъ седьмого класса. Мечковский поясничалъ, послѣ чего всѣ стали расходиться.

Осознанъ подалъ Борису дрожки. Гимназисты потянулись въ разныя стороны, шлепая по грязи.

XXXI.

Маша всегда встрѣчала Бориса въ залѣ. Обѣдали обыкновенно у Пелагеи Сергѣевны, въ диванной.

— Папа спать, — сказала Маша Борису, поздоровавшись съ нимъ.—А бабушка очень сердита сегодня.

— А что такое?—спросилъ Борисъ.

— Да не знаю. Пришла наверхъ, все ворчала, тебя все брашна, Боря.

— А папа давно заснулъ?

— У него цѣлый день дверь заперта была. Бабушка все говорила, Боря: запирается, запирается!... Какъ смѣть, какъ смѣть?!

Маша передавала слова бабиньки серьезнѣйшимъ тономъ. Этотъ тонъ всегда тѣшилъ ея брата.

Якобы доложилъ Борису, что баринъ наволать теперь почи-

вать; но приказала, какъ Борисъ Николаичъ откушаютъ, сейчасъ везать его къ себѣ.

Не хотѣлось Борису идти обѣдать къ бабинькѣ; онъ предчувствовалъ, что обѣдъ пройдетъ въ самомъ тщательномъ настроеніи, особенно послѣ вчерашнихъ событій; но онъ еще не зналъ, что было утромъ, безъ него.

Ему не хотѣлось и *малодушествовать*, какъ онъ выражался. Бабиньку онъ уже не боялся; ему неприятны были только ея присутствіе, ея фигура, ея голосъ.

— Кушать подано, — доложилъ буфетчикъ Митька, выставляясь изъ корридора въ залу, гдѣ Борисъ ходилъ съ сестрой.

— Ну что нынче будетъ, Боря, отгадай, котлеты или ножки? — спросила, смѣясь, Маша.

— Ножки, голубчикъ.

— А почему ты знаешь?

— Какъ же: сегодня четвергъ, простой день, только по средамъ да по пятницамъ даютъ котлеты.

Дѣвочка разсмѣялась...

— А ужъ сколько ножекъ мы съѣли! — проговорила она, идя съ Борисомъ въ диванную.

Дѣйствительно, братъ съ сестрой съѣли много телячьихъ ножекъ. Ъда у бабиньки имѣла такой же застывшій, старый, потертый видъ, какъ меблировка пріемныхъ комнатъ... Супы смотрѣли какими то болтушками; въ нихъ было всегда напичкано муки, раскиснувшихъ гренокъ, безвкуснаго шпинату. За супомъ слѣдовали котлеты, жованья-пережованья, вкусомъ похожія на какое-то тѣсто, которое потому только и можно было проглотить, что оно пережовано.

Котлеты подавались поочередно съ ножками. Эти ножки были всегда скользки, жилисты. Борисъ и Маша постоянно давились ими. Соусъ къ ножкамъ состоялъ изъ тертаго шпината на красной подливкѣ, почему-то необыкновенно соленого, точно его дѣлали съ селедкой; шпинатъ только увеличивалъ безвкусіе самихъ ножекъ. Казенное телячье жаркое было неизбѣжно, какъ судьба. Борисъ, какъ былъ помоложе, всегда посматривалъ на блюдо, не лежитъ ли тамъ кусокъ почки, но это случалось только разъ въ недѣлю, да и то сама бабинька часто брала этотъ кусокъ.

Хлѣбное — какъ выражаются новара стараго покроя — было дѣйствительно всегда хлѣбное: розанцы, или стружки,

гудра, вольца... все это очень сухое, крайне мучнистое, съ микроскопическими канельками варенья, старого, засахарившагося, или прокислаго. У бабыньки въ расходъ шли всегда *третьегодшніе* запасы.

Когда Борисъ съ сестрой вошли въ диванную, Пелагея Сергѣевна помѣстилась уже на своемъ мѣстѣ. Столъ былъ накрытъ на четыре прибора. Амалія Христофоровна сидѣла возлѣ бабыньки.

Борисъ поклонился Пелагеѣ Сергѣевнѣ, но къ ручкѣ не подошелъ. Старуха сидѣла уткнувъ, какъ-то, голову въ кацавейку. Она только разъ взглянула на внука, и точно порывалась обругать его, но не издала никакого звука.

Братъ съ сестрой сѣли молча. Подали супъ-болтушку. Только слышно было какъ работаютъ ложки...

Маша съѣла ложки двѣ-три и остановилась.

— Ышьте супъ, — сказала ей Амалія Христофоровна.

Маша, однако, не принималась.

— Что жь ты не ѣшь? рѣзко спросила ее бабынька.

— Я не хочу-съ, — отвѣтила дѣвочка, и искоса взглянула на брата.

— Тебя и не спрашиваютъ хочешь или нѣтъ. Цѣлый день куешь все.

При этомъ старуха еще разъ взглянула на внука, и опять какъ-будто се подмывало оборвать его.

Послѣ супа послѣдовали ножки, по предсказанію Бориса. Онѣ были безъ шпината, съ краснымъ соусомъ, тѣмъ самымъ соусомъ, который зашолъ на святую Русь, какъ бичъ всѣхъ юныхъ желудковъ.

Маша и Борисъ съ улыбкой переглянулись.

Амалія Христофоровна подслуживалась бабынькѣ и смилась завязать разговоръ, но онъ все не клеился.

Послѣ телятины Пелагея Сергѣевна взглянула еще разъ на внука и отрывисто проговорила:

— Что такъ рано изволили уѣхать сегодня?

— Борисъ поднялъ голову и посмотрѣлъ искоса на бабыньку.

— Такъ—отвѣтилъ онъ.

Амалія Христофоровна улыбнулась, и значительно взглянула на Пелагею Сергѣевну.

Въ заключеніе обѣда были поданы розанцы, съ очень кислыми канельками смородиннаго варенья.

Маша поцѣловала у бабьихъ руку и получила отъ Аналіи Христофоровны приказаніе: идти на верхъ учиться. Борисъ поклонился старухѣ и вышелъ вслѣдъ за сестрой. Обѣдъ былъ такъ скученъ и кисель, что онъ съ ужасомъ подумалъ о завтрашнемъ, точно въ такомъ же, обѣдѣ.

XXXII.

Въ спальнѣ больного было уже почти темно, когда Борисъ вошелъ къ отцу.

Больной довольно-бодро сидѣлъ въ креслѣ. Въ глазахъ не было той неподвижности, которая особенно поражаетъ у тяжело-больныхъ; волосы были точно приглажены; халатъ запахнутъ и шнурокъ съ кистями завязанъ въ узелъ.

Онъ заговорилъ съ Борисомъ очень твердымъ голосомъ:

— Заѣзжалъ ты къ Федору Петровичу?

— Какъ-же; онъ обѣщался быть въ пятомъ часу.

— Славный онъ человекъ, всегда меня любилъ. Вотъ меня не будетъ, Борисъ, ты къ нему... Честный человекъ... я увѣренъ, что все онъ выполнить послѣ меня, о чемъ я его только попрошу...

Борисъ молчалъ.

— Я, Боря, вотъ тебѣ что скажу,—началъ опять больной,—мнѣ передъ тобой совѣстно... я, какъ малый ребенокъ боюсь всѣхъ, спрячусь... немогу по волѣ своей поступить... это все отъ слабости моей. Да вѣдь себя ужъ не передѣлаешь... Вотъ я сегодня заперся, не пускалъ доктора, хоть нынѣшній день, спокойно пожить... только силы-то бы меня не покинули...

— Вы бы, папенька,—проговорилъ Борисъ,—и совсѣмъ прогнали доктора...

— Ужъ теперь никто меня не вылечитъ, другъ; а съ нимъ я прощусь... бровей его звѣриныхъ выносить не могу...

— Вы видѣли бабушку?—спросилъ Борисъ.

— Нѣтъ, не видалъ, — отвѣтилъ больной, и посмотрѣлъ на дверь.—Я никого не пускалъ. Ты смотри, Борисъ, чтобъ она не вошла сюда, когда Федоръ Петровичъ пріѣдетъ... мы запремся...

Въ эту минуту дверь отворилась. Больной подался впередъ, точно желая встать; лицѣ изобразилъ испугъ, но выраженіе его тотчасъ исчезло. Въ спальню вошелъ Лапинъ.

Въ комнатѣ было уже на столько темно, что Федоръ Петровичъ едва разглядѣлъ больного...

— Здравствуйте батюшка, Федоръ Петровичъ, — проговорилъ тихимъ голосомъ больной, протягивая руку, — спасибо, что пріѣхали.. Боря... придвинь-ка стулъ Федору Петровичу, да вели лампу подать.

Лампнъ пожалъ руку больного, и, въ первую минуту, не нашелъ что сказать.

— Что вы на меня такъ смотрите, Федоръ Петровичъ? видно ужъ я на мертвеца сталъ похожъ?

— Давненько мы съ вами не видались, — промолвилъ Лампнъ и поклонился Борису...

— Ужъ вы на меня за это не сердитесь... и больной не договаривалъ...

Борисъ вышелъ. Онъ чувствовалъ, что отецъ и Федоръ Петровичъ стѣсняются. Онъ зналъ, что нелегко отцу приступить къ дѣлу.

Борисъ приказалъ Якову внести лампу въ спальню, и прошолъ въ залу. Въ это время бабинька спала въ диванной. Наверху Аня Христоворова учила Машу.

Эти уроки были очень безтолковы. Они состояли изъ заученныхъ вокабулъ и глупенькихъ нѣмецкихъ басенокъ. Братъ занимался съ Машей три раза въ недѣлю, по послѣ-обѣдамъ, училъ ее ариметикѣ и русскому языку. Но эти уроки не могли быть правильны... Въ послѣднее время Борисъ почти не оставлялъ отца, такъ что ему и самому-то приходилось готовить уроки въ классахъ и въ перемѣнахъ.

Зала еще не была освѣщена. Что-то шевельнулось, когда Борисъ прошолъ, черезъ корридоръ, изъ бильярдной въ залу. Это была наперсница, исполнявшая должность лазутчика; она видѣла, какъ вошелъ Лампнъ, и готовилась уже доложить Пелегеѣ Сергѣевнѣ, что пріѣхалъ какой-то баринъ и прошолъ къ Николаю Дмитричу.

Борисъ походилъ немного по залѣ, и опять заглянулъ въ бильярдную. На сердцѣ у него было тревожное чувство: онъ боялся за отца. Онъ точно все ожидалъ, что вотъ ворвется бабинька, произойдетъ сцена, и отецъ упадетъ духомъ. «Да чего же я боюсь», спрашивалъ онъ себя, чего добиваюсь?

И опять ему пришла мысль, что все тутъ вертится около наслѣдства, и ему стало еще разъ гадко...

Страхъ смѣнился у него, скоро, юношеской увѣренностью. Бабушка дѣлалась въ глазахъ его все меньше и меньше. «Просто вздорная старуха», сказалъ онъ себѣ. И вся жизнь дикаго

дома начала ему представляться въ другомъ свѣтѣ: краски спали, размѣры съузились...

«Почему было у насъ все такъ тяжело, страшно?» спрашивалъ себя Борисъ. Отецъ умираетъ измученный, всё такъ скучно, жутко, всё подъ гнетомъ, а могло бы быть весело, свободно. И отчего это боялись всё Пелагею Сергѣевну? и что въ ней такого страшнаго?..»

Борисъ чувствовалъ также, хоть и не такъ ясно, что весь этотъ тяжелый грузъ жизни, борьбы, страданій, рабства и страха былъ безцѣленъ, не привелъ ни къ чему, не носилъ въ себѣ ни глубокаго смысла, ни очистительной жертвы...

Часы въ бильярдной пробили половину шестого.

Борисъ опять заглянулъ въ бильярдную, и, остановившись у бильярда, обратился взглядомъ къ двери въ спальню... Въ большой комнатѣ раздавались только скрипучіе шаги Якова. Въ щель между косякомъ и дверью глядѣлъ лазучистый глазъ Фмиды...

Такъ прошло минутъ десять.

XXXIII.

Наконецъ, изъ спальни вышелъ Федоръ Петровичъ.

На его серьезномъ лицѣ нельзя было прочесть взволнованія онъ или нѣтъ. Онъ опустилъ голову внизъ и, проходя мимо Бориса, поклонился ему молча; потомъ, дошедши до дверей, оглянулся назадъ и проговорилъ:

— Прощайте.

Борисъ съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на него. Онъ точно ожидалъ, что Федоръ Петровичъ подойдетъ и расскажетъ ему въ чемъ состояла ихъ бесѣда, и что теперь будетъ онъ дѣлать, по просьбѣ отца.

— Яковъ!— послышалось изъ спальни.

Борисъ двинулся съ мѣста, и въ эту минуту вспомнилъ про почтовую бумагу для папьяма. Ему стыдно стало, что онъ такъ разсѣянъ, не приготовилъ того, о чемъ просилъ отецъ.

— Скажи папенькѣ, что я сейчасъ приду—шепнулъ онъ Якову и, вбѣжавъ наверхъ, къ себѣ, досталъ тамъ бумаги и свою маленькую ученическую чернильницу, и, шагая черезъ три ступени, спустился опять внизъ.

Больной все еще сидѣлъ въ больномъ креслѣ довольно-бодро. Въ его лицѣ виднѣлось какое-то одушевленіе вмѣстѣ съ

тщательностью. Онъ привалялъ вшедшему Борису, запереть дверь на задвижку и, точно послѣ какого уснаія, глубоко и звучно вздохнулъ.

— Ну вотъ, Боря, — вымолвилъ онъ, — теперь все будетъ исполнено: Федоръ Петровичъ честный человекъ. Я ему изложилъ мою идею.. Точно съ трудомъ это слово выговорено было больнымъ.

— Тяжело мнѣ, Боря, идти противъ матушки, вдругъ такъ разомъ покончить, да нельзя, вижу, что нельзя. Ну, что-жь? еѣ Богъ не обидѣлъ: у нея есть свое имѣнье, и я бы не пожалѣлъ удѣлить ей, да вѣдь она теперь отъ меня ничего не возьметъ. Федора Петровича просилъ я васъ не покинуть. Онъ и оскуномъ и попечителемъ будетъ, и въ дѣла взойдетъ. Человека толковый, добрый — самъ видишь. Только бы еще хоть нѣсколько денечковъ мнѣ-то дотянуть...

Больной взглянулъ на сына и увидѣлъ въ рукахъ его почтовый листъ.

— А, спасибо, Боря, не забудь. Время нечего терять, садись, сидь, вотъ къ столику...

Борисъ придвинулъ стулъ, положилъ на столикъ листъ бумаги, поставилъ чернильницу и приготовился писать.

— Ты знаешь ли кому писать? — спросилъ больной, пристальнo вoсмoтрѣвъ на сына.

— Нѣтъ, папенька, — отвѣтилъ Борисъ. Въ эту минуту онъ, мѣлкими, не догадывался.

— Къ теткѣ твоей, къ Софѣ Николавнѣ.

— Къ Софѣ Николавнѣ? — вырвалось у Бориса.

— Да, другъ, ты ее совѣтъ не знаешь. Ничего, послѣ узнаешь. Чудная она женщина...

— Она, вѣдь, въ Москвѣ живетъ, — промолвилъ Борисъ.

— Да, въ Москвѣ. Я хочу, Боря, выписать ее сюда. Она будетъ для васъ какъ мать. Покойный братъ Александръ много страдался на своемъ вѣку; не задались мы съ нимъ какъ-то, и жену вотъ такъ оставилъ, между небомъ и землей. Ну, пиши же, Боря. Не торопись, я скоро говорить не могу.

Борисъ приготовился.

— Начни такъ: «Дорогой другъ мой, Софья Николавна. Приходится мнѣ умирать, и недолго уже ждать прихода смерти...

Больной при этомъ вздохнулъ и опустилъ голову на грудь, закрывъ глаза.

— Вы знаете, продолжалъ онъ, что я васъ люблю какъ се-

стру, и въ вашу привязанность вѣрю всей душой... Да братъ, Боря, уже эта женщина не солжетъ, для нея всякое чувство—святое дѣло.

Прошла значительная пауза. Больной вдругъ взглянулъ на дверь.

— Боря, быстро промолви онъ, —мы и забыли запереть дверь.

— Я заперъ папенька, отвѣтилъ Борисъ.

— Ахъ, да!

— Ну, дальше пиши. «На васъ теперь вся моя надежда. На краю гроба, прошу я васъ быть матерью дѣтей моихъ. Пріѣзжайте родная; можете быть, застанете меня въ живыхъ, а нѣтъ— не отвергните моей предсмертной просьбы и войдите хозяйкою въ домъ дѣтей моихъ...»

— Папенька, — проговорилъ тихо Борисъ, —поѣдетъ ли она? вѣдь она знаетъ, что бабушка такъ дурно къ ней расположена.

Больной пристально взглянулъ на него.

— Да, Боря, ты правду говоришь; но я еще не кончилъ, пиши. «Я чувствую, дорогой другъ, что не могу поручить дѣтей моихъ матушкѣ; я не хочу, чтобъ имъ жизнь такъ же тяжела была, какъ и мнѣ съ братомъ. Вспоминая о несчастной долѣ брата Александра, я вѣрю, что только вы, какъ ангелъ, принесете съ собой и жизнь и свѣтъ, и этимъ поможете мнѣ искупить свою вину передъ братомъ, и вами, и дѣтьми моими...»

На глазахъ больного были слезы. Звукъ его голоса полонъ былъ глубокой грусти, и говорилъ, что нѣтъ уже никакого исхода этому раскаянью, кромѣ смерти.

Борисъ не глядѣлъ на отца; онъ сидѣлъ, опустивъ голову, и ему, какъ маленькому, хотѣлось плакать, и долго плакать. Отцу нельзя было сказать утѣшенія, а добрыя слова, а порывы чувства не просились наружу.

И еще тяжелѣе стало отъ того молодой натурѣ.

— Я умру, —продолжалъ диктовать больной, —я умру спокойно, оставляя дѣтей вамъ. Въ моемъ завѣщаніи вы найдете ту же просьбу, ту же волю въ отношеніи дѣтей моихъ, и я знаю, что они все выполнять и благословятъ васъ на вѣки.»

Больной остановился. Дыханіе его сдѣлалось прерывисто. Припадокъ кашля слѣдовалъ затѣмъ, и минутъ на десять прервалъ его рѣчь.

— Не отложить ли письмо? — спросилъ Борисъ, смотря съ безпокойствомъ на отца.

— Нѣтъ, Боря, — промолвилъ больной, оправившись, — докончить нужно сегодня. Еще два слова. Много не зачѣнь: она все сердцемъ своимъ пойметъ. Вотъ что допиши: Спишите дорогой другъ. Дайте взглянуть на себя, а на могилѣ моей помолитесь о грѣшномъ братѣ вашемъ Николаѣ.

— Все? — спросилъ Борисъ.

— Да. Запечатай и надпиши: Софѣ Николаевнѣ Телепневой, въ Москву, на Арбатѣ, въ Кривоникольскомъ переулкѣ, въ домѣ Цибашевой.

— Я у себя наверху запечатаю, — проговорилъ Борисъ, вставая.

— Ну, хорошо; завтра и отправь, какъ въ гимназію поѣдешь. Ужъ не знаю, Боря, застанетъ ли она меня въ живыхъ; а если не застанетъ, когда завѣщаніе мое прочтутъ, все приготовь къ ея прїѣзду. Отдай ей свою комнату, а самъ вотъ въ моей спальнѣ поселись. Матушка здѣсь долго не наживетъ, я знаю. Она къ себѣ въ деревню отправится.

У Бориса на языкѣ было много вопросовъ, но слова какъ-то застывали.

— Какъ же вы, папенька, объявите обо всемъ этомъ бабушкѣ? — могъ онъ только проговорить.

— Какъ? Я не стану ей объявлять. Тяжело мнѣ очень будетъ, Боря; ужъ я вѣдь не могу больше выносить никакихъ сценъ. Скрывать нужно, другъ, скрывать. Воли своей я не перекину, а слово я теперь скажи — бурю подыму. Чтѣ дѣлать, Боря, чтѣ дѣлать... повторилъ онъ, со вздохомъ.

Борисъ не упрекнулъ отца въ слабости: ему слишкомъ было жалко его.

«Нечего тутъ геройствовать» подумалъ онъ.

— Да и ей самой легче будетъ, продолжалъ больной, легче будетъ узнать все послѣ смерти моей.

— Папенька, — замѣтилъ Борисъ, — Софѣя Никола на можетъ скоро прїѣхать, и онѣ встрѣтятся...

— Ты думаешь она меня застанетъ? Нѣтъ, Боря, мы съ ней не увидимся, — произнесъ больной съ горькой усмѣшкой, — я вѣдь чувствую. А что же ей матушка можетъ сдѣлать? Она ее не выгнать отсюда, я ее въ завѣщаніи попечительницей надъ дѣтьми моими назначаю.

Последнія слова больной выговорилъ таймъ, какъ будто онъ

хотѣлъ утѣряться, что дѣйствительно его померенная воля будетъ свято вышолнена.

Но онъ замѣтно ослабъ. Голова его совсѣмъ опустилась, и всеъ онъ ушелъ глубоко въ кресло.

— Ну, Боря, произнесъ онъ тихимъ, ослабшимъ голосомъ, мнѣ пора и на покой. Ты теперь все знаешь. Случится мнѣ завтра умереть—видно такъ Богу угодно будетъ, а все-таки я свою волю высказалъ. А до моей смерти, ты бабушку не серди, оттавь ее. Ужъ ее другъ не исправишь, и не воротишь ты того, чего нельзя воротить.

Борисъ подошелъ къ отцу и взялъ его руку.

— Я не буду ее сердить, папенька, ее ужъ нечего бояться.

— Но ты радъ за свою Машу?—спросилъ больной, обнимая сына.

— Да. И отчего это бабушка такъ невозлюбила насъ?

— Отчего? переспросилъ больной. Не спрашивай меня, Боря. Послѣ узнаешь. А скажи отъ меня теткѣ, чтобъ не покарала Машу, въ институтъ бы ее не отдавала. А ты вотъ захъ вѣнчишь курсъ, въ Москву переезжайте, живите всѣ вѣдетъ. Домъ этотъ продай, пускай онъ умретъ съ нами, вамъ ужъ не жить въ этомъ гнѣздѣ. А деньги, Боря — я вамъ съ сестрой оставляю... изъ имѣнья часть брата Александра отдѣди теткѣ, по смерти ее. Если этого ты не исполнишь, грѣхъ тебѣ будетъ. Нѣтъ, да ты не такой, въ тебѣ душа есть. По-міру не пой-дешь, Боря, да не объ этомъ думай. Ну, да тебѣ другая жизнь предстоитъ, свободы много будетъ, никто у тебя ее не отниметъ, а коли я для тебя мало сдѣлалъ, не кляни ты меня и костей моихъ не тревожь...

Больной приподнялся и долго смотрѣлъ на сына.

— Ну, Христось съ тобой, произнесъ онъ, тронутымъ, торжественнымъ голосомъ.

Борисъ опустился на колѣни; отецъ перекрестилъ его.

Минуту спустя онъ выходилъ изъ спальни, съ вонзавшей головой, держа въ рукахъ написанное письмо. Бываютъ мгновенья, когда жизнь какъ-то особенно ясно и осязательно выступаетъ передъ вами, даже въ годы самой первой молодости. Въ такіе минуты ни о чемъ не спрашиваешь, ничему не удивляешься, и какъ бы сильна ни была боль сердца, съ непонятной рѣшимостью хочешь идти вдаль, не пугаешься жизни, и въ самой грусти чувствуешь какую-то живую струю.

То же было и на душѣ Бориса.

XXXIV.

Прошло нѣсколько дней.

Новое завѣщаніе было написано. Федоръ Петровичъ часто приткалъ одинъ и съ свидѣтелями. Больной все это время чувствовалъ себя дурно, и только поутру могъ говорить. Его начинало душить; онъ не могъ ни лежать, ни сидѣть.

Целагея Сергѣевна видѣла ясно, что противъ нея ведется борьба, и ничто уже ей не помогало разстроить *козни* ея недоброжелателей.

Когда она узнала, что Николай Дмитричъ написалъ новое завѣщаніе—она такъ взволновалась, что на два дня слегла въ постель.

Затѣмъ она кинулась въ спальню, но ничего не успѣла ни узнать, ни разстроить.

Николай Дмитричъ почти не пускалъ ее къ себѣ; а когда она входила и начинала говорить—онъ молчалъ. Въ немъ была теперь полная холодность и рѣшимость слабохарактернаго человѣка, который отвѣчаетъ на все равнодушіемъ.

Разъ, когда Федоръ Петровичъ выходилъ отъ больного, его впустили въ диванную, къ бабинькѣ.

— Милостивый государь, — начала старуха, — позвольте мнѣ вамъ сказать, что вы безчестно поступаете!

— Какъ же это, сударыня?—сказалъ ей въ отвѣтъ Данинъ, своимъ спокойнымъ голосомъ.

— Вы втерлись въ наши семейныя дѣла; по вашему наущенію Николинъка уничтожилъ завѣщаніе. Онъ не въ полномъ разумѣ теперь. Я буду жаловаться, что тутъ обманъ, подлогъ!

Федоръ Петровичъ окинулъ Целагею Сергѣевну строгимъ взглядомъ, и, немного улыбувшись, отвѣчалъ:

— Сударыня, вы увлекаетесь... Что вашъ сынъ былъ въ полномъ разумѣ—на то свидѣтели есть, которые и подписались на завѣщаніи. А что по моему наущенію Николай Дмитричъ распорядился, такъ про то вы, видно, больше меня знаете. Вотъ что я вамъ скажу, сударыня: успокойтесь вы. Изъ-за чего вы только бѣтаетесь? Будетъ съ васъ того, что вы живыми дѣтьми командовали; а умирающихъ-то оставьте, — право, грѣхъ. Какъ бы сынъ вашъ ни распорядился — имѣнье его, дѣти также его. У

вась своя часть есть. Лучше вамъ на покой, да грѣхи отмаливать.

— Да вы скажите мнѣ: кому же онъ оставляетъ дѣтей? Я должна это знать! Развратницѣ что ли этой?

— Какой развратницѣ?—спросилъ Федоръ Петровичъ.

— Вы знаете какой!—крикнула бабинька. Я бабка внукамъ своимъ, я не могу же ихъ кинуть.

— Вашъ сынъ, сударыня, выразилъ свою волю въ завѣщаніи.

— Я не останусь здѣсь, если эта мерзкая пріѣдетъ!

— Какъ вамъ угодно. Видно вы себя больше всѣхъ любите.

Никто васъ не гонитъ, а коли для васъ все равно, когда и какъ умереть вашъ сынъ, такъ чего же вы ждете?

На этихъ словахъ Федоръ Петровичъ расклапался и вышелъ.

Бабинька задыхалась; но дня черезъ два она совсѣмъ притихла. Молча ходила она по корридору и по пріемнымъ комнатамъ. Если спальня не была заперта, она входила туда, садилась поодаль отъ кровати, молчала цѣлыми часами, и только отъ времени до времени отрывисто взглядывала на сына.

Когда являлся Борисъ, она скрывалась. Безполезно было ей придираться къ внуку. Она уже почувствовала, что царствію ея положенъ конецъ, и это сознаніе ежесекундно точило ея душу, хотя наружно она и присмирѣла.

Еслибъ человекъ со стороны вошелъ въ большой дикій дождь, его бы поразила натянутость отношеній между матерью, сыномъ и внукомъ.

А между тѣмъ иначе и быть не могло.

Бабинька отводила душу только съ Амаліей Христофоровной, у себя въ диванной.

И въ домѣ всѣ люди тотчасъ замѣтили, что декорація переѣнилась; что *старая барыня* отставлена на задній планъ. Домъ и большая часть дворовыхъ были *молодого барина*, какъ привыкли всѣ называть, по старой привычкѣ, Николая Дмитрича, и послѣ смерти его, все это переходило барчонку.

Пелагея Сергѣевна на своихъ дѣвкахъ вылиwała жолчь, и наперсницѣ доставалось, по тридцати разъ въ сутки. Она съ прежнимъ усердіемъ исполняла должность лазутчика, и со всевозможными подробностями докладывала ежеминутно, что вотъ Лапинскій баринъ пріѣхалъ, и еще двоихъ господъ привезъ, и чернильницу въ спальню требовали, и Борисъ Николаичъ рано уѣхалъ, и съ Лапинымъ въ залѣ шептались... Все это бабинька

шла въ подробности; но оно только раздражало ее, только еще яснѣе показывало ей, что никакія лазутничества не помогутъ, и бабинька часто награждала Фицку за все ея усердіе бранью, и воль-часъ и пощочиннами.

Но Фицка уже не могла разстаться съ своей ролью, которая органически вѣлася во все ея существо.

XXXV.

Григорій Ивановичъ, послѣ сцены въ бильярдной, долго не показывался.

Бабинька послала за нимъ, разъ вечеромъ, когда Николаю Дмитрію сдѣлалось очень худо.

Стрѣль эскулапъ только что вошелъ въ спальню, какъ больной, обратился прямо къ нему.

— Дайте мнѣ умереть безъ вашихъ лекарствъ,—сказалъ онъ, раздраженнымъ голосомъ.

— Коли не хотите, такъ не буду давать.

— Оставьте меня, ради Создателя!

— Что жъ, мнѣ совсѣмъ васъ оставить?—вопросилъ эскулапъ.

— Совсѣмъ, совсѣмъ!—проговорилъ больной.

Григорій Ивановичъ сердито повелѣ бровями и, оборотясь къ Пелагеѣ Сергѣевнѣ, сказалъ:

— Мнѣ здѣсь матушка больше нечего дѣлать, грубости слушать я не подражался.

Бабинька бросилась за нимъ, изъ спальни, и стала его упрашивать.

Николай Дмитріевъ подозвалъ къ себѣ Бориса, и послалъ его сказать Пелагеѣ Сергѣевнѣ, чтобы она *спраю* разочла; а если хочеть его оставить своимъ докторомъ, то чтобы къ нему его не звала.

Борисъ исполнилъ это, и въ тотъ же день, отправился къ Федору Петровичу, посоветоваться: какого медика взять.

Федоръ Петровичъ привезъ съ собой своего пріятеля, старшаго врача при больницѣ, добродушнаго нѣнца. Они съ Борисомъ, убѣдили больного принимать средства, какія новый докторъ пропишетъ.

Добродушный нѣмецъ качалъ все головой, очень кротко изъяснялся съ больнымъ, и на третій день созвалъ консуліумъ.

На консуліумѣ, какъ водится, поговорили на очень скверномъ

латинскомъ языкѣ, и рѣшили, конечно, что надежды никакой нѣтъ; и остается только облегчить страданія больного.

— Ну что, Боря, — говоритъ Николай Дмитріевъ, въ день консилиума, — новаго ничего они не выдумали? Все равно, приходится умирать. А письма нѣтъ изъ Москвы?...

— Нѣтъ, папенька, не могу понять.

— Вѣрно сама выѣхала. А если письмо не дошло, подожди еще дня два три, и пиши, и Федора Петровича попроси написать.

Борисъ почти цѣлый день проводилъ у кровати отца. Только что воротится изъ гимназіи, приходилъ въ спальню; съ бабинькой не обѣдалъ, а закусывалъ чего нибудь у себя наверху, или въ бильярдной.

Нѣсколько томительныхъ ночей провелъ онъ въ спальнѣ. Больной очень страдалъ, припадки кашля совсѣмъ задушали его. Онъ уже не въ состояніи былъ лежать ни на спинѣ ни на боку. По цѣлымъ часамъ сидѣлъ онъ въ креслѣ, не приклоняясь къ спинкѣ, опустивъ руки на ручки кресель, тяжело дыша и охая, съ мутными глазами.

Но больной не былъ раздражителенъ. Онъ даже дѣлалъ надъ собой усилія, чтобъ не стонать, и не любилъ, чтобъ ему очень прислуживали.

Когда человѣкъ умираетъ въ памяти и длится это недѣлями, съ каждымъ часомъ все тяжелѣе и тяжелѣе становится для него то, что онъ еще живетъ, и утомленные лица окружающихъ его дѣлаютъ предсмертные часы невыносимыми.

Но порой взглядъ больного останавливался на сынѣ, и, казалось, въ эту минуту онъ хотѣлъ только думать о немъ, о его будущемъ—и заглушить свои страданія.

Борисъ, въ эти нѣсколько дней, вступилъ въ другой періодъ жизни. Прежней мелкой, но утомительной борьбы съ бабинькой уже не существовало, наступило сознаніе силъ, было на душѣ больше спокойствія; но все таки тяжелаго спокойствія.

Ну чтожъ изъ того, что теперь не то, что было прежде? — спрашивалъ себя Борисъ: «Отцу легче и въ будущемъ свѣтлѣе» отвѣчалъ онъ себѣ обыкновенно, но этотъ отвѣтъ не успокаивалъ его.

Въ настоящемъ, въ его отношеніяхъ къ отцу и бабушкѣ, въ этихъ долгихъ приготовленіяхъ къ смерти было что-то хлопотливое, можно сказать—полицейское и ничѣмъ онъ не могъ заглу-

шить мысли, что наследство, личная воля, интересъ заданы во всемъ этомъ.

Ожидая письма изъ Москвы, Борисъ много думалъ о новомъ актѣ его семейной драмы, объ этой теткѣ, про которую отецъ говорилъ съ такимъ глубокимъ чувствомъ.

«Если она въ самомъ дѣлѣ чудная женщина—думалъ Борисъ,—мы славно заживемъ мы!»

И тотчасъ же Борисъ краснѣлъ, мысленно выговаривая это. Онъ стыдился такъ думать у кровати умирающаго.

Но напрасно онъ надегалъ на себя узы: молодость брала свое, женою объ живомъ и говорило.

Съ бабушкой Борисъ сдѣлался гораздо ровнѣе; ожесточенія—этого не бывало. Ему даже было жадно ее, и онъ ни разу себя не позволялъ сказать ей что-нибудь рѣзкое, или заикнуться о ней въ разговорахъ съ отцомъ.

Борису хотѣлось только чтобъ Пелагея Сергѣевна веда себя лучше, чтобъ она поняла, наконецъ, свое положеніе, бросила подглядыванья и подслушиванья, и дѣйствительно бы успокоилась.

Сколько разъ хотѣлось ему высказать это, но онъ удерживался, не желая спенъ.

Чувство нравственнаго превосходства надъ бабинькой не подымало его на юношескія выходки.

Последніе дни еще на годъ состарили Бориса.

XXXVI.

Шестой часъ. Все тихо въ домѣ. Большой съ утра чувствовалъ себя лучше; одышка не такъ мучила его. Онъ легъ въ постель часу въ третьемъ и заснулъ.

Борисъ въ этотъ день обѣдалъ въ диванной, у бабиньки, и послѣ обѣда уведъ къ себѣ въ комнату Машу, на урокъ.

Борисъ подиктовалъ немного сестрѣ, задавъ ей задачу, но ученье надъ-то не шло.

Маша, пописавши на грифельной доскѣ, положила грифель на столъ, и, поднявъ свои синіе глаза на Бориса, долго смотрѣла на него.

Борисъ въ это время сидѣлъ опустивъ голову, и тыкалъ къ столу перочиннымъ ножичкомъ.

— Боря... промолвила дѣвочка.

— Что?

— Ты о чемъ это такъ задумался?

— Такъ, дружокъ.

— Ты о папѣ думаешь?

— Да, и о папѣ.

— И я тоже. Не хочется мнѣ учиться, въ голову ничего нейдетъ Боря. Я какъ на папу посмотрю—мнѣ страшно становится. Вотъ и бабушка: теперь она тихая, а еще страшнѣе стала, глазами все такъ поводитъ.

И Маша показала какъ бабушка поводитъ глазами.

— А она совсѣмъ притихла,—продолжала дѣвочка,—за словомъ слова не скажетъ. Отчего это, Боря?

— Устала, голубчикъ. Она видитъ, что понапрасну только сердилась.

— Боря, а вдругъ папа умретъ, мы съ ней съ одной останемся?

Борисъ всталъ и положилъ руки на плеча Маша.

— Тетушка къ намъ скоро прїѣдетъ.

— Какая тетушка?

— А ты помнишь дядю Александра, что изъ Москвы-то прїѣзжалъ?

— Съ бородой, Боря?

— Да.

— Онъ вѣдь умеръ? Мнѣ папа о немъ молиться велѣлъ.

— Это жена его. Ее папа сюда выписалъ.

— Что жъ, она съ нами жить останется?

— Да, дружокъ.

— Ну а бабушка-то какъ же?

— Она къ себѣ въ деревню поѣдетъ.

— Да кто же такъ рѣшилъ, Боря?

Борисъ усмѣхнулся.

— Никто голубчикъ не рѣшалъ—промолвилъ онъ,—а такъ сдѣлается.

— Хорошо кабы такъ,—сказала со вздохомъ Маша и задумалась.

— Что-то внизу—проговорилъ Борисъ.

— Вѣдь папа спитъ, я схожу узнаю.

— Зачѣмъ, и я могу.

— Нѣтъ, нѣтъ, ты и такъ все Боря цѣлый день ходишь, я нигомъ сбѣгаю.

Маша встала, встряхнула своими кудрями и через секунду слышно было, какъ она тихими, но быстрыми шагами спустилась съ лестницы.

Лицо Бориса не прояснилось. Онъ самъ себя замѣтилъ, разъ нѣ-то утромъ, одѣваясь, что на лбу его, точно кто нарочно слѣлалъ складку, и никакъ не хочетъ расправить ее.

Вошла Мироновна.

— Что, долговязый? — промолвила старушка, подходя къ нему, и заглядывая искоса, — или невесело?

— Да, Мироновна, не очень радостно.

— Много еще тебѣ на вѣку всего будетъ; ужъ такое горе, всего одно, больше не повторится. Что папенька-то? Оставила ли его старая-то барыня въ покоѣ?

— Она притихла, — отвѣтилъ Борисъ.

— Въремя догадалась, прости Господи. А письма-то нѣтъ же отъ той-то?

Мироновнѣ были извѣстны всѣ тайны Бориса.

— Нѣтъ, няня.

— Что же за притча, ужъ не больна ли? А ты бы еще написала.

— Хочу писать.

— То-то, и какъ только это они встрѣтятся, я знаю, что старая бырыня не стерпитъ.

— Какъ-нибудь обойдется, — промолвилъ Борисъ и опять задумался.

Мироновна долго стояла молча и смотрѣла на него.

— Да что ты ужъ больно раскисъ. Ты бы куда-нибудь пошелъ, посидѣлъ бы съ часокъ.

— Куда же я поѣду, няня?

— Ну, къ товарищамъ, вонъ къ тому, къ бѣлокурому-то, что на музыкѣ-то играетъ. Папенькѣ нынче лучше, ну, посидѣлъ бы часокъ-другой, мысли-то бы посвѣжѣли; а то, вѣдь, этакъ ты совсѣмъ уходишь себя.

Старушка проговорила все это въ полушутливомъ, полусерьезномъ тонѣ.

Борисъ взглянулъ на нее и улыбнулся.

— Къ Горшкову развѣ на минутку съѣздить, — промолвилъ онъ. Въ это время вошла Маша.

— Папа все спитъ еще, — сказала она. — Яковъ говорилъ мнѣ, что онъ не просыпался.

— Ну, вотъ видишь, — вставила Мироновна, — вотъ ты пойдёшь и съѣдешь!

— Куда это — спросила Маша, куда ты это его идешь, Мироновна?

— Проходиться ему надо, очень засидѣлся, барышня.

— А вѣдь и то правда, Боря, — проманила Мама серьезнѣйшимъ тономъ, — ты вонъ какой!

— Такъ я вѣлю, чтобъ лошадь заложили? — спросила Мироновна.

— Вели, — отвѣтилъ Борисъ и, взявъ Ману за оба руки, поцѣловалъ ее въ лобъ.

XXXVII.

Горшковъ жилъ на той же улицѣ, гдѣ и Абласовъ.

Борисъ подѣхалъ къ маленькому домику, въ четыре окна. Ставни были уже закрыты, и только въ трехъ окнахъ свѣтъ выходялъ изъ отверстій, вырѣзанныхъ въ видѣ сердецъ. Изъ калитки крытая *золдареечка* вела на крыльцо, гдѣ было очень темно. Борисъ оцупью отыскалъ дверь и вошелъ въ маленькую прихожую, куда свѣтъ падалъ изъ первой комнаты.

— Кто тамъ? — крикнулъ мягкій женскій голосъ.

— Это я, Анна Ивановна, я. Телевневъ, — отозвался Борисъ, снимая шинель.

— Ахъ, это вы, очень рада. Валеринька! Борисъ Николаичъ.

Въ дверяхъ показалась еще не очень старая женщина, довольно полная, съ блондурыки волосами и родинкой на правой щекѣ, въ большомъ клетчатомъ платкѣ и безъ чепца.

Она держала свѣчу.

— Здравствуйте, Борисъ Николаичъ. Давненько вы къ намъ не заглядывали, — проговорила она, помогая Борису повѣсить шинель на вѣшалку. Она подала ему руку, онъ пожалъ.

— Да; я ужь у васъ больше мѣсяца не былъ, — отвѣтилъ Борисъ, проходя съ ней въ слѣдующую комнату, облепленную желтенькими обоями съ ортеньянами у лѣвой стѣны.

— Видно, батюшка вашъ плохъ? Слышала я отъ Валеряна:

Выскочилъ Горшковъ и, не здороваясь съ Борисомъ, схватилъ его за плечи.

— Ну, что ты? Вотъ это, братъ, неслучно придумаешь — вскричалъ онъ.

— Меня Мироновна моя прогнала.

— И прекрасно, братъ, сдѣлала! Ты хоть минутку побуди съ людьми, а то ты совсѣмь одурѣешь. Мамочка, велите-ка намъ пить чайку. Пойдемъ пока ко мнѣ въ комнату, Боря.

Горинковъ увелъ Бориса къ себѣ. Его каморка была въ одно окно и почти вся была занята кроватью, подлѣ которой помѣщались столъ и этажерка. На столѣ разбросаны тетрадки и нотные листы. Во всемъ большой беспорядокъ.

— Ну, вотъ садись на провать, Боря, гость будешь. Я братъ тутъ кое-что писалъ, квартетъ пробую, для упражненія... Да знаешь что, у тебя лошадь дожидается?

— Да, здѣсь.

— Ты ее не отпускай. Я собираюсь къ Теляшниковымъ, мы тамъ тріо произведемъ. Ты у нихъ уже мѣсяца два не былъ—махни туда.

Борисъ поморщился.

— Да я вѣдь, Валерьянъ, ненадолго: отца нельзя оставить, — проговорилъ онъ.

— Полно, Боря, что это такое? Вѣдь я тебя знаю: ужь коли ты уѣхалъ, значитъ сегодня отпущу лучше.

— Да, нынче онъ посвѣжѣе.

— Ну вотъ видишь! Мы, вѣдь, недолго, какихъ нибудь два часа пробудемъ. Ыдемъ, чаю напьемся—и маршъ. А чаю нужно изряднѣе навить, а то тамъ дадутъ по чашечкѣ, да и то фандалысту.

— Съ кѣмъ будешь играть тріо?—спросилъ Борисъ.

— На виолончели этотъ нѣмчуря, Келлеръ, на скрипкѣ Пешка.

— А Надя-то не будетъ?

— Какъ же, я ее за себя посажу, она у меня посмотри какъ работаетъ.

— Славная дѣвочка!

— Толстая братъ какая стала, матушка-то ее все еще въ вентильманіяхъ водить, а она меня головой выспе. Приятная дѣвочка, я тебѣ скажу, какія, братъ, у ней ужь формы!

Борисъ усмѣхнулся.

— Что ты все вадоръ говоришь, Валерьянъ, проговорилъ онъ.

— Ахъ ты Иванъ-постникъ—красная дѣвица! Полно глазки-то опускать, поѣдемъ, такъ самъ братъ разглядишь. А я, какъ уроки ей даю по вечерамъ, такъ все грѣшныя мысли приходятъ. Хи, ха, хи!.. Да, само: братъ это подлая звѣзда, уроки давить,

особенно женскому полу. Равнодушіе на нихъ нападаетъ, точно подлѣ нихъ бревно какое сидитъ; а не молодой человекъ пріятной наружности, въ партикулярномъ платьѣ!

При этомъ Горшковъ выпрямился и подперъ руки фертонъ.

— А что матушка?—спросилъ Борисъ.

— А ты лучше спроси еще про дочку. Она, братъ, о тебѣ все навѣдывается: «а что жъ Телепневъ, отчего онъ у насъ не бываетъ, онъ насъ совсѣмъ забылъ, я хочу съ нимъ дуэтъ играть», и всё это братъ нараспѣвъ какъ-то, совсѣмъ особый тонъ принимаетъ. Такая дѣвчушка забористая. Вотъ на нашего брата вниманія не обращаетъ, а съ тобой желаетъ дуэты играть. Я ужь, такъ и быть, для васъ дуэтъ наваляю, и сладко будетъ и безвкусно, и раздирательно, все за одинъ разъ! А то, коли хочешь, тряхни стариной, помнишь какъ Надя еще кудерьки носила, ты съ ней пилилъ изъ Стральсера дуэтъ, или еще тюрка какая-то есть, *la plainte d'une jeune fille*, что ли?

— Я съ полгода и скрипки то, въ руки не бралъ.

— Ничего братъ, главное, Надя-то будетъ очень довольна. Вѣдь этакій ты деревянный. Для меня братъ, Боря, самое лучшее дѣло—это вотъ такіе лутки въ пятнадцать лѣтъ, свѣжа такъ, ни малѣйшей хитрости нѣтъ, не ломается еще. А ужь мнѣ эти дѣвицы сбѣлыя, да дамы, тѣу! претить; иная виляетъ, виляетъ хвостомъ... и всё въ музыкантши лѣзуть!

— А что, ты съ англичанкой помирился?

— Съ миссъ чортъ? нѣтъ братъ, еще грызусь. Я двѣ такія фразы выучилъ: *ю аръ ум*, и *майдиръ*, вотъ я ими се и допекаю. Точно жвачку все жуешь старушенція. Рожу-то у ней точно квасцами кто стянулъ въ клубокъ. И какъ только урокъ покончишь, она Надю сейчасъ къ себѣ, подъ юбку, въ комнату свою, куда отъ одного запаха не войдешь. Вотъ они братъ маменьки-то модныя: она тамъ у себя въ кабинетѣ возлежатъ, да о высшихъ предметахъ толкуетъ съ губернаторскими адъютантами, а дочь кисни съ паршивой англичанкой. Старушенція ее точмя точить, просто жалость беретъ на нее глядя. Я ужь ей разъ хватилъ: Надежда Петровна, говорю, что вы эту старушенцію слушаете, похерьте вы ее.

— Такъ и сказалъ похерьте?

— Ну ужь тамъ не помню какъ. Ужь погоди, выучусь я по-английски такую штуку, что она у меня три дня чихать будетъ, какъ я ей поднесу.

— Валерьяша! — послышалось изъ первойкомнаты, — веди гостя чай кушать.

— Ну, пойдѣмъ, Боря; надуеся чаю — да и маршъ.

За небольшоимъ столомъ, покрытымъ пестрой ярославской скатертью, сидѣла мать Горшкова. Она перебивала чашки. На столѣ кипѣлъ самоваръ и стояли двѣ свѣчки въ мѣдныхъ шандалахъ. Прислуживала высокая, немного сгорбленная женщина, совсѣмъ сѣдая, но бодрая, въ черномъ, какого-то церковнаго покроя, платьѣ. Она прислуживала такъ, какъ служатъ старыя дворовыя. Въ сущности она ничего въ эту минуту не дѣлала; но вся ея фигура носила на себѣ печать какой-то старательности.

Вся комната смотрѣла очень добродушно. Мебель старенькая изъ карельской березы, съ завитушками и бронзовыми бляхами; на стѣнахъ англійскія гравюры 20 годовъ; на окнахъ бальзаminy и гераніумы; въ углу, на стѣнкѣ, часы, съ трескучимъ, домовитымъ боемъ.

Мать Бориса сидѣла на диванѣ; подлѣ нея помѣщался огромный котъ палеваго цвѣта. Котъ жиурлялъ глаза, отъ свѣчей, и потягивался.

— Садитесь вотъ сюда, ко мнѣ Борисъ Николаичъ, — проговорила мать Горшкова. Что онъ тамъ болталъ? — прибавила она, указывая съ улыбкой на сына.

— Про ученицу свою рассказывалъ, Анна Ивановна.

— Влюбленъ онъ въ нее, уши мнѣ прожужжалъ.

— Ну, ужъ и влюбленъ, мамочка. Я только говорю, что она толстая такая.

— Вѣдь ему никто не нравится, то и дѣло ругаетъ всѣхъ барынь нашихъ; а вотъ у Теляниныхъ по цѣлымъ вечерамъ сидитъ, въ четыре руки играютъ. Да чего, сочинилъ недавно ноктюрнъ, хочеть ей посвятить.

Горшковъ вскочилъ.

— Ну, что вы, мамочка, выдумываете! Что за нѣжности такая! Стану я посвящать? Вѣдь это только французики, поляки, настрочить дрянъ какую-нибудь, да и надпишетъ: Composé et dédié a la Princesse Dougakoff.

— Ну ужъ полно, дружокъ, я выдумывать не стану, три дня цѣлыхъ за фортепьянами сидѣлъ.

— Сыграй Валерьянъ, — вставилъ Борисъ.

— Да что сыграть-то?

— Да вотъ ноктюрнъ, Надинъ.

— Ноктюрнъ! какой ноктюрнъ? Что за названіе такое! Просто такъ идея пришла. Мамочка вѣдь все на иностранный манеръ назоветъ; — она у меня все еще на Герцъ сидитъ. — Горшковъ подскочилъ къ матери и поцѣловалъ ее.

— Ужь ты у меня умникъ; все у тебя устарѣло. Старое-то и хорошо.

— Вѣдь не Герцъ же, да Гюntenъ, мамочка?

— А Моцартъ? ты вотъ ужь и о Моцартѣ какъ-то сталъ не такъ отзываться. — И мать Горшкова улыбувшись покачала головой.

— Моцартъ! Ну Моцартъ — извѣстно Моцартъ! Да менуэтовъ больно много.

— Да сыграй же, Валерьянъ, — приставалъ Борисъ.

— Полно, Боря, дай чаю пить. Мамочка, покрѣпче налейте.

— А вамъ какъ, Борисъ Николаичъ? — спросила Анна Ивановна.

— Я слабый пью.

— Его бабушка пріучила — ввернулъ Горшковъ.

— А что Целагея Сергѣевна? спросила Анна Ивановна.

— Ахъ, мамочка, что вы спрашиваете; она все въ томъ же положеніи, мафусаиловъ вѣкъ проживетъ...

Борисъ улыбнулся.

Анна Ивановна посмотрѣла на сына.

— Что ты это, Валерьяша, промолвила она, немного стѣснившись.

— Ничего, мамочка, вы зачѣмъ же покраснѣли? Онъ вѣдь бабушку терпѣть не можетъ. И я ее терпѣть не могу, и о существованіи ея нисколько не забочусь.

— А знаете, Борисъ Николаичъ, — начала Анна Ивановна, — какъ на васъ вотъ гляжу, такъ передо мной маменька ваша, покойница, какъ живая стоитъ. Я ее всего раза три видѣла; и помню послѣдній разъ въ церкви; мы тогда еще у Николы жили, въ вашемъ приходѣ. Такая она бѣлая была, совсѣмъ бѣлая, и такъ она стояла на колѣняхъ, просто хотъ картину срисовать съ нея.

— Да вѣдь и онъ у меня картина, — вскричалъ Горшковъ, взявши Бориса за подбородокъ.

— Я всегда, смолоду, — продолжала Анна Ивановна, — красивыхъ женщинъ любила, а такого лица, какъ у вашей маменьки было, я никогда не видала. И какъ мнѣ тогда захотѣлось съ нею

вспоминаться! да негдѣ было, а послѣ какъ узнала я о томъ, что она скончалась, точно будто родная сестра умерла.

— А есть у тебя, Боря, портретъ матери, — спросилъ Горшковъ.

— Есть, развѣ ты никогда не видалъ?

— Да гдѣ онъ виситъ?

— У меня, надъ вратьюю, въ альковѣ.

— А давно ужъ это было, — начала опять Анна Ивановна, — еще кой Михайлъ Семснчъ тогда живъ былъ. Я вотъ не осмотрѣла, а ужъ Валерьяша выгнудся, и вы, Борисъ Николаичъ, большой человекъ. Я вотъ часто объ васъ съ Валерьяшей говорю: какая вамъ жизнь странная выпала. Въ домѣ у васъ тишина такая, болѣзнь паценыки, все вы одни, да одни; этакъ совсѣмъ и молодость потеряешь, право. Вонъ у меня Валерьянъ: даромъ что въ Бетховены норовитъ, а такой вѣдь школьникъ еще.

— Я артистъ! — закричалъ Горшковъ, и выпятилъ щоки.

Борисъ разсмѣялся.

— Вотъ вѣдь онъ такъ цѣлый день паясничаетъ...

— А что жъ мнѣ, мамочка, Четьи-минсю, что ли, читать, и цысы пепломъ посыпать?

— А не худо бы иной разъ и духовное почитать. Вотъ такъ теперь къ слову пришлось; а я скажу, что мало что-то въ васъ господа вѣры... Вы меня извините, я вамъ проповѣди читать не буду; а повѣрьте вы мнѣ, безъ этого не проживешь на свѣтѣ. Какъ жизнь-то заберетъ васъ, какъ то, да другое захряхтитъ, вотъ тогда и трудно будетъ, и не на что опереться-то, ничего нѣтъ тамъ, внутри. Ты что на меня смотришь, Валерьяша? я дѣло говорю. Вотъ пока молоды вы, тутъ вы надъ всѣмъ смѣетесь, ни во что не вѣруете; а какъ старость придетъ, вы и раскиснете, да еще въ ханжество ударитесь! Такъ ужъ лучше не доходить до такого малодушія, право. Росли вы такъ же, какъ и мы, да видно ужъ нынче это въ воздухѣ.

— Мамочка, — закричалъ Горшковъ, — вы изволите ворчать! Это совсѣмъ къ вамъ нейдетъ. Онъ подскочилъ опять къ матери и обнялъ ее.

— Ахъ постой, Валерьянъ, совсѣмъ задушилъ меня, — заговорила она, — какой ты сильный сталъ, просто хотъ кричи, какъ стиснешь.

— Вы на насъ не ворчите, мы мальчики хорошіе, — кричалъ Горшковъ, — а вотъ Боря, такъ примѣръ добродѣтели.

— Да вѣдь скажите, — обратилась Анна Ивановна къ Борису, — дѣло я говорила, или нѣтъ?

— Дѣло, мамочка, дѣло! — закричалъ Горшковъ, ручку пожалуйте, за китайскій чай. Онъ поцѣловалъ руку у матери. Ну, надулись, и довольно, пора собираться.

— Анфиса, — крикнула Анна Ивановна, убирай-ка самоваръ.

Борисъ поблагодарилъ хозяйку, и всталъ.

Явилась высокая Анфиса, съ услужливымъ видомъ, и унесла самоваръ.

— Горшковъ подошелъ къ фортепяно, открылъ его и сѣлъ на низенькій, старинный табуретъ.

— Ты намъ ноктюрнъ сыграешь? — спросилъ его Борисъ.

— Нѣтъ, идеяку, какъ онъ называется, — замѣтила смѣясь Анна Ивановна.

— Мамашенька, не задѣвайте меня, — отозвался Горшковъ, и, встряхнувъ вихромъ своимъ, заигралъ.

Борисъ стоялъ около фортепяно въ темномъ углу. Анна Ивановна опустилась на стулъ, поодаль, въ какой-то выжидающей и кроткой позѣ.

Она не смотрѣла на сына съ умиленіемъ; она даже вовсе не смотрѣла на него; но на лицѣ ея была славная, умная и вмѣстѣ съ тѣмъ, материнская улыбка. Она знала, что ея Валерьянъ, дѣйствительно, играетъ хорошую вещь; и ей вдвое было пріятнѣе оттого, что, не восхищаясь имъ громко, она внутренно сознавала глубину и силу его таланта. Ея лицо какъ будто говорило: ахъ ты Валерьяша, мальчикъ ты еще, школьникъ, а какой въ тебѣ Божій даръ.

Борисъ задумался. Онъ ни о чемъ опредѣлительно не думалъ; но звуки, выходившіе изъ подъ пальцевъ Горшкова, какъ-то освѣжали его, и въ тоже время затягивали въ даль, рождали въ негъ чувство силы и порыванія куда-то, гдѣ навѣрно будетъ лучше. Точно этотъ ноктюрнъ нарочно раздался на рубежѣ двухъ эпохъ, точно вмѣстѣ съ нимъ отходила назадъ, скорбная, назойливая жизнь.

Горшковъ игралъ покачиваясь вправо и влѣво... густая, страстная и свѣжая мелодія рвалась и какъ бы не находила себѣ довольно мѣста на фортепянныхъ клавишахъ... Имѣлъ ли Горшковъ передъ собой образъ Наташи... или это былъ гимнъ молодости, силы, вдохновенія... по звуку лились могучимъ каскадомъ... и подъ конецъ безъ треска и банальныхъ нотъ мелодія

не встала; но перешла въ тихую не то молитву — не то заунывную пѣснь... но только на одно мгновение... И это мгновение разрѣшилось аккордами...

— Прекрасно! вырвалось у Бориса, когда Горшковъ остановился. У него были слезы на глазахъ...

Анна Ивановна приподнялась, и тихо проговорила: хорошо. Горшковъ вскочилъ.

— Да, хорошо, знаю, что хорошо. Не весело... мамашенька, довольно!...

Онъ бросился къ матери, сталъ передъ ней на колѣни и поцѣловалъ ея руки.

— Это вы, мамочка, меня научили—говорилъ онъ пискливо,— вы меня къ клавикурамъ сажали, пальчики мои ломали... свой талантъ мнѣ подарили...

Анна Ивановна смѣялась хорошимъ, умнымъ смѣхомъ, показывая Борису глазами на сына.

— Ну,—вскричалъ Горшковъ, вскакивая,—въ чувствительность не впадать... Семейная сцена вышла первый сортъ! Ёдемъ Боря къ предмету моей страсти, какъ увѣряетъ мамашенька.

— Долго ли тамъ пробудешь, Валерьянъ? — спросила Анна Ивановна.

— Нѣтъ, мамочка, часовъ до десяти, не больше.

Борисъ простился съ Анной Ивановной и поцѣловалъ у ней руку.

— Не забывайте насъ, Борисъ Николаичъ,—промолвила она.— Часто-то вамъ нельзя, я знаю; батюшка-то вашъ все плохъ; а вы хоть разокъ въ мѣсяцъ къ намъ заверните вечеркомъ.

— Непремѣнно, Анна Ивановна, какъ только можно будетъ.

Горшковъ тѣмъ временемъ сбѣгалъ въ свою каморку и преобразился изъ сѣренькой затрапезной визитки въ новый сюртукъ.

— Ну, мамашенька,—заговорилъ онъ,—смотрите, хорошъ я? Можно въ меня влюбиться, или нельзя?

— Хорошъ, хорошъ!.. Вотъ еще я вамъ забыла сказать, Борисъ Николаичъ, онъ у меня въ франтовство пустился, вѣдь, должно быть, не спроста?...

— Конечно, Анна Ивановна, ужъ это самый дурной признакъ

— Самый дурной признакъ! Ахъ, ты, мудрецъ! А я вотъ васъ, мамочка, прошу третій мѣсяцъ, чтобъ вы мнѣ галстухъ съ цвѣтными концами купили, такъ вы мнѣ и этого удовольствія не хотите доставить.

— Съ двѣтними компаніи, Валерьянъ? — вскричалъ Борисъ, — Что ты, постыдись!

— А какъ же, братъ; это что ни на есть самый шикъ. Ма-машенька, купите?

— Куплю, куплю, — отозвалась, сѣясь, Анна Ивановна. — Ан-фиса, подай-ка мнѣ шинели, — прибавила она.

Анфиса надѣла шинели обоимъ друзьямъ и посвѣтила имъ въ сѣни.

— Прощайте, Борисъ Николаичъ. Такъ я тебя буду ждать, Валерьяша, — крикнула Анна Ивановна.

— Ждите, мамочка, — отвѣтилъ изъ сѣней Горшковъ.

Они вышли на троттуаръ. Свѣтилъ мѣсяцъ; мокрая мостовая во многихъ мѣстахъ блестѣла.

Феофанъ прикурнулъ на козлахъ. Борисъ разбудилъ его и, садясь съ Горшковымъ на дрожки, велѣлъ ѣхать къ Теляпнинымъ.

Феофанъ проѣхалъ Варваркой, повернулъ направо въ улицу, которая шла въ гору.

Ночь была яркая, теплая и влажная. Стояли послѣдніе, чисто-осенніе дни передъ сухими, жесткими морозцами.

— А мать-то у тебя славная, — промолвилъ Борисъ, обратившись лицомъ къ Горшкову.

— Да, братъ, Боря; хорошій человекъ у меня мать, къ Гюнтену пристрастіе имѣеть; а вообще я тебѣ скажу, поумнѣе да подобрѣе нашихъ благотворительныхъ-то барынь, что театры-то въ пользу бѣдныхъ устранивають.

— И съ ней какъ-то весело, — отозвался Борисъ.

— Оттого, что у ней царь въ головѣ есть... вѣдь она всегда говорить, что у ней душа молода; мнѣ, говорить, шестнадцать лѣтъ, а не сорокъ-пять. Ну, а скажи-ка ты мнѣ, Боря, какъ у тебя дѣла-то?.. что, отецъ покончилъ съ завѣщаніемъ?

— Да, теперь все ужъ сдѣлано, — отвѣтилъ Борисъ, какъ бы нехотя: ему не хотѣлось говорить про домашнія дѣла при кучерѣ.

Горшковъ это понялъ и позволилъ себѣ еще одинъ вопросъ:

— Ну, а бабушка-то присмирѣла?

— Присмирѣла, — отвѣтилъ Борисъ.

Прошло нѣсколько минутъ молчанія.

— А что, Валерьянъ, — началъ Борисъ, — тебѣ въ-самомъ-дѣ-лѣ Надя-то нравится?

— Лутикъ, братъ, восхитительный. Вѣдь ты, Боря, подло поступаешь.

— А что?

— Да какъ что? Небойсь прежде ты съ ней дуэты изъ Странеры разыгрывалъ, а теперь совсѣмъ бросаешь... этакъ, братъ, негодится поступать! Я очень радъ, что ты бросаешь, а все-таки это скверно!

— Да что же, я влюбленъ, что ли, былъ?

— Ты ужь, пожалуйста, не вилай... Ручки у ней цѣловалъ, въ горѣлки игралъ, локончиками все восхищался... это все еще не больно давно было, въ пятомъ классѣ.

— Она славная дѣвочка... я бы и теперь у нихъ бывалъ, да когда же?...

— И не ѣди, я очень радъ! А то маменькой займись; она любить красивыхъ юношей.

Феофанъ вѣхалъ въ ворота длиннаго одноэтажнаго дома.

— Ну, пріѣхали, — крикнулъ Горшковъ. Ты отпустишь кура, Боря?

— Отпущу, пріѣзжай за мной часа черезъ два, — крикнулъ Борисъ Феофану.

Они вошли въ сѣни, освѣщенныя лампой, и Горшковъ позволилъ.

Дверь отперъ мальчикъ, одѣтый въ сѣрый ливрейный полуфракъ съ свѣтлыми пуговицами, въ жолтый жилетъ, и сѣрые штблеты.

— Здравствуй, Вася, — сказалъ ему Горшковъ; нѣмецъ ужь здѣсь, — прибавилъ онъ, увидавъ въ передней футляръ отъ виолончеля.

— Какъ-же-съ, давно готовы-съ, — отвѣчалъ, улыбаясь, Вася.

Зала, куда вошли друзья, была освѣщена лампой, стоявшей въ углу, на высокому штативѣ. Дикенькіе обои смотрѣли довольно-скромно. На окнахъ висѣли короткія драпировки съ кистями. Шьянипо у лѣвой стѣны, съ двумя этажерками, ширмочки, наскврующія двери изъ передней и заднихъ комнатъ, небольшіе диваны въ перемежку со стульями—составляли мебель. Маленькая люстра, не очень модная, опускалась съ довольно низкаго потолка.

XXXVIII.

Домъ Лидіи Михайловны Теляниной считался самымъ тоннымъ во всемъ городѣ. Кто не бывалъ у нея по воскресеньямъ, тотъ не принадлежалъ къ фешёнзбелъному монду. Она давно вдовствуетъ, и занимается воспитаніемъ дѣтей, составленіемъ благотворительныхъ спектаклей и устройствомъ лотерей. Лидія Михайловна цѣлые дни принимаетъ въ своемъ кабинетѣ, толкуетъ о государственныхъ предметахъ съ двумя правовѣдами и объ искусствахъ съ губернаторскимъ адъютантомъ, и *продюжируетъ* всѣ туземные таланты. У ней двое дѣтей: дочь Наташа и сынъ Петинька. Петинька вышелъ, за неспособностью, изъ гимназіи, и готовится или въ гвардейскіе юнкера, или въ дипломаты. Лидія Михайловна еще не рѣшила этого пункта, а тѣмъ временемъ онъ играетъ на скрипкѣ и поетъ романсъ: «Сомнѣніе».

Борисъ, прежде довольно часто бывалъ у Теляниныхъ. Онъ въ одинъ годъ съ Петинькой поступилъ въ гимназію, въ одно время они начали учиться музыкѣ, и у Теляниныхъ, Борисъ игралъ дуэты и съ Петинькой и съ Наташей. Борисъ любилъ музыку, и его замѣчанія всегда принимались Горшковымъ; но въ послѣднее время, дома заниматься скрипкой было некогда, точно такъ же какъ и ѣздить къ Телянинымъ. Борисъ много слышалъ хорошей, серьезной музыки и въ этомъ домѣ и у Горшкова, и вкусъ его образовался. Въ исполнители онъ не лѣзъ, но очень часто жалѣлъ, что раньше не началъ изучать законы мелодіи и гармоніи. Онъ все это оставлялъ до университета. Слухъ у него былъ хорошій; почти самоучкой онъ выучился играть на фортепьяно и пѣлъ тоже самоучкой, свѣжимъ, груднымъ теноромъ.

Музыка сблизила его года два, передъ тѣмъ, съ Надей. Какъ дѣти, они очень сошлись. Нада сама переписывала ему ноты, и даже связала ему кошелекъ. Они выступили вмѣстѣ, на судъ фешёнзбелънаго монда, въ одно изъ воскресній, причемъ Борисъ немилосердо вралъ, а Нади ровно на десять тактовъ кончила раньше его. Послѣ этого дебюта она уже перестали стѣсняться при публикѣ, и приобрѣли репутацію милыхъ и талантливыхъ дѣтей.

Когда въ домѣ Бориса наступилъ періодъ послѣдней болѣзни отца, онъ почти нигуда не ѣздилъ, и дуэты съ Надей пре-

кратились. Она начала учиться у Горшкова, и Борисъ изрѣдка шдаль ее, каждый разъ замѣчая, что она растеть и ужасно хорошееть. Ему было не до нѣжныхъ впечатлѣній. А Надя улыбалась ему, и всегда разспрашивала о немъ у Горшкова, за уроками. Борису, такъ же, какъ и Горшкову, жалко было эту дѣвочку. Она жила въ совершенномъ одиночествѣ: братецъ ея Петинька умѣлъ только хохотать полошадиному, а гувернантка надѣдала ей своимъ ворчаньемъ, старчествомъ и тупостью. Лидія Михайловна занималась дѣтми только *въ возможности*, а не въ суровой дѣйствительности.

XXXIX.

Когда Горшковъ вошелъ съ Борисомъ въ залу, они нашли тамъ Петиньку и нѣмца Келлера. Петинька поражалъ своей долговзой фигурой, огромными совиными глазами и вѣчно раскрытыи ртомъ, откуда, какъ два клыка, торчали передніе зубы. Волосы у него были рыжіе, и зачесаны въ большіе виски. Безснѣный костюмъ Петиньки, составлялъ чорный полуфракъ (каше шють барчонкамъ въ періодъ отъ 13—16 лѣтъ) и жилеть въ желтаго пике.

Нѣмецъ Келлеръ, маленькая сухая фигурка, въ узенькихъ панталонахъ и бѣломъ галстухѣ, былъ органистъ, при лютеранской церкви; но пилилъ и на віолончели. За неимѣніемъ лучшаго, онъ участвовалъ во всѣхъ музыкальныхъ упражненіяхъ дилеттантовъ, и отличался тою глупостью, которая особенно поражаетъ иногда нѣмецкихъ ремесленниковъ-музыкантовъ.

— Здравствуй Петинька, какъ поживашь? — крикнулъ Горшковъ и пихнулъ Петиньку въ животъ.

— Ха-ха-ха! разразился Петинька своимъ лошадинымъ смѣхомъ. Ахъ! Телепневъ, и ты...

— Да, и я, Петинька, — проговорилъ Борисъ, подавая ему руку; вѣтхаль на тебя взглянуть.

— Ха-ха-ха! — отвѣчалъ Петинька. Мы тріо сегодня!

— Знаю, знаю.

— Геръ Келлеръ, ви бейнденъ зи зихъ? — спросилъ Горшковъ, органиста.

— O! ganz wohl! — отвѣтилъ тонконогіи нѣмецъ.

— Ундъ васъ верденъ виръ продуциренъ? — спросилъ еще разъ Горшковъ.

Никого замѣлялся очень глупо, но ничего не отвѣчалъ.

— Петя, — крикнулъ Горшковъ, что стоитъ пяти-копѣчная булка?.. Не знаешь? а вѣдь это всякій дуракъ знаетъ.

— Ха-ха-ха! — разразился Петинька.

— Къ тапан можно? — спросилъ его Борисъ.

— Можно, можно. Петинька, къ довершенію другихъ качествъ, шешелявилъ и картавилъ на разные лады.

— Идемъ къ *принцессѣ*, — шепнулъ Горшковъ, Борису. Онъ всегда такъ звалъ Лидію Михайловну.

Они прошли неосвѣщенную гостиную и вступили въ кабинетъ, весь заставленный мебелью и множествомъ зелени. Въ комнатѣ было очень темно и душно. Синій фанарчикъ бросалъ тяжелый, блуждающій свѣтъ. Налѣво отъ входа, въ бесѣдкѣ изъ плюща на диванѣ, *возлежалась*, какъ выражался Горшковъ, Лидія Михайловна. По бокамъ дивана стояли двѣ статуи, скрывая въ зелени свои обнаженные прелести. При блуждающемъ освѣщеніи можно было все-таки разглядѣть, что цвѣтъ лица хозяйки не уступалъ въ бѣлизнѣ цвѣту стыдливыхъ статуй. Лидія Михайловна поражала громадностью формъ. Грудь ея была обширна, голова очень велика, глаза *бычьи*, какъ ихъ называлъ Горшковъ, крупный носъ и чувственный широкій ротъ. Нетрудно было видѣть что покрывало щоки и лобъ Лидіи Михайловны. Ея огромные черные глаза были подкрашены на углахъ, и подъ нижними вѣками. Прическу Лидія Михайловна носила взбитую, очень высокую, покрывалась всегда косынкой, изъ-подъ которой падали, довольно еще густые, черные волосы.

На этотъ разъ Лидія Михайловна драпировалась горностаевой мантилей.

Она была не одна; подлѣ нея на низкомъ креслѣ помѣщался жиденькій господинъ, съ впалыми щеками, множествомъ морщинъ, съ сильной просѣдью на головѣ и широкихъ, короткоподстриженныхъ бакенбардахъ. Господинъ держалъ въ правомъ глазу фиксъ. Отложные воротнички, безукоризненной бѣлизны, придавали ему видъ какой-то комической молоджавости. Это былъ губернский прокуроръ, большой умникъ и бонмотистъ, съ государственной рѣзкостью рѣчей, какъ большинство правовѣдовъ, служащихъ въ провинціи. Лидія Михайловна боялась его языка и очень заискивала въ немъ. Это не мѣшало, однакожъ, прокурору разсказывать — въ какихъ отношеніяхъ находится тонная вдова къ

очень нетонному жандармскому капитану изъ нѣмецъ, котораго она принимала только запросто, какъ увѣрять прокуроръ.

Борисъ и Горшковъ, приблизившись къ дивану, гдѣ волежала Телянина, поклонились скромно, какъ благовоспитанные мальчики.

— Ah! bonjour messieurs, — пропѣла Лидія Михайловна, разбитыиъ, но густымиъ голосомъ. *La santé de m-g votre père?* — обратилась она къ Борису.

— *Toujours mal.* — отвѣчалъ онъ взглянувши на прокурора, который ему слегка поклонился.

— Ah! que c'est facheux! но я очень рада васъ видѣть, вы со-всѣмъ забыли моихъ дѣтей. При этомъ вдова взглянула на красивое лицо Бориса, съ тѣмъ сластолюбиемъ, съ какимъ старикашки лорнируютъ тандовщицъ. Ну, а вы, м-г. Горшковъ, что вы вамъ нынче сыграете?

— Нынче Надежда Петровна будетъ играть, — отвѣтилъ Горшковъ — она разучила бетховенское *Grand trio*.

— Да, я знаю, но и вы вамъ сыграете что-нибудь изъ своего. *Quelle talent éminent!* — изрекла Лидія Михайловна обратившись къ прокурору.

Горшковъ поморщился.

— Вотъ м-г. Горскинъ — продолжала Телянина — очень мало слышалъ васъ.

М-г. Горскинъ стряхнулъ свой фиксъ и взглянулъ милостиво на Горшкова.

— Я надѣюсь, что вы еще не привыкли *faire le difficile?* — пропѣдилъ онъ, едва разжимая губы.

— Я такъ часто играю здѣсь, что еще успѣю вамъ надоѣсть, — отвѣтилъ Горшковъ.

— А вы можете начать, — запѣла Лидія Михайловна. *Nadine* кончила, я думаю, урокъ своей. Мы сперва отсюда слушаемъ. *Et vous, m-g Telepneff; est ce que vous avez totalement abandonné la musique?*

— Non, madame; mais le temps me manque — отвѣтилъ Борисъ.

Прошло секунды три въ молчаніи, послѣ чего молодые люди разсудили удалиться; а вдова, величественно кивнувъ имъ головой, начала что-то вполголоса разсказывать прокурору.

— Аудіенція кончена, — проговорилъ Горшковъ, идя черезъ гостиную, — мальчиковъ обласкали и отпустили, только пряничка недоставало.

— И все она со своимъ французскимъ языкомъ, — замѣтилъ Борисъ.

— Нельзя, братъ; она только на *парле франсе* и держится; безъ этого она образъ и подобіе Божіе теряетъ.

— Еще сильнѣе начала притираться.

— Мастадонъ, — завершилъ Горшковъ.

— Какъ, какъ Валерьянъ?

— Мастадонъ, допотопное животное, и въ тебя-то какъ впи- лась. Ужь погоди, Боря, ты ей попадешься въ руки.

Въ залѣ было свѣтлѣе, на пьянино стояли двѣ свѣчи; возлѣ поставленъ былъ низенькій пюпитръ, и Петинька съ Келлеромъ настраивали инструменты.

— Петя, — крикнулъ Горшковъ, — я пойду въ классную, на минутку; еще сестра твоя не готова. Пойдемъ курить, Боря.

— Они вышли въ корридоръ, и Горшковъ отворилъ дверь въ продолговатую комнату, куда нужно было спуститися двѣ ступеньки.

Классная занята была большимъ столомъ и огромнымъ диваномъ. На стѣнѣ висѣли распisanія уроковъ, и похвальный листъ, который Петинька получилъ въ первомъ классѣ. Таковое чудо совершилось потому, что въ этотъ годъ Лидія Михайловна принимала у себя въ домѣ попечителя округа, прїѣзжавшаго ревизовать гимназію.

— Надъ простенкомъ чугуныимъ каминномъ висѣла лампа.

Ни Горшковъ, ни Борисъ дома не курили, — не отъ того, что были стѣснены, а такъ, не приходило на умъ.

Борисъ зажогъ спичку.

Въ эту минуту отворилась стклянная дверь, завѣшенная извнутри красной тафтой, которая вела въ комнату гувернантки.

Вошла Надя, а за нею миссъ Бересфордъ, или миссъ Чортъ, какъ ее называлъ Горшковъ.

Борисъ потушилъ спичку.

Горшковъ, немножко пошкольнически спряталъ между пальцевъ папироску.

Надя вышла и сейчасъ же улыбнулась, увидѣвъ двухъ друзей.

Ей было лѣтъ пятнадцать; но на видъ казалось больше. Она наследовала отъ матери большой ростъ, крупныя формы и черты. Лицо у ней было полное, съ немного пухлыми щеками. Цвѣтъ кожи прекрасный; большой правильный лобъ и темно-сѣрые глаза съ прїятнымъ разрѣзомъ вѣкъ, что-то смѣлое и

нѣсть очень мягкое было въ ея лицѣ. Густыя темнокаштановые волосы заплетены были въ косички. На Надѣ ловко сидѣло сѣренькое платье съ пелеринкой, и довольно короткой юбкой, изъ-подъ которой виднѣлась крупная, но изящная нога, въ козловой ботинкѣ.

— Здравствуйте, Борисъ Николаичъ, — сказала она какимъ-то удивленнымъ и радостнымъ голосомъ... что-это вы пропали?

— Здравствуйте, Nadine, — отвѣтилъ Борисъ и взялъ ее за руку. Англичанка при этомъ поморщилась.

— Ну вотъ, привезъ вамъ, барышня, пріятеля вашего — началъ Горшковъ... Вы хоть мнѣ за это спасибо скажите... Онъ со мною затворникомъ живетъ, насилью затащилъ ..

Надя опустила свои густыя рѣсницы, и потомъ довольно смѣло взглянула сперва на Горшкова, потомъ на Бориса.

— Пойдемте въ залу, — сказала она...

— Will you play together? — произнесла миссъ.

— Yes, my dear, отвѣтила кротко Надя и пошла впередъ.

Горшковъ подлетѣлъ къ англичанкѣ.

— Какъ ваше драгоценное здравіе, май диръ? еще изволите свидѣтствовать?

Старуха сморщилась, и, чмокнувъ губами, что-то такое промышляла. — Она похожа была на сушеное яблоко: подбородокъ ея выдался, на щекахъ краснѣли жилки; ртомъ она точно жевала жвачку.

Борисъ раскланялся съ ней не такъ *кавалерственно*, какъ Горшковъ.

— How are you? — сказалъ онъ ей.

— Thank you, — прошептала старуха.

Борисъ, бывая у Теляниныхъ, началъ болтать поанглійски. Они отправились въ залу.

— Научи ты меня, Боря, какому нибудь ругательному слову поанглійски, — шепталъ Горшковъ на уху Борису... А заговѣтилъ какъ Надя-то обрадовалась?

— Ахъ ты презрѣнный рабъ!... рыба! сказалъ онъ громко...

Надѣ сходила къ матери на аудіенцію и вернулась.

Петинька и Келлеръ уже устѣлись за пюпитръ, одинъ противъ другого. Горшковъ раскладывалъ ноты.

Борисъ подошелъ къ Надѣ.

— Что это вы, Nadine, со мной переиониться начали? — сказалъ

онъ, смотря ей въ глаза, — зачѣмъ это вы меня Борисъ Николаичъ зовете; я просто Боря.

Надя сперва помолчала; а потомъ отвѣтила:

— Какъ же можно?.. вы ужь больнои.

— Чтожь такое, и вы большая...

— Ахъ, не говорите Борисъ... Борисъ Николаичъ...

— Да зачѣмъ же поправляться?..

— Не говорите, что я большая... маман меня каждый день все упрекаетъ... que je me rose en grande demoiselle... А вы все дома съ рара... онъ очень боленъ? Мнѣ м-г Горшковъ про васъ рассказываетъ. — Надя немного покраснѣла. — А играть мы ужь не будемъ съ вами? — спросила она.

— Вотъ, какъ павенькѣ будетъ получше, тогда мы съ вами опять начнемъ музыканить...

— Пожалуйста!.. вырвалось у Нади, и это «пожалуйста» было такъ хорошо сказано, что Борису очень захотѣлось взять Надю за руку.. Онъ быдо и протянулъ руку, да подошла англичанка и чмокая сказала Надѣ:

— Will you begin?

— Yes mydear, — опять такъ же кротко отвѣтила Надя и пошла къ пьяннино, а за ней Борисъ.

— Ну, барышня, заговорилъ Горшковъ — ноты и вамъ разложилъ, какъ-то у насъ сойдеть тріо.

— Дурно сойдеть, — отвѣтила улыбаясь Надя...

— Ну, дурно-недурно, это вы изволите скромничать. Andante пойдетъ прекрасно; финалъ похуже... слишкомъ спокойно будетъ; но все-таки хорошо. Садитесь-ка.

Надя неторопливо сѣла, всѣ ея движенія и манера говорить были довольно медленны и необыкновенно плавны.

— Ты смотри у меня, Цетя, крикнулъ Горшковъ; какъ сфальшивишь, такъ за правое ухо ущипну, канифолинь-ты такъ, что у теби точно телѣга скрипучая...

— Ха-ха-ха! — разразился Цетя.

— Геръ Келлеръ... крикнулъ Горшковъ нѣмцу, который при-нородливался къ какой-то аппликатурѣ... шпиденъ зи нихъ зо... и онъ началъ махать пальцемъ, ви ейцъ машина... фершгейцъ зи?

— Ja, Ja, отвѣтилъ нѣмецъ, съ глупѣйшей мишой.

Надя тихо разсмѣялась и переглянулась съ Борисомъ.

— Ну, барышня, съ Богомъ! Герръ Келлеръ!... ейнт, швей, дрей! Горшковъ хлопнулъ. Начали тріо. Онъ сталъ около Нади и

смотрѣлъ ей въ ноты, переворачивая листы. Надя играла спойно; но съ толкомъ, сильно, точно помужски, отгнѣвая очень хорошо переходы изъ piano въ forte.

Келлеръ замоталъ головой и завылъ на своей желтой, пухотой виолончели, какія обыкновенно бываютъ въ странствующихъ вѣтецкихъ оркестрахъ.

Петя сонъ, топалъ ногой тактъ, срывался и безпрестанно передергивалъ скрипку. Смычекъ у него, въ самомъ дѣлѣ, дралъ вешилосердце.

Миссъ Бересфордъ усѣлась какъ-то въ комокъ на стулѣ, въ углу; задремала и зачмокала. Борисъ отошелъ поодаль отъ пьянино, за этажерку, и смотрѣлъ на Горшкова и на Надю.

Добродушное, юное лицо Горшкова, съ вихромъ, приняло волусерьганный видъ; но съ губъ не сходила его неистощимая улыбка. Ему пріятно было стоять около своей ученицы, поглядывать на нее какимъ-то лукавымъ взглядомъ и слѣдить за ея ушной игрой.

Когда начали *andante*, изъ гостиной выплыла Лидія Михайловна съ прокуроромъ. Она расположилась на одномъ изъ дивановъ, а прокуроръ подошелъ сперва къ пьянино, посмотрѣлъ въ свой фиксъ на ноты, Надю и Горшкова, и вернулся къ Лидіи Михайловнѣ.

Она въ тактъ покачивала головой вправо и влѣво, и покровительственно улыбалась.

Лидія Михайловна имѣла неизмѣримую претензію — понимать серьезную музыку, хотя Горшковъ и увѣрялъ, что ее въ молодости учили играть на органѣ, да и то оказалась неспособной.

— *Que c'est beau!* — восклицала хозяйка, покачивая головой въ тактъ. *M-g Keller, n'est ce pas que c'est beau?..*

— *Ja, ja,* — отвѣчалъ Келлеръ, также покачивая головой въ тактъ.

Лидія Михайловна ни слова не знала погнѣцки, а Келлеръ вофранцузски; и каждый разъ они дѣлились такимъ способомъ своими впечатлѣніями.

Тріо кончалось. Хозяйка вдоволь уже намоталась головой. Петинька вдоволь нафальшивился. Борисъ стоялъ все облокотясь объ этажерку, и задумался, ни на кого не глядя.

— Баринъ, пожалуйста, — проговорилъ тихонько Вася, взявши его за рукавъ.

— Что тебѣ? — отозвался Борисъ, быстро обернувшись.

— За вами прислали, пожалуйста въ переднюю...

Борисъ вошелъ за Васей. Одинъ Горшковъ замѣтилъ это и обернулся. За нихъ обернулась и Надя и пропустила одинъ тактъ.

Вдова продолжала качать головой, а прокуроръ внушительно зѣвалъ.

Борисъ вышелъ въ переднюю.

Тамъ предстала предъ нимъ глупая физиономія буфетчика Митьки, очень встревоженная, въ шинели.

— Пожалуйте, баринъ, домой-сь, — проговорилъ онъ торопливо.

— Что случилось? спросилъ Борисъ и сердце у него ёкнуло.

— Папенькѣ дурно-сь... за батюшкой послали-сь... я вотъ за вами побѣжалъ-сь; да на дорогѣ дрожки повстрѣчалъ...

Борисомъ овладѣло ужасное безпокойство. Можетъ быть въ эту минуту... мелькнуло у него. Онъ какъ-то судорожно обернулся и сказалъ Васѣ :

— Вынеси мою фуражку; она тутъ около ширмъ.

Вася побѣжалъ въ залу.

— Когда папенькѣ сдѣлалось дурно?

— Какъ проснулись... сперва ничего, только кашляли; а тамъ Яковъ выбѣжалъ... васъ папенька хватились... очень ужъ схватило... и за батюшкой... карету закладывать...

— Подай мнѣ шинель... Спасибо, Вася, — говорилъ отрывисто Борисъ, беря фуражку изъ рукъ мальчика.

Въ эту минуту выбѣжалъ Горшковъ.

— Что такое, Борисъ?

— Отецъ умираетъ, прощай, — отвѣтилъ Борисъ, и бросился на крыльцо.

Онъ вскричалъ Теофана, вскочилъ на дрожки, возлѣ него помѣстился Митька, держась въ лакейской позѣ. Саврасая вятка пустилась почти вскачь.

Ночь сдѣлалась еще свѣтлѣе. Звонко отдавались рысь лошади и стукъ дрожекъ.

Борисъ молчалъ; ему не хотѣлось спрашивать; онъ точно боялся извѣстія о смерти отца. Онъ мысленно успокаивалъ себя; что можетъ быть это *такъ*, припадокъ, какъ часто бывало съ отцомъ... И вдругъ ему стало стыдно. — Отецъ умираетъ, а я въ гостяхъ, музыкой занимаюсь, болтаю вздоръ, — повторялъ онъ. Не могъ посидѣть нѣсколько часовъ дома... И какой-то необычайной новостью показалась для него мысль о смерти; хотя онъ ее ожидалъ каждый день. Неужели же его не будеть? спра-

ивалъ онъ; и войдетъ совѣтъ другая жизнь.... Страшно, страшно было Борису, и онъ нервически вздрагивалъ, поглядывая по сторонамъ.

Вотъ уже повернули на большую улицу; вотъ красный дождь въ три окна... еще два шага—и прѣехали.

Еще сильнѣе ёкнуло у Бориса внутри, когда савраска съ трескомъ влетѣла въ ворота.

XI.

Борисъ быстро вошелъ въ переднюю, и не замѣчая кто у него снятъ шинель, почти бѣгомъ очутился въ бильярдной; дверь въ спальню была отворена.

Тамъ была совершенная тишина.

Больной желалъ на спинѣ, съ неподвижными глазами и всё тло его колыхалось... Подлѣ него, въ креслахъ, новый докторъ, въ какой-то неопредѣленной позѣ, положивши одну руку на востель.

Бабинька, въ ногахъ, наклонившись. Маша и Амаля Христофорова въ углу за бюро. У притолки Яковъ, чего никогда не случалось съ нимъ. — Борисъ, на ципочкахъ приблизился къ кровати... Бабинька сдѣлала движеніе, точно желая оттолкнуть его, и сурово на него взглянула.

Больной приподнялся и схватилъ сына за руку.

— Боря, — пробормоталъ онъ тяжело... Больше онъ ничего не могъ выговорить.

Борисъ, какъ стоялъ около кровати, такъ и застылъ въ одной позѣ. Съ напряженнымъ чувствомъ смотрѣлъ онъ на умирающаго, и ловилъ слова его.

Больной смлился говорить; хотѣлъ, какъ будто, рассказать предъ смертью, длинную повѣсть, которую хоронилъ при жизни; но было уже поздно...

И Борису съ каждой минутой становилось больнѣй! Ему казалось, что весь образъ умирающаго отца, и всё эти люди, и вся комната—одинъ живой упрекъ ему... за то, что онъ опоздалъ, что не пришолъ вовремя услышать послѣднія слова отца.

Больной опять опустился и впалъ въ полную неподвижность...

Борисъ взглянулъ на доктора; тотъ сдѣлалъ ему знакъ—отойти отъ кровати.

Въ передней раздался шумъ, Яковъ вышелъ, и черезъ минуту вернулся доложить, что «батюшку привезли».

Всѣ вышли изъ спальни... Борисъ встрѣтилъ старичка свя-

щенника, съ дарами, у дверей въ корридорѣ. Старичокъ, съ византійскимъ окладомъ лица, въ ризѣ, съ чашей въ рукахъ и освѣщенный свѣчей, которую несъ за нимъ причетникъ—распространялъ какой-то особый церковный воздухъ, и совѣтъ новое на строеніе навѣялъ онъ на Бориса.

— Пожалуйте, батюшка,—могъ только проговорить Борис священнику и указалъ ему на дверь въ спальню.

Яковъ притворилъ дверь за священникомъ и всѣ стали около бильярда, обратившись лицомъ къ спальней.

Пелагея Сергѣевна стояла у одной изъ колоннъ, вся сгорбишись и крестилась.

Борисъ держалъ за руку Машу... Маша дрожала, поминутно взглядывала на брата, и потомъ вдругъ, тихо заплакавъ, опустилась на колѣни и сложила ручки на груди. вмѣстѣ съ ней стал и Борисъ, и, наклонивъ голову, простоялъ такъ до того момента: когда дверь изъ спальни отворилась и появился опять священникъ.

Это не была молитва, это было скорѣй порываніе куда то. растворенное состояніе молодого сердца, которое впервые переживаетъ, вполне сознательно, фактическое, а не вымышленное горе.

Бабынька что-то такое сказала священнику и ушла съ нимъ въ залу. Борисъ бросился въ кабинетъ, вмѣстѣ съ Машей докторомъ.

Больной сидѣлъ въ кровати, взглядъ былъ свѣжѣе... Какъ только показался Борисъ, онъ подождалъ его рукой и совершенно внятно сказалъ:

— Прощай, Борисъ... Господь съ тобой... пора умирать.

Подошла Маша и бросилась цѣловать его руки.

— Ея любви,—прошепталъ умирающій и, поднявши руки, обнялъ дѣтей, опустивши на нихъ голову... Черезъ нѣсколько секундъ онъ поднялъ ее и прошепталъ:

— Гдѣ матушка... проститься съ ней...

— Яковъ,—сказалъ Борисъ,—позови... Пелагею Сергѣевну.

Когда она вошла, умирающій долго смотрѣлъ на нее потомъ протянулъ къ ней руку, и какъ-то страшно, дико ее смотрѣлъ. Не то страхъ, не то упрекъ совѣсти видѣнъ былъ въ его потухавшемъ взглядѣ...

— Николинъка,—вскричала старуха, и этотъ крикъ былъ тотъ какой-то двкій... Невозможно, чтобъ въ ней не говорило чу-

ство; но звукъ голоса бабыньки напоминалъ только жесткія слова и жолчныя сныпы.

Старуха нѣсколько разъ поцѣловала сына и повторяла все: Николаишка.

Больной молчалъ. Онъ не просилъ у матери прощенія; онъ тихо молча говорилъ ей, что смерть все искупаетъ, и нельзя же теперь измѣнить ничего.

Эта нѣмая сцена вышла лучше, чѣмъ можно бы было ожидать. Прошло еще двѣ-три минуты—и больной впалъ въ безсмысленность. Онъ задыхался, раздалось предсмертное хрипѣніе.

Какой-то страхъ сжалъ сердце Бориса, и онъ, стоя у кровати, вздрагивалъ и томительно оглядывался.

Когда священникъ прочелъ отходную, пролетѣла еще минута мученія, боли, агоніи, и Николая Дмитрича не стало.

Борисъ до послѣдняго мгновенія все держалъ руку умирающаго и поддерживалъ его голову. Онъ первый почувствовалъ, что рука охладѣла, и голова, отяжелѣвъ, скатилась на подушку.

Докторъ взглянулъ на умершаго, покачалъ головой и сказалъ возгнательно: скончался.

Пелагея Сергѣевна не заплакала; но она долго смотрѣла на сына, потому бросилась вонъ изъ спальни.

Борисъ остался одинъ съ Машей. Маша громко плакала и припала къ брату. Борисъ вдругъ почувствовалъ какое-то новое одиночество и безпомощность.

Вошелъ Федоръ Петровичъ. За нимъ послалъ еще самъ Николай Дмитричъ. Онъ опоздалъ пятью минутами и засталъ уже трупъ. Молча взглянулъ онъ и на покойника и на Бориса, молча подалъ руку доктору.

— Федоръ Петровичъ, — сказалъ ему Борисъ, — ради Бога, расчистите вы.... Бабушка не можетъ ни во что вмѣшиваться, вы знаете... вотъ тутъ деньги на похороны, и Борисъ указалъ на бюро.

— Хорошо, я знаю, — отвѣтилъ Федоръ Петровичъ своимъ спокойнымъ голосомъ.

Онъ подалъ Борису руку и проговорилъ: о чемъ меня просилъ вашъ батюшка—все сдѣлаю... бабушку вы оставьте въ покоѣ.... надо вотъ прежде спальню очистить и запереть.

Федоръ Петровичъ вынулъ изъ кармана связку ключей

— Это отъ бюро, — сказалъ онъ. — Мы его сейчасъ припечатаемъ... Позовите женщину какую нибудь потолковать...

— Яковъ, сходи за Мироновой, — сказалъ Борисъ.

Федоръ Петровичъ припечаталъ бюро. Потому онъ востылся съ докторомъ и впроговорилъ: завтра по мнѣ вриѣжайте.

Докторъ ушолъ. Борисъ хотѣлъ что-то сказать Федору Петровичу, но совсѣмъ позабылъ.

— Спокойно спончался? — спросилъ его новый опекунъ.

— Спокойно, — отвѣчалъ Борисъ и тутъ же вспомнилъ, что онъ хотѣлъ сказать.

— Федоръ Петровичъ, промолвилъ онъ, какъ же вы бюро-то запечатали; вѣдь нужны будутъ деньги на похороны.

— Я изъ своихъ пока... Теперъ нечего брать... Мы спальню и бюро откроемъ послѣ всего, послѣ похоронъ... тогда ужъ это сдѣлаешь; а теперъ нечего тревогу подымать... Бабушку вашу не тормошатъ, да и покойный такъ просилъ меня...

Борисъ промолчалъ.

Федоръ Петровичъ говорилъ съ необыкновеннымъ хладнокровіемъ; но рѣчь его не была суха. Борису стало гораздо легче съ той минуты, какъ онъ вришолъ.

А Маша продолжала все плакать... Борисъ сѣлъ на вресло и посадилъ ее къ себѣ на колѣни.

— Борисъ... шептала дѣвочка, мнѣ страшно... папы мѣтъ... вотъ и ты умрешь... и я одна останусь...

Федоръ Петровичъ подошолъ къ ней и погладилъ ее по головѣ.

— Не плачьте, — сказалъ онъ, улыбаясь; — больше ужъ никто не умретъ.

Явилась Миронова и еще нѣсколько женщинъ, вмѣстѣ съ Яковомъ. Федоръ Петровичъ приказалъ приготовить въ залѣ столъ и, одѣвши покойника, вынести его изъ спальни сейчасъ же.

Борисъ вмѣстѣ съ нимъ и съ Машей вышолъ въ бильярдную.

— Знаете что, — сказалъ ему Ланнвъ, — ступайте-ка вы наверхъ къ себѣ... вотъ и Машу-то уведите; она здѣсь все будетъ плакать...

— Пойдемъ, Маша, на верхъ, сказалъ Борисъ сестрѣ.

— Она ничего не отвѣчала и прижалась къ нему. Борисъ взялъ ее на руки и пошолъ.

— Я зайду къ Нелагеѣ Сергѣевичъ, — впроговорилъ Федоръ Петровичъ.

— Пойдите вмѣстѣ, — сказалъ Борисъ и спустилъ Машу на полъ.

Они вышли въ корридоръ. Пронзыгнула Физка.

— Что бабушка? — спросилъ Борисъ.

— Богу молятся, отыѣтила наперстница.

— Ну и пускай ее молятся, — промолвилъ Федоръ Петровичъ, — вы идите-ка... Вы и такъ надорвались... Онъ протянулъ руку Борису.

Что-то очень хорошее было на его угрюмомъ лицѣ.

— Благодарю васъ, — проговорилъ Борисъ тронутымъ голосомъ.

— Не за что, батюшка, не за что!... Что съумѣю — выполню... Сорваться со мной не будете... Покойной ночи... Я у васъ побуду еще часокъ-другой... за дѣлечкомъ нужно послать, покровъ нужно... Это ваша нянька, что-ли, старушка-то?

— Да, няня, Федоръ Петровичъ.

— Она толковая, кажется. Такъ вотъ я уже ей накажу приглядѣть сегодня... ступайте, завтра я рано буду... распорядиться всѣмъ надо.

Федоръ Петровичъ пошелъ въ спальню; а Борисъ, взявши Машу на руки, началъ подыматься по лѣстницѣ.

Маша всхлипывала и дрожала. Борисъ цѣловалъ ее и успокоивалъ; но она все повторяла: папа умеръ и ты умрешь... Онъ привелъ дѣвочку въ ея комнату; тамъ еще утѣшалъ ее до тѣхъ поръ, пока она, утомленная слезами, не заснула на его рукахъ.

Долго онъ держалъ спящую *сестренку*; точно отеческое чувство согрѣвало его, и ему не было уже такъ страшно.

Въ своей комнатѣ Борисъ бросился на кровать одѣтый, но ни на минуточку не могъ заснуть. Внизу слышались шаги. На что начинала снова нападать тоска. Онъ пошелъ внизъ; но на площадкѣ остановился и вздрогнулъ: въ эту минуту изъ бильярдной въ залъ переносили покойника на рукахъ.

Борисъ ощутилъ какое-то дѣтское чувство страха и взбѣжалъ на лѣстницу.

— Пойти въ бабушкинъ? — спросилъ онъ себя. Не могу... я ей неадекватенъ. И вдругъ мелькнула у него мысль, что завтра, можетъ быть, прійдетъ та, съ которой начнется новая жизнь.. И съ этой мыслью заснулъ Борисъ въ ночь смерти своего отца.

XLI.

Утромъ рано Борисъ сошелъ въ залу. Какъ живо припомнились ему лица дѣдушки и матери! они также лежали на этомъ столѣ. И всѣ три смерти слились для него въ одинъ образъ.

Въ залѣ было холодно. Покойникъ лежалъ, весь блѣдный и прозрачный, на простой подушкѣ, и покрытъ былъ ненаряднымъ покровомъ, взятымъ, на время, изъ церкви.

Борису сдѣлалось ужасно жалко, когда онъ подошелъ ближе къ покойнику; именно жалко, а не больно. Но плакать онъ не могъ, горе не было для него свѣжо, впечатлѣнія притупились отъ постоянной картины страданія.

Въ домѣ началась точно праздничная суетливость... Изъ передней то и дѣло проходили лакеи... изъ корридора выглядывали старухи, крестились и болтали въ полголоса... Дьячокъ читалъ псалтырь черезъ-чуръ громко и бойко, и поминутно встряхивалъ своими космами.

Когда Борисъ осмотрѣлся въ залѣ, онъ почувствовалъ, что сдѣлался хозяиномъ, что нужно ему распорядиться, а у него нѣтъ ни охоты, ни умѣнья.

Борисъ подумалъ и о бабушкѣ. Ему стало жалко ее. Въ эту минуту она вошла въ залу. Лицо ея очень измѣнилось, скулы еще больше выдались; она была непріятнѣе на видъ, чѣмъ прежде.

Приблизившись къ покойнику, она обняла его руками, и судорожно вздрогнувши, глухо заплакала, потомъ опустилась на колѣни.

Борисъ подошелъ къ ней, желая ее придержать. Бабушка сухо взглянула на него, и ничего не сказала. Перекрестившись нѣсколько разъ, она поднялась, отошла къ стѣнѣ и сѣла. Физика стала передъ ней.

— Бабушка, — сказалъ Борисъ, подойдя къ Пелагеѣ Сергѣевнѣ, — вамъ тяжело будетъ распорядиться похоронами. Федоръ Петровичъ беретъ все это на себя.

— Оставьте меня въ покоѣ, — прошептала Пелагея Сергѣевна, — что я такое здѣсь?... что хотите дѣлайте... и она замолчала.

Борису сдѣлалось непріятно, что онъ сказалъ объ этомъ бабушкѣ. Онъ не хотѣлъ отстранять ее отъ распоряженій, но не могъ разрушить въ ней убѣжденіе, что она теперь въ домѣ ничего не значитъ.

А Пелагея Сергѣевна заключилась въ свою желчь и притихла такъ, какъ она могла притихнуть по своей натурѣ.

Когда явился Федоръ Петровичъ, онъ очень спокойно раскладывался съ бабушкой, объявилъ ей, что чтеніе завѣщанія лучше

будетъ сдѣлать послѣ похоронъ, предложилъ свои услуги, и бабышка отвѣтила ему тоже, что и Борису.

Борису не хотѣлось очень шумныхъ, церемонныхъ похоронъ.

— Фодоръ Петровичъ, — сказалъ онъ Лапину, — нужно ли разсылать приглашенія?

— Нужно-съ, — рѣшилъ Лапинъ. — Отецъ вашъ не разночинецъ такой, — сдѣлаемъ все прилично.

Борисъ не сталъ возражать ему. Онъ видѣлъ, что Фодоръ Петровичъ сказалъ это не по тщеславію, а по искреннему убѣжденію.

— Ужъ вы не беспокойтесь, — добавилъ Лапинъ, — все будетъ какъ слѣдуетъ...

И дѣйствительно, все было какъ слѣдуетъ; и началась та сцена, какая обыкновенно бываетъ въ большихъ домахъ, по случаю похоронъ.

Явились разные гостинодворцы съ кусками парчи; разложили ихъ въ гостиной, пошолъ торгъ; а тамъ шитье покрыва, пльть-съ, бѣготня, уставленіе гроба... и все это длилось три дня...

Во всѣ эти дни Борисъ или ходилъ по залѣ съ Машей, или всталъ вмѣсто дьячка, когда тотъ обѣдалъ, или отправлялся къ себѣ на верхъ... Онъ не обѣдалъ съ бабушкой; да и почти не присаживался... Какая-то постоянная тревога жила въ немъ... и вѣдъ вечеръ онъ чувствовалъ ужасную усталость въ ногахъ...

Два раза въ день были панихиды.

Наканунѣ похоронъ, за вечерней панихидой, Борисъ стоялъ въ темномъ углу, ни на кого не глядя, и когда онъ поднялъ голову, онъ увидалъ, въ числѣ другихъ посѣтителей, Надю съ матерью, и подлѣ нихъ Горшкова.

Горшковъ заходилъ къ нему нѣсколько разъ; но на службѣ онъ не являлся. Борисъ очень обрадовался Надѣ. По окончаніи панихиды, онъ подошелъ къ ней. Она давно его искала глазами, и не стѣняясь даже присутствіемъ *мастадона*, пожала ему руку съ большимъ участіемъ.

— Спасибо, что пришли помолиться, — тихо проговорилъ ей Борисъ, и отдалъ поклонъ маменькѣ. Маменька пропѣла какую-то жалостную фразу на французскомъ діалектѣ, и подошла къ бабынкѣ, которая очень сурово ее встрѣтила.

— Это вы привезли маманъ сюда? — спросилъ Надю Борисъ.

— Да, я попросила, — отвѣтила Надя своимъ мягкимъ голосомъ.

Я, тогда такъ испугалась, когда вы отъ насъ уѣхали вдругъ...

— И трио не кончили, замѣталъ Горшковъ...

— Да, мы ужъ больше тогда не играли. И Надя еще разъ взглянула на Бориса... Какая ваша бабушка...

— Что, договаривайте... вставилъ Горшковъ.

— Страшная, — выговорила Надя, и тихо прибавила, — мнѣ вашу сестру ужасно жалко... Надѣ хотѣлось сказать, что ей жалко Бориса.

Маша стояла въ сторонкѣ, и плакала. Надя, вмѣстѣ съ Борисомъ и Горшковымъ подошла къ ней, нагнулась и поцѣловала ее.

— Вы меня це знаете, а я васъ очень люблю, — сказала она дѣвочкѣ.

Мастадонъ приблизился и далъ знакъ дочери удалиться. Борисъ проводилъ ихъ, и еще разъ, на прощаньи, пожалъ руку Нади.

— Экая славная дѣвушка, — вырвалось у Горшкова... Вѣдь такъ, Боря?

— Да, славная, — повторилъ съ грустной улыбкой Борисъ, и, простившись съ Горшковымъ, пошелъ къ себѣ на верхъ.

. XLII.

День похоронъ былъ особенно томителенъ для Бориса. Онъ хотѣлъ быть одинъ; ему хотѣлось помолиться за отца—онъ не могъ.

Набралосьна роду на выность, — такихъ физіономій, которыя никогда и не бывали въ большомъ динкомъ домѣ. Тотъ же самый частный приставъ, который распоряжался на покоронахъ дѣдушки, явился опять, въ той же, кажется, трехугольной шляпѣ, съ вѣчной жалостливой улыбкой и скромной лысиной. Бабушкѣ не водили, она сама ходила; лицо ея было кисло. На отпѣваньи она не вроронила ни слезинки и смотрѣла совершенно посторонней.

Еще тяжелѣе было Борису въ церкви. Онъ стоялъ у гроба, смотрѣлъ на свои плезезы и держалъ за руку Машу. Дѣвочка перестала плакать. Она успокоилась, и какъ-то особенно кротко смотрѣла и на брата, и на покойника, и на все, что было вокругъ ея въ церкви.

Но молиться Борисъ все-таки не могъ. Священникъ произнесъ длинное слово; Борисъ не услшалъ этого слова. Улыбка скользила по его губамъ. Только ему одному во всей этой церкви и

было извѣстно, что уместъ съ собой одеждъ, и что онъ оставилъ... и Борису хотѣлось сказать: батюшка, зачѣмъ вы затрогиваете, отъ чего уже такъ много наболѣла душа... И почти безстрастно отдалъ Борисъ послѣдній поцѣлуй покойному.

Бабышка не поѣхала на кладбище.

Процессія потянулась. Былъ грязный, сумрачный день. Борисъ съ Федоромъ Петровичемъ шли всю дорогу пѣшкомъ. Наконецъ явились Горшковъ и Абласовъ, и пошли вѣстѣ съ Борисомъ на кладбище.

Священниковъ было много, былъ и архимандритъ, и архіерей-сіе пѣвчіе и толстый соборный протодьяконъ. Дорогой Борисъ заговорилъ съ товарищами, но что онъ говорилъ—онъ самъ хорошенько не зналъ... Звуки собственного голоса долетали до него такъ же отрывочно, какъ пѣніе пѣвчихъ, лѣниво тянувшихъ: Святый Боже, святый крѣпкій, святый безсмертный

Горшковъ не старался развлекать Бориса... Только его веселая добродушная фэзіономія не подходила къ похоронной процессіи. Абласовъ былъ серьезенъ, какъ всегда.

На кладбищѣ у Бориса также ёкнуло сердце, какъ въ ту минуту, когда онъ пріѣхалъ домой отъ Теляниныхъ. Маша стояла подлѣ него на краю могилы и сильно плакала. Въ первый разъ Борисъ почувствовалъ слезы на глазахъ, и, взявши сестру, онъ почти бѣгомъ бросился съ кладбища, сѣлъ съ Машей въ карету, и всю дорогу проплакалъ...

Дома онъ съ какимъ-то отвращеніемъ посмотрѣлъ на длинный столъ, накрытый на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ гробъ... Борисъ легъ въ своей комнатѣ на кровать, а Маша сидѣла на диванѣ и потихоньку всхлипывала.

Пришла Мироновна. Старушка въ бѣломъ каленкоровомъ платкѣ и черномъ платкѣ смотрѣла такъ же добродушно-лукаво, какъ всегда.

— Не пойдешь обѣдать?—спросила она у Бориса.

— Нѣтъ, няня, не могу я идти,—отвѣтилъ онъ... Я-и ѣсть не хочу.

— Какъ не хочешь, все надо чего нибудь. А вамъ, барышня?—обратилась она къ Машѣ.

Маша ничего не отвѣтила, а только встала, и, подошедши къ кровати Бориса, уткнула голову въ подушку.

— Вы мнѣ скажите, когда захочете кушать, сказала мнѣ обоимъ Мироновна; а мнѣ еще визитъ нужно.—Мироновна ушла.

— Затѣмъ это тамъ объѣдаютъ, Боря? спросила дѣвочка, сквозь слезы...

— Имъ ѣсть хочется, дружокъ, — проговорилъ Борисъ, и долго онъ ласкалъ Машу, не говоря ей никакихъ утѣшеній.

А внизу былъ говоръ. Священники вернулись съ похоронъ. Поднялась бѣготня, стукъ тарелокъ, громкіе разговоры... Въ обѣдъ припималъ необыкновенное участіе какой-то сладкій господинъ, съ длинными височками. Съ покойнымъ онъ никогда и знакомъ не былъ; но съелъ долгомъ явиться обѣдать. Кажется и Ѳедоръ Петровичъ не зналъ кто это такой.

Потомъ Борисъ услыхалъ громъ стульевъ.... и вслѣдъ за тѣмъ минутъ черезъ десять, пѣніе... Это ему показалось очень страннымъ. Онъ сошелъ внизъ...

Въ залѣ убирали со стола. Двери въ гостиную были отворены. Служанки стояли въ дверяхъ, а посрединѣ гостиной протодьяконъ. На овальномъ столѣ, поставленномъ въ уголъ подъ образъ, помѣщалась большая миска. Всѣ черпали оттуда, пили и пѣли молитвы...

Борисъ не зналъ этого обряда. Онъ сейчасъ же, незамѣченный, ушелъ опять къ себѣ на верхъ.. и томительно ждалъ минуты, когда все утихнетъ...

Маша все сидѣла у него на диванѣ и, глядя на нее, онъ еще разъ заплакалъ такъ же горячо какъ въ каретѣ, на дорогѣ съ кладбища.

Внизу начало стихать.

— «Слава Богу», — подумалъ Борисъ... Въ эту минуту вошелъ къ нему Ѳедоръ Петровичъ. Борисъ вскочилъ съ кровати.

— Я къ вамъ вотъ съ чѣмъ, — проговорилъ Лапкинъ, и подаль Борису письмо съ черной печатью.

Борисъ увидалъ на штемпелѣ: Москва. Черная печать его испугала.

— Это изъ Москвы, отъ тетушки? — спросилъ онъ... и потомъ успокоивая себя, онъ проговорилъ: она, вѣдь, въ траурѣ.

— Прочтите, — сказалъ Ѳедоръ Петровичъ. Борисъ быстро сорвалъ печать и прочелъ громко:

«Сегодня я пишу вамъ нѣсколько строкъ, другъ мой, а завтра выѣзжаю. Я была очень больна; но какъ только силы мои немного возстановились, я хочу ѣхать къ вамъ, исполнить всѣ желанія ваши, не боясь и не смущаясь ничѣмъ. Точно новой жизнью пахнули на меня ваши теплыя слова. Вы мнѣ даете вы-

сокую цѣль, за которую я, какъ сестра и другъ, благодарю васъ. Черезъ нѣсколько дней мы увидимся, я обниму дѣтей вашихъ, горячо хотѣла бы и вамъ принести исцѣленіе... Господь съ вами. Сестра ваша Софья.»

— Она, можетъ быть, завтра пріѣдетъ, — сказалъ Федоръ Петровичъ, — или, много, послѣзавтра.

— Да... я ей хочу мою компану отдать, — сказалъ Борисъ торопливо.

— Ну, слава Богу, что она жива и здорова, а объ этомъ завтра... Миѣ нужно внизъ... Вы оставайтесь здѣсь. — Федоръ Петровичъ, уходя, очень мягко взглянулъ на Бориса.

Когда Борисъ остался одинъ съ Машей, онъ обнялъ ее и сказалъ:

— Не плачь, Маша, тетушка пріѣдетъ и будетъ тебя любить.

Маша вдругъ успокоилась. А Борисъ и съ тревогой и съ отчаяннымъ чувствомъ началъ думать о Софьѣ Николаевнѣ и открывающейся новой жизни.

Что бы ни предстояло ему, но прошлое отошло назадъ, старое не могло повториться; и какъ ни искренна была грусть Бориса, онъ все-таки чувствовалъ, что больше жизни будетъ вперед!..

Петръ Боборыкинъ.

С.-Петербургъ.

ИЗЪ БАЙРОНА.

(А. М. Леонтьевой).

Когда безмолвные, въ минуты разставанья,
Съ слезами горькими, съ безумною тоской,
Съ полуразбитыми сердцами отъ страданья,
На долгие года прощались мы съ тобой,—
Блѣдна и холодна была твоя ланита,
Прощальный поцѣлуй былъ холоднѣй,
И, кажется, въ тотъ часъ мнѣ въ нихъ была открыта
Вся горькая судьба моихъ грядущихъ дней.

И въ этотъ часъ роса спадала зарева,
Холодной влагою чело мое кропя,
Она вонзалася въ меня, предвозвѣщая
Все то, что чувствуетъ теперь душа моя.

И вотъ нарушены обѣты всѣ тобою.
О пустотѣ твоей вездѣ молва гремитъ,
И если имя я твое услышу—мною
Овладеваютъ вдругъ тоска и жгучій стыдъ.

Да, если я его услышу гдѣ невольно,
Какъ погребальный звонъ въ ухахъ звенить оно,
И пробѣгаетъ дрожь, и стыдно мнѣ и больно—
Зачѣмъ любить тебя мнѣ было суждено.

Они не знаютъ,—нѣтъ, не знаютъ эти люди,
Что знаю я тебя, что связь межъ нами есть...
О, долго вылетать изъ этой будутъ груди
Проклятья... но какъ ихъ ужасно произнести!

Мы тайно встрѣтились; въ безмолвіи, объятый
Тоской безумною, скорблю я, полный думъ,
О томъ, что вѣтренной душой задѣть могла ты,
И что употребить во зло умѣлъ твой умъ.

Но если суждена намъ встрѣча небесами,—
Намъ не выдавшимся такъ много, много лѣтъ, —
Что я скажу тебѣ?—Молчаньемъ и слезами
Тебѣ пошлю я мой привѣтъ!...

И. ГРЕКОВЪ.

СОВРЕМЕННАЯ ЛЪТОНИСЬ.

НОВЫЯ СВЪДЪНІЯ О РУССКОМЪ РАСКОЛѢ.

1. Описаніе нѣкоторыхъ сочиненій, написанныхъ русскими раскольниками въ пользу раскола. Записки Александра Б. Спб. 1861 года.

2. Житіе протопода Аввакума, имъ самимъ писанное. Издано подъ редакцію Н. С. Тихонравова. Спб. 1861 года.

3. Раскольничья дѣла XVIII столѣтія, извлеченныя изъ дѣлъ Преображенскаго приказа и тайной розыскныхъ дѣлъ канцеляріи Есиповымъ. Спб. 1861 года.

4. Раскольническая Библиографія Павла Любопытнаго. Москва. 1861.

Вышедшія въ прошломъ году сочиненія, заглавія которыхъ мы выписали, различныя по объему и внутреннему достоинству, но однородныя по своему предмету, предлагаютъ читающему обществу много новыхъ и занимательныхъ свѣдѣній объ одномъ изъ самыхъ важныхъ и любопытнѣйшихъ явленій въ исторіи русской церкви и русскаго народа. Двѣсти лѣтъ прошло уже со времени происхожденія русскаго раскола; во все это время и мірская, и духовная власть не переставали принимать различныя мѣры къ его искорененію; испытывали всякій образъ дѣйствій: то наказывали отсѣченіемъ хульнаго языка и другими муками и лишеніями гражданскихъ правъ, какъ напримѣръ, во время Петра I, Екатерины I, Анны Іоанновны; то обращались къ отлѣвшимся отъ церковнаго общенія съ кроткими увѣщаніями и приглашали безъ всякаго страха предстать предъ лицо духовной власти съ своими недоумѣніями, чтобы, изслѣдовавъ истину дѣла, виждѣть изыскивать средства, какъ бы положить конецъ

вредному раздѣленію и враждѣ, въ которой живутъ дѣти одного и того-же отечества; таковы были дѣйствія временъ Екатерины II и Александра I. Кромѣ мѣръ, чисто правительственныхъ, которыя въ дѣлахъ совѣсти вообще рѣдко бывають успѣшны, постоянно испытывались и другія средства, совершенно различные предмету. Съ конца XVII-го, въ теченіе всего прошлаго и текущаго столѣтія, до самыхъ нашихъ дней, духовные и мірскіе писатели не переставали и теперь не перестаютъ собирать и совокуплять въ систему разнородныя доказательства противъ ученій, лежащихъ въ основаніи раскола. Многія изъ полемическихъ сочиненій, направленныхъ противъ раскола, отличаются замѣчательною ученостью и содержатъ въ себѣ весьма богатый запасъ для основательнаго учено-богословскаго спора. Однако ни жестокости Петра, ни кроткія мѣры екатерининскаго времени, ни достоинства и обиліе полемическихъ сочиненій противъ раскола не въ силахъ были положить конецъ раздѣленію умовъ въ народѣ. Расколъ и донынѣ продолжаетъ свое существованіе, и нѣтъ видимыхъ причинъ думать, что миръ его съ Церковію послѣдуетъ скоро и даже что онъ когда-либо послѣдуетъ. По всему этому, казалось бы, нужно предполагать въ основаніи этого раздѣленія какія-либо важныя разности въ существенныхъ богословскихъ или церковныхъ вопросахъ; между-тѣмъ, мы очень хорошо знаемъ, что разности, положившія начало отдѣленію раскольниковъ отъ церковнаго общества, относятся только къ обрядовой части вѣроисповѣданія, и притомъ, къ самымъ неважнымъ ея подробностямъ, которыя сами по себѣ не имѣютъ существеннаго значенія.

Не странное ли явленіе? Изъ-за того только, что вышло отъ церковной власти повелѣніе, вмѣсто двуперстнаго сложенія, впредь въ знаменіе креста употреблять трехперстное, а благословляющему священству — именованное; вмѣсто семи просфоръ, на совершеніи литургіи употреблять только пять; вмѣсто того, чтобы, при совершеніи брака и освященіи церкви, ходить посолонь, впредь ходить противъ солнца; вмѣсто сугубой аллилуіи, пѣть и читать аллилуію три раза; вмѣсто неправильнаго изображенія имени Спасителя *Исусъ*, впредь писать и произносить *Иисусъ*, и т. п. — словомъ, только изъ-за этихъ и тому подобныхъ разностей въ содержаніи незначительныхъ обрядовъ и начертаніи словъ, весьма замѣтная часть народа рѣшилась не только отдѣлиться отъ цер-

ковнаго общенія, но и пребывать внѣ этого общенія, не смотря на строжайшія мѣры мірской власти, подвергавшія непокорныхъ неизреченнымъ истязаніямъ въ страшныхъ застѣнкахъ Преображенскаго разсыльныхъ дѣлъ приказа. Мало того; противники упомянутыхъ церковныхъ исправленій не только выносили дыбу, встряску и всё одному аду приличныя муки, которыми предавали ихъ Бутурлины, Толстые, Ушаковы и другіе усердные палачи времянь Петра, Екатерины и Анны; но въ религиозномъ изступленіи они изобрѣли неслыханное ученіе о самоубійствѣ, какъ о единственномъ средствѣ спасти душу отъ козней міра, надъ которымъ возобладалъ уже, по мнѣнію ихъ, давно предсказанный и наконецъ явившійся въ міръ противникъ Христа—человѣкъ погибели. Цѣлыми толпами собиравсь они въ свои избы, обкладывали ихъ удобосгараемыми вещами и сожигали себя съ женами и «сущими младенцы», лишь бы только избыть отъ мученій, а еще болѣе отъ прельщеній антихриста. Страшно подумать, что даже въ наши дни, когда не только нѣтъ поминна ни о пыткахъ, ни о казняхъ, но когда и самыя незначительныя ограниченія гражданскихъ правъ раскольниковъ не пользуются сочувствіемъ образованнаго большинства, этотъ ужасный обычай еще не окончателно истребленъ: не болѣе двухъ лѣтъ назадъ, а можетъ быть и менѣе (хорошо не упомнимъ), въ олонецкой губерніи, по увѣщанію одного фанатика, погибли самосожженіемъ около двадцати человѣкъ.

Что же думать о такомъ странномъ явленіи? Исторія религиозныхъ заблужденій, расколовъ, ересей и т. п. показываетъ, что во всѣхъ странахъ и во всё времена, воспаленный борьбою религиозный фанатизмъ порождалъ явленія странныя и дикія; что предметамъ спора, не имѣющимъ особаго значенія, придавалась несвойственная имъ важность; что рѣки крови проливались и, что еще важнѣе, единодушныя прежде общества навсегда раздѣлялись на нѣсколько взаимно-враждебныхъ становъ изъ-за недоразумѣній, которыя, какъ видимъ теперь мы, безстрастные судьи совершившихся историческихъ событій, могли бы, при здоровомъ и спокойномъ состояніи умовъ, такъ легко разъясниться. Все это бывало вездѣ и всегда; но, сколько извѣстна намъ исторія Христіанства, кажется, нигдѣ и никогда причины раздѣленія и въ послѣдствіи непримиримой вражды между раздѣлившимися сторонами не были до такой степени незначительны, какъ у насъ.

Всюду и всегда предлогомъ къ раздѣленію была разность въ разумѣніи какого-либо догматическаго или, по крайней мѣрѣ, значительнаго каноническаго вопроса, способнаго возбудить къ дѣятельности мысль, дающаго просторъ соображеніямъ и выводамъ. У насъ же раздѣленіе основывалось на нѣкоторыхъ особенностяхъ грамматическаго сочетанія или орфографическаго начертанія словъ, на разности перстосложенія, на числѣ просфоръ и тому подобныхъ предметахъ. Когда, во второй половинѣ прошлаго столѣтія, прибылъ въ Россію, именно въ Новороссійскій край, знаменитый въ исторіи нашей іерархіи и литературы Никифоръ Θεотоки и, нашедши въ своей епархіи нѣсколько слободъ поповщинскаго согласія, естественно захотѣлъ изслѣдовать основанія, по которымъ эти слободы остаются внѣ общенія съ нимъ, какъ съ православнымъ архіереємъ, онъ, какъ человѣкъ новый, былъ пораженъ изумленіемъ и жалостью, узнавъ, въ чемъ дѣло.

Еще разительнѣе то обстоятельство, что тѣ же самые предметы, изъ-за которыхъ, повидимому, произошло раздѣленіе и вражда, которымъ въ разгоряченной полемикѣ придавалось столь великое и существенное значеніе, по поводу которыхъ даже возложена была на раскольниковъ клятва знаменитаго московскаго собора 1666—1667 годовъ,—тѣ же самые предметы, при миротворномъ направленіи церковной власти и самѣхъ раскольниковъ не только были освобождены отъ осужденія и клятвы, но разрѣшены и даже благословлены къ употребленію и признаны хотя неправильными, но непрепятствующими церковному общенію между тѣми, которые въ своихъ понятіяхъ о тѣхъ предметахъ различествуютъ. Единовѣрческая церковь, которой основанія начертаны въ извѣстныхъ шестнадцати пунктахъ митрополита Платона 1800 г., получила разрѣшеніе употреблять двуперстное сложение, сугубить аллилуію, служить обѣдню на семи просфорахъ, ходить посолонь, совершать богослуженіе по старопечатнымъ книгамъ,—вообще, разрѣшеніе на все то, что дотошъ почиталось не безразличнымъ, какъ оно есть на самомъ дѣлѣ, а содержащимъ въ себѣ великое заблужденіе. И не только обращающимися къ общенію съ церковію раскольникамъ доставлено право содержать исчисленныя и имъ подобныя особенности старыхъ обрядовъ, но и сами представители православной церкви, совершая службу въ церквахъ единовѣрческихъ, не находятъ для своей совѣсти никакого препятствія въ употребленіи дву-

верснаго сложенія , старопечатныхъ богослужебныхъ книгъ и т. п. Въ бесѣдѣ къ братьямъ святаго храма святителя Николая, что въ Рогожскомъ, сказанной митрополитомъ московскимъ Филаретомъ 13 мая 1856 года, читаются слѣдующія замѣчательныя слова:

«Никто да не мнитъ видѣть раздѣленіе въ томъ, что въ церкви вашей слышатся нѣкіе особенные звуки слова, видятся нѣкоторыя особенныя подробности обрядовъ. Строго судили о семъ, когда съ симъ соединено было *противленіе* священной власти... Но гдѣ, по предварающей благодати Божіей и по дѣйствию благонамѣренности и добраго разсужденія, нѣтъ противленія, а есть сердечное расположеніе къ миру и благодатному единству; гдѣ притомъ есть уже единство вѣры въ священные догматы и таинства: тамъ сему внутреннему единствію можетъ ли препятствовать нѣкоторое разнообразіе внѣшнее?»

«Вы принимаете въ руководство священныя и церковныя книги въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ были во дни первыхъ пяти патріарховъ російскихъ. Мы приимаемъ въ руководство священныя и церковныя книги въ томъ видѣ, какой онѣ получили во времена постѣдующихъ пяти патріарховъ и св. Синода...

«Но тѣ и другія книги прославляютъ Единую Пресвятую Троицу; и тѣ, и другія возвѣщаютъ единую вѣру Господа и Спаса нашего Иисуса Христа; и тѣ, и другія предлагаютъ, для освященія нашего, благодатную силу однихъ и тѣхъ же семи таинствъ...

«И поелику въ церковныхъ книгахъ, преимущественно вами чтимыхъ, вижу едину и ту же, какъ въ исправленныхъ, вѣру, таинства и церковь: то, по благословенію Святыя Апостольскія Церкви, *въ миръ вашей и моей совѣсти, читаю въ вашей церкви ваши церковныя книги и исполняю принадлежащія имъ особенности священнослужебнаго чина и обрядовъ, и не обинуясь, говорю: никто да не мнитъ видѣть раздѣленіе въ томъ, что въ церкви вашей слышатся нѣкіе особенные звуки слова, видятся нѣкоторыя особенныя подробности обрядовъ*»*.

И такъ очевидно, что сущность дѣла какъ для Церкви, такъ и для раскола, не въ томъ или другомъ содержаніи маловажныхъ обрядовъ, не въ томъ или другомъ видѣ священныхъ и

* «Свѣдѣнія о единовѣрческихъ церквахъ,» и т. д. изданіе В. А. Сопѣлкина. Москва. 1858 г. Лист. 40—42.

богослужебныхъ книгъ, но въ *противеліи*. Вотъ душа и жизнь раскола! вотъ что вдохновляло его послѣдователей бросать дома, уходить въ непроницаемыя дебри, покидать отечество, терпѣть пытки, четвертованія и колесованія, сожигать себя съ женами и «сущими младенцы». Тѣ, которые, не зная близко исторіи и духа раскола, думаютъ объяснить всѣ явленія его посредствомъ народнаго невѣжества и суевѣрія, по нашему мнѣнію, далеко отстоятъ отъ истиннаго воззрѣнія на это дѣло. Нѣтъ спора, что недостатокъ книжнаго образованія въ народѣ и сопряженная съ этимъ недостаткомъ склонность къ суевѣрію должны быть постоянно въ виду у тѣхъ, которые стараются изучать расколъ и уразумѣть причины его успѣховъ; но ограничиться этими причинами, при объясненіи происхожденія и исторіи раскола, никто не долженъ, если не хочетъ самъ подвергнуться упреку въ невѣжественномъ и поверхностномъ взглядѣ на историческія событія. Между тѣмъ опасности такого ошибочнаго заключенія у насъ подвержены весьма многіе, такъ какъ до послѣдняго времени литература наша не представляла для изученія раскола почти ничего, кромѣ обличительныхъ противъ него сочиненій, въ которыхъ расколъ является, конечно, съ самой слабой стороны.

Чтобы точнѣе уразумѣть сущность и истинный характеръ раскола, необходимо обратиться къ безпристрастному изученію его исторіи, и въ историческихъ обстоятельствахъ, породившихъ расколъ и сопровождавшихъ его развитіе, открыть истинный и вѣрный смыслъ этого сложнаго и еще мало разъясненнаго явленія. Опытъ такого историческаго изслѣдованія сдѣланъ г. Щаповымъ *; и хотя ученая критика можетъ указать на довольно значительные недостатки въ этомъ произведеніи, но во всякомъ случаѣ надобно помнить, что это есть первый въ своемъ родѣ опытъ, хотя и не чуждый ошибокъ, но весьма замѣчательный и имѣющій право на общее вниманіе.

«Предлагаемое сочиненіе», говоритъ г. Щаповъ въ предисловіи своего опыта, «не болѣе, какъ первая попытка—раскрыть историческія причины появленія и распространенія въ Россіи раскола старообрядства. И издается оно собственно не для ученыхъ специалистовъ, а больше для неученой публики; по-

* Русскій расколъ старообрядства, разсматриваемый въ связи съ внутреннимъ состояніемъ русской церкви и гражданственности въ XVII вѣкѣ и въ половинѣ XVIII. А. Щапова. Казань. 1859 года.

тому мы желали бы отъ критики не столько строгаго суда о недостаткѣ въ нашемъ сочиненіи новыхъ фактовъ и выводовъ, о его необработанности и неразвитости высказанныхъ въ немъ мыслей, сколько исправленія ошибокъ, выполненія недостатковъ, указанія опущенныхъ нами сторонъ и фактовъ.»

Самъ г. Щаповъ откровенно сознаетъ несовершенство своего сочиненія и скромно проситъ помощи отъ безпристрастной и просвѣщенной критики. Но критика тогда только можетъ оказать свою помощь г. Щапову и вообще послужить разъясненію исторіи раскола, когда ознакомится съ нею изъ тѣхъ донинѣ обществу мало вѣдомыхъ источниковъ, которые скрываются въ секретныхъ отдѣленіяхъ различныхъ архивовъ и въ многочисленныхъ сочиненіяхъ расколоучителей. И тотъ и другой разрядъ источниковъ для изученія исторіи раскола до послѣдняго времени былъ намъ почти вовсе неизвѣстенъ, и только съ легкой руки г. Александра Б., издавшаго въ прошломъ году «Описание нѣкоторыхъ сочиненій, написанныхъ русскими раскольниками въ пользу раскола», появились у насъ, благодаря предпринимчивости г. Кожанчикова, и другія по этому предмету сочиненія и официальные акты, содержащія въ себѣ свѣдѣнія необычайной важности и занимательности.

Намъ случилось слышать отъ людей, достойныхъ впрочемъ всякаго уваженія, что обнародованіе раскольническихъ сочиненій и официальныхъ актовъ, подобныхъ тѣмъ, которые собраны и изданы, при посредствѣ г. Кожанчикова, г. Есиповымъ, можетъ будто-бы имѣть вредныя послѣдствія, съ одной стороны, способствуя легкому распространенію въ народѣ ложныхъ ученій, съ другой, привлекая невольное сердечное участіе къ представителямъ раскола, пострадавшимъ за свои мнѣнія и претерпѣвшимъ муки, превышающія слово и исполняющія всякое честное сердце глубокаго и непримиримаго негодованія. Такого рода опасеній, признаемся, мы раздѣлять не можемъ.

Напротивъ, мы питаемъ полную увѣренность, что изданія г. Александра Б., г. Есипова и имъ подобныя, лишь бы въ нихъ не было ничего намѣренно направленнаго противъ истины, не только не произведутъ никакихъ неблагоприятныхъ для Церкви или общества послѣдствій, но принесутъ даже великую пользу, раскрывъ истинный видъ еще недостаточно познаннаго историческаго явленія и обнаруживъ въ дѣйствіяхъ минувшаго времени такіа ошибки, отъ какихъ и донинѣ слѣдуетъ предохра-

нять неумѣренную или непросвѣщенную ревность. Вотъ почему мы почитаемъ справедливымъ выразить свое сочувствіе тѣмъ, которые потрудились надъ обнародованіемъ неизвѣстныхъ читающему обществу произведеній и дѣлъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ свою надежду, что исчисленными въ оглавленіи нашей статьи изданіями не окончится столь хорошо начатое дѣло, и что послѣдующія такого рода изданія будутъ предприняты въ духъ того же безпристрастія и съ тѣмъ же исключительнымъ намѣреніемъ—представить прошедшее не подъ какимъ-либо условнымъ угломъ зрѣнія, а въ его истинномъ видѣ, и тѣмъ послужить не раздраженію, а умиротворенію страстей.

Книги, появленіе которыхъ въ печати подали поводъ къ составленію настоящей статьи, касаются разныхъ сторонъ раскола и переносятъ насъ въ различныя эпохи его исторіи. Такъ, «Житіе протопопа Аввакума», изданное г. Тихонравовымъ, и «Записки» г. А. Б. знакомятъ насъ съ тѣми лицами и съ сочиненіями тѣхъ лицъ, которыя впервые подняли знамя раскола и имена которыхъ тѣсно связаны съ историческимъ вопросомъ о исправленіи книгъ при Никонѣ патріархѣ, слѣдовательно съ вопросомъ о *происхожденіи раскола*. Раскольничьи дѣла XVIII столѣтія, обнародованныя г. Есиповымъ, въ весьма живыхъ чертахъ изображаютъ намъ другую важнѣйшую въ исторіи раскола эпоху, эпоху страшную для раскольниковъ и въ отношеніи къ ихъ отдѣленію отъ Церкви, быть можетъ не менѣе роковую, чѣмъ первая. Эти дѣла, относящіяся преимущественно ко времени Петра Великаго и отчасти первыхъ его преемниковъ, разъясняютъ вопросъ о томъ: какое вліяніе на расколъ и на отношеніе его къ Церкви и мірскому правительству имѣла дѣятельность преобразователя, измѣнившаго въ Россіи и государственные порядки, и весь строй общественной и даже частной жизни, коснувшагося и образа церковнаго управленія, и внѣшняго вида своихъ подданныхъ, — словомъ, нажившаго на все, отъ великаго до малаго, въ жизни русскаго народа печать своего личнаго произвола и вкуса. Наконецъ Каталогъ или бібліотека старовѣрческой церкви, собранный тщаніемъ Павла Любопытнаго, знакомитъ насъ съ литературною дѣятельностью одной отрасли раскола, извѣстной подъ именемъ безпоповщины, за все прошлое столѣтіе и за первую четверть текущаго вѣка, представляя такимъ образомъ намъ возможность ближе уразумѣть и точнѣе опредѣлить вопросъ о свойствѣ и степени раскольническаго про-

сѣщеніи, о пространствѣ той умственной и нравственной области, въ которой заключила ихъ вражда съ одной стороны противъ Церкви и противъ истинно древняго и истинно православнаго ученія вѣры, съ другой стороны противъ европейскаго просвѣщенія и съ нимъ насильно вводимыхъ перемѣнъ во всѣхъ отрасляхъ общественной и частной жизни русскаго народа. Мы нагнѣрены остановить вниманіе читателя на каждомъ изъ означенныхъ вопросовъ и надѣемся, съ помощью новонаданныхъ сочиненій, которыхъ заглавія выписаны въ началѣ нашей статьи, сообщить по каждому изъ этихъ вопросовъ нѣсколько новыхъ и, думаемъ, не лишонныхъ любопытства замѣчаній. Начнемъ, конечно, съ перваго, то есть съ вопроса о происхожденіи раскола.

Не думаемъ показаться нашимъ читателямъ странными, если скажемъ, что вопросъ о происхожденіи русскаго раскола доселѣ не разрѣшонъ еще въ нашей литературѣ удовлетворительнымъ образомъ, несмотря на то, что рѣшеніемъ этого вопроса занимались многіе ученые и даровитые люди нашей литературы.

Конечно, всѣ согласны въ томъ, что расколъ произошолъ отъ предпріятія патріарха Никона исправить церковныя книги и нѣкоторые внѣшніе обряды благочестія; не можетъ никто разногласить и въ томъ, кто были главными дѣйствующими лицами въ этомъ историческомъ происшествіи и т. п. — словомъ, не спорятъ только о самыхъ общихъ чертахъ этого важнаго событія, положившаго черту раздѣленія между членами одного и того же, дотолѣ совершенно единодушнаго и единомысленнаго въ дѣлахъ вѣры, общества. Но во взглядѣ на смыслъ и характеръ событія, на личныя качества даже главныхъ дѣйствующихъ лицъ, на степень участія ихъ въ винѣ раздѣленія и, слѣдовательно, ответственности ихъ предъ судомъ безпристрастной исторіи, наши писатели далеко не сходятся и нерѣдко впадаютъ въ самыя рѣзкія другъ другу противорѣчія.

Къ удивленію и—нельзя не прибавить — къ немалому стыду для нашего времени есть еще такіе писатели, которые даже о самомъ исправленіи книгъ при патріархѣ Никонѣ, этомъ славномъ подвигѣ знаменитаго патріарха, отзываются съ непостижимымъ пренебреженіемъ и приписываютъ это предпріятіе самымъ незначительнымъ и презрѣннымъ побужденіямъ тщеславія. Въ одной, многими извѣстной, «Запискѣ о русскомъ расколѣ», писанной по порученію покойнаго министра внутреннихъ дѣлъ гр. Ланскаго, долгое время ходившей по рукамъ въ рукописи и наконецъ

появившейся въ печати, объ этомъ предметѣ выражено такъ мнѣніе:

«Не ограничиваясь нововведеніями въ гражданскомъ устройствѣ государства, Никонъ принялъ намѣреніе исправить цѣковныя обряды и переводъ богослужебныхъ книгъ. Подъ *влініемъ своей непреклонной воли* (?) онъ принялся за это дѣло помышляя о послѣдствіяхъ. Исправляя книги, онъ исправилъ ихъ далеко не до такой степени, чтобы онѣ могли считаться непогрѣшительными противу подлинниковъ».

«Нынѣ упогребляемая православною церковію пѣсни *сто же дурно переведены*, * какъ и цѣснопѣнія, употребляемыя раскольниками, а народомъ какъ тѣ, такъ и другія плохо принимаются. Особенной надобности въ исправленіяхъ не былъ Никонъ хотѣлъ только пощеголять знаніемъ грамматики и греческаго языка, и это щегольство породило въ Россіи опасную донныя снѣдающую ее язву, *представляемую* (sic!) расколомъ

Немного ниже авторъ Записки прибавляетъ:

« Не зная, какъ погубить врага своего, бояре воспользовались несчастною страстію его *пощеголять нововведеніями* распустили въ народѣ молву, что Никонъ вводитъ въ Россію новую вѣру и губитъ старую. Молва быстро распространила по Россіи и народъ возненавидѣлъ Никона, будучи возбуждаемъ своими попами, которые тоже ненавидѣли патріарха за его строгость къ испорченному въ нравственномъ отношеніи духовенству того времени».

Какъ ни привыкли мы къ легкому обращенію съ важными въ просахъ науки, примѣровъ которому въ нашей литературѣ послѣднее время было немного, но такая отвага, которую явилъ почтенный авторъ «Записки о русскомъ расколѣ», рѣшая такъ свободно, нѣсколькими строчками своего издѣлія, одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ въ исторіи нашего древняго просвѣщенія и рѣшая его вопреки всѣмъ историческимъ свидѣтельствамъ, якимъ, какъ день, и всѣмъ общепринятымъ, безспорнымъ мнѣніямъ признаемся, что такая отвага показала намъ достойною самого Чернышевскаго, съ которымъ, какъ извѣстно, никто еще доселѣ не равнялся въ презрѣніи къ фактическому знанію и къ обществу

Если бы автору «Записки» была, хотя слегка, извѣстна исторія книжнаго исправленія въ Россіи, онъ прежде всего пр

* Напримѣръ 9-я пѣснь канона на Рождество Христова: «Люби́ убо намъ» и многія другіе.

юмилъ бы, что дѣло этого исправленія не придумано патриархомъ Никономъ «для лучшаго» будто бы «удобства пощеголять знаніемъ грамматики и греческаго языка», но началось гораздо прежде рожденія Никона на свѣтъ и составляло всегда предметъ самаго живѣйшаго попеченія лучшихъ людей отечественной церкви; что забота объ этомъ дѣлѣ и въ древности почиталась, и донынѣ всѣми серьезными людьми почитается признакомъ самою чистой, вѣчнопамятной ревности о духовномъ просвѣщеніи страны. Для христіанскаго общества какая же можетъ быть большая и настоятельнѣйшая ученая или литературная нужда, какъ не та, чтобы имѣть свои священныя и богослужебныя книги въ наиболѣе исправномъ и слѣдовательно достойномъ ихъ видѣ?

Самымъ важнымъ дѣломъ духовнаго просвѣщенія въ періодъ патриаршества. — говоритъ ученый и многоуважаемый историкъ русской церкви — было исправленіе книгъ и обрядовъ церковныхъ. Этотъ подвигъ, какъ ни печальны обстоятельства его, былъ подвигъ самый блистательный по своему внутреннему значенію. *

Извѣстно при томъ, что дѣло книжнаго исправленія въ древней Россіи сопрягалось не только съ трудностями ученаго занятія, но и съ опасностями невѣжественнаго гоненія.

Какъ же авторъ «Записки» не уважилъ покрайнеймѣрѣ этихъ страданій, понесенныхъ поборниками просвѣщенія отъ грубыхъ защитниковъ буквы и всякой умственной неподвижности? И какъ онъ не сообразилъ того, что, отвергая нужду въ исправленіи книгъ при Никоноѣ патриархѣ, онъ становится на сторону невѣжества и застоя, не находя въ глазахъ безпристрастнаго критика даже того условнаго оправданія, которое могутъ имѣть въ этомъ отношеніи лично-огорченные патриархомъ Никономъ Аввакумъ, Лазарь и Никита, а затѣмъ уже несвѣдущіе ихъ послѣдователи?

Но авторъ «Записки» безъ сомнѣнія скажетъ намъ, что онъ выразился такимъ образомъ не противъ дѣла книжнаго исправленія вообще, а только противъ предпріятія Никона. Быть-можетъ, онъ повторитъ то же, что постоянно слышится изъ устъ самихъ раскольниковъ, именно, что книги были уже исправлены Максимомъ Грекомъ, Діонисіемъ и въ особенности предшественникомъ Никона, патриархомъ Іосифомъ? Но чтѣ извини-

* Ист. Рус. Церк. Пер. IV. стр. 199.

тельно людямъ мало ученымъ, не знакомымъ съ первыми основаніями грамматики, и при томъ обязаннымъ предъ своимъ исповѣданіемъ всѣми мѣрами опровергать достоинство Никоновскаго исправленія, того мы не можемъ простить человѣку, который хотя и не имѣетъ точнаго понятія о предметѣ своего разсужденія, но не лишонъ, по видимому, общаго образованія и потомъ имѣетъ лишнія, сравнительно съ старовѣрами, средства судить о дѣлѣ правильнѣе, узнать по крайней мѣрѣ сужденія о немъ людей науки и, что всего важнѣе, ничѣмъ не обязывается какъ кажется, имѣть непремѣнно то, а не другое мнѣніе.

Максимъ Грекъ, по прибытіи въ Москву, нашолъ наши боголюбивыя служебныя книги въ весьма печальномъ состояніи. «Здѣсь в Руси, замѣчалъ онъ, книги не прямы, а иные книги переводчики перепортили, ино ихъ надобно переводить». По волѣ Великаго князя опъ ревностно принялся за дѣло исправленія; но совершить его надлежащимъ образомъ онъ не успѣлъ, во первыхъ, потому что прибылъ въ Москву, не зная основательно славянскаго языка, во вторыхъ потому, что гнусныя интриги скоро положили преграду его многополезной дѣятельности. Извѣстно, что пр. Максимъ воспротивился беззаконному желанію Великаго князя развестись со своею неплодною женою, и что за то возсталъ на него и мірская, и духовная власть, прикрывъ истинную причину своего гнуснаго гоненія вымышленнымъ предлогомъ, будтобы Максимъ развращаетъ книги, вмѣсто того, чтобы исправлять ихъ. Считая излишнимъ распространяться о подробностяхъ этого всѣмъ извѣстнаго дѣла, припомнимъ только то, что, не смотря на совершенную его невинность, многими и въ то время сознаваемую, * его осудили, какъ еретика, богодухновенныя книги растлѣвающа, отлучили отъ причастія св. таинъ, даже запретили ходить въ церковь. Послѣ тридцатилѣтняго заключенія въ монастырской темницѣ, сперва у Іосифа Волоколамскаго, потомъ въ тверскомъ Отрочѣ монастырѣ, его перевели наконецъ на покой въ Троицкую лавру, гдѣ онъ и почилъ отъ трудовъ и гоненій. Зная эти обстоятельства, простиительно ли утверждать, вслѣдъ за несвѣдущими старовѣрами, что исправленіемъ книгъ, которое совершилъ Максимъ Грекъ, можно было удовлетвориться?

* Митрополитъ Іоасафъ писалъ ему: «узы твоя цѣлуемъ, яко единого отъ святыхъ, пособити же тебѣ не можемъ». Ист. Рус. Церк. Пер. III. стр. 165.

Уже послѣ исправленія, имъ совершеннаго, Стоглавъ жаловался на необыкновенную разность текста въ богослужебныхъ и вообще церковныхъ книгахъ и на крайнюю небрежность переписчиковъ:

«Божественныя книги, говорится въ Стоглавѣ, писцы пишутъ съ неправильныхъ переводовъ, а написавъ не правятъ же; описъ къ описи прибываетъ..... и по тѣмъ книгамъ въ церквахъ Божіихъ чтутъ и поютъ и учатся, и пишутъ съ нихъ. Что о семъ небреженіи отъ Бога будетъ по Божественнымъ правиламъ?» *

Избѣгая суда божественныхъ правилъ за небреженіе въ столь важномъ дѣлѣ, обратились къ пособію книгопечатанія, которое, конечно, значительно уменьшило разнообразіе и ошибки текста богослужебныхъ книгъ; при всемъ томъ стоитъ хотя самымъ поверхностнымъ образомъ сличить нѣсколько первопечатныхъ нашихъ книгъ, во первыхъ, между собою, во вторыхъ, съ книгами, позже исправленными, чтобы совершенно убѣдиться въ печальномъ состояніи этого дѣла при началѣ русскаго книгопечатанія и въ необходимости дальнѣйшаго исправленія богослужебныхъ книгъ.

«Но такъ велики были тогда бѣдствія Церкви, говоритъ упомянутый выше историкъ, что немного оставалось времени и свободы даже для простаго тиспенія — не только что для исправленія рукописей; а между тѣмъ тѣ, которые при пат. Іовѣ и Гермогенѣ занимались пересмотромъ рукописей для печати, не знали греческаго языка; потому провѣрка книгъ ограничивалась только сличеніемъ однихъ славянскихъ рукописей съ другими. Если даже на Югѣ, гдѣ исправленіе книгъ совершалось людьми образованными, хорошо знавшими греческій языкъ, *разлоясіе рукописей славянскихъ заставляло терять надежду видѣть когда-нибудь въ славянскихъ книгахъ лице правды*, то что могло выходить изъ московской типографіи? Такимъ образомъ весьма естественно, что какъ при патриархѣ Іовѣ, такъ и при Гермогенѣ чувствовали тяжесть ошибокъ, обременявшихъ письменныя книги, и сознавались, что очень много недостатковъ остается въ новыхъ печатныхъ книгахъ.» **

* Вопросъ V.

** Ист. Рус. Цер. IV. стр. 203—205.

Въ сознаніи многихъ несовершенствъ своего дѣла добро-совѣстные издатели того времени обращались къ читателямъ съ смиреннымъ моленіемъ не судить строго ихъ ошибокъ, но ради Бога исправлять къ общей пользѣ. Такъ, на примѣръ, въ послѣсловіи къ уставу 1610 года читаемъ:

«Милостивы намъ будите и не зазориви ума нашего немощи и недоразумѣнію. Сами же, сподобльшеся отъ Богатодавца большихъ дарованій духовныхъ, *исправляйте.*»

Во время *патріарха Филарета* дѣло исправленія книгъ также не было оставлено безъ вниманія; но при немъ были исправлены и въ исправленномъ видѣ изданы только нѣкоторыя книги, какъ то: *Требникъ, Уставъ и Служебникъ*. Особеннаго вниманія заслуживаетъ исторія исправленія *Требника*, которое было поручено знаменитому троицкому архимандриту *Діонисію* съ троицкимъ же старцемъ *Арсеніемъ Глухимъ* и съ *кlementьевскимъ священникомъ Иваномъ Насѣдкою*. Они не ограничились сличеніемъ однихъ славянскихъ рукописей, которыхъ было у нихъ въ распоряженіи до двѣнадцати, не соображались и съ греческими списками. Это основательное сличеніе показало имъ въ позднѣйшихъ спискахъ, а также и въ недавно изданномъ *Требникѣ* множество грубѣйшихъ ошибокъ, которыя, они, пимало не колеблясь, обличили и предположили исправить. Но извѣстно, какъ дорого обошлось имъ добросовѣстное исполненіе возложенной на нихъ обязанности. Въ 1618 году созванъ былъ соборъ для разсужденія о ихъ дѣлѣ и на соборѣ провозгласили ихъ еретиками.

«Архимандритъ *Діонисій*, приговорилъ соборъ, писалъ по своему изволу. И за то архимандрита *Діонисія*, да попа *Ивана* отъ Церкви Божіей и литургіи служити отлучаемъ, да не священствуютъ.» *

Первый годъ томили *Діонисія* въ тяжкомъ заключеніи, пока происходили совѣщанія собора, и только съ пришествіемъ въ Москву іерусалимскаго патріарха *Феофана* участь его облегчилась, то есть, его освободили изъ темницы; но совершенное оправданіе его послѣдовало не прежде, какъ по полученіи письменнаго удостовѣренія отъ восточныхъ патріарховъ въ правильности его соображеній. **

* Тамъ же. стр. 207.

** Въ извѣстной молитвѣ іерея на водоосвященіи въ навечеріе Богоявленія: «Самъ нынѣ Владыко, пріиди и освяти волю сію Духомъ

Такова была судьба просвѣщенныхъ дѣятелей, трудившихся надъ исправленіемъ книгъ при патріархѣ Филаретѣ Никитичѣ. Преемникъ его, Іоасафъ I, не предпринималъ по этому предмету ничего важнаго; въ его время не столько старались объ исправленіи уже изданныхъ богослужебныхъ книгъ, сколько о томъ, чтобы предать тисненію тѣ книги, которыхъ дотошъ еще не было вовсе въ печати.

Остается наконецъ до Никона одно только патріаршество Іосифа. Нѣтъ спора, что патріархъ Іосифъ съ большимъ усердіемъ занимался дѣломъ книжнаго исправленія; но дѣятельность его во многихъ отношеніяхъ не соотвѣтствовала важности и затруднительности предпріятія: во первыхъ и при немъ, какъ и при предшественникахъ его, исправленіе совершалось чрезъ сличеніе между собою однихъ славянскихъ списковъ и печатныхъ экземпляровъ, а греческіе списки, по незнакомству справщиковъ съ греческимъ языкомъ, были оставлены въ сторонѣ; нужно ли доказывать недостаточность подобнаго исправленія? Во-вторыхъ выборъ людей, сдѣланный патріархомъ Іосифомъ, не показалъ въ немъ большой проницательности: «справщики книгъ при патріархѣ Іосифѣ, говоритъ г. Нильскій въ своей прекрасной статьѣ о происхожденіи раскола *, по несомнѣнно дознаннымъ фактамъ, были люди не глубокаго ума, не большихъ свѣдѣній и кромѣ того люди, зараженные ошибочными мнѣніями». Въ-третьихъ, книги при немъ были исправлены, даже и въ той мѣрѣ, въ какой способны были ихъ исправить Аввакумъ, Лазарь, Никита и ихъ товарищи, далеко не всѣ. Слѣдовательно не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что преемникамъ Іосифа предлежалъ еще трудный подвигъ, достойный великаго ума и просвѣщенной ревности, подвигъ полнаго и возможно точнаго исправленія книгъ посредствомъ ученаго сличенія текста ихъ съ греческими подлинными списками и съ древнѣйшими образцами славянскихъ переводовъ. Что это было дѣйствительно такъ, то есть, что Никонъ въ дѣ-

Томъ Святыхъ», въ испорченныхъ требникахъ того времени, между прочимъ, и въ новонаданномъ читалась прибавка: и *огнемъ*. Діонисій и сотрудники его, усмотрѣвъ, что въ древнихъ исправныхъ спискахъ славянскихъ, равно какъ и въ греческихъ, бывшихъ у нихъ подъ руками, не было этой приставки, предположили ее опустить. Соборъ, судившій ихъ, заключилъ, что Діонисій Духа Святаго не исповѣдуетъ, яко огонь есть; народъ же кричалъ про него: «вотъ еретикъ! хочеть огонь изъ міра вывести».

* Ист. Р. Церк. Пер. IV. стр. 203—205.

** Христ. Чтен. 1861. февраль.

лѣ исправленія книгъ руководился сознаниємъ крайней въ томъ нужды и прямой своей обязанности, а отнюдь не желаниємъ пощеголять знаниємъ грамматики и греческаго языка, — какъ утверждаетъ авторъ Записки, въ томъ намъ весьма легко убѣдить читателя, указавъ на слѣдующее весьма важное свидѣтельство Іосифовской Кормчей:

«Воззри, православный читатель, сказано въ этой Кормчей. «аще не лѣнностенъ еси, обрящещи ли гдѣ правѣ списанную безъ всякаго порока въ церквахъ святыхъ книгу? Обрящещи ли чини «и послѣдованіе по узаконенному святыхъ и Богопосланныхъ отецъ «взаконенію? Но вѣмъ, яко неудобь обрѣсти можещи, не точіи «въ соборныхъ градскихъ церквахъ, но ниже въ епископіяхъ, па- «че же ниже въ монастырѣхъ. Виждь убо, аще не плача до- «стойна суть окаянная сія времена, въ няже увы! достигну- «хомъ *».

Въ упомянутой статьѣ профессора Нильскаго, «Нѣсколько словъ о происхожденіи раскола», по поводу того же вопроса, о которомъ и у насъ идетъ рѣчь, приведена таже самая цитата и вслѣдъ за ней предложено слѣдующее замѣчаніе:

«Для человека *непредубѣжденнаго* однихъ этихъ словъ до- «статочно, чтобъ видѣть, насколько правы увѣренія раскольни- «ковъ, будто-бы наши старыя книги были исправлены еще пре- «жде Никона преподобнымъ Максимомъ Грекомъ и другими свя- «тыми и велико-учеными мужами». Если же обратимъ вниманіе «еще на то, что печатаніе Кормчей, свидѣтельство которой мы «привели, началось *въ послѣдніе годы* жизни патріарха Іосифа и «кончено уже при Никонѣ, впрочемъ въ ту пору его пастырской «дѣятельности, когда, по сознанию самихъ раскольниковъ, онъ «былъ еще православенъ, — что совершилось печатаніе кормчей «трудами и подъ надзоромъ тѣхъ самыхъ лицъ, которыя послѣ «съ такою силою вооружились противъ исправленій патріарха «Никона, — разуйдемъ справщиковъ при патріархѣ Іосифѣ: Ав- «вакума, Лазаря, Никиту, діакона Феодора и другихъ, — то пой- «мемъ, *какая несправедливость* — утверждать, будто-бы Никонъ «началъ исправленіе книгъ *безъ нужды* **».

Пойметъ ли свою несправедливость авторъ Записки о русскомъ расколѣ и пожалѣетъ ли онъ о томъ напрасномъ оскорбленіи,

* Христ. Чтеніе. 1861 г. Февраль.

** Тамъ же стр. 91.

которое, вѣроятно, по малому знакомству съ исторіей книжнаго исправленія, онъ нанесъ памяти великаго человѣка и чести великаго историческаго событія — это его дѣло. Наша забота въ этомъ случаѣ ограничивается только тѣмъ, чтобы искаженному факту возратить его истинный видъ. Но, показавъ, что предпріятіе Никона исправить богослужебныя книги было внушено ему не личнымъ капризомъ и не мелочнымъ желаніемъ пощеголять греческимъ языкомъ, а яснымъ сознаніемъ настоятельнѣйшей церковной нужды, — мы находимъ нужнымъ указать и на то, что, для достойнаго совершенія этого предпріятія, онъ употребилъ во первыхъ всѣ усилія своего необыкновеннаго ума и характера и всѣ средства, которыми только онъ могъ располагать; во вторыхъ, что онъ соблюлъ всѣ необходимыя условія, которыя требовались важностію предпринятаго дѣла.

Мы видѣли, что во всѣхъ попыткахъ книжнаго исправленія, бывшихъ до патріарха Никона, за весьма малыми исключеніями, на греческіе подлинники не обращали вниманія, главнѣйшимъ образомъ потому, что исправители были или мало знакомы съ греческимъ языкомъ или же и вовсе его не знали, и вслѣдствіе того ограничивались сличеніемъ между собою однихъ славянскихъ рукописей: такъ поступали и справщики патріарха Іосифа. Людямъ, чуждымъ предубѣжденія, не очень трудно было понять всю недостаточность такого исправленія; и потому, когда на соборѣ 1654 года, — который созванъ былъ для сужденія о дѣлѣ исправленія книгъ и на которомъ, кромѣ царя и патріарха, присутствовали пять митрополитовъ и четыре архіепископа, одинъ епископъ (знаменитый въ исторіи раскола Павелъ Коломенскій), одиннадцать архимандритовъ и игуменовъ и тринадцать протопоповъ, — когда на этомъ соборѣ предложенъ былъ вопросъ — чему слѣдовать въ предстоящемъ исправленіи книгъ: новымъ ли печатнымъ московскимъ книгамъ, во многомъ отступившимъ отъ греческихъ подлинниковъ и старыхъ славянскихъ переводовъ, или древнимъ греческимъ и славянскимъ книгамъ, между коими существуетъ такое очевидное согласіе; — то соборъ единодушно постановилъ: «достойно и праведно исправить новыя по древнимъ русскимъ и греческимъ книгамъ». *

Тотъ же часъ были сдѣланы самыя дѣятельныя распоряженія о собраніи изъ всѣхъ мѣстъ древнихъ русскихъ книгъ, и для того, «чтобы было вѣдомо, гдѣ которыя книги взять, книгъ пе-

* Истор. Рус. Церк. Пер. IV. стр. 228.

чатнаго дѣла исправленія ради»—была вытребована опись книгамъ степенныхъ монастырей, въ которой числится всѣхъ книгъ 2673. *

Вслѣдъ за тѣмъ отправленъ былъ на Востокъ инокъ Арсеній Сухановъ, для пріобрѣтенія древнихъ греческихъ рукописей; ему поручено было не щадить для этого дѣла никакихъ издержекъ. Известно, съ какимъ успѣхомъ исполнилъ Арсеній возложенное на него порученіе: книжныя сокровища, хранимыя въ синодальной, бывшей патріаршей, бібліотекѣ, живые и ясные тому свидѣтели. На одномъ Аѳонѣ Арсеній пріобрѣлъ болѣе 500 богослужебныхъ и учительныхъ книгъ, изъ коихъ одному евангелію считали тогда 1050 лѣтъ, другому 650 и т. д.; до 200 рукописей пріобрѣтено имъ въ разныхъ другихъ мѣстахъ.

Употребивъ всё, въ его власти бывшія, средства къ пріобрѣтенію необходимыхъ основаній для правильнаго совершенія принятаго дѣла, Никонъ и въ самомъ способѣ веденія этого дѣла не только не отступилъ отъ обычныхъ правилъ, но былъ въ этомъ отношеніи, быть можетъ, еще внимательнѣе, чѣмъ всё до него бывшіе исправители. Такъ, онъ не ограничился согласнымъ рѣшеніемъ собора 1654 года, на которомъ, какъ мы имѣли уже случай упомянуть, присутствовали почти всѣ представители русской церкви; но, понимая, что исправленіе богослужебныхъ книгъ касалось постановленій цѣлой Церкви, онъ призналъ необходимымъ совѣщаніе по этому дѣлу съ представителями восточныхъ православныхъ церквей: «умысливъ, да не единая воля, но да и совѣтъ вселенскихъ патріарховъ оныхъ книгъ о исправленіи будетъ». Вслѣдствіе того отъ лица царя и патріарха были отправлены на Востокъ грамоты, въ коихъ изъяснялась крайняя нужда исправленія и съ тѣмъ вмѣстѣ испрашивалось на то общее согласіе единовѣрныхъ церквей и предлагались нѣкоторые важнѣйшіе вопросы касательно способа исправленія. Въ Константинополѣ созванъ былъ по этому случаю соборъ греческихъ пастырей, который утвердилъ рѣшеніе московскаго собора 1654 года и далъ свои отвѣты на предложенные патріархомъ Никономъ вопросы.

Въ то время, какъ Арсеній Сухановъ возвратился съ Востока съ книжными сокровищами и какъ пришло въ Москву постановленіе константинопольскаго собора, въ Москвѣ случился антиохійскій патріархъ Макарій, сербскій патріархъ Гавриилъ,

* Чтен. Моск. Общ. Ист. и Древ. Росс. 1848. № 6.

никейскій митрополитъ Григорій и молдавскій—Гедеонъ. Присутствіе столь многихъ и столь значительныхъ представителей Православной Церкви спешшихся случайно изъ разныхъ концовъ; подало патриарху Никону мысль о созваніи новаго собора, который и былъ созванъ въ 1655 году и въ которомъ приняли участіе, кромѣ представителей русской церкви, и случившіеся гости. Разсмотрѣвъ внимательно позднѣйшія печатныя книги, соборъ нашолъ ихъ весьма несходными во многихъ весьма важныхъ чтеніяхъ съ греческими подлинниками и древними славянскими переводами и постановилъ относительно исправленія ихъ слѣдовать во всемъ прежде принятымъ рѣшеніямъ соборовъ, Московскаго 1654 года и Константинопольскаго.

Выборъ людей, которымъ порученъ былъ трудъ исправленія, сдѣланъ былъ Никономъ съ величайшею осмотрительностію и умѣемъ, которое дѣлаетъ честь его проникательности; все, что только имѣла тогдашняя Русь просвѣщеннѣйшаго, было приглашено къ участию въ трудъ: Епифаній Славинецкій, Арсеній Сатавовскій, Дамаскинъ Птицкий, Іаковъ черный попъ, по прозванію философъ, Арсеній Грекъ: вотъ имена достойныхъ избранныхъ патриарха Никона, имѣющія полное право на признательную память потомства. Лучшихъ и образованнѣйшихъ исправителей въ то время рѣшительно нельзя было найти: это были люди «Божественнаго писанія свѣдущіе и еллинскаго языка навичные, и съ еллинскаго языка на славенскую рѣчь перевести умѣющіе, и латинскую рѣчь достаточно знающіе» *.

«Послѣ всего этого, скажемъ вмѣстѣ съ ученымъ, на статью котораго мы уже имѣли удовольствіе сослаться, кто не согласится, что Никонъ для исправленія церковныхъ книгъ употреблялъ всѣ самыя лучшія мѣры, какія употребляла наша церковь и прежде: исправленіе производилось по древнимъ греческимъ и славянскимъ книгамъ и рукописямъ, лицами самыми образованными, какихъ только можно было тогда найти въ православной Россіи на Востокъ, и потому, естественно, болѣе другихъ способными и благонадежными, производилось наконецъ соборнѣ, со-звѣтомъ не только русской, но и восточной церкви» **.

Но несмотря на полную законность намѣреній Никона и средствъ, избранныхъ имъ для ихъ осуществленія, нашлись люди, которые возстали противъ дѣйствій патриарха съ такою от-

* Полн. Собр. Зак. Т. I. № 7.

** Нѣск. словъ о происх. раскола г. Нильскаго.

вагою и рѣшительностію, которыя были бы достойны лучшей цѣли. Это были тѣ справщики печатнаго двора, которымъ поручено было дѣло книжнаго исправленія при патріархѣ Іосифѣ и которые въ рѣшеніи собора 1655 года, не одобрившимъ совершенныхъ ими трудовъ, видѣли явное оскорбленіе не только ихъ личнаго самолюбія, но и самой священной древности, будто бы искаженной патріархомъ Никономъ: юрьевскій протопопъ Аввакумъ, костромской протопопъ Даниилъ, московскаго Казанскаго собора протопопъ Іоаннъ Нероновъ, благовѣщенскій діаконъ Ѳеодоръ, суздальскій попъ Никита, романовскій Лазарь; къ нимъ присоединились коломенскій епископъ Павелъ и бывшій начальникъ печатнаго двора князь Львовъ; причастенъ былъ стопопъ ихъ и царскій духовникъ Степанъ Воинфатьевичъ: они явно возстали противъ книжныхъ и обрядовыхъ исправленій и прежде всего противъ сложенія перстовъ и отложенія нѣкоторыхъ поклоновъ во время великаго поста. Извѣстно, что до собора 1655 года и самъ Никонъ, и всѣ предстоятели русской церкви въ предѣлахъ великорусскихъ употребляли то самое перстосложеніе, которое содержится въ настоящее время у раскольниковъ, и что перемѣна этого обычая произошла именно на этомъ соборѣ послѣ слѣдующаго признанія патріарха:

«Задираху, (говорилъ Никонъ) нашему смиренію, мнѣ, Никону патріарху, приходящій къ намъ въ царствующій градъ Москву потребъ своихъ ради святые восточные церкви вселенскіи патріархи Константина—града Аѳанасій и Паисій святаго града Іерусалима и святаго града Назарета митрополитъ Гавріилъ и прочія, и поношаху ми много въ неисправленіи божественнаго писанія и прочихъ церковныхъ винахъ, отъ нихъ же едина сія, яко трема персты, послѣдними двѣма малыми съ великимъ пальцемъ соединя, да двѣма прочими великооредними, изображающе творимъ на лицѣ нашемъ знаменіе Креста, отъ Ѳеодоритова писанія невѣдніемъ внесшеся въ печатныя книги. ¶ въ великіи псалтыри съ возслѣдованіемъ и малыя и прочія рукописныя, а не повелѣніемъ коего либо царя и патріарха, ниже соборомъ шедшихся когда архіерей.» *

Когда, послѣ такого явнаго признанія прежней ошибки, Никонъ былъ уже обязанъ, сообразно съ опредѣленіемъ собора, издать во всеобщее свѣдѣніе и исполненіе указъ о перемѣнѣ перстосложенія и осужденіе прежняго обычая даже съ отлуче-

* Ист. Р. Церк. Пер. IV. стр. 233.

нѣмъ тѣхъ, которые впредь позволили бы себѣ употреблять двуперстное знаменіе; * на бывшихъ справщиковъ іосифовскаго времени это объявленіе произвело весьма тягостное впечатленіе, о которомъ находимъ указаніе въ жизнеописаніи протопопа Аввакума.

«Въ постъ великій прислалъ (Никонъ)—пишетъ Аввакумъ—пачити къ Неронову Іоанну. Въ памяти Никонъ пишетъ годъ, число, по преданію святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ не подобаетъ въ церкви метанія творити на колѣну, но въ поясъ вамъ творити поклоны, *еще же и тремя персты бы крестись.* Мы же задумались, сошедшия между собою: видимъ, яко зама хоцетъ быти; сердце озябло и ноги задрожали. Нероновъ приказалъ мнѣ церковь, а самъ одинъ скрылся въ Чудовъ, седмицу въ палаткѣ молился, и тамъ ему отъ образа гласъ бысть во время молитвы: «время приспѣ страданія, подобаетъ вамъ неослабно страдати.» **

Вотъ исходная точка русскаго раскола! Съ одной стороны, вышло рѣшительное повелѣніе измѣнить нѣкоторые изъ церковныхъ обычаевъ, къ которымъ издавна привыкли въ Россіи, и измѣнить ихъ подъ грозою церковнаго отлученія и съ нимъ непремѣнно сопрягаемаго въ тѣ времена тѣлеснаго истязанія; съ другой стороны, оскорбленные не только за себя, но и за общее содержаніе обычая, люди приготовились къ не менѣе рѣшительному сопротивленію и положили въ душѣ своей пострадать за «древнее благочестіе», если уже постигло ихъ, какъ увѣрялъ гласъ отъ иконы, время страданія. Читатель, конечно, замѣтилъ, что, до-сихъ-поръ, рассуждая о дѣйствіяхъ патріарха Никона, мы находили ихъ вполне правильными и сообразными съ достоинствомъ предпринятаго имъ дѣла; мы желаемъ еще разъ подтвердить такое мнѣніе, не опасаясь обвиненія въ пристрастіи, или односторонности взгляда. Но то же самое безпристрастіе, которымъ мы руководствовались въ этомъ отзывѣ и нарушеніе котораго въ историческомъ разсужденіи не можетъ быть оправдано никакимъ похвальнымъ, но постороннимъ истинѣ, побужденіемъ или соображеніемъ, заставляетъ насъ сказать, что

* Антиохійскій патріархъ Макарій объявилъ на соборѣ, что двуперстное знаменіе принадлежитъ армянамъ и пропнзесъ отлученіе на двуперстниковъ, которое было подтверждено и другими пріѣзжими іерархами, сербскимъ патріархомъ Гавріиломъ и митрополитами вихейскимъ и молдавскимъ.

** Стр. 21.

съ этой поры дѣйствія Никона теряютъ свой прежній разсудительный и справедливый характеръ и въ нихъ открываются такія свойства, которыя ни коимъ образомъ не могли способствовать умиротворенію возбужденныхъ церковными перемѣнами страстей и утушенію возникшей въ церкви смуты. Строгости, употребленныя имъ противъ непокорявшихся соборному опредѣленію, заставили непокорныхъ еще болѣе утвердиться въ своемъ противленіи и смотрѣть на себя какъ на мучениковъ и исповѣдниковъ древней истины. Конечно, въ повѣствованіяхъ самихъ расколоучителей претерпѣнныя ими страданія представлены съ нѣкоторыми преувеличеніями, но за то въ нихъ замѣчаются такія живыя и неподдѣльныя черты, которыя не позволяютъ сомнѣваться въ главныхъ, по-крайней-мѣрѣ, основаніяхъ ихъ разсказовъ. Протопопъ Аввакумъ въ своей автобіографіи разсказываетъ, какъ онъ съ другомъ своимъ Данииломъ написалъ отвѣтъ на вышеупомянутую память патріарха Никона о сложеніи персть и о поклонахъ и подалъ его царю; какъ царь передалъ этотъ отвѣтъ въ руки самому Никону, и какъ, вслѣдъ за тѣмъ, начались истязанія друзей и единомышленниковъ Аввакума и его самого. Разсказавъ о ссылкѣ и истязаніи Даниила, Ивана Неронова, Павла Коломенскаго, онъ переходитъ къ повѣствованію о своей судьбѣ.

«Тоже меня взяли отъ всенощнаго Борисъ Нелодинскій со стрѣльцами, человекъ со мною до шестьдесятъ взяли, ихъ въ тюрьму отвели и меня на патріарховѣ дворѣ на цѣпь посадили ночью. Егда же разсвѣтало въ день недѣльный, посадили меня на тѣлегу и растянули руки и везли отъ патріархова двора до Андроньева монастыря и тутъ на цѣпи кинули въ темную палатку,—ушла въ землю—и сидѣлъ три дня, не ѣлъ, не пилъ во тьмѣ, сидя, *кланяясь на цѣпи—не знаю на Востокъ, не знаю на Западъ.* Никто ко мнѣ не приходилъ, токмо мыши и тараканы и сверчки кричатъ и блахъ довольно. *Бысть* (sic!) же я въ третій день прилченъ, сирѣчь ѣсть захотѣлъ, и послѣ вечерни ста предо мною не вѣмъ ангелъ, не вѣмъ человекъ, — и по се время не знаю, токмо въ потемкахъ молитву сотворилъ и, взявъ меня за плечо, съ цѣпью къ лавкѣ привелъ, и посадилъ, и ложку въ руки далъ, хлѣбца немножко и штець далъ похлебать, зѣло превкусны хороши, и реклъ мнѣ: «полно, долѣтъ ти ко укрѣпленію.» Да и не стало его, двери не отворились и его не стало, дивно только (аще) человекъ, а что же

ингель—но нечему дивиться, вездѣ ему не загорожено. На утро архимандритъ съ братією пришли и вывели меня, журятъ мнѣ, что патриарху не покорился, а я отъ писанія его браню даю. Сняли большую цѣпь да малую наложили, отдали черную подь началъ: велѣли волочить въ церковь. У церкви за ворота деруть, и подь бока толкають, и за чепь трогаютъ, и въ глаза плюють.» *

Другіе расколочальники, товарищи Аввакума, пострадали еще болѣе его, потому-что къ Аввакуму имѣлъ немалое расположение самъ царь; и когда Никонъ хотѣлъ-было его разстричь и его привели-было уже въ церковь и держали долго на порогахъ, государь съ мѣста своего сошелъ и, приступя къ патриарху, упросилъ не стричь». Другихъ же его товарищей, за которыхъ не было такого высокаго ходатайства, патриархъ не только подвергалъ различнымъ истязаніямъ, но и совершенно изгонялъ изъ освященнаго сана, какъ напр. Логина, протопопа муромскаго, о которомъ мы читаемъ у Аввакума:

«Въ то время послѣ меня взяли Логина, протопопа муромскаго. Въ соборной церкви при царѣ остригъ... Остригши, содрали съ него однорядку и кафтанъ. Логинъ же, ражжегся ревностію божественнаго огня, Никона порицая, и черезъ порогъ въ алтарь въ глаза Никону плевалъ; распоясався, схватя съ себя рубашку, въ алтарь въ глаза Никону бросилъ; и чудно: растопырилась рубашка, и покрыла на престолѣ дискось, будто возлужь. И въ то время и царица въ церкви была. На Логина возложили цѣпь и, таща изъ церкви, били метлами и телепами ю Богоявленскаго монастыря, и кинули въ палатку ночью и стрѣльцовъ на караулѣ поставили накрѣпко стоять. Ему же Богъ въ ту ночь шубу новую да шапку далъ; а на утро Никону сказали и онъ, расмѣявся, говоритъ: «Знаю я пустосвятость тѣхъ»; и шапку у него отнялъ, а шубу у него оставилъ»**.

Не говоря уже о томъ, что вообще истязанія, плохое средство для дѣйствія на совѣсть и убѣжденія — въ этомъ Никонъ патриархъ никакъ не стоялъ выше понятій своего времени; — но самые жалкіе успѣхи въ обращеніи противниковъ его исправленій должны были внушить ему иные способы и приемы. Вступая за достоинство власти, оскорбленной упорнымъ противленіемъ расколочальниковъ, Никонъ забывъ, что у самой власти

* Стр. 24.

** Тамъ же стр. 25.

есть обязанность долготерпѣнія и кротости по отношенію къ немощи человѣческаго разумѣнія; забылъ онъ и то, что у расколочителѣй была весьма великая опора для того, чтобы оставаться при своихъ мнѣніяхъ, ибо они могли указать на многихъ святыхъ и праведныхъ мужей, всюю русскою церковію согласно чтимыхъ и угодныхъ Богу, несмотря на содержаніе тѣхъ обычаевъ, которые нынѣ объявлены не только неправильными, но и причастными еретическимъ заблужденіямъ (двуперстное сложеніе, по Макарію антиохійскому, было армянствомъ *), и за которые лишаютъ священства, усылаютъ въ дальнѣйшія страны, подъ бока толкаютъ и въ глаза плюютъ. Не могли ли расколочителѣи сообразить—какъ они и сдѣлали—что если митрополитъ Филиппъ, мощи котораго только-что были привезены Никономъ изъ Соловецкаго монастыря и поставлены въ Успенскомъ соборѣ для всеобщаго благоговѣйнаго поклоненія, слѣдовалъ тѣмъ самымъ обычаямъ и обрядамъ, какиихъ держатся и они,—то и для нихъ есть немалое основаніе оставаться тѣмъ обычаямъ и обрядамъ вѣрными, и что въ самыхъ обрядахъ и обычаяхъ очевидно нѣтъ ни армянскаго, ни какого либо другаго существеннаго заблужденія; ибо, въ противномъ случаѣ, святи- тель Филиппъ не былъ бы прославленъ. Преслѣдованіе не могло ихъ вразумить, а только смущало умъ ихъ, естественно преувеличивая въ понятіи ихъ важность спорныхъ вопросовъ. Въ этихъ отрывкахъ изъ автобіографіи Аввакума, которые мы выше приводили, рядомъ съ дикими разсужденіями и повѣствованіемъ о нелѣпныхъ чудесахъ, замѣчается нѣчто серьезное, хотя и въ уродливой формѣ; это серьезное — рѣшимость отстаивать свои понятія до послѣдней крайности: Аввакумъ *отъ писанія* бранилъ и лаялъ патріарха, а Логинъ, разжегся ревностію божественнаго огня, въ глаза Никону плевалъ.

Вопросъ о томъ, какими побужденіями руководствовались противники Никоновыхъ исправленій въ своихъ поступкахъ, рѣшается равно: иные почитаютъ ихъ чистосердечными ревнителями отмѣненныхъ Никономъ обрядовъ и почитаютъ ихъ людьми, готовыми страдать изъ-за одного аза; такого мнѣнія держится, повидимому, и г. Соловьевъ. ** Иные же объясняютъ ихъ поведеніе другими, менѣе чистосердечными побужденіями, и предполагаютъ въ нихъ чрезмѣру оскорбленнаго самолюбія, мечь

* См. выше.

** «Истор. Росс. съ древ. временъ». Т. XI. стр.

и потерю тѣхъ должностей, которыя они занимали при патриархѣ Іосифѣ, и участіе въ гнусной боярской интригѣ, которая кончилась паденіемъ Никона. Мы полагаемъ, что дѣйствіями расколочителей управляли побужденія того и другого рода: есть ясныя признаки того, что они дѣйствительно не прочь были бы умереть и за азб; ихъ искренняя привязанность къ обряду видна изъ каждаго ихъ слова. Такъ, когда Аввакума заключили въ тюрьму за сопротивленіе Никону, онъ, рассказывая о своемъ заточеніи, не премкнулъ упомянуть и о томъ, что, сидя на цѣпи въ темнотѣ, онъ кланялся (молясь Богу), но самъ не звалъ, *на Востокъ ли, или на Западъ*. * Еще замѣчательное поведеніе Аввакума съ тѣми, которые оскорбляли чѣмъ-либо чистоту христіанскихъ нравовъ или нарушали принятые кнѣзьями народомъ обычаи, нерѣдко возводимые и нынѣшними раскольниками на степень существенно-великаго правила церкви. Такъ онъ рассказываетъ про себя такіе случаи.

«Пріидоша въ село мое (гдѣ онъ прежде былъ священникомъ,) шковые медвѣди съ бубнами и, домрами, и я грѣшникъ, *по Христу ревнуя*, изгналъ ихъ, хари и бубны изломалъ на полѣ сдѣлалъ у многихъ, и медвѣдей двухъ великихъ отнял, — одного ушибъ и паки ожилъ, а другаго отпустилъ въ поле. И за сіе меня Василій Петровичъ Шереметевъ, плывучи Волгою въ Казань на воеводство, взялъ на судно и брапя много, и велѣвъ благословить сына своего Матвѣя, *брадобрица*. Азъ же не благословилъ, а отъ писанія его порицалъ, вида *блудностный* образъ. Бояринъ же, горазде осердясъ, велѣлъ меня бросить въ Волгу и, много томя, протолкали.» **

По переводѣ его въ протопопы Юрьевца Польскаго черезъ восемь недѣль случилось съ нимъ такое происшествіе.

«Діаволь научилъ (говорить онъ) поповъ и мужиковъ, и бабъ: пришли къ патриархову приказу, гдѣ я дѣла духовныя дѣлалъ, и вытаска меня изъ приказа (собраніемъ челоувѣкъ съ тысячу и полторы ихъ было), среди улицы били батожемъ и топтали, и бабы были съ рычагами; грѣхъ ради моихъ замертво убили и бросили подъ избной уголь. Воевода съ пушкарями прибѣжали и, ухвата меня, на лошади умчали въ мой дворишко; а пушкари воевода около двора поставилъ. Люди же по двору

* Есть церковное правило о томъ, чтобы христіане, молясь, обращались лицомъ къ востоку.

** Стр. 16.

приступаютъ и по граду молва велика, наипаче же молвы и бѣбы вопять: убить вора, да и тѣло собакамъ въ ровъ нишемъ.» *

И все это изъ-за того, что онъ унималъ ихъ отъ распутства. Такіе порывы ревности не всегда просвѣщенной и умѣстной, но совершенно искренней, могутъ быть признаны достаточнымъ свидѣтельствомъ тому, что Аввакумъ и товарищи его въ борьбѣ своей съ Никономъ руководились, между прочимъ, и убѣжденіемъ, котораго никто, конечно, не признаетъ правильнымъ. Но которое, какъ убѣжденіе, требовало, для успѣшнаго на него дѣйствія, иныхъ мѣръ. Ссылка, заточеніе и разнаго рода истязанія, постигшія расколочальниковъ за упрямую защиту отвергнутыхъ церковною властью обрядовъ, обращало ихъ въ ихъ собственныхъ глазахъ въ исповѣдниковъ древняго благочестія; а такъ-какъ они были люди правовъ строгихъ и превосходили большую часть духовныхъ лицъ своего времени начитанностью въ священныхъ книгахъ, то и въ народѣ находили себѣ немалое сочувствіе.

«Егда въ попѣхъ былъ, (говоритъ про себя Аввакумъ), тогда имѣлъ у себя дѣтей духовныхъ много: по се время сотъ съ пять или шесть будетъ. Не почивая азъ, грѣшный, прилежа въ церквахъ и въ домахъ, и на распутіяхъ, но градомъ и селомъ, еще же и въ царствующемъ градѣ, и во странѣ сибирской, проповѣдуя и уча слову Божію, годовъ будетъ тому съ полтретьдцать.» **

Товарищи Аввакума были тѣхъ же свойствъ и такого же поведенія, какъ и онъ.

Это множество духовныхъ дѣтей, знавшихъ строгую жизнь и вѣрность своихъ духовниковъ прежнимъ церковнымъ правиламъ, конечно, не могло быть равнодушно къ страданіямъ Аввакума и его товарищей; и вотъ въ народѣ начинается говоръ, что Никонъ исправленіемъ своимъ нарушилъ древнее благочестіе и гошитъ тѣхъ, которые вѣрны ему. Духовенство, большею частью ненавидѣвшее патріарха за его строгія взыскапія и обличенія, усердно содѣйствуетъ распространенію молвы о нарушеніи древней вѣры и о страданіяхъ ея ревнителей. Аввакумъ и товарищи его начинаютъ чувствовать себя въ положеніи древнихъ праведниковъ, доблестно пострадавшихъ за неустрашимое исповѣданіе истины.

* Стр. 19.

** Стр. 12.

«Ты, Господи (воскликаетъ Аввакумъ), изведи мя изъ чрева ютери моеи и отъ небытія въ бытіе устрои: аще меня задуть, и Ты причти мя съ Филиппомъ, митрополитомъ московскимъ; аще зарѣжутъ, и Ты причти мя съ Захаріею пророкомъ, аще въ воду посадятъ, и Ты, яко Стефана пермскаго, паки освободиши мя.»

Вотъ куда стремилось духовное честолюбіе этихъ поборниковъ сугубой алліація и двухперстнаго знаменія! Они прежде считали себя чудотворцами и цѣлителями; а при гоненіи еще сильнѣе утвердились въ мысли о своей праведности и близости къ Богу. Мы видѣли выше, какъ въ тюремную палатку Андроника монастыря пришолъ къ Аввакуму чрезъ затворенныя двери— не то ангелъ, не то человекъ, и принесъ ему штець похлебаты—зѣло превкусны хороши—и покормивши, сказалъ ему: «можно, довлѣетъ ти ко укрѣпленію». И чтобы окончательно убѣдить читателей своихъ въ подлинности чуда, Аввакумъ прибавилъ: «конечно, удивительно было бы, если бы человекъ прошелъ черезъ затворенныя двери, а про ангела нечего дивиться: *ездѣ ему не загорожено*».

Не должно забывать при чтеніи этихъ глупыхъ и смѣшныхъ вещей, что въ то время онѣ не встрѣчались тѣмъ стѣнамъ, отъ котораго трудно удержаться намъ; что въ то время ихъ подвергали серьезному обсужденію; и если патріархъ Никонъ, слыша о нихъ, усмѣхался и говорилъ: «знаю оу я пустосвятковъ тѣхъ», то большая часть народа способна была вѣрить этимъ пустосвятскимъ разсказамъ. Почему же было не вѣрять, что ангелъ принесъ Аввакуму штець похлебаты, вѣдь, въ-самомъ-дѣлѣ, ему вездѣ не загорожено. Если была возможность писать объ этомъ совершенно серьезно, то была, конечно, и надежда, что не будетъ недостатка въ довѣріи къ писаниному. Всякому извѣстно, что даже въ наше время народъ нашъ склоненъ вѣрить разсказамъ, которые несколько не лучше аввакумовыхъ, и примѣшивать къ священнымъ и истиннымъ преданіямъ свои суевѣрныя дополненія и поправки. Трудно ли послѣ этого понять, какъ велика была возможность довѣрія къ аввакумовскимъ чудесамъ за двѣсти лѣтъ назадъ, въ то самое время, какъ онѣ выдумывались и доходили до слуха народа, вмѣстѣ съ молвою о страданіяхъ мнимыхъ чудотворцевъ? Итакъ напрасно надѣялся патріархъ Никонъ строгими наказаніями унять возстаніе расколочальниковъ противъ его ис-

правленій; строгость должна была привести, какъ и привела, къ послѣдствіямъ совершенно противнымъ: то есть, расколоучители и въ собственномъ мнѣніи, и множеству народа представлялись невинными страдальцами и разсѣвали такое мнѣніе о себѣ во всѣхъ мѣстахъ, въ которыя были посланы въ заточеніе. Даниилъ, протопопъ костромской, посланъ былъ, по разстриженіи, въ Астрахань; Логинъ, Лазарь и Никита разосланы были по своимъ городамъ; князь Львовъ, бывший начальникъ печатнаго двора, заточенъ въ Соловецкій монастырь; протопопъ Нероновъ сперва въ Спасокаменный вологодскій, а потомъ кольскій монастырь. Далѣе всѣхъ угодилъ Аввакумъ, котораго добродушный царь хотя и спасъ отъ разстриженія, но не могъ избавить отъ дальней и трудной ссылки. Сперва его сослали въ Тобольскъ, гдѣ онъ получилъ мѣсто священника; но ссылка не смирила его пылкаго духа, за чѣмъ и постигли его новыя, великія бѣды. Кроме многихъ неприятностей, испытанныхъ имъ въ Тобольскѣ отъ разныхъ лицъ, ему пришлось за порицаніе церковной власти, отъ которой онъ не унимался, извѣдать горе еще отдаленнѣйшей ссылки.

«По семъ указъ пришелъ (пишетъ онъ): велѣно меня изъ Тобольска на Лену везти за сіе, что *браню отъ писанія и укоряю ересь Николу*. Тоже сѣлъ опять въ корабль свой, еже показанъ ми, поѣхалъ на Лену. А какъ пріѣхалъ въ Еявсейскъ, другой указъ пришелъ: велѣно въ Даурію везти—двадцать тысячъ и больше будетъ отъ Москвы,—отдать меня Аѳонасью Пашкову въ полкъ.»

Многіе почитаютъ эти распоряженія весьма благоразумными и соглашаются съ отзывомъ о семъ дѣлѣ издателя служебника 1656 года, что благочестивымъ повелѣніемъ патріарха Никона и царя Алексѣя Михайловича «лукавство изчезе, неправда отгнана бысть, лжа потребися, вмѣсто же сихъ истинна мунуетъ, правда цвѣтетъ, любовь владычествуетъ.» *

Такъ смотритъ на дѣло, между прочимъ, в. г. Шаповъ, который въ упомянутой нами книгѣ признаетъ, что ссылкой и заточеніемъ патріархъ Никонъ старался предупредить дальнѣйшее движеніе раскола. ** Но мы охотѣе согласимся въ отношеніи къ этому вопросу съ тѣми изслѣдователями, которые въ разсѣніи расколоучителей по разнымъ концамъ Россіи видятъ ошиб-

* Предисл. къ Служеб. 1656 г.

** «Русск. Раск. Старообр», стр. 45.

ку, послужившую къ большому распространѣнію раскольническихъ мнѣній. Весьма справедливы, по нашему сужденію, мысли, высказанныя объ этомъ дѣлѣ въ статьѣ г. Нильскаго.

«Въ указанномъ распоряженіи патріарха (говорить онъ) мы не только не видимъ умной мѣры для предупрежденія раскола, напротивъ, видимъ ошибку, рѣшительно необъясненную ничѣмъ, ненамѣренное средство распространить расколъ. Доказывать, что это такъ должно было быть, нѣтъ нужды, когда такъ случилось. Историческіе факты убѣдительнѣе всякихъ соображеній, а они прямо доказываютъ ту мысль, что первые вожди раскола въ Москвѣ, по удаленіи своемъ изъ столицы, были первыми распространителями своихъ мнѣній и въ другихъ мѣстахъ. Сибирь обязана своимъ расколомъ Аввакуму, который, по его собственнымъ словамъ «какъ въ заточеніи живой, тако и вслѣдъ возвращался, всюду свободнымъ гласомъ и благодарственною душою древняго благочестія свѣтлость пресвѣтло провозгласилъ»... обличая никоніанство... пестуобразную прелесть». Лазарь, лишь только прибылъ въ Романовъ, какъ началъ «свободнымъ языкомъ древнецерковное повѣдати благочестіе и Никонова новшества изобличать». Никита «ревновалъ по благочестію» въ своемъ Суздаль до того, что «прошеніе и книги жалобныя написалъ на новоисправленные книги». Неласковый пріемъ новопечатныхъ книгъ въ Соловецкомъ монастырѣ въ 1656 г. мы объясняемъ тѣмъ, что тамъ былъ въ это время князь Львовъ. Участь Давида и Логина была нѣсколько печальнѣе: оба они заключены были въ темницы и скоро скончались; но нѣтъ ничего невѣроятнаго допустить, что и они, если не въ Астрахани и Муромѣ, то по крайней мѣрѣ на пути не преминули принести свою лепту въ даръ расколу. Даже Іоаннъ Нероновъ, слабодумнѣйшій изъ всѣхъ другихъ, дѣлалъ свое дѣло, пиша изъ заточенія письма то къ духовнику царокому, то къ самой царицѣ и ходатайствуя предъ ними за «свою братію» и «церковь.» Такимъ образомъ несомнѣнные историческіе факты убѣждаютъ насъ въ томъ, что на удаленіе патріархомъ Никономъ іосифовскихъ справщиковъ изъ столицы по разнымъ городамъ въ заточеніе, нужно смотрѣть не какъ на умную мѣру къ предупрежденію раскола, но какъ на большую ошибку со стороны Никона, бывшую причиной того, что расколъ, сначала обнаружившійся въ Москвѣ, былъ разнесенъ повсюду.»*

* Христ. Чт. 1861. Февраль стр. 119—120.

Удаливъ изъ Москвы главныхъ противниковъ своего дѣла, патріархъ Никонъ успокоился касательно его успѣха и приступилъ къ замѣнѣ богослужебныхъ книгъ, бывшихъ до того времени въ общемъ церковномъ употребленіи, своими новоисправленными, съ пылкостью, свойственною его нраву и, справедливость требуетъ прибавить, съ крайнею неосмотрительностью. Первая исправленная при немъ книга была Служебникъ; первое изданіе его въ исправленномъ видѣ было въ концѣ 1655 года; въ слѣдующемъ (1656) году Никонъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобъ новоисправленные Служебники были разосланы по всѣмъ церквамъ съ тѣмъ, чтобъ старые были непремѣнно отобраны. Известно, что распоряженіе патріарха встрѣтило во многихъ мѣстахъ рѣшительное и весьма, впрочемъ, естественное сопротивленіе. Споря нѣтъ, что неисправныя книги надлежало замѣнить лучшими и исправнѣйшими; но не слѣдовало поспѣшностью и настойчивостью мѣръ къ совершенію этой замѣны давать дѣлу такой видъ, что прежнія книги были не только неисправны, но и заключали въ себѣ нѣчто вредное или намѣренно противное истинѣ. Если онѣ были такъ долго въ употребленіи всей церкви и если, по нимъ служа и учаща, прежніе пастыри и другіе члены церкви могли безъ страха совершать свое спасеніе, то нельзя было не придти къ тому простому заключенію, что эти книги не заслуживали немедленнаго изъятія изъ употребленія. Поспѣшность и настойчивость въ этомъ дѣлѣ, весьма естественно, могли навести многихъ на мысль, что, стало-быть, въ тѣхъ или другіхъ книгахъ, въ старыхъ или новыхъ, есть что-нибудь какъ-будто вредное; въ противномъ случаѣ откуда взялась бы ревность поспѣшно отбирать старыя книги? И такъ въ старыхъ книгахъ, несмотря на ошибки ихъ, дѣйствительнаго вреда не было, что доказывается прославленіемъ многихъ святыхъ, тѣмъ книгамъ слѣдовавшимъ, то и оставалось одно: недоумѣвать о качествахъ новоисправленныхъ книгъ. Для ученой же провѣрки и для сравненія прежнихъ книгъ съ новыми, способовъ и средствъ не было ни у кого, кромѣ малаго числа избранныхъ людей того времени; слѣдовательно нельзя дивиться, что новоисправленныя книги дѣйствительно многихъ и ввели въ недоумѣніе.

Повиновеніе церковной власти есть обязанность всякаго добраго христіанина; но никто, мы полагаемъ, не будетъ утверждать, чтобъ эта власть, которой слава и честь состоитъ въ ученіи и просвѣщеніи народа, могла требовать слѣпой и неразсуж-

дѣющей покорности. Такія требованія, свойственныя церкви латинской, всегда были чужды православной церкви и ею осуждались, какъ недостойныя истины и оскорбительныя для свободы человѣческихъ совѣстей. Изъ церковной исторіи очень хорошо извѣстно, что нерѣдко на высшихъ степеняхъ церковной власти возсѣдали не только порочные или ошибавшіеся люди, но даже и еретики; слѣдовательно, принявши принципъ слѣпного и немразсудительнаго повиновенія, необходимо согласиться и съ тѣмъ, что хорошо дѣлали тѣ, которые повиновались заблуждавшимся представителямъ церковной власти. Итакъ, при всемъ уваженіи къ памяти знаменитаго патріарха, мы полагаемъ, что его способъ дѣйствія въ замѣнѣ старыхъ книгъ новыми, повелительный, но не просвѣщающій, не былъ согласенъ съ существеннѣйшими чертами той кроткой и, по обязанности, долготерпѣливой власти, которой представителемъ ему суждено было быть въ эту ровную эпоху исторіи русской церкви.

Выраженная нами мысль о вредѣ крутыхъ мѣръ патріарха *Никона*, употребленныхъ имъ для замѣны старопечатныхъ богослужебныхъ книгъ новоправленными не есть какая-либо новость въ нашей исторической литературѣ; она встрѣчается еще въ «Исторіи Русской Церкви» митрополита *Платона*.

«Вѣдѣно (было)—говорить митрополитъ *Платонъ*, новоправленныя книги вездѣ принять, а старыя отбирать. А надлежало бы. объяснивъ всѣ причины исправленія книгъ и представивъ вродѣ очи видимыя ошибки, также *оговоривъ, что и въ старыхъ книгахъ мнѣю церкви противною не заключается, а только находятсѣ мѣкоторыя отъ переписчиковъ ошибки и отъ переводчиковъ неисправности*; а въ тѣхъ, кои ихъ употребляли и употребляютъ, никакого заблужденія и ереси церковь не признаетъ. Сие учинивъ, надлежало бы оставить на волю: по старымъ ли службамъ книгамъ или по новымъ. Вѣроятно, что симъ поступкомъ всѣхъ умы были бы успокоены, и современныя новоправленныя книги взошли бы во употребленіе, а старыя сами собою вышли бы изъ употребленія. Но какъ стали вездѣ насильно новыя вводить, а старыя отбирать, возсталъ общій ропотъ, возмущеніе, мяжежъ и расколъ. Невѣжи, или суевѣры, стали толковать, что аки бы церковь дотоле была въ заблужденіи и что святыя угодники, аки бы по тѣмъ книгамъ служба, также *исгрѣшали*. А были, можетъ быть, и такіе, кои, не хотя лияться собственности, имъ принадлежащей, и надлежало имъ

не малое иждивеніе употребить на покупку новыхъ книгъ, также рочтали и къ возмутителямъ приставали. Хотя при семъ случаѣ *следовало нѣкоторое благоразумное употребить снисхожденіе*; но вмѣсто того укрощаемы они были вооруженною рукою, а нѣкоторые мятежники и казни были предаваемы. Сіе не только не погашало расколъ, но еще болѣе его возжигало, который и доселѣ, къ великому церкви російской несчастію, продолжается*.

Если ропоть противъ насильственныхъ мѣръ патріарха Никона явственно слышался во всѣхъ слояхъ русскаго общества даже и тогда, когда онъ оставался собинымъ другомъ и ближайшимъ совѣтникомъ царя Алексѣя Михайловича; то не трудно понять, какъ разросся и усилился онъ послѣ охлажденія царя къ своему другу и послѣдовавшаго затѣмъ рѣшительнаго между ними разрыва.

Откуда произошли первыя непріятности между царемъ и патріархомъ, историки до сихъ поръ не рѣшили, по недостатку достовѣрныхъ о томъ свидѣтельствъ; но всѣмъ извѣстно, что эти первыя непріятностями, возникшими быть можетъ совершенно случайно, чрезвычайно искусно умѣли воспользоваться низкіе бояре, заклятые враги патріарха, «паче мѣры озлобленные» за явное преобладаніе его надъ ними во всѣхъ совѣтахъ царя и во всѣхъ дѣлахъ государственныхъ. Мы не будемъ останавливаться на этихъ обстоятельствахъ, которыя только стороною касаются нашего разсужденія и которыя при томъ очень хорошо извѣстны всякому образованному человѣку; скажемъ только, что чрезъ два года послѣ того, какъ разосланъ былъ повсемѣстно новоисправленный Служебникъ, надѣлавшій столько тревоги, патріархъ Никонъ оставилъ въ гнѣвъ патріаршій престолъ и Москву и удалился въ Воскресенскій монастырь, называемый новымъ Іерусалимомъ. Понятно, что это самопроизвольное удаленіе, котораго ни въ какомъ случаѣ ничѣмъ нельзя оправдать, подало врагамъ Никона сильныя средства къ окончательному разрушенію добрыхъ отношеній его съ царемъ. Въ числѣ многихъ другихъ мѣръ къ гибели Никона они не забыли употребить въ дѣло и ту вражду, которую питали противъ патріарха защитники двоеперстія и хожденія посоловъ, и не преминули войти съ ними въ ближайшій союзъ. Первымъ дѣломъ ихъ было возвращеніе въ столицу нѣкоторыхъ изгнанныхъ изъ нея

* Христ. Чт. 1861. Февраль, стр. 134—135.

патріархомъ расколуучителей, и прежде всего Аввакума, самаго рѣзкаго противника Никона и наиболѣе близкаго къ царю и ко многимъ знатымъ семействамъ на Москвѣ.

Мы оставили Аввакума на пути его въ Даурію, куда онъ былъ посланъ, по повелѣнію царя и патріарха, къ Аванасію Пашкову въ полкъ. Позволяемъ себѣ остановить вниманіе читателя на нѣкоторыхъ обстоятельствахъ его ссыльной жизни, какъ для того, чтобы яснѣе было видно, съ какимъ накипомъ злобы на патріарха, виновника его мученій, возвратился Аввакумъ въ Москву, такъ и для того, чтобы ближе познакомить читателя съ характеромъ этого страннаго лица, имѣвшаго столь рѣшительное вліяніе на первоначальную судьбу раскола.

Разсказавъ о томъ, какъ его велѣли сослать въ Даурію и отдать къ Аванасію Пашкову въ полкъ, Аввакумъ присовокупилъ къ тому и свой отзывъ о Пашковѣ:

«Грѣхъ ради моихъ суровъ человекъ: безпрестанно людей звать и мучить, и бьеть; и я его много уговаривалъ, да и самъ въ руки попалъ. *А съ Москвы отъ Никона приказано было мучить меня.* *

Хотя нѣтъ никакого сомнѣнія, что изъ Москвы отъ патріарха не было никакого особаго распоряженія объ истязаніяхъ Аввакума, и что эти немилосердые, страшные побои, о которыхъ разсказываетъ ссыльный, были дѣйствіемъ собственнаго зѣвства Аванасія Пашкова, но весьма понятно, что Аввакумъ всѣ свои бѣды относилъ къ главному врагу своему и копилъ въ душѣ своей чувство ненависти къ нему.

Первый случай, по которому Пашковъ пришелъ въ ярость противъ Аввакума, былъ такой:

«Егда пріѣхали, (пишетъ Аввакумъ) на Шаманскій порогъ, навстрѣчу приплыли люди иные къ намъ, а съ ними двѣ вдовы: лѣтъ въ 60, а другая и больше, плывутъ постричься въ монастырь. А онъ, Пашковъ, сталъ ихъ ворочать и хочетъ замужъ отдать, а я ему сталъ говорить: по правиламъ не подобаетъ таковыхъ замужъ давать. И чѣмъ бы ему, послушавъ меня, и вдовъ отпустить, а онъ вздумалъ мучить меня. **

Разгнѣванный Пашковъ приказалъ было ссадить Аввакума съ лощенка, на которомъ они плыли, на берегъ, и сухимъ путемъ, по

* Стр. 20.

** Стр. 31.

опаснымъ и непроходимымъ горамъ, идти къ назначенному мѣсту ссылки.

«На тѣ горы выбивалъ меня Пашковъ, и азъ ему малое писаньице написалъ, сице начало: Человѣче! убойся Бога, сѣдшаго на херувимѣхъ и призирающаго въ бездны, Кгоже трепещутъ небесныя силы и вся тварь со человекъ; единъ ты призираешь и неудобство показуешь, и прочая. Тамъ многонько писано; и послалъ къ нему. А и бѣгутъ человекъ съ пятьдесятъ: взяли мой дощеникъ и помчали версты съ три; стоялъ я казакамъ каши наварилъ да кормилъ ихъ; а она, бѣдные, и вѣдять, и дрожать, а иные глядя плачутъ на меня, жалѣютъ по мнѣ. Привели дощеникъ; взяли меня палачи, привели предъ него. Онъ со шпагою стоитъ и дрожитъ, началъ мнѣ говорить: «попъ или раскопъ?» И азъ отвѣчалъ: «Азъ есмь Аввакумъ прѣтопопъ, говори: что тебѣ дѣло до меня?» Онъ же рыкнулъ, что дикий звѣрь, и ударилъ меня по щекъ, таже по другой, и паки въ голову и сбилъ меня съ ногъ и, чепь ухватя, лежащаго по спинѣ ударилъ трижды и, разболочши, по той же спинѣ 72 удара кнутомъ. И я говорилъ: Господи Исусе Христе, Сыне Божій! помогай мнѣ. Да то же безпрестанно говорю; такъ горько ему, что не говорю: «пощади.» Ко всякому удару молитву говорилъ, да среди побой вскричалъ я къ нему: «полно бить-то;» такъ онъ велѣлъ перестать».

На утро кинули меня въ лодку и на предъ повезли... Сверху дождь и снѣгъ, а мнѣ на плеча накинуть кафтанишко просто; льетъ вода по брюху и по спинѣ. нужно было гораздо... По семъ привезли въ братскій острогъ и въ тюрьму кинули, соломки дали. И сидѣлъ до Филипова поста въ студеной башнѣ; тамъ зима въ тѣ поры живетъ, да Богъ грѣлъ и безъ платья; что собачка на соломкѣ лежу; коли накормятъ, коли нѣтъ. Мышей много было, я ихъ *скуфьен* билъ, и батожка не дадутъ дурачки; все на брюхѣ лежалъ, спина гнила, блохъ да вшей было много.» *

Кромѣ лютаго гоненія отъ немилосердаго Пашкова, Аввакуму пришлось много пострадать, вмѣстѣ съ другими, и отъ трудности пути.

«Лѣсъ гнали, (пишетъ Аввакумъ,) хоромной и городской; стало ѣсть нечего; люди учили съ голоду мереть и отъ работныя водянныя бродни, рѣка мелкая, плоты тяжелыя, приставы неми-

лостивые, палки большіе, батоги суковатые, кнуты острые, пытки жестокия, огонь да встряска, люди голодные: лишь стануть мучить, ано и умреть»...

«По полямъ траву и кореніе копали, и мы съ ними же. А зимою сосну, а иное кобылятины Богъ дастъ, и кости находили отъ волковъ пораженныхъ звѣрей и, что волкъ не добѣтъ, то мы добѣдимъ. А иные и самихъ озяблыхъ ѣли волковъ и лисецъ и, что получать, всякую скверну... И самъ я грѣшный волею и неволею причастникъ кобыльимъ и мертвечьимъ сквернымъ и птичьимъ мясамъ. Увы грѣшной душѣ! кто дастъ главѣ моей воду и источникъ слезъ, даже оплачу бѣдную душу свою, *какже азъ могу быть житейскими сладостями?*»

Не дурны сласти!

Среди этихъ тягостныхъ лишеній было одно утѣшеніе, о которомъ Аввакумъ вспоминаетъ съ трогательною нѣжностью, ставъ мало, казалось бы, свойственною его крутому и закаленному характеру.

«Курочка у насъ черненька была, по два яичка на день приносила робяти на пищу Божиимъ повелѣніемъ, нуждѣ нашей помогая: Богъ такъ строилъ. На партѣ везучи, въ то время удавили по грѣхамъ, инныяча жаль мнѣ курочки той, какъ на разумъ придетъ. Ни курочка, ни то чудо было: во весь годъ по два яичка давала, сто рублей при ней плюново дѣло! Жалѣю! И та курочка, одушевленное Божіе твореніе, насъ кормила, и сама съ нами кашку сосновую изъ котла тутъ же клевала, или и рыбки прилучится, и рыбку клевала, и намъ противъ того два яичка на день давала». *

Всѣ эти муки и лишенія переносилъ Аввакумъ съ замѣчательною твердостью и тѣмъ успѣлъ пріобрѣсти сочувствіе и уваженіе въ окружающихъ. Даже семейство его палача, Пашкова, впитало къ нему любовь и старалось по возможности облегчить его страданія и нужды. Жена и сноха Пашкова заботились объ Аввакумѣ и его семействѣ:

«Онѣ намъ, (пишетъ Аввакумъ,) отъ смерти голодной тайно давали отраду: безъ вѣдома его (Пашкова) иногда пришлютъ кусокъ мяса, иногда колобокъ, иногда мучки и овсена, сколько найдется, четверть пуда и гривенку другую, а иногда и полпудка накопить и передастъ, а иногда у куровъ корму изъ корыта нагребетъ. Дочь моя, бѣдная горемыка Аграфена бродила

втайнѣ къ ней подъ окно. И горе и смѣхъ! Иногда ребенка прогонять отъ окна безъ вѣдома боярынина, а иногда и мягонько притащить. Тогда не велика была, а нынѣ ужъ ей 27 годовъ; дѣвицею, бѣдная моя, на Мезени съ меньшими сестрами перебивается кое-какъ, плачучи, живутъ; а мать и братья въ землѣ закопаны сидать. Да что жъ дѣлать? Пускай горше мучатся всѣ ради Христа; быть тому за Божіею помощію, на томъ положено и помучиться ради вѣры Христовой. *Любилъ протопопъ со славными знаться, любви и терпѣть горемыка до конца.*» *

Послѣднее нападеніе Пашкова на Аввакума, и самое страшное, которое нашему ревнителю едва не стоило жизни, было за сына Пашкова Еремѣя, съ которымъ протопопъ находился въ особенно дружескихъ отношеніяхъ. Дружба между ними возникла по слѣдующему поводу. Когда Пашковъ билъ кнутомъ Аввакума, Еремѣй сталъ было унимать отца; разгнѣванный Пашковъ погнался за сыномъ со шпагой. Черезъ нѣкоторое время дощеникъ, на которомъ плыла жена старика Пашкова, нашолъ на камень; Пашковъ съ сыномъ были на берегу, и Еремѣй сталъ говорить отцу: «батюшка! за грѣхи наказуетъ Богъ; напрасно протопопа того кнутомъ тѣмъ избилъ; пора покаяться, государь!»

«Пашковъ же, ухватя у малаго калешатую пицаль, никогда не лжетъ, приложя ея на сына, курокъ спустилъ, и Божіею волею осѣклася пицаль. Онъ же и въ третіе также сотворилъ, пицаль и въ третій осѣклася же; онъ ее на землю и бросилъ. Малой, поднявъ, на сторону спустилъ, такъ и выстрѣлила. Сълъ Пашковъ на стулъ, шпагою подперся, задумался и плакать сталъ, а самъ говоритъ: «согрѣшилъ окаянный, пролилъ кровь неповинну, напрасно протопопа билъ; за то меня Богъ наказуетъ». Чудно, чудно... дощеникъ самъ, покаянія ради, сплылъ съ камня... Тогда Пашковъ призвалъ сына къ себѣ, промолвилъ ему: «прости, Еремѣй: правду ты говоришь!» Онъ, прискоча, поклонился отцу и рече: Богъ тебя, государя, простить! я предъ Богомъ и предъ тобою виноватъ» (стр. 51—52).

Этотъ Еремѣй задумалъ какъ-то отправиться походомъ «въ Мунгальское царство», въ надеждѣ большой и легкой добычи и передъ походомъ, вмѣсто молитвеннаго напутствія, обра-

* Стр. 40.

тился къ ворожбѣ: «заставилъ иноземца шаманить, сирѣчь гадать: удастся ли имъ и съ побѣдою ли будутъ домой».

«Волхвъ же той мужикъ, говоритъ Аввакумъ, близъ моего зимовья, привелъ барана живаго въ вечеръ и учаль надъ нимъ волхвовать: вертя его много, и голову прочь отвертѣлъ, и прочь отбросилъ. И началъ скакать и плясать, и бѣсовъ призывать и, много кричавъ, о землю ударился и пѣна изо рта пошла; бѣсы давили его, а онъ спрашивалъ ихъ: «удастся ли походъ?» И бѣсы сказали: «съ побѣдою великою и съ богатствомъ большимъ будетъ назадъ».

Оскорбленный этимъ нечестивымъ обращеніемъ къ помощи шаманства въ самомъ завѣтномъ своемъ чувствѣ, протопопъ сталъ вопить на такое беззаконіе къ Богу:

«Послушай мене, Боже! послушай мене, Царю небесный! Свѣтъ! послушай мене! Да не возвратится вспять ни единъ отъ нихъ и гробъ имъ тамъ устроиши всѣмъ! Приложи имъ зла, Господи, приложи имъ и погибель имъ наведи, да не сбудется пророчество діавольское!»

Пашкову сказали, что протопопъ молится о погибели его сына, и онъ сначала только что *излалъ* его; но когда Еремѣя и дружинну его дѣйствительно постигла бѣда и о нихъ не было никакого слуху, тогда Пашковъ вознамѣрился попытать Аввакума, и только своевременное возвращеніе Еремѣя, который самъ-другъ спасся отъ гибели (Аввакуму стало жаль, говоритъ онъ Еремѣя: сталъ Владыкѣ докучать, чтобъ его пощадилъ), отвратило грозу.

«Во единъ отъ дней учредилъ (Пашковъ) застѣнокъ и огонь расклатъ, хочеть меня пытать; я ко неходу душевному и молитвы проговорилъ; *вѣдаю его стряпанье: послѣ огня того мало у него живутъ*. И самъ жду по себя и, сидя, женѣ плачущей и дѣтямъ говорю: «Воля Господня да будетъ!»... А се и бѣгутъ по меня два палача. Чудно дѣло Господне и неизреченны судьбы Владычьи! Еремѣй, ранень, самъ-другъ дорожкой мимо избы и двора моего ѣдетъ и палачей вскрикалъ и съ собою воротилъ; онъ, Пашковъ, оставя застѣнокъ, къ сыну своему пришелъ, яко пьяной съ кручины». * Вскорѣ послѣ того пришло въ Даурію указъ о возвращеніи Аввакума въ Москву.

Когда Аввакумъ приплылъ въ русскіе предѣлы, первая его забота была освѣдомиться о состояніи церковныхъ дѣлъ, кото-

* Стр. 53.

рыя въ то время находились въ крайнемъ разстройствѣ, какъ отъ раскольническихъ смуть, такъ еще болѣе отъ удаленія Никона съ патриаршаго престола.

«Таже въ русски грады приплыль (пишетъ Аввакумъ) и уразумѣль о церкви, яко ничтоже уснѣваетъ; но паче молва бываетъ. Опечалася, сидя, разсуждаю: что сотворю? проповѣдаю ли слово Божіе, или скрюсь? Жена и дѣти связали меня».

Здѣсь кстати сказать нѣсколько словъ и о женѣ Аввакума. Она представляетъ собою весьма замѣчательный типъ тѣхъ злыхъ раскольницъ, которымъ по преимуществу и по справедливости приписывается поддержка раскола въ русскомъ народѣ. Известно, что во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда случалось правительству склонять раскольныя общества къ миру и соединенію съ церковію, самыя сильныя затрудненія его состояли въ склоненіи женщинъ, вообще мало способныхъ къ разсужденію и движимыхъ большею частію слѣпимъ и упорнымъ чувствомъ.

Напрасно Аввакумъ боялся, что такая женщина свяжетъ его; еслибы онъ самъ сталъ ослабѣвать въ своей раскольнической ревности, такъ она нашла бы въ себѣ достаточно фанатизма, чтобы его возвратить къ прежнимъ чувствамъ.

«Вида меня печальна (говоритъ Аввакумъ) протопопца мой пристуши ко мнѣ со опратствомъ и рече ми: «Что, господине, опечалился еси?» Азъ же подробно извѣстихъ: «Жена! что сотворю? зима еретическая на дворѣ; говоритъ ли мнѣ, или молчать? связали вы меня!» Она же мнѣ говоритъ: Господи помилуй! Что ты, Петровичъ, говоришь? Азъ ты и съ дѣтьми благословляю, дерзай проповѣдати слово Божіе по прежнему, а о насъ не тужи, дондеже Богъ изволить. Тогда насъ въ молитвахъ своихъ забывай: оленъ Христосъ и насъ не покинуты! Иди, поди въ церковь, Петровичъ! обличай блудню еретическую! Я су ей за то челомя и, отряси отъ себя печальную слѣпоту, началъ попрежнему слово Божіе проповѣдати и *учити по градамъ и вездѣ, еще же и ересь никоновскую со дерзавеніемъ обличалъ.*»

«Въ Енисейскѣ зимоваль и паки лѣто пльвши, въ Тобольскѣ зимоваль я, *до Москвы пдуци, по всѣмъ городамъ и селамъ, въ церквахъ и на торгахъ, кричалъ, проповѣдуя слово Божіе, и уча, и обличая безбожную прелесть.*» *

* Стр. 61.

Въ Москвѣ сначала ожидалъ Аввакума самый лестный пріемъ. Дѣло Никона затрудняло до крайности добраго, но слабодушнаго царя; онъ чувствовалъ, что къ мирному исходу возникшей распри пути закрыты и потому искалъ уже скорѣйшей и рѣшительной развязки. Справедливость требуетъ замѣтить, что дѣйствительно непреодолимыхъ препятствій къ миру съ Никономъ не было; такъ-какъ в самъ Никоиъ нѣсколько разъ склонялся къ примиренію, и лучшіе, разсудительнѣйшіе изъ восточныхъ іерарховъ совѣтовали царю прекратить смуту, простивъ вину Никона ради его великихъ бывшихъ заслугъ, и не вводить въ русскую церковь тяжкаго и неудобнаго обычая—низлагать патріарховъ. Въ этомъ смыслѣ написано замѣчательное письмо іерусалимскаго патріарха Нектарія къ царю Алексію Михайловичу въ 1663 году. Но благіе совѣты мудрыхъ пастырей, несмотря на благоговѣнное уваженіе къ нимъ набожнаго царя, были безсильны передъ постоянными, ежеминутными влукновеніями низкихъ бояръ, окружавшихъ царя и не допускавшихъ его до благопріятной перемены въ отношеніи къ Никону; они чувствовали, что борьба идетъ на жизнь и смерть, и употребляли, для достиженія побѣды, всю энергію, къ какой обыкновенно способно бываетъ самосохраненіе. Разными извѣтами и раздражавшими наговорами постоянно дѣйствуя на слабый характеръ царя, они довели его до того, что онъ не только пересталъ желать мира съ Никономъ и еще менѣе, конечно, его оправданія на судѣ, но рѣшался даже нѣкоторыхъ архіереевъ, которыхъ расположеніе къ сторонѣ патріарха было очевидно, прежде соборнаго сужденія о дѣлѣ запрашивать, чтобы они также пристали къ обвинителямъ. Въ такомъ смыслѣ было объясненіе у царя съ просвѣщеннымъ черниговскимъ епископомъ Лазаремъ Барановичемъ: » О, епископе! говорилъ ему царь, аще ты патріарха Никона и не знаеши и не видалъ; но яко слышалъ еси, яко человекъ онъ яръ есть и нестерпимъ, молю же ти о семъ, егда будетъ призванъ онъ на соборъ сей, потщися ю всемъ помоществовати намъ». *

Но мудрено, что при такомъ расположеніи царя къ Никону, враги патріарха, посланные имъ расколоводы, во возвращеніи своемъ въ Москву, имѣли самый благосклонный пріемъ какъ отъ самаго царя, такъ въ особенности отъ бояръ.

* Христ. Чтен. 1861 г. февраль. стр. 147.

«Таже къ Москвѣ прїѣхалъ (пишетъ про себя Аввакумъ) и яко ангела Божія, прїяма мя; государь и бояре всѣ мнѣ рады. Къ Федору Ртищеву зашелъ; онъ самъ изъ налатки выходилъ ко мнѣ, благословился отъ меня и учалъ говорить много: три дня и три пощи домой меня не отпускалъ и потомъ царю обо мнѣ извѣстилъ. Государь меня тотъ часъ къ рукъ поставить велѣлъ и слова милостивыя говорилъ: «здорово ли де, протопопъ, живешь? еще де видѣться Богъ велѣлъ. »И я супротивъ руку его поцѣловалъ и пожалъ, а самъ говорю: «Живъ Богъ, жива и душа моя, царь государь! а впредь, что Богъ повелитъ». Онъ же миленькой вздохнулъ, да и пошелъ, куда надобѣ ему. Велѣлъ меня поставить на монастырскомъ подворьѣ въ Кремлѣ и, въ походы мимо моего двора ходя, кланался часто со мною, низенько таки, а самъ говорить: благослови де меня и помолися о мнѣ». И шапку въ иную пору мурманку, снимаючи съ головы, уронилъ, ѣдучи верхомъ. Изъ кареты, бывало, высунется ко мнѣ, тоже и всѣ бояра послѣ его челомъ да челомъ: «Протопопъ! благослови и молися о насъ».*

Въ этихъ разсказахъ можно, конечно, предполагать и нѣкоторое преувеличеніе, допущенное Аввакумомъ съ тою цѣлю, чтобы, сколь возможно, разительнѣе представить своимъ читателямъ и читателямъ обоестороннюю твердость духа, несокрушимаго бѣдствіями и неподдающагося самому прїятному и искусительному ласкательству; но совершенно вѣрно то, что сначала бояре исходатайствовали ему полную свободу поведенія и рѣчи, которою онъ и воспользовался для проповѣди своихъ мнѣній. Какъ въ сибирскихъ предѣлахъ и на пути въ Россію, онъ по всѣмъ городамъ и по селамъ, въ церквахъ и на торгахъ кричалъ противъ Никона и его исправленій, такъ точно съ тѣмъ же самымъ безстрашіемъ онъ распространялъ свое ученіе въ Москвѣ, и уже не одною изустною проповѣдію, но и различными писаніями. Успѣхъ его дерзкихъ рѣчей и сочиненій, при покровительствѣ бояръ, былъ до того великъ, что наконецъ отъ православныхъ пастырей поступила на него мольба, что онъ отвлекъ отъ православныхъ храмовъ множество людей. Замѣтивъ наконецъ, что дѣло зашло уже слишкомъ далеко и что упреки Аввакума касались не одного Никона, но и самого царя и бояръ, которые хотя и пользовались ненавистью расколоучителей къ патриарху для своихъ цѣлей, но съ прочими православными властями въ

* Стр. 63—69.

дѣлахъ церковныхъ желали пребывать въ общеніи и союзѣ, стали склонять Аввакума къ миру съ церковію и дѣлали ему самыя истыныя предложенія. Но ихъ не захотѣлъ принять слишкомъ легко зашедшій и слишкомъ много претерпѣвшій за свои мнѣнія расколоучитель.

«Давали мнѣ мѣсто (говорить Аввакумъ) гдѣ бы я захотѣлъ; и въ духовники звали, чтобъ я съ ними соединился въ вѣрѣ. Азъ же вся сія, яко уметы, виѣнихъ, да Христа пріобрязу». *

Не успѣвъ склонить Аввакума къ соединенію съ собою, стали искать средствъ заставить его по-крайней-мѣрѣ замолчать и не сѣять больше въ народѣ смуты, и безъ того уже сильно распространенной.

«Видятъ они, что я не соединяюсь съ ними, приказалъ государь уговаривать меня Родіону Стрѣшневу, чтобъ я молчалъ. И я потѣшилъ его: Царь то есть отъ Бога учиненъ и добреекъ до мене. Чаялъ, либо по маленьку исправиться, а се посули мнѣ Симеонова дни *спсть на печатномъ дворѣ книги правды, и я радъ сильно: мнѣ то надобно лучше и духовничества*. Пожаловалъ ко мнѣ прислалъ 10 рублей денегъ, царца 10 рублей денегъ, Лука духовникъ, 10 рублей же, Родонъ Стрѣшневъ 10 рублей же, а дружище наше старое Федоръ Ртищевъ, тотъ и 60 рублей казначею свѣдому велѣлъ въ шапку мнѣ сунуть, *а про нынѣшнѣе нечего и сказывать!* Всякъ гашить да несетъ всячиною. У свѣта моей, Федосьи Прокофьевны Морозовы, не выходя, жилъ во дворѣ, понеже дочь мнѣ духовная; и сестра ея, княгиня Евдокія Прокофьевна, дочь же моя. Свѣты мои, мученицы Христовы! И у Анны Петровны Милославскія покойницы всегда же въ дому былъ; и къ Федору Ртищеву браниться съ отступниками ходилъ, да такъ-то съ полгода жилъ. Да вижу, яко церковное ничтоже успѣваетъ, но ваче молва бываетъ, *паки заворчалъ, написалъ царю многонько шака*, чтобъ онъ старое благочестіе взыскалъ и мати нашу общую, святую церковь, отъ ереси оборонилъ и на престолъ бы патриаршескій пастыря православнаго учинилъ вмѣсто волка и отступника, Никона, злодѣя и еретика.» **

«И съ тѣхъ мѣстъ царь на меня кручиновать сталъ; не люблю стало, какъ опять сталъ я говорить; люблю имъ, какъ молчу; да мнѣ такъ не сошлось. И власти, яко козлы, пырскать стали на

* Тамъ же.

** Стр. 71.

меня и умыслили наки оселеть меня съ Москвы, понеже ради Христа многіе приходили ко мнѣ и, уразумѣвши истину, не стали къ прелестной службѣ ихъ ходитъ. И мнѣ отъ царя выговоръ былъ: власти де на тебе жалуются, церкви—де ты запустошилъ: пойдь-де въ ссылку опять.» *

На этотъ разъ сослали Аввакума съ семействомъ въ Мезень, гдѣ онъ и пробылъ до созванія собора 1666—1667 годовъ, на которомъ рѣшилась участь его и другихъ расколоучителей, равно какъ и судьба самого Никона.

Обстоятельства этого осужденія слишкомъ извѣстны, чтобы о нихъ распространяться подробно. Нѣкоторые изъ расколоучителей были сожжены, иные же оставлены въ живыхъ и, по лишеніи священства, разсланы въ разныя мѣста, въ ссылку: къ числу послѣднихъ принадлежалъ и Аввакумъ, который былъ сосланъ въ Шустозерскій острогъ, гдѣ и написалъ свою автобіографію, подавшую намъ поводъ къ составленію этой статьи. Кромѣ автобіографіи, онъ написалъ тамъ много другихъ сочиненій, изданныхъ и разобранныхъ г. А. Б., въ которыхъ, обличая «перстообразную прелесть», онъ не щадилъ ничьего лица и кончилъ, какъ извѣстно, тѣмъ, что за нестерпимыя хулы на царскій домъ, былъ сожонъ, вмѣстѣ съ другими его сообщниками.

Казню первыхъ расколоучителей оканчивается первая эпоха въ «Исторіи русскаго раскола». Коснувшись ея въ той мѣрѣ, въ какой было возможно и прилично коснуться по поводу автобіографіи одного изъ главныхъ дѣйствовавшихъ лицъ этой эпохи, мы переходимъ ко второму вопросу, предложенному въ началѣ нашей статьи, о значеніи въ исторіи раскола преобразованій Петра Великаго и тѣхъ ужасныхъ мѣръ, которыя были употреблены въ его царствованіе для искорененія раскола.

НОВОЕ ОТКРЫТІЕ ВЪ ШЕКСПИРОВОЙ ДРАМѢ.

(*New Exegesis of Shakspeare, interpretation of his principal characters and plays on the principle of races. Edinburgh. 1889.*)

Новое изслѣдованіе о драмѣ Шекспира и новое открытіе въ ней, о которомъ здѣсь будетъ рѣчь, принадлежать О' Коннелю. Мы не помнимъ, чтобы въ нашихъ журналахъ былъ предло-женъ въ свое время отчетъ объ этомъ критическомъ трудѣ О' Коннеля, котораго мы выставили подлинное заглавіе, и однако онъ заслуживаетъ того въ высшей степени. О' Коннель принад-лежитъ къ тѣмъ еще не весьма многимъ мыслителямъ, которые любятъ объяснять предметы и явленія этого міра ихъ естествен-ными причинами: онъ строгій сторонникъ принциповъ положитель-ной философіи, и, какъ критическій писатель, почитаетъ за сущій позоръ и анахронизмъ всякую абсолютную критику: «ни одинъ здравомыслящій человѣкъ—говоритъ О' Коннель—не въ состояніи вывести новой «Иліады» со всѣми ея подробностями, принадлежа-щими мѣсту и времени, хотя въ ней, какъ произведеніи генія, и есть нѣкоторая доля, принадлежащая всѣмъ временамъ и наро-дамъ». Это мнѣніе, конечно, не отличается особенною оригинальностью и его повторяютъ теперь, пожалуй, и такіе эстети-ки, которые въ то же время глубочайшимъ образомъ убѣждены въ непогрѣшимости папы. Но у такихъ эстетиковъ это здравое мнѣніе имѣетъ видъ случайности и никогда не воздерживаетъ отъ противорѣчій; оно отчасти напоминаетъ либерализмъ г. Ивана Аксакова, который въ одно и то же время проповѣ-дуетъ и свободу совѣсти и находитъ совершенно справедливымъ,

чтобы на свободу еврейской совѣсти была наложена пошлина, состоящая въ лишеніи гражданскихъ правъ. У О' Коннеля это понятіе не есть простой критическій пріемъ, а выводъ изъ всего его міровоззрѣнія, чуждаго всякаго мистицизма. Сущность этого міровоззрѣнія состоитъ въ признаніи вліянія на человѣческое развитіе тѣхъ самыхъ причинъ и законовъ, которыми Бокль объясняетъ вообще исторію человѣческаго рода. Кажется, какую пользу могло бы принести художественному критику и изслѣдователю то обстоятельство, что онъ въ основныхъ своихъ убѣжденіяхъ сходится съ Контомъ и Боклемъ, а не съ Мишлэ и Шеллингомъ? Его дѣло раскрывать и изслѣдовать то, какимъ образомъ человѣчество осуществляетъ въ искусствѣ свой идеалъ красоты. Однако О' Коннель одолженъ именно этому обстоятельству тѣмъ, что онъ открылъ въ Шекспирѣ новую сторону, которая въ равной степени заслуживаетъ вниманіе моралиста, философа и историка.

Этотъ критикъ примѣняетъ къ первостепеннымъ драмамъ Шекспира принципъ о человѣческихъ расахъ и доходитъ до весьма любопытныхъ соображеній. О' Коннель видитъ въ Шекспирѣ перваго и до-сихъ-поръ единственнаго писателя, который возвысился до столь глубокаго и въ то же время широкаго пониманія человѣческой природы, что представляетъ въ своихъ драмахъ не портреты отдѣльныхъ, индивидуальныхъ личностей, даже не типическіе образы цѣлаго класса людей, а эскизы и характеры главныхъ племенъ, населяющихъ Западную Европу и дѣлающихъ свою исторію подъ вліяніемъ роковыхъ и неизбѣжныхъ вліяній и побужденій, неотдѣлимыхъ отъ ихъ нравственной и физической сущности; однимъ словомъ, О' Коннель думаетъ, будто громадный умъ Шекспира понималъ уже тотъ основной принципъ положительной философіи, по которому въ исторіи человѣческаго рода слѣдуетъ видѣть только строжайшую зависимость причинъ и послѣдствій, непрерываемую въ своемъ теченіи никакимъ сверхчувственнымъ вмѣшательствомъ, простой естественный феноменъ, въ такой же мѣрѣ подчиненный своимъ собственнымъ законамъ, какъ напр. развитіе дуба, начиная отъ жолудя до того времени, когда онъ начинаетъ бросать на окружающую его мѣстность цѣлое облако тѣни. Такимъ образомъ Шекспиръ получаетъ въ нашихъ глазахъ новое и совершенно особаго рода величіе, а съ тѣмъ вмѣстѣ и то здоровое направленіе, въ пользу котораго дѣлается такое толко-

ваніе Шекспира, пріобрѣтаетъ совершенно нелишнюю поддержку. Прежде чѣмъ вдаваться въ подробности, мы познакоимъ читателя съ исходною точкою о'коннелева взгляда посредствомъ подлинной выписки. «Геній поэта и философа, если только они действительно геніальные новаторы — говоритъ О'Коннель — состоитъ въ способности уловлять самыя зачатки, возникающіе въ человѣческихъ обществахъ по мѣрѣ развитія всеобщей умственной жизни, и возводить ихъ — одному, т. е. поэту, въ цѣль, а другому — философу, въ плодъ. Такой геній, въ отличіе отъ людей низшаго порядка, непонимающихъ другого единства, кромѣ единства предмета, находящагося у нихъ передъ глазами, и искусства, правиламъ котораго они слѣдуютъ, проникается единствомъ всего, на что онъ простирается, единствомъ внутреннихъ причинъ, главныхъ пружинъ движенія и единствомъ цѣлствованія. Какъ изъ хаотическаго движенія, возбужденнаго между греками троянскими войнами, которыя перемѣшали столько народовъ и которыхъ различныя фазисы и событія приняли въ теченіе времени миѳическую оболочку, какъ изъ этого движенія, говорю я, родились въ концѣ всего Эсхиль и греческая драма, такъ точно изъ средневѣковаго цикла, изъ такого же хаоса, только въ большихъ размѣрахъ, войны, племенъ и романовъ, принадлежавшихъ этимъ племенамъ, родился, въ свою очередь, Шекспиръ. Несмотря, однако, на такую аналогію происхожденія и степени даровитости между этими поэтами, ихъ области были столько же различны, какъ ихъ эпохи и сцены, на которыхъ они дѣйствовали. Для грека былъ доступенъ опытъ только небольшого уголка Европы; англійскій поэтъ имѣлъ передъ собою цѣлую Европу, болѣе чѣмъ съ двадцатью вѣками исторіи. Равнымъ образомъ первый, во своему качеству инициатора, долженъ былъ трудиться надъ внѣшностью, надъ событіями, костюмами, обычаями колѣнъ, бывшихъ предметомъ современныхъ ему преданій; напротивъ, позднѣйшій новаторъ, помимо всего внѣшняго, долженъ былъ углубляться въ идеи и характеры, бывшіе причинами такихъ-то внѣшнихъ явленій, и слѣдственно, представлять намъ не семейства и не колѣна, а націи или, лучше сказать, племена. Между тѣмъ, какъ Эсхиль съ своей древней драмой ограничивалъ сферу дѣйствія предѣлами семейства, основатель новѣйшей драмы повелъ ее далѣе, до болѣе обширныхъ группъ, согласно общему прогрессу въ познаніи людей и природы. Чѣмъ Малая Азія и Эллада были для аѳинскаго народа, тѣмъ самымъ Европа была для англа-

чанъ время возрожденія. У древнихъ теологій, причина совершенно внѣшняя и примитивная, была главною пружиною дѣйствія и рубежомъ человѣческихъ характеровъ; у новѣйшихъ этотъ рубежъ раздвигается, а этою пружиною становится рекъ чисте-человѣческой и внутреннѣйшей организаціи. Домы Пелопидовъ и Лабасидовъ были темою для Эсхила, а для Шекспира такою темою послужили германское, италійское и кельтическое племена.

Согласно этой системѣ, Яго, въ «Отелло», представляетъ характеръ итальянской расы, Гамлетъ—тевтонской, Макбетъ—кельтической. О'Коннель, конечно, ни въ какомъ случаѣ не хочетъ утверждать, чтобы составлять злодѣйскіе замыслы было свойствомъ итальянскаго племени, чтобы убійства добрыхъ королей подъ гостепріимной кровлей служили характеристикою кельтической расы, и чтобы, наконецъ, меланхолія и нерѣшимость характера были принадлежностью германскаго типа. Яго могъ бы быть и честнымъ человѣкомъ, Макбетъ столь же правдивымъ, какъ и Дунканъ, и Гамлетъ столь же царственнымъ, какъ и Альфредъ Великій; но, во всякомъ случаѣ, всѣ эти лица въ добръ, какъ и во злѣ, тѣмъ не менѣе были бы истинными представителями своего племени, то есть, они повиновались бы тѣмъ же импульсамъ (*impulsion*), которымъ повинуются ихъ племя, и тѣмъ же условіямъ, которыя ограничиваютъ его. Мысль О'Коннеля можно объяснить примѣромъ: краснокожій человѣкъ можетъ быть столь же благороднымъ, какъ Ункасъ (въ романѣ Купера), и столь же коварнымъ, какъ Лиса-Проньера, не выходя, однако, изъ того заколдованнаго круга, въ которомъ онъ остается по своему качеству сына первобытныхъ лѣсовъ Америки: эти краснокожіе ни въ чемъ не похожи на этихъ бѣлыхъ, которыхъ даровитый романистъ поставилъ обр-руку съ ними. Теперь, что Куперъ безъ всякаго труда могъ соблюсти въ девятнадцатомъ вѣкѣ между столь рѣзко-отличающимися племенами, то самое Шекспиръ, вслѣдствіе своей гениальной проницательности, замѣтилъ въ шестнадцатомъ, между столь близкими типами, что одинъ, только великій поэтъ и могъ обозначить ихъ отчетливымъ образомъ.

Итакъ, Яго — сказали мы—представляетъ итальянца. Слѣдуетъ замѣтить, что историческое понятіе О'Коннеля объ этомъ народѣ, какъ особенномъ племени, таково, что онъ даетъ ему второстепенное значеніе; основаніе такому мнѣнію, оставаясь вѣрныи своей методѣ, онъ отыскиваетъ въ характерѣ римлянъ

А вотъ существенныя черты его взгляда на этотъ характеръ: относительность ума — ничтожность организующей способности, слабость рефлексій, преобладаніе разсудочности (sensation) и него конкретнаго пониманія, которое тѣмъ болѣе выигрываетъ въ силѣ, чѣмъ оно уже и ограниченнѣй, и въ ясности, чѣмъ оно объективнѣй. Эти положительныя и отрицательныя черты доказываются исторіей. Римляне никогда не имѣли мыслителя, философа, системы; небольшое количество спекулятивныхъ писателей, которыя они произвели, копировали грековъ и были фритонъ, дурными компиляторами событій и басней, какъ Варронъ и Плиній. Они заклеили названіемъ вѣтрости ту обширность грековъ, съ которою они подчинялись вліянію диалектики; ихъ собственная тупость казалась имъ степенностію, потому что ее нельзя было расшевелить такими пружинами. Ихъ любимыя аргументы, ихъ единственныя умозрѣнія, въ которыхъ она цукались, состояли въ снотолкованіяхъ, авгурахъ и предсказаніяхъ; самая ихъ религія была простою обрядностію, не заключающею въ себѣ ни души, ни доктрины. Что было у нихъ передъ глазами — это они понимали глубоко, точно и упорно, но никогда не умѣя стать выше частныхъ и жизненной практики. Единственное абстрактное твореніе ихъ, это — юридическій кодексъ, который не требовалъ ни ума, ни рефлексій, который даже исключалъ ихъ, такъ какъ законъ, по своему свойству призывать, имѣеть въ виду одни только факты, служить не для того, чтобы убѣждать или вдохновлять, а для того, чтобы судить и приговаривать. Ихъ нравственныя принципы, подобно религіи, были тоже внѣшними и опирались на обычай и суевѣріе. По своимъ манерамъ римляне были скорѣе граціозны, чѣмъ гражданственны (polished); доступныя впечатлѣніямъ отъ всего внѣшняго, но глухіе для всего внутренняго, они отличались вѣжливостію — безъ привѣтливости, достоинствомъ — безъ деликатности; словомъ. у нихъ не доставало той симпатіи и гуманности, которыя предполагаются словомъ — джентльменъ; положеніе ихъ потомковъ въ средневѣковомъ рыцарствѣ не отличалось возвышенностію; вмѣсто того, чтобы помогать въ крестовыхъ походахъ, они торговали. Съ точки зрѣнія государственной, или соціальной, это племя было патріотическимъ, насколько понятіе о патріотическомъ противоположно личному и филантропическому. Патріотизмъ — какъ показываетъ самое это названіе — будучи признанностію къ роднѣ, къ землѣ, вполнѣ согласовался съ чистот-

физическимъ или конкретнымъ кругомъ ихъ пониманія. Римляне имѣли такой же земельный взглядъ на свой Римъ, какой имѣемъ мы на свою осѣдность. Отсюда ихъ нелюбовь къ разбросанности и стремленіе къ единству, но только къ единству собранія, а не организациі. Это было тѣмъ стремленіемъ, которое привело ихъ къ покоренію вселенной, и это же было тѣмъ недостаткомъ, который былъ причиною, что они потеряли ее, когда покорили. Теперь всѣ эти недостатки закрываются идеаломъ, который обыкновенно дѣлаютъ изъ Рима. О побѣдителяхъ міра думаютъ, что ихъ мужицкое невѣжество было добродѣтелью и простотою, тупое презрѣніе ученыхъ грековъ—глубокимъ здравомысліемъ, абсолютный недостатокъ совѣсти—стоическою твердостью характера, формалистское суевѣріе—религіозной строгостью, величайшая неспособность къ организациі—мудрою заботливостію о народной свободѣ, слѣпая жадность къ власти и завоеваніямъ—цивилизаторской отвагою.

Этотъ портретъ латинской породы есть вмѣстѣ съ тѣмъ и характеристика итальянцевъ. На всѣ возраженія, которыхъ при этомъ такъ много представлялось самому О'Коннелю, въ пользу теперешней Италіи, именно, что она, не въ примѣръ невѣжественнымъ римлянамъ, сдѣлала свой благородный вкладъ въ науку, что она доказала свою способность производить первоклассныхъ поэтовъ и что она почитается царицею живописи и музыки, на всѣ эти возраженія О'Коннель отвѣчаетъ, что это доказываетъ только то, что остроготское и ломбардское завоеванія ввели въ жилы итальянцевъ обновляющую струю германской крови; отсюда и эти новыя complicаціи въ ихъ характерѣ. Но Яго, какъ думаетъ О'Коннель, долженъ относиться, по мысли Шекспира, къ латинскому или итальянскому типу, какимъ онъ описалъ его, или, говоря его собственными словами, это такое лицо, которое, бывъ отыскано въ старомъ, позабытомъ рассказѣ, сдѣлалось, благодаря гению Шекспира, портретомъ итальянской расы, лицо доброе или подлое, но во всякомъ случаѣ совмѣстившее въ себѣ мысли, побужденія и комбинаціи, изъ которыхъ поэтъ ни разу не даетъ ему выступить. Яго служитъ съ тѣмъ вмѣстѣ истиннымъ героемъ трагедіи. Это предчувство валось и высказывалось и прежде много разъ; О'Коннель настаиваетъ на этомъ мнѣніи съ особенною силою и считаетъ его окончательно вѣрнымъ. «Я хочу—говоритъ онъ—чтобы по-крайней-мѣрѣ это первенство не было оспариваемо у славнаго и несчаст-

наго народа, оказавшаго услуги вселенной. Правъ или неправъ О'Коннель въ подробностяхъ своей мысли объ итальянской расѣ, но никто не можетъ оспаривать его мнѣнiя, что странная и неуловимая личность Яго есть истый итальянецъ XVI вѣка и прямой потомокъ древняго стоическаго или безсердечнаго римлянина; личность, которая очень хорошо сознаетъ всю преступность своихъ дѣйствiй, не оставляя на этотъ счетъ ни малѣйшаго сомнѣнiя, и однако леденатымъ образомъ становится выше всякихъ колебанiй, считая совѣсть за предрасудокъ и проводя въ частномъ своемъ поведенiи тѣ самыя нравственныя правила, которыя Макиавель возвелъ въ государственную теорiю. Въ концѣ XV-го и въ XVI-мъ вѣкѣ несостоятельность католическаго единства давала возможность пальцемъ указывать на тотъ фактъ, что политика и нравственность находились въ меньшей зависимости отъ теологiи, чѣмъ какъ объ этомъ думали, и политика и нравственность, въ свою очередь, должны были выдерживать въ это время страшныя штурмы. Итальянцы одни только были тогда способны имѣть обобщающiя понятiя объ этомъ состоянiи разложенiя и возвести ихъ въ систему, и они осмѣлились это сдѣлать, хотя всѣмъ извѣстно, что ихъ тираны несколько не были безчестнѣе всѣхъ этихъ Фердинандовъ касильскихъ, Ричардовъ англiйскихъ, или Лудовиковъ XI.

Яго, какъ итальянецъ, встрѣченный Шекспиромъ въ итальянскомъ разказѣ, имѣетъ тамъ всѣ внутреннiе и внѣшнiе признаки, которые дѣлаютъ его туземцемъ, членомъ своей нации. Шекспиръ съ необыкновенной для своего времени проникательностiю, почувствъ всю выгоду не истреблять эти признаки и не замѣнять ихъ тѣмъ, что въ человѣческой природѣ есть наиболѣе общаго, а напротивъ, онъ захотѣлъ,—какъ это дѣлаетъ сама дѣйствительность,—сохранить и завершить эти признаки, и именно для того, чтобы поставить ихъ надъ всѣмъ тѣмъ, что есть наиболѣе общаго въ человѣкѣ. Тотъ моментъ творчества, въ который Шекспиръ попалъ на это соображенiе, былъ моментомъ происхожденiя новой драмы. Это необходимое условiе искусства теперь кажется простымъ и естественнымъ, но оно открыто Шекспиромъ. А какъ только оно было имъ открыто, то очень понятно, что въ соблюденiи его Шекспиръ именно достигаетъ до той глубины и широты, какъ это истолковываетъ О'Коннель: Яго не просто лицо съ дьявольскимъ характеромъ—это не большая задача—а злодѣй-итальянецъ, и не тѣмъ лишь итальянецъ, что его сразу узна-

вать можно, а такой, что проникательные умы открываютъ въ немъ всѣ существенные импульсы, которые составляютъ историческій рокъ его націи.

Какъ въ *Отелло* О'Коннелъ хочетъ видѣть Яго и итальянцевъ, такъ въ *Гамлетъ*—тевтоновъ, а въ *Макбетъ*—кельтовъ. Существенное отличіе между этими типами О'Коннелъ полагаетъ въ томъ, что итальянецъ управляется по преимуществу внѣшними впечатлѣніями, между тѣмъ, какъ тевтонъ всего болѣе покоряется побужденіямъ личнымъ, а кельтъ, по своей посредствующей натурѣ, соединяетъ эти двѣ точки зрѣнія—замѣчаніе, достойное полного вниманія историковъ и историческихъ монографистовъ, если они хотятъ объяснять теченіе исторіи и человѣческихъ дѣлъ изъ ихъ глубокихъ и настоящихъ причинъ. Исслѣдованіе о племенахъ занимаетъ у О'Коннела очень много мѣста; но для нашей цѣли достаточно будетъ замѣтить, что представителями тевтонскаго племени О'Коннелъ считаетъ скандинавовъ (датчанъ, шведовъ, норвежцевъ), нѣмцевъ, голландцевъ и англичанъ. Рѣзкія различія, существующія въ настоящее время между этими народами, какъ напр. между англичанами и нѣмцами, его не смущаютъ; онъ объясняетъ ихъ множествомъ другихъ историческихъ особенностей и complicаций. Изъ этихъ четырехъ народовъ Гамлетъ главнымъ образомъ представляетъ эгоистическихъ англичанъ, хотя въ немъ есть значительная доля и нѣмца. Широта захвата, которою отличается величайшая изъ драмъ Шекспира, объясняется тою же причиною, которую мы привели при объясненіи Яго, именно, что Шекспиръ здѣсь, какъ и тамъ, остается вѣренъ старинному разсказу: фигура датскаго принца, хотя и въ видѣ грубаго матеріала, представляетъ и у Саксона-грамматика именно тотъ самый духовный строй (*une manière d'être de l'esprit*), который намъ и вѣстенъ въ шекспировскомъ Гамлетѣ. Съ этимъ слѣдуетъ согласиться безъ возраженій; да въ сущности это вовсе не новость. Слова Мольера о самомъ себѣ, что онъ бралъ добро свое всю гдѣ находилъ его, еще болѣе идутъ къ Шекспиру. Въ самомъ дѣлѣ его отношеніе къ его оригиналамъ вразительное: въ этихъ оригиналахъ, по самой ихъ грубой непосредственности, нѣтъ намека на то, что на свѣтѣ есть еще другіе люди, кромѣ дѣствующихъ тамъ лицъ; ихъ содержаніе въ высшей степени мѣстное и частное; громадный умъ Шекспира съ такою точностью и отчетливостью улавливаетъ эти мѣстныя и частныя ч

ты, что, несмотря на самобытность плана и на все богатство подробностей, несмотря и на ту общечеловѣческую широту, до которой онъ доводитъ мѣстныя черты и чисто-индивидуальные характеры своихъ источниковъ, кажется, будто онъ остается въ томъ же узкомъ и заколдованномъ кругу этихъ источниковъ. Жанъ-Жакъ Руссо, говоря о прекрасныхъ мѣстностяхъ, которыя онъ обезсмертилъ въ своей «Элоизѣ», сказалъ о своихъ—Юли, Кларѣ и Сень-Прё: «не ищите ихъ тамъ». Точно такъ можно сказать: не ищите въ оригиналахъ Шекспира этой драматической поэзии, которая развивается въ постоянно возрастающемъ дѣйствіи, въ удивительныхъ діалогахъ и самыхъ стихахъ, исполненныхъ красоты и силы; но точки отправления Шекспира отыскиваются именно въ этихъ оригиналахъ, и они находятся въ нихъ до такой степени, какъ-будто этотъ Рафаэль драмы—какъ счастливо выразился О'Коннель о Шекспирѣ—ничего другого не сдѣлалъ, какъ только освѣтилъ то, что въ его оригиналахъ было темнаго, облагородилъ то, что было въ нихъ грубаго, и наложилъ на нихъ эту дѣйствительность искусства, которая, въ извѣстномъ отношеніи, правдоподобнѣй даже настоящей дѣйствительности. Эту сторону творческой силы Шекспира можно объяснить сравненіемъ. Расинъ, напр., въ *Баязетъ*, точно такъ же воспользовался турецкимъ разказомъ; какъ Шекспиръ въ своемъ *Отелло*, итальянскимъ. Но французскій романтическій драматургъ—по ошибкѣ признаваемый за псевдоклассическаго—едва очутившись въ серали, совершенно забываетъ, да кажется, и никогда не находилъ нужнымъ помнить, что онъ не въ Версали: версальскій дворъ тотчасъ выступаетъ на сцену, благородныя сеньоры и придворныя дамы, одѣтыя по турецки, ведутъ себя совершенно какъ великосвѣтскіе французы, и выражаютъ тѣ самыя чувства и тѣмъ же самымъ способомъ, какъ бы они это дѣлали, еслибы ихъ одѣть по тогдашней, то есть современной Расину, парижской модѣ. Попадись этотъ самый сюжетъ Шекспиру, и мы, вмѣсто Версаля, увидѣли бы настоящій сераль, вмѣсто отборныхъ чувствъ, свойственныхъ великосвѣтскимъ людямъ расиновскаго времени—настоящія турецкія чувства, вмѣсто трехъ знаменитыхъ единствъ—одно только единство характеровъ. «Великій поэтъ—говоритъ О'Коннель—знаетъ одно только единство—своего гения». Расиновскія лица остаются похожи сами на себя только по монотонному выраженію своихъ чувствъ. Единство шекспировскихъ характеровъ

обнимаетъ все разнообразіе ихъ духовныхъ сущностей и не ограничивается даже и этимъ, а захватываетъ еще и весь широкій объемъ той среды, въ которой они дѣйствуютъ — словомъ, оно, въ сущности, именно есть «единство генія», силой котораго Шекспиръ изъ легендарныхъ или историческихъ обломковъ создавалъ цѣлыя массы людей, подобно тому, какъ Кювье по осколкамъ костей воспроизводилъ давно уже несуществующую на землѣ фауну.

О'Коннель изучалъ, повидимому, съ особенною любовью этотъ тевтонскій типъ, представляемый Гамлетомъ. Любители остроумныхъ соображеній (а кто же не любитель такихъ соображеній?) могутъ найти особенное удовольствіе въ томъ, съ какою глубиною, страстью, а иногда и просто смѣлыми софизмами онъ вырываетъ у Шекспира этотъ портретъ тевтона или, лучше сказать, англичанина, человѣка грубо-эгоистическаго, съ практическимъ смысломъ, коммерческаго, любителя конечныхъ причинъ и потому не выходящаго изъ круга теологическихъ понятій о мірѣ. Художественный тактъ г. Тургенева внушилъ ему почти такой же взглядъ на Гамлета. Мы не знаемъ, былъ ли ему извѣстенъ трудъ О'Коннеля; если не былъ, то г. Тургеневъ сѣдуетъ признать столь же проницательнымъ критикомъ какъ и тонкимъ художникомъ. — Вотъ сокращенная характеристика тевтона, представленная въ подлинныхъ словахъ О'Коннеля: «Тевтонъ, повидимому, носитъ при себѣ весь міръ своихъ интересовъ; ко внѣшнему міру онъ относится лишь съ той стороны, что онъ подчиненъ его интересамъ; это человѣкъ, предназначенный для физическаго преуспѣванія, человѣкъ колонизацій и коммерческихъ дѣлъ, но, вслѣдствіе этого же эгоистическаго направленія, онъ съ тѣмъ вмѣстѣ человѣкъ цѣлесообразности и конечныхъ причинъ, на краю которыхъ онъ видитъ Бога». Читатели серіозныхъ англійскихъ книгъ, и въ особенности большихъ англійскихъ журналовъ, очень хорошо знаютъ, много ли онъ представляютъ исключеній отъ этой общей склонности къ конечнымъ причинамъ: масса англійскаго народа къ своимъ Болямъ и Льюзамъ не имѣетъ почти никакого довѣрія и, на противъ, очень симпатична къ тѣмъ ученымъ, которые, описывая, напр., длинныя и кинжалообразныя зубы допотопной ящерицы, прославляютъ благодѣтельную природу, которая вооружаетъ ящерицу столь цѣлесообразными зубами, забывая, при этомъ въ пользу пожирателя, интересы и страданія пожираемыхъ.

Наконецъ выступаютъ Макбетъ и кельты. Важнѣйшими представителями кельтовъ О'Коннелль почитаетъ французовъ, потому что олатинившихся галловъ, которые одноплеменны съ ирландцами и шотландскими гаэлами, и доселѣ сохранившими кельтское нарѣчіе. Мы уже замѣтили, что этой расѣ О'Коннелль отдаетъ преимущество предъ двумя другими, находя ея точку зрѣнія не просто личною, какъ у тевтоновъ, и не просто національною, какъ у народовъ латинскаго племени, а по превосходству соціальною и посредствующею между воззрѣніями, свойственными двумъ первымъ расамъ. Характеристика кельтовъ можетъ быть передана такимъ образомъ: «относительно ума—равновѣсіе между разсудочною способностью и созерцательными стремленіями, иначе сказать, повѣрка и восполненіе индукціи и анализа посредствомъ синтеза. Въ нравственности послѣдовательность поступковъ, то есть — сообразность поступка съ его непосредственными причинами здѣсь болѣе имѣетъ мѣста, чѣмъ побужденія къ поступкамъ, внушаемая совѣстью, какъ у тевтоновъ, или предзаданною цѣлью, какъ у итальянцевъ. Въ умозрѣніи это племя должно быть методичнымъ и организаторскимъ, а въ теологическомъ отношеніи противопологать прочность учрежденій безпокойному пророчеству и теократическому застою, иначе сказать, кальвинизмъ и галликанизмъ крайностямъ романизма и протестантизма. Манеры у этого племени должны быть, въ одно и то же время достойны, изысканъ и привѣтливы, насколько это зависитъ отъ темперамента съ превосходной нервной системой, гдѣ одинаково облагорожены и покорность (*servility*) клеточной ткани, и грубость мускульной системы. Наконецъ стремленія должны быть не личными и эгоистическими, а направленными на среду, экспансивными, благородными, великодушными, — словомъ, социальными. Эти превосходныя качества имѣютъ свои пороки, или могутъ обращаться въ нихъ. Такимъ образомъ большая разсудительность можетъ приводить къ излишней осторожности и боязни новыхъ предпріятій. Въ нравственномъ отношеніи духъ послѣдовательности обращается въ закоснѣлость и готовность на всякую жестокость, вынуждаемую логикою обстоятельствъ и положенія, такъ что человѣкъ такого закала, однажды натолкнутый на преступленіе, переходитъ уже естественно отъ одного злодѣйства къ другому; и это безъ зложелательныхъ намѣреній, безъ жестокости характера, а просто, повинуясь требованіямъ послѣдовательности въ поступкахъ и понятіяхъ. Слабая

сторона философіи,—замѣчаетъ при этомъ случаѣ О'Коннель,—состоитъ въ холодной невнимательности къ внушеніямъ чувства и къ предразсудкамъ человѣческаго рода, невнимательности, которую можно назвать избыткомъ теоріи, неуважающей ни исторіи, ни предацій, что свойственно другимъ расамъ. Что же касается манеръ, то тутъ недостатокъ можетъ быть двухъ родовъ: излишняя покорность вліяніямъ общества дѣлаетъ непостояннымъ и обращаетъ качества, которыя должны украшать человѣческую душу, въ маску притворства; а съ другой стороны, манія общественности, облакающая въ ту форму честолюбія, которая не есть ни слѣпое желаніе власти, ни грубая жадность, доходитъ до такой крайности, что ради коллективнаго одобренія и вниманія свѣта способна губить частныя интересы.»

Эта характеристика, несмотря на ея остроуміе, представляетъ, конечно, очевидныя натяжки, которыя тоже, въ свою очередь, слѣдуетъ приписать излишеству теоріи. О'Коннель нигдѣ не говоритъ прямо, что онъ рисуетъ здѣсь портретъ французской націи; но самыя рельефныя черты этого портрета, очевидно, принадлежатъ французамъ; а между тѣмъ Ирландія служитъ въ настоящее время единственнымъ большимъ и чистѣйшимъ центромъ кельтическаго племени. Отчего же ирландцы ни своимъ индивидуальнымъ характеромъ, ни своей исторіей не доказываютъ ни малѣйшаго сходства съ этимъ портретомъ? Потомъ О'Коннель очевидно хотѣлъ польстить своимъ за-ламанскимъ сосѣдямъ за ихъ передовыя стремленія, и уязвить своихъ соотечественниковъ за ихъ, будто бы, нравственную неподвижность. Всѣ французскіе пороки получаютъ смягчающія обстоятельства, всѣ дурныя дѣла прикрываются великими качествами. Нападаетъ духъ рутинерства на французовъ—это значить, что они очень дальновидны и предвидятъ всѣ опасныя случайности новыхъ предпріятій. Французы имѣли революцію, которая отличалась философскимъ и, можно сказать, аксіоматическимъ характеромъ: это значить, что они очень послѣдовательные люди и не могутъ останавливаться на полдорогѣ; вещи, которыя они поняли, они необходимо и тотчасъ должны провести въ жизнь. А между тѣмъ это значить только, что ихъ революція случилась въ концѣ XVIII вѣка а не раньше хоть однимъ столѣтіемъ, такъ-что вся неумолима послѣдовательность должна быть приписана времени; произоид она около половины XVII вѣка, какъ революція англійская, она не только не была бы ни философскою, ни аксіоматическою, а ещѣ

воля быть, какъ это доказала фронда, во всѣхъ отношеніяхъ ниже англійской революціи. Замѣчанія эти касаются, однако, не сущности о'коннелева метода, а только его частнаго примѣненія. Племенное отличіе тива, представляемаго Макбетомъ, все-таки слѣдуетъ считать доказаннымъ, а самое указаніе О'Коннеля на это отличіе—вполнѣ оригинальнымъ. Макбетъ—этотъ человѣкъ, измѣнически убивающій своего короля и гостя—безъ сомнѣнія, не менѣе злодѣй, чѣмъ Яго; но вы понимаете ясно до очевидности, что это человѣкъ не только другой духовной сущности, но и принадлежитъ къ громадной средѣ, нисколько непохожей на ту, которая вынесла изъ себя Яго. Это доказываетъ уже много: общечеловѣческое свойство шекспировскихъ лицъ отодвигается на второй планъ.

Но О'Коннель доказываетъ больше: крайніе выводы его таковы, что Италия, несмотря на отсутствіе въ ней организаторской способности, должна быть свободной, потому что, въ сущности, это коллективный Яго, въ которомъ самыя страшныя препятствія вызываютъ—одно только презрѣніе къ нимъ, и что Франція непременно должна переходить изъ одной крайности въ другую, подобно тому, какъ Макбетъ, бывши за одинъ часъ до мысли о преступленіи благороднѣйшимъ изъ людей, рѣшается потомъ на страшное злодѣйство и доходитъ до жесточайшей тиранинн.

«Я не думаю утверждать—говорить О'Коннель—будто Шекспиръ такъ же ясно, какъ его критики, сознавалъ всю широту объема своихъ понятій и сознательно заключилъ въ свои созданія всѣ данныя для всѣхъ возможныхъ изъ нихъ выводовъ. Истинный поэтъ бываетъ философомъ по чувству или предчувствію, а не по системѣ, и всѣ великіе двигатели человѣческаго прогресса никогда не сознаютъ своихъ дѣйствительныхъ стремленій. Основатель новѣйшей драмы, нанавъ на поэтическія и легендарныя средневѣковыя сказанія, очутился обладателемъ эскизовъ главнѣйшихъ видоразличій европейской расы, эскизовъ, которые въ его рукахъ обратились въ типическія изображенія націй». Это всякому извѣстно, что Шекспиръ поступалъ съ легендами именно такимъ образомъ и, по своему званію величайшаго изъ поэтовъ, не могъ поступать иначе. Первоклассные художники—будутъ ли это поэты, музыканты или живописцы—ничего не творятъ въ общепринятомъ значеніи этого слова; они только воспроизводятъ, развиваютъ, озаряютъ смысломъ,

идеализируютъ матеріалы, представляемые исторією, легендой, мифомъ, или современной жизнью. Байронъ — на свидѣтельство котораго въ подобномъ дѣлѣ вполнѣ можно положиться—сказалъ въ одномъ мѣстѣ, конечно, иронически: «чѣмъ выше поэтъ, тѣмъ онъ менѣе чистъ на руку».

ЯСНАЯ ПОЛЯНА,

ЖУРНАЛЪ ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ, ИЗДАВАЕМЫЙ ГР. Л. ТОЛСТЫМЪ. № 1.

Улучшеніе матеріальнаго благосостоянія народа и его образованія, безъ сомнѣнія, должны идти рядомъ: одно безъ другого было бы недостаточно, не полно, и немогло бы служить твердою основою для успѣховъ всей вообще общественной жизни. Матеріальное благосостояніе человѣка необразованнаго, и въ особенности испорченнаго нравственно, приведетъ только къ извѣществамъ, и съ другой стороны народное образованіе безъ матеріальнаго благосостоянія почти совсѣмъ невозможно. Съ этой точки зрѣнія заботы о народномъ образованіи, которыя, мы замѣчаемъ въ томъ и другомъ классѣ, представляются явленіемъ вполне естественнымъ и особенно благовременнымъ въ то время, когда судьба низшихъ классовъ нашего народа подвергается такому коренному измѣненію; потому появленіе журнала г. Толстого есть явленіе въ высшей степени современное. Его педагогическій журналъ имѣетъ совсѣмъ другую задачу, нежели тѣ педагогическіе журналы, которые мы имѣли до-сихъ-поръ; это не есть педагогическій журналъ для образованныхъ классовъ; онъ имѣетъ въ виду образованіе чисто-народное; задача, которую онъ себѣ предположилъ, относится къ деревенскимъ школамъ, открываемымъ въ послѣднее время и которыя, безъ сомнѣнія, будутъ открываться все въ большемъ и

большемъ числѣ. Вопросъ о народномъ образованіи слишкомъ заинтересовалъ самого издателя; незадолго онъ открылъ самъ деревенскую школу и устроилъ ее, по своимъ понятіямъ; не такъ давно онъ путешествовалъ за границую, повидимому, тоже главнымъ образомъ съ тою цѣлью, чтобы обозрѣть и изучить народные школы. Журналъ его имѣетъ, собственно говоря, ту же самую цѣль, разъясненіе вопросовъ, касающихся народныхъ школъ и, предлагая свои выводы, свои наблюденія, онъ не предлагаетъ ихъ съ такою категорическою несомнѣнностью, чтобы читателямъ оставалось только благодарить его за наставленіе; напротивъ, на 1-й стр. журнала, онъ выражаетъ недоверіе къ своимъ собственнымъ наблюденіямъ и выражаетъ надежду, что его мнѣнія вызовутъ возраженія, которыя послужили бы къ уясненію дѣла; явленіе безъ сомнѣнія у насъ очень рѣдкое.

Прежде всего г. Толстой, хочетъ уяснить нѣсколько вопросовъ, касающихся народнаго образованія. Ему кажется очень странно, что народы всегда и вездѣ оказывали нѣкотораго рода противодѣйствіе правительствамъ и частнымъ людямъ, которые принимались за дѣло народнаго образованія, и съ другой стороны то, что, несмотря на это противодѣйствіе, большею частью пассивное, правительства не отказывались даже отъ насильственнаго распространенія образованія, какъ они его понимали. Мы постараемся вполнѣнн сказать нѣсколько словъ относительно этого факта, который вполнѣнн уяснится самъ собою. Г. Толстой, повидимому, не находитъ причины для подобнаго образа дѣйствій правительствъ. «Должно быть, образовывающее общество (говоритъ онъ) имѣло какія-нибудь основанія для того чтобы знать, что образованіе, которымъ оно владѣло въ извѣстной формѣ, было благо для извѣстнаго народа и въ извѣстную историческую эпоху. Какія же эти основанія? какія имѣютъ основанія школы нашего времени учить тому, а не этому, учить такъ, а не иначе?» И дальше г. Толстой объясняетъ, что въ наше время мы не имѣемъ такой твердой почвы на которой мы могли бы основать обученіе всякаго ребенка какъ китаецъ можетъ основать ее на мудрости Конфуція, среди вѣковой учитель основывалъ на Аристотель, Лютеръ на изученіи Библии. Г. Толстой думаетъ, что если у насъ и есть подобная твердая почва, то она все-таки для насъ недостаточна и не обнимаетъ всего круга обученія, который имѣетъ мѣсто въ школахъ, потому-что образованіе религиозное соста-

ищет только малую часть образованія. Г. Толстой ищет до-
 полненія существующей для насъ почвы въ той и другой сферѣ,
 и не находитъ его нигдѣ. Напр. философія, по его мнѣнію, не
 можетъ тутъ помочь нисколько. «Всѣ философы (говоритъ онъ)
 отыскиваютъ законы добра и зла; отыскавъ эти законы, они, на-
 саясь педагогики, заставляютъ образовывать родъ человѣческій по
 этимъ законамъ. Но каждая изъ этихъ теорій, въ виду другихъ
 теорій, является неполною и вноситъ только новое звено въ
 сознаніе добра и зла, лежащее въ человѣчествѣ». Въ этихъ
 словахъ мы уже можемъ замѣтить недостатки тѣхъ воззрѣній,
 которыми водится г. Толстой, и причину его слишкомъ боль-
 ного недовѣрія къ самому себѣ и его дѣлу. Онъ сказалъ даже
 очень мало; не только каждая изъ философскихъ теорій является
 неполной, но, безъ сомнѣнія, всѣ онѣ вмѣстѣ до-сихъ-поръ не
 представляютъ полноты, которая удовлетворила бы нашъ умъ.
 Только это ничего не значить; если мы, имѣя довѣріе въ фило-
 софію, будемъ непремѣнно искать въ ея положеніяхъ полноты
 и совершенной ясности, чтобы начать какое-нибудь дѣло, то
 никакого дѣла намъ начать не придется.

Извѣстно, что философы давно отказались доказывать бытіе
 высшаго міра, благодаря невозможности этого дѣла, а темъ
 живымъ споръ матеріализма съ идеализмомъ, дающій на каждый
 практическій вопросъ два противоположные отвѣта и т. п. Оче-
 видно, что всѣ эти недокоченные споры останавливать нашу
 дѣятельность не должны. Что намъ за дѣло до того, что фило-
 софы имѣли различный взглядъ на добродѣтели, что педагоги
 имѣли различный взглядъ на то, чему нужно учить дѣтей? Есть
 нѣкоторые качества добродѣтели, которыя одинаково признаютъ-
 ся всѣми; ихъ можно и взять за цѣль, къ которой опытный
 человѣкъ можетъ вести неопытнаго, учитель—ученика. Что намъ
 за дѣло до того, что педагоги разсуждаютъ различно о пред-
 метахъ обученія юношества? Есть нѣкоторые предметы, обученію
 которымъ не осуждается никѣмъ: этимъ предметамъ и слѣ-
 дуетъ учить ребенка. Педагоги очень несогласны между собою
 въ методахъ обученія — и до этого тоже дѣла нѣтъ; обучайте
 дѣтей какъ хотите, не дѣлайте никакихъ особенно хитрыхъ
 выдумокъ—и вы успеете обучить, чему хотите. Такимъ образомъ
 изъ понятій этическихъ, на которыя г. Толстой обращаетъ
 столько вниманія скѣлько они заслуживаютъ, вы найдете мно-
 гое, что можете положить въ основаніе народнаго обученія.

Напримѣръ, кто станетъ спорить, что надобно всегда говорить правду и никогда не лгать? Проведите эту мысль въ сознаніе и въ практику молодого поколѣнія, которое вы обучаете—и заслуга ваша передъ этимъ поколѣніемъ и передъ цѣлымъ обществомъ будетъ громадна, потому-что у насъ вездѣ, и въ образованныхъ и не въ образованныхъ классахъ это нравственное правило существуетъ только на словахъ. Кто станетъ спорить, что жизнь, посвященная исключительно личнымъ интересамъ, есть жизнь недостойная; что всегда нужно противодействовать всякому злу, несмотря на опасности для личныхъ интересовъ! Проведите эту мысль въ молодое поколѣніе—и заслуга, которую вы сдѣлаете для него, будетъ еще больше; и положимъ, что всѣ педагоги успѣютъ провести только эти два правила въ цѣломъ народномъ поколѣніи—дѣло, которое они сдѣлаютъ, въ такомъ случаѣ будетъ имѣть неосчислимыя благотворныя послѣдствія. Будущность народа, его постоянное развитіе, совершенствованіе во всѣхъ отношеніяхъ будутъ обезпечены. Но, кромѣ того, сколько есть другихъ нравственныхъ правилъ, несомнѣнности которыхъ не допускаетъ никакихъ возраженій! Проведите въ эти правила въ сознаніе и въ практику молодого поколѣнія—и ваше обученіе, при какихъ угодно педагогическихъ приѣмахъ, достигнетъ результатовъ, больше которыхъ отъ васъ никто ничего не потребуетъ. Послѣ того, разумѣется, совершенно не стоитъ толковать ни о мелкихъ педагогическихъ требованіяхъ, ни о мелкихъ философскихъ опредѣленіяхъ. Въ-самомъ-дѣлѣ пусть напр., одни говорятъ, что образованіе должно имѣть въ виду то, чтобы изъ ребенка приготовить въ будущемъ хорошаго гражданина, другіе—всесторонне развитаго человѣка. Вы не сдумаете рѣшить: кто изъ этихъ людей правъ, кто виноватъ; и если вы начнете объ этомъ разсуждать, если возникнетъ ученый или литературный споръ, онъ, по всей вѣроятности, ничѣмъ не кончится. Но какая же будетъ этому причина? Какъ и всегда, самолюбіе, предпочтеніе собственнаго интереса истины. Уничтожьте вы это преклоненіе передъ собственнымъ интересомъ, подготовьте всѣхъ и каждого жертвовать самолюбіемъ ради истины, собственнымъ интересомъ для интереса общественнаго въ такомъ случаѣ будетъ возможно соглашеніе въ вопросахъ какъ теоретическихъ, такъ и практическихъ. Наконецъ, если тогда и не произойдетъ дѣйствительнаго соглашенія, тогда будетъ, до-крайней-мѣры, уничтожена тенденція—эксплуатировать

общество подъ видонъ принесенія ему пользы; тогда самое несогласіе въ рѣшеніи вопросовъ теоретическихъ, во-первыхъ, не будетъ такъ велико, а во-вторыхъ, все-таки будетъ имѣть въ виду дѣйствительную общественную пользу, дальнѣйшее нравственное совершенствованіе народа, дальнѣйшее увеличеніе его матеріальнаго благосостоянія. Эта точка зрѣнія на образованіе подтверждается историческими примѣрами. Въ самомъ дѣлѣ всегда и вездѣ у всѣхъ народовъ, исповѣдающихъ самыя разнообразныя религіи, воспитаніе, какъ семейное такъ и общественное, въ массахъ и въ отдѣльныхъ личностяхъ приносило полезныя плоды, какъ-скоро въ основаніе его были полагаемы эти немногія нравственныя правила, и не на словахъ только, не вывѣскою только служили, а дѣйствительно проводимы были въ сознаніе человѣка всегда и вездѣ, такъ-что срослись съ его личностью, дѣлались неотдѣльными отъ нея.

Если мы обратимъ вниманіе на самое содержаніе обученія, то, несмотря на разнорѣчія объ этомъ предметѣ, мы все-таки найдемъ многое, что всѣми принимается за необходимое, и если еще поднимать объ этомъ вопросъ, то, разумѣется, только для дальнѣйшаго опредѣленія предметовъ обученія, для распространенія круга ихъ. Притомъ тутъ есть одна точка зрѣнія, которая почти не допускаетъ спора, именно утилитарная. Въ основаніи всего обученія и образованія лежитъ грамотность; но, кромѣ того, грамотность есть еще одна изъ протребностей жизни: это сознаютъ давно наши крестьяне, потому учить ихъ чтенію и письму исключительно для житейскихъ цѣлей, учить ихъ счисленію, началамъ естественныхъ наукъ, для тѣхъ же житейскихъ цѣлей — и вотъ у васъ кругъ педагогическихъ занятій опредѣленъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, вы достигнете и другого результата. Говорить, что знаніе за плечами не тянетъ; не только не тянетъ за плечами но по-настоящему принесетъ пользу, даже больше той, на которую вы рассчитывали. Безъ сомнѣнія, и вашъ тѣсный кругъ не останется безъ полезнаго вліянія на умственное развитіе учащихся. Конечно, если въ обученіи будетъ слишкомъ много педагогизма, если оно будетъ дѣлаться для показа, а не для самого обученія, тогда оно можетъ остаться и безполезно; но, гдѣ это такая крайняя аномалія, о которой въ наше время и не стоитъ толковать, несмотря на то, что она у насъ существуетъ еще въ большей части заведеній. Причина этого за-

ключается не въ педагогическихъ понятіяхъ, а въ несогласіи нашихъ дѣлъ съ словами, во лживости, которая сдѣлалась бо лѣзвнью мѣлаго общества.

Вообща можно сказать, что при желаніи сдѣлать дѣло оно не премѣнно и будетъ сдѣлано, хотя и, можетъ быть, не въ томъ размѣрѣ, который предполагался. Совершенства ни отъ какаго дѣла требовать нельзя; но при искренности и добросовѣстности дѣятеля, онъ безъ сомнѣнія принесетъ пользу. Недовѣрчивость г. Толстого къ своимъ собственнымъ силамъ показываетъ только, что онъ слишкомъ высоко цѣнитъ то дѣло, за которое взялся, и укоровъ ему за это слышать вѣроятно, не придется. Въ журналѣ находится довольно-подробное описаніе всего во общемъ состояніи сельской школы, которую устроилъ г. Толстой въ Ясной Полянѣ. Мы дельше выскажемъ нашъ взглядъ на эт школу; теперь замѣтимъ только, что, несмотря на это отсутствіе педагогическихъ основаній, о которыхъ говоритъ издатель, результаты, представленныя школою, больше нежели удовлетворительны. Мы находимъ, что самъ г. Толстой смотритъ слишкомъ строго на видѣнныя имъ школы въ Германіи и въ Франціи. Въ Германіи особенно ему не нравится тамошняя *Schulpflichtigkeit*. Онъ видѣлъ своими глазами неудовольствіе которое она возбуждаетъ въ Германіи. Но имѣютъ ли тако всеобщее значеніе представляемые имъ факты, чтобы, на основаніи ихъ, можно было осудить обязательное посѣщеніе школы Германіи слѣдовала ему нѣсколько десятковъ лѣтъ и, нѣтъ сомнѣнія, что она ему обязана многимъ; это мы можемъ наблюдать ежедневно. Въ то время, какъ русскій крестьянинъ представляется вамъ существомъ дѣйствительно какой-то другой цивилизаціи, въ то время, какъ вамъ съ нимъ нельзя говорить лишь только разговоръ выходитьъ изъ сферы его жизни, въ то время какъ онъ открываетъ съ удивленіемъ ротъ, лишь только разговоръ коснется того, что переступаетъ границы его слишкомъ узкаго мировоззрѣнія, нѣмецкій-крестьянинъ въ разговорѣ съ вами будетъ участвовать какъ человѣкъ, имѣющій почти одинаковыя понятія съ вами, и это отражается на всемъ преимущественно на экономическомъ бытѣ нашего крестьянина на его экономическихъ способностяхъ: въ этомъ вы убѣдитесь всегда и вездѣ, гдѣ вамъ придется видѣть рядомъ русскаго и нѣмца, стоящихъ одинаково-высоко на экономической и гражданской лѣстницахъ. Въ то время, какъ русскій мужичокъ, гдѣ-ни

будь на пароходѣ служить кочегаромъ, такой же точно нѣмецкій крестьянинъ несетъ должность кассира или помощника капитана. Въ одно и то же время съ русскими нѣмцы, колонисты, селились за Волгою; но какая огромная разница въ быту тѣхъ и другихъ! Нѣмецкія колоніи представляютъ самый веселый видъ, способный удовлетворить даже человѣка, склоннаго къ мечтательности. Когда вы въѣзжаете въ нихъ, васъ поражаетъ опрятность улицъ и домовъ, опрятность и довольство жителей, роскошь ихъ садовъ, и тому подобное. Въ русской деревнѣ, которая находится въ нѣсколькихъ верстахъ отъ деревни, ничего подобнаго не встрѣтите: вмѣсто красивыхъ каменныхъ домовъ, вы видите покачнувшіяся на бокъ лачуги, иногда построенныя даже не изъ дѣла, а изъ земляныхъ пластовъ. На сады и намеку нѣтъ; не говоря о фруктовыхъ деревьяхъ, вы не найдете тамъ ровно никакихъ, такъ-что вамъ кажется, будто вся деревня только вчера построена въ пустынь, и при этомъ народонаселеніе бѣдно и неопратно. Отчего происходитъ такая разница? Еслибы русскіе крестьяне, живущіе рядомъ съ нѣмцами, колонистами, были крѣпостные, это можно бы объяснять ихъ крѣпостною зависимою; но тамъ, за Волгою, крѣпостныхъ почти нѣтъ, а въліянію администраціи одинаково были подвержены всѣ, и русскіе и нѣмцы.

Разницы, безъ сомнѣнія, надобно искать въ образованіи. Нѣмецкая колонія безъ школы немислима, а русская деревня, наоборотъ, до-сихъ-поръ не была мыслима со школою. Конечно, тутъ вліяніе не одной школы, а вліяніе всей жизни вообще, вліяніе нравственнаго наслѣдства, полученнаго отъ предковъ; но и школа имѣетъ тутъ большое значеніе. Не даромъ нѣмцы такъ дорожатъ ею; не даромъ англичане съ такимъ усердіемъ заботятся объ открытіи школъ. Уже и грамотность одна, которую даетъ школа—дѣло очень важное. Въ прошедшей книжкѣ мы говорили о письмѣ одного крестьянина, который, по его сообщенію, всѣмъ своимъ благосостояніемъ, всѣми своими промыслами, наконецъ тѣмъ, что онъ изъ ряда бѣдныхъ деревенскихъ жителей, перешолъ въ рядъ достаточныхъ городскихъ жителей, обязанъ исключительно одной грамотности, которою онъ разумно воспользовался. Конечно, всѣ эти резоны, можетъ быть, недостаточны для того, чтобы посѣщеніе школъ сдѣлать обязательнымъ, особенно у насъ, гдѣ крестьяне обыкновенно съ недоувѣрчивостью смотрятъ на всякія обязательства, навязав-

мыя имъ сверху, и гдѣ всякая обязательность не рѣдко поведетъ за собою злоупотребленіе. Можетъ быть и нѣмцамъ, вмѣсто ихъ школьной обязательности, слѣдовало бы придумать, что-нибудь получше, слѣдовало бы привлечь народъ къ школамъ, а не заставить его много ходить туда. Но что нѣмецкія школы не такъ дурны, какъ онѣ кажутся г. Толстому, въ этомъ сомнѣваться нельзя. Если ему пришлось видѣть недовольство нѣкоторыхъ отцовъ тѣмъ, что школа отнимаетъ у нихъ помощниковъ въ работѣ, виною этому не школа, а дурное экономическое устройство быта нѣмецкихъ поселянъ. Если въ самомъ дѣлѣ крестьянское семейство имѣетъ для своего продовольствія только одинъ моргенъ, очевидно, что оно должно восполнять свое продовольствіе заработной платою всѣхъ членовъ семейства, иначе оно осуждено будетъ на крайнюю бѣдность; и потому совсѣмъ не удивительно, что бѣдный отецъ семейства рассчитываетъ на помощь своего даже двѣнадцати-лѣтняго сына, не говоря о пятнадцати-лѣтнемъ. Что нѣкоторые школы имѣютъ дѣйствительно это одуряющее свойство, которое замѣтилъ г. Толстой, особенно при строгой школьной дисциплинѣ, это всякому приходилось видѣть; но, безъ сомнѣнія, не этотъ одинъ результатъ выходитъ изъ нѣмецкихъ школъ. Точно такъ же г. Толстой слишкомъ строгъ и къ французскимъ школамъ, которыя онъ наблюдалъ, между прочимъ, кажется, въ Марсели. Онъ недоволенъ тѣмъ, что ему въ одной школѣ ученикъ отвѣчалъ на его вопросъ: «кѣмъ убитъ Генрихъ IV? Юліемъ Цезаремъ.» Этотъ фактъ неслишкомъ удивителенъ; то же самое онъ можетъ услышать и у насъ отъ плохого ученика гимназій. У насъ даже и не то бываетъ. Иногда на вступительномъ университетскомъ экзаменѣ претендетъ на званіе студента совсѣмъ не знаетъ, и имѣетъ никакого понятія о томъ, кто былъ Карлъ V. Подобное явление можно встрѣтить вездѣ; но самъ же г. Толстой отдаетъ справедливость французскимъ рабочимъ классамъ: онъ находитъ въ нихъ и благородство, и деликатность, и чувство собственнаго достоинства и т. п.; но онъ исключительно приписываетъ эти свойства влиянію всей вообще жизни, между прочимъ, влиянію дешовыхъ изданій, различныхъ музеумовъ, театровъ и даже *sécs chantants*. Безъ сомнѣнія, всѣ эти учрежденія не остаются безъ влиянія на народъ; но вѣдь, что-бы идти напр. въ музеумъ, надобно быть сколько-нибудь приготовленнымъ къ тому, что тамъ придется увидѣть, что-бы понять, что тамъ есть, не

добно уметь понять какойнибудь guide, объясняющий содержание музея; что-бы читать дешовыя издания, надобно прежде всего уметь читать и понимать то, что читаешь. Г. Толстой думает, что простое обученіе грамотности послѣ того, какъ уже нѣсколько поколѣній училось въ школахъ, можно дѣлать и въ семьѣ, что мать, или отецъ, въ состояніи сами обучить своихъ дѣтей; но до того ли имъ, этимъ бѣднымъ людямъ, этому бѣдному отцу, который обязанъ своимъ трудомъ внѣ дома доставить пропитаніе семейству, или этой матери, которая обязана своимъ трудомъ тоже увеличивать скудными средствами семейства и принуждена даже грудного ребенка относить въ такъ называемыя ясли, устрояемыя во Франціи въ каждомъ городѣ? Очевидно препятствіемъ въ этомъ случаѣ служить то же самое экономическое устройство быта французскихъ рабочихъ классовъ; но не только при этомъ устройствѣ, а и при устройствѣ болѣе разумномъ, существованіе школъ необходимо. Это есть простое требованіе, даже экономическое; это есть обыкновенное раздѣленіе труда и сбереженіе его, и неудовлетворительность школъ какъ французскихъ такъ и нѣмецкихъ совсѣмъ не доказывается тѣми немногими фактами, которые приведены Г. Толстымъ. Читая сужденія его о видѣнныхъ имъ школахъ, вы прежде всего замѣчаете, что причина строгости сужденія, есть чисто-субъективная, что она находится въ самомъ авторѣ, которой имѣетъ недовѣрчивость къ тому, что люди выдаютъ за полезное, гдѣ они выставляютъ себя дѣятелями на пользу общества. У насъ примѣры подобнаго византропическаго настроенія очень верѣдки, и причины, которыя производятъ его, къ сожалѣнію, слишкомъ достаточны, особенно въ тѣхъ личностяхъ, которымъ приходилось дѣйствовать въ литературныхъ кружкахъ. Можемъ насчитать не одного литературнаго дѣятеля, который отшатнулся отъ литературы, и вынесъ изъ нея недовѣріе ко всему вообще, что выдается за дѣло народной пользы. Вообще, на сужденіе г. Толстаго объ иностранныхъ народныхъ школахъ мы, кажется, имѣемъ право смотрѣть съ нѣкоторымъ недовѣріемъ, и личное настроеніе автора привело его къ односторонности, излишнему пессимизму, къ тому, что онъ нѣкоторымъ исключительнымъ случаямъ давалъ всеобщее значеніе и не обратилъ вниманія на добрый результатъ школъ; а гдѣ онъ ихъ видѣлъ, такъ въ Марсели, тамъ онъ приписывалъ ихъ, не имѣя на это никакого основанія; исключительно другимъ причинамъ.

Взглядъ на народныя школы въ Германіи и Франціи у г. Толстого является какъ доказательство той мысли, которую онъ проводитъ во всей статьѣ о народномъ образованіи, что для него не существуетъ никакихъ прочныхъ основъ, ни въ философіи, ни въ педагогикѣ, ни въ исторіи, что между прочимъ, въ тѣхъ странахъ, гдѣ существуютъ уже въ большомъ количествѣ народныя школы, народное образованіе идетъ очень дурно, но это мы повторимъ еще разъ, что мы уже высказали, именно; что ни философія, ни педагогика не сказали своего послѣдняго слова, да вѣроятно и никогда не наступитъ такое время, чтобы можно было сказать, что философіи и педагогикѣ дѣлать больше нечего; равнымъ образомъ и исторія не представила вполнѣ достаточныхъ опытовъ, которые могли бы научить насъ безошибочно поступать всегда и вездѣ, и, безъ сомнѣнія, новые опыты, которые представитъ время, принесутъ еще большіе пользы будущимъ поколѣніямъ, нежели тѣ, которые дойдутъ до нихъ изъ древности; а все-таки и до-сихъ-поръ можно кое-чему поучиться въ исторіи, особенно если поглубже вникать въ минувшія событія. Равнымъ образомъ въ философіи и въ педагогикѣ можно найти нѣсколько несомнѣнныхъ данныхъ, которыми можно воспользоваться въ томъ или другомъ случаѣ и между прочимъ въ образованіи народномъ; и въ этомъ нужно искать объясненія того факта, который поразилъ г. Толстого, именно, что въ движеніи образованія у различныхъ народовъ замѣчается противодѣйствіе образовывающаго начала съ тѣмъ которое подвергается его дѣйствию. Лучшіе люди во всей массѣ народа, добившіеся какихъ-нибудь результатовъ, имѣютъ тенденцію — отдѣлиться своимъ пріобрѣтеніемъ со всѣми остальными. Это стремленіе само-по себѣ имѣетъ характеръ высшаго благородства пожертвованія своими интересами, своими усиліями, своимъ трудомъ, своимъ капиталомъ; потому его законность и гуманность не могутъ быть оспариваемы: это то же самое явленіе, которое имѣетъ мѣсто въ такомъ случаѣ, когда отецъ дѣлится своею опытностью съ сыномъ, старшій братъ—съ младшимъ, разумѣется, только исключительно въ его интересѣ. Въ народномъ образованіи, какъ и во всякомъ вообще общественномъ дѣлѣ, нерѣдко замѣчаются явленія, имѣющія совсѣмъ противоположный характеръ. Иногда народнымъ дѣломъ занимаются не для народа, а для себя; изъ добраго дѣла дѣлаютъ аферу дурнаго характера; но это есть злоупотребленіе, которое не бро-

саетъ тѣни на явленіе нормальное, и заботливость, какъ правительства такъ и частныхъ людей, о народномъ образованіи, должна пользоваться всеобщимъ одобреніемъ, а противодѣйствіе, которое оказываетъ масса, должно быть побѣждено, какой бы оно ни имѣло источникъ. Если оно идетъ изъ обыкновеннаго всегдашняго антагонизма между свѣтомъ и тьмою, между добромъ и зломъ, если масса не хочетъ образованія во имя какихъ-нибудь принциповъ, въ родѣ тѣхъ, которые представляются нашими раскольниками, и если она противится ему только вслѣдствіе недовѣрія къ средѣ, берущей на себя дѣло народнаго образованія, въ томъ и другомъ случаѣ эта среда даже обязана, такъ или иначе, дать перевѣсъ высшему началу, во имя котораго она дѣйствуетъ. Съ этой точки зрѣнія слѣдуетъ оправдать даже обязательность школы, которая можетъ имѣть все-таки различныя формы; самая грубая изъ нихъ, которой дѣйствительно надобно остерегаться, состоитъ въ томъ, чтобы закономъ обязывать отцовъ посылать своихъ дѣтей въ школу. Есть другая форма, которая осужденію подвергнуться не можетъ, это та, которая, тоже съ помощью закона, дѣлаетъ образованіе необходимымъ для достиженія извѣстныхъ цѣлей, которыя каждый для себя лично предполагаетъ. Это имѣетъ мѣсто тогда, когда образованію даются извѣстныя права; это имѣетъ основаніе въ томъ, что съ правами соединяются извѣстныя обязанности, для исполненія которыхъ нужно образованіе; этой системѣ слѣдовала Россія въ продолженіе 150 лѣтъ, и если наше образованіе еще не достигло уровня образованія другихъ народовъ, виною тутъ не система, а, можетъ быть, даже недостаточная организація нашего образованія вообще и недостаточная строгость, послѣдовательность системы. Эта система имѣетъ тѣмъ больше смысла, что она уничтожаетъ противодѣйствіе образованію средствами имѣющими полное дѣйствіе на массы, оказывающія противодѣйствіе. Необразованный человѣкъ, также какъ и ребенокъ, плохо понимаетъ нравственную пользу образованія; какъ для того, такъ и для другого необходимо къ нравственнымъ выгодамъ прибавить какія нибудь другія, которыя были бы дошли въ нихъ мало развитой человѣческой природѣ.

«Что же намъ, русскимъ, дѣлать въ настоящую минуту? (говоритъ г. Толстой): сговориться ли всѣмъ и взять за основаніе англійскій, французскій, нѣмецкій или сѣверо-американскій взглядъ на образованіе и какой-нибудь изъ ихъ методовъ? или,

углубившись въ философію и психологію, открыть, что вообще нужно для развитія души человѣка и для приготовленія изъ молодыхъ поколѣній наилучшихъ людей по нашимъ понятіямъ или воспользоваться опытомъ исторіи не въ смыслѣ подражаніи тѣмъ формамъ, которыя выработала исторія, а въ смыслѣ уразумѣнія тѣхъ законовъ, которые страданіями выработало человечество, и сказать себѣ прямо и честно, что мы не знаемъ не можемъ знать того, что нужно будущему поколѣнію, но что мы чувствуемъ себя обязанными и хотимъ изучить эти потребности, не хотимъ обвинять въ невѣжествѣ народъ, не принимающій нашего образованія, а будемъ себя обвинять въ невѣжествѣ и гордости, если вздумаемъ образовать народъ посвоему.

Постараемся отвѣтить, на каждый изъ этихъ вопросовъ отдѣльно. Во-первыхъ, нужно ли стовариваться всѣмъ вмѣстѣ? всѣмъ вмѣстѣ взять какой-нибудь одинъ методъ — англійскій французскій, нѣмецкій или сѣверо-американскій? Нѣтъ никакой надобности, да и никакой возможности вполне согласить всѣмъ свой взглядъ на образованіе и принять одинъ и тотъ же методъ; напротивъ, въ этомъ дѣлѣ надобно каждому предоставитъ сколько можно больше свободы, потому-что одинъ и тотъ же методъ для всѣхъ вообще педагоговъ негодится; въ то время какъ одинъ можетъ успѣть съ помощью одного метода, другимъ этотъ методъ совсѣмъ не удастся, а удастся какой-нибудь другой; а согласить взглядъ всѣхъ на образованіе во всѣхъ подробностяхъ также невозможно, какъ вообще невозможно добиться полного согласія во взглядѣ на какой бы то ни былъ предметъ; не будемъ гоняться за чужими взглядами и за чужими методами; не будемъ ставить свою амбицію въ томъ, чтобы походить на нѣмцевъ, французовъ или англичанъ. Во взглядѣ на народное образованіе, не слѣдуя рабски никому, мы можемъ однако, позанимствоваться отъ всѣхъ народовъ, опередившихъ насъ въ цивилизаціи, именно: займемъ отъ нихъ только общій взглядъ на образованіе, ихъ убѣжденіе, что образованіе, народныя школы есть явленіе необходимое; а что касается до подробностей, опредѣлимъ ихъ такъ, какъ укажутъ обстоятельства: это былъ нашъ всегдашній недостатокъ, что мы слишкомъ маловѣрили самимъ себѣ, и даже всѣ мелочи старались копировать съ другихъ народовъ. «Лучше углубимся—какъ говорить г. Толстой—въ философію и психологію, и откроемъ, что вообще нужно для развитія души человѣка и для приготовленія изъ молодыхъ

поколѣній наилучшихъ людей, но нашимъ понятіямъ.» Только не будемъ безъ пользы усложнять свою работу. Философія и психологія уже сказали кое-что, и не будемъ заново дѣлать то, что уже хорошо сдѣлано, а просто воспользуемся приобрѣтенными результатами. Не мѣшлетъ конечно вести и дальше психологическія наблюденія и философскія изслѣдованія; и если дѣло народнаго образованія представить для этого случаи и матеріалы, то не откажемся отъ нихъ, но не будемъ дѣлать изъ этихъ наблюденій и изслѣдованій главнаго дѣла, не будемъ считать ихъ основаніемъ, безъ котораго не можетъ быть начато наше дѣло; въ противномъ случаѣ, намъ совсѣмъ придется отказаться отъ дѣла, потому-что довести до конца философскія и психологическія изслѣдованія нѣтъ никакой надежды. Правда, мы не знаемъ и не можемъ знать *всего* того, что нужно будущимъ поколѣніямъ; но кое-что мы знаемъ, и на основаніи этого кое-чего можемъ начать нашу дѣятельность не наугадъ, а съ полнымъ сознаніемъ нашей цѣли и нашихъ средствъ. Обвинять себя въ невѣжествѣ и гордости, если мы вздумаемъ образовывать народъ по-своему, если мы будемъ напримѣръ, заботиться о распространеніи среди него во-первыхъ грамотности, во-вторыхъ тѣхъ научныхъ приобрѣтений, которыя могутъ оказать полезное вліяніе на матеріальную или нравственную исторію его жизни.—тоже не только нѣтъ никакой надобности, но и было бы весьма несправедливо. Въ приведенныхъ строкахъ г. Толстой сгруппировалъ свои философскія основанія, на которыхъ онъ строитъ свой взглядъ на народное образованіе. Основанія эти невѣрны. Авторъ сдѣлалъ слишкомъ широкое заключеніе изъ частныхъ фактовъ, которые онъ наблюдалъ; изъ того, что нравственная философія, психологія, педагогика исторія содержатъ въ себѣ нѣкоторыя положенія, не имѣющія въ себѣ строгаго научнаго характера, не-исключающія возраженій, онъ вывелъ заключеніе, что всѣ эти науки до-сихъ-поръ не успѣли сказать ничего. И если сказать правду, всѣ эти философскія разсужденія г. Толстого походятъ на искусственное подхожденіе къ той мысли, что въ дѣлѣ народнаго образованія, нужна большая осмотрительность, въ особенности нужно большое вниманіе къ потребностямъ народа, къ его собственному взгляду какъ на эти потребности, такъ и на средства къ удовлетворенію ихъ, между прочимъ, на образованіе. «Сознаемъ, наконецъ (говоритъ онъ) тотъ законъ, который такъ ясно говорить намъ, изъ исторіи педагогики и изъ

исторіи всего образованія, что для того чтобы образовывающему знать, что хорошо, и что дурно, образовывающійся долженъ имѣть полную власть выразить свое неудовольствіе или, по крайней-мѣрѣ, уклониться отъ того образованія, которое по инстинкту не удовлетворяетъ его; что критериумъ педагогики есть только одинъ, — свобода, мысль совершенно вѣрная, но она не отвергаетъ того, что уже сдѣлано и высказано философією, психологією, педагогикою и исторією; она отвергаетъ только лишнія претензіи педагога; но въ ней все-таки нужно сдѣлать ограниченіе. Образовывающійся, конечно, долженъ имѣть полную власть выразить свое неудовольствіе. Очень естественно если онъ будетъ уклоняться отъ образованія; но не всегда его неудовольствіе и его уклоненіе будутъ основательны. Доказательство можно найти въ той же самой книжкѣ журнала г. Толстого. Многіе крестьяне были недовольны, и на его школу и на другія, вновь открытыя сельскія школы, за то, что въ нихъ не употребляется тѣлеснаго наказанія. Конечно, г. Толстой не признаетъ этого неудовольствія основательнымъ, и самъ рассказываетъ нѣкоторые случаи, когда нѣкоторые отцы брали своихъ дѣтей изъ его школы тоже по причинамъ неосновательнымъ. Такимъ образомъ, и уклоненіе отъ образованія не всегда есть признакъ недостаточности его, а, напротивъ, показываетъ слишкомъ недостаточное пониманіе массы, нуждающейся въ образованіи. Впрочемъ, все таки нельзя не признать справедливости главной мысли г. Толстого, что критериумъ педагогики есть свобода; что нужно обращать особенное вниманіе, на то, какъ относится къ образованію и средствамъ его та среда, на которую мы хотимъ дѣйствовать, только каково бы ни было это отношеніе, оно не можетъ поколебать того, что уже сдѣлано нравственною философією или педагогикою; оно должно имѣть необходимое вліяніе только на педагогическіе приемы; оно можетъ уяснить намъ взглядъ на содержаніе народнаго обученія, на кругъ наукъ и идей, который долженъ подучить мѣсто въ сельскихъ школахъ. И, надобно отдать справедливость г. Толстому, несмотря на слишкомъ широкое отрицаніе всѣхъ основаній народнаго образованія въ своемъ вступленіи, онъ очень хорошо понялъ это. Его журналъ имѣетъ цѣлью разъясненіе вопросовъ, относящихся къ народному образованію, и въ первой книжкѣ, гдѣ, по всей вѣроятности, хорошо обозначились задачи, предположенныя редакторомъ, все направлено главнымъ об-

разомъ къ уясненію и критикѣ приѣмовъ, годныхъ для сельскихъ школъ.

И надобно еще прибавить, что многое затруняющее г. Толстого и другихъ, какъ видно малоопытныхъ, педагоговъ, было бы совсѣмъ незатруднительно для педагога болѣе опытнаго, такъ-что, въ той части журнала, которую мы можемъ назвать, сравнительно съ первою, частью практической, содержится, собственно говоря, подробное описаніе педагогическихъ опытовъ и даже искреннее признаніе педагогическихъ ошибокъ, которыя для человѣка, уже сдѣлавшаго тѣ же самые опыты и тѣ же самыя ошибки, пользы не принесутъ. Но это не уничтожаетъ значеніе журнала г. Толстого. Опытныхъ педагоговъ у насъ не только очень мало, но, за исключеніемъ, двухъ-трехъ человѣкъ, совсѣмъ нѣтъ, и журналъ г. Толстого въ настоящее время имѣетъ особенно важное значеніе, именно: своею практическою частью, въ то время, когда тысячи людей, повидимому самыхъ благонамѣренныхъ, посвящаютъ свои труды и время дѣлу народнаго образованія, когда ихъ приѣмы, ихъ успѣхи или не-успѣхи могутъ привлечь народъ къ образованію, или оттолкнуть отъ него, — въ это время, безъ сомнѣнія, подробное описаніе педагогическихъ опытовъ въ той самой сферѣ на которую направлены всеобщія усилія, вмѣстѣ съ такимъ искреннимъ сознаніемъ ошибокъ, принесетъ пользы, безъ сомнѣнія, больше, нежели самый ученый теоретическій трактатъ объ образованіи народа.

Мы постараемся сдѣлать нѣкоторыя извлеченія изъ описанія г. Толстого и выкажемъ нашъ взглядъ на правила и приѣмы, употребляемые въ его школѣ. Его школа находится въ Ясной Полянѣ, въ большомъ селѣ, которое лежитъ на большой дорогѣ, между Тулою и Орломъ, недалеко отъ Тулы; учатся въ ней дѣти крестьянъ, дворовыхъ людей и еще, кажется, мѣщанъ, sostenителей постоянныхъ дворовъ въ Ясной Полянѣ. Предметы преподаванія: 1) чтеніе механическое и постепенное, 2) писаніе, 3) каллиграфія, 4) грамматика, 5) священная исторія, 6) русская исторія, 7) рисованіе, 8) черченіе, 9) пѣнье, 10) математика, 11) бесѣды изъ естественныхъ наукъ и 12) законъ Божій.

Учениковъ и ученицъ—которые учатся вмѣстѣ—до 40, и они разделены на три класса. Но пусть самъ г. Толстой описываетъ свою школу. Вотъ что говоритъ онъ въ своемъ журналѣ:

«Учителей четыре. Два старые—ужь два года учать въ школь, привыкли къ своимъ ученикамъ, къ своему дѣлу, къ свободѣ и внѣшней безпорядочности школы. Два учителя новые; оба недавно сами изъ школы, любители внѣшней аккуратности, росписанія, звонка, программъ и т. п., не жившіеся въ жизнь школы такъ, какъ первые. То, что для первыхъ кажется разумнымъ, необходимымъ, немогущимъ быть иначе, какъ черты лица любимого, хотя и некрасиваго, ребенка, рбсшаго на глазахъ, — для новыхъ учителей представляется иногда исправимымъ недостаткомъ.

Школа помѣщается въ двухэтажномъ каменномъ домѣ. Двѣ комнаты заняты школой, одна кабинетомъ, двѣ учителями. На крыльцѣ подѣ навѣсомъ виситъ колокольчикъ съ привѣшешной за язычокъ веревочкой; въ сѣняхъ вверху, стоятъ боры и рекъ (гимнастика), наверху въ сѣняхъ—верстакъ. Лѣстница и сѣни истоптаны снѣгомъ или грязью; тутъ же виситъ росписаніе. Порядокъ ученія слѣдующій: часовъ въ восемь учитель, живущій въ школь, любитель внѣшняго порядка и админитраторъ школы посылаетъ одного изъ мальчиковъ, которые почти всегда ночуютъ у него, звонить.

На деревнѣ встануть съ огнемъ. Ужь давно виднѣются изъ школы огни въ окнахъ, и черезъ полчаса послѣ звонка, въ туманѣ, въ дождѣ или въ косыхъ лучахъ осенняго солнца, появляются на буграхъ (деревня отдѣлена отъ школы оврагомъ) темныя фигурки по двѣ, по три и поодинокѣ. Табунное чувство уже давно исчезло въ ученикахъ. Ужь нѣтъ необходимости ему дожидаться и кричать: «эй! ребята, въ училищу!» Ужь онъ знаетъ, что училище средняго рода, много кое-чего другаго знаетъ и, странно, вслѣдствіе этого не нуждается въ толпѣ. Пришло ему время, онъ и идетъ. Миѣ съ каждымъ днемъ кажется, что все самостоятельнѣе и самостоятельнѣе дѣлаются личности и рѣзче ихъ характеры. Дорогой почти никогда я не видалъ, чтобы ученики играли, нешто кто изъ самыхъ маленькихъ, или изъ вновь поступившихъ, начатыхъ въ другихъ школахъ. Съ собой никто ничего не несетъ—ни книгъ, ни тетрадокъ. Уроковъ на домъ не задаютъ.

Мало того, что въ рукахъ ничего не несутъ, имъ нечего и въ головѣ нести. Никакого урока, ничего сдѣланнаго вчера, онъ не обязанъ помнить нынче. Его не мучаетъ мысль о предстоящемъ урокѣ. Онъ несетъ только себя, свою воспріимчивую натуру и увѣренность въ томъ, что въ школь нынче будетъ весело также, какъ вчера. Онъ не думаетъ о классѣ до тѣхъ поръ, пока классъ не начался. Никогда никому не дѣлаютъ выговоровъ за опаздыванье и никогда не опаздываютъ: нешто старшіе, которыхъ отцы, другой разъ задержатъ дома какою нибудь работой. И тогда этотъ, большой рысью, запыхавшись прибѣгаетъ въ школу. Пока учитель еще не пришолъ, они собираются кто около крыльца, толкаются съ ступенекъ, или катаясь на ногахъ по ледочку раскатанной дорожки, кто въ школьныхъ комнатахъ. Когда холодно, ожидая учителя читаютъ, пищутъ, или возятся. Дѣвочки не мѣшаются съ ребятами. Когда ребята затѣваютъ что-нибудь съ дѣвочками, то никогда не обращаются къ

одной из нихъ, и всегда ко всѣмъ вмѣстѣ: «Эй дѣвки! что не ка-
таетесь?» или «дѣвки-то вишь замерзли,» или «ну, дѣвки, выходи всѣ
на меня одного!» Только одна изъ дѣвочекъ, дворовая, съ огромными
и всесторонними способностями, лѣтъ десяти, начинаетъ выходить
изъ табуна дѣвокъ. И съ этой только ученики обращаются какъ съ
равной, какъ съ мальчикомъ, только съ тонкимъ оттѣнкомъ учтиво-
сти, снисходительности и сдержанности.

Положимъ, по росписанію, въ первомъ, младшемъ классѣ -- меха-
ническое чтеніе, во 2-мъ постепенное чтеніе, въ 3-мъ математика.
Учитель приходитъ въ комнату, а на полу лежатъ и пишутъ ребята,
кричащіе: «мала куча!» или задавили ребята!» или «будетъ! брось-
ски-то» и т. д. «Петръ Михайловичъ!» кричатъ снизу кучи голо-
совъ входящему учителю, «вели имъ бросить.» «Здравствуйте Петръ
Михайловичъ!» кричатъ другіе, продолжая возню. Учитель беретъ
книжки, раздаётъ тѣмъ, которые пошли къ шкапу, изъ кучи на по-
лу—верхніе, лежа, требуютъ книжку. Куча понемногу уменьшается.
Какъ только большинство взяло книжки, всѣ остальные бѣгутъ къ
шкапу и кричатъ: и мнѣ, и мнѣ. Дай мнѣ вчерашнюю; а мнѣ коль-
цовую и т. п. Бѣлки останутся еще какіе нибудь два разгоряченные
борьбой, продолжающіе валяться на полу, то сидящіе съ книгами
кричатъ на нихъ. «Что вы тутъ замѣшались? ничего не слышно. Бу-
детъ.» Увлеченные покоряются и, запыхавшись, берутся за книги,
и только въ первое время, сидя за книгой, поматываютъ ногой отъ
неулогшагося волненія. Духъ войны улетаетъ и духъ чтенія воца-
рается въ комнатѣ. Съ тѣмъ же увлеченіемъ, съ какимъ онъ дралъ
за виски Митьку, онъ теперь читаетъ кольцовую (такъ называется у
насъ сочиненіе Кольцова) книгу, чуть не стиснувъ зубы, блестя гла-
зенками и ничего не видя вокругъ себя, кромѣ своей книги. Отор-
вать его отъ чтенія столько же нужно усилія, сколько прежде отъ
борьбы. Садятся они гдѣ кому вздумается: на лавкахъ, столахъ, по-
доконникѣ, на полу и креслѣ. Дѣвки садятся всегда вмѣстѣ. Друзья,
односельцы, особенно малюнькіе (между ними больше товарищества)
всегда рядомъ. Какъ только одинъ изъ нихъ рѣшитъ, что садиться
въ тотъ уголъ, всѣ товарищи, толкаясь и ныряя подъ лавками, про-
лѣзываютъ туда же, садятся рядомъ и, оглядываясь кругомъ, пред-
ставляютъ на лицѣ такой видъ счастья и уловлетворительности, какъ
будто они уже навѣрное на всю остальную жизнь будутъ счастливы,
успѣвши на этихъ мѣстахъ. Большое кресло, какъ-то попавшее въ
комнату, представляетъ предметъ зависти для болѣе самостоятель-
ныхъ личностей—для дворовой дѣвочки и другихъ. Какъ только одинъ
вздумаетъ сѣсть на кресло, другой уже по его взгляду узнаетъ его
навлѣреніе и они сталкиваются, мнутъ. Одинъ выжимаетъ другого и
перемѣлившій разваливается головой гораздо ниже спинки, но читаетъ
также какъ и всѣ, весь увлеченный своимъ дѣломъ. Во время клас-
са я никогда не видѣлъ, чтобы пентались, щипались, слѣблялись по-
тихоньку, фыркали въ руку и жаловались другъ на друга учителю.
Когда заученный у пономора; или въ уѣздномъ училищѣ, ученики

приходить съ такой жалобой, ему говорятъ: что же ты самъ не щипнешься?

Два меньшіе класса разбираются въ одной комнатѣ, старшій идетъ въ другую. Учитель приходитъ въ первый классъ и всѣ обступаютъ его у доски, или на лавкахъ, ложатся или садятся на столѣ вокругъ учителя, или одного читающаго. Всяка это писанье — они усаживаются попокойнѣе, но безпрестанно встаютъ, чтобы смотрѣть тетрадки другъ у друга и показывать свои учителю. По расписанію до обѣда значится 4 урока, а выходитъ иногда три или два и иногда совсѣмъ другіе предметы. Учитель начнетъ арифметику и перейдетъ къ геометріи, начнетъ священную исторію, а кончитъ грамматикой. Иногда увлекутся учитель и ученики и вмѣсто одного часа классъ продолжается три часа. Бываетъ, что ученики сами кричатъ «вѣтъ, еще, еще!» и кричатъ на тѣхъ, которымъ надоѣло. Надоѣло, такъ ступай къ маленькимъ, говорятъ они презрительно. Въ классъ закона Божія, который одинъ только бываетъ регулярно, потому-что законо-учитель живетъ за двѣ версты и бываетъ два раза въ недѣлю, и въ классъ рисованья, всѣ ученики собираются вмѣстѣ. Передъ этими классами оживленіе, возня, крики и вѣшній-безпорядокъ бываютъ самые сильные: кто тащитъ лавки изъ одной комнаты въ другую, кто дерется, кто домой (на дворню) бѣжитъ за хлѣбомъ, кто пропекаетъ этотъ хлѣбъ въ печкѣ, кто отнимаетъ чтонибудь у другого, кто дѣлаетъ гимнастику, и опять, также какъ и въ утреннихъ возняхъ, гораздо легче оставить ихъ самихъ успокоиться и сложиться въ свой естественный порядокъ, чѣмъ насильно разсѣять ихъ. При теперешнемъ духѣ школы, остановить ихъ физически невозможно. Чѣмъ громче кричитъ учитель—это случалось—тѣмъ громче кричатъ они: его крикъ только возбуждаетъ ихъ. Остановишь ихъ, или если удастся, увлечешь ихъ въ другую сторону, и это маленькое море начнетъ колыхаться все рѣже в рѣже — и уляжется. Даже большею частью и говорить ничего не нужно. Классъ рисованья, любимый классъ для всѣхъ, бываетъ въ полдень, когда уже проголодались, насидѣлись часа три, а тутъ еще нужно переносить лавки и столы изъ одной комнаты въ другую, и возня поднимается страшная, но не смотря на то, какъ только учитель готовъ—ученики готовы, и тому, кто задерживаетъ начало класса, достанется отъ нихъ же самихъ.

Я долженъ оговориться. Представляя описаніе Я. П. школы, я не думаю представлять образецъ того, что нужно и хорошо для школы, но думаю представить только дѣйствительное описаніе школы. Я полагаю, что такія описанія могутъ принести пользу. Если мнѣ удастся въ слѣдующихъ №№ представить ясно исторію развитія школы, то читателю будетъ понятно, почему характеръ школы сложился именно такой, почему я считаю такой порядокъ хорошимъ и почему измѣнить его, ежели бы даже я захотѣлъ, мнѣ было бы совершенно невозможно. Школа развивалась свободно изъ началъ, вносимыхъ въ нее учителями и учениками. Не смотря на все преимущество влія-

нѣ учителя, ученикъ всегда имѣлъ право не ходить въ школу и даже, ходя въ школу, не слушать учителя. Учитель имѣлъ право не пускать къ себѣ ученика и имѣлъ возможность дѣйствовать всей силой своего вліянія на большинство учениковъ, на общество, всегда составляющееся изъ школьничковъ. Чѣмъ дальше идутъ ученики, тѣмъ больше развѣтывается преподаваніе и тѣмъ необходимѣе становится порядокъ. Вслѣдствіе того, при нормальномъ, не насильственномъ развитіи школы, чѣмъ болѣе образуются ученики, тѣмъ они становятся способнѣе къ порядку, тѣмъ сильнѣе чувствуется ими самими потребность порядка и тѣмъ сильнѣе на нихъ въ этомъ отношеніи вліяніе учителя. Въ Я. П. школѣ это правило подтверждалось постоянно, со дня ея основанія. Въ началѣ нельзя было подраздѣлять ни на классы, ни на предметы, ни на рекреацію и уроки: все само собой сливалось въ одно, и всѣ попытки распредѣленій оставались тщетны. Теперь же въ первомъ классѣ есть ученики, которые сами требуютъ слѣдованія распisanію, недовольны когда ихъ отрываетъ отъ урока, и которые сами безпрестанно выгоняютъ вонъ маленькихъ, забѣгающихъ къ нимъ.»

Надѣмся, этой выписки достаточно для того, чтобы читатель составилъ себѣ понятіе о порядкѣ, заведенномъ въ я. п. школѣ. Нельзя не сознаться, что порядокъ этотъ очень мало выходитъ не только на то, что мы до-сихъ-поръ видѣли въ школахъ, но и на то, что мы вообще представляли себѣ о школьномъ порядкѣ и что говорилось въ курсахъ педагогика. Есть вещи, взглядъ на которыя можетъ быть чрезвычайно разнообразенъ, и притомъ въ каждомъ своемъ оттѣнкѣ можетъ имѣть известную долю правды. Сюда, кажется, можно отнести и взглядъ на школьный порядокъ. Школьная дисциплина во многихъ существующихъ у насъ заведеніяхъ своею строгостью поминутно переходитъ всякую разумную границу. Примѣровъ для этого можно не представлять: ихъ приходилось каждому видѣть довольно. Еще недавно въ одной школѣ излишняя и далеко нерациональная дисциплина была причиною общаго разлада учащихся съ учащимися, начальствующихъ съ подчиненными, и, къ сожалѣнію, нашли возможнымъ устранить этотъ разладъ не введеніемъ болѣе разумной системы въ воспитаніи, а усиленіемъ той же самой дисциплины. Г. Толстому тоже, вѣроятно, приходилось видѣть порядокъ нашихъ школъ, и самъ онъ, какъ видно, далеко не партизанъ школьной дисциплины, и даже, по видимому, слишкомъ далеко ушелъ въ противоположную сторону; въ его школѣ, какъ самъ онъ говоритъ, порядка совсѣмъ нѣтъ: когда учитель уже входитъ въ классъ, т. е. урокъ долженъ начинаться, ученики еще лежатъ на полу, кричатъ, во-

зятія между собою, даже дерутся и т. п.; въ классѣ не только каждый не имѣетъ своего опредѣленнаго мѣста, но даже, если ученику придется занять какое-нибудь мѣсто, другіе стараются его столкнуть и перебить мѣсто. Дальше, въ другихъ мѣстахъ г. Толстой рассказываетъ, какъ въ его школѣ происходятъ порядочныя, очень серьезныя драки между учениками, и въ школѣ почти не принимаются никакія мѣры для того, чтобы остановить ихъ, о наказаніяхъ, разумѣется, нечего и говорить. Г. Толстой прямо говоритъ, что въ этихъ случаяхъ, гдѣ оно употребляется, происходитъ только произволъ, несправедливость, потому, сколько видно изъ его рассказовъ, г. Толстой предоставилъ ученикамъ самимъ «вѣдаться между собой, какъ имъ хочется» и потому же, во время ихъ ссоръ и дракъ, не рѣшается останавливать ихъ.

Все это не можетъ не возбудить нѣкоторыхъ особенныхъ мыслей: справедлива ли система, которой свѣдуетъ г. Толстой, и нельзя ли найти такого школьнаго порядка, который не имѣлъ бы характера строгой школьной дисциплины, и въ то же время ставилъ бы учениковъ подъ дѣйствительное руководство учителя. Порядокъ, существующій въ я. п. школѣ, насъ не удовлетворяетъ по многимъ причинамъ. Если мы, вмѣсто учениковъ собравшихся въ школѣ, представимъ себѣ дѣтей, принадлежащихъ къ одному семейству, а вмѣсто учителя—отца, то, безъ сомнѣнія, никакой отецъ, не будетъ такъ безразлично относиться ко всему, что дѣтямъ придетъ въ голову; напротивъ, онъ постарается направить поступки дѣтей такъ, чтобы, не противорѣча требованіямъ дѣтской натуры, они вмѣстѣ съ тѣмъ, удовлетворяли его плану—воспитанія дѣтей. Г. Толстой думаетъ объ этомъ не такъ. По его мнѣнію, «школа не должна вмѣшиваться въ дѣло воспитанія, подлежащее одному семейству», но въ этомъ онъ, повидимому, ошибается. Если отецъ и мать отпускаютъ сына изъ-подъ своего надзора и передаютъ его на руки учителя, очевидно, учитель долженъ сдѣлать все то, что, въ известномъ случаѣ, сдѣлали бы сами отецъ и мать; и такъ-какъ разумный отецъ никогда не откажется въ данномъ случаѣ внушить и объяснить своему сыну какъ и почему онъ долженъ поступать, то то же самое долженъ сдѣлать и учитель. Г. Толстой высказываетъ свое мнѣніе, что учителю очень трудно дѣйствовать на учениковъ, что, большею частью, ученики сами собою и скорѣе и справедливѣе покончатъ свои ссоры и драки; что

наказаніе, особенно тѣлесное, ихъ только ожесточаетъ. Это, конечно, справедливо; но не всегда ученики, предоставленные сами себѣ, введутъ въ свои отношенія строгую справедливость; бываетъ и противное, и вліянію учителя всегда будетъ много мѣста; вмѣсто наказанія онъ можетъ употребить свое нравственное вліяніе; и если онъ будетъ дѣйствительно способный и преданный своему дѣлу учитель, оно можетъ быть настолько сильно, что будетъ въ состояніи мало-по-малу облагородить взгляды и поступки учениковъ. А въ этомъ, очевидно, есть настоятельная надобность въ школахъ; изъ какого бы класса общества ни были ученики, всегда рядомъ съ добрыми наклонностями у нихъ есть и дурныя инстинкты, которые нужно парализовать. Притомъ, нельзя обойтись безъ того, чтобы, какъ говоритъ самъ г. Толстой, не обращать вниманія на желанія той среды, которую хотятъ образовать. Извѣстно, какъ крестьянинъ смотритъ на образованіе: для него это дѣло въ высшей степени серьезно, каково оно и есть въ самомъ дѣлѣ; а смѣшивать два ремесла, дѣло и бездѣлье, онъ не любитъ, да такъ и слѣдуетъ, не только въ крестьянскомъ быту, но и вообще во всякомъ. Жизнь пройти—не поле перейти: къ ней надо быть хорошо приготовленнымъ, и очень многимъ изъ насъ приходится жалѣть объ этомъ недостаточномъ приготовленіи къ жизни, къ труду; и съ этой точки зрѣнія весьма неблагоприятно дѣлаютъ тѣ родители, которые стараются слишкомъ облегчить обученіе и все вообще образованіе дѣтей. До самой крайней степени это облегченіе доходить, какъ говорятъ, у современныхъ римскихъ патриціевъ, а оттого и изъ ихъ семействъ ничего не выходитъ, кромѣ папскихъ камергеровъ; напротивъ, въ англійскихъ аристократическихъ семействахъ образованіе идетъ гораздо серьезнѣе: дѣти приучаются къ труду, и впоследствии бываютъ къ нему способны до 80-ти лѣтняго возраста. Съ этой точки зрѣнія слишкомъ легкой взглядъ ученика на свои обязанности не можетъ быть оправданъ, особенно въ сельскихъ школахъ; и, повидимому, въ я. п. школахъ начинаютъ въ этомъ убѣждаться; по-крайней-мѣрѣ старшіе, болѣе серьезные ученики, заботятся о томъ, чтобы строго слѣдовать росписанію, т. е. заниматься дѣломъ когда слѣдуетъ, и недовольны, если ихъ отвлекаютъ отъ урока. Это вполне согласно съ общимъ взглядомъ крестьянскаго мальчика на вещи: въ двѣнадцать или тринадцать лѣтъ онъ уже, у себя въ домѣ, имѣетъ свои опредѣленные обя-

занности, которыя онъ строго исполняетъ; нерѣдко въ этомъ возрастѣ онъ мало отстаеетъ отъ взрослога въ работѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что крестьянамъ гораздо больше понравится болѣе серьезный взглядъ на обязанности учениковъ въ школахъ. Если крестьянинъ посылаетъ сына въ школу, то у него очень естественно желаніе, чтобы время, которое сынъ тамъ проводитъ, не пропадало даромъ, чтобы оно употреблялось не на игры и не на забавы, а на дѣйствительное ученіе. Потому не только въ самомъ дѣлѣ ненужно тратить много времени попустякамъ, но можно позаботиться и о томъ, чтобы это только не показалось отцамъ, нужно завести школьный порядокъ такой, который бы они одобрили. Приходится слышать не только отъ крестьянъ, но даже отъ мѣщанъ и отъ купцовъ гдѣ-нибудь въ губернскомъ городѣ, что они недовольны увѣданнымъ училищемъ за то, что тамъ ученики больше дерутся и возятся между собою, нежели учатся; а крестьянинъ о такомъ порядкѣ скажетъ, что онъ годится для барскихъ дѣтей. Можетъ быть, такимъ характеромъ ясно-полянскій школы и надобно объяснить то, что, несмотря на свои дѣйствительно, повидимому, значительныя средства, школа имѣетъ только около сорока учениковъ и ученицъ, вѣсть.

Г. Толстой—очевидно въ дѣлѣ педагогики человекъ, необладающій очень большимъ опытомъ и, можетъ быть, лично онъ былъ правъ, когда говорилъ о томъ, что педагогика почти ничего не сдѣлала. Но его вниманіе къ педагогическимъ вопросамъ, искренность въ признаніи своихъ ошибокъ, ручаются за его будущіе успѣхи. Средства для этихъ успѣховъ онъ найдетъ частью въ этихъ прекрасныхъ отношеніяхъ, которыя уже установились между нимъ и его учениками. Мы имѣемъ тѣмъ болѣе права предсказывать это, что уже въ самомъ его описаніи я. п. школы замѣчаются нѣкоторые признаки перемѣнъ къ болѣе-раціональному порядку.

Мы не будемъ слѣдить за учебными успѣхами я. п. школы. Первоначальное обученіе дѣтей въ школахъ, при значительномъ количествѣ ихъ, представляетъ особенное затрудненіе, и г. Толстой, подобно другимъ, ихъ не обошелъ. Повидимому, особенно трудно было для него обучить дѣтей простому механическому чтенію и приучить ихъ къ пониманію того, что они читаютъ: это оказалось самою трудною задачею для учителя и самымъ скучнымъ дѣломъ для учениковъ. Всего больше зани-

каютъ рассказы изъ священной исторіи и другіе, физическіе опыты, даже рисованіе. Замѣчательно, что г. Толстой приучаетъ своихъ учениковъ даже писать стихи, и это ихъ то же занимаетъ. И вотъ—какіе стихи сочиняютъ въ ясно-полянскоѣ школѣ:

У окна сидитъ старикъ,
Въ прорванномъ тулупѣ,
А на улицѣ мужикъ
Красны яйца лупить.

При тѣхъ средствахъ, которыми, владѣетъ я. п. школа, при четырехъ учителяхъ, при сорока ученикахъ, можетъ быть, найдется время какъ у тѣхъ, такъ и у другихъ для стихотворныхъ упражненій и, можетъ быть, современемъ изъ учениковъ я. п. школы мы будемъ имѣть даже не одного народнаго поэта. Но, очевидно, этотъ родъ занятій въ общую программу всѣхъ сельскихъ школъ войти не можетъ; гораздо ближе къ задачѣ сельскихъ школъ относится упражненіе учениковъ въ сочиненіи прозаическомъ, въ описаніяхъ, рассказахъ и т. п. Нашему, даже грамотному, крестьянину удастся несовсѣмъ хорошо изложить что-нибудь на письмѣ, даже въ такомъ случаѣ, когда дѣло ему, повидимому, вполне сподручно. Кому приходилось читать письма, присылаемыя солдатами въ деревню, или получаемыя ими отъ своихъ родныхъ, тотъ хорошо это знаетъ: въ такихъ письмахъ, кромѣ безконечныхъ поклоновъ, обыкновенно ничего нѣтъ, и поклоны обыкновенно занимаютъ все письмо, а дѣлу посвящается двѣ,—три строки. Потому мысль г. Толстого—приучать учениковъ къ сочиненію, заслуживаетъ полнаго сочувствія. Сочиненія пишутся или на нѣкоторыя заданныя темы, или содержатъ въ себѣ письменные рассказы изъ священной исторіи. Въ первой книжкѣ журнала помѣщено нѣсколько такихъ сочиненій. Для образца мы приведемъ одно изъ нихъ, написанное мальчикомъ одиннадцати лѣтъ, который учился третьему змѣ въ я. п. школѣ, но поступилъ въ нее уже нѣсколько подготовленнымъ. Въ журналѣ оно помѣщено съ сохраненіемъ знаковъ препинанія и орфографіи оригинала. Этотъ рассказъ въ Тулѣ:

«На другое Воскресенье я опять поѣхалъ въ Тулу. Когда пріѣхалъ, то Владиміръ Александровичъ намъ говоритъ съ Васькой Ждановымъ ступайте въ Воскресную школу. Мы пошли, шли, шли, наслушка нашли, приходимъ и видимъ, что всѣ учителя сидятъ. И тамъ я видѣлъ учителя тотъ который училъ насъ ботаники. Тутъ я говорю здравствуйте господа! они говорятъ здравстуй. Потомъ я вошелъ въ классъ, сталъ возлѣ стола и такъ мнѣ стало скучно, я

взялъ и пошелъ по Тулѣ. Ходилъ, ходилъ и вижу что одна баба торгуетъ калачами. Я сталъ доставать изъ кармана деньги, когда вынулъ и сталъ покупать калачи, купилъ и пошелъ. А еще я выдѣлъ на башни ходить человѣкъ и смотреть не горить-ли гдѣ. Я объ Тулѣ кончилъ.»

Нельзя не согласиться, что для 11-ти-лѣтняго ученика сельской школы это изложеніе его впечатлѣній больше, нежели удо влетворительно.

Этимъ мы окончимъ обзоръ первой книжки журнала г. Толстого. Въ ней есть еще три статьи: 1) Попытка учительства въ я—кой школѣ» 2) «Житовская школа за два мѣсяца» и 3) «Книги ламинцовской волости». Первая двѣ статьи имѣютъ совершенно тотъ же характеръ и то же содержаніе, какъ и описаніе я. п. школы. Преподаватели этихъ двухъ школъ стояли совершенно предъ тѣми же самыми требованіями народа и предъ тѣми же самыми затрудненіями. Одинъ изъ преподавателей въ скоромъ времени отказался отъ своей педагогической дѣятельности, не смотря на то, что большая часть затрудненій уже уступила мѣсто его усиліямъ и, при немощно большей энергіи, а можетъ быть и при большемъ вниманіи ко взгляду народа на его собственные потребности, при большемъ проведеніи въ практикѣ правила, высказаннаго г. Толстымъ, относительно того, чтобы примѣняться ко вкусу народа, ему можно было бы съ успѣхомъ продолжать свою дѣятельность. При журналѣ г. Толстого, въ видѣ особенной книжки, изданы маленькіе рассказы для дѣтей предварительно подвергнутые испытанію въ я. п. школѣ. Къ рассказамъ приложенъ взглядъ автора на подобную дѣтскую литературу. Мы прежде касались этого взгляда и теперь повторимъ наше мнѣніе въ короткихъ словахъ. Основная мысль г. Толстого въ высшей степени справедлива: онъ думаетъ, что народу нужно предлагать только такое чтеніе, которое ему нравится; но онъ не сумѣлъ при этомъ сдѣлать нужное ограниченіе, не сумѣлъ прибавить того, что это чтеніе должно въ то же время быть полезнымъ чтеніемъ, потому-что народу нравится и такое чтеніе, которое ему повредитъ. Доказательство можно найти въ самой книжкѣ рассказовъ, издающей г. Толстымъ одинъ изъ этихъ рассказовъ о томъ, какъ чортъ являлся одному изъ двоихъ друзей, можетъ имѣть результатомъ только усиленіе суевѣрія въ довѣрчивомъ ученикѣ. Благочестивое чувство въ народѣ должно быть поддерживаемо и развиваемо; но благочестіе не есть суевѣріе; а суевѣрія въ нашемъ народѣ такъ

ного, и оно, какъ и вездѣ, сопровождается такими несчастными нравственными результатами, что его нужно не поддерживать, а истреблять: оно служитъ дѣйствительно препятствіемъ къ умственному и нравственному развитію народа. Другой рассказъ «Матвѣй» и по языку, и по содержанию, и по характеру вполне удовлетворяетъ своему назначенію. Можно сдѣлать только одно замѣчаніе относительно одной изъ его подробностей. Главный герой рассказа почти вездѣ называется Матюшкой, а сынъ его Павлушкой. Можетъ быть, г. Толстой думаетъ, что подобныя имена составляютъ нормальное употребленіе нашего простого народа?—это несправедливо. Конечно, онъ употребляетъ ихъ весьма часто; но это бываетъ только въ такихъ случаяхъ, когда онъ почти непріязненно относится къ извѣстнымъ людямъ, такъ-что они все-таки имѣютъ характеръ или бранный или презрительный. Иногда крестьянскій ребенокъ и самъ себя, на вопросъ—какъ его зовутъ, называетъ подобнымъ презрительнымъ именемъ; но это происходитъ отъ его привычки къ самоуничиженію передъ всякою личностью, которую онъ считаетъ чѣмъ-то высоко поставленною надъ собою; привычка эта, конечно, невольная, сдѣланная имъ вопреки его собственному желанію, и въ другихъ случаяхъ между крестьянами, напр. въ своей семьѣ, или вообще въ равной средѣ, употребляются имена въ обыкновенномъ своемъ видѣ, а если въ уменьшительномъ, то не съ характеромъ презрѣнія, а съ характеромъ ласки. Въ былыя времена это самоуничиженіе у насъ выпадала въ долю всѣхъ; всѣмъ приходилось подъ челобитными титуловать себя холопами и Васьками, Федьками и т. п. Духъ времени и новой цивилизаціи изгналъ эту унижительную форму изъ нашихъ словъ, теперь пришло время изгнать ее изъ другихъ.

Несмотря на нѣкоторые недостатки, замѣчаемые въ журналѣ г. Толстого, или, лучше сказать, въ его педагогической системѣ,—потому что его журналъ есть что-то въ родѣ внѣшней формы, въ которой его система, или вообще его педагогическая дѣятельность, является передъ публикою,—нужно сказать, что вообще этотъ журналъ есть явленіе сколько полезное, столько и утѣшительное. О пользѣ его распространяться нечего, а прекрасный характеръ, дѣйствительное благородство стремленій, дѣйствительное желаніе автора принести пользу—видны, начиная съ первой строки до послѣдней, и въ нашей литературѣ это большая рѣдкость, которая, потому и производитъ особенное

впечатлѣніе. Въ то время, какъ другіе журналы имѣютъ въ виду исключительно пріобрѣсти нужный имъ успѣхъ неслѣпыми прогрессивными фразами, въ то время, какъ наши, такъ называемые, лучшіе дѣятели изъ прогресса сдѣлали себѣ доходныя статьи и жертвуютъ какъ истиною, такъ и общественнымъ интересомъ, или для своего ребяческаго самолюбія, или для выгоды болѣе существенныхъ, — въ такое время дай Богъ побольше такихъ явленій какъ журналъ и вообще вся педагогическая дѣятельность г. Толстого. Ошибки, встрѣчающіяся въ подобной дѣятельности, или въ подобной литературѣ, послужатъ только къ болѣе опытности самихъ дѣятелей и дадутъ возможность, какъ имъ самимъ, такъ и другимъ, идти прямѣе и вѣрнѣе къ ихъ цѣли.

К. Охочеломонный.

О ПРЕОБРАЗОВАНИИ ЦЕНЗУРНАГО УПРАВЛЕНІЯ.

Одною изъ самыхъ интересныхъ новостей настоящаго мѣсяца было учрежденіе комисіи по дѣламъ книгопечатанія и новое преобразование цензурнаго управленія. Громадная важность законовъ о печати, настоятельная потребность въ пересмотрѣ существующихъ законовъ, потребность, уяснившаяся для всѣхъ по полной очевидности, оставляютъ какъбы въ тѣни совершенное преобразование и сосредоточиваютъ все вниманіе на вновь учрежденной комисіи о печати.

Въ указѣ, появившемся въ «Санктпетербургскихъ Вѣдомостяхъ» сказано, что управляющему министерствомъ народнаго просвѣщенія предоставляется составить неотлагательно комисію для пересмотра, измѣненія и дополненія постановленій по дѣламъ книгопечатанія, съ тѣмъ, чтобы заключенія министерства, по соглашенію съ II Отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, представлялись на высочайшее воззрѣніе установленнымъ порядкомъ.»

Изъ того же объявленія мы узнали, что комисіія уже учреждена и состоитъ подъ предсѣдательствомъ статс-секретаря князя Оболенскаго, изъ членовъ: т. с. Цез, академика Веселовскаго, и. с. с. Воронова и профессора Андреевскаго. Предсѣдателю предоставлено право приглашать къ участию въ занятіяхъ комисіи гг. литераторовъ и редакторовъ періодическихъ изданій.

Пока о дѣятельности учрежденной комисіи еще ничего не вѣстно; но слѣдующее обстоятельство заставляетъ предполагать, что комисіія не будетъ дѣйствовать тайно, по-крайней-мѣрѣ во сѣхъ отношеніяхъ.

Въ министерскомъ объявленіи мы читаемъ, что «*вопросы, по которымъ признано будетъ полезнымъ* знать подробно разныя мнѣнія гг. писателей, будутъ предлагаться на обсужденіе въ журналахъ».

Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ предложенія вопросовъ, тѣмъ болѣе, что многіе изъ нихъ представляютъ на практикѣ чрезвычайную трудность при нашемъ теперешнемъ общественномъ устройствѣ.

Вопросъ и свободѣ мысли уже въ такой степени выясненъ для каждаго мало-мальски образованнаго человѣка, что мы не считаемъ нужнымъ сколько-нибудь распространяться объ этомъ вопросѣ.

Всякій понимаетъ, что нарушеніе этой свободы подрываетъ общественную жизнь въ корнѣ. Тѣ или другія государственныя соображенія могутъ заставить правительство слѣдовать извѣстному пути въ дѣлахъ о печати; но эти соображенія намъ не извѣстны, и потому здѣсь наша рѣчь кончена.

Печать можетъ быть подвергнута либо предварительной цензурѣ, либо карательной (административныя преслѣдованія), или дѣла печати могутъ быть, какъ всѣ человѣческія дѣйствія, разсматриваемы судомъ. Въ послѣднемъ случаѣ печать будетъ свободна.

Мы не знаемъ, на чемъ остановится коммиссія о книгопечатаніи и не можемъ начать рѣчи, пока намъ не будетъ извѣстна задача ея и первые труды.

Можетъ ли существовать свобода печати такъ сказать уединенно, не поддержанная соотвѣтствующими условіями?—Такой вопросъ слышится въ обществѣ очень часто. Г. Мельгуновъ уже успѣвши заявить въ «Нашемъ Времени», что, по его мнѣнію, свобода печати у насъ еще долго будетъ оставаться невозможною, или, лучше сказать, не осуществится на дѣлѣ.

Этотъ вопросъ, пока, мы должны пройти почти молчаніемъ. Скажемъ только, что тутъ все зависитъ отъ общества. Если общество окрѣпнетъ, разовьетъ свои силы и свѣдѣнія, оно дастъ прочнѣйшее основаніе для лучшаго хода дѣлъ о печати.

Мы полагаемъ, что даже при теперешнемъ положеніи общества коммиссія о книгопечатаніи можетъ сдѣлать много добра. Мы полагаемъ, что общество сумѣетъ воспользоваться ея работами и дастъ имъ довольно-прочное основаніе.

Предварительная цензура прежде всего, самую процедурою своєю, очень стѣснительна во многихъ случаяхъ. Съ учрежденіемъ

рательной цензуры, въ самомъ существѣ дѣла, порядокъ можетъ остаться тотъ же. Для дѣйствительнаго облегченія печати нужно сознаніе общества, уже достаточно развитое у насъ. Это сознаніе дастъ прочное основаніе для лучшаго порядка и для дальнѣйшаго развитія. Въ Англіи, какъ извѣстно, свобода печати обезпечивается прежде всего самимъ обществомъ.

Не распространяясь пока объ этомъ вопросѣ, мы хотѣли только высказать, что г. Мельгуновъ ошибается, думая что у насъ нѣтъ никакихъ основъ для развитія свободы мысли.

Исторія цензуры въ Россіи прежде всего замѣчательна тѣмъ обстоятельствомъ, что почти всегда самый ходъ цензурныхъ дѣлъ значительно удалялся отъ постановленій и уставовъ, представлявшихъ иногда лишь общія соображенія, которыя легко могли подвергнуться всяческому толкованіямъ. Въ дѣлахъ цензуры законодательная власть смѣшивалась съ исполнительною такъ часто, что одни уставы и учрежденія даютъ лишь самое слабое понятіе о ходѣ дѣлъ.

Первыми цензурными учрежденіями, организованными съ значительною энергіею и послѣдовательностію мы обязаны Екатериной II. Изъ указовъ императора Александра I-го мы знаемъ, что ближайшимъ поводомъ къ учрежденію цензуры послужила французская революція прошлаго столѣтія. Въ 1796 г. учреждены первыя цензурныя управленія, окончательно организованы императоромъ Павломъ I. Главное завѣдываніе надъ цензурой поручено было сенату; по дальнѣйшія мѣры императора почти совсѣмъ сокращали дѣятельность цензурныхъ управленій. Въ 1800 г. запрещено привозить изъ-за-границы всякаго рода книги и музыкальныя ноты, и затѣмъ всѣ частныя типографіи были запечатаны. Петербургской цензурѣ подчинены цензурныя части всей имперіи, и нигдѣ въ Россіи не могла появиться книга, не добывшая въ Петербургѣ разрѣшенія на пропускъ въ печать.

Извѣстно, что съ восшествіемъ на престолъ императора Александра I были отмѣнены многія мѣры предшествовавшаго царствованія. Привозъ иностранныхъ книгъ разрѣшонъ и восстановлены цензурныя учрежденія 1796 г. Вскорѣ императоръ Александръ, увидалъ, что пора и этихъ правилъ миновала. Въ указѣ 1 февраля 1802 г. говорится о прекращеніи обстоятельствъ, вызвавшихъ цензурныя стѣсненія, и къ этому прибавляется сознаніе, что цензура не достигала предположенной цѣли. По указу

1802 г. цензура книгъ была восстановлена на правилахъ 1783 г., допускавшихъ очень широкое истолкованіе; но, впрочемъ, эти правила были нѣсколько измѣнены.

Послѣ всѣхъ этихъ разнохарактерныхъ и кратковременныхъ мѣръ, съ учрежденіемъ министерствъ начинается правильная организація цензуры, которая хотя и подвергается довольно частымъ измѣненіямъ, но почти никогда не теряетъ своей силы.

Главныя черты цензурнаго управленія при Александрѣ состоятъ въ порученіи цензуры министерству народнаго просвѣщенія, которое и производитъ ее преимущественно чрезъ университеты, и въ возложеніи наблюденія за печатью на министерство полиціи, а потомъ внутреннихъ дѣлъ, къ которому первое было присоединено. Изданія разныхъ правительственныхъ учреждений, напр. академій, корпусовъ, главнаго правленія училищъ, медицинской управы и пр., а также ученыхъ обществъ, то поручаются ихъ непосредственному завѣдыванію, то отбираются косвенными распоряженіями, и опять поручаются. Цензурныя правила александровскаго царствованія можно найти въ первомъ цензурномъ уставѣ 1804 г. и въ уставахъ тогдашнихъ университетовъ.

Наряду съ этими правилами возникаетъ и усиливается во все время царствованія Александра вмѣшательство въ дѣла печати разныхъ вѣдомствъ, и особенно всемогущаго Аракчеева. Это обстоятельство заключаетъ въ себѣ столько любопытнаго и по своей сущности и по своимъ подробностямъ, что оно всегда упоминается однимъ изъ первыхъ, когда рѣчь зайдетъ о цензурѣ. Съ самаго учрежденія министерства народнаго просвѣщенія оно завѣдывало цензурными дѣлами и это было одною изъ главныхъ причинъ, почему это министерство нѣкоторое время играло что-то въ родѣ подчиненной роли, относительно другихъ. Извѣстно, что въ дѣла министерства народнаго просвѣщенія часто вмѣшивались другія вѣдомства, что дало поводъ къ одному очень мѣткому замѣчанію въ «Ревизорѣ». Въ сущности подобное вмѣшательство вытекало изъ самаго положенія дѣлъ.

Въ печати всегда, болѣе или менѣе, выражается общественно мнѣніе; при извѣстномъ возрѣніи на него съ цензурою сталкиваются всѣ вѣдомства. Министерство народнаго просвѣщенія, завѣдывавшее дѣлами о печати, постоянно должно было уступать въ борьбѣ съ другими министерствами и вѣдомствами. При учрежденіи медико-хирургической Академіи ей было предоставлено цензурованное медицинскихъ сочиненій; военно-ученый комитетъ получилъ

такую же привилегію относительно сочиненій о военномъ искусствѣ и пр. Въ 1821 году Аракчеевъ словесно объявилъ комитету министровъ, что служащіе лишаются права печатать что бы то ни было, касающееся внѣшняго или внутренняго положенія Россіи, сверхъ обыкновенной цензуры, безъ дозволенія начальниковъ.

Въ царствованіе императора Николая I мы замѣчаемъ три періода относительно цензуры, а именно 1) съ 1826 по 1828 г., 2) въ 1828 по 1848 и 3) съ 1848 по 1855 г. Крайніе періоды во многимъ чертамъ весьма сходны, и только въ среднемъ періодѣ мы видимъ нѣсколько облегченныя цензурныя условія.

Во все продолженіе царствованія императора Николая I главное завѣдываніе цензуры поручалось особому учрежденію, названному въ первый періодъ верховнымъ цензурнымъ комитетомъ, а въ послѣдніе два періода главнымъ правленіемъ цензуры. Во все царствованіе официально признается, что въ этомъ учрежденіи сосредоточены всѣ дѣла по цензурѣ, но на практикѣ они расходятся по разнымъ вѣдомствамъ. Въ послѣднее время царствованія Николая I, рядомъ съ правленіемъ цензуры, и, лучше сказать, высоко надъ нимъ, мы видимъ, особый цензурный совѣтъ.

Верховный цензурный комитетъ, дѣйствовавшій съ 1826 по 1828 г., состоялъ изъ трехъ министерствъ: внутреннихъ дѣлъ, народнаго просвѣщенія и иностранныхъ дѣлъ. Уставъ по которому этотъ комитетъ обязанъ былъ блюсти науку и воспитаніе юношества, нравы и внутреннюю безопасность, а также направлять общественное мнѣніе согласно съ политическими обстоятельствами и видами правительства», получилъ огромную извѣстность.

Главное правленіе цензуры съ 1828 по 1850 г. составилось изъ министра народнаго просвѣщенія (предсѣдатель), его товарища, изъ президентовъ академіи наукъ, художествъ и россійской и изъ членовъ, по одному, отъ министерствъ внутреннихъ и иностранныхъ дѣлъ. Главное правленіе состояло при министерствѣ народнаго просвѣщенія.

Въ 1850 г. составъ главнаго правленія преобразованъ въ слѣдующій: министръ народнаго просвѣщенія (предсѣдатель), товарищъ его, президенты академіи наукъ и художествъ члены отъ духовенства православнаго, министерствъ внутреннихъ и иностранныхъ дѣлъ, управляющій III отдѣленіемъ собственной

Е. И. В. канцеляріи, попечитель петербургскаго учебнаго округа и другія лица, по высочайшему избранію. Въ такомъ составѣ главное правленіе цензуры перешло въ царствованіе императора Александра II.

Въ первый періодъ цензурныхъ дѣлъ царствованія императора Николая I цензура была поручена ближайшимъ образомъ цензорамъ, должность которыхъ признавалась несомвѣстною со всякою другою. Эти чиновники ежегодно получали отъ верховнаго цензурнаго комитета правила, для руководства въ дѣйствіяхъ.

Во второмъ періодѣ должность цензора исполнялась бѣльшею частію профессорами университета. Цензурные комитеты, какъ это было при Александрѣ I-мъ, учреждены при университетахъ и состояли изъ профессоровъ и адъюнктовъ, къ которымъ въ Москвѣ и Петербургѣ прибавлялось по одному стороннему члену. Въ концѣ этого времени мы видимъ учрежденіе особыхъ цензурныхъ комитетовъ въ Кіевѣ и на Кавказѣ.

Въ третьемъ періодѣ въ должности цензоровъ профессоровъ уже нѣтъ. Цензоры избираются изъ лицъ, получившихъ образованіе въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и вообще, имѣющихъ значительныя свѣдѣнія». Должность цензора опять признается несомвѣстимою съ какою либо другою, но за то жалованье цензорамъ возвышено очень значительнымъ образомъ.

Мы уже говорили, что главное правленіе цензуры никакъ нельзя считать единою исполнительною властью въ дѣлахъ цензуры, въ которыхъ постоянно принимали самое значительное участіе почти всѣ другія вѣдомства и высшія государственныя установленія.

По уставу 1826 г., всякая статья, касающаяся какой-либо отрасли государственнаго управленія, подлежала предварительному разсмотрѣнію министерства, къ предметамъ котораго она относилась. Кромѣ спеціальной духовной цензуры, существовавшей постоянно и даже прежде учрежденія общей цензуры, уставъ 1826 учреждалъ особыя спеціальныя цензуры для медицинскихъ и учебныхъ изданій, для сводовъ и собраній русскихъ законовъ, издаваемыхъ частными лицами и проч. Впрочемъ, по тому же уставу, всякія предположенія частныхъ людей о преобразованіи какой-либо отрасли государственнаго управленія, а также объ измѣненіи правъ и преимуществъ сословій, если эти предложенія не одобрены еще правительствомъ, были вовсе запрещены. При такомъ сокращеніи заботъ цензурнаго управ-

нія, случаи вѣшательства другихъ вѣдомствъ съ тѣмъ вмѣстѣ значительно уменьшались.

Во второй періодъ, особенно въ концѣ его, мы видимъ постоянное увеличеніе числа участвующихъ въ предварительномъ разсмотрѣніи изданій печати. Для книгъ еврейскихъ и на восточныхъ языкахъ учреждена особая цензура. Проповѣди въ церквяхъ подвергнуты цензурѣ архіереевъ, благочинныхъ и особымъ цензорамъ. Извѣстія придворныя, театральныя, объ играхъ придворныхъ артистовъ и объ особахъ императорской фамиліи—постепенно переходили къ цензурѣ министерства императорскаго двора. Музыкальныя сочиненія, исполняемыя въ церкви, подчинены особой цензурѣ директора пѣвческой капеллы. Все, что сколько-нибудь касалось до вѣдомства путей сообщенія по дошуду графа Клейнмихеля, «во избѣжаніе несообразностей и ошибокъ въ описаніи путей сообщенія», шло на цензуру этого вѣдомства, и въ томъ числѣ всевозможныя чертежи и рисунки по строительной части.

Въ третьемъ періодѣ литература была въ такомъ состояніи, что забота особымъ цензурѣ почти не имѣла случаевъ для приложенія. Иностранныя книги обложены пошлиной, ограничено право нѣкоторыхъ лицъ и вѣдомствъ на выписку книгъ помимо цензуры; продажа книгъ на улицахъ и площадяхъ—запрещена. Вѣдомство цензуры постоянно распространялось на всѣ возможныя изданія типографій и литографій.—Революція 1848 года, была справедливо замѣчено въ «Русскомъ Вѣстникѣ», имѣла на наши цензурныя дѣла подобное же дѣйствіе, какъ и первая революція. Въ началѣ царствованія императора Александра II обязательствъ точно такъ же перемѣнились, какъ и въ началѣ царствованія Александра I. Вмѣстѣ съ тѣмъ быстро измѣнился и видъ литературы, въ которой разомъ поднялось столько вопросовъ первѣйшей важности. Въ нѣкоторомъ отношеніи съ 1856 по 1860 г. литература представляла много утѣшительнаго, и вообще эта перемѣна займетъ хорошую страницу въ русской исторіи. Впрочемъ, было бы напрасно искать слѣдовъ или причинъ этой перемѣны въ преобразованіи цензурнаго управленія: въ 1860 г. въ немъ не было значительныхъ перемѣнъ, за исключеніемъ установленнаго въ 1858 г. назначенія довѣренныхъ чиновниковъ отъ разныхъ министерствъ и вѣдомствъ, для разсмотрѣнія статей, касающихся этихъ учреждений. Подобная неизмѣненность цензурнаго управленія, въ виду краснорѣчивой пере-

мѣны въ литературѣ, лучше всего показываетъ намъ степень зависимости печати исключительно отъ цензурныхъ учреждений.

Въ началѣ 1860 г. главному правленію цензуры дано устройство «болѣе соотвѣтствующее потребностямъ» литературы и просвѣщенія. Преобразование состояло въ сосредоточеніи въ главномъ правленіи цензуры для окончательнаго разрѣшенія всѣхъ дѣлъ относительно печати, возникающихъ не только въ кругу его дѣятельности, но и въ другихъ вѣдомствахъ. Въ то же время измѣненъ составъ этого учреждения; въ немъ назначены три члена по штату, членъ отъ министерства иностранныхъ дѣлъ и члены по личному избранію Государя Императора. Въ петербургскій и московскій цензурные комитеты назначены особые председатели.

Изъ этого короткаго очерка исторіи цензурнаго управленія видно, что теперешнее новое преобразование его весьма близко подходитъ къ тому порядку, который существовалъ, съ незначительными измѣненіями, почти во все царствованіе императора Александра I-го. Теперь главное правленіе цензуры упразднено; наблюденіе за печатью передано министерству внутреннихъ дѣлъ, а непосредственное завѣдываніе общою цензурою возложено прямо на министра народнаго просвѣщенія, къ которому перешли всѣ обязанности и права главнаго правленія, за исключеніемъ контроля надъ выпущенными уже изданіями.

Въ царствованіе императора Александра I-го министръ полиціи о замѣченныхъ имъ упущеніяхъ докладывалъ самому государю. Въ этомъ отношеніи теперь принятъ другой порядокъ, впрочемъ не обрисованный въ республикованномъ указѣ съ полною определенностью. Въ указѣ сказано, что министерство внутреннихъ дѣлъ о замѣченныхъ упущеніяхъ * «сообщаетъ для зависящаго распоряженія»:

а) Относительно всякаго рода изданій, изъятыхъ отъ общей цензуры, тѣмъ управленіямъ и вѣдомствамъ, въ вѣдѣніи которыхъ состоятъ эти изданія.

б) Относительно изданій, подлежащихъ общей цензурѣ—министру народнаго просвѣщенія, и

в) Относительно изданій, подлежащихъ духовной цензурѣ—оберъ-прокурору святѣйшаго синода.

Какимъ порядкомъ будетъ производиться наблюденіе въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, кѣмъ именно изъ членовъ его

* Разумѣется цензоровъ и проч.

состава — это пока еще неизвестно. То же самое должны мы сказать о томъ, въ чемъ именно будутъ заключаться «зависящія распоряженія» тѣхъ вѣдомствъ, которымъ поручено цензурованное изданіе. Существующія постановленія далеко не вполне разрѣшаютъ эти вопросы.

Цензурные комитеты и цензоры остаются въ прежнемъ составѣ и подчиняются непосредственно министру народнаго просвѣщенія. Мы не знаемъ, будутъ ли сохранены чиновники особыхъ порученій, бывшіе при прежнемъ главномъ правленіи цензуры, а также редакторъ литературныхъ обзорѣній для поднесенія Государю Императору, должность котораго исполняетъ г. Щебальскій; что касается до чиновниковъ особыхъ порученій, то дѣятельность ихъ, сколько извѣстно, далеко не была плодотворною, а скорѣе напротивъ, хотя, разумѣется, въ этомъ были виноваты не лица, исполнявшія эту должность, а просто назначеніе послѣдней.

Изъ вѣдомства общей цензуры изъяты всѣ изданія правительственныхъ учреждений и губернскія вѣдомости, а начальникамъ этихъ учреждений и губернаторамъ предоставлено поручать цензурованное изданіе этимъ лицамъ по своему выбору, съ тѣмъ, чтобы въ сомнительныхъ только случаяхъ лица эти обращались къ цензорамъ министерства народнаго просвѣщенія, а гдѣ таковыхъ нѣтъ — къ директорамъ училищъ.

Это распоряженіе, какъ мы говорили выше, существовало при императорѣ Александрѣ I-мъ, но далеко не въ такомъ объемѣ. Теперь отъ общей цензуры изъяты *всѣ* изданія правительственныхъ распоряженій. Мы убѣждены, что съ настоящаго времени «Морской Сборникъ» долженъ получить еще большее значеніе. Читатель, вѣроятно знаетъ, что этотъ журналъ морскаго вѣдомства поднялъ нѣсколько вопросовъ первостепенной важности и еще теперь часто представляетъ значительный интересъ. Цензурованное губернскихъ вѣдомостей до настоящей минуты занимало 85 цензоровъ, изъ училищныхъ чиновниковъ. Настоящимъ распоряженіемъ они уничтожаются и губернскія вѣдомости получаютъ возможность совокупить въ лицѣ своего редактора и цензора неофициальной части, — преимущество огромной важности и, собственно говоря, не представляющее никакихъ неудобствъ. Намъ могутъ замѣтить, что, при возложеніи на редактора должности цензора, онъ получаетъ возможность выпустить въ печать Богъ знаетъ что. На это нельзя не замѣ-

тить, что возможность подобнаго проступка физически не отнята отъ редактора. Кто помѣшаетъ редактору набрать въ типографіи что-нибудь, напр., неблагопрістойное и потомъ разослать эту публикацію съ номеромъ газеты, или даже въ немъ самомъ, если редакторъ печатаетъ въ своей типографіи? кто, какъ не отвѣтственность передъ закономъ? Между тѣмъ эта отвѣтственность нисколько не уменьшится, если редакторъ будетъ и цензоромъ; напротивъ тогда она еще увеличится. Надо было замѣтить, что въ самой огромной долѣ случаевъ редакторъ не будетъ даже судьей самого себя; а просто станетъ цензурировать статьи сотрудниковъ. Если же губернскія вѣдомости были сданы редактору на изданіе, то въ этомъ случаѣ отвѣтственность редактора-цензора приобрѣла бы еще болѣе дѣйствительную основу. Конечно, никто не сталъ бы рисковать своимъ состояніемъ, и притомъ безпрестанно, да и шансы игры стоятъ тутъ весьма невыгодно. Приобрѣтеніе нѣсколькихъ подписчиковъ не можетъ вознаградить не только за отпята, но и за болѣе или менѣе значительный штрафъ, показывающій уклоненія. Ни одна газета, даже губернская, не могла бы существовать разсчетомъ на эти уклоненія; и, съ другой стороны, связь цензурныхъ дѣлъ съ ущербомъ для состоянія заставила бы всякаго и каждую сторону, заинтересованную въ дѣлѣ, вести себя болѣе серьезно. Самыя уклоненія редактора-цензора, получаютъ тогда другой характеръ, вполнѣ успокоительный. Всякое стѣсненіе, которое даже вызвано обстоятельствами, всегда пользуется нѣкоторымъ нерасположеніемъ общества, стремящагося, въ случаѣ нужды, конечно, представляющей не часто, перерастить это стѣсненіе. Теперь уклоненія имѣютъ характеръ какой-то побѣды, вызывающей сочувствіе многихъ, даже помимо настоящаго достоинства и степени важности дѣла. Тогда же газета будетъ дѣломъ лица; а личныя дѣла судятся въ обществѣ несравненно строже, а у насъ даже съ какимъ-то желаніемъ впередъ видѣть ошибку или безобразіе. Что касается до проступковъ, которые считаются важными, то они всегда составляютъ исключеніе и почти не отстранямы въ существѣ дѣла никакими мѣрами. Относительно такихъ проступковъ надо замѣтить, что при личной отвѣтственности редактора губернскихъ вѣдомостей, какъ цензора, съ нихъ будетъ снятъ тотъ характеръ, который мѣшаетъ имъ въ глазахъ многихъ упасть въ разрядъ пошлости, хотя это и было неизбѣжно по пустотѣ дѣла.

Покорно просимъ нашихъ собратьевъ по литературѣ, любящихъ толковать чужія слова и вкривъ, и вкось не увѣрять свою публику, будто мы предлагаемъ идеалъ для положенія редактора неофициальной части губернскихъ вѣдомостей. Смѣемъ увѣрять ихъ, что этотъ идеалъ извѣстенъ намъ въ тѣхъ общихъ чертахъ, въ которыхъ онъ безпрестанно встрѣчается въ газетахъ; по, вѣдь можно же, не покидая стремленій къ идеалу, предложить практическое устраненіе многихъ затрудненій, возможное въ очень близкую минуту, а въ дѣлѣ развитія мысли общественной и минута дорога — не правда ли? Мы надѣемся, что, съ предложеніемъ вопросовъ отъ вновь учрежденной комиссіи по дѣламъ книгопечатанія, получится возможность болѣе серьезныхъ рѣчей, и тогда обсужденіе коснется до главнаго элемента въ дѣлѣ — до суда. Указанное нами соединеніе должностей редактора и цензора для губернскихъ вѣдомостей устраняетъ множество чисто-практическихъ затрудненій, огромная тяжесть которыхъ слишкомъ чувствительна, въ особенности для періодическихъ изданій. Каждая статья, назначаемая для газеты, посылается къ цензору, который, въ случаѣ пропуска ея, обыкновенно возвращаетъ статью не безъ болѣе или менѣе значительныхъ поправокъ. Эти поправки очень часто происходятъ отъ простыхъ недоразумѣній, а между тѣмъ для устраненія ихъ нужна часто не одна поѣздка къ цензору, что отнимаетъ и у редактора и у цензора множество времени. По литературнымъ обычаямъ, вторая корректура статьи посылается обыкновенно къ автору. Этотъ обычай очень полезенъ потому, что даетъ возможность автору перечестъ свою статью и сдѣлать нужныя поправки, спустя нѣкоторый срокъ послѣ написанія ея и отдачи въ редакцію. Между тѣмъ, въ видахъ выигрыша времени, та же корректура посылается къ цензору, и потому авторъ, желающій избѣжать вторичной посылки статьи къ цензору, которая опять возьметъ время, чрезвычайно стѣсненъ въ своихъ поправкахъ. По прежнему порядку, теперь уничтоженному, цензоры для разрѣшенія своихъ недоразумѣній, дѣлали докладъ въ комитетъ: отсюда новая проволока. Но самое непріятное дѣло состояло въ отсылкѣ статьи, къ довереннымъ чиновникамъ, въ министерства и вѣдомства. Въ разныхъ журналахъ нѣсколько разъ было заявлено, что такая-то статья добивалась даннаго ей разрѣшенія на пропускъ въ печать въ нѣсколькихъ вѣдомствахъ, на что уходилъ не одинъ мѣсяць. Бывали случаи, когда разные и даже одинъ и тѣ же мѣста

статьи шли въ четыре, пять и болѣе спеціальныхъ цензуръ. Въ виду неизбежности такихъ проволочекъ, правильный ходъ періодическаго изданія дѣлался очень часто затруднительнымъ до послѣдней степени. Мы увидимъ ниже, что часть этихъ затрудненій теперь устраняется; что будетъ особенно важно для петербургскихъ журналовъ, у которыхъ проволочки увеличивались еще затрудненіями въ самой пересылкѣ статей. Легко понять, что губернскія вѣдомости будутъ поставлены въ болѣе благопріятное положеніе, если самая разсылка статей будетъ устранена, по возможности; если редакторское чтеніе будетъ въ то же время чтеніемъ цензора и если всѣ нужныя поправки можно будетъ дѣлать въ рукописи, избѣгая чрезъ это переборки статьи въ типографіи, на что идетъ не только время, но и прямо деньги. Повторяемъ, что множество поправокъ происходило изъ простыхъ недоразумѣній, и поправки получали иногда мелочной характеръ перемѣны однихъ только словъ, — не выраженій, а просто словъ.

Наконецъ, нельзя не замѣтить, что разныя обстоятельства развили въ русскихъ писателяхъ необычайное искусство говорить между строками или намеками. Нѣкоторые увѣряютъ, что ни въ одной странѣ подобное искусство не доведено до такого тонкаго совершенства, какъ у насъ. Это обстоятельство, надо признаться, весьма затрудняетъ цензоровъ. Ясное дѣло, что подобное искусство возможно при извѣстномъ соответствующемъ умѣнии читать. Намъ кажется, что хотя на губернскихъ вѣдомостяхъ не мѣшало бы попробовать другое обращеніе со словомъ, которое, ставя слово прямо, убило бы у читателя вниманіе къ намекамъ, расположенію фразъ, словъ и къ прочимъ тонкостямъ, которыми держится искусство говорить между строками. Всякій пойметъ, что подобное искусство, при значительномъ развитіи его, всегда, болѣе или менѣе, ускользаетъ отъ контроля даже такого цензора, который исполняетъ свою должность чуть ли не до мученичества. Если редакторъ неофіціальной части губернскихъ вѣдомостей будетъ въ то же время и цензоромъ, то онъ, относительно рѣчи, между строками будетъ поставленъ въ положеніе несравненно болѣе щекотливое, чѣмъ теперь, когда пропускъ статей, набираемыхъ для журнала, лежитъ на постороннемъ лицѣ. Многое изъ того, чѣмъ можно воспользоваться, какъ поступкомъ человѣка посторонняго и какъ бы занимающаго положеніе на другой сторонѣ, довольно щекот-

либо сдѣлать самому. Кроме того, очень хорошо извѣстно, что самый неукротимый либераль, приобщившись власти и вступивъ въ прямое соприкосновеніе съ тѣми силами, съ которыми она имѣетъ дѣло, всегда умѣряетъ свои порывы. Когда О'Коннелль былъ избранъ въ мэры, то Робертъ Пиль радовался этому, какъ лучшему средству для смиренія перваго. Здѣсь опять мы должны сдѣлать оговорку. Нѣкоторые остроумные ловцы чужихъ словъ, пожалуй, скажутъ, что мы не сочувствуемъ О'Коннеллю. Можетъ быть! отвѣчаемъ мы впередъ.

Управляющему министерствомъ народнаго просвѣщенія «представлено войти съ подлежащими вѣдомствами въ сношеніе объ изытаніи отъ разсмотрѣнія цензурой изданій разныхъ ученыхъ вѣдомствъ и чисто-спеціальныхъ и техническихъ, и заключеніе ихъ представить Государю Императору». Этою мѣрою возстановится порядокъ, также бывшій при Александрѣ I-мъ.

Выше мы говорили о тѣхъ правилахъ, которыя неизбѣжно притекали изъ разсылки статей и книгъ въ спеціальныя цензуры разныхъ вѣдомствъ, а также упоминали о постоянномъ вмешательствѣ почти всѣхъ вѣдомствъ въ дѣла цензуры. Теперь всѣ спеціальныя цензуры,—за исключеніемъ духовной, для статей и книгъ духовнаго содержанія, и цензуры министерства императорскаго двора, относительно всего, касающагося Государя Императора и особъ императорскаго двора,—уничтожены. Довѣренныя чиновники отъ разныхъ вѣдомствъ, учрежденные въ 1852 и 1858 г. теперь отмѣнены. Впрочемъ, въ сомнительныхъ случаяхъ министерство народнаго просвѣщенія обращается къ другимъ вѣдомствамъ; и мы надѣемся, что этому постановленію на практикѣ будетъ дано разумное толкованіе, не стѣсняющее литературы. Всѣ ждуть, что теперь министерство народнаго просвѣщенія, столь глубоко важное въ государственномъ организмѣ, получаетъ на самомъ дѣлѣ полную самостоятельность, и, еслибы это могло случиться, поведетъ себя достойно относительно притязанія другихъ вѣдомствъ. Политическія статьи подчинены теперь одной общей цензурѣ, во всѣхъ изданіяхъ, подлежащихъ ея разсмотрѣнію, безъ всякаго участія и отвѣтственности за нихъ министерства иностранныхъ дѣлъ.

Итакъ, настоящее преобразование цензурнаго управленія представляетъ всего болѣе возстановленіе того порядка, который уже существовалъ у насъ при императорѣ Александрѣ I-мъ, и притомъ возстановленіе въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ нѣсколько

улучшенное или распространенное. Практическіе результаты новаго преобразованія пока еще не обрисовались, но есть надежда, что скоро мы увидимъ ихъ настоящее значеніе.

Наша статья была уже окончена, когда въ газетахъ появилось первое извѣщеніе отъ комиссіи о книгопечатаніи. Оно составляетъ эпоху въ русскихъ законахъ о печати.

19 марта происходило первое засѣданіе комиссіи. Въ немъ подробно разсматривался вопросъ о точномъ опредѣленіи предмета занятій комиссіи. По указаніямъ управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, на комиссію возлагается:

«1) Составить проектъ новаго законоположенія о книгопечатаніи для тѣхъ произведеній наукъ, словесности и искусства, которыя изъяты будутъ отъ предварительнаго разсмотрѣнія цензурою (законодательство карательное).

«2) Пересмотръ, дополненіе и измѣненіе нынѣ дѣйствующаго устава для тѣхъ произведеній, которыя останутся подъ дѣйствіемъ предварительной цензуры.

«Въ составъ первой части труда комиссіи войдутъ:

«а) Постановленія объ административныхъ, полицейскихъ и судебныхъ учрежденіяхъ, завѣдывающихъ дѣлами книгопечатанія.

«б) Постановленія полицейскія о типографіяхъ и литографіяхъ и о книжной торговлѣ, во всѣхъ ея видахъ.

«в) Постановленія о періодическихъ изданіяхъ, о редакторахъ, издателяхъ, залогахъ, штемпелевыхъ сборахъ и пр.

«г) Законы о преступленіяхъ и проступкахъ, совершаемыхъ словомъ, письмомъ и печатью, и о наказаніяхъ за оныя.

«е) Законы о *судопроизводствѣ*.

«Не предпрѣлая нынѣ вопроса о томъ, какія именно произведенія словесности, наукъ и искусствъ могутъ быть изъяты отъ дѣйствія предварительной цензуры, комиссія будетъ имѣть въ виду разработку законодательства карательнаго, независимо отъ постановленій цензурныхъ, въ томъ предположеніи, что, при существованіи полнаго законодательства о книгопечатаніи и при устройствѣ судебныхъ органовъ преслѣдованія, *кругъ вѣдѣній цензурныхъ постановленій можетъ быть сокращаемъ постепенно*, по указаніямъ опыта, и по мѣрѣ того, какъ новое законодательство утвердится практикою и перейдетъ въ сознаніе самой литературы».

«Вторая часть труда будетъ заключаться въ составленіи цензурнаго устава».

Ни одному русскому министру, ни Сперанскому, ни графу Яваскому не приходилось дѣлать указаній столь важныхъ, какъ сообщенныя г. Головиннымъ въ первомъ засѣданіи комиссіи о типопечатаніи. Главнѣйшія распоряженія по крестьянскому дѣлу, какъ извѣстно, объявлялись манифестами, грамотами и пр. или отъ главнаго крестьянскаго комитета. На г. Головиннѣ лежитъ теперь такая отвѣтственность передъ Россіей, которая рѣдко выпадала на долю другихъ министровъ. Никогда во всей исторіи русскаго правительства вопросъ о печати не былъ поднятъ съ такою прямою и, мы надѣемся, глубиною. Карательныя преслѣдованія печати во все прошедшее столѣтіе было смѣшано съ предупредительною цензурою. Извѣстно, что организація послѣдней не устраняла карательныхъ мѣръ ни на практикѣ, ни часто въ самихъ законахъ. По первому цензурному уставу 1804 г. самое представленіе въ цензуру рукописи, — если она, по мнѣнію цензуры, будетъ найдена исполненною мыслей и выраженій, отвергающихъ бытіе Божіе, вооружающеюся противъ вѣры и законовъ отечества, оскорбляющею верховную власть и даже просто противнаго духу общественнаго устройства, — самое представленіе такой рукописи влекло за собою карательное преслѣдованіе. По уставу 1826 г., точно такъ же, сочиненіе, подвергаемое предварительной цензурѣ, подвергалось, кромѣ того, карательному преслѣдованію даже по выпускѣ въ печать. Уставъ говоритъ, что авторъ, обдумывающій въ тиши кабинета что-либо вредное для общественной безопасности и нравовъ, еще больше виновенъ, чѣмъ цензоръ, разсматривавшій сочиненіе автора, по обязанности своей, наряду со многими другими. Изъ практики очень хорошо извѣстно, что предварительная цензура не избавляла авторовъ отъ судебного преслѣдованія. Теперь порядокъ дѣлъ долженъ измѣниться: карательному преслѣдованію будутъ подвергаться одни сочиненія, изъятія отъ цензуры, и конечно, относительно прочихъ, карательное преслѣдованіе не будетъ имѣть мѣста. Комиссія должна будетъ обсудить прочныя основанія для такого порядка, еще никогда не существовавшаго въ русской исторіи.

Если кругъ изданій изъятыхъ отъ цензуры будетъ представлять дѣйствительное значеніе для общества и эти сочиненія будутъ вчинены суду, то настоящее преобразование, не говоря о безчленныхъ послѣдствіяхъ его, должно произвести цѣлую реформу въ нравахъ, едва ли меньшую той, которая будетъ однимъ изъ

лучшихъ украшеній обѣщанной въ вышшемъ году реформы суда, о процвѣтаніи котораго русская исторія также умалчиваетъ. Извѣстно, что у насъ почти всегда искали выхода въ третейское разбирательство. При огромной важности дѣла, порученнаго комиссіи о печати, можно вполнѣ надѣяться, что это административное распоряженіе во всякомъ случаѣ принесетъ свою пользу. Кто не знаетъ, что лучше не дѣлать извѣстнаго шага, чѣмъ дѣлать его неудовлетворительно. Въ концѣ концовъ, въ глубинѣ нашей совѣсти, мы вполнѣ привѣтствуемъ докладъ министра народнаго просвѣщенія Головинна, повлекшій за собою такія послѣдствія.

Въ напечатанномъ объявленіи намекается, что кругъ дѣйствія карательнаго законодательства будетъ соображаться, между прочимъ, съ «сознавіемъ» литературы. Мы совершенно убѣждены, что одно заявленіе свободы печати подниметъ уровень литературы и заставитъ литераторовъ смотрѣть на свое занятіе болѣе серьезнымъ образомъ. Но если... если въ началѣ будетъ, чтонибудь подобное, напр., драчному салу, идущему по рѣкѣ передъ чистымъ льдомъ и нарушающему въ рѣкѣ всѣ законы плаванія то такое явленіе не можетъ продолжаться болѣе весьма малаго времени. Люди дѣйствительнаго образованія, люди, которымъ всякаго рода безобразіе противно, подъ какимъ бы знаменемъ оно ни стояло, непремѣнно и скоро возьмутъ верхъ. Побѣда я ихъ будетъ побѣдою окончательной.

Мы бы весьма желали распространиться о тѣхъ вопросахъ, которые подлежатъ разсмотрѣнію комиссіи; но, во первыхъ, и не имѣемъ уже времени, а во-вторыхъ, ограничимся выпискою слѣдующаго конца объявленія о первомъ засѣданіи комиссіи.

«Гг. члены комиссіи распредѣлили между собой занятія д. подробной разработки каждаго отдѣльнаго вопроса этого многосложнаго дѣла. По мѣрѣ изготовленія, работа каждаго члена будетъ разсматриваться и обсуждаться въ послѣдующихъ засѣданіяхъ».

«Весьма бы желательно, чтобы гг. литераторы наши и редакторы *потрудились сообщить комиссіи* свои мысли и соображенія по вышеозначеннымъ предметамъ».

«Желательно бы также, чтобы литература наша нѣсколько ближе ознакомила публику съ вопросами, до законодательства печати относящимися. Сравнительное изложеніе законодательства другихъ образованныхъ государствъ и теоретическая оцѣнка ихъ могли бы приготовить общественное мнѣніе къ правильной разумнѣйшей силе и значенія новой системы законодательства о книгопечатаніи.»

С. Ч. МЕЛИЩЕВЪ.

СОВРЕМЕННЫЯ ПУТЕШЕСТВІЯ.

РУССКИХЪ ЛЮДЕЙ ЗА ГРАНИЦУ, ДЛЯ НАУЧНЫХЪ ЦѢЛЕЙ.

«Съ нѣкотораго времени русское правительство посылаетъ въ Германію образованныхъ молодыхъ людей, которые, однако, не имѣютъ практическихъ свѣдѣній въ земледѣліи этой страны и слушали курсы земледѣлія въ специальныхъ школахъ. Эти молодые люди дѣйствительно узнаютъ, какъ надобно вести хозяйство въ странѣ многолюдной, гдѣ считается отъ 3000 до 6000 душъ на квадратную милю. Но если профессоръ въ своей лекціи не обращаетъ довольно вниманія на отношенія между цѣною земледѣльческихъ продуктовъ и стоимостью труда, молодые люди остаются въ совершенномъ невѣдѣніи относительно этого предмета, и, по возвращеніи на свою родину, переносятъ ту систему, которую они изучали въ многолюдной странѣ, въ страну, гдѣ на квадратной милѣ живетъ только отъ 500 до 1000 душъ и гдѣ хлѣбъ перевозятъ сухимъ путемъ за 200 верстъ. Познанія пріобрѣтенныя этими людьми, въ такомъ случаѣ имѣютъ результатомъ ихъ собственное разореніе, а ихъ примѣръ не только не вызываетъ подражанія; но роняетъ во мнѣніи общества рациональное сельское хозяйство».

Такъ писалъ еще въ 1850 году одинъ изъ лучшихъ экономистовъ и сельскихъ хозяевъ нашего столѣтія. Случай, который онъ представляетъ, не есть что-нибудь исключительное; онъ повторяется у насъ почти вездѣ, и притомъ иногда съ особеннымъ колоритомъ. Кому не приходилось видѣть, что, напримѣръ, купецъ, простой и необразованный человѣкъ, отдавъ своего сына въ гимназію, впоследствии горько плачется на то, что будтобы наука развратила его и что въ гимназіи онъ на-

учился только искусству очень скоро и ловко проживать отцовскія деньги. И отъ этого происходятъ у насъ явленія, которыя, безъ сомнѣнія, обратили на себя вниманіе всѣхъ, кому пришлось ихъ видѣть, именно, что многіе наши русскіе купцы въ Петербургѣ,—люди очень крѣпкіе въ православной вѣрѣ,—не хотятъ отдавать своихъ дѣтей ни въ гимназію, ни въ какое другое казенное учебное заведеніе, а отдаютъ ихъ въ лютеранскую петропавловскую школу. Или, напр., степной помѣщикъ привозитъ своего сына въ кадетскій корпусъ, даетъ ему образованіе, котораго самъ не имѣетъ, и въ послѣдствіи, въ награду за свою заботливость о сынѣ, имѣетъ несчастье видѣть, что его сынъ тратитъ и здоровье и деньги совсѣмъ не для службы и не для какого другого дѣла. Подобное явленіе ставить въ—тупикъ бѣдныхъ родителей и всѣхъ тѣхъ, которые имѣютъ случай наблюдать ихъ со стороны. И вотъ, вслѣдствіе его, являются противники образованія, которыя твердятъ, что образованіе вредно, что лучше жить такъ, какъ жили отцы: по-проще и безъ всякихъ особенныхъ выдумокъ и претензій.

За границу у насъ ѣздятъ не за тѣмъ только, чтобы изучать сельское хозяйство; есть много другихъ причинъ, которыя увлекаютъ туда тысячи русскихъ. Многіе ѣздятъ просто только затѣмъ, чтобы людей посмотреть и себя показать, насладиться тѣми прелестями жизни, которыя Западная Европа представляетъ въ болѣе утонченномъ видѣ. Другіе ѣдутъ съ болѣе разумными цѣлями: художники ѣдутъ затѣмъ, чтобы изучать искусства, молодые ученые за тѣмъ, чтобы изучать науки, каждый по своей спеціальности; наконецъ, многіе ѣдутъ съ спеціальною цѣлью: изучать учрежденія Западной Европы, ту или другую отрасль управленія, ту или другую систему народнаго образованія, и т. п. Между всѣми тѣми, которые ѣдутъ за границу съ опредѣленною цѣлью—изучать что нибудь, надобно различить два отдѣла, значительно отличающіеся одинъ отъ другого. Одни предпринимаютъ путешествіе собственною инициативою, и на свой счетъ; другихъ посылаетъ та или другая отрасль нашей администраціи на казенный счетъ. Въ послѣднее время всѣ вообще виды путешествія за границу увеличились въ числѣ; не говоря о туристахъ, которые, какъ говорятъ, въ Крейцнахѣ и другихъ мѣстахъ образуютъ каждое лѣто едва-ли не

большую половину народонаселенія, путешествія съ спеціальными цѣлями тоже умножились; и опять, какъ прежде, посылають—однихъ учиться, другихъ—изучать всѣ тѣ же учебныя заведенія.

Разныя мысли приходятъ въ голову при извѣстїи объ этихъ многочисленныхъ путешествіяхъ; смотря по темпераменту, и на вещи вообще, одни тутъ видятъ прїятные признаки процвѣтанія наукъ вообще въ нашемъ любезномъ отечествѣ. Особенно-весело смотрять на эти путешествія тѣ, которые сами ѣдутъ и получаютъ для этого изъ казны деньги. Другіе относятся къ нимъ нѣсколько иначе. Не имѣя особенной ревности къ національной славѣ и своеобразности во что бы ни стало, они находятъ, что многое, для чего ѣдутъ за границу, могло бы быть сдѣлано и дома, и даже лучше, нежели за границею; продуктъ народнаго труда, который тратится на эти путешествія, былъ бы сбереженъ. Правы или неправы эти люди, въоружъ сужденія имѣють характеръ пессимизма, Богъ знаетъ. Несомнѣнно то, что до-сихъ-поръ подобныя путешествія съ цѣлью позаняться умомъ у другихъ народовъ, большой пользы не приносили. Въ самомъ дѣлѣ, даже въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ подобныхъ путешествій было очень много, и если посмотрѣть на ихъ результатъ, то онъ окажется очень незначительнымъ. Правда, три-четыре ученыхъ, возвратясь изъ заграницы, хорошо сдѣлали свое дѣло, а десятки и даже сотни другихъ, конечно, привезли дипломы на степень докторовъ философіи и т. п., а большого дѣла не сдѣлали: получивъ профессорскія каѳедры, они вели дѣло науки такъ, что теперь оказывается общая несостоятельность ея въ Россіи; и всѣ признаются, какъ въ обществѣ, такъ и въ администраціи, что дѣло надобно начинать снова, по новому способу, попрочнѣй и поглубже. Видно, плохо изучали наши молодые ученые каждый свое дѣло. Повидимому нехорошо изучали его и тѣ, которые ѣздили смотрѣть школы, приглядываться къ системамъ обученія и т. п. А отчего все это происходило,—трудно рѣшить. Еслибъ мы хорошо знали исторію всѣхъ этихъ путешествій, можетъ быть, намъ бы и понятны были причины несогласія результатовъ съ средствами; а теперь, для нашего сужденія нѣтъ крѣпкой опоры. Какъ были приготовлены наши ученые путешественники, кто и какими средствами дѣлалъ между

ними выборъ, чѣмъ и какъ онѣ занимались за границею — все это дѣло темное. Изъ слуховъ, которые по временамъ доходили къ намъ, и чрезъ устные рассказы, и чрезъ газеты, слишкомъ много извлечь нельзя, да и притомъ, что же это за источникъ—слухи? Всякому ли слуху надобно вѣрить? не проскользнуть ли между вѣрными слухами и нелѣпыя сплетни? А у насъ же слухи, какъ основаніе для сужденій, особенно не пользуются расположеніемъ. Мало ли чего у насъ не говорятъ! А при той высотѣ общественной нравственности, которая существуетъ у насъ, какимъ образомъ система сужденій на основаніи слуховъ можетъ пользоваться у насъ популярностью, когда почти нѣтъ человѣка, который бы не боялся всего больше слуховъ о своихъ собственныхъ дѣлахъ; когда наша жизнь представляетъ такіе перлы, передъ которыми гораздо лучше закрывать глаза тому, кто привыкъ все представлять въ розовомъ свѣтѣ! На этомъ-то основаніи всѣ малѣйшіе намеки на закулисныя тайны нашей жизни подвергаются такому яростному осужденію со стороны тѣхъ, которыхъ выгода требуетъ большей скромности, особенно если эти намеки дѣлаются въ литературѣ. На этомъ то основаніи наша пишущая братія не прочь ухватиться за всякое средство, чтобы заставить замолчать нескромные языки. Не прочь разыграть дуэльную комедію, не прочь поднять площадной шумъ и гамъ, лишь бы только удержаться въ таинственномъ и привлекательномъ для публики полусвѣтѣ. А между тѣмъ слухи не пустяки и не одніи сплетни: не будь слуховъ, мы не имѣли бы исторіи. Геродотъ, Фукидидъ, Титъ-Ливій, Тацитъ, Светоній писали свои исторіи исключительно, или главнымъ образомъ, на основаніи слуховъ. Да и въ новѣйшей исторіи безъ слуховъ обойтись нельзя; въ официальныхъ документахъ, особенно въ дипломатическихъ, больше лжи, нежели правды, и главный источникъ новѣйшей исторіи состоитъ въ мемуарахъ, т. е. въ тѣхъ же слухахъ. И если бы исторію ограничить только одними официальными бумагами, то она бы вышла очень коротка и неполна. Еслибы знаніе современной жизни ограничить тоже официальными публикаціями, это значило бы осудить себя на незнаніе ея. А принимайте вы слухи, да, разумѣется, хорошо критикуйте ихъ—вамъ будетъ понятно многое такое, что безъ этого источника осталось бы для васъ неразгаданною тайною. Напримѣръ, отчего наши ученые туристы и специалисты плохо дѣлали свое дѣло?

Послушайте то, что говорят о ихъ путешествіи—и фактъ будетъ для васъ понятенъ. Въ то время, какъ человекъ, интересовавшійся дѣломъ, не сумѣлъ приобрести вниманіе начальства, другіе, болѣе ловкіе, болѣе либеральные въ нравственномъ отношеніи, всѣми этими средствами пользовались и ѣхали изучать дѣло, до котораго имъ самимъ никакого дѣла не было. Потомъ писали великолѣпные и особенно очень ученые отчеты—и дѣло шло хорошо, по крайней мѣрѣ съ большою пользою для нихъ; а что это были за люди—въ отчетахъ, ни въ какихъ публикаціяхъ не значится. Но поѣзжайте вы вслѣдъ за ними за границу, побывайте тамъ, гдѣ они были, и вы поймете отчего изъ ихъ путешествій ничего не вышло. Вотъ путешествуетъ молодой наблюдатель педагогическихъ системъ; онъ является къ одному знаменитому педагогу Германіи: педагогъ его принимаетъ; между ними начинается педагогическая бесѣда; но педагогъ послѣ двухъ словъ замѣчаетъ, что наблюдатель-путешественникъ говоритъ о чемъ — не знаетъ, а разсуждать вообще ни о чемъ не умѣетъ. Къ довершенію несчастія, нашъ путешественникъ, не надѣясь на свое пониманіе, разговаривая съ педагогомъ, держитъ передъ собою листъ бумаги и записываетъ все, что педагогъ ни говоритъ. Педагогъ этимъ шокируется, разговоръ прекращается; а вамъ, если вы посѣтите педагога послѣ этого наблюдателя-туриста, онъ выскажетъ свое удивленіе, что въ Россіи, не нашли поумнѣе человека для того, чтобы поручить ему наблюденіе за извѣстнымъ дѣломъ. Ступайте вы по слѣдамъ этаго наблюдателя дальше, и вездѣ вы услышите то же самое. Бываютъ и другіе случаи. Вотъ ѣдетъ за границу человекъ, котораго просто ученымъ назвать нельзя, а надобно назвать ловкимъ ученымъ или, просто ловкимъ чело­вѣкомъ. Онъ имѣетъ задачу, весьма похожую на задачу прежняго наблюдателя-туриста. По возвращеніи тоже представляетъ отчеты; все идетъ хорошо, въ особенности самъ онъ хорошо устроивается послѣ своихъ неоднократныхъ путешествій; а дѣло, которое онъ устроилъ, идетъ плохо, и дѣло очень серьезное, которымъ лгуть нельзя. Гдѣ же искать разгадку тайны? въ документахъ нигдѣ не найдете, а поищите гдѣ-нибудь въ другихъ источникахъ. Ловкій человекъ имѣлъ неосторожность гдѣ-то не совсемъ почтительно отозваться печатно о трактирѣ, въ которомъ онъ жилъ въ одномъ нѣмецкомъ городкѣ. Ловкій человекъ, парти-

занъ гласности настолько, насколько это ему выгодно, онъ даже и самъ не прочь публиковать такіе факты, которые дѣлаютъ честь его безкорыстію или гуманности. Но нѣмцы народы самолюбивый; не позволятъ кому бы то ни было возвышать себя на ихъ счетъ. И вотъ нѣмецкій трактирщикъ публикуетъ опроверженіе на слова ученаго, и въ заключеніе прибавляетъ, что ловкій человѣкъ и наблюдать ничего правильно не могъ во время пребыванія у него въ трактирѣ, ибо былъ съ утра до вечера пьянъ, удостовѣряя это свидѣтельствомъ и другихъ лицъ. Да такъ-какъ нѣмецкій трактирщикъ, повидимому, человѣкъ, не менѣе ученый, какъ нашъ ловкій человѣкъ, то онъ къ этому и присоединилъ свои размышленія о характерѣ русскихъ ученыхъ вообще; а Германія читаетъ это опроверженіе и судитъ посвоему о ходѣ образованія въ Россіи, на основаніи этого и подобныхъ фактовъ. Въ другой разъ парижскій газеты перепечатаваютъ, одна изъ другой, любопытное извѣстіе о томъ, какъ русскіе туристы, подъ предводительствомъ одного тоже очень ученаго человѣка и наблюдателя, устроили въ Парижѣ то, что они называли *les nuits athéniennes*. Вѣрить всѣмъ этимъ слухамъ или не вѣрить? Господа, къ которымъ они относятся, конечно, скажутъ, что имъ вѣрить не слѣдуетъ; а другіе подобные господа скажутъ, что никакимъ подобнымъ слухамъ не слѣдуетъ вѣрить, и что говорить ихъ не слѣдуетъ, а тѣмъ больше печатать; что они относятся къ частной жизни, а потому и должны быть оставлены во мракѣ неизвѣстности. Мы вѣримъ этимъ слухамъ. Если въ нихъ есть невѣрныя подробности, неизмѣняющія ихъ характера, если, вмѣсто одного города, или трактира, называютъ другой, — это ничего не значить. Мы даже съ особенною любовью принимаетъ эти слухи потому, что въ нихъ мы находимъ драгоцѣнное объясненіе для непостижимыхъ фактовъ, для изученія причины успѣховъ или неуспѣховъ нашей жизни и обезпеченіе, будущихъ успѣховъ ея; мы вѣримъ имъ по общему закону человѣческой мысли, которая въ составленіи теорій обыкновенно приписываетъ тѣ причины, которыми объясняются факты, тѣмъ болѣе, что онѣ, гармонируя съ дѣломъ, въ то же время вполне гармонируютъ какъ съ характеромъ, такъ и съ наклонностями людей, къ которымъ они относятся.

Но какимъ же образомъ подобные господа получаютъ поруче-

ни, которыя они не въ состояніи выполнить, ни по своимъ умственнымъ, ни по своимъ нравственнымъ качествамъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ надобно искать въ томъ, что мы сказали выше, именно что для полученія извѣстнаго назначенія они прибѣгали къ средствамъ, за которыя не всякій возьмется; а люди, отъ которыхъ зависѣло ихъ назначеніе, тоже не имѣли ни довольно средствъ, ни довольно энергій, чтобы сдѣлать болѣе разумный выборъ. А выборъ дѣйствительно зависѣлъ только отъ ихъ усмотрѣнія; никакихъ особенныхъ правилъ для него не существовало, и совершался онъ въ тиши кабинета. Въ то время, когда рѣшался выборъ для самого избирателя, кромѣ немногихъ ловкихъ субъектовъ, представленныхъ или представившихся для исполненія порученія, остальные, болѣе способные, люди не были извѣстны, такъ-какъ и имъ не было извѣстно, что дѣлается извѣстное назначеніе, и они не могли представиться для законной конкуренціи. Если это будетъ продолжаться и теперь такъ, какъ это прежде, то долго еще намъ придется ѣздить за границу, чтобы дополнять недостатки нашего образованія, чтобы восполнять наше отечественное скудоуміе. Но при той доброй волѣ, которую обнаруживаютъ многіе изъ нашихъ вліятельныхъ общественныхъ дѣятелей, можно надѣяться, что характеръ нашихъ путешествій за границу съ научными и педагогическими цѣлями измѣнится къ лучшему. И для содѣйствія этой цѣли мы позволимъ себѣ представить нѣкоторыя соображенія, которыя возбуждаются сами собой при взглядѣ на новыя фазы нашей жизни и при нѣкоторомъ знакомствѣ съ тѣмъ, что нами уже пережито. Мы обратимъ вниманіе только на два вида путешествій, которыя имѣютъ самое прямое отношеніе къ успѣхамъ общаго образованія въ Россіи, именно, на путешествіе людей уже извѣстныхъ своею ученостью и педагогическою опытностью съ педагогическою цѣлью, и на путешествія молодыхъ людей отпращиваемыхъ правительствомъ для окончанія своего научнаго образованія болѣею частію въ германскихъ университетахъ. Тѣ, которые ѣздятъ съ педагогическою цѣлью, имѣютъ назначеніе наблюдать системы и объемъ преподаванія въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ Западной Европы, въ народныхъ школахъ, гимназіяхъ и даже университетахъ. Разумѣется, хорошо знать—какъ то или другое дѣло идетъ у народовъ, опередившихъ насъ въ цивилизаціи; но вотъ вопросъ: нужно ли намъ непременно

знать всѣ малѣйшія подробности извѣстныхъ учреждений Западной Европы,—нельзя ли узнать то, что намъ нужно, безъ поѣздокъ за границу? Наконецъ, нельзя ли вообще поменьше обращать вниманія на то, какъ, что дѣлается въ Западной Европѣ и своимъ умомъ подумать и сообразить, что нужно намъ въ Россіи. Если мы хотимъ знать, напр., устройство учебныхъ заведеній въ Германіи, для этого можно обойтись и безъ путешествій за границу. Уставы нѣмецкихъ учебныхъ заведеній мы не только можемъ выписать изъ Германіи, но во всякое время можемъ достать ихъ и въ Россіи. Да, наконецъ, уже мы столько времени ѣздимъ въ Германію, столько времени читаемъ нѣмецкія книги, наконецъ, къ намъ едва-ли не каждый день прѣзжаетъ такъ много ученыхъ и образованныхъ нѣмцевъ, что ходъ нѣмецкаго образованія намъ и безъ особыхъ путешествій давно извѣстенъ. А что касается до характера преподаванія наукъ, до способовъ,—то и другое, во-первыхъ, много зависитъ отъ личности преподавателей, и перенять ихъ, собственно говоря, нельзя, да и ненужно перенимать. Вѣдь, не осуждены же мы на то, чтобы всегда только копировать Западную Европу. И есть же у насъ какія-нибудь особенности въ нашей жизни, которыя требуютъ особенностей въ нашемъ образованіи. И зачѣмъ такое крайнее недовѣріе къ своимъ собственнымъ силамъ? Будто въ самомъ дѣлѣ мы сами, на основаніи сущности дѣла и на основаніи знакомства съ особенностями нашей жизни и съ нашими потребностями, не въ состояніи обсудить то, что намъ нужно, и не найдется у насъ людей, которые понимали бы какъ задачи, такъ и способы образованія? Средство для этого было бы очень простое, именно: обсужденіе общественныхъ вопросовъ посредствомъ печати. Это обсужденіе народу стоитъ ничего не будетъ; если оно будетъ вполнѣ свободно, то оно будетъ имѣть слѣдствіемъ здравое и разумное уясненіе дѣла, а бюджета ни въ какомъ случаѣ не отяготитъ. Въ вопросъ объ университетахъ литература, конечно, приняла участіе очень жалкое. Но этимъ вопросомъ занималась особая коммиссія, назначенная специально для этой цѣли. Еслибы рѣшенія и даже разсужденія этой коммиссіи были напечатаны и, вмѣстѣ съ тѣмъ, предложены на общее обсужденіе, конечно, вопросы, которыми она занималась, получили бы новый свѣтъ, который внесли бы въ нихъ соображенія и наблюденія многихъ лицъ, близко-знакомыхъ съ дѣ-

юмъ; и такъ-какъ критика различныхъ административныхъ и педагогическихъ мѣръ требуетъ не столько вдохновенія, сколько здраваго смысла и вѣрныхъ наблюдений, то, при обсужденіи этого дѣла, можно бы не бояться статей, въ родѣ тѣхъ, въ которыхъ предлагалось закрытіе университетовъ, излагались разныя комбинаціи, основанныя только на плодovitой фантазіи. Вѣдь дѣло это не особенно-трудно; кругъ наукъ, преподаваемыхъ въ Западной Европѣ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, извѣстенъ, содержаніе и выводы ихъ тоже извѣстны: по всѣмъ частямъ у насъ есть специалисты. Образовательное вліяніе той или другой науки тоже не секретъ. Потому, какъ комиссія могла имѣть всѣ средства для обсужденій и рѣшенія заданныхъ ей вопросовъ, такъ и печать могла имѣть средства для обсужденія этихъ рѣшеній. И дѣло могло быть кончено очень скоро и, притомъ, могло бы быть устроено вполне-основательно, прочно и согласно съ нашими потребностями всегдашними и современными. А при нашей системѣ вѣчнаго выглядыванія того, что дѣлается у другихъ народовъ, всякое дѣло вмѣсто того, чтобы ему быть сдѣлану въ свое время, откладывается на срокъ, болѣе или менѣе продолжительный. Но вмѣстѣ съ этимъ мы не имѣемъ другого результата, обыкновенно сопровождающаго осторожный образъ дѣйствія; наши дѣла, наши педагогическія системы, наши учебныя заведенія не только не отличаются особенною прочностью, напротивъ, отличаются особенною хлостью и эфемерностью. Да иначе и быть не можетъ, когда всѣ наши перемѣны происходятъ не изъ сущности нашей жизни, нашего развитія, а изъ подражанія тому, что есть у другихъ народовъ. Странное дѣло! у cadaго народа существуютъ свои школы на свой образецъ, которыя и удовлетворяютъ народнымъ потребностямъ. Какая огромная разница между системами народнаго образованія въ Англіи, во Франціи и въ Германіи! и притомъ, какое вездѣ невниманіе къ формамъ, въ которыхъ преподается народное образованіе! Въ Англіи—эти формы какъ будто бы окаменѣли, да и въ Германіи тоже. А Франція одинъ разъ избрала извѣстную форму, и знать болѣе не хочетъ, въ какой формѣ образованіе идетъ въ Англіи и въ Германіи. А между тѣмъ, эти народы, невнимательные къ формамъ, въ наукѣ не отстаютъ другъ отъ друга. Не обращая вниманія на то, какъ гдѣ дѣло дѣлается, они очень слѣдятъ за тѣмъ, гдѣ, что и сколько дѣлается и, главное, сами-то дѣлаютъ дѣло и ста-

раются дѣлать его больше. У насъ наоборотъ : дѣло дѣлается не много и наука, по собственному нашему общему признанію, идетъ плохо, за то въ формахъ мы не хотимъ отстать отъ другихъ. Отчего происходитъ это—трудно сказать съ полною опредѣленностью; быть можетъ, тутъ причина заключается въ постоянномъ и всегдашнемъ законѣ человѣческой природы. Известно, что люди, мало развитые, несмотря на всю свою бойкость на словахъ, оказываются очень несостоятельными, когда доходить до дѣла; не имѣя ни внутренней прочной опоры для своихъ дѣйствій, ни прочныхъ приемовъ, какъ въ обсужденіи своихъ дѣйствій, такъ и въ исполненіи ихъ, въ то время, когда приходится дѣйствовать, поглядываютъ на другихъ, присматриваются къ тому, какъ дѣйствуютъ другіе и сообразно съ ихъ дѣйствіями стараются дѣлать и свое дѣло. Но было бы частью слишкомъ тяжело, частью и слишкомъ неосновательно подумать, что у насъ совсѣмъ нѣтъ дѣятелей ни для какого дѣла. Безъ сомнѣнія, дѣятели есть; но не имъ приходится дѣлать дѣло, благодаря всей нашей системѣ общественной дѣятельности, благодаря исключительно бюрократическому порядку въ направленіи разныхъ отраслей нашей общественной жизни, благодаря недостатку участія всего общества въ такихъ дѣлахъ, которыя считаются принадлежностью администраціи. Но еслибы и тѣ, которымъ довелось руководить общественнымъ образованіемъ, не отрѣшались совсѣмъ отъ общества, отъ его желаній, не отвергали средствъ, которыя само общество предлагаетъ самымъ естественнымъ образомъ для дѣлъ, касающихся его, они нашли бы въ этихъ средствахъ значительную помощь для выполненія задачъ, которыя они себѣ предположили. Но для этого нужно дѣйствительно вникать въ потребности, прислушиваться къ желаніямъ всего общества, а не какихъ-нибудь отдѣльныхъ кружковъ, какъ бы эти кружки ни казались прогрессивны. Известно, что нѣтъ такого кружка, который людямъ, близкимъ къ нему, не казался бы лучше всѣхъ другихъ въ цѣломъ обществѣ. Потому, прислушиваясь къ желанію какихъ-нибудь кружковъ, можно очень легко ошибиться относительно истиннаго характера общественныхъ потребностей; а чтобы не ошибиться, чтобы понять истинныя потребности общества, для этого нужно наиболѣе-широкое примѣненіе къ общественной практикѣ гласности,— не той только гласности, которая все больше и больше должна получать

развитіе вмѣстѣ съ постепеннымъ сокращеніемъ и, наконецъ, съ совершеннымъ прекращеніемъ цензурной опеки надъ литературою. Эту гласность, вѣроятно, мы скоро будемъ имѣть; но ея будетъ слишкомъ недостаточно: нужно будетъ еще, чтобы наша администрація отказалась отъ своихъ канцелярскихъ тайнъ, въ особенности тамъ, гдѣ дѣло касается до мѣръ, имѣющихъ большое значеніе какъ для настоящихъ, такъ и для будущихъ успѣховъ нашей жизни. Если будутъ публиковаться всякія мѣры послѣ того, какъ онѣ будутъ уже приняты, противъ нихъ сдѣлать что-нибудь, парализовать ихъ вредныя дѣйствія, или совсѣмъ уничтожить ихъ—будетъ нельзя.

Въ «Сѣверной Почтѣ» недавно была напечатана статья, въ которой отдана была справедливость вліянію общественнаго мнѣнія на успѣхъ или неуспѣхъ правительственныхъ распоряженій. Безъ сомнѣнія, всякое правительство, подкрѣпляемое общественнымъ мнѣніемъ, можетъ сдѣлать гораздо больше, нежели, то которое пользуется только одними административными средствами; но, чтобы правительство могло дѣйствовать согласно съ общественнымъ мнѣніемъ, оно должно знать его напередъ, прежде нежели приступить къ какимъ-нибудь мѣрамъ; а для этого нужно, чтобы правительственныя мѣры были обсуждаемы общественнымъ мнѣніемъ предварительно; въ противномъ случаѣ, ихъ нужно будетъ постоянно перемѣнять; то, что сдѣлано сегодня, перемѣнять завтра. У насъ единственное средство, которымъ правительство можетъ вѣрно и всесторонне узнавать народныя потребности, состоитъ, между прочимъ, въ предварительномъ обсужденіи всякихъ административныхъ мѣръ общественнымъ мнѣніемъ; для этого область канцелярскихъ тайнъ должна быть сокращена. Въ данномъ вопросѣ, о посылкѣ ученыхъ людей за границу съ специальными цѣлями, канцелярская тайна вмѣстѣ съ канцелярскимъ выборомъ, уничтожить всю полезность этой мѣры, если отъ нея дѣйствительно можно ждать какой-нибудь пользы.

Но особенно такой образъ дѣйствій окажется вреднымъ при посылкѣ молодыхъ людей за границу не для наблюденія, а для окончанія ихъ собственнаго образованія. Чтобы отъ такихъ путешествій можно было ждать всего больше пользы, нужно, чтобы отправляющіеся за границу молодые люди не только съ усердіемъ занимались каждый своею спеціальностью, но и были

хорошо подготовлены для этихъ занятій. Собственно говоря, и эти путешествія составляютъ роскошь, безъ которой можно обойтись. Конечно, если молодые люди ѣдутъ изучать не какія-нибудь теоретическія науки, а ту или другую отрасль практической жизни въ Европѣ, въ такомъ случаѣ подобное путешествіе ничѣмъ незамѣнимо.

Но если молодой ученый ѣдетъ затѣмъ, чтобы только слушать какого-нибудь профессора въ нѣмецкомъ университетѣ, это слушанье можетъ быть замѣнено вполне изученіемъ его сочиненій. Наша наука большею частію страдаетъ не отъ того, что мы мало знакомы съ трудами нѣвѣйшихъ ученыхъ, а отъ того, что мы вообще мало знакомы съ ученою литературою, да и сами подготовлены очень плохо къ ученой дѣятельности. И очевидно, нашъ недостатокъ можетъ быть восполненъ у себя, дома; нужно только имѣть побольше серьезнаго и дѣйствительнаго желанія познакомиться съ наукою. Чтобы наши профессора достойнымъ образомъ исполняли свое дѣло, для этого нѣтъ никакой надобности посылать ихъ за границу; нужно увеличить ихъ средства вообще, чтобы они имѣли возможность вполне посвятить себя своему дѣлу, а не бѣгать изъ одного учебнаго заведенія въ другое, чтобы заработать себѣ достаточный кусокъ хлѣба; да при этомъ надобно подвергнуть ихъ болѣе строгой отвѣтственности, чтобы, получивъ кафедру, человѣкъ не считалъ себя окончательно достигнувшимъ нѣвли, а старался достигнуть ее хорошимъ чтеніемъ и обработкою своего предмета. Нужно, чтобы профессорскія мѣста замѣщались самымъ гласнымъ образомъ, путемъ конкуренціи. Теперешнее отправленіе молодыхъ людей за границу, для окончанія образованія и для замѣщенія ими потомъ профессорскихъ кафедръ, судя по всѣмъ признакамъ, не принесетъ результата лучше того, который выходилъ у насъ и прежде изъ подобныхъ же отправленій. Чтобы они принесли пользу, необходимо исполнить нѣкоторыя особенныя условія. Прежде всего нужно, чтобы молодые люди назначались въ подобныя путешествія по конкуренціи, которая дала бы возможность отличить способныхъ людей отъ неспособныхъ, знающихъ—отъ незнающихъ. Правила для конкуренціи опредѣлать нетрудно. А чтобы они за границею не потеряли даромъ время, для этого слишкомъ недостаточно то средство, которымъ у насъ пользовались прежде, къ которому

прибгнул и теперь, именно: назначеніе особыхъ наблюдателей, и руководителей подобнымъ молодымъ людямъ, каковы бы ни были личныя качества этихъ руководителей. Притомъ эта методика имѣетъ въ себѣ что-то странное: для окончанія образованія нерѣдко посылаются люди, которыя давно вышли изъ юношескаго возраста и, какъ предполагается, всѣ они получили не только достаточное, но особенно замѣчательное образованіе, какъ общее, такъ и специальное. Будто они сами не могутъ быть своими полными руководителями, будто имъ нужно еще обращаться за совѣтами къ кому бы то ни было? Въ такомъ случаѣ не мѣшаетъ имъ назначить руководителя и тогда, когда они вступаютъ въ отправленіе своихъ ученыхъ должностей, т. е. къ каждому профессору нужно будетъ приставить еще особеннаго человѣка, которому трудно будетъ даже дать имя. Въ самомъ дѣлѣ, это будетъ что-то въ родѣ гувернера, надзирателя, мамы и т. п. Между тѣмъ этотъ самый надзоръ, это руководство снимаетъ съ молодыхъ людей, отправляемыхъ за границу, значительную долю ответственности; если они получили хорошую аттестацію отъ своего руководителя, то цѣль многихъ изъ нихъ этимъ самымъ будетъ вполне достигнута; и очень естественно, что многіе только то будутъ имѣть въ виду, чтобы добиться этой аттестаціи, а съ такими видами далеко не уѣдешь.

Между тѣмъ, если устроить дѣло такимъ образомъ, чтобы ни пребываніе за границею, ни какая аттестація, не давали особенныхъ правъ, — въ такомъ случаѣ оно получитъ совершенно другой видъ. Въ самомъ дѣлѣ, пусть всѣ подобные молодые ученые, по возвращеніи изъ за границы, подвергнутся снова конкурсу, и докажутъ самомъ дѣломъ, что пребываніе за границею не было для нихъ бесполезно; тогда они, конечно, проводятъ время за границею, если даже и не будутъ одушевлены любовью къ наукѣ, займутся ею въ слѣдствіе другихъ причинъ, въ ожиданіи суда, которому они подвергнутся по возвращеніи. И если на этомъ судѣ, онѣ окажутся недостойными, то пусть ихъ возздки за границу послужитъ къ ихъ осужденію, а не къ тому, чтобы дать имъ права, которыхъ они не заслужили. Досить-порѣ дѣло это имѣло у насъ такой видъ: посылаютъ молодого человѣка за границу; относительно его способностей и научнаго подготовленія не сомнѣвается развѣ онъ самъ, да еще тѣ, кому въ довѣренность онъ имѣлъ ловко втереться, чьихъ ми-

лостей онъ успѣлъ заслужить; за границу, онъ остается годъ, или два, вѣроятно, получаетъ всѣ требующіяся къ дѣлу аттестація, и по возвращеніи, получаетъ профессорскую кафедру безъ всякаго конкурса. Представляющимъ конкурентамъ прямо говорятъ, что конкурсъ не можетъ имѣть мѣста потому, что возвратившійся изъ заграницы претендентъ имѣетъ особенныя права. Любопытны эти права: они заключаются въ томъ, что молодой человекъ нѣсколько времени проживалъ за границею казенныя, или другія какіе-нибудь чужія деньги! Если, проживъ эти деньги, онъ съ пользою употребилъ свое время, то отчего же не сдѣлать конкурса? отчего не показать какъ обществу, такъ и другимъ конкурентамъ, что вотъ мы какихъ результатовъ достигаемъ нашими путешествіями? А если онъ прожилъ казенныя деньги бесполезно, если онъ за границею ничего не сдѣлалъ,—потому ли, что онъ ничего не могъ сдѣлать, по недостатку способностей, или потому, что занять былъ болѣе пріятными, нежели полезными дѣлами,—въ такомъ случаѣ, онъ никакихъ правъ особенныхъ не приобрѣлъ, въ такомъ случаѣ, ему слѣдуетъ не профессорскую кафедру давать, а взыскать съ него прожитыя имъ деньги, или, въ случаѣ его несостоятельности, дать ему мѣсто, сообразное съ его познаніями и способностями. А если никакихъ особенныхъ способностей, ни познаній не окажется, то отдать его въ рабочій домъ, а мѣсто, для котораго онъ готовился, отдать тому, кто оказалъ большіе успѣхи, не проживая никакихъ чужихъ денегъ.

Не относя ни къ кому того, что мы только-что высказали, позволимъ себѣ коснуться одного частнаго случая, основываясь исключительно только на такихъ документахъ, которые напечатаны, какъ частными людьми такъ и официальными лицами. Сужденіе, основанное на фактахъ, всегда будетъ имѣть болѣе прочности. Кажется года два назадъ, въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», была напечатана маленькая замѣтка касательно замѣщенія профессорскихъ кафедръ. Д-ръ Опальный, авторъ этой замѣтки, высказывалъ свое сожалѣніе о томъ, что у насъ профессорскія мѣста замѣщаются не обыкновеннымъ путемъ конкурса, а иначе. На эту замѣтку отвѣчалъ бывший ректоръ университета г. Плетневъ; онъ опровергалъ мнѣніе Д-ра Опальнаго говоря, что Д-ръ Опальный не можетъ подтвердить его фактами, что въ то время были замѣщены двѣ профессорскія

каедры: одна въ Москвѣ, кажется г. Бѣляевымъ, другая въ Петербургѣ г. Пыпинымъ, и прибавилъ, что г. Пыпинъ и не могъ подвергнуться конкурсу потому, что онъ еще прежде былъ назначенъ для отправления за границу на казенный счетъ, или на счетъ бывшего попечителя университета, кн. Щербатова. Д-ръ Опальный написалъ еще одну замѣтку, въ которой продолжалъ увѣрять, попрежнему, что профессорскія вакансіи замѣщаются не прямыми, а боковыми путями. Оставляя совершенно въ сторонѣ это боковое замѣщеніе профессорскихъ кафедръ, мы обратимъ вниманіе на фактъ только съ той точки зрѣнія, которую мы высказали прежде. Если въ самомъ дѣлѣ г. Пыпинъ, проведя за границую годъ или два, возвратился оттуда съ большими познаніями, то отчего же было не сдѣлать конкурса и послѣ того? Быть можетъ Д-ръ Опальный, который повидимому претендовалъ на ту же кафедру, или кто нибудь другой, показалъ бы даже больше свѣдѣній, нежели сколько могъ познать ихъ г. Пыпинъ; а можетъ быть, и г. Пыпинъ торжественно преодолѣлъ бы своихъ конкурентовъ; въ такомъ случаѣ не могла бы имѣть мѣста никакая реклама. Мы не позволимъ себѣ судить о профессорской дѣятельности г. Пыпина потому, что мы не имѣемъ на это права, но г-нъ Пыпинъ, бывши профессоромъ въ тоже время былъ и до-сихъ-поръ продолжаетъ быть литераторомъ, и литературная дѣятельность его подлежитъ обсужденію со стороны всякаго. Онъ началъ ее, кажется, небольшими рецензіями въ «Отечественныхъ Запискахъ» и въ «Современникѣ», потомъ онъ написалъ большое сочиненіе о русскихъ народныхъ сказаніяхъ, на степень магистра. Мы помнимъ хорошо, когда онъ держалъ свой экзаменъ и защищалъ диссертацию на диспутъ: защита была одна изъ самыхъ жалкихъ, какія намъ приходилось видѣть. Несмотря на то, въ ближайшей книжкѣ «Современника» была возвеличена какъ самая защита, такъ и диссертациа. Вслѣдъ за «Современникомъ» потянулись другіе газеты и журналы, и долгое время еще, то въ томъ, то въ другомъ мѣстѣ, приходилось читать хвалебные возгласы *молодому ученому*. Скоро молодой ученый уже пересталъ быть молодымъ, а попалъ прямо въ извѣстные ученые; слава его росла, благодаря фельетонамъ. Скоро нашъ ученый поѣхалъ за границу и о его поѣздкѣ ходили разные слухи: одни говорили, что онъ поѣхалъ для изученія древней русской

литературы, которую онъ до-сихъ-пора занимался; другіе говорили, что онъ поѣхалъ заниматься русскою исторіей вообще, третьи, наконецъ, говорили, что онъ намѣренъ заниматься философіею, педагогическою и тому под. Г-нъ Пыпинъ, какъ и все таинственное и необыкновенное, сдѣлался предметомъ народныхъ сказаній. Когда онъ возвратился изъ заграницы, народная молва еще болѣе заинтересовалась его занятіями: одни говорили, что онъ намѣренъ читать педагогикку, другіе прочли его на кафедре русской исторіи, третіе назначили ему кафедру всеобщей исторіи литературы, которую онъ дѣйствительно и получилъ. Въ журналахъ послѣ этого онъ продолжалъ печатать свои статьи и, какъ оказалось, по врожному его специальностью осталась древняя русская литература. По исторіи западныхъ литературъ онъ напечаталъ нѣсколько статей, которыя никакого характера не имѣютъ: это коммюнаціи, для которыхъ никакой учености непужно. Но въ учено-литературной дѣятельности г. Пыпина сдѣлалось несчастіе: рецензія, написанная имъ на книгу г. Буслаева о предметѣ, которымъ самъ г. Пыпинъ такъ долго, и едва-ли не исключительно, занимался, доказала, что не всѣ тѣ имѣютъ право на названіе ученыхъ, которымъ дадутъ это названіе фельетонисты; оказалось, что г. Пыпинъ, не только очень мало знаетъ, но и совсѣмъ неспособенъ знать что-нибудь ученымъ образомъ. Тоже самое, немного послѣ, оказалось еще болѣе осязательнымъ образомъ изъ рецензіи г. Тихонравова. Послѣднимъ литературнымъ дѣломъ г. Пыпина было заявленіе его солидарности въ одномъ вопросѣ съ однимъ юмористическимъ журналомъ. Неизвѣстно вслѣдствіе какихъ соображеній, сатирической журналъ счелъ нужнымъ бросить грязью въ честное имя. Но удивительнѣе всего то, что самъ знаменитый ученый г. Пыпинъ, счелъ для себя возможнымъ перейти къ такого рода дѣятельности; и что за странная, что за ребяческая манера публиковать о своемъ участіи въ площадномъ ругательствѣ; видя ругательства другихъ, начать свидѣтельствовать о своей способности къ такому же ругательству?—Достойно ли это ученаго человѣка? И такъ-какъ г. Пыпинъ былъ слинкомъ строгъ—чтобы не сказать больше—къ другимъ, то и мы позволимъ себѣ высказать ему нѣсколько мыслей, неволью приходящихъ въ голову, при взглядѣ на его дѣла. Стоило ли для такой дѣятельности ѣздить за границу, и тратить чужія

денегъ? Какимъ образомъ дѣятельнѣйшій сотрудникъ журнала, отличающагося нагуманнѣйшими идеями, состоящаго подъ редакціею извѣстнаго гуманиста г. Некрасова, особенно извѣстнаго своею любовью къ народу, не могъ сообразить, что только одна тысяча руб. сер. составляетъ подушный окладъ двухъ или трехъ тысячъ крестьянъ, что, стало быть, двѣ тысячи составляютъ подушный окладъ четырехъ или шести тысячъ крестьянъ и т. д. Вѣдь если оказалась нѣкоторая солидарность между г. Пыпинымъ и редакціею «Искры», то есть причина думать, что существуетъ гораздо большая солидарность между г. Пыпинымъ и г. Некрасовымъ. Вслѣдствіе этой солидарности, именно г. Пыпину особенно не слѣдовало ѣздить за границу, тѣмъ болѣе, что для него было, повидимому, гораздо полезнѣе поѣхать въ Москву и слушать тамъ лекціи гг. Буслаева и Тихонравова. Г. Пыпину какъ-то вездѣ особенно удавалось: и въ журналистикѣ, и въ ученой литературѣ, и въ службѣ. Не знаемъ, справедливы ли слухи о томъ, что теперь онъ получаетъ новое назначеніе за границу, для изученія устройства нѣмецкихъ гимназій. Какая всесторонность, и какой успѣхъ вездѣ! Изъ предшественниковъ нашихъ такой успѣхъ имѣлъ въ свое время Н. И. Гречъ, а во время болѣе близкое къ намъ—г. Вышнеградскій, который еще до-сихъ-поръ продолжаетъ служить отечественному просвѣщенію съ безкорыстіемъ, извѣстнымъ всей Россіи.

Мы нѣсколько уклонились, благодаря любопытному эпизоду, отъ прямого изложенія нашей мысли. Впрочемъ, и этотъ эпизодъ къ ней же относится и доказываетъ два положенія: 1) что если ужъ нужно посылать молодыхъ людей за границу, то нужно посылать ихъ по строгому выбору, чтобы деньги правительства не тратились по пустякамъ, и выборъ этотъ долженъ быть производимъ не въ тиши кабинета, а путемъ гласности и конкуренціи; 2) что возвратившіеся ученые все-таки должны подвергнуться конкурсу для того, чтобы получить ученую каѳедру. Только въ такомъ случаѣ ученые каѳедры будутъ замѣщаться людьми достойными; въ противномъ случаѣ на нихъ попадутъ промышленники, у которыхъ если есть съ чѣмъ солидарность, то далеко не съ наукою. Мы думаемъ, что у насъ дѣйствительно есть люди, которые желаютъ реформы нашихъ учрежденій и нашихъ административныхъ обычаевъ. Желательно, чтобы такіе люди избѣгали ошибокъ. Что касается до другихъ, для которыхъ какъ реформы,

такъ и прогрессъ составляютъ только слова, съ помощью которыхъ они продолжаютъ свою эксплуатацію народа или намѣреваются занять тепленькое мѣстечко, принадлежащее личности недовольно-краснорѣчивой,—для такихъ людей, разумѣется, нѣтъ ни ошибокъ, ни неошибокъ: для нихъ все хорошо. И такъ-какъ подобныхъ господъ, повидимому, слишкомъ много вездѣ и между прочимъ, въ литературѣ, главною современною задачею должно быть то, чтобы не допустить такихъ господъ, для своей выгоды, затормозить развитіе нашей общественной жизни.

М. В.

Путевыя письма Феликса Мендельсона Бартольди, за время 1830—1832 г., изд. Павломъ Мендельсономъ Бартольди. Лейпцигъ 1861 г.

(Reisebriefe von Felix Mendelssohn Bartoldy.)

Книга эта есть не болѣе какъ отрывокъ, много-много эпизодъ изъ жизни, которая была настоящею поэмой; но она во всѣхъ отношеніяхъ замѣчательна, какъ бессознательное изліяніе юнаго гения, полного надежды и радости, изліяніе, въ которомъ форма находится въ необыкновенно-гармоническомъ соотвѣтствіи съ предметомъ. Мы можемъ сказать, не рискуя ошибиться, что ни одинъ музыкантъ не оставилъ по себѣ мемуаровъ, которые могли бы сравниться съ этими путевыми письмами. Ихъ посылалъ артистъ въ счастливѣйшее семейство, изъ какого когда-либо отправлялся артистъ съ цѣлю—путешествовать, обогатить себя знаніями, наблюдать и наслаждаться. Среди исторій объ обманутыхъ надеждахъ, о силахъ, потраченныхъ даромъ, о способностяхъ, развившихся только вполонну, о страстяхъ и склонностяхъ, припужденныхъ къ неестественной дѣятельности—всѣхъ этихъ исторій, которыми такъ изобилуютъ біографіи знаменитыхъ музыкантовъ—доблестная, блистательная и успѣшная карьера Феликса Мендельсона стоитъ одиноко и отдѣльно. «Мальчикъ—по выраженію Гёте—явился на свѣтъ въ счастливый день». Онъ родился въ достаточномъ семействѣ которое, притомъ, имѣло свои предметы для честолю-

бія, свои преданія, независимыя отъ сферы, въ которой вращается жизнь промышленника или купца. Съ именемъ Мендельсона соединяется мысль о философіи и учености. Это имя имѣло свое собственное мѣсто, свой собственный почетъ даже въ этой холодной цинической столицѣ — Берлинѣ. Отецъ Мендельсона былъ человѣкъ столько же серьезный, сколько обходительный. Его мать была женщина высшаго разряда во всѣхъ отношеніяхъ. Она не только превосходно управляла своею домашнею жизнью, но живо интересовалась предметами, находившимися внѣ этого круга, будучи воспримчива ко всѣмъ влияніямъ и наслажденіямъ изящнаго вкуса, науки и литературы. Это была женщина, обладавшая душевною ясностью, радушиемъ, кроткая, безъ претензій; и она надолго осталась въ памяти знавшихъ ее людей, по особенному тону изящества въ ея манерахъ, мысляхъ и образованіи, который въ одно и то же время проявлялъ и свѣжесть и теплоту въ атмосферу, окружавшую рожденіе и воспитаніе генія.

Рѣдко образованіе преподавалось какому бы то ни было ребенку съ большею щедростію и съ бѣльшимъ благоразуміемъ, чѣмъ счастливому Мендельсону; за то любовь и умѣнье рѣдко собирали и болѣе богатую жатву. Мендельсонъ былъ столько же красивъ и граціозенъ какъ и талантливъ, ни для чего дурного къ нему не было доступа, искушеніе не имѣло надъ нимъ никакой власти. Онъ былъ точенъ безъ педантства. Обладая необыкновенною памятью, онъ учился съ крайнею легкостью и, однакоже, удерживалъ въ своей головѣ все серьезное съ такою прочностью, какая рѣдко свойственна людямъ такого живого темперамента. Несмотря на то, что онъ былъ полонъ живости и юмора и одаренъ необыкновенно острою наблюдательностью, въ его сочиненіяхъ нѣтъ ни на одну іоту насмѣшки. Удивляться и благоговѣть—это было его удовольствіе; отъ начала до конца онъ сохранялъ любовь къ обществу людей постарше его, что, впрочемъ, нисколько не мѣшало его дѣтской веселости и симпатіи къ дѣтямъ. Въ упражненіи искусствомъ — которымъ Мендельсонъ владѣлъ такъ же свободно и естественно, какъ другіе владѣютъ обыкновеннымъ даромъ слова—въ правилахъ жизни, въ общественной дѣятельности, въ домашнихъ обязанностяхъ и симпатіяхъ вся его карьера носила печать нравственной красоты и возвышенности. Все пошлое, аффектированное, печистое было чуждо ему въ высшей степени; онъ соединялъ остроуміе и находчивость свѣтскаго человѣка съ ласковою простотою ребенка. Рѣдко бы-

вали люди болѣе его всесторонніе въ своихъ понятіяхъ, обладавше болѣе тонкою разборчивостью и которыхъ личный характеръ вмѣстѣ съ тѣмъ былъ бы такъ глубоко проникнутъ національностью. Разнообразіе его вкусовъ и способностей, повидному, не имѣло границъ. Онъ имѣлъ взглядъ живописца и сердце поэта. Все, что есть добраго и прекраснаго въ искусствѣ или въ природѣ—къ какой бы части свѣта, къ какому бы климату или времени оно ни принадлежало — все онъ понималъ и усваивалъ, съ самостоятельностью гения, не подчиняясь никакои односторонней теоріи. Онъ былъ способный и превосходный лингвистъ, одаренный тѣмъ инстинктомъ тонкостей въ языкѣ, о которомъ многіе, получившіе менѣе совершенное воспитаніе, даже не мечтаютъ. Онъ страстно любилъ литературу. Наполеонъ, обладая необыкновенною тѣлесною красотой, лицомъ, которое отличалось такимъ подвижнымъ, свѣтлымъ и иѣжнымъ выраженіемъ, что живописцы затруднялись передавать его, онъ былъ лицомъ всякаго тщеславія и суетности—словомъ, при самомъ строгомъ разборѣ трудно найти въ немъ недостатокъ или несостоятельность характера или таланта. «Совершенный»—вотъ слово, которое можно бы надписать на его надгробномъ камнѣ, если бы только оно могло быть приложено къ какому-нибудь человѣческому существу.

За то и все его поприще отличалось полнотою всего того, что имѣетъ существованіе свѣтлымъ и счастливымъ. Въ раннемъ періодѣ его дѣтства сдѣлалось уже очевиднымъ, что даръ гения шулки, брошенный въ его колыбель, былъ центромъ, вокругъ котораго группировались его другіе таланты и вкусы. Техническую сторону своего искусства онъ перенималъ какъ забаву, соперничая съ своею сестрой Фанни, одною изъ самыхъ замѣчательныхъ виртуозокъ своего времени. Въ Берлинѣ были тогда превосходные учителя музыкальной науки, и гениальный, глубокій Цельтеръ—человѣкъ полный ума и идей, который былъ подъ пару даже такому корреспонденту, какъ Гёте — былъ другъ и содѣйствіе того, кому, вѣроятно, Мендельсонъ былъ болѣе обязанъ своимъ образованіемъ, и вліянію котораго можетъ быть отчасти приписанъ тонъ и колоритъ, характеризующій его музыку. Этотъ тонъ и колоритъ могли зависѣть частью и отъ особеннаго положенія музыки въ Берлинѣ въ то время, когда формировалась душа гениальнаго мальчика. Назначеніе извѣстнаго Спонтина на почетное и выгодное мѣсто и репутація его, какъ человѣка

двуличнаго и интриганта, довели до оппозиціи анти-итальянскій духъ и способствовали къ тому, что воображеніе человѣка, въ которомъ фантазія необыкновенно уравновѣшивалась духомъ порядка, съ самыхъ раннихъ поръ было обращено къ стариннымъ и богатымъ сочиненіямъ патріарховъ музыки. Какъ бы то ни было, теперь сдѣлалось яснымъ, что музыкальныя тенденціи Мендельсона не согласовались съ музыкальными тенденціями Берлина. Мечтою отца его было, чтобы онъ сдѣлался однимъ изъ украшеній мѣста своего рожденія; но юноша не любилъ своего города, какъ постоянной своей резиденціи, а городъ, съ своей стороны, не любилъ его какъ композитора, пока его обитатели не были принуждены стыдомъ принять участіе въ пробужденіи европейской моды. Какимъ образомъ случилось, что Англія—столь осуждаемая за недостатокъ музыкальнаго вкуса, хотя она воспитала могучій геній Генделя, внушила Гайдну лучшее изъ его вдохновенныхъ твореній, привѣтствовала изумительный талантъ маленькаго Моцарта и усладила послѣдніе часы Бетховена оравленными пренебреженіемъ Австріи—какимъ образомъ случилось, говоримъ мы, что Англія послужила для Мендельсона первой ареной, на которой его геній удивилъ всю Европу, объ этомъ здѣсь было бы долго и неумѣстно рассказывать; но справедливость требуетъ замѣтить, что Мендельсонъ всегда съ особеннымъ удовольствіемъ говорилъ о своемъ первомъ посѣщеніи Лондона и о своемъ послѣдующемъ путешествіи въ Шотландію и Уэльсъ, во время котораго онъ приобрѣлъ прочныя дружескія связи на всю свою жизнь. Но окончательное воспитаніе его, какъ и всякое артистическое воспитаніе, должно было завершиться подъ вліяніемъ тѣхъ чаръ красоты и великихъ воспоминаній, которыя принадлежатъ Италіи преимущественно предъ всякою другою страной въ мірѣ. Настоящій томъ посвященъ именно южнымъ впечатлѣніямъ Мендельсона, который, не скупясь, передавалъ ихъ своему дорогому домашнему кружку въ пространныхъ письмахъ. Собственно въ литературномъ отношеніи эти письма едва-ли не выше всякой похвалы; Германія давно уже не представляла намъ произведенія, исполненнаго такихъ достоинствъ и интереса. Мы будемъ останавливаться здѣсь преимущественно на такихъ письмахъ, которыя характеризуютъ Мендельсона какъ артиста, съ его взглядами на искусство и въ тоже время представляютъ намъ его въ отношеніяхъ съ замѣчательными людьми своего времени.

Они начинаются письмомъ изъ Веймара—первой станицы на пути Медельсона изъ Берлина въ Италию.

Веймаръ, мая 21, 1830 г.

«Я не помню, чтобы когда-нибудь во время моихъ прежнихъ путешествій былъ такой свѣжій и ясный день, какой былъ вчера. Равно утромъ небо было пасмурно и облачно, но, наконецъ солнечные лучи поорвались на волю. Къ этой ясности воздуха надо прибавить, что вчера былъ день Успоенія: всѣ были одѣты попраздничному; въ одной деревнѣ мы видѣли какъ народъ шло въ церковь, въ другой какъ онъ выходилъ изъ нея, въ третьей какъ онъ игралъ въ шары. Каждый садъ блисталъ градами тюльпановъ; мы ѣхали быстро и на пути я любовался всѣми этими видами...

24-го я видѣлъ Гёте... Можеть быть, я останусь здѣсь еще дня на два, и въ этомъ не будетъ ничего худого, потому-что я никогда не видалъ этого старика такимъ любезнымъ и веселымъ, такимъ разговорчивымъ и сообщительнымъ, какъ теперь. Причина моего промедленія въ Веймарѣ такого свойства, что она возбуждаетъ во мнѣ тщеславіе или, лучше, гордость, и я не хочу скрывать этого отъ васъ... Гёте при первомъ случаѣ пригласилъ меня обѣдать. Я нашолъ его очень мало измѣнившимся; но сначала онъ былъ натянутъ и какъ будто невнимателенъ. Я подумалъ, что онъ хочетъ посмотреть, какъ я вывернусь изъ этого стѣснительнаго положенія; но мысль, что онъ будетъ продолжать въ такомъ родѣ, привела меня въ досаду. Къ счастью, разговоръ зашелъ о женскомъ комитетѣ въ Веймарѣ и о «Харостѣ», глупой газетѣ, которую готовились издавать дамы и гдѣ меня возводили въ достоинство сотрудника. Гёте сталъ подшучивать по этому поводу, распространяться передъ дамами о ихъ благотворительности, ихъ умственныхъ заслугахъ объ ухаживаньи за больными и о подпискахъ, къ которымъ, повидимому, чувствовалъ крайнее отвращеніе... Мы говорили о всевозможныхъ предметахъ, между прочимъ, о «Käuber Braut» Риса. Объ этомъ произведеніи Гёте сказалъ, что оно заключаетъ въ себѣ все, чего, повидимому, желаетъ новѣйшій артистъ для счастья, т. е. разбойника и нешѣсту. Зачѣмъ онъ напалъ на всѣхъ нынѣшнихъ молодыхъ людей за ихъ «лазаретныя порыванія» и за то, что они всѣ такъ меланхоличны; рассказывалъ исторію объ одной молодой дамѣ, за которую онъ слегка ухаживалъ и которая, съ своей стороны, нѣсколько интересовалась имъ; потомъ перешолъ къ выставкѣ и къ продажѣ модныхъ товаровъ для бѣдныхъ, гдѣ продавать будутъ веймарскія дамы, но гдѣ, какъ онъ увѣрялъ, ничего не будетъ продано, такъ какъ молодыя продавицы обыкновенно дѣлаютъ назначеніе своимъ товарамъ варантѣ и прячутъ ихъ до-тѣхъ-поръ, пока не явится надлежащій покупатель. Послѣ обѣда онъ вдругъ неожиданно произнесъ «Добрыя дѣти, хорошенькія дѣти! Ихъ всегда нужно забавлять, но это легкомысленный народъ». И Гёте сѣлъ, причемъ глаза его были похожи на глаза стараго льва, которому сильно хочется спать. Послѣ того я игралъ ему; онъ нашолъ мою игру удивительною, тѣмъ болѣе, что онъ давно уже не слыхалъ

никакой музыки; онъ говорилъ, что искусство сильно подвинулось въ послѣднее время, но что онъ ничего не знаетъ на этотъ счетъ, и я долженъ былъ многое рассказать ему, такъ какъ онъ обратился ко мнѣ съ словами: «Теперь мы съ вами должны имѣть хорошей и дѣльный разговоръ». — «Вѣроятно ты очень хорошо распорядилась» сказалъ онъ Оттилія, «но это нисколько не измѣняетъ моихъ приказаній, которыя состоятъ въ томъ, чтобы ты сдѣлала чай здѣсь, такъ чтобы мы всѣ могли быть вмѣстѣ». «Не будетъ ли это слишкомъ поздно?»—спросила Оттилія—вѣдь Реймеръ долженъ придти работать съ вами». — «Ты сегодня уволила своихъ дѣтей отъ латинскихъ уроковъ, чтобы они могли послушать игру Феликса, такъ ужь уволь и меня отъ работы». Онъ просилъ меня обѣдать у него на слѣдующій день, и вечеромъ я много игралъ. Такъ какъ я просилъ Гёте говорить мнѣ ты, то онъ прислалъ мнѣ сказать, что мнѣ слѣдуетъ остаться въ Веймарѣ болѣе предположенныхъ двухъ дней, иначе онъ никакъ не успѣетъ привыкнуть къ такому обращенію. Онъ сказалъ мнѣ это, онъ былъ такихъ мыслей, что, оставаясь здѣсь, я не долженъ терять времени даромъ; онъ приглашалъ меня обѣдать съ нимъ всегда, если я не буду имѣть другихъ приглашеній, и съ тѣхъ поръ я бывалъ у него каждый день до настоящаго времени. Вчера онъ заставилъ меня говорить съ нимъ о Шотландіи, о Генгштенбергѣ, о Спонтини и объ эстетикѣ Гегеля; онъ послалъ меня съ дамами въ Тифуртъ, но запретилъ мнѣ заѣзжать въ Верке: тамъ есть такая хорошенькая дѣвушка! и онъ не хотѣлъ посылать меня на погибель. Сообразивъ всѣ эти обстоятельства и вспомнивъ, что это тотъ самый Гёте, о которомъ говорятъ, что въ немъ заключается не одинъ Гёте, а множество маленькихъ Гёте, я былъ бы сумасшедшимъ, еслибы сталъ жаловаться на время, проведенное мною здѣсь. Сегодня я долженъ буду играть ему пьесы Ваха, Гайдна и Моцарта, сверхъ всего этого, я выполнялъ обыкновенное дѣло туриста; я видѣлъ его библіотеку и «Ифигенію въ Авлидѣ». Вашъ

Феликсъ»

Какъ превосходны нижеслѣдующіе первые отблески земли очарованія—съ этимъ отблѣнкомъ тоски по родинѣ,—съ этимъ восторгомъ по поводу картинъ Тиціана и слѣдующимъ затѣмъ взрывомъ негодованія противъ безумія и непостоянства Вѣны! Упоминаемое здѣсь Ave Maria, есть одна изъ самыхъ милыхъ и замысловатыхъ пьесъ священной музыки; потому что въ Мендельсонѣ религиозное чувство было такъ неподдѣльно и естественно, что оно находило для себя одинаково чистое музыкальное выраженіе какъ въ патетическомъ тремблѣ римско-католической церкви, такъ и въ величественныхъ хорахъ протестантской конгрегаціи.

Профессору Цельтеру *

Венеція, 16 октября 1830 г.

«Мой дорогой профессоръ. Наконецъ я ступилъ на итальянскую

* Учитель Мендельсона въ теоріи музыки.

почту и желаю, чтобы это письмо было первымъ изъ замѣтокъ, которыя я думаю посылать вамъ обо всемъ, что будетъ казаться мнѣ наиболѣе интереснымъ и замѣчательнымъ. Въ томъ, что я не писалъ къ вамъ до этихъ поръ, вы должны винить разсѣяніе и шумъ, среди которыхъ я жилъ въ Мюнхенѣ и Вѣнѣ... Надѣюсь, что вы не истолковали моего молчанія въ худую сторону и что я могу ожидать нѣсколько строкъ отъ васъ, хотя бы въ нихъ заключалось только извѣстіе, что вы здоровы и благополучны. Свѣтъ имѣетъ теперь такой бурный видъ, и все, что мы считаемъ наиболѣе постояннымъ въ немъ, обрушивается въ теченіе какихъ-нибудь двухъ дней. Поэтому намъ становится вдвое пріятнѣе слышать хорошо знакомые голоса и убѣждаться, что есть нѣкоторыя вещи, которыя не ослабѣваютъ и не падаютъ, но стоятъ твердо и вѣчно. Досадно, что ни одно изъ моихъ домашнихъ писемъ не дошло по назначенію, и что ни здѣсь, ни въ Триестѣ я не получалъ никакихъ вѣстей отъ своихъ; потому нѣсколько строчекъ отъ васъ, адресованныя мнѣ сюда, развеселили бы меня, освѣжили и принесли бы съ собою убѣжденіе, что вы думаете обо мнѣ съ тою же добротою, которую вы мнѣ оказывали съ самаго моего дѣтства. Мои домашніе, вѣроятно, пролили вамъ, какое благодатное впечатлѣніе произвелъ на меня первый взглядъ на равнины Италіи; здѣсь я каждый часъ какъ-будто перебѣгаю отъ одного удовольствія къ другому. Я постоянно вижу что-нибудь новое и неожиданный. Въ первые дни я отыскалъ нѣсколько мастерскихъ произведеній, которымъ я люблю посвящать часъ по два ежедневно. Это-три картины Тиціана: «Введеніе прес. Дѣвы во храмъ», «Успеніе Богородицы» и «Погребеніе Христа», затѣмъ картина Джорджіоне, представляющая дѣвушку, которая сидитъ задумавшись, съ лютнею въ рукѣ, и такъ пристально глядитъ изъ картины, что мнѣ кажется, что вотъ-вотъ она запоетъ, и что она вызываетъ и меня къ тому же. Есть много и другихъ; а уже изъ-за однихъ картинъ стоитъ побывать въ Венеціи, потому что сила, благочестіе и интеллектуальное богатство людей, которые ихъ писали, озаряютъ меня изъ-за ихъ произведеній каждый разъ, какъ я смотрю на нихъ. Я почти нисколько не жалею, что до-сихъ-поръ не слышалъ здѣсь никакой музыки, потому что музыка, выполняемая ангелами «Успенія Дѣвы», когда они ликуютъ, летая вокругъ Маріи,—причемъ одинъ отвѣчаетъ другому кимвалами, а двое играютъ на какихъ-то кривыхъ, странныхъ флейтахъ,—а равно и та музыка, которая проникаетъ душу дѣвочки, играющей на лютнѣ, конечно, не могутъ быть относимы къ числу звуковъ, доступныхъ для слуха. Я рассматривалъ картину Тиціана—«Петръ мученикъ» въ церкви францисканцевъ. Божественная служба шла, и по мѣрѣ того, какъ старыя картины, находившіяся въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ, для которыхъ онѣ были назначены и гдѣ онѣ были писаны, начинали выдвигаться изъ мрака, церковь становилась для меня исполненною какой-то мрачной, религіозной торжественности. Въ то самое время, какъ я смотрѣлъ на этотъ чудный вечерній ландшафтъ, съ деревья-

ми и ангелами среди вѣтвей, раздались звуки органа. Первые ноты, которыя я слышалъ, произвели во мнѣ порывъ сладостнаго веселья; но вторыя и третья и всѣ слѣдовавшія затѣмъ прогнали всѣ мои видѣнія и возвратили меня къ обыкновенной жизни: въ церкви, при божественной службѣ, въ присутствіи разумныхъ существъ органистъ игралъ такъ душно... и «Петръ мученикъ» висѣлъ возле него. Однако же самъ я постоянно былъ въ очень музыкальномъ настроеніи духа и сочинялъ довольно много. Передъ отъѣздомъ моимъ изъ Вѣны, одинъ знакомый далъ мнѣ копію съ «священныхъ пѣсенъ» Лютера, и по мѣрѣ того какъ я ихъ читалъ, онѣ овладѣвали моею душой, какъ никогда прежде. Зимой я думаю положить нѣкоторыя изъ нихъ на музыку. Въ Вѣнѣ я кончилъ двѣ небольшія пьески священной музыки: хоралъ, въ трехъ частяхъ для хора и оркестра, «O Haupt, voll Blut und Wunden» * и «Ave Maria» для восьми голосовъ. Окружавшіе меня тамъ люди были такъ ничтожны, что я между ними велъ себя подобно божеству.

Сверхъ того, ни отъ кого изъ ихъ лучшихъ виртуозовъ и виртуозокъ на фортепьяно я не слышалъ ни одной нотки Бетховена; и когда я намекнулъ, что въ немъ и въ Моцартѣ есть, однако, кое-что хорошее, они сказали: «А! такъ вы любитель классической музыки?»—«Да,»—отвѣчалъ я. Завтра я намѣреваюсь отправиться въ Болонью, посмотрѣть на лицо св. Цециліи; затѣмъ, черезъ Флоренцію, въ Римъ, до котораго, надѣюсь добраться, если Богу будетъ угодно, въ восемь или въ десять дней. Изъ Рима я буду въ состояніи написать вамъ что-нибудь подлиннѣе и получше, а сегодня мнѣ нужно было сдѣлать только начало, и, прося васъ не забывать меня, пожелаю вамъ всего лучшаго относительно здоровья и счастья. Примите эти желанія отъ вашего вѣрнаго

Фелпкса».

Мендельсонова оцѣнка характеровъ и школъ итальянской живописи была всесторонняя. Геній Тиціана могъ плѣнить его въ Венеціи; но что онъ могъ приходить въ восторгъ и отъ другихъ знаменитостей въ искусствѣ, различныхъ по духу и характеру, это доказывается письмомъ изъ Флоренціи, относящимся къ позднѣйшему періоду.

Милыя сестры. —... Я провелъ сегодня въ галереяхъ цѣлое утро, отъ десяти до трехъ часовъ. Я нахожу особенное удовольствіе въ разсматриваніи произведеній монаха Фра Бартоломео, который былъ благочестивый человѣкъ, съ душою вмѣстѣ серьезною и нѣжною. Здѣсь есть маленькая картина его работы, которая, кажется, обращаетъ на себя одно только мое вниманіе; она имѣетъ почти такой же объемъ какъ этотъ листъ бумаги, и раздѣлена на двѣ части, представляющія «Поклоненіе волхвовъ» и «Введеніе во храмъ.» Фигуры имѣютъ около

* «О глава, полная крови и ранъ» — гимнъ Павла Герхарта 1666 г. Это были послѣднія слова, которыя слышалъ Фридрихъ-Вельгельмъ прусскій на своемъ смертномъ одрѣ».

двух пальцевъ высоты; но всё онѣ написаны удивительно тонкою и нѣжною кистью, съ самымъ яркимъ колоритомъ, съ блестящими орнаментами и освѣщены великолѣпнымъ солнечнымъ свѣтомъ. Въ этой картинѣ мы видимъ, что набожный художникъ трудился надъ нею съ любовью и отдалявалъ малѣйшія подробности, можетъ быть, съ дѣлю—подарить ее и осчастливить кого-нибудь этимъ подаркомъ. Я чувствовалъ, какъ-будто живописецъ не совсѣмъ еще оставилъ свою картину и что онѣ придетъ и опять сядетъ протирать ее, послѣ минутной отлучки. Точно такое же удивленіе и удовольствіе я чувствовалъ сегодня, смотря на такъ называемую «Мадонну дель Карделлино», которую Рафаэль писалъ для свадебнаго подарка одному изъ своихъ друзей; и въ самое время моихъ размышленій обо всѣхъ этихъ людяхъ, которые умерли такъ давно, но которыхъ души все еще говорятъ такъ явственно съ нами, я случайно прошолъ въ другую комнату, гдѣ висѣли портреты великихъ живописцевъ. Я видѣлъ ихъ уже одинъ разъ прежде, и смотрѣлъ на нихъ просто какъ на предметъ зрѣлища и любопытства, потому что тамъ этихъ портретовъ болѣе трехъ-сотъ, и вообще они писаны рукою самихъ оригиналовъ, такъ что въ одно и то же время мы видимъ и мастера и его произведеніе; но сегодня они приняли особенный смыслъ въ моихъ глазахъ. Когда-нибудь я лично расскажу вамъ многое обо всемъ этомъ; но я долженъ сказать, что портретъ Рафаэля, его собственной работы, есть едва-ли не наиболѣе трогательная изъ всѣхъ его картинъ, какія только когда-нибудь видѣлъ. Среди огромной залы, покрытой снизу до самого потолка знаменитыми именами, виситъ небольшой портретъ, который не обозначенъ ничѣмъ особеннымъ и, однакоже, привлекаетъ къ себѣ вашъ взглядъ съ неудержимою силой. Это—Рафаэль Санціо: молодой, нѣжный, блѣдный, но въ его губахъ и глазахъ видны тоскливые порывы безконечной страсти, томленіе почти изнемогающихъ желаній. Намъ кажется, какъ-будто мы проникаемъ въ глубину его души. Что онѣ никогда не будетъ въ состояніи выразить того, что онѣ видѣлъ, чѣмъ онѣ былъ, что онѣ чувствовалъ; что желаніе будетъ увлекать его все впередъ и впередъ, и что онѣ долженъ умереть въ молодости — все это написано въ его грустномъ, страдальческомъ, одухотворенномъ лицѣ, — и мы дрожимъ, глядя на эти темные глаза, на эти губы, сжатые какъ-бы подъ вліяніемъ какой-то тлгостной думы. Супротивъ его вы можете видѣть некрасиваго, дюжаго дѣтину, полнаго костей, мускуловъ и жизненныхъ соковъ, это—Микель Анджело, который имѣетъ видъ гнѣвный и суровый. На другой сторонѣ—человѣкъ мудрый, серьезный, похожій на льва: это Леонардо да-Винчи. Но вы не можете видѣть ихъ! я могъ бы рассказать о нихъ гораздо лучше, чѣмъ могу написать.

Въ ноябрѣ Мендельсонъ рѣшился избрать на зиму своимъ мѣстопробываніемъ Римъ, который въ то время еще болѣе, чѣмъ теперь, былъ мѣстомъ собранія людей, отличавшихся геніальностью и ученостью. Бунзенъ былъ прусскимъ представителемъ при папскомъ дворѣ; Торвальдсенъ, Верде и Билдеманъ пред-

ставляя искусства скульптуры и живописи; а римское общество того времени имѣло высоко-интеллектуальный характеръ, который оно утратило впоследствии.

Римъ, ноября 8, 1830 г.

«Сегодня я долженъ написать вамъ о первой недѣлѣ моего пребыванія въ Римѣ, о моихъ планахъ на зиму, о томъ, какъ устроено мое хозяйство и какъ овладѣлъ мною *genius loci* (духъ мѣста). Мнѣ кажется, что моя натура измѣнилась со времени моего приѣзда сюда, и теперь я чувствую, что причиною всей моей прежней посвѣшности и нетерпѣнія, когда я торопился своимъ путешествіемъ, было мое живѣйшее желаніе — достигнуть этого царственного пункта. Теперь я достигъ цѣли — и моя душа такъ радостна и вмѣстѣ такъ спокойна и серьезна, что я не въ состояніи вамъ выразить; не умѣю сказать, что производитъ на меня такое дѣйствіе; но иррациональный Колизей, великолѣпіе Ватикана и воздухъ нѣжный, и мягкій какъ весною — все способствуетъ къ этому настроенію, а потому добрые друзья, веселыя комнаты — словомъ вся моя обстановка... Я здоровъ и счастливъ такъ, какъ не былъ уже нѣсколько лѣтъ; я работаю съ такимъ увлеченіемъ и удовольствіемъ, что, кажется, сдѣлаю болѣе, чѣмъ сколько предположилъ себѣ сдѣлать; дѣйствительно, я сдѣлалъ уже довольно-много. Если только Богу будетъ угодно продлить это счастье, то мнѣ въ перспективѣ представляется очаровательная зима. Вообразите себѣ маленькій домикъ въ два окна на пьедесталѣ ди-Спавья, который освѣщенъ солнцемъ цѣлый день; комнату въ первомъ этажѣ, съ большимъ, хорошимъ вѣнскимъ фортепьяно; на столѣ гравированные портреты Палестрины и Аллегри, съ ихъ партитурами; латинскій Псалтирь, изъ котораго я сочиняю «*Non nobis*» — таково мое жилище... Вечера я обыкновенно провожу съ Вендеманомъ и Губнеромъ, у которыхъ собираются нѣмецкіе артисты. Я нѣсколько разъ былъ въ обществѣ Шадова и приобрѣлъ драгоцѣнное знакомство въ лицѣ аббата Сантини, который имѣетъ очень полную бібліотеку старой итальянской музыки, и съ необыкновенною обязательностью сужаетъ меня всѣмъ, что мнѣ нужно. Относительно пѣвцовъ панскаго хора, который я слышалъ уже три раза, я напишу подробный отчетъ Цельтеру. Я очарованъ Вунзеномъ; мы такъ много имѣемъ сказать другъ другу, и, кажется, у него есть какая-то для меня работа, которую — если только я могу добросовѣстно за нея взяться — я сдѣлаю такъ хорошо, какъ только я въ состояніи что-нибудь сдѣлать.

Прощайте. Вашъ

Феликсъ М. Б.»

Какъ дѣйствовали на молодого артиста вліянія Рима, принадлежащія къ другимъ областямъ искусства, кромѣ его собственнаго, это можно видѣть изъ слѣдующихъ писемъ. Но въ первомъ изъ нихъ есть нѣчто еще лучше, именно, благородная и постоянная любовь Мендельсона къ своему семейству, его пламеннѣйшее желаніе оправдать надежды своего отца.

Рима, 10 декабря, 1890 г.

«Мой милый Батюшка. Сегодня исполнился ровно годъ съ-тѣхъ-поръ какъ день моего рожденія былъ празднованъ въ домѣ Гензла; буду думать, что и сегодня происходитъ то же самое и напишу вамъ изъ Рима, какъ тогда изъ Лондона. Въ видѣ подарка для васъ, я думаю кончить списыванье увертюры къ «Островамъ Фынгала»; * и когда завтра я напишу число и красная конія будетъ въ моихъ рукахъ, то я почувствую, что какъ-будто могу отдать ее вамъ непосредственно. Миѣ кажется, что я никогда не работалъ съ такою охотой, какъ теперь, и выполнение всего, что я предпринялъ, займетъ цѣлую зиму. Мое здоровье въ хорошемъ состоянн; но теплый южный вѣторъ, сирокко, страшно дѣйствуетъ на нервы и я принужденъ остерегаться отъ того, чтобы играть слишкомъ много или слишкомъ поздно ночью. Теперь это легче исполнить, потому-что въ послѣднюю неделю я игралъ каждую ночь и долженъ былъ съ два отдохнуть. Бунзентъ, который всегда проситъ меня не играть, если это мнѣ мѣня вредно, вчера далъ большой вечеръ и, разумѣется, я не могъ тамъ не быть. Я провелъ время въ высшей степени весело, потому-что приобрѣлъ тамъ нѣсколько пріятныхъ знакомствъ, а Торвальдсенъ обращался со мною такъ дружески, что я рѣшительно горжусь этою лѣтѣй. Я всегда уважалъ его, какъ великаго человѣка, и удивлялся ему. Онъ похожъ на льва и, глядя на него, можно видѣть, что онъ великій художникъ. Его глаза ясны и пронзительны, какъ-будто-бы все для его взгляда превращается въ форму и пропорцію. Прибавятъ ко всему этому, что онъ очень кротокъ и ласковъ и, при-томъ, скроменъ, хотя онъ такъ далеко выше другихъ. Я думаю, что онъ находитъ удовольствіе въ маленькихъ вещахъ. Для меня же большое удовольствіе находится лицомъ къ лицу съ такимъ великимъ человекомъ, чувствовать, что творецъ безсмертныхъ вещей стоитъ возлѣ меня со всѣми особенностями индивидуальной жизни и что, при всемъ этомъ, онъ не болѣе какъ человѣкъ, подобно всѣмъ остальнымъ... Здѣшніе художники—ужасный и удивительный народъ, когда ихъ видишь сидящими въ ихъ притонѣ, въ кафе Греко. Я бываю тамъ рѣдко, потому-что, сказать правду, и эти люди, и ихъ убѣжище приводятъ меня въ содроганіе. Вообразите себѣ маленькую и темную комнату въ восемь футовъ ширины; въ одномъ изъ угловъ ея имъ позволяютъ курить, и они сидятъ тамъ на скамейкахъ, въ спорть широкополныхъ шляпахъ, съ своими огромными собаками. Ихъ шеи, щоки и, можно сказать, всѣ ихъ фізіономіи покрыты волосами; они странно плюютъ, между тѣмъ, какъ ихъ собаки способствуютъ разведенію и распространенію насѣкомыхъ. Галстухъ или фракъ были бы между этими людьми пововведеніемъ; единственная часть лица, еще не занятая волосами, прикрыта очками. Они пьютъ свой кофе и толкуютъ о Тидіанѣ и Порденоне, какъ-будто эти два маэстро чокаются тутъ же, возлѣ нихъ, стаканами, и носятъ такіе же шляпы и бороды, какъ и они; притомъ они пьютъ такихъ хлѣбныхъ мадоннъ, такихъ изнуренныхъ святыхъ, такихъ млечницъ ге-

*Die Hebriden.»

роевъ, что это доводитъ до бѣшенства. Эти нелицепріятные судьи не церемонятся даже съ картиной Тиціана въ Ватиканѣ, о которой вы упоминаете: они говорятъ, что въ ней нѣтъ ни мысли, ни сюжета; имъ, повидному, не приходитъ и въ голову, что маэстро, который такъ долго трудился надъ картиной, съ благоговѣйной тщательностью и любовью, долженъ былъ видѣть вещи по крайней мѣрѣ такъ же хорошо какъ они съ помощью своихъ бѣлыхъ очковъ... Шадовъ, — въ обществѣ котораго я бываю часто и всегда съ большимъ удовольствіемъ, потому что онъ судитъ по своему крайнему разумѣнію, спокойно и безпристрастно, скромно преклоняясь передъ всякимъ истиннымъ величіемъ, — сказалъ однажды, что Тиціанъ никогда не писалъ и не могъ писать скучныхъ и посредственныхъ картинъ; и я съ нимъ согласенъ. Во всемъ, къ чему прикасался Тиціанъ, проглядываетъ жизнь, одушевленіе, сила; а при такихъ данныхъ успѣхъ не подлежатъ сомнѣнію. Ричъ прекрасенъ и замѣчателенъ тѣмъ, что хотя здѣсь нельзя видѣть ничего такого, что бы не было уже тысячу разъ справедливо или ошибочно. — описано, послѣдовано, прославлено, или осуждено величайшими учителями и самыми ничтожными школьниками, но вещи имѣютъ сами-въ-себѣ силу производить свѣжее и сильное впечатлѣніе, поражая каждаго чловѣка особеннымъ образомъ, сообразно особенностямъ его существа».

Слѣдующій отрывокъ прибавляетъ не только чертъ къ описанію Торвальдсена.

«Въ послѣднее время я былъ во многихъ мастерскихъ. Торвальдсенъ только-что кончилъ форму статуи лорда Байрона, который представленъ сидящимъ на какихъ-то развалинахъ; нога его опирается на капитель разбитой колонны и онъ имѣетъ такой видъ, какъ-будто сейчасъ хочетъ записать что-то въ свою книжку. Онъ представленъ не въ римскомъ костюмѣ, а въ самомъ простомъ, обыкновенномъ платьѣ, и я нахожу, что это не только не вредитъ впечатлѣнію, но, напротивъ, производитъ очень хорошій эффектъ. Вся статуя имѣетъ ту невыразимую жизненность и тотъ отпечатокъ естественности, которыя Торвальдсенъ такъ умѣетъ давать своимъ скульптурнымъ произведеніямъ. Выраженіе лица необыкновенно-грустно и меланхолично, и однакоже далеко отъ аффектаціи. Въ другой разъ я напишу вамъ о «торжествѣ Александра»; это произведенію Торвальдсена заслуживаетъ особаго писема, потому что никакое другое скульптурное произведеніе не трогало меня до такой степени... Вы знаете какъ Торвальдсенъ любитъ музыку, и я часто играю для него утромъ, когда онъ работаетъ; у него есть очень хорошее фортепьяно. И когда я смотрю, какъ онъ мѣситъ свою кирпичевую глину и лѣпитъ какую-нибудь руку — словомъ, когда я вижу, какъ онъ дѣлаетъ то, чему послѣ люди будутъ удивляться въ негибнущемъ матеріалѣ, то, увѣряю васъ, я чувствую радость, что могу доставить ему какое-нибудь удовольствіе. — Ф. М. Б.»

Къ этому должно прибавить еще одно замѣчаніе, еще одинъ примѣръ гибкости и многосторонности молодого музыканта, ког-

да онъ вдавался въ область какого-нибудь другого искусства. Онъ серьезно думалъ, какъ можно судить по одному изъ его писемъ, что, рисуя, онъ можетъ напасть въ Римъ на свой собственный стиль. И действительно, даже маленькіе эскизы сдѣланные перомъ и разсѣянные по мѣстамъ въ его письмахъ показываютъ, что, при своей даровитости, онъ могъ бы совладѣть со всякою отраслью искусства, неговоря уже о той, которая бы и его особеннымъ призваніемъ.

Римъ.

«Вы спрашивали меня о Горасѣ Вернетѣ, и никакая тема не можетъ быть для меня болѣе пріятною чѣмъ эта. Кажется, я могу сказать, что я многому научился отъ него; да я думаю и каждый могъ бы у него поучиться. Онъ работаетъ съ удивительною легкостью и безискусственностью. Предметомъ, который ему нравится, онъ овладеваетъ сразу, и между тѣмъ, какъ другіе спорятъ о томъ, хороша ли нѣтъ, заслуживаетъ онъ похвалы или порицанія — мы видимъ, что Вернетъ успѣлъ уже создать что-нибудь новое и испровергнуть всѣ наши критическія и эстетическія правила! Если эта маера не такого свойства, чтобы ее можно было приобрѣсти, то, конечно, она показываетъ великій умъ; и ясность, которая возникаетъ въ ней, а также всегдашняя свѣжесть, которую она даетъ его произведеніямъ, суть вещи, незамѣнимыя ни-чѣмъ. Въ одной изъ тѣнистыхъ аллеи, въ самой густой чащѣ виллы Медичи, гдѣ деревья въ это благоуханное и цвѣтущее время года имѣютъ невыразимую прелесть, стоитъ маленькій домикъ — его мастерская. Тамъ царствуютъ прекраснѣйшій беспорядокъ: вездѣ разложены ружья, охотничьи рога, убитые зайцы и кролики; на стѣнахъ висятъ его оконченныя, или почти оконченныя, картины. Здѣсь находятся его «Торжественное принятіе національной кокарды» (странная картина, которая мнѣ не нравится); портреты Торвальдсена, Эйнарда, Латура; лошади, этюды и эскизы для Юдони, портретъ папы, двѣ мавританскія головы, солдаты, моя скромная особа, Каинъ и Авель, наконецъ сама мастерская, повѣшенная въ мастерской. Его осаждаютъ здѣсь толпами. Въ первый мой сеансъ тамъ было около двадцати человѣкъ.»

Ф. М. В.»

Теперь пора обратиться къ его опытамъ на его собственномъ полѣ творчества. Почти ни одно изъ чудесъ, поражающихъ путешественниковъ, не описывалось такъ часто и съ такимъ восторгомъ, какъ музыка святой недѣли въ Римѣ. Воображенію нецѣлующавшихъ людей она въ продолженіе около полустолѣтія представлялась верхомъ всего, что только есть въ священной музыкѣ могущественнаго, таинственнаго и благороднаго. Правда, нѣкоторая доля этого очарованія исчезла съ тѣхъ-поръ, какъ, во время Моцарта, его похищенный списокъ

съ «Misereere» сдѣлалъ очевиднымъ, что эффектъ этой музыки основывается не на внутреннемъ величїи сочиненїя, а на обстановкѣ церковнаго обряда и на традиціонномъ способѣ выполненїя покаянной пѣсни. Церемонїи страстной недѣли были неоднократно описываемы и католиками и протестантами. Но ничто писанное объ этомъ предметѣ не можетъ сравниться съ слѣдующимъ письмомъ, въ которомъ въ высшей степени удачно соединена точность описанїя съ живописностью впечатлѣнїя.

«Римъ, апрѣля 4».

«Святая недѣля прошла. Мой паспортъ для отъѣзда въ Неаполь готовъ; моя комната начинаетъ пустѣть, а моя зимовка въ Римѣ принадлежитъ уже къ вещамъ минувшимъ, сохранившимся въ одномъ воспоминанїи. Я ѣду чрезъ нѣсколько дней и напишу къ вамъ слѣдующее письмо, если будетъ угодно Богу, изъ Неаполя. Какъ ни прїятна, какъ ни полна впечатлѣнїй была самая зима, но она заключилась недѣлей, которая никогда не взглянется изъ моей памяти. То, что я видѣлъ и слышалъ, далеко превзошло мои ожиданїя, и такъ-какъ это былъ финалъ моего пребыванїя здѣсь, то въ настоящемъ послѣднемъ моемъ письмѣ изъ Рима я постараюсь дать вамъ отчетъ о моихъ впечатлѣнїяхъ.

Многіе перевозносили церемонїи страстной недѣли, многіе оуждали ихъ, но и тѣ и другїе забывали сказать объ ихъ главномъ отличительномъ характерѣ, именно, что онѣ представляютъ чудное *цѣлое*. Только объ этомъ цѣломъ я буду теперь говорить. По моему мнѣнїю, жалкое созданіе тотъ человѣкъ, на котораго соединное благоговѣнїе многочисленной толпы подобныхъ ему людей не производитъ впечатлѣнїя набожности и молитвы. Итакъ, не ожидайте отъ меня отчетливой критики. Я не буду говорить о пѣнїи — вѣрны или фальшивы, низки или высоки его тоны; не буду говорить о композиціи — хороша она или нѣтъ. Я лучше расскажу вамъ о томъ, какое впечатлѣнїе произвело на меня цѣлое, и какъ всѣ подробности способствовали этому впечатлѣнїю... О технической части церемонїи, на которую я обращалъ большое вниманїе, я напишу подробно въ особомъ письмѣ къ Цельтеру. Первая церемонїя произошла въ вербное воскресенье. Стеченіе народа было такъ значительно, что я не могъ добраться до скамьи прелатовъ, возлѣ которой было мое обыкновенное мѣсто. Пришлось оставаться среди дворянской гвардіи. Я и здѣсь порядочно видѣлъ церемонїю, но не могъ хорошо слѣдить за пѣнїемъ, потому-что слова прожносятся не слишкомъ явственно, а у меня не было молитвенника. Въ этотъ первый день различныя стихи, речитативъ евангелїй, псаломѣнїе, мавора читать нараспѣвъ, употребляемая здѣсь по обычаю первыхъ временъ, произвели на меня самое сложное и самое странное впечатлѣнїе. Я не могу составить себѣ ясной идеи о правилѣ, которому

исчислены были эти странные кадансы... Помню, только, что тамъ шли, между прочимъ, хоръ: «*Nosanna in excelsis*» (Осанна въ вышнихъ) и гимны, въ то время, какъ папѣ были подносимы пальмовыя вѣтви. Кардиналы, которые сидѣли вдоль четырехъ сторонъ капеллы, имѣя аббатовъ у ногъ своихъ, проходили, одинъ по одному, чтобы получить отъ папы свою вѣтвь, и возвращались съ нею на свое мѣсто; затѣмъ пошли епископы, монахи, аббаты и другія духовныя лица, папскіе пѣвчіе, дворянская гвардія и проч. Это была продолжительная церемонія, во время которой пѣніе хора не прекращалось. Аббаты держали длинныя пальмы своихъ кардиналовъ, подобно часовымъ, держащимъ свои копья; потомъ положили ихъ предъ собою на полъ; въ эту минуту въ капеллѣ зашестрѣло такое великолѣпное разнообразіе цвѣтовъ, какого я не видалъ ни при какой церемоніи: кардиналы въ своихъ широкихъ ризахъ, вышитыхъ золотомъ, и въ красныхъ шапкахъ, впереди ихъ фіолетовые аббаты съ своими золотистыми пальмами въ рукахъ, далѣе пестрая свита папы; греческіе священники, капуцины съ длинными бѣлыми бородами, монахи другихъ орденовъ, затѣмъ швейцарцы, въ своихъ пестрыхъ, какъ перья попугая, мундирахъ—всѣ съ зелеными маслячными вѣтвями... Папѣ принесли кресло съ ручками, на которомъ его носятъ во всѣхъ процессіяхъ. Кардиналы, по два въ рядъ, начали шествіе; двери капеллы отворились и процессія медленно вышла. Музыка, которая прежде, такъ сказать, охватывала присутствовавшихъ подобно стихіи, дѣлалась все слабѣе и слабѣе, пѣвцы прошли и только притѣмныя гимновъ едва внятно доносились издали. Вдругъ въ капеллѣ загремѣлъ оставшійся тамъ хоръ; на его пѣніе отвѣчали слабыя звуки удалявшихся голосовъ. Такъ было нѣсколько времени, пока процессія не показалась снова и оба хора не соединились вмѣстѣ. Общій эффектъ былъ поразителенъ. За процессіей послѣдовало евангеліе, прочитанное страннымъ тономъ; за тѣмъ месса, въ которой я нетерпѣливо ждалъ своего любимаго мѣста, именно «*Credo*» (Вѣрую). Отправлявшій службу священникъ, ставъ предъ алтаремъ, началъ своимъ хриплымъ, дрожащимъ, старческимъ голосомъ «*Credo*» Себастіана Баха. Едва онъ успѣлъ сказать: «*Credo in unum Deum*» (вѣрую во единого Бога) какъ всѣ духовные встали; кардиналы, оставивъ свои стулья, образовали кругъ въ центрѣ капеллы и пропѣли *fortissimo* слѣдующія слова «*Pater omnipotentem*» (Отца всемогущаго). Когда я услышалъ первыя ноты этого, такъ хорошо мнѣ знакомаго и любимаго *Credo*, когда стоявшіе возлѣ меня начали пѣть съ увлеченіемъ и въ одинъ голосъ, я задрожалъ съ головы до ногъ. Это лучший моментъ, на которомъ я люблю останавливаться моею памятью. Послѣ церемоніи, Святини далъ мнѣ маслячную вѣтвь, съ которою я ходилъ цѣлый день. «*Stabat Mater*», слѣдовавшее за *Credo*, произвело на меня мѣткіе впечатлѣнія, чѣмъ что-нибудь: они взяли его съ низкаго тона, заглавіе прерывисто и сокращенно. Псалмы пѣлись на два хора, но всегда однимъ родомъ голосовъ: басами или тенорами. Цѣлые полтора часа пришлось слушать самую монотонную музыку, по-тѣхъ-воръ, пока псалмы не были прерваны «*Shachemъ Ieremimъ*», и адъсь

въ первый разъ голоса сливаются въ полную гармонию. Гармонизированная часть начинается очень тихо и поется *ritardando* до конца. Напротивъ, всалмы поются такъ громко, какъ только возможно; слова произносятся съ крайнею быстротою и постоянно одною и тою же нотой. Итакъ нѣтъ ничего удивительнаго, если при первой нѣжной нотѣ «Шача» на *sol* мажор сердце слушателя таетъ; затѣмъ монотонность начинается снова. При каждомъ стихѣ псалма гасится одна свѣча; когда остается только шесть высокиихъ свѣчъ у входа, то весь хоръ, съ альтами, дискантами, и проч., начинается греко и въ униссонъ новый гимнъ «Пѣснь Захарія» въ *ge minor*, которая поется медленно и торжественно среди все болѣе и болѣе сгущающейся тѣноты. Но вотъ послѣдняя свѣча погасла, папа, оставивъ свой тронъ, падаетъ на колѣни предъ алтаремъ—все дѣлаютъ то же и читаютъ такъ называемое «*Patet postea sub silentio*» т. е. здѣсь происходитъ пауза, во время которой каждый католикъ признаетъ мысленно молитву Господню. Вслѣдъ затѣмъ начинается «*Miserere*» *ritardando*. Вы можете представить себѣ, что затѣмъ слѣдуетъ... Отсылаю васъ, дорогой Фама, къ моему письму къ Цемтеру.»

Приведемъ еще одно письмо изъ Италіи, относящееся къ музыкальнымъ знаменитостямъ. Женщина, упоминаемая въ этомъ письмѣ была австрійская дама, очень большой извѣстности во времена усѣховъ Бетховена въ Вѣнѣ, когда его суровый нравъ и странный образъ жизни еще не лишали его возможности любить и быть любимымъ.

Миланъ, іюля 16, 1831 г.

«...Вечера мои я провожу въ обществѣ, и, этимъ, сказать по правдѣ, я обязанъ одной моей талости, которая обратилась мнѣ въ пользу. Кажется, я могъ бы получить патентъ на эти нецѣлости, потому что я безспорно изобрѣлъ способъ заводить пріятнѣйшія знакомства безъ помощи писемъ, представлений и т. под.. Пріѣхавъ сюда, я случайно спросилъ фамилію коменданта города, и, между многими другими генералами, мнѣ назвали Эртмана. Я сейчасъ же вспомнилъ сонату Бетховена на *A* мажор и кому она посвящена; а такъ-какъ я постоянно слышалъ самые очаровательные разсказы о генеральшѣ, о ея въ высшей степени ласковомъ обращеніи, о прекрасной ея игрѣ и о томъ, какъ она баловала Бетховена, то въ слѣдующій день около времени утреннихъ визитовъ, я одѣлся въ черный сюртукъ, разспросилъ о дорогѣ и отправился, въ наилучшемъ расположеніи духа, сочиняя на пути изысканную приличную случаю рѣчь, съ которою можно бы обратиться къ талантливой женѣ генерала. Узнать, что генераль живетъ въ первомъ этажѣ и, очутившись въ прекрасной, большой передней со сводами, я приваюсь, почувствовалъ нѣкоторую робость и сталъ подумывать о бѣгствѣ; но мнѣ пришло на мысль, что это рѣшительно провинциализмъ—путаться передней со сводами; и потому, смѣле подойдя къ караулу солдатъ, который стоялъ тамъ, я спросилъ какого-то стараго господина, въ короткой панталоновой ша-

кеткѣ, здѣсь ли живётъ генералъ Эртманъ, и нельзя ли доложить объ немъ его женѣ. Несчастный жребій мой хотѣлъ, чтобы отвѣтъ старика былъ слѣдующаго содержанія: «Я генералъ Эртманъ, къ вашимъ услугамъ». Это было очень непріятное обстоятельство, и я принужденъ былъ произнести свою рѣчь тутъ же, на мѣстѣ. Однако же онъ не много понималъ изъ нея и пожелалъ знать, съ кѣмъ онъ имѣетъ честь говорить. Положеніе мое сдѣлалось еще болѣе неловкимъ; но къ счастью, онъ узналъ мое имя, сдѣлался очень шѣдливымъ, сказалъ, что его жены нѣтъ дома, но что если мнѣ есть время зайти около двухъ часовъ, то я неспрѣмѣнно ее увижу. Благодаря судьбу, что дѣло приняло такой оборотъ, я въ два часа, съ надлежащею формальностью, познакомился съ «Доротеей фонъ-Эртманъ.» Она приняла меня въ высшей степени ласково, была очень мила и скоро начала играть для меня сонаты Бетховена, — сперва *Sis-mol*, а потомъ на *D minor*. Старый генералъ, въ своемъ щеголеватомъ сѣромъ комендатскомъ кундирѣ, украшенномъ орденами, былъ совершенно очарованъ и чуть не кричалъ отъ удовольствія, слушая прекрасную музыку своей жены. Въ Миланѣ—говорилъ онъ—нѣтъ никого, кто бы хотѣлъ ее послушать. Она упоминала о *trio* на *B. majog* и сказала, что не можетъ его припомнить. Я съѣлъ и проигралъ его для нея подпѣвая партію голоса. Моя музыка очень понравилась старой четѣ и такимъ образомъ нашему знакомству было положено прочное основаніе. Съ тѣхъ поръ они постоянно были ко мнѣ такъ добры, что мнѣ даже совѣстно. Въ послѣполуденное время они обыкновенно заѣзжали за мною въ своемъ экипажѣ, чтобы везти меня на Корсо; по вечерамъ мы играемъ до втораго часа ночи. Вчера они взяли меня на прогулку по окрестностямъ. Я обѣдаю тамъ, по вечерамъ встрѣчаю общество и нахожу ховяевъ такими любезными и образованными, какъ только можно вообразить. Сверхъ того, они такъ любятъ другъ друга, какъ будто еще не прошолъ медовый мѣсяцъ ихъ супружеской жизни, тогда-какъ она продолжается уже тридцать три года. Вчера онъ говорилъ о своей профессіи, о званіи солдата, о личной храбрости и т. д., выражаясь съ такою точностью и съ такимъ либеральнымъ образомъ мыслей, какого я не встрѣчалъ ни въ комъ, кромѣ моего отца. Онъ уже сорокъ-шесть лѣтъ офицеромъ; но посмотрѣли бы вы какъ онъ галопируетъ въ паркѣ, возлѣ экипажа своей жены! Она играетъ сочиненія Бетховена превосходно, хотя не практикуется уже много лѣтъ. Иногда она преувеличиваетъ выраженіе, то слишкомъ замедляя въ *ritardando*, то слишкомъ спѣша въ *accelegrando*; но дѣльные пассажи она играетъ иногда великолѣпно, и, кажется, я кое-чему научился отъ нея. Иногда, не находя въ нотахъ достаточнаго выраженія, она начинаетъ подпѣвать, сильно взволнованнымъ голосомъ; и въ эти минуты она часто напоминаетъ мнѣ тебя, милая Фанни, хотя ты, разумеется, далеко превосходишь ее въ этомъ отношеніи. Между тѣмъ генералъ рассказываетъ самые любопытные анекдоты о Бетховенѣ, напр. о томъ, какъ, однажды вечеромъ, когда жаданъ Эртманъ играла для него, онъ взялъ щипцы отъ свѣчки и сталъ ко-

вырять ими въ зубахъ. Генеральша рассказала мнѣ, что когда умеръ ея младшій ребенокъ, то Бетховенъ долгое время и близко не подходилъ къ ея дому; наконецъ онъ пригласилъ ее къ себѣ. Она застала его за «фортепьяно. «Теперь мы поговоримъ другъ съ другомъ посредствомъ этихъ нотъ». Вотъ все, что сказала Бетховенъ, и за тѣмъ онъ игралъ цѣлый часъ. «Но онъ сказалъ мнѣ все этими звуками — замѣтила генеральша — и наконецъ утѣшилъ меня».

За этими итальянскими письмами слѣдуютъ письма изъ Швейцаріи, въ которыхъ живописные виды родины Вильгельма Теля изображаются мастерски. Если Италия была странною, на которой Мендельсонъ любилъ останавливаться въ своихъ воспоминаніяхъ, если Германію онъ любилъ какъ родину, то Швейцарія была странною его пламенныхъ восторговъ.

«Энгельбергъ, авг. 23.»

«Мое сердце такъ переполнено; я долженъ рассказать вамъ все. Дѣло въ томъ, что въ этой очаровательнѣйшей изъ долинъ я началъ работать надъ «Вильгельмомъ Телемъ» Шиллера. Я только-что сталъ послѣ чтенія нѣсколькихъ первыхъ сценъ. Никакое искусство не можетъ сравниться съ нѣмецкимъ. Богъ знаетъ — почему это такъ, но я не думаю, чтобы какой-нибудь другой народъ оцѣнилъ, или могъ оцѣнить подобное начало драмы, которое я называю поэмой. Сперва — эти яркіе стихи, сквозь которые повидному, просвѣчиваетъ зеркалоподобное озеро; потомъ — простая, обыкновенная болтовня швейцарцевъ, затѣмъ появленіе между ними Ваугартена; — это въ высшей степени прекрасно! Здѣсь все свѣжо, могущество, увлекательно. До-сихъ-поръ въ музыкѣ не было еще произведено ничего подобнаго; однакоже, и въ ея области когда-нибудь должно появиться такое же совершенное произведеніе. Прошло четыре года съ-тѣхъ-поръ, какъ я читалъ Вильгельма Теля въ послѣдній разъ. Теперь я долженъ бѣжать въ монастырь, дать волю своимъ чувствамъ, и излить ихъ въ звукахъ органа».

(Послѣ полудня.) Не удивляйтесь моимъ словамъ, но прочтите первый актъ — вы поймете меня. Мѣста, подобныя тѣмъ, въ которыхъ охотники и пастухи кричатъ другъ другу: «спасите его, спасите его!» или конецъ сцены Грутли, гдѣ предполагается восходъ солнца, могли быть написаны только нѣмцемъ — да, только Шиллеромъ; а драма исполнена подобныхъ пассажей. Мало того, что мысли прекрасны, онѣ насквозь проникнуты швейцарскимъ духомъ. А начало сцены Грутли! Сегодня утромъ я сочинилъ симфонію, которая должна играть въ концѣ ея, правда, большею частью только въ умѣ, потому-что я не могъ хорошо выразить ее на маленькомъ органѣ. Мнѣ пришло въ голову множество плановъ и идей. Я вижу, что въ мірѣ остается еще несдѣланнымъ страшно — многое, по-крайней-мѣрѣ я долженъ быть прилежнымъ. Слова Гёте о Шиллерѣ, что «онъ могъ бы давать міру по двѣ трагедіи ежегодно», всегда внушала мнѣ величайшее благоговѣніе къ нему. Я провелъ утро очень

приятно, благодаря его Вильгельму Телю, и оно привело меня въ такое состояніе духа, что хотѣлось бы видѣть Шиллера опять живымъ, чтобы поблагодарить его за его сочиненія. Хочется также сдѣлать подобное тому, что сдѣлалъ онъ, чтобы люди современемъ могли чувствовать и относительно меня то же самое».

Чтобы насладиться въ послѣдній разъ цѣлебными и спасительными вліяніями природы, Мендельсонъ въ 1847 г. удалился въ эти прекрасныя долины, окружающія Интерлахенъ. Но веселое расположеніе души его было внезапно уничтожено смертью, его нѣжно любимой и талантливой сестры, къ которой адресованы были многія изъ этихъ писемъ.

Теперь намъ остается сказать нѣсколько словъ о нашемъ артистѣ, какъ о лицѣ, дѣйствующемъ въ своей собственной сферѣ. Мѣсто, которое занималъ Мендельсонъ между музыкантами, было особенное во всѣхъ отношеніяхъ. Онъ заявилъ это съ самаго начала между великими нѣмцами, съ рѣшительностью, которая противорѣчила всякой теоріи развитія искусства, въ смыслѣ переворота. Музыкальномъ міру надобли водянистыя подражанія Моцарту; онъ поддался чарамъ Вебера или начиналъ покоряться, болѣе медленно, но тѣмъ не менѣе прочно, непреодолимому величію и энергической оригинальности Бетховена; онъ уже очень былъ очень склоненъ пріять съ безразборчивою вѣрой всѣ его послѣднія преувеличенія, все, что въ немъ было дерзки-смѣлаго, грубаго, —принять какъ доказательство генія, допрашивать который считалось недостаткомъ пониманія; но еще никакой предѣленной цѣли не было въ мальчикѣ, который пріобрѣлъ себѣ прочную извѣстность своею увертюрою къ «Сну въ лѣтнюю ночь», которую Мендельсонъ сочинилъ имѣя шестнадцать лѣтъ отъ роду. Но онъ не имѣлъ никакой миссіи, никакой партіи, не принадлежалъ ни къ какому знамени, —онъ просто чувствовалъ ту необходимость выражать свои идеи своимъ собственнымъ языкомъ, которая служить разграничительною чертою между талантомъ и геніемъ. Но рѣчь его была удивительно-зрѣла для молодаго человѣка его лѣтъ. Если онъ не обладалъ такимъ глубокимъ источникомъ мелодіи, какой Моцартъ и Россини имѣли отъ рожденія, а Бетховенъ пріобрѣлъ упорною борьбой, —то съ самаго начала онъ обнаружилъ живость воображенія, вмѣстѣ съ обширностью научныхъ свѣдѣній, безпримѣрныхъ въ послѣднее время, когда въ музыкѣ такъ много эффектовъ доведено до крайности, когда такъ много поддѣлокъ признано за настоящія сокровища. Въ са-

мыхъ первыхъ опытахъ Менделсона было столько же сложности, сколько и фантазіи. Хотя въ музыкѣ нельзя представить себѣ ничего болѣе шекспировскаго, тѣмъ его увертюра вольноблудницъ; хотя для передачи посредствомъ звуковъ нельзя найти картины болѣе дикой, чѣмъ картина бушующихъ волнъ, изброженная въ его увертюрѣ къ «Островамъ Фингала», но строгость музыкальной структуры въ этихъ обѣихъ романтическихъ пьесахъ столько же замѣчательна, какъ ихъ колоритъ. Дитя, воспитанное на музыкѣ Баха столько же видно въ этихъ музыкальныхъ пьесахъ какъ и дитя, которое видѣло сонъ въ афинскомъ лѣсу. Такимъ образомъ, въ его музыкѣ мы видимъ шаги назадъ, такъ же какъ и шаги впередъ, что противорѣчитъ теоріямъ новѣйшей школы разрушенія, которой странныя претензіи нѣкоторое время грозили надѣлать такихъ опустошеній въ музыкальномъ мірѣ.

Похвальный и скромный духъ самоусовершенствованія, которымъ было запечатлѣно всякое дѣло Мендельсона, доказывается возрастаніемъ свободы и смѣлости въ его произведеніяхъ по мѣрѣ того, какъ онъ становился старше. Списокъ музыкальныхъ темъ, сдѣланный имъ самимъ, свидѣтельствуетъ о существованіи огромнаго количества сочиненій, которыхъ онъ не издалъ въ свѣтъ, потому что считалъ ихъ слабыми, или отложилъ ихъ въ сторону, чтобы обдумать ихъ вновь. «Вальпургіева ночь», начатая въ Италіи, долго оставалась у него въ портфельѣ и подверглась большимъ измѣненіямъ. «Симфонія на Реформацію» пьеса для оркестра, задуманная въ обширныхъ размѣрахъ, никогда не выходила въ свѣтъ, вслѣдствіе подобныхъ же причинъ. Въ случаѣ неуспѣха онъ съ неутомимою настойчивостью повторялъ нѣсколько разъ свои попытки. Однимъ изъ плановъ, котораго онъ никакъ не могъ привести въ исполненіе, была концертная соната для скрипки и фортепьяно, и онъ принимался за эту пьесу по крайней мѣрѣ двѣнадцать разъ. Но «Илія» — самый замѣчательный памятникъ его рѣшимости доходить до послѣдней степени энергіи во всемъ, что онъ предпринималъ. Тѣ, которые присутствовали при выполненіи этой ораторіи въ городской ратушѣ въ Бермингемѣ, всегда будутъ помнить эту сцену, какъ одинъ изъ самыхъ блистательныхъ триумфовъ, записанныхъ въ лѣтописяхъ музыки. Любопытно наблюдать, какъ Мендельсонъ, вѣроятно сознавая, что теченіе мелодіи въ его вокальныхъ пьесахъ недостаточно быстро, и способенъ подвергаться нареканію въ

монотонности, годъ отъ году становился старательнѣе и проще въ выборѣ фразъ для своихъ музыкальныхъ пьесъ; какъ онъ непрерывно осматривался вокругъ себя, чтобы усилить и уразнообразить свои средства. Та же причина заставила его отложить свой планъ—написать большое сочиненіе для сцены. Въ ранней молодости онъ обѣщалъ оперу для театра въ Мюнхенѣ. Онъ считалъ «Бурю» Шекспира темой, сообразною съ свойствомъ его гения, и совѣтовался объ этомъ съ своимъ другомъ Иммерманомъ, котораго онъ считалъ способнымъ написать слова для пьесы. Но въ то время, какъ онъ дѣлалъ опыты и старался рѣшить, можетъ ли онъ имѣть успѣхъ на этомъ единственномъ неудавшемся ему полѣ музыкальнаго творчества, его силы ослабли подъ напоромъ жизни, въ которой отдыхъ и покой сдѣлались почти невозможными, влѣдствіе пріобрѣтенной имъ популярности. Къ счастью, мы не имѣемъ надобности говорить объ этихъ послѣднихъ годахъ, или, вѣрнѣе, о послѣднихъ мѣсяцахъ страданія, и внезапнаго истощенія. Письма, собранныя въ книгѣ, о которой мы говоримъ, относятся къ періоду ранней молодости и успѣховъ. Мы надѣемся, что выйдутъ и другіе томы писемъ Мендельсона, и увѣрепы, что ни одинъ изъ нихъ не помрачитъ репутаціи его, какъ совершеннаго, пользовавшагося успѣхами, и вполне счастливаго человѣка и артиста, который умеръ въ цвѣтущихъ лѣтахъ, но на вершинѣ своей славы.

ЛВСТЬ ЖИВОМУ И ПОРУГАНІЕ НАДЪ МЕРТВЫМЪ.

(Письмо къ г. Чернышевскому.)

У меня характеръ уклончивый до фальшивости.

Н. Чернышевскій.

Г. Чернышевскій! когда я помѣщалъ извѣстную вамъ статью въ январской книжкѣ «Библиотеки для Чтенія», то я зналъ заранее, что вы, или кто-нибудь изъ вашихъ, непременно отзоветесь на ту часть ея, которая относилась къ вамъ и друзьямъ вашимъ. Я полагалъ, что скорѣе всего это сдѣлаете именно вы, и, говоря откровенно, я полагалъ это по причинѣ, несколько для васъ неоскорбительной. Ваше любезное письмо ко мнѣ, помѣщенное въ февральской книжкѣ «Современника», оправдало мое предположеніе: на слова мои о васъ и о вашихъ отзывались именно вы. Но я долженъ признаться, что тутъ былъ и весь копецъ моей предусмотрительности; далѣе этого она не простиралась. Можетъ быть, такое откровенное признаніе въ недостаткѣ предусмотрительности, въ глазахъ человѣка, такъ много говорящаго о своей проникательности, какъ вы, не приноситъ мнѣ особенной чести; но я знаю, что не наживу стыда ни передъ кѣмъ изъ честныхъ людей, если признаюсь, что причиною моей недалковидности въ этомъ случаѣ было мое правило—думать о человѣкѣ хорошо, пока самымъ очевиднымъ

образомъ не будетъ доказано, что слѣдуетъ думать иначе. Да, г. Чернышевскій, пока господствующее мнѣніе объ васъ — и вы очень хорошо знаете, о какомъ мнѣніи говорю я, и въ глубинѣ своей совѣсти соглашаетесь со мною, что оно дѣйствительно господствующее—пока это мнѣніе, не было моимъ собственнымъ убѣжденіемъ, пока я не получилъ неопровержимаго права, основаннаго на фактѣ, случившемся съ самимъ мною, довѣрять безусловно вашему собственному толкованію вашего характера, до-тѣхъ-поръ я не могъ думать, чтобы вы все свое оправданіе въ оскорбленіи вами и вашими общественнаго чувства преглчія, оправданіе, на которое я васъ вызвалъ, могли свести на одну публичную клевету, взведенную вами на мой характеръ. Я говорю вамъ, что вы это сдѣлали; я говорю вамъ это не какъ бумажный полемизаторъ, который бы въ проституціи слова «полемическими красотами» и въ содомскихъ грѣхахъ человѣческаго языка, подобно вамъ, находилъ наслажденіе новейшей парижской гетеры; и я прошу васъ принять — если это для васъ возможно —этотъ фактъ въ вашу совѣсть, что я точно и дѣйствительно не *такъ* говорю вамъ, а *какъ* человѣкъ, который на самомъ дѣлѣ не хочетъ позволить, чтобы на его характеръ взводили клеветы,* какова бы ни была степень ихъ ядовитости — змѣи простой, или змѣи очковой *. *Вы печатно свезли на меня клевету: вы заслужили, чтобы эти шесть словъ были сказаны и доказаны вамъ печатно.*

Вы вашему письму ко мнѣ даете такой оборотъ, будто я въ статьѣ моей, вызвавшей ваше письмо, отзываясь очень похвально о вашихъ статьяхъ, наговорилъ вамъ лести; въ то же время, отзываясь пошло о статьяхъ Добролюбова, надругался надъ нимъ; между тѣмъ, я долженъ былъ поступить наоборотъ, такъ-какъ вы, по вашему собственному сознанію, слабоумнѣе и слабосильнѣе Добролюбова и статьи ваши глупѣе его статей. Люди всѣхъ порядочныхъ литературныхъ кружковъ всегда были о вашихъ и добролюбовскихъ статьяхъ того же мнѣнія, какъ вы; г. Каве-

* Вы говорите, будто названіе змѣи—вамъ и очковой змѣи—покойному Добролюбову далъ, при одномъ случаѣ, г. Тургеневъ. За васъ—я этому вѣрю. Я точно такой же отзывъ слышалъ о васъ отъ ближайшихъ друзей г. Тургенева, именно около того времени, когда въ «Современникѣ» было объявлено, что произведенія г. Тургенева тамъ встрѣчаться болѣе не будутъ, по той будтобы причинѣ, что вы расходитесь съ г. Тургеневымъ въ мнѣніяхъ.

линь думаетъ объ этомъ одинаково съ вами; г. Тургеневъ полагаетъ объ васъ, что вы—простая змѣя, а о Добролюбовѣ полагаетъ, что онъ—змѣя очковая. Вы считаете должнымъ и нужнымъ возстановить эти факты во всей ихъ непреложности: я выхожу, по вашему, льстець къ живому и ругатель надъ мертвымъ, — человѣкъ, заставляющій васъ проникнуться состраданіемъ къ своей (т. е. моей) умственной слабости, и не простымъ состраданіемъ, а смѣшаннымъ съ досадою и чувствомъ обиды и соединеннымъ къ тому же съ отвращеніемъ. Въ добавокъ ко всему этому, вы сомнѣваетесь, чтобы я понималъ, что дѣлалъ, и полагаете даже, что я создалъ для васъ затруднительное положеніе совершенно противъ моей воли и добиваясь того, чтобы вы остались вполне мною довольны.

Теперь, г. Чернышевскій, я скажу вамъ вотъ что: я настолько уважаю себя, что не возвращаю вамъ вашихъ ругательствъ. А что вы исказили весь тонъ моего обращенія къ вамъ, что вы взялись отвѣчать мнѣ не для доказательства вашей сравнительной глупости передъ покойнымъ Добролюбовымъ, что вы недобросовѣстно драпируясь въ мои похвалы и съ порочнымъ намѣреніемъ отвимая у меня заслугу порицанія васъ, даете мнѣ право объяснить вамъ публично—какъ все это нечестно и сколь все это неблагородно, и въ то же время сказать вамъ, что вы намѣренно обманываете вашихъ подписчиковъ,—въ неопровержимое доказательство всего этого я приглашаю васъ перечитать вторично, при всемъ народѣ, слѣдующія строки изъ моей льстивой статьи.—Я соболѣзную о васъ, подвергая васъ этому стыду,—такъ какъ стыдъ вашъ сдѣлался теперь общепризнаваемымъ фактомъ, и именно поэтому я и соболѣзную о васъ; — но вините самихъ себя, что вы не предусмотрѣли столь вѣроятнаго послѣдствія вашего поведенія со мною.

«Друзья покойника на его гробѣ, въ его некрологѣ и при нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ, такъ много наговорили о его честности, что имъ менѣе всего прилично дѣлать, въ отношеніи къ памяти покойнаго, что-нибудь такое, что въ высшей степени способно подвергаться, и ужъ подвергается, двусмысленному толкованію.»

Вы не дурно поступили бы, г. Чернышевскій, если бы этотъ доброжелательный намекъ мой истолковали здравымъ образомъ: вашъ покойный другъ былъ бы избавленъ отъ двухъ-трехъ случаевъ вашего надъ нимъ поруганія. — На слѣдующія строки я также публично обращаю ваше вниманіе:

«Мы говоримъ не противъ ихъ (т. е. васъ и вашихъ) высококачествъ мнѣ-

нія о самихъ себѣ,—до этого намъ нѣтъ никакого дѣла,—а противъ всенароднаго высказыванія такого мнѣнія, что, по мнѣнію всѣхъ самообладающихъ людей, кажется достойнымъ самаго строгаго порицанія. Если ломаніе Кавура въ парламентѣ и несоблюденіе имъ нѣкоторыхъ общепринятыхъ приличій въ многолюдномъ собраніи покойному—бому казалось отвратительнымъ, и если онъ считалъ должнымъ высказывать это безъ всякой воздержности, то слѣдуетъ ли намъ быть болѣе воздержными и будетъ ли прилично наше молчаніе о томъ, что ломаніе друзей его передъ русскою публикою (прошу у васъ справедливости за эту небольшую долю проницательности: слова эти были писаны до 2-го марта) во всѣхъ отношеніяхъ гораздо отвратительнѣе. Тотъ все-таки былъ Кавуръ, то есть, худъ ли, хорошъ ли, но общепризнаваемый за большого человѣка. Это не служитъ ему полнымъ извиненіемъ; но въ глазахъ членовъ парламента онъ казался, хотя бы и несовѣстнъ вѣрно, человѣкомъ, устроившимъ величіе ихъ общаго отечества, и его ломанье, во всякомъ случаѣ, никому не казалось выпрашиваніемъ на водку за его подвигъ.

Въ особенноти я долженъ указать вамъ еще вотъ на эти строки:

«Мы говоримъ это (т. е. укоряемъ васъ за ваше неблагопрістойное ломаніе), чтобы избавиться отъ личнаго глубокаго стыда, въ который насъ приводитъ выслушваніе подобнаго намека (т. е. что вы съ друзьями монументальные люди); и если бы мы вовсе не встрѣчали людей, которые чувствуютъ себя пристыженными и оскорбленными отъ этого намека, то намъ показалось бы это намекомъ на то отчаянное положеніе, изображенное въ одномъ стихотвореніи Шевченки, гдѣ «всѣ молчатъ: бо благоденствуютъ!»

Вы, г. Чернышевскій, читали эти строки и вы назвали меня льстецомъ своимъ. По вашей методѣ полемизировать мнѣ слѣдовало бы теперь сказать вамъ, что вы не умѣете разбирать печатнаго, что вы не понимали, что такое вы дѣлали, и что вы, поэтому, *тупоумный глумецъ*. Въ духѣ вашей методы я могъ бы поставить вамъ слѣдующіе вопросы: говорятъ ли такія вещи, какія заключаются въ вышеприведенныхъ строкахъ, говорятъ ли ихъ такіе люди, которымъ желаютъ льстить? Потому: могутъ ли люди, говорящіе такія вещи, хоть сколько-нибудь заботиться объ удовольствіи или неудовольствіи людей, которымъ они говорятъ ихъ? Далѣе: благоразумно ли, въ особенноти, заключать о такихъ людяхъ, чтобы они говорили такія вещи именно съ цѣлію, чтобы ими остались довольны? И еще: если такіе люди, такъ открыто обличающіе нашу недобросовѣстность и наглость, и сказали о насъ что-нибудь лестное, то не будетъ ли съ нашей стороны вершиною неразсчетливости и тупоумія—выдавать ихъ съ головою за ихъ похвалы, какъ за низкую лесть, и умал-

чтывать о ихъ порицаніяхъ, какъ дѣлающихъ имъ честь, которыя, однако, всегда могутъ быть воспроизведены и объяснены какъ настоящая побудительная причина нашего безразсуднаго и, такъ сказать, самоубійственнаго предательства? Наконецъ еще одно обстоятельство: вамъ стыдно было публично признаться, что вы оскорбились въ моей статьѣ именно тѣмъ, что въ ней есть способнаго оскорбить васъ, и вы, въ объясненіи съ человѣкомъ искреннимъ, пустились на удалство: вы стараетесь показать, что единственнымъ поводомъ къ вашему объясненію со мною послужило мое вздорное мнѣніе о Добролюбовѣ, какъ о *меньшемъ* между вами, тогда какъ онъ былъ и умнѣ всѣхъ васъ и, въ добавокъ, еще честнѣе собственно васъ. Очевидно, — и это могла бы понять самая безсильная сообразительность, — что единственный для васъ шансъ остаться честнымъ въ вашемъ объясненіи, т. е. прикрыть удалство и выдержать роль непритворнаго желанія возстановить истину, состоялъ въ сохраненіи вами спокойствія; а между тѣмъ вы, доказывая ваше самоотверженное мнѣніе о Добролюбовѣ, что онъ былъ и умнѣ и честнѣе васъ, доходите до самой сложнѣйшей компликаціи чувствъ ко мнѣ — до проникновенія страданіемъ къ моему умственному безсилію, смѣшаннымъ съ досадою и чувствомъ обиды и соединеннымъ съ отвращеніемъ; вы горячитесь, какъ-будто находитесь въ состояніи, требующемъ леченія посредствомъ холодной воды на темя. Зачѣмъ вы такъ беспокоитесь, такъ несообразительно обличаете въ себѣ присутствіе болѣе глубокаго мотива къ неудовольствію на меня, чѣмъ мое болѣе сочувственное отношеніе къ статьямъ вашимъ, а не добролюбовскимъ? Вотъ какіе запросные пункты я могъ бы предложить вашей разсудительности, слѣдуя вашей методѣ полемизировать; и такъ какъ вашей разсудительности не предстоитъ тутъ никакого счастливаго исхода, то я и былъ бы въ правѣ — объявить себя поверженнымъ въ меланхолію по поводу вашего тупоумія, и не простую меланхолію, а соединенную съ чувствомъ невыразимой веселости, возбуждаемой во мнѣ вашей самоувѣренностію въ остротѣ вашего ума, и смѣшанную съ омерзѣніемъ къ тому вашему ослабленію, которое заставляетъ васъ принимать тупо-свирѣпыя хватки гоголевскаго Держиморды за благородно-изысканныя утонченности діалектики. Но я не люблю вашего способа полемизировать, такъ какъ онъ всегда унижаетъ гораздо бо-

лѣе самого полемизатора, чѣмъ его противника, и я не скажу вамъ ничего такого; а чтобы изъ этого не вышло риторической фигуры, я беру назадъ слова мои. Я всегда считалъ васъ человѣкомъ неглупымъ; я печатно негодовалъ за васъ, что васъ считаютъ такимъ круглымъ невѣждою (вы знаете, что я говорю это не въ видахъ полемическихъ красотъ, а какъ о фактѣ дѣйствительно существующемъ), съ которымъ будто бы не стоитъ препираться о мнѣніяхъ; всѣ мои выгоды требуютъ и теперь, чтобы я не отступался отъ моего мнѣнія: вы человѣкъ умный. Взведя на меня клевету, вы сдѣлали глупость, которую я обличилъ фактомъ, понятнымъ для младенцевъ, выписавъ только слова, которыя я сказалъ о васъ. Но вы—человѣкъ умный. Вашу безразсудную выходку противъ меня я объясняю не недостаткомъ въ васъ ума, а неблагородствомъ вашего характера: «у меня, говорите вы мнѣ, характеръ уклончивый до фальшивости. Согласитесь, что при такомъ изгибающемся, податливомъ характерѣ никакъ не могу я сравниться энергіею чувства съ людьми прямого и, сказать безъ церемоній, честнаго характера». Я соглашаюсь съ этимъ,—принимая, разумѣется, во вниманіе, что вы большой и уличенный самохвалъ,—я соглашаюсь съ этимъ и называю вашу безразсудную выходку безчестною клеветою.

Если вамъ пужны другіе аргументы, что я почти до послѣдняго времени былъ независимаго и, приблизительно, одинаковаго мнѣнія о вашей человѣческой сущности, то на это я могу привести и писанныя доказательства и свидѣтельства живыхъ людей. Вы не можете указать ни на одну похвалу мою, которая бы не была соединена съ порицаніемъ (я считалъ это самымъ правильнымъ отношеніемъ къ вамъ, хотя у этого самаго журнала есть сотрудники, которые всегда думали о васъ иначе). Моя осенняя статья о васъ, за которую вы не постыдились предать меня, несмотря на то, что она стоила мнѣ недоброжелательства враговъ вашихъ, — эта статья заключается порицаніемъ васъ за вашу наглость (именно наглость: я употребилъ это самое слово). Въ 60 году я, между прочими работами, въ продолженіе мѣсяцовъ — четырехъ, велъ литературную лѣтопись въ «Пет. Вѣд.» Редакторъ этой газеты, А. А. Краевскій, очень хорошо знаетъ мое тогдашнее о васъ мнѣніе: я считалъ васъ бойкимъ и развязнымъ публицистомъ, бесполезнымъ для общаго движенія литературы, но наглымъ до послѣдней крайности.

сти. (Въ это время я преувеличенныхъ похвалъ вашимъ заслугамъ еще не высказывалъ; и знаете ли почему? вамъ тогда еще не пренебрегали въ такой степени, какъ стали пренебрегать впоследствии — и теперь; я доведенъ былъ до печатнаго выраженія этихъ похвалъ именно высокою степенью этого пренебреженія, которое мнѣ казалось несправедливымъ: могу васъ увѣрить, что всѣ мои преувеличенія имѣютъ этотъ чистый источникъ, а не тотъ грязный, на который вы указываете.) Я скажу вамъ болѣе: Андрей Александровичъ знаетъ (я думаю, что онъ не забылъ этого) одинъ случай, гдѣ я усомнился въ вашей литературной честности. Это было въ то время, когда вы сдѣлали отчасти школьническую, отчасти дѣйствительно двусмысленную выходку противъ «Русскаго Вѣстника», назвавши его предварительною школою къ «Современнику»; мнѣ показалось тогда яснымъ до степени полнаго убѣжденія, что, отваживаясь на эту выходку, вы руководились не совсемъ чистыми соображеніями. Скажу вамъ прямо: вашу выходку я считалъ недостойною честнаго литературнаго бойца. Это тогдашнее мнѣніе мое я выразилъ въ газетной статейкѣ подъ названіемъ, если не ошибаюсь, «*Много шума изъ ничего*», которая и была напечатана въ «Пет. Вѣд.» Въ этой же статейкѣ — да, это я хорошо помню — я коснулся и всего балаганнаго неприличія и пошлой сатурналіи, устроенной вами и, если вамъ вѣрить, — и моя вѣра должна быть для васъ позоромъ въ этомъ случаѣ, и вы, въ эту минуту, уже сознаете всю неотразимую справедливость моей открытой рѣчи и уже чувствуете себя подавленнымъ при мысли о неизбѣжности услышать публично послѣднее слово этой рѣчи, и вы не ошибаетесь, что я скажу это слово, потому что гнушаюсь всякихъ намековъ, которыхъ не смѣю со всею полнотою сказать въ печати, — и если вамъ вѣрить г. Чернышевскій, то и вашимъ покойнымъ другомъ, Добролюбовымъ. Да, г. Чернышевскій, до вашего предательскаго признанія мы не знали, что позорные стишки вашего мартовскаго «Свистка» * 1860 г. принадлежали вашему покойному другу.

Думаете ли вы, что тотъ не ругается надъ мертвецомъ, кто говоритъ о мертвецѣ такія вещи, сдѣланныя въ такое время, когда мертвецъ былъ живымъ и, очевидно, очень слабымъ, и по-

* Того самаго Свистка, который съ такимъ беззавѣтнымъ невѣжествомъ и непристойностію торжествовалъ побѣду литовской теоріи надъ норманской.

ому достойнымъ извиненія, человѣкомъ? Или вы думаете, что и Катонъ и Регулъ, какими вы стараетесь представить намъ, и въ особенности мнѣ, вашего покойнаго друга, такъ безбожно переступивши всякую мѣру поруганія надъ его памятью, — думаете ли вы, что и эти достойные люди и римляне поступили бы на мѣстѣ вашего друга точно такимъ же образомъ? Полагаете ли вы, что и они на ваше замѣчаніе, что этого не нужно дѣлать, съ такимъ же трагикомизмомъ отвѣчали бы многозначительнымъ: *no жалуй!* Или вы, можетъ быть, не догадываетесь, почему я эту продѣлку почитаю именно продѣлкой, недостойной Регула? Въ такомъ случаѣ спросите меня: я объясню вамъ, но только съ однимъ условіемъ: печатно, а не какъ-нибудь иначе. Я столько уважаю свой характеръ, что боюсь доставить вамъ случай сказать обо мнѣ что-нибудь такое, чему единственнымъ доказательствомъ будетъ служить ваше самоличное свидѣтельство.

Продолжаю доказывать, какой я лстецъ вамъ. Наканунѣ или за день до послѣдняго отъѣзда своего за границу, г. Тургеневъ провелъ вечеръ у редактора этого журнала. Я былъ тамъ же. Въ то время г. Тургеневъ былъ занятъ мыслию о своемъ послѣднемъ романѣ и, сколько я теперь могу судить, говорилъ въ дуплѣ этого романа; настроеніе его было въ то время грустное, особенно когда бесѣда склонилась на васъ и на вашихъ. Что мнѣ говорилъ я не считаю себя въ правѣ повторять, да и не слышу словъ его, а только для его свидѣтельства привожу я это обстоятельство. Въ тотъ вечеръ г. Тургеневъ слышалъ отъ меня много такія рѣчи, или въ этомъ родѣ: «кто знаетъ г. Чернышевскаго лично и по статьямъ, тотъ знаетъ его лучше меня; я знаю его только по статьямъ; а основываясь на статьяхъ его, я нахожу въ немъ только одинъ порокъ: это литературную наглость, доходящую до публичнаго самопрезрѣнія и соединенную съ пренебреженіемъ къ лицамъ; но, — говорилъ я, — можетъ быть, это порокъ его стили, а не его сердца; притомъ съ этимъ словѣкомъ ужь обходятся очень неуважительно.» Довольно съ вами этихъ фактовъ? Чувствуете вы ихъ значеніе? Но я становлюсь кровожаднымъ и хочу васъ поразить аргументомъ, котораго вы не ожидаете. Когда г. Пятковскій (я имѣю честь встрѣчать себя г. Пятковскаго) передавалъ мнѣ біографическія свѣдѣнія, полученные имъ отъ васъ о покойномъ Добролюбовѣ (бросаю вамъ въ глаза вашъ легкомысленный упрекъ моему невѣжеству

за незнаніе этого достопримѣчательнаго факта: онъ даетъ мнѣ право сказать вамъ еще разъ—клеветника) и когда г. Пятковский высказывалъ мнѣ о своемъ предпріятіи пустить во всеобщее обращеніе эти драгоцѣнныя для Россіи свѣдѣнія, посредствомъ «Книжнаго Вѣстника», то я прямо повелѣ тогда съ г. Пятковскимъ бесѣду въ томъ смыслѣ, что гляжу на его готовность распространить эти свѣдѣнія, какъ на *ярикское исполненіе особаго порученія*. * Г. Пятковский можетъ засвидѣтельствовать вамъ и о томъ, что я въ то же самое время сообщилъ ему, что возмущаюсь вашимъ аукціономъ, вашимъ откупнымъ шабашомъ, устроеннымъ вами на могилѣ вашего друга, вашей спекуляціей на его память, и что я готовлюсь сказать это печатно. А сказала я это именно въ той самой статьѣ, за которую вы упрекаете меня за лезть живому и за поруганіе надъ мертвымъ. Вы, конечно, понимаете, что такое я могъ бы сказать, при этомъ новомъ случаѣ, о вашей сообразительности, руководившей вами въ тотъ моментъ, когда вы писали слѣдующія заключительныя слова въ письмѣ ко мнѣ: «ругаясь надъ мертвымъ, льстите живому! Да впрочемъ, понимали ли вы, что именно это вы дѣлаете?» Но вѣсто всѣхъ полемическихъ выгодъ, представляемыхъ мнѣ вашимъ злосчастнымъ положеніемъ, я пользуюсь только правомъ сказать вамъ сентенцію, что въ человѣкѣ честномъ я извиняю всякую несообразительность, а въ нечестномъ—нападаю не на нее.

О лести, я полагаю, довольно. Но о поруганіи еще два слова... а впрочемъ, нѣтъ,—я и тутъ долженъ войти въ нѣкоторыя подробности. Вы называете поруганіемъ надъ памятью Добролюбова мой—будто бы—пошлый отзывъ о статьяхъ его; вы говорите, что мое отличіе этимъ отзывомъ васъ до того возмутило, что вы на первыхъ порахъ хотѣли просить у меня личнаго свиданія и объясненія; но такъ-какъ я, по вашему, отличился публично, то вы и разсудили показать мнѣ тоже публично, какъ я отличился.— Вы дорого бы дали, чтобы взять назадъ всѣ эти легкомысленныя рѣчи, потому-что въ моей власти показать теперь вамъ, какъ онѣ легкомысленны. Во-первыхъ: отчего вы, г. Чернышевскій, не умѣете мнѣ сказать ни одной фразы, чтобы я былъ

* Я говорю это не въ обиду г. Пятковскому, а въ доказательство того, что я предвидѣлъ—какъ изъ посредства г. Пятковского вы создадите себѣ возможность ссылаться на самого себя и черезъ то само устроите г. Пятковскому положеніе, которымъ онъ не долженъ гордиться.

** Ревизоръ.

обязанъ считать ео честной и неприступной? Слушайте: вы никогда не помышляли просить у меня личнаго свиданія; этого не могло быть потому, что между нами не могло быть никакого объясненія, по-крайней-мѣрѣ я (а вы сами допускаете, что у меня есть фантазія) не могу предположить себѣ никакого другаго объясненія, какъ въ слѣдующемъ родѣ:

Вы (*ко мнѣ*). Вы мнѣ льстите. Какъ вамъ не стыдно?

Я (*къ вамъ съ пожатіемъ плечъ*). Вы больны. Отчего вы не поечитесь?

Вы. Вы ругаетесь надъ мертвецомъ, надъ Добролюбовымъ.

Я. Еслибы это было такъ, развѣ я сталъ бы упрекать васъ въ томъ же самомъ, гораздо прежде васъ?

Далѣ говорить вамъ нечего, а мнѣ есть что: вы сказали бесполезную ложь; вы вовсе не думали просить у меня личнаго свиданія; вы сказали эту ложь для фразы (Боже!), для ресурса, чтобы два раза употребить слово *публично*. Въ личномъ объясненіи вы не могли бы со мною выдержать: выразить мнѣ въ глаза такую complicationъ чувствъ, какъ проникновеніе состраданіемъ къ моему умственному безсилію, соединеннымъ съ отвращеніемъ и смѣшаннымъ и проч., вы бы не посмѣли; а безъ этого у васъ бы ничего не вышло, кромѣ вышесказаннаго; ну, а для печати фразы у васъ ложатся бойко и мысли строятся плавно (какъ лышу-то вамъ!), а главное появиться можно! предаться излітію чувствъ—словомъ, вы убѣждены, что вы искусный полемизаторъ, и вы какъ прочитали статью мою, такъ и порѣшили, что тутъ нужно писать, а не лично объясняться. Правду ли говорю я? Потому я настаиваю—и вы, какъ и всѣ, вробѣгающіе вмѣстѣ съ вами это письмо мое—сознаете всю справедливость моего настоянія: вы оскорбились не за Добролюбова и не моимъ отзывомъ о статьяхъ его; вы оскорбились за себя и моимъ указаніемъ на неприличіе аукціона, который вы устроили изъ своей печали о потерѣ друга. Зачѣмъ же вы толкуете объ этихъ статьяхъ и этомъ поруганіи? Дѣлаете вдругъ два порока: мѣшаете ложь съ риторикой? Теперь, я со всею силою негодованія, со ссылкою на всѣхъ честно-думающихъ и благородно-чувствующихъ людей протестую противъ вашего отзыва о моемъ, будто онъ—поруганіе надъ мертвецомъ! Но я вправѣ, и я даже въ силѣ защитить мой отзывъ и отъ вашей пошлой характеристики, будто онъ пошлый. Я могу защитить его двумя аргументами, изъ которыхъ одинъ будетъ отрицательный, а другой положи-

тельный. 1) Мой отзывъ ни по тону, ни по выраженіямъ, ни по моимъ чувствамъ къ Добролюбову, ни по моимъ мыслямъ о немъ нисколько не похожъ—извиняюсь въ рѣзкости выраженія—на ту недостойную продѣлку, къ которой вы такъ недавно и коллективно, цѣлымъ кружкомъ, приложили руку въ «Искрѣ». Мнѣ неудобно развивать этотъ аргументъ—вы должны понимать это; но вы знаете, какъ объ этой продѣлкѣ думаютъ честные литераторы, напр. хоть тѣ тридцать, о которыхъ было объявлено въ «Русскомъ Мирѣ», и тѣ—не знаю сколько, — съ которыми вы, назадъ тому недѣль пять, обѣдали у г. Некрасова. Наконецъ прислушайтесь къ общественному мнѣнію и потерпите—что скажетъ время. 2) Что назвать мой отзывъ пошлымъ, значитъ, сказать пошлость (а вѣдь дѣйствительно значитъ!)—это доказываетъ уже тѣмъ, что его, болѣе или менѣе, раздѣляетъ бездна порядочныхъ людей, понимающихъ дѣло. Я не имѣю времени испросить позволеніе хоть у полдюжины такихъ людей—передать вамъ то, что я слышалъ отъ нихъ о лицѣ и статьяхъ Добролюбсва. Но вотъ вамъ мнѣніе изъ кружка г. Каткова («Совр. Лѣт.» № 10):

«Бѣдный молодой человѣкъ этотъ Добролюбовъ! Онъ умеръ такъ рано. Нѣсколько статейкъ, написанныхъ имъ въ *Современникѣ*, нѣсколько стиховъ въ *Свисткѣ*, отличаются развязностью и бойкостью. Въ нѣкоторыхъ замѣтно дарованіе, а иногда и искренность чувства, которая подавала надежду, что современемъ, ставъ позрѣлѣе, онъ понялъ бы, что такое его друзья и что за атмосфера, въ которой онъ жилъ. Увы! и послѣ смерти служить онъ предметомъ эксплуатаціи для своихъ друзей. Мертваго человѣка они поставили на ходули, одѣли въ маскарадный костюмъ вожака русской литературы, заставили его умереть отъ особаго вида чахотки, еще вснѣзвѣстной въ медицинѣ, отъ гражданской скорби, и приглашаютъ Россію пилигримствовать на его могилу...»

И такъ далѣе, и чѣмъ далѣе, тѣмъ для васъ стыднѣе, г. Чернышевскій. И еслибы я захотѣлъ сдѣлать анализъ этимъ немногимъ строкамъ, я могъ бы усугубить, я могъ бы утроить вашъ стыдъ, руководясь одними толькоображеніями, на которыя навела меня ваша нечестная противъ меня выходка.

Или вы, можетъ быть, кружокъ г. Каткова не причислите къ числу порядочныхъ? И не отправится ли мнѣ, въ самомъ дѣлѣ, по вашему совѣту, въ кружокъ «Огчественныхъ Записокъ?» Но и тутъ я могу сказать вамъ одно и то же: неосторожны вы, слишкомъ неосторожны вы, г. Чернышевскій; напрасно вы забываете, что вы говорите со мной при всемъ народѣ, и безразсудно вы поступаете, что избираете вѣшалкой для своего чело-

гическаго достоинства кончикъ моего пера, въ эту минуту къ вамъ недружелюбнаго: незачѣмъ вамъ отсылать меня въ кружокъ «Отечественныхъ Записокъ»; я знаю, что это люди честные и ищія у нихъ хорошія. А вы? Какого свойства и достоинства было ваше мнѣніе объ этихъ людяхъ, когда, назадь тому пять-шесть мѣсяцевъ, вы съ такимъ нечеловѣческимъ неприличіемъ публично сказали г. Альбертини, что онъ живетъ и дѣйствуетъ въ непорядочномъ кружку? Или этотъ кружокъ съ-тѣхъ-поръ исправился? Или вы сознали свое тогдашнее безразсудство? Или тогда вамъ нужно было говорить такъ, а теперь этакъ? Такъ вамъ ли говорить о порядочныхъ кружкахъ! Я знаю вашъ кружокъ; я пока говорю только, что я знаю его.

Вотъ я впадаю въ вашъ тонъ, г. Чернышевскій, начинаю генеральствовать *. Мнѣ это противно, мнѣ это невыразимо-противно, и однако не такъ, чтобы слѣдующій фактъ, близко до васъ относящійся, мнѣ не казался еще противнѣе.

Въ январской книжкѣ «Современника», въ «Свисткѣ», въ отдѣлѣ *Открытій*, вы, или кто изъ вашихъ, выписали у г. Альбертини слѣдующее, дѣйствительно-честное, мнѣніе, которое вамъ нужно было назвать, для достиженія юмористическихъ цѣлей, предвосхищенною у васъ мыслью:

«Письмо изъ Турина, напечатанное въ № 3 «Совр.» 1861 г., проникнуто ненавистью къ національной независимости и пропитано гнуснымъ обскурантизмомъ, унижающимся до омерзительной клеветы.»

Эти немного словъ людямъ незнающимъ не сказали ничего, а знающимъ они напомнили ту несчастную статью покойнаго Добролюбова, въ которой онъ, между прочими диковинками, имѣлъ неосторожность серьезно разсказывать, на основаніи трагическихъ и уличныхъ сплетенъ Турина, въ самую смутную

* По вашимъ теперешнимъ отношеніямъ къ «Искрѣ» (кстати: что вы думаете объ «Искрѣ»? Скажите публично: это очень любопытно), по вашимъ теперешнимъ отношеніямъ къ «Искрѣ» вы изъ этого момента моего душевнаго настроенія, — какъ т. е. я передъ вами генеральствую, — можете заказать мнѣ самое уморительное положеніе: да устыжусь! — Покажите на мнѣ примѣръ, г. Чернышевскій, вамъ это нужно: не то и настоящие-то лъстецы ваши вообразятъ, пожалуй, что и въ нихъ-дескать есть человѣческое достоинство. Въ грязь его это достоинство-то, въ «Искру»! Еще кстати: — отчего вы не сказали мнѣ въ письмѣ вашемъ, какъ нѣкогда сказали вы человѣку кружка *От. Записокъ*, что я заранѣе трепеталъ вашего заслуженнаго сарказма и шатался, какъ тѣнь, по квартирамъ моихъ знакомыхъ? Не оттого ли, что такіа порядочности вы позволяете себѣ только съ людьми порядочныхъ кружковъ? Признайтесь публично.

минуту политической жизни этого города, то есть, когда уличные и трактирные сплетни бывают особенно грязны,—разсказывать о взяточнических продѣлкахъ Кавура, или—какъ это называть? Кавуръ участвуетъ въ долѣ въ одной фабриктъ приготовленія фосфора и налагаетъ высокую пошлину на ввозъ этого металлоида; или: Кавуръ барышничаетъ мукою въ голодные годы и проч. И вы, г. Чернышевскій, вы, который не уберегся пробудить такое воспоминаніе о вашемъ другѣ, а можетъ быть и сами вызвали это бесполезное воспоминаніе, вы, который хотите показать, что такъ высоко цѣните статьи своего друга, какъ эстетическаго критика, а между тѣмъ столь неосторожно заставляете вспоминать о немъ столь неэстетическія вещи, и вы будете утверждать еще, будто не вы истинный и настоящій поругатель его памяти? Пробуди такое воспоминаніе о вашемъ другѣ я, или всякій другой посторонній человѣкъ—меня и всякаго другого посторонняго человѣка могла бы упрекнуть за это, дѣйствительно, одна только клеветливая злонамѣренность или непроходимая глупость, потому-что во мнѣ всякое воздержаніе отъ правды о мертвецѣ, извѣстномъ мнѣ по одному только своему званію публичнаго человѣка, было бы не болѣе, какъ рутинною и предразсудкомъ; но вамъ самимъ, безъ всякой для себя пользы, для достиженія юмористическихъ цѣлей, вызывать такую память о вашемъ мертвомъ другѣ? Да точно ли онъ былъ другъ вашъ? Или вамъ по временамъ бываетъ противна ваша роль докшика, что онъ былъ Регулъ?

Но еслибы съ вами случались такія времена—какъ бы они притомъ ни были скоропреходящи—это дѣлало бы вамъ честь это показывало бы, что вы способны хоть къ минутной искренности. Я не смѣю приписать вамъ и этой чести, потому-что произвожу мою операцію надъ вами публично. Еслибы вы успѣли доказать мнѣ хоть искренность вашего отвращенія ко мнѣ, соединеннаго и смѣшаннаго со всякаго рода мерзостью, къ вамъ только вы способны, въ моихъ глазахъ вамъ и это дѣлало бы честь—(и я увѣряю васъ въ этомъ всей искренностью, къ какой только способенъ человѣкъ, никогда намѣренно не соглашавшій никогда!)—потому-что это доказывало бы мнѣ, что я пристыдилъ васъ и что въ васъ есть способность къ стыду,—противоестественная, соединенная съ отвращеніемъ и со всевозможнымъ мерзкими чувствами къ человѣку, говорящему вамъ правду, и все-таки—*способность къ стыду*. Я столько несчастливъ, что и

могу вамъ сдѣлать даже и этой чести. Я и въ мерзости вашихъ чувствъ, изъясняемыхъ вами ко мнѣ, вижу простой для васъ случай—отличиться изысканностью стилия, показать свою силу полемизатора. Сможете ли вы отвергать это, когда я говорю вамъ это при всѣхъ? И когда это говорю именно я, назвавшій васъ преемникомъ Бѣлинскаго и вообще заподозрѣнный въ доброжелательномъ пристрастіи къ вамъ?

Я кончилъ, и мнѣ остается выразить вамъ «чувства пишущаго къ получающему письмо». — Г. Чернышевскій! на этотъ разъ я не имѣю къ вамъ другого чувства, кромѣ благодарности, которую настойчиво прошу васъ не считать чертою полемическихъ красоть: говорю вамъ, что я презираю эти красоты, какъ скоро цѣль ихъ состоитъ въ упоеніи совершенствами стилистики и грубіанствомъ своему ближнему. Я благодарю васъ искренно. И я скажу вамъ за что. — Вы были для меня вопросомъ, вы были для меня страннымъ и вмѣстѣ курьезнымъ вопросомъ (доказательство моего умственного безоція). Вы это замѣтили, — для меня не существуетъ сомнѣнія, что вы это замѣтили (доказательство вашей пронизательности), — и захотѣли сами помочь мнѣ въ разрѣшеніи васъ, какъ вопроса. Цѣль у васъ была дурная: вы хотѣли создать мнѣ глупѣйшее положеніе отвергаемаго вами вашего хвалителя. Вы, конечно, не рассчитали при этомъ, что нѣтъ и не можетъ быть положенія, выходя изъ котораго былъ бы труденъ для прямодушнаго человѣка,* — потому, на этотъ разъ, я извиняю вамъ и эту цѣль, — и хоть я не могу не сознавать, какъ мало она способна приносить честь вашему сердцу, сердцу друга Катона или Регула, и какъ много, напротивъ, она напоминаетъ худшія качества той антипатической твари, приравненіемъ къ которой, вы полагаете, можно тщеславиться, хотя бы это приравненіе было сдѣлано устами человѣка, извѣстнаго своимъ отвращеніемъ ко всему мерзкому въ природѣ и человѣкѣ, — но я все-таки извиняю вамъ и эту скверную цѣль и обращаю вниманіе на одни только дѣйствительныя

* Вы полагаете, что затрудненія могутъ не существовать только для отваги и искусной стилистики, по крайней-мѣрѣ эту мысль выражали вы въ «полемическихъ красотахъ», обращаясь — не помню къ кому: «вамъ ли полемизировать?» или «мнѣ все равно!» и проч. Скажите публично, что вы этого не говорили.

послѣдствіа вашего письма ко мнѣ. И за нихъ-то я и благодарю васъ.

ЗАРНИЦЪ.

Р. С. - Уполномочиваю васъ каждую здѣсь фразу приписать моей необдуманности; но уполномочиваю также и считать каждое слово *обдуманнымъ*, смотря потому, какъ вамъ будетъ удобнѣе для достиженія полемическихъ цѣлей, и прошу васъ только не сомнѣваться въ искренности ни моихъ чувствъ, ни моихъ мыслей.

СОВРЕМЕННЫЯ ПОМИНКИ ПО ДРУЗЬЯМЪ.

(МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ ФИЗИОЛОГІИ).

(Некрологъ Н. А. Добролюбова.— Редакція заявляетъ свое похвальное участіе къ судьбѣ покойнаго.— О славѣ Добролюбова, какъ главы русской литературы и подписка на памятникъ ему.— Панаевъ возвышаетъ Добролюбова насчетъ Вѣлинскаго. — «Пылкій публицистъ» — Сметня объ отзывѣ таинственныхъ незнакомцевъ о душѣ Добролюбова.— Г. Некрасовъ увѣрнетъ, что Добролюбовъ былъ доктринеръ.— «Да устыдятся!» г. Некрасова.— вторая выходка противъ таинственныхъ незнакомцевъ.— Аттестатъ Добролюбову въ умѣ, выданный г. Чернышевскимъ.— Аттестатъ покойному въ чистотѣ, безстрашіи и самоотверженіи, выданный г. Некрасовымъ.— Еще одно завѣреніе г. Некрасова къ педантизмѣ Добролюбова.— Матеріалы для біографіи Добролюбова.— Г. Чернышевскій — о силѣ воли покойнаго. — Руганія г. Чернышевскаго противъ тѣхъ же таинственныхъ незнакомцевъ.— Литературный вѣчеръ 2 марта и эіаско г. Чернышевскаго въ реформѣ нравовъ.— Разсказъ Чернышевскаго о величіи ума, воли и сердца покойнаго.— Общее заключеніе).

Въ ноябрѣ прошлаго года скончался одинъ изъ сотрудниковъ «Современника» Н. А. Добролюбовъ.

Почтенная редакція этого журнала устроила публичныя поминки по своему умершемъ сотрудникѣ, далеко оставляющія за собою все глубокомысліе самыхъ ярыхъ фельетонныхъ статей, всю непроходимую пошлость общей, поголовной брани и всю наглость г. Чернышевскаго, дошедшаго до объявленій о томъ, будто какой-то писатель-ребенокъ живетъ чуть ли не въ обществѣ плутовъ.

Мы представляемъ здѣсь въ лѣтописномъ порядкѣ весь процессъ этой печальной тризны, только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вставляя небольшія замѣчанія, а въ большинствѣ случаевъ оставляя

самому читателю рѣшить: точно ли это печаль или эксплуатация удобнаго случая къ самопрославленію, или, наконецъ, просто поруганіе надъ памятью друга и человѣка?

Первымъ камнемъ, брошеннымъ редакціею «Современника» въ память покойнаго, былъ некрологъ его.

Въ этомъ некрологѣ, напечатанномъ въ XI № «Современника» представляются однѣ только мертвыя черты изъ жизни покойнаго, за исключеніемъ любви его къ матери. Редакція распространяется очень много о денежныхъ дѣлахъ своего друга, на которомъ легли долги, сдѣланные отцомъ его для покупки дома; объ общественной дѣятельности Добролюбова не говоритъ она ничего, кромѣ заявленія о томъ, что его убивалъ не трудъ, а гражданская скорбь.

За то въ этомъ же самомъ некрологѣ почтенная редакція «Современника» вполне успѣла выставить себя въ самомъ лучшемъ свѣтѣ. Редакція сообщаетъ намъ, что въ 1856 году, когда Добролюбовъ былъ еще въ педагогическомъ институтѣ студентомъ самое невинное участіе его въ журналѣ, помѣстившемъ «убійственную рецензію» покойнаго на «Актъ главнаго педагогическаго института» было бы опасно для автора; *потому мы, продолжаетъ редакція, просили Николая Александровича отложить до окончанія курса сотрудничество въ Современникъ*, какъ тяжело было для насъ на цѣлый годъ лишать себя помощника такого товарища. «Узнавъ, что источникомъ молчанія Добролюбова съ сентября 1856 г. по июль 1857 г. была просьба редакція, мы видимъ и далѣе заявленіе такого же похвальнаго участія къ судьбѣ Добролюбова и почти такого же безпримѣрнаго самоотверженія редакторовъ.

«Добролюбовъ—говорятъ они—работалъ чрезвычайно много, не какими-нибудь внѣшними побужденіямъ, а по непреодолимой страсти къ дѣятельности. Едва ли прошло полгода времени между темъ порою, когда онъ сталъ нашимъ товарищемъ и тѣмъ временемъ когда мы замѣтили, что его надобно удерживать отъ работы. С начала 1858 г. не проходило ни одного мѣсяца безъ того, чтобы *несколько разъ мы не убѣждали его работать меньше, беречь себя*

Нельзя не согласиться, что здѣсь участіе и самоотверженіе редакція, замѣчательны необыкновенною настойчивостью,—каждый мѣсяць и по нѣскольку разъ. Наконецъ мы узнаемъ еще инициатива поѣздки Добролюбова за границу принадлежитъ такъ редакція.

«Видя, что онъ не можетъ дать себѣ отдыха на родинѣ и душа его жаждала ищущаго поможенья ему, мы съ января 1858—1859 г. стали

ли убѣждать его ѣхать за границу. Онъ не хотѣлъ. Но слѣдующею зимою онъ былъ уже очень хилъ. Почти насильно мы заставили его ѣхать за границу весною 1860 года. Черезъ два-три мѣсяца онъ хотѣлъ уже возвратиться. Онъ никогда не хотѣлъ вѣрить, что его здоровье очень слабо; изнеможение свое онъ приписывалъ многолетнимъ причинамъ, вліяніе которыхъ пройдетъ само собою. Съ трудомъ успѣли мы убѣдить его остаться на зиму за границей. Онъ нетерпѣливо стремился въ Россію работать...

Такъ-то, при сообщеніи публикѣ первыхъ свѣдѣній о жизни Добролюбова, редакция «Современника» распространилась о своемъ похвальномъ участіи къ его судьбѣ. Во всякомъ случаѣ, мы ясно видимъ теперь, что между Добролюбовымъ и редакторами были превосходныя и очень близкія отношенія. Полагаемъ, что при такихъ отношеніяхъ автору некролога должна быть очень хорошо извѣстна жизнь покойнаго критика. Неужели же въ этой жизни авторъ не нашолъ для первыхъ извѣстій публикѣ что-нибудь поинтереснѣе прекрасной рекомендаціи для редакторовъ «Современника»? Признаемся, что заявленіе похвальныхъ поступковъ редакціи по-меньшей-мѣрѣ мало интересно. Но похвала редакціи имѣетъ еще другую сторону: она высказывается въ некрологѣ, т. е. почти что на могилѣ друга. Положимъ, что редакторы глубоко любили Добролюбова, оберегали его своими просьбами отъ начальства; отъ разстройства здоровья и пр., но намъ кажется, что въ заявленіи любви къ усопшему было бы приличнѣе воздержаться отъ всякихъ панегириковъ, имѣющихъ слишкомъ мало отношенія къ его похвальнымъ свойствамъ.

Но не отвѣщаясь относительно самой себя и доходя до смѣлой идеи — одѣлать изъ части некролога Добролюбова листокъ собственнаго панегирика, редакция не советамъ забываетъ и своего друга, по всей справедливости опредѣляя мѣсто его въ исторіи литературы и выдавая ему какой-то невѣроятный аттестатъ. Въ некрологѣ Добролюбова вдругъ, какъ съ неба, падаютъ слѣдующія слова:

Уже четыре года Добролюбовъ стоялъ во главѣ русской литературы. Для своей славы онъ сдѣлалъ довольно. Для себя ему незачѣмъ было жить дольше. Людямъ такого закала и такія стремленія жизнь не дастъ ничего, кромѣ жгучей смерти.

Далѣе мы узнали, что Добролюбовъ погребенъ рядомъ съ Бѣлинскимъ и что почитатели памяти этихъ честныхъ гражданъ задумали поставить памятникъ имъ обоимъ вмѣстѣ. Въ скоромъ

времени въ газетахъ было напечатано о приѣмѣ денегъ на памятникъ у гг. Чернышевскаго и Некрасова. Наконецъ, на литературномъ чтеніи въ пользу бѣдныхъ студентовъ, г. Некрасовъ вновь приглашалъ публику къ пожертвованіямъ на памятникъ, общій Добролюбову и Бѣлинскому.

Въ той же XI книжкѣ «Современника» покойный Панаевъ послѣдшилъ возвеличить Добролюбова даже насчетъ Бѣлинскаго:

«Нисколько не уступая Бѣлинскому въ литературномъ талантѣ, Добролюбовъ уже имѣлъ преимущество предъ нимъ въ томъ, что получилъ основаніе несравненно болѣе прочное и твердое; онъ съ перваго шага сталъ на прямой путь, вполне сознавая, куда онъ ведетъ, и пошелъ по немъ ровнымъ и твердымъ шагомъ, не уклоняясь въ стороны, не увлекаясь, не впадая въ юношескій пафосъ, не подчиняясь и не кланяясь литературнымъ авторитетамъ и не дѣлая имъ ни малѣйшихъ уступокъ.»

«А Бѣлинскій (говоритъ Панаевъ) выступилъ на литературное поприще болѣе смѣлымъ и рьянымъ, чѣмъ приготовленнымъ къ дѣлу бойцомъ. Энергическій, талантливый, пылкій, увлекающійся, лутающійся въ философскихъ теоріяхъ, которыя передавались ему его друзьями, онъ долго боролся съ собою: то съ ожесточеніемъ разбивалъ авторитеты, то съ торжественностію возносилъ ихъ до небесъ и пѣлъ имъ гимны. Онъ мучительно отыскивалъ истину, терзался отъ своихъ противорѣчій безпрестанно увлекался, сбивался съ пути и приходилъ въ отчаяніе.»

Изъ словъ покойнаго Панаева выходитъ, что Бѣлинскій былъ какаа-то слабенькая, мизерная личность, вѣчно путающаяся, увлекающаяся во всѣ свороны, вѣчно сбивающаяся съ пути...

Не говоря пока о другихъ достоинствахъ подобнаго заявленія, прежде всего невозможно не подивиться безподобной наивности редакціи. Съ какимъ младенческимъ простодушіемъ, произноситъ она эти простодушныя слова о своемъ главенствѣ въ русской литературѣ и о стяжаніи черезъ это славы! Въ виду такой дѣтской простоты, право, не знаешь какъ начать рѣчь—вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, ошеломляющее впечатлѣніе!

Но позвольте спросить васъ, почтенные редакторы: неужели вы такъ-таки вовсе не видите полной зависимости всѣхъ мнѣйшій стремленій Добролюбова отъ мнѣйшій и стремленій, напр., одного изъ васъ, г. Чернышевскаго? и неужели вы не замѣчаете, что это обстоятельство имѣетъ всѣ условія, чтобы внушить вамъ болѣе скромныя мысли объ умственныхъ подвигахъ вашего друга.

Покрайней мѣрѣ тождественность стремленій и убѣжденій Добролюбова и г. Чернышевскаго понятнѣе достойна удивленія. Начиная

съ основныхъ понятій обоихъ писателей о тайнахъ бытія и кончая самыми мелкими подробностями, пустыми выходками, шалостями съ г. Горловымъ, мы видимъ, что эти дѣятели проповѣдывали одно и то же и что разница между ними состоитъ только въ степени энергіи и смѣлости. Г. Чернышевскій, какъ извѣстно, проповѣдывалъ о томъ, что въ основаніи всѣхъ человѣческихъ дѣйствій лежитъ эгоизмъ. Добролюбовъ говоритъ буквально то же самое. Для любопытныхъ укажемъ на стр. 151 статьи «О русской цивилизаціи», сочиненной г. Жеребцовымъ (см. «Современн.» 1858 г. № 10).

Читатель увидитъ изъ этой страницы, что Добролюбовъ и Чернышевскій совпадали не только въ основныхъ убѣжденіяхъ, но въ мелочныхъ приемахъ высказыванія ихъ, въ способѣ изложенія и въ тонѣ статей. Безчисленными выписками мы могли бы такъ же доказать буквальную тождественность эстетическихъ воззрѣній обоихъ писателей. Здѣсь опять надобно заимѣть, что г. Чернышевскій высказалъ свои воззрѣнія прежде Добролюбова и съ несравненно-большою силою. Чтобы оцѣнить здѣсь счастливое совпаденіе убѣжденій, нужно прочесть слово Добролюбова «О Венерѣ Милосской» въ статьѣ: «Свѣтлый лучъ въ темномъ царствѣ» и вспомнить магистерскую диссертацию г. Чернышевскаго. Мы рѣдко видѣли, чтобы убѣжденія двухъ людей были до того одинаковы не только въ существѣ ихъ, но въ ихъ развитіи, въ изложеніи, въ самыхъ мелочныхъ подробностяхъ. Въ гражданскихъ понятіяхъ обоихъ писателей мы видимъ то же трогательное совпаденіе. Въ этомъ случаѣ исторія Кавура въ «Современникѣ» крайне поучительна, и трудно рѣшить, кто тутъ болѣе отличился. Въ экономическихъ воззрѣніяхъ, поскольку они высказались у обоихъ писателей, тождественность доходитъ до того, что трудно отличить слова одного отъ словъ другого. Здѣсь совпаденіе проявлялось въ подробностяхъ до смѣшного, до совершенной одинаковости ошибокъ и промаховъ. Напр., г. Чернышевскій и Добролюбовъ оба прочли книгу Горлова до одной и той же страницы и оба вообразили, что не встрѣченное или до этой страницы не можетъ находиться на послѣдующихъ. Что касается до «Свистка», то онъ повторялъ то, что находилось въ статьяхъ Чернышевскаго; только г. Чернышевскій выражался обыкновенно съ болѣею энергіей; для примѣра—просимъ вспомнить отзывъ его о г. Погодинѣ. Повторяемъ, что мы могли бы представить тысячи доказательствъ полной тождественности по

только всѣхъ убѣжденій и стремленій Добролюбова и Чернышевскаго, но и совпаденіе ихъ въ способѣ выраженій, въ слоги, въ изложенія, въ мелочныхъ выходкахъ и пустыхъ шалостяхъ. Легко также доказать, что во многомъ проповѣдь г. Чернышевскаго была несравненно энергичнѣе. Конечно, была между этими сотрудниками одного и того же журнала и нѣкоторая разница: Добролюбовъ говорилъ, напр., что Некрасовъ одаренъ такимъ талантомъ, что долженъ былъ бы сдѣлаться великимъ поэтомъ, преемникомъ Лермонтова, но обстоятельства помѣшали. Г. Чернышевскій не говорилъ этого; но за то очень вѣроятно, что его мнѣніе объ этомъ не должно расходиться съ сужденіемъ и стремленіемъ его покойнаго друга. Есть также разница въ отзывкахъ о Гизо; но и тутъ все дѣло въ тонѣ, въ степени энергіи. Добролюбовъ обращался съ Гизо очень почитательно, а г. Чернышевскій * извѣстно какъ, — онъ былъ послѣдовательнѣе!

Въ подобныхъ обстоятельствахъ провозглашеніе редакціей «Современника» славы и безсмертія Добролюбова приобретаетъ уже слишкомъ тяжкое значеніе.

Нельзя также сказать, чтобы Чернышевскій и Добролюбовъ дѣйствовали, хотя буквально одинаковымъ способомъ, но на совершенно разныхъ поприщахъ. Извѣстно, что г. Чернышевскій болѣе погружался въ чуждую темную науку, а Добролюбовъ болѣе разбиралъ бельетристическія произведенія, но внимательный глазъ тотчасъ усмотритъ, что статьи «Свистка» выражаютъ стремленія и убѣжденія одинаковыя съ научными статьями «Современника» и имѣютъ съ ними много общаго не только по предмету, но и въ самыхъ мелочныхъ приемахъ. Уже давно замѣчено, что «Современникъ» не такъ переплетается и что нѣкоторыя статьи «Свистка» попадають въ передовой отдѣлъ и наоборотъ, т. е. что, собственно говоря, въ отдѣлахъ журнала нѣтъ различія ни въ чемъ. Впрочемъ, Добролюбовъ часто выходилъ прямо на поприще г. Чернышевскаго, напр. въ статьяхъ объ Оуэнѣ, Жеребцовѣ, Устряловѣ и пр., а г. Чернышевскій не разъ высказывалъ свой взглядъ на бельетристическія произведенія, даже въ самыхъ серьезныхъ изслѣдованіяхъ. Внимательный взглядъ тотчасъ замѣтитъ, что самыя поприща обоихъ писателей часто совпадали.

Невѣроятно, чтобы люди, до того тождественные во всѣхъ своихъ симпатіяхъ и антипатіяхъ, во всѣхъ стремленіяхъ, во всѣхъ

* «Совр.» № 10, 1858 года.

примать, не замѣчая такого взаимнаго совпаденія! Мы даже думаемъ, что г. Чернышевскій не могъ не замѣтить, что въ самыхъ убѣжденіяхъ, какъ философскихъ, эстетическихъ, экономическихъ и пр., Добролюбовъ былъ его ученикомъ и часто рабскимъ подражателемъ. Г. Чернышевскій не могъ не видѣть также то его познанія во многихъ отношеніяхъ обширнѣе познаній Добролюбова. Что же касается до проповѣди гражданскаго долга, до вызыванія дѣла вмѣсто словъ, тутъ бывалъ впередъ то одинъ, то другой. Оба эти писатели смѣялись, напр., надъ проведеніемъ въ сознаніе общества юридическихъ понятій, надъ судебной реформой и потому оба перемѣнили мнѣніе свое. Кто былъ тутъ первымъ — мы не знаемъ. Во всякомъ случаѣ г. Чернышевскій не дѣлалъ такихъ ошибокъ, какъ Добролюбовъ, который, при всей своей жадѣ дѣла, увѣрялъ насъ, въ «Мелочахъ Литературы», будто инициатива множества явленій и преобразованій до послѣднато времени принадлежит не обществу, не литературѣ, а бюрократіи. Теперь г. Чичеринъ говоритъ то же самое въ своихъ «Охранительныхъ началахъ». Но возвратимся къ Панаеву и его достойному панегирику.

Въ своей статейкѣ по поводу похоронъ Н. А. Добролюбова, не успѣвъ сообщить ничего интереснаго о жизни покойнаго, теперь уже и самъ покойный Иванъ Ивановичъ посмѣшилъ, однакоже, извѣстить публику о томъ, что нѣкоторые авторитетные люди, изъ числа друзей Бѣлинскаго и притомъ «долго не бывавшіе на могилахъ послѣдняго» называли Добролюбова сухимъ человѣкомъ. Съ свойственнымъ ему искусствомъ, Панаевъ отдалъ какъ слѣдуетъ такихъ господъ; но почему же онъ не вспомнилъ о Добролюбовѣ чего-то нибудь подостойнѣе малолѣтнаго мнѣнія о немъ нѣкоторыхъ людей? Во всякомъ случаѣ Панаевъ догадался указать таинственному незнакомцу на произведенія Добролюбова, приглашалъ прочесть ихъ и убѣдиться въ душевной теплотѣ покойнаго. Такимъ образомъ честь первой непристойности противъ людей, думающихъ о Добролюбовѣ посвоему, а не такъ какъ бы хотѣлось друзьямъ его, принадлежитъ, по всей справедливости, Панаеву. Мы очень хорошо понимаемъ, какой содомъ можетъ быть поднятъ изъ за нашего правдиваго отзыва о мѣрѣ участія покойнаго Панаева въ прозвѣненіи кружка своего по случаю смерти своего друга; но мы также очень хорошо понимаемъ и то, сколько, ажи анимѣрія и небросовѣстности будетъ въ этомъ содомѣ, и окончатель-

но утѣшаемъ себя тою мыслию, что циническая правда все же неизмѣримо выше всякой изукрашенной лжи. А въ настоящемъ случаѣ мы полагаемъ даже, что нашъ отзывъ не лишонъ и полезныхъ выводовъ для людей, которые живутъ и продолжаютъ лгать и лицедрить.

Слѣдующимъ истолкователемъ правъ Добролюбова на безсмертіе явился г. Некрасовъ. На одномъ изъ литературныхъ чтеній въ пользу бѣдныхъ студентовъ, г. Некрасовъ прочелъ стихотворенія покойнаго, вмѣстѣ съ своимъ предисловіемъ къ нимъ. Теперь стихи Добролюбова и предисловіе г. Некрасова напечатаны въ 1 № «Современника». Слѣдуетъ отдать справедливость г. Некрасову, онъ далеко оставляетъ за собою всѣ прежнія выходки журнала. О заслугахъ Добролюбова, о его общественной дѣятельности опять не говорится ни слова, а рѣчь идетъ о величій характера Добролюбова. Въ чемъ же заключалось оно?

«Добролюбовъ—говоритъ г. Некрасовъ—сознательно берегъ себя для дѣла; онъ, какъ говорится въ одномъ изъ его стихотвореній: «не связалъ судьбы своей ни единымъ пристрастіемъ» устоялъ «передъ соблазнамъ жизни» и остался «полнымъ господиномъ своего сердца»,—все для того, чтобы ничто не мѣшало ему служить своему призванію, нести себя всецѣло на жертву долга, какъ онъ понималъ его. Вотъ изъ какого свѣтлаго источника вытекала дѣятельность Добролюбова, вотъ почему онъ такъ спѣшилъ работать, такъ много успѣлъ сдѣлать. *Ничто этой дѣятельности не существовало для него, ничто не должно было существовать, по его убѣжденію.* Мы нашли у него недоконченное стихотвореніе, гдѣ замѣчательны слѣдующія строки.

...«Для блага общаго назначеный служить.

Я чувствую лишь сердцемъ гражданина,

Истинны юные я долженъ подавить!...

Покорно просимъ читателя нѣсколько вникнуть въ эти слова.

1) Для Добролюбова ничто не существовало внѣ гражданской дѣятельности; онъ чувствовалъ только сердцемъ гражданина, подавивъ въ себѣ юные инстинкты. Короче сказать, все, что называется личною жизнью, не существовало для Добролюбова; онъ всецѣло неслъ себя на жертву долга.

2) Мало того: по убѣжденію покойнаго личная жизнь не должна была существовать для него.

3) Накопецъ въ отверженіи личной жизни г. Некрасовъ видитъ самый свѣтлый источникъ дѣятельности Добролюбова.

Таковы увѣренія г. Некрасова, нисколько не подозрѣвающа-

го, что приносить хулу на своего друга, которую къ счастью, можно смягчить, если не опровергнуть, даже постороннему для Добролюбова человѣку, при первомъ нѣсколько внимательномъ взглядѣ на дѣло.

Замкнутость Добролюбова въ заколдованный кругъ гражданской дѣятельности, «виѣ которой ничто не существовало для него» оказывается, какъ бы сказать это, бессознательнымъ творчествомъ г. Некрасова.

Стихотворенія Добролюбова представляютъ первую защиту нашего мнѣнія. Несмотря на то, что во многихъ изъ нихъ достаточно замѣтна реторика, нѣкоторые стихотворенія кажутся много искренними. Посмотримъ же, какъ относился къ жизни вноша, мертвый ко всему, что было виѣ его дѣятельности гражданской.

Добролюбовъ пишетъ въ Италиі:

«Страдаю я и здѣсь, чего же мнѣ искать
Въ моей нерадостной, неласковой отчизнѣ?
Тамъ нѣтъ моей любви, давно въ могилѣ мать,
Никто тамъ обо мнѣ съ любовью не вздыхаетъ,
Никто не ждетъ меня съ надеждой и тоской;
Никто, какъ ворочусь, меня не приласкаетъ
И не къ кому на грудь усталой головой
Склониться мнѣ въ слезахъ отраднаго свиданья.»

Если вѣрить словамъ г. Некрасова, эти стихи надобно счесть за реторику. Если повѣрить стихамъ Добролюбова, необходимо признать слова Некрасова за неправду.

Наконецъ, на смертной постели, когда впаденіе въ фальшь должно бы обдавать просто ужасомъ, если-бы оно случилось, Добролюбовъ говоритъ въ своемъ едва ли не послѣднемъ стихотвореніи:

Пускай умру,—печали мало.
Одно страшитъ мой умъ больной,
Чтобы и смерть не разыграла
Обидной шутки надо мной:
Воюю, чтобъ надъ холоднымъ трупомъ
Не пролилось горячихъ слезъ,
Чтобъ кто-нибудь въ усердыи глумомъ
На гробъ цвѣтовъ мнѣ не принесъ,
Чтобъ безкорыстною толпою
За нимъ не шли мои друзья,
Чтобъ подъ могильною землею
Не сталъ любви предметомъ я,
Чтобъ все, чего желалъ такъ жадно
И такъ напрасно я, живей,

На улыбнулось мнѣ отрадно
Надъ гробовой моею доской.

Изъ этого трогательнаго стихотворенія, кажется, ясно, что Добролюбовъ желалъ не одной только гражданской дѣятельности и вовсе не думалъ заключаться въ какой-то заколдованный кружокъ. Кстати, возвращаясь изъ Одессы по роднымъ своимъ полямъ, Добролюбовъ въ стихотвореніи № 24 клянетъ какой-то заколдованный кругъ, вездѣ преслѣдовавшій его, какъ грозная туча. Вотъ оно:

Необозримой ровной степью
Поспѣшно я держу свой путь.
Зачѣмъ? Чтобъ вновь короткой цѣпью
Тамъ въ тѣсный кругъ себя замкнуть!
Кругъ заколдованный! За мною
Онъ всюду слѣдовалъ, какъ тѣнь,
Въ Парижъ, блестящій суетою,
И въ тишь швейцарскихъ деревень,
Въ уѣздный русскій городъ Ниццу,
По итальянскимъ берегамъ,
И въ мусульманскую столицу,
И по роднымъ моимъ полямъ.
На кораблѣ, средь океана
Онъ отъ меня не отставалъ
И въ высяхъ горнаго тумана
Меня собою оцѣплялъ.

Ясно, что покойный критикъ, какъ и значительное большинство русскихъ, страдалъ духотою одиночества, бѣдностью и пошлостью личной жизни, и въ этомъ его право на наше сочувствіе къ нему, какъ человѣку. Добролюбовъ, кажется, страдалъ долго и жестоко; умирая, онъ вспомнилъ всю непривѣтливость жизни—какое же тутъ отверженіе личной жизни? Но г. Некрасовъ отнимаетъ у Добролюбова и любовь, и дружбу, и всю личную жизнь, и даетъ ему, взамѣнъ этого, безсмертіе! Истинно добрый человѣкъ г. Некрасовъ.

Изъ матеріаловъ для біографіи мы видимъ, что Добролюбовъ какъ и всѣ смертные, влюблялся, дружилъ, расходился, увлекался актрисами и т. п.

Съ крайнимъ удивленіемъ увидѣли мы, что г. Некрасова удивляетъ, еще г. Чернышевскій. Послѣдній увѣряетъ насъ, что стремленія Добролюбова выросли прямо изъ его жизни: «его статьи были эпилогомъ къ біографическимъ и автобіографическимъ рассказамъ; когда онъ писалъ, предъ его мыслью неот-

ступно стояли конкретные факты дѣйствительной жизни, стояли фигуры людей, съ которыми онъ сроднился въ жизни, скорбь которыхъ онъ прочувствовалъ». Г. Чернышевскій поясняетъ намъ, что лучшая статья Добролюбова «Темное царство» имѣла отчасти поводомъ обстоятельства изъ личной жизни автора. Спрашивается теперь: какъ же человекъ, заимствующій свою силу преимущественно изъ жизни, а не изъ теоріи, могъ думать объ отверженіи жизни?

По мнѣнію г. Некрасова выходитъ, будто люди назначенные служить для блага родины, должны сдавливать свои юные инстинкты, т. е. говоря проще, для гражданскаго дѣятеля необходимо своего рода монашество.

Но почему же это? Гражданская дѣятельность вовсе не определяется отрѣченіемъ отъ личной жизни и можетъ идти самымъ лучшимъ образомъ на ряду съ полнымъ развитіемъ ея. Легко представить бездну примѣровъ того, что дружба, любовь, наслажденіе, самый пышный цвѣтъ юности ни сколько не мѣшали гражданскому достоинству. Съ другой стороны, есть также много примѣровъ всей пагубности всякаго заморенія своей личности, хотя бы ради прекрасныхъ намѣреній. Намъ ужасаютъ эти юноши — граждане, неимѣющіе никакой личной жизни. Чтобы *сознательно беречь себя* для дѣла, мы полагаемъ, необходимо развиваться; а какое же развитіе возможно безъ страстной привязанности къ жизни? Разумѣется, только мертвое, книжное, сухое и пр. Въдъ самъ г. Чернышевскій, когда писалъ объ «Асѣ», поучалъ русское общество умѣнно любить, а вовсе не предохранялъ его отъ соблазновъ жизни и ото всякаго подчиненія сердца. Въ обществѣ, со всѣхъ сторонъ спутанномъ пошлостью, насиліемъ и неправдою, развитіе здоровой личной жизни само-по-себѣ можетъ составить гражданскую заслугу.

Г. Некрасову, очевидно, хотѣлось поднять Добролюбова до высоты той всепокоряющей силы, которая овладѣвъ человекомъ, затопляетъ въ немъ все остальное и которую называютъ «фанатизмомъ», въ лучшемъ значеніи этого слова. Кто не знаетъ самыхъ симпатическихъ, самыхъ трогательныхъ и свѣтлыхъ образовъ такихъ «монашествующихъ», особенно если они обладаютъ большими силами. Намъ невольно вспоминается злѣбъ святой, благодушный фанатикъ Ворцель, потерпѣвшій и потерявшій все, что можетъ только потерпѣть и потерять человекъ въ жизни. Вспоминаются и другіе люди, которыхъ сила какого-нибудь

убѣжденія, вела къ односторонности и исключительности, и невольно возбуждала уваженіе. Такимъ лицамъ не для чего *сознательно беречь себя для дѣла*, — для нихъ дѣйствительно ничего не существуетъ внѣ захватившаго ихъ дѣла. На рядъ съ такими лицами человекъ сознательно берегущій себя является просто педантомъ. Что у нихъ представляется глубоко-искреннимъ, то здѣсь, при искусственномъ сбереганіи себя, оказывается напущеннымъ и чуть ли не маскараднымъ платьемъ.

Не думаемъ, чтобы Добролюбовъ когда нибудь высказывалъ такія убѣжденія, которыя позволили бы г. Некрасову обвинить его въ напускномъ фанатизмѣ, т. е. въ простомъ доктринерствѣ или педантизмѣ.

Дѣйствительно, въ статьяхъ Добролюбова выражалась иногда досада на то, что люди живутъ, наслаждаются, а не преданы одному гражданскому, публичному подвигу. Добролюбовъ иногда плакался на то, что люди обѣдаютъ безъ скрежета зубовъ, слушаютъ стихи, забывая о скорбяхъ меньшихъ братьевъ... Но чего только не было въ статьяхъ Добролюбова! Онъ говорилъ даже, что, при невозможности гражданскихъ доблестей, человеку слѣдуетъ заняться лишь механическимъ трудомъ, всегда полезнымъ для общества, пойти въ столяры, кузнецы и пр. (См. «Свѣтлый лучъ въ темномъ царствѣ»). Подобныя выходки намъ всегда казались риторическими фигурами неумѣлаго критика, а теперь всякій получилъ возможность убѣдиться, что они дѣйствительно ничѣмъ другимъ и не были, — теперь, т. е. когда о покойникѣ сдѣлалось извѣстно, что онъ писалъ или переводилъ легкіе стишки на эротическія темы.

Мы не знаемъ почему г. Некрасову понадобилось обозвать Добролюбова педантомъ и видѣть въ его педантизмѣ особое величіе и даже самый чистый источникъ дѣятельности. Мы не понимаемъ, къ чему было толковать о подавленіи *юношескихъ* порывовъ, которое никому не можетъ поправиться? Г. Некрасовъ не можетъ отговариваться ошибкой. Онъ увѣряетъ, что чрезвычайно любилъ Добролюбова; а неужели любящій человекъ не отличитъ въ словахъ друга реторки отъ дѣла такого серьезнаго значенія.

«Что касается до насъ—говорить г. Некрасовъ—то мы во всю жизнь нашу не встрѣчали русскаго юноши столь чистаго, безстрашнаго духомъ и самоотверженнаго! Наше сожалѣніе о немъ не имѣетъ границъ, и едва ли когда изгладится. Еще не было дня съ его смерти, чтобы онъ не являлся нашему воображенію, то умирающій,

то уже мертвый, опускаемый въ могилу нашими собственными руками. Мы ушли съ этой могилы, но мысль наша осталась тамъ, и поминутно зоветъ насъ туда, и поминутно рисуетъ намъ одинъ и тотъ же нестираемый образъ».

Сожалѣніе въ самомъ дѣлѣ пламенное и любовь великая; но почему же эта любовь не помѣшала г. Некрасову обозвать Добролюбова педантомъ и выдавать еще педантизмъ его за величіе?

Педантизмъ въ большей части случаевъ возможенъ только при значительномъ суходушіи; но г. Некрасовъ увѣряетъ насъ, что и въ этомъ отношеніи Добролюбовъ былъ феноменъ. Въ немъ педантизмъ соединялся съ чрезвычайною страстностью натуры. Рекомендуемъ «матеріалы для біографіи Добролюбова» читателямъ, рекомендуемъ ихъ особенно тѣмъ (г. Некрасовъ виѣсть съ покойнымъ Панаевымъ очевидно преслѣдуютъ кого-то), которые называли Добролюбова человѣкомъ безъ сердца, — да устыдятся!

Вотъ неожиданность! Да чего же стыдиться-то, г. Некрасовъ? Вы сами говорите, что для Добролюбова виѣ его литературной дѣятельности ничего не существовало, и чтожь удивительнаго, что при такомъ углубленіи Добролюбова въ себя онъ представился сухимъ для всѣхъ, кто зналъ его только по наружности и не вѣдалъ его тайнъ. Наконецъ почему же ошибка въ сужденіи о характерѣ Добролюбова должна покрыть кого бы то ни было стыдомъ?

Но, главное, почему вы, — призывающій стыдъ и проклятіе на чужія ошибки, почему вы не замѣтили, что сами обозвали Добролюбова педантомъ, а потому и человѣкомъ безъ сердца? Вамъ, поэтъ страданій и несчастья, при вашей пламенной любви къ Добролюбову, при знаніи его тайнъ, дѣйствительно несовсѣмъ легко ошибаться, или просто не понимать Добролюбова. Но употреблять имя любимаго человѣка, да еще генія, какъ вы его величаете, для какихъ-то пустыхъ оскорбленій заискусственныхъ незнакомцевъ, нѣсколько стыдно — и передъ памятью Добролюбова, какъ человѣка, и передъ обществомъ. — Такъ устыдитесь же, — милости просимъ!

Смѣемъ думать, что вамъ, дѣйствительно, есть чего устыдиться, потому что намъ предстоитъ указать въ вашей добродѣтельной характеристикѣ Добролюбова еще и не такія диковинки.

«Мы, — говорите вы, — во всю нашу жизнь не встрѣчали русскаго юности столь чистаго, безстрашнаго духомъ, самоотверженнаго!»

А мы, г. Некрасовъ, полагаемъ, что вашей рекомендаціи въ

чистотѣ и самоотверженіи, совершенно недостаточно! Если вы г. Некрасовъ, находите что-нибудь чистымъ и самоотверженнымъ, то это даже не поводъ для другихъ къ тому, чтобы тоже самое считать и чистымъ и самоотверженнымъ. Чистое самоотверженіе доказывается фактами, самую жизнь, а не аттестатами или рекомендаціей. И за что же такое поруганіе? Насколько намъ известна жизнь Добролюбова, мы полагаемъ, что она не нуждалась въ аттестатѣ ни отъ г. Некрасова, ни кого иного. Бѣдный Добролюбовъ, вотъ до чего успѣли забыть твою жизнь даже тѣ, кому ты представляешься почти каждый день.

Но г. Некрасову показалось мало одной выдачи аттестата. Отъ нашего знатока чистоты и самоотверженія мы узнаемъ еще вотъ какую одну замѣчательную черту изъ жизни Добролюбова.

«Добролюбовъ представлялъ между нами, русскими, что-то особенное. Съ дѣтства прививается къ намъ множество дурныхъ привычекъ, известныхъ подъ именемъ *умльня жить*, мы отъ лѣни говоримъ «да» тамъ, гдѣ слѣдовало бы отвѣчать «нѣтъ»; улыбаемся, по слабодушію, тамъ, гдѣ слѣдовало бы *браниться*; прикидываемся внимательными къ какому-нибудь вздору, на который слѣдовало бы отвѣчать смѣхомъ или даже негодованіемъ. Ничего подобнаго въ Добролюбовѣ не было. Онъ смѣялся въ лицо глупцу, рѣзко отворачивался отъ негодяя; онъ соглашался только съ тѣмъ, что не противорѣчило его убѣжденіямъ.»

Г. Некрасовъ уже слишкомъ счастливъ въ своихъ доводахъ на величіе. Кому изъ смертныхъ, каковы бы они были, не приходилось отворачиваться отъ людей недостойныхъ, или смѣяться надъ глупою рѣчью?—Но такія простыя дѣла Добролюбовъ возводилъ, по словамъ г. Некрасова, въ доктрину; обращалъ каждую бесѣду въ поученіе, и всегда хохоталъ въ лицо глупцу и отворачивался отъ негодяя въ видахъ исполненія какой-то миссіи.

Смѣемъ думать, что г. Некрасовъ заходитъ слишкомъ далеко въ своемъ усердіи унижать своего друга и что Добролюбовъ не былъ такимъ сумасшедшимъ педантомъ. Вѣроятно, г. Некрасовъ вновь основался на какомъ либо отдѣльномъ случаѣ и возвелъ его въ убѣжденіе Добролюбова, сложилъ изъ него теорію. На самомъ дѣлѣ, на подобную миссію педантизма ни укого не хватитъ не то-что самоотверженія и безстрашія, а просто беззащитности — столь наглой, чтобы хохотать въ лицо. Быть педантомъ въ каждомъ частномъ разговорѣ, въ каждомъ словѣ, въ каждомъ

движеніи—это, просто, невыполнимая миссія. Величіе, проповѣдуемое г. Некрасовымъ требуетъ необъятной и невозможной жертвенности въ душѣ. Вотъ что значитъ заговориться!

Переходимъ къ «матеріаламъ для біографіи Н. А. Добролюбова», составленнымъ г. Чернышевскимъ. Они состоятъ изъ записокъ разныхъ лицъ о покойномъ, изъ дневниковъ, веденныхъ имъ самимъ, и изъ разсужденій и воспоминаній самого г. Чернышевскаго. Послѣдніе, какъ мы думаемъ, должны окончательно упрочить славу ихъ автора.

Прежде всего должно замѣтить, что г. Чернышевскій пишетъ біографіи чуть ли не лучше всякихъ статей. Впрочемъ, если бы г. Чернышевскій не чувствовалъ въ себѣ способности къ біографическимъ произведеніямъ, то, уважая память своего великаго друга, онъ передалъ бы писаніе его біографіи въ болѣе-искусныя руки. Имѣя дурной голосъ онъ не рѣшился бы пропѣть реквиемъ для своего друга. Мы видимъ, однако, что г. Чернышевскій ни мало не усумнился въ своемъ искусствѣ изобразить намъ великаго человѣка, и должны повторить, что искусство его въ этомъ родѣ превосходить все, что только есть оригинальнаго даже у него самого.

Первыя замѣчанія г. Чернышевскаго относятся къ набожности Добролюбова въ отроческихъ лѣтахъ. Душевные тайны, раскрытаемыя здѣсь г. Чернышевскимъ, до того глубоки и обширны, что невольно останавливаютъ вниманіе. Авторъ помѣстилъ свои объясненія въ примѣчаніяхъ къ дневнику набожнаго отрока.

Разсказывая объ одной своей исповѣди, Добролюбовъ говорить: «только выпилъ я изъ алтара и сдѣлался виновенъ въ страхѣ человѣческомъ...»

Г. Чернышевскій спѣшитъ сдѣлать такое примѣчаніе: «какимъ образомъ—не объяснено, по всей вѣроятности, *поклонился какому нибудь отцовскому знакомому, котораго не уважалъ въ душѣ*, или что нибудь подобное».

«Сдѣлался виновенъ,—продолжаетъ Добролюбовъ,—въ челоукоугодіи», г. Чернышевскій вновь примѣчаетъ: «Въ чемъ оно состояло?—опять не объяснено; вѣроятно, *не возразилъ какому нибудь товарищу на неправильное мнѣніе, чтобы не раздражать челоузка напраснымъ споромъ въ церкви*, или что-нибудь подобное».

Неужели это все не иронія, а глаголь отъ полноты души? Добролюбовъ пишетъ: «Опять тѣ же грѣхи въ эти два дня:

лѣнность къ молитвѣ, разсѣянность и легкомысліе, осужденіе и насмѣшка, неприязнь къ ближнему, вольныя сужденія, ложь, хитрость, притворство, призываніе лукаваго, честолюбіе и славолюбіе, преданіе чувственности, чревоуродіе и лакомство» и т. д.

Г. Чернышевскій примѣчаетъ: «призываніе лукаваго—это значить, что употреблялъ фразы въ родѣ: «чортъ знаетъ» или «чортъ возьми». Преданіе чувственности—это, говоритъ г. Чернышевскій,—значить, что долго спалъ и «проснувшись, пѣсколькѣ минутъ лѣнился вставать». «Чревоуродіе»,—продолжаетъ нашъ психологъ,—значить, какъ видно изъ другихъ страницъ дневника, что пилъ много чаю, который тогда очень любилъ; лакомство то, что послѣ обѣда ѣлъ варенье, которымъ подчивала его мать».

— О, Боже! Боже! какой талантъ у г. Чернышевскаго!
Далѣе дѣло становится серьезнѣе.

Говоря о перемѣнѣ убѣжденій Добролюбова, г. Чернышевскій замѣчаетъ: «Я не встрѣчалъ человѣка съ болѣе сильнымъ и свѣтлымъ умомъ, чѣмъ какой былъ въ Николаѣ Александровичѣ».

Очень можетъ быть, отвѣтимъ мы, но изъ этого факта жизни г. Чернышевскаго нельзя сдѣлать никакого заключенія объ умѣ Добролюбова. Мало ли что кому не приходилось встрѣтить, и наконецъ, можно встрѣтить да не замѣтить! Бѣдный Добролюбовъ, почему это, когда зашла рѣчь о твоёмъ умѣ, тебя все забыли, забыли всю твою дѣятельность и заговорили о личныхъ впечатлѣніяхъ. Внимай русское общество: Добролюбовъ былъ страшно уменъ, ибо г. Чернышевскій такъ думалъ о немъ.

Тою же самою манерою, также при помощи своего авторитета, свидѣтельствуетъ г. Чернышевскій о необыкновенной силѣ характера Добролюбова. Во всѣхъ напечатанныхъ «матеріалахъ для біографіи» покойнаго нѣтъ, однако, ни одной черты, свидѣтельствующей о силѣ его воли или хоть о нѣкоторой твердости его характера, а напротивъ, есть много чертъ, свидѣтельствующихъ о противномъ. Укажемъ, напр. на вліяніе друзей, которому подчинился Добролюбовъ до рабства. Мы держимся того мнѣнія, что въ литературной дѣятельности Добролюбовъ былъ весь подъ вліяніемъ г. Чернышевскаго, и, какъ мы уже объяснили, подражалъ ему въ тонѣ, въ самыхъ мелочныхъ выходкахъ, и даже въ образѣ выраженій. Въ дневникѣ покойнаго, веденномъ имъ въ семинаріи, мы читаемъ:

«Нужно замѣтить еще одно пріятное приобрѣтеніе: я освободился изъ-подъ вліянія В. А-го. Не могу еще рѣшить, хорошо или худо это вліяніе, но оно состояло вотъ въ чемъ: онъ научилъ меня, по природѣ серьезнаго, смѣяться надъ всѣмъ, что ни попадется на глаза; онъ заставилъ меня, человѣка довольно основательнаго и медленнаго, смотрѣть на предметы поверхностно, произносить о нихъ сужденіе, посмотрѣвши только форму и не касаясь содержанія; изъ ума моего онъ сдѣлалъ остроуміе, изъ презрѣнія къ многому—насмѣшку надъ многимъ, изъ внимательности—находчивость».

Подобное вліяніе не только-довольно значительно, но, кажется, уже не можетъ быть значительнѣе. Таковъ былъ непреклонный характеръ Добролюбова, когда ему минуло 17 лѣтъ, и если потомъ онъ получилъ дѣйствительную самостоятельность, то съ нимъ долженъ былъ произойти переломъ, радикальная перемѣна. Къ крайнему сожалѣнію, нѣтъ никакихъ свидѣтельствъ подобнаго происшествія, и черезъ 5—7 лѣтъ мы видимъ Добролюбова подъ вліяніемъ г. Чернышевскаго, можетъ-быть, еще болѣе сильнымъ, чѣмъ старое вліяніе В. А-го. Только въ послѣдней статьѣ о «Забитыхъ людяхъ» Добролюбовъ нѣсколько перемѣнилъ обыкновенный тонъ своихъ прежнихъ статей и высказалъ, хотя очень туманно, эстетическія соображенія, которымъ сперва настойчиво противорѣчилъ.

Впрочемъ, послушаемъ г. Чернышевскаго.

По обыкновенію людей одаренныхъ такимъ характеромъ онъ считалъ себя лпшеннымъ твердой воли, и, какъ я уже говорилъ, сильно мучился этимъ. Но какимъ бы ни считалъ онъ себя, я расскажу современемъ множество дѣлъ, доказывающихъ удивительную силу его характера; а теперь пока укажу на одинъ фактъ, извѣстный всей публикѣ: *никто никогда не дѣйствовалъ съ такою полною независимостію отъ всѣхъ окружающихъ, какъ онъ*. Никакія личныя отношенія не могли поколебать его, когда онъ считалъ нужнымъ поступить такъ или иначе. Напримѣръ: ему извѣстно было, что я одобрялъ устройство диспута въ Пассажѣ между гг. Смирновымъ и Перозіо. Онъ очень хорошо зналъ, какъ непріятно мнѣ будетъ обнаруженіе глупости этого дѣла, въ которомъ разыгрывалъ я самую жалкую роль. Публика могла не знать, что мы съ нимъ очень хорошо понимали, что его статья «Любопытный пассажъ» убійственнѣе для меня, чѣмъ для кого бы ни было другаго. Перечитайте эту статью, — смягчась ли въ ней насмѣшка привязанностію ко мнѣ».

Просимъ читателя хотя нѣсколько вникнуть въ эту путаницу. Въ статьѣ Добролюбова г. Чернышевскій не названъ и дѣло осталось между друзьями. Г. Чернышевскій не ошибся, говоря, что публика могла не знать о его участіи въ диспутѣ, который ни-

сколько не относится къ нему. Добролюбовъ, разумѣется, очень хорошо понималъ, что это участіе ничего не составляетъ для г. Чернышевскаго, если только послѣдній не зараженъ необъятнымъ, самымъ щепетильнымъ самолюбіемъ. Но предполагая даже подобное самолюбіе въ г. Чернышевскомъ, не надо забывать, что статья Добролюбова появилась уже тогда, когда значеніе диспута было обнаружено для всѣхъ, самымъ ходомъ его. Г. Чернышевскій самъ вполне могъ бы подписать статью Добролюбова.

Наконецъ убѣдительность доводовъ г. Чернышевскаго, проповѣдывающаго намъ величіе Добролюбова достигаетъ послѣдней степени въ доказательствахъ страстности натуры Добролюбова. Относительно этого обстоятельства г. Чернышевскій уже не считалъ достаточнымъ высказать только свое мнѣніе и свой взглядъ. Услужливый панегиристъ представляетъ намъ документы, а отъ себя присовокупляетъ только брань, какой еще не бывало примѣра въ русской литературѣ.

Страстность натуры Добролюбова доказывается любовью его къ матери и къ одному изъ его наставниковъ. О первой мы знаемъ лишь самыя общія мѣста и потому намъ остается удивляться только психическому состоянію человѣка, который въ такомъ естественномъ чувствѣ, какъ любовь къ матери, видитъ доказательство чего-то титаническаго.

Исторія любви къ наставнику передана въ запискахъ Добролюбова очень трогательно; но и эта записка, не представляющая ничего дѣйствительно необыкновеннаго, обрисовываетъ скорѣе застѣнчивость и робость юноши, чѣмъ глубину—будто бы снѣдавшаго его внутренняго огня. Страстный юноша колеблется невѣроятно-долго, сгарая желаніемъ подойти къ наставнику... Разумѣется, мы нисколько не говоримъ, чтобы исторія любви Добролюбова къ наставнику показывала сухость его сердца; конечно, она указываетъ на совершенно противное, но мы не забываемъ, что все это относится къ семнадцатилѣтнему юношѣ, который ужъ дѣйствительно былъ бы дряннымъ пошлякомъ, если бы въ такомъ возрастѣ не былъ доступенъ даже и такой нѣжности.

Г. Чернышевскій думаетъ иначе. Выписавъ письмо Добролюбова къ Сладкопѣвцеву, гдѣ первый пишетъ своему наставнику свое признаніе въ любви къ нему, г. Чернышевскій раздражается такою громоподобной выходкой:

«Теперь, мм. гг. называвшіе нашего друга человѣкомъ безъ души и сердца, —теперь честь имѣю обратиться къ вамъ, и отъ

имени моего, отъ имени каждаго прочитавшаго эти страницы, въ томъ числѣ и отъ вашего собственнаго имени,—да и вы сами повторяете то, что я говорю вамъ,—теперь имѣю честь называть васъ *тупоумными глупцами*. Вызываю васъ явиться *драные пошляки*,—поддерживайте же ваше прежнее мнѣніе, вызываю васъ... Вы смущены? Вижу, вижу какъ вы пятитесь. Помните же, *милые мои*, что напечатать имена ваши въ моей волѣ и что съ трудомъ удерживаю я себя отъ этого».

Протрите глаза, г. Чернышевскій, и осмотритесь кругомъ! Если угодно, мы, желая сдѣлать вамъ удовольствіе, охотно жертвуемъ своимъ именемъ, хотя вполне убѣждены что вы мѣтили здѣсь на имена, которыхъ вы никогда не осмѣлитесь назвать, никогда, чтобы избѣжать собственнаго позора и посмѣянія. Прочитывая доктринерскія выходки Добролюбова, разсѣянный во множествѣ въ его статьяхъ, просматривая его отзывы о Пушкинѣ и разныя эстетическія его толкованія, люди хорошаго вкуса, тона и сердца, въ самомъ дѣлѣ, не могли не допустить мысли о томъ, что покойный критикъ дѣйствительно не былъ чуждъ сухости или по крайней-мѣрѣ слабости душевной. И точно, нужна была большая слабость для того, чтобы не умѣть найти приміеніе дѣятельности Пушкина съ призывомъ на дѣло и на гражданскій подвигъ. При болѣе внимательномъ чтеніи мы находили въ упоминаемыхъ нами выходкахъ такъ же отчасти реторику, отчасти постороннее вліяніе, т. е. слабость таланта, незрѣлость его и, можетъ быть, давленіе непривѣтливой жизни. Теперь, когда намъ извѣстны матеріалы біографіи Добролюбова, мы почти убеждаемся, что Добролюбовъ выбился бы изъ своей фальшивой ноты, какъ выбился изъ подъ вліянія В. Л-аго; но ничто не убѣждаетъ насъ, однако, въ томъ, что Добролюбовъ непремѣнно дошелъ бы до живаго и широкаго слова, до того свѣта убѣжденій, который составляетъ и высшее счастье и мученичество человѣка. Впрочемъ, мы забыли, что о дѣятельности Добролюбова здѣсь не слѣдуетъ говорить.

Итакъ, только глупцу, да еще тупоумному, только пошляку, да еще дряннѣйшему, могло представиться, что Добролюбовъ сухой и мертвый человѣкъ! Полагаемъ, что это было бы слишкомъ—даже и въ томъ случаѣ, если бы Добролюбовъ дѣйствительно стоялъ того, чтобы изъ-занега поднимать гвалтъ.

Притомъ, мы замѣтили уже, что письмо-то Добролюбова къ Сладковичеву относится къ семнадцатому году юности, а потому ко

времени приговора о Добролюбовѣ неизвѣстныхъ намъ незнакомецѣвъ въ немъ многое могло перемѣниться. Г. Чернышевскому слѣдовало бы просто потолковѣе рассказать жизнь Добролюбова и тогда бы все уяснилось, ко взаимному удовольствію всѣхъ. Вѣроятно мнѣніе таинственныхъ незнакомцевъ вытекало вовсе не изъ вражды къ Добролюбову и не изъ тупумія и пошлости, а изъ простаго незнанія Добролюбова, который по словамъ г. Некрасова, держалъ себя въ обществѣ педантомъ. Впрочемъ Богъ знаетъ кто тутъ справедливъ: г. Чернышевскій или кто-нибудь другой,—жизнь Добролюбова за послѣдніе годы, жизнь по всей вѣроятности весьма мало интересная, осталась намъ неизвѣстна. По этому-то особенно и удивительно, что г. Чернышевскій позволяетъ себѣ, по поводу столь маловажнаго факта, ругаться тупоумными глупцами и дрянными пошляками, и не только отъ себя, но и отъ лица каждаго читателя, и даже отъ лица самихъ ругаемыхъ.

Такъ какъ г. Чернышевскій уже позволилъ себѣ обратиться къ намъ съ приглашеніемъ присоединить намъ свой голосъ къ его брани, то мы ему скажемъ:

Во-первыхъ. Всѣ эти сплетни о таинственныхъ незнакомцахъ въ особенности неприличны при воспоминаніи о другѣ. Мнѣніе таинственныхъ незнакомцевъ не было высказано публично т. е. печатно, а потому оно и относится именно къ отдѣлу сплетень.

Во-вторыхъ, объявлять глупцомъ или пошлякомъ всякаго, кто думаетъ, иначе чѣмъ г. Чернышевскій, по крайней-мѣрѣ пустое занятіе, а приглашать читателя стать на сторону собственнаго мнѣнія, и притомъ ради брани, роиаетъ не только г. Чернышевскаго, но и бѣднаго Добролюбова, въ качествѣ друга котораго г. Чернышевскій производитъ свои странныя и необъяснимые поступки.

Въ 3-хъ, самъ Добролюбовъ, какъ это сообщаетъ г. Чернышевскій, жаловался на слабость своего характера и, кажется, эту жалобу надобно понять въ буквальный смыслъ и признать ее справедливою. Вопреки увѣреніямъ г. Чернышевскаго, мы думаемъ, что ничто изъ до-сихъ-поръ уже напечатаннаго о Добролюбовѣ не разубѣждаетъ насъ въ его мнѣніи о самомъ себѣ. Въ матеріалахъ для біографіи мы видимъ одни только стремленія во многомъ симпатическаго человѣка и нигдѣ никакихъ слѣдовъ дѣла и энергіи.

Въ 4-хъ, мы полагаемъ, что употреблять имя и жизнь друга для дѣла, симпатій и антипатій—постороннихъ для него, по ма-

лой истрѣ, недостойно. Смѣемъ полагать, что выходки г. Некрасова, Чернышевскаго и покойнаго Панаева противу какого-то незнакомца, находившаго Добролюбова сухимъ и принадлежащаго, какъ говоритъ Панаевъ, къ числу друзей Бѣлинскаго, не возбудили бы сочувствія въ покойномъ. Вспоминая всѣхъ живыхъ изъ числа друзей Бѣлинскаго, мы вмѣстѣ съ тѣмъ убѣждаемся, что если Добролюбовъ не былъ пошлякомъ, и притомъ дряннымъ, то никого изъ нихъ онъ не назвалъ бы ни пошлякомъ, ни глупцомъ.

Наконецъ наша одиссея оканчивается чтеніемъ г. Чернышевскаго на литературномъ вечерѣ 2-го марта. Не обладая никакою способностью рассказывать, г. Чернышевскій рѣшился однако почтить память своего друга своимъ собственнымъ публичнымъ рассказомъ о знакомствѣ съ нимъ. Но былъ тутъ и другой умыселъ: г. Чернышевскій хотѣлъ заодно высказаться передъ публикой съ новой, еще не обнаруженной въ немъ стороны, именно—въ качествѣ реформатора общественныхъ понятій о вѣжливости; ему почему-то показалось, что гораздо будетъ лучше, если замѣнить ее невѣжествомъ, — и онъ сдѣлалъ это, потому что велъ себя передъ публикой, передъ этимъ—дѣйствительно великимъ человекомъ, до такой степени за панибрата, какъ будто находился въ самомъ короткомъ пріятельскомъ кружкѣ, гдѣ можно положить даже ноги на столъ. Говорятъ, что «жени Сѣвера», бывшія на чтеніи, въ особенности обижены этимъ обращеніемъ за-панибрата. Слишкомъ неповоротливое протираніе очковъ, разныя слова про себя, различныя внушенія для публики—все это напечатлѣлось въ сердцѣ многихъ слушателей. Въ заключеніе г. Чернышевскій обѣщалъ рассказать въ три минуты послѣдніе дни Добролюбова, началъ рассказъ съ своимъ неподражаемымъ искусствомъ, но потомъ объявилъ, что не расскажетъ, и ушелъ. Развязность г. Чернышевскаго передъ публикой напомнила того пылаго итмца, который, желая показать ученикамъ свою ловкость и способность къ шалости, выскочилъ въ окно четвертаго этажа. Конечно, это все мелочи, къ которымъ мы совершенно равнодушны, но все-таки не мѣшало бы вспоминать своего друга съ большимъ достоинствомъ, тѣмъ болѣе, что вечеръ 2-го марта шелъ сперва съ небывалою серьезностію.

Во всякомъ случаѣ, г. Чернышевскому первый опытъ реформирования нравовъ совершенно не удался.

Содержаніе самаго разсказа г. Чернышевскаго выходитъ за всѣ границы вѣроятія. Грустно подумать, чтобы этотъ разсказъ могъ имѣть что-нибудь общее съ жизнію Добролюбова, какъ бы ни былъ обыкновененъ этотъ человѣкъ.

Г. Чернышевскій снова убѣждалъ насъ въ величіи 1) ума, 2) воли и 3) сердца Добролюбова, и убѣждалъ съ такимъ искусствомъ и достоинствомъ, что для полной характеристики разсказа мы рѣшаемся представить по одному примѣру изъ каждаго отдѣла.

Въ доказательство «геніальнаго» ума покойнаго г. Чернышевскій приводилъ слѣдующее обстоятельство, которое, къ крайнему сожалѣнію нашему, мы не можемъ передать со всѣмъ искусствомъ разсказчика, а потому просимъ извинить за ошибки въ подробностяхъ.

«Добролюбовъ прислалъ мнѣ статью свою, рассказывалъ г. Чернышевскій, я прочелъ статью и, конечно, послѣ такой статьи мнѣ слѣдовало бы отправиться къ Николаю Александровичу, но я вотъ не пошолъ; Николай Александровичъ былъ въ педагогическомъ институтѣ, тамъ неловко, пріемная, и то и прочее... Я просилъ Николая Александровича зайти ко мнѣ; вотъ заходитъ онъ ко мнѣ, вечеромъ, съ однимъ знакомымъ, да, съ однимъ знакомымъ; вотъ заговорились мы, и смотримъ 12 часовъ; такъ скоро прошло время; заговорились опять,—уже часъ и съ часу мы засидѣлись до трехъ часовъ,—не знаю, гдѣ уже они ночевали... вѣроятно у кого-нибудь изъ своихъ товарищей. На другой день у меня въ семействѣ домашніе спрашиваютъ, что это ты такъ долго засидѣлся? «Мой другъ, отвѣчаю я, ты знаешь, что я считаю себя самымъ умнымъ человѣкомъ; но этотъ человѣкъ умнѣ меня». Такъ вотъ какой умный человѣкъ былъ Добролюбовъ.»

Теперь, увы! послѣ безвременной смерти Добролюбова, г. Чернышевскій, по собственному сознанію, остается самымъ умнымъ человѣкомъ. Что можно подумать о подобной странности?—Намъ искренно жаль не только памяти Добролюбова, какъ честнаго писателя, но и самаго г. Чернышевскаго. До какой пошлости можетъ дойти человѣкъ!

Во второмъ отдѣлѣ, говоря о сдержанности Добролюбова, услужливый другъ покойнаго повѣствовалъ, какъ однажды Добролюбовъ не выдержалъ нустоты какого-то разговора, разсердился и ушолъ и, уходя, сказалъ самому г. Чернышевскому: «и

вы можете оставаться здѣсь». Въ-самомъ-дѣлѣ, какое неизвѣстное міру величіе характера, къ сожалѣнію, случающееся со всякимъ каждый мѣсяць по нѣскольку разъ, хотя и безъ шумныхъ манифестацій.

Въ другой разъ Добролюбовъ разсердился на просьбу г. Чернышевскаго не помѣщать въ «Свисткѣ» стиховъ противъ Погодина, о диспутѣ послѣдняго съ г. Костомаровымъ. «Пожалуй,» отвѣчалъ Добролюбовъ, котораго Погодинъ окрестилъ передъ тѣмъ «рыцаремъ свистопляски». Конечно, Добролюбовъ хорошо понималъ многіе факты изъ дѣятельности Погодина, но въ преслѣдованіи этого писателя мы скорѣе видимъ простое личное раздраженіе, чѣмъ «гражданскій подвигъ». Гдѣ же величіе-то?

Величіе сердца покойнаго друга своего г. Чернышевскій доказывалъ тѣмъ, что Добролюбовъ два раза влюблялся, и все весьма обыкновеннымъ образомъ, послѣдній разъ — въ Италиі, гдѣ хотѣлъ даже жениться, но родные любимой имъ дѣвушки не отсутствовали въ Россію, которую не хотѣлъ оставлять покойный. Къ крайнему нашему удивленію, г. Чернышевскій прочиталъ намъ при этомъ одно письмо Добролюбова, излагающее исторію одной его любви кому-то изъ знакомыхъ, и приправленное грошовоймъ либерализмомъ надъ генералами.

Встрѣченный въ началѣ рѣзкими и шумными рукоплесканіями г. Чернышевскій при удаленіи добился и рукоплесканій и шканья.

Пока поминки редакціи «Современника» по своему сотруднику остановились на чтеніи 2 го марта. Но кто же почтетъ себя вправѣ сказать, чтобы они остановились навсегда? «Въ литературной трусости насъ еще никто не упрекалъ» говоритъ о самомъ себѣ, въ одномъ мѣстѣ, г. Чернышевскій. Ужь вѣроятно онъ не допуститъ, чтобы его упрекнули въ трусости и передъ такими предразсудками, каковы — общее омерзеніе къ самохвалству и самопрославленію, установившіяся понятія о приличіи, непристойность спекулировать печалію объ умершемъ другѣ и проч. и проч. Въ такомъ случаѣ есть надежда, что наша лѣтопись будетъ имѣть продолженіе.

И. — ОВЪ.

Кто стоялъ въ послѣднее время во главѣ русской литературы—Добролюбовъ или Панаевъ?

(Письмо къ редактору журнала Библиотеки для Чтенія.)

Милостивый Государь!

Обращаюсь къ вамъ, потому-что вашъ журналъ уже взялъ на себя смѣлость коснуться одной части этого вопроса; я называю ваше дѣло смѣлостью, потому-что характеръ отвѣта г. Чернышевскаго г-ну З—ну можно было предвидѣть; не первый разъ Современникъ отвѣчаетъ на вопросы, которые по временамъ ему предлагаютъ; аргументами, въ родѣ тѣхъ, которые г. Чернышевскій счелъ вѣроятно очень сильными въ своемъ отвѣтѣ г. З—ну.

Меня самого очень интересуется слѣдующій вопросъ: кто въ послѣднее время стоялъ во главѣ русской литературы—Добролюбовъ или Панаевъ? Современникъ недавно лишился двухъ изъ своихъ редакторовъ, которые умерли въ непродолжительномъ времени одинъ послѣ другаго. Оставшіеся въ живыхъ члены редактора, какъ и прилично въ этомъ случаѣ, нанесли два некролога.

Въ некрологѣ Добролюбова сказано: «уже четыре года Николай Александровичъ (т. е. Добролюбовъ) стоялъ во главѣ русской литературы». Эти четыре года обнимаютъ, какъ извѣстно, время отъ 1857 до 1861 года. Въ некрологѣ Панаева сказано: «онъ (т. е. Панаевъ) въ теченіе 14 лѣтъ стоялъ во главѣ журнала». Эти четырнадцать лѣтъ обнимаютъ время отъ 1847 тоже до 1861 года.

Вы, безъ сомнѣнія, поймете затрудненіе читателей, которые въ самомъ дѣлѣ захотѣли бы опредѣлить—кто въ послѣдніе че-

тыре года стоялъ во главѣ литературы. Редакція Современника прямо сказала, что это былъ Добролюбовъ, но хотя не прямо, однако несомнѣнно сказала она и то, что это былъ Панаевъ.

Мнѣ кажется, что это больше, нежели очевидно. Добролюбовъ стоялъ во главѣ русской литературы, потому-что онъ стоялъ во главѣ Современника; кромѣ Современника онъ почти нигдѣ ничего не писалъ, и стоялъ во главѣ русской литературы, очевидно, своими статьями въ Современникѣ. Но оказывается, что во главѣ Современника въ тоже самое время стоялъ и другой человекъ, Панаевъ. Этимъ самымъ онъ, конечно, стоялъ и во главѣ русской литературы.

Кто-же изъ нихъ дѣйствительно стоялъ, какъ во главѣ Современника, такъ и во главѣ русской литературы? Конечно, не оба они вмѣстѣ; тѣмъ болѣе, что г. Чернышевскій въ своемъ отвѣтѣ г. З-ну прямо поставилъ Добролюбова на первое мѣсто. «Къ лѣту 1858 г., или даже нѣсколько раньше, Добролюбовъ имѣлъ уже преобладающее вліяніе въ журналѣ». А въ началѣ 1859 г., по словамъ г. Чернышевскаго, уже всякій порядочный человекъ зналъ, что Добролюбовъ самый сильный талантъ въ Современникѣ, а самъ Современникъ зналъ это и прежде. «Мы не были такъ тупы и глупы,—пишетъ г. Чернышевскій,—чтобъ не считать его первымъ человекомъ въ своемъ кругу». Ясно, что Добролюбовъ одинъ былъ во главѣ журнала, какъ Папа одинъ во главѣ католицизма, Далай-Лама во главѣ Буддизма, какъ вообще есть одна голова у всякаго животнаго. Время семиголовыхъ или трехъ-головыхъ чудовищъ прошло и, конечно, самъ Современникъ не былъ подобнымъ чудовищемъ о четырехъ головахъ.

А между тѣмъ все-таки въ некрологѣ И. И. Панаева сказано, что онъ въ теченіи 14 лѣтъ, т. е. до 1861 г. включительно, стоялъ во главѣ журнала. Что же тутъ дѣлать читателю, кого принять за дѣйствительную голову Современника и русской литературы за послѣдніе четыре года? И въ какомъ положеніи очутится будущій историкъ нашей литературы?

Разумѣется, отъ этого вопроса мы совершенно отстраняемъ мертвыхъ; изъ-за могилы они голоса не подадутъ. Да и не имъ слѣдуетъ подавать въ этомъ дѣлѣ голосъ. Не они ставятъ себя во главу русской литературы.

Ихъ ставятъ въ такое положеніе тѣ, которые низываютъ себя ихъ друзьями; они и должны разрѣшить недоумѣніе читателей. А читатели дѣйствительно въ недоумѣніи. Они не знаютъ

что и подумать. Разумѣется каждому приходятъ различныя мысли; мнѣ все думается: не есть ли это начало конца, какъ сказалъ въ свое время одинъ очень сообразительный человѣкъ, и не оборвалось ли тутъ что нибудь, какъ сказалъ другой, тоже не совсѣмъ несообразительный человѣкъ.

Примите и проч.

Читатель Библиотеки для Чтенія и Современника.

Марта дня
1861 года.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Нѣсколько словъ о профессорѣ П. В. Павловѣ. — Публичныя лекціи въ думѣ. — Лекція г. Костомарова 8-го марта. — Объявленія г. Костомарова. — Закрытіе публичныхъ лекцій. — Объявленіе г. Лохвицкаго. — Подголовная брань въ литературѣ. — Всеобщее недовольство другъ другомъ въ обществѣ. — «Современникъ» въ объятіяхъ «Искры». — Нѣкоторыя замѣтки о прогрессѣ въ дѣлѣ воспитанія. — «Чепуха» г. Каттары. — Мнѣніе его же объ инспекторствѣ. — Прогрессистъ-консерваторъ. — Новая система репетицій. — Прогрессъ въ обработкѣ полей. — Ваянъ иностранныхъ рабочихъ. — Чехи въ «Диканькѣ». — Отвѣтъ кн. Кочубея. — Кн. Голыцынъ и г. Смирновъ. — О нашемъ умѣнъ привлечь рабочихъ въ воскресныя школы.

На литературномъ вечерѣ, въ пятницу 2-го марта, профессоръ петербургскаго университета Платонъ Васильевичъ Павловъ читалъ статью «Тысячлѣтіе Россіи.»

Во вторникъ 6-го марта мы прочитали въ «Сѣверной Почтѣ» слѣдующее:

«При чтеніи статьи, г. Павловъ дозволилъ себѣ выраженія и возгласы, не находившіеся въ статьѣ, пропущенной цензурою и явившіеся къ возбужденію неудовольствія противъ правительства.»

«Вслѣдствіе сего, статскому совѣтнику Платону Павлову запрещено чтеніе публичныхъ лекцій и сдѣлано распоряженіе о высылкѣ его на жительство, подъ надзоръ полиціи, въ отдаленный уѣздный городъ.»

Мѣсто жительства Платона Васильевича Павлова назначенъ городъ Ветлуга, Костромской губерніи.

Оставляя въ сторонѣ какъ чтеніе г. Павлова, такъ и распоряженіе правительства, мы считаемъ полезнымъ сказать здѣсь нѣсколько словъ о самомъ профессорѣ.

Большое несчастіе, обрушившееся на человѣка — заслуженно ли, не заслуженно ли, всегда пробуждаетъ сочувствіе къ пострадавшему. Чѣмъ выше достоинства и заслуги пострадавшаго, тѣмъ сильнѣе сочувствіе.

Ловкіе люди хотятъ воспользоваться минутой и записать изгнанника въ свои ряды, — разумѣется, — только въ глазахъ общества. Эта причина заставляетъ насъ вспомнить, что г. Павловъ никогда не принадлежалъ къ немножко-страннымъ «партіямъ» русскаго прогресса; онъ стоялъ самъ по себѣ, съ своею всѣмъ извѣстною общественною дѣятельностью. Не дѣла и пересуды партій занимали профессора — онъ былъ всегда далеко отъ нихъ. Молодые люди, окружавшіе г. Павлова, слышали отъ него энергическій призывъ на скромный трудъ въ пользу общества и на самосовершенствованіе. Множеству начинающихъ г. Павловъ помогалъ совѣтами и прямымъ участіемъ въ занятіяхъ. Постоянно, но тихо, этотъ человѣкъ дѣлалъ много добра и только его скромность позволила перетолковать его дѣйствія.

Тотъ, кто имѣлъ случай хоть разъ видѣть его и слышать его тихую бесѣду, сохранить навсегда въ своей памяти его просвѣтленный образъ, олицетвореніе благородства и самоотверженія. Къ нему какъ нельзя болѣе идутъ стихи, сказанныя нѣкогда Грановскому:

Онъ духомъ чистъ и благороденъ былъ
 Имѣлъ онъ сердце нѣжное, какъ ласка,
 И встрѣча съ нимъ намъ памятна какъ сказка.

Еще недавно этотъ человѣкъ стоялъ между нами, окруженный всеобщимъ уваженіемъ и сочувствіемъ; еще недавно слышали мы его тихій голосъ, говорившій намъ о правдѣ, заставлявшій вѣрить въ близкое лучшее...

А теперь... уже и ловкіе люди, промышленники прогресса, неумѣвшие сочувствовать ему прежде, прицѣпляютъ его чистое имя къ своему хвосту...

Этими словами мы хотѣли заявить только нашу обиду, наше горе...

Послѣ закрытія петербургскаго университета устроились публичные лекціи по образцу проектированнаго г. Костомаровымъ открытаго университета. Комитетъ, составленный изъ профес-

середъ и нѣкоторыхъ слушателей завѣдывалъ дѣлами лекцій. Въ новомъ университетѣ, помѣщавшемся въ залахъ думы и петропавловскаго училища, былъ очень недурной составъ двухъ факультетовъ, юридическаго и естественныхъ наукъ, по-крайней-мѣрѣ на первое время. Лекціи посѣщались огромнымъ числомъ слушателей.

Несмотря на весь свой успѣхъ, ново-открытый университетъ просуществовалъ очень малый періодъ времени; онъ былъ закрытъ своимъ комитетомъ 8 марта.

«Наше Время» объявило уже, что комитетъ закрылъ свой университетъ отъ того, что на одномъ литературномъ чтеніи случилось какое-то побочное обстоятельство, «которое собственно не должно бы останавливать ходъ отечественнаго просвѣщенія и не имѣеть тѣсной связи съ преподаваніемъ науки».

Мы не полагаемъ, чтобы закрытіе публичныхъ лекцій остановило ходъ просвѣщенія и сдѣлало выписку только для развѣсненія дѣла.

Къ закрытію лекцій 8 марта, пришлось чтеніе г. Костомарова, который на этотъ разъ разошелся въ убѣжденіяхъ съ юными товарищами по устройству ново-открытаго университета. Лекція г. Костомарова прошла очень бурно и о случившихся на ней происшествіяхъ заговорила вездѣ, гдѣ искренно интересуются общественными дѣлами, или гдѣ ловятъ новости и эксплуатируютъ ихъ для своего кармана.

«Наше Время» сообщаетъ, что «г. Костомаровъ не соглашается прекратить свои чтенія объ исторіи XVI вѣка на Руси, прекратить въ силу какихъ-то внѣшнихъ обстоятельствъ, противъ которыхъ прекращеніе чтеній должно бы служить протестомъ».

Г. Костомаровъ, столь много ратовавшій за открытый университетъ, нашель, что прекращеніе лекцій не соотвѣтствуетъ предположенной цѣли. Разойдась такимъ образомъ во мнѣніяхъ съ комитетомъ, г. Костомаровъ, сколько кажется, долженъ былъ объявить, что покидаетъ своихъ товарищей и откроетъ продолженіе курса внѣ ихъ дѣйствій. Союзъ г. Костомарова съ комитетомъ былъ совершенно свободенъ и, разумѣется, разойдась въ убѣжденіяхъ, они должны были разстаться.

Г. Костомаровъ поступилъ иначе. Уже разойдясь во мнѣніяхъ съ комитетомъ, онъ приметъ читать свою лекцію въ прежнемъ мѣстѣ, подвѣдомомъ комитету, и по окончаніи ея, обратился къ

публикѣ съ вопросомъ о томъ — желаетъ ли она продолженія чтеній?

Для чего это сдѣлалъ г. Костомаровъ? Думалъ ли онъ подчиниться приговору слушателей, если бы онъ былъ единогласенъ, и какъ бы онъ сталъ собирать голоса въ противномъ случаѣ?

Кто-то отвѣчалъ изъ толпы, что отчего ж не продолжать? и г. Костомаровъ объявилъ, что онъ будетъ продолжать.

Тогда въ залѣ поднялся неистовый свистъ и оскорбительныя восклицанія.

Несмотря на то, что всѣ наши личныя привязанности относятся къ молодому поколѣнью, къ которому мы сами принадлежимъ, нельзя не сознаться, что насъ часто путаетъ поразительная поспѣшность обвиненій. Не вникнувъ въ дѣло, мы уже постановляемъ приговоръ и часто неумѣренность его рѣжетъ глаза. Таковы были нѣкоторые изъ возгласовъ противъ г. Костомарова.

Грустно прибавить намъ, что г. Костомаровъ отвѣчалъ око за око.

Онъ объявилъ, что не намѣренъ потакать «пошлому либерализму», говорилъ что-то о гаерствѣ и проч. Наконецъ г. Костомаровъ сказалъ, что какіе-то Репетиловы коочатъ Расплюевыми.

А давно ли г. Костомаровъ увѣрялъ печатно, что его слушатели преданы одной наукѣ. Сколько извѣстно Репетиловы, наукой не занимались, а Расплюевъ—извѣстно-кто.

Когда-то г. Костомаровъ позволялъ носить себя на рукахъ въ буквальномъ смыслѣ этихъ словъ (см. Ог. З. 1860 № 7). Теперь онъ самъ обратился къ слушателямъ и встрѣтивъ, положимъ, возмутительныя восклицанія, не увидалъ, что это оборотная сторона той же медали.

Цѣлая буря поднялась въ аудиторіи послѣ словъ г. Костомарова; она уже была вызвана самимъ профессоромъ.

Происшествія на лекціи г. Костомарова возбуждали всеобщіе толки.

Черезъ нѣсколько дней г. Костомаровъ объявилъ, что, по заявленному ему письменно и словесно желанію многими слушателями, онъ возобновитъ свой курсъ прерванный 8 марта, лишь

только принцетъ аудиторію. Такимъ образомъ на этотъ разъ г. Костомаровъ подчинился желанію слушателей.

Въ принсканіи аудиторіи прошло съ недѣлю и наконецъ г. Костомаровъ извѣстилъ публику, что вновь начинаетъ лекціи въ залѣ г-жи Руадзе; но на другой день появилось слѣдующее объявленіе:

«По распоряженію г. управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, вслѣдствіе безпорядковъ, бывшихъ на лекціи г. проф. Костомарова, навлекающихъ нареканія на студентовъ здѣшняго университета, прекращаются разрѣшенныя прежде публичныя лекціи слѣдующихъ гг. профессоровъ и преподавателей: *Костомарова, Утина, Спасовича, Мендильева, Камновскаго, Блоровъщенскаго, Ивановскаго, Гайковскаго, Лохвицкаго и Гадолина*».

Эту мѣру необходимо нужно было ожидать, и, по многимъ причинамъ, она устранила значительныя затрудненія.

Г. Лохвицкій объявилъ что онъ самъ прекратилъ свои лекціи 8 марта, и на время.

Въ заключеніе нельзя не пожелать, чтобы между г. Костомаровымъ и всѣми слушателями его возстановился миръ. Профессоръ объявилъ, что онъ лишь смиренный труженикъ науки. Это заявленіе не понравилось многимъ: точно они воображали въ г. Костомаровѣ что-то другое. Въ такомъ случаѣ они очень ошиблись. Г. Костомаровъ былъ только ученымъ и ничѣмъ инымъ. Надобно сожалѣть, что разныя обстоятельства способствовали взаимной иллюзіи, продолжавшейся такъ долго.

Самые свѣжіе цвѣтки, распустившіеся на благодатной почвѣ русскаго прогресса, представляютъ намъ лишь новые экземпляры ругатни, съ давнихъ поръ процвѣтающей у насъ. Впрочемъ, дѣтъ 10—15 назадъ, брань держалась въ темныхъ рядахъ и въ углахъ литературы; она не смѣла выступать на первый планъ съ полною безцеремонностью, съ наглою кичливостью. Теперь ругатня производится подъ всѣми знаменами, подъ значками всякихъ убѣжденій и ею заняты самые передовые дѣятели литературы. Нѣкоторые господа считаютъ передовымъ изъ передовыхъ г. Чернышевскаго, хотя въ настоящую минуту сей правдивый писатель востерялъ въ литературѣ всѣхъ союзниковъ и является намъ лишь въ согласіи съ «Искрой». Трогатемень союзъ главныхъ героевъ всякихъ выходовъ, но пока «Искра» оказывается въ

силахъ защищать лишь манеры г. Чернышевскаго, которыми тотъ блеснулъ на литературномъ чтеніи 2-го марта. Главные герои брани заключили открытый конкубинатъ и потому брань имѣеть еще преумножиться.

Говоря о разлитіи ругатни въ русской литературѣ, мы разумѣемъ вовсе не однѣ выходки г. Чернышевскаго, не одни юмористическіе журналы, вообразившіе себѣ, что самое комическое явленіе русской земли — наша литература. Множество статей, повидимому, пропитанныхъ глубокою ученостью и даже сухостью, на самомъ дѣлѣ представляютъ лишь страстную ругань. Укажемъ, напр., на статью г. Чичерина: «Различные виды либерализма». Повидимому эта статья толкуеть о свободѣ, о власти, о либерализмѣ и пр.; но, всмотрѣвшись въ нее внимательнѣе, легко замѣтить, что авторъ сотворилъ свое произведеніе однимъ лишь желаніемъ отдѣлать дикую партію, обратившую «либерализмъ» въ ремесло и въ откупную статью. Очеркъ этой «партіи» и людей, стоящихъ близь нея и часто смѣшиваемыхъ съ нею, занимаетъ даже по объему почти всю статью г. Чичерина и исполненъ имъ съ усердіемъ и любовью. Мысли, приводимыя авторомъ «въ пику» отдѣлываемымъ лицамъ, нисколько не развиваются имъ, а просто небрежно роняются среди брани. Г. Чичеринъ написалъ уже нѣсколько статей съ подобнымъ направленіемъ. Отдѣлывая въ каждой своей статьѣ ненавистныхъ ему лицъ, г. Чичеринъ ни разу не задалъ себѣ вопроса о причинахъ появленія ихъ, о тѣхъ условіяхъ, которыя способствуютъ ихъ успѣху. Справедливость требуетъ сказать, что г. Чичеринъ далеко — не исключеніе между писателями такъ называемыхъ сарьбзныхъ статей.

Брань доходитъ въ литературѣ до столь страстнаго увлеченія что у насъ даже размѣры противниковъ пропадаютъ изъ глазъ. Въ «Нашемъ Времени» помѣщена цѣлая передовая статья *о манерахъ г. Чернышевскаго*; а такой чести не удостоивался нигдѣ, вѣроятно, ни одинъ герой. Поневолѣ приходитъ мысль, что эта статейка писана какимъ-либо ловкимъ поклонникомъ г. Чернышевскаго, потому-что о чтеніи послѣдняго на вечерѣ 2-го марта приличіе было бы всего заявить въ отдѣлѣ «Разныхъ извѣстій».

Страстно, крѣпко, крупно бранимся мы теперь, до отвала, и притомъ брань все идетъ crescendo. Недавно въ «Русскомъ мірѣ» пущенъ такой фейерверкъ, котораго не выдержитъ сама слѣпота куриная.

Возникаетъ серьезное опасеніе за то, чтобы въ литературѣ не случилось чего-либо подобнаго слѣдующему происшествію.

Въ ненастное время по бойкой улицѣ шла веселыми ногами баба, вся въ свѣжеразодранныхъ лохмотьяхъ и вся вываливавшаяся въ грязи. Бабѣ пришло на умъ бить ногою стекла въ подвальныхъ окнахъ, но веселыя ноги никакъ не могли исполнить высокаго намѣренія и все попадали мимо. Прохожіе останавливались и хохотали.

Вдругъ на бабу палетѣлъ ей землякъ, знакомый и, отъ негодованія и отвращенія, оцѣпенѣлъ передъ ней:

«Она была, какъ онъ, пьяна»

а у него синемалиновое лицо даже перекошилось.

Баба также остановилась и съ меньшимъ негодованіемъ и отвращеніемъ впилась глазами въ земляка. Нѣсколько мгновеній они созерцали другъ друга; казалось, въ обоихъ негодованіе возрастало; и наконецъ оба разомъ плюнули другъ другу въ лицо и—взаимная оцѣнка была кончена; началась расправа, а расправа кончилась тѣмъ, что оба дружелюбно отъправились въ кабакъ.

Конечно, ничего подобнаго еще не встрѣчалось въ литературѣ, но сердце, любящее нашу литературу, не можетъ не трепетать!—пожалуй, вѣчто схожее способно приключиться! Впрочемъ, говоря серьезно, тонъ брани уже такъ высоко поднялся, что скорѣй долженъ послѣдовать переломъ. Скорѣйшій выходъ изъ періода безцѣльной брани и возмутительной наглости до того желателенъ, что мы даже радуемся возвышенію тона до пошлости—пусть скорѣй все это перегораетъ.

Литература представляетъ почти всегда довольно полное выраженіе самого общества. Что же выражается общею поголовною бранью? — Разумѣется, всеобщее недовольство другъ другомъ, которое мы встрѣчаемъ теперь въ обществахъ, на каждомъ шагѣ.

Г. Чичеринъ говоритъ, что дворянство находится теперь въ раздраженномъ состояніи, и «Русскій Вѣстникъ» уже вполне доказалъ г. Чичерину, что онъ описываетъ теперешнее положеніе дворянства тѣми же чертами, которыми не устаетъ изображать плачевно-хаотическое положеніе литературы.

Купцы и фабриканты, какъ извѣстно, недовольны всѣмъ окрѣжающимъ, еще со времени тарифа 1857 г. Они описываютъ себя Прометеями, прикованными къ скалѣ, и хвалятся тѣмъ, что

не будь иныхъ прогрессивныхъ стремленій проклятаго тарифа, они патворили бы чудесъ. Теперешнее положеніе торговли и промышленности даетъ, впрочемъ, поводъ къ серьезному недовольству и не одному торгово-промышленному классу.

Профессора въ послѣдней степени недовольны своими слушателями, а тѣ платятъ тою же, если не болѣе звонкою монетою. Самыя старинныя связи, самыя прочныя привязанности обрываются. Новыя связи разлетаются въ одинъ день, какъ это случилось между Костомаровымъ и усердными посѣтителями его лекцій.

Общая картина состоитъ въ томъ, что каждый недоволенъ всѣмъ окружающимъ — и торговлею, и судомъ, и финансовыми обстоятельствами и проч.; но еще болѣе каждый недоволенъ всѣми наличными дѣятелями. Повсюду царятъ вражда, натянутыя отношенія, неловкія объясненія и т. п.

Посреди всеобщей вражды только одно трогательное явленіе останавливаетъ усталый взоръ. «Современникъ» совершенно доволенъ «Искрою» и «Искра» въ восторгѣ отъ «Современника». «Современникъ» не находитъ приличныхъ выраженій для воспоминаній о своемъ «геніѣ и другѣ», объ этомъ бѣдномъ Добролюбовѣ, нима котораго «Современникъ» окружилъ бранью; но тотъ же самый журналъ глубоко приличенъ въ отношеніи «Искры» приличенъ до униженія, такъ что даже прикладываетъ свою руку къ ея грязнымъ памфлетамъ. «Искра» надрывается, чтобы защитить г. Чернышевскаго, или хоть манеры его.

Несмотря на всю необычайность этого явленія, общая картина остается смѣшеніемъ языковъ всеобщаго недовольства. Все и повсюду стремится хоть сердце сорвать!

Но развѣ этого ожидали мы, вступая въ новое время всеобщаго оживленія? Развѣ подобныя явленія вызывали мы и для нихъ принесли столько тяжкихъ жертвъ?

Мы были готовы бросить для облегченія пути половину человѣческихъ стремленій, кинули въ грязь искусство, науки... и запутались, застряли въ трясинѣ всеобщаго недовольства и разьединенія.

Въ-добавокъ ко всему этому мы должны признать, что всеобщее недовольство другъ другомъ въ большей части случаевъ очень справедливо, хотя способъ выраженія его — поголовная брань — ишло и бессильно!

Оглянемся же, читатель, на дорогу, пройденную нами хотя по нѣсколькимъ отраслямъ общественной дѣятельности.

Начнемъ съ самаго моднаго вопроса—съ вопроса объ образованіи.

Повидному, относительно обученія и воспитанія мы сдѣлали много; но достаточно обратить вниманіе на крайнія точки.

Читатель, можетъ быть, самъ воспитывался въ такомъ учебномъ заведеніи, въ которомъ совершались слѣдующія операциі надъ учениками. За неловкій взглядъ учитель подзывалъ ученика и, поставивъ его коленапреклоненно передъ собою, медленно клалъ шишковую голову на свои колѣни, медленнымъ, но сильнымъ щипкомъ вырывалъ клокъ волосъ ученика и тихо сдувалъ ихъ со своихъ пальцевъ и затѣмъ опять вырывалъ и сдувалъ. Ученикъ не смѣлъ бѣжать, иначе ему грозило тѣлесное наказаніе тутъ же, въ классѣ, и даже съ посыпкою солью. Другой учитель имѣлъ привычку въ каждый учебный годъ перепарывать весь классъ. Къ концу года его постоянно топшило, если въ классѣ оставались двое или трое непоротыхъ, и наконецъ, не совладавъ съ собою, онъ являлся въ классъ не въ учебное время и взглядъ его тотчасъ упалъ на нетронутыхъ еще. Дальше—дѣло непонятное! Звѣрскія забавы, дикій развратъ и пьянство шли параллельно съ такимъ воспитаніемъ.

Но, можетъ быть, читатель воспитывался въ заведеніи другого рода, въ которомъ не поролли до безчувствія, въ которомъ если разбивали ключомъ лицо въ кровь, то лишь однимъ сторожамъ. Въ этихъ заведеніяхъ не совершалось ужасовъ съ соответствовавшею обстановкою; напротивъ, съ виду все было прилично. Правда, ровный, невыносимый гнетъ не покидалъ ни на минуту. Ученики не смѣли облокотиться, боялись ходить, какъ ходятъ обыкновенные люди; все, отъ дыханія до послѣдняго крючка, было предопредѣлено. Преподаваніе промуштровывалось до послѣдней подробности и ученики незамѣтно отвыкали отъ самой способности мыслить. Мутная струя разврата тайно опутывала не однихъ слабыхъ.

Во многихъ семействахъ воспитаніе шло по образцу упомянутыхъ нами частныхъ учебныхъ заведеній. Мы помнимъ, что нѣкій сыночекъ попросилъ у своего папеньки позволенія играть съ попугаемъ. Отецъ, воображавшій, что вся мудрость была заключена въ его головѣ, приказалъ гувернеру отряжать мальчика на игру съ попкой, ежедневно, съ 4 часовъ до 4½. Въ началѣ маль-

чикъ былъ очень доволенъ и послушенъ, но потомъ почему-то сбился съ толку и вридушилъ попугая. Подобныхъ случаевъ не перечесть.

Теперь все это стало преданіемъ старины глубокой. Теперь распустились цвѣтки прогреса!

Даже дѣвочки въ женскихъ гимназіяхъ издають промежь себя юмористическіе журналы, по увѣрнію многихъ, отнюдь не уступающіе «Искрѣ», по-крайней-мѣрѣ относительно глубины таланта. Теперь профессоръ московскаго университета, г. Киттары, завѣдующій коммерческою академіею, публикуетъ въ отчетѣ, что онъ ввелъ въ это учебное заведеніе изданіе учениками журнала и каррикатурнаго альбома «Чепухи», въ которомъ воспитанники осмѣиваютъ надзирателей, учителей и т. п. Г. Киттары самъ цензуруетъ журналъ «Чепуху», и въ заключеніе «Чепуха» заставляетъ «иногда отъ души посмѣяться» г-на Киттары. Здѣсь-уже прогрессъ отъ прогреса!

Намъ невольно вспоминается одинъ изъ учителей исторіи въ томъ заведеніи, гдѣ мы имѣли несчастіе воспитываться. Въ тогдашнее глухое время только въ немъ одномъ мы встрѣчали полный человѣческое обращеніе и энергическій призывъ на трудъ, ради правды и любви. Онъ не боялся говорить съ нами о тѣхъ великихъ вопросахъ, которые остаются тайною для человечества, но всегда пробуждаются въ юношескомъ сознаниі; но и здѣсь этотъ учитель указывалъ намъ не рѣшеніе, а тѣмъ менѣе пренебреженіе, а трудъ и трудъ. Рѣчь этого учителя всегда трезвая и спокойно-ласновое обращеніе его отражались тѣмъ же настроеніемъ у учениковъ; и какъ мы, мальчики, любили этого учителя! Перейдя въ старшіе классы, гдѣ уже не читалась исторія, мы всегда искали случая заговорить со старымъ учителемъ; и по одному тому, какъ мы толпились вокругъ него, можно было поручиться, что этотъ человѣкъ не даромъ вронесъ свой крестъ. Пусть бы попробовалъ г. Киттары предложить намъ «отъ души посмѣяться» надъ этимъ человѣкомъ.

Мы помнимъ и каррикатуры между товарищами и, смѣемъ увѣрить г. Киттары, очень убійственныя; но онѣ падали на лицъ только противоположныхъ любимому учителю и большею частію бывали вызваны не даромъ. Изданіе постояннаго каррикатурнаго альбома, подносимаго на просмотръ начальству, просто немислимо и было бы брошено самими учениками, какъ занимающее слишкомъ много времени.

Потрата времени, регламентация смѣха, предварительная цензура инспектора, возможность оскорбленія лучшихъ учителей заставляютъ насъ горѣть стыдомъ за г. Киттары, по поведуну поддержанной имъ и оглашенной на всю Россію «Чепухи». Искренно жалѣемъ мы того воспитанника, которому врученъ журнал!

Нельзя не упомянуть еще объ прогрессивномъ мнѣніи г. Киттары, публиковавшаго еще такъ недавно, что онъ не могъ воздержаться отъ тѣлесныхъ наказаній учениковъ и не стѣмѣлъ обойтись безъ розогъ.

Г. Киттары полагаютъ, что инспекторъ заведенія, чтобы не стѣснять учениковъ и учителей, долженъ появляться на урокахъ «возможно рѣже», а относительно посѣщенія заведенія въ неклассное время придерживается того же мнѣнія. Право, не лучше ли опредѣлить, когда инспекторъ долженъ дѣлать посѣщеніе и затѣмъ, вѣроятно, дѣла пойдутъ хорошо!

Кто же не знаетъ, что воспитанники всегда рады появленію любимаго лица, приносящаго имъ помощь, хотя, разумѣется, и эту можно злоупотребить? Кто не знаетъ, что, при правильномъ ходѣ дѣла, подобные вопросы не могутъ возникать и разростаться, какъ это случилось въ коммерческой академіи?

Впрочемъ, главное удовольствіе состоитъ въ томъ, что насущные вопросы остались въ тѣни и даже забвеніи.

Почти то же самое мы видѣли въ большей части нашихъ попытокъ улучшить учебныя заведенія. Мы дошли до ключиковъ, но упустили изъ виду свободу и объемъ преподаванія, средства для лучшаго приготвленія профессоровъ и пр. Наконецъ до сихъ-поръ гласность о нашихъ учебныхъ заведеніяхъ и даже публичныя лекціи профессоровъ проходятъ какъ-бы въ нѣмомъ обществѣ. Многіе изъ воспитанниковъ даже университетовъ не знаютъ иностранныхъ языковъ, а сколько руководствъ успѣли мы составить для ихъ помощи! Вѣдь наша литература, не правда ли, такъ богата специальными книгами, что руководства вовсе не нужны! По естественнымъ наукамъ у насъ еще переводили иностранныя книги; но грѣшно сказать то же о юридическихъ, политико-экономическихъ, а тѣмъ паче философскихъ.

Право, не пора ли намъ посмотреть и на самихъ себя, а для перваго случая спросить о семъ, хотя бы слушателей. При терпѣнномъ недовольствѣ другъ другу, можетъ быть, многое выскажется, и, вѣроятно, г. Киттары найдутъ болѣе полезное

занятіе, чѣмъ ценсурованіе «Чепухи», а г. Костомаровъ омончить начатое имъ печатаніе лекцій не въ журналахъ, а отдѣльными листами.

Въ одномъ изъ учебныхъ заведеній Петербурга введена новая прогрессивная система, такъ называемыхъ, репетицій.

Извѣстно, что въ послѣднее время у насъ стали посылать за границу молодыхъ людей для пріобрѣтенія свѣдѣній и для болѣе близкаго знакомства съ иностранными учрежденіями. Между прочимъ, разныя вѣдомства посылаютъ за границу молодыхъ и немолодыхъ людей, для заимствованія болѣе совершенныхъ педагогическихъ приѣмовъ.

Надобно признаться, что посланки за границу удаются далеко не всегда. Вообще замѣчаютъ, что мы схватываемъ тамъ лишь внѣшность, упуская изъ виду содержаніе дѣла.

Конечно, вездѣ труденъ первый шагъ, и вездѣ возможны ошибки; но для избѣжанія уже слишкомъ крупныхъ и для устраненія разныхъ неблагопріятныхъ послѣдствій, было-бы весьма полезно снять покровъ тайны, окружающій наши иностранныя поездки. Въ нѣкихъ случаяхъ было-бы полезно публиковать отчеты, подвергать ихъ разсмотрѣнію общественнаго мнѣнія, а въ другихъ совершенно необходимо сдѣлать гласнымъ самое приложеніе вывезенныхъ изъ заграницы сокровищъ.

Итакъ одно изъ вѣдомствъ послало за границу нѣсколькихъ избранныхъ прогрессистовъ для усвоенія наилучшихъ приѣмовъ въ дѣлѣ обученія и, притомъ спеціального. Посланный прогрессистъ возвратился, наконецъ восвоился и на своей родинѣ встрѣтился съ прогрессистомъ—инспекторомъ одного изъ учебныхъ заведеній, которому предоставлено право подвергать пробѣ разныя педагогическія мѣры. Прогрессисты разговорились и инспекторъ узналъ о новой системѣ репетицій. Онъ узналъ и тотчасъ употребилъ все свое стараніе, чтобы немедленно ввести въ порученное ему заведеніе «самоновѣйшую» систему.

Отъ вышшаго начальства было выхлопано разрѣшеніе и уже, по полученіи его, созвана конференція учителей. Къ крайнему изумленію прогрессивнаго инспектора слышались не только возраженія, но даже отверженіе прогрессивной мѣры и чуть не смѣхъ.

Прогрессистъ тотчасъ обратился въ консерватора.

«Начальство, — сказалъ онъ, — никому не навязываетъ ни своихъ

ниѣній, ни мѣста въ училищѣ, но твердо намѣрено поддерживать принятое рѣшеніе.»

Это многимъ изъ членовъ конференціи не понравилось, но консерваторъ тотчасъ обратился опять въ прогрессиста новаго рода.

Всѣ ученики желаютъ усовершенствованныхъ репетицій, объявилъ прогрессистъ.

Несмотря на всѣ достоинства инспектора, преподаватели просили занести ихъ мнѣніе въ протоколъ; но, къ сожалѣнію, протоколы эти не дѣлаются извѣстны, т. е. не посылаются, даже къ начальству.

На другой день инспекторъ объявилъ воспитанникамъ, что преподаватели, имѣя въ виду облечить учениковъ, согласились ввести новой порядокъ репетицій.

Порядокъ былъ до того прогрессивенъ, что воспитанники тотчасъ сдѣлали отпоръ. Они увѣрили, что, при новомъ порядкѣ, ихъ заставляютъ заниматься лишь для балловъ, а отнюдь не для дѣла.

Прогрессистъ-инспекторъ долженъ былъ оставить старый порядокъ во всѣхъ отдѣленіяхъ, въ которыхъ единогласно возстали на нововведеніе, и ввелъ его лишь тамъ, гдѣ оказалось хотя четыре человѣка небывшихъ противъ него. При этомъ, говорятъ, нашъ прогрессистъ изъяснилъ отчасти ту мысль, что въ оппозиціонныхъ отдѣленіяхъ не будетъ допущена переэкзаменовка.

Уже три мѣсяца новая система процвѣтаетъ въ училищѣ. Въ это время собирались еще двѣ конференціи учителей и каждая изъ нихъ представляла инспектору все болѣе и болѣе раскрывавшіяся неудобства новой системы; но на этотъ разъ прогрессистъ остался упорнымъ консерваторомъ.

Консерваторъ даже удалилъ нѣсколькихъ учителей. Замѣчаютъ, что опытность въ педагогикѣ часто влечетъ возданіе равное оставленію безъ куска хлѣба цѣлаго семейства. Впрочемъ есть ли время обращать вниманіе на подобное мелкое обстоятельство истинному и передовому другу прогресса?

Но въ чемъ же состоитъ новое изчадіе прогресса и охранительныхъ началъ?

Чтобы лучше понять это ячадіе, не мѣшаетъ сказать нѣсколько словъ о прежнемъ порядкѣ.

Тогда репетиціи были предоставлены на волю преподавателей,

которые и употребляли их преимущественно для разъясненія предмета, а также для повторенія его. Въ трудныхъ мѣстахъ репетиціи производились чаще и для нихъ задавался меньшій объемъ. Въ мѣстахъ болѣе ясныхъ задавались болѣе объемистыя статьи. Вызовъ учениковъ также былъ предоставленъ преподавателю. На репетиціяхъ, служившихъ для разъясненія, сперва вызывались сильнѣйшіе ученики, а потомъ слабые. Для оцѣнки же познаній учениковъ баллами задавались особыя повторенія, объемъ которыхъ заключалъ въ себѣ что-либо болѣе цѣлое, а не зависѣлъ отъ одного хода недѣль. На такихъ повтореніяхъ спрашивались преимущественно слабые воспитанники и преподаватель всегда бывалъ увѣренъ, что изъ 20 человекъ могли не приготовиться къ репетиціи, по лѣности, человекъ 5, которыхъ, по своей опытности, онъ могъ предугадать и вызвать для новѣрми. Чтобы большія репетиціи послѣдняго рода не сталкивались, въ одно время по нѣсколькимъ предметамъ, преподаватели, по взаимному согласію, переносили ихъ на разные дни. Такимъ образомъ, при прежнемъ порядкѣ, преподаватель имѣлъ возможность разъяснять предметъ когда то было нужно, повторять, когда то требовалось, и почти безошибочно оцѣнивалъ сравнительное достоинство учениковъ баллами.

По новому прогрессивному порядку, классъ въ 20 человекъ разбивается на партіи по 5 учениковъ и ежедневно приказомъ по училищу назначается, что такая-то партія должна отвѣчать изъ такого-то предмета. Въ учебномъ году классъ изучаетъ отъ 10 до 12 предметовъ и каждая партія, отвѣчая въ недѣлю изъ трехъ предметовъ, будетъ спрошена въ мѣсяцъ одинъ разъ. Спросивъ извѣстную партію учениковъ, преподаватель не имѣетъ уже возможности вызвать кого-либо изъ ея числа, до слѣдующей очереди. Въ эти три недѣли преподаватель, особенно живѣющій достаточное число уроковъ, прочтетъ довольно много, и партія обязана отвѣчать изо-всего прочитаннаго. Вторая репетиція становится уже обременительной; и если ученикъ что-либо упустилъ въ ней, третья сдѣлается не по силамъ. На такихъ репетиціяхъ уже нѣтъ мѣста для разъясненія дѣла, за то постановка балловъ идетъ въ совершенномъ порядкѣ. Уже не по лѣности, а по приказу начальства изъ 20 воспитанниковъ 15 не готовятся, и для нихъ репетиція пропадаетъ. Слабые воспитанники зубрятъ и получаютъ иногда лучшіе баллы, нежели способный ученикъ, положившійся на свою извѣстность учите-

лю и занявшійся приготовленіемъ по другому предмету; связь между учениками и преподавателями порвана. Учитель теряетъ возможность убѣдиться въ томъ, какъ его поняли ученики,—у иныхъ какъ бы это ни было нужно для него, онъ можетъ справиться лишь чрезъ три недѣли. Учитель видитъ, что для извѣстнаго ученика нужно разъясненіе, но не можетъ сдѣлать его иначе, какъ въ класса. Учитель обязанъ все читать и спрашивать лишь по приказу начальства. Ученики же постоянно задавлены огромными репетиціями то изъ одного, то изъ другого предмета и, выбившись изъ силъ, отвѣчаютъ преподавателю лишь то, что заблагоразсудятъ. Въ преподаваніи пошла такой хаосъ, что кажется самъ прогрессистъ начинаетъ догадываться о неладности дѣла.

Чтобы не отступить съ поля сраженія безъ нанесенія ранъ противникамъ; прогрессистъ наблюдаетъ чрезъ писарей за каждымъ завовавшимъ учителемъ, что строго записывается. Только тѣ учителя, которые читаютъ подъячковски и не нуждаются въ разъясненіи своего предмета, очень довольны инспекторомъ.

Для увеличенія числа балловъ назначаются еще репетиціи вечеромъ, и можно ожидать, что у учениковъ скоро будетъ отнято все свободное время.

Опытъ надъ 300 молодыхъ головъ не удался. Не лучшели поработать надъ одною собственною головою и хотя на время признать для нея здравый смыслъ?

Во всякомъ случаѣ поздравляемъ прогрессистовъ съ новымъ украшеніемъ! Намѣренія инспектора были наилучшія, но—увы судьба наша такова, что подъ знаменемъ лучшихъ намѣреній и убѣжденій мы дѣлаемъ далеко не лучшія дѣла. Такое несчастіе присуще не одной нашей Юдѣи!

Не меньшее пораженіе нанесли мы себѣ въ дѣлѣ выписыванія иностранныхъ рабочихъ.

Въ послѣдніе годы существованія крѣпостнаго права оно ложилось на крестьянъ съ особенною тяжестью, а вслѣдъ затѣмъ растронивались хозяйства самихъ помѣщиковъ. Во многихъ имѣніяхъ господскія запашки расширялись съ каждымъ годомъ, и, при даровомъ трудѣ, зѣмли, едва возвращавшія семена, обрабатывались и, иногда въ значительномъ отдаленіи отъ жилья. Еще заря едва занимается, а крестьянинъ уже стоитъ съ плугомъ на бороздѣ, или съ косой у травы. Возвращеніе домой съ работы приходилось уже въ такихъ потемкахъ, что хоть глазъ

школы. Деревенские старожилы вспоминают, что подобно порядки завелись не очень давно, и преимущественно въ тѣхъ мѣстностяхъ, владѣльцы которыхъ не жили дома, а были заняты службой по полкамъ, пребывавшею въ столицахъ, заграничными прогулками и пр. Еще недавно работа начиналась, когда солнце уже было довольно-высоко въ небѣ и съ работы сходила при началѣ вечерней зары, съ вѣснами; такъ знакомый деревенскій житель. У большинства прѣстѣльцевъ были добрые кони, хорошии скотъ и всегда радушное угощеніе для гостя или свѣщенника. Тяжелая обязанность обзоровъ усилилась тоже въ послѣднее время; прежде крестьяне не знали, что такое продажа хлѣба въ близкомъ городѣ — по меньшей цѣнѣ, которая покрывалась крестьянами доплатою до цѣны — въ мѣсть назначенія, указанномъ владѣльцемъ.

Съ началомъ крестьянскаго вопроса немногіе дотрадились, что прежняя заплата; при меньшихъ рабочихъ силахъ, которыми уже нельзя располагать попрежнему, должна быть уменьшена. Даже въ прошломъ году заговали по прежнему, хотя боевъ растянулся на слишкомъ большое время. Но пришла пора обживать хлѣбъ и тутъ оказалось, что часть его приходится бросить на корню.

Уже и прежде землевладѣльцы старались объ увеличеніи числа рабочихъ рукъ чрезъ приглашеніе рабочихъ со стороны и изъ-за границы. Теперь эти приглашенія еще усилились.

Повидимому, слѣдовало ожидать, что землевладѣльцы, нанявшіе рабочихъ за границей и хваставшіе постановкой хозяйства на новый ладъ, окажутся болѣе дѣльными прогрессистами, чѣмъ слово — извергатели; тутъ вопросъ шло прямо о своихъ собственныхъ интересахъ, и можно было подумать, что хоть такое обстоятельство придастъ серьезность дѣлу. Но — увы! мы и здѣсь срѣзались самымъ паразитическимъ образомъ.

Отправившіе въ Германію для найма рабочихъ, наши землевладѣльцы должны были встрѣтить значительное недоверіе къ Россіи; и на самомъ дѣлѣ, они встрѣтили его. но уже въ такихъ размѣрахъ, которыхъ трудно было ожидать. Оказалось, что ко времени этихъ первыхъ поѣздокъ за рабочими въ нѣкоторыя мѣстности Германіи уже возвращаются изъ Россіи работники, нанятые для горнозаводскаго дѣла и будто бы обманутые своими нанимателями. Несмотря на запросы во многихъ газетахъ, обстоятельства этого дѣла остались въ неизвѣстности. До-сихъ-поръ

ли не знаемъ на какіе именно заводы были наняты эти рабочіе.

Успѣхъ первыхъ переселеній обыкновенно не останавливаютъ переселенцевъ и многимъ изъ русскихъ земледѣльцевъ удалось нанять себѣ рабочихъ на очень выгодныхъ условіяхъ. Въ газетахъ появились описанія нашихъ первыхъ успѣховъ, могли убѣждавшія въ томъ, что дѣло переселенія рабочихъ въ Германію могло упрочиться лишь при хорошемъ обезпеченіи ихъ и при вполне добросовѣстномъ выполненіи всѣхъ заключенныхъ условій. Въ газетахъ изъяслялись надежды, что иностранные рабочіе, особенно нѣмцы, приучатъ насъ къ аккуратности и будутъ способствовать чрезъ это новому ходу русскихъ хозяйствъ.

Г. Шатиловъ, нанявшій германскихъ рабочихъ однимъ изъ нѣмцевъ, печаталъ, что «почти каждый рабочій допытывался, можно ли онъ получить все обѣщанное въ этой странѣ произвѣм (*dem Lande der willkühr*), не будетъ ли онъ подвергнутъ гласному наказанію, не продадутъ ли его въ рабство и т. п. Исполненіе условій, относительно матеріальнаго обезпеченія, чрезъ закупку кроватей, одѣялъ, кухонной посуды и пр., на самомъ мѣстѣ найма нѣсколько успокаивало многихъ; но, какъ говоритъ г. Шатиловъ, трудно было поколебать установившіяся понятія о русскомъ произволѣ, и часто рабочій, почти совѣмъ рѣшившись на наемъ, отказывался, отговоренный близкими и пріятельми.

При маломъ распространеніи дѣльной гласности въ русской землѣ, трудно сказать—что именно встрѣтили у насъ пересѣлившіяся рабочіе. Впрочемъ въ иностранныхъ газетахъ оглашались весьма невыгодные для насъ толки.

Въ русской журналистикѣ появлялись лишь жалобы на недобросовѣстность разныхъ агентовъ, открывшихся въ Германіи и снабжавшихъ русскихъ землевладѣльцевъ тамошними рабочими. Наибольшія обвиненія падали на гг. Ліона, Левинсона и пр.; нѣкоторые помѣщики жаловались, что имъ присылаютъ людей, незнакомыхъ съ полевыми работами и «безнравственныхъ». Несмотря на всѣ эти неблагопріятные слухи, число агентствъ постоянно увеличивается. Не говоря уже объ агентствахъ разныхъ помѣщцовъ, завелось нѣсколько агентствъ, открытыхъ русскими, напр., г. Филибусомъ, въ Нассау, и кв. Львовымъ вмѣстѣ съ г. Лицгардомъ, въ Дрезденѣ. Недавно помѣщица г-жа Гвоздева предло-

жила свои услуги по найму германскихъ рабочихъ на условіяхъ, выгодныхъ до невѣроятности. Среди такой оживленной дѣятельности по найму германскихъ рабочихъ, изображаемой русскими газетами, можно было подумать, что прогрессъ идетъ здѣсь на всѣхъ парахъ и голосъ иностранной журналистики представлялся лишь позднимъ ропотомъ зависти и недоброжелательства. Въ нашихъ газетахъ, какъ мы сказали, не появлялось свѣдѣній, относительно выполненія русскими землевладѣльцами условій, заключенныхъ ими съ переселенцами.

Въ послѣднее время къ голосу иностранной журналистики присоединились объявленія тамошнихъ правительствъ.

Въ «Днѣ» напечатано циркулярное предписаніе австрійскаго намѣстничества въ Богеміи, предостерегающее отъ переселенія въ Россію.

Берлинскій агентъ г. Левинсонъ произвелъ между чехами наемъ рабочихъ для имѣній князя Льва Кочубея. Австрійское правительство объявляетъ, что князь Кочубей «не обезпечиваетъ вѣрной будущности переселенцевъ.» Извѣстія, полученные въ Вѣнѣ отъ австрійскаго посланника въ Петербургѣ, заслуживаютъ дѣйствительно особаго вниманія.

Онъ говоритъ: «При существующихъ обстоятельствахъ нынѣшняго (русскаго) законодательства, переселеніе въ Россію, и именно во внутреннія области имперіи, весьма опасно и большею частью пагубно для переселенцевъ. Испытавши огромныя неудобства пути, пришельцы вполне преданы произволу своего господина и часто бываютъ предоставлены неограниченной власти его корыстной прислуги. Посольство въ Петербургѣ, при существующихъ отношеніяхъ, не получаетъ никакихъ, или только позднія извѣстія о несправедливостяхъ, которыми уже давно угнетены рабочіе».

Изъ того же циркуляра мы узнаемъ, что всѣ мѣста и вѣдомства въ Пруссіи получили приказаніе всячески предостерегать народъ отъ переселенія въ Россію, представляя ему на видъ бѣдствія пруссаковъ уже переселившихся. Переселенцы изъ Пруссіи были страшно обмануты въ своихъ ожиданіяхъ, возбужденныхъ безчисленными обѣщаніями; уже многіе прибѣгали къ помощи прусскаго посольства въ Петербургѣ и просили объ уничтоженіи контрактовъ и отпуска на родину. Противъ г. Левинсона открываются въ Берлинѣ такія улики, по которымъ онъ можетъ подвергнуться уголовному слѣдствію.

Черезъ эти акты иностранныхъ правительствъ дѣло о наймѣ рабочихъ въ Германіи и Чехіи пріобрѣтаетъ международный характеръ. При такомъ оборотѣ дѣла мы рѣшаемся подробно познакомить читателя съ извѣстіями о переселеніи чеховъ.

Дѣло о переселенцахъ изъ Чехіи было поднято тамошнею журналистикой. Въ «Часѣ» кто-то изъ этихъ переселенцевъ «спасшійся бѣгствомъ», напечаталъ, что его сотоварищи приняты въ Россіи самымъ враждебнымъ образомъ, что они обмануты вызвавшими ихъ землевладѣльцами, и обмануты во всѣхъ условіяхъ контракта. Чешская журналистика обобщила этотъ фактъ и разразилась громовыми статьями о невозможности довѣрять русскимъ.

Харьковскій корреспондентъ «Дня» вскорѣ имѣлъ случай узнать нѣкоторыя подробности этого дѣла. Къ нему явился одинъ изъ чеховъ, видѣвшій переселенцевъ лично и передавшій корреспонденту *нѣкоторыя бумаги чеховъ*. Къ сожалѣнію, авторъ не вполне говорить, какія именно бумаги.

Корреспондентъ сообщилъ полученныя свѣдѣнія г. Аксакову, а тотъ, разумѣется, напечаталъ ихъ.

Свѣдѣнія состояли въ слѣдующемъ:

Въ началѣ прошлаго года въ Чехіи появилось приглашеніе на переселеніе въ Россію, съ печатными контрактами, выданными берлинскимъ купцомъ Левинсономъ, какъ главнымъ уполномоченнымъ тайнаго совѣтника князя Льва Кочубея, *живущаго въ Диканькѣ Полтавской губерніи*. Переселенцевъ явилось до 60 семействъ.

Въ печатаномъ контрактѣ, который видѣлъ Харьковскій корреспондентъ «Дня», сказано, что издержки на переселеніе принимаетъ на себя, отъ имени кн. Кочубея, г. Левинсонъ. На самомъ дѣлѣ, переселенцевъ уговорили отправиться на свой счетъ до Одессы, гдѣ и обѣщали возратить назначенныя деньги. Въ контрактѣ, какъ это, вѣроятно, замѣтилъ читатель, показано лишь мѣсто жительства кн. Кочубея, а не говорится о мѣстѣ имѣнія, куда приглашались переселенцы. Имъ обѣщали на словахъ, что отправляютъ ихъ въ Крымъ. По прибытіи въ Одессу, къ переселенцамъ явился какой-то коммиссіонеръ (чей?), отобралъ у нихъ паспорта и визировалъ ихъ въ Полтавскую губернію. Недовольство чеховъ было устранено разными обѣщаніями.

По прибытіи въ Диканьку начались бѣдствія переселенцевъ. Имъ, во-первыхъ, отказали въ возвратѣ денегъ, издержанныхъ на

проездъ до Одессы, а напротивъ, стали дѣлать вычеты за доставку до Диканьки.

На основаніи прошенія, подписаннаго 15 представителями семействъ переселившихся чеховъ, корреспондентъ сообщаетъ:

а) Что, вопреки контракту, обѣщавшему «здоровое помѣщеніе съ освѣщеніемъ, отопленіемъ и съ поваренною посудою, а также отдѣльнымъ помѣщеніемъ для дѣвицъ», дѣйствительное помѣщеніе до того тѣсно, что порождаетъ болѣзни дѣтей, а топливо не получается, и съ каждымъ днемъ увеличивается число жертвъ отъ простуды.

б) Что, вопреки контракту, обѣщавшему здоровое и вполне удовлетворительное продовольствіе, опредѣленное въ количествѣ, ежемѣсячно 70 ф. ржаной муки, 20—пшеничной, 6 — крутъ, 12—мяса, 2—соли и 2—масла, на самомъ дѣлѣ мясо выдается только вонючее, которое приходится выбрасывать собакамъ; а если выдаютъ свѣжее, такъ однѣ кости. Когда начался падежъ овецъ, то стали выдавать въ пищу и падалищу.

в) Дѣтей, вопреки контракту, посылають на работу, а между тѣмъ школы, для обученія ихъ, нѣтъ.

д) Православный священникъ отказывается отпѣть тѣло покойника и освятить гробъ, такъ-что похороны въ Диканькѣ напоминають чехамъ похороны самоубійцъ на ихъ родинѣ.

Сострадавая къ несчастнымъ рабочимъ, умирающимъ отъ холода и голода, истратившимъ уже все накопленное въ Чехіи, нѣкоторые сосѣдніе помѣщики, успѣвъ, кромѣ того, подмѣтить и трудолюбіе и знаніе переселенцевъ, съ охотою стали предлагать имъ самыя выгодныя условія; но Диканьское управительство начало требовать съ переселенцевъ выкупа около 150 р. с., безъ котораго не отпускало ихъ. Два семейства уже выкуплены.

Смѣна бывшаго управляющаго г. Забѣлы не только не улучшила положенія чеховъ, но, напротивъ, количество недостатковъ провизіи стало быстро возрастать, заставляя бѣдный народъ расходовать послѣднія свои деньги. Корреспондентъ «Дня» видѣлъ девять счетовъ такой недоплаты; но онъ, къ сожалѣнію, не доиссядетъ—какіе эти были счета и кому они были поданы. Въ нѣкоторыхъ счетахъ — узнаемъ мы впрочемъ—сумма доходила къ новому году до тридцати рублей.

Кромѣ того, мы узнали очеь туманно, что переселенцамъ обѣщано на лѣто по 8 десятинъ земли; но это, конечно, не можетъ устранить темеренихъ бѣдствій. Для будущаго оно также

безмысленно, если, въ отношеніи земледѣльческихъ орудій, контрактъ станетъ соблюдаться столь же недобросовѣстно, какъ это было до-сихъ-поръ.

Къ письму своего харьковскаго корреспондента редація «Дня» сдѣлала прибавленіе, въ которомъ не обвиняя еще князя Кочубея, который могъ не знать—что дѣлается въ его Диканькѣ, вызвала публичное объясненіе князя и приглашала всѣ журналы и газеты перепечатать сообщенное извѣстіе, чтобы снять съ русской земли хотя часть упадавшего на нее нареканія.

Черезъ нѣсколько недѣль отвѣтъ князя Кочубея появился, да еще и съ очень интересными приложеніями.

Князь Кочубей, во первыхъ, сознаетъ, что событія въ его именіи Диканькѣ, какъ они напечатаны въ газетѣ «День», болѣе, нежели возмутительны; во вторыхъ, желая снять съ себя даже *косвенную ответственность*, * князь излагаетъ дѣло сообразно съ тѣми данными, которыя имѣются у него въ рукахъ.

Тутъ мы входимъ въ темный лѣсъ.

Въ началѣ князь Кочубей совершенно справедливо увѣряетъ, что его нельзя упрекать за дѣла г. Левинсона, о недобросовѣстности котораго мы уже говорили. Она была опубликована еще лѣтомъ и потому странно, что князь Кочубей до-сихъ-поръ, какъ мы увидимъ ниже, не справился объ исполненіи заключеннаго имъ съ г. Левинсономъ контракта. Но князь напрасно не хочетъ считать г. Левинсона своимъ уполномоченнымъ по выпискѣ рабочихъ. Увы! въ контрактѣ, напечатанномъ самимъ княземъ, мы видимъ, что г. Левинсону, въ случаѣ точнаго исполненія условій, дано право заключать контракты съ рабочими—обязательные не только для князя, но и для его наследниковъ. Какое же уполномоченіе еще нужно?

Потомъ князь Кочубей сообщаетъ намъ свои мнѣнія о степени возможности «болѣе чѣмъ возмутительныхъ» притѣсненій чеховъ и лоты—что не опровергаетъ возможности ни одного изъ нихъ.

Князь говоритъ, что, при сложности его управленія въ Диканькѣ, онъ не можетъ отвѣчать, чтобы не вкрались какія-либо злоупотребленія и беспорядки, но чтобы были такіе, какіе описаны въ «Днѣ», князь *не полагаетъ*. Но, вѣдь, князь можетъ ошибаться въ своихъ предположеніяхъ и тогда... Но почему же князь не полагаетъ?

Онъ говоритъ, что до чего не доходило ни одной письменной

* Курсивъ въ подлинникѣ.

или словесной жалобы отъ чеховъ. Охотно вѣримъ но вѣдь злоупотребленія могли быть и при этомъ обстоятельстве. Кроме того оказывается, что князь не получалъ вообще никакихъ извѣстій изъ своего имѣнія о чехахъ (князь, оказывается, живетъ зиму не въ имѣніи). Чтожь удивительнаго если при такой степени наблюденія князя Кочубея за своимъ имѣніемъ до него не доходили жалобы? Они просто и не могли дойти: съ тѣхъ поръ какъ князь уѣхалъ изъ имѣнія—чехи, вѣроятно, перестали знать и его адресъ.

По прибытіи переселенцевъ въ Диканьку, князь находился въ ней и, желая ободрить чеховъ, сдѣлалъ имъ сельскій праздникъ, на которомъ присутствовали и постороннія лица. Чехи благодарили князя, но жалобъ не представили.

Читатель вѣроятно знаетъ, что многіе господа въ знакъ сближенія съ народомъ и «ободренія» его устриваютъ такіе праздники, всегда кончающіеся лишь взаимною неловкостью обоихъ сторонъ. Совершенно понятно, что принесеніе жалобы, при изъясненіи благодарности за праздникъ, болѣе чѣмъ странно, а предложеніе г. Кочубея о возможности такой жалобы болѣе чѣмъ любопытно.

«Чехи благодарили меня, говоритъ князь Кочубей, но о деньгахъ истраченныхъ будто бы ими въ дорогѣ не говорили».

Такъ, но вѣдь изъ этого ясно, что князь Кочубей не обезпокоилъ себя справкою у праздновавшихъ съ нимъ чеховъ о выполненіи г. Левинсономъ заключенныхъ съ ними условій.

Послѣ праздника князь Кочубей пробылъ въ Диканькѣ три недѣли и во все это время не соизволилъ удостовѣриться лично въ положеніи чеховъ,—вѣроятно онъ вполне довѣрялъ своему управленію, за которое отвѣчать не можетъ.

«Во всѣ эти три недѣли, говоритъ князь, никто изъ чеховъ не жаловался мнѣ ни на дурное помѣщеніе, ни на дурную пищу, ни на какія бы то ни было притѣсненія вотчинной конторы, а нельзя допустить чтобы въ селеніи, гдѣ каждый лично можетъ меня видѣть, ко мнѣ не дошла ни одна жалоба, тѣмъ болѣе отъ иностранцевъ, которые непремѣнно изъяснили бы мнѣ свое неудовольствіе, если бы былъ къ тому поводъ».

Несмотря на всю доступность князя Кочубея въ его имѣніи, трудно понять это «непремѣнно». Развѣ контора не могла успокоить чеховъ какими-либо обѣщаніями? Развѣ они не могли положиться на надежду лучшаго и развѣ отъѣздъ князя былъ имъ

непрѣмѣнно извѣстенъ. Къ тому же помѣщеніе могло оказаться неудовлеоворительнымъ въ послѣдствіи, при холодахъ, и разгѣ послѣ отъѣзда князя пища не могла измѣниться. А во всякомъ случаѣ ясно, что князь не соблаговолилъ лично посѣтить помѣщеніе и удостовѣриться въ достоинствѣ отпускаемой пищи. При новости дѣла, это весьма не мѣшало бы.

Въ первые дни по прибытіи Чеховъ два семейства, увѣряетъ князь Кочубей, предложили возвратить деньги, истраченные на проѣздъ ихъ до Диканьки, съ тѣмъ, чтобы имъ предоставлено было отправиться—куда пожелаютъ. Въ этомъ не было ни малѣйшей задержки, и росписки двухъ семействъ въ уплатѣ ими денегъ хранятся въ экономической конторѣ».

Князь не объясняетъ намъ, причины подобнаго и столь скорого рѣшенія прибывшихъ переселенцевъ, хотя и былъ свидѣтелемъ его, т. е. находился въ то время въ имѣніи.

Князь сомнѣвается, чтобы тѣснота помѣщенія могла вызвать болѣзнь между дѣтьми, сомнѣвается, и только! Сомнѣніе основывается, какъ кажется, на томъ, что еще до прибытія переселенцевъ князь предписалъ вотчинной конторѣ размѣстить переселенцевъ удобно и снабдить ихъ всѣмъ необходимымъ даже сверхъ контракта. Но вѣдь изъ этого не слѣдуетъ, что это исполнено. Мы также сомнѣваемся въ возможности многоаго, а не смотря на это, многое сбывается съ неожиданностію, которая заставляетъ лично удостовѣряться въ дѣлѣ, отъ котораго зависитъ благосостояніе многихъ. Отчего бы князю Кочубею не разрѣшить свои сомнѣнія посылкою довѣреннаго лица въ Диканьку?

Относительно недодачи провизіи, костей и пр. князь Кочубей совершенно промолчать изволили, но «оши» все таки находятъ, что говорить смѣшно, чтобы при средствахъ ихъ имѣнія и въ краю, гдѣ фунтъ баранины стоитъ около трехъ копѣекъ, можно было выдавать «падалъ вмѣсто свѣжаго мяса». Конечно смѣшно и возмутительно, но то ли еще бываетъ на бѣломъ свѣтѣ! Приходилось и намъ напр. въ одномъ изъ учебныхъ заведеній, видѣть кашу изъ крупы и червей. Странные взгляды у князя Кочубея.

Не выдача переселенцамъ топлива совершенно непонятна для владѣльца Диканьки, ибо и въ тамошней мѣстности употребляется на это кизякъ—матеріалъ весьма дешевый и изготовляемый въ имѣніи князя въ большомъ количествѣ. Смѣемъ увѣрить почтен-

наго владѣльца, Диканьки, что намъ, напр., непонятенъ его отвѣтъ, но тѣмъ не менѣе онъ существуетъ.

Отказать въ кизякѣ тому, кому дано помѣщеніе, отапливаемое экономіею, совершенно *немысленно*. Мѣтко сказано, но такихъ мыслимоостей часто не оберешься. Больнымъ и умиравшимъ иногда отказывали въ помѣщеніи, или въ лекарствахъ и пр.; да мало ли въ чемъ иногда отказываютъ! Вотъ самъ князь Кочубей чуть-было не отказалъ намъ въ своемъ объясненіи, а это было бы еще менѣе мыслимо, чѣмъ отказъ въ кизякѣ.

Неуплату жалованья, князь не можетъ обьяснить себѣ иначе, какъ вычетомъ за прогульные дни. Это уже сдѣшкомъ, и сбивается на неумѣстную шутку. Наконецъ, нужно бы знать, въ чемъ было дѣло, а способность князя на обьясненіе вовсе не интересна. Не-уже-ли князь въ самомъ дѣлѣ не можетъ предполагать ничего другого, и почему же въ такомъ случаѣ онъ не беретъ отвѣчать за свою контору?

Высылка дѣтей на работу безъ платы, по мнѣнію князя, смѣло можетъ быть причислена къ вымысламъ—таки и все, не потому, чтобы князь сколько-нибудь справился о ней, а потому, что:

«Въ порядочныхъ мѣстахъ и при существованіи крестьянскаго права старики и дѣти забавлялись отъ барщины!»

Вотъ какъ! но не советуемъ князю всегда полагаться на старыя порядки, бывшія при другихъ лицахъ! Этакъ многое можетъ замѣниться.

Въ Диканькѣ постоянно живетъ лекаръ при больницѣ, въ которую принимаютъ лица—даже посторонія диканьской экономіи. «Странно—говоритъ князь—было бы дѣлать исключеніе для переселенцевъ, о которыхъ вѣтчинному управленію вѣдь *особенно* заботиться». Дѣйствительно очень странно и даже въ послѣдней мѣрѣ возмутительно.

Отказъ священника—освятить гробъя не отвергаю—говоритъ князь—хотя въ этомъ фактѣ янльно сомнѣваюсь; но въ 24 верстахъ, въ Полтавѣ, есть и лютеранскій насторъ и католическій священникъ». Князь, кажется, шутитъ до неприличности! Да кому же, наконецъ, какъ не ему, слѣдовало озаботиться объ этомъ дѣлѣ.

Князю непонятно недоразумѣніе переселенцевъ относительно обьявленнаго имъ переселенія въ Крымъ вмѣстѣ Полтавской губерніи, такъ-какъ въ контрактѣ съ г. Лоуиссономъ сказано,

что рабочіе нанимаются въ имѣніа князя Кочубея, которыхъ въ Крыму нѣтъ. На самомъ дѣлѣ это очень понятно: это могло-быть дѣломъ г. Левинсона; но вотъ что дѣйствительно непонятно. Контракты, выданные княземъ Кочубеемъ, Левинсому дали этому послѣднему возможность подобной продѣлки: по старой забывчивости *въ контрактахъ означено только мѣсто жительства князя Кочубея, а о мѣстѣ его имѣній не говорится ни слова, хотя путь и назначенъ чрезъ Одессу.* Это дѣйствительно несомнѣнно понятно.

Относительно комиссіонера, присланнаго отъ диканьскаго управленія въ Одессу, мы ничего не узнаемъ. Богъ знаетъ, далъ ли онъ отчетъ князю, но послѣдній считаетъ невѣроятнымъ, чтобы комиссіонеръ могъ увѣрять переселенцевъ въ трехъ дневномъ пути въ Диканьку: «дотому-что 600 верстное разстояніе говоритъ само за себя.» Опять неумѣстная шутка! Да не говори оно ничего, тогда не было и рѣчи объ обманѣ со стороны комиссіонера, а мы полагаемъ, что никакое разстояніе ничего не говоритъ за нравственность поступковъ какого либо лица. Вѣдь чехи навѣрно не знали разстоянія до Диканьки.

«При этомъ считаю нужнымъ сказать — говоритъ князь—что, для облегченія въ пути переселенцевъ, я нанялъ на свой счетъ для каждаго четырехъ человекъ по одной подводѣ.»

Смѣемъ увѣрить князя, что это нужно было сказать только для шутки! Кто же могъ думать, чтобы семейства съ дѣтьми прошли пѣшкомъ 600 верстъ! Мы истинно завидуемъ шутивому расположенію князя.

Что касается до неуплаты переселенцамъ денегъ за переѣздъ, то князь Кочубей спрашиваетъ: не показываютъ ли росписки двухъ ушедшихъ семействъ въ возвращеніи ими денегъ за переѣздъ—не показываютъ ли онѣ противнаго? Мы же видимъ здѣсь только то, что деньги взысканы съ двухъ семействъ, а правильно ли или нѣтъ, и въ какомъ количествѣ, — это неизвѣстно. Чехи именно говорятъ, что взысканіе неправильно; что оно представляется имъ въ видѣ выкупа, и что они прибыли въ Одессу на свой счетъ, въ чемъ, разумѣется, виновать г. Левинсонъ, а не князь Кочубей.

Въ бытность свою въ Диканькѣ князь самъ наблюдалъ за работою переселенцевъ и убѣдился въ неспособности большей части изъ нихъ къ полевымъ работамъ, а также въ неудовлетворительности поведенія нѣкоторыхъ, а потому рѣшился выслать

переселенцевъ-иностранцевъ весною на родину, что и думаетъ исполнить, потому князь не заводилъ для нихъ и школы. Мы увѣрены, что эта высылка будетъ также на подводахъ, а не пѣшкомъ!

Князь Кочубей говоритъ, что нравственное поведеніе переселенцевъ не заслуживаетъ довѣрія, а между тѣмъ самъ же свидѣтельствуесть, что кузцены и овчары, — тоже переселенцы — при хорошемъ поведеніи, прилежно и съ успѣхомъ исполняютъ свои обязанности.

Мы считали совершенно необходимымъ представить читателямъ это дѣло во всей подробности. Совершенно ясно, что, уволивъ на заключеніе контрактовъ г. Левинсона, князь Кочубей не позаботился паблюсти за исполненіемъ ихъ, а также упустилъ изъ виду необходимость личнаго наблюденія за дѣломъ. Письмо харьковского корреспондента «Дня» почти по всѣмъ пунктамъ осталось неопровергнутымъ. Наши прогрессисты-помѣщики, думающіе устроить свое хозяйство чрезъ выписку иностранныхъ рабочихъ, могутъ извлечь здѣсь множество указаній.

Нѣкоторыя газеты отказались исполнить просьбу г. Аксакова и перепечатать свѣдѣнія о чехахъ въ Диканькѣ. Газеты наши, что, прежде публикація подобныхъ свѣдѣній, ихъ слѣдовало сообщать князю Кочубею и публиковать только въ случаѣ неудовлетворительности его отвѣта. Таково, между прочимъ, было мнѣніе неофициальной части «Сѣверной Почты», которая, какъ сказано въ 1-й этой газеты, находится точно въ такомъ же независимомъ положеніи, какъ и всѣ прочія газеты. Редакція «Сѣверной Почты» объявила, будто ей извѣстно, что князь живетъ въ своемъ имѣніи, но это не подтвердилось.

Мнѣніе газетъ, неприсоединившихся къ голосу самого г. Аксакова, мы считаемъ совершенно невѣрнымъ. Удовольствившись въ возможности хотя значительной только справедливости извѣстнаго обвиненія (запр. въ настоящемъ случаѣ корреспондентъ видѣлъ брата Сеховъ и очевидца ихъ положенія), нѣтъ никакой возможности разсуждать о положеніи факта на просмотръ всѣхъ прикосновенныхъ къ дѣлу. Не говоря уже о томъ, что часто дѣло не терпитъ отлагательства, нѣтъ никакой возможности знать адреса корреспондента и остается только принять изложеніе на свое усмотрѣніе, что вполне допускается закономъ. Такъ и поступилъ г. Аксаковъ, и хвала ему за это!

Дѣло г. Лаговскаго показываетъ, что сама администрація не считаетъ нужнымъ сообщать заявляемый фактъ прикосновеннымъ лицамъ, если справедливость заявленія почти очевидна.

Отъ департамента податей и сборовъ опубликовано:

Къ одному изъ лицъ, избранныхъ для занятія должности управляющаго питейными сборами, 15 марта зашелъ отставной кол. секр. Лаговскій и подавъ прошеніе объ опредѣленіи его старшимъ ревизоромъ. На другой день, когда будущаго управляющаго не было дома, его опять посѣтилъ г. Лаговскій и оставилъ въ запечатанномъ конвертѣ 1000 р. с. и свою визитную карточку съ адресомъ.

Всѣ документы, доставленные г. Лаговскимъ, были препровождены къ директору департамента податей и сборовъ, и послѣдній опубликовалъ ихъ, не посылая къ г. Лаговскому на просмотръ. Оказывается, что г. Лаговскій служилъ уже по откупамъ въ Ставрополѣ. Деньги, доставленные г. Лаговскимъ, по неизвѣстности ихъ назначенія, записаны въ особую книгу департамента, впредь до распоряженія.

Было очень пріятно, чтобы всѣ мѣста по будущему акцизному управленію отличались такимъ же безкорыстіемъ; но мы не думаемъ, чтобы публикація поступка г. Лаговскаго предупредила смѣлость другихъ. Напримѣръ, знаменитая публикація г. Вышнеградскаго врядъ ли распространила безкорыстіе.

Никто никогда не могъ думать, чтобы князь Кочубей былъ прямо виноватъ въ чемъ-либо подобномъ тѣмъ вопіющимъ обвинениямъ, которые описаны въ корреспонденціи «Дня». Напротивъ, отъ князя ждали разъясненія того обстоятельства, что его дорѣченностью злоупотребляютъ и тѣмъ наводятъ нареканіе не только на него, но и на все общество. Почему же князь Кочубей увѣряетъ насъ, что онъ не отвѣчалъ бы на статью «Дня», въ которой не было даже намекъ на него, и это при всемъ уваженіи къ общественному мнѣнію! Князь рѣшился отвѣчать только потому, что нѣкоторыя газеты не рѣшились присоединиться къ голосу «Дня», просящаго разъясненія отъ князя! Почему все это? И какое это уваженіе къ общественному мнѣнію! Во всякомъ случаѣ, мы очень рады, что нѣкоторыя газеты избавили князя Кочубея отъ огромной ошибки.

Къ отвѣту князя Кочубея приложены письма князя Голицына и г. Смирнова. Оба они получили отъ г. Левицкова крайне неудовлетворительныхъ рабочихъ и оба прогнали ихъ — г.

Смирновъ—давъ изгнаннымъ деньги для возвращенія въ Берлинъ, а князь Голицынъ—взявъ съ изгоняемыхъ росписки въ возвратъ денегъ, затраченныхъ на проѣздъ этихъ рабочихъ. Оба автора приложений къ отвѣту князя Кочубея считаютъ, будто князь былъ обвиненъ въ «Дѣ» (дурно же читаютъ эти господа!) и оба полагаютъ, что въ Диканьѣ должно было произойти то же, что случилось въ ихъ имѣнιάхъ. Наконецъ мы узнаемъ, что въ имѣнія обоихъ были приглашены не чехи—и въ заключеніи оба крайне недовольны публикаціею «Дня».

Г. Смирновъ подымаетъ это дѣло даже на степень вопроса о будущности Россіи.

Наши прогрессисты (оба они за гласность въ извѣстныхъ предѣлахъ благонамѣренности), надо признаться, разыграли передъ г. Левинсономъ очень смѣшную роль людей, доверяющихся первому встрѣчному и ненаблюдающихъ за исполненіемъ доверенности.

Г. Смирнову, какъ сообщаетъ онъ, былъ присланъ даже *помощникъ палача*. Почти всѣ работники прибыли къ нему съ незаконными женами, а не хорошей нравственности, какъ требовалось. Всѣ они оказались *въ теченіе немногихъ дней* пьяницами, ворами и такими лѣнтяями, что даже въ 7 часовъ не выходили на работу. При этомъ ежедневно дрались между собой и до такой степени, что управляющій г. Смирнова, изъ нѣмцевъ, опасался смертнаго случая.

Такая поговорная безнравственность всѣхъ, за исключеніемъ пяти, очень замѣчательна. Къ счастью, г. Смирновъ, или его управляющій, обладаютъ способностію узнавать нравственность людей въ теченіе нѣсколькихъ дней! Истинно радуемся такой способности иныхъ землевладѣльцевъ: она предохранитъ ихъ отъ многихъ бѣдъ.

Князю Голицыну г. Левинсонъ прислалъ, вмѣсто земледѣльцевъ, булочника, хлѣбника, камердинера и т. п. *вообще* людей, неспособныхъ къ полевымъ работамъ и совершенно безнравственныхъ. Уѣхавъ изъ своего имѣнія въ Москву, князь Голицынъ на другой день по пріѣздѣ получилъ отъ своей матушки письмо, «въ которомъ она умоляла меня—говоритъ авторъ—возвратиться скорѣе, потому что не знаетъ, какъ избавиться отъ грубостей на каждомъ шагу, ей дѣлаемыхъ иностранными работниками». Отсюда ясно, что, прибывъ въ Россію, работники

ведут себя иначе, чѣмъ за границей. Какъ Голицынъ описы-
ваетъ еще нѣкоторые частные случаи.

Рабочіе отосланные къ Голицынскимъ и г. Смирновымъ, жа-
ловались тоже на притѣсненія; но намъ неизвѣстно, въ чемъ
именно состояли ихъ жалобы во всей подробности, хотя мы
охотно вѣримъ, что виноваты были одни рабочіе. Жалобы пе-
реселенцевъ, приглашенныхъ въ имѣніе кн. Голицына, доходили
до прусскаго посольства, но онѣ намъ неизвѣстны.

Нельзя не замѣтить, что всѣ, получившіе рабочихъ отъ г.
Левинсона, жалуются на его недобросовѣстность и на то, что
прибывающіе изъ Германіи переселенцы составляютъ отребье
общества. За то не одинъ изъ русскихъ землевладѣльцевъ не
сумѣлъ заинтересовать дурныхъ переселенцевъ въ хорошень-
комъ исполненіи обязанностей. Нѣмецкія газеты увѣряютъ также, буд-
то къ намъ идетъ не одно отребье Германіи, но и порядочные
люди, которые за то не находятъ выгодными условія жизни рус-
скаго работника, и готовы выказать всякую безнравственность,
лишь бы ихъ прогнали на родину.

Во всякомъ случаѣ, виновать ли г. Левинсонъ, или рабочіе,
или русскіе землевладѣльцы, но ясно, что мы не сумѣли вы-
писывать изъ заграничныя рабочихъ, а тѣмъ менѣе умѣли заин-
тересовать ихъ въ дѣлѣ. И тутъ русскій прогрессъ срѣзался и
даже до того, что наши землевладѣльцы еще не обсуждали
вопроса объ условіяхъ, необходимыхъ для болѣе уснѣшной вы-
сылки.

Неужели можно серьезно думать, что какой-нибудь неизвѣст-
ный намъ агентъ-нѣмецъ, способенъ заключать условія, по кото-
рымъ намъ придется жить съ нѣсколькими десятками семействъ?
Условія переселенія опредѣлялись заранее, когда самъ агентъ
не имѣлъ никакого понятія о требованіяхъ лицъ, задумывавшихъ
переселеніе. Чтобы быть добросовѣстнымъ, онъ долженъ былъ
точно держаться условій, и тогда дѣло разстроивалось изъ-за
пустыхъ подробностей. Для преодоленія этихъ подробностей ста-
новилось весьма искусительно наговорить переселенцамъ разныя
объщанія, которыя падали, разумѣется, на землевладѣльца, часто
ничего не знавшаго о нихъ. Но если агентъ былъ недобросовѣ-
стенъ, то, имѣя полную возможность надуть обѣ стороны, не
вступавшія въ прямое соприкосновеніе другъ съ другомъ, онъ
глубоко ловилъ рыбу въ мутной водѣ и заваривалъ такую кашу,
которую потомъ уже нельзя было расхлебать. Для такого важ-

наго дѣла, какъ переселеніе рабочихъ, необходима воззвѣдка са-
мого землевладѣльца и непосредственные переговоры съ пере-
селенцами. Мы не думаемъ, чтобы въ сложномъ дѣлѣ пересе-
ленія какое-нибудь агентство могло представить достаточныя га-
рантіи, особенно на первое время.

Нѣкоторые землевладѣльцы стараются достать рабочихъ изъ
Германіи за самую ничтожную плату. Г-жа Гладкая готова до-
ставлять переселенцевъ съ платою жалованья отъ 17 до 20
р. с. въ годъ и съ стоимостью проѣзда рабочаго въ 15 р. с.
Разумѣется, на такія условія согласятся только тѣ люди, кото-
рымъ терять нечего. Неудивительно, что землевладѣльцы, выпи-
сывавшіе иностранныхъ рабочихъ, такъ много жалуются на
нихъ,—до-сихъ-поръ мы не думали заинтересовать рабочихъ въ
нашемъ хозяйствѣ, а старались набрать ихъ возможно поде-
шевле. Пока мы еще не слышали о томъ, чтобы къ намъ пере-
селились арендаторы.

Въ прогрессивномъ дѣлѣ переселенія мы даже запрашивали
большіе капиталы, но и здѣсь поступали со всегдашнимъ легко-
мысліемъ нашимъ. Оно кажется довольно упорно, какъ пока-
зываетъ отвѣтъ кн. Кочубея.

Скажемъ еще нѣсколько словъ о ходѣ воскресныхъ школъ.

Можетъ быть никогда не было болѣе благопріятной минуты
для ихъ появленія и процвѣтанія, чѣмъ въ наше время. Уни-
чтоженіе крѣпостнаго права и предоставленіе крестьянамъ на-
чала самоуправленія дало окончательный толчокъ стремленію къ
грамотности. Въ обществѣ образованныхъ людей распространи-
лось сознаніе насущной необходимости скорѣйшаго сближенія
съ народомъ,—а сообщеніе первыхъ средствъ образованія пред-
ставляло лучшее средство къ началу такого сближенія. Какъ
извѣстно, мы не очень заняты и досугъ имѣемъ. Школы требо-
вали впрочемъ немного,—утра воскреснаго дня и нѣсколькихъ
вечеровъ для сходокъ преподавателей.

Въ началѣ успѣхъ воскресныхъ школъ былъ блестящъ,—онѣ
открылись во множествѣ, имѣли много средствъ, много учите-
лей и много учениковъ. Устройство школъ устраняло всѣ стѣ-
сненія, которыхъ мы такъ не любимъ. Ходомъ преподаванія за-
вѣдывала сходка учителей и лишь исполнительная власть была
предоставлена распорядителю школы, избранному самими пре-
подавателями и постоянно контролируемому ими. Ученики дѣла-
лись на кружки и каждый кружокъ поручался особому прецо-

давателю, что давало возможность установить прочныя отношенія къ ученикамъ.

Не прошло двухъ лѣтъ, — уже часть школъ закрыта, а существующія бѣдны средствами, бѣдны учителями и небогаты учениками.

Два тяжелыя испытанія вынесли воскресныя школы.

Одно изъ первыхъ условий для успѣха школы должно состоять въ самомъ точномъ исполненіи всѣхъ обѣщаній, данныхъ ученикамъ. Малѣйшая неаккуратность въ этомъ дѣлѣ подрываетъ довѣріе учениковъ, а только имъ и можетъ держаться школа. Регламентация поставила учителей въ невозможность исполнить многія обѣщанія. Самое объясненіе причинъ такой несостоятельности было затруднительно. Вы общаете, напр., такое-то объяснительное чтеніе, можетъ быть начнете его, — и скоро должны остановиться. Переговоривъ съ учениками, вы назначаете начало уроковъ въ наиболѣе удобный для нихъ часъ и, пріѣхавъ въ школу къ этому времени, узнаете, что уроки начнутся тогда-то, а до тѣхъ поръ и ученики и учителя гуляютъ по школѣ. Вы купите для школы такихъ-то книгъ, а ученики едва-ли увидятъ ихъ.

Подобныя обстоятельства продолжались недолго, но они нанесли тяжелый ударъ, спутавъ дѣло и подорвавъ довѣріе.

Едва-ли не сильнѣйшій ударъ потерпѣли школы отъ самихъ преподавателей. Многіе прогрессисты позволяли себѣ опаздывать и даже манкировать пріѣздомъ уже неумѣренно часто, а между тѣмъ претензіи такихъ господъ были громадны.

Мы уже сказали, что школа дѣлилась на кружки и при маломъ времени преподаванія это было совершенно необходимо. Если учитель не пришелъ, то его кружокъ приходилось либо поручить другому учителю, либо, за недостаткомъ свободныхъ учителей, соединить съ другимъ кружкомъ, въ который учитель явился. Но новый учитель не зналъ, что и какъ именно прошелъ порученный ему на время кружокъ, а при соединеніи кружковъ постоянно оказывалось, что они идутъ весьма различно. Въ школахъ постоянно приходили новые ученики; кружки, образованные въ разное время, шли, разумѣется, не параллельно, да и успѣхи учениковъ были весьма различны. Отпускъ кружка домой, въ случаѣ неприхода преподавателя, возбуждалъ неудовольствіе учениковъ и такимъ образомъ манкировка преподавателя путала всю школу. Нѣкоторые прогрессисты не только манки-

ровали отлично, но еще всегда опаздывали, и случалось 1/4 часа изъ двухъ, назначенныхъ для урока. Видя, что преподаватель не прѣзжаетъ, что уже прошло почти полчаса урока, распорядитель, къ которому постоянно пристають учителя, обратится къ какому-либо изъ прѣзжавшихъ, и поставленный учитель иногда сгоняется съ прѣзжавшимъ преподавателемъ на половинѣ урока. Попадались такіе молодцы, которые, запоздав на половину, подымали еще въ школѣ разныя претензіи, если отъ нихъ намѣревались отобрать кружокъ.

Теперь въ школахъ остались лица, серьёзно преданные дѣлу и нашедшія досугъ для изученія разныхъ системъ преподаванія. Опираясь на этихъ избранныхъ, школы вновь подымутся, но для этого необходимо, чтобы преподаватели строго смотрѣли за взаимною аккуратностью.

Остановимся на этихъ примѣрахъ различныхъ успѣховъ нашихъ на поприщѣ прогресса. Перечисляя ихъ, мы не имѣли ни намѣренія, ни возможности всесторонне обсудить поднятые вопросы. Мы знаемъ связь воскресныхъ школъ съ состояніемъ нашей литературы, намъ извѣстны многіе недостатки ихъ устройства, но на этотъ разъ рѣчь идетъ о другомъ.

Мы желали указать только на то великое легкомысліе, съ которымъ дѣйствуютъ многіе прогрессисты и которое порождаетъ взаимное недовольство другъ съ другомъ. Мы выбрали нарочито слишкомъ некрупные примѣры!

Въ былыя времена у насъ думали, что общественное зло происходитъ отъ немногихъ причинъ и отъ «чудовища неправды». До-сихъ-поръ многіе не хотятъ отвести своихъ глазъ отъ этихъ причинъ, отъ этого чудовища, но увы! въ насъ живутъ тѣ же самыя чудовища и мы сами служимъ самыми прямыми причинами нашего неуспѣха. Не упуская изъ виду главныхъ порождений невѣжества, не мѣшаетъ обратить взглядъ и вглубь самихъ себя.

ПОЛИТИКА.

Распущеніе прусской палаты депутатовъ.—Перемена министерства.—Сдѣловія кризиса. — Путешествіе австрійскаго императора и аресты. — Финансы въ Австріи.—Ратаици и Provedimento.—Путешествіе Гарибальди. — Положеніе дѣлъ въ Римѣ и Неаполѣ. Греческое возстаніе. — Турецкій заемъ.—Протестъ турецкаго правительства противъ Черногоріи. — Характеръ сессіи англійскаго парламента.

Давно ожидаемый въ Пруссіи политическій кризисъ совершился. Палаты распущены; такъ называемое либеральное министерство вышло въ отставку; государственные люди, въ родѣ Мантефеля и ко, стали у кормила правленія, но на долго ли и твердою ли ногою стали—все это *покрыто мракомъ неизвѣстности*. Последствія кризиса еще теперь неполнѣ обозначались; добрые нѣмцы толкуютъ много, шутятъ, острятъ; «Кладдератчъ» и «Дорфбарбиръ» одинъ передъ другимъ въ запуски угощаютъ публику самыми отчаянными *вицами*, между тѣмъ вездѣ царствуютъ порядокъ и (если вѣрить «Крестовой газетѣ») безпредѣльное довѣріе народа къ твердости правительства. Однако нельзя не признать за *знаменіе времени*, хоть, на примѣръ, и то обстоятельство, что депутаты, возвращаясь къ своимъ палатамъ, были повсюду встрѣчаемы съ восторгомъ.

Все дѣло завязалось, какъ выражаются нѣкоторыя нѣмецкія газеты, изъ-за *нустяковъ*. Палата депутатовъ потребовала, чтобы бюджетъ на 1862 г. представленъ былъ ей со всевозможными подробностями, причѣмъ одинъ изъ депутатовъ предложилъ, чтобы каждая сумма, входящая въ составъ бюджета, рас-

ходила только на тотъ предметъ, на который вотирована. Министерство упорно заявляло, что бюджетъ слѣдуетъ принять въ томъ видѣ, какъ онъ есть, что теперь некогда измѣнять его; что можно подождать и до будущаго года, что этакъ, пожалуй, всѣмъ министрамъ придется въ отставку выйти и т. д. Министръ Патовъ даже выразилъ мысль, что едва-ли сохранится эквilibriumъ властей, нужный для благосостоянія страны, если палата не сдѣлаетъ уступки. Однако палата не убѣдилась доводами правительственныхъ ораторовъ и предложеніе депутата Гагена было принято 171 голосами противъ 143. Католическая партія вотировала на сторонѣ меньшинства.

8-го марта министерство попросило президента палаты депутатовъ отложить назначенное въ тотъ день засѣданіе, потому-что министры не могли присутствовать на этомъ засѣданіи, по случаю особыхъ занятій чрезвычайной важности. Въ часть по полудни министры собрались во дворцѣ у короля и, послѣ короткаго совѣщанія, всѣ подали въ отставку. Отставка не была принята. Вотъ слова королевскаго рескрипта, послѣдовавшаго по этому случаю. «Въ отвѣтъ на просьбу министерства, я даю знать, что не могу на нее согласиться, такъ-какъ министерство пользуется моею довѣренностью и уваженіемъ благоразумно-мыслящей части народа».

Послѣ этихъ событій всѣ естественно ждали съ-часу на-часъ распущенія второй палаты. Министры непрерывно собирались во дворцѣ и между ними, королемъ и наследнымъ принцемъ происходили долгія и жаркія пренія. Говорятъ, что министерство не одобряло предложенной королемъ мѣры относительно распущенія депутатовъ. Оно выставляло на видъ тотъ фактъ, что новая палата, пожалуй будетъ еще либеральнѣе прежней. Наслѣдный принцъ, съ своей стороны, предложилъ слѣдующее: отерочить засѣданіе депутатовъ на шесть недѣль, подъ предлогомъ измѣненія закона о бюджетѣ, тѣмъ временемъ страсти поутихнутъ, голосъ разсудка вступитъ въ свои права, а потомъ можно будетъ пустить въ ходъ дѣла гессенскія и шлезвиг-голлштейнскія; дѣла же эти приведутъ въ свою очередь къ успѣшному исходу проекты законовъ объ арміи, проекты, которыми такъ интересуется король. Но предложеніе принца не было принято.

11-го марта толпы народа валили къ зданію палаты депутатовъ. Въ самой залѣ, гдѣ происходятъ засѣданія, яблоку, какъ говорится, негдѣ было упасть. Между депутатами всдѣ шли оживленные разговоры.

Въ 10 часовъ министры прибыли въ залу. Временный президентъ министерства фон-дер-Гейдтъ прочелъ королевское повелѣніе о распущеніи палаты депутатовъ и объ отстрочкѣ засѣданій верхней палаты.

Президентъ палаты депутатовъ Грабовъ, поблагодаривъ представителей за оказанное ему содѣйствіе въ исполненіи его обязанностей, объявилъ, что настоящая законодательная сессія окончена. Рѣчь свою онъ заключилъ словами: «да здравствуетъ король!» Депутаты три раза повторили этотъ возгласъ. Одни по-прежнему сохранили молчаніе.

Спокойствіе въ городѣ не было нарушено ни на минуту; а потому принятыя правительствомъ энергическія мѣры, въ родѣ снабженія войскъ запасомъ пороха и картечи, остались совершенно излишними.

Вслѣдъ за распущеніемъ палаты вышелъ въ отставку Бетмапъ-Гальвегъ, министръ вѣроисповѣданій. Крестовая Газета увѣряетъ, что онъ требовалъ состава министерства на совершенно консервативныхъ началахъ. Между Гальвегомъ и его товарищами вообще дѣло какъ-то не спорилось. Въмѣсто князя гогенцоллернъ-зигмарингенскаго президентомъ совѣта министровъ король назначилъ генерала отъ кавалеріи князя Гогенлоэ-Ингельфинина-Эрингера. Это послѣднее назначеніе произвело неблагопріятное впечатлѣніе на прогресистскую партію. Порученіе князю Гогенлоэ званія президента министерскаго совѣта многими было принято за отсрочку преобразования палаты *юсподъ*, преобразования, котораго такъ настоятельно требуетъ общественное мнѣніе. Гогенлоэ занимаетъ мѣсто президента въ верхней палатѣ; онъ всегда вотируетъ тамъ въ пользу министерства. Впрочемъ, говорятъ, что сторонники феодальныхъ началъ не слишкомъ-то его долюбиваютъ.

Мнѣніе различныхъ партій высказалось о назначеніи новаго президента слѣдующимъ образомъ: національная газета предполагала, что Гогенлоэ только подставное лицо, а главная роль въ кабинетѣ будетъ принадлежать министру торговли фон-дер-Гейдту, и что нужно отложить всякое попеченіе о либеральномъ направленіи министерства, а потому всѣмъ партіямъ слѣдуетъ дружно собраться подъ знаменемъ оппозиціи. Берлинская всеобщая газета, выразившись съ большою умѣренностью, говорила, что нужно подождать, и что назначеніе Гогенлоэ должно разъявится временемъ; либеральная партія обнародовала свою программу, въ которой требуетъ вѣрности королю и конституціи, либерализма со стороны правительства, развитія конституціонныхъ началъ, единства администраціи, реформы верхней палаты и преобразования арміи.

Въ свою очередь, симптомы министерскаго кризиса, вытекавшіе изъ всей постановки событій, стали чувствоваться сильнѣе послѣ распущенія палаты. Представители различныхъ партій, естественно, не могли согласиться въ образѣ дѣйствій. Министры - либералы и министры - консерваторы представили, каждый отдельно, свои соображенія королю. Такимъ образомъ комбинація

либерально-консервативнаго кабинета, напоминавшая крыловскую басню, не могла удасться.

Положеніе кабинета становилось все натянутѣе и натянутѣе. Назначеніе новыхъ министровъ не могло оставаться тайною для страны. При этомъ могли ошибаться въ именахъ, называя то одного, то другого кандидата; но не въ *суть* убѣжденій предлагаемыхъ кандидатовъ, который обѣщаль быть одинаковымъ.

Въ надеждѣ не обманулись. Новый кабинетъ представляетъ теперь зрѣлище полной гармоніи убѣжденій своихъ членовъ. Министрами назначены: торговли и финансовъ фон-дер-Гейдтъ, земледѣлія — графъ Итоценлицъ, вѣроисповѣданій — Мюлееръ, юстиціи — графъ фон-Диппе, внутреннихъ дѣлъ — Яговъ. Изъ этихъ лицъ графъ фон-Диппе занималъ до сихъ-поръ должность королевскаго прокурора, а Яговъ — должность президента полиціи.

«Прусская и «Крестовая» * газеты привѣтствуетъ благополучное окончаніе министерскаго кризиса. Первая говоритъ, что программа новаго министерства не можетъ быть иною, чѣмъ та, которая выражена въ рѣчи, обращенной королемъ 8 ноября 1858 года, къ первымъ его совѣтникамъ. «Программа, — сказано въ заключеніи статьи Прусской газеты, — отвѣчаетъ прусскимъ преданіямъ, сдѣлавшимъ наше отечество великимъ, могущественнымъ и свободнымъ; она отвѣчаетъ общимъ интересамъ народа, съ восторгомъ привѣтствовавшаго слова короля; она открываетъ путь великому, полезному развитію всякой обдуманной и прочной реформы. То, что было принято, какъ благодѣяніе, около трехъ лѣтъ назадъ, не должно подвергаться нападенію со стороны патріотовъ. Прусскій народъ не дозволить чтобы довѣріе, выказанное королемъ къ странѣ, обратилось въ оружіе противъ королевства; прусскій народъ припомнитъ въ свое время, что великодушный государь его несъ доселѣ знамя прогресса, и не приметъ никакого другаго знамени съ тою же подписью».

Другіе органы журналистики смотрятъ нѣсколько иначе на положеніе дѣлъ:

Такъ, напримѣръ, Національная газета, выписавъ приведенные прусскою газетою слова изъ программы 1858 года, говоритъ: «Мы не можемъ не замѣтить, что эти первыя мѣста были обнародованы въ ноябрѣ 1858 г., феодальными газетами, которыя пропустили, однако, въ избирательныхъ видахъ другія части программы, и что радость націи проявилась только тогда, когда сдѣлалась извѣстною вся программа, въ которой говорится весьма пространно о религіозномъ вопросѣ и энергически порицаются всѣ ханжи и лицемеры, служащіе церкви въ эгоистическихъ видахъ; а затѣмъ сказано, что въ Германіи Пруссія должна дѣлать нравственныя завоеванія мудрымъ законодательствомъ, а

* Полуофициальныя газеты.

у себя—развитіемъ всѣхъ нравственныхъ элементовъ. Въ этихъ словахъ и другихъ, имъ подобныхъ, равно какъ и въ выборѣ новыхъ министровъ, прусскій народъ отыскалъ ключъ къ истолкованію программы, на основаніи его собственныхъ идей. Если эти пункты выставляютъ теперь, какъ нѣчто второстепенное, и выбираютъ министерство, которое, по соглашенію съ верхней палатой и «садальной партіей, приняло за правило унижить палату депутатовъ, то это значитъ поддерживать систему, совершенно тождественную съ тою, которая покинута въ 1858 году.»

Впечатлѣніе, произведенное совершившимися событіями на общество, оказалось весьма неблагопріятнымъ. Не одинъ Берлинъ, не одна Пруссія, не одна крайняя либеральная партія, а большая часть образованной Германіи выказала свое сочувствіе къ депутатамъ и свое недовѣріе къ новому министерству. Такъ кобурготскій сеймъ, во вниманіе къ обороту, какой принимаютъ событія въ Пруссіи, отсрочилъ свое рѣшеніе насчетъ военной конвенціи, заключенной между герцогомъ и прусскимъ правительствомъ. Подобнымъ же образомъ, кажется, намѣрена выступить и саксен-веймарская палата. Комитетъ націоналенъ—«рейна, съ своей стороны, отказался послать прусскому правительству собранныя имъ въ послѣднее время суммы на устройство германскаго флота. Блестящая встрѣча, сдѣланная депутатами по всѣмъ мѣстностямъ Пруссіи, уже теперь явно показываетъ характеръ будущихъ выборовъ. Встрѣча эта не должна казаться правительству вспышкой минутнаго энтузіазма: въ ней выражается нѣчто посущественнѣе.

Въ настоящее время всѣ ждутъ съ нетерпѣніемъ начала выборовъ. Они должны произойти чрезъ два мѣсяца; палата же соберется черезъ три мѣсяца. Министерство занялось теперь составленіемъ электоральнаго циркуляра. Пронесли слухи, что оно намѣрено строго-на-строго приказать чиновникамъ воздержаться отъ всякихъ анти-правительственныхъ дѣйствій по выборамъ; но такая попечительность оказывается совершенно излишнею. Чиновники со всевозможною ревностью готовы поддерживать правительство; они по большей части принадлежатъ къ старой анти-либеральной партіи.

Такимъ образомъ Пруссія вступила въ новый фазисъ своего политическаго развитія. Министерство уже высказало свою программу. Несмотря на нѣкоторыя громкія фразы этой программы, одна и та же мысль, мысль, преслѣдуемая упорно, просвѣчиваетъ вездѣ. На конституціонное учрежденіе смотрятъ какъ на нѣчто враждебное государственной власти, стараясь повсюду раздѣлить и поставить въ антагонизмъ понятія дѣятельности правительства и дѣятельности народныхъ представителей. Всякая уступка — уступка законная, требуемая и общественнымъ благомъ, а только интересами королевской власти—считается

постыдною. Духъ Мантефейля и consortes, съ такою любовью трудившихся надъ искаженіемъ національнаго уложенія, не можетъ никакъ покинуть большинства государственныхъ людей Пруссіи, у которыхъ мѣсто твердыхъ принциповъ заступаетъ одно непоимѣнное честолюбіе.

Обвиняя посредствомъ своихъ журнальныхъ органовъ распущенную палату, возводя на ея членовъ всевозможныя обвинения, министерство выразилось, что палата, когда уже собралась, носила на себѣ проклятіе своего рожденія. Чѣмъ же въ особенности могла провиниться палата въ глазахъ рынаго къ пользамъ общественнымъ министерства? Во всю сессію она не успѣла разрѣшить еще ни одного важнаго вопроса; дѣятельность ея преимущественно проявлялась въ трудахъ комиссій. Если держаться послѣдовательности, то даже и съ министерской точки зрѣнія распущеніе палаты не представлялось необходимою.

«Непонятно—говоритъ кельнская газета въ отвѣтъ на нападки министерства противъ палаты—что все толкуютъ о какой-то общей оппозиціи относительно проектовъ военнаго министра, проектовъ, низвергающихъ благосостояніе страны и разоряющихъ ея финансы; причѣмъ даютъ этой оппозиціи характеръ заговора. Самый непроницательный глазъ могъ бы увидѣть всѣ печальныя послѣдствія чрезмѣрныхъ издержекъ на содержаніе войска. Тяжесть налоговъ сдѣлалась невыносимою какъ отъ установленія новыхъ, такъ и отъ возвышенія старыхъ податей. Нужно ли было при этомъ обращать на настоящій вопросъ вниманіе чиновниковъ, или школьныхъ учителей, умирающихъ съ голоду и влачащихъ безнадежно самую тяжкую жизнь? Ограниченное содержаніе по всѣмъ отраслямъ службы — вѣчный прирѣвъ: «нѣтъ денегъ,» если только дѣло идетъ не о войскахъ—все это поражаело въ сердце всякаго благомыслящаго патріота, даже и такого, который самъ лично не былъ заинтересованъ въ дѣлѣ.»

«Что касается до прогресистовъ и демократовъ, то не намъ защищать ихъ мнѣнія, продолжаетъ далѣе кельнская газета.—Мы сами, при послѣднихъ выборахъ, говорили имъ, что дѣло идетъ не о заявленіи тысячи требованій; что мы совершенно будемъ удовлетворены, если палата счумѣетъ сохранить неприкосновеннымъ свое главное право вотированія налоговъ. Но мы принуждены высказаться откровенно, что негуманно и неблагоразумно смотрѣть на лицъ, *непоправившихся* почему-либо въ 1848 и 1849 годахъ, какъ на людей, навѣчно заклеянныхъ. Исключеніе этихъ людей, какъ недостойныхъ и опозоренныхъ изъ числа представителей страны, было бы нарушеніемъ правъ народа и частныхъ лицъ. Впрочемъ въ упомянутую категорію попало только нѣсколько человѣкъ, отличившихся своимъ личнымъ достоинствомъ и, сколько намъ извѣстно, всѣ эти депутаты отличались на сеймѣ воздержностью и спокойствіемъ.»

Какъ «кельнская», такъ и многія другія газеты сомнѣваются въ томъ, чтобы нація выслала въ палату людей, убѣжденія которыхъ гармонировали бы съ программой министерства. Дѣйствительно, судя по отзывамъ различныхъ органовъ нѣмецкой журналистики, прусская нація серьезно смотритъ на свои права и намѣрена защищать ихъ съ настойчивостью. А потому врядъ ли удастся фонъ-Гейдту привести въ исполненіе одно изъ своихъ предположеній. Предположеніе это состоитъ въ томъ, чтобы занять на будущую сессію новую палату пустячками въ родѣ устройства желѣзныхъ дорогъ, проектовъ о торговыхъ уставахъ, частныхъ вопросовъ по отдѣльнымъ общинамъ и т. п. Какъ видно, фонъ-Гейдту кажется, что депутаты еще не досрели до обсуждения: реформы верхней палаты, организациі арміи, признанія Италіи и бюджета; дѣтей близко подводить къ огню опасно: чего-добраго — обожгутся. Ну, а если депутаты вдругъ почтутъ себя взрослыми людьми, которымъ никакихъ указаній ненужно и которыхъ незачѣмъ на помочахъ водить, тогда что?

Замѣшательства въ Пруссіи радуютъ ея добрую сосѣдку Австрію. Штука послѣдней не удалась, благодаря прусскому правительству. Она не можетъ забыть, какъ еще недавно получило отъ прусскаго кабинета категорическій отказъ на предположеніе объ измѣненіи устройства сейма и объ учрежденіи общенациональной исполнительной власти и національнаго парламента изъ депутатовъ отъ всѣхъ государствъ..

Императоръ австрійскій предпринялъ путешествіе по своимъ итальянскимъ областямъ, гдѣ, попрежнему, все находится въ самомъ напряженномъ состояніи. Императора между прочимъ, сопровождаютъ эрцгерцоги, экс-герцогъ моденскій, графъ и графиня Шамборъ.

Въ Венеціи, во время пребыванія тамъ императорскаго семейства, случилась довольно-странная исторія: австрійскіе воины давали въ честь высокихъ гостей серенаду на Canal-grande. Въ то время, какъ всѣ упивались громогласными звуками марциальной музыки, кто-то дерзнулъ пробраться въ домъ главнаго полицейскаго управленія и пролѣзть въ комнату, гдѣ помѣщается секретный архивъ. Дерзкій незнакомецъ простеръ свою наглость до того, что утащилъ нѣсколько портфелей съ весьма важными бумагами; при чемъ оставилъ два мѣшка денегъ, лежавшіе въ архивѣ, нетронутыми. Незнакомца ищутъ, но онъ какъ въ воду канулъ.

Дипломатическая рѣчь принца Ниполеона, содержащая въ себѣ мало пріятнаго для Австріи, привела, по словамъ французскихъ и австрійскихъ газетъ, лишь къ тому результату, что еще болѣе, чѣмъ прежде, выяснились дружественныя отношенія французскаго и австрійскаго правительствъ. Герцогъ Граммонъ сообщилъ гра-

оу Рехбергу, что французское правительство въ дѣлѣ упомянутой рѣчи несвязано никакой солидарностью съ принцемъ Наполеономъ, что послѣдній ораторствовалъ въ сенатѣ не въ качествѣ принца, но какъ сенаторъ, и что правительство, кромѣ представителей при иностранныхъ дворахъ, не имѣетъ другихъ органовъ для выраженія своихъ мыслей. Вслѣдъ за полученіемъ Рехбергомъ ноты, герцогиня Граммонъ представилась австрійскому императору, который былъ съ нею очень любезенъ и остался недоволенъ карауломъ, позабывшимъ почему-то отдать надлежащія почести супругѣ уполномоченнаго Франціи.

Между тѣмъ аресты въ Венгріи идутъ своей чередой; немало производится ихъ и въ Италиі, гдѣ австрійское правительство сильно взволновано *прогулками* Гарибальди. Арестованы недавно депутатъ венгерскаго сейма Чилаги и его другъ Мезей. Но всѣ эти аресты какъ то мало запугиваютъ и венгерцевъ и итальянцевъ. Настроеніе умовъ и всеобщее воодушевленіе обѣихъ націй таково, что ни строгія карательныя мѣры, ни различныя мелкія уступки не заставятъ Венгрію и Австрійскую Италію помириться съ положеніемъ дѣлъ.

Препрежнему возится Австрія съ своими финансами, состояніе которыхъ представляетъ печальное зрѣлище. Учреждены разныя комиссіи, которыя занимаются составленіемъ проектовъ по всѣмъ отраслямъ финансоваго управленія. Между тѣмъ дѣятельно сокращаютъ содержаніе различныхъ чиновниковъ, преимущественно служащихъ по министерству Иностранныхъ дѣлъ. Пробовали было обратиться къ эрцгерцогу Фердинанду Максимилиану съ предложеніемъ объ уменьшеніи бюджета флота, но тотъ и слушать не захотѣлъ мнѣнія комиссіи по этому предмету.

Главная финансовая комиссія, въ одномъ изъ своихъ недавнихъ засѣданій, единогласно положила сдѣлать запросъ г. Шмерлингу: отчего до-сихъ-поръ не пущенъ въ ходъ проектъ закона объ ответственности министровъ. Говорятъ, что этотъ запросъ вовсе не невріягень первому министру, который давно будто-бы жаждетъ составленный имъ проектъ повергнуть на усмотрѣніе императора.

Комитеты «Provedimento», сильно безпокоющіе австрійское правительство, не менѣе озабочиваютъ и г. Тувенеля. На запросъ послѣдняго Ратацци посѣщилъ увѣдомить, что нѣтъ основаній опасаться чего-либо серьезнаго со стороны комитетовъ и что министерство приняло и будетъ принимать всѣ мѣры, дабы «Provedimento» не переступило границъ, поставленныхъ конституціею и закономъ. Гарибальди и «Provedimento» занимаютъ также сильно умы консерваторовъ депутатовъ туринской палаты.

Въ угоду консервативной партіи и для успокоенія Франціи, Ратацци обращался къ «Provedimento» съ предостереженіемъ,

чтобы комитеты неслишком увлекались; совѣтъ въ этомъ же родѣ далъ онъ, какъ говорятъ итальянскія газеты, и самому Гарибальди. Нельзя не пожалѣть, что первый министръ выказалъ въ настоящемъ дѣлѣ недостаточную твердость характера въ виду требованій консервативнаго большинства палаты. Справедливо говорить «*Indépendance Belge*» - что «въ настоящее время Италия должна бояться не движения, а неподвижности, потому-то это было-бы явнымъ знакомъ отчаянія; а отчаяніе открыло бы дорогу всевозможнымъ реакціоннымъ тенденціямъ».

Положеніе Ратацци въ палатѣ депутатовъ выяснилось. Онъ одержалъ парламентскую побѣду. По поводу запроса депутата Галленги о составѣ новаго кабинета и о перемѣнѣ министерства происходили самыя оживленныя пренія. Ратацци прямо поставилъ вопросъ; онъ просилъ палату высказаться, имѣетъ ли она къ нему довѣріе или нѣтъ. Между прочимъ Ратацци сказалъ, что не можетъ еще ничего объяснить о законѣ относительно политическихъ ассоціацій, такъ-какъ еще мало занимался этимъ закономъ.

Довѣренность палаты новому министерству заявлена 210 голосами противъ 80.

Принявъ въ свое завѣдываніе министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, Ратацци разослалъ къ дипломатическимъ агентамъ Италии циркуляръ, въ которомъ высказалъ главныя основанія политическихъ тенденцій новаго кабинета. Министръ обращаетъ вниманіе агентовъ на три главные пункта: признаніе королевства Италия и роль, которую она должна играть въ средѣ другихъ европейскихъ державъ; вопросъ римскій и вопросъ венеціанскій. Ратацци по первому предмету выставляетъ тѣ причины, по которымъ должно совершиться признаніе Италии всѣми государствами, и обозначаетъ мѣсто, которое она должна занимать какъ великая держава; во второй части своего циркуляра онъ подтверждаетъ право Италии на Римъ и говоритъ, что «*Вѣчный городъ* долженъ остаться резиденціею папы, но съ тѣмъ, чтобы быть вмѣстѣ и резиденціею Итальянскаго правительства». Циркуляръ заключается словами, что разрѣшеніе венеціанскаго вопроса, согласно съ желаніями Италии, представляется необходимымъ для сохраненія мира въ Европѣ; иначе, это будетъ дамкловсъвъ мечь, постоянно грозящій опасностью всѣмъ европейскимъ государствамъ.

Президентомъ палаты депутатовъ, вмѣсто выбывшаго Ратацци, избранъ Теккіо. Кандидатъ лѣвой стороны, Ланца, получилъ 89 голосовъ.

Гарибальди былъ встрѣченъ въ Миланѣ съ энтузіазмомъ. Несмотря на проливной дождикъ, весь городъ участвовалъ въ этой встрѣчѣ. Синдикъ сказалъ *освободителю Италии* восторженную

рѣчь, на которую тотъ отвѣчалъ нѣсколькими теплыми, задушевными словами.

22-го марта въ городской ратушѣ былъ данъ большой обѣдъ. Вечеромъ весь городъ блисталъ огнями. До 100 тысячъ чело-вѣкъ толпилось на улицахъ. Въ полночь давали Гарибальди сере-наду. Громкіе, прямо изъ сердца лившіеся клики, повсюду встрѣ-чали и провожали освободителя Италіи. Бывшіе въ Миланѣ иностранцы съ восторгомъ рассказываютъ о видѣнномъ ими.

На другой день, т. е. 23 марта, Гарибальди принималъ депу-тациі миланскихъ дамъ и представителей Мантуи, Ниццы, Ист-рии и Тренто; потомъ къ нему явилось множество англичанъ и французовъ, которые съ жаромъ пожелали любимцу Италіи счастья въ его великихъ предпріятіяхъ. Затѣмъ, Гарибальди въ сопровожденіи Турра, Биксіо и другихъ своихъ соратниковъ, отправился на національный тиръ. Громкіе крики безчисленнаго народа, «да здравствуетъ нашъ Гарибальди!» раздавались по протяженію всего пути. Гарибальди открылъ самъ тиръ: онъ вытѣблилъ два раза, при рукоплесканіяхъ зрителей.

Гарибальди посѣтилъ, между прочимъ, знаменитаго Манцони, котораго до-тѣхъ-поръ никогда не видѣлъ. Поэтъ, несмотря на свою дряхлость, встрѣтилъ его у крыльца.

— Я всегда чувствую свою незначительность — сказалъ Ман-цони—когда нахожусь въ присутствіи хоть одного изъ тысячъ; представьте же себѣ, что я долженъ испытывать въ настоящую минуту, когда вижу вождя этой тысячи?

— «Я исполнилъ только долгъ свой»,—отвѣчалъ Гарибальди.

Прощаясь съ поэтомъ, Гарибальди подаль ему букетъ фла-локъ, который держалъ въ рукахъ.

— Благодарю васъ—отвѣчалъ Манцони:—этотъ букетъ будетъ для меня драгоценнымъ воспоминаніемъ во все время тѣхъ не-многихъ дней, которые мнѣ остается прожить.

Изъ Милана Гарибальди проѣдетъ въ Лоди, гдѣ также заво-дится національный тиръ.

Въ своей рѣчи, на обѣдѣ въ миланской ратушѣ, Гарибальди говорилъ о величіи, идеяхъ и будущемъ Италіи. Онъ выразилъ ту мысль, что успѣхомъ дѣла Италія одолжена не ему, а дру-жному дѣйствию войска и народа. Рѣчь была заключена тостомъ въ честь короля. Говорилось еще много другихъ рѣчей, между которыми особенно замѣчательна рѣчь полковника Джіустани, разобравшаго прекрасно причины могущества Гарибальди.

За обѣдомъ, по словамъ итальянской газеты «Pungolo», произ-несенны были, между прочимъ, слѣдующіе тосты:

Гарибальди: «Товарищи! въ воспоминаніе о мученикахъ пяти славныхъ дней».

Биксіо: За революцію въ Венеціи, и, если окажется нужнымъ, за революцію въ Римѣ.

Гарибальди: Сердечный привѣтъ Венгріи.

Кариссини: За навплайскихъ инсургентовъ! За свободу Греціи!

Тюрръ: Да здравствуетъ Италія! да здравствуетъ итальянская нація! Эта нація должна служить примѣромъ для другихъ народовъ: она никогда не отчаявалась, она всегда боролась съ твердостью духа и мужествомъ завоевала себѣ свободу.

Телеки: за Гарибальди! Позвольте мнѣ поблагодарить Италію и этого благороднаго патріота за все то, что они сдѣлали для моей Венгріи. Въ качествѣ изгнанника я посылаю привѣтъ всѣмъ тѣмъ, которые составляютъ благородную семью европейскихъ изгнанниковъ.

Кастеллини: За возвращеніе Джузеппо Мадзини.

Корте: Сегодня канунъ наваррской битвы. Поклянемся отмстить за нее всѣмъ нашимъ врагамъ!

Гарибальди: За славную національную армію.

Медичи: У насъ король—воинъ. У насъ Гарибальди, который, какъ всѣ знаютъ, всегда оставался побѣдителемъ. Мы принадлежимъ къ народу, который, какъ мы сами видѣли, не справляется о числѣ враговъ. Мы имѣемъ храбрую армію. На нашей сторонѣ право. Выпьемъ же за будущія битвы, которыя должны намъ дать полную свободу! Выпьемъ за будущія побѣды!

Всѣ эти тосты не разъ прерывались общими шумными возгласами и рукоплесканіями. Когда упомянули имя Мадзини, зала задрожала отъ криковъ воодушевившейся толпы.

Общества «Provedimento», путешествіе Гарибальди, учрежденіе національныхъ тировъ—все это, какъ мы уже сказали, возбуждаетъ боязнь разныхъ правительствъ и итальянской консервативной партіи. Не менѣе неблагопріятно смотрять и на послѣдній циркуляръ Раттаци къ дипломатическимъ агентамъ. Въ этомъ циркулярѣ видятъ какую-то стачку съ Гарибальди и ожидаютъ, что того-и-гляди, Италія накинется на Австрію, «дабы возобновить—острять французскія полуоффиціальныя газеты—день наваррской битвы».

Возобновится ли нѣтъ въ настоящее время и при настоящей обстановкѣ событій день наваррской битвы—это еще вопросъ; но дѣло въ томъ, что нѣтъ никакихъ оснований предполагать, что Раттаци и Гарибальди въ великой борьбѣ за отечество будутъ дѣйствовать очертя голову, подобно забубеннымъ юнкерамъ-юношамъ. Вся предшествующая дѣятельность освободителя Италіи доказала вполне его политическое чутье, его неоспоримый тактъ, его умѣнье пользоваться духомъ времени и настроеніемъ умовъ. Гарибальди не разъ воздерживалъ своихъ товарищей отъ излишняго увлеченія и необдуманныхъ порывовъ. Такъ и теперь Гарибальди не заблуждается насчетъ силъ Италіи; цѣль его, какъ кажется, состоитъ въ томъ, чтобы, держа Австрію до поры въ

страхѣ. въ постоянно-напряженномъ состояніи, изнурять ее и нравственно и матеріально, а тѣмъ временемъ, опираясь на патриотизмъ нации, развить и укрѣпить въ итальянцахъ воинственный элементъ, который бы послужилъ залогомъ побѣды. Пока каждый, способный носить оружіе, гражданинъ свободной Италіи не выучится владѣть имъ, дотолѣ, вѣроятно, Гарибальди не завяжетъ борьбы неравной и слишкомъ опасной по своимъ послѣдствіямъ. Отсюда понятно все значеніе организаціи національныхъ тировъ, на которые такъ косятся различныя привилегированныя личности.

Дѣла въ Римѣ не двигаются впередъ, если, конечно, подъ словомъ движенія, не понимать безчисленные аресты, произведенные въ послѣднее время. Святѣйшій отецъ все еще боленъ и даже не можетъ присутствовать при мессѣ. Онъ давно уже не даетъ кардиналамъ и другимъ прелатамъ никакихъ аудіенцій. Болѣзнь его, о которой ходятъ самыя противорѣчащія слухи, служить въ нѣкоторомъ смыслѣ политическимъ барометромъ. —

Папская полиція не дремлетъ и усердно наполняетъ римскія тюрьмы *зловѣрными* либералами. Недавно схвачены браччанскій меръ Анжелисти и будочникъ Венцани, послѣдній по подозрѣнію, что принадлежитъ къ національному комитету. Странная вещь! неужели проницательное правительство святѣйшаго отца не знаетъ, что нѣтъ почти ни одного римлянина, который бы не былъ членомъ національнаго комитета?

Арестовали также одного адвоката. Жандармы подняли его съ постели и отвезли прямо въ тюрьму св. Михаила. Напрасно несчастный и при арестованіи и въ темницѣ спрашивалъ за что его взяли; отвѣтъ былъ одинъ: «по особому приказанію высшаго начальства». Задержанный рискуетъ провести нѣсколько лѣтъ въ тюрьмѣ безъ всякаго допроса и воротиться домой, теряясь въ догадкахъ, какимъ преступленіемъ нарушилъ онъ общественный порядокъ.

Но всего интереснѣе слѣдующій фактъ. Назадъ тому мѣсяцевъ съ шесть, двое мальчишекъ поссорились на улицѣ. Одинъ изъ нихъ, потерявшій потасовку, обратился съ жалобою къ жандарму, объясняя, что у обидѣвшаго его товарища въ шляпѣ приклеена возмутительная надпись: «да здравствуетъ Викторъ Эмануилъ!» Жандармъ поспѣшилъ схватить *государственнаго* преступника, которому еще и 14 лѣтъ не было, и отвелъ его въ тюрьму *Carcere nuovo*. Недавно судъ рѣшилъ дѣло юнаго возмутителя: онъ приговоренъ, *ad maiorem Dei gloriam*, къ четырехлѣтнему заключенію въ крѣпости.

Монсеньоръ Меродъ и генералъ Гойонъ никакъ не могутъ между собою сдѣться. Первый утверждаетъ, что самая лучшая система политическаго воспитанія народа—это жандармскія сабли; второй несогласенъ съ такимъ мнѣніемъ. 28 фев-

раля пронесся слухъ, что римляне готовятъ манифестацію на площади Корсо противъ папскаго правительства. Мероуду, во что бы то ни стало, хотѣлось возобновить при этомъ случаѣ кровавыя сцены марта 1860 года, но несносный оперунъ Гойонъ вѣшался въ дѣло и пресѣкъ папскихъ жандармамъ вуть къ отличіямъ. Нѣкоторые изъ папскихъ жандармовъ, впрочемъ, не должны жалѣть о неудавшемся случаѣ отличиться. Человѣкъ пять жандармскихъ капитановъ, за усердіе при произведеніи обысковъ у различныхъ лицъ, пожалованы въ полковники.

Французскій посланникъ, маркизъ Лавалетъ, уѣхалъ изъ Рима. Онъ тоже никакъ не могъ сойтись въ мнѣніяхъ съ Гойономъ. Слухи носятя теперь разные относительно исхода ссоры высокихъ сановниковъ. Одни говорятъ, что Гойонъ будетъ отозванъ, а Лавалетъ возвратится въ Римъ; другіе утверждаютъ, что постъ Гойона займетъ военный генералъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ, будетъ и дипломатическимъ агентомъ Франціи.

Въ Неаполѣ, какъ и въ Парижѣ, была своя студенческая исторія. Исторія эта началась съ того, что фра-Джузеппо Кокоцца сталъ проповѣдывать въ Сан-северинской церкви противъ университета. Онъ называлъ и професоровъ, и студентовъ агентами, отщепенцами и мерзавцами. Обращаясь къ бывшимъ въ церкви женщинамъ, почтенный фра—воскликнулъ: «Не посылайте дѣтей вашихъ въ школы, основанныя правительствомъ: оно хочетъ ввести протестантизмъ и истребить религію. Ждите архангела Михаила, который придетъ изъ Рима съ мечомъ кары!» Въ церкви находилось нѣсколько студентовъ. Они довольно рѣзко возразили проповѣднику. Тогда благочестивые слушатели, и даже слушательницы бросились на студентовъ, выгнали ихъ изъ церкви и преслѣдовали, до самаго университета. Этимъ не окончились подвиги камористовъ; они ворвались въ самое зданіе университета и напали на спокойно сидѣвшихъ въ аудиторіяхъ студентовъ. Тѣ защищались какъ могли; но толпа, вооруженная ножами и палками, начала одолѣвать. Къ счастью, во-время подошла національная гвардія и положила конецъ побоищу.

Часа черезъ четыре послѣ описанной сцены, толпа студентовъ возвращалась изъ госпиталя, куда она провожала одного изъ раненыхъ товарищей. Проходя по улицѣ Пинясекка, студенты остановились передъ лавкою башмачника Гарофема, который принадлежалъ къ числу самыхъ ревностныхъ защитниковъ фрата Кокоццы. Одни говорятъ, что студенты обругали башмачника другіе,—что башмачникъ студентовъ; но какъ бы то ни было, завязалась ссора, въ которой приняли участіе башмачники всей улицы. Однако подошла опять національная гвардія и разняла сражавшихся. Многіе изъ камористовъ и самъ Кокоцца подверглись аресту.

Происки клерикаловъ, клонившіеся къ возбужденію серьезныхъ

безпорядковъ въ городѣ, и на этотъ разъ не удались. Они послужили только къ тому, что общественное мнѣніе съ негодованіемъ отозвалось о поступкахъ камористовъ.

Совсѣмъ въ различномъ отъ достопочтеннаго отца Кокоццы духъ дѣйствуетъ мессинское духовенство. Оно подало адресъ папѣ, въ которомъ изъявляетъ въ самыхъ почтительныхъ, впрочемъ, выраженіяхъ, желаніе видѣть Италію единою; причемъ выражаетъ сомнѣніе о состоятельности свѣтской власти святѣйшаго отца. Адресъ подписанъ 366 лицами. Главнымъ двигателемъ въ дѣлѣ адреса былъ аббатъ Перчіабоско. Не поздоровится кардиналу Антонелли отъ такихъ извѣстій!

Разбой по прежнему продолжаютъ въ провинціяхъ и попрежнему же невидимая рука ихъ поддерживасть. Гопимые изъ одного мѣста, разбойники, какъ изъ земли вырастаютъ въ другомъ. Въ послѣднее время, они, впрочемъ, не дѣлали серьезныхъ нападений на мѣстечки и селенія, а забавлялись мелкимъ грабежомъ и воровствомъ: забирали у крестьянъ овецъ, куръ и т. п. Слухи носятъ, что въ скоромъ времени разбойническія шайки, получивъ подкрѣпленіе, начнутъ правильную кампанію въ Базилікатъ и Барійской провинціи.

Въ Неаполь ждутъ Виктора Эмануила. Давно пора посѣтить южную Италію, потому-что въ населеніи замѣтно явное охлажденіе къ правительству. Такъ въ день рожденія короля нѣсколько домовъ только было иллюминировано и украшено знаменами; толпы народа въ молчаніи ходили по улицамъ.

Возстаніе въ Греціи не унимается. Инсургенты крѣпко засѣли въ Наполи-ди-Романія; несмотря на нѣкоторые успѣхи королевскихъ войскъ, немногіе предвидѣть черезчуръ скорой сдачи крѣпости. Впрочемъ, извѣстія, сообщаемыя газетами о положеніи дѣлъ въ Греціи, весьма сбивчивы. Правительство желаетъ придать возстанію самый невинный характеръ; король благодаритъ грековъ за ихъ вѣрность и любовь къ порядку; министерство увѣряетъ въ своихъ циркулярахъ, что зло въ непродолжительномъ времени будетъ вырвано съ корнемъ; а между тѣмъ безпокойства возникаютъ и въ Аргосѣ, и въ Лариссѣ, и въ Сирѣ; сами Аѳины находятся въ напряженномъ состояніи.

Спокойствіе умовъ, о которомъ толкуетъ греческое министерство, какъ-то худо подтверждается непрерывными арестами. Недавно нѣсколько офицеровъ, замѣшанныхъ въ дѣлѣ инсurreкціи, разослано по островамъ. Студентовъ хватаютъ и сажаютъ въ тюрьму цѣлыми десятками.

Всего интереснѣе, что инсургенты требуютъ отчасти тѣхъ преобразованій, на какія согласился-было самъ король по требованію адмирала Канариса, предводителя крайней оппозиціи.

Канарсъ, вызванный королемъ на министерское поприще, между прочимъ, предложилъ: 1) назначеніе отвѣтственнаго ми-

министра-президента, который могъ бы свободно выбирать себѣ товарищей и измѣнять, въ случаѣ необходимости, составъ министерства; 2) распущеніе нынѣшней палаты; 3) полную свободу выборовъ; 4) полную свободу печати; 5) учрежденіе милиціи; 6) введеніе ревизіи финансовъ части.

Какъ извѣстно, Канарисъ не былъ сдѣланъ министромъ и предложенный имъ проектъ остался безъ движенія. Теперь инсургенты требуютъ измѣненія министерства въ духѣ оппозиціи и созванія народнаго собранія для пересмотра конституціи.

Ходятъ слухи, что баварское правительство хочетъ обратиться къ великимъ державамъ съ просьбою о вмѣшательствѣ въ греческія дѣла. Между тѣмъ Франція предписала своимъ дипломатическимъ агентамъ въ Греціи, чтобы они оставались въ настоящее время совершенно нейтральными.

Нѣкоторыя изъ державъ, вѣроятно, подвигаемыя любопытствомъ, послали эскадры къ берегамъ Греціи. Турція вызвала изъ Смирны всѣ свои корабли, чтобы отправить ихъ въ Пирей. Въ свою очередь, Италія располагаетъ также выслать эскадру въ Аттику.

Между Австріею и Турціею идутъ дѣятельные переговоры о греческихъ дѣлахъ. Оба государства сильно опасаются, чтобы возстаніе не распространилось за предѣлы Греціи.

Многія, негодующія на Гарибальди, газеты видятъ въ немъ явную причину греческаго возстанія. Не будь Гарибальди, не соблазнились Греки примѣромъ Италіи—все было бы у нихъ тихо и въ порядкѣ. А то теперь они только и ждутъ прибытія Гарибальди, который имъ долженъ принести въ даръ развитіе національной самобытности и полную конституціонную свободу. Что-то плохо вѣрится прозорливымъ газетчикамъ.

Когда первые порывы восторга послѣ освобожденія отъ ненавистнаго турецкаго ярма прошли у грековъ, когда ихъ коснулся живительный лучъ просвѣщенія, образованною частью общества овладѣло желаніе лучшаго устройства общественнаго быта. Чувство національности съ силою пробуждалось въ Греціи всякій разъ, когда было оскорбляемо искаженіемъ конституціоннаго уложенія, или наплывомъ чужеземныхъ элементовъ. Переживши слишкомъ тридцать лѣтъ политической самобытности, успѣвши, по возможности, изгладить слѣды варварскаго владычества турокъ, Греція, естественно, должна была обратиться къ разрѣшенію разныхъ жизненныхъ для нея вопросовъ, которые стояли въ связи съ развитіемъ ея національности и самобытности. Въ прѣжнее время ей было не до этихъ вопросовъ. Греція—подобно человѣку, ускользнувшему изъ рукъ разбойниковъ, еле-дышащему, бросающемуся въ объятія первому появившемуся живому существу -- въ началѣ своего освобожденія смутно озиралась во всѣ стороны, сама не вѣря, что можетъ

дышать свободно, удивляясь, что варвары не сшибутъ болѣе терзанъ прекрасную грудь ея, ругаться надъ нею, попырять ее дровокопною пятаю. Время недоумѣнія, смутной тревоги и нивала. Греція прѣшла къ сознанию своего положенія и увидѣла, что все, что ей даровали обстоятельства для обстановки ея политическаго быта, все, что, сравнительно съ прежнимъ временемъ, она считала крайнимъ предѣломъ своихъ желаній и мечтаній— все это могло почитаться совершиствомъ лишь вначалѣ! Въ себѣ самой сознавала она силы, которыя могли служить ей залогомъ новаго бытія, политическаго обновленія, безъ помощи чужой ферулы и безъ чужихъ указаній. Такимъ образомъ вышшее состояніе Греціи не есть одиночный фактъ, явившійся будто-бы вълѣдствіе подражанія; это не лихорадочный порывъ увлеченія, навѣяннаго дѣтскими грезами и сказочными мечтами. Фактъ этотъ неразрывною цѣпью связанъ съ другими фактами, образующими историческую преемственность. Возстаніе въ Пелопоннезѣ 1833 года было первымъ проявленіемъ неудовлетворительнаго состоянія общественнаго строя. Съ-тѣхъ-поръ мы постоянно видимъ судорожныя сотрясенія государственнаго организма возродившейся Ελλάды.

Англія, для наблюденія за греческими дѣлами, выслала изъ Мальты сильную флотилію къ берегамъ Корфу. Іоническіе острова не могутъ не беспокоить владычицу морей. Въ послѣднее время британское правительство свой протекторатъ надъ этими островами старается сдѣлать какъ можно мягче. Такъ еще недавно британскій лордъ-коммиссаръ оказалъ особую любезность палатѣ іоническихъ представителей.

Засѣданія палаты открылись 8 марта. Ей нужно было выбрать президента. Палата единогласно избрала кефалонійскаго депутата, г. Зерво. Этотъ послѣдній всегда враждовалъ противъ британскаго владычества и открыто изъявлялъ желаніе о присоединенія Іоническихъ острововъ къ Греціи. Въ 1848 году онъ стоялъ въ главѣ *медовольныхъ* и, по распоряженію лорда-коммиссара сэра Уарда, былъ сосланъ на пять лѣтъ въ Чериготто. Въ ожиданіи, что лордъ-коммиссаръ не утвердитъ выбора палаты; но, вопреки ожиданію Зерво, утвержденъ; утвержденъ также избранный палатою вице-президентъ Монферрато, проведеній нѣсколько лѣтъ въ изгнаніи за свои политическія убѣжденія.

Лордъ-коммиссаръ, въ рѣчи при открытіи палаты, старался избѣжать всякихъ политическихъ намековъ. Онъ толковалъ только о торговлѣ, о финансовыхъ реформахъ, поземельномъ банкѣ и о преобразованіяхъ по части народнаго воспитанія. Въ заключеніе своей рѣчи лордъ-коммиссаръ сказалъ, что «хотя еще многое остается сдѣлать, но все-таки Іоническіе острова представляютъ картину довольно-утѣшительную: финансы въ хорошемъ состояніи; приходъ перевѣшиваетъ расходъ; торговля процвѣтаетъ и

вообще все обстоять благополучно». Президентъ палаты отвѣчалъ лорду-кабинсару въ короткихъ и утѣренныхъ выраженіяхъ, однако не преминулъ въ свою рѣчь нѣсколько словъ о развитіи еллинской національности. Любопытно знать, ограничатся ли депутаты во время настоящей сессіи обсужденіемъ вопросовъ, предложенныхъ представителямъ британской власти и забудутъ ли они о цвѣтущей Египтѣ?

Находящаяся въ нѣкоторомъ отношеніи, если не *de jure*, то *de facto*, подъ протекторатомъ Англій, цивилизующаяся Турція стала мрутъ, видя бѣду неминуемую, дѣлательно заниматься своими финансами.

Система финансовъ до-сихъ-поръ была очень проста и несложна въ Турціи. Ниши грабили народъ, преимущественно, конечно, христіанъ; высшее правительство грабило, въ свою очередь, нишей. Недоставало денегъ, — устанавливали новые налоги, выпускали бумажные деньги, задерживали платежъ войску, подражкамъ и всѣмъ, кому слѣдовало платить. Бюджетъ составлялся очень просто. Надобны были покойному султану, на прѣдѣль, на расходы по гарему деньги; онъ бралъ ихъ изъ сумъ, назначенныхъ на устройство флота или на инженерныя постройки. О контролѣ, конечно, никто и не заботился.

Съ нынѣшнимъ султаномъ Абдуль-Азидомъ воцаряется, какъ пишутъ англійскія газеты, новый порядокъ въ сферѣ турецкихъ финансовъ. Султанъ — человекъ нравомъ строгихъ и обладаетъ твердою волею. Онъ неспособенъ дремать, какъ его предшественники, подъ журчанье фонтана и монотонное пѣнье гаремныхъ одалисокъ. Образъ жизни его поражаетъ простотою, особенно сравнительно съ роскошною жизнью покойнаго падишаха. Съ европейцамъ и ихъ цивилизаціи новый султанъ особо горячо симпатіи не питаетъ; но у него есть практическая сметка, которая не позволяетъ ему отвергать пользы тѣснѣйшаго сближенія съ европейскою гражданственностью. «Абдуль Азидъ — говорить «Evening Mail» — искренно желаетъ вытасщить страну, имъ управляемую, изъ той грязи, въ которой она плаваетъ».

Великій визирь Фуадъ-Паша представилъ султану огромную записку, въ которой излагаетъ состояніе финансовъ въ Турціи. Записка эта — дѣло небывалое въ лѣтописяхъ турецкой администратіи. Обыкновенно до-сихъ-поръ подобныя записки наполнялись выраженіями самой грубой лести, изобиловали вмѣсто имѣть одними лишь уродливыми метафорическими сравненіями и служили только къ затмѣнію истины. Фуадъ-Паша, составляя свой докладъ, очевидно поддѣлывался подъ тонъ европейскихъ министровъ, и поддѣлывался довольно-удачно, хотя характеръ восточнаго человека, съ его хитрыми словыизвѣтiami и лстными выраженіями, въскальзываетъ въ запискѣ.

Фуадъ-Паша въ особенности распространяется о пользѣ креди-

та. «Общественный кредит, — говорит онъ — это основаніе всѣхъ чудесъ нашего вѣка; но государство можетъ достигнуть кредита только тогда, когда будетъ затрачивать деньги для общественаго блага и когда станетъ вѣрно и ненарушимо выполнять свои обязательства».

По словамъ великаго визиря, главными причинами разстройства финансовъ послужили: издержки во время крымской войны и причудливая жизнь Абдуль-Меджида. Результатомъ этихъ двухъ событій было распространеніе бумажныхъ денегъ и такое для народа правило взиманія податей впередъ. Долгъ Турціи простирается въ настоящее время до 18,250,000 фунтовъ стерлинговъ. Половину этого долга представляютъ бумажныя деньги.

Фуадъ-Паша, входя въ подробности бюджета, говоритъ о необходимости преобразованій въ администраціи, объ улучшеніи положенія арміи и флота и объ уменьшеніи расходовъ на султанскій дворъ.

Записка великаго визиря очель понравилась султану и онъ выполнѣ съ нею согласился.

Различные проекты Фуадъ-Паши должны осуществиться послѣ окончательнаго заключенія Турціею займа. Всѣ надѣются, что заемъ будетъ имѣть благопріятный для Порты исходъ. Лондонскіе капиталисты намѣрены поддержать заемъ и британское правительство всѣми мѣрами старается о его скорѣйшемъ совершеніи. Англія посылаетъ въ Турцію двухъ комиссаровъ, которые будутъ обязаны наблюдать за благоразумнымъ употребленіемъ, занятыхъ султанскимъ правительствомъ денегъ. Со стороны Франціи, подобную роль возьметъ на себя маркизъ Пльбѣ. Султанъ нисколько не обижается такимъ опекунствомъ. Онъ объявлялъ, что желаетъ выполнить въ точности всѣ свои обѣщанія, и потому контроль иностранной комиссіи не кажется ему нисколько тяжкимъ, напротивъ, французскій и англійскій комиссары, какъ спеціалисты, будутъ ему полезны своими совѣтами въ дѣлѣ предполагаемыхъ финансовыхъ преобразованій.

Галатскій денежный рынокъ поколебался—было отъ извѣстія, что внутренній долгъ, состоящій въ бумажныхъ деньгахъ, будетъ консолидированъ; но извѣстіе это оказалось ложнымъ. Правительство твердо намѣрено изъять изъ обращенія ассигнаціи.

Дѣла турокъ съ Черногорцами и Вукаловичемъ не подвигаются впередъ. Враждующія стороны собираютъ силы для рѣшительной борьбы, а пока ограничиваютъ свои дѣйствія небольшими схватками. Омеръ-Паша и Дервишъ-Паша объявляли, что они скоро заставятъ раскаяться дерзкихъ мятежниковъ.

Вотъ текстъ циркуляра, который турецкое правительство разослало къ своимъ дипломатическимъ агентамъ въ иностранныхъ дворахъ: «Высокая Порта получила положительныя извѣстія о совѣщаніяхъ, которыя происходили въ собраніи черногорцевъ и

начальниковъ герцоговинскихъ инсургентовъ въ Цетиньѣ. Рѣшенія, которыя были приняты на этомъ революціонномъ собраніи, какъ сами-по-себѣ, такъ и по тому свѣту, который они бросаютъ на намѣренія инсургентовъ, рѣшенія эти имѣютъ такую важность, что должны обратить на себя вниманіе правительства.

«Первымъ долгомъ собранія было признаніе Луки Вукаловича неспособнымъ предводительствовать возставшими. Главное начальство надъ инсургентами было затѣмъ вручено монаху Никанору Дуи. Въ то же время предводители Зубцова, Кручова и Драсовиче, находившіеся прежде подъ начальствомъ Вукаловича, приобрѣли себѣ новаго начальника въ лицѣ черногорскаго епископа Петра Монтиновича и обязались управляться черногорскими законами; вообще же повиноваться князю.

«Эти факты не нуждаются въ комментаріяхъ, это ужь не военное содѣйствіе, не тайная помощь со стороны черногорцевъ возмущившимся противъ законнаго государя участникамъ. Черногорцы открыто поддерживаютъ и направляютъ возстаніе. Неоднократно повторенныя ими завѣренія служили только прикрытіемъ дѣйствій, которыя уже давно стали подозрительными для турецкаго правительства.

«Нынѣ не остается никакого сомнѣнія насчетъ намѣреній горцевъ. Войска, которыя преслѣдуютъ инсургентовъ въ Герцеговинѣ, должны сражаться съ непріателемъ, поддерживаемымъ открыто людьми, пользующимися совершенною безнаказанностью.

«Мы надѣемся, что подобный скандализирующій образъ дѣйствій заслужитъ на этотъ разъ категорическое порицаніе со стороны дружественныхъ намъ кабинетовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ въ глазахъ Европы освободитъ насъ отъ нареканій за то, что мы рѣшились не дѣлать дальнѣйшихъ уступокъ.»

Нынѣшняя сесія парламента въ Англіи принадлежитъ къ числу самыхъ бездѣльныхъ; ни одного еще сколько нибудь важнаго, жизненнаго для государства вопроса, не получило разрѣшенія. Только обращаютъ на себя вниманіе дебаты по поводу дѣйствительности блокады портовъ южныхъ американскихъ штатовъ и пренія относительно несостоятельности международнаго морскаго права.

Членъ палаты Грегори въ длинной рѣчи доказывалъ, что блокада портовъ не дѣйствительна. Ему возражалъ Форстеръ и цѣлымъ рядомъ фактовъ опровергъ всѣ его положенія. Въ духѣ Форстера говорилъ Роудель-Шальмеръ и въ блестящей рѣчи, заключенной имъ среди громкихъ рукоплесканій слушателей, окончательно разбилъ доводы Грегори. Послѣ этой рѣчи какъ выражается «Independence Belge» вопросъ о блокадѣ можно считать погребеннымъ.

Пренія о международномъ морскомъ правѣ, интересныя не только своею политическою, сколько юридическою стороною,

только еще начались. Ожидаютъ большихъ споровъ, блестящихъ рѣчей, остроумныхъ возраженій, но вмѣстѣ съ тѣмъ говорятъ, что всѣ эти пренія останутся только — преніями.

Англичане все еще не могутъ отдѣлаться отъ боязни, что Наполеонъ, того и гляди, захватитъ порядочную частицу итальянской территоріи. По случаю вступленія Ратацци въ министерство, сэръ Граффитъ сдѣлалъ правительству запросъ не имѣтъ ли новыи министръ намѣренія сдѣлать Франціи какую либо уступку территориальную. Помощникъ государственнаго секретаря по министерству иностранныхъ дѣлъ Лейардъ сослался на категорическій отвѣтъ Риказоли о томъ, что добровольно ни клочка Италіи не будетъ отдано никому и никогда.

Въ англійскихъ газетахъ напечатано письмо Брайта къ одному изъ довѣренныхъ его лицъ въ Бирмингамѣ. Письмо это написано по поводу налоговъ на доходы. Въ немъ Брайтъ совѣтуетъ британскому народу повести рѣшительную борьбу за парламентскую реформу. При этомъ онъ заявляетъ, что лично онъ не въ состояніи доставить побѣду народу такъ какъ либеральная партія въ палатѣ позволила правительству ослабить и унизить себя, само же правительство, не въ состояніи будучи силою поддерживать политическую власть аристократическихъ классовъ и злоупотребленія этой власти, стало прибѣгать къ надувательству.

Скончалась «Morning Chronicle,» одна изъ старѣйшихъ англійскихъ ежедневныхъ политическихъ газетъ. Газета эта основана была въ 1770 г. и постоянно до сороковыхъ годовъ служила органомъ партіи виговъ, потомъ издатели ея нѣсколько разъ мѣнялись и она сдѣлалась, наконецъ, орудіемъ Пилитовъ. Когда составилось министерство Пила и Абердина, газета была оставлена безъ всякихъ субсидій со стороны Пилитовъ и постепенно начала гаснуть. Агонія ея продолжалась нѣсколько лѣтъ.

Вниманіе англичанъ отъ многодумныхъ дѣлъ политическихъ отвлекаетъ предстоящая всемірная выставка. Работы въ зданіи выставки почти уже окончены и часть лѣсовъ снята. Выставка откроется 1 мая комиссіею, состоящею изъ герцога кембриджскаго, архіепископа кентербѣрійскаго, графа Дерби и лорда Пальмерстона. Королева, по случаю смерти супруга, отказалась присутствовать при открытіи. Всѣ ждутъ чудесъ отъ выставки.

одной съ нимъ крови. Теперь она не можетъ спокойно умереть, не снявъ этого обмана съ своей совѣсти.

До-сихъ-поръ мы говорили мало хорошаго о м-рѣ Джонсѣ, однакожь въ настоящемъ случаѣ онъ выказалъ состраданіе: онъ послалъ доктора къ Мэри Голивелль. Но бѣдная женщина, освободясь отъ своей тайны, умерла въ слѣдующій же день.

М-ръ Джонсъ былъ человекъ положительный; онъ тотчасъ же отправился въ регистратуру уайтчапельскаго прихода, для удостовѣренія въ справедливости словъ покойной Мэри Голивелль. Тамъ онъ нашолъ два акта: одинъ о смерти Лавиніи Джонсъ и другой—о рожденіи Лавиніи Голивелль, и получилъ съ нихъ копіи (которыя показалъ теперь своей несчастной слушательницѣ). Затѣмъ отъ пошолъ къ своему брату съ этими двумя обвинительными документами и поклялся страшною клятвой, что если когда-нибудь этотъ негодяй проговорится хоть однимъ словомъ о такой низкой сдѣлкѣ, или покажется въ сосѣдствѣ тѣхъ мѣстъ, гдѣ живетъ онъ, м-ръ Джонсъ, то будетъ за свое преступленіе наказанъ по закону. Затѣмъ м-ръ Джонсъ сталъ думать, что ему остается дѣлать и частью изъ любви къ ребенку, частью изъ страха скандала, пришло къ заключенію, что благоразумнѣе всего будетъ молчать и хранить тайну про-себя, не говоря о ней даже женѣ. Онъ сохранялъ эту рѣшимость до самой той минуты, когда Лавинія вызвала его на настоящее объясненіе.

Ударъ грома, разразившійся у ногъ испуганнаго путника, не можетъ быть для него болѣе неоспоримымъ фактомъ, чѣмъ какимъ представлялась почти оглушонному уму Лавиніи истина и достовѣрность разсказа м-ра Джонса. Однакожь она однимъ взглядомъ охватила всю важность этого признанія и тѣмъ, по-крайней-мѣрѣ, избавилась отъ мученій неизвѣстности. Она вдругъ лишилась всего прошедшаго, настоящаго, будущаго, даже собственной своей личности. (Аже та любовь, которая изъ-за могилы бросала лучъ свѣта въ мракъ и жизни, болѣе не принадлежала ей, она неимѣла ца нее никакого права. Ея внутренній, также какъ внѣшній міръ, колебался и обрушивался вокругъ нея. Отчаяніе овладѣло ею, и, закрывъ лицо руками, она зарыдала.

М-ръ Джонсъ по-своему старался ее утѣшить. Онъ говорилъ, что ей въ никакой причинѣ предаваться такому отчаянію; это совершенное возмие: вѣдь кромѣ имени, ничто не измѣнилось въ ея положеніи. Завѣтъ онъ не зналъ о ея настоящемъ происхожденіи уже одиннадцать лѣтъ и, однакоже, онъ далъ ей воспитаніе, какъ будто она была дѣйствительно его племянницей. Онъ сдѣлалъ ее настоящею лодъ, какою она можетъ остаться до конца своей жизни, если только она имѣетъ къ нему довѣренность. Его домъ остается ея домомъ, какъ прежде; его отцовство въ ея распоряженіи, и такъ далѣе. Лавинія, всхлипывая, признала, какъ могла, свою благодарность, но сказала, что ударъ былъ слишкомъ неожиданъ, что онъ засталъ ее врасплохъ, что она должна имѣть время спокойно обдумать свое положеніе и придти въ бл. «Конечно конечно, бѣдняжка!» согласился м-ръ Джонсъ. Въ настоящемъ случаѣ онъ показалъ себя и скромнымъ и внимательнымъ.

Онъ пріѣхалъ къ ней на другой день, потомъ еще на третій день, но только на нѣсколько минутъ, чтобы только узнать какъ онъ объяснялъ, здорова ли она и не нуждается ли въ чемъ-нибудь. Мало-по-малу онъ опять сталъ ѣздить къ ней только по воскресеньямъ.

Такъ прошли два мѣсяца, въ теченіе которыхъ Лавинія предавалась самымъ тревожнымъ размышленіямъ. Для нея былъ совершенно ясенъ одинъ пунктъ: она не могла безъ неприличія жить подъ кровлею и ѣсть хлѣбъ челоуѣка, который не былъ ея родственникомъ и котораго, посредствомъ обмана, заставили быть ея благодѣтелемъ. Независимо отъ врожденнаго ей чувства самоуваженія, запрещавшаго ей рѣшиться на это, она думала, что, продолжалъ занимать мѣсто, не принадлежащее ей по праву, она будетъ по-крайней-мѣрѣ пассивною соучастницей обмана, въ который вовлеченъ свѣтъ на ея счетъ. Но куда ей идти? Чѣмъ она будетъ жить? У нея не было никого, къ кому бы ей обратиться за совѣтомъ и руководствомъ: она не имѣла довольно мужества, чтобы открыть кому бы то ни было позоръ своего рожденія. Оставался одинъ м-ръ Джонсъ. Почему бы ей не положиться на него? У него есть корреспонденты, связи, дѣла во всѣхъ частяхъ земного шара; онъ, болѣе чѣмъ кто-либо, въ состояніи помочь ей; и какое она имѣетъ основаніе сомнѣваться въ его добромъ къ ней расположеніи? Онъ показалъ себя въ отношеніи къ ней истиннымъ другомъ. Разсуждая съ собой такимъ образомъ, она пришла къ заключенію, что ей слѣдуетъ открыть ему свое желаніе—найти какое-нибудь мѣсто за границей.

Поведеніе м-ра Джонса вполне оправдывало его права на титулъ друга, который она дала ему. Она ошибочно судила объ этомъ челоуѣкѣ прежде: онъ былъ безъ навязчивости внимателенъ къ ней, ласковъ и, порой, добръ до нѣжности. Онъ привозилъ ей газеты, книги, отборные цвѣты; онъ не перечилъ ей ни въ чемъ, ни дѣломъ, ни словомъ, и даже, повидному, совершенно примирился съ ея намѣреніемъ вести затворническую жизнь; онъ пользовался каждымъ удобнымъ случаемъ ободрять и успокоивать ее насчетъ ея будущности; онъ неоднократно намекалъ даже, что у него есть для нея въ запасѣ большой сюрпризъ, который, какъ онъ надѣется, не будетъ ей непріятенъ. Она не знала что думать объ этихъ словахъ, исключая развѣ того, что это, вѣроятно, былъ намекъ на какое-нибудь предложеніе о бракѣ, которое ей будетъ сдѣлано чрезъ м-ра Джонса. Если это такъ, то, по ея мнѣнію, минута для подобнаго предложенія выбрана была неудачно, но тѣмъ становилось необходимымъ—открыть ему свои намѣренія.

Однажды передъ обѣдомъ она вооружилась всѣмъ своимъ мужествомъ и сказала м-ру Джонсу, что желаетъ съ нимъ поговорить о себѣ. Онъ, повидному, нисколько не былъ этимъ встревоженъ, а скорѣе доволенъ. Онъ сказалъ, что хотя онъ не дядя ей, но это нисколько не мѣшаетъ ему быть ей другомъ, можетъ быть, болѣе нѣжнымъ чѣмъ она думаетъ,—и съ этими словами онъ взялъ ее за руку.

— Я увѣрена въ томъ, что вы мнѣ другъ, — отвѣчала Лавинія, — и искренно благодарна вамъ за вашу доброту. Но вмѣстѣ съ этимъ, вы должны согласиться, что такъ-какъ вы, къ несчастію, не дядя мнѣ, а только другъ, то это не позволяетъ мнѣ долѣе оставаться съ вами въ такихъ отношеніяхъ, какъ будто я ваша племянница.

— Я согласенъ съ этимъ, — сказала м-ръ Джонсъ и быстро прибавилъ патетическимъ тономъ: — почему бы мнѣ не сдѣлаться для васъ чѣмъ-нибудь болѣе дяди или друга?

Лавинія не поняла что онъ хочетъ сказать.

— Развѣ нѣтъ болѣе священнаго и дорогого названія, которое вы можете мнѣ подарить? — спросилъ м-ръ Джонсъ, — названія, которое дастъ мнѣ право быть вашимъ покровителемъ предъ лицомъ всего свѣта?

Она казалась смущенною и недоумѣвающею, подобно человѣку который не въ состояніи понять смыслъ жаркихъ словъ, сказанныхъ на незнакомомъ языкѣ.

— Я здоровъ и силенъ, — продолжалъ искуситель, — и многія дѣвушки еще моложе васъ выходили замужъ за людей постарше меня и нисколько въ этомъ не раскаявались, — совершенно напротивъ. Что вы скажете на это?

Лавинія на нѣкоторое время какъ-будто окаменѣла, потомъ, вдругъ вырвавъ у него свою руку и стараясь не допустить его снова овладѣть ею, отскочила на другой конецъ комнаты, вскричавъ:

— О! никогда, никогда! я скорѣе умру.

— М-ръ Джонсъ позеленѣлъ и пошолъ къ ней съ угрожающимъ видомъ. Глаза его сверкали выраженіемъ всѣхъ самыхъ низкихъ страстей, унижающихъ человѣческую природу.

— Не бѣсите меня! — заревѣлъ онъ, или клянусь...

Онъ сдѣлалъ надъ собою усиліе, отступилъ шагъ или два назадъ, и разразился громкимъ хохотомъ.

— Какой же я осель! — сказалъ онъ, — что принялъ ваши гордые слова серьѣзно! Предупреждаю васъ: вы немного у меня набуяните. Я думаю жениться на васъ, и, волей-неволей, вы будете моею женою. Я даю вамъ одни сутки на размышленіе о различіи между безпомощностью, нищетою, голодною смертію съ одной стороны, и роскошью, бодрымъ мужемъ и кучей друзей — съ другой. Подумайте хорошенько, и тогда, я надѣюсь, вы, съ очаровательною любезностью, скажете мнѣ *да*. — И м-ръ Джонсъ вышелъ.

Лавинія заперлась въ своей комнатѣ и съ трепещущимъ сердцемъ ожидалась стука колесъ, чтобы увѣриться, что м-ръ Джонсъ уѣхалъ. Онъ уѣхалъ скорѣе чѣмъ она надѣялась. Она бросилась на колѣни и долго пламенно молилась. Затѣмъ, положивъ кое-какое платье въ небольшой сак-воажъ, выскользнула изъ дома и пошла такъ скоро, какъ только могла, къ ближайшей станціи желѣзной дороги. Черезъ часъ она наняла кэбъ и велѣла извозчику везти ее въ Кэмдонтъ-Таунъ. Это имя невольно сорвалось у нея съ языка въ ту минуту, когда она дѣлала усилія припомнить какое нибудь отдаленное мѣсто. Она никогда не бывала къ Кэмдонтъ-Таунъ и не знала что это такое:

одна ли какая нибудь улица, или же предмѣстье, состоящее изъ многихъ улицъ.

Извозчикъ спросилъ гдѣ онъ долженъ остановиться въ Кэмденъ-Таунѣ: вѣдь Кэмденъ-Таунъ великъ.

— Я дерну за шнурокъ,—отвѣчала смущенная дѣвушка.

Она узнала, что доѣхала до мѣста назначенія, по маневрамъ извозчика, который началъ безпрестанно оборачиваться и поглядывать на нее. Она вдругъ его остановила, заплатила ему деньги, взяла свой сак-воляжъ и пошла впередъ, не вполнѣ увѣренная, что она дѣлаетъ все это не во снѣ. Извозчикъ, оставивъ на нее глаза, покачалъ головою и тронулъ свою лошадь, вполнѣ довольный тѣмъ, что не его дѣло заботиться о своихъ заблудившихся сѣдокахъ.

Поги Лавиния подгибались подъ нею, между тѣмъ какъ она глядѣла направо и налево, стараясь собраться съ духомъ, чтобы постучать въ дверь какого нибудь изъ домовъ, съ приклеенными на окнахъ билетиками объ отдачѣ комнатъ въ наймы. По близости не было ни одной скамейки, гдѣ бы присѣсть, но ей нужно было отдохнуть; она готова была упасть на мостовую. Но молодая дѣвушка черезъ силу все шла впередъ и впередъ. Она находилась теорь въ улицѣ, состоящей изъ ряда двух-этажныхъ чистыхъ домиковъ; такія миньютюрныя помѣщенія должны быть дешевы. Она постучалась въ одно изъ этихъ маленькихъ жилищъ и сказала, что ей нужна комната. Дверь отворила сама хозяйка, и, подозрительно осмотрѣвъ Лавинию съ ногъ до головы, сказала ей, что она никогда не отдаетъ комнату одинокимъ дамамъ. Въ другомъ мѣстѣ ей сказали тоже. Въ третій разъ ей позволили посмотреть комнату, но когда, на вопросъ относительно ея вещей, она призналась, что у ней нѣтъ ничего кромѣ сак-воляжа, то ей довольно вѣжливо объяснили, что комната уже отдана другой особѣ, и потому ей будетъ лучше поискать квартиры въ какомъ нибудь другомъ домѣ. Четвертая попытка ея наконецъ увѣнчалась успѣхомъ. Хозяйка дома № 25 или болѣе нуждалась въ жильцахъ, или была менѣе недовѣрчива. Разумѣется, она взяла съ Лавинии обѣщаніе, что она не будетъ принимать никакихъ визитовъ и потребовала съ нея донегъ за двѣ недѣли впередъ. Лавиния вынула свой кошелекъ и тотчасъ же отдала деньги, хотя не безъ нѣкотораго труда, потому что голова ея кружилась... За тѣмъ ее ввели въ чистую, опрятную комнату, которая показалась изумительно дешевою молодой дѣвушкѣ, въ первый разъ начинавшей знакомиться съ бѣдностью. Хозяйка сказала ей, что она можетъ позвонить въ колокольчикъ, если ей что-нибудь понадобится. Лавиния отвѣчала, что ей ничего не нужно,—ничего кромѣ отдыха. И она бросилась на волосяной диванъ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Найденъ и потерянъ опять.

Читатель, быть можетъ, недоволенъ на насъ, что мы такъ долго не говорили ему ничего о Торнтонѣ и оставили безъ разрѣшенія два

или три загадочныя обстоятельства, относящіяся къ этому джентльмену. Дѣйствительно ли онъ уѣхалъ въ Соединенные Штаты отыскать Паоло, какъ заставляла предполагать послѣдняя прописка его паспорта? А если это такъ, то что же заставило и чиновника въ консульствѣ и повѣренныхъ Мортимера въ Лондонѣ держать въ тайнѣ его мѣстопробываніе? Мы сейчасъ дадимъ категорическій, и, надѣмся, удовлетворительный отвѣтъ на оба эти вопроса. Единственною причиною, которая помѣшала намъ сдѣлать это прежде, была невозможность рассказывать въ одно и то же время исторію нѣсколькихъ лицъ.

Мортимеръ, переселившись изъ улицы Роганъ въ Новую Сентъ-Фостенскую улицу, все еще получалъ извѣщенія, относящіяся къ его публикаціи о Паоло. На большую часть этихъ извѣщеній не стоило обращать вниманія, но онъ продолжалъ сообщать ихъ полиціи. Однако же одно изъ этихъ писемъ, съ гаврскимъ штемпелемъ, привлекло его вниманіе, сколько по тону сочувствія, съ которымъ оно было написано, столько же и по мѣсту, изъ котораго, по видимому, оно было отправлено. Авторъ письма, называя себя агентомъ компаніи пассажирскаго пароходства въ Соединенные-Штаты, и выказывая филантропическія чувства, объяснилъ — какимъ образомъ была возбуждена его симпатія неутомимостью лица, печатавшаго объявленія, о которыхъ идетъ рѣчь, и какъ, вслѣдствіе этого, онъ приступилъ къ розыскамъ въ книгахъ своей конторы чтобы удостовѣриться — не пробѣжалъ ли на одномъ изъ пакетботовъ компаніи кто либо, чьи примѣты соответствовали бы примѣтамъ отыскиваемой особы. Результатомъ этого было свѣденіе, что дѣйствительно одинъ молодой человекъ, наружность котораго подходила къ примѣтамъ Паоло Ганчии, явился въ контору 26 прошлаго марта, и взялъ мѣсто второго класса для пробѣда въ Нью-Йоркъ на палубѣ «Аталанты.» Ли этого лица, какъ оказалось по книгамъ, было Паоло Манни, а не Ганчии; но эта легкая разниа въ именахъ могла произойти отъ ошибки писца, записывавшаго фамиліи пассажировъ. Незвѣстный корреспондентъ Торнтонъ прибавлялъ, что, къ сожалѣнію, онъ самъ не цалъ итальянца, но если авторъ объявленія считаетъ умѣстнымъ воспользоаваться этими свѣдѣніями и пріѣхать въ Гавръ, то вышеупомянутый писецъ почтетъ за счастье сообщить ему все, что только помнитъ относительно человека, записаннаго подъ именемъ Паоло Манни. Затѣмъ слѣдовало подпись автора письма и адресъ конторы, въ которую слѣдовало обратиться. Въ постскриптумѣ было прибавлено, что паровой пакетботъ «Беззаботный» на другой день отправляется изъ Гавра въ Нью-Йоркъ.

Мортимеръ считалъ эти указанія слишкомъ важными и не хотѣлъ рать ни минуты. Онъ немедленно отправился въ полицію и приказалъ отнять свой паспортъ въ Соединенные Штаты, чтобы, въ случаѣ нужды, быть совершенно готовымъ къ отъѣзду. Потомъ онъ правился въ Гавръ, и здѣсь тотчасъ же убѣдился въ томъ, что онъ жертвою низкой мистификаціи: подпись, улица, номеръ и контора — все это оказалось чистою выдумкой. Торнтонъ возвратился со-

вершенно обезкураженнымъ; онъ палъ духомъ и сдѣлался врачнѣ прежняго. Онъ сталъ чаще и чаще посѣщать Моргъ. Это печальное мѣсто и грустныя сцены, театромъ которыхъ оно было, производили на него какое то дикое очарованіе. Препежнее, пришедшее ему въ голову подозрѣніе, что Паоло бросился въ Сену, непрерывно возникало въ его мысляхъ и сдѣлалось для него чѣмъ-то въ родѣ постоянной идеи; его больное воображеніе постоянно представляло ему трупъ Паоло, распростертый на плитахъ этого печальнаго мѣста. Въ одно утро Торнтонъ пришелъ въ Моргъ въ ту самую минуту, когда принесли туда какъ-то мертвое тѣло, вытасченное изъ воды. Трупъ находился въ рѣкѣ очень недолго и вовсе не былъ обезображенъ. Это было тѣло молодой дѣвушки, едва достигшей двадцатилѣтняго возраста. Она была средняго роста, съ короткими и поразительно-прекрасными чертами лица. Длинные, смокііе локоны ея роскошныхъ русыхъ волосъ, приколотыя на вискахъ и на затылкѣ, рѣзко отгѣняли снѣжную бѣлизну ея тѣла. На ней было бѣлое платье. Многочисленная толпа собралось вокругъ мертвой красавицы. Всѣ были тронуты и каждый по-своему объяснялъ возможную причину этой ранней смерти. Большая часть, разумѣется, приписывала ее безнадежной любви.

Мортимеръ долго и внимательно всматривался въ это лицо, запечатлѣнное торжественнымъ спокойствіемъ; и по мѣрѣ того, какъ онъ глядѣлъ на мертвую дѣвушку, въ его глазахъ происходило медленное, странное превращеніе ея безжизненныхъ чертъ, подобное тѣмъ превращеніямъ, примѣръ которыхъ намъ случается видѣть во снѣ. Эти неизвѣстныя черты начали принимать видъ такъ хорошо знакомой ему фязіономіи, которая огненными контурами отпечатѣлась въ его мозгу и сердцѣ и не изгладилась въ теченіе девяти лѣтъ. Торнтонъ положительно забылъ о времени, и ему казалось, что не далѣе какъ вчера особа, которую онъ видѣлъ въ этомъ трупѣ, опиралась на его руку, счастливая и довѣрчивая,—и онъ, сумасшедшій имѣлъ жестокость—оттолкнуть ее отъ себя, и тѣмъ довести ее до отчаянія! И эта смерть была его дѣломъ!.. И онъ, убійца, стоитъ, теперь предъ лицомъ своей жертвы! Подъ вліаніемъ этой ужасной иллюзіи Мортимеръ стремительно выбѣжалъ вонъ и бросился въ Сену.

Въ большихъ, многолудныхъ городахъ человекъ можетъ упасть отъ истощенія силъ, испустить послѣдній вздохъ на тротуарѣ, и о немъ никто не позаботится; но если онъ изберетъ своимъ смертнымъ ложемъ рѣку, то можетъ быть увѣренъ, что ему помѣшаютъ умереть тѣ же самые люди, которые въ первомъ случаѣ только пожали-бы плечами и перешли бы на другую сторону улицы. Причина этого объясняется сама собою. Жители большихъ городовъ вообще равнодушны и болятся быть одураченными; тотъ кто валяется на мостовой, съ пѣною во рту, можетъ быть притворщикомъ, между тѣмъ, какъ нельзя того же думать о человекѣ, который бросается съ высоты моста въ рѣку. Едва только Торнтонъ упалъ въ воду, какъ на обохъ берегахъ Сены раздался крикъ, и въ то же время нѣсколько лодокъ и плывцовъ бросились къ нему на

помощь. Одно судно, нагруженное лѣсомъ, подымалось въ эту минуту вверхъ по рѣкѣ; рулевой поворотилъ его противъ теченія. Торнтонъ, котораго быстро несло внизъ, на минуту былъ задержанъ этимъ препятствіемъ, и потомъ скрылся подъ судномъ. Раздался всеобщій крикъ ужаса. Но одна лодка была уже около того мѣста, гдѣ исчезъ Торнтонъ, одинъ изъ сидѣвшихъ въ ней людей сорыснулъ въ воду. Наступила минута молчаливаго, томительнаго ожиданія; но вотъ смѣлый пловецъ снова появился на поверхности воды, таща за собою утопленника. Воскликанія торжества и удивленія огласили воздухъ. Еще одинъ ударъ весель — и оставшіеся въ лодкѣ люди могли протянуть руку спасителю Торнтону. Пять минутъ спустя англичанинъ, все еще бывшій безъ чувствъ, въ сопровожденіи взволнованной толпы, былъ перенесенъ въ ближайшую караульню.

Почти въ тоже время туда явился полицейскій комиссаръ и приступилъ къ допросу, какъ только Мортимеръ очнулся. Отвѣты Торнтона были ясны и точны. Онъ объявилъ свое имя, фамилію, званіе, далъ свой адресъ и замѣтилъ чиновнику, что тотъ не имѣетъ права стѣснять свободу англійскаго подданнаго. Но когда у него спросили, что заставило его посягнуть на свою жизнь, то онъ сталъ путаться въ отвѣтахъ; онъ называлъ себя убійцею и утверждалъ, что самъ себя присудилъ къ смерти. Его жертва, говорилъ онъ, находится теперь въ Моргѣ, гдѣ комиссаръ можетъ ее видѣть. Хотя комиссаръ и былъ убѣжденъ, что имѣетъ дѣло съ помѣшаннымъ, однакоже послалъ одного изъ находившихся при немъ служителей въ Моргъ, и доставленные этимъ человѣкомъ свѣдѣнія были такого свойства, что могли подтвердить показанія Торнтону о его воображаемомъ преступленіи. Вслѣдствіе этого, несчастнаго Торнтону отвезли въ фіакръ на квартиру, гдѣ, изъ опасенія, чтобы онъ не возобновилъ своего покушенія на самоубійство, къ нему приставили, для надзора, двухъ полицейскихъ, одѣтыхъ въ партикулярное платье. Въ то же время англійское посольство было офиціально извѣщено о случившемся происшествіи. Одинъ изъ чиновниковъ, состоявшихъ при консульствѣ, тотъ самый къ которому Паоло и Приданса обращались за справками на счетъ Торнтону, былъ немедленно посланъ въ Новую-Сентъ-Огюстенскую улицу.

Мортимеръ съ полнымъ сознаніемъ отвѣчалъ на всѣ вопросы своего соотечественника; онъ сказалъ, что у него вовсе нѣтъ близкихъ родственниковъ, и какъ только у него спросили адресъ его повѣренныхъ въ Лондонѣ, то онъ сей часъ же и безъ всякихъ затрудненій далъ его. Но едва зашла рѣчь о его послѣднемъ поступкѣ, онъ сталъ обвинять себя въ убійствѣ, и мѣшаться въ мысляхъ такъ же какъ во время допросовъ полицейскаго комиссара. Торнтонъ, по видимому, не имѣлъ въ Парижѣ никого изъ близкихъ къ нему людей, и потому было признано за лучшее — телеграфировать гг. Генстридъ и К^о о положеніи ихъ кліента.

Одинъ изъ компаньоновъ дома въ Гольденъ - Скверѣ немедленно пріѣхалъ въ Парижъ и просилъ, чтобы несчастнаго Мортимера осви-

дѣлательствовалъ докторъ англійскаго посольства, вмѣстѣ съ известнымъ французскимъ психіатромъ, докторомъ Тернелемъ. Оба врача пришли къ заключенію, что Торнтонъ находится подъ вліяніемъ галлюцинацій и что его нельзя безъ видимой опасности для него самого оставлять на свободѣ. Вслѣдствіе этого, полицейскій комиссаръ, чиновникъ консульства, представитель дома Генстридъ и К^о. и два врача, которые уже свидѣтельствовали больного, составили нѣчто въ родѣ семейнаго совѣта; на немъ единодушно было рѣшено, что лучше всего въ настоящемъ случаѣ—довѣрить англійскаго джентльмена заботамъ доктора Тернеля и перевести въ лечебницу этого знаменитаго спеціалиста. Благодаря необыкновенному такту и убѣдительнымъ доводамъ Тернеля, со стороны Торнтонна не встрѣтилось никакаго препятствія къ исполненію этого плана.

Свойство болѣзни, Торнтонна,—болѣзни, которую родственники и друзья больного всегда стараются скрывать какъ можно долѣе, — было причиною уклончивости и двусмысленности отвѣтовъ гг. Генстридъ и К^о. и чиновника консульства, на вопросы Манчини.

Нечего и говорить, что заключеніе Мортимера положило конецъ объявленіямъ и справкамъ относительно Паоло. Съ другой стороны,—удивительная странность, одна изъ особенностей умственнаго потрясенія Торнтонна,—воспоминаніе о молодомъ итальянцѣ возбуждало въ немъ непреодолимый ужасъ. Большую часть своего времени онъ проводилъ въ томъ, что писалъ прошенія съ протестами противъ преслѣдованій, которыхъ онъ былъ, будто-бы, предметомъ, и выпросилъ у доктора Тернеля обѣщаніе, что тотъ не допуститъ до него Паоло.

Добрая мадамъ Франсуазъ, сильно тронутая несчастьемъ своего жильца, не покинула его въ эту критическую минуту. Она часто приходила въ лечебницу и всѣми силами старалась утѣшить его. Но прошло дѣльный мѣсяць, а въ положеніи больного не произошло ни малѣйшаго видимаго улучшенія, и докторъ Тернель на ея разспросы о больномъ только сомнительно качалъ головою. Вѣдная женщина, потерявъ всякую надежду, уѣхала въ Эврѣ, чтобъ исполнить обѣщаніе, которое давно уже дала своей дочерн—прожить у нея нѣсколько времени при приближеніи ея родовъ.

Докторъ Тернель отчаявался не потому, что считалъ болѣзнь Торнтонна неизлѣчимою, а потому, что не имѣлъ надежды найти нить, которая могла бы навести его на мысль, какъ приняться и леченіе. Хотя подробности, сообщенныя ему г-жою Франсуазъ на счетъ положенія нашего англичанина до помѣшательства, случившагося съ нимъ въ Моргѣ, и помогали опредѣлить частные признаки болѣзни; но онѣ были слишкомъ отрывочны и весьма мало имѣли соотношенія съ непосредственною причиною умственнаго разстройства въ больномъ, а потому и не могли представить прочнаго основанія для системы дѣйствій врача. Ему нужны были положительныя факты, и пока они не попадутъ ему подъ руку,—на что не было никакой надежды,—нельзя было и думать объ излеченіи. Несчастнѣйшій англичанинъ казался существомъ совершенно одинокимъ. Кромѣ платы за его содержаніе, аккуратно высылаемой чрезъ каждые три мѣсяца, не было

нравныхъ признаковъ, чтобы кто-нибудь заботился, или вспоминалъ о немъ. Вѣднѣй, всѣми покинутый Торнтонъ!

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

На лѣвомъ берегу Сены.

Неужели Паоло въ-самомъ-дѣлѣ находится въ этомъ веселомъ, хлопотливомъ, шумномъ Парижѣ? Не упалъ ли онъ съ облаковъ въ какой-нибудь монастырь, запрятанный въ ущельяхъ Ливанскихъ горъ? Таковы были вопросы, которые онъ не разъ задавалъ себѣ въ первые дни отравленія своей новой должности. Домъ, въ которомъ жилъ г-нъ Бонифасъ, находился за дворомъ, въ глубинѣ большой аллеи сада; съ другой стороны къ нему примыкали другой дворъ и другой садъ, — словомъ, это былъ самый спокойный домикъ изъ всѣхъ домиковъ спокойной улицы Касетъ. И самый мирный уголокъ этого спокойнѣйшаго дома былъ отведенъ для ежедневныхъ занятій Паоло. Относительно тишины и уединенія, только келья пустыинника могла сравниться съ его маленькимъ кабинетомъ. Туда не долетало даже самое слабое эхо шумной жизни, кипѣвшей внѣ этой безмятежной области; и тишина, господствовавшая внутри, была нарушаема только скрипомъ пера по бумагѣ. Горничныя, которыя вытряхивали ковры въ окнахъ, находившихся напротивъ, дѣлали это какъ-то тихо и осторожно; даже воробьи, садившіеся на одинокое дерево, среди безжизннаго задняго двора, повидимому находились подъ впечатлѣніемъ царствовавшей здѣсь тишины, и чирикали только въ полголоса.

Еще никогда до-сихъ-поръ нашему художнику не случалось находиться въ сношеніяхъ съ истиннымъ адептомъ науки, и въ первый разъ онъ былъ свидѣтелемъ этой спокойной, неослабной, неутомимой волеи за знаніемъ, которая можетъ наполнять всю жизнь человѣка, старающагося проникнуть въ тайны умственнаго міра. Поэтому его такъ болѣе интересовала типъ, находившійся передъ его глазами. Научныя умозрѣнія были для г. Бонифаса столь же естественною, необходимою и постоянною потребностью, какъ дыханіе.

Погруженный въ свой собственный міръ мыслей и вычисленій, который былъ для него единственною дѣйствительностью, онъ забывалъ міръ внѣшній, съ его требованіями; и еслибы, отъ истощенія, онъ упалъ на свою книгу или грифельную доску, то не догадался бы о причинѣ упадка силъ, когда бы сестра не напомнила ему, что пора завтракать или обѣдать. Рыба безъ воды не можетъ чувствовать себя болѣе безпомощнымъ существомъ, чѣмъ какимъ былъ нашъ почетливый ученый, когда его отрывали отъ высшихъ сферъ, гдѣ парилъ его умъ, и принуждали заняться какой-нибудь молочной подробностью обыденной жизни, напримѣръ, когда съ него нужно было снять мѣрку для платья. Въ такихъ случаяхъ если онъ хотѣлъ сказать что-нибудь путное, ему никогда это не удавалось, и онъ говорилъ постоянно невпопадъ. Но стоило только направить его на его любимую тему, — а къ этой категоріи относились всѣ научныя пред-

меты, — или же спросить у него объясненія относительно собственных его умозрѣній, — тогда онъ воспламенялся и съ истиннымъ краснорѣчіемъ развивалъ самыя остроумныя теорія.

Послѣ обѣда у г. Бонифаса часто бывали посѣтители. Кабинетъ его находился дверь об-дверь съ комнатою его секретаря; разговоръ вели собесѣдники обыкновенно очень громко; вслѣдствіе глухоты ученаго астронома: поэтому до Паоло,⁶ естественнымъ образомъ, доходила значительная его часть. Почти всѣ друзья г. Бонифаса были ученые въ родѣ его самого, — естествоиспытатели, археологи, ориенталисты, математики; каждый имѣлъ своего конька. Однимъ изъ самыхъ ревностныхъ посѣтителей улицы Касетъ былъ г. Пертюи, жившій на Королевской площади, тотъ самый, который представлялъ Паоло г. Бонифасу. Паоло часто оставлялъ перо, чтобы прислушаться къ разговору, и слушалъ съ величайшимъ удовольствіемъ. Онъ, разумеется, не могъ понять или уловить даже сотой доли всего, что говорилось въ подобныхъ случаяхъ, но его симпатію и удивленіе возбуждала возвышенная цѣль этихъ людей, ихъ безраздѣльная преданность интересамъ ума, забвеніе всего лежащаго внѣ предѣловъ ихъ занятій, глубина ихъ убѣжденій, энтузіазмъ, терпѣніе, простота. Паоло инстинктивно чувствовалъ, что эти люди составляютъ жизненный сокъ населенія, и что въ терпѣливыхъ изысканіяхъ подобныхъ людей должно искать источника всѣхъ великихъ открытій, прославившихъ и облагодѣтельствовавшихъ человѣчество. Такимъ образомъ Паоло, въ своемъ незначительномъ званіи переписчика, могъ, такъ сказать съ высоты птичьяго полета, бросить взглядъ на умственный міръ.

Въ другихъ отношеніяхъ, касавшихся его ближе, онъ могъ быть вполне доволенъ своимъ настоящимъ положеніемъ. Исключая трудности обращенія съ человѣкомъ полуслѣпымъ, порядочно - глухимъ и постоянно разсѣяннымъ, — которая, впрочемъ, постепенно уменьшалась, вслѣдствіе ежедневной привычки, — наложенныя на него обязанности казались ему довольно-легкими; а вниманіе, оказываемое ему братомъ и сестрою, вскорѣ сдѣлало ихъ даже пріятными. Когда г-нъ Бонифасъ находилъ нужнымъ сдѣлать кое-какія измѣненія въ томъ, что написалъ Паоло, то всегда извинялся предъ молодымъ человѣкомъ, что беспокоитъ его, и бранилъ себя за то, что употребляетъ во зло обязательность г. Манчини. Съ своей стороны сестра его, м-ль Марія, никогда не отпускала его въ шесть часовъ, не поблагодаривъ какъ отъ себя, такъ и отъ имени брата, за услуги, оказанныя имъ обомъ Г. Пертюи былъ также весьма вѣжливъ и, приходя въ гости къ г. Бонифасу, всегда старался проскользнуть въ кабинетъ Паоло и пожать руку молодому секретарю. Читатель, можетъ быть, скажетъ, что изъявленія благодарности, улыбки и рукопожатія ничего не доказываютъ. Положимъ, что такъ; но они все же приносятъ пользу: они ободряютъ человѣка и въ значительной степени облегчаютъ въ немъ тягостное чувство зависимости. Но расположеніе къ временному секретарю со стороны людей, въ обществѣ которыхъ онъ теперь находился, не ограничилось единственно этими внѣшними знаками. В

концѣ послѣднихъ двухъ недѣль жалованье его было увеличено до 75 франковъ,— очень важная статья для человѣка, который только и мечталъ о томъ, какъ бы поскорѣе собрать сумму, необходимую для путешествія изъ Пармѣ въ Римъ.

Несмотря на эту прибавку и строжайшую экономію, сумма, которую Паоло думалъ скопить къ концу мѣсяца, оказалась гораздо меньше предполагаемой имъ цифры: разные необходимые расходы, на которые онъ совершенно не рассчитывалъ, истощили его кошелекъ; онъ долженъ былъ платить жёнѣ сосѣдняго сапожника, которая чистила ему башмаки и убирала комнату, а иногда покупалъ свѣчу и платилъ прачкѣ. Въ особенности послѣдній расходъ былъ разорителенъ. Къ тому же, какъ ни старался онъ распорядиться, но никакъ не могъ обойтись съ двумя рубашками и парюю поношенныхъ сапогъ; а между тѣмъ пара башмаковъ, самыхъ дешовыхъ, стоила 7 франковъ, а три рубашки, по 3 фр. 50 сант., составляли для него значительный расходъ. Ежели бы еще можно было обойтись безъ кушанья! Но то-то и горе — что надобно ѣсть непремѣнно каждый день, и даже по нѣскольку равъ! Надобно сознаться, что въ этомъ отношеніи Паоло достигъ высшей степени простоты: маленькій теплый хлѣбъ—завтракъ бѣднаго Сальватора, (но только безъ жареныхъ каштановъ, такъ какъ невозможно было достать въ Парижѣ въ это время года), который онъ съѣдалъ, отправляясь утромъ въ улицу Касетъ; въ полдень, другіе два хлѣба, съѣдаемые имъ возлѣ его обыкновенной, наиболѣ дешовой библіотеки для чтенія—какой-нибудь книжной лавчонки на набережной — или же во время прогулки передъ великолѣпнымъ луврскимъ дворцомъ; потомъ, вечеромъ въ половинѣ седьмого, роскошный обѣдъ, о которомъ мы уже упоминали,—такова была его ежедневная пища, обходившаяся ему въ восемнадцать су. Случалось иногда, что нѣкоторыя кушанья въ обѣдѣ были не совершенно безукоризненнаго свойства, но аппетитъ служилъ имъ лучшею приправой. Никакая полынная и другая водка, возбуждающая аппетитъ, не можетъ сдѣлать желудокъ двадцати-четырёх-лѣтняго молодого человѣка такимъ *оптимистомъ*, какъ десятичасовой постъ, нарушаемый только тремя маленькими копѣчными булками.

Паоло полюбилъ старый, мирный кварталъ, куда былъ заброшенъ судьбою, и рѣдко выходилъ изъ него. Сена была его Рубиковомъ. Онъ любилъ бродить вечеромъ по набережнымъ, почти-пустымъ, и, остановившись на какомъ-нибудь мосту, наблюдать заходженіе солнца за вершинами Шальо, или любоваться при лунномъ свѣтѣ величественнымъ силуэтомъ собора Богоматери, или слѣдить за отраженіемъ газовыхъ рожковъ въ темныхъ водахъ, катившихся внизу. Въ его прогулкахъ и восторгахъ нерѣдко участвовалъ его товарищъ, сосѣдъ, тотъ самый, который, въ день его переѣзда на квартиру улицы дю-Фуръ, закричалъ ему изъ-за перегородки: «покойной ночи, сосѣдъ». Это былъ молодой студентъ изъ Эврѣ, относительно котораго предполагалось, что онъ занимается въ Парижѣ юриспру-

денціей, но который, подъ прикрытіемъ этой удобной и легальной фикціи, что называется, былъ бакалуши.

Никогда еще болѣе общительный, живой, беззаботный и оригинальный цыганъ не разбивалъ своей палатки въ Латинскомъ кварталѣ. Теофилъ Куранъ,—пока у него еще оставались деньги отъ его третнего жалованья,—что продолжалось много-много около двухъ недѣль, при самой большой экономіи, къ какой онъ только былъ способенъ,—жилъ весело, ни въ чемъ себѣ не отказывая; остальное же время онъ справлялся, какъ умѣлъ, питааясь жаренымъ картофелемъ и забирая все въ долгъ. Такая перемѣна въ образѣ жизни ни на волосъ не измѣнила веселаго расположенія его духа. По собственному его выраженію, онъ столь же весело и беззаботно проводилъ семь лѣтъ голода, какъ и семь лѣтъ изобилія.

Французу были не повутру почти отшельническій характеръ и образъ жизни итальянца, и его порадовало бы извѣстіе о знакомствѣ Паоло съ гризетками, которыя появлялись въ цвѣточномъ ряду, находившемся по сосѣдству. Этою-то скромною сценою дѣйствія, *soi-disant*-студентъ ограцичивалъ свои похождения, и три раза въ недѣлю искалъ тамъ легкихъ побѣдъ. Дѣйствительно этихъ побѣдъ у него было множество, и онъ любилъ рассказывать про свои триумфы. Его натура—смѣсь какого-то Сарданапала съ Диогеномъ, не говоря уже о лакомыхъ блюдахъ—въ родѣ широга съ мочонками, или *gogpons sautés aux truffes*—появлявшихся въ дни его изобилія, была какъ нельзя болѣе по вкусу хорошенькимъ дѣвупкамъ Латинскаго квартала. Паоло не завидовалъ его побѣдамъ; онъ говорилъ, что любовь не имѣетъ ничего общаго съ этими легкими и скоропроходящими страстишками. За это мнѣніе Теофилъ прозвалъ его суровымъ Ипполитомъ, подсмѣиваясь надъ нимъ и хохоча отъ своихъ собственныхъ остротъ. Куранъ былъ малый неглупый, говорливый, остроумный; онъ обладалъ огромнымъ запасомъ парадоксовъ, смѣло толковалъ обо всемъ и не сходился съ мыслями Паоло ни въ чемъ, кромѣ политикки. Несмотря на это эпикурейское и скептическое направленіе, которымъ хвалился молодой французъ, убѣжденія у него относительно этого предмета были столь же опредѣленны и рѣшительны, какъ и у его новаго друга.

Какъ обыкновенно во время того, что онъ называлъ своими минутными затмѣніями, Куранъ находился теперь въ сосредоточенномъ литературномъ настроеніи духа. Дѣйствительно, онъ писалъ въ это время разомъ поэму, комедію и романъ, и приправлялъ свой жареный картофель мечтами о крестѣ почетнаго легіона и академическомъ креслѣ. Онъ охотно распространялся о задуманныхъ имъ сочиненіяхъ, въ особенности же о завязкѣ своего знаменитаго романа подъ названіемъ «Суженый». По его мнѣнію, страсть была единственнымъ поприщемъ, на которомъ возможно, послѣ Вальзака, воспользоваться еще кое-какими остатками. Этотъ великій анатомъ сердца человѣческаго истощилъ всѣ прочія формы вымысла, какъ въ свѣтской или семейной жизни, такъ и въ области философіи и нравствен-

ности. Вальзакъ былъ пророкомъ Курана, и *Физиологія брака* была первой книгою въ свѣтѣ.

Герой задуманнаго романа, т. е. самый этотъ «Суженый», былъ парижанинъ, молодой поэтъ, красавецъ, богачъ, человѣкъ, одаренный удивительными способностями, но чрезвычайно несчастный, потому-что ему не удалось еще найти родной души, которую онъ желалъ въ своихъ мечтахъ и которая должна была пополнить его существованіе.

Молодость его прошла очень бурно. Это былъ бѣгъ Иксіона, бѣшенная погоня за второй половиной его существа. Онъ искалъ эту другую половину въ аристократическихъ салонахъ Европы, въ мастерскихъ, въ хижинахъ, въ степяхъ Америки и среди оргій «золоченаго дома». Но всѣ его поиски остались напрасными: «Суженый» свершалъ свой жизненный путь, чувствуя себя грустнымъ, неполнымъ, одинокимъ. Однажды, при выходѣ изъ глубины лѣса, онъ услышалъ веселый звонъ колоколовъ, раздававшійся въ маленькой деревенской церкви. Онъ входитъ въ святую ограду, гдѣ совершается свадебный обрядъ. Писецъ мѣстнаго нотаріуса—фигура съ физиономіею довольно-пошлою—женится на дочерп своего патрона, молоденькой блондинкѣ, тонкой, блѣдной и далеко не красивой. Суженый—замѣтите это—не любитъ и вообще никогда не любилъ блондинокъ; но, странно, тѣмъ болѣе онъ вглядывается, тѣмъ сильнѣйшее влеченіе чувствуетъ къ этой дѣвушкѣ. Дѣйствительно есть что-то роковое въ обаяніи, которое она на него производитъ. Вся душа его стремится ей на встрѣчу, какъ къ центру притяженія;—словомъ, въ ту самую минуту, когда священникъ благословляетъ молодыхъ, восторженный поэтъ открываетъ, что жена писца нотаріуса та самая женщина, которую небо предназначило для него.

— Какимъ образомъ дураку пришло это въ голову?—сказалъ Паоло, прерывая рассказчика.

Куранъ, нисколько не смущаясь, продолжалъ:

— Подобно волку, нетеряющему изъ виду своей добычи, онъ послѣдовалъ за свадебнымъ поѣздомъ до маленькаго трактира, гдѣ долженъ былъ происходить скромный семейный пиръ. Дорогою разнообразныя мысли толпятся въ его головѣ, подобно облакамъ, гонимымъ противоположными вѣтрами. Нѣтъ, у него не могутъ отнять предметъ его мечтаній; права его, начертанныя въ книгѣ судебъ, важнѣе правъ этого ничтожнаго *крючкотворца*. Она будетъ его женою! Подъ влияніемъ этой рѣшимости, «Суженый» тотчасъ же достаетъ нѣкоторое количество какого-то усыпительнаго вещества; онъ нанимаетъ маленькую комнату, смежную съ столовою, гдѣ долженъ происходить свадебный пиръ, вливаетъ по нѣскольку капель своего снадобья въ десять бокаловъ, приготовленныхъ для шампанскаго, и затѣмъ ожидаетъ результата своей продѣлки. Обѣдъ длится самымъ медленнымъ и прозаическимъ образомъ. Потомъ онъ слышитъ, какъ хлопаютъ пробки; гости обмѣниваются тостами, затѣмъ, мало-по-малу, шумъ голосовъ затихаетъ, головы, одна послѣ другой, склоняются на столъ, и вскорѣ вся компанія засыпаетъ глубокимъ сномъ. Пользуясь

такую удобною минутой, «Суженый» бросается на свою добычу, беретъ ее на руки и уноситъ ее въ свое убѣжище.

— Дьявольская штука, которая стоитъ гильотины, или чего-нибудь похуже! — воскликнулъ Паоло.

— Отчасти да, — отвѣчалъ Теофиль. — Стучитесь крѣпче, если хотите достучаться — вотъ мой девизъ. Я вижу, что моя интрига увлекательна. Но я еще не кончилъ: у меня въ запасѣ есть кое-что еще позабористѣе этого. Слушайте же. Черезъ нѣсколько времени мужъ просыпается и напрасно ищетъ свою жену. Попытываясь, онъ отправляется на поискъ, видитъ полуоткрытую дверь и входитъ въ ту самую комнату, въ которой расположился «Суженый», забывшій ее запретъ. Тигръ, потревоженный въ своемъ логовищѣ, не можетъ быть страшнѣе, чѣмъ былъ поэтъ при видѣ своего соперника; объятія и когти звѣря не столь смертоносны, какъ пальцы «Суженаго» которыми онъ сдавилъ горло своему противнику. Послѣ борьбы, продолжавшейся едва нѣсколько секундъ, послышался подавленный хрипъ — и женихъ превратился въ трупъ. Что вы на это скажете — а? Надѣюсь, что для первой главы это недурно? — спросилъ Куранъ, самъ растаявшій отъ восторга.

— Я говорю, что это неестественно, бессмысленно. Къ чему это сѣпленіе невозможныхъ ужасовъ? Что у васъ за цѣль?

— Онъ еще спрашиваетъ, что за цѣль! — возразилъ Куранъ, смѣясь, — съ первыхъ же страницъ увлечъ читателя, приковать его вниманіе и продать свое произведеніе въ нѣсколькихъ тысячахъ экземпляровъ, — словомъ, имѣть успѣхъ.

— Вы никогда не достигнете этой цѣли, наводя на людей кошмаръ, — сказалъ неопытный Паоло. — На свѣтѣ существуютъ, благодаря Бога, другіе источники интереса, болѣе чистые и возвышенные, чѣмъ измѣна, убійство и другія подобнаго рода прелести. Вотъ, послушайте, напримѣръ... Тутъ Паоло, подобно всѣмъ итальянцамъ проникнутый восторгомъ при воспоминаніи объ «Обрученныхъ», съ глубокимъ энтузіазмомъ представилъ своему другу краткій очеркъ этого знаменитаго романа Манцони. Это — простая повѣсть о двухъ скромныхъ существахъ: о ткачѣ полковыхъ товаровъ и о его невѣстѣ, которые на мгновеніе сблизились, потомъ были разлучены потокомъ грязныхъ страстей грубаго вѣка, потомъ, благодаря наввной вѣрѣ и любви, счастливо избѣгли водоворота, и, послѣ многочисленныхъ испытаній, наконецъ пристали къ желанному берегу, сдѣлавшись благоразумнѣе, лучше, смиреннѣе и счастливѣе.

— Все это, конечно, очень красиво, — замѣтилъ Теофиль, — но имѣетъ капитальный недостатокъ; такая исторія годилась бы для курса на монтионовскую премію: она слишкомъ нравственна...

— Слишкомъ нравственна! — воскликнулъ Паоло, вытравивъ глаза отъ удивленія.

— Разумѣется, слишкомъ нравственна и вяла въ соответственной степени, — возразилъ Куранъ, — здѣсь нѣтъ ни горчицы, ни перцу ни малѣйшаго шипу, никакого намека на то, что я называю дѣйствительною страстью, — ни одного изъ тѣхъ рискованныхъ положеній, ко-

торы так нравятся публикѣ. У автора была подь рукою драгоценная золотоносная жила въ любовной интригѣ синьоры съ кавалеромъ Эждидіо. Страсть монахини—вотъ предметъ, достойный дѣльной обработкѣ, а между тѣмъ авторъ прошолъ мимо, даже не замѣтивъ его.

— Онъ отвергъ его! онъ имъ пренебрегъ! съ жаромъ воскликнулъ Паоло;—никогда Манцони не унизился бы до такой степени.

— Тѣмъ глупѣе съ его стороны. Мораль, вообще, невыносима въ произведеніи фантазій. Даже критики, которые восхваляютъ ее по обязанности своего ремесла, втихомолку надъ нею подсмѣиваются. Вкусъ публики притупленъ и пресыщенъ; ему во что бы ни стало необходимы возбуждательныя средства. Всѣ отворачиваютъ носъ отъ вашего варенаго мяса. Прочь его! Давайте намъ говядины подь какими нибудь раздражающимъ соусомъ, двѣ съ душкомъ, да еще, въ добавокъ, начиненную трюфелями, обильно приправленную кайэнскимъ перцемъ—вотъ что намъ нужно!

— Я скорѣе отказался бы навсегда отъ писанья, чѣмъ сталъ бы потакать подобнымъ вкусамъ, — воскликнулъ нецвиализованный Паоло.

— Я же слишкомъ большой философъ, чтобы рѣшиться на это, — возразилъ Куранъ.—Мы видимъ изъ исторіи, что каждый вѣкъ имѣетъ свои слабыя стороны. Я принадлежу своему вѣку, и потому, не рассуждал, придерживаюсь его направленія. Я пользуюсь тѣми изъ его слабыхъ сторонъ, которыя могутъ способствовать къ моему возвышенію—вотъ моя философія...

— Вашъ скептицизмъ, хотите вы сказать. А достоинство литературы, а нравственность, вѣчная и неизмѣнная, а божественное право красоты и истины—какое мѣсто займетъ все это въ вашей системѣ?—спросилъ Паоло.

Куранъ посмотрѣлъ на него съ видомъ глубокаго состраданія.

— Я никогда не видалъ, — сказалъ онъ, такихъ простаковъ, какъ вы, итальянцы, съ вашимъ неистощимымъ запасомъ энтузіазма. Однако же, съ артистической точки зрѣнія, въ немъ есть кое что путное и меня забираетъ охота помѣстить васъ въ мой будущій романъ. Откровенно говоря, позвольте мнѣ вамъ замѣтить, что вы бредите. Высокопарныя теоріи нѣсколькихъ мечтателей и фанатиковъ объ искусствѣ не могутъ быть принимаемы за неоспоримую истину. Моя теорія гораздо проще; она вся заключается въ знаменитомъ стихѣ великаго писателя: «Tous les genres sont bons hors le genre ennuyeux». (Всѣ роды хороши, исключая скучнаго.)

— Даже и самый цинизмъ?—воскликнулъ Паоло.

— А почему же я нѣтъ, ежели онъ облеченъ въ приличную форму и сочиненіе сопровождается успѣхомъ? — спросилъ Куранъ. — Развѣ Гораціи былъ чуждъ его? Развѣ Овидій не тонулъ въ немъ? Развѣ софистъ Лонгусъ не предавался ему со всею пылкостью необузданной страсти? И, однакоже, мы удивляемся ихъ произведеніямъ до настоящаго времени.

— Но, вѣдь, это были язычники, милый другъ. Итакъ, вы нивво-

дите литературу на степень простой стилистики? По вашему, сущность ея—это стиль?

— И успѣхъ,—прибавилъ Куравъ.

— Въ такомъ случаѣ Венера Медицейская и Венера Готтентотская равно хороши въ вашихъ глазахъ, лишь бы только привлекали многочисленную толпу.

— Именно такъ.

Несмотря на подобное различіе мнѣній или, можетъ быть, вслѣдствіе этой самой причины, сосѣди находились въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ; оба они сходились съ величайшимъ удовольствіемъ и каждое воскресенье, единственный свободный день, Паоло постоянно проводилъ въ галереяхъ Лувра и Люксамбурга. Теофиль былъ даже представленъ г-ну и г-жѣ Просперъ, въ домѣ которыхъ Паоло обыкновенно оканчивалъ свои вечернія прогулки.

Время прошло такимъ образомъ до половины августа, когда нашъ римскій живописецъ, почти забывшій о своемъ званіи, увидѣлъ себя обладателемъ порочной суммы—въ 122 франка. По его расчету, этихъ денегъ было слишкомъ достаточно для возвращенія въ Римъ. Онъ надѣялся скопить еще около сорока франковъ въ теченіе слѣдующихъ двухъ недѣль и назначалъ ихъ для удовлетворенія давнишняго желанія: ему хотѣлось купить доброй и безкорыстной Приюданскъ какой нибудь полезный для нея подарокъ. Несправедливо было бы думать, что Паоло пропускалъ случай существовавшимъ образомъ выразить свою благодарность семейству Проспера, насколько позволяли ему его средства; деньги, зачастую потрачиваемыя на игрушки для дѣтей, могли бы значительно ускорить столь желанную минуту его освобожденія. Мы дѣлали такъ же, какъ и Паоло, не придавая большой важности этимъ подаркамъ: они были несравненно ниже того, что желалъ сдѣлать Паоло для семейства, которому считалъ себя такъ обязаннымъ.

При столь удовлетворительномъ состояніи дѣлъ нашего молодого римлянина, ему пришло на мысль—заранѣе позаботиться о паспортѣ. Итакъ, однажды утромъ, вмѣсто того, чтобы бродить между Новымъ и Тюльрийскимъ мостами, и жевать свои копѣечныя булки, онъ взялъ ихъ съ собой, и пошелъ черезъ Университетскую улицу къ жилищу папскаго нунція. Будучи принятъ господиномъ, съ погъ до головы одѣтымъ въ черное, онъ сказалъ ему свою фамилію, профессію и даже адресъ въ Римѣ, и объяснилъ, что, приѣхавъ въ Парижъ въ прошломъ мартѣ мѣсяцѣ, онъ потерялъ своей паспортъ и проситъ другого, для возвращенія въ Римъ.

Это дѣло казалось Паоло очень простымъ; но господинъ въ черномъ смотрѣлъ на него другими глазами. Онъ прямо объявилъ, что исполнить требованіе молодого человѣка совершенно невозможно: что для выдачи паспорта необходимо, во-первыхъ, удостовѣриться въ тождествѣ лица, которое о немъ проситъ, а во-вторыхъ, навести справки: не принадлежитъ ли этотъ человѣкъ къ которой нибудь изъ категорій эмигрантовъ, которымъ запрещенъ въѣздъ въ Папскія Владѣнія. Относительно перваго условія онъ нисколько не со

нивался въ томъ, что Паоло въ состояніи исполнить его удовлетворительнымъ образомъ, представивъ поручителей вполне достойныхъ уваженія; что же касалось втораго, то онъ говорилъ, что правительство папы можетъ быть единственнымъ судьей въ этомъ дѣлѣ, и поэтому слѣдуетъ подвергнуть настоящій случай разсмотрѣнію его святѣйшества, и затѣмъ ждать надлежащаго разрѣшенія.

Можно легко извинить бѣдному молодому человѣку его нетерпѣливую вспышку при этомъ извѣстіи. Надежда, которую онъ дѣлалъ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, исчезла въ то самое мгновеніе, когда онъ считалъ себя такъ близкимъ къ цѣли. Послѣ этого не удивительно, если онъ спросилъ нѣсколько рѣзкимъ тономъ, какъ великъ можетъ быть срокъ для рѣшенія такого важнаго государственнаго дѣла. Ему съ невозмутимымъ хладнокровіемъ отвѣчали, что срокъ опредѣлить невозможно, но что если синьору Паоло Манчини угодно будетъ зайти чрезъ три недѣли или чрезъ мѣсяцъ, то ему, можетъ быть, сообщать что-нибудь касающееся его просьбы.

Эти заключительныя слова далеко не успокоили Паоло и онъ вышелъ изъ нунціатуры, проворчавъ сквозь зубы кое-что не совсѣмъ для нея лестное. Мы даже думаемъ, что онъ забылъ запереть дверь, которая съ шумомъ захлопнулась сама собою. Господинъ, съ которымъ онъ объяснялся тамъ, вывелъ изъ этихъ незначительныхъ обстоятельствъ положительно-невыгодное заключеніе на счетъ Манчини, которое онъ поспѣшилъ передать своему начальнику, а тотъ, въ свою очередь, довелъ его до свѣдѣнія высшей власти, въ Римѣ. Обстоятельство, которое, повидному, должно было говорить въ пользу Паоло, имѣло на дѣлѣ совершенно противоположный результатъ. Имя его не значилось ни въ одномъ изъ списковъ, ни въ одномъ изъ рапортовъ, присланныхъ въ нунціатуру ея парижскими агентами, и это для всѣхъ служащихъ тамъ лицъ сдѣлалось неопровержимымъ доказательствомъ, что итальянецъ, навѣрное, скрывался не въ Парижѣ, а въ какомъ либо другомъ мѣстѣ, и что, вѣроятно, онъ былъ въ Лондонѣ за новыми инструкціями и приказаніями для произведенія бунта.

Никто, исключая философа Теофила, не въ состояніи былъ бы выносить расположеніе духа Паоло, который, послѣ этой неудачи, сталъ настоящимъ ошестинившимся дикобразомъ. Студентъ, не обнаруживая ни малѣйшихъ признаковъ неудовольствія, — хотя по временамъ называлъ Паоло человѣкомъ несноснымъ, — читалъ ему нотация относительно крайней негѣпости овладѣвшаго молодымъ человѣкомъ желанія уѣхать, тогда какъ всякій другой, на его на мѣстѣ, почелъ бы за счастье жить въ Парижѣ. Можетъ быть, невозмутимо-ясное расположеніе его духа было поддерживаемо надеждою ожидаемой надняхъ метаморфозы, которая дѣйствительно скоро была произведена присылкою ему изъ дома третняго содержанія. Куколка, тотчасъ же превратившаяся въ бабочку, поднялась въ высшія сферы, напрасно понуждая Паоло отправить къ чорту своего Бонифаса, такъ же, какъ и всѣ паспорты, и поближе познакомиться съ жизнью и ея наслажденіями.

ГЛАВА ДВЯТАЯ.

СЮРПРИЗЪ ЗА СЮРПРИЗОМЪ.

Черезъ три недѣли послѣ первой просьбы своей о паспортѣ, Паоло большими шагами шолъ по улицѣ Жакобъ, чтобы поскорѣе добраться до нунціатуры, когда внезапно былъ остановленъ омнибусомъ, выѣжавшимъ изъ другой улицы. Не ожидая проѣзда огромной кареты, Паоло слѣлалъ кругъ, чтобы ее обойти, и очутился передъ мордой лошади, запряженной въ тильбюри, который вѣхалъ на встречу омнибусу. Возница тильбюри, закричавъ: «берегись!» удержалъ свою лошадь, довольно скоро для того, чтобы во время воспрепятствовать приключенію болѣе серьезному и опасному, чѣмъ паденіе шляпы съ головы безразсуднаго пѣшехода.

Паоло поднялъ свою шляпу и пошелъ дальше, когда позади себя услышалъ голосъ:

«Клянусь Капитоліемъ! вѣдь это безумный Телемакъ, ищущій идеала.»

Паоло остановился и, въ свою очередь, вскричалъ:

— Вѣдь, кажется, это Дюжанръ.

— Самъ, собственно своею персоной, къ твоимъ услугамъ,—сказалъ Дюжанръ.—Влѣзай ко мнѣ: тутъ есть для тебя мѣсто, любезный другъ,—прибавилъ онъ, подавая руку Паоло. Когда итальянецъ усялся около него, Дюжанръ, братски обнявъ молодого человѣка, спросилъ:—Скажи пожалуйста, съ которыхъ поръ ты въ Парижѣ? И ты не искалъ меня, вѣроломный другъ! Гдѣ же твой Менторъ? Ты такъ блѣденъ и худъ, какъ будто только-что вышелъ изъ монастыря трапистовъ. Счастье, что моя лошадь заставила слетѣть шляпу съ твоей головы: иначе, я никакимъ образомъ не узналъ бы твоего лица, скрытаго подъ этимъ монументомъ. Я вислолько не удивляюсь, что ты стучаешься объ кареты головою, пмѣя на ней эту тяжело-вѣсную вавилонскую башню.

— Ты все тотъ же,—съ улыбкою сказалъ Паоло.—Прежде всего я долженъ сказать тебѣ, что я теперь отправляюсь въ нунціатуру; и ежели тебѣ это не по дорогѣ...

— Я повезъ бы тебя въ Мекку, ежели бы твой путь лежалъ туда, отвѣтилъ реалистъ.—Не воображай, что ты можешь отдѣлаться отъ меня такъ легко, я заранѣе предупреждаю тебя объ этомъ. Могу ли я узнать, не показавшись нескромнымъ, какое у тебя дѣло въ нунціатурѣ?

— Достать себѣ паспортъ въ замѣну того, который я потерялъ, если только это мнѣ удастся.

— Надѣюсь, ты не думаешь уѣзжать изъ Парижа? — спросилъ Дюжанръ.

— Напротивъ, я объ этомъ-то и хлопочу,—отвѣчалъ Паоло.

— Во всякомъ случаѣ, не спиши; я налагаю на тебя запрещеніе крайней-мѣрѣ на три недѣли. Ты не уѣдешь изъ Парижа, не нашла-

дѣлись нѣкоторыми изъ его удовольствій, подѣ моимъ личнымъ руководствомъ.

— Я довольно уже испробовалъ горечи,—сказалъ Паоло.

— Твои слова и твой видъ такъ же таинственны, какъ у какого нибудь байроновскаго героя. Я тебѣ не разъ говорилъ, что Парижъ именно такое мѣсто, какое нужно для подобныхъ тебѣ людей. Онъ излечитъ тебя отъ многихъ причудъ, и ты возвратишься въ Римъ новымъ, благоразумнѣйшимъ человѣкомъ.

— Благодарю тебя,—сказалъ Паоло,—но я не чувствую ни малѣйшей склонности разстаться съ моею прежнею кожей и съ моими прежними причудами. Но вотъ мы уже около нунціатуры.

Друзья вмѣстѣ вышли изъ экипажа и отправились въ канцелярію. Вава только Паоло назвалъ свою фамилію тому самому господину въ черномъ, который принималъ его въ прошлый разъ, за три недѣли передъ тѣмъ, какъ послѣдній тотчасъ же отдалъ ему письмо, говоря, что оно уже довольно давно лежитъ тамъ и не могло быть къ нему отправлено, по неизвѣстности адреса сньюора Манчини. Предполагая, что это долженъ быть отвѣтъ на его прежнее письмо, Паоло разломилъ огромную черную печать, посмотрѣлъ на подпись и, пробѣлалъ первыя строчки, воскликнулъ тономъ обманутаго ожиданія:

— Но, вѣдь, это не имѣетъ ни малѣйшаго отношенія къ моей просьбѣ. Что сдѣлано насчетъ моего паспорта?

— Что касается паспорта,—отвѣчалъ вѣжливый господинъ въ черномъ,—то, къ сожалѣнію, я принужденъ вамъ объявить, что онъ не можетъ быть выданъ: отъ папскаго правительства недавно получены строжайшія приказанія на этотъ счетъ.

Можно себѣ представить досаду Паоло, и досаду совершенно справедливую. Онъ бѣсновался, кричалъ и хотѣлъ, во что бы ни стало, узнать причину этого нелѣпаго приказанія. Слабость эта свойственна людямъ, дѣлающимся жертвою несправедливости, и они непремѣнно требуютъ объясненія причины, какъ-будто исполнители несправедливыхъ постановленій всегда могутъ знать ее. Господинъ въ черномъ объявилъ, что онъ долженъ наблюдать за исполненіемъ приказаній, а не имѣетъ права спрашивать зачѣмъ они даны. Если сньюоръ Манчини считаетъ себя обиженнымъ, то онъ можетъ обратиться съ просьбою въ Римъ.

Паоло стремительно вышелъ изъ канцеляріи, посылая просьбы и,—просителей въ такое мѣсто, о которомъ нельзя громко упоминать въ нунціатурѣ.

— Прекрасное положеніе дѣлъ!—сказалъ онъ, садясь въ кабриолетъ прекрасное положеніе дѣлъ, за которое мы должны благодарить твое отечество, Дюжарвь.

Послѣдній опустилъ голову.

— Отличная штука! отвѣтилъ онъ нѣсколько угрюмо.—Никто ни можетъ сравниться съ ловкими людьми въ искусствѣ вовлекать себя и своихъ друзей въ неприятели. Куда ты отправляешься теперь?

— Можешь ты подвезти меня въ улицу Касетъ?

— Съ удовольствіемъ; только покажи мнѣ дорогу. Я воображалъ, что знаю свой Парижъ вдоль и впоперекъ, но никогда не слыхалъ еще названія этой улицы. Она должна находиться у антиподовъ, за тысячу верстъ отъ обитаемыхъ жилищъ. Ужъ не занимается ли ты отыскиваньемъ ископаемыхъ остатковъ допотопныхъ животныхъ?

— Я отправляюсь къ г. Бонифасу, у котораго работаю. Онъ тамъ живетъ.

Дюжанръ вытаращилъ глаза. Теперь Паоло уже не могъ вывернуться: онъ долженъ былъ все объяснить реалисту, и, при этомъ, необходимо коснуться нѣкоторыхъ прежнихъ происшествій, между прочимъ, исчезновенія Торнтона, которое принудило его искать средствъ—зарабатывать насущный хлѣбъ.

Вслушавъ все это, Дюжанръ имѣлъ такой видъ, какъ-будто упалъ съ облаковъ. Но онъ не преминулъ предложить въ распоряженіе Паоло свой копейекъ, отъ котораго Паоло рѣшительно отказался. Они еще были заняты своимъ интереснымъ разговоромъ, когда остановился у дверей квартиры москѣ Бонифаса.

— Вотъ мой адресъ,—сказалъ Дюжанръ.—Увидимся ли мы сегодня съ тобой?

— Въ половинѣ седьмого на новомъ мосту,—отвѣчалъ Паоло, смѣясь.

— Здѣсь царствуетъ тишина Помпей, сказалъ Дюжанръ, осматриваясь кругомъ; — атмосфера пропитана запахомъ мумій. Потомъ, когда Паоло уже вышелъ изъ экипажа и отошелъ на нѣсколько шаговъ, Дюжанръ закричалъ ему:

— Подними же свой толстый пакетъ, который ты выронилъ; кстати, ты еще не прочелъ этой дописки.

Паоло подиалъ письмо.

— Сколько я могъ замѣтить,—сказалъ онъ,—это извѣщеніе о смерти епископа Родипани. Оно подписано именемъ Гварини, фамилією мнѣ совершенно незнакомою.

— Гварини?—повторилъ Дюжанръ,—вѣдь, это извѣстный римскій адвокатъ. Позволь мнѣ тебѣ замѣтить, другъ Телемакъ, что весьма безразсудно не дочитывать писемъ до конца, въ особенности же когда въ нихъ говорится о смерти родственника. Почему знать, можетъ быть, и на твою долю отказано что-нибудь въ духовномъ завѣщаніи.

— Какъ это вѣроятно!—сказалъ Паоло, пожимая плечами.

— Случались вещи еще болѣе странныя и неожиданныя,—возразилъ Дюжанръ. — Хочешь, я буду держать пари, два противъ одного, что это, должно быть, что-нибудь въ такомъ родѣ. Прочти или дай мнѣ.

— Посмотри самъ,—сказалъ Паоло, подавая ему письмо,—долѣе ждать мнѣ невозможно, я и такъ уже опоздалъ.

Дюжанръ, отдавъ возжи своему маленькому груму, послѣдовалъ за Паоло въ ворота, потомъ пропозъ первый дворъ, затѣмъ аллею, потомъ второй дворъ и во всю дорогу читалъ письмо синьора Гварини.

— Чортъ побери!— вдругъ вскричалъ онъ, какъ-будто у него подъ ногами взорвало мину,—я выигралъ свое пари. Ты родился въ сороч-

гь—это вѣрно. Да здравствуетъ знатный наслѣдникъ епископа Родивани!

— Довольно тебѣ врать вздоръ! сказалъ Паоло, оборачиваясь.

— Такъ смотри же самъ: «E-te-de-u-ni-ver-sa-le». Единственный наслѣдникъ всего имущества,—чего же тебѣ еще?

Только убѣдившись собственными глазами въ дѣйствительности факта, молодой Манчини, наконецъ, повѣрилъ словамъ друга. Какъ бы былъ удивителенъ, страненъ и сверхъестественъ фактъ, но тѣмъ не менѣе онъ существовалъ. Положительное доказательство было налицо. Кто можетъ объяснить тайны смертнаго одра?

Паоло былъ нѣмъ и блѣденъ, какъ-будто встрѣтился лицомъ къ лицу съ головой Медузы.

— Ну, что еще такое дѣлается теперь съ тобою?—воскликнулъ французъ.—Къ тебѣ свалилось богатство, а ты корчишь такую физиономію, будто-бы только-что вышелъ изъ могилы!

— Я желалъ бы чтобъ епископъ Родивани сдѣлалъ другого рода завѣщаніе,— отвѣчалъ Паоло.— Миѣ кажется, что я долженъ отказаться отъ этого наслѣдства.

— Ну, это ужъ слышкомъ глупо!—вскричалъ Дюжанръ, съ какимъ-то комическимъ отчаяніемъ.—Право, ты окончательно сошелъ съ ума. Скажи миѣ, пожалуйста, почему тебѣ необходимо отказаться отъ этого неожиданнаго счастья?

— Потому-что богатство это отказано миѣ преслѣдователемъ моихъ родителей.

— Ну, не правду ли я говорю, что ты сошелъ съ ума?—воскликнулъ реалистъ.—Послушай, мой другъ Телемакъ, совѣтую тебѣ никогда не заботиться объ орудіи, избираемомъ Провидѣніемъ для своихъ дѣлей. «Деньги всегда хороши, какой бы ни былъ ихъ источникъ,»—сказалъ одинъ римскій императоръ, который далеко не былъ глупцомъ. Если ты когда-либо и имѣлъ поводъ къ неудовольствію противъ челоуѣка, назначившаго тебя своимъ наслѣдникомъ, то, по этой самой причинѣ, долженъ принять залогъ примиренія, который онъ предлагаетъ тебѣ, желая заглядѣть свою несправедливость. Неужели тебѣ угодно, чтобы онъ, по твоей милости, жарился въ чистилищѣ въ продолженіе цѣлой вѣчности?

— Я объ этомъ подумаю,—сказалъ Паоло, уже входя на ступени лестницы.—Теперь же намъ нужно съ тобою разстаться.

— Я воюду вмѣстѣ съ тобою; миѣ не слѣдуетъ оставлять тебя въ этомъ опасномъ расположеніи духа. Ты не въ своемъ умѣ, право.

— Тебѣ нельзя войти со мною, это противно всякимъ правиламъ,—замѣтилъ Паоло въ сѣняхъ.

— Ты увидишь, могу ли я это сдѣлать, или нѣтъ,—сказалъ реалистъ, дернувъ за колокольчикъ;—я говорю тебѣ, что ты сегодня не въ состояніи заниматься. Я попрошу твоего патрона дать тебѣ отпускъ на сегодняшний день.

По счастью, вмѣсто г. Воинфаса, отворила дверь его сестра. Чтобы избавить брата отъ малѣйшаго умственнаго напряженія, добрая дѣвушка весьма обязательно согласилась на просьбу Дюжанра, бу-

лучи заранѣе увѣрена въ ободреніи г. Вонифаса. Паоло поблагодарилъ ее, и оба друга тотчасъ же отправились къ нотаріусу Дюжандра, красивому старыку, сѣдому, какъ лунь, съ наружностью кроткою и привѣжливою, что однако не исключало выраженія лукавства и осторожности.

Это офціальная личность съ величайшимъ вниманіемъ выслушала переводъ письма, полученнаго изъ Рима, и пояснительныя подробности, рассказанныя ему Дюжанромъ. Но узнавъ свойство сомнѣній, тревожившихъ Паоло, онъ бросилъ на молодого человѣка такой проницательный взглядъ, что послѣдній покраснѣлъ до ушей.

— Были ли у завѣщателя другіе родственники кромѣ васъ? — спросилъ старый законовѣдъ.

— Никого.

— Настоящій вопросъ нисколько не относится къ кругу дѣйствій нотаріуса; это ни болѣе, ни менѣе, какъ дѣло совѣсти, за разрѣшеніемъ котораго можно было бы обратиться къ священнику. Впрочемъ, такъ-какъ на всѣхъ людей моего званія часто смотрятъ какъ на руководителей въ дѣлахъ совѣсти ихъ кліентовъ, — разумѣется, въ той мѣрѣ, какъ они касаются мірскихъ отношеній, — что дѣйствительно справедливо до извѣстной степени, то, я не думаю, что переступлю границы своей обязанности, если дамъ вамъ свой совѣтъ.

Затѣмъ, обращаясь собственно къ Паоло, онъ продолжалъ:

— Отвергать богатство — это бываетъ дѣломъ или очень благоразумнымъ, или же въ высшей степени безразсуднымъ, смотря по обстоятельствамъ. Личное самоотверженіе, происходящее вслѣдствіе необдуманнаго энтузіазма, можетъ показаться добродѣтельною во всякомъ случаѣ, но въ дѣйствительности это не такъ. Дѣло въ сущности не бываетъ хорошо единственно потому, что оно великодушно; оно обязываетъ васъ къ извѣстному роду самопожертвованія. Оно бываетъ хорошимъ только въ той степени, въ какой оно согласуется съ предписаніями разсудка. Нѣтъ никакого противорѣчія здравому смыслу въ томъ, когда люди рпскуютъ состояніемъ или даже жизнью, имѣя въ виду предотвратитъ великое несчастіе, котораго иначе нельзя избѣгнуть, или же сдѣлать добро, котораго нельзя достигнуть другимъ образомъ. Но принести подобную жертву ради одного удовольствія — совершенно противно здравому смыслу. Эта жертва не принесетъ пользы никому другому, между тѣмъ какъ оно лишитъ васъ возможности дѣлать добро, средствомъ къ которому служатъ деньги. Итакъ, къ чему же поведетъ эта жертва?

— Но, — проговорилъ Паоло въ крайнемъ смущеніи, — человѣкъ, оставившій мнѣ свое богатство, поступалъ относительно моихъ родителей съ жестокостью, о которой вы не имѣете никакого понятія; и, несмотря на всѣ доводы разсудка, чувства мои возмущаются при мысли о полученіи отъ умершаго епископа Родипани благодѣнія, которое, вѣроятно, я отвергнулъ бы при его жизни.

— Позвольте мнѣ замѣтить вамъ, — возразилъ нотаріусъ, — что чувство само-по-себѣ предосудительное не можетъ вамъ служить извиненіемъ. Могила должна быть предѣломъ для всякой земной не-

пріизни. Эта щедрость со стороны человѣка, когда-то бывшаго несправедливымъ относительно вашего семейства, или же васъ самихъ, очевидно, служитъ достаточнымъ вознагражденіемъ за всѣ прошіяя несправедливости.

— Тоже самое и я говорилъ тебѣ, — замѣтилъ Дюжанръ.

— Это залогъ примиренія, который оставилъ вамъ епископъ, — продолжалъ старикъ; — вы не должны отказываться отъ него такъ же, какъ, вѣроятно, не отказались бы простить умирающему.

— Я долженъ быть откровененъ, — сказала Паоло, — я не могу сказать, что мое сердце смягчилось настолько, чтобы я могъ простить, когда на дѣлѣ это далеко не такъ.

— Оно смягчится временемъ, — возразилъ нотаріусъ. — Пусть это будетъ, по-крайней-мѣрѣ, доказательствомъ вашей покорности закону прощенія обидъ. Читте память умершихъ: она должна быть священна.

— Пусть будетъ такъ, — сказала Паоло, принимая предложеніе, но не будучи убѣждена (Дюжанръ глубоко вздохнулъ, какъ-будто бы тяжесть свалилась у него съ плечъ). Я согласенъ сообразоваться съ вашими желаніями.

Письмо, полученное изъ Рима, заключало въ себѣ самыя простыя, но опредѣлительныя инструкціи относительно образа дѣйствій Манчини. Синьоръ Гварини увѣдомлялъ, что если наследникъ не можетъ или не хочетъ теперь возвратиться въ отечество, то ему только стоитъ прислать довѣренность къ одному изъ друзей и собратьевъ его (Гварини), котораго имя значилось въ письмѣ. Этотъ господинъ, въ своемъ качествѣ законнаго представителя Паоло, будетъ присутствовать при святѣн печатей, при описи и т. д.; однимъ словомъ, онъ приметъ на себя всѣ формальности, необходимыя въ подобномъ случаѣ. Эта довѣренность была тотчасъ же написана нотаріусомъ Дюжанра, подписана Паоло, засвидѣтельствована Дюжанрѣмъ и главнымъ письмоводителемъ нотаріуса, и отослана, куда слѣдуетъ, для приданія ей законной силы.

Затѣмъ Паоло всталъ, чтобы идти.

— Подожди, — сказалъ Дюжанръ. — Такъ-какъ синьоръ Гварини, этотъ перлъ между законовѣдами, предлагаетъ выдать впередъ всякую сумму, которая можетъ тебѣ понадобится — что я считаю очень обязательнымъ съ его стороны — не лучше ли тебѣ будетъ взять у него тысячу скуди.

— Тысячу скуди! затѣмъ итѣ ихъ? сказалъ Паоло. У меня теперь очень довольно денегъ, — больше ста франковъ.

— Съ пятью наполеондорами не далеко уйдешь въ Парижѣ. Ну такъ требуй 500 скуди.

— Больше ста мнѣ понужно, возразилъ Паоло, принимаясь писать.

— Я же непременно требую вать сотъ, сказалъ Дюжанръ, тебя никто не заставляетъ ихъ истратить; деньги не пролежатъ мѣста. Потому же я всмрмнилъ объ этомъ бѣдникѣ... какъ бышь

его зовутъ? Онъ, вмѣстѣ съ женою, еще ухаживалъ такъ за тобою; надобно поблагодарить ихъ самымъ щедрымъ образомъ.

— Ты правъ, какъ могъ я только забыть этотъ долгъ! И, не колеблясь болѣе ни минуты, Паоло написалъ требованіе на пять сотъ скуди, которое оставилъ нотариусу, для пересылки въ Римъ, вмѣстѣ съ довѣренностію. Послѣ этого друзья самымъ любезнымъ образомъ распрощались съ достойнымъ человѣкомъ.

— Уфъ! — сказалъ Дюжанръ, какъ только они вышли на улицу. Измучилъ же ты меня порядкомъ. Пиной и Дамонъ, Орестъ и Паладъ, вмѣстѣ взятыя, никогда не дѣлали столько одинъ для другого. Я едва держусь на ногахъ отъ истощенія, и вообразилъ себѣ мов безразсудство: я вмѣлъ глупость слочать кабріолетъ. Только половина четвертаго, — теперь еще рано обѣдать. Но все равно, мнѣ непременно нужно присѣсть и закусить, или же я не отвѣчаю за послѣдствія. Какъ тебѣ кажется, чтó лучше: *suprême de volaille* или салатъ изъ морского рака?

Паоло предпочелъ бы всѣмъ предлагаемымъ изысканнымъ кушаньямъ минуту серьезнаго размышленія съ самимъ собою, чтобы разъяснить таившееся гдѣ-то въ его сердцѣ или въ мозгу несприятное чувство, относительно того чтó его убѣдили сдѣлать; но такъ какъ съ его стороны было бы неблагодарностью отказать отъ приглашенія пріятеля, то онъ отвѣчалъ Дюжанру, что предоставляетъ ему выборъ кушаньевъ по картѣ. Тогда они отправились на Итальяскій бульваръ и вошли въ кафе.

Это не первостепенный ресторанъ, — пояснялъ реалистъ; — но кухня здѣсь отличная, а дама за прилавкомъ, очаровательна. Подойди поближе и посмотри на нее.

Но Паоло обѣдалъ видъ, будто не разслыхалъ послѣднихъ словъ, и, съ своею обычною застѣнчивостію, сталъ поодаль отъ прилавка, обитаго пунцовымъ бархатомъ, гдѣ его пріятель курилъ сигары своему божеству. Паоло ни въ какомъ отношеніи не раздѣлялъ энтузіазма Дюжанра къ богинѣ, возсѣдавшей за комторкой. Онъ, напротивъ того, находилъ въ ней множество недостатковъ: въ ея глазахъ не было глубины; въ цвѣтѣ лица — нѣжности въ головѣ — характерности.

— Разумѣется, — сказалъ Дюжанръ, разсмѣявшись, — это женщина, а не картина.

— Въ этомъ я еще не совершенно увѣренъ, — отвѣчалъ римлянинъ.

— Злой языкъ! ручаюсь тебѣ, что она не намалевана; впрочемъ каламбуръ недуренъ. О чемъ я говорилъ? Ахъ да, это не болѣе какъ прекрасный образецъ женщины состоящей изъ плоти и крови, безъ малѣйшаго признака идеальности, и въ этомъ заключается ея недостатокъ въ твоихъ глазахъ. Ты до такой степени предался изученію идеала, что совершенно отрѣшился отъ дѣйствительности. Но это еще не бѣда, скоро ты снова съ нею свыкнешься.

Паоло покачалъ головою съ видомъ недовѣрливости.

— Побольше терпѣнія и доброй воли, — продолжалъ французъ, — и

ты излечишься отъ своей маніи. Труденъ только первый шагъ. Это то же самое, что ѣсть устрицы, — прибавилъ онъ, замѣствуя свое уводобленіе отъ сочныхъ моллюсковъ, находившихся на столѣ. — Сперва мы отъ нихъ отвращаемся безъ всякой причины; но стоитъ только ихъ отвѣдать, какъ отвращеніе исчезаетъ, и мы даже спрашиваемъ вторую порцію.

— Предположимъ, что я не хочу ихъ пробовать, — сказалъ Паоло, отодвигая тарелку, къ которой онъ не прикоснулся.

— Въ такомъ случаѣ *quo diable!* — ты имѣешь заранѣе составленныя прѣдубѣжденія; по-крайней-мѣрѣ я такъ думаю.

Дюжанръ носилъ трауръ по томъ самомъ дѣлѣ, который сдѣлалъ относительно его тройную неделкатность: во-первыхъ вызвалъ его въ Дофинѣ наканунѣ дебюта Армиды, потомъ чахнулъ нѣсколько мѣсяцевъ, вмѣсто того чтобы умереть разомъ, и наконецъ по смерти оставилъ своимъ дѣла хотя, въ довольно хорошемъ, но въ очень запутанномъ положеніи. Труды по приведенію ихъ въ порядокъ задержали Дюжанра, человѣка аккуратнаго, въ провинціи гораздо долѣе, чѣмъ ему хотѣлось тамъ оставаться, и только въ концѣ іюня, т. е. гораздо позже того, какъ прекратились всякія публикаціи относительно Паоло, онъ могъ воротиться въ Парижъ. Пока Дюжанръ рассказывалъ всѣ эти подробности, зала быстро наполнялась и скоро всѣ столы — справа и слева, позади и напротивъ — были заняты. Паоло чувствовалъ себя неловко посреди этой незнакомой толпы, и въ остальное время обѣда раскрывалъ ротъ только для того, чтобы ѣсть. Дюжанръ говорилъ за двухъ; онъ зналъ всѣхъ слугъ и посѣтителей этого ресторана и съ многими изъ этихъ послѣднихъ обмѣнивался поклонами или рукопожатіями. Прошолъ цѣлый вѣкъ — такъ, по-крайней-мѣрѣ, казалось Паоло — прежде чѣмъ милый болтунъ собрался уйти. По выходѣ изъ кафе, онъ отправился въ табачную лавочку, находившуюся по ту сторону бульвара.

— Вотъ, — сказалъ онъ, входя, — рекомендую тебѣ еще другой кусочекъ реальности, на который совѣтую обратить вниманіе.

Паоло взглянулъ и увидѣлъ у конторки женщищу, весьма кокетливо одѣтую, которая кончиками своихъ нѣжныхъ пальчиковъ, предохраняемыхъ необыкновенно узкими перчатками, бросала щепотки табаку *de sarogal* въ маленькіе стоявшіе передъ нею вѣсы.

Это была въ своемъ родѣ хорошенькая особа, съ личикомъ, которое французы называютъ *minois chiffonné*: носикъ ея былъ слегка вздорнутъ, волосы были зачесаны *à la chinoise*, на щекахъ ея виднѣлись очаровательныя ямочки.

— Будьте такъ любезны, дайте мнѣ сигаръ *panatellas*, мнѣ бы хотѣлось выбрать ихъ въ какомъ шбудъ непочатомъ ящикѣ.

Дамы весьма любезно исполнила желаніе покупщика и, вспрыгнувъ на стулъ, протянула руку насколько могла, чтобы достать требуемый ящикъ. Пока эта выказала всю грацію ея формъ. Во все это время Дюжанръ поталкивалъ Паоло локтемъ.

— А вамъ угодно? — сказала молодая торговка, обратившись къ Паоло и, съ очаровательною улыбкою, подавая ему сигары,

Онъ сначала отказался, говоря, что не курить, но потомъ, одумавшись, выбралъ сигару и закурилъ ее. Къ чему—подумалъ онъ, и глубокий вздохъ вырвался у него изъ груди — къ чему мнѣ теперь налагать на себя лишенія? Вѣдь никому, начиная съ меня самого, нѣтъ никакого дѣла до того, пахнетъ ли отъ меня табакомъ, или нѣтъ.

Съ сигарами во рту, рука объ руку, друзья начали ходить взадъ и впередъ по бульвару, потомъ съшли удверей одной кандидерской пить кофе, затѣмъ опять принялись бродить, попережнему ограничивая пространство своей прогулки улицею Шоссе д'Антенъ съ одной стороны и улицею Ришль съ другой.

— Кажется, эти двѣ улицы твои Геркулесовы столбы, — сказалъ Паоло.

— Именно, — отвѣчалъ Дюжанръ; — я никогда неиду дальше; ни одинъ парижанинъ, достойный этого названія не переходитъ этихъ границъ безъ особенной побудительной причины. Итальянскій бульваръ—это весь Парижъ въ сокращенномъ и наилучшемъ видѣ. Всякаго рода комфортъ и изящество цивилизованной жизни сжаты въ этомъ узкомъ пространствѣ. Ни одна хорошенькая женщина, ни одинъ замѣчательный человекъ не пропускаютъ дня, чтобы не побывать здѣсь. Наши львы — политическіе, литературные, артистическіе, свѣтскіе, финансовыя — такъ-сказать, тяготеютъ къ этому бульвару, какъ-бы къ своему естественному центру. Итальянскій бульваръ для парижанъ то же чѣмъ были лица для древнихъ грековъ и термы для римлянъ. Здѣсь-то творится судъ и постановляются безапелляціонныя приговоры надъ государственными людьми, писателями, пѣвцами и актрисами. Парижъ — это мозгъ міра, а итальянскій бульваръ—мозгъ Парижа.

— Я не хочу охлаждать твоихъ лирическихъ восторговъ, — сказалъ Паоло съ легкимъ отбѣскомъ ироніи въ голосъ; — но для меня, не принадлежащаго къ числу посвященныхъ, парижскій мозгъ кажется порядочно однообразнымъ послѣ двухчасового наслажденія имъ.

— Это также одна сторона дѣйствительной жизни, къ которой ты современемъ привыкнешь, — сказалъ Дюжанръ. — Теперь мы отправимся въ цвѣточный рядъ Мадлены.

— Охотиться за гризетками? — спросилъ Паоло.

— Понятіе взятое съ лѣваго берега Соны. Знай же разъ навсегда, что гризетки, какъ сословіе, не существуютъ по-сю-сторону рѣки. Рѣдкіе образчики случайно сюда переходящіе, вскорѣ обращаются въ лоретокъ. Здѣсь царство послѣднихъ. Итакъ, идемъ.

Въ это время она находилась противъ Шоссе д'Антенъ. Если бы все болѣе и болѣе сгущавшаяся темнота сумерекъ не помѣшала Паоло, то онъ могъ бы различить окна дома, въ которомъ жила она на Бульварѣ Капуцинокъ. На лицѣ его отразилось чувство мрачной тоски, шепельнувшейся въ душѣ, и онъ отвѣчалъ:

— Нѣтъ, благодарю. Я нисколько не забочусь ни о гризеткахъ, ни о лореткахъ. Въ этомъ кварталѣ мнѣ становится какъ-то неловко. Я распрощаюсь съ тобою и возвращусь къ своимъ иснатамъ.

— Какъ! возвращаться домой въ семь часовъ? — съ удивленіемъ

забыть Дюжанръ. — Даже курицы, и тѣ позже садятся на свои нѣсти.

— Будетъ уже около восьми часовъ, когда я доберусь до дому, а утромъ мнѣ нужно встать пораньше.

— Это зачѣмъ?

— Идти заниматься.

— Заниматься? Вотъ странная фантазія для наследника епископа!

— Напротивъ, мнѣ кажется, что измѣненіе моихъ обстоятельствъ нѣсколько не избавляетъ меня отъ обыкновенныхъ обязанностей честнаго человѣка. Такъ-какъ я получилъ жалованье за двѣ недѣли впередъ, то и долженъ заниматься продолженіемъ всего этого времени.

— Прямъ какъ столбъ, твердъ какъ желѣзная полоса. Ты, право такой чудакъ, какихъ я рѣдко встрѣчалъ; и не будь я Фелпсомъ Целсье—я хотѣлъ бы быть Паоло Манчини. По моему расчету, 500 скуди должны быть присланы именно къ сроку, когда кончится твоё двухнедѣльное обязательство. Если же тебѣ этимъ временемъ понадобятся деньги... Нѣтъ? ну, да будетъ такъ. Мнѣ весьма любопытно знать приблизительную цифру твоихъ доходовъ. Я думаю, сумма должна быть порядочная.

— Не можешь ли ты въ настоящую минуту избавить меня отъ вычислений?

— А почему это, строгій юноша?

— Потому-что они возбуждаютъ во мнѣ чувство какого-то страданія, потому-что все это дѣло мнѣ противно.

— Честное слово, всё твои слова отзываются разстройствомъ умственныхъ способностей, въ особенности же послѣ всѣхъ стараній нотариуса представить тебѣ дѣло въ настоящемъ свѣтѣ.

— Какъ бы оно ни было ясно, — сказала Паоло отрывистымъ тономъ, — это еще ничего не доказываетъ. Всевозможныя разсужденія безсмысленны противъ глубоко-вкоренившихся идей и убѣжденій; а инстинктивно чувствую, что не долженъ принимать этого наследства. Увидишь, что оно не принесетъ мнѣ счастья. Прощай.

— Ты дѣйствительно будешь несчастливъ, ежели не согласишься образумиться, — кричалъ Дюжанръ ему вслѣдъ. — Ты имѣешь совершенно ложное возрѣніе на жизнь; она представляется тебѣ какою-то трагедіей, между тѣмъ какъ это фарсъ, никакъ не болѣе. Прощай.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Лавинія смиряется.

Уже начало смеркаться, и наконецъ совершенно стемнѣло, а миссъ Лавинія все еще лежала на своемъ диванѣ, повидимому погруженная въ глубокій сонъ; въ дѣйствительности же она находилась въ состояніи какого-то оцепѣненія и чувствовала невыносимую тяжесть въ груди и головѣ. Вдова, хозяйка квартиры, по-крайней-мѣрѣ разъ двадцать на циночкахъ подходила къ двери, напрасно стараясь уловить какой нибудь звукъ, доказывающій присутствіе живого существа, и каждый разъ должна была возвращаться назадъ съ

обманутою надеждою. Послѣ каждого изъ этихъ востепеній «визіонарія» ея все болѣе и болѣе вытягивалась и руки ея все болѣе и болѣе дрожали, когда она снова принималась за свое вязанье.

— Увѣрены ли вы, Молли, что новая жилища ни разу не звонила и не спрашивала огня?

Молли готова была поклясться, что не слыхала ни одного колокольчика въ цѣломъ домѣ. Вездѣ, благодаря Нога, царствовала такая тишина, что можно было бы услышать паденіе булавки, а тѣмъ болѣе звонъ колокольчика.

Мистриссъ Тэмплингъ всегда видѣла только одну темную сторону жизни. Будучи темперамента лимфатическаго, неспособнаго ни къ малѣйшему увлеченію, она даже и въ молодости, при независимомъ положеніи и всѣхъ данныхъ для счастья, осталась вѣрною себѣ, и небольшая проявлявшаяся въ ней доля веселости и оживленія была уничтожена двоякою и одновременною потерей мужа и состоянія, которая постигла ее въ сорокъ лѣтъ. Съ тѣхъ поръ девизомъ ея сдѣлались слова: «отчаяніе и смерть». Сожалѣніе о прошедшемъ и боязнь за будущее, прискиваніе трудностей тамъ гдѣ ихъ не было, преувеличеніе существующихъ затрудненій до степени невозможности, повсюду воображаемыя опасности и страхъ небывалыхъ катастрофъ,—такое было постоянное настроеніе духа несчастной женщины.

Всѣ новые жилища казались порвое время подозрительными мистриссъ Тэмплингъ; и дни ихъ переѣзда были для нея днями особенныхъ тревогъ. Если поселялся у нея мужчина, то ей чудилось, что это разбойникъ, явившійся съ намѣреніемъ обокрасть и убить ее; если у ней нанимала квартиру женщина, то мистриссъ Тэмплингъ опасалась—но принадлежитъ ли эта особа къ мопонической шайкѣ и не явилась ли она съ цѣлью ввести своихъ соумышленниковъ. Впрочемъ, надобно признаться, что миссъ Джонсъ съ перваго раза произвела довольно благопріятное впечатлѣніе на боязливую и печальную вдову, и потому избѣгла обычныхъ оскорбительныхъ подозрѣній. Но если мистриссъ Тэмплингъ не опасалась заговора противъ своей особы и собственности, то не замедлила придумать себѣ другого рода причину къ безпокойству. Поводомъ къ нему было мертвое молчаніе, царствовавшее вокругъ новой жилицы. «Вѣдь комнаты занимаются не для того, чтобы неподвижно сидѣть тамъ въ потьмахъ,—говорила боязливая хозяйка, въ промежуткахъ своихъ наблюденій и подслушиваній у дверей;—это неестественно: вѣдь обыкновенно люди ходятъ, кашляютъ, чихаютъ, требуютъ огня—однимъ словомъ, подають какіе нибудь признаки жизни; если же этого нѣтъ, то человекъ, вѣроятно, или нездоровъ, или же въ обморкѣ, или...»

Тутъ мистриссъ Тэмплингъ вспомнила, что читала въ журналахъ какой-то разсказъ неизвѣстно о комъ,—мужчинѣ или женщинѣ,—но кажется, что о женщинѣ—однимъ словомъ, о какомъ-то лицѣ, нарочно нанявшемъ квартиру, для того, чтобы въ ней отравиться или зарѣзаться, или какимъ бы то ни было образомъ лишить себя

жизни. Вѣдь случаются подобнаго рода привлеченія: почему же иныя и не повторятся именно въ этомъ случаѣ? Молодая жилаца казалась разстроенною до такой степени, что всевозможныя предположенія относительно ея могли казаться правдоподобными. Что же удивительнаго, ежели изъ числа всевозможныхъ хозяевъ квартиры она, мистрисъ Тэмплингъ, подвергнется несчастью въѣсть подобнаго рода квартирную? Это очень естественно и вполне гармонировало бы со всѣми остальными обстоятельствами ея жизни.

Игна была неистощима. рудокопъ былъ неутомимъ. Воображеніе бѣдной женщины вскорѣ создало цѣлую драму, начиная съ открытія трупа и до сѣдства коровера и судейскихъ совѣщаній, которыя должны будутъ происходить на другой день въ маленькой комнаткѣ, находящейся въ концѣ корридора; потомъ она представила себѣ всѣ подробности этой печальной картины, съ отчетливою подробностью и живостью колорита, свойственными людямъ, воображеніе которыхъ постоянно питается ужасающими сценами. Самый избытокъ ужаса, наконецъ, придалъ ей силу—идти на встрѣчу призраку, ею же самою созданному. Взявъ свѣчу, она послѣшно прошла корридоръ, рѣшительно отворила дверь, и вошла въ комнату.

Миссъ Лавинія, вскочивъ впросонкахъ, спросила:

— Это вы, Грэсъ? какъ вы меня испугали....

— Господи помилуй! она бредитъ,—сказала мистриссъ Тэмлинъ. Новая боязнь мгновенно уничтожила въ ней радость, которую она было почувствовала по поводу неосновательности своихъ прежнихъ опасеній.—Это я,—сказала она довольно громко,—это я, мистриссъ Тэмплингъ, принесла вамъ свѣчку. Вы кажется совсѣмъ неадоровы?

— О, нѣтъ нисколько, благодарю васъ, у меня только небольшое головокруженіе и тошнота,—сказала Лавинія, садясь на прежнее мѣсто.

— Но вы вѣдь не принимали ничего такого, что могло бы возбудить эти припадки?—послѣшно спросила хозяйка.

Лавинія отрицательно покачала головою.

Вы въ этомъ вполне увѣрены?... наставала мистриссъ Тэмплингъ.

— Разумѣется, вполне увѣрена, повторила бѣдная молодая дѣвушка, съ удивленіемъ взглянувъ на свою собесѣдницу. Что заставляетъ васъ предлагать мнѣ подобныя вопросы?

— Вотъ видите-ли, — съ замѣпательствомъ проговорила вдова, половину уже успокоенная выраженіемъ откровенности, которою дышало лицо Лавиніи, — иногда пища извѣстнаго рода бываетъ вредна для желудка. У васъ не болитъ голова?

— Немного.

— Это сейчасъ видно по вашимъ глазамъ; я кое-что смыслю въ медицинѣ, потому-что сама перенесла почти всѣ болѣзни о которыхъ иныя приходится слышать. Я могу служить самымъ грустнымъ примеромъ разстроеннаго здоровья. Позвольте же мнѣ попробовать вашъ вудсъ. Боже мой! что это съ вами? вѣдь руки ваши холодны какъ ледъ.

У меня только небольшая дрожь, сказала Лавинія, а постараюсь поспокойнѣе улечься и надѣюсь, что все скоро пройдетъ.

Но мистриссъ Темплингъ думала иначе. По ея мнѣнію, нельзя было шутить такой дрожью, а непременно слѣдовало послать за докторомъ.

Лавинія воспротивилась этому предложенію со всею твердостью, какая только у нея сохранилась. Мистриссъ Темплингъ, напротивъ того, ухватилась за эту идею со всею энергіей отчаянія. Умоляю васъ согласиться на мою просьбу, хотя только ради моего успокоенія. Я совершенно увѣрена, что это бездѣлица, но я всегда беспокоюсь, когда нахожусь въ неизвѣстности насчетъ чего-нибудь. Надѣюсь, что вамъ не будетъ слишкомъ непріятно—въ теченіе пяти минутъ поговорить съ достойнымъ и почтеннымъ джентльменомъ. Съ нами дверь объ дверь живетъ докторъ Данканъ, который съ перваго взгляда увидитъ въ чемъ дѣло, Мы зовемъ его докторомъ, хотя онъ собственно только хирургъ. Но онъ заткнетъ за поясъ дюжину докторовъ, получающихъ по гнѣву за визитъ. Его же посѣщенія стоятъ только полкроны, вмѣстѣ и лекарствомъ. Вѣдь согласитесь, что полкроны суцая бездѣлица. Я за нимъ пошла. Вы премилая особа. Сейчасъ я вернусь.

Бѣдная Лавинія, больная и слабая, обуздывшая отъ страданій, не имѣла силъ сопротивляться своей встревоженной хозяйкѣ, и ради того чтобы только избавиться отъ ея навязчивости, она наконецъ, хотя и противъ воли, уступила ея настоятельнымъ просьбамъ.

Читатель уже, вѣроятно, догадался, что потокъ увлекательнаго краснорѣчія мистриссъ Темплингъ былъ вызванъ новымъ припадкомъ внезапно овладѣвшаго ею ужаса. Въ спискахъ смертныхъ случаевъ въ Лондонѣ за послѣднюю недѣлю, она прочла о нѣсколькихъ холерныхъ припадкахъ, замѣченныхъ въ больницахъ и съ тѣхъ поръ стала страшно опасаться этой ужасной болѣзни. Теперь она замѣтила, къ величайшему ужасу своему, что руки ея жилицы были неподвижны и холодны, и притомъ, въ жаркое время года. Зная, что охладѣніе оконечностей — одинъ изъ главныхъ признаковъ холеры; кромѣ того принимая въ соображеніе, что если зараза должна открыться, то весьма естественно, если она впервые покажется въ ея домѣ, и проч. и проч., — мистриссъ Темплингъ весьма быстро пришла къ заключенію, что она видитъ холеру.

Мистеръ Данканъ, должно быть, предчувствовалъ, что потребуетъ его помощи и, вѣроятно, уже заранѣе приготовился къ визиту. Не прошло и пяти минутъ послѣ ухода хозяйки, какъ въ комнату Лавинія появилась коротенькая и коренастая фигура съ огромнѣйшею головою, выпученными глазами, густыми и нависшими бровями и мохнатыми пальцами, которая проворчала.

Это та самая особа? Ну что съ нами такое?

Лавинія взглянула на кривую и безобразную рожу, наклонившуюся надъ нею, и не знала испугаться ли ей или расхохотаться: до такой степени эта уморительная фигура казалась смѣшною. Лавинія начала рассказывать, что она чувствуетъ; но докторъ тотчасъ же остано-

вилъ ее. Ему не нужно было никакихъ объясненій; онъ ни мало не заболѣлъ о какихъ бы то ни было симптомахъ. Ему тотчасъ же хотѣлось добраться до корня зла.

Была ли у насъ корь? да? ну, я такъ и думалъ. Я готовъ держать пари, что у насъ такъ же былъ и коклюшь?

Сколько помнила Лавинія, у нея кажется дѣйствительно былъ коклюшь.

— Очень хорошо. Я, вѣроятно, не ошибусь, предположивъ, что у насъ недавно было какое нибудь горе. — Впрочемъ, для подобнаго заключенія не требовалось особенной проищательности: худобы Лавини, ея траурное платье достаточно указывали на душевныя страданія.

«А что скажетъ нашъ языкъ?»

Скрытый смыслъ этого вопроса, по объясненію мистриссъ Тэмплинъ, неразъ испытывавшей всѣ приемы доктора, заключался въ томъ, что Лавинія должна была показать свой языкъ, для медицинскаго осмѣлительствованія. Она исполнила и это.

Прекрасно! воскликнулъ м-ръ Дэнканъ; теперь мнѣ все ясно какъ день: это не болѣе, какъ незначительное разстройство нервовъ. Вѣтъ, сударыня, нечего беспокоиться, да и вамъ также, мистриссъ Тэмплинъ, мы скоро будемъ на ногахъ, да еще здоровѣе прежняго. Пусть Молли зайдетъ ко мнѣ, и я пришлю вамъ порошокъ, который слѣдуетъ принимать съ полстаканомъ грога, очень горячаго—и чѣмъ онъ будетъ крѣпче, тѣмъ лекарство будетъ дѣйствительнѣе. Вы-же,—прибавилъ онъ, обращаясь къ Лавиніи,—постарайтесь прогнать всѣ ваши мрачныя мысли.

Послѣ этихъ словъ, сопровождаемыхъ скаленьемъ зубъ забавный эскулапъ ушелъ, въ сопровожденіи печальной ядовы.

Короткое совѣщаніе, попутномъ происходившее въ корридорѣ между докторомъ и мистриссъ Тэмплинъ, кончилось, вѣроятно, къ полному удовольствію послѣдней, потому что она вернулась къ Лавиніи почти уже совершенно оправившись и напустила ей о возможности выздороветь въ самомъ непродолжительномъ времени, т. е. никакъ не позже двухъ недѣль. Мистриссъ Тэмплинъ строжайшимъ образомъ смотрѣла за точнымъ исполненіемъ предписаній м-ра Дэнкана, и заставляла больную до послѣдней капли проглотить принесенное питье. Ежели предписанное лекарство имѣло цѣлью только дать силу приказанію доктора относительно мрачныхъ думъ, то средство это увеличилось полнѣйшимъ успѣхомъ. Миссъ Джонсъ тотчасъ же впала въ глубокой сонъ, продолжавшійся всю ночь. На слѣдующее утро она проснулась гораздо бодрѣе и собиралась вставать; но мистриссъ Тэмплинъ никакъ не допускала такой опрометчивости. М-ръ Дэнканъ, пришедшій навѣстить свою новую пациентку, объявилъ, что мистриссъ Тэмплинъ совершенно права. Черезъ два дня въ, при третьемъ визитѣ своемъ постоянно только и твердилъ о покойствіи, вслѣдствіе чего миссъ Лавинія и должна была цѣлую недѣлю пролежать въ постели.

Это бездѣйствіе не было потеряно для нея. Погу одному извѣстно,

сколько въ головѣ ея толпилось серьёзныхъ и безпокойныхъ размышленій, наполнявшихъ долгіе часы ея одиночества. Ей слѣдовало, такъ сказать, забыть роль, когда-то назначенную ей въ свѣтѣ, и создать для себя личность совершенно новую, которая гармонировала бы съ ея настоящимъ положеніемъ; разрѣшить странный и затруднительный пунктъ, связывавшій ее съ прошедшимъ; ей надѣ было подумать о пріисканіи себѣ насущнаго хлѣба. Таковы были главные вопросы, поглотившіе всѣ ея умственные способности въ то время, какъ болѣзнь удерживала ее въ постели. Размышленія эти имѣли довольно хорошій результатъ,—такъ по крайней мѣрѣ ей казалось,—впрочемъ не въ отношеніи пріисканія себѣ какого нибудь занятія. Тутъ все представлялось ей чѣмъ-то туманнымъ хотя она и не предполагала особеннаго рода препятствій. Находясь въ совершенномъ невѣдѣніи суровыхъ сторонъ дѣйствительности, она была вполне проникнута одною изъ любимыхъ аксіомъ м-ра Джонса, что твердая воля преодолеваетъ всѣ трудности; и поэтому никакое подобнаго рода опасеніе не приходило ей въ голову. Ей не доставало только практическихъ данныхъ, которыми она могла бы руководиться. Ей нуженъ былъ совѣтъ чловѣка опытнаго, который могъ бы указать ей настоящій путь. Всѣ ея свѣдѣнія относительно этого предмета ограничивались тѣмъ, что—какъ она слыхала, по поводу особъ, которыхъ ей самой когда-то рекомендовали — образованныя но блѣныя женщины обыкновенно дѣлаются гувернантками. Но способна ли она учить дѣтей? Въ томъ-то и дѣло, что, кажется, нѣтъ. Отъ гувернантокъ требуютъ всевозможныхъ знаній, она же затруднилась бы назвать какую нибудь отрасль науки, которую, по ея мнѣнію, она была бы въ состояніи преподавать, кромѣ развѣ музыки да языковъ французскаго и итальянскаго; но будетъ ли этого достаточно?

Въ своихъ честныхъ усиліяхъ низвести свои мысли до уровня своихъ настоящихъ грустныхъ обстоятельствъ, Лавинія достигла результата болѣе удовлетворительнаго. Испытанія, пережитыя ею въ теченіе нѣсколькихъ послѣднихъ мѣсяцевъ, и размышленія, бывшія неизбежнымъ ихъ слѣдствіемъ, много развили ее въ нравственномъ отношеніи и пробудили въ ней сознаніе своихъ обязанностей и отвѣтственности, налагаемой жизнью. Даже въ то самое время, когда она была убаюкиваема суетностью и пустотою свѣтской жизни, когда она была еще незнакома съ горемъ, въ ней повременамъ мгновенно пробуждались сомнѣнія, когда Наоло серьёзно напоминалъ ей объ этихъ обязанностяхъ и объ этой отвѣтственности. Какъ пошла и безцвѣтна казалась ей теперь эта прежняя жизнь, бывшая непрерывною цѣью ничтожныхъ удовольствій и безцѣльныхъ занятій! Хорошо еще если, ведя подобный образъ жизни, она вредила бы только себѣ одной; но она не могла плѣсть и этого утѣшенія: она знала, что другіе—или скорѣе *другой*—страшно изъ-за этого пострадали и что теперь, вѣроятно, нельзя уже помочь злу. И могла ли она хотя на минуту пожалѣть о потерѣ общественнаго положенія, воспоминаніе о которомъ заставляло ее краснѣть и—увы!—возбуждало одни только угрызенія совѣсти! Не должна ли она была, напротивъ, благодарить Провидѣніе за то,

что оно, однимъ громовымъ ударомъ разрушивъ всю ее прежнюю жизнь, принудило начать новую; что оно даетъ ей средства—загладить прошедшее?

Мы упоминали объ одномъ обстоятельстве, сильно ее беспокоившемъ; но и его она умѣла уладить. Дѣло шло о леди Августѣ, подругѣ, съ которой она вела переписку во время пребыванія своего въ Римѣ. Дружба ихъ продолжалась съ самаго дѣтства; онѣ сошлись еще въ модномъ пансіонѣ, въ которомъ обѣ воспитывались, и съ тѣхъ поръ нисколько не охладѣли другъ къ другу. Изъ довольно большого числа такъ называемыхъ пріятельницъ, одна только леди Августа не удовольствовалась пустымъ соболѣзнованіемъ изъ приличія, соболѣзнованіемъ, которое обыкновенно выражается въ свѣтѣ визитныхъ карточкамъ и болѣе или менѣе церемонными письмами. Послѣ смерти мистриссъ Джонсъ она сама пріѣхала навѣстить свою старую пансіонскую подругу, и отъ души пожалѣла объ одиночествѣ, на которое обречена была Лавинія, вслѣдствіе этой потери. Казалось бы, что при своихъ настоящихъ обстоятельствахъ молодая дѣвушка, никакъ не должна была ничего скрывать отъ леди Августы; напротивъ, во имя этой искренней дружбы ей слѣдовало просить ея помощи и участія. Таково было первое ея движеніе, но хорошенько обдумавъ все, она усомнилась въ благоразуміи своего намѣренія. Она была вполне увѣрена, что леди Августа, не смотря ни на какія обстоятельства, приметъ ее самымъ дружескимъ образомъ; но будетъ ли это зависѣть единственно отъ нея самой? Графиня, ея мать—эта женщина, столь утончано вѣжливая, но холодная и вся насквозь пропитанная этикетомъ,—можетъ неодобрить дѣйствій дочери. Развѣ нельзя предположить, что она, пожалуй, окончательно запретитъ ей какія бы то ни было сношенія съ Лавиніею? Подобнаго рода выходка была бы весьма естественною со стороны женщины, съ трудомъ терпѣвшей дружбу молодыхъ дѣвушекъ. Снисходя до вѣжливости относительно племянницы, она всегда сохраняла въ отношеніи дяди и тетки холодно-покровительственный тонъ.

Долго обдумывая и взвѣшивая эти предположенія насчетъ графини, Лавинія наконецъ рѣшила, что, не будучи вполне увѣрена въ пріемъ, она ни въ какомъ случаѣ не должна рисковать—сдѣлаться объектомъ раздора между матерью и дочерью, и вообще, подвергать свою подругу тягостной борьбѣ между долгомъ и влеченіемъ сердца. Остановившись на этой рѣшимости, Лавинія почувствовала облегченіе, точно избавилась отъ какой нибудь тяжести; теперь ей уже не угрожало неизбежное признаніе, которое она считала безчестіемъ, между тѣмъ какъ это было несчастіе, совершенно отъ нея не зависѣвшее. Только одному человѣку въ мірѣ открылась бы она во всемъ, не сторишь со стыда; но уже разумѣется не Паоло. Она очень хорошо поняла, что онъ называеъ безсмысленнымъ мнѣніе о наследственной передачѣ чести или безчестія лицу, которое не заслужило того ни другого. Но она также съ величайшимъ стыдомъ припомнила, въ какомъ презрѣніемъ отвергала она этотъ взглядъ и съ какимъ жаромъ оспаривала его. Единственный человѣкъ, которому она рѣ-

шила бы повѣрить все, въ сочувствіе и состраданіе котораго она вполне вѣровала, былъ Тортоувъ. Страдая самъ, онъ все-таки былъ къ ней такъ снисходителенъ, великодушенъ, такъ отечески вѣженъ, что при одномъ воспоминаніи объ его участіи бѣдная дѣвуха чувствовала глубокое умиленіе.

Она была увѣрена, что съ нимъ случилось какое нибудь несчастье, иначе онъ непременно написалъ бы къ ней. Последнее его письмо, въ которомъ онъ увѣдомлялъ ее о перемѣнѣ квартиры и прилагалъ свой адресъ въ новой Сент-Огюстенской улицѣ было писано уже давно, въ началѣ мая. Съ тѣхъ поръ она два раза писала къ нему, но не получала никакого отвѣта. Это молчаніе, повидимому, не предвѣщало ничего хорошаго Лавиніи. Ей казалось, что несчастье преслѣдуетъ всѣхъ кого она любитъ.

Этотъ длинный рядъ печальныхъ размышленій молодой дѣвухи, былъ часто, совершенно противъ ея желанія, прерываемъ посѣщеніями мистриссъ Тэмплинъ, которая, несмотря на врожденную эгоистичность и поплость своего характера, не лишена была нѣкоторой доли состраданія, выражаемаго ею посвоему. По вечерамъ она являлась съ своимъ вязаньемъ въ комнату больной, и, желая поддержать мужество своей молодой квартирантки, развлечь ее, начинала нескончаемое повѣствованіе о какомъ нибудь недавно случившемся таинственномъ исчезновеніи, страшномъ преступленіи, «ужасномъ самоубійствѣ,» и тому подобныхъ происшествіяхъ, сообщаемыхъ ежедневными газетами.

Мистриссъ Тэмплинъ буквально питалась ужасами; она всегда была готова съ удовольствіемъ слушать самые страшные рассказы о пожарахъ, кораблекрушеніяхъ, или же смертныхъ казняхъ. Всѣ происшествія подобнаго рода, случившіяся въ году, она принимала къ свѣдѣнію и копала въ своемъ умѣ.

Иногда же она толковала о лучшихъ дняхъ своей жизни и входила въ самыя мельчайшія подробности относительно того, какъ, почему и когда она потеряла свое состояніе. Она обыкновенно заключала свой рассказъ удивленіемъ—неужели счастливая женщина, когда-то имѣвшая трехъ лакеевъ въ своемъ домѣ на Пимликѣ некто Другой какъ та же самая бѣдная вдова, которая теперь отдаетъ въ наймы меблированные комнаты въ Кэменъ-Таувъ, и довольствуется одною служанкой?

Лавинія рѣшилась быть какъ можно терпѣливѣе съ своею скудною, вульгарною хозяйкой и выказывать ей побольше ласки и сочувствія. Сначала это казалось ей очень труднымъ; но впоследствии она привыкла, и даже почувствовала нѣкотораго рода благодарность къ вдовѣ за то, что она дала ей возможность привыкнуть къ самообладанію. Наградою этихъ усилій было благоволеніе мистриссъ Тэмплинъ, никогда еще не встрѣчавшей слушательницы столь снисходительной, какъ миссъ Джонсъ. Въ совершенномъ уединеніи, на которое была обречена Лавинія, ей не слѣдовало пренебрегать участіемъ личности даже такой тупоумной и ничтожной, какою была ее хозяйка.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

ТРУДНОЕ ЗАДАНИЕ.

Когда Лавинія, наконецъ, встала съ постели, то первымъ дѣломъ ея было—написать къ леди Августѣ и Мортимеру. Не оскорбляя мистера Джонса, ей нельзя было оправдать своей рѣшимости покинуть его домъ. Также было не легко доказать подругѣ невозможность поддерживать съ нею прежнія сношенія на будущее время, не намекая на особу, со стороны которой можно было ожидать оппозиціи противъ дальнѣйшей короткости между ними. Впрочемъ, она весьма ясно высказала что слѣдовало, не называя, однако, третьихъ лицъ: она предпочитала скорѣе показаться безразсудною, через-чуръ чувствительною или, даже, неблагодарною, чѣмъ повредить кому бы то ни было во мнѣніи леди Августы.

Лавинія, разумѣется, рассказала свою исторію совершенно правдивымъ образомъ. Она только недавно узнала, что никогда не была земляницею м-ра Джонса, что даже нисколько не приходится съ родни ни ему, ни покойной женѣ его. Мать ея давно уже умерла въ страшной бѣдности; отецъ же ея уѣхалъ за границу, когда она была еще ребенкомъ и съ-тѣхъ-поръ о немъ не имѣли никакихъ вѣстей. Она намекала на то, что въ ея положеніи есть что-то странное, распространяться о чемъ она считаетъ совершенно излишнимъ. Письмо ея оканчивалось увѣреніями въ истинной и ничѣмъ непоколебимой привязанности, вылившимся изъ глубины ея растерзаннаго сердца, вмѣстѣ съ неудержимымъ потокомъ горькихъ слезъ. Оно довершало собою окончательный разрывъ Лавиніи съ прошедшимъ. Что же касается письма къ Торнтону, оно состояло только изъ нѣсколькихъ строчекъ. Лавинія говорила, что она писала къ нему два раза и не получила еще отвѣта, прибавляя, что имѣетъ многого рассказать ему, но не рѣшается писать до-тѣхъ-поръ, пока не получитъ отъ него отвѣта, о которомъ настоятельно теперь проситъ, желая выйти изъ неувѣстности и узнать—получилъ ли онъ частое письмо. Оно дошло до него, но—увъ!—его постигла судьба иныхъ прочихъ; оно не было прочитано, или же прошло незамѣченнымъ. Оба эти письма она подписала только именемъ—Лавинія, единственнымъ, которое ей теперь принадлежало. Съ этихъ поръ она рѣшилась носить фамилію своей матери — Голивелль.

Потомъ она начала думать о пріисканіи себѣ какого-нибудь рода занятій и спѣшила какъ можно скорѣе приняться за работу. Ей не слѣдовало терять ни минуты. Она очень хорошо знала, что нечего думать о зарабатываніи насущнаго хлѣба рисованьемъ или живописью. Лучше всего шла въ продажу пейзажи, о которыхъ она не имѣла ни малѣйшаго понятія. Она могла бы довольно-порядочно списывать фигуры, но не создавать сама, да къ тому же откуда было ей взять оригиналовъ для копированія? гдѣ достать денегъ на кисти, краски, холстъ и прочія принадлежности, требующія весьма значительныхъ расходовъ? Лучше заняться шитьемъ, которое по-

что ничего не стоит. Правда, она была не очень-то искусна въ этомъ родѣ работы, но, впрочемъ, довольно-порядочно вышивала гладью и по канвѣ и вязала тамбуромъ. Не зная, какая изъ этихъ работъ сбывается выгоднѣе всего, она обратилась за свѣдѣніями къ м-риссъ Тэмплинъ. При вопросѣ ея жилищи, физиономія достойной особы значительно вытянулась. По мнѣнію ея, женщины опытной, ни одну изъ этихъ работъ нельзя было надѣяться продавать за цѣну хотя сносную, предположивъ даже, что представится случай ее продать. Рынокъ заваленъ подобными вещами; сильная конкуренція понизила цѣны, почему и сами купцы страшно притѣсняютъ бѣдныхъ мастерицъ.

— Въ такомъ случаѣ, я иначе поверну свой вопросъ,—сказала Лавинія.—На которую изъ трехъ работъ, мною названныхъ, скорѣе всего можетъ найтись покущикъ, какова бы ни была ея цѣна?

— Сколько мнѣ кажется, хорошее вышиванье сбывается всего легче и выгоднѣе, — отвѣчала м-риссъ Тэмплинъ;—но, вѣдь, эта работа очень скоро портитъ зрѣніе и приноситъ такую ничтожную прибыль, что, коснись дѣло до меня, я скорѣе рѣшилась бы разбивать камни на дорогѣ, чѣмъ вышивать по тюлю.

— Но сколько же можетъ, по вашему мнѣнію, выработать въ день порядочная работница? спросила Лавинія, все еще не теряя бодрости.

— Не болѣе восьми, десяти пенсовъ, работая не менѣе двѣнадцати часовъ въ сутки. Я слыхала, что нѣкоторыя первостепенныя мастерицы вырабатываютъ даже по шиллингу; но, вѣдь, это исключеніе.

— Но развѣ возможно работающей женщинѣ существовать шиллингомъ въ день?—спросила Лавинія съ видимымъ замѣшательствомъ.

— Если возможно, такъ это какое-то чудо,—отвѣчала мистриссъ Тэмплинъ. А такъ-какъ чудеса не творятся ежедневно и на каждомъ шагу, то множество молодыхъ женщинъ умираетъ съ голоду, или же съ ними случается кое-что хуже. Вы не можете себѣ представить, какъ велика конкуренція. Мужчины, которые тоже часто находятся въ затруднительномъ положеніи, на всякомъ шагу имѣютъ случай честнымъ образомъ зарабатывать насущный хлѣбъ, между-тѣмъ, какъ у женщины единственный способъ пропитанія—рукодѣлье; потому-то и выходитъ, что работающихъ больше чѣмъ работы. Не помню, какое то-именно заведеніе въ Сити недавно вызывало по газетамъ пятьдесятъ пней. Отгадайте, сколько ихъ явилось? семьсотъ, милая барышня, семьсотъ! ровно въ четырнадцать разъ больше требуемаго числа!

Вѣроятно, подобное извѣстіе не слишкомъ-то обрадовало миссъ Лавинію, потому-что мистриссъ Тэмплинъ вдругъ спросила:

— Надѣюсь, что вы осведомляетесь обо всемъ этомъ не для себя самой?

Лавинія не отвѣчала, только съ уныніемъ сбѣжала утвердительный знакъ головой.

— Ахъ, бѣдняжка! неужели дошло до этого?—воскликнула вдова,

такъ сильно растроганная, что даже трудно было этого ожидать со стороны такой эгонстической особы...

— Такая молоденькая! такая нѣжненькая!.. что съ вами будетъ?

— Тотъ, кто украшаетъ полевые цвѣты и питаетъ птицъ небесныхъ, сжалится и надо мною, — сказала Лавинія; ни одно изъ твореній Вожиныхъ не погибаетъ съ голоду.

— Боже мой! да съ какихъ это мѣстъ вы прѣехали?—воскликнула мистрисъ Тэмплинъ, всплеснувъ руками. — О воробьяхъ я ничего не говорю, но знаю только, что въ теченіе прошлаго года въ нашей благополучной столицѣ умерло, ни болѣе, ни менѣе, какъ триста пятьдесятъ восемь Вожиныхъ созданий, и умерли они отъ совершеннаго недостатка насущныхъ потребностей жизни. Вамъ не вѣрится? Такъ я вамъ покажу печатную статью объ этомъ. Доказательство налицо. «Да куда же она дѣлась?» ворчала мистрисъ Тэмплинъ, роясь въ многочисленныхъ ящикахъ, въ которыхъ хранились всѣ плачевныя исторіи, описываемыя газетами.

— А! вотъ эта вырѣзка изъ Weekly Dispatch. «Смертность вслѣдствіе лишеній, недостатка грудного молока, прирѣбія и холода, простирается въ 1853 г. до 358 случаевъ.» Прочтите сами.

Лавинія очень хотѣлось прекратить этотъ разговоръ; она чувствовала, что ей нужно подышать свѣжимъ воздухомъ, и потому, спросивъ адресъ самаго ближайшаго мѣста, гдѣ можно достать все нужное для вышиванія, отправилась за покупками. Мистрисъ Тэмплинъ открыла ей такое множество фактовъ, что они могли бы излечить ее отъ всѣхъ прежнихъ ея идей и понятій на этотъ счетъ. Не удивительно, что хозяйка, всплеснувъ руками отъ удивленія, спросила:—изъ какихъ мѣстъ она явилась. Странно, что дѣвушки высшаго круга не имѣютъ ни малѣйшаго понятія о жизни другою рода, которая, не будучи прекрасною, тѣмъ не менѣе существуетъ въ дѣйствительности.

Будучи ограждены отъ всякаго грубаго столкновенія своими экипажами и лакеями; встрѣчая вездѣ хорошій пріемъ, благодаря своему богатству; наслаждаясь дома всевозможными удобствами и находя во всѣхъ помѣщаемыхъ ими домахъ тотъ же комфортъ и ту же роскошь, — могутъ ли молодыя богатія дѣвушки разсуждать иначе, какъ только заключать отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, и питать убѣжденіе, что въ этомъ мірѣ живутъ всѣ хорошо и счастливо? Въ ихъ присутствіи только и толкуютъ, что о несравненно величин, богатствѣ и благосостояніи родной земли, старательно избѣгая коснуться всѣхъ непріятныхъ предметовъ, которые могутъ набросить тѣнь на свѣтлую картину. Журналы и романы, которые имъ даютъ читать—или, скорѣе, перелистывать, такъ какъ у молодыхъ свѣтскихъ дѣвушекъ никогда нѣтъ свободной минуты—большею частью пропитаны атмосферой жизни высшаго круга, и только еще больше поддерживаютъ ихъ иллюзіи. Изображенія грубыхъ, мрачныхъ сторонъ дѣйствительности, какія попадаютъ, напримѣръ, въ разсказахъ Диккенса или Токкерей, до такой степени разнятся съ ихъ взглядами на вещи и ежедневными на-

блуденіями что онѣ смотрятъ на эти картины какъ на преувеличеніе, рассчитанное на эффектъ.

Таковы, говоря вообще, были понятія самой Лавиніи, прежде чѣмъ она узнала страшныя подробности, рассказанныя ей въ это утро. Подобно тому, какъ по известной цѣрѣ убитыхъ въ сраженіи приблизительно стараются узнать число раненыхъ, молодая дѣвушка, взявъ точкою схода прочитанное ею роковое число, рассчитывала въ умѣ всю громадность нищеты, о которой можно было догадываться, основываясь на этихъ данныхъ. Результатъ оказался страшный—и въ душѣ ея пробудилось глубокое соболѣзнованіе къ страждущимъ, и ея сердцемъ овладѣло сильнѣйшее желаніе помочь имъ. Ахъ, зачѣмъ не знала она ничего подобнаго въ то время, когда располагала всѣми средствами быть полезною ближнимъ! Какъ много зла могла бы она предотвратить! Какъ много сдѣлать добра! О, ежелибъ только представилась возможность излить на ближнихъ все остраданіе, волновавшее ея душу!

Когда на слѣдующее утро м-риссъ Тэмплингъ поздоровалась съ своею жилицею, то въ голосѣ ея и во всей манерѣ было такъ много участія, что Лавинія тутъ же рѣшилась сказать ей:

— Позвольте ли вы мнѣ кое-о-чемъ разспросить васъ и воспользоваться вашею опытностью?

Кто отказывается давать совѣты? Послѣ утвердительнаго отвѣта м-риссъ Тэмплингъ, Лавинія начала слѣдующимъ образомъ:

— Я порядочно рисую, довольно хорошо знаю языки: французскій, нѣмецкій и итальянскій; обо мнѣ говорили, что я играю на фортепьяно и пою лучше большей части свѣтскихъ женщинъ. Какъ по вашему мнѣнію: достаточно этихъ свѣдѣній для того, чтобы быть гувернанткой?

— Разумѣется, этого слишкомъ достаточно, ежели вы нападете на людей порядочныхъ; но въ послѣднее время всѣ сдѣлались въ высшей степени взыскательны; да къ тому же въ отношеніи гувернантокъ повторяется то же самое, о чемъ и вамъ рассказывала по поводу швей: на одно мѣсто является пятьдесятъ кандидатокъ. Найти хорошее мѣсто гувернантки—это то же самое, что выиграть въ лоттерей: одинъ шансъ выигрыла на девяносто девять проигрыша при томъ жалованье такъ ничтожно! Вы должны будете платить за стирку бѣлья и быть всегда дѣткою хорошо.—какъ говорятъ, прилично,—чтобы выѣзжать съ своими воспитанниками и вечеромъ являться въ гостиную. И что за каторга жизнь гувернантки! Вѣчный трудъ и ни малѣйшаго развлечения; когда ни попроситъ она часу свободнаго времени, всегда случается, что именно тутъ-то она и бываетъ нужна; а въ какихъ углахъ ее заставляютъ спать!—Случается, что въ этихъ каморкахъ нѣтъ даже камина; а что за чай даютъ ей иногда! это ужасно. Я знала одну даму, у которой жила гувернантка; Фоме мой, я никогда не забуду ея покорнаго, безвѣдежнаго и вѣчно какъ-будто заигураннаго лица; мнѣ было больно смотрѣть на эту блядищу!

— За что же мнѣ приняться? Неужели иѣтъ мѣста какого-либо другого рода для образованныхъ дѣвушекъ?

— Я не знаю никакихъ другихъ мѣстъ, кромѣ должности компаньонки. Но—праведный Боже!—я залятому врагу своему не пожелаю бы быть въ этой должности. Дамы, нуждающіяся въ компаньонкахъ, большею частью бываютъ стары, одержимы недугами и раздражительны; вы будете здѣсь еще болѣе связаны, чѣмъ въ гувернанткахъ, потому что лишитесь даже развлечения ежедневной прогулки, необходимой для вашихъ воспитанницъ. Вы будете принуждены громко читать до тѣхъ поръ, пока вамъ не захватитъ духъ отъ напряженія, и кромѣ того должны постоянно заботиться о развлеченіи хозяйки дома, быть готовой на всевозможныя услуги—однимъ словомъ, буквально сдѣлаться ея тѣнью. По моему лучше ухаживать за больными; сидѣлка, по-крайней-мѣрѣ, можетъ распорядиться такъ, чтобы дѣлать посвоему.

Лавинія на минуту задумалась: послѣднія слова м-риссъ Тэмплинъ затронули чувствительную струну въ ея душѣ; она припоминала и старалась соединить все читанное и слышанное ею про заведеніе сестеръ милосердія.

— Вы подали мнѣ прекрасную мысль, м-риссъ Тэмплинъ; я хочу идти въ сидѣлки.

— Боже мой! Да развѣ я когданибудь думала внушать вамъ такое дикое намѣреніе?

— Напротивъ, это намѣреніе хорошее, нисколько не дикое. Существовать заведенія, гдѣ можно научиться уходу за больными; я помню, что слышала объ этомъ. Ученицы, или какъ ихъ тамъ называютъ, подвергаются извѣстнаго рода испытаніямъ, для доказательства своей способности къ избираемому ими поприщу; когда же онѣ оказываются достойными, ихъ разсылаютъ по больницамъ и повсюду, гдѣ нуждаются въ ихъ помощи.

— Вамъ быть сидѣлкою въ больницѣ! — воскликнула мистриссъ Тэмплинъ, въ высшей степени озадаченная;—да никакой скольконибудь благоразумный человекъ и не приметъ васъ въ эту должность. Къ тому же, извините меня за откровенность, вы слишкомъ хороши для того, чтобы безопасно оставаться въ больницѣ: этотъ міръ покажется еще не рай: во-вторыхъ, ежели-бы вы даже были достаточно безобразны, то, по нѣжности и слабости своего сложенія, вы все-таки не способны къ тяжелой обязанности сидѣлки.

Нисколько не постигая связи между своею красотою и тѣмъ обстоятельствомъ, что этотъ свѣтъ не рай, Лавинія, однако въ настоящую минуту слишкомъ мало довѣряла своему собственному сужденію, чтобы спорить съ мистриссъ Тэмплинъ. Поэтому, возвращаясь къ своей прежней мысли, она спросила:

— И такъ, вы положительно думаете, что я могу быть гувернанткою?...

— Разумѣется, — отвѣчала мистриссъ Тэмплинъ.

— И вы будете такъ добры, — продолжала Лавинія, — что научите какъ мнѣ дѣйствовать для полученія мѣста?

— Право, вы, кажется, имѣете о житейскихъ дѣлахъ такъ же мало понятія, какъ новорожденный ребенокъ, — невольно замѣтила мистриссъ Тэмплинъ.— Всего проще обратиться къ роднымъ, друзьямъ—однимъ словомъ къ лицамъ, принимающимъ въ васъ участіе—и попросить ихъ о помѣщеніи васъ въ какое-нибудь знакомое семейство.

— А ежели у меня нѣтъ ни родныхъ, ни друзей, никого, кто бы принималъ во мнѣ участіе?—сказала Лавинія, со слезами на глазахъ.

— Но вѣдь это невозможно, у всѣхъ есть семейство! — воскликнула мистриссъ Тэмплинъ, начиная растрогиваться. — Вѣдь люди не растутъ, какъ грибы, около деревьевъ. Успокойтесь и постарайтесь припомнить кого-нибудь.

Лавинія съ грустью покачала головою, и двѣ крупныя слезы покатались у нея по щекамъ.

— Ради Бога, не плачьте,—сказала ей мистриссъ Тэмплинъ, которая, будучи сама въ высшей степени слезлива, знала по опыту, какъ примѣръ заразителенъ. — Слезы ни къ чему не ведутъ. Повѣрьте мнѣ, милая миссъ, что безъ рекомендаціи не возможно ничего добиться. Къ тому же еще необходимы поручители; вы должны указать на лицъ, у которыхъ можно бы навести о васъ справки; иначе никто не рѣшится васъ взять.

Лавинія утерла себѣ глаза и, пересиливая волненіе, спросила довольно спокойнымъ голосомъ:

— Еще одинъ, послѣдній вопросъ. Нѣтъ ли какогонибудь способа, посредствомъ котораго я могла бы объявить, что ищу мѣста?

— Это можно сдѣлать чрезъ газеты, — возразила мистриссъ Тэмплинъ.— Вы можете напечатать объявленіе о томъ, что ищете мѣста гувернантки; но я не посовѣтовала бы вамъ этого, потому что печатаніе объявленій обходится очень дорого; а что касается до васъ, то, я думаю, это будутъ деньги окончательно потерянные. Самое лучшее—каждый день просматривать какуюнибудь ежедневную газету, пока не найдете чегонибудь подходящаго къ вамъ, и тогда, или лично или письменно, просить о мѣстѣ, смотря по желанію особы, напечатавшей объявленіе. Но предупреждаю васъ, что безъ рекомендаціи не стоитъ и начинать этого дѣла.

Но Лавинія, го что бы то ни стало, рѣшилась попытать счастья.

Вполнѣ сознавая всю справедливость доводовъ мистриссъ Тэмплинъ, она была совершенно увѣрена, что недостатокъ рекомендацій и поручительства будетъ для нея причиною неудачи во многихъ домахъ; впрочемъ она не совершенно отчаявалась, надѣясь встрѣтить какуюнибудь сострадательную женщину, нѣжную мать семейства, которая, сжалившись надъ ея сиротствомъ и совершеннымъ одиночествомъ, ласково приметъ ее. На слѣдующее утро она послала за газетою «Times». На первомъ же столбцѣ объявленій она отыскала то, что повидному, вполне согласовалось съ ея желаніями: «Требуется гувернантка въ семейство, живущее въ деревнѣ, и т. д. Адресоваться письменно туда-то». Лавинія съ самаго перваго раза рѣшилась не брать мѣста иначе, какъ въ провинціи или за границей. Въ Лондонѣ ее знали очень многіе, и она опасалась тамъ неприя-

ныхъ встрѣчь. При одной мысли о свиданіи съ м-ромъ Джонсомъ, кровь застывала у нея въ жилахъ. Поэтому она тотчасъ же отправила письмо по адресу, выставленному въ объявленіи, и ждала результата со страхомъ и надеждою. Каждый двойной ударъ въ дверь (такъ обыкновенно стучатся почтальоны) отдавался въ ея сердцѣ. Однако письмо осталось безъ малѣйшаго результата; дни тянулись за днями, прошла недѣля, а отвѣта не было никакого.

Тогда она снова обратилась къ объявленіямъ. Въ семейство, отправлявшееся за границу, требовали гувернантку, умѣющую говорить на языкахъ: французскомъ, нѣмецкомъ и итальянскомъ; просили адресоваться ежедневно отъ трехъ до пяти часовъ пополудни, на площадь Гайдъ-Парка. Извѣстно, какъ велико разстояніе отъ Кэмпденъ-Тауна до этой площади. Лавинія съ величайшимъ волненіемъ отправилась туда. За исключеніемъ людей, на долю которыхъ выпадали подобнаго рода испытанія, немногіе въ состояніи составить себѣ точное понятіе о положеніи молодой дѣвушки, которая едва ли когда нибудь прежде ходила пѣшкомъ по улицѣ, а ежели и ходила, то всегда съ провожатыми; немногіе могутъ представить себѣ ея физическое и нравственное безпокойство, когда она въ первый разъ въ жизни очутилась совершенно одна на улицѣ, и была принуждена сама прокладывать себѣ дорогу сквозь пеструю толпу.

Лавинія, впрочемъ, скоро ободрилась, видя, что на улицахъ гораздо тише и спокойнѣе, чѣмъ она воображала. Но, дойдя до Нью-Роа, она принуждена была остановиться: множество столкнувшихся экипажей и собравшаяся вокругъ нихъ толпа любопытныхъ и зѣвакъ преградили ей дорогу. Сильнѣйшая ссора завязалась между кучерами; по взглядамъ, браннымъ словамъ и жестамъ, ихъ можно было скорѣе принять за канибаловъ, чѣмъ за крещеный людъ. Отовсюду слышались крики, страшныя проклятія и ругательства; кучера грозили другъ другу кулаками и кнутами, и испуганная Лавинія воображала, что дѣло непременно дойдетъ до драки. Но едва затрудненіе съ экипажами было устранено, всѣ эти бѣшеные спокойно, точно ни въ чемъ не бывало, разлѣхались въ разныя стороны.

Было ли это обманомъ разстроенаго воображенія Лавиніи, или же дѣйствительнымъ фактомъ, что чѣмъ ближе она подходила къ Уэстъ-Энду, тѣмъ болѣе замѣчала, что проходящіе мужчины приглядываются къ ней съ дерзкою настойчивостью? Нѣтъ, это не было воображеніе. Мужчины, которые глядѣли на нее такимъ образомъ, были не ремесленники, а джентльмены, или, по-крайней-мѣрѣ, люди, одѣтые весьма прилично. Каждый, проходя мимо нея, бросалъ любопытный взглядъ сквозь ея вуаль; другіе же, чтобы хорошенько ее разсмотрѣть, наклонялись въ ея сторону, или же наводили лорнетъ. Изъ шести человѣкъ, шедшихъ по одному съ нею направленно, пятеро непременно убавляли шагъ и черезъ плечо глядѣли на бѣдную дѣвушку; а обогнавъ ее, еще нѣсколько разъ оборачивались. Несмотря на густую вуаль и опущенные глаза, Лавинія никакъ не могла не замѣтить этихъ выходовъ, такъ они дѣлались дерзко и открыто. Когда она дошла до Реджентсъ-Цирка, какой-то высокій,

бѣлокурый денди съ бакенбардами, остановился прямо передъ нею, и она принуждена была его обойти. Едва успѣла она перевести духъ, какъ красивый франтъ уже снова очутился возлѣ нея, она прибавила шагу; но эта предосторожность оказалась напрасною молодой человѣкъ или шоль съ ней, или опережалъ ее и потому останавливался и оборачивался, дожидая ее. У бѣдняжки потемнѣло въ глазахъ; она перешла улицу, не обращая вниманія на экипажи, и въ отчаяннн почти бросилась бѣжать, не зная сама, какое чувство преобладаетъ въ ней: ужасъ или негодованіе. Куда же дѣлись всѣ эти благовоспитанные господа, которыхъ она когда-то встрѣчала въ обществѣ; гдѣ эти кавалеры съ своими изысканными манерами, которыхъ почтительную любезность она считала высшимъ совершенствомъ свѣтскаго обращенія? Куда исчезли всѣ эти краснорѣчивые говоруны, столь обязательные и вѣжливые на обѣдѣ, въ концертѣ или на балѣ, рыцари, такъ ревностно защищавшіе ее противъ наглѣйшаго толчка гдѣ нибудь въ толпѣ, и бросавшіе такіе убійственные взгляды, когда какой-нибудь неловкій нечаянно задѣвалъ ее локтемъ? Гдѣ же всѣ эти господа? Вѣроятно. ни одного изъ нихъ не было въ этотъ день на улицѣ. Смотрѣть на Лондонъ съ высоты экипажа или съ высоты своихъ ногъ—это большая разница, могу васъ увѣрить.

Лавинія дошла до мѣста назначенія, блѣдная и измученная, точно преступникъ, котораго ведутъ въ судъ для выслушанія приговора. Сознаніе невинности—увѣ!-- весьма слабая защита противъ крайняго унынія, которое бываетъ вслѣдствіе продолжительнаго безпокойства, подобнаго тому, которое она испытывала. Къ счастью, дама, которая вышла къ Лавиніи, говорила съ нею пріятливымъ и ободряющимъ тономъ,—чего, впрочемъ, и слѣдовало ожидать при одномъ взглядѣ на ея доброе и кроткое лицо. Лавинія нуждалась въ ободреніи, и достаточно было сдвинутыхъ бровей или же одного грубаго слова для того, чтобы слезы хлынули у нея изъ глазъ. Въ отвѣтъ на предлагаемые ей вопросы, она скромно исчислила всѣ свои таланты, прибавивъ, что играетъ на фортепьяно, на арфѣ и поетъ.

— Очень хорошо,—сказала дама,—не такъ ли, Джемсъ?

— Да,—отвѣчалъ господинъ, къ которому относился вопросъ. даже не поднимая глазъ съ газеты, которую онъ держалъ въ рукахъ. Тогда дама объяснила, что старшая дочь ихъ, Клара, начала учиться на арфѣ, и миссъ Толлвелль, вѣроятно, въ состояннн будетъ показывать замѣнить для нея учителя. Потомъ дошло дѣло до жалованья. Лавинія не сдѣлала никакого возраженія, потому что сумма была совершенно удовлетворительна.

— Разумѣется,—прибавила дама,—вы имѣете хорошія рекомендаціи?—Лавинія, запинаясь, отвѣчала, что не можетъ представить никакого поручительства.

— Вы, вѣроятно, хотите сказать,—здѣсь, въ Лондонѣ?—прибавила дама самымъ любезнымъ тономъ.

— Ни въ Лондонѣ, ни въ какомъ-либо другомъ мѣстѣ,—сказала Лавинія, побѣднвъ какъ смерть.

— Безъ сомнѣнiя, вы знаете кого-нибудь въ Англiи, кто могъ бы за васъ поручиться?

— Ради Бога, мадамъ,—воскликнула Лавинiя, взволнованная до такой степени, что едва въ состоянiи была явственно говорить.— умоляю васъ, не будьте предубѣждены противъ меня вслѣдствiе того, что я вамъ скажу. Клянусь, я не сдѣлала ничего дурного; Богъ свидѣтель я никому не сдѣлала зла, и однакоже мнѣ не возможно указать вамъ ни на одну особу, которая моглабы доставить вамъ свѣдѣнiя обо мнѣ.

Дама пристально смотрѣла на Лавинiю все время, пока та говорила, но во взглядѣ ея далеко не было ничего жесткаго. Съ минуту подумавъ, она сказала: — Какъ ни кажутся мнѣ странными и невѣроятными ваши слова, но ежели бы вы только могли удовлетвори-тельнымъ образомъ объяснить....

— Мэри,—сказалъ господинъ, не поднимая глазъ съ своей газеты. Тонъ, которымъ были произнесены эти слова, заставилъ термометръ значительно понизиться.

— Принимая въ соображенiе всѣ эти обстоятельства, я весьма сожалею, что не могу взять васъ.

— Пусть же наградитъ васъ Богъ за вашу доброту,—сказала Лавинiя, прощаясь съ нею, и съ этими словами вышла.

Бѣдное дитя! Быть такъ близко къ цѣли—и потерпѣть неудачу!...

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Чи правомъ берегу Сены.

Между тѣмъ, какъ Лавинiя искала доброй души, которая согласилась бы принять ее, и не находила ни одной, Шаоло, съ своей стороны, въ лучшемъ успѣхѣмъ искалъ человека, который бы облегчилъ его ютъ нѣкоторой части суммы 500 сжуди, полученныя имъ изъ Фима. Во избѣжанiе насмѣшки читателя по поводу этихъ послѣднихъ словъ, неспѣшимъ прибавить, что молодой римлянинъ въ стремленiи къ подобной цѣли ограничивался очень небольшимъ оружкомъ еще, которыйкъ почти бесполезно называть, именно добрыми самаритянами, которые приотпили его, ухаживали за нимъ и помогали ему въ болѣзнь и въ бѣдности.

Юность такъ любитъ мартъ, уже изъ одного удовольствiя дѣлать подарки! Это была единственная прiятность, какую думалъ Шаоло извлечь изъ своего богатства. Какъ наслаждался онъ мыслью, что онъ будетъ имѣть возможность устроить сюрпризъ для своего друга Сальватора и для его невѣсты, Клеми! Но чтобы сдѣлать это съ такою щедростью какъ онъ желалъ, для этого ему слѣдовало предварительное освободиться отъ зависимости своего страпцаго и войти въ дѣйствительное обладанiе своею собственностью. Между тѣмъ, возлѣ него были люди, которые употребили всѣ свои маленькiя средства, чтобы помочь ему въ бѣдствiи; и онъ чувствовалъ себя счастливымъ, что

можетъ на дѣлѣ показать имъ признательность за ихъ добрыя услуги. Но въ этомъ, какъ мы уже намекнули, онъ разсчитывалъ безъ своего хозяина. За исключеніемъ доктора Перэна, — который, узнавъ объ измѣненіи, приспѣднемъ въ обстоятельствахъ своего паціента, согласился, наконецъ, хотя и неохотно, принять умѣренный гонорарій для себя и подарокъ для своихъ болѣе бѣдныхъ больныхъ, — никто изъ друзей молодого римлянина не хотѣлъ и слышать о деньгахъ.

Къ счастью для Паоло, эти друзья оказались не въ такой степени несговорчивыми относительно *сугенировъ*; и въ заведеніе Проспера а также въ берлогу Бенуа много было перенесено полезныхъ въ хозяйствѣ предметовъ и приправъ къ кушанью, путемъ контрабанды, подъ ложнымъ и удобнымъ именемъ бездѣлокъ для дѣтей. Между подарками этого второго рода играла видную роль коллекція черныхъ бутылокъ; о содержавшейся въ нихъ жидкости Бенуа не могъ говорить впоследствии безъ восторга и бурныхъ нападеній на соседнюю стѣну. Къ этой же категоріи слѣдуетъ отнести великолѣпную пѣнковую трубку, которую онъ, повидимому, не хотѣлъ употреблять въ дѣло, но, должно быть, очень гордился ею, потому что постоянно носилъ ее, въ видѣ кинжала, на шнурахъ своего передника; впрочемъ, можетъ быть, къ этому побуждало его болѣе благородное чувство, нежели тщеславіе. Что касается до способа носить эту трубку, онъ не имѣлъ выбора: костюмъ Бенуа недопускалъ ничего подобнаго карману.

По истеченіи двухъ недѣль Паоло отказался отъ своихъ занятій у м-сьё Бонифаса; но имѣя много денегъ и времени въ своемъ распоряженіи, онъ не былъ чрезъ это счастливѣе, — совсѣмъ напротивъ. Онъ положительно не зналъ, что съ собой дѣлать. Какъ-то разъ ему пришло на мысль — нанять себѣ мастерскую и снова приняться за живопись, но онъ тотчасъ же раздумалъ. Къ чему? Даже если бы ему удалось приобрести славу — чего едва-ли было для него возможно достигнуть въ чужой землѣ — то стоило ли это труда? Въостѣ съ Лавиніей, любовь къ которой была единственною пружинной, побуждавшей его стремиться къ славѣ, энтузіазмъ къ искусству, какъ онъ думалъ, исчезъ въ немъ навсегда. Кому не случалось въ большей или меньшей степени испытывать надъ собою гнетъ подобныхъ парализирующихъ вліяній? кто надъ свѣжею могилой дорогого существа, или не менѣе дорогой мечты, не объявлялъ напрасными и бесполезными всѣ порывы и стремленія своего сердца? Душа не скоро можетъ оправиться отъ подобныхъ ударовъ и лишеній.

Дюжанръ не преминулъ предложить методу леченія противъ скуки своего друга. Эта метода состояла изъ ряда мѣръ, изъ которыхъ первою, самою настоятельною и безусловно-необходимою, было — перейти Рубиконъ, какъ выражался реалистъ. Подъ этимъ онъ разумѣлъ, что Паоло долженъ перебраться черезъ Сену и поселиться въ болѣе обитаемой части Парижа, т. е. на правомъ берегу рѣки. На это предложеніе Паоло не сказалъ ни да; ни нѣтъ. Онъ уже рѣ-

нелзя оставить свой чердакъ и поискать болѣе удобнаго помѣщенія; но, естественно, онъ въ сильной степени былъ предубѣжденъ вретить бульваровъ, такъ перевозносимыхъ Дюжанромъ. Равнымъ образомъ онъ не слишкомъ-то былъ расположенъ въ это время ходить по два раза въ недѣлю въ палерояльскій театръ, или хлопотать о допущеніи въ клубъ, котораго Дюжанръ былъ членомъ. Изъ различныхъ способовъ убивать время, придуманныхъ его веселымъ другомъ, нашему римлянину понравился только одинъ, именно—брать уроки верховой ѣзды въ манежѣ, гдѣ реалстъ, будучи обычнымъ посѣтителемъ, вызвался представить Паоло. Верховая ѣзда—упражненіе здоровое и приличное мужчинѣ, и Паоло не видѣлъ основанія, почему бы ему не посвятить этому упражненію нѣсколько своихъ праздныхъ часовъ. Итакъ было рѣшено, что Дюжанръ представитъ его тотчасъ же, какъ только Паоло приведетъ свой туалетъ въ приличный видъ.

— Потому-что,—замѣтилъ Дюжанръ,—твое платье и твоя шляпа будутъ совершеннымъ анохронизмомъ въ этой части свѣта, хотя они, можетъ быть, играли бы довольно-видную роль въ какомъ-нибудь музеемъ древностей.

Паоло осматрѣлъ свой изношенный фракъ, свои потертые панталоны, улыбнулся, въ знакъ согласія, и затѣмъ, менѣе чѣмъ чрезъ два дня, благодаря соединеннымъ усиліямъ дюжанровыхъ портного, шляпочника и сапожника, обладалъ уже приличнымъ костюмомъ, въ которомъ, впрочемъ, по его собственному мнѣнію, онъ представлялъ собою пренелѣпую фигуру.

Будучи знакомымъ Дюжанра, онъ не встрѣтилъ затрудненія въ приемѣ; требуемый правилами манежа поручитель изъ старыхъ членовъ легко былъ найденъ. (Благодаря этой церемоніи и другимъ условіямъ и ограниченіямъ, которымъ подвергались всѣ нововступающіе члены учрежденія, оно похоже было скорѣе на клубъ, чѣмъ на школу верховой ѣзды, какъ оно обыкновенно называлось).

Съ перваго же дня берейторъ объявилъ, что Паоло подаетъ большія надежды: легкая рука, быстрый взглядъ, сильные, гибкіе члены, смѣлость,—словомъ, молодой художникъ имѣлъ все необходимое для того, чтобы сдѣлаться отличнымъ всадникомъ; сверхъ того, онъ обладалъ чутьемъ относительно лучшихъ средствъ къ достиженію цѣли, чутьемъ, которое для всѣхъ предпріятій составляетъ то же что хорошее ухо для изученія музыки. Онъ принялся за верховую ѣзду сои амого и сдѣлалъ въ ней быстрые успѣхи. Съ помощью и поощреніемъ Дюжанра, нѣсколькихъ дней было достаточно, чтобы установить между новымъ ученикомъ и обычными посѣтителеми манежа тѣ отношенія *хорошаго общества*, которыя такъ легко вызываются во Франціи; но ни одно изъ нихъ не доходило до короткости. Люди, которыхъ Паоло встрѣчалъ тамъ, были по большей части веселые молодые люди его лѣтъ; нѣкоторые между ними даже просто мальчннн, но всѣ они до одного были заняты биржевыми спекуляціями и модными свѣтскими скандалами и сплетнями. Уже

одной шаферки, съ каково они говорили о жемчужникъ, была доста-точно, чтобы заставить идеалиста держаться отъ нихъ подальше.

Въ числѣ патроновъ манежа, которые по временамъ являлись тутъ и иногда присоединялись къ молодымъ людямъ въ нихъ прогулявъ веркомъ, находился виконтъ дю-Верла (о которомъ мы упоминали выше) очень красивый пожилой господинъ. Его высокой ростъ, и длинная борода съ просѣдью, его щеголеватое, хотя простое, платье, непринужденность и изящество его манеръ — напоминали молодому художнику его друга, Торитона. Прямой станомъ, гибкій и живой по хуже всякаго изъ молодыхъ людей, виконтъ дю-Верла въ пятьдесятъ лѣтъ удержалъ за собою заслуженную репутацію одного изъ лучшихъ издиковъ своего времени; и велико бывало волненіе въ манежѣ, когда новички чувствовали устремленній на нихъ про-никательный взглядъ этого учителя. Виконтъ обратилъ вниманіе на Паоло, какъ на ученика, подающаго большія надежды на будущее; онъ далъ ему много полезныхъ совѣтовъ и сталъ чаще досѣщать школу, какъ-будто привлекаемый туда какимъ-то новымъ интере-сомъ. Паоло, польщенный и довольный вниманіемъ человека, поль-зовавшагося такимъ всеобщимъ уваженіемъ, съ благодарностью и теплотою принялъ благосклонное вниманіе, оказанное ему виконтомъ дю-Верла.

Между тѣмъ выборъ новой квартиры, несмотря на убѣжденія Дю-анра, оставался для Паоло еще нерѣшоннымъ вопросомъ.

Однажды виконтъ сказалъ молодому римлянину:

— Я никогда не встрѣчалъ васъ на бульварѣ: вы, должно быть, жи-вете не въ здѣшнихъ мѣстахъ? (Манежъ находился въ кварталѣ Ма-длены).

Паоло краснѣя отвѣчалъ, что онъ живетъ довольно-далеко, но что онъ думаетъ переехать поближе къ бульвару.

— Позвольте мнѣ сказать вамъ, что чѣмъ скорѣе вы сдѣлаете это, тѣмъ лучше, — замѣтилъ виконтъ. — Переѣзжайте поближе къ намъ; вы увидите, что здѣсь вамъ будетъ веселѣе: по-иранней-мѣрѣ я съ своей стороны постараюсь объ этомъ.

Съ-этихъ-поръ Паоло сдѣлался недоволенъ своимъ чердакомъ и рѣшился переехать черезъ Рубинонтъ. Дюжанръ, обрадованный та-кою рѣшимостью, сталъ неутомимо хлопотать объ осуществленіи ея. Въ нѣсколько дней два друга осмотрѣли множество квартиръ, но безъ успѣха: тѣ изъ нихъ, которыя нравились французу, казались для Па-оло слишкомъ посκοшными и дорогими; а тѣ, которыя нравились ита-лянцу, казались Дюжанру слишкомъ бѣдными и неприличными для человека сколько нибудь уважающаго свое достоинство. Наконецъ, какъ обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, каждая сторона сдѣлала нѣкоторыя уступки, и дѣло кончилось взаимнымъ соглаше-ніемъ. Въ улицѣ Сен-Жоржъ была выбрана уютная квартира, не-слишкомъ дорогая и не слишкомъ дешовая, не слишкомъ парадная и не слишкомъ простая; и когда Паоло далъ дворнику понять, что у него нѣтъ ни дѣтей, ни собакъ и что онъ заплатитъ за мѣсяцъ впе-редъ, то тотчасъ же получилъ ключи отъ квартиры. Сверхъ того,

дерберъ согласился, за прибавочную сумму двадцати франковъ. Въ мѣсяцъ. чистить башмаки Манчини и смотрѣть за порядкомъ въ его комнатахъ. Паоло не хотѣлъ и спать о томъ, чтобы имѣть своего собственнаго слугу.

Такимъ образомъ Паоло ipso facto былъ введенъ во владѣнiе новой квартирой, и два друга, закуривъ сигары (Паоло теперь уже привыкъ курить постоянно) отправились сдѣлать распоряженiе о перевозкѣ на другую сторону Сены того, что стоило перевозить.

— Ты, вѣроятно, не подозреваешь, — сказалъ Дюжанръ во время дороги, — что навязалъ себя на него господина и тирана въ лицѣ своего дворника. Только смотри, никогда не мазывай его дворникомъ, а комсьержемъ (смотрителемъ) или ты дорого заплатишься за это. Въ своей трущобѣ на улицѣ Дюжуръ ты имѣлъ одно дѣйствительное преимущество: тамъ не было дворника. Дворники при нашемъ нелѣпомъ устройствѣ домовъ необходимы, но тѣмъ не менѣе это бичъ квартирантовъ, это естественные враги и преслѣдователи жильцовъ своего хозяина, на которыхъ они смотрятъ и справедливо — какъ на причину своего рабства. Это совершенно логично, потому что еслибы не было жильцовъ, то не было бы и дворниковъ. Они имѣютъ тысячу средствъ отравить ваше существованiе; они могутъ задерживать ваши письма, забывать у себя оставленные для васъ карточки, говорить что вы дома посѣтителямъ, которыхъ вы не хотите видѣть, и наоборотъ, отказывать тѣмъ, которыхъ вы желаете принять; они могутъ продержатъ васъ на дождѣ ночью, по своему произволу, — и горе вамъ если вы станете искать удовольствiя! Или хозяинъ приметъ ихъ сторону противъ васъ, и тогда вы въ ихъ власти, или онъ сдѣлаетъ имъ выговоръ, и тогда — прощай спокойствiе: домъ сдѣлается для васъ адомъ. Поэтому прими себя за неизмѣнное правило — никогда не противорѣчить господину, котораго ты сейчасъ нанялъ, убирать твои комнаты и чистить башмаки. Не имѣй съ нимъ ни малѣйшихъ ссоръ, старайся поладить съ нимъ во что бы то ни стало. Ты смѣешься, но я говорю совершенно серьезно, увѣряю тебя. Постой, я хотѣлъ еще что-то сказать. Да! ты не долженъ остаться безъ запаса на случай посѣтителей. Веди купить дюжину бутылокъ мадеры; мадера да еще полынная — это годится для мужчинъ; нѣжный полъ предпочитаетъ шампанское и мараскинъ.

— Но я вовсе не намѣренъ принимать дамъ, — сказалъ Паоло, съ некоторымъ удаленiемъ.

Взоръ! ты уже зашелъ слишкомъ далеко и не можешь остановиться на полпути. Ты нанялъ приличную квартиру и первое что тебѣ слѣдуетъ сдѣлать теперь, это — обзавестись хорошею попутной.

— Благодарю, — возразилъ Паоло, покраснѣвъ какъ дѣвочка, — но я не сдѣлаю этого.

— Поди, любезный Тедмакъ, послушайся моего совѣта, выбери себя вразумленную.

— Никогда, — возразил Паоло; Всѣ правила, всѣ чувства, всѣ основы моей души возмущаются противъ этой мысли. Между твоими и моими понятіями о женщинѣ лежитъ дѣлая пропасть.

— Увы! — вздохнулъ Дюжанръ, — это пропасть, которая отдѣляетъ трезвую дѣйствительность отъ сумасбродной фантазіи. Что ты знаешь о женщинахъ? Живя подобно анахорету, ты создалъ для себя и искривно боготворишь идеалъ, который столько же похожъ на женщину изъ плоти и крови, какъ яркое тропическое растеніе, выросшее въ теплицѣ, похоже на обыкновенные полевые цвѣты. Только одна опытность вылечитъ тебя отъ этого заблужденія. Она придетъ со временемъ; а покажѣшь, удостоишь открыть глаза и взгляни на этотъ потокъ раздутыхъ и впухъ разряженныхъ дамъ, которыя выходятъ изъ церкви Магдалины. Всѣ онѣ — замѣть это хорошенько — женщины наиболѣе почтенныя; разсмотри ихъ поближе и примири, если можешь, свои возвышенныя чувства съ ихъ легкомысленнымъ видомъ. На что онѣ больше похожи: на ангеловъ и музъ, о которыхъ ты мечтаешь, или на истинныхъ дочерей Евы, каковы онѣ на самомъ дѣлѣ? Правда, дурацкій колпакъ не дѣлаетъ дуракомъ; но если кто носитъ его добровольно, то это тѣмъ не менѣе показываетъ извѣстную склонность ума. Можешь ли ты безъ смѣха вообразить себѣ почтенную мать семейства, влѣзающую въ свой стальной кашъ? И къ чему намъ быть серьезными и разбивать свое сердце въ порошокъ для тѣхъ, которыя сами не смотрятъ на себя серьезно? Онѣ не ожидаютъ отъ насъ этого.

Во время послѣдней части рѣчи Дюжанра, вниманіе Паоло было раздѣлено между нею и группой трехъ ремесленниковъ, остановившихся на нѣсколько минутъ посмотреть на этихъ дамъ такъ называемаго высшаго класса. Онъ не могъ слышать, что они говорили, но судя по ихъ искривленнымъ губамъ и полугнѣвнымъ, полусаркастическимъ взглядамъ, которые они бросали на фижмы и фальбалы, италіанецъ могъ легко угадать свойство ихъ мнѣній и замѣчаній. Паоло дотронулся до своего друга, и тотъ, слѣдуя направленію взгляда молодого римлянина сказалъ:

— Когда командующіе на кораблѣ нисходятъ до того, что играютъ роль шутовъ, то нѣтъ ничего удивительнаго, если экипажъ считаетъ ихъ тѣмъ, чѣмъ они сами себя показываютъ. Впрочемъ, — прибавилъ онъ, пожавъ плечами, — это не наше дѣло — *après nous le déluge* (послѣ насъ потопъ).

Первый визитъ, который получилъ Паоло въ своемъ новомъ жилищѣ, былъ сдѣланъ виконтомъ дю-Верла.

— Уютная, удобная квартирка, — замѣтилъ одобрительно виконтъ, — безъ всякаго мишурага блеска. Она проста какъ здравый смыслъ, а я люблю простоту во всемъ. А что вы подѣльваете? Принимаете ли вы участіе въ легкомысленныхъ развлеченияхъ свѣта? Сезонъ *Мабилы* и *Château auf Fleurs* уже прошолъ, но, вѣдь, у насъ есть *Валентино* и *Concerts de Paris*. Какъ, вы тамъ не были! Да ужъ не обрекли ли вы себя на аскетизмъ? Тамъ можно имѣть очень пріятныя встрѣчи. Я знаю, что парижскія красавицы не могутъ выдер-

жать сравненія съ римскими, но въ нихъ есть живость, есть увлеченіе, есть что-то невыразимое.

Паоло печально покачалъ головою, какъ-будто желая сказать, что онъ цѣнитъ римскихъ красавицъ такъ же мало, какъ и парижскихъ, или что онъ ищетъ не этого.

— А! понимаю, и сожалѣю о васъ, — продолжалъ виконтъ. — Ранняя любовь, обманутыя надежды, разочарованіе. Мы всѣ испытали это. И я былъ молодъ и романтиченъ, какъ вы. Я преслѣдовалъ свой *прекрасный идеалъ* такъ же пламенно, какъ всякій другой, и когда онъ исчезъ, я плакалъ горькими слезами... Но я кончилъ тѣмъ, что образумился. Послѣдуйте моему примѣру, попробуйте прибѣгнуть къ гомеопатическимъ средствамъ. — *similia similibus* — лечите подобное подобнымъ. Жизнь слишкомъ коротка для того, чтобы ее разстрачивать на грезы, и молодость приходитъ только разъ. Вѣрьте мнѣ, жизнь имѣетъ свои сущности, которыми не слѣдуетъ пренебрегать, а съ вашими физическими силами...

— Можетъ быть это мой недостатокъ, — прервалъ Паоло, улыбаясь, но что же дѣлать, если я предпочитаю мои грезы вашимъ сущностямъ?

— Извините, это доказываетъ только то, что ваша душа находится въ болѣзненномъ состояніи. Изъ котораго люди, желающіе вамъ добра, обязаны васъ извлечь. Вы лечите вашу болѣзнь, и это составляетъ ея самую худшую сторону. Я дѣлалъ то же самое, находясь въ подобномъ положеніи. Что сказали бы вы о чловѣкѣ — извините тривіальность сравненія — что сказали бы вы о чловѣкѣ, который, будучи обманутъ въ своей надеждѣ плѣтъ бекаса, на котораго онъ разсчитывалъ, рѣшается скорѣе остаться безъ обѣда, чѣмъ ѣсть жаркое изъ голубя? Сдѣлайте надъ собой усиліе и сбросьте съ себя ваши путы. Истинная мудрость состоитъ въ томъ, чтобы не требовать отъ жизни больше, чѣмъ она можетъ дать. Постоянство, вотъ видите, — и я могу доказать это законами анатоміи и физиологіи, — есть добродѣтель, несовмѣстная съ нашей несовершенной организаціей. Читали вы Вальзака? Нѣтъ? такъ прочтите: въ немъ вы найдете глубокую философію. Я вамъ приплюю нѣкоторыя изъ его сочиненій, если позволите. Прощайте.

Дю-Верла былъ искрененъ, когда говорилъ, что онъ сожалѣетъ о Паоло. Онъ испытывалъ чувство, подобное тому, какое испытываетъ сострадательный докторъ, когда его пациентъ отказывается принимать лекарство, которое возстановило бы его здоровье, — или, лучше, чувство подобное тому, какое испытываетъ чловѣкъ, видающій своего друга подъ вліяніемъ тягостной галлюцинаціи, и старающійся его образумить. Добродушный виконтъ не былъ потлымъ развратникомъ, да и по натурѣ своей, онъ не былъ назначенъ къ этому. Онъ отъ природы былъ благороденъ, добѣрчивъ, чувствителенъ. Кокетка, съ которою онъ сошелся на двадцать первомъ году своей жизни, сдѣлала его тѣмъ чѣмъ онъ былъ теперь — изящнымъ сенсуалистомъ. Есть люди, которые не могутъ противостоять вредному дѣйствию перваго разочарованія; а въ томъ, котораго онъ

былъ жертвою, существовали особенныя отягчающія обстоятельства. Виконтъ дю-Верла провелъ нѣсколько лучшихъ лѣтъ своей жизни въ привитіи себѣ убѣжденія, которое онъ возвелъ въ какую-то правильную систему, опирающуюся на анатомію и физиологію, что женщины суть безответственные агенты и что съ ними слѣдуетъ и обращаться соотвѣтственно такому взгляду. Это убѣжденіе было причиною, что онъ остался холостякомъ, несмотря на настоятельныя просьбы всей его фамиліи, чтобы онъ женился.

Но его скептицизмъ не имѣлъ въ себѣ ничего злобнаго или дерзкаго. Виконтъ не поставлялъ своею задачей — поносить прекрасный полъ и не позволялъ себѣ слишкомъ вольнаго обращенія съ женщинами; совершенно напротивъ. Систематическая точка зрѣнія, съ которой онъ на нихъ смотрѣлъ, вмѣстѣ съ врожденнымъ изяществомъ души его, дѣлали его скорѣе склоннымъ оказывать имъ ту кроткую снисходительность, которую мы оказываемъ дѣтямъ. Единственно изъ душевной доброты онъ отступилъ теперь отъ своихъ обыкновенныхъ правилъ до того, что сталъ читать наиперу молодому римлянину поученія; но, обладая, какъ онъ думалъ, вѣрнымъ противоядіемъ противъ болѣзни, которою, согласно его собственнымъ догадкамъ и рассказамъ Дюжанра, былъ одержимъ его новый знакомый, могъ ли онъ не употребить этого противоядія въ пользу такого молодого и интереснаго итальянца?

Дни и недѣли проходили, и, оглядываясь назадъ, Паоло съ изумленіемъ замѣчалъ перемѣну въ своихъ привычкахъ, которая произошла уже отъ одного того, что онъ переехалъ на другую квартиру. Онъ съ трудомъ находилъ время слѣзать какіе-нибудь два визита къ своимъ друзьямъ на набережной Монтебелло; а мосье Бонифаса и Пертюи, у которыхъ онъ имѣлъ обыкновеніе бывать по-крайней-мѣрѣ одинъ разъ въ недѣлю, совершенно оставилъ. Такъ или иначе, но онъ рѣдко ложился спать ранѣе второго часа ночи и рѣдко вставалъ ранѣе десяти утра, несмотря на то, что въ теченіе этихъ трехъ недѣль онъ былъ въ театрѣ не болѣе пяти или шести разъ, а на балахъ и въ концертахъ вовсе не показывался. Сверхъ того, прежнее отвращеніе его къ бульвару исчезло; онъ бродилъ тамъ съ большимъ спокойствіемъ, обмѣниваясь привѣтствіями и сигарами съ другими гуляющими, и даже разговаривалъ съ болынею частью посѣтителей кафе, гдѣ онъ обѣдалъ.

Можетъ быть, разсмотрѣвъ въ себѣ внутренняго челоѵка такъ же близко, какъ внѣшняго, Паоло могъ бы замѣтить нѣкоторыя измѣненія въ первомъ, также какъ во второмъ. Онъ вовсе не былъ расположенъ промѣнять своихъ боговъ на чужихъ; но его священныи ужасъ относительно того, что онъ считалъ идолопоклонствомъ, значительно ослабѣлъ и въ его душѣ возникъ новый духъ терпимости къ принципамъ, которые были столько же противоположны его собственнымъ, какъ два различные полюса одинъ другому. Философія Бальзака, двусмысленные каламбуры Арналя, антрша Розати и вечернія прогулки на бульварѣ—вещи не такого свойства, чтобы поддерживать спиритуалистическія наклонности. Атмосфера, въ кото-

рой иль Васло, несмотря на попытки молодого человека уничтожить ея дѣйствіе, начала производить на него незамѣтное, но тѣмъ не менѣе могущественное вліяніе.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

ОТЧАЯНІЕ.

Въ то время, къ которому относится нашъ настоящій разскавъ, въ сосѣдствѣ Кэмпенъ-Тауна находился огромный магазинъ бѣлья. Въ одно утро Лавинія отправилась туда, съ небольшою корзинкой въ рукахъ, заключавшей въ себѣ шитье ея собственной работы—шенизетку съ рукавчиками, за которою она провела много часовъ утомительнаго труда. Еслибы лицо ея не было закрыто густою вуалью, то на немъ ясно можно было бы прочесть великое усиліе, котораго стоить ей настоящій шагъ.

Обязательная вѣжливость прикащика, который бросился къ ней встрѣчу съ вопросомъ, что ей угодно купить, исчезла, когда онъ узналъ, зачѣмъ она пришла и услышалъ тонъ ея просьбы. Онъ молча указалъ на дальній уголъ комнаты, повернулъ назадъ и представилъ ее самой себѣ. Она желала поговорить съ какимъ-нибудь изъ хозяевъ торговаго дома; и ей пришлось обратиться съ вопросомъ еще къ двумъ молодымъ людямъ, прежде чѣмъ она могла найти того, кого искала. Не было еще и девяти часовъ утра, и потому дѣятельность въ магазинѣ еще не начиналась. Хозяинъ сидѣлъ нѣсколько въ сторонѣ отъ своихъ прикащиковъ и старательно чистилъ свои ногти перочиннымъ ножичкомъ. Въ наклоненномъ его положеніи, изъ всей его фигуры были видны только большой пучъ густыхъ черныхъ волосъ, тщательно зачесанныхъ на одну сторону, и профиль губъ и подбородка, на которомъ слѣдъ жесткой, черной бороды обозначался темносинимъ матомъ.

Лавинія подошла къ нему и, наклонившись надъ конторкой, наполовину скрывавшей его отъ ея глазъ, сказала робкимъ шопотомъ: — Извините, сэръ, что я васъ беспокою; я пришла предложить вамъ кое-какую работу для покупки.

И она вынула свое шитье.

Компаньонъ торговой фирмы всталъ, посмотрѣлъ на нее, замѣтилъ ея маленькую руку въ перчаткѣ, однимъ взглядомъ окинулъ изящныя пропорціи всей ея фигуры и, посредствомъ кивка и улыбки, передалъ выведенное изъ этого осмотра благопріятное впечатлѣніе одному изъ прикащиковъ, стоявшему позади Лавиніи. Маленькій кривоногій щеголь, къ которому были обращены эти телеграфическіе знаки—не кто другой, какъ главный прикащикъ—подкрался на цыпочкахъ къ Лавиніи и старался заглянуть подъ ея вуаль. Пойманный на дѣлѣ, онъ принялъ видъ равнодушія, взялъ изъ рукъ компаньона фирмы шитье, сталъ его разсматривать и спросилъ: «это продается?» Получивъ удовлетворительный отвѣтъ, прикащикъ сказалъ: «позвольте» и, не дожидаясь этого позволенія, началъ какъ-будто примѣрять

рукава къ рукѣ Лавиніи и подъ этимъ предлогомъ прикоснулся къ ней болѣе, чѣмъ это было дѣйствительно нужно. Лавинія быстро отдернула свою руку.

— Воже мой! вамъ нечего бояться меня, моя кожа такъ же чиста, какъ вапа, м'эмъ,—сказалъ прикащикъ.— Если вамъ угодно сойтись съ нами въ торговой сдѣлкѣ, то вамъ нужно быть нѣсколько любезнѣе.

Лавинія не обратила вниманія на его слова, но повторила свой вопросъ компаньону:

— Хотите вы купить эти вещи, сэръ?

— Да,—отвѣчалъ тотъ, подмигнувъ опять своему подчиненному;— но вы знаете, м'эмъ, что мы не можемъ покупать вещи, не увѣрившись въ личности того, кто ихъ продаетъ.

— Я могу оставить вамъ записку съ моимъ именемъ и адресомъ,—сказала простодушная Лавинія.

— Этого не довольно, миссъ. Вообразите себѣ, напр., что сюда черезъ полчаса послѣ васъ приходитъ дама, видя въ эту шемизетку и эти рукава и говоритъ, что они принадлежать ей, что она ихъ потеряла. Я знаю, что вы хотите сказать, и повѣрю, что это собственная ваша работа; вы можете это доказать — я въ этомъ нисколько не сомнѣваюсь; но позвольте спросить, какъ могли бы мы поклясться въ томъ, что именно вы — та особа, которая намъ продала ихъ?

— Развѣ только,—прибавилъ главный прикащикъ, съ очень серьезнымъ видомъ,—вы будете такъ добры, что откроете вашу вуаль на одну минуту.

Черезчуръ хорошо разыгранная серьезность прикащика испортила все дѣло. Компаньонъ не выдержалъ и разразился громкимъ хохотомъ. Кривоногій щеголь захохоталъ тоже. Лавинія поняла наконецъ, что они забавляются на ея счетъ; она, молча, собрала свое шитье и вышла вонъ изъ магазина. Хотя слезы ея не брызнули изъ глазъ, но они были тѣмъ не менѣе горьки и еще тяжелѣе падали обратно на ея сердце. — Какіе это грубые, злые люди! — думала Лавинія. Она никогда не подозрѣвала, что могутъ быть на свѣтѣ подобныя существа.

М-риссъ Тэмплинъ утѣшала ее, какъ умѣла.

— Такъ они смѣялись надъ вами! тѣмъ стыднѣе для нихъ. Я могла бы это заранѣе предвидѣть. Ходить изъ лавки въ лавку продавать вещи—это не по васъ: вы слишкомъ хороши и добры. Имъ хотѣлось видѣть васъ безъ вуали, такъ они и выдумали эту нелѣпую исторію объ удостовѣреніи въ вашей личности Дерзкіе негодяи! Красота — плохой подарокъ для женщины бѣдной и скромной. Они воображаютъ, что дѣлаютъ Богъ знаетъ какое благодѣяніе, покупая у васъ на шесть пенсовъ, и, взамѣнъ того, рассчитываютъ на безконечную любезность и снисходительность съ вашей стороны. И — увь!—въ большей части случаевъ они не обманываются въ своихъ надеждахъ. Да что прикажете дѣлать? Голодь не свой братъ! Да,

люди злы, могу васъ увѣрить. А все это происходитъ отъ конкуренціи, вотъ въ чемъ вся штука.

Къ чести м-риссъ Тэмплинъ надо сказать, что она не ограничивалась въ своихъ увѣщеніяхъ этими, болѣе чѣмъ безплодными, теоріями о людской злобѣ; она сдѣлала кое-что получше и попрактичнѣе этого, именно, она взяла вышиванье и повесела его сама для продажи. Послѣ недавняго собственнаго опыта, Лавинія лучше могла оцѣнить этотъ подвигъ въ такой унылой и апатичной женщинѣ. Что касается до самой Лавиніи, то ея неудача сразу уничтожила въ ней наиболѣе драгоцѣнный и постоянный даръ юности—довѣрчивость къ людямъ. Теперь она стала бояться ихъ. Ни за что въ мірѣ она не рѣшилась бы въ другой разъ подвергнуться такому же испытанію, какое она выдержала въ кэмлентаунскомъ магазинѣ бѣлья.

Шатье, впрочемъ, было продано за большую цѣну, нежели какой ожидала м-риссъ Тэмплинъ. Даже эта печальная вдова, приведенная на минуту въ восторгъ своимъ успѣхомъ, нашла въ своемъ сердцѣ нѣкоторыя струны, прозвучавшія для нея чѣмъ-то похожимъ на надежду! Цвѣтокъ довѣрчивости, поблекнувшій въ груди Лавиніи, ожилась, и недостатокъ упованія наполнилъ ея душу стыдомъ и угроженіями совѣсти. Она говорила себѣ, что, сомнѣваясь въ своихъ ближнихъ, она сомнѣвается въ благости Провидѣнія. Какая неблагодарность! У нея есть дѣятельно-сочувствующій другъ: развѣ этого мало? развѣ это не болѣе, чѣмъ она заслуживаетъ? Если бы вмѣсто того, чтобы отъ первой же неудачи придти въ уныніе и потерять всякую бодрость, подобно низкому трусу, она оградилась бы броней терпѣнія противъ всякихъ невзгодъ; еслибы она была тверда въ своемъ убѣжденіи, что она поступаетъ хорошо,—то за ея неудачей послѣдовалъ бы успѣхъ. Она должна винить не ближнихъ, а свою гордость, свое малодушіе.

Проникнутая глубокимъ чувствомъ своего недостойнства, Лавинія заперлась въ своей маленькой комнатѣ, стала на колѣни возлѣ кровати, и начала молиться и плакать, какъ молятся и плачутъ только тѣ, которые не имѣютъ для себя другой оперы, кромѣ Отца иже есть на небесѣхъ. Затѣмъ, измученная волненіями всякаго рода и недостаткомъ отдыха—такъ какъ она двѣ послѣднія ночи провела за работой—Лавинія заснула своимъ ребенкомъ и видѣла во снѣ, что она прогуливается въ экипажѣ по садамъ виллы Воргеве, вмѣстѣ съ своей тѣткой. Аллеи были наполнены гуляющими, изъ которыхъ одинъ, обращенный къ ней спиною, напомнилъ ей Паоло. Въ своихъ грезахъ она сохраняла сознаніе, что она уже очень давно его не видѣла; и ею овладѣло пламенное желаніе сказать ему, какъ много она взмѣнилась и какъ мало теперь занимаютъ ее вещи, противъ которыхъ онъ такъ вооружался. Но вотъ онъ обернулся: это въ самомъ дѣлѣ былъ Паоло; петля его сюртука была украшена большою розой. Она кивнула ему. Онъ подбѣжалъ къ ея экипажу и протянулъ къ ней свою прекрасную розу. Въ своемъ нетерпѣніи взять ее, Лавинія слишкомъ много высунулась изъ коляски и почувствовала, что падаетъ. Она въ самомъ дѣлѣ упала. Паоло, розы и сады

исчезли, а она очутилась на полу возлѣ кровати, къ счастью, не пертѣвъ никакого ушиба.

Вызываютъ настроенія души, которыя, вопреки разсудку, располагаютъ насъ къ принятію сильныхъ впечатлѣній отъ причинъ самыхъ ничтожныхъ. Лавинія находилась теперь въ одномъ изъ такихъ настроеній, и какъ ни нелѣпо можетъ это показаться съ ея стороны, она вывела изъ своего сна заключеніе, доходившее до совершенной увѣренности, что Паоло здоровъ и невредимъ. Мы не станемъ упрекать ее въ такомъ суевѣрїи, принимая во вниманіе большое утѣшеніе, которое она почерпнула въ немъ и въ которомъ она такъ нуждалась.

Возродившаяся надежда на Бога и на доброту его созданій, рѣшимость постоянно сохранять въ себѣ бодрость и мужество, подобно человѣку, увѣренному въ томъ, что онъ не останется никогда безъ помощи,—таковъ былъ переворотъ въ чувствахъ Лавинїи послѣ ея минутнаго припадка унынія. Что касается до средствъ зарабатывать себѣ хлѣбъ, она не имѣла другого выбора, кѣкъ только продолжать прежнее: искать мѣста гувернантки и работать иглой. Отвѣты на печатаемые въ газетахъ объявленія отнимали у нея мало времени; все остальное она употребляла на вышиванье. Она такъ дорожила каждою минутой, что упрекала себя за потерю четверти часа для обѣда—и какого обѣда! Если воробьи, которыхъ она прїучила садиться къ ея окну и клевать крошки изъ ея рукъ, нѣсколько опаздывали явиться на ея призывъ, она бранила ихъ, что они заставляютъ ее напрасно терять время. Даже самые бѣдные люди имѣютъ свои издѣшества. У Лавинїи была своя роскошь, нѣчто такое, что она могла любить и лелѣять, на чемъ она могла останавливать свои мысля и надежды—это былъ гіацинтъ, который росъ въ длинной вазѣ изъ сняга стекла. Бѣдный цвѣтокъ представлялъ собою всю внѣшнюю поэзію ея жизни.

Утомительная работа Лавинїи съ разсвѣта до поздней ночи должна бы дать ея хозяйкѣ много поводовъ къ вздохамъ и сѣтованїямъ о несчастїяхъ, которыя она постоянно испытывала въ жизни; однако же м-риссъ Тэмплинъ не пользовалась этимъ, столь благоприятнымъ, случаемъ и всю изобрѣтательность своего ума употребляла на прїисканіе средствъ заставить Лавинїю отдохнуть хоть немного. Хитрѣйшую изъ своихъ уловокъ она обыкновенно прибегала къ вечеру. Тогда, ссылаясь на слабость своихъ глазъ, она упрашивала молодую звѣзду прочесть ей въ газетѣ разсказъ о безпрїютномъ бѣднякѣ, который разбилъ оконное стекло съ цѣлью имѣть помѣщеніе въ тюрьмѣ; или о семействѣ, состоявшемъ изъ четырехъ человекъ, которые большую часть ночи проводили въ томъ, что снимали афиши со стѣнъ и жили всѣ четвере единственно доньгами, выручаемыми отъ продажи этой бумаги, приносившей имъ не болѣе семи пенсовъ въ день.

Однажды м-риссъ Тэмплинъ пришла въ голову блистательная идея.

— Вы, кажется, играете на фортепьяно,—сказала она своей жаницѣ,—не можете ли вы давать уроки музыки?

— Я думаю, что могу,—отвѣтила Лавинїя, — только...

— Позвольте,—прервала вдова,—я вовсе не хочу совѣтовать вамъ давать уроки на дому у вашихъ ученицъ: Я очень хорошо знаю, что при этомъ повторилась бы опять старая пѣсня о рекомендаціяхъ, да тѣмъ бы дѣло и кончилось. Но ничто не мѣшаетъ вамъ открыть музыкальные классы у себя,—разумѣется, сначала по дешевой цѣнѣ Я съ большимъ удовольствіемъ отдамъ вамъ для этого гостиную.

— Очень благодарю васъ, добрѣйшая м-риссъ Тэмплингъ,—отвѣчала Лавинія.—Но, чтобы давать уроки фортепянной музыки, для этого надо сперва имѣть фортепяно, а...

— Позвольте.— опять прервала вдова,—я знаю все, что вы хотите сказать. Нанимать фортепяно нѣтъ надобности до-тѣхъ-поръ, пока у насъ не будетъ достаточно ученицъ, чтобы заплатить за инструментъ. Я думаю вотъ что: мы привѣсимъ билетикъ къ окну, съ чоткою надписью: «классы фортепянной игры для молодыхъ дѣвицъ, по три раза въ недѣлю преподаваемые ученицею такою-то» (т. е. мы поставимъ имя вашего учителя, что, мнѣ кажется, будетъ производить большой эффектъ). О дальнѣйшихъ подробностяхъ спросить въ этомъ домѣ». Затѣмъ можетъ быть ученицы явятся, можетъ быть нѣтъ. Если ихъ будетъ довольно, то мы наймемъ фортепяно: а если не придетъ ни одной, то не станемъ нанимать, и тогда классы будутъ отложены до перваго числа слѣдующаго мѣсяца. Теперь неимаете?

Планъ этотъ былъ хорошъ въ томъ отношеніи, что онъ былъ удобосполнимъ и не требовалъ никакихъ рискованныхъ издержекъ. Лавинія приняла его съ жаромъ. Билетикъ былъ написанъ и привѣшенъ къ окну комнаты, выходявшей на улицу. Затѣмъ начались разсчитыванья: положимъ, найдется шесть ученицъ, каждая заплатитъ по десяти шиллинговъ въ мѣсяцъ: какое счастье! За вычетомъ суммы, необходимой для найма инструмента (м-риссъ Тэмплингъ была увѣрена, что его можно будетъ взять на прокатъ за шестнадцать шиллинговъ), должно остаться сорокъ-четыре шиллинга,—это просто богатство! Нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что въ такомъ громадномъ городѣ, какъ Лондонъ, можно найти шесть ученицъ, или пять или, наконецъ, хоть четыре.

Увы! дни и недѣли проходили, а привѣщенное къ окну объявленіе не принесло еще никакой пользы. Планъ относительно музыкальныхъ классовъ былъ оставленъ. Многие приходили, спрашивали, хотѣли видѣть классную комнату, свидѣтельства, данныя учительницѣ музыки отъ ея учителя, хотѣли послушать ея игру и были крайне недовольны, не найдя фортепяно въ домѣ. Одна дама хотѣла привести трехъ ученицъ подъ условіемъ, чтобы ея дочь пользовалась уроками даромъ. Лавинія согласилась; дама ушла и уже больше не показывалась. Изъ всѣхъ явившихся дамъ только одна была согласна на предлагаемыя условія. Такою же безуспѣшностью сопровождался всѣ личныя и письменныя хлопоты Лавиніи для отысканія мѣста гувернантки. Со времени ея неудачнаго свиданія съ дамою, жившею на Гайдпаркской площади, только одинъ разъ лучъ надежды на мгно-

вещи оживились-было ее ослабѣвавшее мужество. Одна дама, искавшая гувернантку, по порученію одной изъ своихъ пріятельницъ въ провинціи, пришла бѣдную дѣвушку въ высшей степени любезно, просила ее сыграть что-нибудь на фортепьяно: пришла въ восторгъ отъ манеры ея игры и высказала большую радость, что она нашла на особу, которая такъ хорошо можетъ удовлетворить требованіямъ ея пріятельницы. Но когда дѣло дошло до рекомендаціи, то горизонтъ мгновенно помрачился. Лавинія не поторопилась тотчасъ же уйти, въ отчаяніи, какъ это было однажды, въ описанномъ нами случаѣ; она съ жаромъ и искренностью объяснила свое положеніе. Дама была тронута; она сказала, что если бы она искала гувернантку для *своей* дочери, то, можетъ быть, она повѣрила бы внушеніямъ своихъ собственныхъ чувствъ, и не посмотрѣла бы на отсутствіе рекомендацій; но, хлопоча для другой особы, матери нѣсколькихъ молодыхъ дѣвушекъ, она не можетъ на это рѣшиться.

Маленькій запасъ денегъ, которыя Лавинія взяла съ собой, оставшая дача м-ра Джонса, былъ давно уже растроченъ. Изъ небольшого числа дорогихъ бездѣлокъ, — которыя принадлежали къ числу многихъ вещей, подаренныхъ ей г-жею Джонсъ, и которыя она сочла себя въ правѣ взять, такъ какъ они имѣли характеръ сувенировъ, — браслетъ былъ уже проданъ — и какого горя это стоило Лавиніи! — другимъ предстала та же участь, а послѣ... что будетъ послѣ? Того, что она могла заработать иголкой, едва было достаточно на башмаки и на мытье бѣлья. Да, Лавиніи было отчего бѣднѣть и увядать въ то время, когда она напрасно старалась найти какой-нибудь отвѣтъ на страшный вопросъ — что будетъ съ нею?

М-риссъ Тэмплингъ, которую кроткое, безропотное терпѣніе молодой дѣвушки дѣлало все менѣе и менѣе згомстичною, еще разъ попытается придумать какое-нибудь новое средство помочь ей, и наконецъ придумала, поимидному, превосходную вещь. М-ръ Дэнканъ, ближайшій сосѣдъ ихъ, былъ именно тотъ человекъ, который могъ повернуть колесо фортуны въ пользу Лавиніи. М-ръ Дэнканъ и захочетъ, и будетъ въ состояніи это сдѣлать. — утверждала м-риссъ Тэмплингъ. Онъ, по своему характеру, обязателенъ ко всѣмъ, въ особенности же благосклоненъ къ миссъ Лавиніи. М-риссъ Тэмплингъ могла замѣтить это не одинъ разъ по его особенной вѣжливости относительно ея націентки; онъ уже по окончаніи леченія заходилъ навѣдаться о ея здоровьи и, встрѣчаясь съ м-риссъ Тэмплингъ, всегда спрашивалъ, какъ поживаетъ ея интересная жилица. Что касается до многочисленности друзей и средствъ оказать помощь, то не многіе могутъ сравниться съ нимъ въ этомъ отношеніи. Почему бы не обратиться къ нему?

Еслибы можно было упрощить м-ра Дэнкана рекомендовать Лавинію въ качествѣ гувернантки или компаньонки — а м-риссъ Тэмплингъ была увѣрена, что онъ не откажетъ въ этомъ — и такимъ образомъ принять на себя отвѣтственность поручителя, то всѣ затрудненія, которыя теперь преграждаютъ ей дорогу, исчезнутъ, какъ туманъ подъ лучами полуденнаго солнца. Имѣетъ ли миссъ Лавинія какое-

нибудь возраженіе противъ того, чтобы посовѣтоваться съ докторомъ? Этого джентльмена, сколько она знаетъ, очень мужиковать, что дѣлаетъ его не совсѣмъ пріятною особой для дѣвушки съ такими образованіемъ и такими деликатными чувствами; но ноужели она только изъ-за излишней щекотливости оттолкнетъ отъ себя руку, правда грубую, но единственную, которая могла бы спасти ее отъ окончательной погибели? Эти тонорные, тривіальные люди, говорящіе такимъ грубымъ языкомъ, бываютъ часто лучшими и правдивѣйшими людьми въ свѣтѣ. Короче, Лавинія кончила тѣмъ, что приняла новый планъ своей хозяйки съ благодарностью, и затѣмъ и-риссъ Тэмплингъ немедленно приступила къ дѣлу.

М-ръ Дэнканъ вполне оправдалъ самыя смѣлыя надежды своей меланхолической поклонницы; ничто не могло превзойти его обязательную любезность. Вечеромъ онъ пришолъ къ Лавиніи, и во всей его особѣ, во всѣхъ его жестахъ и словахъ было видно необыкновенное благорасположеніе.

— Итакъ,—сказалъ онъ,—мы сидимъ на мели, но такъ ли? Отчаиваться нечего. Мы опять скоро поплывемъ. Миѣ случалось поправлять дѣла, которыя были похуже этого; не правда ли, м-риссъ Тэмплингъ? Сидѣть наклонившись надъ вышиваньемъ негодится, это вредно для груди, это портитъ талию. Прочь иголку, блѣдныя губы и воблещія щоки. Пусть розы и лиліи и тому подобное сдѣлаются теперь нашимъ довиномъ».

И-риссъ Тэмплингъ на этотъ разъ засмѣялась съ поподдѣльною радостью и рѣшительно объявила, что такого человека какъ м-ръ Дэнканъ надо со свѣчкой поискать. Мысли Лавиніи хотя не заходили такъ далеко, но слѣдовали тому же направленію. «Грубая внѣшность, но доброе сердце», подумала она, и ободрилась.

Съ этихъ поръ м-ръ Дэнканъ началъ очень часто бывать у м-риссъ Тэмплингъ, и его участіе къ его хорошенькой protégée становилось теплѣе и замѣтнѣе съ каждымъ визитомъ. Онъ сталъ называть ее своею «маленькой любимицею» и «тихой», придирался къ блѣдности ея щокъ и худобѣ рукъ и пощипывалъ тѣ и другія съ граціей медвѣда, играющаго розой. Лавинія охотно бы уклонилась отъ этихъ интимностей, онѣ волежателно были противны ей,—но, принявъ въ расчетъ его врожденную внѣшнюю грубость, его доброту къ ней и его лѣта (двдцатилѣтнія дѣвушки обыкновенно считаютъ въ ней и его лѣта (двдцатилѣтнія дѣвушки обыкновенно считаютъ въ шестидесятилѣтнихъ, хотя еще свѣжихъ мужички Мэусаммаи), она видѣла въ этихъ недавно-усвоенныхъ имъ манерахъ не болѣе, какъ странное выраженіе отеческаго участія, и терпѣливо переносила ихъ.

Въ одинъ вечеръ м-риссъ Тэмплингъ была вышана изъ залы. М-ръ Дэнканъ, находявшійся тамъ, скорчилъ пріятную и ободрительную, какъ онъ думалъ, гримасу и прошепталъ конфиденціальнымъ тономъ:

— Я напюль вамъ отличное мѣсто.

— Въ самомъ дѣлѣ? Какъ вы добры! — вскричала Лавинія, въ полнѣ радости и благодарности. — Мѣсто гувернантки?

— Фі! гувернантки! Кое-что гораздо лучше этого. Вы будете цѣть у меня.

— У васъ!—воскликнула Лавинія, и лицо ея вытянулось.

— Да, у меня; лохматая обезьяна начинаетъ старѣть и нуждается, чтобы кто-нибудь позаботился о ней и объ ея хозяйствѣ: будьте моею домоправительницей; предложеніе это недурно, позвольте вамъ сказать

Лавинія посмотрѣла на него съ большимъ недоумѣніемъ и съ нѣкоторымъ безпокойствомъ. Физиономія м-ра Дэнкана несовсѣмъ годилась для выраженія нѣжныхъ чувствъ: всѣ его усилія скорчаютъ любезную, вкрадчивую улыбку служили только къ тому, чтобы сдѣлать его еще болѣе похожимъ на злого бульдога.

— Но вы не женаты, сэръ, — сказала, наконецъ, изумленная дѣвушка.

Онъ засмѣлся своимъ грубымъ смѣхомъ.

— Да, не женатъ, благодаря Бога,—тѣмъ больше для васъ причинъ не отказываться. Вы будете дѣлать чтó хотите — развѣ вы не понимаете, а? У васъ будетъ все: хорошій столъ, наряды, деньги.

Лавинія не могла слушать болѣе. Она вскочила со стула, бросила на оскалившаго зубы негодяя взглядъ, полный невыразимо-глубокаго прерябнѣя, и вышла изъ комнаты, не удостоивъ даже сказать ему ни одного слова въ отвѣтъ.

— О, Боже милостивый! спаси меня отъ моего отчаянія!—милосердый Господи, возьми меня къ Себѣ!...

Таковъ былъ болѣзненный крикъ, вырвавшійся изъ растерзаннаго сердца дѣвушки, когда она, опустившись на колѣни, прижалась лицомъ къ полу своей спальни, какъ-будто стараясь скрыться навсегда отъ взгляда людей. И казалось, что Богъ страдающихъ и безпомощныхъ, въ своей благости, услышалъ ея молитву. Лавинія лишилась чувствъ.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Холостой ужинъ и его послѣдствія.

Около половины ноября Паоло получилъ изъ Рима увѣдомленіе объ окончательной передачѣ ему имущества епископа Родипани, согласно завѣщанію. Адвокатъ увѣдомлялъ его, что, къ сожалѣнію, епископъ оказался не такъ богатымъ, какъ можно было ожидать: отказъ, сдѣланный въ пользу синьора Манчини, немногимъ превосходитъ сумму ста тысячъ скуди, половина которой помѣщена въ разныхъ иностранныхъ банкахъ и будетъ реализирована по востребованію. Благо разумный монсиньоръ Родипани въ выборѣ помѣщенія для своихъ капиталовъ, очевидно, имѣлъ въ виду непрочность вещей этого міра. Кромѣ вышеупомянутой суммы, у банкировъ лежали восемнадцать тысячъ скуди, относительно которыхъ адвокатъ спрашивалъ теперь—какъ ими распорядиться.

Паоло съ большимъ любопытствомъ разсматривалъ различныя статьи сообщенной ему описи имущества, и не только не былъ удивленъ или огорченъ умѣренностью своего наслѣдства, а напротивъ, чув-

ощущалъ какъ-то годовокруженіе при мысли, что онъ такъ бо-
лѣть. Ему рѣшительно казалось это похожимъ больше на волшеб-
ную сказку, чѣмъ на дѣйствительность. Онъ могъ теперь исполнить
одно изъ своихъ пламеннѣйшихъ желаній, именно, обезпечить со-
стояніе и благополучіе своихъ двухъ друзей, Сальватора и Клели.
И онъ былъ истинно счастливъ въ то утро, когда онъ написалъ два
письма, одно—очень длинное и исполненное чувствъ самой искренней
привязанности—Сальватору, а другое—не столь длинное, но тѣмъ не
менѣе доброе и ласковое—Клели, которое было вложено въ письмо
къ ея жениху, вмѣстѣ съ билетомъ на тысячу скуди въ пользу Саль-
ватора.

Съ тою же почтой онъ увѣдомилъ своего адвоката о слѣланномъ
распоряженіи, проси его отнынѣ, не дожидаясь дальнѣйшихъ ин-
струкцій съ его стороны, ежемѣсячно вылавать по шестидесяти ску-
ди лиду, поименованному въ билетѣ.

Затѣмъ Паоло отправился завтракать, и ѣлъ съ большимъ апче-
титомъ, потому-что его удовольствіе по поводу хорошаго оборо-
та, который онъ былъ въ состояніи дать обстоятельствамъ своихъ
друзей, не было теперь возмущаемо сомнѣніями насчетъ источника
его богатства, такъ упорно преслѣдовавшими его за два мѣсяца пе-
редъ тѣмъ.

Въ манежѣ онъ нашолъ виконта и Дюжанра; они его нарочно до-
ждались, какъ сказалъ ему дю-Верла. Одинъ изъ обычныхъ посѣ-
тителей школы скоро долженъ былъ жениться и, согласно установ-
ленному обычаю, давалъ *souper de garçons* — холостой ужинъ луч-
шимъ ѣздокамъ. Выборъ гостей былъ предоставленъ виконту, какъ
почетному президенту, и Паоло, естественно, имѣлъ право на одно
изъ первыхъ мѣстъ въ его спискѣ. Было бы трудно отказатьсь отъ
столь лестнаго и вѣжливаго приглашенія, даже еслибы приглашаемый
и не чувствовалъ наклонности принять его; но Паоло, сверхъ того,
былъ теперь въ такомъ расположеніи духа, что не захотѣлъ бы огор-
чить кого бы то ни было изъ своихъ знакомыхъ, и потому съ бла-
годарностью принялъ этотъ комплиментъ, слѣанный ему и его всад-
ническимъ способностямъ. Дю-Верла, повидимому, былъ очень этимъ
доволенъ.

— Мы должны сойтись въ эту ночь въ двѣнадцать часовъ у Ба-
рюэля. Вы знаете, гдѣ это; а если нѣтъ, то Пелисье, который тоже
пригласонъ, покажетъ вамъ дорогу. До свиданія. Имѣйте въ виду,
что нѣтъ надобности одѣваться.

«Нѣсколько часовъ скуки,—думалъ Паоло, когда въ полночь, подѣ-
руку съ Дюжанромъ онъ шолъ на мѣсто свиданія. — Миѣ предсто-
итъ узнать исторію о томъ, какимъ образомъ такой-то спекуляторъ
въ теченіе часа составилъ себѣ состояніе посредствомъ биржевой
игры, для слушать апоѳеозу ногъ Петры Камары». Никакихъ дру-
гихъ опасностей онъ не могъ предвидѣть, кромѣ развѣ бутылокъ:
но противъ этого онъ чувствовалъ себя вооруженнымъ съ головы
до ногъ. Возможности того обстоятельства, что въ числѣ пригла-
шонныхъ будутъ дамы, онъ нисколько не подозрѣвалъ, иначе онъ

тотчасъ же принялъ бы свои мѣры. Холостой ужинъ, какъ онъ понималъ его въ простотѣ своего сердца, есть ужинъ людей, находящихся въ блаженномъ состояніи безбрачія, и, следовательно, прекрасный полъ никакимъ образомъ не можетъ на немъ присутствовать. Представьте же себѣ смущеніе молодого итальянца, когда онъ, будучи введенъ въ залу, очутится лицомъ къ лицу съ толпою дамъ. Онъ бы поклялся, что тамъ ихъ было штукъ пятьдесятъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ ихъ было только восемь, т. е. столько же, сколько и мужчинъ. Первымъ инстинктивнымъ движеніемъ Паоло было — отступить, но вѣроятность такого маневра, по всемъ признакамъ, была предвѣсна Дюжанромъ, который слегка толкнулъ своего друга впередъ, убѣждая его не дѣлать себя посмѣшищемъ. Влечнувшее въ умѣ Паоло сознаніе, что его намѣренно заманили въ западню, нанесло ему окончательный ударъ. Въ ухахъ у него зазвенѣло, сердце его забилось, голова пошла кругомъ. Все это было дѣломъ нѣсколькихъ секундъ.

— М-ль Селина! — позвалъ виконтъ, поспѣшно подходя къ итальянцу и вѣжливо пожимая ему руку. По этому призыву, граціозная фигурка, рѣзвая какъ бѣсенокъ, вскочила на ноги, запорхала по комнатамъ на кончикахъ пальцевъ, потомъ внезапно остановилась и вдругъ, описавъ въ воздухѣ параболу, опустилась на свою правую ногу, упавъ, со свистомъ бомбы, между Паоло и лю-Верла.

— М-ль Селина изъ кор-де-балета оперы, — объяснилъ виконтъ. — М-ль нетерпѣливо желаетъ съ вами познакомиться, синьоръ Манчини, и послушать о чудесахъ Рима. Я поручаю ее вашей любезности, какъ собесѣдницу вашу на этотъ вечеръ или, лучше, на эту ночь. Оставляю васъ другъ съ другомъ.

Во время этого представленія м-ль Селина медленно, волнообразно заколыхала своимъ станомъ, скрестивъ руки на груди и присѣла по всемъ правиламъ хореографическаго искусства. Она была въ полномъ костюмѣ своего званія: голыя руки, голыя плечи, на щекахъ обильный слой румянъ; баснословное количество бѣлаго муслина, окружало ее фигуру огромнымъ валомъ. Она съ успѣхомъ могла бы фигурировать на картинѣ искушенія св. Антонія. Ея хорошо обрисованные глаза и алыя губы — единственная ея красота, кромѣ молодости — были возбуждательны и вызывающы, какъ оды Проперція. Она имѣла едва шестнадцать лѣтъ отъ роду, ея фигура и манеры соответствовали этому возрасту, но въ чертахъ ея была смѣлость и увѣренность, въ ея взглядахъ — опытность тридцатилѣтней кокетки. Какъ ни мало былъ способенъ Паоло дѣлать наблюденія въ эту минуту, онъ инстинктивно чувствовалъ этотъ поразительный недостатокъ гармоніи, который возбудилъ въ немъ отвращеніе. «Старая душа въ молодомъ тѣлѣ», говорилъ о ней Паоло впоследствии.

Оставивъ теперь все, что было театральнаго въ ея жестахъ, молодая дѣвушка взяла Паоло подъ-руку и сказала отрывисто:

— Ты князь, или маркизъ, или что такое?

Порядочно-озадаченный этою квакерскою «ормой» обращенія, Паоло отвѣчалъ, что онъ вовсе не имѣетъ никакого титула.

— Такъ-таки ни малѣйшаго? какая жалость, въ особенности для такого хорошенькаго мальчика! Я безъ ума отъ титуловъ. Я буду называть тебя шевадье.

— Пропу васъ не дѣлать такой глупости, — возразилъ Паоло.

— Папа виконтъ, — вскричала дѣвушка, — наложите штрафъ на моего кавалера: онъ говоритъ мнѣ: вы.

Это обвиненіе было привѣтствовано взрывомъ всеобщаго хохота. Всѣ глаза обратились на итальянца.

— Прости ему на этотъ разъ, — сказалъ дю Верла; — притормъ мы еще не за столомъ.

Если то, что уже успѣлъ увидѣть и услышать Паоло не объяснило ему свойства и цѣли сюрприза, приготовленнаго ему друзьями, то нѣсколько минутъ дальнѣйшаго наблюденія надъ всѣмъ происходившимъ въ этой компаніи скоро открыли ему глаза. Любопытство, котораго онъ былъ предметомъ, хотя тщательно скрывается, довольно-ясно показывало ему, что онъ былъ героемъ праздника, а каковъ долженъ быть характеръ самого праздника — это онъ угадывалъ по взглядамъ и манерамъ приглашенныхъ *львицъ*: онъ былъ похожъ на вакханокъ, готовыхъ по первому призыву войти въ свои настоящіе роли. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, когда Паоло былъ еще совершеннымъ дикаремъ, никакая сила, никакая хитрость, не удержала бы его въ этомъ обществѣ: онъ ушелъ бы, несмотря ни на что, но теперь, когда онъ уже наполовину цивилизовался, страхъ показаться смѣшнымъ приковалъ его къ мѣсту. Однакоже, дышать этою вредною атмосферою нѣсколько часовъ, имѣть возлѣ себя этого отвратительнаго чертенка, быть если не дѣйствующимъ лицомъ, то по-крайней-мѣрѣ свидѣтелемъ оргіи — все это казалось ему нравственною невозможностью.

Входъ лакеевъ съ подносами и послѣдовавшій за тѣмъ шумъ пробудилъ Паоло отъ его мрачныхъ размышленій. Онъ сдѣлалъ то что дѣлали другіе, т. е. отвелъ свою собесѣдницу къ столу, сѣлъ возлѣ нея и...

Не закрывайте книгу прекрасная читательница, изъ страха, что вы оскорбите ваши деликатныя чувства. Если за столомъ произошло что-нибудь неприличное, то ни Паоло, ни муза его исторюграффа — которая, сказать мимоходомъ, принадлежитъ къ обществу воздержанія и носитъ платье съ высокимъ воротомъ — ничего не знаютъ объ этомъ. Дѣло въ томъ, что едва Паоло усѣлся на стулъ, какъ ему пришла въ голову вдохновенная идея, — да, положительное вдохновенная, — относительно того, какимъ образомъ сдѣлать себя дѣйствительно непричастнымъ всему, что его окружало. Онъ медленно выпилъ рюмку мадеры, потомъ другую, третью, четвертую; и такъ какъ онъ не имѣлъ привычки къ подобнымъ возліаніямъ, то скоро почувался внѣ всякой опасности, т. е. былъ уже мертвецки пьянъ прежде окончанія перваго вводнаго блюда, состоявшаго изъ устрицъ. Его вынесли изъ комнаты, отвезли домой, уложили въ постель и оставили на попеченіи его привратницы. Головная боль, продолжавшаяся три дня и еще большее чѣмъ прежде отвращеніе къ подобнымъ ор-

гіймъ — таковы были для Паоло ближайшіе результаты каждаго ужина, на которомъ онъ присутствовалъ. Къ несчастію, этому ужину суждено было имѣть еще другія послѣдствія.

Досада и шампанское — опасные совѣтчики. М-ль Селина была задѣта за живое и пылала мщеніемъ. Чѣмъ же Паоло оскорбилъ ее? А тѣмъ, что онъ пренебрегъ ею, унижилъ ее, втопталъ ее въ грязь. Удостоенный ея общества, онъ, чтобы избавиться отъ нея, добровольно разстался съ своимъ разсудкомъ и сдѣлалъ ее предметомъ насмѣшекъ всей компаніи. Не оставалось ни тѣни сомнѣнія на этотъ счетъ, потому-что Дюжанръ, который не видѣлъ причины скрывать свои мысли, откровенно объявилъ, что, должно быть, Паоло напился умышленно. Его трезвыя, воздержныя привычки, въ соединеніи съ такимъ страшнымъ припадкомъ опьяненія, служили тому доказательствомъ.

И такимъ образомъ произошло, что этотъ озлобленный бѣсонокъ, Селина составила противъ бѣднаго отсутствовавшего юноши заговоръ, и изложила планъ его своимъ полупьянымъ собесѣдникамъ, среди неистовыхъ криковъ и обѣщаній безусловной помощи, преимущественно со стороны Дюжанра, котораго покровительство считалось въ особенностяхъ необходимымъ для успѣха предпріятія.

Дюжанръ—какъ это было, по всей вѣроятности, и съ другими гостями—на другое утро совершенно забылъ о танцовщицѣ съ ея планами, но сама м-ль Селина имѣла превосходную память. Черезъ нѣсколько дней, когда эта пикантная дѣвушка, съ красивыми глазами и алыми губами все уже приготовила къ дѣйствию, она неожиданно явилась къ Дюжанру съ визитомъ. Она требовала, чтобы онъ сдержалъ свое слово—помочь ей въ исполненіи ея плана. Дюжанръ желалъ бы лучше, чтобы его хорошенькая пріятельница не обращалась къ нему съ подобною просьбой, но не рѣшился отказаться отъ своего обязательства. Люди иногда имѣютъ страшныя понятія относительно своихъ обязанностей. Я знавалъ между ними такихъ, которые никогда не платили своему портному, а между тѣмъ считали карточный долгъ священнымъ и готовы были умереть съ голоду, лишь бы заплатить его. Притомъ Дюжанръ разсудилъ, что отъ него требуютъ въ сущности очень немногаго, именно, свѣдѣній объ образѣ жизни, вкусахъ и привычкахъ Паоло, — и онъ сообщилъ эти свѣдѣнія. Онъ сказалъ, что его другъ очень часто бываетъ на Итальянскомъ бульварѣ, почти ежедневно ѣздитъ то верхомъ то въ экипажѣ въ Булонскій лѣсъ и недавно абонировалъ мѣсто № 22 въ итальянской оперѣ. Впрочемъ, философски размышлялъ реализъ, Телемакъ рано или поздно долженъ пройти эту школу и не заплатить за нее; а не все ли равно: съ м-ль Клариссой или съ кѣмъ другимъ?

М-ль Кларисса, задушевная пріятельница Селины, избранная этою послѣднею для выполненія задуманнаго ею плана, была львица, пользовавшаяся нѣкоторою извѣстностью. Ей случалось играть на сценѣ въ качествѣ актрисы, и она, какъ въ театрѣ, такъ и въ жизни, способна была представлять всевозможные характеры съ поразительною прав-

дой; но въ чемъ она въ особенности была сильна, такъ это — въ роли нервныхъ чувствительныхъ дѣвушекъ. Взглянувъ на нее въ то время, когда она, слегка наклонивъ голову, опираясь подбородкомъ на ладонь, и приложивъ пюку къ вытянутому указательному пальцу, безцѣльно и задумчиво смотрѣла впередъ, вы приняли бы ее за Офелию. Созлавая Клариссу, природа сдѣлала большой промахъ: коварной обманщицѣ она дала вѣщный видъ изящества, скромности, благородства и достоинства Лукреціи.

Черезъ нѣсколько дней Паоло былъ на своемъ стулѣ, въ итальянской оперѣ. Шла Соннамбула; онъ зналъ ее наизусть и однакоже все превратился въ слухъ и зрѣніе. Да и кто можетъ вполне насытиться этою оперой? Все въ ней — и сюжетъ, и музыка, и чувства такъ просты, такъ истинны, такъ свѣжи! Душа Паоло плавала въ морѣ блаженства. Въ концѣ аріи «*Carì luoghi*,» нѣсколько восклицаній искренняго восторга привлекли его вниманіе отъ сцены на зрителей, находившихся вблизи его. По правую руку отъ него сидѣла дама, въ томъ возрастѣ, какой приличенъ дуэньямъ, а возлѣ нея дѣвушка изъ разряда сопровождаемыхъ дуэньями; та и другая, повидавшему, глубоко наслаждались представленіемъ, въ особенности младшая, у которой крупныя слезы падали изъ глазъ. Паоло былъ очарованъ, видя, что его собственныя чувства раздѣляются другими зрителями и, естественно, заинтересовался особами, въ которыхъ замѣтилъ это. Двѣ дамы были одѣты богато, но просто и скромно; черты старшей были довольно-обыкновенны, черты младшей изящны, благородны и даже могли бы показаться надменными, еслибы не были смягчены чувствомъ, подъ влияніемъ котораго она находилась въ настоящую минуту. Ея чистый бѣлый цвѣтъ лица, коричневыя глаза и бѣлокурые волосы давали ей красотѣ тотъ шѣдный и мягкій тонъ, который такъ дорогъ задумчивымъ поэтамъ и мечтателямъ, и напоминаетъ скорѣе фіалку и кроткій лунный свѣтъ, чѣмъ розу и ослѣпительный блескъ солнца. Вокругъ ея глазъ и на вискахъ Паоло замѣтилъ слѣды преждевременныхъ душевныхъ стараній... Можетъ быть, это были слѣды недавнихъ оргій, но ему и въ голову не приходило такое оскорбительное предположеніе.

По временамъ онъ обмѣнивался нѣсколькими замѣчаніями съ старшею изъ двухъ дамъ, своей ближайшей сосѣдкой; но младшая не принимала участія въ разговорѣ, хотя ея глаза иногда встрѣчались съ глазами Паоло, по какому-то симпатическому влеченію. Впрочемъ, она одинъ разъ обратилась къ нему, и это произошло такимъ образомъ: онъ услышалъ какъ она шепнула своей дуэньѣ, что онъ, должно быть, итальянецъ. Паоло взглянулъ на нее и улыбнулся въ знакъ подтвержденія. Тогда она вдругъ наклонилась впередъ, какъ-будто подъ влияніемъ неудержимаго порыва, и сказала ему:

— Я была увѣрена въ этомъ: только итальянецъ можетъ такъ чувствовать эту музыку, какъ вы.

Сказавъ это, она сильно покраснѣла и не говорила болѣе ему ни слова цѣлый вечеръ.

Когда Mario завѣлъ—*Il più triste dei mortali*, омыслительная дѣ-

Вушка дала полную волю своимъ чувствамъ и громко зарыдала: она знала что это глупо, но не могла владѣть собой. Паоло едва удержался, чтобъ не послѣдовать ея примѣру. Занавѣсъ упалъ слишкомъ скоро, какъ показалось Паоло. Дамы удалились, слегка поклонившись итальянцу, который, съ своей стороны, отвѣсилъ глубокой поклонъ и даже вздохнулъ, когда очаровательное видѣнiе исчезло. Какъ давно уже ему не случалось присутствовать при подобномъ праздникѣ! Вотъ женщина, которая заслуживаетъ того чтобы искать съ нею знакомства и заниматься ею. Что за душа! Можно поставить десять противъ одного, что онъ больше уже не встрѣтитъ ее въ этомъ Гавиловѣ-Парижѣ. Впрочемъ, можетъ быть, ей опять вздумается послушать этого образцоваго произведенiя Беллини. Но увидитъ онъ ее или нѣтъ, во всякомъ случаѣ онъ сохранитъ о ней сладостное воспоминанiе, котораго никто не въ состоянiи у него отнять. И мысли Паоло долго и съ любовью останавливались на этомъ свѣжемъ оазисѣ, который онъ открылъ среди окружающей его пустыни.

Очевидно, ему было суждено имѣть для своей души болѣе существовавшую пищу, чѣмъ простое воспоминанiе. На второй день послѣ описаннаго вечера — какое счастье! — онъ совершенно неожиданно встрѣтилъ ее въ Вулонскомъ лѣсу. Она шла въ открытомъ экипажѣ, такъ-какъ погода была необыкновенно-хороша и тиха для осени. Она разсѣянно смотрѣла впередъ, слегка склонивъ голову — словомъ, въ той позѣ, которую мы уже знаемъ. Тильбюри Дюжанра и ея купе слегка задѣли другъ друга, коричневые глаза встрѣтились съ черными. Паоло покраснѣлъ и поклонился.

— Эге! — вскричалъ Дюжанръ; мы, кажется завели очень милыя знакомства.

Паоло, который сохранялъ тайну своего приключенiя для себя, теперь разсказалъ все Дюжанру и, притомъ, съ такимъ жаромъ и чувствомъ, что реальность опутала въ своей дупкѣ угрызенiя совѣсти. Онъ сжалъ губы и сказалъ:

— Вотъ тебѣ общее правило: никогда не суди о чувствительности женщины по слезамъ, которыя она проливаетъ въ публикѣ: въкоторыя женщины прекрасны когда онѣ плачутъ, и онѣ знаютъ это.

— Вздоръ! Ея слезы выходили изъ глубины ея души, — возразилъ нашъ энтузіастъ.

— Увѣренъ ли ты, что она имѣетъ душу? Платонъ отрицалъ ее въ женщинахъ.

— Такъ твой Платонъ былъ сумасшедшій, а ты имѣешь дурную склонность унижать все возвышенное.

— Дай Богъ терпѣнiя! — вскричалъ Дюжанръ. — Въ настоящемъ случаѣ я не имѣю другого намѣренiя, какъ только предостеречь тебя.

— Ты берешь на себя совсѣмъ новую обязанность: до-сихъ-поръ ты, напротивъ, старался убѣдить меня, чтобы я не берегся.

— Это довольно-справедливо, — сказалъ Дюжанръ, — но тамъ дѣло шло о вещахъ опредѣленныхъ. Относительно тебя меня пугаетъ то, что неясно и неизвѣстно.

Маленькая оинозиція была именно тою приправой, которой не до-

отнало для приданія особеннаго вкуса интригѣ. Внутренія Дюжанра послужили только къ тому, чтобы возвысить обладательницу коричневыхъ глазъ во мнѣніи ея поклонника. Если матеріалистъ Дюжанръ думаетъ о ней худо—мало того—чувствуетъ инстинктивную антипатію къ ней, то какое нужно еще болѣе ясное доказательство превосходства ея натуры?

Паоло опять поѣхалъ въ Булонскій лѣсъ, верхомъ, одинъ; онъ увидалъ ее, поклонился ей, вздохнулъ, но держался въ почтительномъ разстояніи. Ему было сдѣлано поощреніе, подъ видомъ вышитаго носового платка, нечаянно оброненнаго. Паоло соскочилъ съ лошади, поднялъ его, возвратилъ по принадлежности, и удалился. Это была досадная скромность съ его стороны: прекрасная погода не могла продолжаться постоянно. На другой день его волшебницей овладѣло пламенное желаніе прогуляться пѣшкомъ въ уединенной аллеѣ. По странной случайности, Манчини проѣзжалъ въ это время мимо. Онъ остановился въ нерѣшимости; улыбка и взглядъ ободрили его. Онъ соскочилъ съ лошади, привязалъ ее къ дереву и подошелъ къ молодой дѣвушкѣ. Какъ билось его сердце! Она, повидимому не была этимъ оскорблена, благодареніе Богу, и заговорила о прелестяхъ уединенія, о природѣ; ничто не можетъ сравниться съ природой. «Умѣете ли вы рисовать или писать масляными красками?—Немного, отвѣчалъ Паоло, только не ландшафты.—Знакомы ли вы съ картинами Тройна? онѣ такъ прекрасны, такъ вѣрны! у меня есть двѣ.—Право? я очень желалъ бы ихъ посмотреть.—Въ самомъ дѣлѣ? Я вообще не принимаю никого, я веду затворническую жизнь, но на одинъ разъ я сдѣлаю исключеніе изъ этого правила. Мой адресъ. — № 101, улица Бреда. Если вы зайдете когда-нибудь послѣ одного часу пополудни, то я покажу вамъ эти два сокровища.»

Онъ явился и былъ введенъ ливрейнымъ лакеемъ въ небольшіе но великолѣпно меблированные апартаменты, съ мягкими коврами и безчисленными множествомъ зеркалъ. Мадамъ приняла его въ своемъ будуарѣ—въ своей задумчивой позѣ. «Какъ глупо было съ ея стороны забыть, что она отослала свои двѣ картины къ мастеру, чтобы сдѣлать къ нимъ новыя рамы! Онъ только напрасно побеспокоился придти.» Напрасно! когда онъ имѣетъ счастье наслаждаться ея присутствіемъ! Въ ея обществѣ время промелькнуло незамѣтно. Она была исполнена энтузіазма ко всему великому и благородному, въ томъ числѣ, разумѣется, къ Италіи. Она была вдова. Ея привязанности были ужаснымъ образомъ обмануты. Она считала всѣхъ мужчинъ живыми и непостоянными. Таковы были драгоценныя свѣдѣнія, собранныя молодымъ итальянцемъ во время его перваго визита.

За этимъ первымъ визитомъ послѣдовали другой и третій—затѣмъ разомъ все прекратилось. Г-жи Сентъ-Викторъ не было ломз; ей нельзя было встрѣтить въ Булонскомъ лѣсу, по случаю дурной погоды; она не появлялась въ итальянской оперѣ. Бѣдный Паоло былъ живымъ изображеніемъ увныія. Чему бы приписать такое затмѣніе

его свиданія? Оно было объяснено нижеслѣующему вавилонской, оставленною въ одно утро у ея швейцара.

Chez monsieur,

«Прошу васъ, не приходите ко мнѣ болѣе. Двери мои заперты для васъ по моему приказанію. Никому въ мірѣ, кромѣ васъ я не стала бы давать отчота въ моихъ поступкахъ. Я увѣрена, что вы пожалеете и не осудите меня, когда я скажу, что мѣра, на которую я рѣшилась, есть единственная, какая только можетъ быть совмѣстна съ моимъ будущимъ спокойствіемъ. Я потеряла слишкомъ жестокое крушеніе въ морѣ страстей, чтобы пуститься въ него снова. Не считайте меня слишкомъ смѣлой, тогда-какъ я только откровенна. Я желаю увидѣться съ вами еще одинъ разъ, когда и гдѣ — этого я еще не рѣшила, но только не здѣсь, не въ моемъ домѣ. А до тѣхъ перъ прощайте.»

«К. де С. В.

Каждый слогъ этого пустословія, даже каждый штрихъ пера и блѣдный сургучъ, которымъ было запечатано письмо, обдавали его стоградуснымъ жаромъ. Паоло началъ подолгу оставаться дома; онъ ждалъ второй записки, съ назначеніемъ времени и мѣста послѣдняго свиданія и смертельно боялся, какъ бы она не дошла до него слишкомъ поздно. Воображеніе молодого итальянца не заходило далѣе записки.

Однажды утромъ онъ сидѣлъ, углубленный въ чтеніе письма, только - что полученнаго изъ Рима. Адвокатъ увѣдомлялъ его, что билетъ на тысячу скуди не былъ представленъ синьоромъ Анджело Джильи и что, сверхъ того, какъ оказалось по достовѣрнымъ справкамъ, этого лица нѣтъ уже въ Римѣ и настоящее его мѣстопробываніе никому неизвѣстно. «Куда къ черту дѣвался Сальваторъ?» разсуждалъ про себя Паоло, какъ вдругъ раздался сильный звонъ колокольчика. Онъ пошелъ открыть дверь, и — это была она! Онъ угадалъ это однимъ сердцемъ, потому-что черты ея лица совершенно были скрыты подъ густыми складками ея черной вуали. Она прошла, впереди его, въ гостиную, гдѣ дрожащими руками подняла вуаль, и онъ увидѣлъ ея обожаемое лицо, мертвенно-блѣдное отъ волненія.

— О, что я сдѣлала! что вы должны обо мнѣ подумать?

И съ этимъ крикомъ отчаянія она бросилась на софу, обливаясь слезами. Паоло опустился на одно колѣно и осушилъ ея слезы своими поцѣлуями. Селина была отмщена.

Въ слѣдовавшіе за тѣмъ десять дней Паоло не показывался на бульварѣ. Смутные слухи о томъ, что его встрѣчали въ Фонтенбло и въ Сен - Жерменѣ вмѣстѣ съ какою - то дамой, дошли до Дюжанра, который, продолжая свои развѣдыванья далѣе, узналъ, что его римскій другъ нанялъ небольшую квартиру въ аллеѣ Монтень, съ экипажемъ и лакеями. Дюжанръ почувствовалъ безпокойство и встрево-

ялся еще болѣе, когда къ нему неожиданно явился Паоло съ просьбой, высказанной взволнованнымъ тономъ. Итальянцу нужно было достать пять тысячъ франковъ въ теченіе трехъ часовъ. У Дюжанра не было такой суммы, но онъ надѣялся найти ее. Говоря это, реалъстъ не могъ удержаться отъ замѣчанія насчетъ опасности зашипать деньги. Паоло съ горечью отвѣчалъ, что онъ ожидалъ скорѣе поздравленія, чѣмъ проповѣди со стороны своего пріятеля. Развѣ онъ не дѣлаетъ безумствъ, а вѣдь этого и желали отъ него друзья съ самаго начала. Дюжанръ чувствовалъ угрызенія совѣсти и мысленно посылая м-ль Селину къ чорту. Онъ охотно бы признался молодому итальянцу во всемъ, но онъ видѣлъ, что Паоло не въ состояніи слушать голоса разсудка, да и къ чему бы теперь послужила эта исповѣдь? Зло едѣлано—и его нельзя поправить.

Требуемая деньги были найдены, но не безъ затрудненія. Паоло далъ расписку въ займѣ срокомъ на одинъ мѣсяць, съ уплатою шести процентовъ. Пять тысячъ франковъ были поровну раздѣлены между Селиной и Клариссой. Честность въ дѣлахъ — это самое главное.

Мы видѣли уже, что Паоло самъ сознавалъ безуміе своихъ поступковъ; прибавимъ ради нашего собственнаго удовольствія, что не прошло и трехъ недѣль, какъ онъ узналъ, что мадамъ де Сен-Викторъ его дурачить. Она была не такая женщина, чтобы для кого бы то ни было долго разыгрывать роль, несогласную съ ея вкусами. Ея вреденная любовь къ шампанскому, къ пышнымъ нарядамъ и башковитымъ билетамъ мало-по-малу заявляла свое существованіе и наконецъ вспыхнула тѣмъ съ большею силой, что она на-время была подавлена. Словомъ, Паоло видѣлъ много вещей, оскорблявшихъ его натуру, и переносилъ ихъ—частью изъ робости и изъ смутно-сознаваемаго нежеланія такъ скоро объявить себя глупцомъ, частью изъ оттого, что онъ не могъ освободиться отъ дѣйствія низкихъ чаръ, производимыхъ на него этою женщиной. Но терпѣніе имѣетъ свои предѣлы даже для человѣка околдованнаго. Въ числѣ многочисленныхъ кузеновъ и кузинъ, съ которыми она познакомила его, выходился одинъ негодай, который въ особенности ему не нравился по своимъ грубымъ манерамъ и неприличному тону фамильярности съ нею. Однажды Паоло просилъ м-ль Клариссу не принимать этого человѣка и получилъ положительный отказъ. Паоло настаивалъ и сказалъ, что она *должна* это сдѣлать. Надо было послушать, какъ она засмѣялась при этихъ словахъ. Она воспользовалась этимъ случаемъ показать ему обращикъ своего характера и объяснила, что, въ уголу своей дорбогой пріятельницѣ, она согласилась разыграть маленькую комедію съ сеньоромъ Мамчини; но на двадцать такихъ, какъ онъ, она не промѣняетъ своего кузена Дезирѣ, отъ котораго она безъ ума.

Паоло былъ ошеломленъ ея принятомъ, съ которымъ она похвалялась своимъ обманомъ; этою наивною гордостью, съ которою она

говорила о своей низости. Онъ бросилъ ее навсегда. Но какъ ни глубоко Паоло презиралъ ее, онъ презиралъ себя еще болѣе за то, что для него чувствительно было ея отсутствіе. Да онъ чувствовалъ, что у него недостаетъ этой женщины или, лучше, этой возбуждающей атмосферы, которою она была окружена. Не зная чѣмъ наполнить пустоту, которую она оставила въ его жизни, онъ сталъ посѣщать публичные балы: карнавалъ былъ тогда въ полномъ разгарѣ. Будучи очень красивъ и извѣстенъ въ дѣкоторыхъ мѣстахъ за челоуѣка богатаго и щедраго, Паоло не имѣлъ недостатка въ утѣшеніяхъ и принималъ ихъ, принималъ безъ всякихъ иллюзій—за то чего они стоили.

Отвратимъ свои взоры отъ этого болота, въ которомъ погрязъ нашъ молодой другъ. Кто знаетъ, можетъ быть, въ собственныхъ своихъ проступкахъ онъ почерпнетъ урокъ снисходительности къ слабостямъ другихъ!

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Доска спасенія.

Испуганная м-риссъ Тэмплиаъ привела Лавинію въ чувство и уложила ее въ постель. Узнавъ причину ея обморока, вдова увѣрила молодую дѣвушку, что д-ръ Дэнканъ не могъ имѣть намѣреній, которыя она ему приписываетъ; что, вѣроятно, она не повѣла его; что это должно быть недоразумѣніе, которое разъяснится завтра. Лавинія нашла наконецъ облегченіе въ слезахъ. Она нѣсколько успокоилась и, ссылаясь на желаніе спать, просила свою хозяйку оставить ее одну. Не то, чтобы она имѣла хотя малѣйшую надежду заснуть, но она находилась въ томъ состояніи унынія и горести, когда даже симпатическое соболѣзнованіе становится докучливымъ и челоуѣтъ ищетъ только одного—удивненія.

Въ этомъ грустномъ состояніи души, Лавинія предавалась безконечнымъ размышленіямъ о своемъ несчастіи; она разсматривала его со всѣхъ сторонъ; она думала и думала о немъ до того, что ея голова закружилась, мысли запутались, разстроились, потеряли всякую связь. Устрашонная своимъ волненіемъ, она встопинила о томъ Словѣ, въ которомъ всегда можно найти спокойствіе, миръ и утѣшеніе. Она взяла новый завѣтъ, подарокъ леди Августы, и онъ открылся на слѣдующихъ словахъ: «Прійдите ко Мнѣ вси труждающіися и обремененніи, и Азъ успокою вы. Возьмите иго Мое на себе и научитесь, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ, и обратите покои души вашнми. Иго бо Мое благо, и бремя мое легко есть».

Лавинія читала долго, и по мѣрѣ того, какъ она читала, шумъ и суматоха, происходившія въ ея мозгу, утихали, и чувство спокойствія незаметно овладѣвало ея душою и тѣломъ. Тогда, надѣясь заснуть, она положила книгу, при-чемъ даъ нея выпала какая-то бу-

нажка. Она подняла ее: это была визитная карточка, на оборотѣ которой были написаны карандашомъ слова: «Просите — и дастся вамъ; нищте — и обрящете; толщте — и отверзется вамъ». Текстъ былъ написанъ большимъ, смѣлымъ, угловатымъ почеркомъ матери леди Августы. На другой сторонѣ карточки было мелко награвировано: «Графиня Уиллифордъ». Милосердное изрѣченіе, написанное графиней, поразило Лавинію, какъ внушеніе свыше. Ей казалось, что голосъ матери леди Августы зоветъ ее и говоритъ: «просите — и дастся вамъ». Почему бы Лавиніи не обратиться къ ней? Сдѣлать это съ самого начала было бы такъ естественно! Что ее удержало отъ этого? Затаенное чувство гордости? Если такъ, то тѣмъ болѣе приличнѣе смиряться теперь.

Лавинія встала съ постели и написала длинное письмо къ графинѣ. Въ немъ она рассказывала обо всѣхъ своихъ попыткахъ и неудачахъ и о своемъ отчаяніи, жертвою котораго она была нѣскольکو часовъ назадъ. Она упомянула объ обстоятельстве, оживившемъ ея надежды и довѣріе къ той, къ которой она теперь обращалась. Она обвиняла себя въ неблагодарности, просила прощенія, высказывала готовность принять даже самое скромное мѣсто, тѣмъ болѣе, что она находится въ рѣшительной невозможности найти какое бы то ни было, если ей не поможетъ особа такого высокаго званія, какъ ея сятельство, графиня.

Таково было, въ главныхъ чертахъ, содержаніе письма нашей героини, подписавшейся подъ нимъ Лавинія Голливелль. Это измѣненіе чувствъ, такъ долго сдерживаемыхъ, облегчило ея сердце отъ тягостнаго бремени. Она заснула глубокимъ, освѣжительнымъ сномъ, и на слѣдующее утро встала съ обновленными силами тѣла и души. Первымъ ея дѣломъ было — опустить письмо въ ближайшій почтовой ящикъ.

Около четырехъ часовъ того же дня у дома м-риссъ Тэмплингъ остановилась наемная карета; изъ нея вышла дама, лицо которой было скрыто подъ густою вуалью, такъ-что даже было невозможно опредѣлить ея возрастъ. Она постучалась въ дверь и спросила о миссъ Голливелль. При звукѣ этого хорошо знакомаго голоса, Лавинія бросилась навстрѣчу посѣтителницѣ.

Прежде всего должно сказать, что леди Уиллифордъ, предпринявъ свою настоящую поѣздки къ Лавиніи, дѣйствовала въ духѣ стараго дипломата, отправляющагося на конгрессъ, т. е. оградила себя сдержанностью и осторожностью во многихъ отношеніяхъ. Тайна, которую она дѣлала изъ письма Лавиніи для своей дочери, наемная карета, низко опущенная вуаль—все это служило признакомъ ея рѣшимости строго держаться въ предѣлахъ, начертанныхъ благоразуміемъ, не заходить далѣе извѣстнаго пункта. Но, увидавъ это нѣжное, блѣдное лицо, такъ сильно измѣнившееся со времени послѣдняго ихъ свиданія, услышавъ вопли, невольные-вырвавшіеся изъ этой подавленной груди, почувствовавъ на своихъ рукахъ горячія слезы

Лавинія, леди Уиллингфордъ была побѣждена. Сдержанность графини уступила мѣсто чувствамъ женщины, и, приподнявъ до своего лица опущенную голову бѣдной дѣвушки, она прижала ее къ своей вздымавшейся отъ волненія груди съ нѣжностью, которая не могла бы быть теплѣе и искреннѣе даже тогда, когда бы Лавинія была дочерью какого-нибудь могущественнѣйшаго англійскаго герцога, а не бѣдною, безпомощною сиротой.

— Вотъ и я, вашъ старый другъ! Полно намъ плакать, — сказала графиня, прерывавшимся отъ волненія голосомъ.

— Это не отъ печали,—проговорила Лавинія, всхлипывая и улыбаясь сквозь слезы.

— Бѣдное дитя! что вы должны были вытерпѣть! — продолжала мисс-лея, остановивъ на лицѣ Лавини долгій, пристальный взглядъ. — Августа и я были сильно встревожены вашимъ упорнымъ молчаніемъ. Въ эти послѣдніе три мѣсяца мы каждый день ожидали и надѣялись получить отъ васъ какое-нибудь извѣстіе. Отчего вы не писали, моя милочка?

— Я виновата, очень виновата, — сказала Лавинія, и изъ ея глазъ опять потекли слезы.

— Полно, полно! я не думаю бранить васъ.

— Нѣтъ, побраните, побраните, прошу васъ. Я была такъ неблагодарна, такъ малодушна; я заслуживаю того, чтобы вы на меня сердились.

— Хорошо, если это можетъ послужить вамъ облегченіемъ,—сказала графиня, улыбаясь, — такъ я назову васъ очень упрямымъ ребенкомъ.

И этотъ неособенно строгій выговоръ былъ смягченъ сердечнымъ поцалуемъ.

— Ну теперь, когда я уже васъ побранила, — сказала леди Уиллингфордъ, къ которой, между тѣмъ, возвратилось ея обычное спокойствіе, — позвольте мнѣ похвалить васъ за то, что вы съ такою заботливостью пощадили чувства леди Августы. Написать ко мнѣ, а не къ ней—это было такъ деликатно, такъ разсудительно съ вашей стороны. Какъ ни мило ваше письмо, но въ немъ есть много вещей, которыя могли бы сильно огорчить ее, при ея чувствительности; и вотъ причина, почему я не сказала о немъ моей дочери. Не считите этого жестокостью съ моей стороны.

— О, леди Уиллингфордъ! развѣ я могу сомнѣваться въ вашей добротѣ? Нѣтъ, все, что вы найдете для меня лучшимъ, я тоже сочту лучшимъ, съ своей стороны.

— Благодарю васъ,—сказала графиня, очень довольная этими словами Лавини, — однакоже не воображайте, что я намѣрена долго скрывать отъ нея пріятную новость, что наша Лавинія наконецъ найдена. Я подожду только нѣсколько дней, пока придумаю, какъ бы мнѣ лучше помочь вамъ. Говоря откровенно, я боюсь, что Ав-

густа будетъ иѣшать мнѣ: она такая пылкая и истерпѣливая. Разуѣтается, мнѣ хочется, чтобы вы повидались съ нею, прежде чѣмъ уѣдете изъ Лондона. Мы сейчасъ будемъ говорить объ этомъ вашему намѣренію; во сперва не расскажете ли вы мнѣ все, чтобы я могла безошибочно судить: нѣтъ ли для васъ какого-нибудь другого выбора, кромѣ этой крайней мѣры — идти въ гувернантки или въ компаньонки.

Лавинія съ полною охотою открылась леди Уиллинфордъ во всемъ. Ни одна изъ подробностей грустной исторіи, рассказанной м-ромъ Джонсомъ, не была скрыта отъ внимательной слушательницы, которая узнала теперь, какъ дѣйствительная Лавинія Джонсъ умерла еще ребенкомъ и, въ гнусныхъ видахъ корысти, была замѣнена меленкою Лавиніей Годивелль, и какъ, для успокоенія своей совѣсти, одна изъ участницъ этого обмана призналась м-ру Джонсу во всемъ. Молодая дѣвушка не умолчала даже о низкомъ состояніи своей матери и о томъ, что эта женщина не была замужемъ; она рассказала эти факты просто и рѣшительно.

Какъ ни несомнѣнно всѣ эти обстоятельства доказывали отсутствіе всякаго родства между Лавиніей и м-ромъ Джонсомъ, но оставалось еще объяснить и оправдать внезапную рѣшимость Лавиніи — прервать съ нимъ всякія сношенія.

На настоятельный вопросъ относительно этого пункта, Лавинія, вмѣстѣ всякаго отвѣта, сказала:

— Мнѣ не оставалось ничего болѣе дѣлать.

Должно быть, въ характерѣ графини была нѣкоторая доза горячности, которою отличалась ея дочь, потому что она вскричала съ заваљчивостью:

— Негодяи!

— Онъ хотѣлъ жениться на мнѣ, — прибавила Лавинія, видя необходимость уничтожить ошибочную мысль, которая пришла въ голову графини.

— О, старый бездѣльникъ! — сказала миледи, въ видѣ разнообразія.

Итакъ, для обсужденія плановъ Лавиніи почва была очищена. Спорить было нечего. Необходимость найти какое нибудь мѣсто, которое могло бы обезпечить для Лавиніи средства въ жизни, и основательный поводъ желать, чтобы оно было отыскано въ провинціи, для избѣжанія непріятныхъ встрѣчъ, были очевидны. Графиня обѣщала немедленно приступить къ дѣлу и просила свою протежѣ не унывать. Леди Уиллинфордъ имѣла слишкомъ много здраваго смысла и деликатности, слишкомъ хорошо понимала чувство достоинства, которымъ была проникнута молодая дѣвушка, чтобы рѣшиться сдѣлать ей какое-нибудь предложеніе, которое бы поставило Лавинію въ зависимость отъ ея доброты.

— Мы найдемъ для васъ какой-нибудь хорошій домъ, гдѣ бы вы могли наслаждаться спокойствіемъ и даже счастіемъ, — сказала леди

Уиллинфордъ. — Вѣрите мнѣ, знитность и богатство (здѣсь послѣдовалъ вздохъ) не служатъ ручательствомъ ни того, ни другого. Духъ, съ которымъ мы принимаемъ свой жребій—высокій или скромный— вотъ что дѣлаетъ насъ счастливыми или несчастными.

Прощаніе было такъ же задушевно, какъ встрѣча. Графиню и Лавинію можно было бы легко принять за мать и дочь: такъ много первая изъ нихъ обнаружила нѣжности, а вторая — почтительности и довѣрія.

Послѣ этого памятнаго дня ласковыя, ободрительныя записки и маленькіе подарки посыпались на молодую затворницу Кэмпденъ-Тауна. Цѣну этихъ бездѣлокъ лучше всего знаютъ тѣ, которые долго были лишены всякихъ знаковъ любезности и вниманія со стороны другихъ. Будетъ ли это какой-нибудь скромный букетъ или визитная карточка, оставленная у вашей двери, съ вопросомъ о вашемъ здоровьи—какъ сладостна вынодимая изъ этихъ вещей увѣренность, что есть люди, которые принимаютъ въ насъ участіе! По временамъ прїѣзжала сама графиня. Для Лавиніи этотъ свѣжій запасъ симпатій извнѣ былъ вдвойнѣ счастливымъ пріобрѣтеніемъ, потому-что дома она встрѣчала теперь мало сочувствія.

Молоко доброты и ласковости м-риссъ Тэмплинъ, къ сожалѣнію, нѣсколько окисло со времени обвиненія, сдѣланнаго противъ ея несравненнаго доктора. М-ръ Дэнканъ былъ послѣднею иллюзіей вдовы, единственною свѣтлою точкой въ ея умственной перспективѣ, и потому нѣтъ ничего удивительнаго, если она прѣльнула къ нему со всѣмъ упорствомъ отчаянія. Право его быть выслушаннымъ и представить свое объясненіе, въ удовлетворительности котораго м-риссъ Тэмплинъ была убѣждена заранѣе, казалось ей столько же яснымъ, сколько Лавинія считала бесполезнымъ—мало того, унижительнымъ—входить въ какія бы то ни было объясненія съ человѣкомъ, который такъ неоспоримо ее оскорбилъ. Это различіе во взглядѣ двухъ женщинъ на одинъ и тотъ же предметъ, несмотря на усилія Лавиніи придать своей оппозиціи какъ можно болѣе мягкій характеръ, породило между ними маленькій раздоръ, котораго уже, конечно, не могла успокоить зависть, кипѣвшая въ груди м-риссъ Тэмплинъ. Какъ могла она, игравшая до-сихъ-поръ первую роль, не чувствовать оскорбленія, будучи низведена до второй?

Къ счастью, это непріятное состояніе длѣль не было продолжительнымъ. Когда сильныя міра хотятъ чего-нибудь, то ихъ желаніе исполняется очень скоро. Готовность оказать услугу есть, конечно, добродѣтель нерѣдкая, но наибольшей степени усердія она достигаетъ тогда, когда проситель самъ можетъ оказать услугу въ свою очередь. Не болѣе какъ чрезъ двѣ недѣли послѣ перваго визита графини, Лавинія получила записку съ извѣстіемъ, что желаемое мѣсто найдено. Леди Уиллинфордъ откладывала всѣ подробности до слѣдующаго дня, когда она должна была прїѣхать къ Лавиніи часовъ около одиннадцати утромъ, и просила молодую дѣвушку уложить свои вещи и

быть готовою ѣхать съ нею. Куда—это не было объяснено въ запискѣ; по всей вѣроятности, въ свое новое жилище; по-крайней-мѣрѣ таково было заключеніе, выведенное нашею героиней изъ просьбы—быть готовою къ отъѣзду.

Улаживанье вещей заняло у нея не много времени. Въ гардеробъ помѣстился въ пакетъ самаго маленькаго объема, и она могла теперь сказать, вмѣстѣ съ древнимъ философомъ: «все мое имущество я ношу съ собою». Весь этотъ день Лавинія употребила на умиловительное м-риссъ Тэмплинъ.

— Везъ вашихъ добрыхъ совѣтовъ, помощи и материнской заботливости,—говорила она достойной матронѣ, — я не знаю, что бы со мною было.

Грустная м-риссъ Тэмплинъ, у которой сердце было не каменное, быстро смягчилась и кончила тѣмъ, что забыла свое неудовольствіе по поводу обвиненія противъ несравненнаго м-ра Дэнкана. А когда Лавинія начала настаивать, чтобы ея добрая хозяйка приняла отъ нея подарокъ—простенькое колечко, въ воспоминаніе добра, которое она сдѣлала бѣдной, одинокой сиротѣ, то вдова растаяла окончательно, и обѣ женщины дружески смѣшали вмѣстѣ свои слезы—этотъ великій даръ, одинаково-принадлежащій и богатымъ и бѣднымъ.

Въ слѣдующее утро, въ десять минутъ двѣнадцатаго, Лавинія ѣхала съ леди Уиллифордъ на станцію; отсюда онѣ должны были отправиться, по желѣзной дорогѣ, на дачу ея сіятельства близъ Соутгэмптона, гдѣ ихъ съ нетерпѣніемъ ожидала леди Августа. Вообразите, какимъ пріятнымъ сюрпризомъ было для нашей героини это извѣстіе въ то время, когда она думала, что должна отправиться прямо въ домъ, въ который ее рекомендовали. Было рѣшено, что она проведетъ три дня съ графиней и леди Августой, а затѣмъ поѣдетъ къ м-риссъ Эннерли, дамѣ, у которой она будетъ компаньонкой. М-риссъ Эннерли въ это время жила на своей дачѣ близъ Мортонъ и Дорсетшира, гдѣ она должна была пробить до Рождества. Она желала, чтобы туда пріѣхала и миссъ Голивелль, но, по всей вѣроятности, окончательнымъ мѣстопребываніемъ Лавиніи надо было считать Уимѣтъ, такъ-какъ большую часть года м-риссъ Эннерли проводила въ этомъ городѣ. Это была женщина хорошей фамиліи, богатая и, по всеобщимъ о ней отзывамъ, добрая и неприхотливая. Она страстно любила поэзію и музыку; поэтому чтеніе вслухъ, игра и пѣніе были главными обязанностями, исполненія которыхъ она требовала отъ своей компаньонки. Жалованья полагалось пятьдесятъ фунтовъ въ годъ — довольно сносное вознагражденіе для провинціи. Вообще, графиня надѣялась, что это мѣсто понравится Лавиніи, а если нѣтъ, то ей стоить сказать слово и ей пошутъ какого-нибудь другаго мѣста. Кромѣ того леди Уиллифордъ взяла съ молодой дѣвушки обѣщаніе, что никакія ложныя понятія о деликатности не удержатъ ее отъ откровеннаго признанія, если тамъ ей будетъ худо. Лавинія должна имѣть довѣренность къ своимъ друзьямъ. Лавинія

дала это обѣщаніе, поцѣловавъ бѣлую руку, поднятую въ видѣ шутливой угрозы, и сказала съ искренностию:

— Да благословитъ васъ Богъ, леди Уиллинфордъ!—Слова эти были произнесены такимъ тономъ, что графиня почувствовала, какъ будто дѣйствительно на нее нисходитъ небесное благословеніе.

Еслибы мы стали утверждать, что леди Уиллинфордъ не чувствовала нѣкотораго безпокойства по прїѣздѣ на станцію и что пять минутъ ожиданія въ сборной комнатѣ не показались ей слишкомъ долгими—мы сказали бы неправду. Будучи хорошо извѣстна на дорогѣ, по которой имъ предстояло теперь ѣхать, она очень легко могла встрѣтить тамъ кого-нибудь изъ своихъ знакомыхъ и подвергнуться затруднительнымъ вопросамъ относительно ея хорошенькой спутницы. Однакоже поѣздъ двинулся и благополучно доставилъ путешественницъ въ Соутэмптонъ, безъ малѣйшей опасности для никого изъ сїятельства.

Хотя это происходило въ началѣ декабря, но погода была необыкновенно ясная и теплая, и сорокъ минутъ ѣзды отъ Соутэмптона до Уиллинфордъ-Кэстля доставили Лавинію больше удовольствія, чѣмъ какая бы то ни было изъ прежнихъ ея прогулокъ. Послѣ продолжительнаго заключенія въ скучномъ, туманномъ Лондонѣ, каждое живописное мѣсто, каждый клочокъ зелени, каждый кустъ съ гладкими, блестящими листьями она привѣтствовала какъ старыхъ друзей, потерянныхъ и найденныхъ снова. Но какъ затрепетало ея сердце, какъ потускнѣли ея блестящія глаза, когда она увидѣла въ глубинѣ длинной аллеи изъ величественныхъ дубовъ милое знакомое лицо особы, бѣжавшей къ нимъ на встрѣчу! Карета остановилась при звукѣ этого нѣжнаго голоса, звавшаго Лавинію по имени; она выскочила изъ кареты и очутилась въ объятіяхъ своего дорогаго, вѣрнаго друга—леди Августы.

Вудемъ подражать скромности графини и оставимъ двухъ молодыхъ женщинъ наслаждаться три дня непрерывнымъ *tête-à-tête*. Лавинія, какъ мы знаемъ, имѣла много, что рассказать, и легко себѣ представить, какъ одна изъ двухъ пріятельницъ излагаетъ происшествія, случившіяся со времени ихъ послѣдней разлуки, а другая строитъ воздушныя замки для будущаго. Мы всѣ живемъ главнымъ образомъ воспоминаніями и надеждами; настоящее, появляясь и тутъ же исчезая, занимаетъ мало мѣста въ мѣняющемся мпразѣ жизни. Само собою разумѣется, что, съ одной стороны, среди воспоминаній о прошломъ, время, проведенное въ Римѣ, и честный преданный Доменикино не были забыты, а съ другой—среди плановъ о будущемъ играла видную роль надежда на близкое и продолжительное свиданіе въ Уимѣтѣ.—Гораздо пріятнѣе ѣхать въ Уимѣтъ, нежели въ Брайтонъ,—говорила леди Августа.

Можетъ быть, при этомъ предположеніи Лавинія чувствовала наклонность печально покачать головой; можетъ быть, она даже выра-

шла нѣкоторыя изъ своихъ опасеній; но, при видѣ облака грусти, окраившаго лицо ея подруги, она удержала свой скептицизмъ для себя и даже выказала относительно ихъ свиданія увѣренность, которой она не имѣла. Къ чему разрушать иллюзіи, которыя имѣютъ своимъ источникомъ самыя теплыя симпатіи и привязанности? И безъ того придетъ время, когда безотрадная дѣйствительность скажется сама собою и прогонитъ всѣ эти прекрасныя грѣзы.

Мечты леди Августы о будущемъ не ослабили ее до того, чтобы не видѣть настоятельныхъ нуждъ настоящаго. Она съ одного взгляда открыла скудость въ гардеробѣ своей подруги,—скудость, которую могъ бы замѣтить даже менѣе дружескій глазъ,—и немедленно приступила къ пополненію этого недостатка тѣмъ, что сама имѣла лучшаго. Это было сдѣлано съ такою деликатностью, что даже самая тонкая щекотливость не могла быть оскорблена. Леди Августа желала, чтобы Лавинія была одѣта подобно ей самой, какъ это бывало въ прежнія времена; и подъ этимъ предлогомъ черное платье и черныя бурнусъ были выписаны изъ Соутэмптона. Лавинія должна имѣть такую же шубку, какъ леди Августа.

— Ну, теперь, — сказала молодая миледи, — если вы не плѣните и-рисуэ Энперли, то это будетъ значить, что у ней сердце дракона, который напалъ на Андромеду. Впрочемъ,—прибавила она съ нѣжностью,—вы были бы очаровательны даже съ мѣдною костью на головѣ, въ противоположность нѣкоторымъ другимъ особамъ, находящимся не слишкомъ далеко, которымъ нужно много прекрасныхъ перьевъ, чтобы сдѣлаться прекрасными птицами.

Какъ могла Лавинія отказать отъ подарковъ, предлагаемыхъ такимъ образомъ? Она была почти столько же счастлива принимая, какъ леди Августа дѣря.

Трехдневное свиданіе двухъ подругъ пришло къ концу: На четвертое утро послѣ прѣзда Лавиніи въ Уиллинфордъ-Кэстль мать и дочь проводили ее до соутэмптонской станціи. Грустна и безмолвна была эта поѣздка, грустно и безмолвно прошли десять минутъ, проведенныя на амбаркадерѣ. Графиня положила въ руку Лавиніи прекрасно вышитый кошелекъ и сказала съ поспѣшностью:

— Берегите это на память обо мнѣ; это кошелекъ моей собственной работы и я предназначала его для Августы; я знаю, что по этому самому онъ будетъ вамъ дорогъ вдвойнѣ. Въ немъ есть нѣсколько денегъ, отъ которыхъ вы не должны отказываться, иначе я буду беспокоиться о васъ. Я дѣлаю въ этомъ случаѣ для васъ то же, что сдѣлала бы для своей дочери: въ дорогѣ необходимо быть наготовѣ противъ непредвидѣнныхъ случаевъ.

Лавинія взяла кошелекъ, поцѣловала его и руку леди Уиллинфордъ, но не рѣшилась говорить.

Въ это время раздался звонокъ. Двѣ дѣвушки бросились другъ къ другу въ объятія и долго оставались въ этомъ положеніи.

— О, неужели мы въ-самомъ-дѣлѣ должны разстаться? — вскричала леди Августа, бросая умоляющій взглядъ на мать.

— Должны, — сказала Лавинія съ твердостью: — это воля Божія. Тотъ, кто мнѣ назначилъ скромную долю, лучше знаетъ, что для меня хорошо и что худо; и мой долгъ — принять свой жребій покорно и радостно. Помогни мнѣ въ этомъ, моя-дорогая Августа. Да благословить васъ Богъ, леди Уиллинфордъ! да благословить тебя Богъ, моя милочка!

И Лавинія бросилась съ платформы въ вагонъ.

О, роковая платформа! какъ много происходитъ на ней сердце-раздирающихъ драмъ, которыя нисколько не теряютъ своей пора-зительности отъ того, что они сжаты на пространства нѣсколькихъ минутъ.

— — — — —

ПОДНЕВОЛЬНЫЙ БРАКЪ.

ЗАПИСКИ СЛѢДОВАТЕЛЯ Сороковыхъ годовъ.

(Вторая записка.)

I.

Убийство.

Красива усадьба Семена Петровича Качанова, да, видно, и хозяинъ онъ большой, толковитый и заботливый хозяинъ. Вонъ онъ въ бѣломъ холщовомъ сюртукѣ, соломенной шляпѣ, широкихъ шараварахъ, такой прямой, словно аршинъ проглотилъ, выходитъ изъ сада, гдѣ бабъ до тридцати чистятъ граблями, скребками, а почасту и руками дорожки и рабатки. Солнце такъ и печетъ, а онъ отдакъ приказаніе старостихъ Аѳимьѣ, поборанилъ молодухъ, что лѣнятся—оно и точно, другая будто траву щиплетъ, а сама ровно ничего не дѣлаетъ, да еще съ-сосѣдкой перебранивается, будто та меньше наработала — отдакъ приказаніе, ругнулъ—таки порядочно бабъ Семень Петровичъ, да и пошолъ на поле. Тамъ мужички подъ яровое допахивали уроки,—у него всѣ работы были въ раздѣлъ и на уроки, оттого и работа шла быстро; только ужъ надо было смотрѣть да смотрѣть, а то слышеть другой, не то, что мелко вспашеть, а пожалуй и пролежи оставить,—нужно было и въ амбаръ зайти: тамъ подвезли подводы засыпать сѣмена назавтра; какой овесъ на какой клинъ назначить и по сколько—это хорошо зналъ Семень Петровичъ, а не старый былъ человекъ, лѣтъ сорока. Ужъ доподлинно былъ

хозяинъ! «Берегъ мужичка», говорятъ, бывало: «мужикъ сытъ—и я буду сытъ, не на одинъ годъ ихъ въ кортому взялъ». Такого мнѣнія нѣкоторые помѣщики не раздѣляли, у нихъ другая была договорка: что взято, то свято. Мужика надо въ чорномъ тѣлѣ держать: зазнается—избалуется.

Семень Петровичъ спорить не любилъ: отплюнется, что-то пропустить сквозь зубы, да и заведетъ рѣчь о лошадяхъ да собакахъ, а самъ думаетъ: толкуй, ребята, насидишься безъ хлѣба, какъ у мужичка лошадки не будетъ да самъ голодный на работу выйдеть.

И точно, его мужички слыли въ околоткѣ богачами. Разумѣется коли за барщинскимъ мужичкомъ недонимка не стоитъ, лишняя лошадка есть, ну и другая скотинка, да хватить дестатку и на говядинку, хоть на три раза въ недѣлю—такъ и богачъ! Ницаго съ пустыхъ щей да съ картофелю, безъ квасу, завидки возьмутъ, только въ брѣжѣ урчатъ, а спорыньи вовсе нѣтъ; хоть бы хлѣбушка въ волю заложить.

У Семена Петровича были тутъ двѣ деревеньки, душъ двѣсти по ревизіи; одна черезъ рѣчку, противъ его усадьбы, село Подгорное, а другая Житино, Выселки тожь, версты за три, за лѣсомъ.

Этотъ лѣсокъ, березнякъ-оглобелъникъ, заглушонный орѣшникомъ, былъ запретный; черезъ лѣсокъ этотъ кривая дорожка пролегла отъ Выселокъ къ Подгорному; никакъ ее не могъ спрямить Семень Петровичъ: и канавой обводилъ, и загороды ставилъ; до осени все еще хорошо, а къ веснѣ, глядь, и загуляла вавилонами гдѣ попало, тамъ пашни, а тамъ лужку захватила; пѣшеходы весь лѣсокъ истоптали тропинками.

За лѣскомъ вдоль опушки лежало яровое крестьянское поле; которыя полосы чернѣли свѣжей пашней, а нѣкоторыя были и заборонованы, больше же нетронутыхъ было; значить, у кого залишній былъ въ семьѣ, затяглый, такъ у тѣхъ и работа впереди, а одиночкѣ ужъ какая спорынь въ работѣ—извѣстно.

Вотъ въ тотъ вечеръ, какъ Семень Петровичъ крѣпко ругнулъ бабъ въ саду и пошолъ осматривать пашню, близъ дорожки пахалъ высокій, сѣдой, но свѣжій старикъ; отъ старости, что ли, и загаръ его не бралъ, такой изъ лица чистый, борода такъ и легла на грудь, только раскраснѣлся да потъ его пробралъ.

Оно и жарко было, солнце такъ и пекло, а работа трудная далась: на его полосу накатали дорогу, того и гляди сошники

ложутъ, аки сивко сплечется; всотѣла больно и сивка, дышитъ тяжело, а кажея лошадка добрая, несмореная, видно, что въ хорошихъ рукахъ.

Тяжело было старикъ да и скучно: въ полѣ никого около нѣтъ, однихонекъ пашеть, только скворцы да вороны бочкомъ водрыгиваютъ за сохой по свѣжей бороздѣ, да изъ вывернутой земли червячковъ въ гнѣзда таскаютъ.

Ужъ онъ сбросилъ зипунъ, шапку и сапоги подъ кусточкомъ, а рубашку разстегнулъ, а все жарко.

Подгоняетъ хворостинкой сивку, то напреть грудью на соху, то придерживитъ, чтобъ не забрала глубоко. «Ну-ну, сивка, меньше осталось, чѣмъ подняли; ну-ну, съ Богомъ! Эту жарыжъ Господь далъ! придется въ сухую землю овесъ-то кидать,» вслухъ добавлялъ старикъ и помоталъ уныло головой.

— Богъ на помощь Ермолаичъ! — оклакалъ его старикъ, шедшій изъ Выселокъ, пониже его ростомъ да почернѣе, а такой же приземистый, видно сейчасъ: одного корня сукъ.

— Спасибо, Андрюха, — не оглядываясь отвѣтилъ Ермолаичъ; онъ узналъ подошедшаго по голосу. «Ну, ну сивка! крикнулъ онъ, взмахнувъ хворостинкой, молча дотянулъ до конца борозду и пустилъ коняжку пощипать травки, но сверва отпустилъ чересъдѣльникъ и потеръ ей носъ, чтобъ выринула; послѣ этой операции онъ отеръ себѣ лицо, выпилъ изъ кувшинчика квасу и потянулся, чтобъ грудь расправить.

Осанистый, красивый старикъ былъ Ермолаичъ, и взглядъ такой прямой, свѣтлый, рѣчь твердая, безответная; это тотъ самый, котораго послѣ я съ начальникомъ видѣлъ въ острогѣ.

— Ты къ баринѣ, Андрюха, знать? развѣ ужъ пора? — И взапрямъ время-то много: вонъ солнышко за лѣсъ пошло, — приближалъ онъ, взглянувъ на небо.

— Ишь ты какъ умаялся, Ермолаичъ. Цѣлито такъ неволишь себя, словно ребяты нѣтъ.

— Что-жь даромъ хлѣбъ есть? чтобъ попрекнули? А что, завтра нарядъ на барщину?

— Бають, посѣвъ начинать. Барыня за святой водой да за анддоромъ Марью Михайловну въ село посылала.

— Однако, прощай, Ермолаичъ. Не опоздать бы, вонъ бабы, слышь галдятъ лѣсомъ; съ работы, знать, спустили.

— А нашихъ бабъ опять въ садъ?

— А кто жъ знаетъ? може и опять.

— Ужь эти садники да канавки—доѣзжаютъ! пропавшая работа; а бабамъ-то у себя на огородахъ дѣла въ волю. Да ты, Андрей, бабъ-то отпроси: може и пустить.

— Ладно, — приподнявъ шляпу, отвѣтилъ Андрей и пошолъ пробираться лѣскомъ на барскій дворъ.

Ермолаичъ поглядѣлъ: сивка такъ усердно принагнувъ колѣно щиплетъ травку, что ему жаль стало еѣ; поглядѣлъ, досталъ маленкій топорикъ, началъ очищать поднятыя борозды отъ сучьевъ и корней; онъ захватилъ саженки двѣ нови, — это строго было запрещено бариномъ; но лѣсокъ каждый годъ какъ-то подпахивался больше и больше, а мужицкія полоски становились длиннѣе и длиннѣе.

Изъ лѣсу высыпали бабы съ граблями на плечахъ, съ ребятишками на рукахъ и въ люлькахъ; а нѣкоторые набрали вязанки сучьевъ; сѣ смѣялись, пѣли пѣсни, болтали безъ умолку, наперебой..

— Глядь-ко глядь-ко, бабы! что дѣдушка-то дѣлаеть,—съ хохотомъ вскричала одна молодуха.—Бають, баринъ насъ хочеть заставить лѣсъ-то чистить, такъ дѣдушка помогаетъ намъ.

— Спасибо, дѣдушко. Ай-да дѣдушко!—подхватили бабы.

— Ну вы, зубоскалки! мало васъ, вѣрно, къ работѣ неволятъ. Натка, Анисья, захвати домой,—сказалъ онъ, подавая невѣсткѣ связку корней и сучьевъ.

— А взапрямъ чистить будемъ? на што евто?

— Слышь, грибовъ больше будетъ.

— Не што! а хворосту гдѣ тогда возьмемъ?

— Ишь хворосту-то сухого жаль скареду стало, все себѣ хапаетъ—чтобъ его лѣпшій взялъ!—ворчала старая баба, таща добрую вязанку свѣжихъ дровъ.

— Макариха! глядь-ко, у Анисьи хворостъ-то сухой въ листъ пошолъ, словно вѣникъ,—подхватила молодуха.

— Светла, что ли лѣсъ-то, что двѣ березки срубила, разорила барина-то?

— Нешто, Анисья запаслива: топорикъ на работѣ-то въ люлькѣ лежалъ.

— Да ну те совсѣмъ! что привязалась?

— А что, бабы, Карповна слышала, что изъ-полу рубить-то дадутъ?

— Растворай шире ротъ, изъ-полу! переговаривались бабы и разговоръ ихъ ужъ терялся въ отдаленьи.

«Что бабы болтають», думалъ Ермолаичъ: «коли высѣкутъ хворостъ, то гдѣ жъ намъ-то взять? насквозь будетъ просвѣчивать»; и, помотавъ головой, онъ справилъ соху и принялся пахать.

Солнце спустилось за лѣсъ; тѣнь протягивалась во всю полосу; влажность, предвѣстница благодатной росы, спускалась на землю; воздухъ охлаждался; чликая, перелетали пташки и усаживались на почлегъ, укрываясь въ чащѣ; куда-то съ крикомъ неслись вороны и галки; прощолкалъ перепелъ, затащилъ свою вечернюю пѣсенку соловушка, и вторилъ лѣсъ его перекатнымъ трелимъ, молодецкому посвисту; замолкъ и соловушка, а Ермолаичъ все пахалъ да пахалъ: положилъ онъ допахать полоску—и допахеть, такой человекъ былъ. Не замѣчаетъ Ермолаичъ, что тѣни гуще и гуще, а съ тѣнью и тишина такая; только и слышно: дергать гдѣ-то не спать.

Почудилось, что - ли, ему, будто кто шолъ по лѣсу, что - то ступнуло, будто повалилось, треснули сучья, зашелестило по лѣсу и замолкло; встрепенулись пташки, зачликали, спать имъ похѣшали; повела ушами, оглянулась сивка. «Шу, Христось съ тобой!» крикнулъ Ермолаичъ и докончилъ послѣднюю борозду; перекрестился самодовольно, поставилъ подъ соху креслы, бросилъ на сивку армякъ, захватилъ на соху нѣсколько корней и пустилъ сивку по дорожкѣ въ деревню, а самъ сзади пошелъ: сивка дорогу знаетъ.

Между тѣмъ воротились въ Выселки и мужики, и бабы съ барщины; давно пригнали стадо и разошлось оно по дворахъ; только кой-гдѣ баба отыскивала заблудшую телушку, или дѣвка тащила въ водолѣ ягненка, а за нею бѣжала и бляела глупая мать ея, да еще не убралась мальчишки: въ ночное лошадокъ стогнали.

У крайней избы сидѣло на заваленкѣ и стояло нѣсколько мужичковъ; двое изъ фабричныхъ курили трубочки; они дожидались изъ Подгорнаго старосты Андрея Павлыча—какой завтра нарядъ будетъ.

Разговоръ шолъ о свадьбахъ. Между навозницой и покосомъ есть льготное время; къ осеннимъ работамъ на барщину нужны бабы; холостые, посаженные на тягло, должны жениться. Вотъ очель и толки были: кому какую дѣвку баринъ дастъ или купить придется; свои-то почти всѣ переродились, пощъ вѣчать не хотятъ.

— Мы-ста знаемъ!—самодовольно говорилъ Ванька ткачъ, въ жолтыхъ нанковыхъ штанахъ и пестрой ситцевой рубахѣ, затягиваясь тютюномъ,—нашего брата чарочкой не обойдутъ,—привавилъ онъ, приподнявъ картузь.

— Гдѣ тебя обойти, этакого пройдоху! чай графскую зашилъ!—насмѣшливо спросилъ его лысый Пармень, почесывая затылокъ.

— Какъ есть зашил! Не секретъ какой: мнѣ баринъ Катюшину прачку отдаетъ.

— Во какъ: ворона изъ барской хоромы! такъ-съ! Я дружкой буду?—подхватилъ, подмигивая, другой фабричный, Пашка, въ плисовыхъ штанахъ и красной александрійской рубашкѣ.

— Эхъ, Ванюха, радости-то мало!

— Что жъ такъ, дялюшка Пармень, чѣмъ ее охаетъ?

— Ну ее къ чорту! въ дворнѣ выросла, какая работница — балованная.

— А что жъ глядѣтъ? дѣвка живчикъ, здоровенная, въ скотницахъ была—работу знаетъ.

— Въ скотницахъ,—перебилъ Пашка, посвистывая,—изъ хоромъ да въ скотную? Знаемъ-съ-та! проздравляемъ!—и подперся насмѣшливо подъ бокъ рукой.

— Не знаешь—не ври. Я те заушу, знаешь! Эка бѣда—въ скотную; отчего въ скотную-то? Экономка заѣла — вотъ-те и скотница. Что жъ, по-твоему, шпитомку, что-ли, сватать?—задорно кричалъ Ванюха, подходя къ Пашкѣ.

— Ну, не лѣзь—наткнешся, голь фабричная! на брюхѣ шолкъ, а въ брюхѣ щелкъ.

— А ты смотри, богачъ-Христа-ради!

— Ошибся: не пропиль, небойсь; не пойду къ тебѣ занимать; у шпитомки 200 ассигнаціями казна даетъ, т. е. шпитательный домъ; да дѣвка незазорная, что твой атласъ, а Семеновскому-то барину за дѣвку—ужъ смакъ-дѣвка, братцы, своихъ 100 монетой давалъ, да, шельма, полтораѣста заломила, слышь, своему за 100 бумажками * отдалъ, такъ не Каткѣ чета невѣсты-то у насъ! Много Катекъ-то на фабрикѣ прошло черезъ наши руки.

Гроза готова была разразиться, да Пармень, вопреки обычаю, не подцыкнулъ, а отвлечь отъ драки.

— Эхъ вы, господа городскіе! себѣ невѣсть забрали, а Мишку

* Тогда рубль былъ ассигнаціонный, а на ассигнаціи лажу было около 20 к.

Бобылкина забыли! Ты-то Мишка просилъ у барина невѣсту-то?

— Просилъ, — глупо ухмыляясь, отвѣчалъ Мишка.

— Что жь онъ-то?

— Хорошо, баеть, выбирай самъ, любую бери.

— Ой-ой! подхватилъ Пашка, — что жь, выбралъ?

— Не еще. Кто жь ихъ знаетъ, какую выбирать-то, — почесываясь и ухмыляясь, отвѣчалъ Мишка.

— Слышь, Мишка, читалъ нашъ грамотѣй сказку: было три брата: два умныхъ, а третій дуракъ; дуракъ-то на принцессѣ, со звѣздою во лбу, женился; на печкѣ ѣздилъ. Вѣдь у тебя печка есть?

— Есть, какъ не быть печки, — отвѣчалъ, пуча глаза, Мишка.

— Такъ во, и повѣжай, — перебилъ Ванька, — только, чай, не топленая?

— Нетопленая, — прямодушно отвѣчалъ Мишка.

— Плохо! — перебилъ Ванька, помахивая краснымъ платкомъ.

— А во што, — перебилъ Пашка, ты знаешь Стешу у дѣдушки Ермолаича?

— А что и въ самомъ дѣлѣ, — подхватили другіе, — во невѣста, что твоя принцесса! корову въ приданое дасть и свадьбу самъ справить. Ты бы сватовъ послалъ. — Мишка радостно захохоталъ.

— Да что сватовъ, вонъ, кажись, онъ съ поля ѣдетъ. Брякни самъ: радъ будетъ, отдасть, вотъ-те право слово, отдасть!

Мишка еще радостнѣе захохоталъ.

Въ это время Ермолаичъ проходилъ мимо. Мальчишка внучекъ его бросился на встрѣчу, вскарабкался на лошадь и, уперши ноги въ оглобли, погналъ сивку. Ермолаичъ поворотилъ къ мужикамъ.

Мужички всѣ встали, поклонились; даже и фабричные приподняли шляпы. Видно всѣ его уважали.

— Что такъ поздно, дѣдушка? — спросилъ Парфень.

— Да порушилъ полоску. А вы что тутъ?

— Да вотъ Андрея Павлыча ждемъ. Слышь, завтра засѣвъ барской.

— А развѣ не вернулся?

— Не еще.

— Что жь онъ такъ? али загостился у Михайлихи?

Въ это время Мишка, снявъ шляпу, кланялся Ермолаичу: его нацыкивали фабричные.

— Во што, Пантелеѣй Ермолаичъ,—началъ онъ, вертя шляпой; темно было, а то желалось бы взглянуть ему въ рожу, — во што... повторялъ онъ.

— Ну, што?—спросилъ удивленный Ермолаичъ.

— То-есть, баринъ наказалъ: «ты третій годъ, багеть, на тяглѣ; жениться надоть».

— Ну, женись. Миѣ-то что?

— Да во што: баринъ говоритъ: «любую выбирай».

— Ну...

— Такъ ужъ я выбралъ—не во гнѣвъ твоей милости — твою внучку, Стешу, выбралъ.

— Что?—грозно спросилъ Ермолаичъ, такъ-что Мишка отступилъ шага на три.

— Вѣстимо что, барская воля; сватовъ мнѣ послать не съчѣтъ.

— Барская воля! Что ты брешешь такое?—испуганно спрашивалъ Ермолаичъ,—барская воля...

Но вокругъ Мишки раздался хохотъ; Ермолаичъ понялъ, что это шутка.

— Эхъ, парни, грѣшно надъ юродивымъ потѣшаться. Ступайте-ка по домамъ, нече ждать. Андрей нарядъ и завтра скажетъ; все едино собираться, что на барскую, что на свою пашню;—и пошолъ домой.

— Ну что жъ?—продолжалъ Пашка,—Михайло Петровичъ, когда жъ зарученье? вѣдь Ермолаичъ сказалъ, слышь, барская воля.

— Слышь, Михайло,—добавилъ Ванька,—завтра ведро водки, поздравлять придѣмъ и, подставя ногу, далъ ему подзатыльникъ такъ, что онъ ткнулся ничкомъ въ землю. Всѣ съ хохотомъ стали расходиться, поздравляя Мишку съ первой невѣстой въ околоткѣ.

Еще солнышко не встало, а Выселки проснулись; только не вернулся Андрей Павловъ и не отдалъ еще приказа.

Мужички кто выѣхалъ съ сохой, кто съ бороной, а кто только съ лошадыю, перекинуувъ черезъ плечо возжи и дугу и закинуувъ за спину лукошко; его телѣга съ сѣменами ждала на барскомъ дворѣ.

Собрались опять у крайней избы и сѣтовали, что время пропадаетъ, а солнце встало и всходитъ выше и выше. Андрея не было. Крестьяне послали въ избу; онъ не ночевалъ дома, знать остался

въ хромахъ; рѣшили послать въ Подгорное, да поджидали Ермолача, онъ еще не выходилъ.

Но Андрей Павлычъ не придетъ больше, съ своей палочкой, съ своимъ мягкимъ словомъ.

Лежить онъ, сердечный, въ лѣсу бездыханный. На барскомъ дворѣ суетня; самъ баринъ поскакалъ въ рощу и за станovýmъ верховаго послали; а вонъ торопливо идетъ и сельскій староста Антонъ, запыхался и что-то разсуждаетъ.

Подите-ка на встрѣчу: какую онъ вѣсть несетъ?

— Что вы тутъ стоите, окайнные, а бѣда-то какая! Андрея Павлыча кто-то въ лѣсу жизни рѣшилъ; — мужики сняли шапки и перекрестились. Повѣстите домашнихъ-то, да Ермолача... Охъ, задохся! — Нѣсколько человекъ бросилось исполнить приказанье.

— На работу идти, что-ли? спрашивали другіе мужики.

— Какая ноне барщина, до барщины ли теперь! Эко бѣдствіе! Человекъ-то какой былъ! Господи! что это такое приключилось — не раздумаешь и не разгадаешь, право, — продолжалъ, качая головой, староста, садясь отдохнуть.

Мужики тоже думали и ничего разгадать не могли. Первый изъ избы Андрея выбѣжалъ старшій сынъ его Павелъ, безъ шапки, въ рубашкѣ, спросилъ только старосту: «гдѣ?» и побѣжалъ, стремглавъ по дорожкѣ къ лѣсу; выбѣжала старуха мать, выбѣжала и жена Павла, бросили и дѣтей и печь, и съ ревомъ, полудѣтые, торопливо пошли туда же. Другой ихъ сынъ, Василій, былъ въ городѣ, на фабрикѣ, а жена его Акулина — невѣдомо гдѣ въ отлучкѣ.

Какъ ошалѣлый, вышелъ Ермолачъ, крестясь и бормоча молитву. Староста подошелъ навстрѣчу, но онъ какъ-будто не понималъ его, будто не вѣрилось такому несчастью и спѣшилъ сперва убѣдиться самъ, что такое? — большому несчастію не вдругъ вѣрится; — за ними повалили и мужики.

Случай такъ былъ неожиданъ, что точно не вѣрилось, чтобъ Андрея убили, — и кто могъ убить такого добраго человека? — поэтому никакого мнѣнія не высказывалось ни у кого.

Баринъ, убѣдясь, что дѣло кончено, — мертваго не подынешь, — ушолъ. Любилъ Андрея и баринъ. Толпа то прибывала, то убывала, перекидывая вопросы и отвѣты, но никто ничего не зналъ положительнаго; одно было положительно, что Андрей пришибень чѣмъ-то по головѣ и, упавъ въ кустъ, изуродовалъ себя

объ острый пень лицо, да что первый замѣтилъ его кучеръ Иванъ, посланный бариномъ въ Выселки.

Прибѣжалъ сынъ Андрея, всплеснулъ руками и слова вымолвить не могъ; только глаза остановились на кровавомъ трупѣ, а жена-то, бѣдная старуха-то какъ воззрилась, такъ и повалилась бездыханно на трупъ, насилу отлили; завопила горько и старшая невѣстка, причитывая: «на кого ты насъ батюшка покинулъ? кто насъ, сиротъ, поить, кормить станетъ?» какъ будто одна осталась на бѣломъ свѣтѣ.

II.

Слѣдствіе.

Скоро прискакалъ становой; ужъ не тотъ, что изъ военныхъ, а другой, человѣкъ не молодой, а такой вертлявый, такъ вьюномъ и извивается, да такой ласковый; взглянулъ на покойника, снялъ шляпу, перекрестился и сталъ спрашивать, да такъ просто, такъ нехитро: и что за человѣкъ былъ Андрей, и какъ онъ жилъ, и все такое стороннее. Баринъ его обѣдать позвалъ: онъ побѣжалъ такъ почтительно, съ такой готовностью, завѣрялъ, что онъ непременно все сдѣлаетъ какъ ему угодно.

— Мое правило-съ никому не то что зла, даже и неприятности не дѣлать, особенно помѣщикамъ. Наше дѣло—всѣмъ уважать; оно, конечно, дѣло важное—убійство; ну, знаете, оно лучше бы, кабы вы указали на кого падаетъ подозрѣніе.

— Да что жъ я вамъ укажу, когда и подумать не на кого; за что было убить Андрея и кому—не знаю. Этакой смиренный, правдивый былъ человѣкъ, человѣкъ хороший.

— Да нѣтъ-съ, ужъ лучше одного пожертвовать, а то знаете: пора горячая, допросы, да спросы, все отъ работы, да отъ работы прочь.

— Зачѣмъ же, можетъ быть, это случайность какая.

— Можетъ быть, какая и случайность; тогда передать суду и волѣ Божіей, а все безъ слѣдствія нельзя: не самъ же онъ себя по затылку треснулъ, да нельзя же и грѣхъ на душу принять, безъ погребенья человѣка оставить, а впрочемъ, какъ прикажете, удостойте сообщить ваше желаніе; мое первое правило... все отъ васъ будетъ зависѣть, — размахиваясь и съ улыбкой, потирая руки, проговорилъ онъ.

— Дѣлайте какъ слѣдуетъ, да отдохните сперва, — уходя отъ вѣтъ поимѣщикъ.

Пошелъ становой не отдыхать, а пошелъ по деревнѣ разспрашивать встрѣчнаго и поперечнаго и назначать кого къ допросу взять, да распорядился учредить въ пустомъ флигелѣ присутствіе, пока состоявшее впрочемъ изъ одного его и писаря.

На другой день, еще черти не дрались на кулачки, какъ становой былъ на ногахъ и требовалъ безцеремонно чаю, хотя человѣкъ и доложилъ ему, что барыня почиваютъ, а ключи у нихъ; не получивъ чаю, онъ потребовалъ водки.

Въ это время на парѣ тощихъ лошаденокъ подъѣхала телѣжка, занятая сполна какимъ-то громаднымъ господиномъ, такъ-что мальчишка-кучеръ едва лѣпился на облучѣ.

— Сюда, сюда, Ефимъ Карлычъ, — кричалъ ему становой.

Ефимъ Карлычъ, уѣздный лекаръ, ткнулъ пальцемъ на крыльцо, и телѣжка повернула.

Кряхтѣлъ, вылѣзая, Ефимъ Карлычъ, да кряхтѣла и телѣжка, когда онъ вылѣзалъ.

— Здравствуйте! — не кланяясь обратился онъ къ подходившему становому, снявъ пыльный картузъ и протирая бумажнымъ перстырь платкомъ очки. — Что тутъ? — Онъ много говорить не любилъ.

— Да мертвое тѣло, староста убить, ужасно убить, Семеновъ Петровичъ что-то махлюетъ, знаете, покрываетъ! ги!

— Ги! а вы тово? — вздернувъ брови спросилъ лекаръ.

— Да не дѣйствуетъ: и ухомъ не ведетъ, будто не понимаетъ; надо построже осмотрѣть.

— Ги! вы записали? я подписалъ бы.

— Нѣтъ ужъ. ради Бога, пойдете на мѣсто, а то, знаете, онъ жаловаться будетъ, человѣчина такая; а мы лучше, понимаете, узлокъ-то захлещемъ, дѣло серьезное: можетъ, вся деревня замѣшана, — напляшется.

— Ги! да, а далеко?

— Нѣтъ, вонъ тутъ въ лѣску.

— Такъ лошадки надо, я пѣшкомъ не пойду! — И хладнокровно сѣлъ Ефимъ Карлычъ на диванъ, вынулъ трубку, кисетикъ, набилъ, закурилъ, все молча и очень систематически.

Однако лакеи добыли чаю и угостили ихъ; баринъ вслѣдъ заложить распашныя дрожки и приполъ къ нимъ самъ.

Становой засыпалъ Семена Петровича словами, Ефимъ Карлычъ

спросилъ только: всё ли у него здоровы, да нѣтъ ли сѣнца на продажу, а купить вовсе и не думалъ.

Поѣхали на мѣсто.

Становой не переставалъ кричать: «Экой ударъ, славный мужичина хватилъ, да еще на сукъ бросилъ, экой варваръ, экой злодѣй!»

А докторъ сѣбралъ пальцами рану на головѣ, пощупалъ черепъ сквозъ волосъ, осмотрѣлъ раны на лицѣ, велѣлъ раздѣть.

— Это здѣсь! — указывая на голову, значительно сказалъ онъ и пошолъ къ дрожкамъ.

Составили актъ съ разными предположеніями, искусно выфлеленными даровитымъ становымъ, такъ-что выходило какъ-будто Андрей послѣ сильной борьбы брошенъ головою объ пень, а послѣ добить въ голову; нашли подкожное кровоизліаніе на груди и на локтяхъ.

Перваго къ допросу призвали кучера Ивана:

— Какъ тебя зовутъ, любезнѣйшій?

— Иванъ Федоровъ, изволите знать-съ!

— А фамилья есть, т. е. прозвище?

— Нѣтъ, я холостой, а прозвище: кличутъ въ шутку Дубасовъ.

— А когда на исковѣди былъ?

— Да какъ въ кучера взяли, знать года четыре не былъ.

— Отчего же?

— Да некогда было, должность такая.

— Гм! — замѣтилъ становой, бросивъ улыбавшійся взглядъ на Ефима Карлыча. Ефимъ Карлычъ только пришолъ отъ Степана Петровича, очень недовольный, и не обратилъ вниманія.

— Вы сказали ему, что я уѣзжаю?

— Да, онъ знаетъ.

— Пошлите еще. — Послали еще.

— Ну, Иванъ Федорычъ, какъ же ты попалъ такъ рано въ рощу-то любезный?

— Да какъ попалъ: пошолъ, значить, такъ и попалъ.

— А зачѣмъ ты пошолъ?

— Баринъ послалъ въ Выселки, за старостой.

— Баринъ? Гм, а гдѣ жь ты встрѣлъ Андрея-то?

— Гдѣ жь встрѣтъ, коли онъ мертвый лежалъ; разумѣется, гдѣ лежалъ, тамъ и увидалъ.

— А что онъ говорилъ тебѣ?

— Кто, мертвый-то? — онъ захохоталъ; — что вы сударь говорите.

— Да ты не глумись, мой милый; говорить, что ты съ нимъ разговаривалъ крупно.

— Кто жь это говорить-то?

— Не твое дѣло, коли я говорю.

— Вы, сударь, что-то не туда рѣчь ведете; мертвого я нашолъ и объявилъ барину—вотъ и все, больше ничего не знаю, такъ и пишете.

— Не учи, мой милѣйшій, видала не такихъ.

— Гдѣ жь мнѣ вашу милость учить,—сказалъ Иванъ, а подумалъ: «поучилъ бы я тебя, кабы баринъ позволилъ, пересталъ бы ты придираяться, шавель этакая.»

Въ это время лакей пришолъ доложить лекарю, что лошади поданы.

— А ты говорилъ барину, что я ѣду?

— Докладывалъ-съ.

— Гм, а онъ что?

— Ничего-съ, счастливый путь изволили сказать.

Ефимъ Карлычъ вопросительно взглянулъ на станowego, становой взглянулъ на Ефима Карлыча и пожалъ плечами.

Ефимъ Карлычъ взялся-было за актъ, посмотрѣлъ, молча швырнулъ его и, не прощаясь, вышелъ, влѣзъ въ телѣжку и телѣжка поползла, скрыпя, изъ Подгорнаго. Даромъ вріѣзжалъ, думалъ лекарь.

Становой приказалъ сотскому задержать кучера Ивана до приказанья.

Узналъ онъ, что недавно Андрей ругалъ пастуха и тотъ огрызнулся; потребовалъ и пастуха, ссора подтвердилась, но пастухъ доказывалъ, что онъ не покидалъ въ этотъ день стада, пригналъ скоть въ виду всѣхъ, сей часъ пошолъ ужинать къ Матвѣю Лапотнику, который, по очереди, въ этотъ день кормилъ его; у него и ночлегъ былъ.

Становой задержалъ и пастуха.

За обѣдомъ Семенъ Петровичъ спросилъ его, что это за аресты?

— Нельзя-же: дѣло не разъяснилось, можетъ быть кто изъ нихъ.

— Да помелуйте, вы эдакъ всю деревню запутаете, и такъ мужики другой день въ сборѣ, ждутъ вашихъ допросовъ.

— Какъ-же быть-то-съ, Семенъ Петровичъ, я вѣдъ душевно радъ; впрочемъ, если вамъ угодно, если прикажете...

— Приказывать я не могу, только странно къ чему вы запутываете ихъ; Ивана я утромъ послалъ въ Выселки за Андреемъ самъ, Андрей отсюда пошелъ черезъ лѣсъ на закатъ — и домой не приходилъ; ясно, онъ убитъ съ вечера, а пастуха всѣ видѣли.

— Можетъ быть, можетъ быть-съ, да нельзя-же, спросить всѣхъ надо — но если, впрочемъ, вамъ угодно, чтобы отъ работъ не отрывать, оно сократить можно; благо Иванъ Ефимовичъ не пріѣхали!

Иванъ Ефимовичъ стряпчій былъ.

— Нѣ дурно бы, время дорого, что воду-то толочь.

— Оно, конечно, понятно, вамъ жаль мужичковъ; да знаете, Семень Петровичъ, законъ, совѣсть... кровь человѣческая пролита...

А Семень Петровичъ думалъ: «знаю я тебя, сорвать бы тебѣ хотѣлось; лудки, братъ, не за что! мужичковъ въ обиду не дамъ, вишь и та туша-то все подсымала — не дамъ ли что? какъ же! будетъ того, что накормлю скотовъ (пожалуй онъ бы и далъ, да можетъ нечего дать то было, какія весной у деревеньщины деньги! дѣло другое осенью)» — впрочемъ подумалъ только, а сказалъ-то:

— О! я знаю васъ! мы всѣ такъ вами довольны, по секрету скажу, на выборахъ хотятъ васъ повыше баллотировать! — и ударилъ его покровительственно по плечу.

Становой ослабилъ: Неужто? Ужь не оставьте, а мы заслужимъ! даже всталъ и такъ ловко поклонился, а про себя думалъ: «тамъ что будетъ, а теперь сорвать надо-бы, жена шляпку пресить, да пристяжную надо промѣнять, да тамъ кой-какія еще расхляпки, совсѣмъ безъ гроша.»

Поймавъ слова Семена Петровича, что Андрей на закатъ сюда пошелъ изъ Подгорнаго и въ Выселки не приходилъ, онъ сталъ добираться, разспросилъ когда пошелъ Андрей, кто пошелъ въ лѣсъ до него, кто послѣ него, дознавъ отъ бабы, что Ермоланчъ одинъ одинехонекъ нахалъ подъ лѣсомъ и, оказалось, такъ близко отъ того мѣста, что онъ долженъ-бы былъ слышать борьбу или крикъ или что нинаестъ такое, если не самъ совершилъ убійство, — да!

Позвалъ Ермоланча.

— Какъ тебя зовутъ, старина?..

— Звали меня Пантелей, по отцѣ Ермолаевъ.

— А сколько тебѣ лѣтъ?

— Кто-жь ихъ знаетъ, моровой язвы не помню, а слышать-

слыхалъ, и про Пугачевщину слышалъ, отъ матери, мальчишкой былъ.

— Стало быть тебѣ годковъ 60.

— Кажись побольше будетъ!

— А самъ еще папешъ? молодецъ!

— Могута-есть, что-жь не работать?

— У тебя гдѣ полоса-то, что ты пахалъ?

— А тутъ у тропки.

— У лѣсу!

— Да отъ лѣсу до рѣчки, всѣ полосы тамъ.

— Ты одинъ вѣдь пахалъ, больше никого не было?

— Одинъ; ребята всѣ на барщинѣ были.

— Тебѣ Андрей-то родня былъ?

— Братъ, значить, двоюродной, — вздохнувъ отвѣчалъ Ермола-
нъ и прослезился при этомъ напоминаньи.

— Ты его видѣлъ, какъ онъ прошолъ въ Подгорное?

— Какъ-же невидать, видалъ, мимо прошолъ.

— Вы говорили что-нибудь?

— Говорили.

— А когда назадъ-то шолъ онъ, вы что говорили?

— Назадъ? онъ не проходилъ, сердечный, назадъ.

— Почему-же ты знаешь?

— Да какъ-же, я почестъ до глухой ночи пахалъ.

— Такъ если ты одинъ былъ, какъ же ты не подаль помо-
щи, вѣдь отъ твоей полосы сажень 15 или 20? ты не могъ не
слыхать.

— Кабы слышалъ, такъ бы на голосъ пошолъ; значить ни-
чего не слышалъ, коли не пошолъ; — а самъ смутался: онъ слы-
шалъ какой-то трескъ и шелестъ!

— Гм. странно, что покраснѣлъ? не слышалъ какъ человѣка
жизни лишили, чай тотъ боролся, кричалъ?

— Этого ничего не было, а можа я на томъ концѣ былъ,
такъ и не слышалъ.

Становой всѣ слова записывалъ въ показаніе.

— Что-то не такъ, старина; ты, говорятъ, съ нимъ повздо-
рилъ, кучеръ Иванъ въ лѣсу былъ.

— Гдѣ? въ лѣсу-то, штоль, повздорилъ? а за что вздорить?
никогда съ нимъ не вздорилъ!

— Чѣмъ-же ты его ударилъ? — рѣзко спросилъ становой и
вперилъ глаза въ Ермоланча.

Тотъ встрепенулся, долго, глубоко въ него всматривался, краснѣя уже отъ другого чувства.

— Отвѣчай-же, — требовалъ становой.

— Отвѣчать-то тебѣ? что-жь отвѣчать тебѣ, когда ты не вѣсть что спрашиваешь, чѣмъ я его ударилъ? Да развѣ я, что-ли, его убилъ, поцвоему?

— А кто знаетъ?

— Чѣ знаю! нѣтъ, ваше благородіе, человекѣ не обижайте, это дѣло не честное.

— Ну, любезный, безъ разсужденій, не такъ чистъ ты какъ хочешь казаться, если не ты убилъ, такъ ты не подалъ помощи, это все одно по закону, на-ка подпиши вотъ показаніе!

— Да вы тамъ что написали-то? я грамотѣ не знаю.

— Я прочту.

— Вы-то прочтете? нѣтъ ужъ я Ваньку позову: пусть онъ прочтаетъ, такъ-то.

— Ты смѣешь, — вспыхнулъ-было становой, — мнѣ не вѣрить! — а потомъ смягчился; — пожалуй, не подписывай, любезнѣйшій, это упорство называется, я актъ напишу, поди, мой милый, въ сѣни, поди, подожди! — а все такъ хладнокровно, мягко говорилъ становой.

Ермоланчъ вышелъ, становой что-то пошепталъ своему писарю, писарь вышелъ и поговорилъ съ сотскимъ; сотскій былъ изъ отставныхъ вахмистровъ и такъ себѣ, будто ничего, подскѣлъ къ Ермоланчу.

Началъ онъ распрашивать, зачѣмъ звали, что спрашивали; этапъ сбоку подходить сталъ; а выслушавъ, началъ толковать, что дѣло неладно выходить, что на него сильное подозрѣніе; что въ городъ возмуть, въ острогъ пасадятъ. Ермоланчъ слушалъ молча, но слушалъ.

— Такъ-ты, говоришь, подозрѣнье, какое же подозрѣнье это? мы люди простые по глупости не понимаемъ, и что изъ этого подозрѣнья-то!

— Какъ что? до конца дѣла сидѣть будешь, а коли оставятъ въ подозрѣнн, подъ надзоръ въ общество отдадутъ.

— Подъ надзоръ? во что, а что же это надзоръ-то будетъ?

— Значить за тобой смотрѣть будутъ.

— Эко! мнѣ-то что, пусть себѣ смотрятъ.

— Ну да слышалъ, ты былъ одинъ, Андрей убитъ, ну, ска-

луть, должно быть онъ уходилъ, ну, человекъ, значить, опасный.

— Такъ по вашему я убилъ, — съ злобнымъ хохотомъ отвѣтилъ Ермолаичъ, — вы стало не знаете Ермолаича, что такъ обижаете. Вишь, придумали какую пакость.

— Оно хоть и не вы, почтеннѣйшій, да подозрѣніе выходятъ: судъ будетъ разбирать.

— А что вашъ судъ-то будетъ разбирать-то, онъ, чай, ничего не выдастъ.

— А слѣдствіе становой-то напишетъ.

— Во што? Онъ напишетъ, да что же онъ напишетъ? такъ и повѣрять всему, что онъ напишетъ!

— Да тамъ оправдаются или нѣтъ, а засаждать въ острогъ, нехорошо.

— Не хорошо, такъ оно, да что-жь тутъ дѣлать прикажешь?

— А дадите миѣ на подметки—науку сдѣлаю, мы люди бывалые.

— А къ примѣру и далъ бы, что-жь такое, за науку дать можно.

— Вотъ что: поклонитесь становому хорошенько, онъ освободитъ и все, этакъ, лишняго не напишетъ; ну, эдакъ, хоть рублишковъ въ сотню поклонитесь; онъ, знаете вы, человекъ добрый.

— Во что! Да за что же я это поклонюсь-то его милости? Я никакой вины за собой не знаю.

— Эхъ, простота, да говорятъ тебѣ—чтобъ изъ дѣла выпутать, въ острогъ чтобъ не посадилъ.

— А его власть на это? видишь господить сотскій, я передъ Богомъ чистъ и передъ людьми чистъ, не боюсь твоего станового, а коли сможетъ въ острогъ взять, въ свѣтѣ развѣ правды нѣтъ? Видали мы много такихъ, вертять, вертять и самъ свернется; я, братикъ, хоть въ судахъ не тягался, да за меня баринъ заступится, да и Богъ за меня! отъ-колѣ я возьму, экъ заломилъ сто рублей, да за что я дамъ-то? съ чего ему въ голову влѣзла пакость такая, Господи прости, что я убилъ брата; Каинъ что-ли я,—горячо говорилъ старикъ.

— Ну будешь жалѣть, старикъ, близко локоть да не укусишь послѣ.

— Ну, что будетъ, то будетъ, воли Божія; зло сотворить

могутъ всякая тварь, не то, что человекъ, да Богъ не выдастъ, — свинья не съестъ! наше дѣло чистое, про то Господь знаетъ!

Однако какъ ни силенъ былъ Ермолайчъ своей правотой, какъ не отстаивалъ его Семенъ Петровичъ, все таки становой, развѣзаясь на то, что не хотѣли снабдить его шляпкой, пристяжной и иными прочими, значить, пріѣзжалъ задаромъ — подвелъ по дѣлу такую юридическую логику, да и какъ ему было не подвести, въ семинаріи-то логикѣ учился, — такъ подвелъ такую логику, что Ермолаича прямо въ желѣза и на каторгу; на бѣду онъ сдѣлалъ обыскъ у Ермолаича и нашолъ топорикъ; а топорикъ былъ у него за поясомъ, когда онъ полосу пахалъ; такъ обухъ этого топорика какъ разъ подходилъ въ мѣрку по ранѣ на голѣвѣ Андрея; такъ, по крайней мѣрѣ, написалъ становой и топорикъ взялъ.

Такъ-ли, не такъ-ли, а пришлось Ермолаичу въ острогѣ посидѣть.

Не терять духу Ермолайчъ; неужто правды на свѣтѣ нѣтъ! какъ не быть правдѣ — да сперва въ острогѣ посиди на старости лѣтъ, а извѣстное дѣло что такое острогѣ.

Да не сглушили ли и Семенъ Петровичъ и Ермолайчъ, что не дали сто рублей становому, дѣло бы такъ пошло, что предали бы случай смерти суду и волѣ Божіей?

Убийство Андрея явно не было корыстными убійствомъ бездушнаго разбойника; не убилъ, не обобралъ его грабитель на большой дорогѣ, или тать забравшійся въ клѣтъ, — убить онъ злобною рукою личнаго врага, или это было удовлетвореніе мести. — за что? развѣ эта жизнь была помѣшкой жизни другой? Вотъ трудная задача, которую предстояло рѣшить мнѣ.

Убийство развязка только драмы, это катастрофа; но чтобъ развить ее нуженъ былъ прологъ, первый разгаръ страстей, причины дѣйствія, вызвавшія такую развязку; за этимъ я поѣхалъ на мѣсто самаго происшествія въ Подгорное и Житино, Выселки — тожъ.

III.

Я ѣхалъ въ Подгорное; со мной сидѣлъ старикъ Ермолайчъ! Это было осенью, но не той сырой, дождливой, грязной, туманной осенью, что холодитъ душу, нагоняетъ тоску и загоняетъ человека въ самого себя.

Это была свѣжая, морозная осень!

Оградно перебѣгать взоръ съ желтаго листа березы, на крас-
ный листъ осины, на темнозеленныя иглы сосны и ели, на
изумрудно-зеленыя озими и ярко желтое жнивье? Все это се-
ребрилось бѣлыми иглами инея, а тамъ за круглыми холмами
дальняя синева лѣсовъ, сѣрый дымокъ надъ черными избами и
овинами, а около овиновъ, на гумнахъ все кишить жатвѣю, хло-
потоу и вѣсы, заботится православный народъ заготовиться на зиму;
воздухъ такой свѣжій—такъ бы и втянулъ въ себя; какъ-то и
на душѣ-то свѣжо и ясно!

Видно свѣжій потокъ жизни вливался и въ Еромолаича; вол-
нение было замѣтно — но не было чистой радости.

Я спросилъ его: Ну что, старина, радъ что домой ѣдешь?

Еромолаичъ. Какъ не радъ! ужь я не чаялъ вернуться, а вотъ
Господь сподобилъ.

Я. Ну, а кая-то думка на душѣ есть?

Еромолаичъ. А какъ думкѣ-то не быть! давно вѣстей изъ до-
му не было, да и что окажется, Богъ вѣдаетъ; я двѣ семьи въ
горѣ оставилъ-то; вѣдь мы съ Андреемъ наибольшіе были въ
семьяхъ-то.

Я. Странно, кто это лишилъ его жизни! не разбойникъ при-
дорожной—не изъ чего было, онъ не съ казной ходилъ, не въ
кабакъ ссора была.

Еромолаичъ. Ничего такого не было.

Я. Ну такъ надо-жъ поискать не было ли у него тайнаго
врага, завистниковъ? Бываютъ такіе злые люди, ни за что из-
ведутъ человѣка.

Еромолаичъ. Бываютъ, какъ не бывать, только коли эдакій
злой извести захочетъ-то, прямо не ползетъ, а норовитъ зна-
харку найти, тайно зелья поддаты, да порадоваться, такъ-то.

Я. Все-таки не имѣлъ ли кто зла на него, припомни, можетъ
злаясь, что онъ староста.

Еромолаичъ. Чему злиться-то? эка радость-староста, онъ, ка-
жись, не разъ у барина отпрашивался, больно тягостно, отдох-
нуть не коли, отъ своего дому отшибся совсѣмъ.

Я. Однако другой причины убійству предполагать нельзя,
прохожій чтоль, здорово живешь, цапанулъ? да тутъ и прохо-
жить не бываетъ, все свои; не сдѣлалъ ли кому Андрей чего
въ обиду; можетъ онъ и не думалъ, да тотъ озлобился, вѣдь
на весь міръ не угодишь.

Еромолаичъ. Не такой человѣкъ былъ, правдивый былъ чело-

вѣжъ, кажись, мухи не обидѣлъ!—Сказавъ это Ермолаичъ опустилъ голову и задумался; я замѣтилъ, что нашъ молодой ямщикъ давно вертѣлся на облучкѣ; парню видимо хотѣлось вступить въ разговоры; поворотясь въ полъ-оборота и похлопывая кнутомъ, онъ посматривалъ какъ-то съ усмѣшкой.

Я. Что посматриваешь, или слово какое вертится на языкѣ?

Ямщикъ. Ничего-съ! — Эй вы!—крикнулъ онъ на лошадей и отвернулся.

Я опять началъ приступать съ разспросами къ Ермолаичу и наконецъ сталъ спрашивать ладно ли было въ семьѣ. Ермолаичъ хмурился, отвѣчалъ туго, а ямщикъ опять повернулся и смотрѣлъ еще лукавѣе.

Я. Ужь, братъ, не финти, что-то на языкѣ у тебя вертится, да видно духу не хватаетъ.

Ямщикъ. Чего не хватать-то, эка штука!—и, подмигивая, прибавилъ:—спросите-ка ево про Акулину.

Я. Это что за Акулина?

Ермолаичъ. Что Акулина? ничево Акулина, этта младшая невѣстка была у Андрея,—весьма неохотно отвѣчалъ Ермолаичъ.

Я. Такъ чтоже?

Ямщикъ. Ничево! хорошо было ей жить-то?

Ермолаичъ. А чѣмъ дурно! коли сама безпутная была, значить учить надо было.

Я. А гдѣ эта Акулина?

Ермолаичъ. Въ отлучкѣ, не знаю гдѣ?

Ямщикъ. У отца, в. б., въ Семеновкѣ живетъ.

Я. А ты почему знаешь?

Ямщикъ, (*приподнимая шляпу*). Мы тутешніе, в. б.

Я. А во время происшествія гдѣ была Акулина?

Ермолаичъ. Не слушай его, баринъ, съ дуру мелеть. Она была и тогда въ отлучкѣ.

Я. А далеко отъ Выселокъ Семеновское?

Ямщикъ. Черезъ болото верстъ восемь, а по дорогѣ, черезъ наше Всесвятское, верстъ двѣнадцать.

Я. А ты знаешь, гдѣ она была тогда-то?

Ямщикъ. У отца, должно быть, была, такъ, что ли, дѣдушка? Она отъ нихъ все бѣгала, в. б., славно угощали!

Ермолаичъ. Что брешешь-то? видалъ что-ль? Бѣгала — разгульная, пьяница, такъ и бѣгала.

Ямщикъ. А по чьей милости пьяница? Заѣли дѣвку - то? За чѣмъ насильно повѣнчали-то?

Я. Какъ это, Ермолаичъ?

Ермолаичъ. Эка насильно! известно, в. б., у насъ дѣвокъ не спрашиваютъ: приказалъ баринъ, отцы благословили—ну и повѣнчали; такъ изъ этого и бѣситься что - ль, дѣло обнакновенное.

Ямщикъ черезъ плечо поглядывалъ на Ермолаича и старику очевидно не нравилось, что коснулись его семейныхъ тайнъ, а имъ это-то и было на руку; надо было ихъ стравить, чтобы высказались.

— Что—братъ,—насмѣшливо обратился я къ ямщику,—старики посвоему судять, надо уступить имъ.

Ямщикъ. Какъ же уступать, изъ какой болести! Что, не правда, чтоль, дѣдушка, что Акулина отъ побоевъ да съ тоски сбѣжала?

Ермолаичъ. Не правда!—рѣзко отвѣчалъ старикъ,—она до эвтого побоевъ не видала, а стала баловать—и бить стали.

Я. Видишь, стало, за дѣло и били.

Ямщикъ. И за дѣло били, и безъ дѣла били, да не въ эвтомъ сила, в. б.

Я. А въ чемъ же?

Ямщикъ. Я бы вашей милости растолковалъ, да може дѣдушка осерчаетъ.

Я. А что тебѣ бояться, говори!

Ямщикъ (*почесываясь*). Да я евто — не на счетъ убійства; про то мы ничево не знаемъ — а про жизнь и горе, такъ, можетъ-ста знаемъ.

Я. Да и я не для этого спрашиваю, къ разговору пришлось. Ну, чтожь за горе было—разказывай: дорога короче будетъ.

— Гей, сивенькія, грабать!—гаркнулъ ямщикъ, поведя кнутомъ и поднявъ возжи; тройка со всѣхъ ногъ бросилась, такъ что духъ захватило; ямщикъ понемножку сдержалъ лошадей, пустилъ ихъ шагкомъ и повернулся ко мнѣ.

— Вотъ-что, баринъ,—началъ онъ,—въ чемъ бѣда-то; ваше дѣло господское, вы сперва слюбитесь, а потомъ къ вѣнцу, съ согласія, значить; а у насъ по милости стариковъ, шиворотъ навыворотъ: обвѣнчаютъ, не спросясь, а тамъ, любо аль нѣтъ—не ихъ дѣло. Вотъ и тутъ што было! Акулина была дѣвка ражая, работница-то—поискать стать, жать начнетъ—трехъ за по-

ясть заткнеть, тать что ли—челнокъ такъ и бѣгаетъ; старики не надыхались на нее, какъ же, одна дочь; бѣдные были, въ Семеновскомъ все бѣдные, въ иномъ дворѣ не то что лошади, кнутовища не найдешь. Акулина была бравая дѣвка, собой словно яблочко, а какая шустрая! языкомъ, бывало, болтай, а рукавъ води не давай—заушить какъ разъ! Объ дворъ жилъ съ матерью бобылкой Сергѣй, парень, такъ Бобылевымъ и прозвали; парень знатный, известное дѣло бѣдность—тягло тянулъ—гдѣ разжиться; слюбилась они съ Акулиной, во какъ слюбилась! ну, аначать, матери и рады сосвататься; повалякали, пошла Анисья—это мать Сергѣя-то—къ барину, взяла троицкую чашечку росписную, яичекъ положила, полотенцемъ накрыла и пошла на барскій дворъ, а у нихъ баринъ такой-то, безъ поклона и не ходи. Пришла, значить, Анисья. Баринъ въ окно увидалъ, газету читалъ; ну, видать на поклонъ несетъ—позвалъ. Анисья въ ноги, такъ, значить, и такъ, я стара, сына обженить надоть. Онъ, знаешь, такъ тихо—онъ всегда тихо, и бранится словно цѣловать хочетъ, и самъ такой худой да носастой, словно съ лазарету вышелъ, и одежда-то словно лазаретная, халатъ грязной да шапочка мазаная. Ну, голубушки, задремали,—обратился ямщикъ къ лошадямъ и пустилъ ихъ рыспой.

— Такъ баринъ-то и говорить: хорошо, моя милая, хорошо, жени, а невѣста есть? Да вотъ, ежели милость барская будетъ, Акулину сосѣдскую.—Ну чтожь, говорить, и Акулину. Старуха въ ноги, а онъ:—Порядки знаешь, съ тебя сто рублей, и бери повѣсту. Взыла старуха: гдѣ этакую кучу денегъ бобылкѣ взять? завопила да опять въ ноги. Позвалъ Степку - казачка и прогналъ старуху. Такой обиходъ ужъ у него: свой мужичокъ да за свою дѣвку заплати; а коли попросилъ, да не выкупилъ—тотчасъ въ чужую деревню ухнетъ. Ну, какъ принесла Анисья такую радость—взыли и Сергѣй съ Акулиной. Ужъ онъ чего не прибиралъ, чтобъ, то есть, достать денегъ и на оброкъ то, и то и другое—не ладно все. Ну, говорить, душу продамъ, на большую дорогу пойду да добуду, заткну глотку этому чорту, подавись онъ моими деньгами—да это все болтовня, знаю только, совсѣмъ отъ работы отсталъ, и Акулина тоже. Сойдутся, этакъ, сидятъ молча, да охаютъ. А, бывало, Акулина весь хоро-водъ водила; голось серебряный колоколецъ, пляска—такъ живчикки и говорятъ, забористая дѣвка!—и онъ покрутилъ головой...

Я. Ну, что жь дальше?

Ящичикъ. А что дальше? Вот понадобится Андрею невеста, второго сына женить, своихъ-то, знать, не было...

Я. Не было, что ли, своихъ, Ермолаичъ?

Ермолаичъ. Были, да или попъ вѣнчать не хотѣлъ: родня, или ледящия. Нашъ паренъ славный, а больше вотъ что: Андрей дочь за вольнаго отдалъ; нашъ-то баринъ выводныхъ полтора-ста взялъ, призвалъ Андрея и говоритъ: Тебѣ женить сына надо, такъ ты сбѣй найди невесту съ воли, али у сосѣдей, а я выкупъ внесу, значить своими дѣвками не торгую! Оно точно, гдѣ дѣвокъ искать, какъ не у Семеновскаго? Поѣхали, поросенка на поклонъ свезли, да меду чашку. Есть, говорить, дѣвка. Привели Акулину. Правда, всѣмъ дѣвка взяла, ну, вѣстимо, хмурятся, плачеть, не хочу, говорить, да это всегда должно такъ: невыгодно дѣвкѣ радоваться. Стали торговаться; недѣли двѣ водилъ; спрашивали: всѣ говорить честная дѣвка, работающая; отецъ хорошій.

Ящичикъ. Чай говорили-же что Сергѣя любить?

Ермолаичъ. Такъ что жъ за бѣда, смотрѣть что ли на нихъ, дура какъ есть!

Ящичикъ. Она-ли полно дура-то? то-то и есть, въ глаза скажи: никого любить не буду, не пойду; такъ отецъ отвозилъ, что ты, говорить, хочешь, чтобъ меня отодрали; чай цѣлехонькой день на огородѣ лежала.

Ермолаичъ. Ишь ты, денежки-то вѣдь заплатили, еще за выводную полтинникъ потребовалъ, да за печать четвертакъ.

Я. Ну и обвѣнчали?

Ящичикъ. Какъ же обвѣнчали! зарученье было что твоя родительская суббота! Жалостно было смотрѣть на Акулину, кровинки нѣтъ, обезумѣла словно, али столбнякъ нашолъ, а они что видѣли? перепились на радостяхъ! я вѣдь, дѣдушка, тутъ былъ—знаешь, баринъ, Сергѣя связать хотѣли, ворвался въ избу-то, поглядѣлъ, развелъ руками: «прощай говорить, сердце мое, жизнь моя, Акулинушка» закрылъ лицо руками, да прямо въ кабакъ и зашолъ, николи дотолѣ не было! значить, за жирое задѣло, а вы что? видѣли что ли? сами пьяны были!—Ну, вы, касатки, веселись, — крикнулъ онъ опять на лошадей.

Я. Тихе, тихе; кончай что-ли.

Ящичикъ. Что кончать-то? Извѣстно, обвѣнчали; какъ подъ вѣнодь везли, народъ голдилъ, что чуть не задавили Сергѣя; пьяный подорогъ дороги дѣтъ!

Я. Дурно сдѣлали Ермоланчъ, нельзя было ждать путнаго.

Ермоланчъ. Доподлинно такъ! какъ очнулась послѣ, такъ дома не то за что принялся, а пошла все на смѣхъ дѣлать; ты ее къ работѣ, а она зубы скалитъ; а мужъ-то какой, десять Сергѣевъ стоитъ, испьющій, мастеръ, на фабрикѣ фигурные шелки, нарчу ткать, сколько зарабатываетъ!

Ямщикъ. Что говорить парень золотой, всѣмъ взялъ, да вездно пришолъ, другой мѣсто занялъ.

Ермоланчъ. Да много горя принесла въ домъ Акулина, а тутъ вдругъ пропала—три дня не приходила, Андрей гонять сталъ—она зубъ за зубъ; ну поучилъ, что-жь такое не на дурное училъ; такъ нѣтъ—что бей такъ хуже, отбилась отъ рукъ и стала такая зубоскалка, только бывало холится дарядится, али уйдетъ; побялись, побялись да и плюнули, провались ты совсѣмъ, какая жена ужъ это! ни мужа знать не хочетъ, ни работы! жались барину, а онъ говорить: учите сами, ваша дочь?

Ямщикъ. То-то учите—выучили, индо тошно стало, подъ сердце подперло, ишь какъ учили! старшая-то невѣстка словно кошка глаза драла.

Ермоланчъ. Ну, не кори, это баба заправская.

Ямщикъ. Ну ее заправская, отодрать бы ее! отъ нея болѣ Акулина не стерпѣла,—къ отцу-то ушла, а тамъ, баринъ,—добавилъ онъ, подмигивая,—Сергѣй подъ бокомъ, извѣстное дѣло встрѣлись, затапули старую пѣсню; повеселѣла Акулина—де не то веселье! сказалъ онъ вадохнувъ,—горе водочка веселила. Эхъ-на, горемыки сердечные; ужъ его, Сергѣя-то, баринъ Семеновскій на конюшнѣ дралъ—дралъ и къ становому-то посылалъ, а онъ, сердечный, только и говорилъ сначала: вколотите скорѣй въ гробъ что-ли, а потомъ махнулъ рукой, была не была! Ну и пропалъ вмѣстѣ съ Акулиной; въ это время разбойничали много у насъ, какой-то Княдюшка ярославской, да Пуговкинъ, бѣглый солдатъ, народъ такъ и годдилъ, что Сергѣй къ нимъ присталъ, значить, за дорожное ремесло привился. Оно точно, Акулина приходила домой къ отцу, шубка не шубка, платокъ не платокъ, а онъ матери присылалъ денегъ, и самъ хаживалъ, только все по ночамъ, однако подкараулили шельмы—накрыли, да и въ солдаты.

Я. Когда это было?

Ямщикъ. Да передъ тройцынымъ, аль на петровское заговѣнь? не знаю хорошо-то! Такъ то обоихъ-двоихъ сгубили; этъ вы, разбойники-душегубы,—крикнулъ какъ-то горько ямщикъ на ло-

лошадей и погналъ ихъ къ Подгорному. Подгорное вдругъ выгинуло изъ за лѣсу.

Я. Чего-жь мужъ-то Акулины смотрѣлъ?

Ямщикъ. Мужъ-то? а ему что? не для себя женился, для долу, отецъ и разбирайся какъ знаешь. Чай жонгъ-то у Василья на фабригѣ не искать стать.

Ермолаичъ. Власть бы моя, поучилъ бы я тебя язычекъ-то чести, всѣхъ-то облаялъ, разбойникъ.

Ямщикъ. Ахъ не по шерсти глажу! Эхъ вы, голубчики,—настипливо отвѣчалъ ямщикъ, поводя кнутаомъ.

Мы лѣзли въ гору къ усадьбѣ Семена Петровича; Подгорное действительно стояло подъ горою, у рѣчки; но усадьба была черезъ рѣчку на довольно высокомъ крутоярѣ; веселенькій барскій домикъ, нухлобучивъ красную крышу, свысока поглядывалъ на кровли избушекъ; онъ кокетливо рисовался на темной занавѣсѣ сосновой рощи, окруженный своей семьей построекъ; а меньшая братья-избушки тѣснились собѣ бокъ объ бокъ, зная для взаимной поддержки, внизу близъ водицы; она, вѣдь, нужна поближе и скоть попоить и въ избу натаскать, ну—отъ слова не случится—и въ пожарное время, хорошо какъ есть чѣмъ огонь залить.

Оно въ Подгорномъ не совсѣмъ такъ было; больно добръ былъ сердцемъ Семень Петровичъ, порядки любилъ, а баловать баловалъ мужичковъ; имъ было съ руки, когда разныя вольготы видятъ! Ермолаичъ мнѣ сказывалъ; говорить больно справедливъ Семень Петровичъ, ужъ какъ справедливъ, за это уваженіе большое имѣть, человекъ есть правосудный, хоть бы и шальной какой нашъ братъ мужичишка, что послѣдній зипунъ въ кабакъ проилъ или художествомъ занимается, и то накажетъ его за дѣло, положимъ, хоть и ругнетъ, бѣзъ этого ужъ нельзя, и злости незатаить, еще поблагодарить, поучили; ну иное дѣло несправедливая обида—она заѣдаетъ человекъ; кровная обида, значить!

— То-то, кровная-то обида, во она!—не утерпѣлъ бы вкисить ямщикъ, еслибъ слышалъ это.

Ждалъ или не ждалъ меня Семень Петровичъ, а стоялъ на крыльцѣ, растопыря ноги и запустивъ руки въ карманы пальто.

— А, здравствуйте,—закричалъ онъ какъ будто старому знакомому, когда я выпрыгнулъ изъ телѣги;—Иванъ, во флигель вещи, а! Ермолаичъ, здорово, ну, вотъ, очень радъ, Васька! закуску или кофею? что вы лучше любите, прозябли, чай?

— Благодарю васъ, ничего неаппетитно! позвольте отравиться...

— Знаю, знаю, мнѣ изъ города писали, мнѣ очень лестно, прятину безъ церемоній.

Однакожь безъ разныхъ китайскихъ церемоній не обошлось, усѣдись въ гостиницѣ на довольно красивую, но ужасно неудобную мебель; я попалъ, по желанію хозяина, въ такое мягкое кресло, что ноги были чуть не выше головы, прямо сидѣть было нельзя, а облокотиться—въ дугу согнуть—слабная выдумка!

О дѣдѣ Семенѣ Петровичѣ ни гугу, какъ будто и забылъ, что убить человѣкъ; да впрочемъ убить такъ убить, такъ и въ ревизской сказкѣ отмѣнять.

Я раньше отъ хозяина не отдѣлался какъ только послѣ длиннаго, жарнаго обѣда. Для меня былъ убитъ огромный индюкъ, пара утокъ и гусь на супъ съ потрохами, это мнѣ Ермолаичъ объявилъ, я его съ казакомъ поселилъ въ сосѣдней комнатѣ; чтобъ не присутствовать при первомъ свиданіи, я дозволилъ допустить родныхъ; во время нашего обѣда перебивала чуть не все деревня. Любили старика и радовались, и плакали смотря на него, наносили ему и лепешекъ, и яичъ, и всякой всячины, на годъ бы ему, кажется, достало.

Воротясь послѣ обѣда я засталъ у него жену и старшую невестку Андрея—Катерину; худощавая, блѣдная, повидимому добрая и хорошая баба; видно вснаправду вралъ ямщикъ, только что-то губы тонки и стиснуты,

Я ни съ кѣмъ въ разговоры не вошелъ, а послалъ отыскать Акулину, но Акулины ни въ Выселкахъ у свекра, ни въ Семеновскомъ у отца не нашли, скрылась что ли?

Пришолъ Семенъ Петровичъ и я шуточками условился съ нимъ, чтобъ онъ не мѣшалъ мнѣ заниматься дѣломъ; отъ него я никакихъ свѣдѣній для себя не добился; сказалъ только, что Акулина дрянная баба, но что ее во время убійства вовсе не было.

Я отдалъ себя ему на жертву, во время обѣдовъ и ужиновъ, отказаться возможности не было.

— И хорошо въ пикетецъ сыграемъ! онъ держалъ слово и ни во что не вмѣшивался.

На другой день я пошелъ въ Подгорное и Выселки дѣлать разспросы; уже всѣ знали, что я искалъ Акулину и странно: всѣ видимо находили, что это такъ и слѣдовало, никто не удивлялся, шла молва, гласъ народа подозрѣвалъ ее въ убійствѣ безъ всякаго

ких фактовъ, несмотря на то, что она тогда была въ продолжительной отлучкѣ.

Войдя въ домъ Андрея, всякій бы сказалъ: семья хорошая, зажиточная, изба покрыта тесомъ, печь выбѣлена, лавки вымыты, полы выскоблены, много одежды, все на мѣстѣ; Павелъ, старшій сынъ Андрея и Катерина, его жена, очень мать почитаютъ я, дружески заговоривъ о покойникѣ, заставилъ старуху сѣсть, Катерина стояла у печки, дѣвочка дѣтъ 7 пряталась за нею, двое маленькихъ ребятшекъ копались въ углу, не обращая на васъ вниманія; сначала было разревѣлись, незнакомаго человѣка увидали, да скоро утишились, мать ихъ потузила и бросила на забаву двухъ котятъ къ великому огорченію кошки. Павелъ стоялъ у стола, потомъ шепнулъ что-то женѣ, та постдала толстую, но чистую дерюгу на столъ, отрушила свѣжаго, сочнаго хлѣба и принесла въ деревянной чашкѣ сотовъ.

— Кушайте на здорově!—съ поклономъ прибавила она и Цамъ кланялся, да такъ добродушно, что совѣстно было отказаться; но правдѣ, и соты и хлѣбъ смотрѣли такъ заманчиво, только свѣжихъ огурцовъ не доставало.

Я. Что Павелъ, тяжело безъ старика?

Павелъ. Какъ же не тяжело безъ старшаго, — *се вздохомъ* отвѣчалъ онъ.

Я. А братъ на фабрикѣ?

Павелъ. Онъ почесь всегда на фабрикѣ.

Я. Ну, что, старуха, Василий не балуется! хорошо живетъ?

Мать. И, родненькой, еще какъ хорошо! нагдысь, какъ провѣдалъ, сердечный, объ отцѣ-то, работу бросилъ, прибѣжалъ, денегъ принесъ, ужъ такой сынъ, что и говорить нече.

Я. Да тебя, кажется, сынками Богъ благословилъ?

Мать. Благодарн Господа, кормятъ, обиды не вижу, дай цѣль Богъ здоровья.

Я. А вотъ невѣстками ты не такъ счастлива (Павелъ встряхнулъ волосами, Катерина вспыхнула), т. е., я хочу сказать, одной невѣсткой—меньшой Акулиной!—поправился я.

Мать. Ну, чтожь дѣлать! и на старуху бываетъ проруха. Назвалъ Богъ Васюту.

Я. А ктожь виноватъ, зачѣмъ противъ воли взяли?

Мать. Противъ какой воли, баринъ? развѣ у дѣвокъ спрашивать ихъ долю? я мужа-то до вѣнца въ глаза не видала—а про-

жила во какъ любо, дай Богъ ему царство небесное!—Она прослезилась и перекрестилась на угольникъ съ образами.

Я. Что жъ за причина, что Акулина не удалась?

Павелъ. Позвольте вашей милости доложить, гуляющая въ дѣвкахъ была.

Катерина. И злющая такая, ненавистница.

Я. Можетъ вы ее обижали?

Павелъ. Мы-то? гм! слишкомъ баловали сначала, Василій-то взялъ ее безъ рубашки, а одѣлъ что твоя подгородная мѣщанка, да волка какъ не корми все въ лѣсъ смотреть, гулена одно слово.

Я. Однако она у отца славно работала.

Мать. Рукодѣльница нече говорить, какъ охота возьметъ.

Катерина. Да только охоты-то мы отъ нее не видали николи.

Я. Такъ-таки съ перваго раза?

Павелъ. Какъ есть съ первача, ни за что взятыся не хотѣла, все на смѣхъ, да съ руганьемъ. Когда братъ, значить, ушолъ на фабрику, такъ и совѣмъ отъ рукъ отбилась—уйдетъ, дня два, три и глазъ не кажетъ, придетъ, отецъ спроситъ: гдѣ шлялась б..... А тебѣ что за дѣло; ну, понимается, отецъ поучить, а она обругаетъ всѣхъ и опять уйдетъ, озорница баба, мы опосля просто отперлись отъ нея.

Я. Такъ она очень ненавидѣла старика?

Катерина. Всѣхъ она ненавидѣла, аспидъ этакой.

Я. Не ея ли грѣхъ, старуха?

Павелъ. Ужъ и мы мекали, да не было ее здѣсь въ это время, а народъ гондиль, что ея дѣло.

Я. Вы становому говорили?

Павелъ. Что жъ намъ-то говорить? кто знаетъ, можно обидѣть задаромъ человѣка.

Я. Гдѣ жъ она была въ это время?

Павелъ. Должно быть въ Семеновскомъ.

Я. А на похоронахъ была здѣсь?

Павелъ. Нѣтъ, Сережку, разбойника, провожала въ губернію; недѣли черезъ двѣ что ли приходила, одежду забрала; укладка ее здѣсь и теперича!

Бесѣда продолжалась въ этомъ смыслѣ, но кончика, за который бы ухватиться, я не находилъ; надобно было серьезнѣе приняться за Сергѣя и Акулину, да гдѣ ихъ было взять?

Я сѣзидилъ въ Всесвятское и тамъ узналъ отъ ямщика, ко-

торый насъ везъ, что Акулина проживаетъ въ станціонномъ дворѣ у ямщиковъ; мнѣ показали ее пьяную и развращенную въ кабацѣ, между двухъ гулякъ ямщиковъ; она цѣловала одного изъ нихъ и не обратила вниманія, что я взошолъ съ мѣстными старостой и сотскимъ, а когда я позвалъ ее, она грубо отвѣчала не вставая:

— Я Акулина, что тебѣ надоть?

Я. Подика сюда.

Акулина. А зачѣмъ я пойду, не хочу!

Видя, что она пьяна, я велѣлъ взять ее и отвезти въ Подгорное, она не сопротивлялась и только захохотала.*

На другой день я позвалъ ее къ разспросу; и трезвая она была безстыдна, отвѣчала полусловами, прямо ничего нельзя было дознаться; я и не сталъ спрашивать, а завелъ рѣчь такъ, чтобы затронуть сердечную струну, и это не удалось, на вопросъ гдѣ она была вечеромъ и ночью, (когда совершено убійство) она просто отвѣчала: у Сергѣя, всѣ видѣли.

Чтожь это такое? на сколько тутъ правды, а исправника и главное стряпчаго не было, я не хотѣлъ безъ нихъ отбирать форменныхъ допросовъ, особенно подъ присягою. Я прождалъ ихъ три дня, они гдѣ-то были на другомъ слѣдствіи.

Между тѣмъ я собиралъ всѣ свѣдѣнія до мелочи. Съѣздила еще въ Семеновское, помѣщика не было, кажется онъ спрятался.

Какая бѣдность въ Семеновскомъ; ни одной порядочной избы, народъ иррачный, испитой, убитый, гумны пустые; а барскій домъ—настоящее воронье гнѣздо на березѣ, само черно и грязно и березу засушило.

Изба акулинина отца Ивана Антипова была почти съ краю.

Потемнѣлая, заплѣснѣвшая соломенная крыша, кой-гдѣ заткана новой соломой, стѣны тоже до оконъ завалены мякиной, уголъ отгнилъ и крыша подперта шестами, а внутри полъ земляной, стѣны сырыя, черныя; воздуху нѣтъ, свѣту нѣтъ, душно и потомъ обдаеть! старуху засталъ за станомъ, старикъ плелъ лапти.

При первомъ словѣ объ Акулинѣ — старуха зарыдала, Иванъ тяжело вздохнулъ.

Что и говорить какая ни на есть: единственная дочь.

Въ это время беззубая, дрожащая старуха подошла къ окну просить Христа-ради, это была мать Сергѣя, такъ ее скорчило горе, потеря надежды-сына.

Иванъ отломилъ кусокъ черствого хлѣба, можетъ быть пос-

лѣдняго и подалъ ей, а и здѣсь когда-то была радость, утѣшала надежда, была дочка; бѣдные люди!

Всѣ разспросы только запутывали дѣло! если нравственное паденіе Сергѣя и Акулины, если народный говоръ и навлекали какое-то подозрѣніе, что они не чужды дѣла убійства, то подозрѣніе это разсѣивалось нѣсколькими свидѣтельствами, что Акулина была въ эту ночь за двѣнадцать верстъ отъ мѣста происшествія т. е. въ Семеновскомъ.

Но при слѣдствіяхъ, ничѣмъ пренебрегать нельзя.

Зашолъ я въ избу Андрея въ Выселкахъ, какъ не разъ это дѣлалъ; никого не было, всѣ молотили на гумнѣ, только Анютка, старшая внучка, возилась съ сковородникомъ около доски, противъ печи и старалась ее поднять; она уже обдержалась и не боялась меня.

— Что ты дѣлаешь?— спросилъ я ласково, однако она бросила сковородникъ, ушла къ печкѣ и закрыла шейнымъ платкомъ глаза.

— Что ты уронила въ щель что-нибудь, достать хотѣла что ли?

— Денежку, — отвѣчала она, не открываясь.

— Такъ я тебѣ помогу.

— Ненадошь, тятенька прибѣть; дѣдушка во какъ возилъ тетку за денежку; а сама изъ подъ руки подглядывала точно ли я помогу.

— За что же это?

— Денежку украла.

Между тѣмъ я поднялъ половую доску, лежавшую прямо на землѣ; ничего не было.

Она побсмотрѣла, заплакала и убѣжала изъ избы; я ужь хотѣлъ влечь доску на мѣсто, какъ замѣтилъ ямку и возлѣ нея слѣды руки какъ будто кто оперся, копая эту ямку; я поспѣшилъ догнать и воротить Анютку, давая ей нѣсколько грошей на приники, она кобенилась, но взяла и повеселѣла.

— Ты что ли ямку выкопала?

— Не, тѣтя.

— На что?

— А денежку прятала.

— Это краденую-то?

— Да.

— А когда она вынула?

— Опосля, какъ дѣда убили.

— Ты видѣла?

— Видѣла, на печки сидѣла.

До этого только бродяжничество и дурное поведеніе Акулины давали мнѣ право держать ее, теперь выступила на сцену кража и вызывала уже тщательное обследованіе ея поступковъ,

Я вышелъ съ дѣвочкой, отыскалъ замокъ, заперъ набу и пошолъ позвать исправника и стряпчаго, которые наканунѣ пріѣхали и ратовали съ Семеномъ Петровичемъ въ пресерансѣ.

Позвалъ понятыхъ, послалъ привести и Акулину; конечно, пробѣжала съ гуна вся семья.

Я спросилъ старуху прямо: когда Акулина украла у Андрея деньги?

Она замялась.

— Баялъ покойникъ, что украла, а ктожь ихъ знаетъ!—То же отвѣтила и Катерина.

Я сталъ допрашивать Павла.

— Кажись въ вербную, чтоль; засталъ я, отецъ веревкой жучить Акулину, ужъ такъ нещадно; а она вертится да хохочетъ, а сама красныя глаза вылупила; я какъ дверь-то отворилъ, она шныгъ да и на улицу, такъ и не вернулась; отецъ дрожалъ весь; тутъ онъ мнѣ сказывалъ, что она деньги украла у него.

— А сколько?

— А кто жь его знаетъ?—развѣ отецъ станетъ говорить какія у него деньги.

— Гдѣжь они лежали у него?

— Была у него такая круглая кожанная мошонка, лежала гдѣ, Богъ вѣсть, въ клѣти должно быть, оттуда приносилъ.

— Однако, какъ думаешь, сколько могло быть?

— Развѣ скажутъ старикъ, да повребуйна у нихъ спросить!—и онъ почесался.

— Послѣ этого, когда Акулина воротилась?

— Да ужъ опосля убійства приходила, перночевала и съ тѣхъ воръ не была.

— Какъ же ее баринъ не требовалъ?

— А на что она барину? Катерина на барщину ходила, а Василь оброкъ заплатилъ, значить освободился.

— А онъ когда приходилъ?

— Какъ повѣстали, отца прибѣгъ похоронить, тутъ и оброкъ заплатить,

— Чтожь онъ жену спрашивалъ?

— Спрашивалъ — только сказалъ: хорошо, что ушла, а то бы я ее.

— За что же?

— Вѣстимо за все. Какая жена!

Привели Акулину. Я, не спрашивая, велѣлъ поднять доску и прямо подвелъ ее.

— Это что? спросилъ я.

— Ничаво, — смѣясь отвѣчала она, глядя на стѣнку, — земля.

— А что это за ямка?

— Ктожь ее знаетъ, ямка! — и сама поглядѣла въ печку.

— А чья это рука на землѣ, твоя?

— Ишь-ты нашли, во мои руки, какая таиъ рука?

— А нука примѣрь, приложи свою.

— На-те, и подала правую руку.

— Нѣтъ, дай-ка лѣвую! приложи, ничего!

Она засмѣялась и посмотрѣла на лоханку, спрятавъ руки подъ ситцевой фартукъ; я мигнулъ казаку, тотъ ловко поставилъ ее на колѣни и приложилъ руку; какъ тутъ и есть — ся.

— Ты тутъ деньги прятала.

— Что прятала, что тутыньки прятать-то? на то укладка чай есть.

— А чтожь ты тутъ прятала? Тутъ лежалъ кошелекъ съ деньгами, который ты украла у свекра. Она кинула злой взглядъ на меня и стала глядѣть въ окно; исправникъ и стряпчій ничего не понимали.

— Вотъ словно банный листъ присталъ! воровку нашли! Не прятала я, сказала, вотъ и все.

— А ну-ка, гдѣ твоя укладка, покажи, голубушка?

— На что моя укладка понадобилась?

Я спросилъ Павла и велѣлъ понятымъ принести сундукъ.

— Отопри.

— Да чѣмъ я отопру, гдѣ ключъ-то?

— А гдѣ-жь онъ?

— Да потеряла, вотъ оно что!

— Отбейте замокъ!

Замокъ сломали, въ сундукѣ, довольно-большомъ, все было перерыто; ничего цѣннаго не было: тряпки, мотки нитокъ, но между тряпокъ много новыхъ остатковъ и обрѣзковъ пестрыхъ ситцевъ, каленкору и одинъ большой шелковый платокъ; я ве-

лѣтъ все перетрясти, оказалось нѣсколько ассигнацій, мелочи и нѣдѣ, разсыпанныя между тряпья, рублей съ двѣнадцать. Вдругъ громко ахнули и всплеснули руками семьяне: вывалилась круглая засаженная мошонка, они узнали кошелекъ, въ которомъ Андрей берегъ деньги; кошелекъ пришелся какъ разъ по мѣрѣ въ янку.

— Ну, не ты украла деньги? а какъ кошелекъ къ тебѣ попалъ, а это что за деньги? откуда?

— Кошелекъ-то? попалъ? знать валялся, а я прибрала.

Я взялъ ее къ форменному допросу; кража была очевидна, но она непризнавалась!

На вопросы, что это за деньги у нея найдены и откуда такое множество лоскутковъ, платокъ, на какія деньги она покупала наряды, она отвѣчала, не замкаясь.

— Откуда? приданое, родные надѣляли.

— Лжешь, тебя взяли нищую, въ одноѣ сарафанѣ.

— Анъ же нѣтъ, свое было.

— Лжешь, это ты на краденныя накупила, говори: откуда взяла все это?

— Откуда взяла, мужъ далъ съ фабрики.

— И деньги мужъ далъ?

— И деньги.

— Зачѣмъ же ты ихъ такъ бросила? Лжешь, да мужа ты съ Рождества не видала.

— Ну, вотъ, не знаю чтоль я, я на масляной да и на Воскресной къ нему въ городъ ходила—онъ тамъ и далъ.

— Ты на вербной сбѣжала, когда тесть побилъ; за что онъ тебя билъ? а?

— Зря билъ, всегда дрался! сжавъ губы, со злобой отвѣчала она; ужъ такой озорной билъ;—и посмотрѣла подъ столъ.

Никакія улыбки, никакіе вопросы ее не сбивали, отвѣчала находчиво, сноро и все отрицательно.

Я ее арестовалъ формально и сейчасъ послалъ казака въ городъ, къ городничему, это было всего верстъ за сорокъ. Семень Петровичъ далъ мнѣ подѣ доѣзжающаго лошадей.

Я просилъ городничаго немедленно отобрать показаніе отъ Василія Андреева, была ли у него на фабрикѣ жена съ новаго года, давалъ ли онъ ей подарки и какіе именно; далъ ли денегъ и сколько, просилъ взять справку изъ книгъ фабричной конторы,

сколько выдано и когда Андрееву денегъ, а такъ же спросить и его товарищей фабричныхъ.

Андреевъ напрямикъ отвѣчалъ, что жены съ Крещены въ маза не видалъ, ничего ей не давалъ и она у него не была; это подтвердили всѣ фабричные и самъ хозяинъ Памоловъ; денегъ Андрей взялъ въ этомъ году только 60 руб., когда убили отца.

— Ну, Акулина, врать-то толку мало, ты у мужа вовсе не была и ничего онъ тебѣ не давалъ.

— Во еще, гдѣжъ я взяла? сказано, мужъ далъ.

— Не правда, всѣ фабричные подтвердили.

— Эва фабричные! шарашыжники-то!

— Сознайся лучше, у свекра утащила?

— Нечего сознаваться, коли не брала.

— Откуда жъ у тебя были деньги и наряды? гдѣ взяла, должна сказать.

— Гдѣ взяла! ну нате! полюбовники дали! вотъ и всѣ!—съ досадой отвѣчала она.

— А кто эти полюбовники?

— Много знать хотите, не считала.

— Да вотъ, ваше благородіе, виѣшался приведеній ее еотсѣйя, чай, Сережка Семеновской, она съ нимъ таскалась, а дѣль извѣстное дѣло, художествомъ промышляла!

— Что Сережку-то путать, озлобась вскричала она, отъ коле онъ возьметъ, голъ эдакая, да за что одарить-то! вишь ты Сережка! не Сережка, а Федька Болдухъ далъ, вотъ кто!

— Что это еще за Федька Болдухъ?

— А здѣсь батальонъ зимовалъ, ваше благородіе, такъ солдатикъ у нихъ такой стоялъ, Федька Болдухъ.

— А гдѣ теперь батальонъ?

— Въ Москвѣ на раулъ содержатъ, поелнилъ испривникъ.

— Ну, хоть далековнѣе, а отъцемъ Федьку — спроситъ и Федьку.

— Эка спужали, да спрашивайте! — а сама ухмылялась и косилась въ уголъ.

— Нече спрашивать ваше благородіе, — продолжала еотсѣйя откуда ему взять: изъ хохловъ, некрутикъ, солдатикъ бѣдливъ; може, развѣ она его обиняла.

— Какже, всякую пиваль обинивать стану, таковская.

— Хорошо, развѣдемъ, а ты скажи вотъ что, гдѣ ты прошивала съ Сергѣемъ всю весну?

— Съ какою Сергѣемъ? У отца жила въ Семеновскомъ.

— Ты отлучалась куда?

— Куда, ну! въ городъ ходила, на Богомолье ходила, за-
прегу нѣту, чай!

— А гдѣ Сергѣй бродяжничалъ, зачѣмъ онъ ночью ходилъ
только домой, откуда деньги бралъ?

— Про то онъ знаетъ, а мнѣ почему знать?

— Да ты любилась съ нимъ?

— Еще какъ! съ малолѣтку, росли вмѣстѣ! вспыхнувъ, отвѣ-
чала она и прямо взглянула мнѣ въ глаза.

— Зачѣмъ же ты извѣстила ему, вышла замужъ за Василья?
обонъ обманула.

— Эхъ баринъ, не трожьте етова, невинна я въ чужой волѣ!
и у нея передернула лицо.

— Вотъ то-то и есть! поэтому ты и дурно жила съ Ва-
сильемъ и оскорбляла его стариковъ, не работала.

— Ну что жъ! за что жъ какъ было любить-то? изъ чего на
нихъ работать-то? руки не подымались!

— А на старика поднялась въ лѣсу рука?

Она опять взглянула мнѣ прямо въ глаза и отвѣчала не вдругъ.

— Въ лѣсу-то? меня въ лѣсу и небыло!

— А гдѣ жъ ты была въ это время?

— Сергѣя провожала; его въ старку везли; мать больно уби-
валась; съ ней была; весь день и всю ночь была; въ лѣсу не-
была; не знаю, что тамъ было! — истала смотрѣть на чернышницу,
какъ будто чего-то ждала оттуда.

Таки стрывистыя возраженія, какъ будто желаніе отвести со-
спитіе, возбуждали вопросъ: *точно ли она была у Сергѣя?*

Я сейчасъ переѣхалъ въ Семеновское и велѣлъ ее привести
туда.

Помѣщикъ опять не оказался дома; мы расположились въ ста-
ростинной избѣ.

Староста и всѣ спрошенные люди подъ присягой показали,
что Сергѣй Бобылкинъ, до замужества Акулины, былъ отличный
и честный парень, безмолвно боролся съ горькой долѣй сиротства
и сталъ было становится въ дѣйствѣ на ноги; что семья Аку-
лины, — семья хорошая и Акулина была дѣвка первая въ деревнѣ,
ничего за ней не замѣчали; это правда, что огрызаться любила,
бойка была; но не противъ отца и любилась она крѣпко съ Сер-
гѣемъ, а какъ выдали Акулину въ Выселки, оба пропали: онъ

запилъ, началъ бѣгать отъ работы, сошелъ на нитку и былъ даже слухъ, что якшался съ ворами; Акулина же, бросивши мужнинъ домъ, пришла къ отцу, плакалась на побой и дурную жизнь у свекра, сильно горевала и, сойдясь съ Сергѣемъ, загуляла и «стыдъ потеряла», какъ выразились мужики.

Поимка Сергѣя была наканунѣ убійства, а на другой день его повезли въ губернію и забрали лобъ, въ зачетъ будущихъ наборовъ. Помѣщикъ боялся, что человекъ задаромъ пропадетъ, въ Сибирь ушлютъ, да еще къ нему воровъ подведетъ, такъ лучше сбить въ солдаты. Акулина проводила его до губерніи, вернулась назадъ, сходила въ Выселки и пропала, а мѣсяца черезъ три вернулась къ отцу; узнать нельзя было, что стало съ бабой, баринъ велѣлъ ее прогнать, только и жила въ кабацѣ.

При подробныхъ разсировахъ, староста и мужики, караулившіе Сергѣя, чтобъ не убѣжалъ, пояснили, что Акулина весь день до сумерокъ сидѣла съ нимъ, приносила водки, рвалась и плакала, проклинала помѣщика, мужа, а больше всѣхъ свекра и въ сумерки ушла куда то, воротилась—было совсѣмъ ночь, принесла штофъ вина и кувшинъ пива, всю ночь пьянствовала съ Сергѣемъ; но никакихъ разговоровъ не было: *эта отлучка совпадала совершенно со временемъ убійства.*

Я призвалъ ее.

— Гдѣ ты была въ то время, когда ушла отъ Сергѣя и вернулась ночью? Не запирайся; свидѣтели есть.

— Что мнѣ запыраться, въ кабацѣ была.

— Позвать цѣловальника.

Цѣловальникъ, какъ водится, парень разбитной, бывалый, слѣдо вошелъ и встряхивалъ разчесанные и приглаженные волосы съ привѣтливой улыбкой; такъ и казалось, что хочетъ поднять.

— Что вашей милости угодно?

— Скажи, любезный, въ тотъ день, когда Сергѣя взяли и онъ засажень былъ въ колодку, брала у тебя Акулина водку?

— Какая это Акулина-съ? не знаемъ, не замѣчали, намъ бабъ запрещено-съ впускать.

— Не въ томъ, братецъ, дѣло, что запрещено, не это мнѣ нужно, это вздоръ, она вотъ говоритъ, что она пришла къ тебѣ въ сумерки, а ушла поздно ночью!

— Этого быть не можетъ-съ, мы питейный домъ запираемъ по уставу, на этотъ счетъ у насъ строго! не то, что бабъ сидѣть—позволить-съ.

— Однако она сказала! приведите Акулину.

— Ну, вотъ Акулина! онъ говорить, что ты вовсе не была везеромъ въ кабацкѣ.

— Что ты брешешь-то, не была, не ты ли обсчиталь-то меня, а я пятакъ въ рыло бросила, чай косолапый, да Митюха видѣли.

— Оно точно-съ. она въ сумерки заходила, косушку выпила, а другую съ собой взяла, только етова, что она говорить, вовсе не было.

— А гдѣ жъ она послѣ штофъ вина взяла, да еще кувшинъ пива?

— Это опосля ужъ было! я ужъ спать ложился, изъ своей каморки въ окно ей подалъ, изъ жалости, а дверей не отпиралъ.

— Не правда! я отъ тебя не уходила.

— Да вотъ-съ, извольте ея свидѣтелей, ваше благородіе, спросить—Косалапова да Митюху.

Позвали Косолапова и Митюху; тѣ подъ присягой подтвердили слова цѣловальника, дополнявъ, что онъ ихъ выгналъ и заперъ кабацкѣ, еще заря не погорѣла.

— Ну, гдѣ-жъ ты была, Акулина?

— Дома была.

— Нѣтъ, отецъ и мать говорятъ, что ты не была.

— Ну, гдѣ была? да не помню гдѣ, пьяна была, вотъ и все! сказано: не помню!

Ночью казакъ осторожно разбудилъ меня и вызвалъ въ сѣни: тамъ даждадася меня цѣловальникъ; съ величайшей таинственностію и осторожностію онъ шепнулъ мнѣ, что пастухи видѣли, какъ Акулина изъ Семеновскаго въ этотъ вечеръ шла пьяная черезъ болото въ Подгорный лѣсъ,—умильно просилъ не выдавать его, а то житья не будетъ, и обѣщаль, если что узнаеть—передать мнѣ; тоже не хотѣлось передъ селомъ прослыть зейскимъ ярыжкой, да и безпристрастіе хотѣлось показать, умилостивить меня. чтобъ я не впутывалъ лишняго, не далъ покормки судамъ, какъ онъ выразился.

На другой день я сталъ разспрашивать, не видалъ-ли кто Акулину гдѣ-нибудь, и добрался до пастуховъ. Пастухъ и подпаски были чужіе; они же выдали и тайну Сергѣя. Съ присягой они подтверждали, что Акулина встрѣтилась имъ у болота, когда они гнали дошой стадо, была сильно пьяна и пошла къ лѣсу.

Акулина упорно опровергала это, потому сказала, что не помнить, а если шла, то вѣрно въ кустахъ просекала и назадъ пошла.

Противъ такихъ сильныхъ доводовъ, раскаянья и слѣдовъ не было; чѣмъ больше я допрашивалъ ее, тѣмъ рѣзче, отрипательнѣе, увертливѣе становились ея отвѣты; она дошла до настроенія законнѣлыхъ арестантовъ, которые, при осязательныхъ уликахъ, твердятъ: «знать ничего не знаю, вѣдать не вѣдаю», надеясь, что безъ сознанья и двухъ свидѣтелей въ преступленія не обвинять, а какіе могутъ быть свидѣтели при темномъ злодѣяніи?

Мнѣ тяжело было смотрѣть на эту женщину! Страстная любовь доступна только чистому сердцу, — а она любила страстно — все это доказывало, даже чувство мести за разбитую жизнь, за себя и больше за Сергѣя, чѣмъ за себя, было возможно; но какъ она въ такое короткое время могла такъ пасть и заколебѣть въ безсовѣстности? отчаянье было такъ сильно, или въ натурѣ была склонность къ развращенію?

Какъ бы то ни было, безъ ея сознанья дѣло не могло быть разъяснено, а надежда добиться сознанья исчезла! Прибѣгнуть къ пыткамъ или пристрастнымъ вопросамъ, какъ выражается техника, я ни по закону, ни по совѣсти, не могъ, хотя и Семенъ Петровичъ, и исправникъ домогались, помимо меня, допросить ее по своему, на конюшнѣ.

А какъ она невинна? вѣдь могло быть, что и не она убила; и Пахомъ съ топоромъ шелъ, да еще какой потерянный, изъ лѣсу, гдѣ найденъ зарубленный конокрадь Филька, однако не онъ убилъ. Оставалось испытать — не сохранилось-ли у нея какого нибудь чувства? не можетъ-же быть, чтобъ все умерло. Воображенье живо во всякомъ случаѣ!

Исправнику и страпачему потребовалось куда-то съѣздить; они предоставили мнѣ, какъ говорится, округлить слѣдствіе справками о лѣтахъ и ревизіи и тому подобными подробностями, и общались захватъ дня черезъ два или три подписать все, что нужно. Мнѣ они не были нужны. — Сергѣй изъ рекрутской партіи бѣжалъ.

Ермолаичъ жилъ въ комнатѣ рядомъ со мной; я его не стѣснялъ, хоть и не могъ еще формально освободить; оправдательнаго ничего не было; топорикъ обвинитель былъ въ дѣлѣ становаго, Акулину-же, хотя и опутывали со всѣхъ сторонъ подозрѣнія, но судъ не могъ сказать послѣдняго слова: *онъ* или *она*.

Она содержалась чрезъ сѣни въ приспѣшной подѣ дѣйствіи-

тѣхъ карауломъ; ни кого не допускали, по правдѣ ни кто ее ни прѣдывалъ, только старики и приходили, и у меня-же выпросали Христа ради на хлѣбъ. Казакъ мой и сотскій, отставной вахмистръ съ вреогромными желтыми бабенбардами и усами, безотлучно были при ней. Я опасался побѣга или самоубійства. Ежели-бы эта испорченная, развращенная натура попала въ острогъ, въ кругъ арестантовъ, она бы ожесточилась и хвасталась своимъ безстыдствомъ. но въ одиночествѣ, послѣ прерваннаго пьянства, подъ вліяніемъ стражи, которую я научалъ, какія рѣчи вести, она не то, чтобы упала духомъ, а какъ то опустилась, глаза потухли, лицо пожелтѣло, скулы обунулись—живость движеній перешла въ какое-то одеревенѣніе, потому что-ли, что водки не пила или заговорила совѣсть, стала думываться.

Задумавъ попытаться—не доберусь-ли я въ ней до какого нибудь человѣческаго чувства, въ послѣдніе дни я велѣлъ казакъ и вахмистру разсказывать при ней, особенно на ночь, случаи суда Божія, разныя страсти, о выходцахъ изъ могилъ и т. п.; подслушивая за дверьми, я не могъ надивиться, откуда у нихъ неистощимый источникъ этихъ разсказовъ; впрочемъ, удивиться было не чему: на Уралѣ и доселѣ живутъ не только свѣжія преданія о проказахъ нечистой силы, да и теперь крѣпко вѣрятъ въ чертовщину, а вахмистръ былъ человѣкъ бывалый, видалъ виды, онъ даже разсказалъ, какъ черти взяли въ адъ живьемъ пана Твардовскаго, вѣрно гдѣ въ книжкѣ вычиталъ.

Акулина становилась все мрачнѣе и мрачнѣе, и въ ней стала проявляться нервическая пугливость, хотя она постоянно смѣялась надъ ними и называла трусами; но очевидно, если многому не вѣрила такъ и отвергать не умѣла.

Въ душѣ, я былъ убѣжденъ въ невинности Ермолаича, но не могъ себя растолковать: почему онъ сначала не выдавалъ Акулины. Впрочемъ, не испорченный русскій человѣкъ, сколько я замѣчалъ, доносовъ не любитъ; знаетъ про себя, и не вдругъ изъ него что вытянешь, развѣ озлится или подъ кмѣлькомъ проболтается.

Однако, чтобъ испытать и его, я зашелъ къ нему вечеркомъ и, послѣ общихъ разговоровъ о томъ, что кровь человѣческая никогда не пропадаетъ. разсказалъ ему, что странные сны вижу, что Андрей проситъ взрыть могилу, выпустить его, чтобы убійцу обвинить—невинныхъ спасти.

Ермолаичъ всталъ и оборотился къ образу:—Вотъ Господи! если-бы ты сподобилъ! Братикъ! ты вѣдъ у Бога мученикъ! коли въ чемъ въ жизни обидѣлъ тебя—прости родиный, ты вѣдъ вѣдаешь,—не повиненъ я въ твоей крови. открой грѣхъ, братикъ! помолись за меня, спаси меня! Помолюй Господи, Господи помилуй!» И онъ усердно клалъ земные поклоны, слезы струились изъ глазъ по щекамъ и смачивали бороду. Повернувшись комнѣ, онъ спросилъ:—«да какъ-же это сдѣлать? какъ-же покойникъ скажетъ-то?»

— Ну ужъ вѣруй въ правду Божию—а сдѣлать можно; отслужить панихиду на могилѣ.

— Вотъ кабы Господь далъ такой зазоръ, съ души снять—вѣдъ другой, пожалуй, подумаетъ, что и въ самомъ дѣлѣ Ермолаичъ такое грѣшное дѣло сотворилъ, отверженцемъ жизнь доканаешь; Святые Угодники, во какъ больно, инда грудь и подоплека рвутся; обидѣли старика!

Отъ него я перешелъ къ Акулинѣ. Казакъ рассказывалъ, какъ въ Москвѣ, подъ свѣтлое Воскресенье, черти затащили подъ москворѣцкій мостъ хожалаго и посадили на стропилы.

— Можетъ, пьяный зашелъ? спросилъ вахмистръ.

— Въ такое, братъ, мѣсто посадилъ, что ни откуда подлѣзть нельзя, самъ видѣлъ своими глазами, какъ снмали. При мнѣ говорилъ, слышь-ты—шелъ онъ обходомъ, подходитъ старикъ, рѣчь заводитъ, подвелъ къ большущему дому, «зайдемъ,—говорить—выпьемъ», отчего хожалому и не выпить ночью; зашелъ, старикъ впереди, да все ведетъ по лѣстницамъ, переходамъ такимъ тѣснымъ, чернымъ; пришли, братецъ;—комнатка такъ себѣ, ничего, свѣчки нѣтъ, а нотенно, не ладно что-то стало хожалому; старикъ досталъ изъ поставца бутылъ, два стакана, а глаза такъ и свѣтятъ. однако чокнулись, братецъ, солдатъ то и перекрестись! какъ вспыхнуло вдругъ все, загремѣло и потемнѣло; только пошолъ шумъ и гулъ; сталъ онъ пуще креститься, глядитъ.—сидитъ верхомъ на брукѣ, холодно такъ, а подъ ногами вода шумитъ, вдали на право и на лѣво огоньки мелькають, темнеть страшная, только колокола такъ и гудятъ, да народъ галдитъ вдали, значить къ заутренѣ благовѣстятъ! Такъ вотъ какія дьявольскія наважденія бывають, чтобы погубить человѣка.

— Какъ же его сняли, коли не отколь влѣзть нельзя?—спросила, косясь, Акулина.

— Двѣмъ ужь сняли, снизу барку подвели, да лѣстницу подали.

— Это ты все, тѣфу! нечисть честишь, а вотъ я какое зрѣлище видѣлъ,—началъ вахмистръ,—грабежъ и убійство совершили; заподозрѣли одного такого бравого молодца, а въ сознанье привести не могли; исправникъ и говорить: «Ну, цалуйте всѣ крестъ, (у него большой крестъ стоялъ на столѣ), коли правы; а грабитель, говорить, не подходи лучше, не допустить!» пошли всѣ прикладываться, ничево, а грабителя-то словно молнія такъ и отшибла, ударила; тутъ и повшился; самъ былъ при этомъ,—побожиться готовъ!

— Это очень могло быть; зачѣмъ божиться! подтвердилъ я,—вотъ со мной было съ самимъ—продолжалъ я—не то во снѣ, не то на яву, вижу я старца, такой дюжій, носъ тонкій, скулы большія, борода круглая, а изъ головы точится струя крови! Подошелъ и говорить: «невинные да не погибнуть, виновные да понесутъ тяготу грѣховъ своихъ; совершать омовеніе; приди на могилу мою, и укажу тебѣ кровопійца».

— Чтожъ это, ваше благородіе, не Андрей ли приходилъ?

— Должно быть, похожъ на него.

— Ждите, отрывисто отвѣчала Акулина и всматривалась въ темный уголь,—такъ мертвый и будетъ разговаривать, да ходить; чай, сгнилъ Андрей-то вашъ.

— Тѣло сгнило — да душа-то жива, любезная Акулинушка, Вотъ у тебя тѣло-то и живо, а посмотрѣть—куда на душѣ-то мертво!

— Будетъ мертво, вишь заперли! Чего тутъ не передумаешь! вспомнишь, какъ въ дѣвкахъ-то была, то-то легко было! Она покачала головой и положила ее на руки.

— Кто жъ виновать, сама!

— Сама? чѣмъ я-то, слышь, виновата, что окрутили-то, штоль? что отъ побоевъ-то ушла, штоль? пьяницей то стала, штоль? Отдали бы за Сергѣя, ничево этого и не приключилось бы.

— Ужь будто бы и не приключилось?

— Изъ чего бы мнѣ рваться-то тогда? бѣдность што-ли? дѣло привышное.

— Чтожъ, любовь, небойсь?

— Ишь вы! небойсь дѣвка душу отдала! евто не любовь по городскому-то по вашему?

— Да чтожъ ты хорошаго сдѣлала этимъ?

— А што корошаго! любила съ нимъ до-сыта, вотъ-те и хорошо!

— И пьянствовала, это тоже хорошо?

— Э, баринъ, что старое копать-то, вели-ка водочки дать, больно за душу тянетъ!

— Нѣтъ, водочки не дамъ, а ты вотъ помолись Богу, да подумай, не легче ли будетъ въ грѣхахъ-то покаяться? Что молчишь, или разучилась молиться, или не смѣешь?—Она не отвѣчала.—Вотъ что, Акулина, завтра пойдемъ-ка на могилу Андрея, отслужимъ панихиду, можетъ быть, онъ разрѣшитъ узмы правыхъ и совѣсть виноватыхъ, не даромъ онъ мнѣ три ночи являлся.

Она помотала только головой. Я ушелъ и велѣлъ оставить ее одну, не прерывать мыслей. Казакъ поутру доложилъ мнѣ:

— Задали мы страху бабѣ-то, ваше благородіе, всю ночь и намъ спать не дала, охала, стонала; вскочить, этакъ, вытаращить глаза въ уголъ на лампочку, да и кинется въ подушку, а сама такъ сопить, словно домовою душить.

Что прогоняло сонъ ея? сладкія ли воспоминанія дѣвичей жизни, горькая ли утрата золотого счастья, болѣло ли сердце за Сергѣя-солдатика, или копошилась кромѣшная мука совѣсти? Передъ глазами не искрилась ли струя жгучей крови изъ черепа Андрея и не грозно ли смотрѣли иконы? какъ знать! Можетъ быть, просто ее томилла жажда водки. Нѣтъ, не хочется остаться при этомъ, тяжело, нельзя ужъ такъ не вѣрить въ человѣчскія чувства, что-нибудь да думала она; въ ночь-то много думъ передумаешь.

На другой день вечеромъ, передъ всенощной, изъ Подгорнаго черезъ сосновую рощу, безмолвно шла толпа съ фонарями, несли заступы, пронзительный вѣтеръ гудѣлъ по лѣсу, сухія сучья трещали подъ ногами, испуганныя огнемъ птицы летѣли надъ головами, холодъ проникалъ все тѣло; среди толпы шелъ старикъ съ какой-то свѣтлой надеждой на открытомъ лицѣ, а рядомъ съ нимъ, молодая, но увядшая женщина; —она, какъ кошка, озиралась вокругъ и то блѣднѣла, то загоралась какимъ то лиловымъ румянцемъ.

Толпа прошла лѣсъ, перешла черезъ поле и по околицѣ потянулась къ кладбищу; въ то же время, съ другой стороны, отъ церкви вышла другая толпа со свѣчами.

Обѣ сошлись надъ могильнымъ холмомъ и раздалось погребальное пѣніе.

Умолкли послѣдніе звуки зауспокойнаго хора, удалились священники, погасли свѣчи, а вѣтеръ дулъ и завывалъ; темнота легла непроницаемая; кругомъ безмолвная толпа слабо освѣщалась фонарями.

— Кланяйтесь могилѣ, успокойте прахъ убиеннаго Андрея, сказалъ я.

Всѣ стали подходить и кланяться въ землю праху; подошелъ поочереди, безъ призыву, Ермолаичъ, губы дрожали, хотѣлъ заговорить—не могъ, повалился ницъ и зарыдалъ.

— Ну, ты что-жь, Акулина? подходи,

— Я здѣсь кланяюсь,

— Нѣтъ, намогилу! подведите ее!

Ее подвели, она встала на колѣни и впилась глазами въ стоявшій въ головахъ могилы крестъ; ей видѣлось: изъ земли встаетъ что то темное, страшное; она наклонилась; ей послышались изъ могилы стонъ и голосъ: «прочь!» Акулина лишилась чувствъ; приготовленный спиртъ оживилъ ее; не давая ей собраться съ мыслями, я строго сказалъ:

— Скорѣй кайся! проси прощенья!

— Простите океанную, вренспетала она съ поклономъ въ землю.

— Твой грѣхъ?

— Мой.

— За что убила?

— Жизнь забѣлъ разлучникъ, Сергѣя загубилъ.

— Чѣмъ убила?

— Молоткомъ.

— Какъ?

— Въ лѣсъ нарочно пошла, подкараулила: молоткомъ ударила, бросила и убѣгла со страху! Простите, православные! Охъ, страшно!

— У него проси прощенья!

— Силушки нѣтъ! пустите душеньку на покаянье, сердце вырваться хочетъ. Охъ! родные, какъ тошно!

Ее отвезли назадъ, дали лекарства, она заснула.

На другой день, по ея указанію—молотокъ найденъ въ кустахъ близъ мѣста преступленія.

Онъ вѣрнѣе приходился къ мѣркѣ раны, нежели топорикъ ста новаго.

* *
* *

Отчего, когда въ полночь прійду я
Цѣловать твои нѣжныя губки,
Ты не трепетно ждешь поцѣлуя,
Не воркуешь рѣчей мнѣ голубки?

Отчего холодно-безотвѣтны
Твои нѣжно-лукавыя глазки,
И зачѣмъ принужденно привѣтны
Твои рѣчи и страстныя ласки?

А ты вспомни, какъ прежде, бывало,
Какъ любили мы въ лѣтнія ночи,
Какъ ты жарко тогда цѣловала,
Какъ пышали приманкою очи?

А ты вспомни-ка, сколько прожито
Нами чувствъ и горячихъ лобзаній,
Сколько смѣху и слезъ тамъ пролито,
Сколько дѣтски-наивныхъ желаній!...

Отчего-жь, когда въ полночь прійду и
Цѣловать твои жаркія губки,
Ты не трепетно ждешь поцѣлуя,
Не воркуешь рѣчей мнѣ голубки?

ВСЕВОЛОДЪ КРЕСТОВСКІЙ.

ОБЪ АССОЦІАЦІЯХЪ РАБОЧИХЪ,

КАКЪ СРЕДСТВЪ ДЛЯ ОБЪЗНАЧЕНІЯ СОСТОЯНІЯ НА-
ШИХЪ РАБОЧИХЪ КЛАССОВЪ.

(По поводу брошюры г. Л. М.)

L'association des capitaux dans des entreprises dont on partage les bénéfices est une combinaison destinée à un développement immense. On ne peut dire cela des associations ouvrières.--Ceux qui pensent que les sociétés ouvrières travaillant à leurs frais sont destinées à se répandre de plus en plus et à remplacer dans l'avenir les entrepreneurs, n'ont pas à ce qu'il paraît, une idée exacte de la nature du profit. M. Wolkoff.

«Многимъ работающимъ на фабрикѣ, или въ мастерской, въ Петербургѣ, въ Москвѣ ли, или просто въ деревняхъ, конечно, приходило въ голову: «почему это я работаю много, а получаю мало; а хозяинъ, напротивъ, дѣлаетъ немного, а получаетъ весь доходъ. И многіе, конечно, понимаютъ, что такая несправедливость происходитъ оттого, что у одного есть капиталъ, а у другаго его нѣтъ, оттого, что бѣдному человѣку надо жить, онъ и идетъ къ хозяину. Однако, немногимъ работникамъ, вѣроятно, приходило въ голову, что они могутъ выйти изъ несправедливаго положенія, въ какомъ находятся теперь. Какимъ это образомъ? скажутъ многіе, удивясь. А вотъ какъ: стоитъ только соединиться многимъ рабочимъ вмѣстѣ, составить артель, собрать капиталъ и устроить свою собственную мастерскую, или фабрику».

Если, въ самомъ дѣлѣ, многіе удивились, услышавъ, что работники могутъ выйти изъ несправедливаго положенія, въ которомъ они находятся, то они удивятся еще больше, когда узнаютъ, что магическій жезлъ, посредствомъ котораго это произойдетъ, есть рабочая артель, собирающая свой собственный капиталъ и устраивающая собственную мастерскую или фабрику. Вопросъ, который поставилъ и который рѣшаетъ авторъ брошюры, есть, безъ сомнѣнія, самый важный изъ всѣхъ вопросовъ политической экономіи, именно: вопросъ объ уничтоженіи пролетаріата, о доставленіи всякому средствъ жизни сообразно съ количествомъ его труда, наконецъ, вопросъ о сохраненіи гражданского общества отъ того элемента, который всегда и вездѣ велъ къ его разрушенію И, Боже мой! если бы такъ легко было все дѣлать на самомъ дѣлѣ, какъ это легко дѣлается на словахъ, какъ пріятно было бы жить въ мірѣ! Въ самомъ-дѣлѣ, представимъ себѣ какой-нибудь десятокъ, или нѣсколько десятковъ людей, которые, или имѣютъ очень плохія мѣста и получаютъ содержаніе, едва достаточное для жизни, или не имѣютъ совсѣмъ никакихъ мѣстъ. Это люди очень способные, которые учились тому или другому ремеслу, и которыхъ, конечно, достанетъ на самыя простыя, однообразныя фабричныя работы. При такомъ содержаніи, или совсѣмъ безъ содержанія, положеніе ихъ, конечно, очень тяжело; они очень затруднены и въ данное время; не меньше затруднены на будущее время; и вотъ имъ предлагается средство, которое избавитъ ихъ отъ всякихъ лишеній и страданій. Для этого они должны «составить артель, собрать капиталъ и устроить свою собственную мастерскую или фабрику.»

Одинъ мулла говорилъ въ мечети проповѣдь. Мечеть была почти пуста; передъ нимъ стояли только двое нищихъ, одѣтыхъ въ лохмотья и голодыѣ, которые, ходя изъ дома въ домъ и собирая куски хлѣба, мимоходомъ зашли въ мечеть, потому-что они помнили и о другомъ хлѣбѣ, который тоже нуженъ человеку, особенно бѣдному. Имъ-то и началъ свою проповѣдь мулла. Проповѣдь была краснорѣчива; самъ мулла заливался слезами,—да и какъ ему было не заливаться? онъ говорилъ о милостивни, которая, по ученію Корана, открываетъ двери въ рай; постоянно обращался къ своимъ слушателямъ и убѣждалъ ихъ не забывать сирыхъ и убогихъ, прислушиваться къ стону бѣдника, утолить его голодъ и жажду и т. п. Нищія послушали немного, да и пошли вовъ въ мечети, а проповѣдникъ ос-

такъ одинъ. Когда нищія вышли изъ мечети, проповѣдникъ тотчасъ догналъ ихъ и нищія обратились къ нему съ слѣдующею речью: «Благочестивый учитель! мы хорошо знаемъ, что милостивая дѣло доброе, и знаемъ, что бѣдному надобно дать и теплый уголь и теплую одежду, и кусокъ хлѣба и т. п. Да только вотъ бѣда; вѣдь у насъ у самихъ-то ничего нѣтъ; сами мы очень голодны и не можемъ даже терять время даромъ, а должны теперь-же идти и гдѣ-нибудь найтъ себѣ кусокъ хлѣба, въ которомъ мы нуждаемся».

Почти въ положеніи этого муллы находится и авторъ разбираемой книжки, когда онъ говоритъ, что бѣднымъ рабочимъ стоитъ только собрать капиталъ, да завести собственную фабрику или мастерскую. Это все очень хорошо; при такихъ словахъ, столь пріятныхъ, безъ сомнѣнія, для бѣдныхъ рабочихъ и дущихъ изъ идеи очень благочестивой, можно, пожалуй, а слезы пролить, не говоря уже о простомъ краснорѣчьи, да выйдетъ-то изъ этого немного: благочестивыя желанія такъ и останутся благочестивыми желаніями, а фабричные работники останутся фабричными работниками, подмастерья — подмастерьями, а новыхъ фабрикъ или мастерскихъ на свой собственный счетъ не устроятъ.

Какими средствами составится капиталъ у бѣдныхъ людей? Вовпервыхъ тѣмъ, «что артель должна сдѣлать складчину; если даже все бѣдные люди собирутся въ артель, но если ихъ будетъ много, то капиталъ все-таки составится порядочный». — «Цавовѣрные! — говорилъ благочестивый мулла, — не забываете вашихъ братьевъ: если Аллахъ наполняетъ ваши житницы хлѣбомъ, если онъ утучняетъ ваши стада, если ваши верблюды привозятъ вамъ золото, и серебро, и драгоценные камни, то поделитесь съ бѣдными и немущими. Вамъ это не будетъ много стоить, но какъ много вы сдѣлаете для бѣдныхъ страдальцевъ, какъ благословятъ васъ вдовы и сироты и какими утѣхами наградитъ васъ Аллахъ въ будущей жизни!» Конечно, все это хорошо; если сдѣлать складчину, если соединить части, то можно составить порядочное цѣлое. Но вотъ бѣда, бѣдные люди и складчину не смогутъ сдѣлать, именно потому, что они бѣдные, именно потому, что, какъ самъ авторъ сказалъ, ихъ заработной платы имъ достаетъ только на обѣдъ и на квартиру: а мы прибавимъ, на обѣдъ скудный и на квартиру плохую, стало-быть имъ и складчину сдѣлать совсѣмъ не изъ чега. Но нашъ авторъ предугадываетъ и это, и продолжа-

еть: «Надо стараться издерживать какъ можно меньше и какъ можно больше откладывать». Благочестивый мулла тоже весьма всесторонне касался своего вопроса; онъ говорилъ: «не прилагайте сердецъ вашихъ къ благамъ этого міра, эта жизнь есть только приготовленіе къ будущей. Кому хорошо здѣсь, тому будетъ плохо тамъ; кто не воздерживаетъ себя отъ наслажденій, тотъ не удостоится ихъ въ раю Магомета. Двери въ рай будутъ открыты только тому, кто наложитъ на себя постъ и воздержаніе». Это, конечно, и благочестиво, и справедливо, но голодному трудно налагать на себя еще постъ и воздержаніе: онъ, пожалуй, совсѣмъ умретъ съ голоду. А бѣдному работнику трудно «издерживать какъ можно меньше и какъ можно больше откладывать»: онъ тоже умретъ съ голоду, разстроитъ свое здоровье мало-по-малу и далеко раньше срока окончитъ свое жалкое существованіе. Авторъ и опять предвидѣлъ это. «А какъ подумаешь—говоритъ онъ,—что если не сдѣлаешь этого, то навсегда останешься работникомъ во власти хозяина и прикащика, всегда будешь получать жалованье, что онъ дастъ, когда подумаешь, что *ничто другое* не поможетъ бѣдному чело-вѣку сдѣлаться работникомъ самостоятельнымъ и, въ то же время, хозяиномъ, какъ въ артели, то всякій благоразумный чело-вѣкъ рѣшится на такой подвигъ и т. д.» Итакъ дошло до подвига, до героизма. Нужно предложить еще средство, чтобы всякому чело-вѣку привить героизмъ, способность къ подвигу. Говорятъ, что китайцы достигаютъ этого. Наканунѣ сраженія они кормятъ своихъ солдатъ сердцами львовъ и печонками тигровъ, и отъ того-то ихъ солдаты такъ храбры. Но европейцы еще не достигли до этого чтобы возбуждать героизмъ гдѣ нужно, особенно такой крайній героизмъ, который состоитъ въ осужденіи себя на ежедневное крайнее лишеніе. Но положимъ, что авторъ брошюры и придумаетъ такое средство. Какихъ результатовъ достигнетъ онъ? выйдетъ ли что-нибудь изъ его героизма, изъ этихъ подвиговъ, которые сдѣлаютъ работники? «Если бѣдныхъ людей будетъ много, то капиталъ, все-таки, составитъ порядочный», говоритъ онъ. Посмотримъ какъ великъ этотъ будетъ капиталъ, и на что его достанетъ? Если соберется десять бѣдныхъ работниковъ, и если они, рѣшившись на подвигъ, начнутъ откладывать, сколько будетъ возможно, начать копить, посмотримъ, что составитъ изъ ихъ сбереженія? Пусть эти работники—извозчики, въ Петербургѣ каждый извозчикъ на

хозяйскомъ содержаніи получаетъ 6, 7 и 8 руб. жалованья въ мѣсяцъ. Содержаніе онъ получаетъ только лично для себя, стало-быть, свое жалованье онъ долженъ употребить на содержаніе семейства, т. е. нанять ему квартиру, одѣвать и кормить жену и двоихъ дѣтей. Пусть каждый работникъ получаетъ дажедесять рублей въ мѣсяцъ; и потомъ, рѣшившись на подвигъ— сколько онъ можетъ сберечь ежемѣсячно? Огвѣтъ очень простъ: ровно ни одной копѣйки, потому-что онъ долженъ заплатить, положимъ, 2 руб. за квартиру, долженъ ежемѣсячно истратить, по крайней мѣрѣ, 2 руб. на дрова, до 5 руб. на столъ, а 1 руб. на обувь и платье и, такимъ образомъ, у него не останется ничего. Хотя авторъ брошюры, для подобнаго случая уже ничего не предусмотрѣлъ и оговорки не сдѣлалъ, но, положимъ, что онъ возразитъ и скажетъ: «вѣдь и жена будетъ работать, и пусть ея то заработокъ и пойдетъ на сбереженіе». Хорошо. Положимъ, что жена въ состояніи оторваться отъ семьи и заработать ежемѣсячно 5 или 6 руб. Можно-ли будетъ эти деньги обратить на сбереженіе? вѣдь, на два рубля въ мѣсяцъ, конечно, семья имѣетъ очень плохую квартиру, на одинъ рубль, конечно, и отецъ, и мать, и дѣти одѣты и обуты очень плохо; на 15 коп. въ день, конечно, и жена, и дѣти накормлены нехорошо, на два руб. въ мѣсяцъ, конечно, квартира ихъ отоплена дурно. Такъ возможенъ ли будетъ въ этомъ случаѣ подвигъ, возможно ли будетъ сбереженіе? Конечно, сбереженіе будетъ не возможно; но, положимъ, что и невозможное возможно, положимъ, что 5 руб., вырабатываемые ежемѣсячно женою поступаютъ въ сберегательную кассу, что, такимъ образомъ, ежегодно семья капитализируетъ 60 рублей. Положимъ, что находится десять такихъ рабочихъ семействъ, которыя имѣютъ въ виду—освободиться отъ власти хозяина и завести на свой счетъ ассоціаціонное пріурятіе, — содержаніе извозничьихъ лошадей. Ассоціація, конечно дастъ имъ выгоды, какъ въ наймѣ помѣщенія, такъ и въ самомъ содержаніи лошадей, и, чтобы устроить ее, они должны пріобрѣсти 10 лошадей, 10 дрожекъ, 10 саней, 10 конскихъ сбруй. Если каждая лошадь будетъ стоить 75 р. каждая дрожки—200 руб., каждая сани, — 60 руб., каждая сбруя—25 руб., то они должны будутъ составить капиталъ, который равнялся бы $750+2000+600+250$; всего 3,600 руб. да, кромѣ того, на наемъ квартиры и первое обзаведеніе, должны употребить, положимъ, только 400 руб.

Такимъ образомъ, прежде, нежели они устроятъ свою ассоціацію, они должны приобрести 4000 руб., для этого каждый изъ нихъ долженъ дѣлать сбереженіе въ продолженіи 6 лѣтъ. Мы предположили, что сбереженія для нихъ были возможны, потому-что это былъ бы подвигъ съ ихъ стороны, который, все-таки, больше или меньше отъ нихъ зависить; но отъ нихъ ли зависить, въ продолженіе 6 лѣтъ, имѣть постоянную удачу въ дѣлахъ, имѣть непрерывную заработную плату, пользоваться хорошимъ здоровьемъ, особенно при тѣхъ лишеніяхъ, на которыя они себя осуждаютъ? Это уже зависить не отъ нихъ. Пожалуй, можно предположить, что, въ продолженіе 6 лѣтъ, для нихъ все будетъ благополучно; можно, пожалуй, и въ другой разъ невозможное принять за возможное. Но если принять во вниманіе общіе законы, которымъ подчинено и человѣческое общество, и человѣческая природа вообще, то мы увидимъ слѣдующее явленіе, что каждый работникъ отъ 15 до 70 лѣтъ т. е. изъ 55 лѣтъ, ровно 5 лѣтъ бываетъ боленъ, разумѣется если сложить всѣ дни его болѣзни, въ различные годы его жизни; это составляетъ одиннадцатую часть жизни въ этомъ періодѣ. И такъ, мы должны предположить, что каждый членъ этихъ 10 семей, въ продолженіе 6 лѣтъ, будетъ боленъ около полугода,—предположеніе, тѣмъ болѣе вѣроятное, что въ этихъ семьяхъ есть маленькія дѣти, которыя хвораютъ гораздо чаще, и между которыми, поэтому, смертность гораздо больше. Такъ какъ въ каждой семьѣ мы положили 4 человѣка, и на каждого человѣка приходится полгода болѣзни, то изъ 6 лѣтъ составятся 2 года такого времени, когда, въ каждой семьѣ, кто-нибудь будетъ боленъ; въ эти 2 года, стало-быть, положеніе совершенно должно быть особенное: если и дѣти хвораютъ, то дѣла семьи разстраиваются, а если хвораютъ родители, то дѣла разстраиваются еще больше. А потомъ, надобно прибавить сюда случаи смертности. Извѣстно, что въ рабочихъ семействахъ дѣтей бываетъ мало, но не потому, чтобы ихъ родилось мало, но потому, что, благодаря недостаткамъ, благодаря трудамъ и лишеніямъ матерей, благодаря нездоровой обстановкѣ жизни вообще, онѣ подвержены большой смертности. Потому, къ причинамъ, производящимъ частью особыя издержки, частью вообще разстройство дѣлъ семейства, надобно прибавить еще, кромѣ леченія, случаи похоронъ, рожденій, крещеній, время беременности и т. п. Да не надобно забывать, что, во всѣхъ этихъ случаяхъ, страдаетъ осо-

бонно или исключительно мать; а ея то заработокъ и есть единственный источникъ для сбереженій; такъ если даже и допустить самый крайній геронзмъ, самую крайнюю способность къ подвигу, сбереженія все-таки оказываются невозможными. И, стало-быть, говорить о нихъ — значить, говорить только изъ любви къ искусству. Что сбереженіе въ рабочихъ классахъ, при современномъ положеніи дѣлъ, невозможно, это всего сильнѣе доказываетъ тѣмъ, что, если мы обернемся вокругъ себя, и обратимъ вниманіе на то, что дѣлается, то мы увидимъ, что сбереженія не дѣлаются нигдѣ. Конечно, между рабочими есть и пьяницы и лѣнтяи, эти разстраиваютъ свои дѣла, какъ пьянствомъ, такъ и лѣнностью, но и трезвые и трудолюбивые тоже, не Богъ знаетъ какъ, устроиваются, и у нихъ тоже сбереженій не оказывается. Это и служить фактическимъ доказательствомъ невозможности сбереженій.

Несмотря, однако, на то, что возможность сбереженій требуетъ такого нагроможденія одной невозможности на другую, допустимъ ее; положимъ, что сбереженіе сдѣлано. И оставимъ на время нашихъ десятерыхъ извощиковъ, возьмемъ фабричныхъ рабочихъ. Положимъ, что каждому изъ нихъ удалось сдѣлать сбереженія. Такъ-какъ, между заработною платою, въ различныхъ родахъ промышленности, есть своего рода равновѣсія, и такъ-какъ работы на фабрикахъ, большею частью, не требуютъ никакого особеннаго искусства, то допустимъ, что семья фабричныхъ рабочихъ тоже въ состояніи капитализировать ежегодно 60 рублей, и пусть, въ 6 лѣтъ, она составитъ такимъ образомъ капиталъ въ 400 рублей. Возьмемъ 20 или 30 такихъ семей, и пусть эти семьи согласятся устроить путемъ ассоціаціи фабрику, съ тѣмъ, чтобы каждый отецъ и каждая мать семейства нѣли занятія на этой фабрикѣ. Если мы возьмемъ 30 семействъ, то на фабрикѣ должны работать 60 человекъ взрослыхъ работниковъ и работницъ, кромѣ дѣтей. Это должна быть очень большая фабрика. Посмотримъ же, какъ ее устроить наши рабочіе. Если каждое семейство имѣетъ капиталъ въ 400 руб., то общій капиталъ 30 семей, будетъ 12,000 рублей. На эти 12,000 руб., нужно построить зданіе фабрики, купить машины и потомъ купить сыраго матеріала. Желательно знать, какая это будетъ фабрика, которую можно устроить на 12,000 такъ, чтобы она доставляла выгодное занятіе для 60 взрослыхъ рабочихъ? Если это будетъ бумагопрядильная фабрика, или са-

харный заводъ, или фабрика какого-нибудь металлическаго производства, то, не говоря ни о машинахъ, ни о сыромъ матеріалѣ, капитала, составленнаго изъ сбереженій работниковъ, очевидно, не достанетъ даже для того, чтобы вывести фундаментъ для здания фабрики; стало-быть, о подобной фабрикѣ, на началѣ ассоціаціи работниковъ, не можетъ быть и рѣчи.

Но авторъ брошюры предвидѣлъ и это. Хотя онъ и не говоритъ прямо, что сбереженій работниковъ можетъ быть мало для основанія фабрики, однако допускаетъ, что и работники, заводящіе ассоціаціонную фабрику, могутъ имѣть надобность въ денежной помощи со стороны, т. е. въ кредитѣ; а что касается до этого, онъ думаетъ, что ассоціація работниковъ должна пользоваться неограниченнымъ кредитомъ. «Если одному не повѣрять—говоритъ онъ,—то повѣрять цѣлой артели; такимъ образомъ, и въ этомъ случаѣ артель помогаетъ нуждающимся, потому что артель отвѣчаетъ за своихъ, потому что, если съ однимъ человѣкомъ очень легко можетъ случиться несчастіе, напр. очень легко можетъ случиться, что человѣкъ не найдетъ работы, то не такъ же легко тоже можетъ случиться съ цѣлою артелью. Такъ въ цѣломъ обществѣ больше средствъ отдать долгъ и, кромѣ того, отъ него всегда можно ожидать больше честности, чѣмъ отъ одного, еще, притомъ, чужаго человѣка.»

«Притомъ, дать артели, которая утвердила у себя круговую поруку и имѣетъ хоть небольшой капиталъ, дать, говоримъ мы, деньги взаймы такой артели,—все-равно, что ихъ въ банкъ положить, даже лучше, если проценты хоть немного выше банковаго. Вслѣдствіе этого, всякому, имѣющему что нибудь, будетъ выгодно пустить деньги въ такой оборотъ, и тогда артели будетъ нетрудно доставать капиталы.»

И такъ, основаніе для кредита авторъ полагаетъ: во-первыхъ, въ круговой поруки артели, во-вторыхъ, въ томъ, что цѣлая артель, безспорно, не будетъ имѣть недостатка въ работѣ, въ-третьихъ, въ томъ, что отъ артели можно ожидать больше честности, нежели отъ одного человѣка, въ-четвертыхъ въ томъ, что артель имѣетъ свой капиталъ, хотя и небольшой. Но что же значить круговая порука бѣдныхъ одного за другаго? Гдѣ кто видалъ, чтобы на подобную круговую поруку полагались капиталисты? Такая порука и возможна, и часто имѣла мѣсто при настоящемъ порядкѣ дѣлъ, безъ ассоціаціи; несмотря на то, основаніемъ для обширнаго кредита она не служила и не

можетъ служить. Потомъ, что же ручается въ самомъ дѣлѣ за то, что вся артель будетъ имѣть постоянную работу, или, другими словами, что фабрика будетъ имѣть постоянный сбытъ? Не только одна фабрика, но и цѣлыя десятки фабрикъ, по временамъ, закрываются, и ихъ неподвижный капиталъ, въ такомъ случаѣ, продается за безцѣнокъ. Очевидно, то же самое можетъ быть, даже съ большою вѣроятностью, и въ такомъ случаѣ, когда фабрика устроена самими работниками, на началахъ ассоціаци. Конечно, отъ цѣлаго общества можно ждать больше честности, но въ ассоціационныхъ предпріятіяхъ является другая опасность: тѣ, на которыхъ ассоціация возлагаетъ веденіе своихъ дѣлъ, нерѣдко жертвуютъ интересами ассоціаци для своихъ собственныхъ, и потому нерѣдко происходитъ такое явленіе, что, несмотря на дѣйствительную выгодность предпріятія для самой ассоціаци, оно выгодъ не приноситъ, а приноситъ выгоды только руководителямъ предпріятія, директорамъ. Въ этомъ насъ достаточно убѣдили наши акціонерныя компаніи. Такимъ образомъ, и честность ассоціаци, на которую, конечно, можно рассчитывать больше, нежели на честность одного человека, не ручается за то, что дѣла ея пойдутъ хорошо, и что она, слѣдовательно, получитъ возможность, доставляя хорошія заработки членамъ ея, въ то же время исправно выплачивать проценты и погашеніе занятыхъ капиталовъ. Послѣдній ресурсъ ассоціаци, который, по мнѣнію автора, доставитъ ей ея собственный небольшой капиталъ, хотя, правда, имѣетъ свой смыслъ, дѣйствительный, а не воображаемый, но великъ ли этотъ ресурсъ? Если мы возьмемъ предложенную нами прежде ассоціацию изъ 30 фабричныхъ семействъ, которыя успѣли собрать капиталъ 12,000 рублей, то постройки, сдѣланныя на эти 12,000 руб., могутъ служить обезпеченіемъ только на сумму чрезвычайно ограниченную, только на 30% или на 20% ихъ стоимости; потому-что, при продажѣ ихъ съ аукціона, т. е. при покупкѣ ихъ для всякаго возможнаго употребленія, онѣ дѣйствительно, пойдутъ за безцѣнокъ. И если ассоціация получитъ на нихъ, положимъ, 3 или 4 т. рублей серебромъ, очевидно, этой суммы будетъ далеко недостаточно для произведенія построекъ и покупки машинъ, что, всё вмѣстѣ, потребуетъ, вѣроятно, полмиліона или даже цѣлый миліонъ. Вслѣдствіе всего этого, говоримъ мы совершенно противоположно автору брошюры, дать денегъ въ займы такой артели далеко не все равно, что ихъ

въ банкъ положить, а несравненно хуже, если даже проценты гораздо выше банковыхъ. Вслѣдствіе этого, всякому, имѣющему что-нибудь, будетъ невыгодно пустить деньги въ такой оборотъ, и потому артели будетъ невозможно доставать капиталы. Но примемъ еще одинъ разъ невозможное за возможное, допустимъ, что артель получить деньги, сколько ей нужно; положимъ, что она устроила, какъ слѣдуетъ, помѣщеніе для фабрики, купила машины, заготовила грубый матеріалъ и начала свои дѣйствія. Сколько предстоитъ ей еще подводныхъ камней, во-первыхъ, въ злоупотребленіи директоровъ, во-вторыхъ, въ недостаткѣ усердія рабочихъ, если, разумѣется, мы предположимъ въ нихъ не дѣйствительныхъ героевъ, а обыкновенныхъ смертныхъ, притомъ не особенно развитыхъ въ нравственномъ отношеніи; каждый изъ нихъ, получая только $\frac{1}{60}$ изъ общей выгоды отъ каждаго производства, очень легко сообразить, что потеря его будетъ ничтожна, если самъ онъ недовольно усердно и внимательно будетъ работать, между тѣмъ выгода, т. е., освобожденіе отъ труда, идетъ исключительно въ его пользу. Такимъ образомъ, того побужденія, которое называется личнымъ интересомъ, въ ассоціаціи быть не можетъ, и потому есть большая вѣроятность, что ассоціаціонное предпріятіе успѣшно не пойдетъ, чему доказательствомъ служатъ тѣ же самыя наши акціонерныя компаніи, которыхъ акціи, какъ извѣстно, продаются, большею частію, ниже пари. Новымъ камнемъ преткновенія для ассоціаціи будетъ конкуренція богатыхъ капиталистовъ, которые, конечно, по дружески на подобное предпріятіе взглянуть не могутъ, и потому постараются задавить его, не говоря о томъ, что не будутъ помогать ему кредитомъ, какъ предполагаетъ авторъ брошюры. Наконецъ, подойдетъ еще недостатокъ сбыта, прекращеніе работъ, что окончательно и убьетъ предпріятіе. Не только въ Западной Европѣ, но и у насъ, отъ этого, большею частію, страдаютъ фабриканты, особенно маленькіе; если вамъ случится встрѣтиться съ подобными фабрикантами, гдѣ нибудь въ Москвѣ, или подъ Москвою, и вы заговорите съ ними о ихъ производствѣ, первый вопросъ, который они вамъ предложатъ, будетъ слѣдующій: не нуждаетесь ли вы въ какомъ-нибудь товарѣ, т. е. непокупатель ли вы?—вы даже не можете воздержаться отъ улыбки, видя, что каждый фабрикантъ, безъ исключеній, съ такою охотою видитъ въ васъ покупателя, совершенно напрасно. Когда

ли разговоритесь дальше, то каждый вамъ искренно признается въ томъ, что товары найдутъ. Потому, обманывать себя пустыми предположеніями нечего. Если даже фабрика на ассоціаціонныхъ началахъ и устроится, она не имѣетъ будущности. Но прибавимъ къ прежнимъ невозможнымъ предположеніямъ новое: пусть фабрика имѣетъ будущность; велики ли будутъ выгоды, которыя она доставитъ работникамъ? — этотъ вопросъ задалъ себѣ Прудонъ и рѣшилъ его путемъ опытнымъ; онъ взялъ для этого одну изъ фабрикъ въ сѣверо-восточной Франціи, занялся счетомъ ея приходоу и расходоу и убѣдился, что если-бы эта фабрика была устроена на началахъ ассоціаціи, если-бы работники, кромѣ своей опредѣленной періодической платы, пользовались и тѣмъ, что теперь идетъ на долю предпринимателя, это увеличило бы ихъ доходъ въ самой ничтожной степени. Доходъ работниковъ можетъ быть увеличенъ другимъ путемъ, именно: обезпеченіемъ для всякаго бѣднаго человѣка возможности пользоваться производительными силами почвы, что мы старались развить въ предыдущей книжкѣ этого журнала. Авторъ брошюры говоритъ, что «такая несправедливость, (т. е. незначительное вознагражденіе фабричнаго работника за трудъ), происходитъ оттого, что у одного есть капиталъ, а у другого его нѣтъ, оттого, что бѣдному человѣку надо жить, онъ и идетъ къ хозяину». Это совершенно справедливо; поэтому, что бы онъ не принужденъ былъ идти къ хозяину и принимать отъ него условія невыгодныя, его бытъ долженъ быть устроенъ такъ, чтобы средства къ жизни ему были обезпечены, независимо отъ его фабричныхъ занятій, именно, почвою, на которой онъ живетъ. Въ такомъ случаѣ, если онъ пойдетъ работать на фабрику, то только на такихъ условіяхъ, которыя для него будутъ очень выгодны. Авторъ брошюры имѣетъ въ виду не однихъ фабричныхъ работниковъ, но, кромѣ того, и мастеровыхъ изъ различныхъ мастерскихъ, которыхъ онъ тоже хочетъ освободить изъ подъ-власти хозяина; мысль прекрасная — и привести ее въ исполненіе гораздо легче, нежели устроить фабрику на ассоціаціонныхъ началахъ. Но и тутъ, все-таки, сколько трудностей, и главное то, что результатъ, котораго достигнуть можно, въ большинствѣ случаевъ, окажется очень незначительнъ. Возьмемъ, напримѣръ, какую-нибудь мастерскую, въ которой готовится мебель. Въ то время, какъ хозяинъ одной мастерской наживаетъ огромныя капиталы, хозяинъ другой едва

сводить концы съ концами. И поговоритѣ съ компетентными судьями и спросите у нихъ, отчего это происходитъ ; вы получите отвѣтъ, что тутъ не играетъ никакой роли, ни искусство, ни добросовѣстность мастера; напротивъ, можетъ быть, благодаря недобросовѣстности, одинъ выигрываетъ и, благодаря совѣстливости, другой проигрываетъ; такъ что, если дѣйствительно въ цѣлой артели предположить больше совѣстливости, то она именно, благодаря этому, не назначая за свои произведенія безсовѣстныхъ цѣнъ, будетъ плохо вести свои дѣла. Публика, въ этомъ случаѣ, поступаетъ по законамъ, которые трудно определить и увлекается тѣмъ, что ускользаетъ отъ всякой предусмотрительности, но чѣмъ очень хорошо могутъ пользоваться ловкіе люди. И, разумѣется, такихъ счастливицевъ между хозяевами мастерскихъ оказывается очень немного; большинство едва сводитъ концы съ концами и ужъ никакъ нельзя сказать, чтобы хозяева такихъ мастерскихъ эксплуатировали своихъ подмастерьевъ; очень нерѣдко, напротивъ, приходится видѣть, что въ подобныхъ мастерскихъ положеніе подмастерьевъ гораздо лучше, нежели положеніе хозяина, который, при всѣхъ своихъ заботахъ и безпокойствахъ, кое-какъ перибивается со дня на день; тутъ именно можно сказать вмѣстѣ съ Прудономъ: стоитъ ли взъ-за такихъ пустяковъ дѣлать столько хлопотъ, «стоитъ ли начинать такой переворотъ, который имѣетъ много неудобствъ и не одного удобства?» При разумномъ экономическомъ устройствѣ народа, сами собою происходятъ справедливыя отношенія между предпринимателемъ и работниками. А это разумое устройство состоитъ въ томъ, чтобы каждый, безъ исключенія, имѣлъ право на участіе въ пользованіи тѣми средствами, которыя предлагаетъ страна, и которыя не обязаны своимъ происхожденіемъ никакому частному труду, а исключительно природѣ или естественному развитію общественной жизни. Эти средства состоятъ въ почвѣ, въ поземельной рентѣ. Нилучшій видъ всеобщаго пользованія этими, никому исключительно не принадлежащими средствами, состоитъ въ общинномъ пользованіи землею. Выгоду этого способа начинаютъ сознавать и тѣ народы, которые давно забыли его потому, что, покоренные во время-оно пришельцами и лишеныя ими поземельной собственности, они, впоследствии времени, достигая мало-по-малу экономическаго благосостоянія и вновь приобрѣтая утраченную поземельную собственность, не могли дѣлать этого коллективно;

землю покупали только тотъ изъ среды народа, кому удалось скопить для этого средства въ то время, когда остальная масса находилась въ бѣдности. А потомъ, вслѣдъ за первыми, выступили вторые изъ массы народа, выдѣлялись то въ томъ, то въ другомъ мѣстѣ нѣсколько личностей, которыя, въ свою очередь, дѣлались собственниками и т. д. Естественно было, что каждый подобный пріобрѣтатель дѣлить съ другими свое пріобрѣтеніе не могъ, и, дѣйствительно, весь этотъ процессъ неестественнымъ быть названъ не можетъ, но разсматривать его отдѣльно нѣтъ никакой возможности; онъ составляетъ только слѣдствіе первоначальнаго событія—лишенія народа поземельной собственности завоевателями, которое, имѣя характеръ насилія и несправедливости, потому самому имѣетъ характеръ неестественности. Но и народы, имѣвшіе такое несчастное прошедшее, забывшіе несправедливость и неестественность существовавшего у нихъ способа пользованія даровыми силами природы и общества въ послѣднее время, сами собою безъ всякихъ постороннихъ насильственныхъ побужденій, начинаютъ возвращаться къ здоровымъ началамъ. Во Франціи и въ Германіи это выражается въ тенденціяхъ социалістовъ, въ Англіи—въ новыхъ обычаяхъ колонистовъ; и «Русскій Вѣстникъ» противникъ общиннаго пользованія землею, публиковалъ на своихъ страницахъ, что англійскіе колонисты въ Австраліи признали выгоду такого пользованія. Наконецъ, возвращеніе къ болѣе справедливому взгляду на этотъ предметъ проявляется и въ законахъ западно — европейскіхъ народовъ, относительно поземельныхъ налоговъ, которые, съ теченіемъ времени, получаютъ все большій объемъ и подчиняются болѣе систематическому методу. Наше прошедшее не было счастливымъ прошедшимъ западно-европейскіхъ народовъ, особенно относительно условій нашей цивилизаціи. Но для насъ было великимъ счастіемъ то, что мы попали подъ власть народа слишкомъ лихаго, еще не понимавшаго выгодъ осѣдой земледѣльческой жизни и, въ тоже время, слишкомъ многочисленнаго, которому поселиться между побѣжденными и эксплуатировать ихъ вблизи было менѣе выгодно, нежели эксплуатировать издалека, такъ что, съ этой стороны, экономическій бытъ народа въ главныхъ основаніяхъ своихъ, не подвергся никакому измѣненію. Съ другой стороны, хотя идея народа у нашихъ предковъ, благодаря другому вліянію, перестала быть главною и единственною идеею, сдѣлавшею ихъ, и уступила первое мѣсто другой идеѣ, но

она не потеряла своей силы вначѣ и, нѣсколько изменившись, принявъ форму идеи земщины, дѣлала сильную реакцію идей, принесенной изъ Византіи. Имѣя противъ себя положительный законъ, или представителей его, она, въ первое время, держалась противъ византійской идеи остаткомъ своей первоначальной силы, который, однако, постепенно уменьшался, такъ что его сначала доставало на противодѣйствіе активное, а потомъ только на пассивное. Ослабваніе этой идеи шло прогрессивно, византійское начало, усилившись, готово было задавить ее совсѣмъ, и, дѣйствительно, едва не задавило, по-крайней-мѣрѣ, почти лишило ее экономической поземельной опоры. Но въ смутное время, когда проявилось столько разнообразныхъ стремленій и силъ, всего больше заявила себя эта древняя сила и выразилась въ томъ, что наши историки называютъ коммунистическими стремленіями XVII вѣка, напр. въ той массѣ, которая собралась около Болотинкова. Съ этихъ поръ, когда возстановленное и усиленное византійское начало, частію не удовлетворило стремленіямъ начала противоположнаго, частію снова стремилось совсѣмъ подавить его, — противоположное начало обратилось къ другимъ средствамъ, къ которымъ оно, впрочемъ, прибѣгало и прежде; теперь оно дало имъ только большіе размѣры, и подъ знаменами Разина, цѣлая треть страны энергически, хотя не вполне сознательно, протестовала противъ византійскаго начала. Въ XVIII вѣкѣ, это начало усилило свои стремленія, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, усилило и средства. Не смотря на то, протестъ противоположнаго начала въ XVIII вѣкѣ оказался еще сильнѣе въ главномъ своемъ проявленіи, не говоря о безчисленномъ множествѣ другихъ повсемѣстныхъ проявленій его, непрерывно продолжавшихся до нашего времени, которыя, однако, къ концу получили уже болѣе частный характеръ, являясь въ видъ психической необходимости, но уже безъ всякихъ общихъ цѣлей, которыя сдѣлались невозможны, благодаря все большему и большому усилению средствъ противоположнаго начала. Говорять однако, что эти частные случаи были слишкомъ многочисленны и могли окончиться только уступкою одной стороны въ пользу другой.—Г. Апухтинъ въ «Днѣ» напечаталъ свои соображенія относительно обязательнаго перевода временно-обязанныхъ крестьянъ съ барщины на оброкъ, гдѣ онъ, между прочимъ, говоритъ о заслугахъ русскаго дворянства. Заслуги эти г. Апухтинъ преувеличиваетъ выше всякой мѣры. Онъ го-

ворить, что нигдѣ дворянство не оказало ихъ столько, какъ у насъ, и видитъ ихъ въ томъ, что оно оставило за крестьянами ихъ личную собственность, ихъ дома и все вообще хозяйство. Онъ говоритъ, что оно имѣло право устроить у себя плантаторскія хозяйства, перевести всѣхъ крестьянъ въ дворню и, на свой собственный счетъ, пользуясь только ихъ трудомъ, эксплуатировать свои земли. Въ этомъ разсужденіи г. Апухтинъ не обратилъ вниманія на многое; во первыхъ по то, что положительное право тогда только имѣетъ дѣйствительную силу, когда оно находится въ согласіи съ естественнымъ правомъ; что писанный законъ тогда только можетъ быть приводимъ въ исполненіе, когда онъ исходитъ изъ внутренняго закона, господствующаго среди народа, или, по-крайней-мѣрѣ, не противорѣчитъ ему. Римскіе цезари и византійскіе императоры были полновластными господами, не только надъ собственностью, но и надъ жизнью своихъ подданныхъ. Повременамъ, они, дѣйствительно, и пользовались этимъ правомъ; но могли ли они воспользоваться имъ относительно всѣхъ своихъ подданныхъ? Очевидно, не могли, потому что, когда они стремились только расширить его, то имъ же и приходилось самимъ страдать отъ своихъ покушеній; то же самое было и въ отношеніяхъ между нашими помѣщиками и крестьянами. Право которое помѣщики имѣли надъ собственностью крестьянъ, происходило не изъ завоеванія; завоеванная страна, покоренный народъ, очевидно не могутъ дѣлать большой реакціи стремленій завоевателей потому, что завоеватели одинъ разъ оказались уже сильнѣе его; но и тамъ, все-таки, безъ реакціи не обходилось. Еще сильнѣе должна быть реакція при другихъ обстоятельствахъ напр., которыя были у насъ, что, дѣйствительно, на дѣлѣ и оказывалось; потому что, въ то время, когда шла вѣщная исторія народа, когда являлись писанные законы, народъ былъ своею жизнію; о законахъ если и зналъ, то, все таки, удерживалъ свой внутренній законъ; его исторія заключалась въ храненіи какъ добрыхъ, такъ и дурныхъ преданій старины и въ восильной, хотя нѣмой, и большею частью пассивной, реакціи тому, что происходило на поверхности. Такимъ образомъ, вопреки, г. Апухтину надобно сказать, что наше дворянство не могло, а не то, чтобы не хотѣло, низвести крестьянъ на степень рабочихъ на американскихъ плантаціяхъ; и, вѣроятно, реакція «Дня» сама несогласна съ его аргументами, хотя она и не заявила своего несогласія на этотъ пунктъ, въ сущности очень

важный, что она имѣетъ обыкновеніемъ дѣлать въ подобныхъ случаяхъ. Эти аргументы, впрочемъ, годились бы «Русскому Вѣстнику» для его тенденціи какъ-нибудь приравнять русское дворянство къ английскому. — Кроме того, г. Апухтинъ не обратилъ вниманія на другую невозможность для русскаго дворянства поступить такъ, какъ онъ предполагаетъ. Русскіе помѣщики далеко не такіе искусные сельскіе хозяева, какъ американскіе плантаторы, и, взявъ на свое исключительное попеченіе заботу о всей масѣ своихъ земель, они не имѣли бы столько выгодъ, какъ при тѣхъ системахъ, которыя имѣли у насъ мѣсто, при барщинѣ или оброкѣ. тѣмъ болѣе, что имъ нужно было платить за своихъ крестьянъ подати. Помѣщики такъ плохо вели свое хозяйство, что они, для своего продовольствія, прибѣгали къ наборамъ съ крестьянъ. И недостатокъ продовольствія происходилъ, очевидно, не отъ недостатка размѣра ихъ собственныхъ хозяйствъ, а отъ неумѣнья вести ихъ, такъ что, при большихъ размѣрахъ, оказался бы тотъ же самый недостатокъ, и восполнить его уже было бы не откуда.

Теперь, слава Богу, все это прошло, изъ области осязательной дѣйствительности перешло въ область воспоминанія. Теперь стараются устроить бытъ простого народа сколько можно лучше, и къ этой цѣли стремится, между прочимъ, и брошюрка объ ассоціаціяхъ рабочихъ. Но эта брошюрка — неудачное подражаніе первому неудачному подражанію книжкамъ, писаннымъ на французскомъ языкѣ, людьми, впрочемъ, очень почтенными, и честными, и умными, и особенно гуманными, которыхъ гуманизмъ-то и довелъ до соображеній очень систематическихъ, но, въ то же время, и очень мало приложимыхъ. Нашу мысль о неприложимости этихъ предположеній, которую мы старались развить въ началѣ этой статьи, мы можемъ подкрѣпить авторитетомъ человѣка, котораго ни въ ретроградности, ни въ безчувственности къ меньшимъ братьямъ упрекнуть никто не можетъ, но который, передъ всѣми своими сотрудниками, имѣетъ преимущество необыкновенной силы ума и непреклонной логики, которая ни передъ чѣмъ ни останавливается. Но для насъ понятны всѣ самые странныя экономическія комбинаціи западныхъ писателей; состояніе рабочихъ классовъ, которое они имѣютъ передъ глазами, и отсутствіе всякихъ ресурсовъ для радикальной перемѣны этого состоянія, дѣлаютъ понятными ихъ усилія найти какіе-нибудь ресурсы для этого въ своемъ соображеніи.

Но почему наши отечественные писатели стремятся къ развитію тѣхъ же самыхъ комбинацій? Почему ихъ особенно занимаетъ состояніе нашихъ фабричныхъ работниковъ или нашихъ мастеровыхъ, когда оно лучше состоянія огромнаго большинства нашихъ рабочихъ классовъ? Это уже трудно себѣ объяснить, тѣмъ болѣе, что подобное соображеніе, будучи совершенно безцѣльно, въ то же время приноситъ свой несомнѣнный вредъ, который состоитъ въ томъ, что оно проводитъ въ публику такое мнѣніе, будто социальное ученіе имѣетъ своею необходимою принадлежностію подобныя частію нелѣпыя, частію для многихъ страшныя, экономическія отношенія. Они компрометируютъ социализмъ въ русскомъ обществѣ.—Представленные авторомъ брошюры приемы успѣха ассоціациі несколько не служатъ къ оправданію его проэктовъ; они очень любопытны и заслуживаютъ общаго вниманія, какъ особенные виды обществъ взаимной помощи—больше изъ нихъ вывести ничего нельзя. Если удавались нѣкоторыя ассоціациі, съ цѣлію производства, то, во первыхъ, многія изъ нихъ дѣйствовали съ помощію правительства, и, все-таки, какъ тѣ, которыя дѣйствовали съ чьей нибудь помощію, такъ и тѣ, которыя дѣйствовали безъ всякой помощи, составляютъ совершенно ничтожную, гомеопатическую величину въ массѣ трудящихся классовъ. Притомъ, нельзя сказать, чтобы онѣ составляли первые опыты, которые, потому, натуральнѣе, не многочисленны; въ томъ то и дѣло, что это не первые опыты, и если бы авторъ потрудился собрать статистическія свѣдѣнія о числѣ опытовъ неудавшихся, тогда, безъ сомнѣнія, самъ онъ первый отказался бы отъ своихъ проэктовъ. Что нѣкоторые опыты удались, что нѣкоторые твердые люди, съ рѣдкимъ единодушіемъ и съ крайнею настойчивостію характера могутъ привести къ концу свои замыслы, это всегда и всѣмъ было извѣстно. Самъ авторъ, для укрѣпленія своихъ адептовъ, приводитъ слова, которыя были сказаны 2000 лѣтъ назадъ: «Претерпѣвый же до конца, той спасенъ будетъ.» Что касается до опытовъ успѣшныхъ ассоціациі, авторъ могъ бы ихъ найти и въ нашей экономической практикѣ, даже и въ большемъ количествѣ, и, можно прибавить въ болѣе разумномъ видѣ. Лавочки для дешевой продажи всякихъ припасовъ, а особенно съѣстныхъ, конечно, дѣло полезное для рабочихъ классовъ; но, все-таки, онѣ менѣе полезны, и болѣе трудны, нежели авторъ предполагаетъ; а главнымъ образомъ, не надобно забывать того, что, при разумномъ устрой-

отвѣ экономическаго быта трудящихся классовъ, всё неудобства, которыя хочетъ устранить авторъ, исчезнуть сами собою. А это разумное устройство у насъ можетъ быть сдѣлано; у насъ въ пользу его всё, даже частію пасанный законъ; но всего больше въ его пользу внутренней законъ нашего простого народа, его привычки, вся сумма его взглядовъ. Это рациональное устройство, по общему сознанию, состоитъ, во первыхъ, въ надѣлѣ крестьянъ землею, во вторыхъ, впрочемъ по сознанию менѣе общему, въ общинномъ пользованіи этою землею. Но, чтобы эти мѣры могли припестить къ результатамъ, которыхъ отъ нихъ слѣдуетъ ждать, онѣ должны быть дополнены двумя другими мѣрами. — Общинное пользованіе землею имѣетъ двѣ цѣли: во первыхъ, лишить крестьянина возможности терять свой участокъ земли, обезпечить его ему самому и его дѣтямъ на вѣчныя времена; во вторыхъ, дать приютъ всякому несчастному труженику, которому не посчастливилось въ другихъ родахъ промышленности; безъ этого послѣдняго условія общинное пользованіе землею будетъ несправедливо; оно обезпечитъ однихъ и оставитъ безъ крова другихъ. А такихъ нуждающихся въ кровѣ у насъ довольно; особенно число ихъ увеличивается въ послѣднее время, вмѣстѣ съ постепеннымъ освобожденіемъ дворовыхъ людей. После 19 февраля слѣдующаго года, число ихъ должно увеличиться вдругъ въ огромныхъ размѣрахъ, а положеніе ихъ, дѣйствительно, далеко не завидное. Напримѣръ, кому не пришлось замѣтить, что въ послѣднее время должность уличныхъ шарманщиковъ, у насъ заняли, вмѣсто итальянцевъ, наши русскіе мѣщане, или вольноотпущенные? И какъ плохо пристала имъ эта должность, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, какое скудное пропитаніе она доставляетъ! Къ итальянцамъ наша публика, повидимому, имѣла больше состраданія, можетъ быть, изъ уваженія къ тому, что въ нихъ видѣли бѣдныхъ иностранцевъ, голодомъ загнанныхъ въ наши снѣга и морозы, а, можетъ быть, и потому, что итальянцы играли лучшія аріи, изъ любимыхъ публикою оперъ, тѣ, которыя возбуждали въ ней то простое чувство, то воспоминаніе, соединенное съ чувствомъ. Когда итальянцы ушли домой, русскіе начали пѣть простыя русскія пѣсни, на самыхъ дурныхъ шарманкахъ. Публика не знаетъ этихъ пѣсень, а шарманки черезъ чуръ плохи, въ лицахъ играющихъ нѣтъ столько выразительности, въ глазахъ не блеститъ столько чувства. И публика не такъ внимательна къ этимъ бѣднымъ артистамъ — по-неводѣ.

Доля ихъ оказывается хуже доли бѣдныхъ итальянцевъ, тѣмъ болѣе, что у тѣхъ были, по крайней мѣрѣ, свои инструменты; а у нашихъ, и инструменты наняты. И этимъ дѣломъ сдумѣла воспользоваться спекуляція, тѣмъ болѣе, что оно очень выгодно. Вотъ какойнибудь оставившій солдатъ покупаетъ себѣ подобныхъ инструментовъ, и новыхъ, и старыхъ. Каждый инструментъ стѣитъ не больше 20 или 30 руб., и одному изъ такихъ спекулянтовъ, довелось купить ихъ штукъ 30; онъ устроилъ у себя что то въ родѣ конторы для отпуска въ наемъ подобныхъ инструментовъ и беретъ за нихъ ежедневно 30 коп. за каждый; въ мѣсяцъ это составитъ 9 руб., а въ годъ 100 руб., или отъ 300 до 500% ; помѣщеніе капитала, очевидно, весьма завидное; но каково положеніе тѣхъ, которымъ приходится имѣть дѣло съ подобными капиталистами? Попробуйте перенестись изъ сферы книгъ въ сферу дѣйствительной жизни, посмотрите на такихъ людей въ то время, когда они ходятъ изъ улицы въ улицу, зарабатывая свой кусокъ хлѣба. Это очень тяжелый и, въ то же время, очень скудный заработокъ. Чѣмъ питаются эти бѣдные артисты по-неволя, легко себѣ предположить, только бросивши одинъ взглядъ на всю ихъ внѣшность. Въ то время, какъ дворникъ, водовозъ, ломовой извозчикъ и другіе крестьяне, пришедшіе изъ деревень на заработки, одѣты, посвоему, очень удобно и тепло; въ то время какъ вы по лицу ихъ замѣтите, что содержаніе ихъ вообще удовлетворительно, равно какъ и состояніе здоровья, — наши бѣдные уличные артисты, представляются въ изнеможенномъ видѣ, въ разорванной одеждѣ и обуви. Поговорите съ ними, и они вамъ скажутъ, что о новомъ платьѣ, о новой обуви они и не имѣютъ понятія, а довольствуются тряпьемъ, покупаемымъ за безцѣнокъ. Таково состояніе этихъ свободныхъ людей; лучшей доли они почти не знаютъ; ихъ специальное занятіе, къ которому они привыкли, болѣею частью есть домашнее услуженіе. Но каково положеніе нашихъ домашнихъ слугъ, это едва ли многимъ хорошо извѣстно. Нерѣдко приходится слышать жалобы, даже справедливыя, на то, что наша прислуга ужасно испорчена; рѣдко кто смотритъ на нее съ другой точки зрѣнія, рѣдко кто обращаетъ вниманіе на ея положеніе. А оно очень с оитъ того; у насъ, можетъ быть, нѣтъ класса людей которыхъ положеніе такъ плохо обезпечено, какъ положеніе наемной прислуги; особенно, оно сдѣлалось плохо въ послѣднее время, когда очень многія семейства уѣхали изъ боль-

шихъ городовъ, частію за границу, частію къ себѣ въ деревни. Въ слѣдствіе этого, многіе слуги потеряли мѣста и до-сихъ-поръ находятся въ великомъ затрудненіи; бываетъ, что они теряютъ мѣста и по другимъ причинамъ, нерѣдко по капризамъ и взысканности господъ, которымъ служатъ. Мы приведемъ здѣсь кстати случай, которымъ романистъ можетъ даже воспользоваться и сочинить изъ него цѣлый романъ, или повѣсть; мы ручаемся за его подлинность и можемъ подтвердить его даже печатными и офенціальными извѣстіями. Въ одномъ домѣ жилъ слуга, кронштадтскій мѣщанинъ изъ вольно-отпущенныхъ. Жить ему было очень тяжело, потому-что дама, хозяйка дома, не находя въ себѣ человѣческаго достоинства, не допускала его и въ другихъ. Однажды, изъ-за какихъ-то пустяковъ, она отказала слугѣ. Слуга долгое время оставался безъ мѣста, прожилъ послѣднее, что у него было, и, благодаря какому-то заступничеству, снова получилъ мѣсто въ томъ же домѣ; а онъ очень интересовался этимъ домомъ, потому-что тутъ же жила въ горничныхъ его невѣста, очень скромная и милая дѣвушка; чрезъ нѣсколько времени, хозяйка дома снова отказала этому слугѣ и, чтобы докончить ударъ, нѣсколько времени спустя, отказала и его невѣстѣ, хотя никакой особенной причины, которую въ этомъ случаѣ можно бы предположить, не было, и даже сама хозяйка ничего не говорила; все произошло исключительно потому, что эта добросердечная дама не захотѣла ограничить себя въ избыткѣ своего гнѣва противъ слуги. Слуга былъ, дѣйствительно, хорошій человѣкъ и его окончательно убило то, что черезъ него пострадала и его невѣста; но сначала онъ не унывалъ, хлопоталъ, чтобы найти себѣ мѣсто; однако прошелъ мѣсяцъ, другой и третій, мѣста для него не находилось, его невѣста тоже не имѣла пріюта и жила гдѣ-то у знакомыхъ. Чрезъ нѣсколько времени, этотъ бѣдный слуга, однажды въ праздникъ, сходявъ къ ранней обѣднѣ, возвратился въ свою бѣдную квартиру, за которую онъ давно ужъ не платилъ денегъ, заперся въ ней и не выходилъ потомъ цѣлый день; его стали звать и, не получая отвѣта, разломали дверь; его нашли повѣсившимся. Вотъ послѣ такихъ-то похороженій подобныя люди принимаются за шарманки, или за что-нибудь подобное; и когда шарманки не помогутъ, то они принимаются за другія средства, и ими ежедневно переполнены арестантскія комнаты при городскихъ частяхъ, или кварталахъ. Въ Москвѣ въ эту зиму грабежей больше, нежели когда-нибудь; объ этомъ

есть офиціальныя извѣстія. Мода послѣднаго времени даетъ нѣкоторыя особенныя удобства для людей, промышляющихъ подобными средствами; имъ ничего не стоитъ вечеромъ снять съ прохожаго или съ провѣзжаго боярскую шапку; для этой операціи, говорятъ, даже придуманъ особый инструментъ. Все это вмѣстѣ составляетъ очень дурной знакъ для будущаго; что будетъ нѣсколько времени послѣ, когда вся масса освобожденныхъ дворовыхъ людей появится въ городахъ, чтобы искать себѣ занятій и, разумѣется, не найдетъ ихъ? Очевидно, въ этомъ случаѣ помогутъ не ассоціаціи; нечего дѣлать ассоціаціи тѣмъ людямъ, которые не имѣютъ куска хлѣба; пожалуй, они и придумаютъ свою ассоціацію, даже, можетъ быть, и придумали, для большаго удобства въ сниманіи и сбытѣ боярскихъ шапокъ и т. п. вещей. И если сказать по правдѣ, только эти ассоціаціи имѣютъ возможность существованія и имѣютъ причину, которая и производитъ ихъ основаніе. Такія ассоціаціи основываются безъ помощи капитала и кредита, только благодаря одной силѣ вещей, которая вызываетъ ихъ. Но, очевидно, такихъ ассоціацій поддерживать никто не сгнетъ, напротивъ, всякій постарается содѣйствовать искорененію ихъ, а искоренить ихъ, особенно уничтожить всякую возможность развитія ихъ на будущее время, можно только однимъ путемъ, именно: прочнымъ устройствомъ быта дворовыхъ людей, выходящихъ изъ-подъ крѣпостной зависимости. Уже теперь, не смотря на прелесть личной свободы, дворовые люди очень задумываются надъ своимъ будущимъ положеніемъ; они очень хорошо понимаютъ, что при новомъ порядкѣ вещей, помѣщики держать много прислуги не могутъ, и, въ то же время, они знаютъ, что и теперь найти мѣсто слуги по найму чрезвычайно трудно; они же сами стоятъ нѣсколько въ особенномъ положеніи: большею частію, они женатые и даже семейные люди. Если даже предположить, что имъ удастся пайти себѣ мѣста, во всякомъ случаѣ, они должны будутъ разстаться съ своими семьями; жены ихъ должны будутъ искать себѣ занятій въ другихъ мѣстахъ. А если у нихъ есть дѣти, то они совсѣмъ не могутъ служить гдѣ нибудь по найму, должны такъ или иначе обзаводиться собственными хозяйствами и непременно въ городахъ, потому-что, оставаясь въ деревнѣ, они будутъ лишены даже надежды на какое бы то ни было устройство своей судьбы. Въ городахъ же ихъ ждетъ самая горькая судьба: тяжелые труды и лишенія, разбродъ семьи и, вмѣстѣ съ

тѣмъ, развратъ. Относительно ихъ, задача правительства должна состоять въ томъ, чтобы не допустить ихъ въ города, чтобы не увеличить городской нищеты, нищенства, преступлений и разврата. Сдѣлать это можно только устройствомъ быта дворовыхъ людей въ сельскихъ общинахъ посредствомъ надѣла ихъ землею. Что они имѣютъ право на этотъ надѣлъ одинаково съ крестьянами, легко убѣдиться, если принять въ расчетъ даже не естественное право, а только историческое. Въ самомъ дѣлѣ, смѣшно принимать нашихъ дворовыхъ людей за потомковъ древнихъ холоповъ, когда большинство ихъ образовалось у насъ передъ глазами, или передъ глазами нашихъ отцовъ, изъ того же крестьянскаго сословія. Потомки прежнихъ холоповъ, приближенная прислуга нашихъ бояръ, давно выбились изъ этой сферы и наполнили собою ряды городскихъ сословій, и, частію, посредствомъ чиновничества, попали въ дворянство. Теперешніе дворовые, большею частью, имѣютъ до-сихъ-поръ родственниковъ между крестьянами; у многихъ отцы и братья обрабатываютъ землю, между тѣмъ, какъ они исполняютъ извѣстныя обязанности при своихъ господахъ. Въ то время, какъ помѣщики имѣли неограниченное право переводить крестьянъ въ дворовые, было бы великою несправедливостью, если бы подобные переводы могли служить достаточною причиною къ тому, чтобы разсматривать дворовыхъ людей, какъ безправныхъ потомковъ древнихъ холоповъ. Въ то же время, это было бы большою ошибкою правительства, которая доставила бы затрудненіе ему самому и ввергла бы большое сословіе людей въ безисходное положеніе. Не надобно забывать, что число дворовыхъ людей простирается до 1,500,000; не надобно забывать и того, что наша мануфактурная и, вообще, городская промышленность, будучи слабо развита, совсѣмъ не представитъ имъ обезпеченія. Между тѣмъ, если устроить дворовыхъ людей въ самихъ общинахъ, эта мѣра; не говоря о выгодности ея для нихъ самихъ, окажетъ весьма полезный результатъ для самой общины. Наши крестьяне, кромѣ земледѣлія, ни къ какимъ занятіямъ не приготовлены въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ не развита какая нибудь отрасль домашней промышленности. А домашняя промышленность, у насъ по деревнямъ, обыкновенно начиналась такимъ образомъ: или крестьяне узнавали ее въ то время, когда отправлялись на заработки въ столицы, или учились отъ мастеровъ, которыхъ помѣщики отправляли въ Москву въ науку къ какому-нибудь мастеру, по той или другой

спеціальности; нѣтъ сомнѣній, что нашу домашнюю промышленность слѣдуетъ поощрять; такъ или иначе, съ перемѣною состоянія земледѣльческихъ классовъ, она должна получить новое развитіе. И въ этомъ отношеніи, для земледѣльческаго сословія могутъ принести несомнѣнную пользу теперешніе дворовые. Между ними есть специалисты безъ исключенія по всѣмъ отраслямъ промышленности, ткачи, прядильщики, красильщики, столяры, обойщики, экипажные мастера, оружейники, мѣдники, золотыхъ дѣлъ мастера, портные, сапожники, штукатуры и т. п. Кромѣ того, между ними же есть и искусные садовники, огородники, конюхи, люди, которыхъ знанія особенно нужны въ сельскомъ хозяйствѣ. Если всѣ эти люди останутся въ деревняхъ, то, безъ сомнѣнія, они полагатъ начало различнымъ отраслямъ промышленности въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ уже чувствуется сколько-нибудь ихъ потребность; да, наконецъ, если нѣтъ мѣстной потребности, промышленность можетъ существовать для удовлетворенія другихъ краевъ, тѣмъ болѣе, что между тѣми же самыми дворовыми есть люди, которые имѣютъ и небольшіе капиталы, и нѣкоторую опытность, бывалость, необходимую для отысканія сбыта мѣстнымъ произведеніямъ. Но, чтобы удержать ихъ въ общинахъ, имъ надобно дать въ нихъ осѣдность, надобно дать имъ необходимые средства для жизни; безъ этого они будутъ искать себѣ занятій въ городахъ, потому что, по-крайней-мѣрѣ на время, извѣстныя имъ ремесла не въ состояніи прокормить ихъ въ деревняхъ. Наша домашняя промышленность существуетъ только подъ условіемъ необыкновенной дешевизны и произведеній; а эта дешевизна возможна только въ такомъ случаѣ, когда домашняя промышленность составляетъ дополнительное занятіе сельскаго жителя, которому онъ посвящаетъ свои досуги и, притомъ, когда онъ не занимаетъ помѣщенія для своего производства, и работаетъ въ своемъ собственномъ домѣ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, наша домашняя промышленность существуетъ въ видѣ главной и даже исключительной промышленности сельскаго народонаселенія; но это уже на дальнѣйшей ступени ея развитія, которая, впрочемъ, для самаго рабочаго сословія представляетъ уже упадокъ; такъ рабочіе ситцевыхъ фабрикъ с. Иванова, находятся въ гораздо худшемъ положеніи, занимаясь исключительно ситцевымъ производствомъ, нежели, напримѣръ, подгородные московскіе жители, которые соединяютъ фабричное производство съ сельскимъ хозяйствомъ; потому, для нашего сельскаго народонаселенія,

*

выгодно будет то, чтобы домашняя промышленность развивалась у него вѣсть съ земледѣльческою промышленностію; и въ этомъ отношеніи неоспоримую пользу принесутъ дворовые люди въ томъ случаѣ, когда они останутся въ деревняхъ и, получивъ обезпеченіе, будутъ въ состояніи начать свое производство сообразно съ своимъ спеціальнымъ подготовленіемъ.

Несомнѣнно, что дворовые, оставшіеся въ деревняхъ, будутъ полезны крестьянамъ въ другомъ отношеніи. Ихъ самихъ все таки нѣсколько коснулся духъ новой цивилизаціи; почти всѣ они грамотные, всѣ, больше или меньше, привыкли, присмотрѣлись къ формамъ жизни западно-европейской; привыкли къ опрятности усвоили себѣ бѣольшую развязность и бѣольшую мягкость въ обращеніи, такъ что, оставшіеся въ деревняхъ, какъ люди равные и одноправные съ крестьянами, они могутъ служить звѣномъ, привязывающимъ крестьянъ къ нѣкоторымъ сторонамъ лучшей цивилизаціи. Отъ помѣщиковъ перенимать многого, даже со-всѣмъ ничего, крестьяне не могли, потому, что на нихъ они смотрѣли, какъ на что-то слишкомъ далекое отъ себя, даже противоположное себѣ; не такъ они будутъ стоять относительно теперешнихъ дворовыхъ людей, лишь бы только тѣ остались въ деревняхъ.

А привязать ихъ къ деревнямъ можетъ только надѣлъ землею, какъ пахотною, такъ и усадебною, все равно, откуда бы она ни была взята. Г. Уманецъ въ статьѣ, напечатанной въ Отечественныхъ Запискахъ, говоритъ, что, для водворенія дворовыхъ людей въ деревняхъ, можно не увеличивать общаго крестьянскаго надѣла по тому правилу, что гдѣ трое сыты, тамъ и четвертому найдется, что поѣсть. Разумѣется, ежели это увеличеніе представитъ какія нибудь особенныя трудности, то можно надѣлъ дворовымъ людямъ сдѣлать изъ крестьянскихъ земель, хотя желательно было, чтобы они вошли въ общину не какъ совмѣстники крестьянъ, лишаящіе ихъ извѣстной доли земли; они сами имѣютъ такое же право на выдѣлъ имъ земли изъ помѣщичьяго участка, какъ и крестьяне, потому-что они сами, большею частью, такіе же крестьяне; если они по 10 ревизіи записаны между дворовыми, то это, какъ дѣло произвола помѣщика, не можетъ служить къ лишенію ихъ извѣстныхъ правъ на вѣчныя времена.

Такое устройство сельской общины, соединеніе въ ней крестьянъ и дворовыхъ людей, безъ сомнѣнія, принесетъ боль-

ную пользу ей самой и воспрепятствуетъ развитію городского пролетаріата. Для этой послѣдней цѣли нѣкоторые предлагаютъ другое средство именно: переселеніе дворовыхъ людей въ малонаселенныя плодородныя губерніи съ тѣмъ, чтобы они занимались тамъ земледѣліемъ. Если для кого не годится это средство, то особенно для дворовыхъ людей. Сельское хозяйство въ странѣ новой, представляющей новыя условія, доставитъ много затрудненій даже и для людей, имѣющихъ большую опытность. О дворовыхъ людяхъ, очевидно, этаго сказать нельзя. Они могутъ не безъ успѣха начать свои земледѣльческія занятія тамъ, гдѣ они родились и выросли, даже частію занимались сельскимъ хозяйствомъ; но на новыхъ мѣстахъ, гдѣ потребуются и больше практической находчивости, и большаго упорства въ трудѣ, они, будучи предоставлены исключительно своимъ соображеніямъ и своей незначительной опытности, могутъ не успѣть. Переселенія представляютъ огромный ресурсъ для населенія внутренней Россіи въ томъ случаѣ, когда оно слишкомъ увеличится, когда оно будетъ предлагать слишкомъ много рабочихъ рукъ и станетъ въ невыгодное отношеніе къ поземельнымъ собственникамъ; но, въ такомъ случаѣ, придется переселяться цѣлыми деревнями крестьянамъ, которые, съ помощію, предлагаемою со стороны правительства, и съ помощію ихъ остающихся сочленовъ общины, въ пользу которыхъ пойдетъ оставляемая ими земля, легко совершатъ переселеніе и легко обзаведутся на новыхъ мѣстахъ *. Но переселяться туда, однимъ дворовымъ людямъ—невозможно: они должны выполнить назначеніе, къ которому они приготовлены, на мѣстѣ своего рожденія, т. е. они должны способствовать распространенію между нашимъ сельскимъ населеніемъ ремесла и того, что, вообще, называется нѣкоторыми, «обрабатывающею промышленностью.»

Если, такимъ образомъ, будетъ обезпечено прочно существованіе классовъ, выходящихъ изъ-подъ крѣпостной зависимости, особенно дворовыхъ людей, въ такомъ случаѣ не будетъ надобности ни въ какихъ ассоціаціяхъ работниковъ. Хорошо обезпеченные у себя дома, въ своихъ общинахъ, идя на фабрику,

* Съ точки зрѣнія этой будущей потребности для нашего народонаселенія въ свободныхъ земляхъ, нельзя не пожалѣть о томъ, что онѣ, въ послѣднее время, въ такомъ большомъ количествѣ стали переходить въ частную собственность, безъ всякой пользы для общаго народнаго хозяйства. Это, въ послѣдствіи, затруднитъ улучшеніе народнаго благосостоянія посредствомъ колонизаціи.

не затѣмъ, чтобы искать куска хлѣба, а затѣмъ, чтобы увеличить его, они не примутъ невыгодныхъ условій, не дозволить предпринимателю эксплуатировать себя. Между ними возникнутъ естественныя условія, которыя будутъ одинаково выгодны какъ для предпринимателя, такъ и для работниковъ. Работники получатъ такую плату, которую Дюпенъ называетъ естественною заработной платою и которая будетъ равняться тому, что они въ состояніи были бы приобрести на своей землѣ, съ своимъ собственнымъ капиталомъ, занимаясь производствомъ на свой счетъ. Если же не обезпечить нашихъ бѣдныхъ трудящихся классовъ землею, то, какъ мы показали выше, никакія ассоціаціи имъ не помогутъ и даже не будутъ возможны. Въ такомъ случаѣ, масса дворовыхъ людей потянется въ фабричныя и другіе города и будетъ на самыхъ невыгодныхъ условіяхъ принимать мѣста фабричныхъ работниковъ, подмастерьевъ, домашнихъ слугъ и т. п., потому что ихъ положеніе, въ томъ случаѣ, когда они имѣютъ только личную свободу, слишкомъ незавидно, если они останутся въ деревняхъ. И до-сихъ-поръ у насъ было много вольноотпущенныхъ, которые занимались тѣмъ или другимъ ремесломъ, на мѣстѣ своего рожденія. Кому приходилось видѣть ихъ жалкое положеніе, видѣть, какъ они, на свой скудный заработокъ, должны были нанимать себѣ помѣщеніе, покупать все содержаніе, тотъ пойметъ, почему они такими большими массами прибывали въ города; а кто знаетъ состояніе ихъ въ городахъ, тотъ не удивится и тому, что народонаселеніе нашихъ бѣднѣхъ столицъ, не уменьшаясь, а даже постоянно нѣсколько увеличиваясь, въ то же время представляетъ значительный перевѣсъ числа умирающихъ передъ числомъ рождающихся. Причина этого, конечно, заключается въ чрезвычайной бѣдности рабочихъ, населяющихъ столицы. Средства къ жизни, которыя они добываютъ своимъ трудомъ, оказываются слишкомъ недостаточными для того, чтобы поддержать ихъ здоровье въ состояніи, хоть сколько нибудь близкомъ къ нормальному. Въ такомъ положеніи дѣла, говорить объ ассоціаціяхъ рабочихъ съ цѣлью фабричнаго или ремесленнаго производства—значить частію убаюкивать себя ложными мечтами, частію препятствовать дѣйствительному и прочному обезпеченію трудящихся классовъ. Что касается до незначительности рабочихъ ассоціацій, какъ средства для болѣе справедливаго распредѣленія богатствъ, то, въ подтвержденіе нашего мнѣнія, мы ссылаемся на

авторитетъ Прудона, и на недавно изданное сочиненіе г. Волкова: «Lectures d'économie politique rationnelle.» Мы въ этомъ вопросѣ стоимъ совершенно отдѣльно отъ народовъ западной Европы; у насъ для этого есть средства гораздо болѣе дѣйствительныя, именно сельская община. Правительство признало ее, какъ существующій фактъ, а народа нельзя отъ нея оторвать силою. Но чтобъ община осталась учрежденіемъ полезнымъ, сколько для самихъ сельскихъ жителей, столько въ общемъ государственномъ смыслѣ, для этого нужно, чтобы она строго сохранила принадлежащій ей характеръ, нужно, чтобы каждая община не заключилась въ своемъ тѣсномъ кружкѣ деревенскихъ жителей, а оставалась одною изъ экономическихъ единицъ, имѣющихъ во всей своей суммѣ общенародное значеніе. Если члены общины, устроившись сами, будутъ ревниво не допускать въ свой кружокъ никакого посторонняго члена, этимъ самымъ община потеряетъ характеръ учрежденія, имѣющаго цѣлю препятствовать развитію пролетаріата. Члены общины, обезпеченные землею, могутъ устроить свое благосостояніе очень прочно въ то время, какъ другіе обдѣленные при общемъ раздѣлѣ, должны будутъ вести скитальческую жизнь наемныхъ работниковъ. Кромѣ дворовыхъ людей, у насъ найдется много другихъ, которые нуждаются и будутъ нуждаться въ клочкѣ земли для своего пропитанія. До сихъ поръ у насъ закономъ было запрещено отставнымъ солдатамъ прибѣгать къ общественному подаянію; но законъ иногда безсиленъ. До сихъ поръ срокъ военной службы у насъ былъ слишкомъ продолжительный. Многіе солдаты до отставки не доживали; а тѣ, которые доживали, размѣщались гдѣ-нибудь по казеннымъ и частнымъ мѣстамъ, въ качествѣ прислуги; другіе доживали вѣкъ у родныхъ. Выходя въ отставку въ такомъ возрастѣ, когда объ основаніи независимаго хозяйства было думать уже поздно, она ни о чемъ и не думали, какъ только дожить какъ нибудь свой вѣкъ. Средство противъ этого можетъ быть одно: обратное допущеніе въ общину тѣхъ членовъ ея, на долю которыхъ вымалъ рекрутскій жребій, послѣ того, какъ они окончатъ срокъ военной службы, такъ, чтобы они, по прежнему, сдѣлались полноправными членами общины. До-сихъ-поръ такому порядку дѣлъ было два препятствія: во первыхъ, Правительство рассчитывало на солдатскихъ дѣтей, которыхъ оно не хотѣло возвращать въ сословія, откуда вышли ихъ отцы; во вторыхъ, дѣйстви-

тельно было бы несправедливо — человека, прослужившаго 25 лѣтъ въ военной службѣ, бывшаго въ нѣсколькихъ компаніяхъ, получившаго нѣсколько ранъ, возвратить снова во власть помѣщика. Такому человеку все-таки было лучше остаться хотя неприютнымъ сиротою, но все таки свободнымъ, нежели быть осужденнымъ на невольную работу у помѣщика. Теперь ни то, ни другое препятствіе не существуютъ. Правительство освободило кантонистовъ, равно какъ и помѣщичьихъ крестьянъ; теперь отставному солдату будетъ выгодно поступить въ члены общины. И надобно, чтобы доступъ въ нее ему не былъ закрытъ; это опять таки не останется безъ пользы для самой общины; недавно заведенный порядокъ обученія солдатъ грамотности, можетъ, такимъ образомъ, доставить въ общины сельскихъ учителей, въ которыхъ онъ теперь уже такъ нуждаются. Но главною выгодною остается все таки прочное водвореніе самихъ солдатъ, возвращеніе и ихъ самихъ, и ихъ дѣтей къ производительной дѣятельности. Кромѣ того, общины должны принять въ свой составъ и всѣхъ тѣхъ, которые, до сихъ поръ, тѣми или другими причинами, низведены на степень городскихъ пролетаріевъ. Число такихъ людей, сравнительно со всею массою нашего сельскаго населенія, дѣйствительно ничтожно, потому что даже вся масса нашего городского населенія, сравнительно съ сельскимъ, весьма незначительна. Такимъ образомъ, эта мѣра, дѣйствительно не обременяя никого, уничтожитъ навсегда возможность образованія городского пролетаріата и искоренитъ его, насколько онъ успѣлъ уже образоваться, а правительству не будетъ ни какой надобности прибѣгать къ строгимъ мѣрамъ для искорененія нищенства въ столицахъ. Въ самомъ дѣлѣ, если мы предположимъ въ губерніи, имѣющей миллионъ жителей, 500 общинъ по 2000 жителей въ каждой, очевидно, интересъ общины нисколько не пострадаетъ, если въ каждую изъ нихъ войдетъ не только по 20 или 10, но и по 100 человекъ лишнихъ; такой массы нуждающихся въ пріютѣ далеко не найдется. И, очевидно, великъ будетъ общій государственный результатъ, который достигнется этою мѣрою; имъ будетъ положено основаніе, какъ для развитія нашей народной промышленности, такъ и для обезпеченія всѣхъ вообще трудящихся классовъ. Если удерживать общину, то, безъ сомнѣнія, надобно удерживать ее въ наиболѣе разумномъ видѣ, въ которомъ она удовлетворяла бы вполне своему назначенію, и которое, однако,

ничего утопическаго въ себѣ не имѣетъ. Но, чтобы государство имѣло право на подобную помощь общинъ въ достиженіи цѣлей чисто-государственныхъ, для этого нужно, чтобы оно приобрѣло это право своимъ участіемъ въ современномъ устройствѣ общинныхъ дѣлъ, чтобы, такъ или иначе, оно не оставило общины безъ достаточнаго надѣла землею. Если же это не будетъ сдѣлано, то, разумется, всякіе толки объ устройствѣ нашихъ рабочихъ классовъ должны прекратиться, потому что изъ нихъ ничего не выйдетъ. Въ такомъ случаѣ, наши сельскія населенія не поднимутся выше того положенія, въ которое они стали теперь; народное образованіе и развитіе народнаго богатства будутъ убиты въ самомъ зародышѣ. А состояніе городскихъ рабочихъ классовъ быстро пойдетъ къ худшему; никакія ассоціаціи дѣлу не помогутъ; мгновенно образуется многочисленный классъ пролетаріевъ; уровень общественной нравственности упадетъ; развратъ и преступленія увеличатся.

Д. Щегловъ.

Ч О Р Т Ъ:

(изъ гейне).

Позвалъ я чорта—онъ пришелъ.
 И съ изумленіемъ я нашелъ,
 Что онъ не гадокъ, не кадка:
 Онъ видъ имѣеть человѣка,
 Онъ очень милъ, онъ въ цвѣтѣ лѣтъ,
 Онъ ловокъ, вѣжливъ, знаетъ свѣтъ,
 Онъ дипломатъ, прекрасно судить
 О томъ, что съ міромъ нашимъ будетъ.
 Немножко блѣденъ онъ лицомъ,
 Да нѣтъ большаго дива въ томъ:
 Теперь Санскритъ онъ изучаетъ
 И часто Гегеля читаетъ.
 Его любимѣйшій поэтъ—
 Фуке, отъ самыхъ юныхъ лѣтъ;
 Но критикой онъ заниматься
 Не хочетъ больше,—упражняться
 Онъ предоставилъ нынче въ ней
 Гекатъ, бабушкѣ своей.
 Онъ отозвался съ одобреніемъ
 О томъ, что я такимъ стремленіемъ
 Къ юриспруденціи объять: *
 Онъ самъ былъ прежде адвокатъ.
 Онъ объявилъ, что не высоко
 Онъ цѣнитъ то, что я глубоко
 Къ нему привязанъ,—и сказалъ:
 «Скажите, кажется, встрѣчалъ
 «Я васъ не разъ и прежде, въ залѣ
 «Посла испанскаго, на балѣ?»
 Въ его лице я сталъ тогда
 Глядѣть внимательно, и, да,
 Я убѣдился, что давно мы
 И очень близко съ нимъ знакомы,—

Человѣкъ, о не смѣйся надъ чортомъ!
 Вѣдь коротокъ твой жизненный путь
 И мученіе вѣчное въ адѣ—
 Не безумье какое-нибудь.

Человѣкъ, о плати кредиторамъ!
 Помни, жизненный путь твой не малъ,
 И не разъ занимать ты захочешь,
 Какъ и прежде не разъ занималъ.

И. Вейнбергъ.

* Гейне сначала занимался юридическими науками.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ

СЪ КЛЕРИКАЛЬНОЙ ТОЧКИ ЗРѢНІЯ.

(De la richesse dans les sociétés chrétiennes par Charles Perin professeur du droit publique et d'économie politique a l'université de Louvain. Paris 1861.).

Кромѣ двухъ наиболѣе извѣстныхъ школъ политической экономіи: социальной и собственно экономической, которыя стараются, одна передъ другой, овладѣть экономической сферою какъ въ литературѣ, такъ и въ народной жизни, есть еще третья школа, къ которой принадлежитъ и довольно писателей, и довольно партизановъ въ государствахъ Западной Европы. Эта школа — клерикальная. Недавно клерикальная экономическая литература получила приращеніе, и очень значительное, въ сочиненіи, котораго заглавіе мы привели выше, и котораго авторъ почти двадцать лѣтъ преподавалъ политическую экономію въ католическомъ университетѣ, въ Лувенѣ. Эта литература никогда не дѣлала особаго шума и даже не была очень распространена. Несмотря на то, она имѣетъ свое значеніе и очень большое, какъ потому, что она выражала собою взгляды партіи весьма многочисленной въ Западной Европѣ и, притомъ, концентрированной и хорошо организованной, такъ и потому, что литература эта, исходя изъ понятій, господство которыхъ еще продолжается въ Европѣ, развиваетъ ихъ гораздо послѣдовательнѣе, нежели официальная экономическая школа, которая, обра-

щаяся къ этимъ понятіямъ, къ нравственному ученію, соединенными съ ними, тамъ, гдѣ нужно ей доказывать безнравственность социальныхъ стремленій,—забываетъ эти понятія во всѣхъ другихъ случаяхъ и излагаетъ свое ученіе противоположно не только христіанскому ученію о братской любви, но и всякому вообще ученію о справедливости. Клерикальная экономическая литература, находя недостатки въ экономическомъ устройствѣ современныхъ обществъ, въ то же время находитъ, что, для искорененія ихъ не найдутъ довольно средствъ ни экономисты, ни социалисты, что они уступятъ мѣсто только тѣмъ средствамъ, которыя предлагаетъ сама она въ духѣ христіанства, или, какъ она говоритъ гораздо опредѣленнѣе, въ духѣ католицизма. Ш. Перенъ находитъ даже признаки, на основаніи которыхъ онъ и думаетъ, что господство современныхъ политико-экономическихъ школъ скоро окончится, и что католическая церковь скоро вступитъ въ свои права, устроить жизнь современныхъ народовъ сообразно своему ученію и, разумѣется, все-таки въ видахъ ихъ собственнаго благополучія и, притомъ, съ несомнѣннымъ успѣхомъ. Еще въ 1849 году, авторъ издалъ брошюрку подъ названіемъ: «Экономисты, социалисты и христіанство» (*Les économistes, les socialistes et le christianisme*) которую и разобралъ г. Моллиари въ *Journal des Economistes*; въ этой брошюркѣ, авторъ уже успѣлъ высказать свою главную мысль, что современные экономическія ученія ни къ чему не поведутъ, что народы спасутся только ученіемъ католицизма, именно его ученіемъ о томъ, чтобы не прилагать сердца къ благамъ міра сего. Г. Моллиари опровергалъ его фельетоннымъ образомъ, какъ могъ; онъ не опровергалъ упрековъ, которые Ш. Перенъ дѣлалъ экономистамъ, а, въ свою очередь, принялся за упреки католицизму. «Европа—говорилъ онъ—уже столько вѣковъ находилась подъ вліяніемъ и направленіемъ католицизма, и католицизмъ не привелъ ее къ добру. Папы и все вообще духовенство запада и тогда проповѣдывали, какъ теперь, отреченіе отъ міра, но, въ то же время, сами употребляли всѣ усилія для того, чтобы захватить въ свои руки какъ можно побольше этихъ презрѣнныхъ благъ. Теперь—говорилъ онъ—другое время; теперь общественною жизнью должны руководить другія идеи.» Рецензія была написана очень бойко, только, въ то же время, и очень слабо. Когда Моллиари кололъ глаза автору напоминаніемъ о дѣлахъ прежнихъ папъ, то онъ сражался противъ того, противъ чего сра-

жается и самъ Ш. Перенъ и вся вообще клерикальная партія. Когда она призываетъ народы къ братскому соединенію во-кругъ папы, какъ главы католицизма, то она не разсчитываетъ на такихъ папъ, какъ Александръ VI. Она сама призывается, что время тѣхъ папъ было плохо, но, въ то же время, она говоритъ, что такія времена возобновиться не могутъ, что реформа церкви на тридентскомъ соборѣ сдѣлала ихъ невозможными, и что она призываетъ народы не подъ знамена папскихъ злоупотребленій, а подъ знамена чистаго католическаго ученія. Новое сочиненіе Ш. Перена имѣетъ тотъ же самый характеръ, какъ и прежняя брошюра; только это дѣйствительно довольно полное и, въ особенности, пространное изложеніе экономическаго ученія, такъ что книгѣ этой, вѣроятно, суждено имѣть большое значеніе въ средѣ клерикальной партіи, для которой она замѣнитъ всевозможные трактаты о политической экономіи, равно какъ всевозможные трактаты о реформахъ чисто-политическихъ и экономическихъ. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что авторъ умѣетъ согласить или, по-крайней-мѣрѣ, показать видъ, что онъ старается согласить прогрессъ общественной жизни и свободы съ ученіемъ католицизма. Какимъ образомъ онъ это дѣлаетъ, это можно себѣ представить. Съ исторіею онъ не церемонится: напримѣръ, онъ находитъ, что въ средніе вѣка, подъ влияніемъ католицизма, не только народонаселеніе, но и производительность труда возрастали, во-первыхъ, пропорціонально одно другому,—а, во-вторыхъ, въ гораздо болѣе значительной степени, чѣмъ въ послѣднее время; въ доказательство этого онъ приводитъ нѣкоторые факты дѣйствительно несомнѣнные, это именно многія свидѣтельства, многія изслѣдованія, которыя показываютъ, что состояніе рабочихъ классовъ въ средніе вѣка было гораздо сноше, нежели теперь, что бѣдные люди имѣли обыкновенно почти всегда обезпеченный кусокъ хлѣба, свой собственный уголь и т. п. Факты эти были давно извѣстны, но только они доказываютъ совсѣмъ не то, чего хочетъ нашъ авторъ: они доказываютъ неудовлетворительность экономическаго быта современной западной Европы, даже сравнительно, съ экономическимъ бытомъ среднихъ вѣковъ, что низшіе классы, освобожденные отъ крѣпостной зависимости и необезпеченные поземельнымъ владѣніемъ, попали подъ болѣе суровую эксплуатацію фабрикантовъ и, вообще, капиталистовъ, нежели какова была эксплуатація ихъ господъ. Вообще, съ этой стороны авторъ очень слабъ

Когда онъ хочетъ доказать благодѣянія, которыми западная Европа обязана католицизму, его доказательства выходятъ слишкомъ натянуты, тѣмъ болѣе, что онъ показываетъ слишкомъ большую нетерпимость крайняго клерикала. Ему мало того, чтобы доказывать благодѣяніе католицизма, онъ пользуется всякимъ случаемъ, чтобы показать недостатки другихъ религій и даже другихъ христіанскихъ исповѣданій, которыя онъ называетъ не иначе, какъ ересями; у него это даже возведено въ систему. И всѣ факты, сколько онъ ихъ ни знаетъ, онъ старается сгруппировать такимъ образомъ, чтобы доказать несостоятельность даже въ экономическомъ отношеніи различныхъ ересей и язычества (раганізмѣ), какъ онъ называетъ всякое коренное несогласіе съ теоретическими принципами католицизма; по его мнѣнію, въ послѣднее время, язычество снова подняло голову и руководить въ значительной степени общественною жизнью въ западной Европѣ. Между прочимъ, онъ принимаетъ тотъ фактъ, что и въ Англіи, положеніе рабочихъ классовъ въ средніе вѣка, было гораздо лучше, нежели теперь, и видитъ въ немъ достаточное основаніе для того, чтобы осудить англиканскую церковь, или, какъ онъ называетъ, ересь, которая, будто бы, не можетъ оказать такое полезное вліяніе на рабочіе классы, какое оказываетъ въ другихъ мѣстахъ католичество. Подобно социалистамъ, онъ принимаетъ, что въ Англіи существуютъ какъ будто два народа, т. е. высшіе классы—джентельмены и рабочіе. Эти два класса стоятъ одинъ противъ другаго, въ такомъ положеніи, которое грозитъ бурями въ будущемъ. Разумѣется, виною всему измѣна папскому престолу, въ которой виновата Англія, равно какъ и неспособность англійскаго духовенства; конечно, всѣ эти аргументаціи можно опровергать только такимъ же приверженцамъ партій противоположныхъ, и то только въ Бельгіи или, пожалуй, во Франціи. Тамъ слѣдовало бы указать автору на антагонизмъ гораздо болѣе дѣйствительный, который существуетъ между различными классами общества, на примѣръ въ Италіи, гдѣ теперь, какъ и прежде, вліяніе католицизма на народъ и участіе его въ общественной жизни были такъ велики, что, вѣроятно, и самъ авторъ большаго вліянія не желалъ бы, а, между тѣмъ, Италія всегда была классическою странною кинжала, яда, разбоевъ и кровавыхъ экзекуцій.

Но есть у автора и другой взглядъ, болѣе заслуживающій уваженія и болѣе подкрѣпленный доказательствами и, притомъ,

отличающийся характеромъ меньшей исключительности и нетерпимости, когда авторъ отрѣшается отъ своихъ узкихъ католическихъ взглядовъ, и разсматриваетъ характеръ общественной жизни, на основаніи фактовъ общечеловѣческихъ, историческихъ. Онъ обращаетъ вниманіе на явленія, которыхъ серьезный мыслитель обойти не можетъ, и на которыя, къ сожалѣнію, въ наше время обращаютъ очень мало вниманія, а официальная экономическая школа, равно какъ и публицисты, партизаны дешеваго либерализма, не хотятъ ихъ знать совсѣмъ. Это именно то, что жизнь всѣхъ народовъ въ первое время представляетъ много чертъ дѣйствительно прекрасныхъ, что у нихъ находится; при случаѣ, много самоотверженія, даже любви къ ближнему, много безкорыстія, и нѣтъ служенія золотому тельцу, нѣтъ этого всеобщаго стремленія къ богатству, которое овладѣваетъ всѣми въ послѣдній періодъ народной жизни. Этотъ фактъ Ш. Перенъ направляетъ противъ раціонализма. Раціонализмъ онъ считаетъ совершенно ни къ чему неспособнымъ, между прочимъ, видитъ доказательство этого въ римской исторіи, хотя примѣры древней римской доблести, на которую онъ обращаетъ вниманіе, и которую ему слѣдовало бы сравнить съ нравами временъ послѣднихъ римскихъ императоровъ привели-бы его къ мнѣнію, очень мало похожему на то, которое онъ имѣетъ о римскомъ католицизмѣ и паганизмѣ. Но онъ сравнилъ древнюю римскую доблесть только съ нравами временъ упадка римской религіи, когда она уступила мѣсто раціонализму и сенсуализму. Римская исторія представляетъ драгоценные факты для наблюденія совокупнаго вліянія на народъ религіи, экономического и политическаго устройства.

Относительно религіи мы видимъ въ римской исторіи три періода, — два крайніе съ религіею положительною, и средній съ религіею философскою; одинъ изъ крайнихъ періодовъ, именно первый, представляетъ много прекрасныхъ чертъ въ характерѣ и въ жизни Римлянъ; что признаетъ и Ш. Перенъ. Послѣдній періодъ тоже періодъ положительной религіи; только онъ представляетъ самое крайнее паденіе римскаго характера и римской жизни вообще. Средній періодъ раціонализма также представляетъ только одни печальныя явленія. Если, вмѣстѣ съ авторомъ, допустить исключительное вліяніе религіи на общественную жизнь, то олдѣуетъ оправдать религію перваго періода и осудить религію второго и послѣдняго пе-

периода. III. Перенъ этого не сдѣлалъ, онъ осудилъ только одинъ рационализмъ, религію средняго періода; но не осудилъ религію послѣдняго періода и не оправдалъ религію перваго, которая была паганизмъ. Очевидно, быть послѣдовательнымъ ему было нельзя съ его точки зрѣнія, иначе ему пришлось-бы осудить и себя, и свою книгу, и даже совсѣмъ не писать ее. Но ему все-таки не слѣдовало и выводить ошибочныхъ заключеній. А ошибка его состояла именно въ религіозной исключительности; онъ хотѣлъ одною религіею объяснять развитіе общественной жизни, между тѣмъ, какъ оно зависитъ столько-же, и даже еще больше, отъ экономическаго и политическаго устройства народа; и въ римской исторіи вліаніе того и другаго осязательнѣе, нежели въ какой-нибудь другой. Въ самомъ дѣлѣ, въ первое время, когда общественныя требованія имѣли перевѣсъ передъ требованіями личными, самая форма государственной жизни была проста и устранила всякую возможность возвышаться однимъ надъ другими иначе какъ заслугами; тогда не было особеннаго интереса къ накопленію страшныхъ богатствъ, — фактъ замѣченный, только перетолкованный въ кривь III. Переномъ. Тогда личный интересъ и по принципу, и по общественнымъ условіямъ, легко приносился въ жертву интересу общественному, тогда была возможность прочнаго экономическаго устройства низшихъ классовъ. И это все вмѣстѣ развило въ древнихъ Римлянахъ способность къ такимъ дѣламъ, которымъ могли только удивляться ихъ потомки. Съ теченіемъ времени, экономическое устройство измѣнилось, государственная жизнь, оставаясь такою же, какою и была прежде по формѣ, въ сущности тоже измѣнилась. Религія, какъ основаніе общественной нравственности, упала, а то, что смѣнило ее, имѣло такой характеръ, что никакихъ основъ для общественной нравственности дать не могло. Спустя еще немного времени, государственная жизнь измѣнилась даже въ формѣ, и измѣнилась къ худшему, такъ что результатомъ этого измѣненія оказалось стремленіе очень многихъ возвыситься на счетъ другихъ насильственными средствами или угодничествомъ. Все, что въ прежнее время, поддерживало на высокомъ уровнѣ всѣ стороны римской жизни, исчезло. Форма политической жизни убила всякій патриотизмъ. Экономическій бытъ народа былъ такого рода, что одни не думали ни о чемъ, кромѣ наслажденій, даже не разбирая строгаго ихъ характера, другіе не имѣли обезпеченнаго куска хлѣба и

старались добыть его тоже всякими средствами. И жизнь всего вообще народа представляла картину слишком жалкую. Религія тоже не было, но скоро явилась и положительная религія, которая, безъ всякаго сомнѣнія, полезное нравственное вліяніе на многія личности оказала. Но нѣтъ никакого сомнѣнія и въ токъ, что она никакого добраго вліянія на ходъ общей народной жизни не имѣла. Такимъ образомъ, и оказывается, что, при дурномъ экономическомъ и политическомъ устройствѣ общества, одинаково не поможетъ ни раціонализмъ, ни положительная религія, что, стало быть, главныя причины, отъ которыхъ зависятъ весь характеръ общественной жизни состоятъ въ экономическомъ и политическомъ устройствѣ. Еслибы авторъ, дѣйствительно, взглянулъ поглубже въ явленія, которыя онъ разсматриваетъ, то онъ сумѣлъ-бы избѣгнуть, какъ этаго неудачнаго осужденія раціонализма на основаніи римской исторіи, такъ и неменше неудачнаго обвиненія англійскаго духовенства, за современныя страданія рабочихъ классовъ въ Англій. Англій, вообще, онъ касается очень часто, и всегда съ одною заднею мыслью. И, надобно отдать ему справедливость, что онъ умѣетъ провести свою мысль съ необыкновеннымъ искусствомъ, столь свойственнымъ партіи, къ которой онъ принадлежитъ. Такъ, говоря о бѣдности рабочихъ классовъ въ Англій, онъ представляетъ ее въ самыхъ мрачныхъ чертахъ во время кризиса 1840 года; и, замѣчательно, что онъ это дѣлаетъ не своими словами; онъ приводитъ значительныя выписки изъ англійскихъ-же писателей, нисколько не принадлежащихъ къ клерикальной партіи. Но, наведя на читателя порядочный ужасъ этимъ описаніемъ, онъ не говоритъ ни о причинахъ описываемыхъ явленій, ни о средствахъ, предлагаемыхъ самими авторами для устраненія этихъ явленій, а средства предлагаетъ уже свои, такъ-какъ по своему объясняетъ и причины. «Только возвращаясь къ Богу, съ помощью самоотверженія, говоритъ онъ, можно избавить общество отъ кризисовъ, или, по крайней мѣрѣ, отъ ихъ несчастныхъ результатовъ. Это будетъ возможно только въ такомъ случаѣ, когда рабочіе классы возвратятся къ привычкамъ жизни христіанской, которыя все заключаются въ самоотверженіи.» Дѣйствительно, замѣчательна въ этомъ случаѣ діалектическая тонкость автора. Надобно возвратиться—говоритъ онъ—къ Богу,—и это говорится по поводу Англій; стало быть, Англій отступилась отъ Бога. Авторъ, съ своей точки зрѣнія, дѣйствительно

тавь и думаетъ, и представленный имъ примѣръ, смѣетъ съ заключеніемъ, вѣроятно, не разъ будетъ употребленъ въ дѣло клерикальскаго партіею и въ газетахъ, и въ брошюрахъ, и въ разговорахъ. Вообще, клерикальный духъ проходитъ чертаъ все сочиненіе и, разумеется, веѣмъ разсужденіемъ автора и веѣмъ его заключеніемъ даетъ особенный оттѣнокъ. Онъ, разумеется, съ самымъ крайнимъ искусствомъ пользуется веѣми случаями, гдѣ католическое духовенство играло въ исторіи роль, цивилизующую или гуманную; такъ онъ не упуститъ случая выставить усція Ласъ-Казаса и другихъ миссіонеровъ того времени, усціямъ которыхъ, съ помощію папскаго двора, удалось уничтожить рабство, на которое осуждены были американскія племена завоевателями, но ничего не говоритъ о послѣдовавшемъ за тѣмъ рабствѣ негровъ и, разумеется, ни слова о томъ, какъ католическое духовенство досихъ поръ поддерживаетъ его своимъ авторитетомъ въ Луизианѣ, равно какъ въ другихъ сѣверо-американскихъ штатахъ и въ католическихъ государствахъ центральной и южной Америки. Католицизмъ, слѣдуя ему, благопріятствуетъ и всегда благопріятствовалъ всему, что есть добраго въ европейской жизни. Онъ поддерживалъ и поддерживаетъ свободу во веѣхъ ея видахъ. Гдѣ господствуетъ католицизмъ, тамъ народъ пользуется большою политическою свободою, тамъ онъ меньше платитъ податей, тамъ рабочія сословія меньше страдаютъ отъ веѣхъ возможныхъ причинъ. Замѣчательно, что у автора все идетъ въ защиту католицизма; такъ, говоря о томъ, что въ древнія времена трудъ былъ въ презрѣніи и что должное значеніе ему отдано только впоследствии, онъ приводитъ взглядъ на этотъ предметъ и апостоловъ, и Іоанна Златоуста, и Василія Великаго, и св. Бенедикта, и бенедиктинцевъ, и Боссюэта, и папу Александра III и т. п. и, въ заключеніе, прибавляетъ, что даже «одниъ знаменитый протестантскій писатель нашего времени, г. Макколъ равнымъ образомъ признаетъ, что, своимъ дѣйствіемъ на совѣсть, католическая церковь еще прежде реформациі освободила рабовъ въ Англіи»,—такъ что веѣ вообще свидѣльскаго изъ исторіи христіанства, у него очень ловко идутъ въ пользу католицизма. У него есть одинъ взглядъ, который еще болѣе въ оостраніи поразитъ человека, непревышаго къ клерикальскимъ взглядамъ. Извѣстенъ не только анти-католическій, но, вообще, анти-христіанскій характеръ французской революціи, какъ въ

самомъ исполненіи, такъ и въ подготовленіи. Но вотъ что говоритъ о ней нашъ авторъ: «Все движеніе въ пользу освобожденія и полного облагороживанія труда, которое ознаменовало собою конецъ XVIII вѣка, было ничѣмъ другимъ, какъ послѣднимъ и законнымъ результатомъ принциповъ, положенныхъ въ началѣ католическою церковью. Безъ сомнѣнія, къ тому, что было въ этомъ движеніи благороднаго и справедливаго, примѣшалось много страстей, много заблужденій и много ошибокъ; но оно было христіанскимъ въ своемъ принципѣ и естественный ходъ вещей въ обществѣ, основанномъ на христіанствѣ, долженъ былъ бы привести къ нему. Только въ исполненіи, благодѣтельныя послѣдствія этого полного освобожденія труда, были уменьшены поспѣшностью, съ которой оно было сдѣлано. Но что въ особенности воспрепятствовало этой реформѣ, въ сущности, спасительной, принести свои плоды, это то, что, въ то время, какъ полная свобода была отдана труду, индивидуализмъ посредствомъ успѣховъ безвѣрія, въ общественныхъ нравахъ занялъ мѣсто духа любви и ассоціаціи, которыми народы католическіе умѣли предохранить себя отъ опасностей, сопряженныхъ съ каждымъ великимъ расширеніемъ свободы.» Очевидно, что Ш. Перенъ принадлежитъ къ клерикальной партіи, имѣющей либеральный оттѣнокъ. Говорятъ, что либерализмъ клерикальной понятіи весьма не надеженъ, что если она выставляетъ его на своемъ знамени, то только уступая духу времени и необходимости. Иначе она имѣла-бы слишкомъ мало шансовъ въ своихъ политическихъ стремленіяхъ. Но, во всякомъ случаѣ въ сочиненіи Ш. Перена, рядомъ съ сентенціями и идеями, которымъ кромѣ записныхъ клерикаловъ, не могутъ многіе сочувствовать, есть и такіе, въ которыхъ онъ стоитъ даже выше господствующей въ Европѣ либерально-буржуазной партіи. Такъ, когда онъ говоритъ о губительномъ вліяніи на общество индивидуализма, объ элементѣ братской любви, который, по его мнѣнію, долженъ войти въ отношенія людскія, его слова,—можно приписать любому сочиненію въ социальномъ духѣ, въ благороднѣйшемъ значеніи этого слова. Въ сочиненіи Ш. Перена, какъ и въ другихъ подобныхъ сочиненіяхъ, въ основѣ лежатъ два элемента, которые клерикальная партія считаетъ тождественными, но которые, въ самомъ дѣлѣ, далеко не тождественны; это именно, во первыхъ, чистое христіанское нравственное ученіе изъ первыхъ вѣковъ христіан-

ства, и во вторыхъ ученіе католической церкви. Гдѣ авторъ, основывается на первомъ элементѣ, тамъ его ученіе безукоризненно, тамъ онъ является партизаномъ свободы и справедливыхъ экономическихъ отношеній, врагомъ индивидуализма, безумныхъ спекуляцій, коммерческихъ обмановъ и т. п. Но за то почти нигдѣ онъ не ограничивается этимъ чистымъ элементомъ, а вездѣ примѣшиваетъ къ нему ученіе своей партіи съ яснымъ характеромъ и нетерпимости, и лживости, какъ читатель, вѣроятно, уже замѣтилъ «Мало того, говоритъ авторъ, чтобы громко провозгласить величіе свободы, надобно умѣть найти въ себѣ силу, подняться до этого величія, и держаться на немъ». Что можетъ быть справедливѣе этой мысли, и какой большой смыслъ имѣетъ она въ наше время, когда дешевый либерализмъ воображаетъ, что свобода есть освобожденіе отъ всѣхъ нравственныхъ принциповъ; которые человечество успѣло выработать до этого времени! Какъ было-бы хорошо, если бы смыслъ этихъ не многихъ словъ былъ хорошо понятъ нашими либералами, которые воображаютъ, что свобода есть право на проституцію, дебошъ и всевозможныя оргіи, что она дѣлаетъ не нужными никакіе нравственные принципы, что она имѣетъ власть уничтожать семейную связь, равно какъ и связь государственную; что она освобождаетъ даже отъ науки, отъ необходимости усвоенія того, что человечество выработало въ чисто умственной сферѣ. Но, рядомъ съ такими мыслями, которымъ не откажетъ въ сочувствіи ни одинъ серьезный человѣкъ, къ какой бы онъ партіи ни принадлежалъ, вась вездѣ поражаетъ религіозная нетерпимость, иногда, впрочемъ, замаскированная. Такъ и въ этомъ случаѣ, вскорѣ послѣ фразы, которую мы привели, авторъ говоритъ: «одно только можетъ спасти свободу и съ нею современное общество; это именно христіанская революція въ правахъ.» Если бы авторъ разумѣлъ здѣсь дѣйствительно христіанское нравственное ученіе во всей его чистотѣ, то ему не стали бы сочувствовать только тѣ люди, которые, вообще, никакой нравственности не принимаютъ, для которыхъ цѣль жизни есть беззавѣтное наслажденіе во всѣхъ формахъ и степеняхъ. Но въ томъ то и дѣло, что нашъ авторъ, умѣетъ очень ловко при случаѣ прикрыть себя христіанскими идеями вообще, когда у него въ виду одѣ только узкія идеи западнаго клерикала; когда для него все, что не есть католицизмъ, въ то же время есть ересь, богоотступничество и

безразличность. Очевидно, что съ такими взглядами, если авторъ достигнетъ своей цѣли, то она будетъ противна истинному духу христіанства. Изъ его книги выйдетъ только новое оружіе клерикальной партіи противъ другихъ политическихъ партій и противъ другихъ религіозныхъ воззрѣній, которое, разумѣется, только продолжитъ борьбу и усилитъ ожесточеніе.

Этотъ особенный духъ сочиненія много повредилъ книгѣ, поощрялъ ей излагать экономическое ученіе въ духѣ болѣе гуманномъ, болѣе близкомъ къ чистому христіанскому ученію. Такъ, въ главѣ о налогахъ, онъ уже становится на сторону той партіи, которую самъ обвиняетъ въ индивидуализмѣ. Клерикальная партія имѣетъ за себя богатыхъ, преимущественно поземельныхъ, собственниковъ; и потому, въ ученіи о налогахъ, Ш. Перенъ останавливается исключительно на четырехъ правилахъ, положенныхъ Адамомъ Смитомъ. И вотъ что говорить онъ о первомъ правилѣ Адама Смита, важнѣйшемъ изъ всѣхъ другихъ, которое говоритъ, что налогъ, платимый каждымъ, долженъ быть пропорціоналенъ его доходу—(это правило принимаетъ принципъ пропорціональности налога, принимаемый всѣми западными государствами): «Намъ кажется, что онъ основанъ не на различіи того интереса, который имѣютъ къ общественному дѣлу бѣдные и богатые, но только на одной справедливости. При общественномъ порядкѣ устроенномъ сообразно съ принципами христіанства, относительно защиты, помощи, заботливости всякаго рода, бѣдные получаютъ по-крайней-мѣрѣ столько же, сколько богатые. Но здравый смыслъ показываетъ, что тамъ, гдѣ дѣло касается пожертвованій, которыя обязательны для всѣхъ, потому, что онѣ обращаются въ пользу всѣхъ, отъ всякаго нужно требовать только пропорціонально тому, что онъ имѣетъ, иначе будетъ нарушена справедливость». Авторъ, очевидно, не хотѣлъ шокировать своихъ партизановъ, богатыхъ собственниковъ, и, сообразно съ тѣмъ ученіемъ, которому они слѣдуютъ, онъ принимаетъ систему налога пропорціональную; онъ умѣлъ повести рѣчь даже такъ, что онъ, повидимому, кажется защитникомъ интереса бѣдныхъ классовъ противъ богатыхъ; «Бѣдные, говоритъ онъ, получаютъ отъ общества столько же, сколько богатые, справедливость требовала бы, чтобы они платили одинаковый налогъ съ богатыми. Но мы говоримъ, что они должны платить меньше; они должны платить пропорціонально тому, что имѣютъ.» Оборотъ очень хитрый, но не то

говорить и дѣлаетъ еретическая Англія; она своихъ бѣдныхъ совѣмъ освобождаетъ отъ налога. Не то говоритъ Адамъ Смитъ, который даже и къ англиканскому исповѣданію не принадлежалъ, а еще дальше пошелъ въ отступничество. Кромѣ принципа пропорціональности, онъ принималъ и принципъ прогрессивности, для котораго онъ и положилъ первое основаніе. Но объ этомъ нашъ авторъ считаетъ болѣе благоразумнымъ умалчивать, и въ дѣлѣ о налогѣ уже не распространяется о христіанской любви а находитъ болѣе умвственнымъ говорить, о христіанской справедливости: такъ что въ этомъ вопросѣ, какъ и во многихъ другихъ, онъ становится партизаномъ школы того индивидуализма, который онъ въ другихъ мѣстахъ осуждаетъ. Не такъ поступаютъ въ этомъ случаѣ люди, которые подвергаются осужденію Ш. Перена, представители социальной школы. Они стараются меньше толковать о помощи, о заботахъ всякаго рода находъ, что подавать бѣднымъ помощь изъ тѣхъ денегъ, которыя съ нихъ же и собираются, значить переливать изъ пустого въ порожнее. Они думаютъ, что надобно получше, попрочнѣе устроить бытъ бѣдныхъ классовъ, и, между прочимъ, находятъ, что отъ налога ихъ можно избавить совѣмъ, что богатые должны платить не пропорціонально своему состоянію, а прогрессивно, по мѣрѣ увеличенія состояній; и вотъ, между прочимъ, здѣсь оказывается превосходство социальныхъ школъ политической экономіи передъ всеми другими. Клерикальная школа имѣетъ то преимущество передъ школою экономической, что она все таки сколько нибудь защищаетъ интересы бѣдныхъ классовъ противъ богатыхъ, признаетъ не выгодное экономическое положеніе рабочихъ классовъ, равно какъ защищаетъ интересы нравственные, до которыхъ совѣмъ нѣтъ дѣла экономистамъ официальной школы. И, между прочимъ, этому обязана клерикальная партія тѣмъ, что она еще въ состояніи держаться противъ партіи буржуазнаго либерализма. Она имѣетъ за себя значительную массу народа, къ страданіямъ котораго совѣмъ безчувственны либералы Западной Европы. Народу мало дѣла до нихъ либеральныхъ фразъ, въ то время какъ онъ не имѣетъ куска хлѣба, и до-тѣмъ-перъ, пока либеральная партія не измѣнитъ своихъ экономическихъ воззрѣній, клерикалы не уступятъ ей поля. Не въ такомъ положеніи стоятъ социалисты; они не забываютъ ни нравственныхъ интересовъ, ни безпомощнаго состоянія низшихъ классовъ наро-

донаселенія, и оттого они всегда въ жизни пользовались чувствомъ народа. Надобно сказать, что социальное ученіе до сихъ поръ значительно компрометировано тѣми неисполнимыми проектами, которые предлагаемы были то съ той, то съ другой стороны, для улучшенія участи рабочихъ классовъ. Но, очевидно, въ экономической литературѣ произошелъ переломъ; то, что было въ социализмъ несостоятельнаго, что было предметомъ насмѣшекъ и отвращенія, даже со стороны рабочихъ классовъ, все это исчезло. Осталось только то, что въ немъ было здороваго и къ чему примкнули уже многіе изъ противнаго лагеря. То, что сочиненіе Прудона могло получить премію на конкурсѣ въ Лозаннѣ, служить весьма утѣшительнымъ признакомъ какъ того, что характеръ социальныхъ стремленій нѣсколько измѣнился, такъ и того, что взглядъ общества на нихъ тоже измѣнился. Нѣтъ сомнѣнія, что это ученіе, такимъ образомъ, все больше и больше будетъ входить въ жизнь европейскихъ обществъ. Ш. Перенъ нападаетъ и на социализмъ, именно на Прудона, но все его нападенія, не касаются сущности социального ученія; у Прудона, онъ нападаетъ на его мысли о Богѣ и о человѣчествѣ; и особенно возмущается нѣкоторыми рѣзкими мѣстами изъ «*Système des contradictions*» и «*de la Justice*». Очевидно, что экономическое ученіе Прудона остается во всей полнотѣ и безъ этихъ мѣстъ.

Собственное экономическое ученіе Ш. Перена чрезвычайно слабо, и, повидимому, это происходитъ отъ того, что онъ самъ мало знакомъ съ экономической литературою, а не то, чтобы онъ, въ интересѣ своей партіи, старался ограничить кругъ своихъ экономическихъ положеній. Такъ, о производствѣ богатства, о мнѣнн и о распредѣленіи богатствъ, у него ничего нѣтъ, больше того, что есть, напр. у Сея или Росси. Особеннымъ характеромъ отличается, разумѣется, его взглядъ на народонаселеніе; онъ осуждаетъ теорію Мальтуса и, особенно, его средства противъ избытка народонаселенія. Онъ приравниваетъ это ученіе къ практикѣ народовъ древняго міра и находитъ, что современные народы, подобно древнимъ, слѣдуя духу язычества, который онъ у нихъ замѣчаетъ, подвержены опасности исчезнуть съ лица земли, и прибавляетъ къ этому, что, только слѣдуя строго духу католицизма, они могутъ возстановить равновѣсіе между народонаселеніемъ и средствами продовольствія, дѣлая, однако, такую оговорку, что вслѣдствіе словъ, сказанныхъ Богомъ

Адаму при изгнаніи изъ рая, родъ человѣческой осужденъ на то, чтобы въ потѣ лица добывать свой хлѣбъ. Какимъ образомъ, однако, католицизмъ можетъ удержать въ равновѣсіи народонаселеніе и средства производства,—этого авторъ подробно не анализируетъ, такъ что люди, имѣющіе довѣріе къ нему, разумѣется, ему повѣрятъ, а не имѣющіе довѣрія—не повѣрятъ. «Католическая мораль, говоритъ онъ, со всѣми учрежденіями, которыя на ней основаны, даетъ проблемѣ народонаселенія единственное рѣшеніе, которое представляетъ обществу вѣрныя гарантіи благоденствія, силы и прочности. Дѣлая цѣломудріе строгимъ обязательствомъ для всякихъ условій жизни, проповѣдуя его въ бракѣ и въ celibatѣ, церковь католическая, съ одной стороны обезпечиваетъ продолженіе расы, а съ другой, сдерживаетъ увеличеніе народонаселенія въ справедливыхъ границахъ». Очевидно, что въ этихъ строкахъ, проблема народонаселенія разрѣшена не для всѣхъ. Цѣломудріе въ бракѣ, и цѣломудріе въ celibatѣ—не новость; а, между тѣмъ, и католическія земли страдаютъ отъ избытка народонаселенія, напримѣръ, рейнскія провинціи Пруссіи.

«Богъ, продолжаетъ авторъ, по своему правосудію, хотѣлъ, чтобы, жизнь человѣка была посвящена труду, но хотѣлъ также, что бы при трудѣ, она была и обезпечена. Благословляя неоднократно родъ человѣческой на постоянное размноженіе, Богъ не могъ бы, не играя своимъ твореніемъ, повергать его естественнымъ расположеніемъ вещей въ невозможность исполнить назначеніе, которое онъ ему предначерталъ. Для исполненія этого назначенія, къ какому бы роду ни относилась дѣятельность человѣческая, Богъ положилъ одно условіе: повиновеніе тѣмъ правиламъ, посредствомъ которыхъ онъ раздѣлилъ добро отъ зла. Если исполнять это условіе, то не можетъ быть никакого дѣйствительнаго препятствія, которое остановило бы распространеніе рода человѣческаго на землѣ, и которое положило бы ему роковую границу въ бѣдности. Можно утверждать, не боясь опроверженія со стороны фактовъ, что общество никогда не будетъ имѣть недостатка въ продовольствіи, если люди будутъ энергически трудиться, слѣдуя въ жизни правиламъ католической морали». Затѣмъ слѣдуютъ опять нѣсколько историческихъ свидѣтельствъ, впрочемъ, весьма сомнительныхъ, о томъ, что народонаселеніе Франціи въ XIII и XIV вѣкѣ, было не меньше чѣмъ теперь. И, разсуждая объ этомъ предметѣ, авторъ не преминулъ отдать должную справедливость величію XIII вѣка (aux gran-

deux du treizième siècle). А XIII вѣкъ, какъ извѣстно, есть вѣкъ Иннокентія III и слѣдующихъ за нимъ папъ до Бонифация VIII, время альбигойскихъ войнъ и крестовыхъ походовъ, время господства католиковъ въ Константинополѣ и въ Иерусалимѣ т. е. время наибольшаго процвѣтанія власти и значенія папъ. Въ этомъ и заключается вся сущность политической экономіи Ш. Перена.

Собственно экономическое вліаніе католицизма, онъ видитъ въ томъ, что духъ католицизма, усиливая энергію труда, въ то же время усиливаетъ его производительность, что, распространяя умѣренность, онъ даетъ возможность къ накопленію капиталовъ, что онъ развиваетъ духъ ассоціаціи и, наконецъ, что съ помощію патронажа и благотворительности, онъ избавляетъ рабочіе классы отъ нищеты. Подъ именемъ патронажа, авторъ разумѣетъ патріархальное отношеніе рабочихъ классовъ къ капиталистамъ и къ духовенству. Въ этомъ случаѣ, Ш. Перенъ, какъ будто измѣняетъ себя и является защитникомъ отношеній, которыя либерализмъ осуждаетъ. Его патронажъ походитъ на то семейное начало, во имя котораго плантаторы Южныхъ Американскихъ штатовъ, хотаять удержатъ за собою владѣніе рабами; но авторъ находитъ и тутъ аргументъ противъ своихъ противниковъ, именно онъ обвиняетъ ихъ *въ духъ гордости*.

Чтобы характеризировать ученіе Ш. Перена его собственными словами, мы приведемъ нѣсколько выписокъ изъ его книги. Вотъ что говоритъ онъ о вліаніи католицизма на энергію труда: «Если брать во вниманіе результаты труда, только чисто-матеріальные, то можно составить себѣ ложную идею о томъ, что составляетъ дѣйствительную энергію труда, равно какъ и о томъ, какимъ причинамъ подчинена эта энергія. Если человѣкъ не что другое какъ машина, если отъ него не спрашивать ничего кромѣ извѣстнаго количества продуктовъ въ данное время, то превосходство труда сводится исключительно на вопросъ цифръ. Въ такомъ случаѣ, оно могло бы принадлежать народонаселеніямъ, которыя далеко не представляютъ идеала дѣятельнаго и умнаго работника, такого, какъ его понимаютъ въ христіанскихъ обществахъ. Именно исходя изъ этого тѣснаго и ложнаго пониманія труда, многіе экономисты англосавы, ставили англійскаго работника гораздо выше работника континентальнаго, именно работника французскаго. Эта ошибка замѣчена даже англійскими писателями. Мы имѣемъ въ этомъ случаѣ мно-

гозначительное и, разумеется, обещать неподозрительное свидѣтельство Дж. С. Милля. Слѣдуя этому знаменитому заключенію, отсутствіе всякой возвышенности ума, самая посредственная способность, крайнее желаніе сдѣлаться богатымъ и съ помощью богатства сдѣлать свою карьеру, даютъ труду англичанина ту жесткость, которая его отличаетъ. Будучи неспособенъ возвыситься надъ матеріальною жизнью, англичанинъ живетъ теломъ въ своемъ трудѣ; только въ трудѣ находитъ онъ средства противъ скуки. Такимъ образомъ, когда дѣло состоитъ только въ упорномъ трудѣ, англійскіе работники не имѣютъ соперниковъ. Но, какъ замѣчаетъ опять Милль, они легко могутъ быть превзойдены тамъ, гдѣ нужно пониманіе и искусство руки. Кто захочетъ отдать предпочтеніе такому превосходству труда, которое своимъ существованіемъ обязано уменьшенію самыхъ благородныхъ способностей человѣка? Но если нужно остерегаться того, чтобы за образецъ принимать трудъ индустриализма, который отавитъ человѣка въ ряду машинъ, то надобно признаться въ томъ, что гдѣ господствуютъ пониманіе и высшіе мыслительныя тѣла, можетъ быть недостаткомъ этой послѣдовательности, этого востаннаго напряженнаго вниманія, которое необходимо для успѣха труда, Милль весьма справедливо замѣчаетъ, что надобно держаться нѣкоторой опредѣленной середины, которая состоитъ въ томъ, чтобы не быть поглощаемымъ исключительно работою руки, но, трудясь съ жаромъ, давать участіе въ трудѣ, какъ рукамъ, такъ и уму.»

«Этотъ духъ послѣдовательности и вниманія, зависящій, главнымъ образомъ, отъ нравственности работниковъ. Этотъ духъ бросается въ глаза и его замѣчали всѣ тѣ, которые занимались состояніемъ рабочихъ классовъ. Плиній говоритъ: *«Honestis manibus omnia laetius proveniunt, quoniam et curiosius fiunt.»* Недавно г. Рейбо, говоря о превосходствѣ католическихъ работниковъ въ прусско-Рейнской Пруссіи, сравнительно съ работниками протестантскими, которые работаютъ съ ними на однихъ и тѣхъ же фабрикахъ, находилъ, у первыхъ, больше гарантіи новедепія, точности и правильности, которая дается болѣе прикая нравственностью, нежели у вторыхъ. Народонаселеніе береговъ Рейна, повидимому, представляетъ эту справедливую мѣру

* Хорошему человѣку все легче удастся, потому что онъ все дѣлаетъ внимательнѣе.

внимательности и овободе въ трудѣ, которыя обезпечиваютъ его производительность, не унижая его до рабства. То же можно сказать о народонаселеніи Бельгіи, среди котораго привычки глубоко католическія распространили любовь къ труду и, въ то же время поддержали господство великихъ принциповъ, возмущающихъ и освобождающихъ духъ даже въ самыхъ бѣдныхъ состояніяхъ.»

«Для труда нужно нѣкоторое могущество внимательности и, въ то же время широты, которое даетъ въ самой высокой степени обыкновенная практика христіанскаго самоотверженія. Энергія труда имѣетъ свой источникъ въ самыхъ глубинахъ душевныхъ (*dans les profondeurs mêmes de l'âme*). Трудъ требуетъ нѣкотораго усиленія, побѣды человѣка надъ самимъ собою, и эта побѣда невозможна, безъ соединенія въ одинъ центръ всѣхъ силъ воина. Чтобы человѣкъ трудился, ему нужно отказать отъ стремленія къ покою, которое само въ себѣ и естественно и законно, потому что человѣкъ въ первобытномъ состояніи не былъ сотворенъ для труда и онъ долженъ быть освобожденъ отъ него въ той совершенной жизни, которую онъ долженъ приобрести посредствомъ испытаній его настоящаго существованія. И его интересъ, и желаніе болѣе широкихъ наслажденій, для него не составляютъ причины, достаточной для того, чтобы онъ рѣшился преодолѣть свое отвращеніе къ труду. Здѣсь человѣкъ между двумя интересами: съ одной стороны выгода, которую онъ извлечетъ изъ труда, а съ другой врожденный инстинктъ, вслѣдствіе котораго онъ любитъ покой и ненавидитъ трудъ. Изъ этихъ двухъ интересовъ, интересъ лѣнства долженъ превозмочь, потому что это есть интересъ настоящаго времени непосредственно получаемый. Отвлечъ человека отъ лѣнства, обратитъ его къ тяжелой, но производительной дѣятельности, можно только во имя стимуловъ болѣе возмущающаго порядка. Чтобы дать ему силу одержать такую побѣду надъ самимъ собою, для этого достаточно только такой дѣйствующей причины, какъ самоотверженіе. И какъ скоро человѣкъ, посредствомъ самоотверженія приобрѣлъ привычку труда, его дѣятельность поддерживается и усиливается чувствомъ интереса, вполне законнымъ, если надъ нимъ господствуетъ и его управляетъ самоотверженіе. Въ такомъ случаѣ, человѣкъ понимаетъ, что самоотверженіе въ трудѣ, составляетъ для него разумный интересъ, и его благосостояніе будетъ увеличиваться

вслѣдствіе всѣхъ тѣхъ жертвъ, которое самоотверженіе ему продиктуеть.»

«Благодаря самоотверженію, человѣкъ входитъ въ самого себя, концентрируется. Отвлекаясь отъ внѣшнихъ предметовъ онъ собираетъ всѣ свои силы и почерпаетъ въ этомъ соединеніи могущество, которому уступаютъ всѣ препятствія. Приведенный самоотверженіемъ внутрь самого себя, человѣкъ не позволяетъ себѣ отвлечься отъ своей задачи, ни перемѣною внѣшнихъ впечатлѣній, ни легкомысліемъ и непостоянствомъ своего сердца. Его душа будетъ имѣть опредѣленную точку, къ которой она всегда будетъ возвращаться, и которая будетъ служить ему, какъ балластъ среди житейскихъ бурь. Эта твердая и всегда свѣтлая точка, которая свѣтитъ даже среди мрака разумѣнія самаго ограниченнаго, есть мысль посвятить себя Богу посредствомъ исполненія долга. Но всеобщій долгъ нашего существованія, столь естественный, что онъ смѣшивается съ самыми очевидными и самыми необходимыми требованіями въ жизни, есть трудъ. Самоотверженіе посредствомъ труда есть всеобщій законъ нашей земной судьбы. Трудъ есть ежедневное дѣло, посредствомъ котораго люди, изъ необходимости своей природы извлекая предметъ для свободной жертвы, въ то же время ежеминутно исполняютъ законъ жизни нравственной.»

«Чѣмъ болѣе дѣйствія на волю будетъ имѣть желаніе духовнаго совершенствованія посредствомъ жертвы, тѣмъ постояннѣе и энергичнѣе будетъ вниманіе къ труду. Давая труду характеръ очистительной жертвы, христіанская религія дала ему нѣкоторую долю этого стремленія къ безконечному, посредствомъ котораго она такъ глубоко потрясла и преобразовала міръ. Не для эфемернаго наслажденія, которое не стоитъ труда, будетъ трудиться въ своей жизни человѣкъ. Его цѣль, какъ и вся его жизнь будетъ находиться въ этомъ высшемъ порядкѣ, гдѣ верховное добро привлекаетъ и возвышаетъ все двойнымъ могуществомъ величія и благости. И, въ то время, когда онъ будетъ стремиться къ этой цѣли, матеріальныя блага ему будутъ даны въ придачу. Трудъ очищенный и облагороженный самоотверженіемъ произведетъ ихъ въ необыкновенномъ изобиліи.»

Отрывокъ этотъ, безъ сомнѣнія, весьма любопытенъ, какъ по своему характеру, такъ и по средствамъ риторическимъ и діалектическимъ, которыя авторъ употребляетъ для своей цѣли. Анализовать его именно со стороны средствъ было бы очень лю-

бопытно. Но здѣсь именно результатъ не стоить бы труда, и потому, не имѣя довольно самоотверженія въ смыслѣ Ш. Перена, мы и оставимъ этотъ анализъ любителямъ. Огрывокъ этотъ не имѣетъ характера какой-нибудь исключительности; вся книга отъ начала до конца написана въ томъ же тонѣ. Очевидно, что эклектичскій характеръ лишаетъ ее всякаго значенія для тѣхъ, кто не принадлежитъ къ клерикальной партіи. Но если отнять отъ нея этотъ характеръ, то она будетъ стоять далеко выше тѣхъ ученій, которыя на трудъ человѣческой смотрятъ, какъ на средство къ достиженію удовольствій, а на самого человѣка, какъ на машину, способную чувствовать удовольствія, которая по временамъ работаетъ, а по временамъ наслаждается, не имѣя никакихъ другихъ высшихъ цѣлей, не стараясь, потому, сообразовать ни работу, ни наслажденія, ни съ какими высшими правилами. Что таково именно ученіе господствующей экономической школы,—на это мы имѣемъ доказательство подъ руками. Въ третьей книжкѣ «Экономиста» издаваемого г. Вернадскимъ, напечатана статья г. Н.—скаго «Еще о гетерахъ», въ которой впервыхъ примѣхонько говорится, что бѣдные, недовольно обезпеченные люди, «смелкіе чиновники, и ихъ дочери, солдаты, работники и ихъ дочери» въ бракъ вступать не должны. Это, впрочемъ, не главная мысль статьи; главная мысль состоитъ въ томъ, что проституція есть явленіе законное и необходимое въ нашихъ обществахъ, и что гетеры не должны пользоваться общественнымъ презрѣніемъ; а, напротивъ, имѣютъ право на особенное уваженіе, потому, что онѣ составляютъ производительный классъ общества; жаль, что авторъ еще не сказалъ, что трудъ гетеры есть трудъ производительный. Авторъ доказываетъ свою мысль общими принципами официальной экономической школы. Послѣдствія, которыя можно вывести изъ мысли автора, будутъ очень любопытны. Извѣстно что наша европейская цивилизація, между прочимъ, видитъ свое преимущество предъ цивилизаціею Востока въ томъ, что у насъ практикуется моногамія, тогда какъ на Востокѣ, во всеобщемъ употребленіи полигамія, которая составляетъ низшую форму брака. Самую низкую форму составляетъ киногамія, которая находится въ употребленіи у народовъ, стоящихъ на самой послѣдней степени гражданскаго развитія. У нихъ форма брака ничѣмъ не отличается отъ той формы, которую она имѣетъ у животныхъ. У насъ всегда частію практиковалась киногамія; но на нее смотрѣли какъ на зло; теперь она воз-

водится въ норму нашей жизни для цѣлой половины населенія Европейскихъ государствъ; *contrainte morale* не помогаетъ, тогда мы не отказываемся и отъ проституціи и вводимъ ее въ норму нашей жизни; и г. Чернышевскій оказывается правъ, первобытная форма брака возвращается на высшія степени развитія, и служить рѣшеніемъ великаго вопроса о народонаселеніи. Къ сожалѣнію, не всѣ принимаютъ теорію возвращенія первобытной формы, а въ этомъ случаѣ примутъ ее развѣ самые передовые люди, передовые изъ передовыхъ; г. Чернышевскій, кажется, принимаетъ. Въ этомъ случаѣ онъ, какъ и всегда, не захотѣлъ отстать отъ другихъ, хотя и здѣсь оказались впереди, такъ называемые имъ экономисты-рутинѣры. Но, какъ бы то ни было, мы можемъ засвидѣтельствовать фактъ признанія публичной проституціи, какъ одну изъ нормальныхъ сторонъ нашей жизни, а людей, посвящающихъ себя этому дѣлу, какъ такихъ, которые оказываютъ обществу известнаго рода услуги. Надобно отдать справедливость автору статьи, что его ученіе действительно съ послѣдовательностію вытекаетъ изъ принциповъ буржуазной экономической школы; и если мы сравнимъ его съ ученіемъ клерикальной партіи, даже въ томъ видѣ, какъ предлагаетъ его Ш. Перенъ,—очевидно, всякій кто хоть какой нибудь вѣсъ даетъ человѣческому достоинству. сравнивая между собою тенденціи клерикаловъ и либеральныхъ буржуа, отдаютъ предпочтеніе клерикаламъ, особенно, ежели ихъ ученіе немножко очиститъ отъ крайности. — Впрочемъ, надобно отдать справедливость автору статьи о гетерахъ; онъ излагаетъ свое ученіе, повидимому, какъ доказательство *ad absurdum* противъ безнравственныхъ ученій экономистовъ, покрайней мѣрѣ, онъ оканчиваетъ свою статью такимъ образомъ: «Ни презрѣніе къ гетерамъ, ни самое краснорѣчивое нравоученіе, ни даже насильственные мѣры проституціи не уничтожатъ, или вызовутъ наружу явленіе еще болѣе ужасное. Господа защитники субъективной и условной морали—устраните настоящія причины появленія проституціи въ обществѣ, и она исчезнетъ сама собою.» Эти настоящія причины какъ известно заключаются въ ненормальномъ экономическомъ устройствѣ нашихъ обществъ. А это устраненіе настоящихъ причинъ, и есть та задача, которую предположилъ себѣ социализмъ. Ужъ не сдѣлался ли журналъ г. Вернадскаго социальнымъ?—очень можетъ быть. Покрайней мѣрѣ, въ 3 номерѣ, двѣ лучшія статьи о земледѣліи въ Башкиріи и о мореходствѣ на Сѣверномъ берегу Рос-

сія, рассчитываютъ на вмѣшательство и содѣйствіе правительства, что какъ извѣстно, дѣлаютъ или такіе люди, которые совсѣмъ ничего не знаютъ въ политической экономіи, или социалисты на основаніи своихъ принциповъ. Г. Вернадскій, очевидно, къ первымъ причисленъ быть не можетъ; такъ, стало быть, его надобно отнести ко вторымъ, тѣмъ болѣе, что въ его журналѣ, въ прошломъ году, была помѣщена прекрасная статья г. Ястржемскаго о предметѣ и цѣли политической экономіи, въ такомъ духѣ, который чисто-экономическимъ названъ быть не можетъ, а долженъ быть названъ социальнымъ.

Д. Щегловъ.

● Т Р Ы В О Р Ъ .

...Ни словомъ, ни стихомъ случайно
 Не помяну нигдаѣ объ немъ,
 Объ этомъ имени святомъ —
 Оно для всѣхъ — нѣмая тайна...
 Такъ стройный памятникъ стоитъ
 Надъ тѣмъ, кто мирно, крѣпко спитъ
 Въ тѣни деревъ на вѣчномъ ложѣ;
 И надпись золотомъ блеститъ
 Въ лучахъ полуденныхъ... И что же?
 Кому онъ былъ, всего дороже,
 Всего, что жило и цвѣло,
 И также въ гробъ, какъ онъ, легло.
 Для тѣхъ она огнемъ пыласть,
 И каждой буквой мозгъ сжигаетъ,
 И имъ наноситъ, какъ ножомъ,
 По ранѣ памятью о немъ.
 Чужіе-жъ идутъ равнодушно
 И подойдутъ... и ничего
 Не видятъ въ имени его,
 Въ той строчкѣ надписи бездушной,
 И посмѣются надъ слезой
 Надъ бѣднымъ прахомъ пролитой...

●. Бергъ.

НЕСЧАСТНЫЕ.

Романъ Виктора Гюго.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

До-тѣхъ-поръ, пока, вслѣдствіе законовъ и обычаевъ, будетъ существовать социальное проклятіе, искусственно создающее, въ самомъ разгарѣ цивилизаціи, ады, и усложняющее человѣческимъ фатализмомъ судьбу, которая сама-по себѣ божественна; до-тѣхъ-поръ, пока не будутъ разрѣшены три проблемы нашего вѣка: униженіе человѣка пролетаріатомъ, паденіе женщины вслѣдствіе голода, замариваніе дѣтей невѣжествомъ; до-тѣхъ-поръ, пока въ нѣкоторыхъ сферахъ будетъ возможно социальное удушеніе; другими словами, и съ точки зрѣнія болѣе обширной: до-тѣхъ-поръ, пока наземлѣ будутъ существовать невѣжество и нищета, — книги, подобныя этой, могутъ не быть бесполезны.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ФАНТИНА.

КНИГА ПЕРВАЯ.

ПРАВЕДНИКЪ.

1.

Г. Миріель.

Въ 1815 г. Карлъ-Францискъ-Бьенвеню Миріель былъ епископомъ въ Д°. Это былъ старикъ лѣтъ семидесяти пяти; мѣсто епископа въ Д°. онъ занималъ съ 1806 г. Хотя эта подробность ни мало не касается того, что мы хотимъ рассказывать, мы однако думаемъ, что не без-

полезно будетъ, хотъ бы для соблюденія точности, указать здѣсь на всѣ слухи, ходившіе насчетъ Миріеля въ то время, когда онъ пріѣхалъ въ свою епархію. Тѣ, что говорятъ о людяхъ, справедливо оно, или ложно, часто имѣетъ въ ихъ жизни и особенно въ ихъ судьбѣ, столько же значенія, какъ и самыя дѣла ихъ. Г. Миріель былъ сынъ совѣтника въ эсскомъ парламентѣ. Рассказывали, что отецъ его, желавшій, чтобъ онъ наследовалъ ему въ этой должности, женилъ его очень рано, въ осьмнадцать, или двадцать лѣтъ, слѣдуя въ этомъ обыкновенію, достаточно распространенному въ парламентскихъ семействахъ. Карлъ Миріель, несмотря на этотъ бракъ, заставилъ, какъ рассказывали, много говорить о себѣ. Онъ былъ хорошо сложенъ, хотя малаго роста, изященъ, граціозенъ, уменъ; всю первую часть своей жизни онъ отдалъ свѣту и любовнымъ похождениямъ. Наступила революція, событія стремительно послѣдовали другъ за другомъ; парламентскія семейства, истребляемыя, прогоняемыя, преслѣдуемыя, разсѣялись. Карлъ Миріель, въ первые дни революціи, эмигрировалъ въ Италію. Тамъ жена его умерла отъ грудной болѣзни, которою она страдала уже давно. Дѣтей у нихъ не было. Что произошло потомъ въ судьбѣ Миріеля? Паденіе стараго французскаго общества, уничтоженіе его собственнаго семейства, трагическія зрѣлища 93 года, еще болѣе, можетъ быть, страшныя для эмигрантовъ, смертвѣвшихъ на нихъ издалека, съ преувеличеніемъ ужаса, — не это ли породило въ немъ наклонности къ уединенію и отреченію отъ свѣта? Среди этихъ развлеченій и привязанностей, наполнившихъ его жизнь, не настигъ ли его внезапно одинъ изъ тѣхъ таинственныхъ и страшныхъ ударовъ, которые, попадая прямо въ сердце, оврокидываютъ человѣка, имѣющаго силу выдержать всѣ общественныя катастрофы? — Никто не могъ бы отвѣчать на всѣ эти вопросы; знали только, что, когда Миріель возвратился изъ Италіи, онъ былъ уже священникомъ.

Въ 1801 г. онъ служилъ въ приходѣ ІІ* (Бриньоль). Въ это время онъ былъ уже старъ и жилъ въ глубокомъ уединеніи.

Около времени коронаціи, какое-то небольшое дѣло по службѣ заставило его отправиться въ Парижъ. Съ просьбой за своихъ прихожанъ онъ посѣтилъ нѣсколькихъ сильныхъ людей и, между прочимъ, кардинала Феша. Однажды, когда императоръ пріѣхалъ съ визитомъ къ своему дядѣ, достойный священникъ, ожидавшій въ пріемной, попался ему на глаза. Наполеонъ, увидя, что этотъ старикъ осматриваетъ его съ нѣкоторымъ любовиствомъ, обернулся и быстро спросилъ:

— Что это за добрякъ смотритъ на меня?

— Ваше Величество, отвѣчалъ Миріель, — вы смотрите на добряка, а я — на великаго человѣка. Каждый изъ насъ можетъ извлечь изъ этого пользу.

Въ тотъ же вечеръ, императоръ спросилъ у кардинала имя этого священника и чрезъ нѣсколько времени Миріель съ удивленіемъ узналъ о назначеніи своемъ на должность епископа въ Д.

Сколько, однако, было правды въ рассказахъ о первой части жиз-

ни Миріеля — никто не зналъ этого. Немногіе были знакомы съ семействомъ Миріелей до революціи.

Миріелю пришлось испытать то, что испытываетъ каждый новопріѣзжій въ маленькомъ городкѣ, гдѣ есть много говорящихъ ртовъ и мало мыслящихъ головъ. Ему пришлось испытать это, хотя онъ былъ епископомъ, и даже потому, что онъ былъ епископъ. Но, какъ бы то ни было, а слухи, къ которымъ примѣшивалось его имя, были не бѣже, какъ слухи, фразы, слова, даже меньше, чѣмъ слова.

Такъ или иначе, послѣ девяти лѣтъ его пребыванія въ Д., всѣ эти толки, предметъ разговоровъ, занимающій въ первую минуту маленькіе города и маленькіе люди, подверглись глубокому забвенію. Никто не смѣлъ ни говорить о нихъ, ни вспомнить.

Г. Миріель переѣхалъ въ Д. въ сопровожденіи старой дѣвушки, Баптистины: это была его сестра, моложе его десятью годами.

Всю прислугу ихъ составляла служанка однихъ лѣтъ съ Баптистиной и которую звали госпожой Маглуаръ. Сперва она носила званіе служанки *г. священника*, а теперь получила двойной титулъ: горничной барышни и ключницы монсиньора епископа.

Баптистина была высокая, блѣдная, тонкая, кроткая дѣвушка; она осуществляла идеалъ того, что выражается словомъ: почтенная; потому что, чтобы быть уважаемой, мнѣ кажется, женщина необходимо должна быть матерью. Баптистина никогда не была хороша собой; вся жизнь ея, бывшая цѣлымъ рядомъ святыхъ дѣлъ, будто одѣла ее, наконецъ, какою-то бѣлизною и свѣтомъ; а состарѣвшись, она пріобрѣла то, что можно бы назвать красотой доброты. Что у нея въ юности было худощавостью, то въ зрѣлыхъ лѣтахъ сдѣлалось прозрачностью, и сквозь эту прозрачность видѣлся ангелъ. Это была еще больше безтѣлесная душа, чѣмъ дѣвственница. Она, казалось, вся была создана изъ тѣни; тѣла у нея было едва на столько, чтобъ можно было различить ея полъ; большіе глаза ея всегда были отпущены къ землѣ...

Госпожа Маглуаръ была маленькая, бѣлая, толстенькая старушка, всегда занятая, всегда задыхающаяся, впервыхъ, вследствие своей дѣятельности, ввторыхъ, по причинѣ удушья, которымъ она страдала.

Какъ только г. Миріель пріѣхалъ, его ввели во владѣніе епископскимъ дворцомъ, со всѣми почестями, требуемыми императорскими декретами, которыя ставятъ епископа тотчасъ послѣ фельдмаршала. Мэръ и президентъ сдѣлали ему первый визитъ, а онъ, въ свою очередь, сдѣлалъ первый визитъ генералу и префекту.

Послѣ этого городъ началъ ожидать дѣйствій своего епископа.

II.

Г. Миріель становится монсиньоромъ Бьенвеню.

Епископскій дворецъ примыкалъ къ госпиталю.

Дворецъ этотъ былъ — большое и прекрасное зданіе, выстроенное изъ камня, въ началѣ послѣдняго столѣтія, Генрихомъ Пюже, докторомъ

богословія парижскаго факультета, симорскимъ аббатомъ, бывшимъ епископомъ въ Дъ въ 1712 году. Этотъ дворець былъ настоящимъ княжескимъ жилищемъ. Покои епископа, залы, комнаты, широкій почотный дворъ съ аркадами, по старой флорентинской модѣ, сады съ великолѣпными деревьями—все это имѣло барскій видъ; въ столовой, длинной и превосходной галлерей, находившейся въ нижнемъ этажѣ и окнами выходявшей въ садъ, Генрихъ Пюже, 29 іюля 1714 года, торжественно угощалъ высокихъ особъ—Карла Брюлара де-Жанлисъ, архіепископа эмбрѣнскаго, Антонія Мегрини, капуцина и епископа грасскаго, Филиппа Вандомскаго, великаго пріора Франціи, аббата Сент-Оноре-де Лерень, Франциска де-Грильона, епископа венискаго, Цезаря Форкалькье, епископа гландевскаго, Іоанна Соанана, епископа сенескаго и постоянного королевскаго проповѣдника. Портреты этихъ семи духовныхъ лицъ украшали столовую, а самое число—29 іюля 1714 года—было вырѣзано золотыми буквами на столѣ изъ бѣлаго мрамора.

Госпиталь помѣщался въ узкомъ, одноэтажномъ домѣ съ маленькимъ садомъ.

Черезъ три дня послѣ своего пріѣзда, епископъ посѣтилъ госпиталь. Окончивъ осмотръ, онъ попросилъ директора къ себѣ.

— Господинъ директоръ,—спросилъ онъ,—сколько у насъ въ настоящее время больныхъ?

— Двадцать-шесть, ваше преосвященство.

— Такъ и я сосчиталъ, замѣтилъ епископъ.

— Кровати,—продолжалъ директоръ,—стоятъ слипкомъ тѣсно одна подлѣ другой.

— Это я замѣтилъ.

— Залы наши невелики и воздухъ въ нихъ тяжелъ.

— Это и мнѣ кажется.

— Потомъ, садъ очень малъ для выздоравливающихъ.

— Это и я говорилъ себѣ.

— Во время эпидеміи у насъ бываетъ слишкомъ много больныхъ; въ этомъ году у насъ свирѣпствовала потовая горячка: два года назадъ здѣсь былъ тифъ: иногда набирается у насъ до сту человекъ. Мы не знаемъ, что дѣлать.

— Эта мысль и мнѣ пришла въ голову.

— Что же дѣлать, ваше преосвященство,—сказалъ директоръ,—надо покориться.

Этотъ разговоръ происходилъ въ столовой — галлерей нижняго этажа.

Епископъ помолчалъ съ минуту, потомъ вдругъ повернулся къ директору:

— Какъ вы думаете,—спросилъ онъ,—сколько помѣстилось бы кроватей въ одной этой комнатѣ?

— Въ столовой вашего преосвященства?—вскричалъ остоумбѣвшій директоръ.

Епископъ окидывалъ взорами залу и, казалось, дѣлалъ вычисленіе и что-то измѣрлялъ.

— Тут помѣстилось бы кроватью двадцать,— сказалъ онъ, какъ бы говоря самъ съ собою, и потомъ, возвысивъ голосъ, прибавилъ:

— Послушайте, господниъ директоръ, вотъ что я вамъ скажу. Тутъ, очевидно, произошла ошибка. Васъ двадцать-шесть человекъ въ пяти или шести маленькихъ комнатахъ. насъ здѣсь трое, а мѣсто для шестидесяти. Говорю вамъ, что это ошибка: вы заняли мою квартиру, а я вашу. Отдайте мнѣ мой домъ, вы здѣсь у себя.

На другой день двадцать-шесть бѣдныхъ больныхъ были перенесены во дворець епископа: а епископъ помѣстился въ госпиталь.

У Мириеля не было никакого имущества; семейство его разорилось во время революціи. Сестра его получала ежегоднаго пожизненнаго дохода пятьсотъ франковъ, что было достаточно для собственныхъ ея расходовъ. Мириель получалъ отъ казны пятнадцать тысячъ франковъ жалованья. Въ тотъ самый день, какъ епископъ переселился въ госпиталь, онъ, разъ навсегда, сдѣлалъ этимъ деньгамъ слѣдующее распределение. Мы переписываемъ здѣсь счетъ, написанный его рукою.

Счетъ расходовъ моего дома:

На маленькую семинарію	1500	ливровъ.
— конгрегацию миссіи	100	—
— лазаристовъ Мондиде	100	—
— семинарію иностранныхъ миссіи въ Парижѣ	200	—
— конгрегацию Св. Духа	500	—
— религіозныя учрежденія Св. Земли	100	—
— общества Материнскаго Милосердія	300	—
— общество Арльское	500	—
— улучшение тюремъ	400	—
— облегченіе и освобожденіе узниковъ	500	—
— освобожденіе отцовъ семействъ, заключенныхъ за долги	1000	—
Добавленіе къ жалованью бѣдныхъ школьныхъ учителей епархіи	2000	—
На запасный хлѣбный амбаръ въ Верхнихъ Альпахъ	100	—
— женскую конгрегацию бесплатнаго обученія бѣдныхъ дѣвушекъ	1500	—
Вѣднымъ	6000	—
Мой личный расходъ	1000	—
Итого	15000	—

Во все время своего пребыванія въ Д*, Мириель ничего не измѣнилъ въ этомъ распределеніи. Онъ называлъ его, какъ мы видимъ, счетомъ расходовъ своего дома.

Валтистина приняла это распределение съ безусловною покорностью. Для этой святой дѣвушки, Мириель былъ, въ одно и то же время, братомъ и епископомъ, другомъ по родству и начальникомъ по вѣрѣ. Она любила его и почитала. Когда онъ говорилъ, она склоняла голову; когда онъ дѣйствовалъ,— она не противорѣчила. Только слу-

жанка госпожа Маглуарь немного поворчала. Епископъ, какъ мы замѣтили, оставилъ на свою долю всего тысячу ливровъ, что, вмѣстѣ съ пенсіономъ Баптистины, составляло 1500 фр. въ годъ. На эти полторы тысячи франковъ этотъ старикъ и эти двѣ старухи жила.

А когда какой-нибудь сельскій священникъ прѣзжалъ въ Д*, такъ епископъ находилъ еще средство угостить его, благодаря строгой экономіи госпожи Маглуарь и разсудительному управленію Баптистины.

Епископъ прожилъ въ Д* уже мѣсяца три, когда, однажды, замѣтилъ:

— А надо сознаться, что я въ очень стѣснительномъ положеніи!

— Я думаю! — сказала г-жа Маглуарь, — ваше преосвященство не требовали даже того ежегоднаго взноса, который департаментъ обязанъ вамъ дѣлать для разѣздовъ по городу и поѣздокъ по епархіи. Прежніе епископы всѣ получали эти деньги.

— А въ самомъ дѣлѣ, — сказалъ епископъ, — вы правы, г-жа Маглуарь.

И онъ заявилъ свое требованіе.

Черезъ нѣсколько времени, генеральный совѣтъ, принявъ во вниманіе это заявленіе, назначилъ епископу три тысячи фр. ежегодно, и эта статья расхода называлась въ бюджетѣ: «Прибавка г. епископу для содержанія городской кареты, для почтовыхъ издержекъ и для издержекъ по служебнымъ поѣздамъ».

Узнавъ объ этомъ распоряженіи, мѣстная буржуазія подняла страшный крикъ, а одинъ сенаторъ имперіи, бывшій членъ Совѣта-Пятидесятъ, приверженецъ восьмнадцатаго брюмера и владѣлецъ превосходнаго помѣстья подлѣ Д*, написалъ къ министру духовныхъ дѣлъ, г. Виго де-Преаменэ, сердитую и секретную записку, изъ которой мы извлекаемъ слѣдующія подлинныя строки:

«Издержки на содержаніе экипажа? Для чего экипажъ въ городѣ, имѣющемъ менѣе четырехъ тысячъ жителей? Издержки на поѣздки по епархіи? Во 1-хъ, къ чему эти поѣздки? А потомъ, какъ ѣхать на почтовыхъ по этой гористой странѣ? Дорогъ нѣтъ. Можно путешествовать только на почтовыхъ. Самый мостъ изъ Дюранса въ Шато-Арну едва можетъ выносить телѣги, запряженные волами... Эти пошны всѣ таковы: жадные и скупые. Этотъ тоже, какъ прѣзжалъ, притворился чуть не аюстоломъ, а теперь поступаетъ какъ и другіе: ему тоже нужны карета и почтовый экипажъ; ему тоже, какъ и прежнимъ епископамъ, нужна роскошь... О, вся эта поповщина!... Графъ, дѣла только тогда пойдутъ хорошо, когда императоръ забавитъ насъ отъ этихъ ермолокъ... Додой пау! (въ это время запутывались отношенія къ Риму). Что касается до меня, то я стою за одного Цезаря» и т. д. и т. д.

За то распоряженіе генеральнаго совѣта очень обрадовало госпожу Маглуарь. — Слава Богу! — сказала она своей барышнѣ, — монсьеюръ началъ другими, но пришлось же кончить самимъ собою. Онъ устроилъ всѣ свои благотворительныя дѣла. Теперь эти три тысячи ливровъ будутъ, наконецъ, наши.

Въ тотъ же вечеръ, епископъ написалъ и отдалъ своей сестрѣ слѣдующій счетъ:

Разъездныя издержки по городу и по епархіи.

На прокормленіе госпитальныхъ больныхъ мяснымъ бульономъ	1500	ливр.
На общество Материнскаго Милосердія въ Э.	250	—
На общество Материнскаго Милосердія въ Драгиньянѣ.	250	—
На найденшей	500	—
На сиротъ	500	—
	<hr/>	
Итого	3000	ливр.

Таковъ былъ бюджетъ Миріоля.

Что касается епископскихъ сборовъ за исповѣди, проповѣди, освещеніе церквей и часовень свадьбы и т. п., епископъ бралъ съ богатыхъ тѣмъ съ большою строгостью, что все это онъ раздавалъ бѣднымъ.

Черезъ нѣсколько времени, денежные приношенія усилились. Имущіе и немущіе стучались въ дверь монсеньора Миріоля: одни приходили получать милостыню, которую другіе оставляли. Но прошло еще года, какъ епископъ сдѣлался казначеемъ всѣхъ благотвореній и касиромъ всѣхъ нуждъ. Значительныя суммы проходили черезъ его руки, но ничто не могло заставить его измѣнить хоть на самую малость образъ жизни и прибавить малѣйшее излишество къ необходимымъ издержкамъ; напротивъ, такъ-какъ всегда больше нищеты внизу, чѣмъ братской любви наверху, то все, такъ сказать, было ровнано еще прежде, чѣмъ получалось; это было то же, что паденіе воды на сухую землю. Сколько ни получалъ епископъ, а денегъ у него никогда не было. Тогда онъ лишалъ себя и необходимаго.

По существующему обычаю, епископы, въ своихъ пастырскихъ писмахъ и указахъ, прописываютъ всѣ имена, данныя имъ при крещеніи. Вѣдныя люди этой епархіи, руководимые какимъ-то инстинктомъ привязанности, выбрали изъ именъ своего епископа то, которое имѣло для нихъ смыслъ, и называли его не иначе, какъ монсеньоръ Бьенвеню *. Мы послѣдуемъ ихъ примѣру и такъ же станемъ называть его при случаѣ. Впрочемъ, это названіе нравилось и самому епископу. — «Я люблю это имя» говорилъ онъ: «Бьенвеню» не лаетъ забыться «монсеньору.»

Мы не утверждаемъ, что портретъ, который мы здѣсь рисуемъ, совершенно вѣренъ, скажемъ только, что онъ похожъ.

III.

Доброму епископу трудная епархія.

Превративъ свою карету въ раздачу милостыни, синьоръ епископъ тѣмъ не менѣе не отказался отъ разъѣздовъ. Епархія Д* очень утомительна для путешественника: въ ней очень мало долинъ и много горъ, и почти никакихъ дорогъ; состоитъ она изъ тридцати-двухъ приходовъ, сорока-одного викаріата и двухсотъ восьмидесяти-пяти безприходныхъ церквей; осматрѣть все это — дѣло неустое; но епископъ успѣ-

* Вѣднее, значить кстади пришедшій, милый гость.

валъ. Онъ отправлялся пѣшкомъ по сосѣдству, въ телѣгѣ—по долинамъ, верхомъ—по горамъ. Обѣ старухи сопровождали его. Когда же путешествіе могло быть для нихъ тяжело, онъ отправлялся одинъ.

Однажды онъ пріѣхалъ въ Сенезъ (Seneg), старый епископскій городъ, вѣрхомъ на ослѣ. Кошелекъ его, совершенно истощенный въ это время, не позволилъ ему воспользоваться другимъ экипажемъ. Меръ вышелъ къ нему на встрѣчу къ воротамъ города и скандализированными глазами смотрѣлъ, какъ епископъ слѣзаль съ осла. Нѣсколько человекъ стояли тутъ же и смѣялись. «Г. меръ»—сказалъ епископъ,—я вы гг. граждане, я знаю, что васъ скандализуетъ: вы находите, что бѣдный священникъ поступаетъ слишкомъ тщеславно, совершая поѣздки на животномъ, на которомъ ѣздилъ Исусъ Христосъ. Увѣряю васъ, что я поступилъ такъ изъ необходимости, а не изъ тщеславія.

Въ этихъ поѣздкахъ онъ всегда былъ снисходителенъ и кротокъ, и меньше проповѣдывалъ, чѣмъ разговаривалъ. Онъ никогда не ходилъ далеко за разсужденіями и образцами. Обитателямъ какой-нибудь мѣстности онъ приводилъ въ примѣръ мѣстность сосѣднюю. Въ тѣхъ кантонахъ, гдѣ благотворительность была тяжела на подъемъ, онъ говорилъ: «Посмотрите на бриансонцевъ: они предоставили немущимъ, вдовамъ и сиротамъ право косить ихъ луга тремя днями раньше другихъ; они безмездно строятъ для бѣдныхъ новыя избы, когда старыя разваливаются, отъ того и мѣстность эта благословенна Богомъ: въ продолженіе цѣлаго столѣтія тамъ не было ни одного убійцы.»

Въ селеніяхъ корыстолобивыхъ онъ говорилъ: «Посмотрите на амбренцевъ: если, во время собранія жатвы, отецъ семейства, у котораго сыновья въ военной службѣ, а дочери въ услуженіи въ городѣ, заболѣетъ или не имѣетъ времени, то священникъ заявляетъ о томъ въ церкви, и въ воскресенье, послѣ обѣдни, всѣ поселане—мужчины, женщины, дѣти—отправляются на поле бѣднаго человѣка, собираютъ для него жатву и приносятъ соломѣ и зерно въ его амбаръ».—Семействамъ, находящимся въ распрѣ по дѣламъ денежнымъ и наслѣдственнымъ, онъ говорилъ: «Посмотрите на горцевъ въ Девольни, странѣ до того дикой, что въ ней соловья не услышишь и въ продолженіе пятидесяти лѣтъ, а, между тѣмъ, когда у нихъ умираетъ отецъ семейства, то сыновья отправляются по свѣту искать счастья и оставляютъ все имущество сестрамъ для того, чтобы онѣ могли найти себѣ мужей».—Въ кантонахъ, гдѣ развита страсть къ тяжбамъ и гдѣ фермеры разоряются на гербовую бумагу, онъ говорилъ: «Посмотрите на этихъ добрыхъ поселанъ кверасской долины: ихъ тамъ три тысячи душъ. Боже мой! это настоящая мадегаскарская республика: у нихъ не знаютъ ни судьи, ни присяжныхъ; меръ все дѣлаетъ одинъ: онъ распредѣляетъ подати, назначаетъ налоги по совѣсти, разрѣшаетъ споры даромъ, раздѣляетъ наслѣдства безъ вознагражденія, издаетъ приказы безъ издержекъ—и ему повинуются, потому что онъ человѣкъ праведный между людьми простыми».—Въ селеніяхъ, гдѣ не было школьнаго учителя, онъ опять приводилъ въ

примѣръ кверасцевъ: «Знаете, какъ они поступаютъ?»—говорилъ онъ. —Такъ-такъ маленькая община изъ двѣнадцати и пятнадцати избъ не всегда можетъ содержать учителя, то у нихъ есть школьные учителя, которымъ платитъ вся долина и которые путешествуютъ по селеніямъ, останавливаясь дней на восемь въ одномъ, на десять въ другомъ, и обучая, такимъ образомъ, дѣтей. Эти наставники вѣзятъ по армаркамъ, гдѣ и я ихъ видѣлъ. Узнать ихъ можно по перьямъ для письма, воткнутымъ въ шляпу. У обучающихся только чтенію—одно перо; у обучающихся чтенію и ариметикѣ—два пера; у тѣхъ, которые учатъ чтенію, ариметикѣ и латинскому языку—три пера. Эти послѣдніе—большіе ученые. Но, какой стыдъ быть невѣждами! Берите примѣръ съ Кверасцевъ».

Такъ онъ говорилъ, серьёзно и отечески-нѣжно; если не было у него подъ-рукой примѣровъ, то онъ сочинялъ притчи, которыя шли прямо къ цѣли и въ которыхъ было мало фразъ и много образовъ.

IV.

Дѣла, подобныя словамъ.

Разговоръ епископа былъ привѣтливъ и веселъ. Онъ становился въ-уровень съ двумя старухами, которыя жили съ нимъ; когда онъ смѣялся, это былъ смѣхъ школьника.

Госпожа Маглуаръ любила называть его: «ваше величіе». Однажды, онъ всталъ съ кресла и пошелъ къ своей библіотекѣ за какою-то книгой. Она лежала на верхней полкѣ. Епископъ былъ довольно-маленькаго роста и потому не могъ достать ея. «Госпожа Маглуаръ,—сказалъ онъ,—принесите мнѣ стулъ. Мое величіе не доходитъ до этой полки».

Одна изъ дальнихъ родственницъ его, графиня де-Ло, рѣдко упускала случай перечислять въ его присутствіи и то, что она называла «надеждами» своихъ трехъ сыновей. У нея было нѣсколько старшихъ родственниковъ, весьма старыхъ и близкихъ къ смерти, которыхъ законными наследниками являлись ея сыновья. Младшій изъ нихъ долженъ былъ получать отъ бабушки сто добрыхъ тысячъ ливровъ годоваго дохода; второму предстояло наследовать отъ дяди титулъ герцога; у старшаго было въ виду порство его дѣдушки. Епископъ выслушивалъ обыкновенно молча эти невинныя и простоватыя похвальбы матери. Одинъ только разъ, въ то время, когда графиня возобновила подробности всѣхъ этихъ наследствъ и «надеждъ», онъ сдѣлался задумчивѣе обыкновеннаго. Графиня остановилась и съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ спросила: — «Что это, кузень? о чемъ же вы думаете?»—«Я думаю, — отвѣчалъ епископъ,— кое о чемъ странномъ, находящемся, кажется, у св. Августина: «Возлагайте вашу надежду на Того, которому нельзя наследовать.»

Въ другой разъ онъ получилъ пригласительный билетъ на погребеніе одного изъ мѣстныхъ дворянъ; цѣлая страница этого билета

была занята исчисленіемъ достоинствъ покойника и, сверхъ того, феодальныхъ и дворянскихъ титуловъ всѣхъ его родственниковъ. — «Какая крѣпкая спина у смерти! — воскликнулъ епископъ. — Какой грузъ титуловъ она весело носитъ на себѣ, и какъ, въ самомъ дѣлѣ, люди умны, если умѣютъ употреблять могилу для удовлетворенія тщеславія!»

Насмѣшка его была кротка и почти всегда заключала серьёзный смыслъ. Во время какого-то поста, одинъ молодой викарій прѣтхалъ въ Д* и проповѣдывалъ съ соборѣ. Онъ говорилъ довольно-краснорѣчиво. Предметомъ его проповѣди была благотворительность. Онъ убѣждалъ богатыхъ давать бѣднымъ, чтобы избѣжать ада, который онъ разрисовалъ самыми страшными красками, и войти въ рай, который онъ изобразилъ прелестнѣйшимъ жилищемъ. Между слушателями его находился нѣкто г. Жеборанъ, бывшій купецъ, очень богатый человекъ, отчасти ростовщикъ, заработавшій себѣ до двухъ миліоновъ фабрикаціею толстыхъ суконъ, саржи, шерстяной матеріи и ермолокъ. Въ продолженіе всей своей жизни, г. Жеборанъ ни разу не подалъ милостыни бѣдному; но, со дня этой проповѣди, стали замѣчать, что, каждое воскресенье онъ давалъ грошъ старухамъ-нищимъ, стоявшимъ на паперти собора. Ихъ было шесть и грошъ этотъ раздѣлялся между всѣми. Однажды, епископъ увидѣлъ эту благотворительность и съ улыбкою сказалъ своимъ сестрѣ: «Смотри, г. Жеборанъ покупаетъ на грошъ райской жизни.»

Когда дѣло шло о благотворительности, епископъ не отступалъ даже предъ отказомъ и находилъ слова, наводившія на размышленіе. Разъ онъ собиралъ для бѣдныхъ въ одной изъ гостинныхъ города; тутъ былъ маркизъ де-Шамтерсье, старый, богатый, скупой, находившій средство быть, въ одно и то же время, ультра-роялистомъ и ультра-вольтерьянцемъ. Эта порода существовала. Епископъ, подоидя къ нему, тронулъ его за руку и сказалъ: «Маркизъ, вы должны мнѣ дать что-нибудь». — Маркизъ повернулся къ нему и сухо отвѣтилъ: «Ваше преосвященство, у меня есть свои бѣдные». — «Дайте ихъ мнѣ», возразилъ епископъ.

Однажды, въ соборѣ, онъ сказалъ слѣдующую проповѣдь:

«Любезные братья мои, добрые друзья мои, во Франціи есть миліонъ триста-двадцать тысячъ деревенскихъ избъ, въ которыхъ всего три отверстія, миліонъ восемьсотъ-семнадцать тысячъ избъ съ двумя отверстіями—дверью и окномъ и, наконецъ, триста-сорокъ-шесть тысячъ лачужекъ, въ которыхъ только одно отверстіе—дверь. Все-му этому причиною то, что называется налогомъ на двери и окна. Подумайте, что въ этихъ жилищахъ помѣщаются старухи, дѣти, и вообразите, какія тутъ горячки, какія болѣзни!... Увы! Богъ даетъ воздухъ людямъ, а законъ продаетъ его. Я не обвиняю законъ, но я благословляю Бога. Въ Изерѣ, въ Варѣ, въ Верхнихъ и Нижнихъ Альпахъ поселяне не имѣютъ даже тачекъ и переносятъ навозъ на спинѣ; они не имѣютъ свѣчей и жгутъ смолистыя палки или концы веревокъ, омоченные въ смолу. Такъ живутъ во всей верхней части Дофиня. Они заготавливаютъ печеный хлѣбъ на шесть мѣсяцевъ, а по-

дутъ его высушеннымъ кизякомъ. Зимю они разрубаютъ этотъ хлѣбъ топоромъ и двадцать четыре часа держать его въ водѣ, чтобъ получить возможность ѣсть его. Братья, сжальтесь! Смотрите, какъ люди страдаютъ вокругъ васъ!»

Будучи родомъ изъ Прованса, епископъ легко усвоилъ себѣ всѣ южныя нарѣчія; онъ умѣлъ говорить, какъ говорятъ въ южномъ Лангедокѣ, въ Нижнихъ Альпахъ, въ Верхнемъ Дофинѣ. Это очень нравилось народу и не мало способствовало сближенію съ нимъ епископа. Въ хижинахъ и въ горахъ епископъ былъ какъ у себя дома. Онъ умѣлъ говорить самыя великія истины на самомъ простонародномъ нарѣчій. Владѣя всеми языками, онъ проникалъ во всѣ души.

Впрочемъ, онъ обращался совершенно одинаково какъ съ свѣтскими людьми, такъ и съ простымъ народомъ.

Онъ никогда не произносилъ осужденія поспѣшно, не входя въ разборъ обстоятельствъ. Онъ говорилъ: «посмотримъ на дорогу, по которой прошелъ проступокъ».

Будучи—какъ онъ самъ, смѣясь, называлъ себя — *экз-грѣшникомъ*, онъ не держался ни одной крайности ригоризма и проповѣдывалъ довольно-громко доктрину, которая можетъ быть изложена почти слѣдующимъ образомъ:

«Человѣкъ носить на себѣ плоть, которая, въ одно и то же время, его орама и его искушеніе. Онъ влачить ее и поддается ей.

«Онъ долженъ наблюдать за нею, сдерживать ее, подавлять и повиноваться ей только въ послѣдней крайности. Въ этомъ повиновеніи тоже можетъ заключаться проступокъ; но проступокъ, совершенный такимъ образомъ—простителенъ. Это паденіе, но паденіе на колѣни, которое можетъ окончиться молибвой.

«Быть святымъ—исключеніе; быть праведнымъ—правило. Заблуждайтесь, занемогайте, грѣшите, но будьте праведны.

«Какъ можно меньше грѣха — вотъ законъ человѣка. Никакого грѣха — мечта ангела. Все земное подвержено грѣху. Грѣхъ — это сама тяготебція.»

Когда онъ слышалъ въ городѣ всеобщій шумъ и замѣчалъ негодованіе, то говорилъ съ улыбкою: «Ого! какъ видно, это большое преступленіе, совершаемое всеми. Испуганные лицемеры спѣшатъ протестовать и укрыться.»

Онъ былънисходителенъ къ женщинамъ и тѣмъ несчастнымъ, на которыхъ тяготитъ бремя человѣческаго общества. Онъ говорилъ: «Проступки женщинъ, дѣтей, слугъ, слабыхъ, нищихъ и невѣждъ суть проступки мужей, отцовъ, господъ, сильныхъ, богатыхъ и ученыхъ.»

Онъ говорилъ еще: «Тѣхъ, которые ничего не знаютъ, учите всему, чему только можете. Общество виновато въ томъ, что не даетъ образованія даромъ; оно отвѣчаетъ за тѣмъ, которую производить. Эта душа полна мрака, грѣхъ располагается въ ней. Но преступленъ не тотъ, кто совершаетъ грѣхъ, а тотъ, кто образуетъ мракъ.»

Какъ видите, сужденія его были страшны и своеобразны.

Разъ, въ одной гостинной, онъ услышалъ рассказъ объ уголов-

номъ процессѣ, который приближался къ развязкѣ посредствомъ суда. Одинъ несчастный, изъ любви къ женщинѣ и къ ребенку, котораго онъ имѣлъ отъ нея, истощивъ все свои средства, сдѣлалъ фальшивыя деньги. Въ то время, это преступленіе наказывалось смертію. Женщину арестовали въ то время, когда она раздѣлила первую фальшивую монету. Она была въ рукахъ, но доказательства были противъ нея одной; она одна могла обвинить своего любовника и погубить его признаніемъ. Она не признавалась. Стали наставлять; она продолжала заператься. Тутъ королевскому прокурору пришла въ голову мысль. Онъ выдумалъ непѣрность любовника и, ученымъ образомъ подобравъ отрывки изъ писемъ, успѣлъ убѣдить несчастную, что у нея есть соперница и что этотъ человекъ ее обманывалъ. Тогда, видя себя отъ ревности, она донесла на своего любовника, во всемъ призналась, все доказала. Человекъ погибъ. Его, вмѣстѣ съ сообщницей, должны были скоро судить въ Э. Въ гостиной рассказывали объ этомъ происшествіи и приходили въ восторгъ отъ ловкости прокурора. Пустивъ въ ходъ ревность, онъ открылъ истину въ гнѣвѣ, правосудіе—въ мщеніи. Епископъ слушалъ эти толки въ молчаніи. Когда они кончились, онъ спросилъ:

— Гдѣ будутъ судить этого человека и эту женщину?

— Въ судѣ присяжныхъ.

— А гдѣ, — продолжалъ онъ, — будутъ судить г. королевскаго прокурора?

Въ Д* случилось трагическое происшествіе. Человекъ былъ осужденъ на смерть за убійство. Это былъ бѣднякъ несовѣстнѣ грамотный, несовѣстнѣ невѣжда; прежде онъ занимался показываніемъ фокусовъ на ярмаркахъ и былъ публичнымъ писцомъ. Процессъ его занялъ всеѣхъ жителей города. Наканунѣ дня, назначеннаго для казни преступника, торжественный духовникъ заболѣлъ. Надо было найти священника для послѣдняго напутствія осужденному. Пошли къ одному изъ городскихъ. Онъ отказался, сказавъ: «Это не мое дѣло. Стану я ввязываться въ эту исторію и возиться съ этимъ комедіантомъ! Я тоже боленъ; притомъ же, тамъ не мое мѣсто». Этотъ отвѣтъ сообщили епископу, который сказалъ: «Священникъ правъ, тамъ не его мѣсто, а мое».

Онъ тотчасъ же отправился въ тюрьму, вошелъ въ комнату «комедіанта», назвалъ его по имени, взялъ его за руку и началъ говорить съ нимъ. Онъ провелъ съ нимъ цѣлый день, забывавъ о пищѣ и снѣ, молясь Богу за душу осужденнаго и прося осужденнаго молиться за его собственную душу. Онъ ему высказалъ самыя лучшія истины, т. е. самыя простыя. Онъ былъ отцомъ, братомъ, другомъ; епископомъ сдѣлался только для того, чтобы благословлять. Онъ всему научилъ его, успокоивая и утѣшая. Человекъ этотъ приготовлялся къ смерти съ отчаяніемъ; смерть казалась ему бездной. Стоя и дрожа на этомъ мрачномъ порогѣ, онъ отступалъ съ ужасомъ; онъ не былъ на столько невѣжда, чтобы оставаться совершенно равнодушнымъ. Судебный приговоръ, глубоко потрясшій его, проломалъ, въ нѣкоторомъ родѣ, тутъ и тамъ эту перегородку, которая

отдѣляетъ насъ отъ тайны вещей и которую мы называемъ жизнью. Онъ безпрестанно глядѣлъ за черту этого міра сквозь эти роковыя щели и видѣлъ только мракъ. Епископъ показалъ ему свѣтлую точку.

На другой день, когда пришли за несчастнымъ, епископъ былъ подлѣ него. Онъ послѣдовалъ за нимъ и явился предъ толпою въ фиолетовой мантии и съ епископскимъ крестомъ на шеѣ, рядомъ съ этимъ убійцею, связаннымъ веревкамъ.

Онъ сѣлъ съ нимъ на телѣжку; онъ вошелъ съ нимъ на эшафотъ. Осужденный, еще вчера мрачный и убитый, теперь сіялъ: онъ чувствовалъ, что душа его примирилась и надѣялся на Бога. Епископъ поцѣловалъ его и, въ ту минуту, какъ топоръ готовился упасть, сказалъ: «Того, кого человѣкъ убиваетъ, Богъ воскрешаетъ; тотъ, кто изгоняется братьями, находитъ Отца. Молитесь, вѣруйте, входите въ жизнь! Отецъ подлѣ васъ». Когда онъ сошелъ съ эшафота, во взглядѣ его было что-то такое, что заставило народъ посторониться. Нельзя было рѣшить, что поражало болѣе: его блѣдность или ясное спокойствіе. Войдя въ скромное жилище, которое онъ съ улыбкою называлъ *своимъ дворцомъ*, онъ сказалъ сестрѣ: «я совершилъ папское служеніе.»

Такъ какъ самыя возвышенныя дѣла часто перетолковываются въ худую сторону, то въ городѣ находились люди, которые объ этомъ поступкѣ епископа говорили: *это аффектація*. Впрочемъ, это говорилось только въ гостинныхъ. Народъ, который лучше понимаетъ святыя дѣла, приходилъ въ умиленіе и удивленіе.

Что касается до епископа, то видъ гильотины сильно потрясъ его и онъ долго не могъ оправиться.

Въ-самомъ-дѣлѣ эшафотъ, воздвигнутый, готовый для казни, имѣетъ въ себѣ что-то отуманивающее. Пока не видишь собственными глазами гильотину, можно съ нѣкоторымъ равнодушіемъ смотрѣть на смертную казнь, можно не высказывать своего мнѣнія, говорить *да* и *нѣтъ*; но когда взглянешь на нее—потрясеніе бываетъ сильно, надо рѣшиться, надо объявить себя за или противъ. Одни удивляются, какъ де-Мэстръ; другіе проклинаютъ, какъ Беккариа. Гильотина—это олицетвореніе закона; ее нельзя назвать нейтральной и она и вамъ не позволяетъ оставаться нейтральнымъ. Кто взглянетъ на нее, тотъ вздрагиваетъ самымъ таинственнымъ трепетомъ. Всѣ социальные вопросы ставятъ вокругъ эшафота свои вопросительные знаки. Эшафотъ—виднѣе. Эшафотъ не доска, эшафотъ не машина, эшафотъ не недвижная постройка изъ дерева, желѣза и веревокъ; онъ кажется какимъ-то существомъ, у котораго я не знаю какія мрачныя побужденія; глядя на него, готовъ сказать, что эта масса виднѣе, что эта машина слышитъ, что эта механика понимаетъ, что это дерево, это желѣзо и эти веревки имѣютъ волю. Въ страшной задумчивости, которая овладѣваетъ душою въ присутствіи эшафота, онъ является грознымъ и вмѣшивающимся въ то, что онъ дѣлаетъ Эшафотъ—сообщникъ палача; онъ пожираетъ, онъ ѣстъ тѣло, онъ пьетъ кровь. Эшафотъ—родъ чудовища, сдѣланнаго судь-

ему и плотникомъ, — привидѣніе, которое, кажется, живетъ страшною жизнью, составленною изъ всѣхъ смертей, которыя оно причинило.

И на епископа онъ произвелъ ужасное и глубокое впечатлѣніе; на другой день послѣ казни и еще много дней послѣ того, онъ казался подавленнымъ своими мыслями. Ясность, почти насильственно овладѣвшая имъ въ послѣднюю минуту, исчезла; призракъ общественнаго правосудія не отставалъ отъ него. Онъ, обыкновенно сіявшій удовольствіемъ послѣ всѣхъ своихъ дѣйствій, теперь казался уверкалъ себя. По временамъ, онъ разговаривалъ самъ съ собою и къ полголосу шепталъ мрачные монологи. Вотъ одинъ изъ нихъ, подслушанный разъ вечеромъ его сестрою: «Я не думалъ, чтобъ это было такъ чудовищно. Нехорошо до того погружаться въ замки божественный, чтобы не замѣчать закона человѣческаго. Смерть принадлежитъ одному Богу. Съ какого права люди прикасаются къ этой невѣдомой вещи?»

Съ теченіемъ времени, эти впечатлѣнія люблѣднѣли и, вѣроятно, стертаясь; но стало замѣтно, что епископъ съ-этихъ-поръ старался не проходить по площади, гдѣ совершались казни.

Монсеньора Мириель можно было позвать во всякое время къ постели больныхъ и умирающихъ. Онъ зналъ, что это его главнѣйшій долгъ и важнѣйшее занятіе. Осиротѣлымъ семействамъ не зачѣмъ было звать его, онъ приходилъ самъ. Онъ умѣлъ сидѣть и молчать по цѣлымъ часамъ подлѣ человека, потерявшаго любимую жену, подлѣ матери, лишившейся своего ребенка. Но, зная минуты, въ которыя слѣдуетъ молчать, онъ зналъ и тѣ, въ которыя надо говорить. О, удивительный утѣшитель! Онъ не старался стереть горестъ забвеніемъ, но возвеличивалъ ее и обладалъ ее въ достоинство посредствомъ надежды. Онъ говорилъ: — «Обращайтесь осторожно съ мертвымъ. Не думайте о томъ, что гниетъ. Смотрите пристально: вы увидите въ глубинѣ неба живое сіяніе отъ вашего возлюбленнаго покойника. Онъ зналъ, что вѣра здорова для человека. Онъ старался утѣшить и успокоить отчаяннаго паникомъ человека, покорнаго судьбѣ, и преобразить горестъ, смотрящую на могилу, показавъ ей горестъ, смотрящую на звѣзду.

V.

О томъ, что монсеньоръ Ыенвеню слишкомъ долго носилъ свои рясы.

Въ домашней жизни своей Мириель былъ полонъ такихъ же мыслей, какъ и въ жизни общественной. Эта добровольная бѣдность, въ которой жилъ епископъ Д*, была бы прелестнымъ и почетнымъ зрѣлищемъ для всякаго, кто могъ бы видѣть ее вблизи.

Какъ всѣ старики и какъ большая часть людей мыслящихъ, онъ спалъ мало. Но этотъ короткій сонъ былъ глубоокъ. Утромъ, онъ приготавлился цѣлый часъ, потомъ служилъ обѣдню или въ соборѣ, или дома. Отслуживъ ее, онъ завтракалъ ржаной хлѣбъ съ молокомъ отъ своихъ коровъ. Потомъ начиналъ работать.

Епископъ — человекъ очень занятый; онъ долженъ каждый день

принимать секретари консисторій и почтъ каждый день — своихъ вѣдѣній. Ему приходится контролировать конгрегаціи, давать милостыни, просматривать цѣлую духовную бібліотеку: молитвенники, катихизисы и т. п. писать приказанія, разрѣшать проповѣди, шить священниковъ съ мерами, вести корреспонденцію духовную, корреспонденцію административную; съ одной стороны у него государство, съ другой папа — тысяча дѣлъ.

Время, которое оставалось у него отъ этой тысячи дѣлъ, отъ слуховъ и чтенія молитвъ, онъ отдавалъ прежде всего нуждающимся, больнымъ и скорбящимъ; а время, которое оставляли ему скорбящіе, больные и нуждающіеся, онъ отдавалъ труду. То онъ копалъ въ своемъ саду, то читалъ и писалъ. Для той и другой работы у него было одно слово: онъ называлъ это *садовничествомъ*. «Умъ есть садъ» — говорилъ онъ.

Въ полуденное время, когда погода была хороша, онъ выходилъ изъ дома и прогуливался нѣпкомъ или по городу, или за городомъ, причѣмъ часто заходилъ въ лачужки. Онъ шелъ одинъ, весь отданный своимъ мыслямъ, съ опущенными глазами, опираясь на длинный посохъ, одѣтый въ свой фіолетовый подрясникъ на ватѣ; на ногахъ у него были толстые башмаки и фіолетовые чулки, а на головѣ — плоская шляпа, сквозь три угла которой проходили три золотыя кисти.

Куда онъ ни приходилъ, вездѣ дѣлался праздникъ. Въ явленіи его было, казалось, нѣчто согревающее и освѣщающее. Дѣти и старики выходили на порогъ, чтобы посмотреть какъ на епископа, такъ и на солнце. Онъ благословлялъ и его благословляли. Домъ его указывали каждому, кто въ чемъ-нибудь нуждался.

Во временахъ онъ останавливался, говорилъ съ мальчиками и дѣвочками и улыбался матерямъ. Онъ посѣщалъ бѣдныхъ до-тѣхъ-перъ, пока у него были деньги; когда ихъ не стало, онъ отправлялся по богатымъ.

Такъ-накъ онъ носилъ свои рясы слишкомъ долго и не хотѣлъ, чтобъ кто-нибудь замѣтилъ это, то никогда не выходилъ въ городъ иначе, какъ въ своемъ фіолетовомъ подрясникѣ. Лѣтомъ это его мало беспокоило.

Во возвращеніи домой, онъ обѣдалъ. Обѣдъ походилъ на завтракъ.

Въ восемь съ половиною часовъ вечера онъ ужиналъ съ сестрою, а г-жа Маглуаръ стояла зади ихъ и прислуживала. Ничто не могло быть проще этого обѣда. Если же у епископа ужиналъ кто-нибудь изъ его священниковъ, то г-жа Маглуаръ пользовалась этимъ случаемъ, чтобы угостить его преосвященство какою-нибудь превосходною рыбою изъ озера, или тонкою горною дичью. Каждый священникъ былъ предлогомъ для хорошаго ужина, епископъ ничего не возражалъ. Но когда гостей не было, то обѣдъ его не состоялъ ни изъ чего иного, кромѣ овощей, сваренныхъ въ водѣ, и супа на прованскомъ маслѣ. За то и говорили въ городѣ: «Иногда епископъ не ѣстъ какъ священникъ, онъ ѣстъ какъ траппистъ».

Послѣ ужина, онъ съ полчаса разговаривалъ съ Баттистиной и г-жею Маглуаръ, потомъ уходилъ въ свою комнату и снова садился

писать то на отдѣльныхъ листахъ, то на поляхъ какого-нибудь фоліанта. Онъ былъ образованъ и отчасти ученъ. Онъ оставилъ послѣ себя пять или шесть рукописей, довольно-любопытныхъ, между прочимъ разсужденіе на текстъ Библии: «Въ началѣ духъ Господа носился надъ водами». Съ этимъ текстомъ онъ сравниваетъ три другіе: арабскій, въ которомъ сказано, что: «вѣтры Господа дули». Флавія Юсіфа, по которому «вѣтеръ свыше устремлялся на землю» и халдейскую парафразу Онкелоса: «Вѣтеръ, идущій отъ Бога, дулъ на поверхности водъ.» Въ другомъ разсужденіи, онъ разсматриваетъ богословскія сочиненія Гюго, епископа Птолемаиды, прапрадѣдушки автора этой книги, и доказываетъ, что этому епископу слѣдуетъ приписать различныя статьи, напечатанныя въ прошедшемъ столѣтіи подъ псевдонимомъ Барлейкура.

Иногда, посреди чтенія, какая бы книга ни была у него въ рукахъ, онъ вдругъ впадалъ въ глубокую задумчивость, изъ которой выходилъ только для того, чтобы написать нѣсколько строчекъ на страницахъ самой книги. Эти строки не имѣютъ часто никакого отношенія къ книгѣ, въ которой онѣ заключаются. У насъ предъ глазами замѣтка, написанная имъ на поляхъ книги, носящей такое заглавіе: «Переписка лорда Жермена съ генералами Клинтономъ, Корнваллисомъ и американскими адмиралами. Версаль — у книгопродавца Пуансо; Парижъ — у книгопродавца Писсо. на Августинской набережной.»

Вотъ эта замѣтка:

«О ты, Суцій!

«Экклезіастъ называетъ тебя Всемогуществомъ, Маккавей называютъ тебя Творцомъ, Посланіе къ Евсеямъ называетъ тебя Свободой. Варухъ называетъ тебя Безпредѣльностью, Псалмы называютъ тебя Мудростью и Истиною, Іоаннъ называетъ тебя Свѣтомъ, книга Царствъ называетъ тебя Господомъ, Исходъ называетъ тебя Провидѣніемъ, Левитъ—Святостью, Эзра — Правосудіемъ, твое твореніе называетъ тебя Богомъ, человекъ—отцомъ, но Саломонъ называетъ тебя Милосердіемъ.—и это самое лучшее изъ всѣхъ именъ твоихъ.»

Около девяти часовъ вечера, обѣ женщины удалялись въ свои комнаты, находившіяся въ первомъ этажѣ, оставляя епископа одного до утра.

Здѣсь намъ необходимо дать точное понятіе о жилищѣ монсеньора епископа Миріеля.

VI.

Кому онъ поручалъ охранять домъ.

Домъ, въ которомъ онъ жилъ, состоялъ, какъ мы уже сказали, изъ нижняго этажа и верхняго; въ нижнемъ были три комнаты, въ верхнемъ тоже три, а надъ ними чердакъ. За домомъ находился садъ въ четверть десятины. Обѣ женщины жили въ верхнемъ этажѣ: епископъ жилъ внизу. Первая комната, выходящая на улицу, служила ему столовой, вторая—спальнею, а третья—молельней. Изъ этой

молельні нельзя было выйти безъ того, чтобы не пройти чрезъ спальню, а выходя изъ спальни, нельзя было не пройти чрезъ столовую. Въ глубинѣ молельни находился закрытый альковъ съ кроватью для гостей. Эту кровать епископъ предлагалъ деревенскимъ священникамъ, которые прѣзжали въ Д^а по собственнымъ дѣламъ или по дѣламъ своего прихода.

Госпитальная аптека—маленькое зданіе, примыкавшее къ дому и построенное въ саду, была обращена въ погребъ и въ кухню.

Кромѣ того, въ саду было стойло, гдѣ прежде помѣщалась госпитальная кухня, а теперь стояли двѣ коровы епископа. Какое бы количество молока онѣ ни давали, половину его онъ непремѣнно посылалъ каждое утро госпитальнымъ больнымъ. «Я плачу мою десятину»—говорилъ онъ.

Комната его была довольно-велика и въ дурную погоду было довольно трудно ее отопить. Такъ-какъ дрова очень дороги въ Д^а, то онъ придумалъ устроить въ коровьемъ стойлѣ отдѣленіе, забранное деревянною перегородкой. Тутъ онъ проводилъ вечера въ большіе холода. Онъ называлъ эту каморку своею *зимнею гостинной*.

Въ этой зимней гостинной, какъ и въ столовой, не было другой мебели, кромѣ стола изъ бѣлаго дерева и четырехъ соломенныхъ стульевъ. Столовая украшалась, кромѣ того, старымъ буфетомъ, выкрашеннымъ розовой краской. Изъ такого же буфета, прилично украшеннаго бѣлыми салфеточками и фальшивыми кружевами, епископъ ставилъ алтарь, украшавшій его молельню.

Вго богатые прихожанки и набожныя женщины города не разъ составляли складчину на устройство новаго, богатаго алтаря для молельни его преосвященства; онъ каждый разъ бралъ деньги и раздавалъ ихъ бѣднымъ.—«Лучшій алтарь—говорилъ онъ—душа утѣшеннаго несчастнаго, который благодаритъ Бога».

Въ молельнѣ стояли два соломенные стула для молитвы, а въ спальнѣ—кресло съ ручками, тоже соломенное. Когда епископу приходилось принимать семь или восемь человѣкъ разомъ, префекта, или генерала, или полковой штабъ, или нѣсколькихъ воспитанниковъ маленькой семинаріи, то надо было собирать стулья изъ зимней гостинной, изъ молельни и изъ спальни; такимъ образомъ, успѣвали набрать до одиннадцати стульевъ. При каждомъ новомъ визитѣ приносили мебель изъ какой нибудь комнаты.

Иногда случалось, что гостей набиралось двѣнадцать. Тогда епископъ скрывалъ затруднительное положеніе, стоя предъ каминомъ, если дѣло происходило зимою, или гуляя по саду, если было лѣтомъ.

Стоялъ въ закрытомъ альковѣ еще одинъ стулъ, но онъ былъ на половину безъ соломы и держался всего на трехъ ногахъ, такъ-что не могъ стоять иначе, какъ у стѣны. Въ комнатѣ Баптистины, правда, была очень широкая бержерка изъ дерева, нѣкогда золоченая, но ее принуждены были внести въ комнату черезъ окно, по причине узкости лѣстницы, слѣдовательно, на нее нечего было и разсчитывать при случаяхъ передвиженія мебели.

Нельзя себѣ представить ничего проще спальни нашего епископа.

Стеклоянная дверь, она же и окно, выходящее въ садъ; противъ нее кровать, кровать госпитальная, изъ желѣза, съ балдахинномъ изъ зеленой саржи; около кровати, за занавѣской, туалетныя принадлежности, обличающія прежнія модныя привычки сѣтскаго челоѣка; двѣ двери, изъ которыхъ одна, подлѣ камня, ведетъ въ молельню; другая подлѣ библіотеки—въ столовую. Библіотека—большой шкапъ со стеклами, наполненный книгами; камень изъ дерева, раскрашеннаго подъ мраморъ, обыкновенно безъ огня, въ камень желѣзная рѣшетка съ двумя вазамъ, украшенными жирадолями и насѣчками, нѣкогда высеребранными—роскошь, которая, въ былое время, была въ модѣ у епископовъ; надъ каминомъ—распятіе изъ мѣди, когда-то посеребранной, прибитое къ черному потертому бархату въ деревянной рамкѣ, когда-то позолоченной; подлѣ двери—окна большой столъ съ чернильницей, заваленный разными бумагами и толстыми томами; передъ столомъ, соломённое кресло; передъ кроватью намоу, взятый въ молельнѣ.

Два портрета въ овальныхъ рамкахъ висѣли на стѣнѣ по обѣимъ сторонамъ кровати. Маленькія золотыя надписи сбоку ихъ объясняли, что одинъ изъ этихъ портретовъ изображалъ аббата де-Шальо, епископа севтъ-кюдскаго, а другой—аббата Турто, генеральнаго викарія агдскаго, аббата граншанскаго, въ епископствѣ шартрскомъ. Епископъ, переселясь въ эту комнату послѣ госпитальныхъ больныхъ, нашель тутъ эти портреты и оставль ихъ. Оба эти лица были духовныя, по всей вѣроятности, благотворители—два повода къ тому, чтобы онъ почиталъ ихъ. Все, что онъ зналъ о нихъ, было, что оба онѣ были назначены королемъ на свои должности въ одинъ и тотъ же день. 27 апрѣля 1785 г.; госпожа Маглуаръ сняла какъ-то портреты со стѣны, чтобы обтереть съ нихъ пыль, и епископъ нашель это свѣдѣніе, написанное бѣловатыми чернилами на лоскутѣ бумаги, пожелтѣлой отъ времени и приклеенной четырьмя облатками съзади портрета аббата граншанскаго.

На окнѣ у него висѣла старая занавѣска изъ толстой шерстяной матеріи, пришедшая въ такую ветхость, что госпожа Маглуаръ, чтобы не расходовать денегъ на покупку новой, должна была сдѣлать большой шовъ на самой срединѣ. Этотъ шовъ образовывалъ крестъ. Епископъ часто обращалъ на него вниманіе своихъ гостей. —«Какъ это красиво!» говорилъ онъ.

Комнаты въ домѣ, какъ въ нижнемъ этажѣ, такъ и въ первомъ, были, всё безъ исключенія, выбѣлены известкой, по модѣ казармъ и госпиталей.

Но, въ послѣднее время, госпожа Маглуаръ, какъ мы дальше увидимъ, открыла въ комнатѣ барышни, подлѣ штукатуркой, обои. До госпиталя здѣсь помѣщалась пріемная для почтенныхъ буржуа. Оттуда это украшеніе. Полы были вымощены краснымъ кирпичомъ, которые обмывались каждую недѣлю, а передъ каждою кроватью лежали соломённые постилки. Впрочемъ, весь этотъ домъ содержался сверху до низу въ самой безукоризненной чистотѣ: это была единственная роскошь, которую допускалъ епископъ. Онъ говорилъ: «Этимъ ничегу не отымается у бѣдныхъ.»

Дедъ, однако, признавался, что отъ прежняго богатства у него остались до-сихъ-поръ шесть серебряныхъ столовыхъ приборовъ и суповая ложка, которые, къ великому наслажденію госпожи Магдуаръ, каждый день великолѣпно блестяли на толстой скатерти изъ бѣлаго полотна. А такъ какъ мы описываемъ здѣсь епископа Д*, то должны прибавить, что ему случалось не разъ говорить: «Я бы съ трудомъ отказался отъ флы на серебрѣ».

Къ этимъ серебрянымъ приборамъ слѣдуетъ присоединить два большіе подсвѣчника изъ литаго серебра, доставшіеся ему по наследству отъ одной изъ бабушекъ. Въ подсвѣчники вставлялись двѣ восковыя свѣчи, и они обыкновенно красовались на каминѣ епископа. Когда за обѣдомъ были гости, госпожа Магдуаръ зажигала восковыя свѣчи и ставила подсвѣчники на столъ.

Въ спальнѣ епископа, надъ его кроватью, висѣлъ маленькій шкафъ, въ которомъ г-жа Магдуаръ каждый вечеръ прятала серебряные приборы и суповую ложку. Надо сказать, что изъ него никогда не вылезалъ ключъ.

Сады, немного испорченный довольно безобразными постройками, о которыхъ мы говорили, состоялъ изъ четырехъ аллей, расходившихся крестомъ отъ бассейна; другая аллея шла вокругъ всего сада и вдоль бѣлой стѣны, которая окружала его. Между этими аллеями были четыре квадрата, обсаженные терновникомъ. Въ трѣхъ изъ нихъ госпожа Магдуаръ воздѣлывала овощи; въ четвертомъ епископъ посадилъ цвѣты; тамъ и сямъ росли фруктовыя деревья. Разъ г-жа Магдуаръ сказала епископу съ какимъ-то кроткимъ лукавствомъ: «Мойсеньоръ, вы изъ всего извлекаете пользу, а вотъ бесполезная площадка. Тутъ бы лучше сажать салатъ, чѣмъ букеты». — «Г-жа Магдуаръ—отвѣчалъ епископъ—вы ошибаетесь. Прекрасное также полезно, какъ и полезное», и, помолчавъ немного, прибавилъ: «даже больше, можетъ быть».

Этотъ квадратъ, состоявшій изъ трѣхъ или четырехъ грядокъ, занималъ епископа почти столько же, сколько и его книги. Онъ любилъ проводить тутъ часъ или два, рѣзалъ, полоть, дѣлалъ ямки, куда клалъ сѣмена. Онъ не былъ враждебенъ насѣкомымъ такъ, какъ этого хотѣлъ бы садовникъ. Впрочемъ, онъ не имѣлъ никакихъ претензій на знаніе ботаники; онъ и не думалъ разрѣшать споръ между Турнфоромъ и естественною методою, онъ не стоялъ ни за кѣлочку противъ сѣменодоля, ни за Жюсъ противъ Линнея. Онъ не изучалъ растений; онъ любилъ цвѣты. Онъ глубоко почиталъ ученыхъ, еще больше почиталъ неученыхъ, и никогда, не нарушая ни того, ни другаго почтенія, поливалъ свои грядки каждый лѣтній вечеръ изъ жестяной лейки, покрашенной зеленою краской.

Въ домѣ не было ни одной двери, которая запиралась бы на ключъ. Дверь столовой, которая, какъ мы сказали, выходила прямо на соборную площадь, была нѣкогда украшена ключами и всякими замками, какъ дверь тюрьмы. Епископъ приказалъ снять все это желѣзо, и дверь столовой, какъ ночью, такъ и днемъ, запиралась только щекоткою. Первому прохожему, въ какой бы то часъ ни было, сто-

ило только толкнуть ее. Сначала обѣихъ женщинъ сильно безпокоила эта, никогда незапертая, дверь; но Миріель сказала имъ: «Вамъ хотите, велите привѣсить замки къ дверямъ вашихъ комнатъ». И онѣ кончили тѣмъ, что стали раздѣлять его довѣрчивость, или, по крайней мѣрѣ, показывали видъ, что раздѣляютъ ее. Только г-жа Маглуаръ испытывала, отъ времени до времени, боязнь. Что касается епископа, то можно найти объясненіе его мысли, или, по крайней мѣрѣ, указаніе на нее въ слѣдующихъ трехъ строкахъ, написанныхъ имъ на поляхъ одной Библии: «Вотъ различіе: дверь врача никогда не должна быть запертою, дверь священника должна быть всегда отворенной».

На другой книгѣ, озаглавленной: «Философія медицинской науки», онъ написалъ такое замѣчаніе: «Развѣ я тоже не врачъ, какъ они? У меня есть тоже мои больные; во-первыхъ, у меня ихъ больные, которыхъ они называютъ больными, а во-вторыхъ, мои, которыхъ я называю несчастными.»

Въ другомъ мѣстѣ еще онъ написалъ: «Не спрашивайте имени у того, кто проситъ у васъ пріюта. Именно тотъ и затрудняется своимъ именемъ, кто ничетъ убѣжища».

Случилось какъ-то, что одинъ достойный священникъ — не знаю, право, какой: изъ Кулубру или изъ Помпьерн,—вѣроятно, по внушенію г-жи Маглуаръ, спросилъ у епископа, увѣренъ ли онъ, что не поступаетъ въ нѣкоторомъ родѣ неблагообразно, оставляя днемъ и ночью свою дверь отпертою для каждаго желающаго войти и не боится ли онъ, чтобы не случилось какое-нибудь несчастіе въ домъ, такъ малоохраняемомъ. Епископъ положилъ ему руку на плечо съ кроткою важностью и сказалъ: «*Nisi dominus custodierit domum, in vanum vigilant qui custodiunt eam*» *.

Потомъ онъ заговорилъ о другомъ.

Онъ любилъ говорить: «Есть храбрость священника, какъ есть храбрость драгунскаго полковника; только — прибавлялъ онъ—наша должна быть спокойна».

VII.

КРАВАТЪ.

Здѣсь естественно помѣщается фактъ, котораго мы не должны опустить, потому что онъ изъ тѣхъ, которые лучше всего показываютъ, какой человекъ былъ епископъ города Д*.

Послѣ истребленія шайки Гаспара Веза (Vés), опустовавшей ущелья оліульскія, одинъ изъ его помощниковъ, Краватъ, укрылся въ горахъ. Нѣсколько времени онъ скрывался съ своими бандитами, остаткомъ шайки Гаспара Веза, въ графствѣ Ницскомъ, потомъ пробрался въ Пьемонтъ и вдругъ снова поднялся во Францію, со стороны Варселонетты. Сначала его видѣли въ Жозьерѣ, потомъ въ Тю-

* Т. е. когда Богъ не охраняетъ дома, то напрасно не спать тѣ, которые сторожатъ его.

вѣ. Онъ скрывался въ пещерахъ Орлинаго-Ига и оттуда, оврагами Юбен и Юбейетты, спускался въ села и деревни.

Онъ дошелъ даже до Эмбрёна, проникъ однажды ночью въ соборъ и ограбилъ ризницу. Его грабежи приводили въ отчаяніе страну. За нѣтъ посылали жандармовъ, но напрасно: онъ постоянно ускользалъ; иногда противился силою. Это былъ смѣлый несчастный. Въ разгаръ всего этого страха, пріѣхалъ епископъ. Онъ объѣзжала Шастеларъ. Меръ пришелъ къ нему и приглашалъ его воротиться. Кравать занималъ горы до Арша и дагё; было опасно пускаться въ дорогу, даже съ провожатыми: это значило бесполезно подвергать опасности трехъ или четырехъ несчастныхъ жандармовъ.

— Потому-то,—сказалъ епископъ,— я и думаю отправиться туда безъ провожатыхъ.

— Что вы говорите, монсеньоръ?—вскричалъ меръ,—подумали ли вы объ этомъ?

— Я такъ подумалъ, что положительно отказываюсь отъ жандармовъ и поѣду чрезъ часъ.

— Поѣдете?

— Поѣду.

— Одни?

— Одинъ.

— Монсеньоръ, вы не сдѣлаете этого.

— Здѣсь, въ горахъ,—сказалъ епископъ,—есть маленькая, бѣдная община, которую я не посѣщалъ уже три года: это мои добрые друзья—кроткіе и честные пастухи. Она получаютъ по одной овцѣ съ тридцати, которыхъ пасутъ; они дѣлаютъ очень красивые разноцвѣтные шнуры изъ шерсти и наигрываютъ горныя пѣсни на маленькихъ флейтахъ съ шестью отверстіями. Они нуждаются въ томъ, чтобы кто-нибудь говорилъ имъ по временамъ о Богѣ. Что сказали бы они о епископѣ, который боится? Что скажутъ они, если я не пойду къ нимъ?

— Но, ваше преосвященство, разбойники!

— Да,—сказалъ епископъ,—въ самомъ дѣлѣ, вы правы: я могу ихъ встрѣтить; они тоже, вѣрно, нуждаются, чтобы съ ними поговорили о Богѣ.

— Но, монсеньоръ, вѣдь это шайка, волчье стадо!

— Г. меръ, можетъ быть, это именно то стадо, котораго пастыремъ сдѣлалъ меня Іисусъ Христосъ. Кто знаетъ пути Провидѣнія?

— Монсеньоръ, они васъ ограбятъ.

— У меня ничего нѣтъ.

— Они васъ убьютъ.

— Старога добряка-священника, который идетъ по дорогѣ, борюча свои молитвы? къ чему?

— О, Боже мой! Что, если вы ихъ встрѣтите?

— Я попрошу у нихъ милостыни для моихъ бѣдныхъ.

— Монсеньоръ, не ходите туда, Бога ради! Вы рискуете жизнью.

— Г. меръ,—сказалъ епископъ,—только жизнью? Я живу на свѣтѣ

ше для того, чтобы охранять мою жизнь, но чтобы охранять души.

Надо было уступить ему. Онъ отправился въ сопровожденіи одного мальчика, который предъужилъ себя въ провожатые. Его упорство надѣлало шуму въ странѣ и многихъ устрасило.

Онъ не хотѣлъ взять съ собою ни сестру, ни госпожу Маглуаръ. Онъ проѣхалъ горы на мулъ, не встрѣтивъ никого и пріѣхалъ здравъ и невредимъ къ своимъ добрымъ друзьямъ-пастухамъ. У нихъ онъ провелъ пятнадцать дней, проповѣдуя, управляя, уча, совѣтуя. За нѣсколько дней до отъѣзда, онъ захотѣлъ торжественно отслужить молебенъ. Но какъ? епископскихъ облаченій нѣтъ. Въ распоряженіе его могли предоставить только плохую сельскую ризницу съ нѣсколькими старыми ризами изъ штофной матеріи, поношенными и украшенными фальшивыми галунами.

— Пустяки!—сказалъ епископъ.—Г. священникъ, вы все-таки объявите послѣ проповѣди о нашемъ молебнѣ. Дѣло уладится.

Стали искать въ окрестныхъ церквахъ. Всѣхъ сокровищъ этихъ бѣдныхъ приходовъ, вмѣстѣ собранныхъ, не хватило бы на то, чтобы прилично одѣть соборнаго пѣвчаго.

Въ то время, когда всѣ были въ такомъ затрудненіи, два незнакомца принесли въ домъ священника большой ящикъ, назмаченный для г. епископа, и тотчасъ же удалились. Ящикъ открыли: въ немъ лежали: риза изъ золотой парчи, митра, украшенная брилліантами, архіепископскій крестъ, великолѣпный посохъ, всѣ архіепископскія облаченія, украденныя, мѣсяцъ тому назадъ, въ церкви Эмбрѣжской Богоматери. Въ ящикѣ лежала еще бумага, на которой было написано: «Отъ Кравата монсиньору Бьенвеню».

— Вѣдь я говорилъ, что дѣло уладится!—сказалъ епископъ. Потомъ онъ прибавилъ съ улыбкой:—«Кто довольствуется священническимъ стихаремъ, тому Богъ посылаетъ архіепископскую ризу».

— Монсиньоръ,—прошепталъ священникъ, улыбаясь и качая головой.—Богъ, или дьяволъ..

Епископъ пристально посмотрѣлъ на священника и повелительно сказалъ:—«Богъ».

Когда онъ вернулся въ Шастеларъ, да и во все время его путешествія, многіе приходили изъ любопытства посмотреть на него. Въ домѣ священника онъ нашелъ Баптистину и г-жу Маглуаръ, которые ожидали его:—«Ну, что, сказалъ онъ сестрѣ: не правъ ли я былъ? Видный священникъ отправился къ этимъ бѣднымъ горцамъ съ пустыми руками, а возвращается съ полными. Я уѣхалъ, унося съ собою только надежду на Бога, а возвращаюсь съ сокровищемъ дѣлага собора».

Вечеромъ, отходя ко сну, онъ сказалъ еще: «Никогда не должно бояться ни воровъ, ни убійцъ; это опасности внѣшнія, маленькія опасности. Будемъ бояться самихъ себя. Предразсудки—вотъ воровъ! пороки—вотъ убійцы! Большія опасности внутри насъ. Что за дѣло до того, что угрожаетъ нашей головѣ, или нашему кошельку? Будемъ думать только о томъ, что угрожаетъ нашей душѣ».

Утромъ, обращаясь къ сестрѣ, сказалъ:—«Сестра, со стороны свл-

еще никогда не должно быть предосторожности противъ его ближняго. Что ближній дѣлаетъ, то Богъ позволяетъ. Ограничимся молитвою къ Богу въ то время, когда мы думаемъ, что опасность угрожаетъ намъ. Будемъ молиться ему—не за насъ, но за то, чтобы братъ нашъ не совершалъ преступка изъ-за насъ».

Впрочемъ, приключенія были рѣдки въ его жизни. Мы разсказываемъ о тѣхъ, которыя мы знаемъ; но, обыкновенно, онъ дѣлалъ миссѣ и то же въ одни и тѣ же часы. Мѣсяць его года походилъ на часть его дня.

Что касается того, что случилось съ «сопровищеньемъ» Эмбрёненаго собора, то мы бы пришли въ затрудненіе, еслибы насъ спросили объ этомъ. То были прекрасныя вещи, и такія соблазнительныя, и такія удобныя для покражи въ пользу бѣдныхъ. Украденныя, кромѣ того, онѣ уже были. Половина приключенія была совершена, теперь оставалось только измѣнить направленіе покражи и заставить ее пройти маленькую дорогу въ сторону бѣдныхъ. Мы, впрочемъ, не говоримъ ничего утвердительнаго объ этомъ предметѣ; только въ бумагахъ епископа была найдена довольно-загадочная записка, которая относится, можетъ быть, къ этому дѣлу и содержаніе которой такое: «Вопросъ въ томъ, слѣдуетъ ли это возратить въ соборъ или отдать въ госпиталь?»

VIII.

БРАТЬ, ПО РАЗКАЗАМЪ СЕСТРЫ.

Чтобы дать понятіе о домашнемъ бытѣ Мириела и о томъ, какъ эти двѣ добродѣтельныя женщины подчиняли свои дѣйствія, своимъ мысли, даже свои инстинкты женщинъ, привычкамъ и наклонностямъ епископа, не дожидаясь даже словъ его, мы не можемъ поступить лучше, какъ списать здѣсь одно изъ писемъ Баптистины къ виконтессѣ де Буашевронъ, поругъ своего дѣтства. Письмо это въ нашихъ рукахъ.

Д*.—16 декабря 18...

«Добрая виконтесса! ни одинъ день не проходитъ безъ того, чтобы мы не говорили о васъ: это наша привычка; но есть тому и другая причина. Представьте себѣ, что, обмывая и обметая потолоки и стѣны, г-жа Маглуаръ сдѣлала открытіе: теперь наши двѣ комнаты, оклеенныя старой бумагой, выбѣленной известкою, не обезображены бѣзвѣжью къ родѣ вашего. Г-жа Маглуаръ изорвала всю бумагу. Подъ нею были разныя вещи. Моя гостиная, въ которой, однако, нѣтъ мебели и въ которой мы развѣшиваемъ бѣлье послѣ старика, вышета цѣнанадцать футовъ въ вышину, восемнадцать въ ширину, потолокъ когда-то расписанный съ позолотой, карнизы какъ у васъ. Это было покрыто полотномъ въ то время, когда здѣсь помѣщался госпиталь. Наконецъ, деревянныя украшенія временъ нашихъ бабушекъ. Но, что стоитъ видѣть, такъ это мою комнату. Господжа Маглуаръ отъкрыла цѣль цѣлымъ десяткомъ бумагъ, наклеенныхъ на стѣнахъ.

обои съ рисунками, которые, если нехороши, то все-таки сносны. Тутъ Телемакъ, посвященный въ рыцари Миянервою, тутъ опять онъ въ садахъ — не помню какъ они называются. Что сказать вамъ еще? У меня есть римляне, римлянки, (*здесь слово, котораго нельзя разобрать*) и вся свята. Г-жа Маглуаръ обмыла все это, лѣтомъ она исправитъ кое-какія маленькія порчи, покроетъ все лакомъ и моя комната сдѣлается настоящимъ музеемъ. Она также нашла на чердакѣ два столика къ зеркаламъ изъ старо-моднаго дерева. За новую позолоту ихъ просили два эку, но лучше отдать эти деньги бѣднымъ; притомъ же, они очень некрасивы и мнѣ бы лучше хотѣлось имѣть круглый столъ изъ краснаго дерева.

«Я попрежнему счастлива. Мой братъ такъ добръ: онъ отдаетъ все, что имѣетъ, бѣднымъ и больнымъ. Мы очень нуждаемся. Въ странѣ нашей тяжело жить зимою и надо же что-нибудь дѣлать для тѣхъ, которые терпятъ лишенія. А намъ почти вполнѣ достаётъ на освѣщеніе и отопленіе. Вы видите, что у насъ большая роскошь.

«У моего брата свои привычки. Когда онъ бесѣдуетъ съ нами, то говоритъ, что епископъ именно долженъ быть таковъ. Представьте себѣ, что дверь нашего дома никогда не затворяется: входи, кто хочешь, и сейчасъ же будешь въ комнатѣ моего брата. Онъ ничего не боится, даже ночью. Это его храбрость, какъ онъ говоритъ.

«Онъ хочетъ, чтобъ ни я, ни г-жа Маглуаръ не боялись за него. Онъ подвергаетъ себя всевозможнымъ опасностямъ и не хочетъ даже, чтобъ мы показывали видъ, что замѣчаемъ это. Надо умѣть понимать его.

«Онъ выходитъ въ дождь, ходитъ по сырости, путешесгвуетъ зимою; онъ не боится ни ночи, ни подозрительныхъ дорогъ, ни встрѣтъ.

«Въ прошедшемъ году онъ отправился одинъ въ разбойничью сторону. Онъ не хотѣлъ взять насъ съ собою. Пятнадцать дней онъ былъ въ отсутствіи. Всѣ его считали умершимъ, а съ нимъ ничего не случилось, и онъ вернулся здоровый, и сказалъ: «Вотъ какъ меня ограбили!» и, при этомъ, открылъ сундукъ, наполненный всѣми драгоценностями Эмбренскаго собора, которыя прислали ему разбойники.

«На этотъ разъ, возвращаясь, я не могла удержаться, чтобъ не побранить его немного, стараюсь говорить только въ то время, когда карета стучала, чтобы никто не могъ разслышать.

«Въ первое время я говорила себѣ: «Нѣтъ такихъ опасностей, которыя бы остановили его: онъ страшень». Теперь я привыкла. Я дѣлаю знаки г-жѣ Маглуаръ, чтобы она не противорѣчила ему. Онъ рискуетъ собою, какъ хочетъ. Я увожу г-жу Маглуаръ, ухожу въ мою комнату, молюсь за него и засыпаю. Я спокойна, потому что знаю, что, еслибъ съ нимъ случилось несчастіе, то это было бы и моимъ концомъ.

«Я бы отошла къ Богу съ моимъ братомъ и моимъ епископомъ. Г-жѣ Маглуаръ было труднѣе, чѣмъ мнѣ, привыкнуть къ тому, что она называла его неосторожностью; но теперь дѣло слажено. Мы молчимъ себѣ; мы боимся вѣстѣ и засыпаемъ. Войди въ нашу домъ

чортъ— кому не мѣшала бы распорядиться. Впрочемъ, чего мы боимся въ этомъ дождѣ? Съ нами всегда кто-то, кто всѣхъ сильнѣе. Чортъ можетъ пройти по дому, но Богъ живетъ въ немъ.

«Этого съ меня довольно. Брату моему нѣтъ теперь даже нужды говорить мнѣ хоть одно слово: я понимаю его и безъ его словъ, и мы отдаемся Провидѣнью.»

«Вотъ какъ надо жить съ человѣкомъ, у котораго есть великое на умѣ!»

«Я спрашивала моего брата о справкѣ, которую вы желаете имѣть о фамилиіи Фо. Вы знаете, что онъ все знаетъ и что у него много воспоминаній, потому что онъ до сихъ поръ очень хорошій роялистъ. Это, дѣйствительно, очень древняя нормандская фамилія казнскаго генералитета. Пятьсотъ лѣтъ прошло отъ Рауля де-Фо, Жанны де-Фо и Томы де-Фо, бывшихъ дворянами, между которыми одинъ былъ владѣтелемъ Рошфора. Послѣдній въ родѣ былъ Гюи Стефанъ Александръ и занималъ какую-то должность въ бретонской легкой кавалеріи. Дочь его Марія Луиза вышла за Адриена Карла де-Грамонъ, сына герцога Лудовика де-Грамона, пера Франціи, полковника французской гвардіи и генераль-лейтенанта арміи.»

«Добрая виконтесса, поручите насъ молитвамъ вашего святаго родственника, господина кардинала. Что касается вашей милой Сильваніи, то она хорошо дѣлаетъ, что, пиша мнѣ, не теряетъ короткихъ минутъ, которыя она проводитъ подлѣ васъ. Она здорова, работаетъ, какъ вы желаете; попрежнему любитъ меня. Это все, чего я желаю. Здоровье мое не очень дурно, а, между тѣмъ, я съ каждымъ днемъ все больше худѣю. Прощайте. Недостатокъ бумаги заставляетъ меня расстаться съ вами. Всевозможнаго вамъ счастья.»

Баптистина.

«P. S. Вашъ маленькій племянникъ прелестенъ. Знаете ли, что ему скоро пять лѣтъ? Вчера онъ увидѣлъ лошадь, у которой были надѣты наколѣнники и спросилъ: что это у ней на колѣняхъ? Онъ такой милый! Его маленькій братъ тащитъ по комнатѣ старую метлу, будто коласочку, и кричитъ: «ну, ну!»»

Какъ видно изъ этого письма, обѣ эти женщины умѣли подлаживаться къ привычкамъ епископа съ тою особенною способностью женщины, которая понимаетъ мужчину лучше, чѣмъ онъ самъ себя понимаетъ. Епископъ, съ этимъ тихимъ и кроткимъ видомъ, который никогда не измѣнялъ ему, дѣлалъ иногда вещи великія, смѣлыя и великолѣпныя и, казалось, самъ не замѣчалъ того. Женщины дрожали, но предоставляли ему свободу. Иногда г-жа Маглуаръ пробовала дѣлать замѣчанія, но всегда до начала дѣйствія, и никогда во время его, или послѣ. Въ дѣлѣ, уже начатомъ, никогда не мѣшала ему ни словомъ, ни даже знакомъ. Иногда, когда онъ не имѣлъ нужды говорить, что дѣйствуетъ какъ епископъ, когда и самъ онъ, можетъ быть, не сознавалъ этого—такъ безконечна была его простота,—онѣ сами смутно понимали это; тогда онѣ превращались въ двѣ тѣни. Онѣ массивно служили ему; и если повниматься

значило исчезнуть — онъ нечаялъ. Онъ постигали, съ удивительною тонкостью инстинкта, что извѣстное ухаживаніе можетъ стѣснять человѣка. Потому, даже считая его въ опасности, онъ до того понимали — не скажу его мысль, но его натуру, что уже и не слѣдали за нимъ; онъ перучали его Богу.

Впрочемъ, Баптистина говорила, какъ мы сейчасъ только прочитали, что конецъ ея брата будетъ ея концомъ. Г-жа Маглуаръ не говорила этого, но знала.

IX

Епископъ въ присутствіи невѣдомаго свѣта.

Немного спустя послѣ того дня, въ который было написано письмо, приведенное въ предъидущей главѣ, онъ, если вѣрить всему городу, сдѣлалъ дѣло еще болѣе рискованное, чѣмъ его прогулка по разбойничьимъ горамъ.

Подѣ Д*, за городомъ, проживалъ, въ уединеніи одинъ человѣкъ. Этотъ человѣкъ, скажемъ сейчасъ же крупное слово, былъ нѣкогда членомъ конвента. Имя его было Ж.

Объ этомъ человѣкѣ маленькій міръ города Д* говорилъ съ нѣкотораго рода ужасомъ. Членъ конвента, можете себѣ представить, что это такое? Эта порода существовала въ то время, когда люди говорили другъ другу: *ты и гражданинъ*. Этотъ человѣкъ былъ почти чудовище. Онъ не подавалъ голоса въ пользу смерти короля, но и только... Это былъ почти-что царубійца. Онъ былъ въ свое время страшень. Какимъ образомъ, по возвращеніи законныхъ государей, этого человѣка не позвали къ превотальному суду? Ему, если хотите, не отрубили бы головы, нужно быть милосерднымъ, положимъ; но хорошая ссылка навѣки.... Для примѣра, не-конецъ, и пр. и пр. Сверхъ того, это былъ безбожникъ, какъ и всѣ подобныя люди. Силетин гусей о коршунѣ.

Но былъ ли этотъ Ж. коршуномъ? Да, если судить потому, что было суроваго въ его уединеніи. Такъ какъ онъ не вотировалъ смерти короля, то имя его не попало въ декреты ссылки и онъ могъ остаться во Франціи.

Онъ жилъ въ трехъ четвертяхъ часа отъ города, вдали отъ всякаго селенія, вдали отъ всякой дороги, въ какой-то заглохшей ложбинѣ очень дикой долины. Тамъ, какъ говорилъ, былъ у него родъ поля, яма, берлога. Никакихъ сосѣдей; даже никакихъ прохожихъ. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ жилъ въ этой долинѣ, тропинка, которая вела туда, исчезла подъ травой. Объ этомъ мѣстѣ говорили, какъ е жилищѣ палача.

Но епископъ задумывался и, по временамъ, смотрѣлъ въ даль, на то мѣсто, гдѣ нѣсколько деревьевъ обозначали долину стараго террориста, и говорилъ: «Тамъ живетъ одинокая душа.»

И, въ глубинѣ своей мысли, прибавлялъ: «я долженъ ее постигнуть.»

Но, скажемъ правду, эта мысль съ перваго раза естественная, послѣ минутнаго размышленія, казалась ему какъ бы странною, необу-

чуждому и почти отталкивающему. Потому что, въ глубинѣ души, онъ раздѣлялъ общее впечатлѣніе и питалъ къ конвентнику, не отдавая самому себѣ яснаго въ томъ отчета, то чувство, которое служитъ какъ бы границею ненависти и которое такъ хорошо выражается словомъ: «отдаленіе».

Однакожь, должна ли короста овцы заставить отступить пастыря? Нѣтъ! Не какой овцы!

Добрый епископъ былъ въ страшномъ затрудненіи. Иногда онъ отравлялся въ ту сторону, потомъ возвращался.

Наконецъ, однажды, въ городѣ разнесся слухъ что нѣчто въ родѣ молодого пастуха, прислуживавшаго конвентнику Ж. въ его труппѣ, приходило звать доктора; что старый разбойникъ умиралъ, что параличъ овладевалъ имъ и что онъ не проживетъ ночи.— Слава Богу! прибавляли нѣкоторые.

Епископъ взялъ свой посохъ, надѣлъ верхній сюртукъ по причинѣ уже сдѣлкомъ изношеннаго подрясника, о чемъ мы уже говорили, а также и потому, что вечерній вѣтеръ начиналъ дуть, — и отправился.

Солнце садилось и почти коснулось горизонта, когда епископъ пришелъ къ проклятому мѣсту. Съ нѣкоторымъ біеніемъ сердца, онъ догадался, что стоитъ подлѣ берлоги. Онъ перешагнулъ канавку, перелѣзъ черезъ заборъ, поднялъ загородку, вошелъ въ разоренный дворикъ, сдѣлавъ довольно-смѣло нѣсколько шаговъ, и вдругъ, въ глубинѣ запущенной травы, за высокимъ хвостомъ, увидѣлъ щещеру.

Это была хижина, низенькая, бѣдная, маленькая и чистая, съ рѣшеткою, прибитою къ фасаду. Передъ дверью, въ старомъ крестьянскомъ креслѣ съ колесами, сидѣлъ сѣдой человекъ и улыбался солнцу.

Подлѣ старика, стоялъ мальчикъ, молодой пастухъ. Онъ протягивалъ къ старику кринку съ молокомъ.

Между тѣмъ, какъ епископъ смотрѣлъ, старикъ возвысилъ голосъ.— Благодарю, сказалъ онъ, мнѣ больше ничего не надо. И его улыбка оставила солнце, чтобы остановиться на дѣтяти.

Епископъ подвинулся впередъ. При шумѣ его шаговъ, старикъ повернулъ голову и лицо его выразило столько удивленія, сколько можно имѣть его послѣ долгой жизни.

— Съ тѣхъ поръ, какъ я здѣсь, сказалъ онъ, въ первый разъ ко мнѣ входятъ. Кто вы, сударь?

Епископъ отвѣчалъ:

— Меня зовутъ Бьенвеню Миріель.

— Бьенвеню Миріель. Я слышалъ это имя. Это васъ народъ называетъ монсьиньоромъ Бьенвеню?

— Меня.

Старикъ продолжалъ съ полуулыбкой:

— Значитъ, вы мой епископъ?

— Отчасти.

— Войдите, сударь.

Конвентникъ протянулъ руку епископу, но епископъ не взялъ ее, Епископъ довольствовался тѣмъ, что сказалъ:

— Я съ удовольствіемъ вижу, что меня обманули, вы совсѣмъ не похожи на больного.

— Милосивый государь, отвѣчалъ старикъ, я скоро вылечусь.

Онъ помолчалъ немного и сказалъ:

— Я умру черезъ три часа.

Потомъ онъ продолжалъ:

— Я немножко докторъ; я знаю, какимъ образомъ приходитъ послѣдній часъ. Вчера у меня были только ноги холодны; сегодня холодъ дошелъ до колѣнъ; теперь я чувствую, что онъ подымается до поясницы; когда онъ дойдетъ до сердца, со мной все будетъ кончено. Солнце прекрасно, не правда ли? Я волѣлъ выкатить себя на дворъ, чтобы бросить послѣдній взглядъ на эти вещи. Вы можете со мной говорить, это меня не утомляетъ. Вы хорошо сдѣлали, что пришли посмотреть, какъ будетъ умирать человекъ. Недурно, чтобы такая минута имѣла свидѣтелей. У людей бываютъ маніи; мнѣ бы хотѣлось прожить до зари. Но я знаю, что меня едва хватитъ на три часа. Будетъ ночь. Впрочемъ, что за дѣло! Кончатъ—дѣло не мудреное. Для этого не нужно утро. Пускай. Я умру при звѣздахъ.

Старикъ обернулся къ пастуху:

— Ты, ступай спать. Ты не спалъ прошедшую ночь. Ты усталъ.

Мальчикъ вошелъ въ хижину.

Старикъ посмотрѣлъ ему вслѣдъ и прибавилъ, какъ бы говоря съ самимъ собою:

— Между тѣмъ, какъ онъ будетъ спать, я умру. Два сна могутъ быть хорошими сосѣдами.

Епископъ не былъ взволнованъ такъ, какъ, казалось-бы онъ могъ быть. Онъ не чувствовалъ Бога въ этомъ способѣ умирать; скажемъ прямо—потому что маленькія противорѣчія великихъ сердець требуютъ разъясненія, какъ и все остальное,—его, который, прислуцавъ, такъ любилъ смѣяться надъ титуломъ: «ваше величіе», немного оскорбляло то, что его не называли монсеньоромъ, и онъ почти готовъ былъ возразить: «гражданинъ.» Ему пришла охота грубо пофамиллярничать, — привычка, довольно обыкновенная у докторовъ и священниковъ, но совсѣмъ не свойственная ему. Человекъ этотъ, какъ бы то ни было, этотъ конвентинецъ этотъ представитель народа былъ сильный земли; въ первый разъ, можетъ быть, въ жизни, епископъ почувствовалъ себя въ суровомъ настроеніи.

Между тѣмъ, конвентинецъ смотрѣлъ на него съ скромною привѣтливостью, въ которой можно было распознать смиреніе, приличествующее человекѣ въ то время, когда онъ близокъ къ превращенію въ пыль.

Епископъ, съ своей стороны, несмотря на то, что онъ обыкновенно избѣгалъ любопытства, которое, по его словамъ, равнялось оскорбленію, не могъ не смотрѣть на конвентинца съ вниманіемъ, которое, не имѣя своего истиннаго симпатіи, было бы, конечно, поставлено ему въ вину его совѣстью, еслибы устремлялось на человекѣ другого рода. Конвентинецъ казался ему, въ нѣкоторомъ отношеніи, человекѣмъ внѣ закона, даже закона милосердія.

Ж., своеобразный, почти съ совершеннопрямымъ бюстомъ, съ звучнымъ голосомъ, былъ одинъ изъ тѣхъ стариковъ, которые поражаютъ физиолога. Въ время революціи было много такихъ людей, пропорціональныхъ эпохѣ. Въ этомъ старикѣ чувствовался человекъ, выдерживающій испытанія. Уже совершенно близкій къ смерти, онъ сохранилъ еще всѣ здоровыя движенія. Въ его свѣтломъ взглядѣ, твердомъ голосѣ, здоровомъ движеніи плечъ, было что то, способное привести въ смущеніе самую смерть. Азраэль, мухаммеданскій ангелъ смерти, повернулъ бы назадъ и подумалъ-бы, что ошибся дверью. Ж., казалось, умиралъ лишь потому, что хотѣлъ этого. Въ его агоніи была свобода. Только ноги были неподвижны. Смерть начала свою работу съ этого. Ноги были холодны и мертвы, а голова жила всѣмъ могуществомъ жизни и казалась въ полномъ сіяніи свѣта. Въ эту торжественную минуту, Ж. подходилъ на того царя восточной сказки, который былъ тѣло сверху, мраморъ внизу.

Подлѣ кресла лежалъ камень. Епископъ сѣлъ на немъ. Разговоръ начался безъ приступа.

Конвентинецъ не подозрѣвалъ, что онъ бралъ приступомъ, одинъ за другимъ, всѣ внутренніе ретраншементы епископа. Одинъ изъ нихъ, однако, еще удѣлалъ. и изъ него, послѣдняго средства сопротивленія монсиньора Бьенвеню, вышли слѣдующія слова, въ которыхъ снова высказалась почти вся жесткость начала разговора:

— Прогрессъ долженъ вѣрить въ Бога. Добро не можетъ имѣть нечестиваго служителя. Безбожіе — вехоршій проводникъ для рода человѣческаго.

Старый представитель народа не отвѣчалъ. Онъ вадрогнулъ. Онъ взглянулъ на небо, и слеза медленно образовалась въ этомъ взглядѣ. Когда глазъ наполнился, слеза потекла вдоль по его мертвенно-блѣдной щекѣ, взоръ потерялся въ глубинѣ неба, и онъ почти пролепеталъ, будто разговаривая съ самимъ собою:

— О ты! о идеалъ! ты одинъ существуешь!

Епископъ ощутилъ какое-то невыразимое потрясеніе.

Послѣ небольшого молчанія, старикъ поднялъ палецъ къ небу и сказалъ:

— Безконечное существуетъ. Оно тамъ. Еслибъ безконечное не имѣло своего я, я было бы его границею; значить, оно не было бы безконечнымъ, другими словами, оно не существовало бы. Но оно существуетъ. Слѣдовательно, оно имѣетъ свое я. Это я безконечно-го—Вогъ.

Умиравшій произнесъ эти послѣднія слова громко и съ трепетомъ восторга, какъ-будто бы онъ смотрѣлъ на кого нибудь. Когда онъ кончилъ, глаза его закрылись. Усиліе истощило его. Очевидно было, что онъ прожилъ въ одну минуту тѣ нѣсколько часовъ, которые оставались ему. Послѣднее мгновеніе наступало.

Епископъ понялъ это, время не терѣло: онъ притомъ сюда, какъ священникъ. Отъ крайняго холода онъ постепенно переходилъ къ крайнему волненію, онъ посмотрѣлъ на эти закрытыя глаза, онъ

взять эту морщинистую, оледенѣвшую руку и наклониться къ умирающему:

— Этотъ часъ принадлежитъ Богу. Не находите ли вы, что было бы жалко, еслибы наша встрѣча осталась безъ пользы?

Конвентинецъ снова открылъ глаза. Величавость, въ которой былъ уже оумракъ, напечатлѣлась на его лицѣ....

Когда епископъ вернулся домой, онъ былъ глубоко погруженъ въ какія-то невѣдомыя мысли. Онъ провелъ всю ночь въ молитвѣ. На другой день нѣсколько любопытныхъ пытались поговорить съ нимъ о конвентинцѣ Ж.;—онъ только указалъ на небо.

Съ этой минуты онъ удвоилъ нѣжность и братское чувство къ дѣтямъ и страждущимъ.

Всякій намекъ на «этого стараго разбойника Ж.» повергалъ его въ странную задумчивость. Никто не могъ бы сказать, что встрѣча этого ума съ его умомъ и отблескъ этой великой совѣсти на его совѣсти не играли какой-нибудь роли въ его приближеніи къ совершенству.

Это «пастырское посѣщеніе» послужило, естественно, поводомъ къ жужжанію въ мѣстныхъ кружкахъ:

— «Ну, мѣсто ли епископа у изголовья такого умирающаго? Очевидно, что тутъ нечего было ожидать обращенія на путь истины. Всѣ эти революціонеры еретики. Такъ чего-жь было и ходить туда? Чего онъ тамъ не видалъ? Вѣрно, любопытство взяло посмотрѣть, какъ чортъ уноситъ душу».

Разъ, одна старая аристократка, изъ той дерзкой породы, которая считаетъ себя умною, обратилась къ нему съ такою выходкою: «Ваше преосвященство, многіе спрашиваютъ, когда вы получите красную шапку?» — «Ого, вотъ крупный цвѣтъ», — отвѣчалъ епископъ. Счастье еще, что тѣ, которые презираютъ его на колпакѣ, съ благоговѣніемъ смотрятъ на него на шапкѣ».

X.

ОГРАНИЧЕНІЕ.

Тотъ, кто изъ вынесказаннаго вывелъ бы заключеніе, что монсеньоръ Бьенвеню былъ епископъ—философъ, или священникъ—патріотъ, рисковалъ бы сильно ошибаться. Его встрѣча, или, вѣрнѣе сказать, его сближеніе съ конвентинцемъ Ж., оставило въ душѣ его родъ удивленія, которое сдѣлало его еще болѣе кроткимъ! Вотъ и все. !—

Хотя монсеньоръ Бьенвеню рѣшительно не былъ политическимъ человекомъ, здѣсь, однако, совершенно умѣстно показать, какъ онъ держалъ себя въ отношеніи къ тогдашнимъ событіямъ. — Предсказавъ, что монсеньоръ Бьенвеню хотъ разъ подумалъ насъ держать себя.

..И тамъ, вернемся за нѣсколько лѣтъ назадъ.

Нѣсколько времени спустя послѣ назначенія г. Миріоля епископомъ, императоръ сдѣлалъ его, какъ и многіхъ другихъ епископовъ, ба-

реюмъ иверинъ. Папа, какъ известно, былъ арестованъ въ ночь съ 5-го на 6-е Юля 1807 г.: по этому случаю, Миріель былъ названъ Нерадоломъ въ синодъ епископовъ Франціи и Италіи, созванній въ Парижѣ. Синодъ этотъ имѣлъ свои засѣданія въ церкви Богоматери и собрался въ первый разъ 15-го Юня 1811 г. подъ предѣлательствомъ кардинала Феша. Миріель былъ въ числѣ девяноста-пяти епископовъ, отправившихся туда. Но онъ присутствовалъ только въ одномъ засѣданіи и въ трехъ или въ четырехъ частныхъ совѣщаніяхъ. Епископъ горной епархіи, живя тамъ близко къ природѣ, въ сельской простотѣ и бѣдности, онъ, должно быть, внесъ въ среду этихъ вѣнчатыхъ лицъ идеи, которыя измѣнили температуру собранія. Онъ скоро возвратился въ Д*. Въ него стали спрашивать о причинѣ такого скорого возвращенія; онъ отвѣчалъ: «Я стѣснялъ ихъ. Воздухъ пантѣ дохладилъ къ нимъ чрезъ мое посредство. Я проникнулъ на нихъ дѣйствіе раскрытой двери».

Въ другой разъ, онъ сказалъ: «Что станете дѣлать? Эти преосвященные всѣ — вельможи; я ничто иное, какъ бѣдный сельскій епископъ».

Дало въ томъ, что онъ не понравился. Въ числѣ другихъ странностей, у него, однажды, когда онъ былъ вечеромъ у одного изъ своихъ знатнѣйшихъ товарищей, выразилъ слѣдующіе слова. «Какіе чудные часы! какіе ковры! какія диврени! Все это должно ужасно надоедать! О, какъ бы я не хотѣлъ имѣть всю эту роскошь, которая постоянно кричала бы мнѣ въ уши: «есть люди, которымъ холодно! есть бѣдные! есть бѣдные!»

Сказать мимоходомъ, ненавидеть чѣ роскоши — неразумная монашество. Она ведетъ къ монашески искусства. Но у служителей церкви, въ церемониальныхъ случаяхъ, роскоши быть не слѣдуетъ. Она, по малому, обнаруживаетъ привычки не совсѣмъ благотворительныя. Богатый священникъ — противорѣчіе, священникъ, долженъ быть полнѣ бѣдныхъ. А можно ли день и ночь прикасаться ко всему скорбямъ, всѣмъ несчастіямъ, всей нищетѣ, чтобъ самому не пожить этимъ святымъ страданіемъ, какъ пылью труда? Можно ли представить себѣ чловѣка, который стонетъ подлѣ жаровни и которому не жарко? Можно ли представлять себѣ ремесленника, который безпрестанно работаетъ у горячей печи и у котораго, однако, нѣтъ ни одного сожженного волоса, ни одного почернѣвшаго ногтя, ни одной капли пота, ни одной частицы золы на лицѣ? Первое доказательство благотворительности у священника и, особенно, у епископа — это бѣдность.

Такого мнѣнія, конечно, былъ епископъ города Д*.—

Впрочемъ, не цало думать, что, въ отношеніи нѣкоторыхъ щекотливыхъ вопросовъ, онъ раздѣлялъ то, что мы называемъ «идеями вѣка». Онъ мало вмѣшивался въ современныя богословскія споры и не подавалъ своего мнѣнія въ водроекъ, въ которыхъ замѣшаны Государство и Церковь; — но, еслибы къ нему приехали, то, кажется, онъ бы оказался скорѣе ультрамонтандцемъ, чѣмъ галликанцомъ.

Такъ-какъ мы рисуемъ портретъ и не хотимъ ничего скрыть, то

вынуждены прибавить, что онъ былъ холоденъ, какъ ледъ, къ Наполеону падающему. Начиная съ 1813 г., онъ подавалъ голосъ въ пользу всѣхъ вопріизвенныхъ манифестацій или аплодировалъ имъ. Онъ не захотѣлъ взглянуть на императора при проѣздѣ его послѣ возвращенія съ острова Эльбы и не давалъ по своей епархіи приказанія—молиться за него въ церквахъ во время Ста-Дней.

Кромѣ сестры, Вапстетины, у него были два брата: одинъ—генералъ, другой — префектъ. Онъ довольно часто писалъ имъ обоимъ. Онъ нѣсколько времени сердился на перваго, потому что генералъ, командуя полкомъ въ Провансѣ, во время каннской высадки, сталъ во главѣ тысячи двухъ-сотъ человѣкъ и преслѣдовалъ императора такъ, какъ преслѣдуютъ, когда желаютъ дать гонимому средство уйти. Болѣе дружественную переписку епископъ сохранилъ съ другимъ братомъ, бывшимъ префектомъ, прекраснымъ и достойнымъ человѣкомъ, который жилъ въ уединеніи, въ Парижѣ, въ улицѣ Кассеттъ.

И такъ, у монсиньора Бьенвеню тоже былъ свой часъ подчиненія духу партіи, свой часъ горечи, своя туча. Тѣнь современныхъ страстей прошла по этому красивому и великому уму, занятому предметами вѣчными. Конечно, подобный человѣкъ стоялъ-бы того, чтобы не имѣть политическихъ мнѣній. Но не надо ошибочно понимать нашу мысль: мы не смѣшиваемъ того, что называется «политическими мнѣніями» съ великимъ стремленіемъ къ прогрессу, великою патриотическою вѣрою, демократическою и человѣчественною, которая, въ наше время, должна быть главнымъ основаніемъ всякаго благороднаго пониманія. Не углубляясь въ вопросы, которые только косвенно касаются предмета этой книги, мы просто говоримъ слѣдующее: было бы прекрасно, если бы монсиньоръ Бьенвеню не былъ роялистомъ и если бы взоръ его ни на минуту не отвращался отъ того яснаго созерцанія, въ которомъ, надъ иллюзіями и ненавистями этого міра, надъ бурною суетливостью человѣческихъ вещей, блестятъ въ яркихъ лучахъ эти три свѣтила: Истина, Справедливость и Милосердіе.

Соглашаясь, что Богъ создалъ монсиньора Бьенвеню не для политической дѣятельности, мы, однако, поняли бы и высоко оцѣнили протестацію во имя права и свободы, оппозицію гордую, сопротивленіе опасное и справедливое Наполеону всемогущему. Но то, что намъ нравится по отношенію къ людямъ возвышающимся, меньше намъ нравится по отношенію къ людямъ падающимъ. Мы любимъ битву только тогда, когда есть опасность; и, во всякомъ случаѣ, бойцы которые сражались въ первый часъ, одни только имѣютъ право быть истребителями въ послѣдній. Кто не былъ упорнымъ обвинителемъ во время благосостоянія, долженъ молчать предъ развалинами. Обличитель въ часъ успѣха—единственный законный судья во время паденія. Что касается до насъ, то, когда Провидѣніе вмѣшивается и поражаетъ, мы предоставляемъ ему дѣйствовать. 1812 годъ начинаетъ насъ обзоруживать. Въ 1813 г., низкое нарушеніе молчанія этого безмолвнаго законодательнаго корпуса, ободреннаго катастрофами, могло только привести въ негодование, и не справедливо было аплодировать ему; въ 1814 г., въ

виду этихъ измѣняющихъ маршаловъ, этого сѣната, ступающаго изъ одной лужи въ другую, ругающагося послѣ боготворенія, въ виду этого идолопоклонства, отступающаго и плюющаго на своего идола, — долгъ требовалъ отвернуться; въ 1815-мъ, когда величайшія несчастія носились въ воздухѣ, когда Франція съ трепетомъ чувствовала ихъ злобѣщее приближеніе, когда можно уже было смутно различить Ватерлоо, открытое предъ Наполеономъ, — въ горестныхъ кликахъ арміи и народа къ приговоренному судьбою не было ничего смѣшного; и такое сердце, какъ сердце Д — скаго епископа, не должно было бы не замѣтить всего величія и трогательнаго смысла, заключеннаго въ этомъ объятіи, въ которомъ тѣсно сплетались на краю бездны великая нація и великій человекъ.

Если исключить это, то онъ былъ во всѣхъ случаяхъ справедливъ, правдивъ, безпристрастенъ, разсудителенъ, смирененъ и полонъ достоинства: благотворителенъ и благосклоненъ, что также есть своего рода благотворительность. Онъ былъ священникъ, мудрецъ и человекъ. Даже надо сказать правду, въ этихъ политическихъ мнѣніяхъ, за которыя мы упрекнули его и за которыя мы готовы судить его почти строго, онъ обнаруживалъ терпимость и снисходительность, большую, можетъ быть, чѣмъ та, которая заключается въ насъ, гонимыхъ здѣсь. Привратникъ городской ратуши былъ назначенъ на это мѣсто императоромъ. Это былъ старшій унтеръ-офицеръ старой гвардіи, аустерляцкій легіонеръ, бонапартистъ какъ орелъ. При слухѣ, у этого бѣдняка вырывались необдуманная слова, которыя тогдашній законъ называлъ *возмутительными рѣчами*. Съ тѣхъ поръ, какъ императорскій профилъ исчезъ съ ордена почетнаго легіона, гвардеецъ никогда не одѣвался въ парадную форму, чтобы не быть обязаннымъ надѣвать свой крестъ. Онъ самъ набожно снялъ изображение императора съ креста, пожалованнаго ему Наполеономъ; отъ этого образовалась дыра, а онъ не хотѣлъ ничѣмъ задѣлать ее. «Я скорѣе умру — говорилъ онъ — чѣмъ надѣну себѣ на грудь трехъ жабъ!» Онъ любилъ громко смѣяться надъ Людовикомъ XVIII. «Старый подагрикъ въ англійскихъ штиблетахъ, — пусть себѣ убирается въ Пруссію съ своей козлиной бородой», — говорилъ онъ, совершенно счастливый тѣмъ, что могъ, въ одномъ и томъ же ругательствѣ, соединить двѣ вещи, которыя онъ болѣе всего ненавидѣлъ: Пруссію и Англію. Онъ до того договорился, что лишился мѣста и остался безъ глѣба и крова съ женою и дѣтьми. Епископъ позвалъ его, пожурналъ и назначилъ швейцаромъ при соборѣ.

Въ теченіе девяти лѣтъ, своими святыми дѣлами и кроткими обращеніемъ, монсеньоръ Бьенвеню заставилъ весь городъ питать къ нему какое-то нѣжное, сыновнее почтеніе. Даже его поведеніе съ Наполеономъ было какъ-бы безмолвно прощено народомъ, этимъ добрымъ, слабымъ стадомъ, которое обожало своего императора, но любило и своего епископа.

XII.

Удѣненіе монсиньора Бьенвеню.

Епископъ всегда окруженъ отрядомъ маленькихъ аббатовъ, какъ генералъ — свитою маленькихъ офицеровъ. Это тѣ люди, которыхъ св. Францискъ де-Саль называетъ въ одномъ мѣстѣ «священниками молдокососами». Всякая карьера имѣетъ своихъ кандидатовъ, которые составляютъ свиту уже совершившихъ ее. Нѣтъ ни одного могущества безъ своихъ приближенныхъ, ни одной удачи безъ своихъ придворныхъ. Искатели будущаго кружатся около великолѣпнаго настоящаго. Каждая метрополія имѣетъ свой штабъ. Подлѣ каждаго немного-влиятельнаго епископа образуется патруль изъ семинарскихъ херувимовъ, который ходитъ дозоромъ, поддерживаетъ порядокъ въ епископскомъ дворцѣ и содержитъ караулы вокругъ ушки монсиньора. Прислужиться епископу — для подч.-дьякона тоже, что стать ногою въ стремя. Надо же проложить себѣ дорогу; апостольство не брезгаетъ каноникатомъ.

Какъ въ свѣтской сферѣ, такъ и въ церковной, есть важныя особы. Это — епископы богатые, съ доходами, ловкіе, принимаемые въ свѣтъ, умѣющіе, конечно, молить Бога, но умѣющіе и выпрашивать у людей, — черта сближенія между ризницей и дипломатіей. — скорѣе аббаты, чѣмъ священники, скорѣе прелаты, чѣмъ епископы. Счастливы тѣ, которые стоятъ вблизи ихъ. Люди съ вѣсомъ, они проливаютъ вокругъ себя, на своихъ угодниковъ и фаворитовъ, на всю эту молодежь, умѣющую нравиться, большіе приходы, пребанды, архидьяконство, должности придворныхъ священниковъ, а потомъ и епископскія должности. Подвигаясь сами впередъ, они двигаютъ и своихъ сателлитовъ; это настоящая солнечная система въ движеніи. Изъ лучезарнаго блеска краситъ пурпуромъ ихъ свиту. Отъ нихъ процвѣтающіе падаютъ крохи на окружающихъ въ видѣ добрыхъ маленькихъ повышеній. Чѣмъ больше округъ у патрона, тѣмъ крупнѣе приходъ у фаворита. А потомъ, Римъ недалеко. Епископъ, умѣющій сдѣлаться архиепископомъ, архиепископъ, умѣющій сдѣлать кардиналомъ, увозить вась съ собою въ качествѣ конклависта, вы вступаєте въ священное судилище, вы получаете омофоръ, вотъ вы аудиторъ, вотъ вы камерарій, вотъ вы монсиньоръ, а отъ «величія» до «высокопреосвященства» одинъ шагъ, а между высокопреосвященствомъ и святѣйшествомъ только дымокъ баллотировки. Каждая скуфья можетъ летать о тарѣ. Священникъ, единственный человѣкъ въ наше время, который можетъ по вѣснмъ правиламъ сдѣлаться королемъ — и кѣмъ королемъ! верховнымъ.... За то же, какой разсадникъ честолюбій эти семинаріи! Сколько краснѣющихъ дѣтей-пѣвчихъ, сколько молодыхъ аббатовъ месить на головѣ молочный горшокъ поселянки Перетты! Съ какою легкостію честолюбіе величаетъ себя призваніемъ — и, кто знаетъ! можетъ быть, оно, навинно-блаженное, и само себя обманываетъ въ этомъ случаѣ!

Монсиньоръ Бьенвеню, смиренный, бѣдный, не считался въ числѣ важныхъ особъ, это доказывалось совершеннымъ отсутствіемъ до

кругъ него молодыхъ священниковъ. Мы видѣли, что въ Парджѣ онъ «не клюнулъ.» Ни одна будущность не подумала притѣяться на этомъ уединенномъ старикѣ. Ни одно подраставшее чистодобіе не пыгло глупости зеленѣть въ его тѣни. Все каноники и викаріи были добрые старики, отчасти простой народъ, какъ и онъ, — какъ онъ, застрявшіе въ этой епархіи, безъ выхода къ кардинальству. Невозможность преуспѣвать подлѣ монсиньора Бьенвеню чувствовалась такъ ясно, что молодые люди, посвященные въ санъ священника, едва выйдя изъ семинаріи, брали рекомендаціи къ архіепископамъ Эсскому или Охскому (Auch) и спѣшили убраться. Потому что, повторяемъ, каждый вѣдь хочетъ идти впередъ. Святой, живущій въ крайнемъ самоотверженіи — сосѣдъ опасный; онъ можетъ заразить васъ неизлечимою бѣдностью, параличемъ движеній, полезныхъ для возвышенія я, наконецъ, такимъ количествомъ отреченія, какого вы не желаете; оттого и убѣгаютъ отъ этой прилипчивой добродѣтели. Оттуда я уединеніе монсиньора Бьенвеню. Мы живемъ въ мрачномъ обществѣ. Успѣвать — вотъ наука, усволяемая, капля за каплей, податливымъ развращеніемъ.

Сказать мимоходомъ, успѣхъ — довольно отвратительная вещь. Его наружное сходство съ заслугами обманываетъ людей. Въ глазахъ толпы, у успѣха почти такой же профиль, какъ у заслуженнаго превосходства. Успѣхъ, это двойное дарованье, обманываетъ самую исторію. Ювеналъ и Тацитъ одни ворчатъ на него. Въ наше время философія, почти офиціальная, пошла въ услуженіе къ успѣху, носить его диврею, сидитъ у него въ передней. Успѣвайте — такова теорія. Успѣхъ предполагаетъ способность. Выигрывайте въ лотерею — вотъ мыслоспособный человѣкъ. Кто торжествуетъ, того почитаютъ. Родитесь въ сорокичъ — въ этомъ заключается все. Добейтесь успѣха, вы получите остальное; будьте счастливы, васъ будутъ считать великимъ. По считая пяти или шести великихъ исключеній, составляющихъ гордость цѣлаго вѣка, современное поклоненіе ничто иное какъ близорукость. Позолота тоже что золото. Быть первымъ встрѣчнымъ — совсѣмъ не бѣда, лишь бы выскочить. Толпа — это старыи оутъ, который самъ себя обожаетъ и который аплодируетъ толпѣ. Ту громадную способность, вслѣдствіе которой становится Монсежъ, Эсхиломъ, Дантомъ, Микель-Анжело или Наполеономъ, толпа единодушно и съ кликами присуждаетъ каждому, достигающему своей цѣли, въ чемъ бы то ни было. Пусть нотаріусъ преобразится въ депутата, пусть самозванецъ-Корнель состряпаетъ «Тиридата», пусть овнухъ заведетъ у себя гаремъ, пусть военный Прюдомъ случайно выигрываетъ сраженіе, рѣшающее судьбу эпохи, пусть аптекаръ изобрѣтетъ картонныя подошвы для мавской арміи и изъ этого картона, проданнаго за кожу, построитъ себѣ четыреста тысячъ годоваго дохода, пусть носильщикъ женится на ляхимствѣ и оно родитъ онъ него семь или восемь мильоновъ, пусть проповѣдникъ сдѣлается епископомъ вслѣдствіе умѣнья говорить въ носъ, пусть управитель хорошаго дома такъ разбогатѣетъ на службѣ, что его сдѣлаютъ министромъ финансовъ — люди назовутъ все это гениемъ,

точно также, какъ они называютъ Красотою фигуру Мухкетона и Величіемъ осанку Клавдія. Они смѣшиваютъ съ небесными свѣтилами тѣ звѣздообразныя фигуры, которыя образуютъ утки своими лапами на мягкой грязи болота. •

КНИГА ВТОРАЯ.

ПАДЕНИЕ.

I,

ВЕЧЕРЬ ПѢШЕХОДА.

Въ послѣднихъ числахъ октября 1815 года, такъ, за часъ до заката солнца, въ маленькій городокъ Д * вошелъ путникъ. Тѣ многіе изъ жителей, которые въ эту минуту смотрѣли въ окна или сидѣли на крыльцахъ своихъ домовъ, оглядывали его съ нѣкоторымъ безпоиствомъ. Рѣдко можно было встрѣтить прохожаго болѣе несчастнаго на видъ. Это былъ человекъ средняго роста, коренастый и плотный, въ лѣтахъ; онъ казался лѣтъ сорока шести—восьми. Низко опущенный кожаный козырекъ его фуражки мѣшалъ разглядѣть вполне черты его загорѣлаго лица, съ котораго ручьями лилъ потъ. Его рубашка изъ толстаго желтаго холста, была застегнута на шеѣ маленькимъ серебрянымъ якоремъ, косматая грудь его была открыта; на шеѣ галстухъ, свитый веревкой, висѣлъ какъ петля; панталоны на немъ были изъ синяго тика, истасканные, грязные, съ бѣлой заплатой на одномъ колѣнѣ, съ дырою на другомъ; его ветхая сѣрая блуза была въ лохмотьяхъ, съ суконной зеленою заплатою на одномъ изъ локтей, пришитою чуть не веревкой; на спинѣ биткомъ набитый солдатскій ранецъ, аккуратно пристегнутый и совсѣмъ новый; въ рукахъ, вмѣсто трости, сучковатая дубина; босыя ноги его были въ башмакахъ, подбитыхъ гвоздями; голова выстриженная, борода длинная.

Потъ, зной, ниль и то, что онъ шолъ, какъ видно издавѣка, пѣшкомъ, все это дѣлало какою-то презрительною эту жалкую фигуру.

Волосы на головѣ его стояли дыбомъ, видно было, что они были сбриты и только-что начинали отрастать.

Его никто не зналъ. По всему было замѣтно, что это прохожіи. Откуда онъ? Съ юга; можетъ быть, съ моря. Онъ входилъ въ Д * по той самой улицѣ, по которой пришолъ, семь мѣсяцевъ тому назадъ, Наполеонъ, слѣдуя изъ Каннъ въ Парижъ. Онъ вѣрно шолъ цѣлый день, не отдыхая. Видно было, что онъ страшно усталъ. Женщины изъ пригородней слободы видѣли, какъ онъ, проходя черезъ нее, останавливался подъ тѣнью деревъ на бульварѣ Гассенди и пилъ изъ фонтана, что въ концѣ аллеи. Должно быть, жажда мучила его, потому-что ребятишки, которые слѣдили за нимъ, видѣли, что отойдя ша-

говъ двѣсти онъ опять останавливался и пилъ изъ фонтана на базарной площади.

Пройдя Шуашевскую улицу, онъ повернулъ налѣво и пошелъ къ ратушѣ. Вошелъ въ нее; черезъ четверть часа вышелъ. У дверей ратуши на той самой каменной скамьѣ, на которую становился 4 марта генералъ Друо, чтобъ прочесть смущеннымъ жителямъ Д * прокламацію съ Жуанскаго залива, сидѣлъ жандармъ. Прохожій снялъ шапку и низко поклонился ему.

Жандармъ, не отвѣчая на поклонъ прохожаго, пристально посмотрѣлъ на него; нѣсколько минутъ послѣдилъ за нимъ глазами и пошелъ въ ратушу.

Въ то время въ Д * былъ славный трактиръ, подъ вывѣской la Croix-de-Colbas. Содержателемъ этого трактира былъ нѣкій Жакенъ Лабаръ, человекъ пользовавшійся уваженіемъ въ городѣ по своему родству съ другимъ Лабаромъ, содержателемъ трактира *Трехъ Дофиновъ* въ Греноблѣ, служившимъ нѣкогда въ колонновожатыхъ. Во время высадки императора много рассказовъ ходило въ окрестности объ этомъ трактирѣ *Трехъ Дофиновъ*. Рассказывали, что въ январѣ часто бывалъ въ немъ генералъ Бертранъ, переодѣтый мужикомъ и раздавалъ солдатамъ кресты почетнаго легіона, а горожанамъ—наполеондоры горстями. Въ дѣйствительности же было только то, что императоръ, по пріѣздѣ въ Гренобль, отказался остановиться въ домѣ городского правленія; поблагодаривши мера, онъ сказалъ: *«Тутъ есть у меня знакомый, — добрый малый,—я у него остановлюсь»* и сталъ въ *Трехъ Дофинахъ*. Съ этого и началась слава Лабара *«Трехъ Дофиновъ»*, которая, распространившись на двадцать пять лѣтъ, озарила и Лабара Croix-de-Colbas. Въ городѣ, называя послѣдняго, говорили: *это двоюродный братъ того, что въ Греноблѣ*.

Къ этому-то трактиру, лучшему въ городѣ и направился прохожій. Онъ вошелъ въ кухню; входъ въ нее былъ прямо съ улицы. Нѣсколько очаговъ топились; большое пламя ярко пылало въ каминѣ. Хозяинъ, онъ же и поваръ, суетился, бросаясь отъ очаговъ къ плитѣ, онъ былъ страшно озабоченъ приготовленіемъ пышнаго обѣда для извозчиковъ, которые во все горло кричали и хохотали въ сосѣдней залѣ. Кто ѣзжалъ по дорогамъ, тотъ знаетъ, что никто не ѣстъ лучше извозчиковъ. Жирный мальчишка, обложенный бѣлыми куропатками и тетеревами, стоя передъ очагомъ, жарилъ на вертелѣ; на плитѣ жарились два жирные карпа изъ Лозетскаго озера, и форель изъ Аллозскаго.

Хозяинъ, услышавъ, что дверь отворилась и кто-то вошелъ, не спуская глазъ съ очаговъ и плиты, спросилъ:

— Что надо?

— Ъсть и спать, сказалъ прохожій.

— Сколько угодно, отвѣтилъ хозяинъ, обернулся, окинулъ съ ногъ до головы прохожаго и прибавилъ: «за деньги».

Прохожій вытащилъ изъ кармана блузы большой кожаный мѣшокъ и сказалъ:

— Деньги у меня есть.

— А въ такомъ случаѣ, къ вашимъ услугамъ, сказалъ трактирщикъ. Прохожій положилъ назадъ въ карманъ мѣшокъ, снялъ съ себя рашею, поставилъ его на полъ у дверей, пошелъ я, какъ былъ съ палкой въ рукѣ, сѣлъ на низенькой скамейкѣ у огня. Городъ Д^а лежитъ въ горахъ. Въ октябрѣ, по вечерамъ, въ немъ холодно.

Хозяинъ не переставалъ суетиться, но то и дѣло всматривался въ прохожаго.

— Что жь, скоро обѣдать?—спросилъ прохожій.

— Сейчасъ, отвѣтилъ хозяинъ.

Прохожій сидѣлъ спиной къ хозяину и грѣлся. Достопочтенный трактирщикъ Жакенъ Лабаръ вынулъ изъ кармана карандашъ, потомъ оторвалъ уголокъ отъ какой-то старой газеты, которая валялась на столѣ у окна. На полѣ этого клочка онъ написалъ строчки двѣ не больше, сложилъ его я, не запечатавъ, отдалъ мальчишкѣ, который былъ, кажется, у него вмѣстѣ и за поваренку и за слугу. Трактирщикъ шепнулъ что-то на ухо поваренку, и мальчишка пустился бѣгомъ по направленію къ ратушѣ.

Прохожій не видалъ ничего этого.

Онъ еще разъ спросилъ: — Да скоро ли же обѣдать?

— Сю минуту,—отозвался хозяинъ.

Мальчишка вернулся. Онъ принесть записку. Хозяинъ развернулъ ее торопливо, какъ обыкновенно развертываютъ интересующій отвѣтъ. Онъ со вниманіемъ прочиталъ записку, потомъ покачалъ головой и съ минуту простоялъ въ раздумьи. Затѣмъ, онъ сдѣлалъ шагъ къ прохожему, который, казалось, погруженъ былъ въ невеселую думу, и сказалъ ему:

— Пустить васъ къ себѣ я не могу.

Прохожій привсталъ со скамейки.

— Какъ? Что же вы боитесь, что я не заплачу? Или вы хотите, чтобъ я заплатилъ впередъ? Я сказалъ вамъ, что у меня деньги есть.

— Да не въ томъ дѣло.

— Въ чемъ же?

— Деньги у васъ есть...

— Да, сказалъ прохожій.

— Комнаты-то у меня нѣтъ, сказалъ хозяинъ.

— Пустите меня въ конюшню, хладнокровно сказалъ прохожій.

— Не могу.

— Отчего?

— Она полнехонька, тамъ лошади.

— Дайте, наконецъ, уголокъ въ сараѣ, пучекъ соломы. Да вотъ мы тамъ посмотримъ послѣ обѣда.

— Я и обѣдать не могу вамъ дать.

Слова эти, сказанныя не очень рѣзкимъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, рѣшительнымъ тономъ, озадачили незнакомца. Онъ всталъ.

— Какъ! Да я умру съ голоду. Я былъ въ пути съ восхода солнца. Я сдѣлалъ двѣнадцать льѣ. Я плачу. Я хочу ѣсть.

— Дать-то мнѣ вамъ нечего.

Прохожий разразился смѣхомъ и повернулся къ пантѣ и спрашиваетъ:—

— Почему! А это что?

— Это все заказано.

— Кѣмъ?

— Вотъ этими повощниками.

— Да ихъ сколько?

— Дѣвѣнадцать.

— А тутъ достанетъ на двадцать.

— Что нѣтъ этого? все-таки это все ихъ, они за все это ужъ и деньги заплатили.

Прохожий сѣлъ и преговорилъ съ полголоса:

— Я въ трактирѣ, я голоденъ и не выйду.

Тогда хозяинъ наклонился къ его уху и сказалъ ему тономъ, который заставлялъ его вздрогнуть:— Ступайте вонъ.

Прохожий, который сидѣлъ въ эту минуту, нагнувшись, и поправлялъ уголья въ печкѣ желѣзнымъ концемъ своей палки, тотчасъ обернулся, не только что онъ сталъ раскрывать ротъ, чтобъ отвѣчать, хозяинъ пристально поглядѣлъ на него и также въ полголоса прибавилъ:— Стойте, что молоть пустяки? Хотите, я скажу вамъ какъ васъ зовутъ? Ваше имя Жанъ Вальжанъ. Если хотите, я скажу вамъ и что вы за человѣкъ. Сначала, когда вы вошли, я еще не былъ вполне увѣренъ, я послалъ въ ратушу и вотъ что мнѣ отвѣтили. Умѣете вы читать?

Сказавъ это, онъ подалъ прохожему развернутый клочекъ бумаги, тотъ самый, который странствовалъ изъ трактира въ ратушу и изъ ратуши въ трактиръ. Прохожий взглянулъ на него. Трактирщикъ, молча въ тотъ же мигъ молчанія, продолжалъ:

— Я имѣю привычку со всѣми обходиться вѣжливо, и вамъ добромъ говорю: ступайте вонъ!

Прохожий понурилъ голову, взялъ ранецъ, который стоялъ на полу и вышелъ.

Онъ пошелъ по главной улицѣ, пошелъ, самъ не зная куда, вслѣдъ гонимъ дѣмовъ, какъ-будто крадучись, какъ человѣкъ, которому и стыдно, и больно. Онъ не обернулся ни разу. Еслибъ онъ обернулся, онъ увидѣлъ бы трактирщика, который, стоя на крыльцѣ своего la Croix-de-Solbas, собравши вокругъ себя всѣхъ, кто только былъ въ его трактирѣ, и всѣхъ проходившихъ мимо, указывалъ на него пальцемъ и съ жаромъ рассказывалъ что-то; и, по недовѣрчивымъ и страннымъ взглядамъ людей этой группы, онъ отгадалъ бы, что еще нѣсколько минутъ—и его прибытіе сдѣлается событіемъ для пѣлаго города.

Онъ не видалъ ничего этого. Тотъ же оглядывается, у кого нѣтъ ничего назади, кромѣ горя. Тотъ слишкомъ увѣренъ и безъ того, что своя судьба не отстанетъ отъ него.

Забывши на нѣкоторое время усталость, какъ это бываетъ съ людьми, которымъ грустно, онъ все шольѣ бродилъ изъ улицы въ улицу по незнакомому городу. Вдругъ онъ опять почувствовалъ голодъ. Смеркалось. Онъ взглянулъ кругомъ, ница глазами—куда бы можно было прятаться.

Нарядный трактиръ заворотъ для него, онъ смотрѣлъ—нѣтъ ли гдѣ хоть какой-нибудь самой невзрачной харчевни, какой-нибудь хоть самой дрянной норы.

Какъ разъ огонекъ блеснулъ въ концѣ улицы; сосновая вѣтка на желѣзномъ шестѣ чернѣла тамъ на бѣломъ, какъ обыкновенно въ сумерки, небѣ. Онъ пошелъ въ ту сторону.

Это была, дѣйствительно, харчевня, та самая, что на Шафотской улицѣ.

Онъ не сразу вошелъ въ нее, онъ посмотрѣлъ въ окно на низенькую залу харчевни, освѣщенную маленькою столовою лампою и огнемъ, пылавшимъ въ печи. Нѣсколько человѣкъ сидѣли и пили. Хозяинъ грѣлся у печки. Въ печи, надъ самымъ пламенемъ, капѣль чугуна.

Въ эту харчевню, бывшую тоже чѣмъ то въ родѣ трактира, было два входа. Одинъ съ улицы, другой съ маленькаго двора, заваленнаго навозомъ.

Прохожій не рѣшился войти съ улицы, онъ шмыгнулъ во дворъ, еще постоялъ немного, потомъ робко поднялъ щеколду и сталъ отворять дверь.

— Кто тамъ? спросилъ хозяинъ.

— Человѣкъ, который хочетъ поужинать и переночевать.

— Отлично. Задѣсь и поужинать, и переночевать можно,

Онъ вошелъ. Взоры всѣхъ присутствовавшихъ обратились на него. Онъ былъ освѣщенъ съ одной стороны лампой, съ другой—огнемъ изъ печи. Онъ сталъ скидывать съ себя свой рюкзакъ, а его все еще оглядывали.

Хозяинъ сказалъ ему: — Вотъ вамъ печка. Ужинъ варится тутъ, вотъ, въ чугунахъ. Идите, погрѣйтесь.

Онъ сѣлъ передъ очагомъ. Онъ протянулъ свои ноги, которыя мозжили отъ усталости. Славный запахъ вылеталъ изъ чугуна. Все, что можно было въ эту минуту прочесть на его лицѣ, закрытомъ до половины козырькомъ фуражки, то это только то, что къ тѣмъ рѣзкимъ чертамъ его, которыя провели по немъ долгое страданіе, примѣшалось смутное выраженіе чего-то, похожаго на довольство.

Профиль его былъ строгъ, дышалъ энергіею и скорбью. Странныя черты были смѣшаны на этомъ лицѣ; съ перваго взгляда оно казалось кроткимъ и напоследокъ грознымъ. Глаза его сверкали изъ-подъ бровей, какъ огонь изъ-подъ хворосту.

Однако, въ залъ за столомъ, въ числѣ другихъ, сидѣлъ рыбный торговецъ, который, прежде чѣмъ зашелъ въ харчевню на Шафотской улицѣ, побывалъ у Лабара, къ которому на конюшню поставилъ свою лошадь. Онъ, поутру, ѣдучи верхомъ, видѣлъ, какъ этотъ самый прохожій, показавшійся ему очень подозрительнымъ, тащился вѣшномъ по дорогѣ между Bras d'Asse и... позабылъ названіе, кажется, Эскублономъ. Прохожій, тогда ужъ казавшійся страшно усталымъ, не просился сѣсть позади его на его лошадь, но торговецъ, вмѣсто отвѣта, ударилъ по лошади и ускакалъ. Полчаса тому назадъ, этотъ торговецъ слушалъ вмѣстѣ съ другими Жакена Лабара, и самъ, между

прочитъ, рассказалъ всѣмъ собравшимся у la Croix-de-Colbas о своей несприятной встрѣчѣ поутру.

Никто не замѣтилъ, какъ онъ сдѣлалъ знакъ хозяйшю харчевни. Тотъ подошелъ къ нему. Они пошептались. Прохожій думалъ свою крѣпкую думу.

Хозяинъ харчевни подошелъ къ очагу, и, дерзко ударивъ прохожаго по плечу, сказалъ ему:

— Подж-ка, братъ, ты, вонъ отсюда.

Прохожій оглянулся и тихо сказалъ:—А! вы знаете?...

— Да, знаю.

— Меня ужъ выгнали изъ одного трактира.

— Прогонять и отсюда.

— Куда жъ мнѣ дѣваться?

— Куда знаешь.

Прохожій взялъ палку, рывецъ и вышелъ.

Едва онъ показался на улицу, изъ кучи мальчишекъ, слѣдовавшихъ за нимъ отъ самаго la Croix-de-Colbas и, кажется, поджидавшихъ его, полетѣли въ него камешки; онъ сердито вернулся и погрозилъ имъ палкой; мальчишки разсыпались, какъ спугнутая стая птицъ.

Онъ шелъ мимо тюрьмы. У воротъ висѣлъ колоколь съ цѣпью у языка. Онъ позвонилъ.

Отворилась калитка.

— Нельзя ли здѣсь переночевать?—спросилъ онъ тюремнаго сторожа, отвѣсивъ низкій поклонъ.

Тотъ отвѣчалъ:

— Тюрьма не трактиръ. Присудятъ—впустимъ.

Калитка заперлась.

Онъ пошелъ, повернулъ въ маленькую улицу, по обѣимъ сторонамъ которой чуть не сплошь тянулись сады. Сады эти, огороженные, по большей части, рѣшетками, придавали улицѣ веселый видъ. Между этихъ садовъ и рѣшетокъ онъ увидалъ одноэтажный домикъ и въ сквѣ огонь. Опять онъ посмотрѣлъ сначала въ окно. Онъ увидалъ большую выбѣленную комнату, въ ней кровать съ одѣяломъ изъ набивнаго ситца; люлька въ углу, нѣсколько деревянныхъ стульевъ, дуцвольное ружье на стѣнѣ. Посреди комнаты былъ накрытъ столъ. Мѣдная лампа освѣщала толстую бѣлую холщевую скатерть, оловянный кувшинъ съ виномъ, который блестѣлъ какъ серебряный, и миску темнаго цвѣта, изъ которой вылеталъ паръ. За столомъ сидѣлъ человекъ лѣтъ сорока съ веселымъ, открытымъ лицомъ; онъ игралъ съ малявкой, который прыгалъ у него на колѣняхъ. Около него со свѣтъ молодая женщина кормила грудью другого малявку. Отецъ хотѣлъ, хотѣлъ малявка, мать улыбалась.

Прохожій задумался на минуту надъ этой милой, успокоительно дѣйствующей на зрителя картиной. Что прошло по душѣ его? Отвѣтить на это могъ бы только одинъ онъ. Онъ подумалъ, вѣроятно, что въ этомъ смѣющемся домикѣ онъ найдетъ гостепріимныхъ хозяевъ, что тутъ, гдѣ, повидимому, столько счастья, можно, кажется, рассчитывать на состраданье.

Онъ слегка постучалъ въ окно.

Никто не услышалъ.

Онъ постучалъ во второй разъ.

Послышалася женскій голосъ: «Другъ мой, кажется, стучатся.»

— Нѣтъ,— отвѣтилъ мужъ.

Онъ постучалъ въ третій разъ.

Мужъ всталъ, взялъ лампу, пошелъ и отперъ дверь.

Это былъ человѣкъ высокаго роста, не то крестьянинъ, не то мастеровой. На немъ былъ широкій кожаный фартукъ, начинавшійся отъ самой шеи и подпоясанный на животѣ. За поясомъ, застѣвавшимъ ему карманъ, были заткнуты: красный платокъ, пороховница, молотокъ и разныя разности. Онъ откинулъ голову назадъ; широкій отложной воротъ его рубашки позволялъ разглядѣть его воловью шею, бѣлую и голую. У него были густыя брови, огромные черные бакенбарды, вымученные глаза, нижняя часть лица чисто свинчатая и на всякъ печатъ той особенной, свойственной только хозяевамъ, важности.

— Извините, сказалъ прохожій. Что, можете вы дать мнѣ за деньги тарелку супу и для ночлега уголь въ томъ сараѣ, что въ саду? Скажите, можете? За деньги?

— Кто вы такой? спросилъ хозяинъ дома.

Прохожій отвѣчалъ: — Я изъ Шюш-Муассона. Я цѣлый день шелъ пѣшкомъ. Я сдѣлалъ двѣнадцать льѣ. Можете? За деньги.

— Отчегожь, отвѣтилъ хозяинъ, не пустять за деньги? Въ харчевню что не идете?

— Мѣста нѣтъ, всѣ заняты.

— Что вы? Не можетъ быть. Теперь не ярмарочное время, не базарный день. Были вы у Лабара?

— Былъ.

— Ну, что жъ?

Прохожій, смутившись, отвѣчалъ:— Не знаю, не пустили.

— А тамъ, въ Шафотской улицѣ?

Смуженіе прохожаго росло: онъ пробормоталъ:— И тамъ не пустили.

Лицо хозяина приняло медовѣрчивый видъ; онъ оглянулъ прохожаго съ ногъ до головы и вдругъ, содрогнувшись, закричалъ:

— Да вы тотъ самый?...

Онъ снова оглянулъ прохожаго, сдѣлалъ три шага назадъ, всталъ на столъ лампу и снялъ со стѣны ружье.

При словахъ хозяина: *да вы тотъ самый?* жена его соскочила со стула, взяла на руки обѣихъ малютокъ и тотчасъ же сироталась за мужа; перепуганная, съ обнаженной грудью, съ изумленными глазами, она уставилась на прохожаго, шепча: «каторжникъ!»

Все это произошло гораздо быстрѣе, чѣмъ сколько нужно чтобы разсказать это. Хозяинъ дома нѣсколько секундъ поглядывалъ на прохожаго тѣми глазами, какими смотрять на какую-нибудь адамскую гадину, подступилъ къ двери и сказалъ:

— Возьмъ!

— Ради Христа, стаканъ воды,— сказалъ прохожій.

— Пулю въ лобъ,—сказалъ хозяинъ.

Прохожій слышалъ, какъ заперали за нимъ дверь и загонывали тяжелыя задвижки; минутою спустя, закрылись изнутри ставни въ окна и на улицѣ былъ слышенъ стукъ желѣзнаго болта.

Становилось темнѣй и темнѣй. Дулъ холодный альпійскій вѣтеръ. При слабомъ свѣтѣ еще несовсѣмъ погухшей зари, онъ замѣтилъ въ одномъ изъ садовъ, тянувшихся по улицѣ, что то похожее на шалашъ, обложенный деревомъ. Долго не думая, онъ перелѣзъ черезъ заборъ въ садъ. Подошелъ къ шалашу; входомъ въ него служило очень низкое отверстіе; вообще, весь шалашъ походилъ на тѣ, какіе дѣлаютъ себѣ караульщики въ полѣ, сторожа при дорогахъ. Онъ, разувѣтся, подумалъ, что это и въ самомъ дѣлѣ одна изъ такихъ караулокъ. Онъ чувствовалъ и холодъ и голодъ. Голода онъ не удовлетворилъ, но, по-крайней-мѣрѣ, нашолъ хоть куда укрыться отъ холоду. Эти шалашы обыкновенно бывають вусты по ночамъ. Онъ легъ и ползкомъ залѣзъ въ шалашъ. Въ немъ было тепло, мягко спать: соломы довольно. Онъ растянулся, обрадовавшись такой постели; онъ такъ усталъ, что съ минутою не могъ пошевелиться. Ранецъ на спинѣ кивалъ ему, а, между тѣмъ, могъ бы, какъ нельзя лучше, замѣнить подушку; сообразивши это, онъ приподнялся и началъ отстегивать ранецъ. Въ эту самую минуту послышался около него густой лай собаки. Онъ поднялъ глаза. Въ отверстіе шалаша глядѣла голова огромнаго бульдога.

Прохожій занялъ собачью конуру.

Онъ могъ сладить хоть съ кѣмъ, хоть кого напугать; онъ вооружился своей дубиной, изъ ранца сдѣлалъ себѣ щитъ и кой-какъ вылѣзъ, пошатываясь, впрочемъ, одежей, которую порвалъ еще больше.

Онъ вышелъ изъ сада тѣмъ же путемъ, которымъ и вошелъ въ него, но принужденный, для того, чтобъ держать собаку въ почти-тельномъ отдаленіи отъ себя, пятиться вплоть до самаго забора и дѣлать своей палкой тотъ маневръ, который у учителей этого рода фехтованія извѣстенъ подъ именемъ *la gosse couverte*.

Наконецъ, когда ему удалось, не безъ труда, опять перелѣзть черезъ заборъ, и когда онъ снова очутился на улицѣ одинъ, подъ открытымъ небомъ, безъ крова, согнанный даже съ соломы, съ этой постели, которую онъ нашелъ было въ жалкой собачьей конурѣ, онъ не сбѣлъ, а скорѣе упалъ на камень, и человекъ, который проходилъ въ эту минуту мимо, слышалъ, кажется, какъ онъ сказалъ: «собака—я та счастливѣе меня!»

Онъ вскорѣ всталъ и опять пустился въ путь. Онъ вышелъ изъ города, рассчитывая въ полѣ найти пріютъ гдѣ-нибудь около дерева или подъ стогомъ.

Онъ шелъ довольно долго, понуривъ голову. Наконецъ, когда онъ замѣтилъ, что уже никакого человѣческаго жилья невидано и неслышно, то приподнялъ голову и оглядѣлся. Онъ былъ среди поля; передъ нимъ былъ одинъ изъ тѣхъ невысокихъ холмовъ, которые, по святин бывшей на нихъ жатвы, походятъ, на выбритыя головы.

Горизонтъ былъ совсѣмъ черный, нестолько потому что была ночь,

сколько отъ тучъ, которыя ходили такъ низко, что, казалось, касались небольшихъ пригорковъ и, подымаясь, застилали все небо. Впрочемъ въ самомъ верху его оставался клочокъ блѣднаго свода, освѣщеннаго луной, спрятавшеюся за тучами и послѣднимъ отблескомъ зари; изъ этого отверстія и падалъ слабый свѣтъ на землю.

На землѣ, такимъ образомъ, было свѣтлѣе, чѣмъ на небѣ; это придавало всему особенно зловѣщій видъ; жалкій контуръ блѣднаго, голаго холма рѣзко выдавался изъ темнаго фона. Кругомъ все казалось чудовищно, уныло, сжато. Ни въ полѣ, ни на холмѣ ни одного дерева, кромѣ того, которое уродливо торчало въ нѣсколькихъ шагахъ отъ прохожаго, корчась и дрожа.

Прохожій, очевидно, вовсе не имѣлъ ни въ душѣ, ни въ умѣ, того тонкаго чутья, которымъ понимается таинственный ликъ природы; но въ этомъ небѣ, въ этомъ холмѣ, въ этой равнинѣ и въ этомъ деревѣ было столько отталкивающаго, что даже и онъ хоторонилась вернуться. Бываюгъ, кажется, минуты, когда и природа смотритъ враждебно.

Онъ пошелъ назадъ въ Д^а. Городскія ворота онъ нашелъ запертыми. Въ 1815 году не была еще сломана ветхая каменная стѣна съ четырехугольными башнями по угламъ, которою обнесенъ былъ нѣкогда городъ Д^а, выдержавшій нѣсколько осадъ во время религиозныхъ войнъ. Прохожій нашелъ брешь въ стѣнѣ и опять очутился въ городѣ.

Было, должно быть, часовъ восемь, и когда онъ пришелъ на соборную площадь, то началъ опять бродить наудачу.

Онъ миновалъ ратушу, семинарію. Проходя по соборной площади, онъ погрохался кулакомъ на церковь.

Въ одномъ изъ угловъ этой площади была типографія, та самая, гдѣ печатались впервые тѣ прокламаціи императора и его гвардіи къ воикамъ, которыя привозились съ острова Эльбы, писанныя со словъ самого Наполеона.

Усталый до нелѣзъ, потерявши всякую надежду, онъ легъ на кучу камней у дверей этой типографіи.

Какая-то старушка, идя изъ церкви, увидала его, растянувшагося въ темномъ углу.

— Что вы тутъ дѣлаете, мой милый? спросила она его.

Онъ отвѣчалъ грубо, съ сердцемъ:— Видите, почтенная, спать легъ.

Эта женщина, въ самомъ дѣлѣ почтенная, была маркиза Р.

— На голой-то скамьѣ?— спросила она.

— Я восемнадцать лѣтъ спалъ на голыхъ доскахъ, попробую сегодня на голыхъ камняхъ.

— Вы, вѣрно, были въ солдатахъ?

— Да, матушка, былъ въ солдатахъ.

— Что бы вамъ пойти въ харчевню?

— Денегъ нѣтъ.

— Какая досада! сказала г-жа Р, что у меня въ кошелькѣ всего четыре су.

— Мнѣ и это годится.

Прохожіи взяли четыре су. Г-жа Р. продолжала:

— За четыре су васъ не пустять въ харчевню. Да вы пробовали проситься на ночлегъ? Провести ночь такъ, какъ вы собрались, это ни на что не похоже. Вы, вѣрно, и озябли, и голодны. Васъ бы, кажется, и даромъ можно было пустить.

— Я пробовалъ стучаться вездѣ.

— Ну и что жъ?

— Вездѣ прогоняли.

«Почтенная женщина» тронула за руку прохожаго и указала ему на низенькій домикъ, на противоположной сторонѣ площади возлѣ дома епископа.

— Вы говорите, — начала она, — что вездѣ стучались?

— Да.

— А въ ту дверь стучались?!

— Нѣтъ.

— Такъ постучитесь.

II

Благоразуміе, внушаемое мудростью.

Въ этотъ самый вечеръ, епископъ города Д*, послѣ прогулки по городу, просидѣлъ дольше обыкновеннаго, запершись въ своемъ кабинетѣ. Онъ былъ занятъ большимъ трудомъ «Объ обязанностяхъ», который, къ сожалѣнію, остался неоконченнымъ. Онъ старательно собралъ все, что только говорили объ этомъ важномъ предметѣ отцы и учителя церкви. Книга его раздѣлялась на двѣ части: въ первой говорилось объ обязанностяхъ общихъ для всѣхъ, во второй объ особенныхъ обязанностяхъ каждаго, смотря по разряду, къ которому онъ принадлежитъ. Общія всѣмъ обязанности—великія обязанности. У св. Маттея онѣ слѣдующія: обязанности къ Богу (Мате. VI), къ самому себѣ (Мате., V, 29, 30), къ ближнему (Мате., VII, 12), къ тварямъ (Мате., VI, 20, 25). Остальныя же обязанности исчислялись и вѣнялись другими: обязанности государей и подданныхъ епископъ нашелъ въ Посланіи къ Римлянамъ; судей, женъ, матерей, юношей — у св. Петра; мужей, отцевъ, дѣтей и слугъ въ посланіи къ Евреямъ; обязанности вѣрующихъ въ Посланіи къ Евреямъ; дѣвъ въ Посланіи къ Коринтянамъ. Изъ всѣхъ этихъ выписокъ онъ вырабатывалъ стройное цѣлое, которымъ хотѣлъ подарить людей.

Въ восемь часовъ, когда г-жа Маглуаръ вошла въ его комнату, по обыкновенію, чтобъ вынуть серебро изъ шкапчика надъ кроватью, онъ еще работалъ; сидя не совсѣмъ-то удобно съ раскрытой толстой книгой на колѣняхъ, онъ писалъ что-то на маленькихъ листочкахъ. Немного спустя, вспомнивъ, что столъ уже накрытъ и что сестра, можетъ быть, ждетъ его, онъ закрылъ книгу, всталъ изъ-за стола и вышелъ въ столовую.

Столовая, какъ мы сказали, была продолговатая комната съ каминомъ, съ дверью на улицу и съ окномъ въ садъ.

Г-жа Маглуаръ, дѣйствительно, накрыла уже на столъ.

Исправивъ свое дѣло, она болтала съ Баптистиною.

На столѣ стояла лампа; столъ былъ придвинутъ къ камину, въ которомъ былъ разведенъ порядочный огонь.

Нетрудно представить себѣ этихъ двухъ женщинъ, изъ которыхъ каждой было за шестьдесятъ. Маглуаръ низенькая, толстая, живая; Баптистина тихая, тоненькая, слабая, ростомъ немного повыше брата, въ шолковомъ платьѣ пюс-ваго цвѣта, купленномъ ею въ Парижѣ въ 1806 году. Говоря языкомъ простонародья, который имѣетъ то преимущество, что часто однимъ мѣткимъ словомъ выражаетъ мысль, на которую у насъ не достало бы страницы, Маглуаръ выглядела *мужичкой*, а Баптистина *барыней*. На Маглуаръ былъ бѣлый чепчикъ съ оборками, на шеѣ золотая цѣпочка, единственная драгоценная вещь изъ дамскаго туалета въ домѣ; косынка неизмѣрной бѣлизны, концы которой были засунуты подъ воротъ грубаго шерстяного чернаго платья съ широкими и короткими рукавами; шерстяной фартукъ съ красными и зелеными клѣтками, державшійся на зеленомъ поясѣ, одного цвѣта съ фартукомъ къ поясу былъ пришитъ нагрудникъ, приколотый сверху двумя булаваками; на ногахъ грубые башмаки и желтые чулки, какіе носятъ марсельскія женщины. Платье дѣвятицъ Баптистины было сшито фасономъ 1806 года: лифъ короткий, юбка узкая, рукава со сборками на плечахъ и съ пуговицами. Она скрывала свои сѣдые волосы и носила парикъ съ прической à l'enfant. Лицо Маглуаръ было смышленное, доброе, съ бойкими глазами. Ротъ ея всегда нѣсколько скривленный и верхняя губа, бывшая тонко нижней, придавали нѣсколько сердитое и повелительное выраженіе ея лицу. Покуда монсеньоръ молчалъ, она смѣло говорила съ нимъ, хотя всегда съ полнѣйшимъ уваженіемъ, но какъ только монсеньоръ раскрывалъ ротъ, она вся обращалась въ благоговѣніе и слухъ, какъ и Баптистина. Баптистина вовсе не говорила съ нимъ. Она только слушала и угождала. Она не была красива даже въ молодыхъ годахъ; у нея были большіе голубые глаза навывкатѣ; носъ длинный; но все ея лицо, вся она дышала безконечною добротою. Она съ дѣтства была кротка но съ лѣтами упеваніе, вѣра, любовь къ ближнимъ — эти три добродѣтели, которыя незамѣтно согрѣваютъ душу, возвели въ ней эту кротость на степень святости. Природа сдѣлала изъ нея агида, а религія — ангела. Вѣдная святая дѣвупка! Милая, исчезнувшая тѣнь!

Баптистина такъ много рассказывала послѣ о томъ, что произошло въ этотъ вечеръ, что многіе изъ тѣхъ, которые остались еще въ живыхъ, помнятъ изъ ея разказа до сихъ поръ все до мельчайшихъ подробностей.

Въ то время, какъ вопель епископъ, Маглуаръ съ особеннымъ воодушевленіемъ говорила о чемъ-то. Она говорила съ *барыней* о предметѣ очень близкомъ для нея, не новомъ и для епископа. Дѣло шло о щекотѣ у дверей съ улицы.

Видно было, что Маглуаръ, выходящая изъ дому за кой-какой прощизней для ужица, цахлталась разныхъ новостей. Она толковала и

какомъ-то подозрительномъ бредѣ, который плыветъ по городу, и что, пожалуй, какъ бы чего не случилось въ сегодняшнюю ночь съ тѣми, которые вздумаютъ рано возвращаться домой, что полиція ни за тѣмъ не смотритъ, потому-что префектъ и меръ враги между собою, и, стараясь напакастить другъ другу, сами способствуютъ всякому скандалу, что, стало быть, умнымъ людямъ самимъ надо взять на себя полицію и держать ухо востро, смотрѣть, чтобъ ворота ставни, жалюзи — все было на замокъ, а главное *запирать хорошенько двери.*

Маглуаръ произнесла послѣднія слова съ особеннымъ удареніемъ, но епископъ не обратилъ на нихъ вниманія; по выходѣ изъ кабинета гдѣ онъ немного прозябъ, онъ сѣлъ передъ каминомъ, сталъ грѣться, да и голова его была занята не тѣмъ. Онъ промолчалъ на тѣ знаменательныя слова, которыя вырвались у Маглуаръ. Она повторила ихъ. На этотъ разъ Баптистина, желая утѣшить Маглуаръ, не досаждая брату, осмѣлилась сказать робко:

— Слышите, братъ, что сказала Маглуаръ?

— Слышалъ, да не совѣмъ ясно, — отвѣтилъ епископъ. Вслѣдъ за этимъ онъ повернулся бокомъ, уперся руками въ колѣни и, поднавши къ старой служакѣ свое добродушное, отчасти веселое, лицо, освѣщенное снизу пламенемъ камина, сказалъ: — Да. Ну такъ что? Какъ же? Какая-то страшная опасность грозитъ намъ?

И Маглуаръ начала сначала всю исторію, съ намѣреніемъ преувеличивая ее мѣстами. Судя по ея словамъ, какой-то точно—цыганъ, подозрительный оборванецъ, похожій на нищаго появился въ городѣ; онъ просился было на ночлегъ къ Лабару, тамъ его непустили. Видѣли, что онъ пришелъ съ бульвара Гассенди и бродилъ по улицамъ въ сумеркахъ. Страшный, точно съ висѣлицы.

— Въ самомъ дѣлѣ? спросилъ епископъ.

Маглуаръ ободрило то, что ее удостоили переспросомъ; это значило, по ея мнѣнію, что рассказъ ея встревожилъ епископа. Торжествуя, она продолжала:

— Да, монсиньоръ, это вѣрно. Ужь случится что-нибудь недоброе въ городѣ сегодня ночью. Всѣ ждуть. Все отъ того, что полиція у насъ плохая. (Это полезно повторять почаще). Живемъ въ горахъ, а ни одного фонаря на улицахъ! Выйдемъ-то и дѣло ямы съ известкой на улицахъ. Помилуйте! Я вотъ говорила барышнѣ, онѣ во всемъ согласны....

— Нѣтъ, возразила сестра, я ничего не говорила. Братъ мой худю не сдѣлаетъ.

Маглуаръ, будто не слыша этого заявленія, продолжала:

— Мы говорили насчетъ того, что домъ этотъ не совѣмъ безопасенъ. Если позволите, я сбѣгаю позову слесаря Павлина Мюзбуа: онъ пускай прибѣдетъ опять задвижки къ дверямъ; онѣ цѣлы; это одна минута; а безъ задвижекъ, монсиньоръ, нельзя; хоть на одну сегодняшнюю ночь прибить ихъ. Подумайте, сколько опасности съ дверью на улицу, всегда отщербой, долго-ли поднять щеколду; особенно, какъ вы всѣхъ пускаете, да мало этого, всякій и самъ хоть средь ночи — Царь ты мой, небесный! — можетъ войти...

Въ эту минуту кто-то сильно постучался.

— Войдите, сказалъ епископъ.

III.

Героизмъ безмолвнаго повиновения.

Дверь отворилась.

Она отворилась шибко, настѣжь: видно было, что ее отворялъ чловѣкъ сильный и неробкій, который тотчасъ же и вошелъ.

Онъ намъ ужъ знакомъ. Это тотъ самый прохожій, который бродилъ недавно, какъ мы видѣли, ница крова.

Онъ вошелъ, сдѣлалъ шагъ впередъ, не затворивъ за собою двери, и остановился. Съ ранцемъ за плечами, съ палкой въ рукѣ, суровый, дерзкій, измученный на видъ, съ свирѣпымъ взглядомъ. Страшная зловѣщая фигура!

У Магдуаръ отнялся языкъ. Она вздрогнула и замерла съ раздутымъ ртомъ.

Баптистина оглянулась, увидѣла—кто вошелъ и привстала отъ испуга, потомъ она робко повернулась опять лицомъ къ камину и начала смотрѣть на брата и увидала его ясное и спокойное лицо.

Епископъ безъ малѣйшаго смущенія остановилъ свой взглядъ на прохожемъ.

Прохожій, взойдя, оперся обѣими руками на свою палку, окинулъ взглядомъ старика и женщину и только-что епископъ сталъ раскрывать ротъ, вѣроятно, для того, чтобы спросить, что ему нужно, онъ, не дожидаясь вопроса, самъ началъ своимъ громкимъ голосомъ:

— Вотъ что. Я Жанъ Вальжанъ. Я каторжникъ. Деятнадцать лѣтъ я пробылъ на галерахъ. Четыре дня, какъ меня освободили и послали въ Понтралье, куда я и иду. Четыре дня какъ я изъ Тулона. Сегодня я сдѣлалъ пѣшкомъ двѣнадцать лѣбъ. Вечеромъ, придя сюда въ городъ, я зашелъ въ трактиръ; — меня выгнали, узнавши о моемъ желтомъ паспортѣ, который я предъявлялъ въ ратушѣ. Что сдѣлаешь? Я пошелъ въ другой, закричали: «вонъ!» Я къ третьему, туда, сюда—никто не пустилъ меня. Я въ тюрьму—не отперли и тутъ. Я въ конуру собачью—собака, точно чловѣкъ, кинулась на меня и выгнала: точно и она знала кто я. Я вышелъ въ поле, чтобы лечь подъ открытымъ небомъ—небо было мрачно. Я видѣлъ что собираются тучи, я недумалъ, что Богъ сжалится на до мной и помѣшаетъ дождю и я опять вернулся въ городъ, думая приютиться гдѣ-нибудь хогъ подлѣ воротъ. Я легъ было тамъ, въ томъ концѣ площади на камняхъ, но какая-то добрая женщина, указавъ на вашъ домъ, сказала мнѣ: «ступай, постучись вонъ тамъ». Я постучался. Да что здѣсь? трактиръ что ли? Деньги у меня есть, я накопилъ. Деятнадцать лѣтъ пробывши на галерахъ, я выработалъ сто девять франковъ пятнадцать су. Я заплачу. Чего-жъ еще? Пройди двѣнадцать лѣбъ пѣшкомъ не шутка, я страшно усталъ и голоденъ. Что-жъ, оставаться, или прочь идти?

— Госпожа Маглуаръ, сказалъ епископъ, вы поставьте еще при боръ.

Прохожій сдѣлалъ три шага и остановился у лампы, стоявшей на столѣ:

— Стойте—прибавилъ онъ, не умѣя взять въ толкъ того, что услышалъ. — Погодите! Да вы поняли-ли въ чемъ дѣло? Я ссыльный, я каторжникъ, я прямо съ галеръ.

Съ этими словами, онъ вынулъ изъ кармана и развернулъ большой желтый листъ.

— Вотъ мой паспортъ, видите? желтый. Это для того, чтобъ меня гнали отсюда. Угодно вамъ прочесть? Да я и самъ умѣю, въ ссылькѣ выучился. Тамъ есть школа для тѣхъ, кто пожелаетъ. Слушайте, что сказано въ паспортѣ: «Жанъ Вальжанъ, освобожденный каторжникъ, родомъ изъ...» ну, да для васъ это все равно...—«въ каторгѣ былъ девятнадцать лѣтъ. Пять лѣтъ за воровство со взломомъ. Четырнадцать лѣтъ за то, что четыре раза пытался бѣжать. Человѣкъ очень опасный». Вотъ. Меня выгоняли, выгоняли. Такъ пустите вы меня или нѣтъ? Вѣдь это трактиръ? Можно ночевать и поужинать? Вѣсть у васъ конюшня?

— Госпожа Маглуаръ, сказалъ епископъ,—постелите чистое бѣлье и одѣяло на ту кровать, что за занавѣсками.

Мы уже говорили о томъ до какой степени послушны были обѣ женщины.

Маглуаръ вышла, чтобъ исполнить приказаніе.

Епископъ обратился къ прохожему.

— Садитесь, милостивый государь, и обогрѣйтесь. Сію минуту подадутъ ужинъ, отужинаемъ и постель вапа будетъ готова.

Только въ эту минуту прохожій ясно понялъ, въ чемъ дѣло. Выраженіе его лица, до-сихъ - поръ мрачнаго и суроваго, совершенно измѣнилось отъ изумленія, боязни и радости и сдѣлалось какое то странное. Онъ забормоталъ, какъ помѣшанный.

— Въ самомъ дѣлѣ! Какъ, вы пускаете меня? вы не гоните меня, каторжника! называете меня *милостивый государь*, не тыкаете! не кричите какъ другіе: вонъ, собака! Я былъ увѣренъ, что вы меня прогоните, тѣмъ больше, что я съразу сказалъ вамъ кто я. О! спасибо этой доброй женщинѣ, которая указала мнѣ сюда дорогу! Я буду ужинать! постель съ тюфякомъ, съ одѣяломъ! Не хуже другихъ! постель! Девятнадцать лѣтъ я не спалъ въ постели! Такъ вы положительно не хотите, чтобъ я ушелъ? Вы достойный человѣкъ. Впрочемъ, у меня есть деньги, я хорошо заплачу вамъ. Винавать, господинъ хозяинъ, ваше имя? Я заплачу, сколько бы это ни стоило. Вы человѣкъ съ душой. Вы трактирщикъ— да?

— Я здѣшній священникъ, отвѣтилъ епископъ.

— Священникъ! подхватилъ прохожій. О! добрый же вы священникъ! такъ вы и денегъ съ меня не возьмете? Приходскій, да? вѣрно этой большой церкви? Смотрите, какой я дуракъ, въ самомъ дѣлѣ! я и не вижу, что на васъ скуфья.

Разговаривая, онъ снялъ съ себя ранецъ и, вмѣстѣ съ палкой, по-

ставилъ въ уголъ, положилъ опять въ карманъ свой паспортъ и сѣлъ. Баптистина кротко смотрѣла на него. Онъ продолжалъ:

— Видно, что вы человѣколюбивы, господинъ священникъ: вы никакъ не гнушаетесь. Такой доброй священникъ — кладъ. Такъ вамъ не надо денегъ?

— Нѣтъ, сказалъ епископъ, — берегите ваши деньги. А много ихъ у васъ? Вы, кажется, сказали сто-девять франковъ.

— И пятнадцать су, добавилъ прохожій.

— Сто-девять франковъ и пятнадцать су. А сколько времени ушло на то, чтобъ ихъ заработать?

— Девятнадцать лѣтъ.

— Девятнадцать лѣтъ!

Епископъ глубоко вздохнулъ.

Прохожій продолжалъ: — У меня покуда цѣлы еще всѣ деньги. Въ четыре дня я израсходовалъ всего только двадцать-пять су, которые получилъ въ Грассѣ за то, что помогалъ разгружать телеги. Вамъ, какъ духовному лицу, я долженъ сказать, что у насъ на галерахъ тоже были священникъ; потомъ какъ-то разъ служилъ у насъ и епископъ; то, что называютъ монсиньоромъ. Онъ былъ епископомъ въ Марсели, священникъ надъ священниками. Понимаете? Извините, я не умѣю этого хорошенько рассказать; для меня это темный лѣсъ. Вы знаете нашего брата. Онъ служилъ обѣдно у насъ; онъ стоялъ за престоломъ; на головѣ у него была заостренная золотая штука. Она блестяла на солнцѣ. Мы стояли съ трехъ сторонъ рядами. Намъ дурно было видно изъ за пушекъ, которыя стояли передъ нами. Онъ говорилъ проповѣдь, но на такомъ дальнемъ разстоянн отъ насъ, что ничего не было слышно. Это-то вотъ и есть епископъ.

Во время этого разсказа, епископъ вставалъ, чтобъ затворить дверь, которая все стояла настежь.

Вошла Маглуаръ. Она принесла и поставила на столъ третій приборъ.

— Госпожа Маглуаръ, — сказалъ епископъ, — поставьте этотъ приборъ какъ можно ближе къ камину. — Потомъ онъ обратился къ своему гостю: — Въ Альпахъ по ночамъ бываетъ жестокий вѣтеръ. Вы, милостивый государь, навѣрно озябли?

Каждый разъ, когда онъ говорилъ своимъ отчасти важнымъ, но дружескимъ тономъ *милостивый государь*: лицо прохожаго сіяло. Каторжнику «милостивый государь» это все равно, что стаканъ воды умирающему отъ жажды. Жалкое жадно до почета.

— Вотъ лампа-то у насъ что-то тускло свѣтитъ, — проговорилъ епископъ.

Маглуаръ поняла, въ чемъ дѣло, она пошла въ спальню, взяла съ каминна два серебряныхъ подсвѣчника, зажгла въ нихъ свѣчи и принесла ихъ на столъ.

— Господинъ священникъ, началъ прохожій, вы добрый человѣкъ. вы не гнушаетесь мною. Вы приняли меня. Вы зажгли для меня свѣчи. Впрочемъ, я не скрываю отъ васъ, откуда я и что я за скверный человѣкъ.

Епископъ, сидѣвшій рядомъ, легонько тронулъ его за руку и сказалъ:—Напрасно вы и говорили мнѣ, кто вы. Этотъ домъ не мой, это домъ Христа моего. У этихъ дверей не спрашиваютъ кто вы, а въ чемъ вы нуждаетесь. Вы страдаете, васъ мучить голодъ и жажда—милости просимъ. И не благодарите меня, и не говорите, что я васъ принимаю къ себѣ. Здѣсь только тотъ и дома, у кого нѣтъ иного убѣжища. Вамъ, какъ прохожему, я повторю, что скорѣе вы здѣсь у себя дома, нежели я. Здѣсь все къ вашимъ услугамъ. Какое мнѣ дѣло до вашего имени? Да, наконецъ, еслибъ вы мнѣ и не сказали его, я зналъ, кто вы.

Прохожій вытаращилъ глаза отъ удивленія.

— Въ самомъ дѣлѣ, вы знали, кто я?

— Да,—отвѣчалъ епископъ,—зналъ что, вы братъ мой.

— Послушайте, господинъ священникъ! вскричалъ прохожій; когда я вошелъ сюда, я чувствовалъ страшный голодъ, но вы такъ добры ко мнѣ, что заставили меня забыть о немъ: ѣды и на умѣ нѣтъ.

Епископъ посмотрѣлъ на него и спросилъ:

— Вы, вѣрно, много вынесли?

— О! красный плащъ, гири на ногахъ, голыя доски для спанья, зной, холодъ, трудъ, каторга, палочные удары, двойные кандалы, за самыя пустяки тюрьма; въ кандалахъ даже въ постели въ больницѣ. Собаки, собаки и тѣ счастливыѣ! девятнадцать лѣтъ! всего мнѣ сорокъ—шесть. А теперь желтый паспортъ. Такъ вотъ.

— Да, — сказалъ епископъ, вы вышли изъ скорбныхъ мѣстъ. Слушайте: небо больше возрадуется слезѣ на лицѣ одного грѣшника, чѣмъ бѣлымъ одеждамъ сотни праведныхъ. Если вы вышли изъ этихъ скорбныхъ мѣстъ—озлобленные, ожесточенные на людей, вы достойны сожалѣнія; если же вы вышли съ благими помыслами, съ кротостью и миромъ въ душѣ, вы лучше всѣхъ насъ.

Между тѣмъ Маглуаръ приносила и поставила ужинъ: похлебку изъ воды, масла, хлѣба и соли, кусочекъ свиного сала, кусокъ баранины, свѣжій сыръ и большой ржаной хлѣбъ. Къ этому обыкновенному ужину епископа, она сама добавила бутылку стараго мовскаго вина.

Лицо епископа приняло то веселое выраженіе, которое такъ свойственно гостепріимнымъ людямъ. —Милости просимъ,—сказалъ онъ тѣмъ любезнымъ тономъ, какимъ обыкновенно говорилъ онъ, когда ему случалось угощать гостей; прохожаго онъ посадилъ по правую сторону. Вапतिстина съ обычной кротостью сѣла по лѣвую.

Епископъ прочелъ молитву, потомъ разлилъ по обыкновенію, похлебку. Прохожій жадно принялся за ѣду.

— А что, мнѣ кажется, на столѣ чего-то будто недостаетъ, сказалъ вдругъ епископъ.

Въ самомъ дѣлѣ, Маглуаръ поставила только три прибора по числу ужинавшихъ, между тѣмъ какъ было заведено, что когда кто-нибудь посторонній ужиналъ у епископа, накрывать шесть приборовъ, чтобъ выставить напоказъ всѣ шесть серебряныхъ приборовъ. Навное хвастовство! Въ этомъ желаніи скромныхъ суро-

выхъ по жизни хозяевъ было что-то ребяческое, но милое, возводившее бѣдность въ достоинство.

Магляръ поняла намекъ, вышла молча и, минуто спустя, три прибора, отсутствіе которыхъ было замѣчено епископомъ, блестя на скатерти, симметрично разложенные противъ каждаго изъ ужинавшихъ.

IV.

Подробности о монтральскихъ сырныхъ.

Теперь, чтобъ дать понятіе о томъ, чѣмъ кончился этотъ ужинъ, мы не придумаемъ ничего лучше, какъ выписать отрывокъ изъ письма Баптистины къ госпожѣ де-Буашевронъ, въ которомъ весь разговоръ каторжника съ епископомъ разказанъ наивно и до мельчайшихъ подробностей.

«... Человѣкъ этотъ ни на кого не обращалъ вниманія; онъ ѣлъ съ жадностью проголодавагося. Впрочемъ, послѣ ужина онъ сказалъ: — Господинъ священникъ, все это слишкомъ хорошо для меня; но я долженъ сказать, что извозчики, которые не хотѣли ничего удѣлать мнѣ отъ своего ужина, ѣдятъ получше васъ.

Между нами сказать, замѣчаніе это удивило меня. Братъ отвѣтилъ:

— Они больше устаютъ, чѣмъ я.

— Нѣтъ, — возразилъ прохожій, — у нихъ денегъ больше. Вы человѣкъ бѣдный, — я это вижу. Вы, можетъ быть, даже и не приходскій священникъ, или развѣ что приходскій, небольшое. — Если Богъ правосуденъ, то вы вполне заслужили такое мѣсто.

— Милосердый Богъ даже больше, чѣмъ правосуденъ, сказалъ братъ. Минуто спустя онъ прибавилъ: Вы, господинъ Жанъ Вальжанъ, идете въ Понтралье?

— Поневоля; такой мнѣ данъ маршрутъ.

Помнится мнѣ, прохожій именно такъ отвѣтилъ. Потомъ продолжалъ:

— Завтра съ разсвѣтомъ я долженъ выйти отсюда пѣшкомъ — тяжело. По началу холодъ, а днемъ зной.

— Вы, перебилъ его мой братъ, идете въ хорошую сторону. Во время революціи, семья наша разбрелась, я ушелъ во Франшъ-Конте и прожилъ тамъ нѣсколько времени своими трудами. На то была моя добрая воля. Работы нашлось вдоволь. Надо было только выбрать по себѣ. Есть кожаные, водочные, мѣдные заводы, маслобойни, фабрики: бумажныя, часовыхъ, стальныхъ издѣлій; желѣзныхъ заводовъ по крайней мѣрѣ съ двадцать; четыре изъ нихъ — одинъ въ Лодѣ, другой въ Шатильонѣ, третій въ Оденкурѣ и четвертый въ Верѣ — чрезвычайно большихъ размѣровъ...

Кажется, что я не ошибаюсь, братъ назвалъ именно эти города. Тутъ онъ обратился вдругъ ко мнѣ съ вопросомъ:

— Сестра, да нѣтъ ли у насъ тамъ кого изъ родныхъ?

Я отвѣчала:

— Какъ не быть, да вотъ, между прочимъ, господинъ Люсне, что былъ капитаномъ порта въ Монтралье при старомъ порядкѣ.

— Да—прервалъ меня братъ, но въ 93 году нельзя было разсчитывать на родныхъ, каждому надо было самому заботиться о себѣ. Я принялся за работу. Тамъ въ Понтралье, куда вы слѣдуете, господинъ Вальжанъ, есть у нихъ промыселъ патриархальный и прелестный; сестра знаетъ. У нихъ есть сырни или, какъ они называютъ ихъ: *Fruitiers*.

Тутъ братъ, поподчивавъ нашего гостя, сталъ подробно объяснять ему, что такое эти *Fruitiers* въ Понтралье;—что они бываютъ двухъ родовъ: у богачей такъ называемыя *Grosses granges*, гдѣ по сорока по пятидесяти коровъ, и выдѣлывается отъ семи до восьми тысячъ сыровъ за лѣто; бѣдные нагорные жители заводятъ такъ называемыя *fruitiers d'association*, они ставятъ сюда своихъ коровъ и по числу ихъ дѣлятъ между собою доходъ. Они нанимаютъ на общій счетъ сырника, какъ они называютъ *grugin*. Этотъ *grugin* принимаетъ молоко отъ ассоціаціи три раза въ день и количество принятаго отмѣчаетъ на двухъ биркахъ, изъ которыхъ одну отдаетъ хозяевамъ, а другую оставляетъ у себя; сыръ начинаютъ дѣлать обыкновенно съ конца апрѣля; въ половинѣ іюня хозяева берутъ своихъ коровъ назадъ, въ горы.

Гость нашъ оживлялся по мѣрѣ того, какъ утолялъ свой голодъ. Братъ поднесъ ему хорошаго мовскаго вина, котораго самъ не пилъ потому что, какъ онъ намъ всегда говоритъ, оно не поденгамъ. Всѣ эти подробности братъ разсказалъ гостю съ тою, знакомою вамъ, добродушною веселостію и въ такой, по моему, граціозной формѣ. Онъ нѣсколько разъ возвращался къ тому, какъ славно живутъ эти *grugin*; видно было, что не совѣтуя прямо, не дѣлая грубыхъ внушеній, онъ хотѣлъ дать понять прохожему, куда будетъ ему всего лучше пріютиться. Одно меня поражало. Вы знаете, что за человѣкъ былъ тотъ, съ которымъ бесѣдовалъ епископъ. Прекрасно! Братъ же мой ни за ужиномъ, ни вовсе въ вечеръ не сдѣлалъ ему ни одного намека, кромѣ развѣ нѣсколькихъ словъ при осмотрѣ, который могъ бы напомнить ему, кто былъ онъ и кто мой братъ. Представлялся, кажется, прекрасный случай сказать краткое поученіе; братъ могъ подействовать на каторжника, какъ епископъ. Всякій другой не замедлилъ бы, имѣя передъ собою такого несчастнаго, сдѣлать ему нѣсколько упрековъ, соединенныхъ съ совѣтами и увѣщаніями, наконецъ, поскорбѣть о его грѣхахъ и наставить на будущее. Братъ не спросилъ даже ни о томъ, откуда онъ родомъ, ни о его прошедшемъ. Весь грѣхъ его былъ въ прошедшемъ и братъ избѣгалъ всего, что могло напомнить ему о немъ. Братъ, разсказывая о горцахъ въ Понтралье, началъ было говорить, что они, *трудясь, не грѣшатъ передъ Богомъ и что счастливы они потому, что невинны*, но разомъ отрѣзалъ и началъ совѣтъ о другомъ. Онъ побоялся, чтобы эти, нечаянно вырвавшіяся у него слова, не оскорбили бы какъ-нибудь гостя. Теперь, обдумавши, я, кажется, поняла что было тогда на душѣ у брата. Онъ думалъ, вѣроятно, что этотъ чело-

вѣкъ, по имени Жанъ Вальжанъ, и безъ того, поминутно, видитъ свой грѣхъ передъ собой, что лучше его развлечь, и, показавшись ему ровней, убѣдить хоть на минуту въ томъ, что онъ такой же человекъ, какъ и всѣ. Вотъ это такъ значить, по моему, дѣйствительно любить ближняго! Не правда ли, моя добрая, что есть въ самомъ дѣлѣ что-то евангельское въ этой скромности, воздерживающей отъ поученій, намековъ и внушеній, въ этомъ чувствѣ, запрещающемъ прикасаться къ большому мѣсту ближняго. Мнѣ кажется, что въ этомъ случаѣ я отгадала сокровенную мысль брата. Во всякомъ случаѣ, я могу сказать только то, что, если и было у него на этотъ разъ въ головѣ все это, то онъ недалѣ этого замѣтить даже мнѣ. Въ этотъ вечеръ онъ былъ точь въ точь тотъ же, какъ и во всякій другой и, ужиная съ Жаномъ-Вальжаномъ, онъ держалъ себя совершенно такъ же, какъ держалъ бы себя и съ городскимъ головой, Геденомъ и съ приходскимъ священникомъ.

Въ концѣ ужина кто-то постучался; оказалось, что это вѣдная Гербо съ своимъ малюткой на рукахъ. Братъ поцѣловалъ въ лобъ малютку и занялъ у меня пятнадцать су, которыя были у меня въ карманѣ, чтобъ отдать ихъ Гербо. Гость нашъ ни на что не обращалъ вниманія, пересталъ говорить: видно было, что онъ страшно утомился. Вѣдная Гербо вышла: братъ прочелъ благодарственную молитву потомъ обернулся къ гостю и сказалъ: «вамъ пора въ постель». Маглуаръ живо убрала со стола. Я поняла, что пора намъ уйти, чтобъ дать покой прохожему, и мы обѣ пошли къ себѣ на верхъ. Впрочемъ, черезъ минуту, я опять послала внизъ Маглуаръ снести на постель гостя изубрѣвый мѣхъ, который висѣлъ въ моей комнатѣ. По ночамъ у насъ страшный холодъ, а это мѣхъ теплый. Жалко, больно изветшалъ; волосъ такъ и лѣзетъ. Братъ купилъ его въ бытность свою въ Германіи въ Тотлингенѣ, при устьѣ Дуная, вмѣстѣ съ ножикомъ съ черенкомъ изъ слоновой кости, который я употребляю за столомъ.

Маглуаръ вернулась почти въ ту же минуту; мы пошли вмѣстѣ молиться въ комнату, гдѣ вѣшается бѣлье, потомъ молча разошлись по своимъ комнатамъ.»

У.

Т и ш и н а.

Протившись съ сестрой, монсеньоръ Вьенвеню взялъ со стола двѣ свѣчи, съ одной остался самъ, другую далъ въ руки гостю и сказалъ ему:

— Пойдемте, я провожу васъ въ вашу комнату.

Нельзя было, какъ мы сказали уже выше, ни пройти въ молельню, гдѣ былъ устроенъ, альковъ, ни выйти изъ нея иначе, какъ черезъ спальню епископа.

На этотъ разъ, когда епископъ проходилъ черезъ свою спальню, въ ней была Маглуаръ, она запирала серебро въ шкафчикъ, что было

въ стѣнѣ надъ кроватью. Этимъ обыкновенно заканчивался вечерній заботы Маглуаръ и она уходила спать.

Епископъ ввелъ гости въ альковъ, гдѣ была постлана чистая свѣжая постель. Гость поставилъ свѣчу на маленькій столикъ.

— Ну, пора! сказалъ епископъ, спите спокойно. Завтра поутру какъ проснетесь напѣтесь парного молока, прямо отъ коровы — и тогда съ Богомъ.

— Благодарю, господинъ священникъ, сказалъ прохожій.

Только-что онъ проговорилъ эти слова, совершенно спокойно, вдругъ, безъ всякаго перехода, онъ сдѣлалъ странное движеніе: еслибъ только видѣли его двѣ святыя знакомыя намъ женщины, онѣ бы умерли отъ страха. Трудно даже теперь дать отчетъ въ томъ, что вызвало въ немъ тогда это движеніе. Хотѣлъ ли онъ напугать или въ самомъ дѣлѣ предостеречь? Сдѣлалъ ли онъ его по какому нибудь инстинктивному побужденію, самъ незная зачѣмъ? Онъ дерзко обернулся къ старцу, скрестилъ руки и, остановивъ на немъ свирѣпый взглядъ, вскричалъ сильнымъ голосомъ:

— Такъ вотъ что! рѣшено; я буду ночевать у васъ; вы кладете меня возлѣ себя!

Онъ пріостановился и потомъ добавилъ съ какою-то чудовищной улыбой:

— Смотрите, подумали ли вы? Почему вы знаете, можетъ я только-что зарѣзалъ кого-нибудь?

Епископъ отвѣтилъ:

— Про то знаетъ Богъ.

Потомъ, зашевеливъ губами, какъ-будто молясь или говоря съ самимъ собою, онъ величественно поднялъ свою правую руку и благословилъ прохожаго, который и при этомъ не измѣнилъ своей позы и тихо, ни разу не оглянувшись, вошелъ въ свою спальню.

Проходя мимо саржевыхъ занавѣсокъ, которыми всегда задерживался алтарь, когда кто-нибудь помѣщался за альковомъ, онъ прочелъ коротенькую молитву съ колѣнопреклоненіемъ.

Минуту спустя, онъ расхаживалъ по саду, раздумывая, отдаваясь весь, всюю душою, всюю мыслью созерцанію тѣхъ великихъ таинственныхъ вещей, которыя Богъ открываетъ по ночамъ тѣмъ, кому сонъ не смѣшилъ очей.

Что касается до прохожаго, уставшаго, разумѣется, до нельзя, то онъ, не полюбывавшись нисколько своею чистою, мягкою постелью, тотчасъ же задулъ свѣчку ноздрой по привычкѣ, какъ обыкновенно дѣлаютъ каторжники, и, не раздѣваясь, бросился на кровать и въ ту же минуту заснулъ мертвымъ сномъ.

Когда епископъ возвращался изъ сада, пробило двѣнадцать.

Нѣсколько минутъ спустя, все спало въ этомъ домикѣ.

VI.

Жанъ Вальжанъ.

Около полуночи Жанъ-Вальжанъ проснулся.

Жанъ Вальжанъ былъ сынъ бѣдныхъ родителей изъ деревни Бри.

Грамотѣ его не учили; когда онъ выросъ, то сдѣлался *épondeur* оми* въ Фавролѣ. Его мать звали Жанною Матѣе, отца его Жана, прозывали вѣроятно въ насмѣшку, кто Вальжаномъ, а кто Влажаномъ: отъ *voilà Jean*.

Жанъ Вальжанъ, былъ характера задумчиваго, но не плаксиваго, какъ обыкновенно всѣ нѣжныя натуры. Впрочемъ, вообще онъ былъ, по-крайней-мѣрѣ съ виду, сонливое и довольно жалкое существо. Еще въ дѣтствѣ потерялъ онъ отца и мать. Мать умерла отъ молочной лихорадки: азлечили. Отецъ его такой же *épondeur* какъ и онъ, убили, упавши съ дерева. У Жана Вальжана осталось только сестра, гораздо постарше его, вдова, и у нея семеро дѣтей, мальчики и дѣвочки. Эта сестра вырастила Жана Вальжана и, покида мужъ ея былъ живъ, она держала и кормила у себя своего молодого брата Мужъ умеръ. Старшему ребенку было семь лѣтъ, меньшему одинъ годъ, наконецъ Жану Вальжану минуло двадцать-пять. Дѣтямъ сестры онъ замѣнилъ отца и сталъ въ свою очередь поддерживать сестру, которая вырастила его. Дѣлалось это просто, исполнялось Жаномъ Вальжаномъ какъ обязанность, даже немножко грубовато. Такимъ образомъ молодость его прошла въ тяжеломъ и неблагодарномъ трудѣ. Никто отъ роду не зналъ, чтобъ у него была когда-нибудь на деревнѣ *пріятельница*—не до того ему было, чтобы влюбляться.

Онъ приходилъ домой по вечерамъ, усталый и, молча, хлѣбалъ свою похлебку. Сестра его, Жанна, въ то самое время какъ онъ ѣлъ выбирала изъ его чашки и отдавала дѣтямъ все самое лучшее: мясо, кусокъ сала, кочни копусты; а онъ, продолжая хлѣбать, уткнувшись, чуть не носомъ, въ свою чашку, такъ-что волоса его лежали на столѣ, не только не возражалъ, но дѣлалъ видъ, будто и не замѣчаетъ. Въ Фаволѣ, недалеко отъ избушки Вальжана, по другую сторону улицы была ферма. принадлежавшая нѣкоей Мари-Клодъ; дѣти Вальжана, обыкновенно голодные, повадились занимать у этой Мари-Клодъ отъ имени матери по крынкѣ молока, которое и распивали гдѣ-нибудь за плетнемъ или за кустомъ, разумѣется, не безъ драки и въ такихъ торопяхъ, что дѣвочки обливали себѣ и фартукъ и платье; еслибъ мать узнала про эти плутни, она взыскала бы строго съ виновныхъ. Жанъ Вальжанъ сердился, ворчалъ, но платилъ Мари Клодъ за молоко. не сказывая матери. и дѣти не наказывались.

Подчищаютъ и подрѣзываютъ деревья только разъ въ году и въ эту пору онъ вырабатывалъ обыкновенно по восемнадцати су въ день. Въ остальное время онъ занимался въ жнецы, или въ носильщики, или въ пастухи на ферму, или въ поденщики. Не сидѣлъ сложа руки. Сестра тоже работала; да много ли наработаешь когда на рукахъ семеро дѣтей? Грустную картину представляла собою эта кучка дѣтей, когда нищета накрыла ее и начала гнестъ понемногу. Выдалась суровая зима. Жанъ былъ принужденъ сидѣть безъ работы. Въ семьѣ не стало хлѣба. Ни куска хлѣба. Буквально. Семеро дѣтей.

* *Epondeur*—человѣкъ который подрѣзываетъ и подчищаетъ деревья.

Въ воскресенье вечеромъ булочникъ Мобертъ Изабо только-что собрался—было ложиться спать въ своей булочной, какъ вдругъ услышалъ сильный ударъ въ рѣшотку и въ стекла окна, изъ котораго онъ обыкновенно производилъ продажу. Онъ подоспѣлъ во время. Онъ увидалъ, какъ рука, пробившая кулакомъ дыру въ окнѣ, схватила хлѣбъ и утащила. Изабо опрометью выскочилъ на улицу. Воръ пустился бѣжать во всю мочь; Изабо за нимъ; догналъ. Хлѣба у него не нашолъ: онъ бросилъ хлѣбъ, но руки были у него все въ крови. Это былъ Жанъ Вальжанъ.

Случилось это въ 1795 г. Жанъ Вальжанъ былъ преданъ суду «за воровство со взломомъ, ночью изъ жилого дома». У него нашли ружье, которымъ онъ владѣлъ не хуже всякаго самаго лучшаго стрѣлка въ мирѣ, онъ былъ отчасти браконьеръ; это повредило ему. Противъ браконьера существуетъ справедливое предубѣжденіе. Браконьеры все равно что контрабандисты; они не далеко ушли отъ разбойниковъ. Впрочемъ, замѣтимъ вскользь, все-таки цѣлая пропасть между людьми этого звѣря и тѣми гнусными, которые рѣжутъ народъ на улицахъ. Браконьеръ живетъ въ лѣсу; контрабандистъ въ горахъ или у моря. Городъ, развращая человѣка, дѣлаетъ изъ него звѣря. Въ горахъ, на морѣ, въ лѣсу человѣкъ дичаетъ, тоже свирѣпѣетъ, нерѣдко перестаетъ быть человѣкомъ.

Жана Вальжана признали виновнымъ. Статьи кодекса неумолимы. На нашихъ глазахъ совершаются страшныя вещи; это именно, когда законъ караетъ. Ужасна та минута, въ которую общество рѣшается оттолкнуть отъ себя живаго человѣка и подписываетъ приговоръ надъ нимъ! Жанъ Вальжанъ былъ присужденъ на пять лѣтъ на галеры.

22 апрѣля 1796 года, когда Парижъ кричалъ о побѣдѣ при Монтепартѣ, одержанной главнокомандующимъ итальянской арміи, Буонапарте, какъ называла его Директорія въ своихъ сношеніяхъ съ Советомъ—Пятисотъ, въ этотъ самый день длинную вереницу людей приковали въ Бисетрѣ. Въ числѣ ихъ былъ и Жанъ Вальжанъ. Старый тюремщикъ, которому теперь лѣтъ подл девяностю, не можетъ до-сихъ-поръ забыть этого несчастнаго, который былъ прикованъ въ четвертомъ ряду, въ сѣверномъ углу двора. Онъ сидѣлъ на землѣ, какъ и всѣ. Онъ, казалось, не понималъ своего положенія, только чувствовалъ весь его ужасъ, да, можетъ быть, смутно, какъ бѣдная ничего непонимающій, подозрѣвалъ въ немъ что-то незаслуженное. Когда молотокъ, приклепывавшій конецъ его желѣзнаго ошейника, страшно стучалъ надъ его головой, онъ плакалъ, слезы душили его, онъ не могъ выговорить ни слова и только повторялъ по временамъ: *Я ёмondeur изъ Фиволл*. Потомъ, рыдая безумно, онъ семь разъ подымалъ и все ниже и ниже свою правую руку, какъ-будто семь человѣкъ малъ-мала меньше стояло передъ нимъ и онъ поочередно дотрогивался до нихъ, такъ что, видя эти жесты, всѣ догадывались, что преступленье, за которое заковали его, онъ совершилъ для того, чтобы одѣть и накормить семерыхъ дѣтей.

Его послали въ Тулонъ. Черезъ двадцать-пять дней, его привезли туда прикованнаго за шею къ телѣжкѣ. Въ Тулонѣ на него на-

дѣли красный плащъ, зачеркнули все его прошлое, сняли съ него даже имя: онъ пересталъ быть Жаномъ Валжаномъ, онъ сдѣлался номеромъ 24601. Что станетъ съ сестрой? Куда дѣнутся семеро дѣтей? Кому что за дѣло? О нихъ никто не подумаетъ, какъ о горсти листьевъ, сорванныхъ съ молодого дерева.

Имъ одна дорога. Эти бѣдняжки, эти живыя Божіи созданья, сирма, голодныя, безъ крова, пошла бродить по свѣту. Кто знаетъ? можетъ даже разбрелся въ разныя стороны и стали погружаться, понемногу, въ эту холодную, густую мглу, гдѣ гибнуть всѣ эти брошенные созданья; въ эту глухую темь, гдѣ поминутно пропадаетъ безслѣдно по столько несчастныхъ изъ рядовъ мрачно шествующаго человѣчества. Они покинули родину. Родина—деревня забыла ихъ. Забыла объ нихъ и родная полоса въ поляхъ; проведя нѣсколько лѣтъ на каторгѣ, и самъ Жанъ Вальжанъ забылъ о нихъ. Рана его сердца закрылась, только рубецъ напоминаетъ ему о ней. Вотъ и всё. Стороной, и то только разъ во всю бытность свою въ Тулонѣ, услышалъ онъ о сестрѣ. Это было, если не ошибаюсь, въ концѣ четвертаго года его заточенія. Какимъ путемъ дошло до него это шепѣтіе—не знаю. Кто-то, изъ знавшихъ его въ Фавролѣ, видѣлъ сестру, его, сказалъ, что она въ Парижѣ. живетъ въ тѣсномъ закулкѣ въ Гендровой улицѣ, близъ церкви св. Сульпиція. Ребенокъ при ней только одинъ, самый меньшей, мальчикъ. Гдѣ остальные шесть? Она, я думаю, и сама не знала. Всякое утро она ходитъ въ типографію, rue du Sabot, № 3, куда нанялась въ складовальщицы и брошировальщицы. Ходитъ туда надо въ шесть часовъ, когда зимой и не брезжетъ даже еще утро. Въ домѣ типографіи есть школа, куда она водитъ своего семилѣтняго сына. Но такъ-какъ работа въ типографіи начинается въ шесть часовъ, а школа отпирается въ семь, то ребенку приходится ждать часъ на дворѣ; часъ зимой, въ темнотѣ, на холоду. Въ типографію не пускаютъ, говорятъ: будетъ мѣшать. Работники часто видятъ, какъ этотъ ребенокъ сидитъ на мостовой и, дремля, тычется головкой въ землю или спитъ, свернувшись гдѣ-нибудь въ уголку, положивши въ головы свою сумку. Разъ какъ-то шло дождь; старуха-привратница сжалась надъ нимъ и взяла его въ свою грязную конуру, гдѣ не было ничего, кромѣ койки, двухъ деревянныхъ стульевъ и прачки; малютка легъ въ уголокъ и, прижавшись къ кошкѣ, чтобъ было потеплѣе, заснулъ. Въ семь часовъ отворилась школа и онъ входилъ. Вотъ все, что рассказали Жану Вальжану. Минута, въ которую онъ услышалъ это, была для него молніею, вдругъ мгновенно озарившею передъ нимъ судьбу существъ, нѣкогда дорогихъ ему, но тѣма разверзлась на минуту; неожиданно распахнувшееся окно затворилось навсегда, онъ ничего никогда не слышалъ больше. Ни одной вѣсти о нихъ не долетѣло больше до него; онъ не увидалъ ихъ, не увидитъ, и мы—вплоть до конца этой скорбной исторіи, не встрѣтимся съ ними.

Въ концѣ этого четвертаго года ему представился случай бѣжать. Товарищи, разумѣется, помогли. Онъ убѣжалъ. Два дня пробродилъ по полямъ на свободѣ, если только можно человѣку чувствовать се-

ба на свободѣ, когда его ловятъ, когда онъ поминутно оглядывается, вздрагиваетъ при малѣйшемъ шорохѣ, боится всего, дыма изъ трубы, всякаго встрѣчнаго, лая собаки, топота копытъ, боя часовъ, дна—потому-что его могутъ видѣть, ночи,—потому-что ему ничего невидно; боится куста, дороги, тропинки, сна. Вечеромъ на другой день его поймали. Онъ не спалъ и не ѣлъ въ продолженіи тридцати-шести часовъ. Морской судъ присудилъ продолжить его пятилѣтнюю ссылку еще на три года, итого вышло восемь. На шестой годъ опять представился ему случай бѣжать; онъ воспользовался имъ, но убѣжать не успѣлъ. Стали дѣлать переключку: его не оказалось. Сдѣлали выстрѣлъ изъ пушки и, въ ту же ночь, рундъ напелъ его спрятавшимся подъ нѣтъ строившагося корабля; когда его хватали, онъ сопротивлялся. Побѣгъ и сопротивленіе. За это сугубое преступленіе, предусмотрѣнное специальнымъ кодексомъ, набавили еще пять лѣтъ, да въ продолженіе двухъ изъ нихъ двойные кандалы. Вотъ ужъ тринадцать лѣтъ. На десятомъ году опять выпалъ такой же случай; онъ опять воспользовался имъ. Опять не удалось. За эту новую попытку еще три года; шестнадцать. Наконецъ, онъ еще, и уже въ послѣдній разъ, попробовалъ бѣжать, кажется году на тринадцатомъ, но кончилось тѣмъ, что четыре часа спустя послѣ побѣга, онъ былъ уже пойманъ и за эти четыре часа набавили еще три года — всѣ девятнадцать. Выпустили его въ 1815, посадили въ 1796, за то, что онъ выбилъ стекло и укралъ хлѣбъ.

Здѣсь, кстати, замѣтить, что авторъ этой книги, разсматривая уголовныя дѣла и рѣшенія суда, во второй разъ наталкивается на то, что человѣкъ гибнетъ за кражу хлѣба. Клодъ Гё укралъ хлѣбъ; Жанъ Вальжанъ укралъ хлѣбъ. Изъ англійской статистики положительно видно, что въ Лондонѣ изъ числа воровъ четыре-пятыхъ воруютъ потому, что нечего ѣсть.

Жанъ Вальжанъ вошелъ въ тюрьму, рыдая и трепеща; вышелъ изъ нея желѣзный. Вопелъ съ отчаяніемъ; вышелъ мрачный.

Что прошло по душѣ его?

VII.

Надра отчаянія.

Пошитаемся показать.

Пускай общество увидить всѣ эти вещи, причиной которыхъ само оно.

Это былъ, мы сказали, неучъ, но не дуракъ. Природный умъ въ немъ былъ. Несчастіе, эта наука своего рода, озарила въ немъ этотъ умъ. Подъ палкой, въ дѣпкахъ, въ тюрьмѣ, на каторжной работѣ, подъ зноемъ неволи, на голой деревянной постели, онъ сталъ уходить въ себя и разсуждать.

Онъ самъ сталъ судъ.

Прежде всѣхъ началъ онъ судить самого себя.

Онъ нашелъ, что дѣйствительно виноватъ и наказанъ за дѣло. Онъ созналъ, что сдѣлалъ безумное и преступное дѣло, что еслибъ онъ

спросилъ, ему, вѣроятно, не отказали бы въ этомъ хлѣбѣ, что, во всякомъ случаѣ, было бы лучше подождать подавннн или работы, что сказать: голодъ не ждетъ еще не значитъ оправдаться, что, наконецъ, люди рѣдко умираютъ съ голоду, что, къ счастью или къ несчастью, человѣкъ созданъ такъ что можетъ страдать долго и много, физически и нравственно и все-таки оставаться живымъ, что надо было терпѣть, что даже для его бѣдныхъ малютокъ это было бы лучше, что сумасшедшее дѣло было рѣшиться ему, такому слабому созданью, дерзко схватить за воротъ цѣлое общество и вообразить, что въ воровствѣ можно найти выходъ изъ нищеты, что, во всякомъ случаѣ, выходъ этотъ дурень, потому-что ведетъ къ позору; однимъ словомъ, что онъ не правъ.

За тѣмъ онъ спросилъ себя:

Одинъ ли онъ виноватъ въ страшной судьбѣ своей? Не стоить ли обратить вниманнн во-первыхъ на то, что онъ, работникъ, сидѣлъ безъ работы, что у него, у человѣка работающаго, не было куска хлѣба? во-вторыхъ, не слишкомъ ли жестоко наказанн за совершенную и сознанную имъ вину? Не больше ли надѣлалъ зла законъ своимъ наказаннмъ, чѣмъ онъ, преступникъ, своимъ преступленнмъ? Не перетягиваетъ ли слишкомъ та сторона вѣсовъ, на которой искупленн? Не заглаживается ли вина несоразмѣрностью наказанн и не слѣдуетъ ли, въ силу этой несоразмѣрности, слѣлать наоборотъ, на мѣсто преступника поставить законъ, осужденнаго признать жертвой, должника кредиторомъ, признать, однимъ словомъ, право именно на сторону того, который его нарушилъ. Не есть ли, наконецъ, это наказанн, съ надбавками за каждое покушенн—бѣжать, посягательство сильнаго на жизнь слабаго, преступленн общества передъ личностью, преступленн, совершавшееся изо дня въ день въ теченн девятнадцати лѣтъ?

Онъ спрашивалъ себя: въ правѣ ли человѣческое общество карать своихъ членовъ въ одномъ случаѣ, за ихъ безразсудную непредусмотрительность, а въ другомъ—за ихъ безпощадную предусмотрительность; заставлятъ бѣдняка вѣчно страдать съ одной стороны, отъ недостатка, съ другой — отъ чрезмѣрности наказанн?

Не превышаетъ ли всякую мѣру несправедливости то, что общество обходится такъ именно съ тѣми, которымъ всѣхъ меньше досталось благъ отъ судьбы, раздающей ихъ, и которые уже потому больше всѣхъ заслуживаютъ пощаду?

Рѣшивъ эти заданные вопросы самому себѣ, онъ обвинилъ общество и приговорилъ его.

Въ его глазахъ оно было виновато въ судьбѣ, тяготѣвшей надъ нимъ и онъ далъ себѣ слово при первой встрѣчѣ разсчитаться съ нимъ. Онъ порѣшилъ въ своей совѣсти, что вредъ, причиненный ему превышаетъ вредъ, который причинилъ самъ онъ; онъ заключилъ тѣмъ, что наказанн, присужденное ему, не есть собственно несправедливость, а чистѣйшее беззаконн.

Гнѣвъ можетъ быть безуменъ и слѣпъ. Можно бѣсноваться изъ

пустяковъ. Негодуетъ только тотъ, кто имѣеть такія или другія осужденія на это. Жанъ Вальжанъ негодовалъ.

Человѣческое общество въ самомъ дѣлѣ не сдѣлало ему ничего, кромѣ зла; онъ ничего не видалъ отъ него, кромѣ свирѣпаго лица богини, которую зовутъ оно правосудіемъ, и показываетъ только тѣмъ, которыхъ должна разить неутомимая богиня. Люди прикасались къ нему только за тѣмъ, чтобъ раздавить его. Всякое его столкновеніе съ ними было схваткой. Никогда, отъ самого дѣтства, ни отъ кого, кромѣ какъ отъ матери да отъ сестры, онъ не видѣлъ ласковаго слова, любящаго взгляда. Рядомъ страданій онъ дошелъ наконецъ до убѣжденія, что жизнь битва, и что въ этой битвѣ побѣжденный—онъ. Подъ-рукой у него не было другого оружія, кромѣ ненависти. Онъ рѣшился заострить ее въ тюрьмѣ и послѣ пойти съ нею въ міръ.

Въ Тулонѣ при тюрьмѣ *reges ignoquantis* содержали школу, въ которой обучали грамотѣ тѣхъ изъ каторжниковъ, которые изъявляли на то желаніе. Въ числѣ этихъ изъявившихъ желаніе былъ и онъ. Онъ началъ учиться въ сорокъ лѣтъ и выучился читать, писать и считать. Онъ чувствовалъ, что познанія придадутъ силы его гнѣву. Онъ не зналъ, что образованіе, просвѣщеніе раздуваютъ его иногда во вреду.

Грустно сказать: осудивши общество, какъ причину своихъ бѣдствій, онъ осудилъ провидѣніе, устроившее общество, и надъ нимъ изрекъ свой приговоръ.

Такимъ образомъ, въ продолженіе этихъ девятнадцати мучительныхъ лѣтъ неволи, душа его то возносила, то падала. Свѣтъ и тьма боролась въ ней.

Жанъ Вальжанъ не былъ, какъ мы видѣли, злымъ отъ природы. Добрымъ еще вошелъ онъ въ тюрьму. Сидя въ ней, онъ осудилъ общество и сдѣлался злымъ; осудилъ провидѣніе и почувствовалъ, что онъ становится нечестивымъ.

Все это, поневолѣ, вызываетъ насъ на размышленіе.

Можетъ ли, въ самомъ дѣлѣ, въ такой степени, въ самомъ корню измѣниться природа человѣка? Могутъ ли люди сдѣлать злымъ того, кого Богъ создалъ добрымъ? Въ такой ли мѣрѣ всеильна судьба надъ нашей душой, что стоитъ ей только показаться злою къ намъ—и мы сами сдѣлаемся злы? Въ силахъ ли самыя чудовищныя несчастія изуродовать, убить сердце, какъ уродуетъ и поражаетъ позвоночный столбъ необходимость и ходить, и сидѣть помнутно согнувшись? Нѣтъ ли въ душѣ человѣка вообще, не было ли въ душѣ Жана Вальжана, въ особенности, какой-нибудь искры, зароненной въ самомъ началѣ, какой-нибудь божественной сущности, нетлѣнной въ этой жизни, неумирающей и въ той, что за гробомъ, сущности, которая можетъ развиваться, крѣпнуть и великолѣпно расцвѣтаетъ въ средѣ добра, не глхнуть ни въ какомъ злѣ?

На послѣдній изъ этихъ трудныхъ, почти неразрѣшимыхъ вопросовъ, всѣ филологи, вѣроятно, прямо отвѣтили бы: *нѣтъ*; они не смутились бы и тогда, когда увидѣли бы Жана Вальжана въ Тулонѣ, въ часы отдыха, бывшіе для него часами раздумья и когда онъ сидѣлъ на какомъ-

нибудь брѣвнѣ, скрестивши руки, заложивши въ карманъ конецъ своихъ цѣпей, чтобъ не волочить ихъ, — молчаливый, угрюмый и мрачный каторжникъ, который, будучи отверженъ закономъ, возненавидѣлъ людей, будучи изгнанъ изъ благоустроеннаго общества, проклялъ небо.

Мы знаемъ и нескроемъ того, что физиологи-наблюдатели увидѣли бы во всемъ этомъ бѣду непоправимую; они, можетъ быть, пожалѣли бы этого больного, пораженнаго закономъ; но они бы даже и не попробовали исцѣлить его; они отвернулись бы отъ язвъ, которыя увидѣли бы на душѣ его, и, какъ Дантъ съ дверей ада, они стерли бы съ этого лица написанное на немъ, какъ и на всякомъ другомъ лицѣ, рукою Вога слово: *надѣйся!*

Понималъ ли самъ Жанъ Вальжанъ свое душевное состояніе такъ же ясно, какъ хотѣлось бы намъ, чтобъ поняли его наши читатели? Дойдя до этого состоянія, помнилъ ли онъ темные дуги, по которымъ дошелъ до него? Человѣкъ непросвѣщенный, грубый, отдавалъ ли онъ себѣ вѣрный отчетъ въ тѣхъ мысляхъ, вслѣдствіе которыхъ сначала возвышался, а потомъ палъ въ такую страшную бездну, какою сталъ подъ-конецъ весь внутренній міръ его? Сознавалъ ли онъ ясно все, что дѣлалось и шевелилось въ немъ — отвѣчать трудно; не думаемъ. Въ Жанѣ Вальжанѣ было столько невѣжественнаго, что одни несчастія не могли окончательно просвѣтить его. Были минуты, когда онъ не могъ сказать, что онъ чувствуетъ. Жанъ Вальжанъ жилъ во мракѣ; страданія его были смутны; смутна была и его ненависть; онъ презиралъ, казалось, и себя. Онъ вѣчно оставался въ этомъ мракѣ, гдѣ и бродилъ оцупью, какъ слѣпой или какъ сонный. Только изрѣдка, вдругъ, сами собой, или вслѣдствіе внѣшнихъ вліяній, находили на него приливы гнѣва. Онъ чувствовалъ тогда всю нестерпимость страданій и свѣтъ молніи озарялъ всю его душу, и все вокругъ него, и то, что впереди, и то, что позади; и видѣлъ онъ въ ужасномъ свѣтѣ зіявшія бездны и зловищую даль судьбы своей.

Свѣтъ угасалъ, и опять наступала ночь, и опять не зналъ онъ, гдѣ онъ?

Наказанія этого рода, въ которыхъ преобладаютъ неумолимость и звѣрство, нелѣпо искажая натуру человѣка, дѣлаютъ изъ него ликаго звѣря, иногда кровожаднаго. Чтобъ доказать это чудовищное дѣйствіе правосудія на душу человѣка, достаточно указать на то упрямство, съ которымъ Жанъ Вальжанъ столько разъ пытается бѣжать. Напрасныя и безумныя попытки Жана Вальжана повторяются каждый разъ, какъ только представляется ему случай. Рѣшаясь на нихъ, онъ не думаетъ о послѣдствіяхъ, не руководится опытомъ. Онъ вырывается какъ звѣрь изъ незапертой клітки. Инстинктъ говорилъ ему: спасайся! Разсудокъ сказалъ бы ему: стой! Но въ комъ страсть свирѣпа, тотъ не слушается разсудка. Онъ дѣйствовалъ често, какъ звѣрь. Когда его ловили и обрушивали на него новыя кары, его остервеняли еще болѣе.

Надо замѣтить, что онъ до такой степени былъ силенъ физически, что, въ этомъ отношеніи, никто въ тюрьмѣ не могъ равняться съ

вплзъ. На работѣ, надо ли было натянуть канатъ или вытащить шпиль, Жанъ Вальжанъ замѣнялъ четверыхъ. Онъ могъ подымать и нести на себѣ страшныя тяжести; онъ замѣнялъ собою, при случаѣ, подъемную машину (сгіс), называемую когда-то *orgueil*, откуда между прочимъ названіе улицы *Montorgueil*, около парижскаго базара. Товарищи прозвали его *Jean le-sгіс*. Разъ какъ-то, при передѣлкѣ балкона тулонской ратуши, одна изъ прекрасныхъ каріатидъ, работы Руже, поддерживающихъ этотъ балконъ, отстала отъ стѣны. Она упала бы, еслибъ Жанъ Вальжанъ, случившійся тутъ, не подперъ ее плечомъ и неподдерживалъ до-тѣхъ-поръ, пока не подоспѣли рабочіе.

Вще болѣе, нежели силою, онъ отличался ловкостью. Нѣкоторые изъ каторжниковъ, только и думая о томъ, какъ бы бѣжать, кончаютъ тѣмъ, что изъ силы, соединенной съ ловкостью, дѣлаютъ чисто науку: Эта наука — мускуль. Каторжники, эти люди, которые вѣчно завидуютъ мухамъ и птицамъ, ежедневно проходятъ цѣлую таинственную статистику. Взлѣзать на отвѣсную стѣну, цѣпляясь за какія-нибудь выпуклости, было ни почему для Жана Вальжана. Напряженіемъ своихъ спинныхъ мускуль и колѣнныхъ мышцъ, съ помощью своихъ локтей и пятокъ, которыми онъ умѣлъ держаться за всякую шероховатость, онъ залѣзалъ въ третій этажъ по любому углу дома. Точно такъ же взлѣзалъ онъ иногда и на крышу тюрьмы.

Онъ мало говорилъ. Не смѣялся. Надо было что-нибудь чрезвычайное, чтобъ вызвать у него, разъ или два въ годъ, этотъ мрачный смѣхъ каторжника, похожій на эхо демоническаго хохота. Съ виду онъ походилъ на человѣка, пристально и непрерывно всматривающагося во что-то страшное.

Онъ, дѣйствительно, весь сосредоточился на одномъ.

Вго больное воображеніе говорило ему, его удрученное, неполнодѣ развившееся, сердце чувствовало смутно, что что-то чудовищное тяготѣетъ надъ нимъ. Вращаясь въ блѣдномъ полусвѣтѣ, онъ дошолъ до того, что оглядывался ли онъ назадъ, смотрѣлъ ли вверхъ, ему всюду стала чудиться страшная громада — смѣсь вещей, законовъ, предразсудковъ, людей и дѣлъ; онъ ничего почти не могъ разглядѣть; онъ ужасался только несмѣтной массѣ всего этого; все это грохотало надъ нимъ, лѣзло вверхъ и пропадало въ вышинѣ.

Когда все это представлялось Жану Вальжану, онъ погружался въ раздумье. О чемъ онъ думалъ?

Еслибъ только просное зерно, попавшее подъ колесо мельницы, способно было мыслить, то оно думало бы о томъ же, о чемъ и Жанъ Вальжанъ.

Всѣ эти вещи — прозрачная дѣйствительность, фантазмагорія, похожая на дѣйствительность, и довели его до его почти необъяснимаго душевнаго состоянія.

Были минуты, онъ бросалъ свою каторжную работу и задумывался. Смущенный, но и озаренный больше обыкновеннаго, умъ его возмущался. Все, ставшее съ нимъ, казалось ему нелѣпо; все ок

ружавшее его, невѣроятно. Онъ говорилъ себѣ: «это мечта». Онъ видѣлъ надсмотрщика въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя; надсмотрщикъ казался ему призракомъ; этотъ призракъ тутъ же наносилъ ему ударъ палкой.

Видимой природы почти не существовало для него. Будетъ почти совершенно вѣрно, если сказать, что для Жана Вальжана не было ни солнца, ни прекрасныхъ лѣтнихъ дней, ни сіяющаго неба, ни прохладныхъ утреннихъ апрѣльскихъ зорь. Какимъ-то мутнымъ свѣтомъ была постоянно озарена душа его.

Чтобы закончить сказанное и сдѣлать изъ него возможный выводъ, скажемъ только, что въ девятнадцать лѣтъ тулонская тюрьма-каторга до того передѣлала Жана Вальжана, этого нѣкогда смиреннаго фаверольскаго епондеур'а, что онъ сталъ способенъ на злодѣянія двоякаго рода: во-первыхъ, — какъ бы въ отмщеніе за выстраданныя муки, — на такія, которыя совершаются въ одну минуту, необдуманно, сгорая, чисто инстинктивно; во-вторыхъ, — вслѣдствіе извращенной совѣсти и разсудка, омраченнаго страданіями, — на такія, которыя совершаются хладнокровно, обдуманно и совершенно серьезно. Накидѣвшее негодованіе, горечь душевная, живое чувство претерпѣнныхъ несправедливостей, вражда ко всему, даже благому, безвредному и справедливому, если только найдется такое—вотъ что стало его движущею силою. Исходная и конечная точка всякой его мысли стала одна—ненависть къ человѣческому закону, та самая ненависть, которая, если только что-нибудь, ниспосланное свыше, не помѣшаетъ ей развиться, черезъ извѣстное время становится ненавистью къ обществу, потомъ ненавистью къ человѣчеству, наконецъ ненавистью ко всей вселенной и объясняется безотчетною, ненасытною и звѣрскою страстью—вредить безразлично всѣмъ, всему живому. Какъ видно, Жанъ Вальжанъ не безъ основанія названъ въ послѣдствіи *человѣкомъ очень опаснымъ*.

Сердце его, годъ-отъ-году, медленно, но роковымъ образомъ засыхало все болѣе и болѣе. У сухого сердца и глаза сухіе. Въ продолженіе девятнадцати лѣтъ каторги онъ не пролилъ ни одной слезы.

VIII.

МОРЕ И МРАКЪ.

Человѣкъ упалъ въ море.

Что нужды? корабль не останавливается. Вѣтеръ управляетъ этимъ мрачнымъ кораблемъ, пущеннымъ безъ якорей въ море. — Онъ не сется мимо.

Утопающій то пропадетъ, то покажется, то окунется, то выплыветъ; онъ зоветъ, онъ протягиваетъ руки—его не слышать. Колыхающійся корабль весь во власти урагана; матросы и пассажиры теряютъ уже изъ виду этого человѣка, упавшаго въ море; его несчастная голова теряется, какъ точка среди безбрежныхъ волнъ.

Отчаянными воплями оглашаетъ онъ бездны. Какимъ страшнымъ призракомъ кажутся ему этотъ удаляющійся парусъ! Онъ смотритъ

на него, смотритъ безумными глазами. Парусъ начинаетъ едва бѣлѣть... становится точкой, а онъ? онъ нѣсколько минутъ назадъ былъ въросомъ на этомъ самомъ кораблѣ, суетился на палубѣ вмѣстѣ съ другими, пользовался, какъ и другіе, и воздухомъ, и солнцемъ — словомъ, жилъ. Что случилось съ нимъ теперь? Онъ поскользнулся, упалъ,—и все кончено.

Чудовищныя морскія бездны вокругъ него и подъ нимъ. Нѣтъ опоры. Море, разрываемое вѣтромъ на клочья, страшно кипитъ вокругъ него; всякая дрянь липнетъ къ его головѣ; цѣлыя ряды волнъ плюютъ на него; его танетъ внизъ; окунется—темь; страшныя, страшныя растенія хватаютъ его, вьжутъ ему ноги; онъ чувствуетъ, что бездна овладѣваетъ имъ, что онъ становится одною изъ ея частицъ; волны играютъ имъ; онъ пьетъ горечь; холодное море свирѣпѣетъ и торопится утопить его, оно тѣшится его агоніей, какъ-будто вся вода къ немъ изъ гнѣва.

Онъ все-таки борется.

Онъ пытается выбиться, пытается держаться, дѣлаетъ усиліе, плыветъ, но скоро истощаются его жалкія силы, а врагъ его неистощимъ.

Гдѣ же корабль? Вонъ онъ. Онъ едва замѣтенъ на блѣдно-сумрачномъ горизонтѣ.

Несется шквалъ; цѣлыя бездны обрушиваются на него. Онъ подымаетъ глаза и не видитъ ничего, кромѣ багровыхъ тучъ. Издыхающій, онъ дѣлается свидѣтелемъ того, какъ страшно безумствуетъ море. Онъ гибнетъ отъ этого безумія. Со всѣхъ сторонъ онъ слышитъ шумъ неслышанный, выходящій откуда-то изъ-подъ земли и сверху.

Летаютъ птицы въ небѣ, но онѣ, какъ и ангелы, тоже парящія въ вышинѣ надъ человѣческими скорбями, не помогутъ ему. Все это летитъ, поетъ и паритъ, а онъ хрипитъ и тонетъ.

Онъ чувствуетъ, что океанъ и небо начинаютъ погребать его, что одна изъ этихъ безконечностей будетъ его могилой, другая—его саваномъ.

Ложится ночь; много часовъ онъ продержался на водѣ, но нѣтъ у него силъ держаться дольше; корабль, на которомъ были люди, этотъ парусъ, долго бѣлѣвшійся вдали, исчезъ: онъ остался одинъ среди чудовищныхъ и темныхъ пучинъ; онъ тонетъ, онъ бьется, чтобъ вынырнуть—его крутитъ; онъ чуетъ что-то неизяснимо чудовищное подъ ногами, онъ начинаетъ звать.

Люди далеко. Гдѣ Богъ?

Онъ взываетъ, самъ не зная къ кому, и не перестаетъ звать.

Нѣтъ никого и ничего ни на горизонтѣ, ни въ небѣ.

Онъ умоляетъ пространство, волны, водоросли, подводные камни; напрасно. Онъ молитъ бурю; буря неумолима, она слушается одного безконечнаго.

Вокругъ него темнота, туманъ, шумъ бури, громады волнъ. Самъ онъ усталъ и полонъ ужаса. Ему грозятъ паденіе. Опоры никакой. Онъ думаетъ о томъ, что можетъ статься съ трупомъ въ этихъ

безднах мрака. Холодъ парализуетъ его члены. Руки его корчатся, сжимаются и перестаютъ владѣть. Вѣтеръ, тучи, волны, звѣзды не помогаютъ! Что дѣлать? Въ отчаяніи онъ перестаетъ бороться; усталый ищетъ смерти; онъ отдается весь на волю пучины и падаетъ на самое дно ея.

Не также ли неудержимо несется человѣческое общество? Не также ли въ пути его гибнутъ люди и души, низвергаемая закономъ бездны мрака? Не также ли страшно отказывается оно спасти погибающаго? О смерть нравственная!

Море, это тотъ общественный мракъ, въ который карающій законъ низвергаетъ своихъ осужденныхъ. Море—это безпредѣльная скорбь.

Душѣ, покинутой на произволъ этой пучины, недолго умереть. Кто воскреситъ ее?

IX.

Новыя ошды.

Невѣроятною показалась для Жана Вальжана та небывалая въ его жизни минута, когда, наконецъ, срокъ каторги его истекъ и слова *ты свободенъ*, поразили его слухъ. Яркій лучъ свѣта, лучъ истиннаго свѣта, озаряющаго живыя души, запалъ и въ его грудь. Но не надолго. Жанъ Вальжанъ былъ ослѣпленъ мыслью о свободѣ. Съ нею думалъ онъ, новая жизнь начнется для него. Онъ скоро узналъ, что значитъ свобода для того, кому даютъ желтый паспортъ.

Да и самая минута освобожденія была довольно горька. Онъ рассчитывалъ, что, за все время каторги, у него должно было накопиться денегъ сто-семьдесятъ одинъ франкъ. Правда, что онъ принималъ въ соображеніе воскресные и праздничные дни, въ которые онъ въ неволѣ отдыхалъ и которые, за девятнадцать лѣтъ, должны были уменьшить его капиталъ хотя на двадцать-четыре франка или около того. Получать же на самомъ дѣлѣ приходилось ему, за вычетами на разныя мѣстные потребности, всего сто-девять франковъ пятнадцать су, которые и отсчитали ему, при выпускѣ.

Онъ ничего не понялъ во всемъ этомъ и рѣшилъ, что его обидѣли, попросту, обокрали.

На другой день по выходѣ изъ тюрьмы, придя въ Грассъ, онъ увидѣлъ возы съ товаромъ у одного дистиллирнаго завода. Ихъ разгружали. Онъ предложилъ свои услуги. Ихъ приняли. Рабочіе были нужны. Онъ принялся за дѣло. Онъ былъ смысленъ, силенъ и ловокъ; онъ старался изо всѣхъ силъ; ховяишъ любовался имъ. Въ то самое время, какъ онъ работалъ, шоль мимо жандармъ, замѣтилъ его и потребовалъ отъ него видъ. Онъ долженъ былъ показать свой желтый паспортъ. Покончивъ съ жандармомъ, онъ опять принялся за работу. Онъ успѣлъ уже, между прочимъ, спросить у тѣхъ, которые работали вмѣстѣ съ нимъ, что они получаютъ въ день за такую работу; тѣ отвѣчали ему: *тридцать су*. Такъ какъ ему на завтра надо было рано выходить изъ Грасса, то, какъ только см

солнце, онъ подошелъ къ хозяину завода и попросилъ разсчета. Хозяинъ, молча, вручилъ ему пятнадцать су. Онъ заявилъ, что мало. *Довольно съ тебя*, сказали ему. Онъ сталъ требовать. Хозяинъ пристально поглядѣлъ на него и закричалъ: Берегись тюрьмы!

Тутъ онъ опять рѣшилъ, что его обокрали.

Тамъ общество, государство своими вычетами изъ накопленныхъ имъ денегъ обокрало его на значительную сумму. Тутъ человекъ укралъ у него копѣйки.

Выпустить еще не значитъ освободить. Снимаютъ кандалы, но не снимаютъ вины.

Вотъ что случилось съ нимъ въ Грассѣ. Читателямъ уже извѣстно, какъ встрѣтилъ его въ Д.

X.

Пробудившійся человекъ.

Итакъ, когда два часа утра пробили на соборной колокольнѣ, Жанъ Вальжанъ проснулся.

Его разбудило то, что постель была слишкомъ хороша. Уже двадцать лѣтъ онъ не спалъ на кровати, и, хотя сегодня не раздѣвался, во ощущение было слишкомъ ново для него, чтобы не мѣшать ему спать.

Онъ спалъ больше четырехъ часовъ. Усталость его прошла. Онъ привыкъ не тратить много времени на отдыхъ.

Онъ открылъ глаза, посмотрѣлъ вокругъ себя и снова закрылъ ихъ, чтобы уснуть.

Когда человекъ испытаетъ днемъ много различныхъ ощущений, когда умъ его занятъ, онъ можетъ уснуть; но, пробудившись, уже не заснетъ снова. Сонъ скорѣе приходитъ, чѣмъ возвращается. Это случилось и съ Жаномъ Вальжаномъ. Онъ не могъ снова уснуть и началъ размышлять.

Онъ былъ въ одномъ изъ тѣхъ положеній, когда мысли смутно бродятъ въ головѣ и смѣшиваются одна съ другой. Старыя и новыя воспоминанія его смѣшивались въ мозгу, переплетались одно съ другимъ, теряя свои формы, то увеличиваясь до громадныхъ размѣровъ, то вдругъ, будто исчезая въ грязной и волнуемой водѣ. Много мыслей приходило ему на умъ, но одна неотступно преслѣдовала его и прогнала всѣ другія. Эта мысль была вотъ какая: онъ замѣтилъ шесть серебряныхъ приборовъ и суповую ложку, положенные г-жею Магдуаръ на столъ во время ужина.

Эти шесть серебряныхъ приборовъ мучили его. Они были тутъ, въ нѣсколькихъ шагахъ. Въ ту минуту, когда онъ проходилъ въ свою комнату, старая служанка прятала ихъ въ маленькій шкафъ надъ кроватью. Онъ хорошо замѣтилъ этотъ шкафъ. Направо отъ дверей столовой. Приборы были массивные, стараго серебра. За одну суповую ложку можно было выручить, по крайней мѣрѣ, двѣсти франковъ, вдвое противъ того, что онъ заработалъ въ теченіе девятнадцатилѣтняго тюремнаго заключенія.

цати лѣтъ. Правда, что онъ заработалъ бы больше, еслибъ «начальство» не «обкрадывало» его.

Цѣлый часъ въ умѣ его происходило колебанье, къ которому при- шѣшивалась борьба. Пробило три часа. Онъ раскрылъ глаза, быстро приподнялся на кровати, протянулъ руку и ощупалъ свою сумку, которую онъ бросилъ вчера въ уголъ алькова; потомъ онъ спустилъ ноги съ кровати и, такимъ образомъ, очутился, самъ не зная какъ, въ сидячемъ положеніи.

Нѣсколько времени онъ сидѣлъ въ задумчивости; видъ его, бодрствующаго въ этомъ спящемъ домѣ, показался бы зловѣщимъ тому, кто взглянулъ бы на него. Вдругъ онъ наклонился, снялъ башмаки и осторожно поставилъ ихъ на коврики подлѣ кровати, потомъ снова всталъ въ задумчивость и остался неподвиженъ.

Среди этаго гнуснаго размышленія, мысли, о которыхъ мы говорить, безпрестанно двигали его мозгъ, входили, выходили, снова входили, давили его, а потомъ, самъ не зная почему, съ машинальнымъ упорствомъ задумчивости, онъ вспоминалъ нѣкоего Врсье, котораго онъ зналъ на галерахъ, п брюки котораго держались на одной подтяжкѣ изъ вязаной бумаги. Шапечный рисунокъ этой подтяжки безпрестанно приходилъ ему на умъ.

Онъ оставался въ этомъ положеніи и остался бы, можетъ быть, въ немъ до разсвѣта, еслибы часы не пробили четверти или половнины. Этотъ ударъ часовъ, казалось, сказалъ ему: дѣйствуй!

Онъ всталъ, подумалъ еще минуту и сталъ прислушиваться; въ домѣ была глубокая тишина; тогда онъ пошелъ прямо и мелкими шагами къ окну, которое онъ различалъ въ сумракѣ. Ночь была не очень темна. Надъ полною луною проходили широкія облака, гонимыя вѣтромъ. На дворѣ тьма перемѣшалась съ свѣтомъ, а въ домѣ царствовалъ сумракъ. Подойдя къ окну, Жанъ Вальжанъ сталъ его осматривать, оно было безъ рѣшетки, выходило въ садъ и затворялось только маленькимъ засовомъ. Онъ раскрылъ его, но долженъ былъ сейчасъ же снова закрыть, потому что холодный и пронзительный воздухъ ворвался въ комнату. Онъ посмотрѣлъ въ садъ тѣмъ внимательнымъ взглядомъ, который больше изучаетъ, чѣмъ смотритъ. Садъ былъ огороженъ бѣлою стѣною, довольно низкою, черезъ которую легко было перелѣзть. Въ глубинѣ, за садомъ, онъ различилъ верхушки деревьевъ, посаженныхъ въ равномъ разстояніи одно отъ другого. Это доказывало, что стѣна отдѣляла садъ отъ аллеи или отъ улицы, обсаженной деревьями.

Кончивъ это обозрѣніе, Жанъ Вальжанъ сдѣлалъ рѣшительное движеніе, пошелъ къ алькову, взялъ свою сумку, раскрылъ ее, порылся въ ней, вынулъ изъ нея какую то вещь, которую положилъ на кровать, спряталъ башмаки въ карманъ, заперъ сумку, вскинулъ ее на плечи, надѣлъ фуражку, надвинулъ козырекъ на глаза, нащелъ ошупью свою палку и поставилъ ее въ уголъ подлѣ окна; потомъ снова вернулся къ кровати и быстро схватилъ вещь, которую только-что положилъ на нее. Эта вещь походила на короткую желѣзную полосу, заостренную съ одного конца.

Въ темнотѣ трудно было бы догадаться, для какого употребленія была сдѣлана эта желѣзная штука: былъ ли это рычагъ, была ли то простая палка.

Днемъ можно было бы узнать, что это было ничто иное, какъ подсвѣчникъ рудокопа. Каторжниковъ заставляли иногда раскапывать высокіе холмы, окружающіе Тулонъ, и нерѣдко давали имъ въ распоряженіе рудокопные инструменты. Подсвѣчники рудокоповъ сдѣланы изъ массивнаго желѣза и оканчиваются внизу остриемъ, посредствомъ котораго ихъ втыкаютъ въ камень.

Онъ взялъ подсвѣчникъ въ правую руку и, сдерживая дыханіе, ступая чуть слышно, направился къ двери сосѣдней комнаты—комнаты епископа. Дойдя до этой двери, онъ напелъ ее полукрытою; епископъ не затворилъ ее.

XI.

Что онъ дѣлаетъ.

Жанъ Вальжанъ сталъ прислушиваться,—все тихо.

Онъ толкнулъ дверь.

Онъ толкнулъ ее пальцемъ, легко, съ безпокойною и поспѣшною осторожностью кошки, которая хочетъ войти въ комнату.

Дверь поддалась толчку и сдѣлала незамѣтное и молчаливое движеніе, немного расширившее отверстіе.

Онъ подождалъ съ минуту, потомъ толкнулъ дверь еще разъ, еще сильнѣе.

Дверь продолжала поддаваться безъ шума. Теперь отверстіе сдѣлалось велико на столько, что онъ могъ пройти. Но подлѣ двери стоялъ маленький столикъ, заграждавшій входъ.

Жанъ Вальжанъ понялъ препятствіе. Надо было, во чтобы то ни стало, чтобы отверстіе сдѣлалось еще шире.

Онъ рѣшился, и въ третій разъ, еще съ большею энергіею, толкнулъ дверь. На этотъ разъ дурно смазанная петля испустила вдругъ злобщій и продолжительный крикъ.

Жанъ Вальжанъ вздрогнулъ. Звукъ этой петли прозвучалъ въ за-
лѣ страшно и громко, какъ труба страшнаго суда.

Въ фантастическомъ страхѣ первой минуты, онъ почти воображалъ себя, что эта петля сдѣлалась живымъ существомъ и лаяла, какъ собака, чтобы разбудить всѣхъ спящихъ и дать имъ знать о томъ, что происходитъ.

Онъ остановился, дрожа, задыхаясь, и спустился съ кончиковъ пальцевъ на пятки. Онъ чувствовалъ, что артеріи его стучали въ вискахъ, точно кузнечные молоты, и что дыханіе его выходило изъ груди съ шумомъ вѣтра, вырывающагося изъ пещеры. Ему казалось невозможнымъ, чтобы страшный шумъ этой разсерженной петли не потрясъ всего дома, какъ ударъ землетрясенія; дверь, толкнутая имъ, испугалась и звала на помощь; сторожъ сейчасъ встанетъ, двѣ старухи подымутъ крикъ, люди сбѣгутъ на помощь; въ четверть

часа, весь городъ будетъ въ суматохѣ, а жандармы на ногахъ. Одно мгновеніе онъ считалъ себя погибшимъ.

Онъ стоялъ все на томъ же мѣстѣ, окаменѣлый, не смѣя сдѣлать ни одного движенія. Прошло нѣсколько минутъ. Дверь растворилась настежь. Онъ осмѣлился взглянуть въ комнату. Тамъ все было неподвижно. Онъ сталъ прислушиваться. Въ домѣ была, попрежнему, тишина. Шумъ петли не разбудилъ никого.

Первая опасность прошла, но онъ еще былъ полонъ ужаснаго смятенія. Однако, онъ не отступилъ. Даже и въ ту минуту, когда считалъ себя погибшимъ, не отступилъ. Теперь онъ думалъ только, какъ бы скорѣй кончить. Онъ сдѣлалъ шагъ и вошелъ въ комнату.

Въ комнатѣ этой все было совершенно спокойно. Жанъ Вальжанъ пошелъ впередъ осторожно, стараясь не толкнуться о мебель. Въ глубинѣ комнаты слышалось ровное и спокойное дыханіе спящаго епископа.

Онъ вдругъ остановился. Онъ былъ подлѣ кровати. Онъ пришелъ къ ней скорѣе, чѣмъ думалъ.

Природа примѣшиваетъ иногда свои эффекты и зрѣлища къ нашимъ дѣйствіямъ, какъ-будто желая навести насъ на размышленія. Уже полчаса большая туча закрывала небо. Въ ту минуту, когда Жанъ Вальжанъ остановился у кровати, эта туча, точно нарочно, разорвалась и лучъ луны, пройдя сквозь длинное окно, внезапно освѣтилъ блѣдное лицо епископа. Онъ спалъ спокойно. Вслѣдствіе ночного холода, обыкновеннаго въ Верхнихъ Альпахъ, онъ лежалъ въ кровати почти одѣтый, въ платьѣ изъ темной шерстяной матеріи, закрывавшемъ его руки до кистей. Голова его лежала на подушкѣ съ небрежнымъ спокойствіемъ; съ кровати свѣшивалась рука, украшенная пастырскимъ кольцомъ, эта рука, разсыпавшая столько добрыхъ и святыхъ дѣлъ. Все лицо освѣщалось неопредѣленнымъ выраженіемъ удовольствія, надежды и блаженства. На лбу лежало невыразимое отраженіе какого-то невидимаго свѣта. Душа праведника во время сна созерцаетъ таинственное небо.

Одинъ изъ отблесковъ этого неба лежалъ на епископѣ.

Это была въ то же время какая-то лучезарная прозрачность, потому-что это небо было внутри его. Это небо—была его совѣсть.

Въ ту минуту, когда лунный свѣтъ, такъ сказать, встрѣтился съ этимъ внутреннимъ свѣтомъ, спящій епископъ явился какъ-бы въ сіяніи славы. Но сіяніе это осталось тихимъ и какъ бы полузакрытымъ восхитительнымъ полусвѣтомъ. Эта луна на небѣ, эта спящая природа, этотъ садъ безъ трепета, этотъ спокойный домъ, часть минута, безмолвіе, прибавляли что-то невыразимо торжественное и неописанное къ почтенному спокойствію этого человѣка, и окружали какъ-бы величественною и чистою діадемою эти сѣдые волосы и закрытые глаза, это лицо, въ которомъ все была надежда и все было довѣрчивость, эту голову старика и этотъ сонъ дитяти.

Было нѣчто божественное въ этомъ человѣкѣ, царственномъ безъ своего вѣдома.

А Жанъ Вальжанъ стоялъ въ тѣни, съ своимъ желѣзнымъ вол-

свѣчникомъ въ рукахъ, неподвижный, въ испугѣ отъ этого лучезарнаго старика. Никогда онъ не видѣлъ ничего подобнаго. Эта довѣрчивость приводила его въ ужасъ. Въ нравственномъ мірѣ не можетъ быть зрѣлища выше того, которое представляетъ смущенная и безпокойная совѣсть, дошедшая до дурнаго дѣла и созерцающая сонъ праведника.

Никто не могъ бы сказать, что происходило въ немъ, да и онъ самъ не объяснилъ бы этого. Чтобы дать себѣ отчетъ въ этомъ положеніи, надо представить себѣ самое сильное бѣшенство въ присутствіи величайшей кротости. Даже на лицѣ его нельзя было бы ничего различить съ точностью. Это было какое-то обезумѣвшее удивленіе. Онъ смотрѣлъ—вотъ и все. Но что онъ думалъ — никто не угадалъ бы этого. Было очевидно только, что онъ былъ взволнованъ и потрясенъ. Но какого рода было это потрясеніе?

Взглядъ его не отрывался отъ старика. Единственное ощущеніе, ясно отражавшееся въ его лицѣ и движеніяхъ, была странная нерѣшимость. Казалось, что онъ колебался между двумя безднами — тою, въ которой гибнуть, и тою, въ которой спасаются. Казалось, что онъ готовъ былъ размозжить этотъ черепъ или поцаловать эту руку.

Черезъ нѣсколько минутъ, онъ медленно поднялъ лѣвую руку ко лбу и снялъ фуражку; потомъ, рука снова спустилась съ тою же медленностью, и Жанъ Вальжанъ снова впалъ въ прежнее положеніе, стоя съ фуражкой въ лѣвой рукѣ, съ палкой въ правой, съ волосамъ, вставшими дыбомъ на свирѣпой головѣ.

Епископъ продолжалъ спать глубокимъ и мирнымъ сномъ подъ этимъ ужаснымъ взглядомъ.

Отблескъ луны позволялъ смутно различать надъ каминомъ распатіе, которое, казалось, обнимъ имъ открывало руки,—одному для благословенія, другому для прощенія.

Вдругъ Жанъ Вальжанъ надѣлъ снова фуражку и, не глядя на епископа, быстро пошелъ вдоль кровати прямо къ шкапнику, который онъ различалъ подлѣ изголовья; онъ поднялъ подсвѣчникъ, какъ бы для того, чтобы сломать замокъ. Онъ раскрылъ шкафъ, первая вещь, попавшаяся ему на глаза, была корзина съ серебромъ; онъ взял ее, быстро и безъ всякой осторожности прошелъ комнату, дошелъ до двери, вошелъ въ молельню, открылъ окошко, схватилъ свою палку, перелѣзъ черезъ окно, спряталъ серебро въ сумку, бросилъ корзинку, прошелъ садъ, какъ тигръ, перескочилъ черезъ стѣну, и убѣжалъ.

ХІІ.

ЕПИСКОПЪ РАБОТАЕТЪ.

На другой день, на разсвѣтѣ, монсеньоръ Бьенвеню прогуливался по саду. Г-жа Маглуаръ приближала къ нему въ сильномъ волненіи.

— Монсеньоръ, монсеньоръ! — закричала она, — не знаете ли вы, гдѣ корзинка съ серебромъ?

— Знаю, отвѣчалъ епископъ.

— Слава Господу Іисусу!—продолжала она.—А я не знала, что съ нею сдѣлалось.

Епископъ только что поднялъ корзинку на одной изъ грядокъ. Онъ подалъ ее г-жѣ Маглуарь.

— Вотъ она.

— Какъ!... сказала она,—да въ ней ничего нѣтъ! А серебро гдѣ?

— А!—возразилъ епископъ,—такъ васъ серебро занимаетъ? Ну, я не знаю, гдѣ оно.

— Господи Боже мой! оно украдено! Это вчерашній человѣкъ укралъ его.

Въ одно мгновеніе, со всею живостью проворной старухи, г-жа Маглуарь побѣжала въ моленную, вошла въ альковъ и вернулась къ епископу. Онъ стоялъ, наклонясь, и вздыхая надъ однимъ растеніемъ, которое сломала корзинка при паденіи на грядки. Онъ выпрямился при крикѣ г-жи Маглуарь.

— Монсеньоръ, этотъ человѣкъ ушелъ! Серебро украдено!

Вмѣстѣ съ этимъ восклицаніемъ, взглядъ ея упалъ на тотъ уголокъ сада, въ которомъ видны были слѣды побѣга. Стропило на стѣнѣ было оторвано.

— Смотрите, вотъ онъ куда ушелъ! Онъ выскочилъ въ улицу Кош-филе! Ахъ, ужасъ! онъ укралъ наше серебро!

Епископъ съ минуту помолчалъ, потомъ поднялъ глаза съ серьезнымъ выраженіемъ и съ кротостью сказалъ г-жѣ Маглуарь:

— Но, во-первыхъ, было ли это серебро дѣйствительно наше?

Г-жа Маглуарь растерялась. Послѣ минуты молчанія, епископъ продолжалъ:

— Г-жа Маглуарь, я ужъ давно поступаю несправедливо, удерживая у себя это серебро. Оно принадлежало бѣднымъ. Кто былъ этотъ человѣкъ? очевидно, бѣдный.

— Господи Іисусе!—возразила г-жа Маглуарь, вѣдь я забочусь не о себя, не о барышнѣ. Намъ все равно. Но вы, монсеньоръ? На чемъ вы теперь будете кушать?

Епископъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на нее:

— Да развѣ нѣтъ оловянныхъ приборовъ?

Г-жа Маглуарь пожала плечами.

— Олово имѣетъ запахъ.

— Такъ желѣзные.

Г-жа Маглуарь сдѣлала выразительную гримасу.

— Желѣзо оставляетъ непріятный вкусъ.

— Ну, сказалъ епископъ, — такъ деревянные.

Черезъ нѣсколько минутъ, онъ завтракалъ на томъ самомъ столѣ, за которымъ Жанъ Пальжанъ сидѣлъ наканунѣ. Завтракая, Монсеньоръ Бьенвеню весело доказывалъ сестрѣ своей, которая ничего не говорила, и г-жѣ Маглуарь, которая глухо ворчала, что ненужно имѣть ни ложки, ни вилки, даже деревянныхъ, для того, чтобы мочить кусокъ хлѣба въ чашкѣ молока,

— И придетъ же на-умъ,»—говорила г-жа Маглуаръ сама съ собою, принимать такого человѣка и еще давать ему приютъ у себя въ домѣ! Да еще счастье, что онъ только укралъ!... Ахъ ты, Господи, страшно даже подумать!

Когда братъ и сестра хотѣли встать изъ-за стола, кто-то стукнулъ въ дверь.

— Войдите!—сказалъ епископъ.

Дверь отворилась. Странная группа появилась на порогѣ: трое людей держали четвертаго за воротъ. Эти трое были жандармы; четвертый—Жанъ Вальжанъ.

Унтеръ-офицеръ вошелъ и подошелъ къ епископу, отдавъ честь по военному.

— Монсеньоръ... сказалъ онъ.

При этомъ словѣ, Жанъ Вальжанъ, стоявшій въ мрачномъ молчаніи и уныніи, поднялъ голову съ изумленнымъ видомъ.

— Монсеньоръ? прошепталъ онъ,—такъ это не священникъ...

— Молчите, сказалъ жандармъ. Это господинъ епископъ.

Между тѣмъ епископъ приблизился къ приходившимъ такъ поспѣшно, какъ позволяли ему его лѣта.

— А, вотъ вы!—вскричалъ онъ, глядя на Жана Вальжана. —Я радъ васъ видѣть. Что жъ это вы? Вѣдь я вамъ далъ и подсвѣчники, которые тоже серебряные и за которые вы всегда можете выручать двѣсти франковъ, зачѣмъ же вы не унесли ихъ съ приборами?

Жанъ Вальжанъ раскрылъ глаза и посмотрѣлъ на почтеннаго епископа съ выраженіемъ, котораго не передастъ никакой человѣческой языкъ.

— Монсеньоръ,—сказалъ унтеръ-офицеръ,—значитъ, этотъ человѣкъ говорилъ правду? Мы его встрѣтили. Онъ будто убѣгалъ отъ кого-нибудь. Мы его остановили и осмотрѣли. При немъ было серебро...

— И онъ вамъ сказалъ,—прервалъ епископъ съ улыбкой,—что оно подарено ему старымъ добрякомъ-священникомъ, у котораго онъ провелъ ночь?—Я угадваю. И вы его привели сюда? Это ошибка.

— Значитъ,—прервалъ унтеръ-офицеръ,—мы можемъ его отпустить?

— Безъ сомнѣнія,—отвѣчалъ епископъ.

Жандармы освободили Жана Вальжана, который отступилъ на шагъ.

— Правда ли, что меня отпускаютъ?—спросилъ онъ неслышнымъ голосомъ и какъ-бы говоря во снѣ.

— Да, тебя отпускаютъ, развѣ ты не слышишь? сказалъ жандармъ.

— Другъ мой!—продолжалъ епископъ, прежде чѣмъ вы уйдете, возьмите ваши подсвѣчники. Вотъ они.

Онъ пошелъ къ камину, взялъ оба подсвѣчника и понесъ ихъ къ Жану Вальжану. Обѣ женщины смотрѣли на епископа и не нарушили его дѣйствій ни однимъ словомъ, ни однимъ движеніемъ, ни однимъ взглядомъ.

Жанъ Вальжанъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ. Онъ взялъ подсвѣчники машинально. Глаза его дико блуждали.

— Теперь,—сказалъ епископъ,—ступайте съ миромъ. Кстати, другъ мой, когда вы еще разъ придете сюда, то вамъ незачѣмъ прохо-

дять черезъ садъ. Вы всегда можете входить и-выходить въ наружную дверь. Она запирается простымъ засовомъ и днемъ, и ночью.

Потомъ, обращаясь къ жандармамъ, прибавилъ:

— Господа, вы можете уйти.

Жандармы вышли.

Жанъ Вальжанъ былъ въ положеніи человѣка, готоваго упасть въ обморокъ.

Епископъ подошелъ къ нему и въ полголоса сказалъ:

— Не забывайте, не забывайте никогда, что вы обѣщали мнѣ употребить эти деньги на то, чтобы сдѣлаться честнымъ человѣкомъ.

Жанъ Вальжанъ, который не помнилъ никакого подобнаго обещанія, совершенно растерялся. Епископъ сдѣлалъ удареніе на этихъ словахъ. Онъ продолжалъ торжественнымъ тономъ:

— Жанъ Вальжанъ, братъ мой, съ этого часа вы принадлежите уже не злу, а добру. Я купилъ у васъ вашу душу; я вырываю ее у черныхъ мыслей и духа пагубы и отдаю ее Богу.

XIII.

Малютка—Жерве.

Жанъ Вальжанъ вышелъ изъ города такъ, какъ-будто бѣжалъ изъ него. Онъ поспѣшно пошелъ полемъ, поворачивая на первыя встрѣчныя дороги и тропинки, и не замѣчая, что кружился на однихъ и тѣхъ же мѣстахъ. Такъ онъ блуждалъ цѣлое утро, ничего не ѣлъ и не былъ голоденъ. Рой новыхъ ощущеній овладѣлъ имъ. Онъ чувствовалъ въ себѣ присутствіе какого-то гнѣва, но противъ кого—этого онъ самъ не зналъ. Ему самому трудно было-бы объяснить: тронуть-ли онъ былъ, или оскорбленъ. По временамъ, на него находило странное умиленіе, которае онъ старался побороть зачерствѣlostью послѣднихъ двадцати лѣтъ своей жизни. Это состояніе утомляло его. Онъ съ безпокойствомъ замѣчалъ, что въ немъ колеблется то ужасное спокойствіе, которое дала ему несправедливость его несчастія. Онъ спрашивалъ себя, что замѣнить это состояніе? Иногда онъ даже жалѣлъ, что все это такъ случилось и что жандармы не свели его въ тюрьму: это не такъ бы взволновало его. Хотя время года было уже довольно позднее, но тамъ и сямъ уцѣлѣли еще цвѣты, запахъ которыхъ напоминалъ ему годы дѣтства. Эти воспоминанія становились для него почти невыносимыми—такъ давно уже онъ не посѣщали его!

Невыразимыя мысли волновали его, такимъ образомъ, цѣлый день.

Въ то время, когда солнце закатывалось, удлинняя на землѣ тѣнь малѣйшаго камешка, Жанъ Вальжанъ сидѣлъ за кустарникомъ, въ большой долинѣ, совершенно пустынной. На горизонтѣ видны были только Альпы. Кромѣ ихъ, ничего, даже ни одной колокольни отдаленнаго села. Жанъ Вальжанъ былъ, можетъ быть, въ трехъ лье отъ Д* Тропинка, пересѣкавшая долину, проходила въ нѣсколькихъ шагахъ отъ кустарника.

Онъ сидѣлъ въ глубокой задумчивости, которая дѣлала его рубище еще болѣе ужасающимъ; вдругъ онъ услышалъ веселый шумъ.

Онъ обернулся: по тропинкѣ шелъ, распѣвая пѣсни, савояръ лѣтъ десяти, съ лютней на боку и ящикомъ съ суркомъ на спинѣ.

Это былъ одинъ изъ тѣхъ веселыхъ и кроткихъ дѣтей, которыя переходятъ изъ страны въ страну, показывая свои колѣни сквозь дыры панталонъ.

По временамъ малютка останавливался и, не переставая пѣть, начиналъ играть нѣсколькими монетами, которыя онъ держалъ въ рукахъ, — вѣроятно, все его богатство. Между ними была монета въ сорокъ су.

Мальчикъ остановился подлѣ кустарника и, не видя Жана Вальжана, подбросилъ деньги, которыя досихъ поръ онъ ловилъ довольно искусно.

На этотъ разъ онъ промахнулся и монета въ сорокъ су покати-лась къ кустарнику до Жана Вальжана.

Жанъ Вальжанъ наступилъ на нее ногою.

Ребенокъ, однако, слѣдилъ глазами за своей монетой и видѣлъ, гдѣ она упала.

Онъ не удивился и прямо пошелъ къ этому человеку.

Мѣсто, гдѣ они находились, было совершенно пустынно. На всемъ пространствѣ, какое только могъ обозрѣть глазъ, не было никого ни въ долинѣ, ни на тропинкѣ. Слышались только слабые крики перелетныхъ птицъ, пронесившихся въ неизмѣримой высотѣ. Ребенокъ стоялъ спиной къ солнцу, золотившему его волосы и бросающему кровавый свѣтъ на дикое лицо Жана Вальжана.

— Господинъ, — сказалъ малый савояръ, съ тою дѣтскою довѣрчивостью, которая составлена изъ невѣдѣнія и невинности — мой деньги!

— Какъ тебя зовутъ? — спросилъ Жанъ Вальжанъ.

— Малютка-Жерве.

— Убрайся! — сказалъ Жанъ Вальжанъ.

— Господинъ, — продолжалъ ребенокъ, — отдайте мнѣ мои деньги! —

Жанъ Вальжанъ опустилъ голову и не отвѣчалъ.

Ребенокъ снова началъ:

— Мои деньги!

Глаза Жана Вальжана не отрывались отъ земли.

— Мои деньги! — кричалъ ребенокъ, мои бѣдныя деньги!

Жанъ Вальжанъ, казалось, не слышалъ. Малютка взялъ его за воротъ блузы и потрясъ. Въ то же время онъ усиливался сдвинуть толстый башмакъ, стоявшій на его сокровищѣ.

— Отдайте мнѣ мои деньги, мои сорокъ су!

Ребенокъ плакалъ. Жанъ Вальжанъ поднялъ голову. Онъ продолжалъ сидѣть. Глаза его помутились. Онъ посмотрѣлъ на ребенка съ какимъ-то удивленіемъ, потомъ протянулъ руку къ палкѣ и закричалъ испуганнымъ голосомъ: — Кто тутъ?

— Я, господинъ, — отвѣчалъ ребенокъ. — Малютка-Жерве! я, я! Отдайте мнѣ мои сорокъ су! Подвиньте ногу! Потомъ, совершенно разсерженный, онъ, почти съ угрожающимъ видомъ, закричалъ.

— Да отодвинете ли вы, наконецъ, ногу? Отодвиньте, говорятъ вамъ!

— А, ты все здѣсь! — сказала Жанъ Вальжанъ и, вдругъ вскочивъ, продолжая держать ногу на монетѣ, прибавилъ: «Уйдешь-ли ты, наконецъ?»

Ребенокъ съ испугомъ посмотрѣлъ на него, потомъ началъ дрожать всѣмъ тѣломъ и, простоявъ нѣсколько минутъ, точно ошеломленный, бросился бѣжать изъ всѣхъ силъ, не смѣя повернуть голову или крикнуть.

Но скоро одышка заставила его остановиться, и Жанъ Вальжанъ, сквозь свою задумчивость, услышалъ его рыданія.

Черезъ нѣсколько минутъ, ребенокъ исчезъ.

Солнце сѣло.

Вокругъ Жана Вальжана разстилались сумерки. Онъ не вѣлъ цѣлый день; очень вѣроятно, что у него была лихорадка.

Онъ стоялъ и не сдѣлалъ ни одного движенія съ тѣхъ поръ, какъ ребенокъ убѣжалъ. Грудь его вздымалась отъ неровнаго и долгаго дыханія. Взглядъ, остановившійся за десять или двѣнадцать шаговъ, казалось, съ глубокимъ вниманіемъ изучалъ форму стараго фаянсоваго черепка, лежавшаго на травѣ. Вдругъ онъ вздрогнулъ: онъ почувствовалъ вечерній холодъ.

Тогда онъ плотнѣе надѣлъ фуражку, сталъ машинально застегивать блузу, сдѣлалъ шагъ и наклонился, чтобы поднять съ земли палку.

Въ эту минуту онъ замѣтилъ монету, которая, отъ давленія его ноги, зарылась до половины въ землю и блестѣла между камешками. Вальжанъ вздрогнулъ, какъ отъ гальваническаго удара. «Что это такое?» спросилъ онъ сквозь зубы. Онъ отступилъ на три шага, потомъ остановился и не могъ оторвать глазъ отъ этой вещи, которую онъ только-что держалъ подъ ногою, какъ-будто эта вещь, свѣтившаяся тутъ, въ темнотѣ, была раскрытый глазъ, устремленный на него.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ судорожно бросился къ монетѣ, схватилъ ее и, выпрямившись, началъ смотрѣть далеко въ долину, бросая взоры во всѣ концы горизонта и вздрагивая, какъ испуганный хищный звѣрь, ищущій убѣжища.

Онъ не увидѣлъ ничего. Ночь наступала; долина становилась холодна и темна, фіолетовые туманы подымались среди сумрачнаго свѣта.

Онъ быстро пошелъ по тому направленію, гдѣ исчезъ ребенокъ. Пройдя шаговъ тридцать, онъ остановился, посмотрѣлъ и не увидѣлъ ничего.

Тогда онъ крикнулъ изъ всѣхъ силъ: *Малютка-Жерве! Малютка-Жерве!*

Онъ замолчалъ и сталъ ожидать.

Никто не отвѣчалъ.

Долина была пустынна и угрюма. Онъ былъ окружонъ пространствомъ. Вокругъ него не было ничего, кромѣ сумрака, въ которомъ терялся взоръ его и безмолвія, въ которомъ пропадалъ его голосъ.

Ледянистый вѣтеръ дулъ и придавалъ всему окружающему какую-то мрачную жизнь. Кустарники качали своими тощими ручонками

съ невѣроятнымъ бѣшенствомъ. Казалось, они угрожали и гнались за кѣмъ-то.

Онъ снова пустился въ путь, потомъ началъ бѣжать и, по временамъ, останавливался и кричалъ голосомъ, исполненнымъ такой силы и отчаянія, какія только можно себѣ представить: «Малютка-Жерве!»

Еслибы ребенокъ и слышалъ его, то, конечно, испугался бы и не показался. Но ребенокъ былъ уже, безъ сомнѣнія, очень далеко.

Онъ встрѣтилъ священника, ѣхавшаго верхомъ, подошелъ къ нему и спросилъ:

— Г. священникъ, не встрѣтили ли вы ребенка?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ священникъ.

— По имени Малютка-Жерве?

— Я не встрѣтилъ никого.

Жанъ Вальжанъ, вынулъ изъ сумки двѣ пяти-франковыя монеты и отдалъ ихъ священнику.

— Г. священникъ, вотъ для вашихъ бѣдныхъ. Г. священникъ, это мальчакъ лѣтъ десять, съ суркомъ, кажется, и съ лютой, одинъ изъ савояровъ, знаете?

— Я не видѣлъ.

— Малютка-Жерве, онъ не изъ вашихъ мѣстъ? Не знаете ли?

— Судя по вашимъ словамъ, другъ мой, онъ не изъ здѣшнихъ. Они ходятъ вездѣ. По имени ихъ никто не знаетъ.

Жанъ Вальжанъ быстро вынулъ еще двѣ пяти-франковыя монеты и отдалъ ихъ священнику.

— Для вашихъ бѣдныхъ,—сказалъ онъ.

И прибавилъ съ дикимъ видомъ:

— Г. аббатъ, велите арестовать меня. Я воръ.

Священникъ въ испугѣ припоририлъ лошадь и быстро скрылся.

Жанъ Вальжанъ побѣжалъ по тому направленію, по которому шелъ сначала.

Такимъ образомъ, онъ прошелъ довольно-далеко, смотря, призывая, крича, но не встрѣтилъ больше никого. Два или три раза подбѣгалъ онъ къ чему-то, казавшемуся ему лежащимъ существомъ; но то были кустарники или камни. Наконецъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ скрещиваются три тропинки, онъ остановился. Луна вошла. Онъ посмотрѣлъ въ даль и въ послѣдній разъ крикнулъ: «Малютка-Жерве! Малютка-Жерве! Малютка-Жерве!» Голосъ его потерялся въ туманѣ, не вызвавъ даже эхо. Онъ еще разъ прошепталъ: «Малютка-Жерве!» но уже слабымъ и почти неслышнымъ голосомъ. Это было его послѣднее усиліе; ноги вдругъ подкосились подъ нимъ, какъ-будто невидимая сила обрушивалась на него всю тяжесть его дурной совѣсти; изнеможенный, онъ упалъ на камень и, сдавивъ кулаками голову и спрявъ лицо въ колѣняхъ, закричалъ: «Я негодяй!»

Тогда сердце его не выдержало и онъ заплакалъ. — заплакалъ въ первый разъ послѣ девятнадцати лѣтъ.

Мы видѣли, что когда Жанъ Вальжанъ вышелъ отъ епископа, онъ былъ далеко отъ всего, что было до-сихъ-поръ его мыслью.

Онъ не могъ дать себѣ отчета въ томъ, что происходило въ немъ. Онъ старался не склонить головы предъ ангельскимъ поступкомъ и кроткими словами старика. «Вы обѣщали мнѣ сдѣлаться честнымъ человѣкомъ. Я купилъ у васъ вашу душу. Я вырываю ее у духа пагубы и отдаю Богу». Эти слова безпрестанно прихливали ему на память. Онъ противопоставлялъ этой божественной снисходительности гордость, которая служить намъ какъ-бы крѣпостью, гдѣ укрывается зло. Онъ неясно понималъ, что прощеніе этого священника — самый страшный ударъ, какому онъ когда-либо подвергался; что зачерствѣлость его никогда не исчезнетъ, если онъ не преклонится и предъ этимъ милосердіемъ; что, если онъ уступить, то долженъ будетъ отказаться отъ той ненависти, которою дѣйствія другихъ людей наполняли душу его въ теченіе столькихъ лѣтъ и которая ему нравилась; что на этотъ разъ надо было побѣдить или остаться побѣжденнымъ, и что борьба, борьба колоссальная и окончательная, завязалась между его злостью и добротою этого человѣка.

Въ виду всѣхъ этихъ откровеній, онъ шелъ, какъ пьяный, и глаза его дико блуждали. Имѣлъ ли онъ въ это время ясное представленіе о томъ результатѣ, который могло имѣть для него приключеніе въ Д*? Слышалъ ли онъ, гдѣ таинственные голоса, которые осаждаютъ умъ человѣка въ извѣстныхъ минуты жизни? Какой-нибудь голосъ говорилъ ли ему на ухо, что онъ прожилъ торжественный часъ своей жизни, что для него не было больше середины; что если съ этихъ поръ онъ не станетъ лучшимъ изъ людей, то сдѣлается худшимъ; что ему теперь, такъ сказать, слѣдовало или подняться выше епископа, или пасть ниже каторжника; что если онъ захочетъ сдѣлаться добрымъ, то долженъ превратиться въ ангела; что если онъ захочетъ сдѣлаться злымъ, то долженъ сдѣлаться чудовищемъ.

Здѣсь надо предложить себѣ тѣ же вопросы, которые мы уже задавали себѣ: собиралъ ли онъ смутно хоть гдѣнъ всего этого въ мысляхъ своихъ? Конечно, какъ мы уже сказали, несчастія образуютъ и воспитываютъ умъ; но сомнительно, чтобы Жанъ Вальжанъ былъ въ состояніи уяснить себѣ все, на что мы указали. Если эти мысли приходили къ нему, то онъ скорѣе смутно различалъ ихъ, чѣмъ видѣлъ, и онѣ только повергали его въ невыразимое и почти горестное смятеніе. Послѣ выхода его изъ этой безобразной и черной бездны, которая называется каторгой, епископъ ранилъ его душу, какъ слишкомъ сильный свѣтъ ранилъ бы его глаза по выходѣ изъ тьмы. Будущая жизнь, жизнь чистая и лучезарная, которая открывалась съ этихъ поръ передъ нимъ, наполняла его трепетомъ и безпокойствомъ. Онъ не зналъ, что съ нимъ дѣлается. Какъ сова закрываетъ глаза предъ внезапнымъ выходомъ солнца, такъ каторжникъ былъ точно ослѣпленъ добродѣтелью.

Одно было очевидно — и въ этомъ онъ самъ не сомнѣвался; — это то, что онъ сдѣлался совсѣмъ инымъ человѣкомъ, что все измѣнилось въ немъ и что не въ его власти было сдѣлать такъ, какъ-будто епископъ не говорилъ съ нимъ и не прикасался къ нему.

Въ такомъ настроеніи ума онъ встрѣтилъ Малютку-Жерве и укралъ

у него сорокъ су. Для чего онъ это сдѣлалъ? Конечно, онъ самъ не объяснилъ бы этого: было ли это послѣднимъ дѣйствиємъ и какъ бы послѣднимъ отчаяннымъ усилиємъ дурныхъ мыслей, принесенныхъ съ каторги, остаткомъ толчка, результатомъ того, что въ статикѣ называется *приобрѣтенною силою*? Да, тутъ было все это и даже, можетъ быть, меньше чѣмъ это. Скажемъ просто, это украсть не онъ, не человѣкъ, это украсть звѣрь, который, по привычкѣ и по инстинкту, бессмысленно наступилъ ногой на эти деньги, между тѣмъ какъ онъ бился среди столькихъ неслыханныхъ и новыхъ вопросовъ. Когда разсудокъ проснулся и увидѣлъ этотъ животный поступокъ, Жанъ Вальжанъ съ горестью отступилъ и испустилъ крикъ ужаса.

Потому что — феноменъ странный и возможный только въ томъ положеніи, въ которомъ онъ находился—онъ сдѣлалъ поступокъ, къ которому уже не былъ способенъ.

Какъ бы то ни было, это послѣднее дурное дѣло. произвело на него рѣшительное дѣйствіе; оно быстро прошло сквозь хаосъ, наполнявшій его умъ и разсѣяло его, поставило густую темноту съ одной стороны и свѣтъ съ другой, и подѣйствовало на душу его, какъ химическіе реактивы дѣйствуютъ на мутную смѣсь, осаждая одинъ составъ и очищая другой.

Съ самаго начала, еще не разсуждая и не анализируя своихъ ощущеній, видѣ себя, какъ человѣкъ, старающійся уйти отъ преслѣдованій, онъ бросился отыскивать ребенка, чтобы отдать ему деньги; потомъ, когда онъ увидѣлъ, что это невозможно и бесполезно, то остановился въ отчаяніи. Въ ту минуту, когда онъ закричалъ: «Я неголай!»—онъ увидѣлъ себя въ настоящемъ своемъ видѣ и въ это время онъ уже до того былъ отрѣшенъ самъ отъ себя, что ему показалось, что онъ ничто иное, какъ привидѣніе и что передъ нимъ стоять, съ палкой въ рукѣ, съ мѣшкомъ наполненнымъ украденными вещами, на спинѣ, съ рѣшительнымъ и мрачнымъ лицомъ, съ мыслями, полными гнусныхъ плановъ, отвратительный каторжникъ Жанъ Вальжанъ.

Мы уже замѣтили, что жалостество несчастія сдѣлало его, въ нѣкоторомъ родѣ, духовидцемъ. И это было также видѣніе. Онъ, дѣйствительно, увидѣлъ передъ собою Жана Вальжана. Онъ почти готовъ былъ спросить: что это за человѣкъ? и съ ужасомъ отвернулся отъ него.

Мозгъ его былъ въ одномъ изъ тѣхъ сильно неспокойныхъ и, въ то же время, страшно неподвижныхъ состояній, въ которыхъ задумчивость такъ глубока, что поглощаетъ действительность. Въ эти минуты не видишь предметовъ, которые находятся передъ глазами, а видишь какъ бы видѣ себя вещи, находящіяся въ умѣ.

Такимъ образомъ, онъ увидѣлъ себя, такъ сказать, лицомъ къ лицу и, въ то же время, въ таинственной глубинѣ видѣлъ какой-то свѣтъ, который онъ принялъ сначала за факелъ. Вглядѣвшись пристальнѣе въ этотъ свѣтъ, являвшійся его совѣсти, онъ открылъ въ немъ челоуѣческую форму и узналъ что этотъ факелъ былъ—епископъ.

Совѣсть смотрѣла поочередно на этихъ двухъ людей, стоявшихъ

передъ нею — епископа и Жана Вальжана. Вслѣдствіе страннаго вліянія, свойственнаго подобнымъ восторженнымъ положеніямъ, по мѣрѣ того какъ задумчивость его усиливалась, епископъ возвышался и свѣтлѣлъ въ его глазахъ, а Жанъ Вальжанъ понижался и стирался; потомъ онъ сдѣлался тѣнью и вдругъ исчезъ, епископъ остался одинъ.

Онъ наполнялъ всю душу этого несчастнаго великодушнымъ сіяніемъ. Жанъ Вальжанъ плакалъ долго; онъ плакалъ горячими слезами; онъ рыдалъ съ большою слабостью чѣмъ женщина, съ большимъ страхомъ; чѣмъ дитя.

Между тѣмъ какъ онъ плакалъ, свѣтъ сильнѣе и сильнѣе проникъ въ его мозгъ — свѣтъ необыкновенный, свѣтъ восхитительный и, вѣдѣть, ужасный. Его прошедшая жизнь, первый проступокъ, долгое искупленіе, внѣшняя загрубѣлость, внутренняя зачерствѣлость, освобожденіе съ каторги и наслажденіе планами мщенія, то, что случилось у епископа, послѣдній поступокъ его, это воровство сорока су у ребенка, преступленіе, тѣмъ болѣе низкое и тѣмъ болѣе чудовищное, что оно совершилось послѣ прощенія епископа — все это ясно представилось ему, но въ такой ясности, какой онъ никогда не видѣлъ до этихъ поръ. Онъ взглянулъ на свою жизнь — и она показалась ему ужасною; на свою душу — и она показалась ему страшною; между тѣмъ, кроткій свѣтъ освящалъ эту жизнь, эту душу. Ему показалось, что онъ видитъ дьявола, при блескѣ райскаго солнца.

Сколько часовъ проплакалъ онъ, что онъ сдѣлалъ послѣ того — никто никогда не узналъ объ этомъ. Кажется достоверно только то, что, въ ту же самую ночь, извозчикъ, вѣхавшій въ Д* въ три часа утра, увидѣлъ, что какой-то человекъ стоялъ на колѣняхъ и будто молился передъ дверью монсьиора Бьенвеню.

К Н И Г А Т Р Е Т Ь Я .

въ 1817 году.

I.

1817 годъ.

1817-й годъ — тотъ годъ, которому Людовикъ XVIII, съ нѣкоторою самоувѣренностью, въ которой была немалая доля гордости, давалъ названіе двадцать-второго года своего царствованія. Это былъ годъ, когда г. Брюгьеръ де-Сорсемъ пользовался громкою извѣстностью. Всѣ парикмахерскія лавки, въ надеждѣ на пудру были выштукатурены подъ лазурь и раскрашены лиліями. Это было то безмятежное время, когда графъ Линчъ (Lynch) заставлялъ каждое воскресенье, въ качествѣ церковнаго старосты, въ церкви St. Germain des Près, въ костюмѣ пера Франціи, съ своею красною лентою и длиннымъ носомъ и тѣмъ величественнымъ профилемъ, который свойственъ человѣку, сдѣлав-

шму блистательное дѣло. Блистательное дѣло, совершенное графомъ Лянчомъ, было вотъ какое: будучи меромъ города Бордо, онъ, 12 марта 1814 г., немножко поторопился сдать городъ герцогу ангулемскому. Отсюда его перское достоинство. Въ 1817 г. мода упрятывала мальчиновъ отъ четырехъ до шести лѣтъ подъ широкія фуражки изъ сафьянной кожи съ наушниками, похожія на шапки эскимосовъ. Французская армія ходила въ бѣлыхъ мундирахъ, поавстрийски; полки назывались легіонами; вмѣсто цѣрвь, на погонахъ у нихъ были названія департаментовъ. Наполеонъ жилъ на островѣ Св. Елены и, такъ какъ Англія отказывала ему въ зеленому сукнѣ, то онъ выворачивалъ наизнанку свое старое платье. Въ 1817 г. Пеллегрینی пѣлъ, дѣвица Биготтини танцовала, Потье царствовалъ, Одри еще не существовалъ. Г-жа Саки наследовала Форіозо. Во Франціи оставались еще пруссаки. Г. Делато былъ немалая особа. Легитимизмъ только-что утвердился, отрѣзавъ сначала руку, а потомъ голову, Пенье, Карбоно и Толлерону. Принцъ Талейранъ, первый камергеръ, и аббатъ Луи, министръ финансовъ, смотрѣли другъ на друга и смѣялись смѣхомъ двухъ авгуровъ; оба они служили 14 июня 1790 г. федерационную обѣдню на Марсовомъ Полѣ: Талейранъ—въ качествѣ епископа, Луи—дьякона. Въ 1817 г., въ аллеяхъ этого самаго Марсоваго Поля валялись подъ дождемъ и гнили въ травѣ толстые деревянные цилиндры, раскрашенные голубою краской съ слѣдами орловъ и пчелъ, съ которыхъ сошла уже позолота. Это были столбы, которые, два года назадъ, поддерживали эстраду императора на Майскомъ Полѣ; они почернѣли отъ огня австрийскихъ бивуаковъ, расползавшихся недалеко отъ этого мѣста. Двѣ или три изъ этихъ колоннъ совсѣмъ исчезли въ этомъ огнѣ и нагрѣли широкія руки *кайзерлинговъ*. Въ іюнѣ 1817 г. двѣ вещи пользовались популярностью: Вольтеръ-Туке и табакерка à la Charle. Самою свѣжею новостью, взволновавшею парижанъ, было преступленіе Дотэня, бросившаго голову своего брата въ бассейнъ цвѣточнаго рынка. Морское министерство начинало беспокоиться, не получая извѣстій о злополучномъ фрегатѣ «Медуза», который долженъ былъ покрыть позоромъ Шамарей (Chamargis) и славою Жерико. Полковникъ Сельвъ отправился въ Египетъ, чтобы сдѣлаться тамъ Солиманомъ - Пашею. Терскій дворецъ, въ улицѣ Ла-Гарпъ, служилъ лавкою для бочаря. На платформѣ восьмиугольной башни дворца Клюни видна была еще маленькая постройка изъ досокъ, служившая обсерваторію Мессьеру, морскому астроному при Людовикѣ XVI. Герцогиня Дюра читала двумъ-тремъ друзьямъ, въ своемъ будуарѣ, уставленномъ *иксами*, обитыми свѣтло-голубымъ атласомъ, свою *Урику*, еще ненапечатанную. Въ Луврѣ соскабливали букву N. Аустерлицкій мостъ подписывалъ свое отреченіе и переименовывался въ мостъ Королевскаго Сада—двойная загадка, подъ которою скрывались, въ одно и то же время, и аустерлицкій мостъ, и Jardin des Plants. Людовикъ XVII-й, отжѣчая ногтями на поляхъ Горация имена героевъ, дѣлающихся императорами, и сапожниковъ, становящихся дофинами, приходилъ въ безпокойство отъ двухъ вещей: Наполеона и Матюрена Брюно. Фран-

дуэская академія предлагала на премію тему: «*блаженство, доставляемое наукою*». Г. Белларъ былъ офиціально краснорѣчивъ; подтѣбно его уже расцвѣталъ этотъ будущій генеральный адвокат де-Брозъ, обѣщанный арказмамъ Поля-Луи-Курье. Былъ же-Шатобрианъ, котораго звали Маршавжи, въ ожиданіи появленія же-Маршавжи съ именемъ Д' Арланкура, Claire d' Albe и Malek-Adel считались образцовыми произведеніями. Г-жу Коттентъ признавали первымъ писателемъ той эпохи. Институтъ вычеркивалъ изъ своихъ списковъ имя академика Наполеона Бонапарте. Королевскимъ повелѣніемъ, городъ Ангулемъ преобразовался въ морскую школу, потому-что, такъ-какъ герцогъ ангулемскій былъ генерал-адмиралъ, то было очевидно, что и городъ имѣлъ право на всѣ преимущества приморскаго порта. Въ совѣтѣ министровъ обсуждался вопросъ: слѣдуетъ ли позволять печатаніе картинокъ изображающихъ лошадиные прыжки на афишахъ Франконя, собиравшихъ передъ собой кучи уличныхъ шалуновъ. Г-нъ Паэръ, авторъ *Агнесы*, добрякъ съ четвероугольнымъ лицомъ и бородавкой на щекѣ, диржировалъ маленькими домашними концертами маркизы де Саснэ. Всѣ молодыя дѣвушки пѣли *Сен-Авельскаго пустынника*, слова Эдмона Жеро. Кафе Ламбленъ враждовалъ съ кафе Валуа: первый стоялъ за императора, второй—за Бурбоновъ. Одну изъ принцессъ Сициліи только-что выдали замужъ за герцога беррійскаго, на котораго уже смотрѣлъ сирятанный въ тѣни Лувель. Со смерти г-жи Сталь прошелъ годъ. Лейб-гвардейцы освистывали мадмуазель Марсъ. Большіе журналы были очень маленькіе: форматъ былъ ограниченъ, но свобода была велика. «*Constitutionnel*» былъ конституціоненъ. Въ продажныхъ журналахъ позорные журналисты ругались надъ изгнанниками 1815 года: у Давида не было больше дарованія, у Арно—ума, у Карно—честности, Сульта не выигралъ ни одного сраженія; правда, что Наполеонъ не былъ больше геніаленъ. Каждому извѣстно что письма, адресованныя къ изгнаннику, рѣдко доходятъ къ нему по почтѣ, такъ-какъ полиція считаетъ святымъ долгомъ перехватывать ихъ. Фактъ этотъ не новъ: изгнанный Декартъ жаловался на него. И вотъ, когда Давидъ выразилъ въ одномъ бельгійскомъ журналѣ свое неудовольствіе на неполученіе адресованныхъ къ нему писемъ, то это показалось забавнымъ роялистскимъ газетамъ, которыя, по этому случаю, поругались надъ изгнанникомъ. Два человѣка, изъ которыхъ одинъ говорилъ: *цареубицы, враги Наполеонъ*, а другой: *вотирующіе, союзники Бонапарте*—были раздѣлены между собою этимъ способомъ выраженія такъ, какъ не раздѣлила бы ихъ бездна. Всѣ люди съ здравымъ смысломъ соглашались, что эта революціи была навсегда закрыта для короля Людовика XVII, прозваннаго «безсмертнымъ отцомъ хартии». На пьедесталѣ, ожидавшемъ статую Генриха IV, вырѣзывали слово: *Redivivus*. Начальники правой стороны говорили въ важныхъ случаяхъ: «Надо писать къ Бако. Г. Деказъ, человекъ, въ извѣстной мѣрѣ либеральный, первенствовалъ. Шатобрианъ стоялъ каждое утро передъ своимъ окномъ въ висячихъ панталонахъ и пантуфляхъ, повязавъ свои сѣдые волосы шелковымъ платкомъ и устремивъ гла-

за въ зеркало; передъ нимъ лежалъ раскрытый полный приборъ зубнаго врача, и онъ занимался своими прекрасными зубами, диктуя въ то же время Цилоржу, своему секретарю, *Монархию по Хартии*. Критика съ авторитетомъ предпочитала Лафана Талльмъ. Де Фелець подписывался А; Гофманъ подписывался Z. Карлъ Нодье писалъ *Терезу Оберъ*. Разводъ былъ уничтоженъ. Лицеи назывались коллегіями. Воспитанники коллегіи, украшенные на воротникъ золотою лиліею, дрались между собою по поводу римскаго короля. Тайная полиція замка доносила ея королевскому высочеству Madame, что по всему городу продавался портретъ герцога орлеанскаго, который, въ мундиръ гусарскаго генерала, былъ красивѣе герцога Беррійскаго въ мундиръ генерала драгунскаго--важное неудобство. Городъ Парижъ выколачивалъ на свой счетъ куполь отеля Инвалидовъ. Серьезные люди спрашивали себя, что будутъ дѣлать въ томъ или другомъ случаѣ, г. де Тренклагъ; г. Козель де Монталь расходился на нѣкоторыхъ пунктахъ съ г. Клозелемъ де Кусеркъ; г. де Салаберри былъ недоволенъ. Актеръ Пикарь, бывшій членомъ академіи, въ которую актеръ Мольеръ не могъ попасть, ставилъ *Двухъ Филибертовъ* на Одеонскомъ театрѣ, на фронтонѣ котораго еще можно было различить надпись: «Театръ Императрицы.» Одни были за, другіе противъ Кюнье де Монтарло. Фабье былъ матежникъ, Бову былъ революціонеръ. Книгопродавецъ Целисье издавалъ Вольтера подъ заглавіемъ: «Сочиненія Вольтера, члена французской академіи.» — «Это привлекаетъ покупателей» говорилъ этотъ наивный издатель. Общее мнѣніе было, что Карлъ Луазонъ будетъ геніемъ въѣка; зависть начинала кушать его—признакъ славы, и на его счетъ ходила стѣха:

Même quand Loyson vole, on sent qu' il a des pattes.

Кардиналъ Фешъ отказывался подать въ отставку, вслѣдствіе него амарійскій архіепископъ де-Пенсъ (Pins) управлялъ лионскою епархіею. Споръ о Дапсской долиніи начинался между Швейцаріею и Франціею запискою капитана Дюфура, сдѣланнаго потомъ генераломъ. Сенъ-Симонъ, никѣмъ незнаемый, строилъ свою великую мечту. Въ академіи наукъ былъ какой-то знаменитый Фурье, котораго потомство забыло, а на какомъ-то чердакѣ жилъ другой Фурье, незнаменитый, но котораго потомство долго не забудетъ. Лордъ Байронъ начиналъ свѣтитися; въ выноскѣ къ одной изъ поэмъ Мильвуа о немъ доводилось до свѣдѣнія Франціи въ слѣдующихъ словахъ: «нѣкто лордъ Баронъ». Давидъ Анжерскій пробовалъ размягчать мраморъ. Аббатъ Каронъ съ похвалами отзывался въ кружку семинаристовъ о неизвѣстномъ священникѣ называвшемся Фелисите Робертъ и слѣвавшимся потомъ аббатомъ Ламене. Нѣчто дымнящееся плескалось на Сенѣ съ шумомъ плавающей собаки и проходило подъ окнами Тюильри отъ королевскаго моста до моста Людовика XV. Это была машина не особенно важная, родъ игрушки, мечта безумнаго изобрѣтателя, утопія,—это былъ парходъ, Парижане равнодушно смотрѣли на эту бесполезную выдумку. Г-нъ де-Вобленъ, почтенный авторъ многихъ академиковъ, надѣлавъ ихъ достаточное число, ни какъ

не могъ самъ попасть въ академики. Сенжерменское предѣстье и Марсанскій павильонъ желали имѣть префектомъ полиціи г. Делаво, по причинѣ его набожности. Дюпонтрэнъ и Рекамье ссорились въ амфитеатрѣ медицинской школы и угрожали другъ другу кулакомъ по поводу божественнаго происхожденія Иисуса Христа. Кювье, однимъ глазомъ смотря на книгу Бытія, а другимъ на природу, старался угодить святошамъ-реакціонерамъ, соглашая ископаемыхъ съ священными текстами. Аббатъ Грегуаръ, бывший епископъ, бывший конвентинецъ, бывший сенаторъ назывался въ роялистской полемикѣ «подлымъ Грегуаромъ». Подъ третьею аркою Іенскаго моста можно было еще различить бѣлый новый камень, посредствомъ котораго, за два года до этого, заложили отверстіе, сдѣланное Блюхеромъ для того, чтобы взорвать мостъ. Къ суду привели человѣка, который, увидя что графъ д'Артуа входитъ въ церковь Богоматери, сказалъ: «Чортъ возьми! я жалко о времени, когда я видѣлъ что Понапарте и Тальма входили рука-объ-руку въ *Bal-Sauvage*.» Возмутительныя рѣчи. Шестъ мѣсяцевъ тюрьмы. Измѣнники не стыдились показываться въ публикѣ; люди, наканунѣ сраженія переходившіе къ непріятелю, не прятали своихъ наградъ и безстыдно проходили передъ всѣми, въ цинизмѣ своихъ богатствъ и сановъ; дезертиры честнаго знамени, въ растрепанномъ костюмѣ своей заплаченной гнусности, выставляли на показъ свою обнаженную преданность, забывая слова, которыя пишутся въ Англии на внутренней стѣнѣ публичныхъ ватерклозетовъ «*Please adjust your dress before leaving*».

Вотъ что смутно выплываетъ изъ 1817 года, теперь забытаго. Исторія пренебрегаетъ почти всѣми этими частностями; да иначе она и не можетъ поступать: безконечность ихъ наводнила бы ее. Однако эти подробности, которымъ напрасно даютъ названіе маловажныхъ—въ человѣчествѣ нѣтъ маловажныхъ фактовъ какъ въ растительности нѣтъ маленькихъ листьевъ—полезны. Изъ фізіономіи годовъ составляется лицо вѣковъ.

Въ этомъ 1817 году четыре молодые парижанина сыграли «хорошую штуку».

II.

Двойной квартетъ.

Изъ этихъ парижанъ одинъ былъ родомъ изъ Тулузы, другой изъ Лиможа, третій изъ Кагора и четвертый изъ Монтобана; но они были студенты, а слово студентъ значить парижанинъ; учиться въ Парижѣ, значить родиться въ немъ.

Эти молодые люди были довольно-ничтожны. Каждому знакомы подобныя лица: четыре образца перваго встрѣчнаго, ни хорошіе, ни дурные, ни ученые, ни невѣжды, ни гении, ни дураки, прекрасные тою прекрасной весною, которая называется: двадцать лѣтъ. Это были четыре Оскара, потому-что въ это время Артуры еще не существовали. «Курите для него аравійскіе ениміамы—такъ пѣлось въ романсѣ—Оскаръ приближается; я увижу Оскара!» Оссианъ былъ въ модѣ; изъ-

щество было скандинаво-каледонское, чисто-английскій родъ только позже занялъ первое мѣсто, и первый изъ Артуровъ, Веллингтонъ, только что выигралъ сраженіе при Ватерлоо.

Изъ этихъ Оскаровъ, одинъ назывался Феликсъ Толоміесь, изъ Тулузы; другой, Листолье, изъ Кагора; третій, Фамель, изъ Лиможа; послѣдній, Блашвель, изъ Монтобана. Естественно, у каждого изъ нихъ была любовница. Блашвель любилъ Фавуриту, названную такъ потому, что она ѣздила въ Англію; Листолье обожалъ Далію, выбравшую для себя это прозвище; Фамель поклонялся Зефинъ—сокращенное Жозефина; у Толоміеса была Фантина, прозванная Блондинкой, по причинѣ своихъ прекрасныхъ волосъ солнечнаго свѣта.

Фавурита, Далія, Зефина и Фантина были четыре восхитительныя дѣвушки, благоуханныя и свѣтлыя, еще не совсѣмъ бросившія иглу, занятыя любовными похождениями, но сохранившія еще на лицѣ остатокъ безмятежной ясности труда, а въ душѣ тотъ цвѣтокъ честности, который въ женщинѣ переживаетъ первое паденіе. Одну изъ четырехъ звали молодою, потому-что она была моложе прочихъ, а одну звали старухой: старухѣ было двадцать-три года. Чтобы ничего не скрыть, скажемъ, что первыя три были болѣе опытны, болѣе беззаботны и болѣе увлечены шумомъ жизни, чѣмъ Фантина Блондинка, любившая еще въ первый разъ.

Далія, Зефина и, особенно, Фавурита не могли бы сказать того же. Въ ихъ едва начатомъ романѣ былъ уже не одинъ эпизодъ, и обожатель, называвшійся Адольфомъ въ первой главѣ, назывался Альфонсомъ во второй и Густавомъ въ третьей. Бѣдность и кокетство пагубныя совѣтницы: Бѣдность бранится; кокетство льститъ, а у красавицъ изъ бѣднаго народа и та, и другая стоятъ близко и шепчутъ имъ на ухо. Эти дурноохраняемыя души слушаютъ. Оттуда ихъ паденія и камни, бросаемые имъ въ лицо. Ихъ подавляютъ блескомъ всего, что безгрѣшно и недоступно. Увы! что, еслибы дѣва Орлеанская была голодна!

Фавуритѣ, какъ бывшей въ Англіи, поклонялись Зефина и Далія. Она очень рано зажила своимъ домомъ. Отецъ ея былъ старый учитель математики, грубый и хвастунъ; онъ не былъ женатъ и бѣгалъ по урокамъ, несмотря на свои преклонныя лѣта. Этотъ учитель въ молодости увидѣлъ разъ, что горничная зацѣпилась платьемъ за рѣшетку каминна и влюбился въ этотъ случай. Отсюда произошла Фавурита. Она, повременамъ, встрѣчала своего отца, который, при этомъ, раскланивался съ нею. Однажды утромъ, старуха, съ лицомъ ханжи, вошла въ ея комнату и сказала: «Вы не знаете меня?» «Нѣтъ». — «Я твоя мать». — Послѣ этого, старуха раскрыла буфетъ, напилась и наѣлась, велѣла принести матрацъ, который былъ у нея, и поселилась у дочери. Эта мать, ворчливая и набожная, никогда не говорила съ Фавуритой, по цѣлымъ часамъ сидѣла въ совершенномъ молчаніи, завтракала, обѣдала и ужинала за четверыхъ и ходила убирать комнату у привратника, гдѣ злословила свою дочь.

Далія увлеклась Листолье, другими, бездѣйствіемъ, по особенной причинѣ: у нея были слишкомъ красивыя розовыя ногти. Какъ за-

ставить эти ногти работать? Кто хочет остаться добродѣтельнымъ, тотъ не долженъ жалѣть свои руки. Что касается Зефины, то она побѣдила Фамеля тѣмъ шаловливо-сердитымъ и ласкающимъ видомъ, съ которымъ она говорила: «да, сударь».

Молодые люди были товарищами, молодые дѣвушки были подруги. Подобнаго рода любовь всегда неразлучна съ подобнаго рода дружбой.

Быть разсудительнымъ и быть философомъ — двѣ вещи разныя; и это доказывается тѣмъ, что Фавурита, Зефина и Далія были дѣвушки-философы, а Фантина — дѣвушка разсудительная.

Разсудительная — скажутъ — а Толомѣсъ? Соломонъ отвѣчалъ бы на это, что любовь составляетъ часть мудрости. Мы ограничимся замѣчаніемъ, что любовь Фантины была любовь первая, любовь единственная, любовь вѣрная.

Изъ всѣхъ четырехъ ей одной говорилъ *ты* только одинъ человѣкъ.

Фантина была однимъ изъ тѣхъ существъ, которыя расцвѣтають, такъ сказать, въ сердцѣ народа. Вышедши изъ самой недоступной глубины социальной тьмы, она носила на лбу знакъ безыменнаго неизвѣстнаго происхожденія. Она родилась въ М. на М. Отъ какихъ родителей — никто не отвѣтилъ бы на этотъ вопросъ: никто никогда не видѣлъ съ нею отца или матери. Она звалась Фантина. Отчего Фантина? Подъ другимъ именемъ никто не зналъ ее. Въ то время когда она родилась, директорія еще существовала. У нея не было семейства, значить, не было и фамиліи; церковь уже не существовала, значить, у нея не было и имени, даваемого при крещеніи. Она стала называться такъ, какъ вздумалось назвать ее первому встрѣчному, встрѣтившему ее, когда она, еще совсѣмъ малютка, ходила босикомъ по улицамъ. Она получила имя, какъ получила капли дождя, падавшія на нее. Ее назвали маленькою Фантиною; больше ничего не знали о ней. Вотъ такимъ-то образомъ это существо человеческого рода вошло въ жизнь. Въ десять лѣтъ, Фантина оставила городъ и пошла въ услуженіе къ окрестнымъ фермерамъ. Въ пятнадцать лѣтъ, она пришла въ Парижъ «искать счастья». Фантина была очень хороша и старалась оставаться чистою какъ можно дольше. Это была красивая блондинка съ прекрасными зубами. Приданое ея составляли золото и жемчуги; но золото ея было на головѣ, а жемчуги — во рту.

Она работала, чтобы жить; потомъ, также для того, чтобы жить, потому-что у сердца есть свой голодъ — она полюбила.

Она полюбила Толомѣса.

Для него это было любовною интрижкой, для нея — страстью. Улицы Латинскаго квартала, наполненныя студентами и гризетками, увидѣли начало этого сна. Въ этихъ лабиринтахъ Пантеонова Холма, въ которыхъ завязывается и развязывается столько приключеній, Фантина долго убѣгала Толомѣса, но такъ убѣгала, что постоянно встрѣчалась съ нимъ. Есть способъ убѣгать, похожій на поиски. Коротче сказать: экалога совершилась.

Влашвель, Листолье и Фамель составляли родъ группы, въ которой головою былъ Толоміесь. Онъ руководилъ всѣми.

Толоміесь былъ античный старый студентъ; онъ былъ богатъ: у него было четыре тысячи франковъ годоваго дохода—четыре тысячи франковъ, великолѣпный скандалъ для горы св. Женевьевы. Толоміесь былъ тридцатилѣтній гуляка, дурно сохранившійся. Онъ былъ съ морщинами и безъ зубовъ, а на головѣ его образовывалась лысина, о которой онъ самъ весело говорилъ: «черепъ въ тридцать лѣтъ, колѣно въ сорокъ». Пищевареніе совершалось въ немъ довольно-дурно, а въ одномъ глазу образовалось слезотеченіе. Но, по мѣрѣ того, какъ его молодость угасала, онъ возжигалъ свою веселость; онъ замѣнялъ свои зубы остроумными выходками, волосы — радостью, здоровье — пронією, а слезоточивый глазъ его постоянно смѣялся. Онъ былъ разстроены, но весь въ цвѣту. Молодость его клала оружіе слишкомъ рано, но отступала въ порядкѣ, заливалась смѣхомъ и сверкала огнемъ. Онъ когда-то сочинилъ пьесу, которую забраковали на театрѣ Волевиля. Онъ, повременамъ, писалъ стишонки. Кромѣ того, онъ, въ высшей мѣрѣ, отрицалъ все на свѣтѣ—великая сила въ глазахъ слабыхъ. Итакъ, обладая иронією и лысиною, онъ былъ глава. *Iron*—англійское слово, означающее желѣзо. Не отъ него ли происходитъ слово *иронія*?

Однажды Толоміесь отвелъ въ сторону трехъ своихъ товарищей, сдѣлалъ жестъ оракула и сказалъ:

— Уже цѣлый годъ Фантина, Далія, Зефина и Фавурита требуютъ, чтобъ мы сдѣлали имъ сюрпризъ. Мы торжественно обѣщали имъ его. Онѣ постоянно напоминаютъ объ этомъ намъ, и особенно мнѣ. Какъ въ Неаполѣ старухи кричатъ святому Януарию: «*Faccia gialluta, fa o miracolo*», т. е. «сотвори свое чудо», такъ наши красавицы безпрестанно говорятъ мнѣ: «Толоміесь, когда ты родишь свой сюрпризъ?» Въ то же время, родители наши пишутъ намъ. Пила обоюдоострая. Минута пряснѣла, потолкуемъ.

Тутъ Толоміесь понизилъ голосъ и таинственно произнесъ что-то такое веселое, что восторженный и громкій хохотъ разомъ вылетѣлъ изъ всѣхъ четырехъ ртовъ, а Блашвель вскричалъ: «Вотъ это такъ мысль!»

Она очутилась въ это время предъ дымною харчевнею, вошли въ нее и остатокъ ихъ совѣщанія потерялся во тьмѣ ея.

Результатомъ этой тьмы было ослѣпительное увеселительное гулянье, совершившееся въ слѣдующее воскресенье, и на которое четверо молодыхъ людей пригласили четырехъ молодыхъ дѣвушекъ.

III

Quatre à Quatre.

Трудно себѣ представить теперь, что такое была загородная прогулка студентовъ и гризетокъ, сорокъ лѣтъ назадъ. У Парижа теперь уже не тѣ окрестности; видъ того, что можно назвать запарижскою жизнью, совершенно измѣнился въ теченіе этого полулѣтка. Гдѣ пробѣжала *Кукушка*, теперь проносится вагонъ, гдѣ была простая барка, теперь шумитъ пароходъ; теперь говорятъ:

Фекамъ, какъ прежде говорили: Сен-Клу. Парижъ 1862 г.—городъ, имѣющій своимъ предметъемъ Францію.

Четыре четы добросовѣстно совершили всѣ сельскія шалости, возможные въ то время. Вакаціонное время только-что начиналось, и день былъ свѣтлый и теплый. Встали они въ пять часовъ утра, потомъ отправились въ дилижансѣ въ Сен-Клу, посмотрѣли на каскадъ, въ это время неигравший, и вскричали: «онъ долженъ быть очень красивъ, когда наполненъ водою!» позавтракали въ трактирѣ Черной-Головы, сыграли въ кольца въ роцѣ большого бассейна, нарывали букетовъ въ Пюто, купили свистулекъ въ Нельи, ѣли вездѣ яблочныя пирожки, были совершенно счастливы.

Молодые дѣвушки, шумѣли и болтали, точно выпущенныя на волю птички. Веселье ихъ доходило до бреда. По временамъ, онѣ трепали по щекамъ молодыхъ людей. Утреннее упоеніе жизни! Восхитительныя годы! Крылья бабочекъ вздрагиваютъ. О! ктобы вы ни были, помните ли вы? Ходили ли вы въ кустахъ, отстраняя вѣтви отъ прелестной головки, слѣдовавшей за вами? Скользили ли вы, смѣясь, по какому-нибудь скату, влажному отъ дождя, съ любимую женщиною, которая удерживала васъ за руку и кричала: «Ахъ, мои новыя ботинки! Что съ ними сдѣлалось!»

Этой веселой помѣхи, т. е. дождя, не было, однако, у веселой компаніи, хотя Фавурита, выходя изъ дома, сказала начальническимъ и материнскимъ тономъ: «Улитки прогуливаются по дорожкамъ, это признакъ дождя, дѣти мои».

Всѣ четыре дѣвушки были до безумія хороши. Старый классическій поэтъ, въ то время знаменитый, добрякъ, имѣвшій свою Элеонору, шевалье деЛабуиссъ, прогуливался въ этотъ день подъ каштановыми деревьями Сен-Клу, встрѣтилъ ихъ часовъ въ десять утра и вскричалъ: «Здѣсь одною больше!»—намекая этимъ на трехъ грацій. Фавурита, подруга Блашвеля, та, которой было 23 года, старуха, бѣжала впереди всѣхъ подъ большими зелеными вѣтвями, прыгала черезъ рвы, быстро перелѣзала черезъ кустарники и предсѣдательствовала въ этой веселости съ жаромъ лѣсной богини. Зефина и Далія—которыя, по игрѣ случая, были жороши такимъ образомъ, что красота ихъ тогда являлась въ настоящемъ видѣ, когда онѣ были одна подлѣ другой и дополняли одна другую,—шли рядомъ, больше изъ кокетства, чѣмъ изъ дружбы, и, облокотясь другъ на друга, принимали англійскія позы; первые кипсеки тогда только-что появились, меланхолія входила въ моду между женщинами, какъ, спусти нѣсколько времени, байронизмъ между мужчинами, и нѣжный полъ начиналъ носить грустную прическу. Зефина и Далія были причесаны en rouleaux. Листолье и Фамель завели споръ о своихъ профессорахъ и объясняли Фантинѣ различіе между г. Дельвинкуромъ и г. Блондо.

Блашвель былъ какъ-будто созданъ собственно для того, чтобы носить по воскресеньямъ на рукѣ шерстяную шаль Фавуриты.

Толомиесъ заключалъ группу. Онъ былъ очень веселъ, но въ немъ чувствовался начальникъ; въ веселости его было нѣчто диктаторское;

главное украшеніе его составляли брюки цвѣта слоновыхъ ногъ, изъ нанки, съ штрипками изъ плетеной мѣди; въ рукѣ онъ держалъ могущественную тростниковую палку въ двѣсти франковъ, и, такъ-какъ онъ позволялъ себѣ все, то во рту у него была странная вещь, называемая сигарой. Для этого человѣка не было ничего священнаго: онъ курилъ.

— Этотъ Толеміеъ удивителенъ,—говорили остальные съ почтеніемъ. Какіе брюки! какая энергія!

Что касается Фантины, это была олицетворенная радость. Ея великолѣпные зубы, очевидно, получили отъ Бога одно назначеніе — смѣяться. Она несла въ рукѣ, охотнѣе чѣмъ на головѣ, свою маленькую шляпу изъ спитой соломы, съ длинными бѣлыми лентами. Густые золотистые волосы, которые легко распускались и требовали постоянного подвязыванья, казалось, были созданы для бѣгства Галатеи подъ иву. Розовыя губки ея болтали съ восхищеніемъ. Уголки рта, сладострастно приподнятые, будто ободряли всякую смѣлость; но длинныя рѣсницы скромно опускались на этотъ разгулъ нижней части лица, какъ бы для того, чтобы остановить его. Во всемъ костюмѣ ея было что-то, такъ сказать, поющее и яркое. Она была въ баржевомъ платьѣ лиловаго цвѣта, въ маленькихъ темно-красныхъ башмачкахъ съ каблуками, бантики которыхъ образовывали букву X на ея бѣлыхъ ажурныхъ чулкахъ, и муслиновомъ спенсерѣ марсельскаго изобрѣтенія, названіе котораго *канзу*—исковерканное *quinze août* (пятнадцатое августа), означаетъ: прекрасная погода, жаръ и полдень. Три остальные дѣвушки, менѣе робкія, какъ мы сказали, были съ совершенно открытыми шеями, что, лѣтомъ, подъ шляпками, покрытыми цвѣтами, очень граціозно и привлекательно. Но, рядомъ съ этими свѣлыми костюмами, спенсеръ блондинки Фантины, съ его прозрачною, нескромностію и скрытною, скрывающею и показывающею въ одно и то же время, казался возбуждительною находкою дѣвственной скромности и знаменитый судъ любви, предсѣдательствуемой виконтессою съ глазами зеленого цвѣта, далъ бы, можетъ быть, первую награду этому канзу, выходявшему на конкурсъ цѣломудрія. Самый наивный человѣкъ бываетъ иногда самый ученый. Это случается.

Блестящее лицо, тонкій профиль, глаза темно-спягаго цвѣта, толстыя вѣки, маленькія и стройныя ноги, бѣлая кожа, сквозь которую просвѣчивались лазурныя развѣтвленія жилъ, дѣвственная и свѣжая щека, сильная шея Юноны, здоровый и гибкій затылокъ, плечи, будто изваянныя знаменитымъ Кусту, и между ними, въ самомъ центрѣ, сладострастная ямочка, видимая сквозь муслинъ; веселость, замороженная задумчивостію; все тѣло точно изваянное и высоко-изящное—такова была Фантина, и подъ этими тряпками и лентами можно было угадать статую, а въ этой статуѣ—душу.

Фантина была хороша, сама того не зная. Рѣдкіе мыслители, таинственные жрецы прекраснаго, безмолвно слѣчающіе всякую вещь съ идеаломъ совершенства, замѣтили-бы въ этой маленькой пшечѣ, сквозь прозрачность парижской граціи, древнюю священную эвфонію. Эта дочь сумрака была благородной крови; она была хороша и въ

отношеніи стиля, и въ отношеніи ритма. Стиль—это форма идеала; ритмъ—это его движеніе.

Мы сказали, что Фантина была олицетворенная радость; она была и олицетворенная стыдливость.

Тотъ, кто сталъ бы изучать ее внимательно, увидѣлъ бы, что сквозъ это упоеніе своими молодыми годами, весною и любовью, въ ней отдѣлялось неопысанное выраженіе сдержанности и скромности. Она казалась всегда немного удивленною. Это цѣломудренное удивленіе есть отгѣнокъ, отдѣляющій Психею отъ Венеры. У Фантины были длинныя, бѣлыя и тонкіе пальцы весталки, которая преворачиваетъ золу священнаго огня золотою булавкою. Хотя она, какъ это будетъ слишкомъ хорошо видно, ни въ чемъ не отказывала Толомиесу, но лицо ея въ спокойномъ состояніи было въ высочайшей степени дѣвственно: какая-то серьезная и почти суровая важность вдругъ находила на нее въ извѣстные часы, и удивительно страннымъ и смущающимъ казалось это внезапное исчезновеніе веселости, которую тутъ же смѣняла задумчивость. Эта мгновенно наступавшая серьезность, иногда обозначенная строгими чертами, походила на презрѣніе богини. Ея лобъ, носъ и подбородокъ представляли то равновѣсіе линій, которое очень отлично отъ равновѣсія пропорціи и изъ котораго происходитъ гармонія лица; въ характеристическомъ промежуткѣ, между основаніемъ носа и верхнею губою, была у нея незамѣтная и прелестная складка—этотъ таинственный знакъ цѣломудрія, который заставилъ Варбаруссу влюбиться въ Діану, найденную въ иконскихъ развалинахъ.

Любовь есть проступокъ—пусть такъ. Фантина была невинность, выплывшая надъ проступкомъ.

IV.

Толомиесъ такъ веселъ, что поетъ испанскую пѣсню.

Этотъ день былъ сначала до конца—свѣтлая заря. Вся природа, казалось, получила отпускъ и смѣлась. Цвѣтники въ Сен-Клу благоухали; дыханіе Сены тихо вздымало листья; вѣтви махали руками въ воздухъ; пчелы грабили жасмины; цѣлыя таборы бабочекъ напускались на тысячелистникъ и трилистникъ; въ царственномъ паркѣ короля Франціи сошлась толпа бродягъ—птиць.

Четыре веселія четы смѣшивались съ солнцемъ, полями, деревьями и ярко сіяли.

И въ этомъ общемъ для всѣхъ раѣ, разговаривая, расцѣвая, бѣгая, танцуя, гоняясь за бабочками, срывая вьюнки, промачивая тонкіе розовые чулки въ высокой травѣ, всѣ эти дѣвушки, свѣжія, палуныя, незлыя, получали, по временамъ, отъ всѣхъ мужчинъ пощадку, всѣ, кромѣ Фантины, которая заключалась въ свое задумчивое и суровое сопротивленіе и любила. «У тебя—говорила ей Фаурита—всегда видъ ужъ слишкомъ того...»

Таковы радости. Эти прогулки счастливыхъ паръ—глубокое возваніе къ жизни и природѣ и исторгаютъ изъ всего ласку и свѣтъ.

Жила некогда Фея, которая создала луга и деревья собственно для влюбленныхъ. Оттуда это вѣчное гулянье любовниковъ, которое безпрестанно возобновляется и будетъ вѣчно повторяться. Оттуда популярность, которою пользуется весна между мыслителями. Патрищій и мелкій поденщикъ, черъ и бѣдный чиновникъ, придворные и простые граждане--всѣ подданные этого праздника. Смѣхъ, прятки, пошски, въ воздухѣ блескъ апопоеза, и какое преображеніе вслѣдствіе любви! Писара натариусовъ становятся богами, а веселые крики, погоня по травѣ, объятія на лету, эти странныя рѣчи, похожія на мелодіи, эти боготворенія, прорывающіяся въ способъ произнесенія одного слога, эти черешни, вырываемаыя однѣми губами изъ другихъ--какъ все это сверкаетъ и проходитъ въ сіяніи божественной славы! Думаешь, что это никогда не кончится. Философы, поэты, живописцы смотрятъ на эти восторги и не знаютъ, что съ ними дѣлать--такъ они ослѣпляютъ ихъ. «Отъѣздъ на Цитеру!» восклицаетъ Ватто; Ланкре, живописецъ низшаго класса, созерцаетъ своихъ гражданъ, порхающихъ въ синевѣ; Дидро протаскиваетъ руки ко всѣмъ этимъ любовнымъ радостямъ. а д'Юрфе примѣшиваетъ къ нимъ друидовъ.

Послѣ завтрака четыре четы отправились въ такъ называемый «королевскій четвероугольникъ» посмотреть на недавно привезенное изъ Индіи растеніе, названіе котораго мы забыли и которое въ то время привлекало весь Парижъ въ Сен-Клу. Это былъ странный и прелестный кустарникъ съ высокимъ стволомъ, съ безчисленнымъ количествомъ вѣтвей тонкихъ, какъ нитки, безъ листьевъ и покрытыхъ мильономъ маленькихъ бѣлыхъ розетокъ. Около него всегда собиралась толпа.

Послѣ осмотра кустарника, Толоміесъ воскликнулъ: «Я предлагаю оловья!»—и, условившись въ цѣнѣ съ хозяиномъ оловья, они проѣхали черезъ Ванвръ и Исси. Въ Исси приключеніе. Паркъ, національное имущество, находившійся въ это время во владѣніи провіантмейстера Бургеня, былъ, по случаю, раскрытъ настезь. Они вѣхали за рѣшетку, посѣтили куклу--Анахорета въ его пещорѣ, полюбавались нѣкоторыми эффектами знаменитаго зеркальнаго кабинета--сладострастной западни, достойной Сатира, сдѣлавшагося мильонеромъ, или Туркарета, преобразованнаго въ Шриапа. Они сильно раскачали большую сѣтку, привязанную къ двумъ каштановымъ деревьямъ, воспѣтымъ аббатомъ де-Берни. Качая своихъ красавиць, одну за другою, причемъ, посреди всеобщаго смѣха, подымавшіяся юбки образовывали складки, которыя пришлось бы по вкусу Грезу,--тулузіанецъ Толоміесъ, отчасти испанецъ, такъ-какъ Тулуза двоюродная сестра Толозы, -- пѣлъ старую испанскую пѣсню, авторъ который былъ, вѣроятно, вдохновленъ какою-нибудь красавицею, которую онъ изо всѣхъ силъ раскачивалъ между двумя деревьями:

Soy de Badajoz.
Amor me llama.
Toda mi alma

Es en mis ojos
Porque enseñas
A tus piernas.

Фантина одна не захотѣла качаться.

— Я не люблю такихъ жеманствъ,—проворчала довольно-сердито Фавурита.

Послѣ ослось, новая радость: Сену переѣхали въ лодкѣ, а изъ Пасси пѣшкомъ дошли до заставы Звѣзды. Они были на ногахъ, какъ выше сказано, съ пяти часовъ утра. «Пустяки! въ воскресенье нѣтъ усталости—говорила Фавурита—въ воскресенье усталость не работаетъ». Часа въ три, четыре четы, точно обезумѣвшія отъ счастья, катались съ *русскихъ горъ*, страннаго строенія, которое занимало въ то время высоты божонскія и извивающаяся линія котораго виднѣлась надъ деревьями Елисейскихъ Полей.

Время отъ времени, Фавурита вскрикивала:

— А сюрпризъ! я требую сюрприза!

— Терпѣніе!—отвѣчалъ каждый разъ Толоміесь.

V.

У БОМБАРДА.

Покончивъ съ русскими горами, стали думать объ обѣдѣ, и сившій восьмерикъ, наконецъ немного уставшій, присталъ въ трактиръ Бомбарды, устроенномъ въ Елисейскихъ Поляхъ знаменитымъ рестораторомъ Бомбарда, выѣска котораго красовалась тогда въ улицѣ Риволи рядомъ съ пассажемъ Делорма.

Большая, но гадкая комната, съ альковомъ и кроватью внутри его—(такъ-какъ трактиръ, по случаю воскресенья, былъ биткомъ набить, то надо было довольствоваться и этимъ пріютомъ); два окна, изъ которыхъ, сивозъ вязы, можно было различать набережную и рѣку; великолѣпнѣйшее августовское солнце, скользившее по окнамъ, два стола, на одномъ триумфальная гора букетовъ, перемѣшанныхъ съ мужскими и дамскими шляпами, за другимъ четыре четы, вокругъ веселой кучи блюдъ, тарелокъ, стакановъ и бутылокъ; кружки пива и бутылки вина; мало порядка на столѣ, нѣкоторый беспорядокъ подъ столомъ:

Ils faisaient sous la table

Un bruit, un tric—trac de pied éprouvable*

говорить Мольеръ.

Вотъ въ какомъ положеніи была около пяти часовъ вечера идиллическая прогулка, начатая въ пять часовъ утра. Солнце садилось, аппетитъ угасалъ.

Елисейскія Поля, наполненные солнцемъ и толпою, были ничто иное, какъ свѣтъ и пыль—двѣ вещи, изъ которыхъ составляется слава. Марлійскія лошади, эти ржущія статуи, вставали на дыбы въ золотомъ облакѣ. Экипажи проѣзжали взадъ и впередъ. Эскадронъ великолѣпныхъ лейб-гвардейцевъ, съ музыкой впереди, проходилъ

* Они страшно шумѣли подъ столомъ и страшно возились ногами.

по нельвийской аллеѣ; бѣлое знамя, слегка окрашенное въ розовую краску заходящимъ солнцемъ, развѣвалось на куполѣ Тюльери. Площадь Конкорди, снова переименованная въ то время въ площадь Людовика XV, кишала весело гулявшимъ народомъ. Многіе носили еще серебряную шляпу, привѣшенную къ бѣлой шелковой лентѣ, которая, въ 1817 г., еще не совсѣмъ исчезла изъ петлицъ. Тамъ и сямъ, въ кружку аплодирующихъ зрителей, маленькія дѣвочки хохотъ пѣли бурбонскую пѣсенку, въ то время знаменитую, написанную съ цѣлью разгромить Сто-Дней и припѣвъ которой былъ:

Rendez-nous notre pere de Gand,

Rendez-nous notre pere.

Толпы разряженныхъ поселянъ, иногда тоже украшенныхъ лентами, какъ и горожане, рассыпались по большому четверугольнику Мариньи, играли въ кольца и кружились на деревянныхъ лошадахъ; на нѣкоторыхъ типографскихъ ученикахъ были бумажныя шапки; хохотъ разносился далеко. Все сіяло. Это было время несомнѣннаго спокойствія и глубокой роялистской безопасности; это было время, когда тайное донесеніе префекта полиціи Англеса къ королю, касательно парижскихъ предмѣстій, оканчивалось слѣдующими словами: «Сообщивъ все, какъ слѣдуетъ, увидимъ, что этихъ людей рѣшительно нечего бояться. Они беззаботны и лѣнны, какъ кошки. Простой народъ въ провинціяхъ любитъ движеніе, въ Парижѣ нисколько. Здѣсь все маленькіе люди. Ваше Величество, изъ двухъ такихъ людей едва бы вышелъ одинъ вашъ гренадеръ. Населеніе столицы не внушаетъ никакихъ опасеній. Замѣчательно, что въ этомъ населеніи ростъ людей еще уменьшился въ теченіе послѣднихъ пятидесяти лѣтъ, и жители парижскихъ предмѣстій ниже ростомъ теперь, чѣмъ до революціи. Они не опасны. Вообще, это добрая сволочь».

Что кошка способна превратиться въ льва — это полицейскіе префекты считаютъ невозможнымъ; однакожь, это случается, и въ томъ-то состоитъ чудо парижскаго народа. Впрочемъ, кошка, такъ презираемая графомъ Англесомъ, пользовалась уваженіемъ въ древнихъ республикахъ; она воплощала, въ ихъ глазахъ, идею свободы, и, какъ-бы въ pendant къ безкрылой Минервѣ Пирея, на публичной площади Коринфа стояла бронзовая колоссальная статуя кошки. Главная полиція реставраціи слишкомъ «свѣтло» смотрѣла на парижскій народъ. Онъ совсѣмъ не «добрая сволочь». Парижаппинъ, въ отношеніи къ французу, тоже, что Аенниннъ въ отношеніи къ греку; никто не спитъ лучше его, никто не легкомысленнѣе и лѣннѣе его, никто лучше его не умѣетъ, повидимому, забывать. Но этому не надо довѣряться. Онъ способенъ на всякаго рода лѣнливую небрежность, но, когда въ перспективѣ у него слава, то онъ удивителенъ во всякаго рода бѣшенствѣ. Дайте ему копье — онъ сдѣлаетъ 10 августа; дайте ему ружье — вы получите Аустерлицъ. Онъ — точка опоры для Наполеона и ресурсъ для Дантона. Когда дѣло идетъ объ отечествѣ, онъ становится въ ряды солдатъ; когда дѣло идетъ о свободѣ, онъ взламываетъ камни на мостовой. Берегитесь!

Въ его волосахъ, наполненныхъ гнѣвомъ, эпопея; блуза его драпируется какъ древняя хламиды. Берегитесь. Изъ первой встрѣчной улицы онъ сдѣлаетъ каудинское ущелье. Когда часъ пробьетъ, этотъ житель предмѣстья подростетъ, этотъ маленькій человекъ встанетъ, и взглянетъ онъ страшнымъ взглядомъ, и дыханіе его сдѣлается бурей, и изъ этой бѣдной, тощей груди вылетитъ вѣтеръ, способный потрясти Альпы. Онъ поетъ, въ этомъ его радость. Сдѣлайте его пѣсню пропорціональною съ его натурою—и вы увидите! Пока онъ поетъ la Carmagnole—онъ низвергаетъ только Людовика XVI; заставьте его пѣть Marseillaise—онъ освободитъ міръ.

Сдѣлавъ это замѣчаніе на поляхъ доносенія Англеса, мы возвращаемся къ нашимъ четыремъ чатамъ. Обѣдъ, какъ мы сказали уже, оканчивался.

VI.

Глава, въ которой молодые люди обожаютъ другъ друга.

Рѣчи застольныя и рѣчи любовныя; однѣ также неумовны, какъ и другія; рѣчи любовныя—облака, рѣчи застольныя—струи дыма.

Фамель и Далія напѣвали: Толومیесь пилъ, Зефина смѣялась, Фантина улыбалась, Листолье дулъ въ деревянную трубу, купленную въ Сен-Клу. Фавурита нѣжно смотрѣла на Блашвеля и говорила:

— Блашвель, я обожаю тебя.

Это вызвало слѣдующій вопросъ Блашвеля:

— Что бы ты сдѣлала, Фавурита, еслибы я пересталъ любить тебя?

— Я!—вскричала Фавурита.—О! не говори этого, даже въ шутку. Еслибы ты пересталъ любить меня, я бы вдѣпилась въ тебя, я бы пцарапала тебя, я бы окатила тебя водой, я бы запрягла тебя въ тюрьму.

Блашвель улыбнулся съ сладострастнымъ самохвальствомъ человека, у котораго пощекотали самолюбіе. Фавурита продолжала:

— Да, я позвала бы полицію! Стала бы я церемониться, какъ же! Каналья!

Блашвель, въ полномъ восторгѣ, опрокинулся на стулѣ и гордо закрылъ глаза.

Далія тихо спросила у Фавуриты во время всеобщаго шума:

— Такъ ты сильно обожаешь своего Блашвеля?

— Я его ненавижу,—отвѣчала Фавурита, такъ же тихо:—онъ скученъ. Я люблю молоденькаго, который живетъ напротивъ меня: онъ очень хорошъ, этотъ молоденькій—ты его знаешь? Вѣрно, что онъ можетъ быть актеромъ. Я люблю актеровъ. Каждый разъ, какъ онъ приходитъ домой, его мать говоритъ: «Ахъ, ты Боже мой, пропало мое спокойствіе! Опять онъ начинаетъ кричать. Но, другъ мой, у меня голова трещитъ отъ тебя.» Отъ того что онъ ходитъ по всему дому, по всѣмъ чердакамъ, по всѣмъ норамъ, залѣзаетъ куда только можно выше—и все поетъ, и декламируетъ, и разныя у него такія странности, такъ-что снизу все слышно. Онъ уже заработываетъ двѣ-

дать су въ день у стряпчаго тѣмъ, что пишетъ ябеды. Онъ сынъ стараго пѣвчаго церкви св. Іакова. О, онъ очень хорошъ! Онъ такъ меня обожаетъ, что однажды, увидѣвъ, какъ я мѣсила тѣсто для блиновъ, сказалъ мнѣ: «Сударыня, сдѣлайте блинчики изъ вашихъ перчатокъ, и я съѣмъ ихъ». Только артисты способны говорить такія вещи. О, онъ очень хорошъ! Я собираюсь сойти съ ума отъ этого мальчика. Впрочемъ, это все равно, а говорю Влашвелю, что я его обожаю. Какъ я лгу! Гм! какъ я лгу!

Фавурита съ минуту помолчала и продолжала:

— Далия, мнѣ грустно. Цѣлое лѣто шелъ дождь; вѣтеръ меня сердитъ; Влашвелъ крѣпко скаредничаетъ: на рынокъ едва найдешь горошекъ— просто ѣсть нечего; у меня сплинъ— какъ говорятъ англичане; масло такъ дорого! А потомъ, вѣдь это ужасно, мы обѣдаемъ въ комнатѣ, въ которой стоитъ кровать: это отвращаетъ меня отъ жизни.

VII.

Мудрость Толомиса.

Между тѣмъ, какъ одни пѣли, другіе, въ то же время, громко разговаривали— все это слилось въ общій шумъ. Толомисъ вступился.

— Не будемъ говорить ни на вѣтеръ, ни слишкомъ скоро. Ставемъ размысливать, если мы хотимъ быть ослѣпительны. Слишкомъ большое количество импровизаціи глупо опустошаетъ умъ. Господа, не торопитесь! присоединимъ величіе къ нашему шире; будемъ ѣсть съ обдуманностью, не будемъ спѣшить. Посмотрите на весну: когда она торопится, то проваливается, то есть, замерзаетъ. Излишнее усердіе губитъ персики и абрикосы; излишнее усердіе убиваетъ грацію и веселость вкусныхъ обѣдовъ. Поменьше усердія, господа! Прямо де-ла-Реньеръ держится мнѣнія Тадейрана.

Глухое неудовольствіе послышалось въ группѣ.

— Толомисъ, оставь насъ въ покоѣ!—сказалъ Влашвелъ.

— Долой тирана!—сказалъ Фамель.

— Бомбарда и веселье!—крикнулъ Листолье.

— Воскресенье существуетъ,—прибавилъ Фамель.

— Мы трезвы,—замѣтилъ Листолье.

— Толомисъ,—произнесъ Влашвелъ,—взгляни на мое спокойствіе...

— Братья мои,—сказалъ Толомисъ,—не сердитесь. Я повторяю вамъ, поменьше усердія, поменьше шума, поменьше излишествъ, даже въ острогахъ, веселостяхъ и каламбурахъ. Выслушайте меня, я обладаю благоразуміемъ Амфіарауса и лысиной Цезаря. Во всѣхъ вещахъ необходима граница; она необходима и въ обѣдахъ. Вы, сударыня, любите яблочные пирожки—не злоупотребляйте ими. Во всемъ, даже въ пирожкахъ, необходимъ здравый смыслъ и искусство. Обжорство наказываетъ обжору. Желудочное разстройство получило отъ Господа Бога поученіе читать мораль желудкамъ. И запомните это: у каждой изъ нашихъ страстей, даже у любви, есть желудокъ, который не слѣдуетъ слишкомъ наполнять. Во всякой вещи надо умѣть во вре-

меня написать слово *finis*; надо сдерживать себя, когда это необходимо, запирать на замок свой аппетитъ, сажать подъ арестъ свою фантазію и отводить самого себя на гауптвахту. Мудрецъ тотъ, кто умѣетъ въ данную минуту самого себя арестовать. Имѣйте въ-которое довѣріе ко мнѣ. Изъ того, что я немного прошелъ курсъ юридическаго права, какъ свидѣтельствуяютъ мои экзамены, изъ того, что я заициалъ на латинскомъ языкѣ диссортацію о томъ, какъ произволилась пытка въ Римѣ въ то время, когда Мунаціусъ Деменъ былъ квесторомъ Отцеубійцы, изъ того, что я скоро сдѣлаюсь, какъ кажется, докторомъ, — не слѣдуетъ непременно, что я совершенный дуракъ. Я вамъ совѣтую быть умѣренными въ вапихъ желаніяхъ. Я разсуждаю хорошо — это также справедливо, какъ то, что я называюсь Феліксъ Толоміеъ. Счастливъ тотъ, который, когда часъ его пробьетъ, принимаетъ героическое рѣшеніе и подписываетъ свое отеченіе, какъ Силла или какъ Оригенъ!

Фавурита слушала съ глубокимъ вниманіемъ.

— Феліксъ! — сказала она, — какое хорошенькое слово! Я люблю это имя: оно латинское и значить: Просперъ. *

Толоміеъ продолжалъ:

— Квириты, джентльмены, кабадѣры, друзья мои! Хотите ли не чувствовать никакого плотскаго влеченія и обходиться безъ брачнаго ложа, и издѣваться надъ любовью? Ничего не можетъ быть проще. Вотъ рецептъ: лимонадъ, чрезмѣрное движеніе, усиленная работа. Уставайте до изнеможенія, таскайте камни, не спите, бодрствуйте, упивайтесь напитками съ селитрой, вкушайте сѣмена мака и *agnus castus*, приправляйте все это строгой діетой, издыхайте отъ голода и присоедините сюда холодныя ванны, травяные поясы, свинцовыя дощечки, омыванія сатурновою жидкостью и примочки изъ уксуса съ сахаромъ.

— По мнѣ лучше всего этого женщина, — сказалъ Листолье.

— Женщина! — возразилъ Толоміеъ — не довѣрайтесь ей. Горе тому, кто отдается измѣнчивому сердцу женщины! Женщина коварна и извилиста. Она ненавидитъ змѣя, какъ соперница его по-ремеслу.

— Толоміеъ! — вскричалъ Блашвель, — ты пьянъ.

— Чортъ побери! — сказалъ Толоміеъ.

— Такъ будь веселъ, — продолжалъ Влашвель.

— Извольте, — отвѣчалъ Толоміеъ.

И, наполнивъ свой стаканъ, всталъ:

— Слава вину! *Nunc te, Vasche, sanam!* Извините, сударыни, это по испански. А доказательство тому, синьоры, вотъ въ чемъ: каковъ народъ, таковы и винныя бочки. Въ кастильскую *арребу* входятъ пестнацать литровъ, въ аlicantскую *кантеро* — двѣнадцать, въ канарійскую *алмоду* — двадцать-пять, въ балаерскій *квартенъ* — двадцать-шесть. Сударыни, вотъ вамъ совѣтъ друга: ошибайтесь сво-

* Феліксъ — полатыни, а Просперъ — по-французски, означаютъ: счастливый.

ни сосѣдями. Отличительное свойство любви—блуждать. Любовь не создана для того, чтобы сидѣть на корточкахъ и приходиться въ живое состояніе, какъ англійская служанка, страдающая затвердѣніемъ кости въ колѣняхъ. Она создана не для этого; она весело блуждаетъ—милая любовь! Сударыни, я васъ всѣхъ боготворю. О, Зезина! о Жозефина! личико болѣе чѣмъ измятое, вы были бы прелестны, еслибъ природа не перекошила васъ. Вы похожи на хорошенькое лицо, на которое кто-нибудь нечаянно съѣлъ. Что касается до Фавуриты, о нимфы и музы!—однажды, когда Влашвель переходилъ ручеекъ въ улицѣ Guégin-Boisseau, онъ увидѣлъ красавицу, показывавшую свои ноги, обутыя въ хорошо натянутые и бѣлые чулки. Этотъ прологъ ему понравился—и онъ полюбилъ. Та, которую онъ полюбилъ, была Фавурита. О, Фавурита! у тебя іонійскія губы. Былъ нѣкогда греческій живописецъ, по имени Эвэоріонъ, котораго прозвали живописцемъ губъ. Этотъ грекъ одинъ былъ бы достоинъ нарисовать твой ротъ. Слушай! до тебя не было созданія, достойнаго этого имени. Ты создана для того, чтобы получить яблоко, какъ Венера, или съѣсть его какъ Ева. Красота начинается съ тебя. Я только-что упомянулъ объ Еввѣ—это ты сотворила ее. Ты стоишь привлеги на изобрѣтеніе красивой женщины. О, Фавурита! я перестану говорить вамъ ты, потому-что перехожу отъ поэзіи къ прозѣ. Вы только-что говорили о моемъ имени: это меня растрогало; но, кто бы мы ни были, не будемъ довѣрять именемъ. Имена могутъ ошибаться. Мое имя Феліксъ, а я несчастливъ. Слова лгутъ. Не будемъ слѣпо вѣрить ихъ указаніямъ. Миссъ Далія, на вашемъ мѣстѣ я назвался бы Розою. Нужно, чтобъ цвѣтокъ благоухалъ, а женщина была умна. Я ничего не говорю о Фантинѣ, это мыслительница, мечтательница, недотрога; это призракъ, имѣющій форму нимфы и стыдливость монахини—призракъ, который втирается въ жизнь грязетки, но прячется въ свои иллюзіи, и поетъ, и молится, и смотритъ на лазурь неба, самъ не зная, что онъ видитъ и что дѣлаетъ, и блуждаетъ по саду, въ которомъ птицъ больше, чѣмъ ихъ дѣйствительно существуетъ. О, Фантина! знай это: я, Толеміесь, я—мечта; но она даже не слушаетъ меня, бѣлокурая дочь химеръ! Впрочемъ, въ ней все свѣжесть, слабость, молодость, кроткій утренній свѣтъ. О, Фантина! вы женщина прекраснѣйшаго Востока. Сударыни! теперь второй совѣтъ: не выходите замужъ; замужство тотъ же прививокъ: онъ можетъ приняться дурно или хорошо. Убѣгайте этого риска... Однако, что я тутъ вру? Я даромъ теряю слова. Дѣвочки неслезлимы насчетъ супружества; и все, что мы, мудрецы, ни будемъ говорить, не помѣшаетъ жилетницамъ и бапшачницамъ мечтать о мужьяхъ, осыпанныхъ брилліантами. Ну, пусть такъ; но, красавицы! запомните мои слова: вы кушаете слишкомъ много сахара. О женщины! васъ въ одномъ можно упрекнуть, въ томъ, что вы погрызываете сахаръ, О, грызущій полъ! твои хорошенькіе бѣленкіе зубки обожаютъ сахаръ. Но, слушайте хорошенько: сахаръ есть соль. Всякая соль сушить. Сахаръ самая иссушающая изъ всѣхъ солей. Онъ вытягиваетъ сквозъ жилы влажныя частички крови; от-

туда сгущеніе, потомъ затвердѣніе крови; оттуда бугорки въ легкихъ; оттуда смерть. Итакъ, не грызите сахара—и вы будете жить! Теперь обращаюсь къ мужчинамъ. Господа! одерживайте победы. Воруйте другъ у друга, безъ всякаго угрызенія совѣсти, возлюбленныхъ. *Chassez-voisiez*. Въ любви нѣтъ друзей. Всюду, гдѣ есть хорошенъкая женщина, открываются непріязненные дѣйствія. Пошамъ никакой, война до смерти! Хорошенъкая женщина есть *casus belli*; хорошенъкая женщина есть преступленіе, наступитое врасплохъ. Всѣ историческія нападенія были причинены юбками. Женщина есть право мужчины. Ромулъ похитилъ сабинянокъ, Вильгельмъ похитилъ саксонянокъ, Цезарь похитилъ римлянокъ. Человѣкъ, котораго не любятъ, паритъ какъ коршунъ надъ чужими любовницами; а что касается меня, то ко всѣмъ этимъ несчастливымъ вдовцамъ я обращаю великую прокламацію Бонапарте къ итальянскій арміи: «Солдаты! вывосемъ чувствуете недостатокъ: унепріятеля всеотосеть. Толоміесъ остановился.

— Вдохни, Толоміесъ—сказалъ Блашвель.

Въ тоже время, Блашвель, поддерживаемый Листолье и Фамелемъ, заплѣлъ одну изъ тѣхъ пѣсень, составленныхъ изъ первыхъ попавшихся словъ, богато и нисколько неримованныхъ, лишенныхъ смысла, какъ жесты дерева и шумъ вѣтра, которые рождаются въ мастерскихъ изъ дыма трубокъ и разсѣваются и исчезаютъ вмѣстѣ съ нимъ. Вотъ какимъ куплетомъ группа отвѣчала на рѣчь Толоміеса:

*Les pères dindons donnèrent
De l'argent à un agent,
Pour que mons Clermont-Tonnerre
Fût fait pape à la Saint-Jean;
Mais Clermont ne put pas être
Fait pape, n'étant pas prêtre;
Alors leur agent rageant
Leur rapporta leur argent (*).*

Не такую пѣсню можно было удержать импровизацію Толоміеса; онъ осушилъ свой стаканъ, снова наполнилъ его и снова началъ:

— Долой мудрости! Забудьте все, что я сказалъ. Не будемъ ни лицомѣрами, ни благоразумными. Я предлагаю тостъ въ честь веселья! Будемъ веселы! Завершимъ нашъ курсъ правовѣдѣнія палостями и пищею. Пусть Юстиніамъ будетъ самцомъ, а пиршество—самкой! Радость въ глубокихъ безднахъ! Живи, о сотворенное! Миръ—большой брильянтъ. Я счастливъ. Птицы удивительны. Какой праздникъ неведуду! Соловей-даровой Элловіу **. Лѣто! я привѣтствую тебя! О, Люксембургъ! о Георгіики улицы Мадамъ и аллеи Обсерваторіи. О вы, прелестныя няньки, которыя, няньча дѣтей, въ то же время сами набрасываютъ первые очерки ихъ! Пампасы Америки нравились бы мнѣ, еслибъ у меня не было аркадъ Одеона. Душа моя улетаетъ въ дѣвственные лѣса и луга! Все прекрасно! Мухи жужжатъ въ тухахъ солища.... Поцалуй меня, Фантина!

Онъ ошибся и поцѣловалъ Фавуриту.

* Отцы-пидюки дали денегъ своему агенту для того, чтобы г. Клермонъ-Тонеръ былъ сдѣланъ папою въ день св. Іоанна. Но Клермонъ не могъ быть сдѣланъ папою, не будучи священникомъ; тогда ихъ агентъ, взбѣшенный, принесъ имъ обратно деньги.

** Дивотный-живописецъ.

VIII.

СМЕРТЬ ЛОШАДИ.

— У Эдонаобщають лучше, чѣмъ у Бомбарды, — вскричала Зезина.
— А, по-моему, Бомбарда лучше Эдона, — объявилъ Блашвелъ: вдѣсь больше роскоши, больше азіатскаго. Посмотрите нижнюю залу: тамъ всѣ стѣны зеркальныя.

— Я лучше люблю тарелки зеркальныя, — сказала Фавурита.

Блашвелъ настаивалъ на своемъ.

— Посмотрите на ножи: у Бомбарды они съ серебряными черепками, а у Эдона — съ костяными. А извѣстно, что серебро драгоценнѣе кости...

— Только не для тѣхъ, у кого подбородокъ серебряный, — замѣтилъ Толомиесъ.

Въ эту минуту онъ смотрѣлъ на куполь Инвалидовъ, который былъ виденъ въ окна трактира.

Наступило минутное молчаніе.

— Толомиесъ! крикнулъ Фамель, — только что я и Листолье спорили.

— Споръ хорошее дѣло, — отвѣчалъ Толомиесъ, — ссора еще лучше.

— Мы спорили о философіи.

— Хорошо.

— Кому ты отдаешь предпочтеніе: Декарту или Спинозѣ?

— Дезожье.

Высказавъ это рѣшеніе, онъ выпилъ и продолжалъ:

— Я согласенъ жить. Не все кончено на землѣ, если можно еще вратъ глупости. Благодарю за это безсмертныхъ боговъ. Человѣкъ вретъ, но смѣется. Человѣкъ утверждаетъ, но сомнѣвается. Неожиданное вылетаетъ изъ силлогизма. Это прекрасно. Есть еще на землѣ люди, умѣющіе весело раскрывать и закрывать ящикъ съ сюрпризами парадокса. То, сударыни, что вы такъ спокойно пьете въ настоящую минуту, есть ничто иное, какъ вино мадера, произведеніе почвы, находящейся въ трехъ стахъ семнадцати туазахъ надъ уровнемъ моря! Вниманіе! Триста семнадцать туазовъ! И г. Бомбарда, великолѣпный рестораторъ, отдаетъ вамъ эти триста семнадцать туазовъ за четыре франка пятьдесятъ сантимовъ.

Фамель снова прервалъ его:

— Толомиесъ, твои мнѣнія — законъ. Кто твой любимый писатель?

— Вер...

— Кень?

— Нѣтъ, Шу.

И Толомиесъ продолжалъ:

— Да здравствуетъ Бомбарда! онъ сравнялся бы съ Мумофисомъ Элефанскимъ, еслибы могъ сорвать для меня одалиску, и съ Тигеліемъ Херонейскимъ, еслибъ могъ принести мнѣ гетеру! Потому-что, о сударыни! Бомбарды существовали и въ Греціи и въ Египтѣ. Это говоритъ намъ Апулей. Увы! все однѣ и тѣ же вещи и ничего новаго! Во всемъ твореніи Творца ничего такого, что еще не было напечатано, «Nil sub sole novum» говоритъ Соломонъ, «amor omnibus idem», го-

ворить Виргилий, и Карабина всходитъ съ Карабиномъ на сен-клюдскій гальотъ, какъ Аспазія всходила съ Перикломъ на самосскій корабль. Еще одно, послѣднее слово. Знаете ли вы, сударыни, кто была Аспазія? Хотя она жила въ то время, когда у женщинъ не было еще души, но она была душа, душа съ розовымъ и пурпуровымъ оттѣнкомъ, болѣе пылающая, чѣмъ огонь, болѣе свѣжая, чѣмъ зоря. Аспазія была существо, въ которомъ сходились двѣ крайности женской природы; это была блудница—богиня. Сократъ соединился въ ней съ Маноной Леско. Аспазія была создана на случай, еслибы Прометеею понадобилась любовница.

Толомиесь такъ расходился, что едва-ли бы скоро остановился, еслибы въ эту самую минуту на набережной не упала лошадь. Отъ этого толчка остановились и повозка, и ораторъ. Упавшая лошадь была старая, тощая кобыла, достойная сдѣлаться достояніемъ живодера; она тащила очень тяжелую повозку. Поровнявшись съ тракторомъ Бомбарды, животное, истощенное и изнеможенное, отказалось идти дальше. Этотъ случай собралъ толпу. Разсерженный извозчикъ, ругаясь, едва успѣлъ произнести съ приличною энергіею обычное: «чортъ тебя подери!», сопровождаемое неумолимымъ ударомъ кнута, какъ кляча упала, чтобъ больше не подыматься. Шумъ собравшейся толпы заставилъ веселыхъ слушателей Толомиеся повернуть голову.

— Бѣдная лошадь! со вздохомъ сказала Фантина.

А Далія вскричала:

— Смотрите-ка, Фантина ужъ лошадой начинаетъ жалѣть! Вѣдь можно же быть такой пошлой душой!

Въ эту минуту Фавурита, скрестивъ руки и закинувъ назадъ голову, посмотрѣла съ рѣшительнымъ видомъ на Толомиеся и сказала:

— Послушайте, однако, что жъ скорпризъ?

— Вы правы, отвѣчалъ Толомиесь.. минута настала. Господа! часъ сюрприза этимъ дамамъ пробилъ. Сударыни, подождите насъ минуточку.

— Сюрпризъ начинается подалуемъ,—сказалъ Блашвелъ.

— Въ лобъ,—прибавилъ Толомиесь.

Каждый очень серьезно поцаловалъ въ лобъ свою любовницу; потомъ всѣ четверо вышли изъ комнаты одинъ за другимъ, положивъ палецъ на губы.

Фавурита захолопала въ ладоши.

— Это ужъ теперь забавно!—сказала она.

— Не оставайтесь тамъ слишкомъ долго,—прошептала Фантина. — Мы васъ ждемъ.

IX.

Веселый конецъ веселости.

Молодые дѣвушки, оставшись однѣ, раздѣлились по двѣ и, облокотясь на окна, стали переговариваться между собою и глядѣть въ улицу.

Онъ увидѣли, какъ молодые люди вышли изъ трактира подъ-руку; они обернулись, смѣясь, сдѣлали имъ какіе-то знаки и исчезли въ пыльной толпѣ, наводнявшей каждое воскресенье Елисейскія Поля.

— Приходите скорѣе!—крикнула Фантина.

— Что-то они принесутъ намъ?—сказала Зефина.

— Наверно, что-нибудь хорошенькое,—замѣтила Далія.

— Я,—сказала Фавурита,—хочу, чтобы это было что-нибудь золотое.

Скоро ихъ заняло движеніе, происходившее на берегу воды. Былъ часъ отъѣзда мальпосты и дилижансовъ. Почти всѣ экипажи южныхъ и восточныхъ компаній проѣзжали въ то время чрезъ Елисейскія Поля. Большая часть изъ нихъ слѣдовала по набережной и выѣзжала чрезъ пассійскую заставу. Отъ времени до времени, какая-нибудь большая карета, выкрашенная желтою и черной краской, тяжело нагруженная, съ шумящею упряжью, обезображенная чемоданами и сундуками, наполненная разными головами, въ ту же минуту исчезавшими, ломая мостовую, дробя плиты ея на мелкіе кусочки, съ каменъ-то бѣшенствомъ врывается въ толпу, точно ходячая кузница, только съ пылью вмѣсто дыма. Этотъ шумъ забавлялъ молодыхъ дѣвушекъ. Фавурита вскрикивала:

— Экая стукотня! точно сотни дѣпей летятъ по воздуху.

Случилось какъ-то, что одинъ изъ этихъ экипажей остановился на минуту, потомъ снова понесся въ галопъ. Это удивило Фантину.

— Странно!—сказала она. — Я думала, что дилижансы никогда не останавливаются.

Фавурита пожала плечами.

— Эта Фантина удивительная дѣвушка! на нее стоить посмотреть изъ любопытства. Ее поражаютъ вещи самыя простыя. Ну, предположи себѣ: я путешественникъ, я говорю кондуктору: «я иду впередъ, вы возьмите меня, когда будете проѣзжать по набережной». Дилижансъ проѣзжаетъ, видитъ меня, останавливается и беретъ меня. Это случается каждый день. Ты не знаешь жизни, моя милая.

Такъ проплонѣлось время. Вдругъ Фавурита точно проснулась.

— Да—сказала она—а что жъ сюрпризъ?

— Да, кстати—прибавила Далія—что же знаменитый сюрпризъ?

— Какъ они долго!—прибавила Фантина.

Только-что она со вздохомъ произнесла эти слова, какъ въ комнату вошелъ слуга, прислуживавшій имъ за обѣдомъ. Онъ держалъ въ рукѣ что-то, похожее на письмо.

— Что это такое?—спросила Фавурита.

Слуга отвѣчалъ:

— Это письмо, которое молодые господа оставили вамъ.

— Отчего же вы не подали его тогда же?

— Оттого, что эти господа приказали отдать его только чрезъ часъ послѣ ихъ ухода.

Фавурита вырвала бумагу изъ рукъ слуги. Бумага, дѣйствительно, оказалась письмомъ.

— Каково!—сказала она:—никакого адреса. Но вотъ что написано на конвертѣ:

«Это нашъ сюрпризъ».

Она быстро распечатала письмо, развернула его и прочла — (она умѣла читать):

«О, наши возлюбленные!

«Узнайте, что мы имѣемъ родителей. Что такое родители — вы не слишкомъ хорошо знаете. Они называются «отцами и матерями» въ сводахъ законовъ: гражданскомъ, дѣтскомъ и добродѣячюномъ. Эти родители стонуть, эти старики требуютъ насъ, эти добрые люди и добрыя женщины называютъ насъ блудными сыновьями; они желаютъ нашего возвращенія и общаются зарѣзать для насъ тельцовъ. Мы добродѣтелины, и потому повинемся. Когда вы будете читать эти строки, пять рьяныхъ коней будутъ уносить насъ къ нашимъ папенькамъ и къ нашимъ маменькамъ. Мы улепетываемъ, какъ говоритъ Бессюзъ. Мы уѣзжаемъ; мы уѣхали. Мы летимъ въ объятія Лаэитта и на крыльяхъ Кальера. Тулузскій дилижансъ исторгаетъ насъ изъ бездны, и эта бездна—вы, о, прелестныя наши крошки! Мы возвращаемся къ обществу, долгу и порядку, возвращаемся крупною рысью, по три лье въ часъ. Отчезству нужно, чтобы мы, какъ и всѣ другіе, были префектами, отцами семейства, сельскими стражами и совѣтниками въ государствѣ. Почитайте насъ. Мы приносимъ себя въ жертву. Оплакивайте насъ быстрее и замѣните насъ какъ можно скорѣе. Если это письмо растерзаетъ васъ, сдѣлайте съ нимъ то же самое. Прощайте.

«Въ продолженіе почти двухъ лѣтъ мы дѣлали васъ счастливыми. Не сердитесь на насъ за это.

Подписано: Влашвелъ.

Фамель.

Листолье.

Феликсъ Толоміесь.»

«P. S. Обѣдъ заплаченъ.»

Молодыя дѣвушки посмотрѣли одна на другую.

Фавурита первая прервала молчаніе:

— А что?—вскричала она,—вѣдь это, что они говорятъ, славная штука.

— Это очень смѣшно,—сказала Зефина.

— Ужъ это непременно выдумка Влашвеля,—замѣтила Фавурита.— Она заставляетъ меня влюбиться въ него. Что имѣемъ—не хранимъ, потерявши—плачемъ. Это извѣстно.

— Нѣтъ,—сказала Далія,—это выдумка Толоміеса. Сейчасъ замѣтно.

— Въ такомъ случаѣ,—воскликнула Фавурита,—смерть Влашвелю да здравствуетъ Толоміесь!

— Да здравствуетъ Толоміесь!—повторили Далія и Зефина.

И онѣ расхохотались.

Фантина смѣялась вмѣстѣ съ прочими.

Часть спустя, войдя въ свою комнату, она заплакала. Толоміесь, какъ мы сказали уже, былъ ея первая любовь; она отдалась ему какъ мужу, и у бѣдной дѣвушки былъ ребенокъ.

Конецъ перваго тома.

ВЪ ПУТЬ-ДОРОГУ!..

РОМАНЪ.

КНИГА ВТОРАЯ.

I.

Большой дикій домъ точно обновился на другой день, послѣ похоронъ. Стояло свѣтлое, холодное утро. Солнце играло на окнахъ; стѣны смотрѣли свѣжѣе и опрятнѣе.

Часу въ двѣнадцатомъ, явился Федоръ Петровичъ съ тремя свидѣтелями. Пелагея Сергѣвна, не кланяясь ему, вышла въ бильярдную, и сухо взглядывала на Бориса красными, заплаканными глазами. Борисъ всю ночь продумалъ о томъ, какъ придетъ Софья Николаевна и что сдѣлается съ бабушкой. Объ самомъ завѣщаніи онъ мало думалъ.

Съ самаго утра, когда онъ сошелъ сверху, имъ овладѣло опять безпокойство и даже какое-то раздраженіе. Ему попало нѣсколько дворовыхъ, старухъ, лакеевъ, всѣ они смотрѣли протестительно, точно хотѣли его остановить и начать рассказывать о своихъ нуждахъ, и во всѣхъ ихъ взглядахъ и движеніяхъ видѣлось то, что съ этого дня Борисъ для нихъ уже болѣе не барченокъ, а настоящій баринъ.

Съ Пелагеей Сергѣвной Борисъ почти не сказалъ ни слова. Ихъ горе не могло быть общимъ горемъ.

— Приступимъ, — сказалъ Федоръ Петровичъ своимъ спокойнымъ тономъ, когда всѣ собрались въ бильярдной.

Онъ подошелъ къ двери въ спальню, сломалъ печать и отперъ, пригласивъ всѣхъ рукой послѣдовать за нимъ.

Первое, что бросилось Борису въ глаза, была пустая кровать. Больной точно сейчасъ оставилъ ее. И все въ комнатѣ, до малѣйшихъ вещицъ, застыло въ одномъ положеніи.

Пелагея Сергѣевна сѣла на одинъ изъ стульевъ, около стѣны; она упорно молчала и лицо ея было такъ жестоко и уязвлено, что трудно было подойти къ ней и заговорить. Борисъ сталъ въ уголъ около двери и облокотился о бюро.

Свидѣтели немножко стѣснялись. Одинъ изъ нихъ, маленькій старичокъ, толстенькій и круглый, подгородный помѣщикъ, примигивалъ все глазомъ. Двое остальныхъ — довольно молодой еще совѣтникъ палаты, съ бѣлокуроми височками, и отставной полковникъ хмураго вида — смотрѣли другъ на друга вопросительно и, по временамъ, взглядывали на Пелагею Сергѣевну.

Федоръ Петровичъ отперъ верхній ящикъ бюро.

— Вотъ здѣсь, — обратился онъ къ свидѣтелямъ, — лежитъ завѣщаніе покойнаго, деньги и бумаги. Я припечаталъ его въ первый же день.

Бѣлокурый совѣтникъ съ улыбочкой наклонилъ голову, а толстенькій помѣщикъ подмигнулъ.

Федоръ Петровичъ выложилъ на столъ три большіе пакета.

— Тутъ — сказалъ онъ, указывая на средній пакетъ, завѣщаніе, въ этомъ конвертѣ деньги на погребеніе, а вотъ въ этомъ — билеты и серіи.

Бабенька при словѣ *серіи* подняла голову и въ упоръ посмотрѣла на Федора Петровича.

— Иванъ Ивановичъ, не угодно ли вамъ будетъ прочесть завѣщаніе, — проговорилъ Лапинъ, обращаясь къ бѣлокурому совѣтнику.

Тотъ немножко побжился, подошелъ къ столу и, сломивъ печать съ конверта, вынулъ большую тетрадь въ листъ.

Началось чтеніе. Лапинъ и свидѣтели слушали, стоя. Борисъ, въ углу, за бюро, стоялъ, закрывши глаза рукой: ему тяжело было слѣдить за ходомъ завѣщанія; ему хотѣлось скорѣе уйти къ себѣ, наверхъ, отъ неловкихъ, колючихъ ощущеній. Неотвзчива была въ немъ мысль, что тутъ разыгрывается послѣдній актъ комедіи; что все это точно подготовлено и подведено,

Целагея Сергѣвна сохраняла тотъ же суровый неподвижный видъ; но внутренно она съ жадностью слѣдила за чтеніемъ.

И что пришлось ей услышать?

Во-первыхъ, она отстранялась вполне отъ всякаго вліянія на внѣшнѣе и дѣтей покойнаго. Опекунѣмъ назначался Лапинъ, почетельницей Софья Николаевна Телепнева. Когда бѣлокурый совѣтникъ прочелъ этотъ пунктъ, бабенка вся покраснѣла, но не взвѣнила себя. не сдѣлала ни одного движенія. Покойный завѣщавалъ дѣтямъ выдѣлить изъ родоваго имѣнія бабкѣ слѣдующую ей часть, по ея выбору, и предоставить Софьѣ Николаевнѣ пожизненно имѣніе, которое должно было идти ихъ дябѣ. Борисъ узналъ, что ему съ сестрой оставляетъ отецъ шестьсотъ душъ; билетами и серіями: пятьдесятъ тысячъ рублей.

— Теперь — сказалъ Федоръ Петровичъ, когда чтеніе было кончено, — вотъ тутъ деньги, назначенныя самимъ покойнымъ на погребеніе. — Онъ обернулся къ Борису и Целагеѣ Сергѣвнѣ. — Я истратилъ на похороны восемьсотъ рублей; тутъ тысяча. Какъ прикажете съ ними распорядиться?

Целагея Сергѣвна молчала. Борисъ взглянулъ на нее вопросительно.

— Отдать Якову — сказалъ онъ.

— Онъ получилъ награду, — замѣтилъ Федоръ Петровичъ.

— Да, но онъ право стоить, — проговорилъ Борисъ и тотчасъ же прибавилъ: — можетъ быть, бабушка желаетъ...

— Я ничего не желаю, — рѣзко отвѣтила старуха и поднялась. Что-то судорожное видно было въ ней.

Быстро вышла она изъ спальни, никому не поклонившись. Всѣ посмотрѣли ей въ слѣдъ и долго молчали.

Борису стало жаль старуху. Слишкомъ крутъ былъ переходъ отъ прошедшаго къ настоящему. Завѣщаніе наносило ей глубокую рану. И тотъ пунктъ его, гдѣ покойный говорилъ дѣтямъ, что они должны уважать бабушку и не дѣлать ей никакихъ непріятностей, казался горькой насмѣшкой.

II.

Федоръ Петровичъ взялъ Бориса за руку.

— Ну, Борисъ Николаичъ, — сказалъ онъ ему, — батюшкѣ вашему угодно было сдѣлать меня вашимъ опекуномъ. Тяжеленько, да какъ-нибудь уладимъ все.

— Вотъ бабушка... вырвалось у Бориса.

— Что дѣлать!—сказалъ Лавинъ, пожавъ плечами,—вамъ что-нибудь одно выбирать: или исполнить волю отца вашего, или все отдать въ руки Пелагеи Сергѣевны. Да вѣдь она теперь не смилуется, все-равно.

Свидѣтели подошли къ Борису.

— Молодцомъ распорядился вашъ отецъ,—пробасилъ хмурый полковникъ;—я всегда бы такъ поступилъ.

— Хорошее состоянїе получили—проговорилъ, подмигивая, толстенькій помѣщикъ. Знаю я вашу Ольховку: кругленькое нѣтънѣе.

— А какъ съ домою распорядитесь?—мягко спросилъ бѣлоручый совѣтникъ.

Всѣмъ было очень неловко, и, чрезъ нѣсколько минутъ они поспѣшили удалиться.

Борисъ и Федоръ Петровичъ остались вдвоемъ.

— Федоръ Петровичъ,—сказалъ Борисъ,—мнѣ очень трудно будетъ съ бабушкой, такъ вы ужь меня поддержите, вѣдь нельзя же ей выѣхать сейчасъ же изъ дома?

— Да, любезный другъ, никто ее и не гонить. Развѣ батюшка вашъ въ завѣщаніи говоритъ, чтобъ она въ домѣ не смѣла жить?

— Но когда Софья Николаевна прїѣдетъ?

— А ужь тогда, какъ ей угодно. Разумѣется, не станетъ жить въ этомъ домѣ.—Федоръ Петровичъ пристально посмотрѣлъ на Бориса.—Жалко мнѣ васъ очень,—проговорилъ онъ—положеніе ваше такое чудное, да вѣдь тяжело-то ужь не будетъ, и то сказать.

Въ дверяхъ показалась Фицка.

— Барыня васъ къ себѣ просить-съ, доложила она.

— Кого?—спросилъ Борисъ.

— Васъ баринъ, и вотъ ихъ-съ,—и Фицка указала рукой на Федора Петровича.

— Пойдемте,—сказалъ Лавинъ:—надо ее хоть немножко успокоить, прибавилъ онъ, точно про-себя. Онъ положилъ завѣщаніе и билеты въ бюро, заперъ и проговорилъ:

— Ключъ-то я съ собой возьму; а отъ комнаты—вы у себя держите.

Они нашли Пелагею Сергѣевну на диванѣ; она сидѣла, заложивъ руки за спину въ очень странной позѣ.

— Вы опекунъ моихъ внуковъ,—начала она, обратившись къ Федору Петровичу.—Я вамъ объявляю, что отказываюсь отъ сѣд-

ной части, не хочу, чтобъ мнѣ подачку подавали. Мнѣ ничего не нужно, я не нищенка, не стану христарадничать.

— Помилуйте Пелагея Сергѣвна, —заговорилъ довольно мягкимъ тономъ Лапкинъ, —ни сынъ вашъ, ни внуки никогда и не думали лишать васъ собственности.

— Я не хочу! —вскричала бабенка, —слышите я не хочу, и вы меня не заставьте милостыню просить! Довольно ужъ наругались надо мной!

— Въ такомъ случаѣ, сударыня, поступайте какъ вамъ будетъ угодно. Если вы отказываетесь отъ части, слѣдующей вамъ по закону, составьте актъ въ пользу вашихъ внуковъ, или кого вы найдете достойными.

— Вотъ! —закричала Пелагея Сергѣвна. Вы рады —вамъ сейчасъ бумаги строчить, завѣщанія составлять, каверзы дѣлать! Никакого акта я составлять не хочу, а убѣгу я вотъ изъ этого вертепа, да! Съ меня здѣсь рады послѣднее платьешко стащить! Порадуйтесь, на меня глядя. Мнѣ въ шестьдесятъ —то пять лѣтъ надо на колѣни вотъ передъ нимъ становиться, чтобъ онъ меня на улицу не выгналъ!

Пелагея Сергѣвна вся заколыхалась; въ голосѣ ея была слышна какая-то смѣсь желчи, слезъ и крика.

Федоръ Петровичъ переглянулся съ Борисомъ. Его озадачила тварада бабенки.

— Вы вѣдь все законно устроили! —закричала опять старуха, —ну, и прекрасно. Устройайте, подведите законы такъ, чтобъ меня въ желтый домъ засадить и мое имѣнье у меня все отнять.

— Бабушка, —проговорилъ Борисъ, —успокойтесь.

Старуха вскочила съ мѣста.

— Молчи! —вскрикнула она. —Какая въ тебѣ кровь-то течетъ? уродился весь въ матушку!..

— Сударыня —прервалъ громко Федоръ Петровичъ, —вамъ угодно приказать мнѣ что-нибудь? — а то, вы меня извините, я долженъ ѣхать.

— Поѣзжайте, поѣзжайте! повторяла Пелагея Сергѣвна. — Мнѣ васъ ненадо, и никого мнѣ ненадо. Живите вы тутъ, умрите, —я уѣду; я дня здѣсь не останусь. Чтожь мнѣ у новой-то хозяйки, у выписной-то барыни, въ холопкахъ, что ли, быть? лаверху Степанидкину конуру занимать? На что я вамъ пужна? Родной сынъ въ грязь втопталъ!..

Въ словахъ и возгласахъ старухи было что-то раздирательно жолчное.

Какъ будто нарочно растравляла она свою рану, или она, въ самомъ дѣлѣ, не могла удержать потока жалобъ и упрековъ, безцѣльныхъ и унижительныхъ для нея.

Она прошла по комнатѣ и скрылась за перегородку, захлопнувъ за собой дверь.

Федоръ Петровичъ переглянулся съ Борисомъ, махнулъ рукой и тихо проговорилъ:

— Пойдите. Чего же больше ждать?

Борисъ пошелъ за нимъ слѣдомъ и молчалъ до самой залы, гдѣ они остановились.

Целагея Сергѣевна лежала на кровати и плакала.

III.

— Что же это такое, батюшка?—спросилъ Федоръ Петровичъ Бориса.—Бабушка-то ваша совѣмъ, видно, помутилась. Зачѣмъ она насъ къ себѣ требовала, скажите вы мнѣ на милость?

— Да вы видите, Федоръ Петровичъ, она такъ раздражена, вы ужъ не взыщите съ нея, вѣдь и ея-то положеніе...

— Знаю, что не очень веселое, да вѣдь дѣло-то ужъ сдѣлано: она должна же это понять. Вотъ женщины, всегда женщинами и останутся; силы нѣтъ, достоинства. Ну что-жь, не хочеть здѣсь жить, бѣжать хочеть? вѣдь удержать насильно нельзя; квартиру ей, что ли, подыскать, или въ деревню... ну, да это ужъ ея дѣло. Право, къ ней и не подступиться.

Добрый Федоръ Петровичъ говорилъ все это съ озабоченнымъ видомъ. Онъ совѣмъ не сердился на старуху; онъ жалѣлъ ее и не могъ придумать, какъ бы все помягче, да получше уладить, такъ, чтобъ никто не страдалъ и не было бы тяжелыхъ, безцѣльныхъ столкновений.

— О дворовыхъ-то, мы ужъ съ вами уже перетолкуемъ, сказалъ онъ Борису, надо ихъ собрать, объявить вольную, кому сказано, и награды раздать. Мнѣ пора и объѣдать, мой часъ ужъ прошелъ, прибавилъ онъ съ улыбкой. Вы завтра въ классы-то еще не ѣдите.

— Нѣтъ, я не поѣду.

— Распорядитесь на счетъ комнаты. Нянюшкѣ своей скажите чтобъ у васъ тамъ, наверху, прибрали. Если что нужно будетъ,

приняте за мной пораньше... да я непременно буду часу въ седьмомъ.

Борисъ проводилъ Федора Петровича до передней и долго ходилъ по залѣ.

Сцена у бабенки очень подавила его: ему жалко было старуху и досадно за нея.

— Зачѣмъ она не выдержала характера?» спрашивалъ онъ себя. Къ чему эта бездѣльная выходка въ такой день, когда нужно было поддержать свое достоинство?

Но Борисъ чувствовалъ, сколько бабенка пережила ѣдкаго при чтеніи завѣщанія. Онъ чуть не упрекнулъ покойнаго отца за этотъ рѣзкій переходъ, котораго онъ такъ горячо желалъ. Выгнать изъ дома старуху, отнять всякое вліяніе и власть, и все это за одинъ разъ, все это какъ посмертная воля сына, сына вѣчнопокорнаго, безмолвнаго, придавленнаго...

— Страшное наказаніе, — повторялъ Борисъ; — сильнѣе и болѣзненнѣе никто бы не выдумалъ, даже личный врагъ Пелагеи Сергѣевны... Но могу ли я винить отца? Не сама ли она все приготовила? И чего она, въ самомъ дѣлѣ, лишена? власти, — и только; а что ей до насъ? Если въ ней и живетъ къ намъ какое-нибудь чувство, много она не станетъ плакать: она всегда жила одна; близкіе люди были для нея нужны только для того, чтобъ терять ихъ!

Такъ-то разсуждалъ Борисъ, забывъ, что ему нужно начать распоряжаться по дому. Вся дворня была въ ожиданіи. Всѣ знали, что завѣщаніе читалось; что кто-то на волю отпущенъ; что, вѣрно, многих и по оброку разгонять. Какіе-то порядки будутъ? передумывали челядницы, — какъ поведетъ себя молодой баринъ?

Про то, что Пелагея Сергѣевна въ домѣ жить не останется — было также извѣстно. Эта новость произвела необычайное волненіе въ дѣвчечьей. Старухи, женщины, дѣвки и дѣвчонки, населавшія эту хоромину, всѣ волновались однимъ вопросомъ: куда ихъ дѣнуть, куда отправить, не разгонять ли по бѣлу свѣту?

Нѣсколько женщинъ принадлежали бабенкѣ, были изъ ея приданнаго имѣнья. Эти не такъ волновались: онѣ знали, что если старая барыня изъ дома выѣдетъ, она ихъ съ собой возьметъ; но и имъ предстояла невеселая жизнь: всѣ онѣ привыкли къ городу, къ болтовнѣ, къ компаніи, къ чайку. А въ деревнѣ, не на что уже будетъ промыслить золотничокъ чайку, не-

кому связать потихоньку чулки, некуда снести ихъ на продажу. Приданныхъ старухъ было всего двѣ-три, остальная масса принадлежала *барченку*.

Борисъ, въ раздумьи, ходилъ по залѣ и, повернувъ машинально голову къ двери въ корридоръ, увидѣлъ цѣлую толпу женщинъ, стоящихъ въ дверяхъ. Всѣ онѣ были одѣты въ черныя коленкоровыя платья и бѣлые платки, точно какія монашени на молитвѣ.

Впереди стояли двѣ старухи: одна, худенькая съ плачущими, опухшими глазами, вся сморщенная; другая, такая же худенькая, но съ кислой улыбкой.

Только что Борисъ подошелъ къ нимъ, онѣ всѣ бухнулись въ ноги.

— Что вы?—вырвалось у Бориса.

— Батюшка,—захнывали старухи,—мы къ вашей милости: не сдѣлайте насъ несчастными, не гоните вы насъ, дайте...

— Да встаньте, встаньте! повторялъ молодой баринъ, краснѣя. Еще въ первый разъ передъ нимъ становились на колѣни.

— Встаньте же! прошу васъ. Что вамъ надо?

Всѣ поднялись. Слезливая старуха заговорила первая, голосъ у ней дрожалъ и она какъ-то все давилась словами.

— Вы насъ не гоните. Мы бабенькѣ и папенькѣ вашему служили—заныла она.

— Куда же намъ дѣваться? На что мы теперь годны? послышалось изъ заднихъ рядовъ.

— Батюшка... заныла смѣющаяся старуха и подалась впередъ, желая взять у Бориса руку и поцаловать ее.

Борисъ уклонился и покраснѣлъ.

— О чемъ вы хлопочете?—сказалъ онъ имъ.—Живите себѣ какъ жили, никто васъ гнать не будетъ.

— Да вѣдъ теперъ новые порядки пойдутъ, батюшка,—проговорила слезливая старуха.

Борисъ усмѣхнулся.

— Полно, никакихъ новыхъ порядковъ не будетъ. Ступайте и работайте себѣ.

Успокоительный тонъ Бориса подѣйствовалъ на женскую массу; волненіе исчезло съ лицъ.

— Ужъ мы на васъ, какъ на Бога, — заговорила опять слезливая старуха.

— Хорошо, хорошо!—повторялъ Борисъ и сдѣлалъ движеніе рукой, отступая назадъ.

Женщины потянулись въ корридоръ и отирались всей толпой въ дѣвичью.

Борису стало какъ-то смѣшно.—«Отчего это я вдругъ сдѣлался бариномъ? спрашивалъ онъ себя. Что мнѣ съ ними дѣлать? Ну, пока стоитъ большой домъ, пускай ихъ доживаютъ въ дѣвичьей.» Борисъ подумалъ о томъ, сколько лѣтъ бабенка царилла надъ этимъ міркомъ, и ему даже не совсѣмъ вѣрилось, что все исчезло такъ быстро, такъ мгновенно.

Онъ былъ утомленъ. День похоронъ, томительный и суетливый, потому письмо изъ Москвы, долгая дума, тревожная ночь и сцена съ бабушкой — все это не могло пройти даромъ. Ему было очень тяжело. Только теперь онъ начиналъ чувствовать, что одиночество сдѣлалось еще сильнѣе; а образъ отца, съ его болѣзнию, слабостью, съ изнурительной и жалкой борьбой, предсталъ передъ нимъ, какъ живой, и точно дышалъ упреномъ.

— «Вотъ теперь и свободно, да что дѣлать изъ этой свободы,» говорилъ онъ себѣ. И въ самомъ дѣлѣ, въ эту минуту, онъ не зналъ, что ему съ ней дѣлать, да и стыдно ему было останавливаться только на своей жизни, на своемъ будущемъ.

Ночью, онъ такъ много думалъ о пріѣздѣ Софьи Николаевны, что теперь совсѣмъ позабылъ о ней. Ему казалось, въ эту минуту, что большой дикій домъ такъ и простонетъ цѣлую вѣчность, безъ новыхъ лицъ, безъ новой жизни; что ни въ чемъ придется также умереть, какъ умеръ отецъ. Ему вдругъ припомнились слова Маши: «папа умеръ, и ты умрешь». И горько стало ему за свою сестренку, за эту дѣвочку, которой готовилась какая-то странная судьба.

Онъ пошелъ къ ней наверхъ.

Маша сидѣла у себя въ комнаткѣ, на даванѣ, сложивъ ноги калачикомъ.

Въ траурномъ платьѣцѣ, съ плерезами и бѣлымъ большимъ воротничкомъ, она была еще лучше. Онутивъ головку и длинные свои локоны, она читала какую-то книжку.

Борисъ подошелъ къ ней тихо и поцаловалъ ее въ темя. Маша подняла голову, кротко улыбнулась и, молча, глядѣла на брата.

Въ ея лицѣ была какая-то сосредоточенная и тихая грусть. Она вся притихла и только ея синіе глаза глубоко свѣтились.

— Я вотъ читаю, Боря, — сказала она тономъ ребенка, присни-
рѣвшаго послѣ шума и рѣзвости. — Читать хочется, прибавила она,
и опять опустила голову.

Борись заглянулъ въ книгу. Это было евангеліе.

— Читай, дружокъ, а я отдохну немножко, — сказалъ онъ.

— Отдохни, — повторила Маша, не поднимая головы, и взяла
его за руку. Это движеніе было полно теплоты и прелести.

— Толстая гдѣ? спросилъ Борисъ.

— Не знаю; она, кажется, и не заглядывала сегодня. Богъ съ
ней, Боря, — прибавила Маша и взглянула на брата: она какъ
будто хотѣла сказать этимъ взглядомъ, что теперь уже кончи-
лась старая жизнь: надо было все забыть и все простить.

Борису хорошо стало на сердцѣ послѣ этого взгляда и словъ Маши.

Онъ еще разъ поцаловалъ ее и пошелъ къ себѣ.

Мироновна была тамъ. Она прибирала комнату.

Борись легъ на диванъ.

— Усталъ? — спросила его няня.

— Немножко; а ты развѣ не устала?

— Нѣтъ, я ничего, отвѣтила старушка. Ты ночью-то не спишь,
я вѣдь слышала.

— Сегодня высплюсь.

— Ну, ужъ выспишься, знаю я тебя. Бабушка-то что? — спро-
сила, помолчавъ, Мироновна. Бумагу-то читали?

— Читали, — отвѣтилъ Борисъ.

— Какое же распоряженіе?

— Ахъ, няня, я ужъ тебѣ послѣ расскажу, — сказалъ Борисъ
взволнованнымъ голосомъ.

— Ну, инъ ладно, я только такъ, промолвила старушка и,
обернувшись, начала мести комнату.

Борись продолжалъ лежать на диванѣ. Старушка, убравъ
комнату, подошла къ нему.

— Приказывать будешь что? — спросила она.

— Да няня, буду, надо вѣдь вещи мои вынести, я внизу, въ
спальнѣ поселюсь, а оттуда можно взять шифоньерки.

— Сегодня, что ли, перетаскивать?

— Да, чего же ждать?

— Извѣстное дѣло, неровно пріѣдетъ.

— Ты погоди, проговорилъ Борисъ, прислушиваясь и вставая
съ дивана. Кто-то внизу.

Онъ не договорилъ и бросился изъ комнаты.

IV.

Вбѣжавъ въ залу, Борисъ остановился.

Передъ нимъ, стояла молодая женщина, высокаго роста. Блѣдное, продолговатое лицо, большіе глубокіе глаза и прекрасный ротъ, вотъ что прежде всего бросилось въ глаза Борису. На ней надѣто было суконное черное платье, съ высокими воротомъ, и узкими рукавами. Въ рукахъ она держала маленькій дорожный кошочекъ. Длинный темный платокъ сваливался съ ея плечъ.

Увидавъ Бориса, она сдѣлала шагъ впередъ.

Въ первую минуту Борисъ не зналъ что сказать, потомъ взглянувъ ей прямо въ лицо, онъ кинулся къ ней, взялъ ее за руку и началъ цаловать.

— Тетушка, это вы? выговорилъ онъ.

— Да это я, Борисъ. Она остановилась, и бросивши взглядъ плерезы, заплакала.

— Скончался, — сказалъ Борисъ тихо, вчера мы его похоронили. Говоря это, онъ поднялъ голову и встрѣтилъ взглядъ: мягкій, глубокій, прекрасный.

— И вы одни... промолвила Софья Николаевна, держа его за руку.

Чѣмъ-то свѣжимъ, повѣяло на Бориса. Онъ никогда не слышалъ такого прекраснаго органа, какой былъ у Софьи Николаевны. Онъ держалъ ее за руку и чувствовалъ, что его руки дрожала и онъ весь былъ полонъ тревоги; но не томительной, не скорбной; а новой, сладкой. Онъ былъ тронутъ звукомъ голоса, взглядомъ, прекрасными слезами, всею образомъ этой женщины.

— Пойдемте сюда, присядьте — проговорилъ онъ, увлекая ее въ гостиную. Онъ усадилъ ее на диванъ; она смотрѣла на него нежного удивленная, съ тихой улыбкой и слезами на большихъ черныхъ глазахъ.

— Тетушка, — началъ Борисъ, взволнованнымъ голосомъ, у насъ съ вами одно горе, я знаю, что вы любите папсюнку. Но мнѣ больно за васъ, вы пріѣхали сюда, въ нашъ домъ, гдѣ у васъ будутъ непріятности. Я не хочу отъ васъ скрывать, положеніе ваше при бабушкѣ...

Борисъ остановился. Онъ выговорилъ все это смущенный, съ опущенной головой, испытывая небывалое чувство робости и вѣсть новое желаніе вылить передъ ней всю душу.

Софья Николаевна взяла его за руку.

— Какой вы славный, — вымолвила она тихо, вы бонитесь за меня. Я вѣдь знала, что найду здѣсь Полагая Сергѣяну. Найдете въ ней, прибавила она и встала.

— Въ ней? вырвалось у Бориса.

— Да, развѣ вы мени хотите скрыть отъ нея?

— Вы ее не знаете — сказалъ Борисъ покачать головой.

— Узнаю, — отвѣтила Софья Николаевна спокойно, а потомъ спросила:

— Она очень убита?

— Да, убита, — промолвилъ Борисъ, серьезно.

— Вотъ видите ли, мой добрый, начала Софья Николаевна, опускаясь опять на диванъ. Вашего отца я любила, его волю я исполню свято, я это скажу и бабушкѣ вашей. Мы будемъ жить хорошо, дружно, не правда ли?

И Софья Николаевна, такъ радостно вглянула на Бориса, что у него пропало и смущеніе и тревога. Въ ея тонѣ слышалась одна свѣжая полодность и какое-то правдивое спокойствіе. Движенія были необыкновенно легки и просты. Борисъ сѣлся и почувствовалъ, что они встрѣтились, какъ равные, даже слово «тетушка» вдругъ зазвучало, странно, въ его ушахъ.

— Вы писали письмо къ маѣ? — спросила Софья Николаевна.

— Да, — отвѣтилъ Борисъ.

— Я получила его большая, невельнуться не могла. Я реалась сюда. Прежде меня пугала одна мысль объ этомъ домѣ.. Софья Николаевна, въ первый разъ, окинула взглядомъ гостиную. Но тутъ, всякій страхъ пропалъ, такъ миѣ стало жаль и отца и васъ. Она опустила голову. И вотъ даже и взглянуть не привелось... Простите меня, сказала она немолчать, вамъ и безъ того вишело. Вѣдь что дѣлать, мы женщины болтаемъ и болтаемъ.

— Что вы говорите тетенька, — вырвалось у Бориса, я такъ радъ...

— Чему — спросила его Софья Николаевна, смотря ему въ глаза.

— Вашему доброму слову тетенька.

— Ахъ вы бѣдный. Видно нелегко вамъ было. Вы знаете, что я о васъ много думала, и у меня сердце реалось когда я представляла себѣ вашу жизнь. Одиночество, болѣзнь, борьба и все это когда же?... Бѣдный вы мой мальчикъ.

Она произнесла это будто просебя; но съ такой искренностью, такъ симпатично и изящно, что Бориса точно что долгнуло въ

сердце. Впечатлѣніе производимое Софьей Николаевной, въ каждой минутой вводила его въ иной, свѣтлый міръ. Самое горе, самая грусть преобразились подѣ обаяніемъ ея натуры.

— Ничего заключила она, будемъ жить, живыми все сносно, только бы умершими было хорошо, У насъ съ вами одно существо на рукахъ... А гдѣ она, гдѣ Маша? Она на васъ похожа?

— Она похожа на шатацъ, промолвилъ Борисъ.

— Какъ это хорошо, — сказала Софья Николаевна, и встала съ этими словами. Идете же къ бабушкѣ.

— А если она васъ не приметъ? тихо проговорилъ Борисъ.

— Нѣтъ, дорогой мой, этого не можетъ быть, пойдимте. И легкой, быстрой поступью она пошла изъ гостиной. Борисъ слѣдовалъ за ней, не спуская съ нея глазъ.

V.

Борисъ и Софья Николаевна остановились у дверей въ бильярдную.

— Какой вашъ домъ странный, — сказала она, оглянувшись. — Въ немъ точно нѣсколько лѣтъ никто не жилъ. А это куда красная дверь?

— Это была папенькина спальня, — проговорилъ Борисъ.

Софья Николаевна взглянула на него и тихо промолвила:

— Мы туда сходимъ послѣ.

— Тетенька, — сказалъ Борисъ, останавливая Софью Николаевну, — не лучше ли будетъ, если я сперва войду къ бабушкѣ, скажу ей...

— Полноте, добрый мой, что это какое у васъ малодушіе, — прибавила она съ улыбкой.

Борисъ покраснѣлъ и потупился.

Они вошли.

Въ диванной никого не было. Пелагея Сергѣевна лежала, за перегородкой, на кровати; подлѣ нея помѣщалась Фидка. Она уже успѣла доложить *барынькѣ*, что пріѣхала *московская*, на взвоячкѣ, и молодой баринъ руку у нея поцаловалъ и въ гостиную повелъ.

Бабинька приняла это извѣстіе молча; только еще сильнѣе замхурилась и привстала на кровати. Она не знала, что ей дѣлать, именно въ этотъ день. Хоть она и ожидала пріѣзда Софьи Николаевны, но все-таки извѣстіе застало ее врасплохъ.

— Посмотри, кто тутъ? — шепнула она Оицкѣ, когда дверь изъ корридора отворилась.

Оицка припала своимъ лазутческимъ глазомъ къ щели между двумя половинками ширинъ, составлявшихъ перегородку сбоку, и увидала Бориса съ Софьею Николаевной.

— Барылька, — шепнула она, — Баринъ съ ней-съ.

Бабенька совсѣмъ поднялась на кровати. Волненіе ея высказывалось въ томъ, что она поправляла на себѣ чепчикъ и все отодвигалась назадъ. Въ ней крылось любопытство съ чувствомъ раздраженія. Ей захотѣлось выгнать Софью Николаевну; но потому она растерялась; ее поразило то, что Софья Николаевна первая пришла къ ней. Кто же она, эта распутная? спрашивала себя бабенька, и машинально опускала ноги съ кровати.

— Дай капавейку, — сказала она Оицкѣ.

Наперстница накинула на нее капавейку, и Пелагея Сергѣевна, обдергивая свой чепецъ, вышла въ диванную.

Софья Николаевна не дала бабенькѣ времени подойти къ ней.

— Пелагея Сергѣевна, — сказала она, — вы меня простите, что я являюсь къ вамъ такъ просто. Между нами не можетъ быть никакихъ недоразумѣній. Я пріѣхала сюда потому, что это была воля покойнаго. Все тяжелое прошедшее должно забыться на его могилѣ...

Софья Николаевна проговорила все это тронутымъ голосомъ и протянула бабенькѣ руку.

Пелагея Сергѣевна стояла въ нерѣшительной позѣ. Она не знала, что ей отвѣтить на слова Софьи Николаевны.

— Я прошу васъ, — начала опять Софья Николаевна, — не ставьте и себя и меня въ неловкое положеніе... и безъ того жизнь не красна, зачѣмъ же мы еще сами будемъ создавать себѣ трудности... Мнѣ очень горько, Пелагея Сергѣевна, что приходится вступать въ вашу семью въ такую тяжелую минуту; но Богъ поможетъ намъ. Моя совѣсть чиста, а если я въ чемъ виновата — скажите.

Она сдѣлала при этомъ движеніе такой теплой, общительной природы, что Борисъ хотѣлъ схватить ея руку и расцѣловать.

Пелагея Сергѣевна все стояла, опустивъ глаза.

— Извините меня, — проговорила она наконецъ, — я себя хорошо чувствую; поступайте, какъ вамъ угодно. Я противъ воли Николенки ничего сказать не могу. А на васъ мнѣ за

что жь быть въ неудовольствіи. Миѣ на воюю вора, я стѣ-
нять не буду.—Злая улыбка пробѣжала по губамъ Пелагеи Сер-
гѣевны, когда она произносила послѣднія слова. Но все-таки
видно было, что она сильно стѣснилась, и не хватало у ней той
жолчи, какую она способна была выпустить на Софью Нико-
лаевну.

— Такъ я васъ не буду больше безпокоить, отдыхайте, —
сказала Софья Николаевна. — Миѣ хотѣлось только взглянуть на
васъ. Я знаю, когда есть горе, ненужно людей.

Пелагея Сергѣевна попятилась назадъ.

Софья Николаевна обернулась къ Борису и, смотря и на него
и на бабенку, сказала:

— Молиться намъ нужно за покойнаго, а ужь о себѣ-то по-
ка забудемъ... Какъ Богъ дастъ.

И она вышла, посмотрѣвъ еще разъ на бабенку.

Борисъ всю эту сцену простоялъ, опершись на подзеркаль-
никъ, и не спускалъ глазъ ни съ бабенки, ни съ Софьи Ни-
колаевны.

Внутри у него было хорошо. Даже сухой тонъ бабенки не
возмутилъ его. Онъ ее жалѣлъ. Онъ будто вдругъ увѣрился,
что все обойдется хорошо; что дѣйствительно наступила другая
жизнь, и нужно только любоваться этой чудной женщиной, къ
которой льнуло его сердце.

Онъ пошелъ за ней и не могъ оторваться отъ ея головки.

А бабенка скрылась опять за перегородку и легла на кро-
вать, обдергивая свой чепецъ.

Ей было досадно, скверно; она была недовольна собой и чув-
ствовала безсиліе этого недовольства.

VI.

— Чтò тетенька?—спросилъ Борисъ, когда они были въ кор-
ридорѣ.

— Ничего, мой добрый,—отвѣтила Софья Николаевна и груст-
но улыбнулась.—Немного тяжело смотрѣть на вашу бабушку.
А вы думали, что она съѣстъ меня? Не за что мой другъ.
Ахъ, какъ здѣсь холодно!—сказала она съ невольнымъ вздо-
хомъ.

— А теперъ теплѣе будетъ,—проговорилъ Борисъ и опять по-
краснѣлъ. — вы насъ всѣхъ оживите.

— Вы думаете? Дай-то Богъ!

— Въ залѣ была Маша; она кинулась прямо къ Софьѣ Николаевнѣ.

— А, вотъ Маша!... Ахъ моя родная, здравствуй, здравствуй,— и Софья Николаевна обсыпала ее поцалунками.— Ты меня знаешь?

— Знаю, отвѣтила Маша и устремила на нее свои прескрасные глаза. Мнѣ Боря про васъ рассказывалъ: говорилъ, что пріѣдетъ изъ Москвы тетюшка добрая...

— Вотъ я и пріѣхала, ангелъ мой. И мы будемъ съ тобой жить... Ужь я тебя полюбила Маша.

— И я васъ тоже,— отвѣтила дѣвочка и обвила шею Софьи Николаевны своими ручками.

Борисъ заглядѣлся на нихъ.

— Вотъ добрый мой,—обратилась къ нему Софья Николаевна.— смотрите, какъ будетъ легко жить съ этой славной дѣвочкой. Меня слушаться будешь, Маша?

— Буду, буду!—вскричала дѣвушка.

— Ну и прекрасно ангелъ мой...

— А вы прямо изъ Москвы, тетя? — спросила Маша.

— Да, прямо, изъ Москвы.

— Отчего же вы не ѣхали? вотъ папа-то безъ васъ и умеръ... Маша наклонила голову и заплакала.

Софья Николаевна поцаловала ее въ голову и тоже всплакнула.

— Вотъ у меня теперь только одинъ Боря остался, — говорилъ Маша сквозь слезы.

— А я-то?—спросила Софья Николаевна.

— Да, и вы. Я васъ буду любить: вы добрая...

— Какая она прелесть!—сказала Софья Николаевна обратившись лицомъ къ Борису.

— Да, вотъ она у меня какая! отвѣтилъ Борисъ, нагнувшись также къ Машѣ.

— Пойдемъ Маша, покажи мнѣ твою комнату,—сказала Софья Николаевна.

— Ахъ, тетенька, началъ Борисъ, — я, вѣдь, васъ не спросилъ: какъ вы сюда пріѣхали, вещи ваши гдѣ?

— Я и забыла милый, вотъ мы съ вами какіе юные... да впрочемъ, это успѣется. Только бѣдная моя Аннушка такъ ждетъ.

— Гдѣ же, тетенька?

— Въ почтовой конторѣ. Я ее тамъ оставила съ вещами.

— Тамъ я сейчасъ распоряжусь, пошлю человека съ дрожками.

— Благодарю, мой добрый. Пошлите.

— Да вы, вѣдь, я думаю, ужасно устали; не хотите ли отдохнуть?

— Нѣтъ, ничего; я всю ночь въ каретѣ сидѣла. Вотъ я пойду къ Машѣ наверхъ. Пойдемъ, Маша.

— Пойдемте, тетя, сказала дѣвочка радостно и взяла ее за руку.

— Ваше комната также наверху, — проговорилъ Борисъ, — противъ Машиной.

— Какъ, Боря, это, вѣдь, твоя? — быстро перебила его Маша, брося на него испуганный взглядъ.

— Да, дружокъ, была моя, но въ ней теперь будетъ жить тетенька.

— Ахъ, зачѣмъ, — сказала Софья Николаевна, зачѣмъ это... пожалуйста, для меня ненужно никакихъ перемѣщеній, Вотъ видите, какъ Маша испугалась. Она не хочетъ васъ отъ себя отпускать. Маша, тебѣ, вѣдь, хочется, чтобъ Боря жилъ подлѣ тебя?

— Да, отвѣтила Маша; — онъ всегда тутъ жилъ.

— Ну, вотъ видите, — обратилась Софья Николаевна, не грѣхъ ли будетъ ее огорчать?

— Вѣдь это на время тетенька, — упрощивалъ Борисъ, — какъ здѣсь, внизу, рѣшительно негдѣ.

— Отчего же? — спросила Софья Николаевна, — такой большой домъ...

— А комнату нѣтъ, добавилъ Борисъ. Это приемныя, иди дѣше, нежилая, а тамъ — передняя и спальня, а за коридоромъ живетъ бабушка; въ папенькиной спальнѣ вамъ никакъ нельзя похозяйничать: эта комната совсѣмъ отдѣльная и подлѣ прихожей.

— Такъ какъ же быть-то? — спросила Софья Николаевна.

— Да очень просто, тетенька: вы ужь поселитесь въ мою комнату. Ты, Маша, дружокъ, и то подумай: тетенькѣ негдѣ будетъ жить, вотъ она и уѣдетъ отъ насъ опять, и больше ужь не вернется...

— Ахъ нѣтъ, не надо! закричала Маша и бросилась обнимать Софью Николаевну. — Оставайтесь, тетя, съ нами, живите наверху, Боря все равно будетъ со мной.

— Ну, и прекрасно дружокъ, — сказалъ Борисъ, цалуя ее.

— Уладили!—добавила Софья Николаевна—Ну, пойдѣте, а мы все ни съ мѣста.

— Я сейчасъ, къ вамъ,—сказалъ Борисъ,— только прикажу настѣть дрожекъ.

Онъ подбѣжалъ къ двери въ прихожую и крикнулъ: «Послать Ѳеодана въ крытыхъ дрожкахъ въ почтовую контору, привезти дѣвушку Софьи Николаевны съ вещами.»

Борисъ догналъ тетку и Машу въ корридорѣ; онѣ входили въ бильярдную.

— Спальня заперта?—спросила Софья Николаевна.

— Нѣтъ не заперта,—отвѣтилъ Борисъ.

— Войдемте, мнѣ хочется взглянуть.

— Тамъ папа умеръ,—вымолвила Маша, со вздохомъ указывая на дверь.

VII.

Маша, какъ вошла, бросилась къ кровати и заплакала.

Софья Николаевна остановилась посреди комнаты и оглянула ее кругомъ.

— Вотъ въ этомъ креслѣ онъ всегда сидѣлъ — промолвилъ Борисъ, указывая на кресло.

Софья Николаевна подошла къ нему и долго смотрѣла.

— Жалко мнѣ васъ, проговорила она: — много тутъ было болѣзни и горя... и, обернувшись въ уголъ, она перекрестилась.

— Я хочу тутъ поселиться, — сказалъ Борисъ.

— Нѣтъ, дорогой мой, вамъ будетъ слишкомъ тяжело.

— Я ужъ привыкъ къ этой комнатѣ: тяжелѣе не будетъ того, какъ бывало.

— И долго онъ мучился предъ кончиной? — спросила Софья Николаевна.

— Нѣтъ; онъ съ утра себя хорошо чувствовалъ...

— Странно, произнесла, помолчавъ, Софья Николаевна, —я точно жила въ этой комнатѣ, точно вижу предъ собой отца вашего тутъ, въ креслѣ... такъ врѣзалось въ памяти лицо его. Онъ и въ Москвѣ былъ плохъ. . Посмотрите на Машу: она все плачетъ бѣдная...

Софья Николаевна подошла къ ней.

— Маша, ангелъ мой! что ты все плачешь. Ты думаешь папѣ дурно? ему хорошо.

Маша отняла голову отъ подушки и посмотрѣла на тетку.

— Я знаю, что хорошо,—проговорила она,—да такъ, плакать хочется...

— Ахъ, голубушка... ну плачь, коли хочется. Уведемъ ее,—сказала Софья Николаевна тихо Борису: мнѣ на нее такъ больно смотрѣть. Ну, Маша, пойдемъ къ тебѣ навѣрхъ.

Дѣвочка встала, утерла глаза платкомъ, и сквозь слезы улыбнулась теткѣ.

— Такъ вы сюда перебираетесь?—спросила Бориса Софья Николаевна выходя изъ спальни.

— Да, я сегодня же.

— А когда вамъ очень сгрустнется, вы не засиживайтесь здѣсь, ко мнѣ приходите.

— Теперь-то тетенька, я одинъ не буду.

— Въ добрый часъ... Ну, Маша, иди впередъ по лѣстницѣ, показывай мнѣ дорогу.

Маша начала взбираться по ступенькамъ своей легкой поступи. Софья Николаевна и Борисъ слѣдовали за нею.

Поднимаясь позади, Борисъ опустилъ голову и взглядъ его невольно упалъ на ногу Софьи Николаевны. Нога была очень хороша. Софья Николаевна ступала ровно, но съ какимъ-то чуть замѣтнымъ покачиваніемъ, въ которомъ проявлялась гибкость ея тѣла...

Борисъ былъ увлеченъ своей теткой... Впечатлѣніе первой минуты смѣнилось рядомъ новыхъ впечатлѣній, одно другого лучше и неожиданнѣй.

Въ Софѣ Николаевнѣ привлекала не одна красота; не одна ея стройная, роскошная фигура; но особенная прелесть пріемовъ, движеній, маленькихъ оттѣнковъ: голоса, взглядовъ, улыбки... Независимость, свобода ея тона, показазалась Борису чѣмъ-то невиданнымъ и не слыханнымъ... Онъ не встрѣчалъ еще такихъ изящно-простыхъ женщинъ; наконецъ, съ нишъ никто въ жизни еще не говорилъ такъ задушевно, съ такой прозрачной добротой и свободой... Онъ совершенно забылъ о себѣ, забылъ даже о своемъ горѣ, онъ только прислушивался къ ея голосу и въ каждомъ новомъ словѣ, обращенномъ къ нему, находилъ новое обаятельное выраженіе, новый прекрасный звукъ...

И Борисъ чувствовалъ, что ужасно робѣетъ, краска то и дѣло проступала на щекахъ его. Ему хотѣлось сейчасъ же издѣться передъ Софьей Николаевной, но слова не вязались, рѣчь не шла, и это только усиливало его смущеніе.

Онъ сознавалъ внутренно, что превращается въ надѣлка; а между тѣмъ, ему все-таки было легко и хорошо... Въ самомъ смущеніи онъ находилъ какую-то новую жизнь... Онъ видѣлъ, что этой женщинѣ можно все сказать, все повѣрить, и она пойметъ, и сама подойдетъ со своимъ прекраснымъ взглядомъ и словами, которые такъ и хватаютъ за душу.

«И бабушка, могла такъ называть ея, думалъ Борисъ для по лѣтницѣ. Онъ мысленно остановился передъ словомъ, обыкновенно употребляемымъ Пелагаею Сергѣевной. Такую женщину? повторилъ онъ про себя и весь вздрогнулъ. Отчего это?... Что за жалкая злость?»

— Вотъ мы дошли, послышался голосъ Софьи Николаевны, на верхней площадкѣ.

Борисъ поднялся вслѣдъ за ней... Маша стояла въ дверяхъ своей комнаты и улыбалась.

— У меня хорошо, тетя, проговорила она, воздухъ чистый, канарейка у меня есть.

Комнатка, въ самомъ дѣлѣ смотрѣла очень чистенькой. Маша любила порядокъ, и сама каждое утро прибирала вездѣ.

— Какъ у тебя здѣсь хорошо — сказала ей Софья Николаевна... Воръ и кіотъ... а этотъ туалетъ вѣрно маменькинъ? Съ этимъ вопросомъ она обратилась къ Борису.

— Да, это матушкинъ...

— А ея портрета нѣтъ? — спросила Софья Николаевна.

— У меня виситъ — отвѣтилъ грустно Борисъ...

— А гдѣ же твоя гувернантка Маша? — спросила Софья Николаевна,

— Она тамъ, въ свой комнатѣ. Вамъ развѣ ее надо, тетя?

— Нѣтъ мой ангелъ, я такъ спросила.

— Ну, тетенька, — сказалъ Борисъ, — теперь посмотрите мою комнату, Она вотъ тутъ напротивъ.

— Здѣсь жила ваша мама? — спросила Софья Николаевна.

— Здѣсь, тетенька. У насъ во всѣхъ комнатахъ кто-нибудь жилъ и умеръ...

— И страдалъ, — прибавила тихо Софья Николаевна. — Ну, пойдемте къ вамъ.

— Тетя, — говорила Маша, переходя площадку, — вы ко мнѣ будете ходить въ гости?

— Зачѣмъ же въ гости, мой ангелъ? я съ тобой цѣлый день буду проводить.

Мироновна встрѣтила ихъ въ дверяхъ.

— Вотъ моя няня, — сказала Борисъ, указывая на старушку, — моя Мироновна.

— Здравствуйте, матушка, — проговорила старушка, и съ поклономъ поцѣловала Софью Николаевну въ плечо.

— Здравствуй, нянюшка. Какъ поживаешь?

— Помаленьку, матушка, помаленьку. Какъ доѣхать изволяли?

— Благодарю. Мироновна васъ обихъ вынянчила? — спросила Софья Николаевна у Бориса.

— Нѣтъ, тетенька, только меня одного. У Маши не было няни.

— Почему такъ?

— Бабушка не хотѣла.

— Да, тетя, отозвалась Маша, — за мной злая Авдотья ходила.

— Вотъ, матушка, — обратилась Мироновна къ Софьѣ Николаевнѣ. — какія у насъ дѣти выросли: весь свой вѣкъ въ одиночествѣ... Ахъ, извините, сударыня, спохватилась старушка, — я, какъ дура какая, дорогу вамъ загородила.

— Ничего, ничего нянюшка, — отвѣтила ласково Софья Николаевна, проходя въ Борисову комнату.

Тамъ сдѣланы были перемѣны: на мѣстѣ стола помѣщался диванъ и старинный туалетъ; о существованіи его Борисъ не имѣлъ понятія. Этотъ туалетъ Мироновна отыскала въ одной изъ антресольныхъ нишорокъ.

— Извините, тетенька, — сказалъ Борисъ, окинувъ комнату — здѣсь такъ неудобно и плохо убрано.

— Ахъ мой другъ, вы все еще извиняетесь, не стыдно ли вамъ? Да что вы думаете: я въ раззолоченныхъ будуарахъ жила? Коли не хотите со мной ссориться, такъ пожалуйста не извиняйтесь. Чего мнѣ еще лучше этого? тутъ славно. Вотъ въ этомъ ящикѣ будетъ жить моя Аннушка, а тутъ, вотъ, альковъ; въ одной комнатѣ — цѣлыхъ три: и кабинетъ и спальня и дѣвчья. Мироновна, — обратилась она къ старушкѣ, — мнѣ предъ тобой стыдно.

— А что матушка?

— Да вотъ Борисъ Николаичъ непремѣнно хочетъ, чтобъ я здѣсь поселилась, а ты ужь вѣрно привыкла здѣсь.

— И матушка, а походный человекъ, вездѣ могу привур-

нута. Да, вѣдь, ему то, (она указала на Бориса,) стыдно, чай, со мной, старухой, возиться, онъ ужъ вонъ какой долговзый!

Софья Николаевна разсмѣялась и сказала Борису:

— Какая она славная... Нянюшка, — продолжала она, — гдѣ же ты помѣстишься?

— Мало ли у насъ, сударыня мѣста! Вонъ послѣ Степаниды пустая каморка стоитъ — неизвольте беспокоиться. Вы матушка насчетъ вотъ этой-то комнаты прикажите: не нужно ли еще поставить чего?

— Ничего ненужно, нянюшка, все хорошо; а тамъ, если что понадобится, послѣ увидимъ.

— Вамъ, извѣстное дѣло, здѣсь самое удобное мѣсто, заключила Мироновна, вотъ и барышнѣ-то весело будетъ.

— Тетя, — заговорила Маша, подбѣгая къ алькову — вы тутъ будете спать?

— Да, мой ангелъ, — отвѣтила Софья Николаевна, и подошла также къ алькову.

Маша откинула занавѣску.

Вся ниша была выкрашена зеленой краской. Простенная кровать, подъ орѣхъ, приставлена была къ стѣнѣ; подлѣ нея маленькій столикъ, покрытый бѣлой салфеткой.

Надъ кроватью висѣлъ небольшой портретъ, въ золотой узкой рамѣ.

Софья Николаевна подошла ближе и стала пристально всматриваться въ портретъ.

Борисъ стоялъ за ней.

— Вотъ это портретъ ташап? — спросила она.

— И очень похожій, — отозвался Борисъ. — Я вамъ его сниму.

Онъ всталъ колѣномъ на кровать, снялъ съ гвоздика портретъ, отряхнулъ его и вынесъ на свѣтъ.

Блѣдная женщина, съ пепельными волосами и синими глазами, сидѣла, опершись на столъ. Она была въ чепцѣ и голубой шали. На губахъ блуждала странная, болѣзненная улыбка.

Софья Николаевна долго и внимательно смотрѣла на портретъ. Борисъ держалъ его, и глаза его перебѣгали отъ лица тѣтки къ лицу матери.

Какое-то облачко пролетѣло по прекраснымъ чертамъ Софьи Николаевны; даже легкій румянецъ выступилъ на щекахъ.

Она подняла голову и быстро взглянула на Бориса, и въ

эту минуту ему бросилось въ глаза сходство портрета съ живою женщиной, которая смотрѣла на него.

Это сходство его поразило.

— Какъ она хороша! — сказала Софья Николаевна, потомъ, впопыхавъ, прибавила: — нельзя было ее не любить.

Въ этихъ простыхъ словахъ Борису послышалось что-то особенное, какой-то сокровенный смыслъ, отозвавшійся на сердце.

— И я ее не знала! — проговорила Софья Николаевна. — Вы очень похожи на мать, Борисъ, и Маша тоже.

— Да, оба въ мамынку, отозвалась Мироновна.

— Отчего мама такъ мало жила? — спросила Маша не обращаясь ни къ кому въ особенности.

— Не жилось, мой ангелъ, — отвѣтила ей Софья Николаевна.

И опять Борису послышалось какая-то особенная нота въ ея голосъ.

Онъ пристально взглянулъ на нее, а потомъ опять на портретъ.

Все вопросы лѣзли ему въ голову, а предлагать онъ ихъ не смѣлъ. И чувство, съ которымъ онъ смотрѣлъ на Софью Николаевну, какъ-то совсѣмъ не подходило подъ тонъ разговора.

Борисъ послѣшно унесъ въ альковъ портретъ и повѣсилъ его.

Ему почему-то захотѣлось перемѣнить разговоръ.

— Тетенька, — сказалъ онъ громко, позвольте вамъ напомнить, что пора и кушать.

— А вы въ которомъ часу обѣдаете? — спросила она.

— Обыкновенно въ три, но это я не для себя... вѣдь вамъ съ дороги...

— Да, я хочу ѣсть, — перебила она его, — давайте обѣдать.

Софья Николаевна выговорила это съ такой простотой, что Борисъ невольно улыбнулся.

— Какой у васъ порядокъ? — добавила она. — Вы вѣрно съ бабушкой обѣдаете?

— Последнее время, я обѣдалъ почти всегда одинъ, — отвѣчалъ Борисъ.

— Бабушка все сердилась, — вставила Маша.

— Сегодня, она навѣрно не захочетъ съ нами обѣдать, — сказалъ Борисъ.

— А вы пошлите спросить — проговорила Софья Николаевна.

— Я скажу, сударыня, узнаю, отозвалась Мироновна. Коли Пелагея Сергѣевна приказали себѣ подать однѣмъ или съ мада-

мой, такъ тогда и спрашивать нечего-съ, только гнѣваться будешь, прибавила она съ полуулыбкой.

— Ну, хорошо, — сказалъ Борисъ, — только ты ужь не ходи, ты и такъ все бѣгала, а самъ скажу.

— Какъ хочешь, — отвѣтила Мироновна очень спокойно и вызвала улыбку на лицѣ Софьи Николаевны.

Борисъ сошелъ внизъ. Не могъ онъ дать себѣ полнаго ответа въ ощущеніяхъ, пережитыхъ имъ въ эти два-три часа. Онъ чувствовалъ себя точно въ праздникъ, когда терпѣшь вдругъ свои будничныя привычки, снимаешь свое затрапезное платье, внутри испытываешь какое-то свѣтло-торжественное ощущение и бессознательно улыбаешься...

И Борисъ чувствовалъ, что онъ улыбался на другой день по жоромъ отъда. Ему даже не стало совѣстно сознаться въ этомъ: такъ глубоко проникли его свѣтлыя впечатлѣнія, принесенныя личностью Софьи Николаевны.

Онъ спросилъ у Митьки: приказывала ли бабушка накрыть у себя столъ. и получилъ отвѣтъ, что Педагога Сергѣевна уже дужаютъ съ Аналіей Христофоровной.

Борисъ велѣлъ ему накрыть столъ наверху, у него въ комнатѣ, на тронхъ. Онъ говорилъ съ буфетчикомъ въ залѣ. Надворь вѣхали крыгья дрожки и, минуты черезъ три, въ залу виесли два чемодана, нѣсколько картонокъ и позади всего этого добра, явилась худенькая, быстроглазая, курносенькая горничная, очень пріятная на видъ, въ шляпкѣ и въ серенькомъ бурнусикѣ

Горничная поклонилась Борису.

— Ступайте за мной наверхъ, — сказалъ ей Борисъ и приказалъ людямъ нести чемоданы.

— Вотъ и ваша Аннушка, — объявилъ онъ входя въ комнату.

Софья Николаевна сидѣла на диванѣ и держала за руки Машу. Маша ей что-то рассказывала и на лицѣ ея написано было, что ей пріятно съ теткой.

— Пріѣхала! — вскричала Софья Николаевна, ну разбирайся.

Аннушка стояла въ дверяхъ и скромно улыбалась.

— А я уже думала, что вы меня совѣмъ забыли, — проговорила она, — ужь хотѣла извончика взять.

— Прости, пожалуйста. Мы здѣсь будемъ жить; ты расположишься за этой перегородкой.

— Слушаю-съ, — отвѣтила курносенькая Аннушка и скрылась.

— Миронова! — крикнулъ Борисъ, сходя въ дѣвичью, чтобъ кто-нибудь помогъ Аннушкѣ разобратъся.

— Ну, дорогой мой! — сказала ему Софья Николаевна, когда Миронова и Аннушка вышли, — какъ странно у васъ въ домѣ! Я до сихъ-поръ осмотрѣться не могу, и хоть не маленькая, а, право, не знаю, какъ вести себя. — Она опустила голову съ какой-то дѣтской наивностью. Одно я знаю, — досказала Софья Николаевна, — что я васъ очень полюбила и съ вами начну и жить и учаться.

— Чему же, тетенька? — спросилъ Борисъ.

— Да всему, — отвѣтила, улыбаясь, Софья Николаевна.

VIII.

Обѣдъ былъ такой же *жованный*, какъ и всегда. Борисъ и Маша сѣвши Софью Николаевну разказами о ножкахъ и котлетахъ.

Послѣ обѣда пріѣхалъ Федоръ Петровичъ.

Онъ долго говорилъ съ Софьей Николаевной при Борисѣ, передавалъ ей послѣднюю волю покойнаго, сказалъ чтобъ она смотрѣла на него, какъ на своего вѣрнаго помощника, и на верныхъ поряхъ, ни объ чемъ бы не беспокоилась.

Потомъ Борисъ пошелъ съ нимъ внизъ, и они толковали о дворовыхъ. Призвали тѣхъ, кого покойный отпустилъ на волю и награждать. Многимъ обаяливо было, чтобъ искали себѣ мѣста и жили по паспорту. Старухи опять явились съ адресомъ, и Федоръ Петровичъ успокоилъ ихъ, въ свою очередь.

— Много весны будетъ съ ними, — промолвила Федоръ Петровичъ, когда они остались вдвоемъ въ спальнѣ. Ну, — а какъ бабушка? спросилъ онъ.

— Тѣтенька прямо пошла къ ней...

— Ну, и что же?

— Бабушка стѣснилась, сказала, что нездорова.

— Ругаться не ругалась? спросилъ, улыбаясь, Федоръ Петровичъ.

— Нѣтъ; она была ужъ очень озадачена.

— Известное дѣло, что недолго здѣсь наживеть. А куда же она поѣдетъ?

— Къ себѣ въ деревню

— Ужъ надо поскорѣ чѣмъ-нибудь покончить, а то это два царства въ одной землѣ будетъ; такъ совѣтъ негодителен

тетушка-то ваша измучится; вѣдь, ея положеніе пренеложко съ какой стороны ни оберни. Я еще удивляюсь, какъ она это такъ бодро все приняла!.. Славная женщина, прибавилъ Федоръ Петровичъ помолчавъ.

Борису эти слова какъ-то особенно отозвались на сердцѣ.

— Не правда ли, — быстро заговорилъ онъ, — что въ Софѣ Николаевнѣ есть что-то такое особенно хорошее?

— Да добрая, должно быть, барыня. Признаться вамъ сказать, мнѣ ее маленько жалко: ужъ дѣло не обойдется безъ непріятностей. Опять взять на себя воспитывать, хоть сестру вашу... какая отвѣтственность. Да, кажется, она найдется, бойка... Батюшка-то вашъ видно ее хорошо зналъ...

— Какъ-же, Федоръ Петровичъ, папенька всегда гворилъ о ней съ такимъ чувствомъ... Только-бы вотъ съ бабушкой обошлось, а мы — то будемъ всѣ жить мирно. Она такая славная, что къ ней нельзя не привязаться.

Борисъ покраснѣлъ, говоря это.

— А вотъ что я, сударь мой, теперь сдѣлаю, — сказалъ вдругъ Федоръ Петровичъ, — я пойду къ Пелагеѣ Сергѣевнѣ... Она меня пожалуй и выгонитъ, да все таки нужно же ей показать, что она не съ мошенниками имѣетъ дѣло.

Доброе сердце слышно было въ словахъ Федора Петровича. Ему хотѣлось смягчить непріязненные отношенія къ старухѣ; ему жалко было, и онъ чувствовалъ, что слѣдуетъ подойти къ ней съ добрымъ словомъ.

— Подите, Федоръ Петровичъ, — сказалъ ему Борисъ въ слѣдъ, мнѣ, вѣдь, самому тяжело разставаться такъ съ бабушкой, да чтожъ тутъ дѣлать, она слишкомъ озлоблена на меня...

— Наказаніе Божіе! — проговорилъ Федоръ Петровичъ, — Божье наказаніе! видно, тутъ никто не виноватъ, кромѣ самой бабушки вашей, — Пелагеи Сергѣевны... въ ея нравѣ крутомъ все кроется, вся исторія вашего дикаго дома...

— Да, — вырвалось со вздохомъ у Бориса.

Онъ посмотрѣлъ, какъ Федоръ Петровичъ отправился по корридору въ диванную и, постоявъ немного на одномъ мѣстѣ, повернулъ въ залу, опять въ ту же залу, гдѣ тысячи разъ онъ проводилъ часы раздумья.

Толки о наслѣдствѣ, о домѣ, о дворовыхъ не беспокоили его: онъ относился ко всему этому точно посторонній; затрудненій

онъ уже не видалъ; ему показалось, что все это уладится какъ вельзя лучше.

Образъ Софьи Николаевны заслонялъ собой все остальное... Теперь, ходя по залѣ, онъ думалъ не о бабушкѣ и не о томъ, какъ она встрѣтитъ Федора Петровича, мысль его была прикована къ Софьѣ Николаевнѣ; ему хотѣлось бѣжать наверхъ, по смотрѣть, что она дѣлаеть, опять послушать ея голоса, который не переставалъ дрожать въ его ушахъ. «Надо подождать Федора Петровича», повторялъ онъ, а самъ все порывался на лѣстницу. Вдругъ онъ бросилъ взглядъ на средину залы... Еще вчера тутъ стоялъ гробъ... ему живо представилось лицо покойника, — и вся скорбная жизнь дикаго дома промелькнула передъ нимъ.

А въ немъ, внутри его, была совсѣмъ другая жизнь.

«Отчего мнѣ не грустно?» спрашивалъ онъ себя, и опять начиналъ, думать о *тетенькѣ*, и стыдно и отраднo ему было; онъ даже не упрекнулъ себя въ сухости; слишкомъ искренно было чувство, которое наполняло его въ эти минуты.

Въ корридорѣ слышались шаги Федора Петровича. Борисъ пошелъ къ нему на встрѣчу.

Федоръ Петровичъ на ходу пожалъ ему руку и тряхнулъ головой.

— Нѣтъ, сударь мой, — сказалъ онъ скороговоркой, — съ ней ничего вы не подѣлаете. Она такъ и въ могилку ляжетъ...

— Что же Федоръ Петровичъ?

— Да что, батюшка, послала меня къ чорту! вотъ вамъ и весь сказъ. Самъ виноватъ: надо было ее въ покоѣ оставить, не приставать къ ней; а то она теперь еще сильнѣе разъярилась.... Да и то сказать: какъ же ей меня и любить-то?

— Да, надо ее оставить, — повторилъ Борисъ.

— Назадъ ужь больше ходу нѣтъ; только впередъ; а насъ съ вами она не послушаетъ, такъ пусть будетъ, какъ сдѣлается. Прощайте. Теперь надо въ палатѣ похлопотать, чтобъ не затягивали утвержденья. Я къ предсѣдателю завтра съѣзжу. А вы на новомъ мѣстѣ спать будете?

— Да, въ спальнѣ.

— Тамъ тетушкѣ-то вашей удобно. Я ужь прощаться съ ней не пойду: она вѣрно ужь легла, съ дороги-то. Передайте ей мое почтеніе, а бабушку-то оставьте въ покоѣ, а то туда же пошлетъ, куда и меня.

Федоръ Петровичъ махнулъ рукой и скорыми шагами вышел въ переднюю.

— Завтра зайдю, — проговорилъ онъ, надѣвая шинель.

Борисъ проводилъ его и пошелъ наверхъ.

Въ корридорѣ, у дѣстницы онъ столкнулся съ Педагогемъ Сергѣевой. Она была безъ чепца и безъ кацавейки, въ черномъ платкѣ съ плерезами. Увидѣвъ ее, Борисъ сдѣлалъ шагъ назадъ. Она его очень испугала, точно изъ земли выросла и смотрѣла на него пристально, во всѣ глаза.

— Что вамъ угодно, бабушка? — проговорилъ Борисъ, не зная что сказать.

Педагогя Сергѣевна сдѣлала движеніе рукой и прошла къ залу; Борисъ за ней.

— Когда вы меня оставите въ покоѣ? — сказала старуха отрывисто, остановившись посреди залы. — Вамъ не въ терпѣнь стало? вы сегодня же гнать меня хотите?

— Кто же васъ гонитъ, бабушка? — проговорилъ Борисъ.

— Зачѣмъ душеприкащикъ-то вашъ ко мнѣ приходить? и его раздѣ знала? Убирайтесь-де поскорѣе, комнату занимаете: она для новой барыни нужна!..

Педагогя Сергѣевна вся дрожала.

— Успокойтесь, бабушка... вымолвилъ Борисъ.

— Зовите людей! гоните меня, на ночь глядя, какъ собаку, если вы хотите... Бабушка быстро взглянула на Бориса. — Ты радъ, тебѣ весело, голубчикъ мой... Отца на кладбище съели, бабку протурятъ.. Оставайтесь съ тетенькой... съ предѣстницей... любоваться ей, будущъ, ручки цаловать...

Борисъ чувствовалъ, что подлѣ дикими, взглядами Педагогя Сергѣевны онъ краснѣетъ и мѣшается.

— Она разлетѣлась ко мнѣ, сразить хотѣла, околдовать... Отродіе провлятое! — вскричала старуха, и судорожно одынувшись на дверь въ корридоръ,

Борису просто стало страшно,

— Мальчишка ты глупый!... вдругъ начала Педагогя Сергѣевна, схвативъ его за руку. Она подвела его къ одному изъ дубовыхъ столовъ, стоявшихъ вдоль стѣны. Я тебѣ, какъ заноза въ глазу? ты стереть меня хочешь? Ну, успокойся, я уйдю: оставляю васъ. Да чему же радоваться-то? Стыда въ тебѣ нѣтъ, любви-то въ тебѣ нѣтъ ни къ кому... Кто здѣсь лежалъ вчера, — а? Отецъ твой лежалъ — да! Кто его въ гробъ уложилъ? — ты это

знаешь ли? Ты думаешь я его заморила?... И Пелагея Сергѣевна судорожно засмѣялась. Борисъ весь вздротнулъ.

— Ну, положимъ, что я злодѣйка, что я эхидна, змѣя... Ты, вѣдь, не для себя минны-то подводилъ; ты больно сестру свою любишь?... Я—видите ли—живую бы ее съѣла... Да знаешь ли кто ее теперь воспитывать-то будетъ,—а?... кто она, нимфа-то эта? Откуда являлась? Ты знать объ этомъ не знаешь, глазки тебѣ понравились,—я вижу!

И старуха опять засмѣялась.

Бориса бросало изъ холода въ жаръ; что-то ѣдкое, бурное кипѣло на душѣ. Въ голосѣ бабенки, въ каждомъ ея словѣ была какая-то неслыханная сила; эта сила подавляла, подчиняла Бориса; а образъ Софьи Николаевны стоялъ передъ нимъ и онъ путался и бѣлся точно какого рокового извѣстiя.

— Палуй у ней ручки,—заговорила старуха,—она и тебя погубитъ, она и изъ тебя жизнь-то вытянетъ.

— Бабушка!... вырвалось у Бориса, и онъ стремительно взялъ ее руку,—что вы говорите?

— Что я говорю?... А! ты думаешь, я обезумѣла?—Пелагея Сергѣевна выпрямилась и повела глазами.

— Я знаю, что говорю,—сказала она ѣдкимъ, пронизывающимъ голозомъ.—Тебѣ рассказывалъ отецъ про тетеньку твою любезную? рассказывалъ онъ тебѣ, на комъ женился дядя? Ну, чтожь молчишь? отвѣчай!

— Я не знаю,—проговорилъ взволнованнымъ голозомъ Борисъ.

— А! не знаешь?! Кто же она такая, эта красавица неопи-санная? Ты бы спросилъ у отца! Теперь нельзя: умеръ. Такъ ты у нея узнай!.. Что ты такъ на меня смотришь? Ты думаешь бабка рехнулась, обезумѣла? Нѣтъ, она въ полномъ умѣ; она видитъ, какъ вы всѣ погибаете, ну, и погибайте, я не заплачу! Цалуй у ней руки. Вѣдь и дядя твой, и отецъ разумъ свой потеряли, на нея глядя, вѣдь они ей души свои, какъ дьяволу, продали!..

Пелагея Сергѣевна перевела духъ; голосъ ея оборвался. Борисъ стоялъ передъ ней съ поникшею головой. Въ залѣ было тоскливо и темно. Жутко было Борису. Ему хотѣлось убѣжать, онъ съ трудомъ выносилъ эту сцену; но какое-то тревожное любопытство закралось въ его душу. И оно его удерживало, приковывало къ одному мѣсту.

— Послушай,—сказала Пелагея Сергѣевна тихимъ голозомъ,

въ которомъ уже не было ни жолчи, ни раздраженія:—ты здѣсь хозяиномъ остаешься, сестра на твоихъ рукахъ... не отдавай ее безпутной женщинѣ, самъ убѣги изъ этого дома. Пускай ее живеть и другихъ въ сѣти свои ловить. Ну, положимъ, я дрянная старуха, я вѣдьма, ты меня совсѣмъ забудь, не обо мнѣ тутъ рѣчь. Отецъ твой въ гробъ смотрѣлъ—она его дожнала, не побоялась Бога; уморила одного брата, за другого принялась. Она еще тогда втиралась въ домъ: Богъ не допустилъ беззаконія!

Борисъ слушалъ и хотѣлъ понять смыслъ отрывистыхъ рѣчей бабенки. Вопросы, одинъ тяжелѣе другаго давили его.

— Послушайте, бабушка, — выговорилъ онъ наконецъ, въ чемъ же вы ее обвиняете?

— Въ чемъ я ее обвиняю? переспросила старуха. Ни въ чемъ; что было, то прошло. А я сумашедшая, злая старуха. Только слушай, когда ты обезумѣешь отъ этой женщины, когда она и тебя сведетъ въ гробъ, какъ свела туда дядю и отца твоего, когда она изъ твоей сестры сдѣлаетъ такую же скверную, развратную женщину, какъ она сама, тогда ты вспомнишь безумную старуху. Я тебѣ мѣшать не стану. Завтра меня здѣсь не будетъ.

— Куда же вы ѣдете, бабушка?—вырвалось у Бориса.

— Это тебѣ, я думаю все, равно. Имѣнья вашего мнѣ не нужно, у меня свое есть, есть у меня и деньги, я ихъ не украла, мнѣ ихъ дѣдъ твой оставилъ; вамъ же все пойдетъ.

Целая Сергѣевна двинулась къ двери. Она шла спокойно; Борисъ остановилъ ее:

— Бабушка, — сказалъ онъ, неужели вы говорите правду? Кого же мнѣ слушать: васъ или папеньку? У меня нѣтъ ожесточенія, но я не могу вамъ вѣрить.

— И не вѣрь!—произнесла старуха громко и отрывисто. Я не прошу твоей любви. Развѣ отъ тебя могла я ждать чего-нибудь, кромѣ злобы?! Тебѣ напѣли въ уши, что я уморила твою мать! на этомъ ты выросъ; и теперь вотъ, когда я въ домѣ хуже всякой шавки, ты не задумаешься ножомъ меня пырнуть за то, что я тебѣ пророчу хорошее житье съ тетенькой-красавицей. Ну ступай же наверхъ, больше ты отъ меня ничего не услышишь. А новой барыни скажи, что у меня теперь нѣтъ лакеевъ, чтобъ ее вывести, если она ко мнѣ завтра носъ покажетъ. У ней безстыдства-то хватить и на нѣсколько разовъ.

Педагога Сергѣевна ушла, а Борисъ все еще стоялъ посреди залы.

Последнія слова ея болѣзненно отозвались на сердце Бориса; вся прежняя горечь, все прежнее ѣдкое чувство противъ старухи отозвалось мгновенно съ новою силой.

Клевета, злость!—проговорилъ онъ: образъ Софьи Николаевны стоялъ передъ нимъ чистый, прекрасный!

Но, странное дѣло! онъ не могъ освободиться отъ силы словъ старухи: гнетомъ давили его эти обвиненія, эта тайная драма, это не разгаданное прошедшее.

«Кто же она, эта женщина? — спрашивалъ Борисъ, и ему сдѣлалось опять страшно. Сердце говорило, что она, эта женщина, уже привлекла его къ себѣ, уже владычествуетъ надъ нимъ. И ему слышались слова Педагога Сергѣевны... Отецъ, дядя, что было между ними и Софьей Николаевной? — Повторялъ онъ, ходя по залѣ скорыми шагами.

Никогда тонъ Педагога Сергѣевны не былъ такъ искрененъ, никогда не говорила она съ такимъ убѣжденіемъ, можно сказать, съ такимъ чувствомъ. Была минута, когда въ словахъ ея исчезла всякая жолчь, что-то спокойное, глубокое слышалось въ нихъ.

Голова Бориса горѣла; ему больно было то, что онъ не могъ совладать съ своими впечатлѣніями, онъ подавленъ былъ ими. Жиды на вискахъ бились, мысли одна другой страшнѣе, мелькали въ головѣ. И некого спросить, некому вылить душу, некуда броситься и освѣжиться!

Борису стало наконецъ до такой степени больно, что онъ дольше не выдержалъ и побѣжалъ наверхъ.

IX.

— Откуда вы дорогой мой?—спросила его Софья Николаевна. Она сидѣла на диванѣ. На ней надѣта была сѣренькая блуза, перетянутая кушакомъ; на головѣ черная косынка.

Въ комнатѣ былъ полусвѣтъ. На туалетѣ горѣли двѣ свѣчи.

Борисъ взглянулъ на Софью Николаевну и остановился въ дверяхъ.

Его волненіе усилилось. Онъ не зналъ, что ему сказать теткѣ; у него не доставало словъ, выраженій; его тревога, его боль были слишкомъ новы и порывисты.

— Что вы стоите, мой друг? — спросила опять Софья Николаевна и подалась вперед, точно стараясь разглядеть его.

Каждое ея движеніе было полно неожиданнаго изящества.

Борись сдѣлалъ шагъ впередъ и потомъ вдругъ бросился къ ней. Она встала и протянула ему руку. Онъ началъ цаловать эту руку и долго не могъ ничего выговорить.

— Что съ вами?—повторила Софья Николаевна,—добрый мой... вы весь дрожите. И она поцаловала его въ голову.

Звукъ ея голоса смягчилъ тревогу Бориса.

— Простите меня, тетенька, сказалъ онъ прерывистымъ голосомъ, я васъ испугалъ, но мнѣ слишкомъ тяжело было....

— Сядьте вотъ тутъ, прервала Софья Николаевна, усаживая его на диванъ возлѣ себя.

Она смотрѣла на него и улыбалась своей свѣтлой, примирительной улыбкой. Онъ не поднималъ на нее глазъ.

— Вы вѣрно говорили съ бабушкой? спросила она.

— Да, съ ней, тетенька. Я не хочу, я не могу вамъ передавать того, что я слышалъ, но не могу и молчать... вы должны мнѣ что-нибудь сказать...

Борись чувствовалъ, что онъ путается.

— Вотъ вы какой! промолвила Софья Николаевна,—и молчать и говорить хотите за одинъ разъ. Она взяла его руку.—Одно я вижу, что у васъ прекрасное сердце; а больше мнѣ ничего не надо знать. Вѣдь вы не захотите, чтобъ я себя стала расхваливать—такъ ли, другъ мой?

— Но вы меня не оставите въ этомъ лѣсу! Я хочу вамъ вѣрить; я хочу вѣрить отцу моему, а я ничего не знаю! Какое же право имѣетъ эта женщина говорить Богъ знаетъ что?... Она знаетъ, что я не могу ее заставить молчать: у меня нѣтъ доказательствъ, я ничего не знаю!

Слезы были слышны въ словахъ Бориса. Сидя около Софьи Николаевны, онъ чувствовалъ, что съ каждымъ словомъ сердце его растетъ, что онъ готовъ все слушать отъ этой женщины, и все принимать какъ чистую, святую правду.

— Не волнуйтесь, дорогой мой! начала Софья Николаевна.

— Бабушка была вѣрна себѣ. Ну, позвольте мнѣ васъ немного поисповѣдовать. Она, вѣдь, называла меня погибшей, ужасной женщиной? называла?..

— Называла,—отвѣтилъ Борись.

— Говорила также, что я погубила вашего дядю, мужа моего...

— Даже папеньку, добавилъ Борисъ.

— Вотъ видите, какъ я отгадала. И что же, по своему, она права.

— Какъ права? вырвалось у Бориса. — Что вы говорите? — Онъ поднялъ голову и пристально взглянулъ на Софью Николавну.

Она отвѣчала ему все той же прекрасной улыбкой; на лицѣ ея не было видно ни одного облачка; глубокіе глаза блестя въ полусвѣтѣ. Борисъ не выдержалъ блеска этихъ глазъ и опять опустилъ голову.

— Да, она права, другъ мой, — повторила Софья Николавна. Въ чемъ она видѣла погибель своихъ дѣтей — отъ того они и погибли....

— Какъ, какъ? — прервалъ ее Борисъ.

— Отцу вашему ненужно было встрѣчаться съ вашей матерью, а мужу моему — со мной.

— Отчего же? сказалъ тихо Борисъ.

— Отчего? Это длинная повесть. Я вамъ не расскажу ее теперь: вы слишкомъ взволнованы, голубчикъ; нельзя переживать такъ много въ одинъ день. Васъ я все-таки не успокоила — знаю. Да какъ же быть-то? Я сама не отвѣчу себѣ: хорошій я человекъ, или дрянной? это съ разу не дается...

— Вы хорошій человекъ! проговорилъ Борисъ.

— Кто это вамъ сказалъ?

— Сердце, тетенька, сердце.

— Чего же лучше на первый разъ? Я сюда пріѣхала жить съ вами и для васъ. Опротивлю вамъ — вы придете и скажете мнѣ. Полно объ этомъ, — прибавила она, вставая. Что мной такъ много заниматься?

Борисъ также поднялся. Ему стало гораздо легче: скорбные вопросы отлетѣли, горечи не было. Хотѣлось только слушать Софью Николавну. Но спокойствіе не являлось, не исчезало то чувство, которое бросало его и въ жаръ и въ холодъ.

— Мнѣ opiekунъ очень понравился, — продолжала Софья Николавна. — Славный такой. Я вижу, что мы съ нимъ сойдемся, а съ Машей мы друзья. Что это за прелесть — дѣвочка! Никогда я не видала такого прозрачнаго сердца, какъ у этого ребенка! Какіе вы оба хорошія дѣти! Право, душа надрывается глядя на вашу будбу...

Борись чувствовалъ, что у него слезы на глазахъ. Ихъ вызвалъ звукъ ся голоса.

Она дотронулась до его руки.

— Что вы, дорогой? Вы все не прояснитесь. Ужь не обо мнѣ ли вы сокрушаетесь? Полноте, какъ не стыдно? Да, впрочемъ, что же это я? Сама напоминаю о вашемъ горѣ: оно слишкомъ свѣжо. Вы только отъ меня не прячьтесь. Захочется погоревать—придите ко мнѣ поплакать, поплачемъ вдводемъ. Помолитесь захочется—помолимся.

И Борись съ замираніемъ сердца почувствовалъ, что она взяла его, какъ маленькаго за голову и подаловала въ лобъ.

— Васъ никто не ласкалъ,—тихо говорила она,—безъ этого что за жизнь? Когда сердце заноетъ, когда жутко придется вамъ—придите, я, вѣдь, знаю... словъ мало, словами всего не сдѣлаешь. Кто жилъ въ такомъ одиночествѣ, какъ вы, для того нужна ласка...

Нѣсколько секундъ простояла она, держа его за голову. Ея дыханіе горѣло на его щекѣ.

— Господь съ вами! Подите спать. Отдохните хорошенько—заговорила она опять, отпуская его голову. Маша не хотѣла ложиться, все васъ дождалась, да я ужъ ее уложила. Много, много намъ надо говорить и дѣлать... Что это вы, родной мой,—вдругъ спросила она и подняла рукой его голову,—вы плачете?

Борись не смѣлъ взглянуть на нее; онъ весь дрожалъ и удерживалъ слезы, катившіяся по лицу его.

— Тетенька... могъ онъ только проговорить,—благодарю васъ.

— Не скрывайте слезъ. Я вижу, что вы меня полюбили—слава Богу! намъ легче будетъ жить. Славный вы... добрый, говорила она съ обаятельной нѣжностью.

И опять точно струя пробѣжала по всему тѣлу Бориса. Она еще разъ поцѣловала его въ лобъ.

Слезы подступили ему подъ горло; у него закружилась голова; онъ почти бѣгомъ бросился изъ комнаты и стрѣлою слетѣлъ внизъ.

Волненіе было такъ сильно, что онъ ничего не видалъ; онъ не зналъ, что съ нимъ дѣлается. Съ рыданіемъ кинулся онъ на кровать. Нѣсколько чувствъ разомъ раздирали его. Ему было страшно спросить: что же это такое? Онъ могъ только рыдать...

Долго не могъ заснуть Борись. Рыданія утихли; онъ лежалъ не двигаясь, навзничъ, уткнувши голову въ подушку. Чего не

передумалъ онъ!.. Въ первый еще разъ такъ возбуждены были его нервы, въ первый разъ такъ замирало сердце и напрашивались такіе вопросы...

Борисъ вспоминалъ слова бабушки; ея пророчество точно начинало сбываться. Онъ чувствовалъ еще, какъ на лбу его горѣлъ поцалуй Софьи Николаевны. Эти ласка, этотъ голосъ, эти глаза — все это было слишкомъ неожиданно, слишкомъ сильно и ново для него.

Но Борисъ отогналъ отъ себя образъ бабушки съ ѣдкими словами, съ темными обвиненіями; онъ отдался весь Софьѣ Николаевнѣ...

X.

Рано проснулся Борисъ и увидалъ, что онъ спалъ не раздвѣжаясь. Голова его была свѣжа. Вчерашнія впечатлѣнія пролетѣли какъ сонъ. На душѣ было что-то доброе.

Онъ осмотрѣлся. Страшной показалась ему эта комната, гдѣ за четыре дня еще жилъ отецъ. Борисъ сѣлъ въ большое кресло и такъ просидѣлъ минутъ десять. Въ бильярдной слышались чьи-то шаги. Борисъ отворилъ дверь: Яковъ, по старой привычкѣ, прохаживался вдоль дивана. Онъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на молодого барина.

— Виновать-съ, — проговорилъ онъ своимъ глухимъ голосомъ, — я думалъ что никого нѣтъ.

— Яковъ, — сказалъ ему Борисъ, — ты вчера слышалъ отъ Федора Петровича, какъ папенькѣ угодно было распорядиться на счетъ тебя.

— Много доволенъ-съ, — отвѣтилъ Яковъ, отвѣшивая низкій поклонъ.

— Ты получишь еще двѣсти рублей.

— Много доволенъ-съ, — повторилъ Яковъ съ поклономъ и двинулся, чтобъ поцѣловать руку Бориса.

— Нѣтъ, пожалуйста, ненужно! И вотъ что я хотѣлъ тебѣ сказать еще, Яковъ: ты теперь вольный, стало, можешь идти куда знаешь; но если ты желаешь остаться здѣсь, я тебѣ положу хорошее жалованье: ты будешь за мной ходить. Впрочемъ, какъ для тебя лучше.

Яковъ захопалъ глазами и скоро заговорилъ:

— Помилуйте, Борисъ Николаевичъ, коли милость ваша будетъ, куда же мнѣ идти-съ? лучше мнѣ мѣста ненадо.

— Ну и прекрасно, — прибавилъ Борисъ. — Я буду жить здѣсь, въ спальнѣ, убирай эту комнату и чисть мое платье, больше дѣла у тебя не будетъ.

— Слушаю-сь, — отвѣтилъ Яковъ своимъ обыкновеннымъ тономъ.

И точно съ этимъ словомъ онъ опять вошелъ въ прежнюю колею.

— Принеси мнѣ умыться, — сказалъ ему Борисъ, возвращаясь въ спальню.

Онъ въ первый еще разъ приказывалъ и чувствовалъ себя барининомъ.

«А гдѣ-то моя Мироновна? — подумалъ онъ — надо будетъ съ ней разлучиться... помѣстить ее наверху». Ему жалко было своей комнатки съ перегородкой, гдѣ добродушная няня такъ много спала, будила его по утрамъ, одѣвала его и называла *долговязымъ*.

И тотчасъ же онъ перешелъ къ мысли, что въ той же самой комнатѣ живетъ теперь Софья Николаевна; лежитъ теперь въ альковѣ, на его кровати.

Ему было приятно говорить себѣ, что она останется навсегда въ его домѣ. И слово *бабенька*, неприятное слово, такъ часто повторявшееся въ былое время, затѣмнитъ словомъ *моя няня*.

«Какъ могъ я хоть минуту вѣрить этой злой старухѣ?» — спрашивалъ онъ себя, думая о вчерашней сценѣ въ залѣ. Онъ однако чувствовалъ, что краснѣеть, вспоминая все, что онъ пережилъ наверху, въ разговорѣ съ нею; но ему не было уже страшно, какъ вчера; когда онъ кинулся на кровать: ласкающій голосъ Софьи Николаевны точно звучалъ около него... и онъ улыбался. Онъ повторялъ мысленно всѣ ея ласковыя слова, которые были для него такъ новы и обаятельны.

«Что это за чудесная женщина! что за жизнь будетъ возлѣ нея!... *возлѣ нея*» повторялъ онъ мысленно и опять покраснѣлъ. «Однако, какъ я былъ разстроенъ вчера» продолжалъ онъ думать, «нервы у меня расхѣдились. Изъ чего было такъ волноваться?»

Борисъ задумался. Онъ не могъ отвѣтить на этотъ вопросъ. Ему было легко и онъ былъ слишкомъ молодъ еще, чтобы заглядывать въ глубь своей душевной жизни и мучить себя въ минуты, когда мрачныя и тоскливыя впечатлѣнія смѣнялись дружными, здоровыми и свѣтлыми.

Кто-то постучалъ въ дверь.

— Можно войти? — спросилъ женскій голосъ.

Борисъ узналъ Миронову.

— Войди, няня, войди, — крикнулъ онъ, и подошелъ къ двери.

— Что ты, долговязый, что съ тобой вчера-то было? — спрашивала старушка, входя къ нему, съ улыбкой. — Да ты, никакъ и не раздѣвался совсѣмъ?

— Нѣтъ, няня, я прилегъ да и не замѣтилъ, какъ заснулъ. Борисъ немного смутился, говоря это.

— Ну, какъ же теперь, — продолжала старушка, — мнѣ за тобой ходить-то ужъ не приходится: ты вѣдь здѣсь поселился?

— Да, няня, я ужъ здѣсь; а тебѣ и негдѣ возлѣ меня-то.

— Довольно баловался, теперь самъ большой баринъ сталъ, одинъ живи, не все съ бабами возиться.

Старушка говорила это полупшутливымъ тономъ; но видно было, что ей нелегко разставаться со своей прежней жизнью.

Борисъ смотрѣлъ на нее и грустно улыбался.

— Привыкъ я къ тебѣ, Мироновна, — сказалъ онъ.

— Знаю, что привыкъ, я и сама привыкла, да гдѣ же я здѣсь жить-то буду; не на бильярдѣ же мнѣ спать?

— Разуниверся. Я ужъ Якову сказалъ, чтобъ онъ за мной ходилъ.

— Известное дѣло—Якову, онъ въ люди не пойдетъ. Да какая тутъ служба? самая пустая. Онъ надежный человекъ.

— Гдѣ же ты помѣстишься, Мироновна?—спросилъ Борисъ.

— Я-то? Да въ степенядиной.

— Зачѣмъ же? Тамъ вѣдь еще есть комнаты.

— Какія? Мамзель, вѣдь, тамъ живетъ?

— Ну, она, вѣрно, скоро очистится: мамзель отойдетъ. — Она ужъ чувствуетъ, что вѣтеръ изъ другого мѣста подулъ... сидитъ у себя въ комнатѣ и носу не показываетъ. Разочтете что ли ее?

— Да она, я думаю, сама догадается, — сказалъ Борисъ.

— Ее бабушка съ собой возьметъ.

— Куда?

— Какъ куда? Ты тутъ сидишь, ничего не знаешь: бабушка сегодня выѣзжаетъ. Степану объ лошадяхъ приказано.

— Что ты?

— А какъ ты думаешь? Въ каретѣ ѣдетъ, въ большой, съ

собой Ёицку, да Ульяну беретъ. Сегодня съ утра возню под-
няла.

Мионовна сѣла на стулъ около бюро.

— Приходилось отъ нея жутко, — продолжала она, — да ужъ
теперь и жалко становится... Какъ ни поверни: старуха старая,
седьмой десятокъ пошолъ, и вдругъ этакимъ манеромъ вонъ
изъ дома...

Мионовна покачала головой.

Борисъ стоялъ передъ ней задумавшись.

— Да какъ же быть-то, няня? — проговорилъ онъ. — Теперь
ужъ дѣла не поправишь.

— Знаю, что не поправишь, это не отъ тебя. Сама посѣяла,
теперь вотъ оно и сказывается. Даромъ ничего не бываетъ. Да
все-таки жалко. И той-то, чай не весело.

— Кому? — спросилъ Борисъ.

— Да Софѣ-то Николаевнѣ. Это у всякаго голова кругомъ
пойдетъ. Въ чужой домъ пріѣхать... прямо хозяйкой, да тещу
изъ дому выжить. Бабочка-то какая молоденькая... Я думала она
постарше.

— А какъ она тебѣ понравилась, няня? — сказалъ Борисъ,
взглянувъ какъ-то урывкомъ на старушку.

— Да что? добрая должна быть. Голосъ такой ласковый у
нея. Вѣдь и дядюшка-то ее, покойникъ, слышь, за доброту взялъ.
Роду-то она, вѣдь, не больно знатнаго...

Старушка замямасьнемножко.

— Какого же она рода? — быстро спросилъ Борисъ.

— Да не знаю ужъ я... что-то такое такъ... говорили... Я,
вѣдь, пересудъ-то этихъ не больно люблю. Кто ихъ знаетъ? Пе-
лагая-то Сергѣевна въ тѣ поры и рвала, и метала, самъ, чай,
помнишь. А барыня, должно быть, хорошая. Съ тобой-то она
какъ?

— Со мной она какъ родная.

— Понравилась, значить, тебѣ? — спросила старушка, взгля-
нувъ пристально на Бориса.

Онъ опять почувствовалъ какое-то смущеніе.

— Какъ же, няня. Мы съ ней будемъ дружно жить.

— Извѣстное дѣло, повеселѣе тебѣ будетъ; тебѣ не съ кѣмъ
будетъ воевать. Машу-то свою пригрѣешь. Въ домѣ самъ хо-
зяинъ. Такъ это мнѣ чудно, какъ подумаешь, что, кромѣ тебя,
набольшихъ нѣтъ въ домѣ.

— А тётенька?

— Ну, да она на время только... вѣдь это все твое. Старушка встала и подошла къ Борису. — Ты хоть и настоящій баринъ теперь, а вѣдь я тебя не боюсь, такъ-таки ни капельки не боюсь.

Она разсѣялась и Борисъ виѣстъ съ нею.

— Какой же я для тебя баринъ? — сказалъ онъ.

— То-то же и есть. Ты командовать надо мной не вздумай. А какъ же съ Машенькой-то теперь: новую мамзель возьмете, что-ли, или сама Софья Николаевна учить ее будетъ?

— Не говорилъ еще я объ этомъ, няня. Да зачѣмъ брать мамзель; она сама ею будетъ заниматься, учителя ходить станутъ.

— Такъ вы втроемъ и будете проживать, точно молодой баринъ съ барыней,— проговорила старушка шутливо.— Ты смотри, Боря, тётка-то видишь какая красавица... ты больно-то на нее не засматривайся: ученье-то на умъ не пойдетъ.

— Что же, няня,— отвѣтилъ Борисъ, улыбаясь, — вѣдь поневолѣ заглядишься, коли хорошенькая... и потомъ, точно испугавшись, онъ прибавилъ: — мы Машей будемъ вдвоемъ заниматься. Вотъ что я тебѣ хотѣлъ сказать: что бы тебѣ теперь за Машей не присмотрѣть? какъ бы это хорошо было! Ты какъ объ этомъ думаешь?

— Я-то? Я, пожалуй, съ моимъ удовольствіемъ: на ногахъ еще хожу бодро, да какъ Софья-то Николаевна...

— Помилуй, она будетъ очень рада. Вѣдь ты сама знаешь, при Машѣ никого нѣтъ; дѣвчонка при ней Варька... всё это безпорядокъ... Тебѣ, вѣдь, всегда хотѣлось нянчить Мешу?

— Какъ же не хотѣтся, извѣстно, хотѣлось. Вотъ ты меня и гонишь отъ себя,—прибавила она, улыбаясь.—Я только въ гости къ тебѣ буду ходить.

— Да это еще не всё, няня: я на тебя еще должность взваляю...

— Это какую?

— Ты у насъ и экономкой будешь.

— Да когда же я успѣю, что ты! какъ же можно одному человѣку?

— Да какое у насъ хозяйство, всего-то двое. Нѣтъ, ты уже не отказывайся. Миѣ изъ тѣхъ старухъ никто не нравится. Пожалуста.

Борисъ началъ цаловать старуху.

— Да ну ннѣ Богъ съ тобой! Какъ прикажете, ты гдѣ теперь баринъ у меня, — говорила старушка веселымъ голосомъ, пятясь назадъ.

Послышался стукъ.

— Это ты, Яковъ? спросилъ Борисъ.

— Я-съ— отозвался Яковъ за дверью, умываться прикажете?

— Войди, войди. Ну, ннма ты сходила бы туда, къ Софїи Николаевнѣ; узнай, что она пьетъ по утрамъ: чай или кофе?

— Хорошо. Только вотъ что, доловязый: Фанка-то теперь такъ задыхалась, что у ней, ничего не допросишьца.

— Ну, ужь ты тамъ какъ-нибудь распорядись.

Мироновна ушла. Явился Яковъ съ умывальникомъ и полотенцемъ. Борисъ, умывшійся и оправившійся, подумалъ о бабуннѣ.

Яковъ доложилъ ему также, что Пелагея Сергѣевна, приказывала насчетъ кареты и почтовыхъ лошадей.

Борису казалось все невозможнымъ, что она такъ скоро соберется, да ему этого совсѣмъ и не хотѣлось.

«Пускай-бы себѣ жила»—думалъ онъ. Онъ боялся также какой-нибудь сцены, боялся не за себя, а опять за Софїю Николаевну. Ему было-бы очень больно, еслибъ бабенкина какъ-нибудь уколола ее; а этого онъ непремѣнно ждалъ, зная что Пелагея Сергѣевна потому только не оборвала Софїю Николаевну, что сама стѣснилась.

«А впрочемъ что же—прибавилъ онъ—пускай себѣ поругается напоследокъ, вреда уже она никакого никому не дѣлаетъ».

Въ окно сдальни Борисъ увидалъ, что сарай быдъ отворенъ и выдвинута большая четверомѣстная карета, жолтаго цвѣта, въ которой еще покойникъ дѣдушка ѣзжалъ съ бабенкой въ деревню. Огромныя козлы торчали въ высотѣ, покрытыя кожнымъ чехломъ. Вокругъ кареты ходили кучера и осматривали ее.

Это напомнило Борису лѣто, когда весь домъ перебирался въ подгороднюю деревню, доставшуюся ему съ Машей.

Онъ подумалъ о томъ, какъ они будутъ тамъ жить лѣтомъ, какъ онъ кончатъ къ этому времени курсъ и, въ ожиданіи университета, проживетъ два-три мѣсяца со своей Машей и тѣнькой; будутъ ходить за грибами, кататься верхомъ. А тамъ Москва, товарищи; полная, разнообразная жизнь. Все будетъ свѣтло, ново и заманчиво!..

— Чай будете кушать? спросилъ его сзади глухой голосъ Якова.

Борисъ очнулся точно отъ сна. Голосъ Якова перенесъ его въ другой мѣръ; онъ оглянулся, и опять на этомъ креслѣ, на этой кровати предсталъ передъ нимъ образъ отца. Его мутные глаза, его дрожащій удушливый голосъ, его предсмертныя призыванія — исповѣдь слабости... все воскресло въ этой комнатѣ. Вотъ тутъ у кресла Борисъ писалъ письмо ей, этой чудной женщицѣ, какъ ее называлъ отецъ, и какъ Борису нравилось называть ее.

А Яковъ стоялъ въ выжидающей позѣ, не получая отвѣта.

— Спасибо, я послѣ напьюсь, — проговорилъ наконецъ Борисъ. Прибери здѣсь; и ключъ отъ комнаты принеси ко мнѣ. Я буду наверху у Марьи Николаевны.

Борисъ заглянулъ сперва въ корридоръ. Онъ былъ-бы не прочь зайти къ бабенкѣ; но не рѣшился на это. Слишкомъ часто были въ послѣдніе дни, бесполезныя попытки смягчить отношенія. Вчерашняя сцена между нею и Софьей Николаевной была еще очень свѣжа. И теперь, Борисъ нашелъ, что Софѣя Николаевнѣ и не слѣдовало такъ прямо отправляться къ бабенкѣ.

«А какія она все-таки добрая, заключилъ онъ мысленно, и началъ подниматься наверхъ. Было еще рано. Часы въ бильярдной пробили половину девятого.

XI.

На площадкѣ онъ столкнулся съ Аннушкой; она несла платья въ комнату Софьи Николаевны.

— Тетенька проснулась? — спросилъ Борисъ.

— Давно-съ; онѣ одѣлись, пожалуйста — отвѣтила Аннушка.

— А Маша здѣсь?

— У насъ, — отвѣтила Аннушка и посторонилась.

Борисъ вошелъ довольно нерѣшительно и остановился въ дверяхъ перегородки.

На диванѣ сидѣла Софья Николаевна, въ черномъ суконномъ платьѣ. На головѣ не было косынки. Волосы были зачесаны гладко и за уши заложено по одному большому локону. Только теперь Борисъ вполнѣ разсмотрѣлъ свою тетеньку. Ее нельзя было назвать брюнеткой, въ строгомъ смыслѣ. Волосы только на первый разъ казались совсѣмъ черными, и то спереди; коса была темнорусая, съ приятнымъ отливомъ, густая, и свѣ-

шивалась низко. Цвѣтъ кожи, бѣлизна лба, нѣжность и прозрачность ушей,—все это отнимало у ней ту рѣзкость типа, какая отличаетъ сильныхъ брюнетокъ. Но глаза были черныя, глубокіе, такіе, что на нихъ нелегко было взглянуть пристально, а между тѣмъ они не смотрѣли строго. Ихъ выраженіе было необыкновенно молодое, отрадное, точно будто эти глаза говорили, что человѣку легко утѣшиться, когда они на него смотрятъ.

И Борисъ въ эту минуту дѣйствительно смотрѣлъ на нихъ и чувствовалъ себя утѣшеннымъ.

Когда онъ вошелъ, Маша стояла около Софьи Николаевны и показывала ей какую-то тетрадку.

Объ онъ разомъ обернулись и увидѣли Бориса.

Маша сейчасъ бросилась къ нему. Софья Николаевна встала.

— Ахъ, Боря... здравствуй—закричала дѣвочка, цалуя брата. Вотъ ты какъ рано нынче! Хорошо спалъ тамъ, на новомъ мѣстѣ?

— Прекрасно, голубчикъ,—отвѣчалъ Борисъ и подошелъ къ Софьѣ Николаевнѣ, поцаловать у ней руку.

— А вы какъ почивали тетенька?—спросилъ онъ.

— Я вездѣ хорошо; я, какъ маленькая, только-что прикурнула—сейчасъ какъ убитая... И снова никогда не вижу,—прибавила она, улыбаясь.

— И вы всегда рано встаете?

— Всегда въ восемь я уже на ногахъ; а лѣтомъ гораздо раньше, часу въ шестомъ.

— А я вотъ лѣнюсь,—сказалъ Борисъ. Вы меня отучите пожалуйста. Мнѣ бы надо въ семь вставать, а меня Мироновна будить, будить и въ восемь насилу добудится.

— Ну, полно Боря, а вотъ, какъ папа боленъ былъ, ты совсѣмъ не спалъ. Онъ все сидѣлъ около папы,—проговорила Маша, обратившись глазами къ Софьѣ Николаевнѣ.

— Вы вѣдь очень утомлены,—сказала ему Софья Николаевна, держа его за руку. Я вижу это по вашимъ глазамъ и по блѣдности.

— Да, тетя, онъ такой розовый былъ,—замѣтила Маша съ своей комически-серьѣзной миной. У него щоки такія красненькія были, а теперь вонъ онъ какой!

И она полѣзла обнимать его Софья Николаевна улыбаясь смотрѣла на своихъ новыхъ дѣтей.

— Чтѣ вы кушаете, тѣтенька, по утрамъ?—спросилъ Борисъ.

— Ахъ, мой добрый, зачѣмъ это вы изъ-за меня такъ хлопочете; точно я какая прѣзжая принцесса. Пью тѣ, чтѣ и другіе. Я вамъ запрещаю тормозиться изъ за меня.—Она потрясла его руку.—Вамъ теперь нужно отдохнуть, а о другихъ не заботиться.

— А чаю то вамъ все таки не дають!—возразилъ Борисъ.

— Дадуть, дадутъ, безъ васъ все сдѣлается.

Софья Николаевна сдѣлала шагъ назадъ, все держа руку Бориса въ своей рукѣ.

— Ну, а какъ няня Мироновна?—спросила она.

— Съ Мироновной я долго толковалъ сегодня—отвѣтилъ Борисъ, садясь около Софьи Николаевны и сажая Машу къ себѣ на колѣни.—Я вотъ что думалъ, тѣтенька, не знаю, какого вы будете мнѣнія...

— Ахъ, какъ это оффиціально что-то! — прервала его Софья Николаевна и довольно-громко разсмѣялась.

Борисъ покраснѣлъ.

— Отчего же оффиціально?—промолвилъ онъ.

— Да такъ, вы точно пришли ко мнѣ доложить во начальству. Ахъ, добрый мой! я, вѣдь, такая же молодая, какъ и вы. Посовѣтоваться со мной можете; но въ бабушки ченя не производите. И она положила руку на его плечо.

— А чтѣ вы хотѣли сказать?

— Да вотъ что, тетенька: Мироновна теперь не можетъ ужъ быть при мнѣ. Она сама находитъ это неудобнымъ.

— А что же она говорить? весело спросила Софья Николаевна.

— Да говорить, что я долговязый и мнѣ стыдно съ бабами возиться.

Софья Николаевна и Маша разсмѣялись.

— Она его всё долговязымъ зоветъ, обратилась Маша къ теткѣ, указывая на Бориса.

— Ахъ, какая милая старушка, сказала Софья Николаевна.

— Я къ ней очень привыкъ, продолжалъ Борисъ.

— И прекрасно, прервала его Софья Николаевна; развѣ вамъ стыдно въ этомъ признаться!

— Нисколько, тетенька... но ей неудобно ходить внизъ.

— Такъ что же вы надумали? спросила Софья Николаевна.

— Я хочу оставить Якова при себѣ камердинеромъ. Его папешка на волю отпустилъ; но онъ очень радъ остаться, а Мироновнѣ я предложилъ двѣ должности.

— Какія же это должности? спросила его Маша, устремив на него свои большіе синіе глаза.

— За тобой ходить, голубчикъ... тебѣ вѣдь всегда хотѣлось, чтобъ у тебя была няня... сказалъ Борисъ, цѣлуя сестру въ лобъ.

— Да, Борисъ, какъ это будетъ славно! Дѣвочка вскочила на полъ и забила въ ладошки. Но въ мигъ она одумалась.

— Да вѣдь она ужъ старенькая, сказала она, подходя къ Борису и кладя ему руки на плечи. Миѣ совѣстно.. какъ же она будетъ миѣ служить?..

— Служить она тебѣ не будетъ, голубчикъ мой, говорилъ Борисъ, ты сама все дѣлаешь; а она присмотритъ за твоими платьемъ, чтобъ у тебя порядку больше было.

— Ахъ, это славно, Борисъ. Я ее вѣдь очень люблю, тетя,— обратилась она опять съ объясненіемъ къ теткѣ.

— Ну, прекрасно, это первая должность, отозвалась Софья Николаевна; а вторая-то какая же?

— А вторая вотъ какая, тетенька, она будетъ у насъ экономкой. Наше хозяйство не великое... А она самая лучшая женщина во всемъ домѣ.

— Добрый мой, отозвалась Софья Николаевна, вы это лучше меня знаете, и вѣдь здѣсь, какъ въ лѣсу... ваша няня миѣ очень нравится, она славная старушка, только вы меня въ командиры не производите... дайте миѣ осмотрѣться, а то вы меня запугаете.

Борисъ поцаловалъ у ней руку, въ то время, какъ она говорила это.

— Вы хотите, тетенька, сказалъ онъ, чтобы наши отношенія были совершенно равныя?

— А какъ же иначе, дорогой мой! Вы меня этакъ сейчасъ въ генералы произведете.

— Въ генералы! повторила Маша и разсмѣялась.

— Я совершенно согласна на все, начала опять Софья Николаевна,—если мое согласіе необходимо; но вотъ что вы миѣ скажете, добрый мой... вѣдь здѣсь въ домѣ, вѣрно, была экономка?

— Была, тетя,—отвѣтила Маша,—бабушкина Фицка.

— Какъ, какъ? спросила Софья Николаевна.

— Фицка, повторилъ Борисъ. Такъ ее бабушка звала. Имя Фелицата.—Она, дѣйствительно, была ключницей, но бабушка ѣдетъ сегодня и беретъ ее съ собой.

— Какъ, бабушка ѣдетъ сегодня? быстро спросила Софья Николаевна и приподнялась.

За ней всталъ и Борисъ.

— Да, она распорядилась уже насчетъ лошадей. Я видѣлъ дорожную карету на дворѣ.

— Такъ скоро!—проговорила будто про-себя Софья Николаевна и немного затуманилась.

— Совсѣмъ уѣдетъ бабушка? спросила Маша.

— Совсѣмъ, дружокъ,—отвѣтилъ Борисъ и взглянулъ на тѣтку, желая угадать, что она думаетъ въ этотъ моментъ.

— Такъ пойдемте съ ней прощаться,—заговорила Маша.—Да, можетъ, это неправда, я вотъ пойду узнаю.

И прежде, нежели Борисъ и Софья Николаевна сказали слово, Маша выбѣжала изъ комнаты.

XI.

— Неужели она ѣдетъ?—сказала, помолчавъ, Софья Николаевна.

— Развѣ это васъ удивляетъ, тѣтенька?—отвѣтилъ Борисъ, и еще разъ взглянулъ на нее.

— Нѣтъ... а странно какъ-то!

— Вотъ то же самое чувство было и у меня сегодня утромъ, когда Мироновна пришла сказать мнѣ объ этомъ.

— Да какъ же теперь, въ глухую осень, куда она поѣдетъ?—сказала Софья Николаевна.

— Къ себѣ, въ деревню,—отвѣтилъ Борисъ.—Она беретъ съ собой и Амалью Христофоровну.

— А кто это Амалья Христофоровна?

— Гувернантка Маши,—очень грязное созданіе.

— Ну, стало-быть, нужно радоваться, что она беретъ ее,—замѣтила Софья Николаевна.—Давно она при Машѣ?

— Больше трехъ лѣтъ. Вотъ тѣтенька, и объ этомъ намъ надо съ вами разсудить. Разумѣется, эта нѣмка никакой пользы Машѣ не приносила, она только раздражала ее. Но какъ вы думаете, нужно будетъ взять кого-нибудь къ ней?

Софья Николаевна помолчала.

— Погодите, добрый мой,—начала она,—теперь вы меня не горюшите, а то я совсѣмъ запутаюсь. Я думаю, Машѣ пока и не понадобится гувернантка. Что же я-то буду дѣлать?

Она сказала это съ такимъ свѣтлымъ, добрымъ взглядомъ, что Борисъ не утерпѣлъ, взявъ ее руку и поцаловалъ,

— Я только объ этомъ и мечталъ, тетенька, проговорилъ онъ радостно.—Зачѣмъ намъ чужое лицо? зачѣмъ Машѣ лучшую наставницу?

— А вы знаете ли, Борисъ, что я была гувернанткой, настоящей гувернанткой?

— Нѣтъ, не знаю, тетенька. Когда же это было?

— До замужства моего. Это я вамъ все разскажу.

— Да, вы мнѣ общали сказать многое...

— И не обману,—добавила, улыбаясь, Софья Николаевна.

Она была особенно-хороша въ эту минуту. На лицо ея падалъ свѣтъ изъ небольшого окна, выходившаго на дворъ. День былъ ясный, солнечный и морозный. Какой-то необыкновенной свѣжестью и молодостью дышало все существо этой женщины.

Борисъ опять начиналъ чувствовать вчерашнее смущеніе и невольно опустилъ глаза.

— А отчего;—подумалъ онъ,—она со мной церемонится, говорить мнѣ вы?

— Тетенька,—сказалъ онъ вслѣдъ затѣмъ,—я о чемъ у васъ попрошу.

— Просите, пожалуйста просите!

— Мнѣ неловко, что вы мнѣ не говорите *ты*, точно я вамъ посторонній.

Онъ краснѣлъ, говоря это.

Софья Николаевна тоже немножко смутилась.

-- Вѣдь вонъ вы какой большой! мнѣ совѣстно будетъ немножко: вы ужъ и такъ меня произвели въ генералы какіе-то.

— Полноте, тетенька,—промолвилъ Борисъ,—и вамъ, и мнѣ легче будетъ.

— Легче-то, разумѣется, легче... Только вы какой, быстрый хотите за разъ сдѣлать. А, впрочемъ, я это все сама люблю: у васъ натура славная.

И она протянула ему руку.

— Только какъ же это будетъ? Вы видите: я вѣдь какая-же тетка вамъ? Я слишкомъ юна для этого; вы мнѣ станете говорить *вы*, а я вамъ—*ты*: это опять выйдетъ генеральство.

— Да вѣдь не могу же я вамъ говорить *ты*, тетенька?—сказалъ смущенный Борисъ.

— А что? неприлично?.. *Devant les gens*, какъ обыкновенно выражаются три людяхъ.

Они оба разсмѣялись.

— Ну, такъ вы вотъ что сдѣлайте: мнѣ очень не нравится этотъ титулъ *тетенька*, *тетушка* также нехорошо...

— Да, *тетушка* еще хуже, — прибавилъ Борисъ.

— Зовите меня, какъ Маша.

— *Тетья*? сказалъ Борисъ вопросительно, и въ первый разъ посмотрѣлъ на нее во всѣ глаза, а Софья Николаевна, приблизивши свое лицо къ нему, улыбнулась и отвѣтила:

— Да, *тетья*... это вамъ не нравится?

— Ахъ, очень, очень! — вскричалъ Борисъ и пожалъ ея руку.

— Хорошо... теперъ вы...

— Ты, тетенька, перебилъ ее Борисъ.

— Да не *тетенька* же, а *тетья*.

И они опять расхохотались.

Вошла Аннушка съ чаемъ. Они обернулись и притихли.

— Какъ же съ бабушкой-то? — спросила Софья Николаевна.

— Надо пойти проститься, — промолвилъ Борисъ.

— Надо, — повторила Софья Николаевна. Ужь самолюбие-то отложимъ къ сторонѣ. Напьемся вотъ чаю и сойдемъ внизъ.

Они начали пить чай и очень ласково поглядывали другъ на друга.

Борисъ чувствовалъ уже полную свободу въ обращеніи съ теткой, но сердце билось неровно, и краска не сходила съ лица.

Оба они были такъ молоды и хороши, что посторонній при-
нзль бы ихъ за жениха съ невѣстой

ХII.

Пелагея Сергѣевна съ ранняго утра возилась въ диванной.

Фицка, то и дѣло, перебѣгала изъ чайной въ диванную, изъ диванной въ дѣвичью и на верхъ въ чуланъ, въ коморки, укладывала и доставала разныя разности изъ сундуковъ.

Бабенька приказала, чтобы лошади были готовы къ одиннадцати часамъ. Она брала съ собой, кромѣ Фицки, старуху Ульяну и дворецкаго Степана. Долго разбирала она свои бумаги, счеты и деньги, бормотала себѣ подъ носъ и часто вставала съ мѣста.

Амалья Христофоровна совѣтъ и не показывалась на глаза Борису и ни разу не заглянула въ комнату Маши.

Она не желала выдорживать характеръ и, прежде всего, вы-

просила у бабеньки позволеніе отправиться съ ней въ деревню, на что Пелагея Сергѣевна охотно согласилась. Въ послѣдніе дни своего паденія, бабенька привыкла къ наперсничеству толстой нѣмки. Наконецъ, старость брала свое. Пелагея Сергѣевна боялась остаться совершенно одна.

Амалья Христофоровна укладывала свое добро и думала о томъ, что будетъ платить ей Пелагея Сергѣевна въ деревнѣ.

Оицка только что отправила на верхъ чай, какъ побѣжала опять въ диванную.

— Оицка, крикнула ей бабенька, отнимая голову отъ бумагъ, которыя она разбирала, позови Бориса Николаича.

— Слушаю-сь, отвѣчала Оицка, и пустилась на рысяхъ наверхъ.

Пелагея Сергѣевна, при всемъ своемъ озлобленіи, начала принимать серьезный и умѣренный тонъ, говоря о внукѣ и звалъ его Борисъ Николаичъ.

Оицка вдругъ появилась въ дверяхъ Борисовой комнаты, точно выросла изъ земли, такъ что и Борисъ и Софья Николаевна невольно вздрогнули.

— Что тебѣ? спросилъ Борисъ.

— Бабенька васъ просятъ-сь, прошепелявила наперсница и скрылась.

Борисъ всталъ и вопросительно посмотрѣлъ на тетку.

Она тоже взглянула на него.

— Зоветь тебя, проговорила Софья Николаевна.

— Не понимаю я ее, тетя, сказалъ онъ.

— Иди, это прекрасно.

— Ахъ тетя, вы не знаете, всѣ сцены съ ней такъ тяжелы.

Онъ вспомнилъ тутъ про вчерашній разговоръ.

Софья Николаевна точно угадала его мысль.

— Ты не боишься-ли, что она опять придется бранить меня?.. Ничего, добрый мой, вѣдь сегодня—послѣдній день. Надо же ей высказать, что накопило на сердцѣ.

— Да что же могло у ней накопѣть? Вѣдь это все выдуманно, все одна злость! сказалъ порывисто Борисъ.

— Злостью нельзя же все объяснять! она вѣдь тоже пережила цѣлый вѣкъ; вся натура, всѣ ея мысли и убѣжденія сложились. Мы въ шестьдесятъ-то лѣтъ, пожалуй, не лучше будемъ.

Борисъ махнулъ нетерпѣливо рукой.

— Да, да, нечего рукой махать, продолжала Софья Никола-

ва. Если у насъ не доставить свисхожденія, такъ значить, въ насъ гораздо больше эгонизма, чѣмъ въ бабушкѣ. Однако, ступай—ка къ ней; съ Богомъ.

Она взяла его за руку и подвела къ двери.

Борисъ уходя, улыбнулся и сказалъ съ наивной миной:

— Разругаетъ.

— Ничего, отвѣчала Софья Николаевна; я буду тебя ждать.

Она вышла на площадку и смотрѣла, какъ онъ сходилъ по лѣстницѣ внизъ.

Борисъ глядѣлъ все на верхъ и видѣлъ, что къ Софьѣ Николаевнѣ подбѣжала Маша.

— Уѣзжаетъ, говорила она, и Амалья Христофоровна...

Дальше онъ уже не слышалъ и прошолъ по корридору.

Бабенька приняла его—сидя, за портфелемъ.

Борисъ первый не начиналъ говорить. Онъ остановился передъ Пелагеей Сергѣвной, въ очень скромной позѣ.

— Борисъ Николаичъ, начала бабенька, я черезъ два часа ѣду; ужъ больше мы, можетъ быть, и не увидимся.

— Отчего-же бабушка? промолвилъ Борисъ.

— Ко мнѣ въ гости не пожалуете; да не о томъ я хочу говорить съ вами: совѣтовъ больше давать не буду... Пускай мои слова на вѣтеръ пойдутъ, это ваше дѣло, вы — большой человекъ теперь, помѣщикъ, хозяинъ... Такъ я должна вамъ домъ этотъ сдать, съ рукъ на руки... вѣдь я хозяйствомъ завѣдывала.

— Да зачѣмъ же, бабушка, какіе же счеты?..

— Какъ, какіе счеты? Что же я, ваши деньги, что-ли, украду? Мнѣ слѣдовало бы опекуну вашему счеты всѣ представить, да попечительницѣ; такъ ужъ увольте меня отъ этого. Вы не маленький, вы имъ послѣ скажете, что я васъ не обсчитала.

Кислая улыбка искривила ротъ Пелагеей Сергѣвны. Она говорила съ жесткимъ спокойствіемъ, точно отчеканивая каждое слово.

Борисъ стоялъ, наклонивъ голову. Видно было, что онъ рѣшился выслушать все, что только имъ будетъ говорить бабенька, спокойно, ничѣмъ не возмущаясь.

— Да-съ, Борисъ Николаичъ—продолжала старуха,—вы сами хозяинъ. Вотъ извольте взглянуть. Она указала на книги:—Тутъ счеты по дому за нынѣшній годъ. Съ имѣнья деньги я получила, вы это знаете. У отца вашего не было расхожихъ денегъ.

У меня осталось от нынѣшняго года четыре тысячи сдвинговъ— вотъ онѣ.

Старуха развернула пачку и начала считать ассигнаціи. После того, она еще раскрыла свои книги и счета и заставила Бориса все это повѣрить.

— Это еще не все,— сказала она, вручая ему пачку:— у меня отъ прежнихъ годовъ оставались деньги— вотъ онѣ, здѣсь. Она взяла съ дивана зелененькій ящикъ, со стальной отдѣлкой.

— Бабушка, — проговорилъ Борисъ, — вѣдь эти деньги ваши, какъ же ихъ учесть? имѣнье не было раздѣлено.

— Я чужихъ денегъ не хочу-съ.— прервала его рѣзко старуха. Какой я доходъ получала съ моего имѣнья, тотъ мой, а деньги на расходъ по дому шли изъ Николинкина имѣнья. Ужъ позвольте мнѣ это знать...

Она отперла зелененькій ящикъ и вынула оттуда большую пачку ассигнацій и серій.

— Вотъ тутъ,— продолжала она,— на ассигнаціи двадцать тысячъ; можете ихъ взять... пересчитайте... за нѣсколько лѣтъ тутъ остатокъ.

Считаніе денегъ продолжалось довольно-долго. Бабенъка каждую бумажку пересматривала и передавала Борису.

Когда эта операція кончилась, она закрыла книги и встала.

— Ну-съ, Борисъ Николаичъ— сказала она,— что въ домѣ остается— все ваше. Я съ собой беру только свои вещи. Вотъ вамъ ключи отъ чулана и погреба. Серебру счетъ вотъ тутъ, у меня. Мнѣ въ деревню денужно этого.

— Но какъ же вы соберетесь въ одинъ день, бабушка?— спросилъ Борисъ.

— Такъ и соберусь: сяду въ карету, да и поѣду.

— Вѣдь зимой въ Андроновѣ домъ холоденъ будетъ.

— Ужъ объ этомъ не беспокойтесь — отвѣтила ѣдко старуха и движеніемъ показала, что Борисъ могъ удалиться.

— Вы и кушать не будете?— спросилъ Борисъ.

— Нѣтъ, я къ вечеру туда. Ну, прощайте Борисъ Николаичъ, живите и веселитесь. Вы теперь на свободѣ, можете заняться воспитаніемъ сестрицы вашей... Амалия Христофоровна будетъ со мной. Да теперь зачѣмъ ей гувернантка?

Старуха, при этомъ, такъ сжала губы и такъ повела всѣмъ своимъ тѣломъ, что Борисъ покраснѣлъ.

— Мы придемъ проститься съ вами,— проговорилъ онъ.

— Кто проститься? — переспросила старуха.

— Я и Маша, — отвѣтилъ Борисъ.

— Какъ вамъ угодно, только ужъ не взъищите съ меня, те-тушки вашей я видѣть нежелаю вы это можете передать ей, а то я съ задняго крыльца уѣду. Возьмите же съ собой деньги и счета всѣ... можете такъ, со всѣмъ портфелемъ. мнѣ его ненужно, и ящичекъ вотъ этотъ.

Борисъ взялъ портфель, книги и ящичекъ, и повернулъ къ двери.

— Да вотъ еще что: старухи у меня тутъ остаются, да двѣ дѣвчонки: ужъ вы покормите ихъ, я за ними подводку пришлю.

— Помилуйте, бабушка, — проговилъ Борисъ и, смущенный, вышелъ. Ему было не то стыдно, и не то досадно.

Онъ зашелъ къ себѣ въ спальню, спряталъ все въ бюро и взбѣжалъ наверхъ.

Не хотѣлось Борису передавать въ подробности всю сцену съ бабушкой; но отъ Софьи Николаевны онъ не могъ ничего скрыть.

— Такъ она не желаетъ проститься со мной? — спросила Софья Николаевна съ грустной, но добродушной улыбкой. — Ну, что жъ дѣлать! Въ этомъ она свободна... и, знаешь что Борисъ? прибавила она — поведеніе бабушки мнѣ очень нравится. Оно меня нисколько не возмущаетъ въ настоящую минуту.

Борисъ видѣлъ, что лицо тети было ясно и впечатлѣніе сцены съ бабушкой смягчилось. Простота и прямота Софьи Николаевны упрощали и его самого.

Въ 11 часовъ карета была заложена шестерикомъ. Поднялась суетня въ дѣвичьей Дворня вся высыпала въ залу.

Борисъ сошелъ внизъ съ Машей. Целагея Сергѣевна простилась съ ними холодно. Амалья Христофоровна имѣла видъ угнетенной невинности и желала даже прослезиться, цалуя Машу.

Въ дворнѣ было какое то недоумѣніе, точно готовились всѣ къ чему-то торжественному. Бабенька зашла въ спальню, оглянула, ее, перекрестилась и, ни съ кѣмъ больше не прощаясь, отправилась на крыльцо и сѣла въ карету.

Маша стояла на кофѣняхъ, на стулѣ и смотрѣла въ окно.

— Вотъ бабушка и уѣхала, — сказала она Борису, вернувшемуся съ крыльца, куда онъ ее не пустилъ. Жалко мнѣ ее,

Боря; а уже лучше пусть она назадъ-то не врѣзжастъ,—прибавила дѣвочка, покачавъ головой.

Борисъ невольно улыбнулся и, поднявшись съ ней наверхъ, объявилъ теткѣ, что бабенка уѣхала.

И долго всѣ трое молчали.

Петръ Боборыкинъ.

НАУКА И ЛИТЕРАТУРА

въ России при Петрѣ Великомъ.

Изслѣдованіе П. Пекарскаго. Удостоено отъ Академіи Наукъ
полной демидовской преміи. Т. I С.П.Б. 1862 г.

При чтеніи старинныхъ историческихъ памятниковъ, мы постоянно замѣчаемъ рѣзкую черту въ характерѣ нашихъ предковъ, это именно—нерасположенность къ нововведеніямъ. Старина всегда представлялась имъ въ розовомъ цвѣтѣ, и они готовы были грудью отстаивать ее, когда замѣчали вторженіе иноземнаго вліянія въ русскую жизнь: свою вѣру, возрѣнія и обычаи они считали истовыми и священными, а иностранцевъ (включали нехристями, дѣйствія и привычки ихъ — погаными. А простой нашъ народъ доселѣ вздыхаетъ о старинѣ, смотритъ на минувшее, какъ на счастливое, золотое время. Давно бросилась въ глаза нашимъ изслѣдователямъ эта стойкость и привязанность къ былому русскаго человѣка; они очень просто выводили это свойство характера изъ природной лѣни, неподвижности и презрѣнія къ прогрессу нашихъ предковъ, окрестили его неслестными именами упорства, старовѣрства и т. п. Отчего же постылы ему нововведенія? какія начала стариныпришлись ему по душѣ и что упорно онъ въ ней отстаиваетъ? Вотъ вопросы, которые не потрудились разрѣшить наши изслѣдователи прежняго времени.

У народа чрезвычайно много здравого смысла; онъ слишкомъ прямо и мѣтко смотритъ на свое положеніе и соприкасающіяся къ нему обстоятельства. Заглянемъ, напр., въ псковскую летопись. При каждомъ случаѣ, псковичи рѣзко, горько выражаютъ свои жалобы, заявляютъ недовольство нововведеніями и перестройкой управленія въ сферѣ духовной и гражданской. Вотъ «пріѣхалъ въ Псковъ в. князь Василій Ивановичъ, и *обычай псковскій перемѣнилъ, и старину порушилъ*, забывъ отпа своего и дѣдовъ его слова и жалованье до Псковичей и крестное цѣлованье, да оставилъ свои обычаи и пошлины новыя... А все писалъ Пскову мягко: Я-де, в. князь, отчину свою хочу жаловать по старинѣ, управы вамъ самъ хочу учинить, — и все льстилъ лукавствомъ злымъ». Эти новые обычаи и пошлины, какъ извѣстно, заключались въ отнятіи самостоятельныхъ правъ и обычаевъ, въ лишеніи самоуправленія и свободного развитія торговли, другими словами—в. Князь порушилъ старину, на которой держались довольство, богатство и независимость Пскова. Точно также Псковичи съ негодованіемъ встрѣчали новгородскихъ владыкъ, когда они отступали отъ образа дѣйствій своихъ предшественниковъ, стояли за прежніе обычаи, какъ пошло исперва, и жаловались, что владыка «учалъ новину дѣяти, а старину покинулъ». И опять эта жалоба основательна, а не есть выраженіе бессмысленной привязанности къ старинѣ. Владыки пріѣзжали въ Псковъ иногда «на ровною», чинили многіе проторы игуменамъ и попамъ, хотѣли распоряжаться по дѣламъ церковнымъ чрезъ своихъ любимцевъ-наместниковъ, держать сторону В. Князей не въ защиту народа, а для подавленія его силы и свободы. Народъ противился нововведеніямъ, когда видѣлъ ихъ вредъ и противорѣчіе съ законными своими требованіями. Вотъ, напримѣръ, чѣмъ отозвалось подавленіе стараго выборнаго начала въ Псковѣ и введеніе новой мѣры правительственнаго судопроизводства: «Посылалъ князь наместниковъ своихъ, кого захочетъ, не по волѣ Псковичей; а они насилывали, грабили и продавали ихъ покленами и судами неправедными... Началъ В. Князь деревни давать боярамъ своимъ, велѣлъ сидѣть въ судѣ съ наместниками и тиunami—правду стеречь. А у наместниковъ, и тиуновъ, и у дьяковъ в. князя правда ихъ и крестное цѣлованіе взлетѣли на небо, кривда начала въ нихъ ходити и пошло многое злое въ нихъ, не милостивы были они до псковичей, а псковичи, бѣдные, не знали правды московской...

Были намѣстники во Псковѣ овирыды до христіанъ, какъ львы, а люди ихъ, какъ звѣри дикіе, и начали поклепцы добрыхъ людей обманять, и разбѣжались добрые люди по инымъ городамъ, а игумены честные изъ монастырей бѣжали въ Новгородъ. Иныя радъ бы повѣсти злыя писать, добавляетъ съ ироніей лѣтописецъ, но грубъ разумомъ и смысломъ! Напротивъ, псковичамъ чрезвычайно повправилось нововведеніе Ивана IV, когда онъ «показалъ милость свою—пожаловалъ лихихъ людей обыскивать самими крестьянамъ межъ себя по крестному цѣлованію», и они отзывались, что Царь, хоть младъ возрастомъ, но весьма старъ умомъ и разумомъ. Василя Ивановича Шуйскаго лѣтописецъ обвиняетъ за жестокость въ отношеніи къ народу; а Михаила Ѳедоровича за стѣснительные налоги, пошлины и монополіи изазны. Подъ 1618 и 1627 годами записана жалоба, что села розданы дѣтямъ боярскимъ въ помѣстья, что пошли новые уставы «изъ всякаго хлѣба 4-й снопъ на ратныхъ людей» отдавать, что монастырскія, церковныя вотчины отписали на Государя и церковное вино отняли на него у торговыхъ людей, а въ 1636 году отняли торговлю льномъ и московскому гостю велѣно скупить на Государя по указной цѣнѣ, потомъ «шкоты чинились въ кормахъ и подводахъ месметныя всякимъ людямъ, насильству и грабежу достойно, деньги, корѣлки худыя, и цѣна не вольная, и купля не любовная, и во всемъ скорбь великая, и вражда не сказанная, и *всей земли связъ*,—ни купити, ни продати не смѣтъ никому же помимо казны.» Эти не большія выдержки изъ Псковской лѣтописи даютъ понятіе ощутительно, что старина давала свободный просторъ самостоятельной дѣятельности русскаго человѣка, и потому онъ такъ крѣпко держался за нее; а нововведенія приносили ему съ собой ограниченія и стѣсненія, дѣлали *всей земли связъ*, и за то онъ презиралъ и ненавидѣлъ ихъ.

Болѣе всего доставалось народу отъ просвѣщенныхъ изслѣдователей за его невѣжество, непониманіе пользы науки и презрѣніе европейской цивилизаціи, которыя такъ настойчиво вносили Петръ въ темное русское царство. И, странно, въ самомъ дѣлѣ, народъ презиралъ науку, принесенную Петромъ съ запада, смѣялся надъ нею и даже, подчасъ, величалъ ее коловодствомъ или еретичествомъ, сочинилъ и пустил нелѣпную молву, будто Петръ дѣйствуетъ по навожденію злаго духа, будто на Сухаревой башнѣ возатся черти по полуночамъ, и за-

кладена черная книга: а тамъ, просто—напросто, было складочное мѣсто физическихъ инструментовъ и медицинскихъ препаратовъ, и занимались математическими выкладками Брюсъ, Макаровъ и др. Какой же смыслъ послѣ этого въ пословицѣ, вышедшей изъ глубины народнаго убѣжденія, что ученье—свѣтъ, а не ученье—тьма? Въ ней свой оригинальный смыслъ. Народъ знаетъ одно ученье наглядное, опытное, одну науку жизни, науку практическаго здраваго смысла, а не переливанье изъ пустаго въ порожнее, не громкую пальбу холостыми фразами. Онъ и самъ, при случаѣ, не прочь «языкъ почесать», но всегда знаетъ цѣну своимъ словамъ и не выдаетъ ихъ за полновѣсныя, когда чувствуетъ ихъ легкость. Нѣтъ, наука для него составляетъ результатъ пройденнаго пути жизни, сумму мірской думы и толка,—пережеванная и испытанная на дѣлѣ пословица. А всѣ эти теоріи, построенныя на чужой ладъ и усыпанныя цвѣтами по всѣмъ правиламъ искусства краснорѣчія, и смѣшны, и непонятны для него. Ни за что не вобьете ему также въ голову строгихъ систематическихъ дѣленій и дробленій, схоластическихъ выводовъ и ухищреній, тяжелыхъ силлогизмовъ и всевозможно ржавыхъ орудій, бесполезно набросанныхъ въ глухомъ арсеналѣ софистики. Мы далеко подвинулись въ образованіи отъ временъ Петра, однако, не можемъ похвалиться нашимъ современнымъ школьнымъ воспитаніемъ и образованіемъ, постоянно слышимъ жалобы на подавленіе талантовъ, на напрасную потерю цѣлыхъ десятковъ лѣтъ, на убійство жизни, молодыхъ силъ и энергій; видимъ затѣвающіяся попытки къ поставленію учебныхъ заведеній на совершенно другія основы. Что же мы скажемъ объ образованіи во времена петровскія? Тогдашняя наука была чѣмъ-то въ родѣ сапожнаго ремесла, или коновальнаго искусства.

Она притупляла свободное развитіе и естественное направленіе человѣка, набивала его дикими теоріями и выстроивала изъ него урода, безъ практическаго смысла и такта, какими всегда отличалось простонародье; она закрѣпляла его въ пушкаря, шкипера, цифирника, подъячаго, церковника:—и всѣ эти лица, по распоряженію и сортировкѣ Петра, копались надъ порученной имъ работой, хлопотали сдѣлать заказъ, хотя-бы силы просились на исполненіе совершенно не той работы, на которую обрекали тружника. Отъ торго-то, такъ бесплодна эта несчастная формальная наука, загромоздившая отвлеченностями ученыя головы, и далека была отъ жизни, породила пройдохъ и плутовъ, которые, толко-

ваніемъ «оригъ», обманывали простаго и бѣднаго человѣка. Такииъ образомъ, изъ ученыхъ выходили мастера на всѣ руки, съ полнымъ отсутствіемъ истинныхъ знавій. Народъ понялъ, что эта наука не про него писана, что она не избавитъ его отъ горечи жизни, не подастъ спасительной руки помощи въ нуждѣ, не защититъ отъ страданій, и крѣпостного права, и ихъ судей, и т. п. и съ презрѣніемъ оттолкнулъ отъ себя эту грошевую науку, бесплодную для его жизни. Онъ искалъ, по прежнему, утѣшенія въ религіи, которая принимала подъ свою защиту и покровительство, и загнаннаго сильными, и надорваннаго излишней работой, и во всѣхъ признавала божественныя права, всѣхъ считала братьями во Христѣ. Вотъ гдѣ нужно искать смыслъ привязанности русскаго человѣка къ религіозному образованію! Религія отвѣчала его стариннымъ стремленіямъ къ общинному быту, къ устройству земскихъ соборовъ, каждаго члена дѣлала полноправнымъ, грозила наказаніемъ не праведнымъ судьямъ, жестокимъ правителямъ, притѣонителямъ—богачамъ и безстрашнымъ, бездушнымъ отцамъ духовнымъ, подерживала въ трудѣ, утѣшала въ горѣ каждаго бѣдняка и страдальца. И народъ велъ своихъ дѣтей къ грамотникамъ, раскольникамъ и мастерицамъ, отдавалъ ихъ «въ науку» читать по Часослову и Псалтири. Тутъ онъ не ждалъ отъ сына какихъ нибудь практическихъ познаній, но увѣренъ былъ, что душа его не будетъ извращена, онъ останется въ той же общинѣ, въ которой выросъ, не станетъ презирать священныя права народа и глумиться надъ его сѣрмягой. Мальчикъ не отрывался и отъ домашнихъ занятій, помогалъ отцу, и хозяйство не теряло рабочихъ рукъ, и семейный кругъ не подрывался удаленіемъ члена. Хозяйственные расчеты и нужда брали свое, и крестьянинъ часто не отдавалъ дѣтей въ наученіе грамотѣ по самой простой причинѣ, что ему скорѣе нуженъ кусокъ былъ хлѣба, чѣмъ грамота, нужно работать для уплаты податей и повинностей, иначе какъ разъ попадешь подъ палки и розги; при голодномъ брюхѣ и ученіе въ толкъ и на умъ не идетъ. Притомъ, казарменная обстановка школъ, дикія «форменныя» требованія, насильственность и неестественность преподаванія, грозный взглядъ гордаго учителя, варварское извращеніе живаго, богатаго языка тощими терминами и оборотами, уродованіе здраваго смысла и понятій—все это поднимало съ души крестьянина рѣшительное отвращеніе къ школѣ.

Народъ отвергъ отъ себя эту варварскую, деспотическую науку, не выдалъ на поруганіе своихъ заветныхъ думъ и стремленій и втихомолку разносилъ по всему широкому пространству Руси идеи о самостоятельности жизни. Не подумайте, впрочемъ, чтобъ мы сами въ грошъ не ставили науку, принесенную Петромъ съ Запада, и не придавали ей никакого значенія въ развитіи извѣстной горсти русскаго народа. Объ этомъ мы скажемъ два слова послѣ; а теперь обратимся къ изслѣдованію г. Пекарскаго.

Оно представляетъ сборникъ матеріаловъ для исторіи русскаго просвѣщенія этого времени. Сочиненіе г. автора удостоено полной демидовской преміи отъ академіи наукъ, и послѣ награды, можно было бы ожидать, что книга его будетъ, по цѣнѣ, многимъ доступна; а вышло почему-то не такъ: два тома стоить 7 рублей, не дешево, однако, особенно для господъ учителей.

Въ предисловіи, г. Пекарскій считаетъ обязанностью высказать, кто сочувствовалъ его трудамъ и доставлялъ ему возможность заниматься, кто дѣлалъ указанія, или содѣйствовалъ съ величайшею готовностью, кто радушно дѣлился свѣдѣніями, великодушно передавалъ свое собраніе книгъ, или вызвался самъ показать нужныя изданія, постоянно слѣдилъ за работою и не оставлялъ въ высшей степени полезными замѣчаніями; кто ему давалъ разрѣшеніе пересмотрѣть закрытые матеріалы, или выпрашивалъ это разрѣшеніе своимъ благосклоннымъ предстательствомъ; нѣкоторымъ лицамъ сочинителемъ выражаетъ благодарность, а инымъ—глубокую признательность. А на насъ навели эти строки глубокое раздумье: не слишкомъ же сильно измѣнился характеръ теперешняго просвѣщенія сравнительно съ добрымъ старымъ временемъ. Если почтенный авторъ прошелъ столько мытарствъ по разрѣшеніямъ, на каждомъ шагѣ нуждался въ содѣйствіяхъ и протекціяхъ,—какъ же, послѣ этого, заниматься неизвѣстнымъ молодымъ труженникамъ, которымъ бы пришла охота и искреннее стремленіе посвятить свои силы на добросовѣстныя историческія розысканія? Авторъ такъ эпически повѣствуетъ о своихъ изслѣдованіяхъ и трудностяхъ, какъ-будто это совершенно въ порядкѣ вещей и такъ необходимо должно быть, какъ-будто лица, ему содѣйствовавшія, въ самомъ дѣлѣ оказали чрезвычайные, невѣроятные подвиги, на которые должна публика и Россія взирать съ высокою благодарностью. Скорѣе намъ кажется это дѣломъ самымъ обыкно-

вѣдѣ, которое и не стоило бы заявлять въ предисловіи: вѣдь, мы народъ образованный и сочувствуемъ просвѣщенію; вѣдь, порядочный человѣкъ, пожалуй, и обидится, если ему станете рачтывать похвалу и благодарность за содѣйствіе полезнымъ трудомъ. Онъ скажетъ: «помилуйте, это мой долгъ, моя обязанность,—за кого же вы меня принимаете?» Стало-быть, до многозначительныхъ строкъ г. Пекарскаго мы напрасно воображали, что меценатство вывелось у насъ, на святой Руси, наука уже выбралась на большую дорогу и идетъ своимъ самостоятельнымъ, твердымъ шагомъ безъ поводительщиковъ, а оказывается—мы были въ пріятномъ заблужденіи. Досадно разочароваться!.. Теперь займемся, по изслѣдованію г. Пекарскаго, дѣятельностью Петра въ отношеніи науки и литературы; оно вполне оправдываетъ нашу характеристику образованія, какую мы изложили выше. Вмѣсто того, чтобы прежде объѣхать Россію, посмотреть, что въ ней хорошаго и дурнаго, узнать ея нужды и потребности и, сообразно съ ними, дѣйствовать на пользу и благоденствіе своего народа, молодой царь, наслышавшись отъ нѣмцевъ о чудесахъ иностранныхъ земель, пустился за море, очарованъ былъ тамошними порядками и рѣшился, во что бы ни стало, построить Русь по образцу европейскому. Это опредѣлило характеръ образованія, какъ и всѣхъ нововведеній Петра. По возвращеніи изъ перваго путешествія, Петръ думалъ расширить объемъ преподаванія въ славяно-греко-латинской академіи; но, впоследствии, это предположеніе онъ оставилъ и началъ заводить спеціальныя училища для мореходства, инженерства, хирургіи, цифири и т. п. Онъ сталъ призывать изъ заграницы ученыхъ, иностранцевъ и мастеровыхъ и, чтобы лучше ввести науку въ Россію, опредѣлилъ собрать молодыхъ людей изъ шляхетства и послать ихъ для обученія за границу. И все это дѣлалось, не спросясь желанія родителей, тѣмъ менѣе охоты учениковъ, не соображаясь съ ихъ склонностями и любовью къ извѣстнымъ занятіямъ. Петръ дѣйствовалъ чрезъ воинскій приказъ, или очень просто предписывалъ: «Выберите немедленно изъ латинской школы лучшихъ робятъ, висмотря гораздо которые поострая, человѣкъ 10 и пришлите моремъ на шнявѣ» (стр. 237). Учениковъ тотчасъ везли за границу, распредѣляли имъ занятія, опять-таки по указаніямъ Петра. Какъ человѣкъ практическій, царь понималъ науку пользы, которая можетъ содѣйствовать его планамъ для устройства государства; хотѣлъ образовывать работниковъ и ма-

стеровыхъ, исполнителей его замысловъ, и ни однимъ словомъ не проговорился о значеніи науки, какъ нравственно-воспитательнаго начала, какъ средства къ человѣческому развитію души или экономическому устройству самого народа. Петръ хорошо понималъ силу печатнаго станка и поэтому, хлопоталъ о распространеніи книгъ, чтобы имѣть вліяніе на массы; но вліяніе это равнялось съ навязчивостью своихъ убѣжденій другимъ, противъ всякаго ихъ желанія и нужды. Въ случаѣ сопротивленія, грозила ссылка, наказаніе и даже смерть. Съ страшной силой воли и жадной дѣятельности, царь представляется вездѣ на первомъ планѣ, всѣхъ толкаетъ насильно, принуждаетъ дѣлать, что ему нужно, всѣми вертитъ и распоряжается по произволу, и оттого на первый разъ кажется, европейская наука и литература полнымъ хозяйствомъ водворились въ Россіи въ его время. Но на самомъ дѣлѣ, эти царскія крутыя мѣры оканчивались одними движеніями: всѣ копошились, трудились, и трудились принужденно, формально, бесплодно. Гдѣ нѣтъ свободы и самостоятельности, тамъ никакая дѣятельность не будетъ имѣть жизни и прочности, не принесетъ ожидаемой пользы. Вотъ что говорить по этому поводу г. Пекарскій: «Въ русской исторіи начала XVIII вѣка, всего болѣе параждаетъ могущество и сила воли одного человѣка: куда мы ни обратили бы взглядъ, какой бы отрасли знаній ни посвятили свое вниманіе,—вездѣ замѣтна желѣзная рука этого человѣка, вездѣ проявляется его сильный характеръ, его роковая энергія. Конечно, подвиги, гдѣ высказывается всего болѣе матеріальная сила, не могутъ возбуждать особеннаго сочувствія въ наше время, (какъ будто въ то время народъ сочувствовалъ имъ!)., но въ дѣйствіяхъ Петра именно то и любопытно, что для него было недостаточно унизить непріятеля, разсѣять толпы непокорныхъ, заточить и погубить въ изгнаніи нераздѣлявшихъ его мнѣнія,—онъ старался даже самое мышленіе, умъ, духовныя силы націи подчинить своему вліянію, отчего и проявленіе ихъ—(добавимъ мы, вынужденное и въ ничтожной части націи!)—зависѣло опять таки отъ его же воли. Во всѣхъ вообще произведеніяхъ науки и литературы въ Россіи при Петрѣ Великомъ, вездѣ и всюду сохранена гармонія, послѣдовательность, возможныя только тамъ, гдѣ работаетъ голова одного человѣка за всѣхъ, гдѣ субъективное я подчиняетъ себѣ все, къ чему бы оно ни прикоснулось». Петръ Великій хлопоталъ о пользѣ Россіи для ея величія и блага, съ полнымъ сознаніемъ

дам, обдуманно; но дѣйствовалъ чисто по-солдатски: онъ принималъ отбирать у народа его сочиненія, предписалъ рукописи не продавать и въ домахъ не держать, установилъ цензуру и полицію, запретилъ въ монастыряхъ держать перья и чернила, торговать книгами и картинами безъ позволенія «подъ страхомъ жестокаго отвѣта и безпощаднаго штрафованія», и все это для того, чтобъ не было противности его планамъ, какъ бы не проторглась идея самостоятельной мысли и думы народной. Г. Пекарскій полагаетъ, что Петръ Великій, «въ своемъ характерѣ и направленіи имѣлъ много демократическаго: для него не существовало сословныхъ предразсудковъ, и онъ выбиралъ въ приближенные къ себѣ и возвышалъ людей всѣхъ сословій, кто ему только казался способнымъ исполнять его замыслы; отъ этого у него близкими людьми и даже любимцами были изъ сыновей кистеровъ, перекрещенныхъ жидовъ, даже изъ каютныхъ слугъ и т. д.» (стр. 76). Нѣтъ, по нашему разумѣнію, это вытекало вовсе не изъ элемента демократическаго, который находитъ г. авторъ въ характерѣ Петра, а, скорѣе, изъ деспотизма и склонности къ полнѣйшему самоуправству: воля Петра была законъ; она захватывала, поглощала всѣ прежнія правила и преданія, которыя считались священными, и подавляла ихъ самымъ безцеремоннымъ образомъ. Петръ смѣялся надъ всѣмъ, что казалось свято низшимъ классамъ народа: точно также не любилъ онъ аристократическихъ привычекъ и барства, выбиралъ себѣ приближенныхъ изъ всѣхъ сословій не изъ привязанности къ демократическимъ началамъ и обычаямъ, не изъ приверженности къ низшимъ лицамъ, къ защитѣ ихъ нужды и страданія; а просто-на-просто, выборъ его надалъ на того человѣка, котораго онъ считалъ способнымъ для выполненія его регламентацій и указовъ, въ которомъ надѣялся въ послѣдствіи видѣть покорнѣйшаго слугу своего. Петръ любилъ иностранцевъ, но и ихъ не щадилъ онъ, когда замѣчалъ, что они не выполняютъ въ точности его предписаній. Массы же народа, можно положительно сказать, онъ презиралъ, считалъ неспособными къ принятію его идей и враждебными себѣ; крестьянъ онъ бранилъ бородачами, раскольщиками и ничего не сдѣлалъ для образованія ихъ. И, надобно сознаться, что народа съ его идеями и замыслами Петръ побавался порядочно, и тѣмъ безпощаднѣе стремился убить въ немъ всякую силу и самостоятельность мысли, слова и дѣла. А народъ, съ своей стороны, упорно отстаивалъ свою самостоятельность, покорился виѣшно, ви-

димо; но мысли и убѣжденія не отдавъ реформамъ, оставилъ ихъ прикостовенными и возненавидѣлъ своихъ безтолковыхъ иностранныхъ учителей, неимѣвшихъ ничего общаго съ низшими классами народа. Чрезвычайно поучительные рассказы встрѣчаются въ книгѣ г. Пекарскаго объ этихъ импровизированныхъ учителяхъ, которые наводнили Россію въ царствованіе Петра Великаго. Смачала иностранцы боялись заглядывать къ русскимъ, считая ихъ варварами, и только, когда уже круто имъ приходилось на родинѣ и въ другихъ европейскихъ государствахъ, они, волей-неволей, переступали за порогъ темнаго русскаго царства. Но здѣсь, въ прежнюю пору, скоро узнавали птицу по полету и были весьма недоувѣрчивы къ этимъ землепроходивцамъ, сомнѣвались въ ихъ универсальныхъ способностяхъ учительскихъ, часто расправлялись съ ними по свойски, въ случаѣ обмановъ и шарлатанства. Случалось, эти бѣглецы, чтобы выпутаться изъ бѣды, принимали православіе, но ихъ заставляли каяться въ заточеніи монастырскомъ до конца дней своихъ. Но когда Петръ «въ Европу прорубилъ окно», искатели приключеній ползли толпами въ это окно, кто головой, а кто ногами; они считали рускій народъ чѣмъ-то въ родѣ сказочнаго Иванушки-дурачка и шли поливить его трудами, надѣясь воспользоваться его глупостью. Они приходили въ Россію и распоряжались, словно хозяева, а народъ считали работникомъ, какъ и доселѣ думаютъ иностранцы въ Россіи. Разъ, недавно, заспорилъ крестьянинъ рускій съ нѣмцемъ на Крестовскомъ. Нѣмецъ вдругъ и озадачилъ своего соперника: «молчи, вѣдь ты мужикъ, а я нѣмецъ!» Крестьянинъ немного подумалъ и сказалъ ему:—«Надо полагать, это чинъ какой-нибудь?»

Вода рока забрасывала иностранцевъ въ Россію «на лодии счастья и чина», но выраженію поэта; кто изъ нихъ былъ пригрѣтъ, облаканъ и набивалъ карманъ, тотъ старался изъ всѣхъ силъ нахваливаться русскихъ и особенно ихъ необыкновенные усѣхи въ просвѣщеніи, процвѣтаніи наукъ и распространеніи вѣжливости, потому что, честь-то, главнымъ образомъ, падала на самихъ учителей; а кто обрывался, не достигалъ своихъ цѣлей, или былъ выгнанъ, тотъ ругалъ русскихъ, на чей свѣтъ стоятъ. Въ книгѣ г. Пекарскаго очень подробно изображена заграничная, занимательная полемика о Россіи во времена петровскія. Началъ ее Нейгебауеръ, который, въ іюнѣ 1701 г., получилъ мѣсто наставника при царевичѣ Алексѣѣ Петровичѣ.

Онъ хотѣлъ чтобъ ему подчинили всѣхъ русскихъ, состоявшихъ при царевичѣ: «Невозможно его наряднымъ нравамъ и порядочному житію научити, зане нѣкоторые отъ злости всѣ его труды портить будутъ». Началась ссоры. Вяземскій обзывалъ Нейгебауера собакою, а этотъ честилъ своихъ противниковъ названіями собакъ и варваровъ. Въ іюль 1702 г. состоялся указъ: «Иноземцу Нейгебауеру, за многія его неистовства, что писался гоимейстеромъ его высочества и ближнихъ людей, которые живутъ при царевичѣ, бранилъ и называлъ варварами, отъ службы отказать и ѣхать ему безъ отпуски, куда хочеть». Въ 1704 г., обиженный и оскорбленный нѣмецъ выдалъ въ Германіи брошюру, въ которой не поскупился на доказательства насчетъ варварства русскихъ: «Царь и приближенные его, говорятъ онъ, обходятся съ честнѣйшими и храбрѣйшими офицерами, какъ со щенатами, при содѣйствіи пощечинъ, палочныхъ ударовъ, кнута и тысячи другихъ подобныхъ поруганій». Потомъ авторъ приводитъ примѣры, говоритъ, что могъ бы насчитать тысячу милыхъ исторій, и обѣщается описать нравы русскаго государства, обманы, идолопоклонничество, наглость, рабство, жестокость, неблагодарность, зависть противъ иностранцевъ, неспособность, лѣность, вольнолюбство, невѣрность, похищеніе нѣмецкихъ женъ и дѣтей, и хочеть дать заглавіе этому описанію: «Новополированное Зеркало» и поднести этимъ милымъ людямъ въ подарокъ на новый годъ. Въ Пруссіи и Саксоніи успѣли запретить брошюру, но она перепечатывалась нѣсколько разъ. Въ 1705 г. было издано опроверженіе ея за границей отъ нѣкоего Петерсена, который объявляетъ, что онъ восемь лѣтъ служилъ въ Россіи и находитъ все подъ рядъ ложнымъ въ пасквилѣ. Въ 1706 г. Гюйссенъ написалъ громовое опроверженіе брошюры, въ которомъ, между прочимъ, говоритъ, что о Россіи стараются распространять дурные только слухи, умалчивая о хорошемъ, что много выходитъ разныхъ сочиненій противъ государствъ, но ни одно такъ не грубо, не безстыдно и не достойно руки палача, какъ упомянутое письмо, написанное съ неслыханною дерзостью. Считаая душу автора пасквила жестокою и неистовою, Гюйссенъ прибавляетъ: «Что можетъ ощущать душа этого безбожнаго поносителя чести, когда онъ всю свою жизнь говорилъ противное истинѣ, оспаривалъ любовь къ ближнему, находилъ удовольствіе и охоту только въ стравливаніи людей между собою, въ содѣлываніи ихъ несчастными намъ недовольными; когда онъ не ходилъ ни въ ка-

кую церковь, св. таинъ не читалъ, принималъ сегодня одну, завтра другую религію, смотря по выгодамъ, которыя изъ того надѣялся извлечь; когда, часто мучимый черною жолчью, себя самого или другихъ покушался умертвить?» Но что жъ это за безкорыстный защитникъ правды, самъ авторъ опроверженія, который горой стоитъ за коронованныхъ особъ, власть и честь ихъ вѣрныхъ министровъ? Что побуждало его защищать Бриса отъ обвиненій, ругать автора брошюры за неуваженіе, съ которымъ онъ отзывается о знаменитомъ, родовомъ прозваніи всемогущаго любимца царскаго Меншикова? А вотъ почтенный нѣмецъ самъ объяснится, какъ дорога для него правда и безкорыстіе. «Сія книга, говоритъ онъ въ автобіографіи, отъ государева двора въ двухъ грамотахъ апробована и похвалена была, да 1000 рублей за почесть и трудъ обѣщано, а еще ничего не заплачено. Индѣ ежели какой адвокатъ (правдословъ) во благо собственнаго лица, такую дефенсію, или заступительную книгу, изготовляетъ, какъ сія моя книга съ радостнымъ похваленіемъ принята была, то бы онъ больше того за награжденіе обыкновенно просить и получить могъ, якоже то многими прикладами, въ чужестранныхъ земляхъ случившимися, показать можно» (стр. 73). Особенно не понравилось Нейгебауеру, гдѣ Гюссенъ касался его личности, и онъ постарался въ новой брошюрѣ заплатить своему сопернику отборными ругательствами: «Что же негодяй намаралъ о поведеніи гофмейстера въ Москвѣ, то это не заслуживаетъ никакого отвѣта, потому-что основу для своихъ расказней онъ могъ найти только въ своемъ воровскомъ мозгѣ. Вѣрно, если бы гофмейстеръ велъ себя такимъ образомъ, то царское величество, по малой мѣрѣ, повелѣлъ бы его изжарить. Пускай подлець прекрасно описываетъ русскихъ по своей волѣ и возможности, но свѣтъ и особенно дворы знаютъ уже, что это за раки такіе!» Вотъ что говоритъ г. Пеккарскій по поводу замѣчательной личности защитника Россіи Гюссена: «Петръ желалъ, чтобы журналисты и издатели заграничные были на его сторонѣ, т. е. они должны были увѣрять европейскую читающую публику, что въ Россіи не такъ все плохо, какъ это обыкновенно принято думать, что, напротивъ, тамъ происходитъ много примѣчательнаго по волѣ цара и вслѣдствіе распоряженій его министровъ, которныя, всѣ безъ исключенія, отличнѣйшія, образованнѣйшія люди и т. п. Чтобы имѣть такіе печатныя отзывы, полагали въ тѣ времена достаточнымъ

наять съ десятокъ голодныхъ журналистовъ и писателей, вербовали во всѣхъ государствахъ—и это было спеціальностью барона Гюссена. Впослѣдствіи, этого агента предали забвенію и онъ нашелся вынужденнымъ напомнить о себѣ въ подробной запискѣ, гдѣ не пропущено ни одного учено-литературнаго похождения барона въ Германіи на пользу Россіи.» (стр. 91).

Вообще всѣ почти иностранные наши учителя были на одинъ покрой: они ползали и подличали предъ властью и дрались между собой изъ-за ранговъ и отличій; но, получивъ доходныя мѣста и ранги, задирали носъ, показывали свою власть и силу, грабили народъ, чуть ли не систематичнѣе русскихъ, табули крючками за собою ватагу другихъ искателей приключеній; а русскіхъ, хоть бы они въ тысячу разъ были даровитѣе и полезнѣе для извѣстнаго рода дѣятельности, старались оттолкнуть и унижить. Гюссенъ, въ своемъ отзывѣ о Нейгебауерѣ, нарисовалъ портретъ многихъ изъ его собратій: «Повсюду желая быть впередъ, сидѣть выше всѣхъ; споря съ каждымъ о рангѣ, придавая себѣ надменный видъ, обращаясь чрезвычайно гордо и неприступно со всѣми, даже съ знатнѣйшими въ государствахъ, онъ, въ то же время, безпрестанно подавалъ Царю жалобы и прошенія и надоѣдалъ въ нихъ, по большей части, объясненіями, что въ такомъ-то мѣстѣ ему не достаточно оказали почестей и уваженія, что какой-нибудь служитель не отдалъ ему должнаго почтенія и проч.» Иностранцы захватывали въ свои руки монополіи промышленности, монополіи книгопечатанія и книжной торговли, и были самыми жестокими бичами проявленія самостоятельной мысли націи, свободы слова и независимой дѣятельности. Имъ выгодно было иногда щелкнуть самобытность и развитіе націи, слегка отозваться о языкѣ, нравахъ и устройствѣ русскаго государства, какъ о варварскихъ; потому что чрезъ это пріобрѣтали вѣсъ и кредитъ они сами, даже выигрывали полное право на степенъ нашихъ учителей и руководителей, а русскіе поставлены были въ необходимость у нихъ однихъ искать спасенія. Конечно, ни нѣмцы, ни французы не были въ состояніи подвинуть просвѣщеніе народа, они писали очень пространно о фундаментномъ вѣдѣніи фейерверочнаго дѣла, о томъ, какъ кормить червяковъ, какъ прокалывать бабочекъ, какъ распредѣлять книги въ библіотекѣ, чтобъ не утратилась красота, сочиняли хвалебные, плохіе стишки на иностранныхъ языкахъ въ честь русскаго Царя, сравнивали его съ солнцемъ,

которое веселитъ подданныхъ своимъ присутствіемъ, помѣщая подробныя описанія торжественныхъ вѣздовъ его въ Москву и Петербургъ и т. п. Чему, напримѣръ, можно было научиться Глюка, судя по его программѣ, или «приглашенію къ россійскимъ юношамъ, аки мягкой и всякому изображенію угодной глины?» (129—131 стр.) Г. Пекарскій тоже мало видитъ пользы отъ иностранцевъ во времена Петровскія и о большей части изъ нихъ такъ отзывается: «Для Россіи были тяжелы тѣ пришельцы—проходимцы, которые, отказываясь отъ своей родины, не хотѣли, однако, признавать Россію новымъ отечествомъ, а видѣли въ ней только варварскую страну, гдѣ было можно нажаться и нить значеніе. Такимъ людямъ благо Россіи, любовь къ ней, были предметами посторонними. Они служили лицамъ съ усердіемъ, все превозмогавшимъ, лишь бы имъ самимъ отъ того было теплѣе, а это достигалось, когда усиливалась власть, разростался произволь патронновъ, которымъ иноземцы исключительно посвящали свое усердіе.» (стр. 260). «Но, оставая въ сторонѣ шарлатановъ и искателей путеводной звѣзды къ счастью, мы утверждаемъ положительно, что и самые умные, ученѣйшіе иностранцы, каковы Лейбницъ и Вольфъ, тоже ничего не сдѣлали въ пользу Россіи, не смотря на громадныя суммы и отличія, какими ихъ награждала щедрость русская. Они сидѣли въ своей Германіи и проектировали перестройку Россіи, не нити о ней ни малѣйшаго понятія, и дорого цѣнили свои планы, даже до безсовѣстности, льстили такъ же, какъ обыкновенныя смертныя, а не мудрецы и философы» (стр. 27. 36. 37.) Не совсѣмъ удачно оправдывая Вольфа, Г. Пекарскій о Лейбницѣ и вообще о иностранномъ влияніи отзывается очень вѣрно: «Предаваясь изученію наукъ, дѣлая открытія въ нихъ, Лейбницъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, любилъ придворную атмосферу и успѣвалъ нить доступъ къ ней. Въ то же время, по отзыву всѣхъ его биографовъ и даже медоточиваго и взъисканнаго Фонтенеля, нашъ философъ не чуждъ былъ страсти къ стяжаніямъ и деньгамъ. Быть можетъ, подъ влияніемъ этихъ наклонностей, онъ такъ легко обладеживалъ, что, съ приведеніемъ въ дѣйствіе его предположеній, зацвѣтутъ науки и искусства въ Россіи... Отъ Лейбница требовали проектовъ, спрашивали совѣтовъ, онъ и писалъ, что для распространенія свѣта въ отдаленной Москвитинѣ, необходимо дѣлать магнитныя наблюденія, собирать образцы языковъ, которыми говорятъ инородцы и т. п. Сами

собою разумѣется, что для науки все это было полезно; быть можетъ, по милости Лейбница, у Петра явилась мысль основать академію въ Петербургѣ, учредить коллегіи, (отъ которыхъ, мы заимѣемъ, толку было очень мало), послать Беринга для открытія пролива между Азіею и Америкою, снарядить посольство въ Китай съ Саввою Рагузинскимъ и т. п. но *народъ русскій не сталъ просвѣщеннѣе отъ всего этого*, а въ высшихъ сословіяхъ явилось только стремленіе усвоить себѣ вѣншіи доскъ европейскаго общежитія, которое, если говорить откровенно, было бы и излишнею тяжестью при томъ положеніи, въ какомъ находилась Россія встарину.» (стр. 32—3). Не мудрено послѣ этого слышать отзывъ отъ русскихъ простыхъ людей, измѣряющихъ пользу вліянія на себѣ, о вредѣ заморскаго ученія, объ иноземцахъ, какъ отступникахъ правой вѣры и добрыхъ дѣлъ, какъ развратникахъ истины. Хороши были представители образованія петровскаго и природные русскіе. Иностранцы отзывались о нашихъ путешественникахъ за границей, какъ о лицахъ, которые, вѣжливостью и хорошимъ обращеніемъ, пріобрѣтаютъ любовь и уваженіе ихъ; но на родинѣ эти деликатные путешественники оставались по прежнему съ низкой и мелкой душой, величались только ничтожными пріемами, двумя тремя заученными фразами и передразнивали европейцевъ. Они выносили изъ-за границы одно презрѣніе къ народу, къ роднымъ обычаямъ. «Если бы эти же иностранцы (хвалившіе русскихъ), говорить г. Пекарскій, побывали сами въ Россіи и стали отыскивать своихъ знакомцевъ, то увидѣли бы, что большая часть изъ нихъ отбросила пріобрѣтенные въ чужихъ краяхъ обычаи и, показывая только несносное чванство, потому-что усвоили вѣншіи доскъ (а душевныя ихъ способности остались невоздѣланнми), живутъ такъ, какъ жила встарину» (стр. 139). Учиться за границу вѣхали русскіе баричи по принужденію Царя, или для того только, чтобъ заслужить его милость. Избалованные съ дѣтства, они не учились и проводили время самымъ безалабернымъ образомъ. Князь Львовъ, говоритъ Головинъ, былъ «комиссаромъ у нашей братьи у дворянъ російскихъ, для *понужденія навигацкой науки*», и этотъ надзиратель весьма интересно писалъ о своихъ питомцахъ. Въ 1711 г. онъ убѣдительно просилъ не посылать навигаторовъ въ Англію—«для того, что и старыя тамъ научились больше пить и деньги тратить. Не могу ихъ оплатить, а нѣмѣ пшущуть, что хотатъ уже въ тюрьмы сажать за долги... Искупили

навигаторы не только кровь, но и самое сердце мое: я бы радъ, чтобы они убили меня до смерти, нежели бы мнѣ такое злое страданіе имѣть и несносныя тягости». Наконецъ, этотъ наблюдатель россійскихъ дворянъ принужденъ былъ скрываться отъ нихъ и доносилъ въ Россію: «Хотятъ убить меня до смерти... хотя бы вы изволили прислать 5000 фунтовъ, я чаю мало будетъ на англійскихъ навигаторовъ.» А посолъ русскій писалъ: «Тщался я ублажить англичанина, которому одинъ изъ московскихъ глазъ вышибъ, но онъ 500 фунтовъ запросилъ.» (стр. 141)

Возвратившись домой, эти ученики-баричи страшнымъ бременемъ ложились на своихъ подчиненныхъ по должности, соорились изъ-за своего происхожденія, интриговали и подкапывались другъ подъ друга, тиранили и разоряли крестьянъ, или дурачились, живя въ своихъ помѣстьяхъ. Въ разсматриваемой нами книгѣ приведено забавное сказаніе, какъ жилъ въ деревнѣ бывшій за моремъ навигаторъ Головинъ. У него было заведено, чтобы ежедневно являлись къ нему съ докладомъ всѣ деревенскія власти, которыхъ, по особой командѣ, впускала и выпроваживала горничная. Для образца, вотъ докладъ выборнаго: «Во всю ночь, государь нашъ, вокругъ вашего боярскаго дому ходили, въ колотушки стучали, въ трещотки трещали, въ ясакъ звенѣли и въ доску гремѣли. Въ рожокъ, сударь, по очереди трубилъ и всѣ четверо между собою громко говорили. Нощныя птицы не летали, страннымъ голосомъ не кричали, молодыхъ господъ не пугали и барской замазки не клевали, на крышѣ не садились и на чердакѣ не возились». Староста свой рапортъ оканчивалъ такъ: «во всѣхъ четырехъ деревняхъ, милостію Божіею, все состоитъ благополучно и здорово: крестьяне ваши господскіе богатѣютъ, скотина ихъ здоровѣетъ, четвероногія животныя пасутся, домашнія птицы несутся, на землѣ трясенія не слышали небеснаго явленія не видали и проч.» (стр. 142—143).

Между тѣмъ, какъ иностранцамъ рассыпали почести и деньги щедрою рукою, баричи кутили и дрались, посланные за границу бѣдные ученики наши терпѣли страшные недостатки. Въ разбираемой нами книгѣ помѣщено много ихъ писемъ: одни просили слезно о пособіи, другіе нетерпѣливо выражали свою досаду, что имъ не даютъ жалованья. По милости этого недостатка въ матеріальныхъ средствахъ и безопасности въ отношеніи къ молодымъ воспитанникамъ, они не могли надлежащимъ образомъ учиться; ихъ оставляли въ отдаленныхъ краяхъ на произволъ судьбы, безъ всякой почти по-

мощи. Изъ писемъ этихъ труженниковъ мы узнаемъ, что за долги нныхъ таскали за волосы, другихъ отправляли въ тюрьму; нѣкоторые писали, что они терпѣли нужды и всевозможныя лишенія отъ недостатка заботливости о нихъ, дошло до того что ѣсть-пить нечего, просили выручить ихъ отъ долговъ, «чтобъ не пропасть въ нищету, не умереть съ голоду». Алексѣй Юрловъ, напримѣръ, писалъ 1 ноября 1718 г. о своей крайней бѣдности: «всѣ науки за ничто здѣсь не даются, но всякая *заяланы* своей требуетъ, (подумаешь, что Юрловъ острить надъ наукой, говоря, что всякая требуетъ *заяланы*, какъ ветхая)... Я, воистину, боюсь дабы не попасться въ тюрьму... Призри, милостивый государь и отче, слезно вопіющихъ къ тебѣ, которые не имѣютъ иныхъ надеждъ, ни прибѣжища, ни заступника, кромѣ вашего величества». (стр. 165, 7, 233, 235. и др). Сильно доставалось этимъ бѣднымъ труженникамъ, когда они в окончивали свою заграничную науку. Дѣло имъ навязывали большую частью не по силамъ, заставляли переводить съ иностранныхъ языковъ, которые имъ не совсѣмъ знакомы или самый предметъ не извѣстенъ и термины не понятны. Жалованье платили переводчикамъ маленькое и то весьма не исправно; по окончаніи перевода нужно было долго хлопотать о наградѣ, иногда лѣтъ пять, пройти цѣлый рядъ вліятельныхъ лицъ съ поклонами; если же, при всемъ томъ, переводъ оказывался негоднымъ Петру, стало-быть, пропадали труды, потеряно было время и не оплачены безсонныя ночи. Не удивительно, что молодые ученые хлопотали вовсе не о пользѣ, которую могли принести своими трудами, а только изъ-за того, чтобъ угодить лично Петру, чтобъ «старанія были милостиво приняты, и если недостойны чтанія великаго монарха, то для добраго намѣренія да отпустить онъ прегрѣшенія». Труженники очень хорошо знали, что въ случаѣ если не поправится ихъ работа Петру или не будетъ она исполнена, то ихъ ожидалъ самый суровый гнѣвъ. Вотъ что пишетъ Веберъ о Волковѣ, который былъ посланъ въ Константинополь, Парижъ и Венецію: «По возвращеніи въ Россію, Царь задалъ ему огромную работу; хотя Волковъ былъ человекъ очень способный, но, все таки, этотъ трудъ былъ ему не по силамъ: въ сочиненіи на каждомъ шагу попадались французскія техническія выраженія, совершенно неизвѣстныя въ русскомъ языкѣ. Отчаяніе овладѣло переводчикомъ и онъ, перерѣзавъ себѣ артерію, прекратилъ, такимъ образомъ, жизнь». По этому слу-

что, Веберъ глубокомысленно разсуждаетъ, что Волковъ отъ того посягнулъ на жизнь, что не владѣлъ въ достаточной степени стоническимъ хладнокровіемъ. «Само собою разумѣется, добивляеть г. Пекарскій, что легко такъ разсуждать посланнику, занятому пирами и визитами, а бѣдный русокій переводчикъ рѣшился лучше умереть, нежели не выполнить приказанія.» (стр. 226). По своему положенію, ученые Петровскаго времени поставлены были въ необходимость осыпать похвалами своихъ патроновъ, которые давали имъ кусокъ хлѣба и защищали въ случаѣ опасности. Въ Россіи начала XVIII ст. по словамъ г. Пекарскаго, «униженность и подобострастіе авторовъ, когда они сами себя охотно называли недостойнымъ подножіемъ ногъ вл�стителя или униженнѣйшимъ, послѣднимъ рабомъ его, готовность ихъ быть прахомъ предъ сильными, могутъ разъяснить то, какииъ значеніемъ пользовалась у насъ литература въ обществѣ и что было за вліяніе ея на современниковъ. Разсмотрѣніе похвальныхъ словъ и одъ съ этой точки зрѣнія могло бы даже быть наставительно; но едва ли найдется такой изслѣдователь, у котораго бы достало силъ на печальный трудъ писать исторію нравственнаго униженія человѣческаго достоинства въ людяхъ, которые часто безсознательно падали ницъ предъ властью и силою, тогда какъ, по образованію и дарованіямъ, они могли бы идти въ главѣ народа и быть смѣлыми руководителями его, а не прихлебателями, ждущими подачи отъ сильныхъ» (стр. 362—3.) Народъ, съ своей стороны, видѣлъ низость ученыхъ, которые сочиняли стихиры для воспѣванія притѣсненій сильныхъ, прославляли раззоренія и угнетенія отъ нихъ, падавшія на бѣдныхъ и слабыхъ, — и возненавидѣлъ науку и литературу. Большая часть тружениковъ употреблялась для переводовъ разныхъ сочиненій, и «ни одинъ изъ этихъ переводчиковъ неизвѣстенъ самостоятельнымъ какииъ-нибудь трудомъ и не оставилъ по себѣ памяти въ исторіи ни одной науки — лучшее доказательство тому, что можно легко задерживать и затруднять ходъ просвѣщенія, но не въ силахъ воля одного человѣка создать цивилизацію по своему только хотѣнію». Но эти труженики стоятъ того, чтобъ съ сожалѣніемъ помянуть ихъ добрыиъ словомъ. Они, все-таки, расчищали дикую неблагоприятную почву, на которой, чрезъ сто тяжелыхъ лѣтъ, стали наконецъ показываться растенія со всеми признаками жизни. Ихъ труды остались безполезными для развитія современниковъ, но давали хоть отрывоч-

Ины свѣдѣнія, мало по малу разгоняли дикія, суевѣрныя мнѣнія въ двухъ-трехъ лицахъ и приучали смотрѣть на науку сноходительно. Впослѣдствіи, европейская наука пробудила въ молодыхъ сердцахъ теплоту чувства, развила обще-человѣческую любовь, подняла юношей въ міръ идеально-возвышенный, полный красоты и гармоніи, но далекій отъ русскаго народа. Они стали перебирать безъ подобострастія иностранныя нововведенія, презирали сословныя предрассудки, готовы были протянуть руку каждому падающему и угнетенному собрату, заговорили объ образованіи, развитіи презираемаго дотолѣ народа; но еще старая змѣя самолюбія живуща была, и они хотѣли поднять до уровня собственнаго образованія народъ, не понимая, что продолжаютъ навязывать ему совершенно не сродныя для него начала, какъ было прежде, что хотятъ исказить и перестроить жизнь, а не помогать ея свободному и благородному проявленію. Не мѣсто здѣсь входить въ разсужденія о томъ небольшомъ кружкѣ образованныхъ людей, которые, при посредствѣ западной науки, смутно поняли все великое значеніе народа и съ презрѣніемъ отзывались о заморской цивилизаціи. Въ основаніи ихъ словъ лежала истина, но они увлекались и впади въ крайность, излагая подробности своей доктрины, по недостатку изученія историческихъ данныхъ и современнаго состоянія народа. Съ крѣпкой вѣрой въ великое будущее русскаго народа, съ желаніемъ его свободы и развитія, всѣ избранные молодые люди, мало-по-малу, начали примыкать къ сторонѣ массъ, но не слились съ ними; они болѣли за ихъ страданія и не находили общихъ съ ними стремленій, одинаковыхъ цѣлей. Открытіе этого пути дѣлаетъ честь нашему времени. Пришла, наконецъ, пора свести старые счета и взглянуть, какія изъ реформъ Петровскихъ отжили свой вѣкъ, кончили назначеніе; какія могутъ держаться одушевленныя силою жизни народной, поставленныя на новыя основы. Мы не будемъ слѣдить въ подробности, что сдѣлано во время Петра для начала каждой науки; для этого нуженъ II-й томъ изслѣдованія Г. Пекарскаго, въ которомъ будутъ помѣщены всѣ вышедшія книги при Петрѣ. Мы показали характеристику главныхъ дѣятелей на пользу просвѣщенія и изъ нея можно заключить, что, собственно говоря, были только претензіи на науку, и попытка подвинуть ее впередъ—оканчивались ничѣмъ. Въ началѣ XVIII столѣтія, переведено было много книгъ иностранныхъ, безъ всякаго соображенія ихъ значенія для Рос-

сін, ихъ нужды для современной жизни; нѣкоторыя книги были изъ образцовыхъ, но онѣ не произвели никакого вліянія на движеніе жизни, не оставили слѣда въ усовершенствованіи ея. Для пониманія этихъ книгъ нужна была большая подготовка, знаніе иностранной жизни и дѣятельности, а русскіе переводчики сами не понимали, что и для чего они переводятъ, не говорятъ уже о читателяхъ которымъ случайно попадались въ руки ихъ переводы (стр. 226 и др.) Да и какое значеніе могли имѣть эти переводы лучшихъ книгъ по различнымъ отдѣламъ наукъ, когда всѣмъ управлялъ личный произволъ одного человѣка и подчиненныхъ ему до раболѣпства иностранныхъ и русскихъ помощниковъ, когда Петръ, по удачному выраженію крестьянина Посошкова, одинъ тянулъ на гору, а миллионы подъ гору?..

Такъ, болѣе столѣтія блуждала русская передовая жизнь, наука и литература по кривымъ дорогамъ и снова приближается къ тому же пути, на которомъ остановились отсталыя массы, отказавшіяся отъ окольнаго пути въ полной увѣренности, что ихъ старая дорога прямѣе и лучше. Дай Богъ, чтобъ скорѣе разобщенныя силы слѣлись въ одинъ живой потокъ и устремились сильнѣе и шире къ одной цѣли!

НЕ ВЪ БРОВЬ, А ВЪ ГЛАЗЬ.

ОТЦЫ И ДѢТИ. Романъ И. С. Тургенева. (Рус. Вѣстникъ Февраль. 1862.)

О романѣ г. Тургенева до-сихъ-поръ высказано три мнѣнія. Одно: романъ г. Тургенева столько же скучное, сколько фальшивое и безобразное произведеніе. Отъ г. Тургенева, конечно, нельзя было и ожидать чего-нибудь особеннаго послѣ того, какъ онъ совершилъ столь тяжкій литературный грѣхъ, какъ его «*Первая любовь*»; но можно было думать, что онъ, по крайней мѣрѣ, никогда не напишетъ вещи, которая бы не выдержала, напр., конкуренціи съ произведеніемъ г. Аскоченскаго: *Асмодей нашего времени*; но г. Тургеневъ написалъ даже и такую вещь. Его *Отцы и Дети* должны посторониться предъ «*Асмодеемъ нашего времени*»* и онъ самъ долженъ поклониться г. Аскоченскому, какъ родоначальнику новаго въ нашей литературѣ типа, въ воспроизведеніи котораго г. Тургеневу лучше было

* Можетъ быть, остроумный представитель этого мнѣнія приписываетъ г. Аскоченскому такое произведеніе ради одной только игривости рѣчи; можетъ быть, это произведеніе имѣетъ такое же отношеніе къ дѣйствительности, какъ у Карлейля его извѣстный ученый другъ изъ вѣмцевъ съ его безчисленными учеными трактатами, который, однако, никогда не имѣлъ другого отечества, кромѣ воображенія самого Карлейля. По-крайней-мѣрѣ, изъ цѣлой дюжины спрошенныхъ нами торговцовъ дубочными произведеніями, мы не встрѣтили ни одного, который бы имѣлъ случай обращаться съ такимъ товаромъ, какъ *Асмодей нашего времени*. Мы замѣчаемъ это не въ укоръ остроумному критику: достоинство его сравненія не можетъ ничего ни потерять, ни выиграть отъ такой случайности, какъ существованіе или несуществованіе романа г. Аскоченскаго.

бы и не соперничать съ такимъ художникомъ, какъ г. Аскоченскій: онъ избѣгнулъ бы случая потерпѣть стыдъ великой неудачи. Г. Аскоченскій взглянулъ на новаго человѣка—готоваго фигурировать на аренѣ отечественной исторіи и выведеннаго въ его романѣ подъ именемъ *Пустовцева* — далеко неласково и далеко несправедливо, но, по-крайней-мѣрѣ, съ приличнымъ художнику спокойствіемъ и съ совершеннымъ пониманіемъ всѣхъ тенденцій и міровоззрѣнія новаго человѣка. Г. Тургеневъ, напротивъ, отнесся къ этому собирательному человѣку, который въ его романѣ пазывается *Базаровымъ*, не только не привѣтливо и безъ малѣйшей справедливости, но еще съ чувствомъ худо-скрываеваемой злобы, какъ къ своему личному врагу, съ желаніемъ унижать его на каждой строчкѣ вполне безопаснымъ для себя образомъ, такъ-какъ идеальное лицо не можетъ дать никакого отпора: всякій можетъ понять, какъ это неблагородно! Да вдобавокъ еще, онъ, г. Тургеневъ, нисколько не понимаетъ образа мыслей новаго человѣка и, стало-быть, слѣдуетъ только удивляться, какъ онъ не догадался, что охарактеризовать направленіе этого человѣка хоть сколько-нибудь вѣроподобно — для него невозможное дѣло. Отсюда сдѣлано заключеніе, что и всѣ прежнія произведенія г. Тургенева должны считаться отъ этой поры ничего нестоящими. (Потрудитесь припомнить знаменитый силлогизмъ *Искры*, одобренный *Современникомъ*: «Никита Безрыловъ написалъ фельетонъ, достойный всякаго порицанія; слѣдственно, романы и повѣсти г. Писемскаго, да и самъ г. Писемскій должны быть преданы всеобщему поруганію».) Въ болѣе короткихъ словахъ это мнѣніе можетъ быть выражено такъ: нѣтъ, г. Тургеневъ, Базаровы вовсе не таковы, какими вы стараетесь изобразить ихъ; вы клевете на нихъ, потому что злобствуете противъ нихъ и потому что не вашего ума дѣло—понимать ихъ.

Другое мнѣніе: романъ г. Тургенева—безукоризненное, глубоко-правдивое и вполне-художественное произведеніе; написавши такой романъ, г. Тургеневъ оказалъ рѣшительную услугу своему отечеству: пусть оно знаетъ заравѣе, какой образъ мыслей и какое поведеніе въ немъ готовятся быть преобладающими. «Мы—молодые люди—говоритъ молодой критикъ—теперь смѣло можемъ поднять голову въ обществѣ, которое воображало, что оно можетъ отнять у насъ, какъ у людей неблагонадежныхъ, принадлежащую намъ будущность. Г. Тургеневъ оправ-

дать насъ и оцѣнилъ насъ по достоинству въ лицѣ своего—или, лучше сказать, нашего—Базарова. Противъ этого типа г. Тургеневъ не нашолъ ни одного существеннаго обвиненія; онъ не полюбилъ его, но призналъ его силу, призналъ его перевѣсъ надъ окружающими людьми, и самъ принесъ ему полную дань уваженія. Это сущая правда, что люди такого закала, какъ Базаровъ, люди курьезные и, пожалуй, особеннаго довѣрія не внушающіе: они пристрастны къ своему образу мыслей и заботятся о преобладаніи своего направленія въ обществѣ лишь по тому же самому, почему вы, напр., любите яблоки: болѣе глубокихъ основаній у нихъ нѣтъ; ничто, кромѣ личного вкуса, не мѣшаетъ имъ убивать и грабить, но, за то, этотъ же личный вкусъ побуждаетъ ихъ и дѣлать открытія въ области наукъ и общественной жизни. Да, Базаровы именно таковы; кто обвинить г. Тургенева въ клеветливости на нихъ, тотъ скажетъ безобразную клевету.»

Третье: романъ г. Тургенева есть въ высшей степени жизненное явленіе настоящей минуты. Отъ г. Тургенева менѣе этого, конечно, нельзя было и ожидать, потому-что идея его романа была извѣстна задолго до его появленія, а талантъ этого любимца публики ручался заранѣе за достойное выполненіе этой идеи. Г. Тургеневъ далъ возможность обществу оглядѣться, опознаться и назвать незаконныхъ претендентовъ на названіе общественныхъ вождей ихъ настоящими и далеко не столь лестными именами. Теперь публика знаетъ, что за народъ эти нигилисты, эти всеотрицающіе люди, свободные отъ всякихъ принциповъ и подвластные однимъ только ощущеніямъ; имя имъ Базаровы—и это еще имя лучшихъ изъ нихъ; такъ называются вожаки ихъ партіи; а худшіе между ними, то есть большинство ихъ, прозываются Ситниковыми. Подымите, гг. отрицатели, теперь свои головы! дайте намъ посмотрѣть на васъ послѣ того, какъ ваше дѣло получило безапелляціонное рѣшеніе въ романѣ г. Тургенева—не въ вашу пользу. Позвольте намъ поспорить съ вами, какъ это случалось прежде. Но, нѣтъ, вы не можете доставить себѣ такого развлеченія: вамъ это будетъ грустно, намъ скучно, а публикѣ не интересно.

Дѣти отцовъ своихъ, которыхъ вы не успѣли еще сдѣлать дѣдами, по молодости лѣтъ вашихъ! дѣло идетъ объ васъ. Точно ли г. Тургеневъ оклеветалъ васъ, нисколько не понимая васъ, написалъ памфлетъ на васъ, глубоко ненавидя васъ, какъ гла-

ситъ одно мнѣніе?—Точно ли онъ составилъ вамъ панегирикъ, въ которомъ оправдалъ васъ, оцѣнилъ васъ по достоинству и принесть вамъ полную дань уваженія, какъ гласитъ другое мнѣніе?—Точно ли онъ не написалъ вамъ ни памфлета, ни панегирика, а сказалъ о васъ и обо всемъ, чѣмъ вы живете и къ чему вы стремитесь, такую разрушительную правду, послѣ которой вамъ дышать невозможно, какъ гласитъ третье мнѣніе?

Памфлеты и пасквили пишутся вовсе не такъ, какъ написанъ романъ г. Тургенева, а приблизительно такъ, какъ написана критическая статья на этотъ романъ, обнаруживающая стремленіе извести его до памфлета. Такое мнѣніе наше о двухъ произведеніяхъ не есть дѣло нашего личного вкуса: тогда оно имѣло бы цѣну только для насъ однихъ, а другіе могли бы не обращать на него никакого вниманія. Для доказательства этого мнѣнія, мы не обращаемся даже къ внутреннимъ и непосредственнымъ ощущеніямъ каждаго, хотя это и очень сильное доказательство и нисколько не уступаетъ тому аргументу, вслѣдствіе котораго никто не сомнѣвается, что битье палкою причиняетъ боль, или что полынь и горчица имѣютъ вкусъ горькій, а сахаръ — сладкій. И хоть общее впечатлѣніе, произведенное на всѣхъ людей, чуждыхъ цинической закваски, сравненіемъ таланта г. Тургенева съ дарованіемъ г. Аскоченскаго, сравненіемъ, которое оказалось, притомъ, далеко не въ пользу г. Тургенева, есть именно одинъ изъ такихъ непосредственныхъ аргументовъ, при которомъ ненужно никакихъ другихъ доказательствъ, чтобы назвать настоящимъ именемъ ту цѣльную штуку, въ которой это сравненіе занимаетъ мѣсто, какъ гармонически-необходимая часть,—но мы все-таки не хотимъ опираться на такое доказательство, въ такомъ дѣлѣ. И вотъ по какой причинѣ: есть разрядъ неглупыхъ людей, считающихъ себя очень умными, которые всегда готовы доказать вамъ, что, напр., *Тимонъ Аѳинскій* Шекспира есть пасквиль на человѣческую природу и которымъ вы никогда не успѣете объяснить, сколько заключается пошлости въ такомъ ихъ мнѣніи о *Тимонѣ Аѳинскомъ*.—Вѣдь этотъ мизантропъ произноситъ свои ужасающія хулы противъ челоѳчества! Вѣдь добродѣтель людскую онъ считаетъ за условленную продѣлку, которой люди согласились морочить другъ друга! Вѣдь онъ говоритъ—и, притомъ, со всею энергіею, къ какой только способны челоѳческая мысль и слово,—что красота создана единственно для того, чтобы возбуж-

дать безобразныя чувства и доводить людей до омерзительныхъ дѣйствій? что крѣпость физическихъ смѣль въ мужчннѣ не можетъ имѣть лучшаго назначенія, какъ то, чтобы быть издержанной на самыя циническія удовольствія? Вотъ вамъ и доказательства того мнѣнія о Тимонѣ Аѳинскомъ, что онъ есть пасквиль на человѣческую природу. Если изъ всѣхъ зрителей, изъ всѣхъ читателей и изъ всѣхъ возможныхъ цѣнителей и критиковъ Тимона Аѳинскаго никто никогда своимъ личнымъ ощущеніемъ не былъ приведенъ къ тому заключенію, чтобы это великое произведеніе Шекспира было написано не въ урокъ, а въ проклятiе человѣчеству, то это значить только, что всѣ эти зрители, читатели, цѣнители и критики дурно воспитаны, что въ нихъ недостаточно развитъ нервъ самоуваженія и личного достоинства. — Остроумный избрѣтатель параллели между г. Тургеневымъ и г. Аскоченскимъ намъ представляется человѣкомъ, который именно подобнымъ образомъ способенъ возразить противъ аргумента, основаннаго на общемъ впечатлѣніи, произведенномъ его статьею о романѣ г. Тургенева. Но у него есть и еще шансъ,—ничтожный передъ общественною совѣстію, но могущій служить непоследнимъ ресурсомъ въ словопрени: онъ можетъ возразить противъ самой общности впечатлѣнія, — вѣдь оно не было баллотировано и никогда не будетъ; тутъ открывается поле, на которомъ можно постоять даже за то убѣжденіе, что послѣ *Отцовъ и Дѣтей* вся читающая Россія—за исключеніемъ пишущей—рѣшилась признавать своего любимѣйшаго писателя, своего Тургенева, по его характеру—памфлетистомъ, по его уму—обскурантомъ, по его сердцу—человѣконенавистникомъ, по его таланту—ниже г. Аскоченскаго. Такъ въ сторону это общее впечатлѣніе! Наше мнѣніе о свойствахъ статьи г. Антоновича должно быть основано на оказательствахъ, болѣе непреклонныхъ.

Онъ говоритъ: «Главнаго своего героя и его пріятелей г. Тургеневъ *презираетъ и ненавидитъ* * отъ души. Онъ питаетъ къ нимъ какую-то личную ненависть и неприязнь, какъ будто они лично сдѣлали ему какую-нибудь обиду и пакость, и онъ ста-

* Кого ненавидятъ, того *ненавидятъ*, а не презираютъ, а кого презираютъ, къ того *презираютъ*, а не ненавидятъ. О несомѣстности этихъ чувствъ — однимъ и тѣмъ-же лицамъ—можно справиться даже и у такихъ сердцевѣдовъ и дожижковъ, какъ г. Аскоченскій, и, кромѣ того, въ любомъ человѣческомъ сердцѣ, которое бьется не для одной полемики.

рается отмстить имъ на каждомъ шагу, какъ человекъ лицо оскорбленный. Эта мстительность доходитъ до смѣшного, видѣть видъ школьныхъ щипковъ, обнаруживаясь въ мелочахъ и пустякахъ». Онъ это доказываетъ вотъ какъ: «Главный герой романа съ *гордостью и замосчивостью* говоритъ о своемъ искусствѣ въ картежной игрѣ, а г. Тургеневъ заставляетъ его *постоянно* проигрывать; и это дѣлается не для шутки, не для того, для чего, напримѣръ, мистеръ Винкель, хвастающійся искусствомъ стрѣльбы, вмѣсто вороны попадаетъ въ корову, а для того, чтобы унижить героя и узвить его гордое самолюбіе. Героя пригласили сразиться въ преферансъ; онъ согласился, *остроумно намекнувъ, что обыграетъ всѣхъ*. — А, между тѣмъ, замѣчаетъ г. Тургеневъ, герой все ремизился да ремизился. Одна особа мастерски играла въ карты, другая тоже могла постоять за себя. Герой остался въ проигрышѣ, хотя незначительномъ, но, все-таки, несовсѣмъ пріятномъ». (Современникъ. Мартъ. Рус. Лит. стр. 67 и 68.) Вотъ вамъ одно изъ обвиненій противъ г. Тургенева въ неприязненности къ лицамъ своего романа, и вотъ вамъ одно изъ доказательствъ его личной ненависти къ своему главному герою. Просимъ обратить особенное вниманіе на курсивныя слова въ этомъ обвинительномъ актѣ и затѣмъ предлагаемъ выслушать противную сторону — въ особенности предлагаемъ выслушать это вамъ, г. Антоновичъ, хотя вы заранѣе должны уже понимать, въ чемъ тутъ дѣло.

Въ продолженіе всего романа, г. Тургеневъ сажаетъ своего героя за карты два раза, *только* два раза, несмотря на то, что г. Антоновичъ заставляетъ его проигрывать *постоянно*. Первый случай, о которомъ именно здѣсь идетъ рѣчь, произошелъ въ домѣ Анны Сергѣевны Одинцовой, гдѣ Базаровъ, — какъ это должно быть извѣстно читателю, — пользовался въ это время гостепримствомъ, вмѣстѣ съ пріятелемъ своимъ Аркадіемъ Кирсановымъ, и произошелъ этотъ случай такимъ образомъ:

«Пріѣхалъ сосѣдь, любитель карточной игры, по имени Порфирій Платоновичъ... Анна Сергѣевна, которая разговаривала все больше съ Базаровымъ, спросила его — не хочетъ-ли онъ сразиться съ ними по старомодному въ преферансъ. Базаровъ согласился, говоря, что ему надо заранѣе приготовиться къ предстоящей ему должности *узнавшаго* *доктора*. — Берегитесь — замѣтила Анна Сергѣевна, — мы съ Порфиріемъ Платоновичемъ васъ *разобьемъ*». (Рус. Вѣстникъ. Февраль. «Отцы и дѣти». стр. 551.)

Далѣе, черезъ стараницу, у г. Тургенева находятся слова

приведенныя въ выпискѣ его критика: «а между тѣмъ Базаровъ все ремизился да ремизился» и проч. И только. Да вѣдь дѣйствительно *только*; ни одною буквою о картахъ — ни больше, ни меньше: раскройте книгу и посмотрите сами. Гдѣ же эта гордость и эта заносчивость, съ которыми Базаровъ хвастается своимъ искусствомъ въ картежной игрѣ? Гдѣ огромныя замки, что онъ обыграетъ *всѣхъ*? Совершенно напротивъ: тутъ *иногда* имъ хвастаются, что его одного обыграютъ. Совершенно *напротивъ*: онъ сознается, что онъ не умѣетъ играть и что его немудрено обыграть; а иначе онъ не говорилъ бы, что ему «надобно заранее приготовиться къ предстоящей ему должности уѣзднаго лекаря», то есть, что ему бесполезно учиться у хорошихъ игроковъ. Для чегожь эта ложь?—Извините, г. Антоновичъ; но мнѣ кажется, что я могу сказать вамъ, что вы сказали неправду? Могу? Ну, такъ я и говорю вамъ это.—Для чего жь эта ложь про честнаго писателя? Это—*очевидное* желаніе истолковать фальшивымъ образомъ идею его романа,—*очевидное*, потому что доказывается фактомъ? По всему видно, что это дѣлается не для шутки, не для того, для чего, напримеръ, мистеръ Винкель, хвастающійся мѣткостью стрѣльбы, вмѣстѣ вороны попадаетъ въ корову, а для того, чтобы уколоть г. Тургенева, сдѣлать ему пакость, унижить его во мнѣніи публики: вотъ—дескать обскурантъ какой, хуже г. Аскоченскаго. Но почему же орудіе намѣренной лжи считается позволительнымъ противъ романиста, противъ книги, вообще противъ писателя? Не потому ли, что за это нѣтъ никакой отвѣтственности передъ закономъ? Очень дурно, если по этому; это значитъ дѣйствовать не по *принципу*, какъ говоритъ Павелъ Петровичъ Кирсановъ, да и не по *принципу*, какъ выражается Базаровъ: писателю нечего дожидаться такого совершенства въ словѣческомъ законодательствѣ, чтобы не лгать, не клеветать, не лжесвидѣтельствовать, не искажать чужихъ мнѣній и не выдать своей намѣренной фальши за истину; онъ никогда не одется такого совершеннаго законодательства и не имѣетъ никакой нужды ждать его; а, между тѣмъ, онъ долженъ вѣрить, если онъ не обскурантъ, что настанетъ пора—и что она непременно настанетъ—когда люди, вмѣстѣ съ другимъ тяготящимъ надъ ними зломъ, избавятся отъ многихъ—своихъ—имъ теперь — пороковъ; отчего же и не отъ лжи? И чья первая обязанность передъ обществомъ—приближать, по

мѣрѣ силъ своихъ, эту блаженную пору, служить этому *принципу*, открывать его вездѣ, гдѣ онъ только есть—отъ туманныхъ пятенъ въ небѣ до романа, выводить его на свѣтъ и дѣлать его для всѣхъ любезнымъ. Вѣдь литераторовъ слѣдовало бы перевѣщать на первой осмиѣ, если-бы они всѣ, всегда и во всемъ намѣренно уклонялись отъ этой своей обязанности. Или, можетъ быть, критикъ г. Тургенева думаетъ, что ложь въ журнальной статьѣ, по поводу романа,—вздоръ, мелочь, передъ которой не стоить останавливаться? И опять сѣверно, и опять нѣтъ тутъ никакого ни принципа, ни принципа: тогда всѣ журнальныя статьи—вздоръ, всѣ книги—вздоръ, и кто ихъ читаетъ, и кто ихъ пишетъ, и тѣ—вздоръ, и все, что способствуетъ къ ихъ написанію, отъ бумажныхъ фабрикъ до университетовъ, все—вздоръ. Этотъ выводъ изъ снисходительнаго мнѣнія о журнальной лжи совершенно вѣрно. Точно также вѣрно и то, что критикъ г. Тургенева на самомъ дѣлѣ очень снисходительно смотритъ на журнальную ложь, всегда способную, по его мнѣнію, служить украшеніемъ какой-нибудь полемической статьи. Но совершенно вѣрно еще вотъ что: онъ думаетъ,—и очень справедливо,—что въ поэтическихъ произведеніяхъ ложь не должна быть терпима, что тутъ для нея не можетъ быть ни мѣста, ни пощады, причемъ, — какъ это само собою разумѣется,—открывателями и гонителями этой лжи должны быть никто другіе, какъ привилегированные и, такъ сказать, присяжные лгуны—журналисты. Все это сумбурное сочетаніе мыслей, конечно очень странно, и, однако, оно дѣйствительно существуетъ. Опираясь на свою привилегію журналиста, а потому проникаясь милосердіемъ къ герою романа, гонимому своимъ авторомъ, критикъ г. Тургенева выражаетъ свои благородныя мысли и чувства такимъ образомъ: «И подобныхъ несообразностей—(т. е. въ родѣ хвастовства искусствомъ въ картежной игрѣ)—въ романѣ довольно. Почти на каждой страницѣ видно желаніе автора, во что-бы ни стало, унижить своего героя, котораго онъ считалъ своимъ противникомъ, и потому взваливалъ на него всевозможныя нелѣпности и всячески издѣвался надъ нимъ, разсыпаясь въ острогахъ и колкостяхъ. Это все позволительно, умѣстно, пожалуй даже хорошо въ какой-нибудь полемической статьѣ; * а въ романѣ это вопіющая несправедли-

* Желательно было бы знать со всюю точностію родъ статей, въ которыхъ позволительно, умѣстно и, пожалуй, даже хорошо взваливать на своего ближняго

вость, уничтожающая поэтическое дѣйствіе его. Въ романѣ герой, противникъ автора, есть существо беззащитное и безответное; онъ весь въ рукахъ автора и безмолвно принужденъ выслушивать всякія небылицы, какія взводятся на него.» (Совр. стр. 70). Не будь тутъ сквернѣйшей изъ всѣхъ привилегій—привилегіи на ложь, и все это было бы хорошо, да не будь тутъ еще той несообразности, вслѣдствіе которой герой, по своимъ отношеніямъ, къ романисту признается существомъ беззащитнымъ, а, между тѣмъ, самъ-то романистъ, находящійся точно въ такихъ же отношеніяхъ къ своему критику, совершенно забывается. Новая привилегія не хорошаго свойства — привилегія на милосердіе. Развѣ романистъ, въ самомъ дѣлѣ, не весь въ рукахъ своего критика? развѣ онъ не принужденъ безмолвно выслушивать самыя неумѣстныя остроты и колкости, самыя вредныя перетолкованія, самыя вопіющія нелѣпности и даже издѣванія, направленные противъ него? Конечно, принужденъ. Что онъ можетъ предпринять противъ всего этого? Оправдываться противъ критики онъ имѣетъ цѣлую бездну припятствій: вопервыхъ, его можетъ остановить его собственное достоинство, если онъ очень достойный человѣкъ и если, въ то же время, критика противъ него отличается особеннымъ недостоинствомъ; да, тутъ-то именно онъ и принужденъ оставаться безмолвнымъ, когда его будутъ третировать особенно-мерзко; во вторыхъ, ему можетъ помѣшать совершенно вѣроятная и возможная неспособность къ полемическому роду авторства; третьихъ, его всегда способно принудить къ безмолвію его щекотливое положеніе: въ самомъ дѣлѣ, нельзя-же ему рекомендовать себя передъ публикой, что дескать умъ у меня просвѣщенный и талантъ у меня очень большой, и я вовсе не могу написать такой вещи, которая бы не была столько-же художественна, сколько современна; а что романъ мой называютъ—плохимъ и скучнымъ, а меня самого обскурантомъ, такъ это говорятъ мои враги, которые и есть настоящіе-то обскуранты: они и сами не понимаютъ моихъ произведеній, да и другимъ мѣшаютъ имѣть настоящій взглядъ на нихъ. Романисту одна только и есть гарантія, одинъ шансъ для карьеры: добросовѣстность критики. Хорошо ему, если онъ такъ выгодно и такъ прочно утвердился во мнѣніи публики, какъ напримѣръ, г. Тургеневъ; а безъ этого онъ погибъ!—Онъ погибъ!

всевозможныя нелѣпности и всячески издѣваться надъ нимъ, разсыпаясь въ остроты и колкости».

Ну, и все-таки можно думать, что на него «позволительно, умѣстно и, пожалуй, даже хорошо взводить всевозможныя нелѣпости, издѣваться надъ нимъ и разсыпаться на его счетъ въ остроутки и колкостяхъ?»

Въ другой разъ, г. Тургеневъ заставляетъ своего героя играть въ карты въ домѣ его отца. Случай этотъ передается у г. Антоновича такими словами: «Отецъ Алексѣй, говорили герою, не прочь и въ карточки поиграть. — Что же, отвѣчалъ онъ, засадемъ въ ералашъ и я его обыграю. — Отецъ Алексѣй сѣлъ за зеленый столъ съ умѣреннымъ изъявленіемъ удовольствія и кончилъ тѣмъ, что обыгралъ героя на 2 руб. 50 коп. ассигнацiami». Тутъ все совершенно вѣрно и нѣтъ ни одного слова, которое бы заслуживало того, чтобы его опорочить. На отзывъ своего отца объ отцѣ Алексѣѣ Базаровѣ отвѣчаетъ именно тѣми словами, которыя приведены у г. Антоновича. Но только г. Антоновичъ отнимаетъ у этихъ словъ и смыслъ, и цѣль, которыя соединяются съ ними у романиста, и, вмѣсто того, вкладываетъ въ нихъ свою собственную мысль и достигаетъ своихъ собственныхъ цѣлей. И въ этомъ состоитъ его невѣрность своей обязанности — критика. Мы знаемъ теперь, какъ слѣдуетъ понимать эти слова послѣ того, какъ Базаровъ признался въ своемъ неумѣнн и играть въ карты; они означаютъ: «охота тебѣ, отецъ, заставлятъ меня платить деньги отцу Алексѣю». Мы знаемъ даже, для достиженія какой художественной цѣли г. Тургеневъ заставляетъ своего героя объясниться съ отцомъ своими не этими прямыми словами, а другими, совершенно противоположными этимъ по буквальному своему значенію; и это можетъ знать всякій, умѣющій читать и одаренный хоть небольшимъ художественнымъ тактомъ. Г. Тургеневъ добросовѣстно наблюдалъ и глубоко изучилъ этотъ типъ, который онъ назвалъ Базаровымъ. Такое изученіе привело его къ тому мнѣнію, что этотъ родъ существъ, предназначенныхъ для очень долгой и, можетъ быть, великой жизни, но еще неустановившихся, не пережившихъ всѣ свои метаморфозы, чтобы быть существами законченными, — народъ чрезвычайно тревожный и въ высшей степени лишенный спокоевства и самодовольства. Г. Тургеневъ, какъ человекъ своего вѣка, очень хорошо знаетъ, что между родоначальниками и вождями этихъ людей съ давнихъ поръ выдаются уже личности, развитыя до возможной, для своего времени, законченности, спокойныя, какъ сами силы; и съ

обладающіе, какъ власть. Но только ему, какъ художнику, принадлежащему странѣ своей, не нужно было имѣть даже въ виду эти спокойно-самоувѣренныя лица: они носятъ иностранныя лица и въ нашемъ отечествѣ, быть можетъ, не встрѣчаются даже какъ исключенія. Поэтому, желая преподать урокъ нашему поколѣнію, г. Тургеневъ между двумя способами сдѣлать это дѣло, между способомъ положительнымъ и отрицательнымъ, по необходимости долженъ былъ остановиться на послѣднемъ. Соединить въ какомъ-нибудь молодомъ соотечественникѣ своемъ всѣ любезныя черты Гумбольдта, всѣ гуманическія свойства Роберта Оуэна, все изящество манеръ меланхолическаго Шпенгауэра, заставить этого соотечественника задумывать такія книги, какъ *Космосъ*, и такія учрежденія, какъ *Нью-Дилмарксъ*, значило-бы солгать, значило бы высказать нашему молодому поколѣнію одурающую лесть. Г. Тургеневъ настолько честный человѣкъ и настолько даровитый писатель, что не могъ позволить себѣ ни этой лжи, ни этой лести. Потому главныя типическія свойства своихъ молодыхъ соотечественниковъ, увлеченныхъ передовымъ умственнымъ движеніемъ вѣка, онъ называлъ Базаровымъ; онъ воплотилъ ихъ въ въ человѣкѣ, котораго на каждомъ шагу какъ-будто слегка подергиваютъ судороги, одолеваетъ безпокойство, тревожатъ контрасты. Если мы представимъ себѣ очень нервнаго человѣка, при которомъ будутъ водить ножъ объ ножъ, какъ раззодориваютъ канареекъ, чтобы онъ пѣлъ, такъ положеніе этого человѣка намъ очень приблизительно будетъ объяснять то нравственное напряженіе, которое никогда не покидаетъ Базарова. Чтобы уловить и поддержать эту постоянную внутреннюю тревогу, принимаемую г. Антоновичемъ за тревогу самого г. Тургенева, отъ романиста, безъ сомнѣнія, требовалась большая проницательность и большая способность къ очень сложнымъ и очень тонкимъ соображеніямъ; и г. Тургеневъ, дѣйствительно, показалъ въ этомъ случаѣ всю гибкость своего дарованія. Поводы безпокоиться представляются Базарову на каждомъ шагу: то ему кажется обиднымъ хлопотать и биться изъ-за того, чтобы у всѣхъ на свѣгѣ Филипповъ были чистыя избы, между тѣмъ, какъ въ то время, когда это случится, изъ него будетъ лапухъ расти; то его пріятель полудіотъ и сынъ откупщика, въ виду кабака, презноситъ передъ нимъ нравственную возвышенность эмансипированной полудіотки, въ пьяномъ видѣ толкующей объ эм-

бріологін, поющей цыганскія пѣсни и мечтающей о поѣздкѣ въ Гейдельбергъ для свиданія съ Бунзеномъ; то уѣздные аристократы и старенькіе романтики, какъ выражается самъ Базаровъ, вызываютъ его на разсужденія «о матерьяхъ важныхъ», которыхъ они или вовсе не понимаютъ, или понимаютъ заднимъ числомъ. Въ отношеніяхъ Базарова къ своему отцу, тоже старенькому романтику и бывшему полковому лекарю, лежитъ точно такое же взаимное недоразумѣніе. Они не могутъ сказать двухъ словъ даже о самыхъ обыкновенныхъ вещахъ безъ того, чтобы Базарову не представилась та бесполезная и раздражающая мысль, что дескать—между вами и нами лежитъ пропасть великая, и ни отъ васъ къ намъ, ни отъ насъ къ вамъ нѣтъ никакого прохода. Напряженность Базарова въ отношеніи къ своему отцу увеличивается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что тотъ съ самою блаженною самоувѣренностію видитъ въ своемъ сынѣ необыкновеннаго человѣка, да, къ тому-же, воображаетъ, что онъ прославится не какъ лекарь или ученый, согласно его воспитанію, а какимъ-то особеннымъ образомъ, можетъ быть, спасеніемъ отечества отъ нашествія двадцати языковъ. Базаровъ, какъ человѣкъ достаточно-проницательный, все это знаетъ и видитъ, но помочь себѣ ничѣмъ не умѣетъ, а потому только бѣсится и еще болѣе сбиваетъ съ толку своего добродушнаго родителя и запутываетъ самого себя. И вотъ, чтобы показать, какъ все это дѣлается, г. Тургеневъ постоянно создаетъ случаи, гдѣ, благодаря его мастерству, читатель получаетъ возможность быть почти-что самоличнымъ наблюдателемъ надъ человѣческими душами. «Отецъ Алексій не прочь и въ карточки поиграть», съ подобострастіемъ говоритъ блаженный отецъ своему необыкновенному сыну. «Чтожь», отвѣчаетъ трижды недовольный собою Базаровъ, какъ разъ передъ этимъ взбѣшенный до самого нѣльзя: «засядемъ въ ералашъ, и я его обыграю». Добродушный родитель, подобно г. Антоновичу, понявъ эти слова своего оракула буквально и тотчасъ, на зло своему оракулу, доказалъ это: «Хе-хе-хе! посмотримъ. Бабушка на двое сказала». Г. Тургеневу нужно было, чтобы отецъ Базарова именно такъ понявъ эти слова, сказанныя его сыномъ тоже на двое. А нужно это было для того, чтобы Базаровъ тотчасъ встревожился такимъ непониманіемъ, такую невозможностію сказать въ одну ноту съ родителемъ хоть-бы одно слово. И онъ, дѣйствительно, встревожился и обнаружилъ это тѣмъ.

что упрекнулъ родителя въ давно минувшемъ пристрастіи его къ картамъ: «А что? развѣ стариной трахнешь?» промолвилъ съ особеннымъ удареніемъ Базаровъ». Такимъ образомъ, художественная цѣль этого мѣста въ романѣ оказывается вполне достигнутой. Для достиженія подобной же цѣли, г. Тургеневъ оставляетъ потомъ Базарова въ проигрышѣ отцу Алексѣю 2 руб. 50 коп. ассигнаціями, заставляя его играть особенно несчастливо и рискованно. Все это очень просто и очень понятно. И потому, что это очень просто и очень понятно, тѣмъ болѣе должно казаться страннымъ, что критикъ г. Тургенева толкуетъ отвѣтъ Базарова своему отцу въ смыслъ хвастовства искусствомъ въ картежной игрѣ, а касательно его проигрыша дѣлаетъ слѣдующій комментарий, объясняющій будто бы личныя чувства и отношенія г. Тургенева къ своему герою: «А что? обыгралъ? не стыдно, не стыдно, а еще хвастался!—говорятъ обыкновенно въ такихъ случаяхъ школьники своимъ товарищамъ, посрамленнымъ хвастунамъ». Школьники, дѣйствительно, говорятъ такія вещи посрамленнымъ хвастунамъ, своимъ товарищамъ. Но говорятъ-ли такимъ языкомъ серьезные критики съ почтенными писателями, уважаемыми цѣлою страной? И вообще, говорятъ ли такъ взрослые люди другъ съ другомъ? Хорона опять и слѣдующая услуга, которую г. Антоновичъ оказалъ самому себѣ, вникая въ истинныя отношенія романиста къ своему герою: онъ упрекаетъ г. Тургенева совершенно съ вѣтра, безъ всякаго основанія, за непристойность обращенія съ Базаровымъ,—лицомъ, все-таки, идеальнымъ, то есть, индивидуальной жизни не имѣющимъ; а, между тѣмъ, самъ онъ, г. Антоновичъ, совершенно явно, въ глазахъ у всѣхъ, позволяетъ себѣ, въ отношеніи къ самому г. Тургеневу обращеніе, соединенное съ показываніемъ языка!..

Теперь мы видимъ, какъ находчивъ и, вмѣстѣ, какъ счастливъ былъ г. Антоновичъ въ развитіи и доказательствахъ того мнѣнія, что г. Тургеневъ хотѣлъ изобразить своего героя картежникомъ. Съ такою же точно ловкостію и неменьшимъ успѣхомъ онъ открываетъ въ авторѣ «Отцовъ и Дѣтей» затаенное намѣреніе представить своего личного врага, своего Базарова, «обжорой и пьянчужкой». Это новое обвиненіе у критика г. Тургенева разсказывается и доказывается въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Потомъ г. Тургеневъ старается выставить героя обжорой, который только и думаетъ о томъ, какъ бы поѣсть

и *понять*; и это опять дѣлается не съ добродушіемъ и комизмомъ, а все съ тою же мстительностію и желаніемъ унизить героя; даже разсказъ объ обжорствѣ *Плутуха* написанъ спокойно и съ большимъ сочувствіемъ со стороны автора къ своему герою. *При всѣхъ сценахъ и случаяхъ ѣды*, г. Тургеневъ, какъ-бы не нарочно замѣчаетъ, что «герой говорилъ мало, а въ много»; *прилашаютъ-ли его куда-нибудь*, онъ прежде всего спрашиваетъ, будетъ ли ему шампанское, и ужь если доберется до него, то терлетъ даже *свою страсть къ словоохотливости*, изрѣдка скажетъ слово, а все болѣе занимается шампанскимъ.» Ну-съ, тутъ довольно замѣтить, что если-бы г. Тургеневъ заставилъ своего героя о томъ только и думать, какъ-бы поѣсть да попить, то у него не вышло-бы никакого романа, покрайней мѣрѣ не вышло-бы такого, который такъ глубоко возмущилъ спокойствіе г. Антоновича. О чемъ и какъ именно думаетъ Базаровъ, и о чемъ онъ думаетъ много, о чемъ мало, о чемъ, наконецъ, вовсе не думаетъ, — развѣ мимоходомъ, — какъ о ѣдѣ и питьѣ,—все это у г. Тургенева представлено съ самою желательною отчетливостію и составляетъ задачу и все значеніе его романа. Базаровъ, между прочимъ, думаетъ, гораздо болѣе, напримѣръ, о томъ, какъ-бы ему распластать лягушку, чѣмъ о томъ, какъ-бы ему попить и поѣсть. Это называется тѣмъ убѣдительнымъ фактомъ, что, по пріѣздѣ къ Кирсановымъ, онъ, въ первое же утро, едва проснувшись, безъ завтрака, отправляется на болото для ловли нужныхъ ему субъектовъ. Но еще болѣе это подтверждается тѣмъ, что, во время продолжительнаго гощенія въ домѣ Кирсановыхъ онъ возбуждалъ любопытство и отчасти привлекъ любовь всѣхъ дворовыхъ людей, начиная съ мальчишекъ и кончая будущей кастеляншей этого дома, Феничкой, не какъ пьянчужка и обжора, а какъ *доктуръ* и какъ нѣкій магъ, разумѣющій всѣ тайны, скрывающіяся *in verbis, in herbis, in lapidibus*. А кто наблюдалъ и знаетъ свойства и взгляды дворовыхъ людей, тотъ долженъ знать и то, какимъ злобнымъ образомъ они относятся къ гостямъ—обжорамъ. Короче, собственно о ѣдѣ Базаровъ выражаетъ свою *думу* только одинъ разъ, и то случайно; эта дума состояла въ томъ, что «кусокъ говядины лучше куска хлѣба». Но можно надѣяться, что, при всемъ идеализмѣ мнѣній, вкуса, языка и привычекъ, тутъ никто не найдетъ ничего, отзываются обжорствомъ. Г. Тургеневъ, въ свою очередь, изъ

всѣхъ сценъ и случаевъ ѣды, представившихся Базарову, также одинъ только разъ нашелъ удобнымъ замѣтить, что «герой говорилъ мало, а ѣлъ много» и замѣтилъ это г. Тургеневъ не то—чтобы ненарочно, какъ кажется г. Антоновичу, а именно нарочно, для достиженія умышленной цѣли. Какъ даровитый художникъ, г. Тургеневъ почти—что вовсе не описываетъ вамъ своихъ дѣйствующихъ лицъ, а заставляетъ васъ судить о нихъ по ихъ рѣчамъ, образу мыслей и поведенію. Этой самой манеры онъ придержался и въ отношеніи къ герою своего послѣдняго романа. Ему настояла крайняя необходимость показать, что это человѣкъ сильнаго темперамента, хорошо развитыхъ мускуловъ, крѣпкаго здоровья и нормальнаго аппетита; сказать это такъ, какъ вотъ мы говоримъ, было-бы, конечно, проще, но для художника это было бы отрицаніемъ его искусства. Г. Тургеневъ долженъ былъ сказать это по своему. И если критику стѣбитъ для чего-нибудь останавливаться на этомъ замѣчаніи романиста о своемъ героѣ, что «онъ ѣлъ много, а говорилъ мало», то развѣ для того, чтобы оцѣнить деликатность манеры г. Тургенева: онъ дѣлаетъ это замѣчаніе о Базаровѣ *при томъ случаѣ ѣды*, когда Базаровъ въ первый разъ ужинаетъ въ домѣ Кирсановыхъ, только-что пріѣхавши въ этотъ домъ вмѣстѣ съ своимъ пріятелемъ, молодымъ хозяиномъ этого дома, изъ дальней дороги и, конечно, проголодавшись, то есть, когда всякій человѣкъ имѣетъ полное право ѣсть много и говорить мало. Точно съ такою же осторожностію и искусствомъ и для достиженія той-же самой цѣли, г. Тургеневъ заставляетъ своего героя при одномъ и *единственномъ* случаѣ выпить цѣлую бутылку шампанскаго. Случилось это съ Базаровымъ, какъ извѣстно, у Eudoxie Кукшиной, которую онъ на своемъ, отчасти циническомъ, жаргонѣ, называетъ *эманципе*. Но случилось это такъ, что на приглашеніе Ситникова зайти къ этой короткой съ нимъ особѣ, у которой можно вытребовать завтракъ съ шампанскимъ, Базаровъ огорошиваетъ своего пріятеля злѣйшимъ сарказмомъ: «Вотъ какъ! сейчасъ видѣнъ практическій человѣкъ. Кстати, вашъ батюшка не по откунамъ?» Кончилось, однако, тѣмъ, что онъ уступилъ, и зашолъ, и выпилъ бутылку шампанскаго, приходившуюся на его долю. Какой-нибудь болѣе угрюмый аскетъ на мѣстѣ Базарова вовсе не зашолъ бы къ Кукшиной; а если-бы зашолъ, то, пожалуй, тотчасъ сдѣлалъ бы выходку, обрушившись на своего пріятеля

ля:—и ты, дескать, можешь, дуракъ, тутъ оставаться?—Это значило бы показать непреклонность характера, но это значило бы, въ то же время, показать и величайшее отсутствіе всякой выдержки для жизни въ обществѣ. Какъ ни мала была степень такой выдержки въ Базаровѣ, но, все-таки, изъ всѣхъ возможныхъ крайностей онъ рѣшился на самую позволительную—разумѣется, — позволительную въ домѣ Евдокіи Кукшиной. Онъ, безъ сомнѣнія, рассуждалъ: «Вотъ любопытный экземпляръ барыни, стоящей на короткой ногѣ съ такимъ идиотомъ, какъ мой пріятель Ситниковъ. Изволь съ ней толковать объ эмбриологіи. Слуга покорный;—лучше буду пить шампанское». Г. Антоновичъ называетъ это въ Базаровѣ—«дорваться до шампанскаго и позабыть свою страсть къ словоохотливости». Г. Антоновичъ сказалъ этимъ слишкомъ много, и ровно столько-же не впасть; Базарову нечего забывать свою страсть къ словоохотливости, потому что онъ никогда не имѣлъ ея; и это одна изъ самыхъ существенныхъ и, со стороны автора, изъ самыхъ преднамѣренныхъ принадлежностей его характера, что онъ не болтуна; сдержанность его рѣчи, при постоянномъ разномысліи его съ собесѣдниками, доходитъ до грубости, до явнаго нежеланія продолжать бесѣду, въ романѣ есть не одно мѣсто, гдѣ, по необходимости затянутый въ разговоръ, онъ внутренно проклинаетъ себя, что имѣлъ неосторожность разговариваться, попалъ въ просакъ, сѣшолъ съ пьедестала: словомъ, онъ такой же болтуна, какъ и пьянчужка, какъ и обжора. А что онъ не такой пьянчужка, какой требуется для достиженія извѣстныхъ цѣлей г. Антоновичу, и въ особенности, что онъ не такой обжора, какъ Петръ Петровичъ Пѣтухъ... впрочемъ, надо знать и мѣру; нужно-же предоставить рѣшить кое что и самому читателю. Онъ, безъ сомнѣнія, не хуже всякаго изъ своихъ соотечественниковъ знаетъ, что романъ съ Петромъ Петровичемъ Пѣтухомъ, вмѣсто героя, относится вовсе не къ тому роду, къ которому принадлежитъ все написанное г. Тургеневымъ. Не понимать такихъ вещей, значить—не понимать того что такое въ Русской литературѣ Пушкинъ и что такое Слѣпушкинъ, значить—не понимать различія между Гоголемъ и Гермогеномъ Трехзвѣздочкинскимъ. И вѣдь точно: сближеніе Базарова съ Пѣтухомъ, какъ и самого г. Тургенева съ г. Аскоченскимъ, разрѣшаетъ на самыя сумбурныя сближенія именъ всевозможныхъ авторовъ и ихъ произведеній.

Срѣзывается г. Тургеневъ въ каждомъ штрихѣ, рисуя намъ своего героя, въ особенности же въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ заставляеть его высказывать свои общія понятія и взгляды; потому-что, взвѣсивая все разсказанное г. Тургеневымъ объ этомъ человѣкѣ, мы получаемъ по словамъ г. Антоновича такой портретъ его: «Базаровъ—медикъ, юноша умный, прилежный, знающій свое дѣло, самоувѣренный до дерзости, но-глупый, любящій кутежъ и крѣпкіе напитки и проникнутый самыми дикими понятіями! (Совр. стр. 80)». «Въ художественномъ отношеніи это означаетъ невыдержанность и не естественность характера, — недостатокъ, состоящій въ томъ, что авторъ не умѣлъ изобразить своего героя такъ, чтобы онъ постоянно оставался вѣренъ самому себѣ. На читателя такая неестественность производитъ то дѣйствіе, что онъ начинаетъ не довѣрять автору и невольно становится адвокатомъ героя, признаеть невозможными въ немъ тѣ нелѣпыя свойства и то безобразное сочетаніе понятій, какое приписываетъ ему авторъ; доказательства и улики на лицо въ другихъ словахъ самого же автора, относящихся къ тому же герою». (стр. 69). Критикъ г. Тургенева, какъ мы видимъ, дошелъ до непреклоннаго убѣжденія, что г. Тургеневъ о томъ только и заботился, для того только и писалъ романъ свой, чтобы собирать «горящіе уголья на голову свою». И, въ самомъ дѣлѣ, въ однихъ мѣстахъ романа, по словамъ самого же романиста, мы должны въ его героѣ видѣть молодого человѣка, который до страсти, до самоотверженія преданъ наукѣ, который даже не щадитъ жизни для науки, потому что и умеръ отъ зараженія при анатомированіи тифознаго трупа. И вдругъ г. Тургеневъ, на другихъ страницахъ своего романа, «хочетъ увѣрить насъ, что этотъ человѣкъ—мелкій хвастунишка (это все на счетъ картъ), пьянчужка, гоняющійся за шампанскимъ, и утверждаетъ, что онъ не имѣетъ любви ни къ чему, ни даже къ наукѣ, что онъ не признаеть науки, что онъ даже презираеть медицину и смѣется надъ ней. Ужь не слишкомъ ли авторъ разгнѣвался на своего героя?» (стр. 70). Но этотъ послѣдній вопросъ гораздо съ большею справедливостью относится къ самому критику г. Тургенева: ужь не слишкомъ ли онъ разгнѣвался на своего романиста? Выговаривая романисту за то, что онъ заставляетъ своего героя смѣяться надъ наукою, онъ очевидно, имѣлъ въ виду то мѣсто, гдѣ Базаровъ озадачивъ своего отца за поклоненіе Радемахеру, обронилъ потомъ такую фразу: «утѣшся, мы теперь вообще надъ медициной смѣ-

емся». При доброй волѣ, слова эти, дѣйствительно, могутъ быть истолкованы какъ угодно, но, при болѣе доброй, они могутъ и должны быть понимаемы только однимъ способомъ. Базаровъ говоритъ *мы*. Кто мы? Люди готовые стать, или воображающіе, что они стоятъ уже во главѣ движенія. А когда же такіе люди не смѣялись надъ всѣмъ, что было сдѣлано до нихъ по ихъ спеціальной части? Примѣровъ тутъ цѣлая фаланга. Но вотъ что важно: критику нашего романиста хочется представить, будто герой г. Тургенева вообще смѣется надъ наукой; онъ пользуется тѣмъ, что сказанная Базаровымъ фраза заключаетъ въ себя слова—и *вообще* и *смѣяться*. Это уже значитъ придирается къ словамъ. Базаровъ, безъ сомнѣнія, *вообще* смѣется, но не *вообще* надъ медициной, а только надъ существующими понятіями о врачебной наукѣ, такъ какъ онъ, по самой очевидной вѣроятности, почиталъ себя въ силѣ—протовуоставить имъ новыя понятія; по-крайней-мѣрѣ, его друзья понимаютъ его *именно* такимъ образомъ, да и самъ г. Тургеневъ рѣшительно нигдѣ и ни однимъ звукомъ не посмѣялся надъ тою самоувѣренностію Базарова, что онъ способенъ произвести переворотъ въ наукѣ; судя потому, съ какою силою романистъ налегаетъ на то, чтобы выразить все пристрастіе своего героя къ его любимымъ занятіямъ, которыхъ онъ дѣлается мученикомъ и жертвою, можно съ большою основательностію заключать, что г. Тургеневъ считалъ его способнымъ на очень, и даже очень многое... Базаровъ смѣется надъ медицинской точно такъ же, какъ Суворовъ и Наполеонъ смѣялись надъ существовавшими до нихъ способами вести войну, какъ Прудонъ смѣется надъ политической экономіей, какъ всѣ мы смѣемся теперь надъ существовавшими до насъ и у насъ способами педагогики и надъ весьма многими другимъ. Само собою разумѣется, что смѣхъ Базарова не имѣетъ такой грандіозности, какъ смѣхъ Наполеона или Прудона, потому-что его будущія открытія въ наукѣ еще—буки. Но вотъ самый близкій примѣръ: о самомъ г. Антоновичѣ, говоря вообще, можно сказать, что «онъ смѣется надъ философіей». Но понять эту фразу относительно его въ буквальномъ смыслѣ было бы величайшею противъ него несправедливостію. Вотъ г. Писаревъ, такъ тотъ смѣется вообще надъ философіей, а г. Антоновичъ этого не дѣлаетъ: онъ смѣется только надъ извѣстными философскими ученіями и школами; а, напримѣръ, надъ философіей химіи и физиологін онъ не только не смѣется, но и защищаетъ ее, какъ только умѣетъ.

Вся вина г. Тургенева состоитъ въ томъ, что онъ заставилъ своего героя выразить свое мнѣніе о медицинѣ съ свойственнымъ ему безпокойствомъ, преувеличеніемъ и нѣкоторымъ цинизмомъ. Но г. Тургеневъ вездѣ и всегда заставляетъ своего героя выражаться и вести себя такимъ образомъ: выставить на показъ его угловатости, сдѣлать урокъ изъ его цинизма, указать на его безпокойную заносчивость, представить въ немъ отсутствіе желательной и миротворной законченности, но, въ тоже время, безъ всякой утайки обнаружить и скрывающуюся въ немъ великую силу—все это составляетъ коренную задачу новаго произведенія нашего романиста; и г. Тургеневъ достигаетъ выполнения этой задачи съ однажды усвоенною манерою, то есть, пользуясь всѣми возможными случаями представить своего героя въ предположенномъ свѣтѣ и обнаруживая при этомъ всю добросовѣстность и проницательность честнаго и дароватаго писателя. Въ художественномъ отношеніи это означаетъ выдержанность характера,—достоинство, состоящее въ томъ, что авторъ сумѣлъ изобразить своего героя такъ, что онъ постоянно остается вѣренъ самому себѣ. Каждое движеніе бровью, каждый жестъ, каждая выходка Базарова, самая манера его говорить и дѣлать эти выходки—безпокойная, отрывистая, неожиданная, саркастическая—все говоритъ въ пользу того, что г. Тургеневу пошли въ прокъ его добросовѣстныхъ наблюденія надъ этимъ возникающимъ въ образованной части нашего общества типомъ,—типомъ, безъ всякаго сомнѣнія, прогрессивнымъ, но, тѣмъ не менѣе, еще находящимся въ состояніи гримасы. Самое безпокойство критики, возбужденной романомъ г. Тургенева, уже ручается за художественную состоятельность этого типа. Одинъ говоритъ: нѣтъ, мы не такіе. Другой: да, мы эти самые. Третій: а! такъ вотъ вы какіе.—Понятно, какое именно значеніе, въ виду такого факта, можетъ имѣть придирка къ предвѣренной со стороны автора неточности выраженія, къ его будто бы желанію представить своего героя смѣющимся надъ наукою и даже презирующимъ ее. Гораздо съ большею, по видимому, основательностію, но за то и несравненно съ бѣльшимъ ожесточеніемъ, критикъ нападаетъ на романиста за тотъ *принципъ*, приданный имъ своему герою, что *принциповъ* вообще не существуетъ. Но и тутъ основательность критика только видная, и за нелѣпый *принципъ* своего героя авторъ нисколько не отвѣтчикъ. Новички въ наукѣ, какъ и вездѣ, начинаютъ вооб-

ще съ того, что имъ не нравятся поменклатура, термины, расписание: до болѣе важныхъ и существенныхъ реформъ они доходятъ уже послѣ, когда перестанутъ тревожиться отъ мелочей. Сколько разъ приходилось каждому изъ насъ читать и даже слышать, что такой-то параграфъ всего удобнѣе могъ бы находиться во второй главѣ третьяго отдѣла, и что такое-то мѣсто, ни къ селу, ни къ городу, стоящее въ самомъ концѣ книги, могло бы краснорѣчивѣй говорить въ пользу логики автора, если бы стояло во введеніи. Принципъ! этимъ звукомъ до-сихъ-поръ прикрывалось такъ много самаго зловреднаго хлама, что отъ какой-нибудь полдюжины подобныхъ словъ человѣчество обезумѣло: пусть лучше будетъ одинъ *принципъ*, что нѣтъ никакихъ *принциповъ*. А Базаровъ, при всей его страстной любви къ наукѣ, при готовности жертвовать для нея жизнью, все-таки въ наукѣ не болѣе, какъ новичокъ; онъ думаетъ о себѣ иначе, но онъ новичокъ; онъ смыслить кое-что вообще въ человѣческихъ дѣлахъ и, очень вѣроятно, обладаетъ большою массою свѣдѣній по своей части, потому-что и человѣкъ онъ болѣе, чѣмъ способный, да и потрудился, для своихъ дѣтъ, слишкомъ довольно; но распорядиться этими свѣдѣніями онъ еще не успѣлъ; для этого онъ еще недостаточно размышлялъ; онъ доходилъ почти до суевѣрнаго ужаса передъ своими знаніями, точно средне-вѣковный мистикъ. Чтобы привести въ порядокъ все, что онъ знаетъ, и выработать себѣ міровоззрѣніе безъ противорѣчій, боязней, тревоги и трусости передъ тѣмъ, что есть въ человѣческой судьбѣ фаталистическаго, для этого ему предстоитъ еще великая умственная работа, продолжительныя размышленія и, въ особенности, трудная ломка надъ самимъ собою. Онъ этой работы еще не начиналъ; иначе, онъ не сталъ бы ненавидѣть старосту Филиппа за то, что тотъ, по его милости и благодаря усиліямъ подобныхъ ему людей, будетъ жить въ чистой избѣ, тогда-какъ изъ него, Базарова, будетъ въ то время лопухъ рости:—недоумѣніе, дѣйствительно, очень странное, громко говорящее объ отсутствіи систематическаго взгляда. Однако, будь г. Тургеневъ хоть немного пристрастнѣе къ своему герою, отними онъ у него хоть одну угловатость, хоть одинъ парадоксъ или искреннее недоумѣніе, покорись онъ всѣмъ предразсудкамъ ложно-понимаемаго прогресса, не сознавая онъ той истины, что дѣйствительное служеніе прогрессу можетъ иногда состоять въ сопротивленіи—ему, и онъ тотчасъ бы обнаружилъ въ себѣ слабое созна-

ни дѣйствительности и могъ бы быть уличонъ въ этомъ цитатами. Но положеніе его, какъ человѣка и какъ писателя, таково, что оно обезопасиваетъ его отъ всѣхъ послѣдствій самаго смѣлаго безопристрастія, на какое только онъ можетъ рѣшиться, и за то теперь и дѣйствительность и цитаты стоятъ на его сторонѣ. Этими цитатами мы могли бы преосытить читателя, еслибы захотѣли сдѣлать ему непріятность; но такъ-какъ нашъ интересъ состоитъ въ томъ, чтобы доставить ему удовольствіе, то мы ограничимся однимъ г. Писаревымъ. Этотъ писатель, по поводу мнѣнія Базарова о принципахъ, не въ примѣръ г. Антоновичу, впадаетъ въ такія размышленія: «На людей, подобныхъ Базарову, можно негодовать, сколько душъ угодно, но признавать ихъ искренность—рѣшительно необходимо. Эти люди могутъ быть честными, гражданскими дѣятелями и—отъявленными мошенниками, *смотря по обстоятельствамъ и по личнымъ вкусамъ*. Ничто, кромѣ личнаго вкуса, *не мѣшаетъ имъ убивать и вѣрять* и ничто, кромѣ личнаго вкуса, не побуждаетъ людей подобнаго закала дѣлать открытія въ области наукъ и общественной жизни» (Рус. Слово). Рус. Литер. Мартъ. стр. 4). Такъ разсуждаетъ г. Писаревъ, очевидно, сочувствующій Базарову и благодарный г. Тургеневу за воспроизведеніе этого типа и за то, что онъ отдалъ ему полную справедливость и принесъ ему дань уваженія. Такъ правъ или нѣтъ г. Тургеневъ, заставившій своего героя высказать его мнѣніе о принципахъ и сдѣлавшій это во сто разъ съ большею осторожностью, чѣмъ г. Писаревъ, и съ извѣстною нравственною строгостью, всегда свойственною научной мысли? «Принциповъ вообще нѣтъ, а есть только ощущенія», говоритъ Базаровъ. Очевидно, молодой человѣкъ хлопочетъ о замѣнѣ одного термина, ему непріятнаго, другимъ, который ему болѣе нравится. Ну, и пусть будутъ ощущенія, лишь бы это открытіе не мѣшало людямъ жить обществами, имѣть надлежащія понятія о добрѣ и злѣ, красотѣ и безобразіи, справедливости и неправдѣ и, вообще, достигать возможнаго прогресса. Но у Базарова и на умъ нѣтъ записаться въ разбойники, если ему этого захочется, какъ можетъ, на примѣръ, захотѣться съѣсть яблоко. Его фраза о принципахъ, при всей ея заносчивости, есть одна изъ невиннѣйшихъ во всемъ романѣ г. Тургенева, и эту-то, однако, фразу г. Антоновичъ старается обезобразить, такъ безуспѣшно нападавая на нее, а г. Писаревъ съ такимъ успѣхомъ обезображиваетъ, стараясь защитить ее. При чемъ же тутъ самъ-

то г. Тургеневъ? Мы знаемъ теперь почти всѣ фактическія основанія, на которыхъ г. Антоновичъ пробовалъ утвердить свое мнѣніе о романѣ г. Тургенева, какъ о памфлетѣ на молодое поколѣніе, и мы видимъ, что г. Тургеневъ тутъ ни при чемъ, до такой степени ни при чемъ, что молодые люди, до появленія разныхъ руководящихъ статей по этому предмету, считали себя поощренными и даже превознесенными въ образѣ Базарова. Они ошибались; но это ошибка, которая доказываетъ, что г. Тургеневъ не врагъ имъ, да и они ему не недруги. «Посмотрите; какіе негодяи враги мои!» произнесъ за г. Тургенева руководящій голосъ г. Антоновича, обличающій нашего романиста въ мизантропію. Публика еще разъ посмотрѣла и, конечно, не нашла никакой мизантропіи. Но, вѣроятно, въ публикѣ нашолся не одинъ человѣкъ, который задумался надъ рѣшеніемъ вопроса: чего больше въ этомъ голосѣ г. Антоновича: неосторожности, прозорливости, или подозрительности?

Представитель второго мнѣнія о романѣ г. Тургенева и есть тотъ самый г. Писаревъ, котораго философское убѣжденіе о личномъ вкусѣ, какъ единственной инициативѣ всѣхъ злодѣйствъ и добродѣтелей на землѣ, — по крайней мѣрѣ, въ будущемъ, и для людей прогресса, — мы имѣли честь выписать за нѣсколько строкъ передъ этимъ. Мы знаемъ уже, что г. Писаревъ весь находится на сторонѣ Базарова и чрезвычайно благодаренъ г. Тургеневу. Увы! его преданность одному столько же напрасна, сколько благодарность другому исполнена недоразумѣній. На кого онъ тратитъ свои симпатіи? На того, кого самъ признаетъ за отъявленнаго бездѣльника. Г. Тургеневъ не сочинялъ бездѣльника; но г. Писаревъ худшія качества Базарова принялъ за наилучшія, да еще преувеличилъ ихъ до нелѣпости. Отъ этого вышелъ бездѣльникъ, — къ счастью, безжизненный и невѣроятный, потому что г. Писаревъ не созданъ художникомъ, но, къ сожалѣнію, такой, котораго г. Писаревъ все-таки считаетъ достойнымъ пристрастія. Намѣреніе у г. Писарева было изъ самыхъ похвальныхъ: онъ хотѣлъ послужить прогрессу, постоять за молодое поколѣніе передоваго образа мыслей и вообще растолковать и защитить Базарова. Но Базаровъ, по его крайнему разумѣнію, вотъ какой человѣкъ: «Ни надъ собой, ни внѣ себя, ни внутри себя, онъ не признаетъ никакого регулятора, никакого нравственнаго закона, никакого принципа. Все-

реди—никакой высокой цѣли, въ умѣ—никакого высокаго помысла и, при всемъ этомъ, силы огромныя». Это рекомендація; а вотъ апологія: «Да вѣдь это безнравственный человѣкъ! злодѣй! уродъ! слышу я со всѣхъ сторонъ», говоритъ г. Писаревъ—и отвѣчаетъ: «ну, хорошо, злодѣй, уродъ; браните больше, преслѣдуйте его сатирой и эпиграммой, негодующимъ лиризмомъ и возмущеннымъ общественнымъ мнѣніемъ, кострами инквизиціи и топорами палачей—и вы не вытравите, не убьете этого урода, не посадите его въ спиртъ на удивленіе почтенной публикѣ. Если базаровщина—болѣзнь, то она болѣзнь нашего времени, и ее приходится выстрадать». Да для какого же чорта, позвольте спросить, если только это болѣзнь? Ужъ не изъ уваженія ли къ той причинѣ, что она болѣзнь нашего времени? Но болѣзнью прошлаго года была сибирская язва, такъ мы и должны были въ прошломъ году лѣзть изъ кожи, какъ бы нажать себѣ сибирскій воддырь?

Но главный логическій курьезъ всей путаницы г. Писарева заключается не въ этомъ. Подъ своею базаровщиной, которой никакъ не слѣдуетъ смѣшивать съ базаровщиной г. Тургенева, онъ разумѣетъ извѣстнаго рода понятія о вещахъ исообразное съ этими понятіями направленіе. Стало-быть, называя базаровщину болѣзнью, онъ, въ то же время, произноситъ судъ о понятіяхъ, выражаемыхъ этимъ словомъ, и судъ его состоитъ въ томъ, что это больныя, не здоровыя понятія. Теперь приклейте сюда выводъ г. Писарева объ этихъ понятіяхъ, тотъ выводъ, что хоть они и шальные и пошлыя понятія, но ихъ все-таки нужно выстрадать. Какъ вамъ кажется: нужно? Мы доходимъ до правды и освобождаемся отъ ложныхъ понятій обыкновенно такъ: если мы извѣстное понятіе всегда считали ложнымъ и пошлымъ, то мы никогда и не принимали его и не считали себя обязанными накидывать на себя такую блажь, чтобы страдать этимъ понятіемъ, терпѣть за него всякія колкости и подвергаться насмѣшкамъ со стороны нашихъ ближнихъ; а если мы уже имѣли несчастіе привить къ себѣ ложное понятіе, которое считали за истинное, то первый же моментъ, въ который въ насъ возникло сознаніе, что это понятіе ложно и пошло, есть, въ то же время, моментъ и нашего освобожденія отъ жи и пошлости. На базаровщину требуется привилегія. Она болѣзнь нашего времени; въ нашемъ сознаніи не существуетъ

и тѣни сомнѣнія, что она точно болѣзнь; и, однако, мы должны ее выстрадать: оплеванія, заушеніе, костры инквизиціи, топоры палачей, спиртные банки—мы должны быть готовы на все ради базаровщины.—Что жь, это очень можно: всѣ эти вещи были же когда-то удѣломъ смертныхъ. Только пусть г. Писаревъ, прежде чѣмъ сулить всѣ эти пріятности адептамъ базаровщины его собственнаго издѣлія, разрѣшить имъ одно недоумѣіе: есть ли какая-нибудь возможность выстрадать умственную болѣзнь, волноваться сомнѣніями тамъ, гдѣ, на счетъ пошлости предмета страданій и сомнѣній не существуетъ никакого сомнѣнія? Если я, напримѣръ, не дошолъ до того сознанія, что фразеологія есть болѣзнь нашего времени, то я, конечно, могу, разсуждая, подобно г. Писареву, о базаровщинѣ, вызывать грандіозныя воспоминанія о кострахъ инквизиціи и топорахъ палачей—это мнѣ будетъ ни почемъ, въ моемъ счастливомъ невѣдѣніи я могу даже гордиться язвами моей болѣзни. Но если я дошолъ до этого убѣжденія, если я глубоко проникнулся мыслию, что фразеологія есть не послѣднее зло нашего времени, то могу ли я рѣшиться на такой комизмъ, чтобы говорить объ этой инквизиціи съ ея кострами, и объ этихъ палачахъ съ ихъ топорами, по поводу мнѣній о значеніи личнаго вкуса въ дѣлахъ, касающихся человѣческой нравственности? Конечно, нѣтъ; и никакая на свѣтѣ сила не могла бы меня къ этому принудить. Мнѣ не пришли бы на умъ даже и банки со спиртомъ, куда, точно, нельзя засадить Базарова «на удивленіе почтенной публикѣ», а всего естественнѣе представились бы романъ, комедія или сатира, гдѣ всегда найдется мѣсто человѣку, страдающему напускною болѣзнію своего времени, мѣсто столь долговѣчное и прочное, какого, конечно, не можетъ представить никакая банка со спиртомъ. Но, кромѣ тѣхъ многотрудныхъ препятствій пострадать «болѣзнію своего времени», которыя заключаются въ неразуміи и свойствахъ самой болѣзни, есть къ тому препятствія еще посильнѣе, которыя заключаются въ степени цивилизаціи, которой достигла страна, опустошаемая болѣзнію, да, кромѣ того, въ многообразіи человѣческой природы, въ разнообразіи воспитанія, въ количествѣ природныхъ силъ, въ степени ихъ развитія и проч. Предполагаемая болѣзнь такова: «Ни надъ собой, ни внѣ себя, ни внутри себя не признавать никакого регулятора, никакого нравственнаго закона, никакого принципа. Впереди—никакой высокой цѣли; въ умѣ—никакого высокаго помысла, и, при всемъ этомъ, огромныя силы».

Всѣ выписанныя здѣсь слова въ сокращенномъ переводѣ на болѣе вразумительный языкъ могутъ означать: «первобытное невоспитаніе, допотопное невѣжество, звѣрообразная дикость и, ко всему этому, когти и челюсти плотояднаго». Теперешній цивилизованный человѣкъ уже болѣлъ этою болѣзнію, въ лицѣ своихъ косматыхъ предковъ, не далѣе, какъ поколѣній за двѣсти, наравнѣ со всякимъ звѣрьемъ. Цивилизованныя страны отчасти страдаютъ этою болѣзнію и въ настоящее время, страдаютъ довольно замѣтно—вверху, то есть когтями и челюстями, и очень ощутительно—внизу, то есть невѣжествомъ и дикостью. Читатель знаетъ, что на нашей планетѣ есть міръ, извѣстный подъ названіемъ Лондона. Въ этомъ мірѣ есть захолустья, и трущобы, въ которыя до-сихъ-поръ еще не проникала нога ни одного образованнаго авантюриста. Но съ недавняго времени, для изслѣдованія этихъ трущобъ, въ филантропическомъ Лондонѣ, то есть въ его сытыхъ и освѣщенныхъ газомъ кварталахъ, стали учреждаться особыя миссіи—почти исключительно изъ духовенства и женщинъ. Смѣлымъ и человѣколюбивымъ миссіонерамъ посчастливилось сдѣлать тутъ открытія болѣе поразительныя, чѣмъ всѣ открытія Барта въ центральной Африкѣ. Они открыли здѣсь людей, которые не умѣли считать свыше десяти, не знали, что они живутъ въ христіанской странѣ и происхожди отъ крещенныхъ предковъ, всѣ ихъ понятія о родѣ правительства Трехъ Соединенныхъ Королевствъ, ограничивались смутными свѣдѣніями о существованіи тюремъ и полименовъ—словомъ, эти новооткрытыя существа какъ разъ не признавали никакого регулятора ни надъ собой, какъ полицейскій уставъ, ни внутри себя, какъ совѣсть цивилизованнаго человѣка, ни внѣ себя, какъ интересы и счастье нашего ближняго; о высокой цѣли впереди—ничего и говорить; о высокомъ помыслѣ въ умѣ—тоже; ко всему этому, не обладая огромными силами, представляя даже свою чахлость рѣзкій контрастъ огромнымъ силамъ, люди эти отличались замѣчательною свирѣпостію, такъ-что грабежъ и дѣтоубійство между ними всегда были самыми обыкновенными вещами. Очевидно, эти несчастныя человѣческія существа страдаютъ тою самою болѣзнію, которую г. Писаревъ называетъ базаровщиною, которая состоитъ въ непризнаніи ни надъ собой, ни внѣ себя, ни внутри себя никакого регулятора и которую выстрадать онъ считаетъ неизбѣжною необходимостью для каждаго своего соотечественника, живущаго въ

это время. Но вотъ я представляю, что вы знаете высшую математику: какъ вы сѣмѣте не сѣмѣть сосчитать до десяти? Ваша жизнь началась—съ крещенія, ваше воспитаніе—съ священной исторіи и катихизиса: какъ вы ухитритесь не знать о существованіи христіанства въ странѣ вашей? Вашу совѣсть, унаследованную вами отъ какихъ-нибудь пятидесяти вѣковъ сознательнаго человѣческаго развитія, образовывали такимъ образомъ, что внушили вамъ отвращеніе къ жестокосердію даже надъ мухою: сможете ли вы имѣть сколько-нибудь личнаго вкуса къ смертоубійству, къ грабежу?—Нѣтъ?—Ну, и хорошо вамъ, что нѣтъ: это значитъ не быть уморительнымъ чудачкомъ, и преобладающимъ негодяемъ. Потому что вы не дикарь. Что естественно въ дикарѣ, что въ немъ наследственное несчастье или историческій рокъ, то не вообразимо въ человѣкѣ цивилизованномъ, то въ немъ преступленіе противъ прогресса, или преступный прогрессъ. Но въ словахъ г. Писарева, кромѣ такого несодѣяннаго вздора, есть сторона еще болѣе уморительная. Г. Писаревъ вообразилъ, что мы, его соотечественники, живемъ въ какой-то другой части свѣта, чѣмъ онъ, и, вообразивъ такую нелѣпость, онъ обращается къ намъ съ такою небывальщиною: «есть, дескать, городъ Петербургъ и страна Россія; въ этомъ городѣ и отчасти въ этой странѣ, есть секта базаровщина; ученіе этой секты состоитъ въ томъ, чтобы не признавать ни надъ собой, ни внѣ себя, ни внутри себя никакого регулятора; китайскіе тайпинги и индѣйскіе душители, въ сравненіи съ послѣдователями этой секты, просто агнаты; люди они образованные, но положиться на нихъ можно столько же, какъ на извѣстнаго Фарингеа. Это вотъ какой народецъ: захочетъ—сдѣлаетъ полезнѣйшую реформу, захочетъ—зарѣжетъ человѣка, захочетъ — откроетъ истину въ наукѣ, захочетъ — вскроетъ шкатулку у васъ въ кабинетѣ». Вотъ до какой наивности доходитъ г. Писаревъ; и еслибы это не была наивность, то была бы мерзость, былъ бы фальшивый доносъ. Но г. Писаревъ не доноситъ; онъ только наивничаетъ. Онъ изъ всѣхъ силъ топорщится показать, что онъ тоже сектантъ, какъ же это не наивность? Но только онъ напрасно старается—показать, будто онъ сектантъ; а если онъ и сектантъ, то изъ самыхъ не посвященныхъ, которые любятъ только похвастаться знаніемъ тайнъ и говорить съ вѣтру. Русская базаровщина не имѣетъ недостатковъ крупнѣе тѣхъ, на которые съ такимъ художественнымъ тактомъ и съ такою заслугою передъ молодымъ поко-

гнѣемъ рѣшился указать г. Тургеневъ. Что касается основныхъ мыслей и убѣжденій Базарова, взятыхъ имъ, въ свою очередь, у Базаровыхъ высшаго полета и нерусскаго происхожденія, то эти мысли и убѣжденія извѣстны каждому порядочно образованному человѣку, и каждый порядочно образованный человѣкъ знаетъ, что онѣ не имѣютъ ничего общаго съ тѣмъ личнымъ вкусомъ, для котораго безразлично — зарѣзать человѣка, или облагодетворить его, открыть истину, или стануть что-нибудь у своего ближняго; каждому образованному человѣку такъ же извѣстно, что непризнаваніе ни надъ собой, ни вѣ себя, ни внутри себя никакого регулятора, никакого нравственнаго закона, тоже не имѣетъ ничего сходнаго съ этими мыслями и убѣжденіями. Представители этого рода мыслей сдѣлали относительно человѣческой нравственности только то, что объяснили ея настоящее происхожденіе. И смыслъ ихъ объясненія таковъ, что человѣческая нравственность, какъ и все человѣческое, никогда не была, да и впередъ не будетъ изъята изъ общихъ законовъ человѣческаго прогресса. Это значить — чѣмъ дольше люди будутъ жить, тѣмъ больше у нихъ будетъ нравственности, точно также, какъ больше богатства, больше знаній — и вообще больше умнѣнья вести дѣла свои. Личное поведеніе этихъ людей, безъ сомнѣнія, руководимое ихъ правилами, сотни разъ вызывало одобрительное признаніе со стороны враговъ ихъ. Это одобреніе всегда будетъ казаться въ высшей степени забавнымъ и комичнымъ, потому-что въ немъ всегда отзывается та дѣтская мысль — «что вотъ и изверги, а какіе славные люди!» Но оно никогда не будетъ такъ гадко, какъ наивность г. Писарева. На кого она простирается — эта наивность? По мнѣнію г. Писарева, какъ это уже сказано, на негодаевъ; а на самомъ дѣлѣ — на людей, которые, по самому роду ихъ убѣжденій, такъ-таки именно по роду ихъ убѣжденій, должны быть примѣрными филантропами, самоотверженцами, патриотами, и которые, дѣйствительно, всѣмъ этимъ бывали и, какъ нарочно, не избѣгли и костровъ инквизиціи. Эти люди очень хорошо знаютъ и всегда помнятъ ту истину, что съ много-знающаго много и спросится. Кѣмъ спросится? Да собственно ихъ совѣстью, потому-что лучшіе изъ этихъ людей не только не бываютъ безъ этого регулятора, но и доводятъ его до высшей степени развитія, до той степени, на которой невозможна никакая сдѣлка съ этимъ регуляторомъ. А это уже значить, что они могутъ

имѣть передъ собою высокія цѣли и носить въ себѣ высокіе помыслы. Да; и высокія цѣли, и высокіе помыслы. Люди неосвященные не могутъ примириться съ этимъ; они знаютъ фактъ, потому что видятъ его собственными глазами, но примириться съ нимъ не могутъ, и, чтобы отдѣлаться отъ него, сваливаютъ его на *сатанинскую гордость*:—такъ они называютъ невозможность сдѣлки съ совѣстью,—не прихоть, не капризъ, не личный вкусъ,—какъ угодно думать въ своей наивности г. Писареву, а именно невозможность сдѣлки съ совѣстью. Съ другой стороны, молодые адепты здраваго образа мыслей, своимъ первѣйшимъ долгомъ почитаютъ посмѣяться надъ общеупотребительными терминами «высокаго» и «прекраснаго». Далѣе этого ихъ пошловатые сарказмы не простираются, потому что далѣе слѣдуетъ сущность дѣла, и сама-по-себѣ неуязвимая, и для новичковъ не очень-то доступная: ихъ дѣло сражаться съ номенклатурою и потомъ, пообдумавшись, осудить себя за бесполезно-потраченное время. Тѣмъ не менѣе, новички дѣлаютъ пошлость, впадаютъ въ комизмъ, подводятъ себя подъ сатиру и, главное, оказываютъ въ высшей степени плохую услугу и самимъ себѣ, и тѣмъ здоровымъ понятіямъ, за которыя, по видимому, горой стоятъ. Для посторонняго наблюдателя можетъ показаться, будто они о томъ только и усердствуютъ, чтобы прослыть окончательно убѣжденными въ той мысли, что знаніе имѣетъ свойство все на свѣтѣ опошлявать; и новички, на самомъ дѣлѣ, сильно склонны къ этой мысли. Между тѣмъ, и выгоды пропаганды, и самая сущность дѣла требуютъ, чтобы они и вели себя, и думали совершенно обратнымъ образомъ. Ничему высокому и ничему прекрасному знаніе не угрожаетъ никакимъ опошленіемъ, напротивъ, и здѣсь, какъ и вездѣ, знаніе можетъ оказать только прогрессивную услугу нашему пониманію красоты и возвышенности: сущности нашихъ отношеній къ этимъ вещамъ оно не измѣняетъ и никогда не измѣнитъ, потому что корень этихъ отношеній находится въ нашихъ страстяхъ и, вообще, въ такихъ свойствахъ нашей природы, отъ которыхъ мы никогда не избавимся, не переставши быть, съ тѣмъ вмѣстѣ, человѣческими существами. Что такое высокое? Что такое прекрасное? Ущашенное біеніе сердца. Но если въ нашемъ сердцѣ есть способность къ такому біенію, какъ оно можетъ потерять ее? Развѣ знаніе обратитъ его въ дерево? Развѣ оно отниметъ у внѣшнихъ предметовъ способность поражать наше воображеніе? Развѣ оно отниметъ у насъ воображеніе?

— Но то, что отниметь; но оно способно существенно измѣнить наши отношенія къ предметамъ: такихъ вещей накопилось ужь очень довольно, передъ которыми люди прежде преклонялись, а теперь смѣются.

— И отлично дѣлають; они смѣются надъ тѣмъ, что сами же и выдумали: значить преуспѣвають, дѣлають прогрессъ. Но, затѣмъ, для ихъ удивленія и учащеннаго сердцебіенія остаются еще цѣлыхъ два міра: одинъ, который они постоянно будутъ выдумывать, и другой, въ которомъ они будутъ предаваться этому возвышенному дѣлу: тотъ и другой еще такъ мало эксплуатированы и такъ много способны представить поразительнаго, что мы еще и представить не можемъ всего величія, которымъ будетъ отличаться поэзія будущаго. Эготъ другой міръ въ особенности ничего не способенъ потерять изъ того обаянія, которое онъ всегда имѣлъ на людей. Солнце навсегда останется удивительнымъ свѣтиломъ... Нѣтъ; оно въ глазахъ современныхъ людей болѣе удивительно, чѣмъ когда-нибудь было. Кстати, на немъ можно показать примѣръ, какъ знаніе способно опешлявать предметы. Халдейцы считали его богомъ и любили вставать до зари, чтобы удивляться его восходу. Потому цѣлыя тысячелѣтія люди считали его огненнымъ шаромъ неизвѣстнаго химическаго состава; это ужь былъ прогрессъ; но солнце отъ этого прогресса въ пониманія его только выиграло въ удивленія къ нему: одинъ монологъ Манфреда, обращенный къ этому свѣтилу, безъ сомнѣнія, умнѣй и возвышеннѣй всѣхъ молитвъ, съ которыми обращались къ нему глупые халдейцы; кромѣ того, въ Европѣ есть нѣсколько мѣстъ, куда до сихъ поръ предпринимались далекія путешествія, съ цѣлію ощутить восторгъ при видѣ восхода или заката солнца. Теперь, благодаря Бунзену, тому самому Бунзену, для котораго мадамъ Кукшина ѣдетъ въ Гейдельбергъ, мы знаемъ химическій составъ солнца. Что-жь, мы получимъ теперь способность смотрѣть на него, какъ на салный огарокъ? Мы не будемъ ни любоваться имъ, ни приходить въ восторгъ отъ него? Нѣтъ, такія слова, какъ *приходить въ восторгъ и любоваться* только въ малой степени, выражаютъ то ощущеніе демоническаго свойства, съ которымъ люди, не лишеныя воображенія, будутъ смотрѣть теперь на солнце; самый монологъ Манфреда уже можетъ показаться для этихъ людей на половину лишенымъ той прелести, которую онъ имѣлъ прежде. Но, можетъ быть, не до всякаго изъ на-

инокъ читателей дошли слухи о трудахъ Буназена. Можетъ быть, никому, поэтому, не впадѣтъ понятна мысль наша. Это обязательно мы считаемъ оченьъ благоріятнымъ поведомъ къ тому, чтобы выписать полстраницы изъ одного иностраннаго журнала; эту полстраницу мы выпишемъ столько же для того, чтобы передать нѣкоторый намекъ на свойства трудовъ Буназена, сколько и для того, чтобы показать, какъ люди, знакомые съ этими трудами, и, притомъ, люди самаго положительнаго настроенія, передаютъ свои ощущенія отъ солнца, не при видѣ его заката или восхода, а только думая о немъ;— пусть читатель видитъ и судитъ самъ, какъ знаніе ошощиваетъ предметы. (*Revue des Deux Mondes*. 15 Janvier 1862).

«Открытія Буназена и Киршгофа не позволяютъ болѣе сомнѣваться, что солнце имѣетъ атмосферу, которой температура выше температуры собственно такъ называемаго свѣтоноснаго ядра и которая содержитъ въ себѣ въ состояніи горѣнія большую часть простыхъ тѣлъ, извѣстныхъ на нашей планетѣ. Эта великая догадка какъ нельзя болѣе согласуется съ гипотезою Лапласа, объяснявшаго образованіе всей нашей планетной системы постепенныхъ охлажденій туманнаго пятна, космическая матерія котораго, теперь сгущенная въ солнцѣ, планетахъ и ихъ спутникахъ, первоначально разлита была по всему пространству, занимаемому круговоротомъ нашей системы. Мельчайшія тѣла естественно охладились оченьъ быстро; луна совсѣмъ застыла — безъ атмосферы, безъ воды, безъ органической жизни; подѣ телескопомъ она представляетъ видъ мрачный и ужасный; земля охладилась менѣе быстро, чѣмъ ея спутникъ, но быстро, чѣмъ солнце, котораго пылающая атмосфера содержитъ еще безчисленныя тѣла, уже съ давнихъ поръ на нашей планетѣ сгущенныя и затвердѣвшія въ несокрушимыя скалы. Наша обнищавшая атмосфера теперь содержитъ только элементы, необходимыя для поддержанія ограниченной жизни — кислородъ, азотъ, углеродъ, воду, такъ что нашъ умъ съ трудомъ можетъ привыкнутьъ къ мысли объ этой атмосферѣ, обремененной желѣзомъ, щелочными металлами и другими разнообразнѣйшими тѣлами, въ состояніи горѣнія. Нужно перо Данта, чтобы описать эту природу въ состояніи хаоса, эти огненныя металлическія дожди, эти свѣтоносныя облака, кажущіяся темными пятнами на солнцѣ вслѣдствіе контраста съ болѣе яркимъ свѣтомъ ядра его, этотъ бѣлокашлывый океанъ солнца, съ его бурями, его теченіями, его гигантскими тифонами: такія картины способны подавить воображеніе, даже самое наклонное къ фантастическому и чрезвычайному; наши мечты испаряются какъ капля воды передъ этою пылающею лавой, этиаъ очагомъ, свѣтящимъ на цѣлый міръ этимъ источникомъ всеякой теплоты, всеаго движенія, всеакой жизни.»

Это строгій языкъ науки. Воображеніе поэтовъ, до сихъ поръ писавшихъ свои обращенія къ солнцу, еще не догадалось та-

кими представленіями, которыя сдѣлались возможны съ новыми познаніями о солнцѣ. Но для насъ важнѣе всего то, что эти новыя познанія о солнцѣ не представляютъ ни малѣйшаго основанія думать, чтобы будущія поэтическія описанія восходовъ и закатовъ могли опошлѣть; напротивъ, весьма вѣроподобно, что поэтическія обращенія къ солнцу, вслѣдствіе этихъ познаній, могутъ достигать въ будущемъ новой возвышенности и силы. Эти познанія умножаютъ только матеріалъ, бывшій до-сихъ поръ въ распоряженіи человѣческой фантазіи, увеличиваютъ содержаніе поэзіи. А мы всѣ, еще изъ учебниковъ знаемъ, какіе поэты лучше — съ содержаніемъ или безъ содержанія, и что для нихъ выгоднѣе: быть неучами или людьми образованными.

Мы доказываемъ странную вещь, что знаніе не опошливаетъ предметовъ, что оно не угрожаетъ ни одному возвышенному порыву человѣческаго сердца, ни одному разряду высокихъ дѣлъ и высокыхъ словъ, и мы доказываемъ это людямъ, которыхъ весь интересъ состоитъ въ томъ, чтобы не взводить никакихъ пошлостей на свой образъ мыслей и свое направленіе. Это, дѣйствительно, странно. Между тѣмъ, несовершенная напрасность такого рода доказательствъ можетъ быть подтверждена тѣмъ, что въ однихъ повѣстяхъ и романахъ такія самоубійственныя неловкости высказываютъ, а въ другихъ на нихъ указываютъ; тоже слѣдуетъ сказать и о живыхъ встрѣчахъ съ людьми, тоже о журналахъ и тоже о газетахъ.

Приверженцы здравыхъ понятій имѣютъ два повода утѣшиться за эти самоубійственныя неловкости: во-первыхъ, всѣ эти неловкости принадлежать новичкамъ, еще неуслѣвшимъ привыкнуть къ своему собственному образу мыслей; во-вторыхъ, какъ бы ни были самоубійственны эти неловкости и сколько бы онѣ ни мѣшали распространенію здравыхъ понятій, ихъ, все-таки, раздѣляетъ цѣлая бездна отъ тѣхъ рвзвыхъ и наивныхъ откровеній, которыя г. Писаревъ рассказываетъ про сочиненную имъ секту. Г. Писаревъ, все-таки, остается самъ по себѣ и одинъ-одинѣхолецъ.

«Сумраченъ, тихъ. одинокъ....» А вѣдь какъ старается увѣрить, будто не одинокъ? Какъ усердно упираетъ на г. Тургенева, будто и онъ тоже знаетъ о существованіи секты и даже написалъ романъ про нее? Но романъ читали всѣ и никакой секты въ немъ не замѣтили и слѣдовъ. Всѣ эти выдумки принадлежатъ г. Писареву. Этотъ Базаровъ, непризнающій ника-

кого регулятора, при случаѣ—естествоиспытатель Фохтъ, при случаѣ—душитель Фарингеа, при однихъ обстоятельствахъ—воршика, при другихъ — головорѣзъ и, стало-быть, при всякихъ обстоятельствахъ — отъявленный бездѣльникъ, тоже произведеніе г. Писарева. Заставить г. Тургенева отдать полную справедливость и принести дань уваженія такому бездѣльнику, значить тоже выдумать на г. Тургенева величайшую небылицу. Въ его романѣ ничего такого нѣтъ; его отношенія къ своему герою совершенно свободны: онъ не льститъ ему и не преклоняется передъ нимъ. Онъ скорѣе относится къ нему, можетъ какъ человѣкъ, знающій жизнь и всѣ условія нашего успѣха въ различныхъ отрасляхъ ея, относится къ человѣку, знающему все это не очень твердо и, однако, самоувѣренному, будто онъ все насквозь видитъ и знаетъ. Выдумка г. Писарева о преклоненіи г. Тургенева передъ его пересочиненнымъ Базаровымъ, сдѣлана г. Писаревымъ для того, чтобы имѣть случай публично отдать справедливость своей курьезной философіи. И этою самою выдумкою г. Писаревъ ухитрился поставить себя между Сциллою и Харибдой. Съ одной стороны, г. Антоновичъ, какъ мы видѣли, съ ожесточеніемъ нападаетъ на г. Тургенева за то, что подзрѣваетъ въ немъ намѣреніе привить къ своему герою нѣкоторыя, далеко не злодѣйскія и не омерзительныя, а только не очень любезныя слабости: пристрастіе къ картишкамъ, склонность къ шампанскому и любовь къ хорошимъ кушаньямъ; и г. Антоновичъ былъ бы совершенно правъ, если бы намѣреніе г. Тургенева—привить такія слабости къ типическому представителю юнаго поколѣнія, могло быть доказательствомъ. Между тѣмъ, г. Писаревъ совершенно открыто и нисколько не двусмысленно, приписываетъ этому представителю не слабости, а уголовный образъ мыслей—совершеннѣйшее безразличіе къ наукѣ, грабежу и душегубству, да, къ тому же, еще похваливаетъ его за эту философію. Что подумаетъ о г. Писаревѣ и его философіи г. Антоновичъ? Съ другой стороны, выдумавъ на г. Тургенева, будто онъ представителю юнаго поколѣнія навязалъ такой курьезный и, вѣстѣ, злодѣйскій образъ мыслей, и будто этому образу мыслей онъ отдалъ, притомъ, дань уваженія, г. Писаревъ удружилъ г. Тургенева такъ, что ему, находящемуся теперь за границей, никогда не пришлось бы увидѣть родныхъ полей своихъ, не будь только взведенная на него выдумка небывальщиной: минимые индѣйскіе душители потребовали бы у него

отчета за страшную клевету; другіе честные люди стали бы прискрывать: какъ онъ не устыдился принести дань уваженія индѣйскимъ душителямъ? Что подумаетъ о г. Писаревѣ и его остроуміи г. Тургеневъ?

Да что подумаетъ?—скажетъ: куда дѣвался смѣхъ въ Россіи? потому-что для философіи г. Писарева наилучшій палъятивъ состоитъ въ томъ, чтобы ее замѣтили и чтобы надъ ней посмѣялись.

Представителемъ третьяго мнѣнія о романѣ г. Тургенева служить критикъ *От. Записокъ*. Мнѣніе это имѣетъ ту особенность, что оно вытекаетъ изъ образа мыслей и направленія, совершенно противныхъ тому образу мыслей и тому направленію, которыя г. Тургеневъ придалъ своему герою и которыя одинъ изъ двухъ предыдущихъ критиковъ г. Тургенева находитъ въ его романѣ опшленными, и за то его порицаетъ, а другой возвеличенными, и за то ему удружаетъ... Всѣ усилія критика *От. Записокъ*, поэтому, естественно склоняются къ тому, чтобы всѣ недостатки Базарова объяснить совершенною несостоятельностью его направленія въ самой его сущности. Этому критику, само собою разумѣется, хочется также показать, что такова именно господствующая мысль и цѣль и самаго романа г. Тургенева. Очевидное доказательство, что крайности сходятся. Мы видѣли, что г. Антоновичъ о главной мысли и цѣли *Отцовъ и Дѣтей* думаетъ точно такъ же. Разница состоитъ только въ томъ, что критикъ *Современника* думаетъ, что это дурная мысль и нехорошая цѣль, а критикъ *От. Записокъ* полагаетъ, что это превосходная мысль и очень хорошая цѣль—почему? потому-что этотъ способъ толкованія романа г. Тургенева есть единственный, который можетъ быть принятъ съ точки зрѣнія *От. Записокъ*. Но мы уже знаемъ, къ какимъ неестественнымъ натяжкамъ нужно обращаться, чтобы доказать, что г. Тургеневъ относится къ своему главному герою въ духѣ вражды и личной ненависти; а, между тѣмъ, *От. Запискамъ*, для истолкованія *Отцовъ и Дѣтей*, съ своей точки зрѣнія, эти натяжки необходимы въ той же мѣрѣ, въ какой они необходимы въ видахъ г. Антоновича. И *От. Записки* не избѣгли этого камня преткновенія съ своимъ взглядомъ на романъ г. Тургенева, какъ на вещь, написанную въ духѣ партіи. Только *От. Записки* повертели свои натяжки въ ту сторону, что романъ г. Тургенева—превосходный романъ, потому превосходный, что ужъ слишкомъ

вѣрно изображаетъ, что за народецъ—эти представители новаго умственнаго движенія въ нашемъ обществѣ и литературѣ, эти отрицатели съ ихъ направленіемъ, прямо упирающіеся въ волка, щуку, тигра и какого угодно кровожаднаго звѣря. Статьи *От. Записокъ*, такъ и называется *Иринциты и Ощущенія*. Выходитъ, Базаровъ прямо пойманъ на словѣ, въ минуту умственной разладицы, которая въ г. Писаревѣ растянута въ нормальное, всегдашнее состояніе, потому что г. Писаревъ философствуетъ уже не въ первый разъ и все въ одномъ и томъ же родѣ. О той системѣ мыслей, которую *От. Записки* предполагаютъ основанной на ощущеніяхъ, онѣ разсуждаютъ и произносятъ приговоръ, имѣя главнымъ образомъ въ виду именно философію *Русскаго Слова*, гдѣ пишетъ г. Писаревъ. Эту мысль нашу мы можемъ доказать слѣдующею цитатой (От. Записки. Мартъ. Совр. Хрон. стр. 109):

«Теорія ощущеній есть одна изъ самыхъ простыхъ и ясныхъ теорій, и потому имѣетъ строгость математическую. Но я не люблю, когда послѣдователи этой теоріи затрудняются нѣкоторыми мелочами. Зачѣмъ они чувствуютъ привязанность къ роднымъ и друзьямъ? зачѣмъ любятъ женщинъ (а не наслаждаются ими)? зачѣмъ воюютъ за классы угнетенные? * Между тѣмъ, такая непослѣдовательность у нихъ есть и, по мнѣнію очень многихъ, эта ошибка составляетъ лучшее ихъ достоинство. Правда, и я ихъ за это больше люблю, но за то перестаю называть философии Ястребъ, волкъ, тигръ, щука, проводить теорію ощущеній, каждый въ своей области самымъ послѣдовательнымъ образомъ, и они лучшіе адепты школы. Ястребъ ** никогда не вступится за голубя, и Базаровъ совершенно логически похвалилъ муравья, который тащилъ мужу: «тащи ее, братъ, тащи! несмотря на то, что она упирается, пользуйся тѣмъ, что ты, въ качествѣ животнаго (совершенно логично!), имѣешь право непризнавать чувства состраданія». Но когда я вижу матеріалиста, который хлопочетъ о неграхъ, о низшихъ классахъ народа — кладу палецъ удивленія себѣ на уста».

* Странно, что критикъ *От. Записокъ* зная такіе факты о приверженцахъ непріятной ему системы мышленія, считаетъ ихъ несколько не относящимися къ самой системѣ и даже противорѣчащими ей. Задуматься надъ такимъ видимымъ противорѣчіемъ вполне достойно человеческой мысли, и занятію этому можно предаться не безъ великой пользы

** Но ястребъ за ястреба, волкъ за волка и т. д. вступаются. Есть такъ же пословица: собака собаку не бьетъ. Отчего философъ *От. Записокъ* удивляется въ человѣкѣ свойству, замѣченному даже въ животныхъ?

И не мудро, г. критикъ *От. Записокъ*. Вашей искренности трудно не повѣрить: ваши понятія сформированы такимъ образомъ, что вы можете находить параллель между такими двумя парами, какъ *муравей съ мухой* и *материалистъ съ леи-ромъ*?! Вамъ ничего такъ же не значить заподозрить чело-вѣка не вашего образа мыслей въ кровожадности по тому поводу, что онъ муравья, по его званію *животнаго*, считаетъ *въ правъ быть безжалостнымъ*. Но мы васъ понимаемъ: философія г. Писарева дала вамъ полное право на то, чтобы въ нашей литературѣ, время отъ времени, появлялись несправедливости, подобныя вашей, противъ людей, никому неуступающихъ ни честностью своихъ намѣреній, ни возвышенностью своихъ стремленій. Но только о г. Писаревѣ вы должны знать, что онъ не относится къ настоящимъ представителямъ непріятнаго вамъ образа мыслей даже и такъ, какъ, напримѣръ, Ситниковъ относится къ Базарову. Базаровъ говоритъ своему пріятелю Кирсанову о своемъ же пріятелѣ Ситниковѣ: «Ты пойми, что мнѣ эти люди нужны... не боги же, въ самомъ дѣлѣ, горшки обжигаютъ». Но тѣ люди—мыслители, поэты, ученые, гражданскіе дѣятели, образъ мыслей которыхъ вы, повидимому, смѣшиваете съ философіей г. Писарева, о г. Писаревѣ не сказали бы и этого: онъ для нихъ и горшки обжигать не годится. Нельзя сказать такъ же, чтобы вы очень снисходительно поступили въ отношеніи вашихъ разномысленниковъ, еще и въ томъ, что непріятное вамъ направленіе вы уличаете на стихахъ г. Крестовскаго и на проводимой вами между нимъ и г. Фетомъ параллели. Какое же есть отношеніе между г. Крестовскимъ и какимъ бы то ни было направленіемъ? Онъ пишетъ стихи — иногда вовсе бездарные, какъ случается и съ г. Фетомъ, а иногда такъ—себѣ, что такъ же бываетъ и съ г. Фетомъ—вотъ и все.

Но и за всѣмъ тѣмъ, мнѣнію *От. Записокъ* мы должны отдать справедливость: оно не напускное и оно чуждо всякихъ постороннихъ цѣлей, кромѣ цѣлей искренняго убѣжденія. Русскій журналистъ долженъ быть радъ всякій разъ, когда ему придется заявить о такомъ фактѣ, безъ всякихъ постороннихъ цѣлей.

З—ъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОГРЕССЪ.

(Нѣкоторыя размышленія по поводу полемики между Гг. Курочкинымъ и Бауманомъ и обстоятельствъ, сопровождающихъ эту полемику.)

Читателю, конечно, нѣтъ никакого дѣла до закулисныхъ тайнъ литературы и журналистики; намъ тоже нѣтъ до нихъ никакого дѣла, если онѣ не представляютъ какого нибудь особеннаго характера. Но въ то время, когда онѣ могутъ возбудить нѣсколько мыслей и, можетъ быть, не бесполезныхъ, мы считаемъ обязанностію воспользоваться ими, на сколько позволяютъ средства.

Въ недавнее время русскіе читатели познакомились изъ газетъ съ одною тайною закулисной жизни нашей журналистики. Какая надобность была публиковать эту тайну, этого хорошо объяснить себѣ мы не можемъ. Можетъ быть, читатели будутъ счастливѣе насъ въ объясненіи этого факта. Дѣло, о которомъ говоримъ мы, напечатано въ 4 изданіяхъ: въ Иллюстраціи, въ Сѣверной Пчелѣ, въ Петербургскихъ Вѣдомостяхъ и въ Инвалидѣ. Кто читалъ его въ отрывочныхъ газетныхъ статейкахъ, тотъ понимаетъ его еще меньше, чѣмъ мы. Потому, для объясненія факта, каковъ бы онъ ни былъ, (а мы считаемъ его совсѣмъ немаловажнымъ), мы постараемся соединить извѣстія, разбросанныя въ разныхъ газетахъ; но, напередъ, скажемъ нѣсколько словъ вмѣсто вступленія.

Г. Бауманъ издаетъ «Иллюстрацію». До февраля этого года редакторомъ его изданія, въ продолженіе 7 или 8 мѣсяцевъ, былъ г. Н. Курочкинъ. Публикѣ больше ничего не было извѣстно до самаго февраля.

Въ февралѣ, въ газетахъ является вдругъ слѣдующее извѣстіе:

«Къ издателю Сѣверной Пчелы.

«Экономическія соображенія издателя Иллюстраціи, г. Баумана иностранца, незнающаго русскаго языка, дѣлаютъ для меня затруднительною, а для него непонятною оцѣнку литературныхъ трудовъ, назначаемыхъ для его изданія. При такомъ неловкомъ положеніи дѣла, я не нахожу возможнымъ продолжать его, какъ бы желалъ, и потому отъ завѣдыванія редакціею Иллюстраціи, съ сего Февраля мѣсяца, отказываюсь. Считаю необходимымъ заявить это, какъ для того, чтобы публикѣ была извѣстна причина моего отстраненія отъ редакціи, такъ и для того, чтобы иногородныя лица, приглашенныя мною и удостоившія меня своимъ сотрудничествомъ, узнали раньше, нежели я ихъ успѣю увѣдомить, объ оставленіи мною редакціи, и прекратили тѣ труды, которые они предприняли, по моему приглашенію».

Н. Курочкинъ.

Сѣв. Пч. № 37, 7 Февр. 1862 г.

Дѣло, какъ видно, состоитъ въ томъ, что г. Курочкинъ перестаетъ быть редакторомъ Иллюстраціи. Дѣло это изъ самыхъ обыкновенныхъ; не разъ перемѣнялись редакторы въ тѣхъ или другихъ журналахъ, или газетахъ, и публика узнавала объ этомъ только черезъ небольшую перемѣну на заглавномъ листѣ журнала или газеты. Въ объявленіи г. Н. Курочкина, публика прочтала вѣскольکو больше. Оказывается, что г. Курочкину сдѣлалась затруднительна оцѣнка литературныхъ трудовъ, назначаемыхъ для Иллюстраціи, и именно въ слѣдствіе экономическихъ соображеній издателя, который вдругъ оказывается иностранцемъ, и притомъ незнающимъ русскаго языка. Оказывается еще, что для самого издателя Иллюстраціи оцѣнка литературныхъ трудовъ, назначаемыхъ для его изданія, совершенно не понятна. Кромѣ того, читатель видитъ изъ публикаціи, что г. Курочкинъ *отказывается* отъ завѣдыванія редакціею Иллюстраціи. Наконецъ, г. Курочкинъ хочетъ непременно, чтобы *публикѣ была извѣстна причина его отстраненія отъ редакціи*; онъ имѣетъ въ виду также и то, чтобы иногородные сотрудники *прекратили тѣ труды, которые они приняли по его приглашенію*. Читатель, который умѣетъ хорошо читать, въ этой публикаціи прочтетъ многое и удивится также многому.

Что же, въ самомъ дѣлѣ, развѣ г. Бауманъ не имѣлъ прежде экономическихъ соображеній, издавая свой журналъ въ то время, какъ г. Курочкинъ былъ редакторомъ его? Впрочемъ, экономическія соображенія можно принимать въ двухъ смыслахъ; въ одномъ смыслѣ онѣ не имѣютъ ничего предосудительнаго, и безъ нихъ не обойдется никакое изданіе, въ другомъ, когда онѣ составляютъ главную задачу при изданіи журнала, когда все приносится имъ въ жертву, онѣ не имѣютъ ничего похвальнаго. Въ какомъ смыслѣ г. Курочкинъ употребилъ здѣсь слово «экономическія соображенія»? Журналъ не могъ существовать безъ экономическихъ соображеній въ первомъ смыслѣ; стало быть, если въ объявленіи г. Курочкина, экономическія соображенія являются какъ причина факта новаго, читатель можетъ ихъ принять только во второмъ смыслѣ, что подтверждается и послѣдующими словами, что именно онѣ затрудняютъ оцѣнку т. е. справедливую оцѣнку литературныхъ трудовъ. Очень жаль, что въ объявленіи г. Курочкина есть эти выраженія, бросающія тѣнь на издателя Иллюстраціи. Основательно или неосновательно, умышленно или неумышленно употреблено здѣсь это выраженіе, объ этомъ мы не говоримъ; вѣроятно, и читатель пока не въ состояніи сказать своего опредѣленнаго мнѣнія. — Дальше — почему же незнаніе издателемъ Иллюстраціи русскаго языка вдругъ сдѣлалось тоже препятствіемъ къ оцѣнкѣ литературныхъ трудовъ? Вѣроятно, г. Бауманъ не забылъ русскаго языка, а не зналъ его никогда; равнымъ образомъ, если онъ оказался иностранцемъ сегодня, то онъ былъ иностранцемъ и вчера, и слѣдуя извѣстному силлогизму, онъ могъ продолжать свои занятія. А, между тѣмъ, оказывается, что и самъ онъ, повидимому, не могъ продолжать свои занятія и г. Курочкину помѣшалъ продолжать его занятія. Вообще, объявленіе г. Курочкина должно было навести читателя на многія и, при томъ, очень странныя мысли.

На другой день послѣ публикаціи г. Курочкина выпелъ 206-й № Иллюстраціи, гдѣ напечатаны уже два объявленія: одно отъ имени г. Курочкина, другое отъ имени издателя г. Баумана. Мы прилагаемъ и оба эти объявленія, чтобы читатели могли частію сами познакомиться съ ними, если интересуются дѣломъ, частію повѣрить соображенія, которыя мы выскажемъ.

«Экономическія соображенія г. издателя, препятствующія осуществленію предпринятыхъ мною преобразованій «Иллюстраціи,» застав-

лично мнѣ оставить редакцію этого журнала. Слагая съ себя, по этому, всякую дальнѣйшую отвѣтственность, я отстраиваюсь отъ всякаго сотрудничества и участія въ ней. 2-го февраля 1862 года.

Н. Курочкинъ.

Отъ издателя.

«Во вчерашнемъ номерѣ «Сѣверной Пчелы» помѣщено письмо г. Курочкина къ издателю. Чтобы доставить ему удовольствіе поскорѣ прочесть отвѣтъ нашъ, спѣшимъ, покаместъ, сообщить читателямъ нашимъ слѣдующее:

Г. Курочкинъ говоритъ, что мои экономическія соображенія и незнаніе русскаго языка, дѣлающее для меня непонятною, а для г. Курочкина затруднительною оцѣнку литературныхъ трудовъ, заставляютъ его отказаться отъ редакціи издаваемого мною журнала.

Незнаю, почему г. Курочкинъ счелъ необходимымъ сообщить публикѣ о причинахъ этого отказа; но, съ своей стороны, не могу не завѣсть, что онъ вовсе не тѣ. какія онъ приводитъ дѣла было гораздо проще: г. Курочкинъ принялъ на себя редакцію «Иллюстраціи» съ условіемъ, довести число ея подписчиковъ до 4 тысячъ, а если оно не достигнетъ трехъ въ нынѣшнемъ году—отказаться отъ редакціи. Въ концѣ января, я напомнилъ ему объ этомъ условіи, онъ просилъ у меня еще три мѣсяца продолжать редакторство и тысячу рублей—для вознагражденія его сотрудниковъ. Я отказался принести эту неую жертву, которая, по моему мнѣнію, нисколько не улучшила бы положенія журнала и если виною этого отказа, по мнѣнію Курочкина, экономическія соображенія, то нельзя не сознаться, что они, же повидимому, заставляли его настаивать на продолженіи его редакціи. Незнаніе мною русскаго языка, впрочемъ, не простирающееся до такой степени, чтобы не понимать того, какъ г. Курочкинъ въясняется по русски—очевидно, не могло имѣть ни малѣйшаго вліянія на отказъ г. Курочкина, какъ не имѣло вліянія на принятіе имъ редакціи. Что же касается до его заботы о томъ, чтобы иногородные сотрудники успѣли узнать объ оставленіи редакціи г. Курочкинымъ и прекратили свои труды для нея, то я полагаю, что почтенныя лица эти работали не для г. Курочкина, а для журнала, который никогда не отказывался исполнить всѣхъ обѣщаній, данныхъ редакцію, и вознаградить по условію за всѣ статьи, заготовленныя для этого журнала—что должно быть хорошо извѣстно г. Курочкину, помѣщавшему даже до послѣдняго номера нынѣшняго года статьи, заготовленныя еще прежнею редакцію.»

Алексѣй Бауманъ

Иллюстр. № 206 8 февр. 1862 года. —

Просимъ покорно обратить вниманіе на разницу въ двухъ объявленіяхъ г. Курочкина. Во второмъ объявленіи, напечатанномъ въ Иллюстраціи, уже нѣтъ того, что г. Бауманъ иностранецъ, что онъ не знаетъ русскаго языка, и что для него непонятна оцѣнка литературныхъ трудовъ. Нѣтъ также пригласе-

нія прекратить труды, принятыя по приглашенію г. Курочкина. «Экономическія соображенія» есть, но они не служатъ для редактора препятствіемъ къ оцѣнкѣ литературныхъ трудовъ, онѣ служатъ препятствіемъ къ осуществленію преобразования; а это уже другое дѣло: преобразованія требуютъ особенныхъ средствъ, а ихъ не всякій имѣетъ, и потому «экономическія соображенія» во второмъ объявленіи г. Курочкина, — уже не имѣютъ того характера, какой они имѣютъ въ первомъ.

Но еще большее несогласіе съ первымъ объявленіемъ г. Курочкина представляетъ объявленіе г. Баумана. Г. Бауманъ приводитъ совсѣмъ другія причины, почему г. Курочкинъ перестаетъ быть редакторомъ Иллюстраціи; именно г. Бауманъ увѣряетъ, что, принимая на себя редакцію Иллюстраціи, г. Курочкинъ обѣщаль *довести число ея подписчиковъ до 4 т., а если оно не достигнетъ 3-хъ въ нынѣшнемъ году, отказаться отъ редакціи*. Г. Бауманъ увѣряетъ, что, вслѣдствіе этого, онъ и написалъ въ концѣ января г. Курочкину о его условіяхъ; тогда г. Курочкинъ и просилъ, что бы г. Бауманъ позволилъ ему еще три мѣсяца продолжать редакторство, и выдалъ бы 1000 руб. для вознагражденія сотрудниковъ. Какая же, въ самомъ дѣлѣ, была причина того, что г. Курочкинъ пересталъ быть редакторомъ Иллюстраціи? Если ужъ пошло на гласность, на изложеніе всѣхъ обстоятельствъ передъ публикою, если г. Курочкину непременно хочется, чтобы «публикѣ была извѣстна причина его отстраненія отъ редакціи» * такъ публика и должна знать и понимать все до подробности. Г. Бауманъ тоже принесъ свою лепту на алтарь гласности, и его лепта говоритъ совсѣмъ не то, что лепта г. Курочкина. Впрочемъ, надобно прибавить, что г. Бауманъ не партизанъ такого рода гласности; онъ прямо говоритъ, что пишетъ свое объявленіе, только вынужденный невѣрнымъ объявленіемъ г. Курочкина. По видимому, онъ хотѣлъ ограничить все извѣщеніе о перемѣнѣ редакціи Иллюстраціи только тѣмъ объясненіемъ, которое прислалъ ему г. Курочкинъ отъ 2-го февраля, и которое напечатано въ Иллюстраціи. Удивительно то что г. Курочкинъ, пославъ одно объявленіе въ Иллюстрацію, счелъ возможнымъ послать и другое въ другую газету, давая этому другому объявленію совсѣмъ

* Мы, съ своей стороны, думаемъ, что публикѣ до этого никакого дѣла нѣтъ, или, лучше сказать, прежде не было никакого дѣла, а теперь уже есть дѣло.

различный смыслъ къ невыгодѣ какъ журнала, котораго онъ былъ редакторомъ, такъ и его издателя.

Впрочемъ, кто тутъ вполнѣ правъ, кто вполнѣ виноватъ, это еще не совсѣмъ видно, объясненія надобно подождать отъ слѣдующихъ публикацій. Но, прежде нежели, дошло до послѣдующихъ объясненій, со стороны г. Курочкина, въ Сѣверной Пчелѣ, явилось слѣдующее объявленіе.

«Къ издателю Сѣверной Пчелы»,

По случаю перехода журнала Иллюстрація подъ завѣдываніе другой редакціи, нижеподписавшіеся долгомъ поставляютъ довести до свѣдѣнія читателей этого изданія, что они прекращаютъ въ немъ всякое дальнѣйшее сотрудничество:

В. Пеньковъ, В. Толбинъ, А. Ушаковъ, П. Мельниковъ, (Андрей Печерскій), А. Потѣхинъ, Н. Потѣхинъ, И. Піотровскій, Э. Крупянскій, Н. Кроль, П. Боклевскій, В. Курочкинъ, А. Ничипоренко, А. Апухтинъ, Г. Жулевъ, Г. Блисеевъ (Грыцько), С. Максимовъ, Г. Руссель, Д. Минаевъ, И. Чернышовъ, А. Витковскій, И. Горбуновъ, М. Семейскій, И. Яфимовичъ, А. Майковъ, Н. Лѣсковъ, М. Стопановскій, В. Влагинъ, К. Бестужевъ-Рюминъ, М. Хмыровъ, В. Крестовскій, Н. Соколовскій, А. Афанасьевъ (Чужбинскій), П. Лавровъ, Н. Альбертини, П. Якушкинъ.

Сѣв. Пчел. № 38. 8 февраля 1862.

Такимъ образомъ, дѣло получаетъ новыя complicаціи, которыя еще больше запутываютъ его. 35 сотрудниковъ Иллюстраціи объявляютъ, что они прекращаютъ свое сотрудничество. Но, вслѣдъ за тѣмъ, г. Бауманъ объявляетъ, что изъ этихъ 35 именъ двадцать одно * имя совсѣмъ не являлось въ Иллюстраціи. Это объявленіе г. Баумана довольно-велико и мы не выпишемъ его. Замѣтимъ только, что г. Бауманъ говоритъ въ немъ о г. Курочкинѣ: *«не самъ онъ добровольно отказался отъ редакторства, но я принужденъ былъ напомнить ему о нашихъ условіяхъ, потерявъ, во время его редакціи, четверть абонементовъ»*.

Вслѣдъ за тѣмъ, г. Курочкинъ печатаетъ въ Сѣверной Пчелѣ новое объявленіе, которымъ опровергаетъ показаніе г. Баумана.

* Гг. Пеньковъ, Потѣхинъ, Піотровскій, Крупянскій, Кроль, Боклевскій, В. Курочкинъ, Ничипоренко, Апухтинъ, Жулевъ, Блисеевъ, Руссель, Чернышовъ, Яфимовичъ, Лѣсковъ, Бестужевъ-Рюминъ, Хмыровъ, Соколовскій, Лавровъ и Альбертини. Прим. Мы думаемъ, что никогда честное имя не можетъ быть компрометировано ни какою неосторожностью; потому и приводимъ всѣ эти имена, которыя одинъ разъ уже были напечатаны. — Если кто извлечетъ изъ всей этой исторіи, что на подпись слѣдуетъ смотрѣть по серьезнѣе, этому мы будемъ очень рады.

Оказывается, что изъ этихъ именъ трое * действительно участвовали въ его журналѣ, шестеро ** номѣстили не одной или по нѣскольку статей, — значить, г. Бауманъ сказалъ о нихъ неверно, что они прекращаютъ въ Иллюстраціи сотрудничество только своихъ именъ; но все-таки выходитъ, что остальные 12 человекъ объявили о прекращеніи своего сотрудничества, действительно не начинавшагося. Все это очень странно и нуждается въ объясненіи. Кроме того, въ томъ же самомъ объявленіи, г. Курочкинъ сообщаетъ, какъ онъ понимаетъ новыя данныя и для объясненія дѣла собственно между нимъ и г. Бауманомъ. Объявленіе это очень велико, и мы его не выпишемъ цѣлѣмъ, а извлечемъ изъ него только то, что относится прямо къ дѣлу. Вотъ что пишетъ г. Курочкинъ:

«Стараясь опровергнуть заявленную мною причину моего отказа, г. Бауманъ не пощеремонился украсить свои отвѣты фантастическими вымыслами, (что я принялъ редакцію съ условіемъ достигнута числа подписчиковъ до 4 тыс. — какъ будто возможно заключать такия условія? просилъ у него тысячу рублей для вознагражденія (?) сотрудниковъ, и настаивалъ на продолженіи своего редакторства), пошлыми остроумиями и выходками противъ моей личности (говорила на примѣръ, что я не исполнилъ своихъ обѣщаній въ отношеніи къ нему — какихъ?) и даже противъ своего журнала за время моего изъ завѣдыванія, измѣряя направленіе и достоинство изданія цифрою подписки.»

«Вотъ какъ происходило самое дѣло:

«Въ концѣ мая прошлаго года, г. Бауманъ пригласилъ меня принять завѣдываніе редакціею Иллюстраціи. Занятый другими работами, я не рѣшительно соглашался на это; но когда г. Бауманъ принялъ всѣ условія по отношенію къ сотрудникамъ, то мы заключили домашнее условіе на полгода, съ тѣмъ, что если, по окончаніи срока (1-го января), число подписчиковъ не увеличится въ сравненіи съ прежними годами, то условіе наше уничтожается; ни о какихъ обязательныхъ 4 тысячакъ, разумѣется, при этомъ и помину быть не могло. Невозможность большого осуществленія идеи журнала въ предположенномъ мною направленіи, множество иностранныхъ клише, доставшихся мнѣ по наслѣдству отъ старой редакціи, или высланныхъ заграничными агентами г. Баумана, и имъ уже оплаченныхъ, неизмѣвшихъ, по моему мнѣнію, никакого интереса для русской публики, не позволяли мнѣ въ короткій послугодовой срокъ сдѣлать журналъ на столько полезнымъ для общества, какъ я это предполагалъ. Съ другой стороны, особыя обстоятельства общей подписки на 1862 годъ, въ которой число абонентовъ уменьшилось почти во всѣхъ журналахъ, ком-

* Гр. Щенковъ, Потѣхинъ и Ничипоренко.

** Пиотровскій, Альбертини, Елисеѣвъ, Жудевъ, Руссовъ и Лавровъ.

пурриция своею величининою художественности изданій, и, между прочимъ, дешевой иллюстрированности Лестля, вероявшаго отъ г. Баумана въ собственность г. В. Зотала, впрочемъ то, что, по отношенію къ временнымъ расходамъ, чело подписчиковъ нѣсколько показывается у Иллюстраціи, и, следовательно, условія наша, къ 1 января само собою уничтожались:

Г. Бауманъ въ этотъ срокъ, однако же, мнѣ не заявилъ, что онъ думаетъ воспользоваться этимъ уничтоженіемъ; а же, съ своею откровенностію, разсуждая не по логикѣ цифръ, полагаю, что онъ видя въ численныя многа обстоятельство, будучи, убѣжденъ, что будущность журнала упрочивается на измѣнчивой цифрѣ подписки, а тѣмъ незначительнымъ капиталомъ, который затрачивается на его веденіе; я думалъ, что въ теченіе этого срока г. Бауманъ могъ достаточно удостовѣриться, добросовѣстно ли все я его дѣло, сдѣлавшееся для меня какъ бы своимъ, и что мы уже этимъ дѣломъ на столько сблизимся, что можемъ обойтись безъ всякихъ формальныхъ условій, и продолжалъ свою дѣятельность: заявилъ публикѣ программу * своего плана на текущій годъ (которую видѣлъ г. Бауманъ,) обращался, отъ имени журнала, * съ предложеніями и обѣщаніями къ новымъ лицамъ и т. д. Оказалось, однакоже, что г. Бауманъ думалъ иначе. Въ послѣднихъ числахъ января я получалъ отъ него письмо, гдѣ онъ, объясняя, что число подписчиковъ его не удовлетворяетъ, и что онъ рѣшился на строгую экономію, писалъ ко мнѣ, что, «къ крайнему сожалѣнію, онъ принужденъ отказаться (renoncer) отъ моеи редакціи, и просилъ меня продлить ее еще на мѣсяць, пока онъ приметъ свои мѣры, чтобы не было задержки въ выходѣ номеровъ.» Такое письмо, естественно, меня чрезвычайно удивило и оскорбило: предърижимая такую важную мѣру, какъ перемѣна редактора, г. Бауманъ, опираясь только на цифру расходовъ, *** не потрудился даже пріѣхать ко мнѣ или пригласить меня къ себѣ, чтобы согласиться—какимъ образомъ можно было-бы сократить издержки безъ ущерба для сотрудниковъ и подписчиковъ, и полагалъ, что для этого довольно одного его письма Я отвѣчалъ г. Бауману сожалѣніемъ, что дѣла его журнала такъ плохи, навѣ ему это известно, (такъ какъ недавня вообще подписка на журналы въ нѣтъшнемъ году далеко еще не окончилась, а у Иллюстраціи уже около двухъ тысячъ подписчиковъ), не замечая, что на чрезуръ страннее предложеніе его о продолженіи редакціи на одинъ мѣсяць, я не могъ согласиться, а закончу только № 1-мъ января, который долженъ былъ выйти два послѣ его любезнаго письма, что и было мною исполнено.

«На другой день по выходѣ номера, я объяснилъ присланному г.

* И которая конечно заявлена далеко прежде 1-го января.

** Просилъ некорректно обратить вниманіе на эти слова. Г. Курочкинъ обратился съ предложеніями и обѣщаніями отъ имени журнала.

*** Кромѣ расходовъ г. Бауманъ, какъ оказывается, опирался еще на цифру доходовъ т. е. на цифру подписки.

Бауманомъ ко мнѣ посреднику всю *неделикатность* поступка г. Баумана, и сообщилъ ему, что я отстраняюсь рѣшительно отъ всякаго участія въ журналѣ, если г. Бауманъ предо мной не извинится. Въ случаѣ же его извиненія, чтобы своимъ отказомъ не ставилъ г. Баумана въ неловкое положеніе, я соизволила, *но не настаивала на продолженіи своей редакціи и не иначе, какъ на три мѣсяца, такъ какъ такой срокъ считала необходимымъ, какъ для себя, чтобы выполнить хотя нѣкоторыя изъ своихъ обязательствъ передъ сотрудниками и читателями, такъ и для г. Баумана, чтобы онъ успѣлъ въ это время соблюсти неизбѣжныя при перемѣнѣ редакціи, формальности и приискалъ новаго редактора, которому я могъ бы передать все, что думала осуществить для журнала.»*

Сѣв. Пч. № 52.

23 Февраля 1862.

Н. Курочкинъ.

Кромѣ того, въ этомъ объявленіи г. Курочкинъ объясняетъ, что, требуя съ г. Баумана 1000 руб., онъ требовалъ ихъ не для уплаты сотрудникамъ, а въ свою пользу и, при томъ, вмѣсто 630 руб. которые онъ, вѣроятно, получалъ прежде; за что онъ обязывался увеличить свои работы для журнала, и, такимъ образомъ, сократить издержки его изданія. Г. Бауманъ не согласился на эти условія, а черезъ посредника прислалъ свои, на которыхъ не согласился г. Курочкинъ, и дѣло разстроилось. Послѣ чего, г. Курочкинъ отправилъ свое первое объявленіе въ газеты.

Дѣло на этомъ не остановилось. Г. Бауманъ, въ слѣдующемъ № Иллюстраціи, помѣстилъ свой послѣдній отвѣтъ г. Курочкину, который мы тоже не будемъ приводить вполнѣ, а извлечемъ изъ него самыя существенныя мѣста. Вотъ что говоритъ г. Бауманъ:

«Въ письмѣ своемъ, г. Н. Курочкинъ сознается, что условіе между нами заключенное, конечно, не у маклерскихъ дѣлъ, на полгода, должно было уничтожиться—если къ 1 января число подписчиковъ не увеличится въ сравненіи съ прежними годами. *Оно не увеличилось по сознанію самого г. Курочкина, стало быть, никакиѣ экономическія соображенія не нужно было, чтобы мнѣ отказать отъ его редакціи.* Что же касается до ручательства его, по крайней мѣрѣ, за 3 тысячи подписчиковъ (г. Н. Курочкинъ вездѣ упоминаетъ о четырехъ, когда, очевидно, надо было принять только шіпіпіш, то есть три, по смыслу моего перваго письма)—такъ-какъ объ этомъ было только говорено, а не писано, то, очевидно, что ни я, ни г. Н. Курочкинъ не можемъ представить въ этомъ случаѣ юридическихъ доказательствъ. Тутъ все дѣло въ томъ: къ кому болѣе довѣрія будетъ имѣть публика: ко мнѣ ли, утверждающему, что г. Курочкинъ ручался за эту цифру, или къ г. Курочкину, увѣряющему, что

онъ не ручался. Впрочемъ, г. Курочкинъ могъ и забыть разговоръ объ этомъ, да и при существованіи подтвержденнаго имъ условія объ увеличеніи подписки—самая цифра увеличенія становится дѣломъ второстепеннымъ. Г. Н. Курочкинъ нѣсколько разъ особенно настаиваетъ на томъ, что для меня всего важнѣе цифра подписки, и что изъ-за нея только я отказалъ ему. Но неужели для него необходимо, чтобы я приводилъ и другія причины этого отказа?.. Для меня, какъ для издателя, приведенныхъ мною причинъ было достаточно—и обижаться тутъ было нечѣмъ. Вотъ, если бы я дѣйствительно производилъ оцѣнку статей, доставляемыхъ г. Курочкинымъ и нашолъ, что онъ почти ничего не редактировалъ—и вовсе не способенъ быть редакторомъ—тогда, конечно, онъ имѣлъ бы право сказать, что я, какъ иностранецъ, не могу судить объ этомъ. Но вѣдь я и не говорилъ этого...

Объясненіе г. Курочкина, для чего онъ требовалъ себѣ тысячу рублей, соглашаясь остаться еще на три мѣсяца редакторомъ, такъ темно и запутано, что я отказываюсь возражать на него, тѣмъ болѣе, что и тутъ надо вѣрить на словахъ—или г. Курочкину, или довѣренному лицу, которое было послано къ нему мною для переговоровъ. Очевидно, что я не могу не повѣрить послѣднему—хотя и здѣсь могло быть также недоразумѣніе со стороны г. Курочкина.

Что же касается до того, на сколько основательны вообще объясненія въ его письмѣ, приведу только одинъ примѣръ: уменьшеніе подписки на «Иллюстрацію,» онъ приписываетъ «конкуренціи вновь возникшихъ художественныхъ изданій и между прочимъ «Иллюстрированному Листку г. Зотова» а этотъ «вновь возникшій» «Листокъ» издается съ 1859 года и издаваемый мною, имѣлъ всегда свой особенный кругъ читателей, нисколько не мѣшая «Иллюстраціи,» потому что стоить гораздо дешевле ея.

Алексѣй Бауманъ.

Объясняется ли теперь для читателя сколько-нибудь дѣло, рѣшается ли вопросъ о томъ, самъ ли г. Курочкинъ отказался отъ редакціи Иллюстраціи или ему отказали, и по какимъ причинамъ? Повидимому, дѣло уясняется. Г. Курочкинъ признаетъ, что, дѣйствительно, условіе между нимъ и г. Бауманомъ было заключено съ тѣмъ, (т. е. условіемъ) что если по окончаніи срока (1-го января) число подписчиковъ не увеличится въ сравненіи съ прежними годами, то условіе уничтожается. Число подписчиковъ не только не увеличилось, напротивъ уменьшилось. Какъ нужно было поступить въ этомъ случаѣ той и другой сторонамъ? Очевидно, что это уменьшеніе подписчиковъ было къ невыгодѣ г. Баумана; въ такомъ случаѣ, противная сторона должна дѣйствовать съ особенною деликатностью, т. е. г. Курочкину слѣдовало, не дожидаясь ничего, изъяснить г. Бауману

свою готовность къ прекращенію всякихъ между ними отноше- ній. Г. Курочкинъ этого не сдѣлалъ; онъ думалъ, что тутъ слѣ- довало заявлять объ уничтоженіи уловія г. Бауману; самъ же онъ разсуждалъ не по догмѣ, цифрѣ, и былъ убѣжденъ, что будущность журнала упрочивается не гамбичшею цифрою под- писки, а тѣмъ невещественнымъ капиталомъ, который затрачи- вается на его веденіе. Онъ думалъ, что г. Бауманъ могъ доста- точно удостовѣриться, добросовѣстно ли велъ г. Курочкинъ его дѣло, и что они, наконецъ, на столько сблизились атимъ дѣломъ, что могли обойтись безъ всякихъ формальныхъ условій, и по- тому онъ продолжалъ свою дѣятельность. Но вотъ вопросъ: со- гласенъ ли былъ со всѣми этими взглядами г. Курочкина самъ г. Бауманъ? Былъ ли онъ убѣжденъ въ томъ, что на журналъ былъ затраченъ значительный и очень цѣльный невеществен- ный капиталъ, могъ ли онъ достаточно удостовѣриться, какъ ду- малъ г. Курочкинъ, въ томъ, что г. Курочкинъ велъ добросо- вѣстно свое дѣло; и, наконецъ, раздѣляетъ ли онъ взглядъ г. Курочкина, что можно обойтись безъ формальныхъ условій, ко- гда эти условія заключены. Или не могъ ли и онъ со своей сто- роны, обойтись безъ формальныхъ условій, т. е. прекратить вы- дачу г. Курочкину того, что онъ называетъ своимъ гонораріемъ? И если въ рѣшеніи одного изъ этихъ вопросовъ г. Бауманъ какъ-нибудь не сойдется съ г. Курочкинымъ, * то какъ рѣ- шить, кто изъ нихъ правъ, кто не правъ? И, вообще, какъ дол- женъ рѣшить предложенные г. Курочкинымъ вопросы всякій чи- татель, мы объ этомъ ничего не скажемъ; если читатель въ из- ложеніи всего этого дѣла, нашелъ себѣ какую-нибудь путеводя- щую нить, тѣмъ лучше. Мы будемъ только продолжать изложеніе дѣла. Хотя г. Бауманъ, къ 1 января и не заявилъ, что онъ намеренъ прекратить свои отношенія съ г. Курочкинымъ, какъ, по види- мому, онъ долженъ былъ сдѣлать, слѣдуя мнѣнію г. Курочкина; но прошель еще мѣсяць и къ 1 февраля г. Бауманъ, вѣроятно, съ своей стороны поджидавшій такого же заявленія со стороны г. Курочкина, наконецъ написалъ ему письмо, въ которомъ вы- разилъ свое сожалѣніе, что принужденъ отнестись отъ его ре- дакторства. *Этому письму г. Курочкинъ чрезвычайно удивил- ся и оскорбился имъ*, а что въ немъ было удивительнаго и ос-

* Самъ г. Курочкинъ говоритъ, что относительно предложенныхъ имъ вопросовъ г. Бауманъ думалъ иначе; да такъ слѣдуетъ и изъ дѣла.

корреспондента для г. Курочкина, просимъ читателей взглянуть въ последнее объявленіе самого г. Курочкина. Г. Курочкинъ думаетъ, что г. Бауману слѣдовало прійхать къ нему или пригласить его къ себѣ, а г. Бауманъ напротивъ «полагалъ, что для этого довольно одного его письма». * Мы думаемъ, что въ подобныхъ дѣлахъ, письмо, дѣйствительно, представляетъ самое удобное средство; потому, что оно избавляетъ отъ объясненія, во всякомъ случаѣ, неурядицъ. Г. Курочкинъ думаетъ объ этомъ достаточной степени иначе, что прямо и печатно называетъ поступокъ г. Баумана неделикатнымъ; онъ объясняетъ недѣликатность этого поступка г. Баумана и тому посреднику, котораго г. Бауманъ прислалъ къ нему. Очевидно г. Курочкинъ въ этомъ дѣлѣ уже перешолъ границы спокойствія. Въ последнемъ объявленіи онъ уже говоритъ о пошлыхъ островахъ г. Баумана, о выходкахъ противъ его личности, хотя, какъ мы показали, эти выходы сдѣланы были, напротивъ, г. Курочкинымъ противъ личности г. Баумана. Г. Курочкинъ приписываетъ г. Бауману пошлыя остроты и выходы противъ его личности только на томъ основаніи, что г. Бауманъ сказалъ, будто г. Курочкинъ не исполнилъ, своихъ обѣщаній въ отношеніи къ нему, хотя, въ томъ же самомъ объявленіи, г. Курочкинъ признается, что заключенныя между нимъ и г. Бауманомъ условія, дѣйствительно, могли продолжаться только въ такомъ случаѣ, если число подписчиковъ увеличится сравнительно съ прежними годами. Какъ ни толкуйте этого мѣста въ условіяхъ между г. Курочкинымъ и г. Бауманомъ, оно имѣетъ смыслъ принаго обязательствасо стороны г. Курочкина, какъ редактора; иначе ему незачѣмъ было стоять въ числѣ условій; конечно, Курочкинъ не хотѣлъ обмануть г. Баумана, поставивши въ письменномъ договорѣ между нимъ и г. Бауманомъ это мѣсто, дающее надежды издателю и не обременяющее ни къ чему редактора. Когда г. Бауманъ искалъ себѣ новаго редактора, очевидно, онъ рассчитывалъ на увеличеніе подписки. За что же г. Курочкинъ навизываетъ г. Бауману; «пошлыя остроты» потому только, что г. Бауманъ напечаталъ то, что было сказано въ письменномъ условіи?—Дальше г. Курочкинъ рассказываетъ, что онъ, предлагая свои новыя

* Впрочемъ разница этого взгляда происходитъ повидимому отъ другой болѣе существенной разницы. Г. Бауманъ въ письмѣ прямо отказывался отъ редакторства г. Курочкина. А г. Курочкинъ думалъ что въ это время имъ еще можно было соглашаться относительно сокращенія издержекъ.

условія, не настанвалъ на продолженіи редакторства; а только соглашался на него, и опять таки обвиняетъ г. Баумана за то, что онъ сказалъ, будто г. Курочкинъ «настанвалъ». Если, дѣйствительно, за основаніе для сужденія объ этомъ дѣлѣ принять только отдѣльныя слова изъ полемики г. Курочкина, а не весь смыслъ его разсказа, то г. Курочкинъ окажется, безъ сомнѣнія, правъ. Но, въ самомъ то дѣлѣ, онъ опять не правъ, ему отказываютъ черезъ письмо, къ нему посылають посредника, г. Курочкинъ прежде всего объясняетъ посреднику неделикатность поступка г. Баумана, требуетъ отъ него извиненія, предполагаетъ, что передъ нимъ, дѣйствительно, извинятся, на этотъ случай предлагаетъ новыя условія, и самъ же съ ними *соглашается*. Соглашаться можно на тѣ условія, которыя предлагаютъ со стороны, а соглашаться на свои собственные условія, это можно только въ такой полемикѣ, съ которою мы знакомимъ читателя. Въ этомъ случаѣ, именно, г. Бауманъ нисколько не показалъ, чтобы онъ желалъ продолженія редакторства г. Курочкина. Онъ желалъ только продленія ея на мѣсяць, чтобы не было задержки въ выходѣ номеровъ. Замѣчательно, что самъ г. Бауманъ думаетъ, что для этого достаточно одного мѣсяца, а г. Курочкинъ предлагаетъ свои услуги на три мѣсяца, чтобы г. Бауманъ успѣлъ въ это время соблюсти неизбѣжныя при перемѣнѣ редакціи формальности, и приискать новаго редактора.» И на эти то условія онъ соглашался. Жаль только, что г. Бауманъ не предлагалъ ихъ ему. Вообще, послѣднее объявленіе г. Курочкина весьма не состоятельно.

Отвѣтъ г. Баумана ставитъ еще другой вопросъ: кому повѣрить публикѣ: ему ли, когда онъ утверждаетъ, что г. Курочкинъ ручался за 3000 подписчиковъ, или г. Курочкину, который утверждаетъ, что онъ не ручался за это число. Рѣшеніе этого вопроса предоставляемъ читателямъ. Сами мы давно рѣшили его для себя. Также пусть каждый читатель рѣшитъ вопросъ и о томъ, отчего уменьшилось число подписчиковъ *Иллюстраціи*. Г. Курочкинъ привелъ на это нѣсколько причинъ, между прочимъ, конкуренцію, вновь возникшихъ художественныхъ изданій, къ числу которыхъ онъ и относитъ *Иллюстрированный Листокъ* г. В. Зотова; а г. Бауманъ утверждаетъ, что «этотъ вновь возникшій листокъ издается съ 1859 года;» и притомъ, онъ до такой степени мало способенъ дѣлать конкуренцію *Иллюстраціи*, что самъ г. Бауманъ находилъ возможность издавать

его въ одно время съ Иллюстрацію , такъ что въ то время г. Бауманъ самъ себѣ дѣлалъ конкуренцію, что какъ то странно.

Мы изложили весь ходъ полемики между г. Бауманомъ и г. Курочкинымъ; поняли ли читатели смыслъ этой полемики, не знаемъ; для насъ онъ очень ясенъ; однако, мы никогда не рѣшились бы излагать это дѣло, если бы оно окончилось только тѣмъ что, мы привели. Мы рѣшились изложить его потому, что оно имѣетъ очень любопытное заключеніе. Просимъ покорно читателя обратить вниманіе на списокъ отказавшихся отъ сотрудничества въ Иллюстраціи. Въ числѣ подписавшихся стоятъ имена: г. А. Ушакова и г. А. Майкова. Въ 211 № Иллюстраціи, по случаю маленькаго разбора книги г. Ушакова, напечатано: «г. Ушаковъ обѣщалъ продолжать свое сотрудничество въ нашемъ журналѣ, не смотря на *объявленіе г. Н. Курочкина.*»

Что же это такое? Развѣ эти господа, прекратившіе свое сотрудничество въ Иллюстраціи, не сами объявили объ этомъ?— Развѣ публикація 38-го № Сѣверной Пчелы о прекращеніи сотрудничества 35 литераторами, въ самомъ дѣлѣ ни что иное, какъ объявленіе г. Курочкина? — Это что то ужъ черезъ чуръ странно. Въ объявленіи, всѣ эти писатели названы нижеподписавшимися; это значить, что на подлинномъ документѣ всѣ они сами подписали свои фамилии. Какъ же Иллюстраціи могла себѣ позволить сказать, что все это не больше, какъ объявленіе г. Н. Курочкина, какое она имѣетъ на это право? — Будемъ читать дальше; Иллюстраціи продолжаетъ: «Упомянемъ кстати, что и А. Н. Майковъ», оставаясь по прежнему нашимъ сотрудникомъ, уведомилъ насъ, что никогда не давалъ согласія на напечатаніе своего имени въ числѣ лицъ, отказавшихся участвовать въ «Иллюстраціи.» Какимъ же образомъ и его имя явилось *въ этомъ спискѣ?*»

Въ самомъ дѣлѣ, какимъ же образомъ имя г. Майкова явилось въ числѣ 35 именъ подписавшихся?—Оказывается, что онъ не только не подписывался, но что онъ даже никогда не давалъ согласія на то, чтобы было напечатано его имя, въ числѣ лицъ, отказывающихся участвовать въ Иллюстраціи. Еслибы кто нибудь вздумалъ безъ его согласія просто напечатать его имя въ числѣ лицъ, отказывающихся отъ сотрудничества въ Иллюстра-

* Что касается до А. Н. Майкова, мы можемъ подвердить это извѣстіе Иллюстраціи. Мы сами слышали отъ него объ этомъ.

ци, это было бы уже обманомъ и преступленіемъ. Это было бы актомъ, умышленно сдѣланнымъ во вредъ Журнала, который, между прочимъ, имѣетъ и экономическую сторону. Это было бы злонамѣреннымъ покушеніемъ къ подрыву благосостоянія другого человѣка, въ родѣ поджота и чего-нибудь подобнаго. Къ сожалѣнію, дѣйствительность представляетъ нѣчто даже больше.

Въ Сѣверной Пчелѣ не просто напечатано, что г. Майковъ отказывается отъ его содружества въ Иллюстраціи, а сказано, что онъ принадлежитъ къ числу подписавшихся. Стало быть, въ «Сѣверную Пчелу» доставлена подлинная подпись всѣхъ этихъ литераторовъ, и, стало бытъ, кто-нибудь, дѣйствительно, подписался вмѣсто г. Майкова. Стало бытъ, здѣсь имѣетъ мѣсто фальшивая подпись, клонящаяся къ подрыву благосостоянія г. Баумана, преступленіе, подчиненное уже вѣдомству уголовного суда. Мы не знаемъ, кто сдѣлалъ эту подпись; Иллюстрація прямо говоритъ, что весь этотъ документъ есть ни что иное, какъ объявленіе г. Курочкина. Какіе основанія имѣетъ Иллюстрація на то, чтобы говорить такимъ образомъ, намъ тоже неизвѣстно. Замѣтимъ только, что слова Иллюстраціи не вызвали ни протеста, ни опроверженія. Дѣло такъ и замолкло въ литературѣ. Но оно не замолкло въ обществѣ. Тамъ говорятъ о немъ, и прямо высказывается мнѣніе, что тутъ мѣсто уголовному процессу. Мы тоже думаемъ, что это дѣло волюнѣ должно быть выяснено дѣйствительно судебнымъ изслѣдованіемъ и потомъ, уголовнымъ процессомъ, а для публики долженъ выяснить его г. Усовъ, редакторъ Сѣверной Пчелы, который, какъ оказывается, помѣстилъ у себя фальшивую публикацію. Намъ извѣстно, что до-сихъ-поръ г. Усовъ не знаетъ, что напечатанная имъ публикація имѣетъ такой характеръ. Иначе, онъ самъ выяснилъ бы это дѣло для публики, на сколько это отъ него зависитъ.

Но оставимъ пока автора этого дѣла, а займемся самимъ дѣломъ; кто бы ни былъ его авторъ, во всякомъ случаѣ, оно имѣетъ характеръ фальшивой подписи во вредъ г. Баумана, какъ коммерческаго предпринимателя; во всякомъ случаѣ, оно есть преступленіе, совершенное въ литературномъ кругу. Въ февральской книгѣ этого журнала была помѣщена статья: «Откуда идетъ литературная разногласица и какъ устранить ее?» Тамъ было сказано, что причина разногласицы заключается въ томъ, что въ нашей литературѣ развелось чрезвычайно много промышленниковъ прогресса, которые, очевидно, въ нравственномъ отношеніи,

не очень многочисленна. Тамъ же было сказано, что, на многихъ изъ нашихъ литературныхъ дѣятелей, никакое убѣжденіе дѣйствительно не можетъ, что на нихъ могутъ дѣйствовать только исправительныя мѣры въ исправительномъ заведеніи. Потомъ мы слышали, что, въ одномъ журналѣ, судили насъ именно за это выраженіе, какъ насъ осуждали за другія статьи, въ которыхъ мы старались показать, что нашему прогрессу всего больше мѣшаютъ — промышленники, которые изъ прогресса сдѣлали доходную статью. Подобныя осужденія, даже вражда, съ которою встрѣченъ былъ голосъ, не сумѣвшій подстроиться подъ болѣе или менѣе общій тонъ современнаго прогресса, насъ нисколько не удивляли. Мы всегда знали, что промышленники прогресса дешево поля не уступать.

Теперь мы, просимъ покорно читателей обратить вниманіе, на то, что мы говорили о чувствительности нѣкоторыхъ изъ нашихъ литераторовъ только къ исправительнымъ мѣрамъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, на этотъ случай фальшивой подписи. Статья о литературной разногласицѣ напечатана прежде, нежели напечатано это замѣчаніе въ Иллюстраціи, относительно подписи имени г. Майкова. Когда она была писана, мы даже не знали, что происходила полемика между г. Бауманомъ и г. Курочкинымъ, равно какъ не имѣли понятія о публикаціи 35 литераторовъ, которые отказывались отъ сотрудничества въ Иллюстраціи. Мы знали только составъ нашей литературы, и, на основаніи этого названія, дѣлали ему печатную характеристику. Къ сожалѣнію, факты оправдываютъ наши слова такъ скоро, какъ мы даже не ожидали. Считаемо уместнымъ здѣсь сдѣлать нѣсколько оговорокъ о томъ, какою цѣль имѣеть это заявленіе факта, дѣлающаго не слишкомъ большую честь нашей литературѣ. За то, что мы печатали прежде, намъ приходилось слышать упренія людей, которыхъ никакъ нельзя назвать промышленниками прогресса. Они говорили, что представлять въ невыгодномъ свѣтѣ литературныхъ дѣятелей значитъ препятствовать успѣхамъ нашей общественной жизни, значитъ стараться лишить значенія тотъ голосъ, который, все-таки, по - крайней-мѣрѣ за прогрессъ, за движеніе впередъ, какъ бы ни понималъ онъ ихъ. Мы думаемъ совершенно напротивъ; мы думаемъ, что одно изъ самыхъ сильныхъ препятствій для нашего прогресса состоитъ именно въ томъ, что литературною, въ значительной степени, завладѣла промышленники прогресса, люди безъ образованія, безъ

всякихъ тенденцій, безъ чести, которые всякій вздоръ принимаютъ за прогрессъ, а дѣйствительнаго прогресса не понимаютъ, которые такимъ образомъ уронили голосъ литературы, сдѣлали то, что образованнѣйшая часть общества смотритъ на литературу или съ улыбкою, или съ презрѣніемъ. По счастью, наша журнальная литература не такъ-то много распространена въ обществѣ,—такъ что общество еще не знаетъ всѣхъ милыхъ вещей, которыя наши литераторы предлагаютъ, какъ норму нашей будущей жизни. Но все таки презрѣніе общества къ литературѣ есть дѣйствительный фактъ настоящаго времени, который всякій можетъ наблюдать. Оттого-то и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ литература не ошибается, гдѣ ея тенденціи дѣйствительно справедливы и законны, онѣ все таки не имѣютъ никакой силы и остаются въ однихъ словахъ; такъ что явленіе, которое мы замѣчаемъ, поражаетъ своею странностію: въ своихъ идеяхъ, даже въ проектахъ, наша литература, въ послѣдніе 6 или 7 лѣтъ, ушла удивительно какъ далеко; а, между тѣмъ, въ нашей жизни, остается все по прежнему, голосъ литературы самъ по себѣ, а жизнь сама по себѣ. Причина заключается именно въ томъ, что въ этомъ голосѣ нѣтъ ничего искреннаго, связнаго, переработаннаго, что наши литературныя тенденціи составляютъ пестрый подборъ всего того, что нашимъ промышленникамъ кажется прогрессивнымъ, что въ этомъ подборѣ есть такія вещи, которыя врагамъ литературы даютъ и предлогъ, и дѣйствительную причину къ тому, чтобы относиться къ литературѣ только съ улыбкою, или съ презрѣніемъ.

Говорятъ, что выставлѣть на видъ нравственные недостатки нашей литературы, значитъ доставлѣть случай порадоваться врагамъ литературы, доставить имъ случай взвести на нее новое обвиненіе. Это ничего; пусть ихъ порадуются; пусть взводятъ обвиненія; и пусть они еще больше презираютъ литературу, если литература того стоить; дѣло въ томъ, что изъ этого есть и другой исходъ. Во всякомъ, самомъ благородномъ сословіи, могутъ попадаться личности, которыя своими дѣлами могутъ его компрометировать, но если это, дѣйствительно, есть сословіе которое можно назвать благороднымъ, то подобные отдѣльные факты, даже повторяясь, компрометировать его не могутъ. Такъ говорятъ въ сословіи англійскихъ официальныхъ адвокатовъ, имѣющихъ репутацію безукоризненной чести; бывали примѣры, что та или другая личность поступала противозаконно,

безчестно. Но, все-таки, сословіе адвокатовъ своей репутаціи не теряло, не смотря на то, что они не прикрывали безчестныхъ поступковъ въ своей средѣ; результатъ былъ только одинъ, что безчестныя личности тотъ-часъ же изгонялись изъ честной среды. Такую же репутацію честности приобрѣло у насъ сословіе мировыхъ посредниковъ; но и въ немъ, по временамъ, оказывались дѣятели не совсѣмъ строгіе въ дѣлѣ чести. Въ такихъ случаяхъ, мировые посредники не прикрывали ни кого, а старались изгнать изъ своей среды всякого, кто позволялъ себѣ безчестный поступокъ. Да иначе и быть не можетъ. Честное общество иначе поступить не можетъ. Откупщики, взяточники и казнокрады прикрываютъ плутни другъ друга, но это потому, что въ этихъ сферахъ существуетъ круговая порука плутовства. Въ литературѣ этого быть не можетъ, если въ ней дѣйствительно преобладаютъ правила чести. Есть дѣйствительная потребность нравственная всегда и вездѣ противодѣйствовать злу, отнять возможность дѣлать его у всякаго, кто имѣетъ къ этому склонность. Кромѣ того, въ дѣлѣ литературы тутъ есть и расчетъ. Прикрывая всякій безчестный поступокъ, сдѣланный въ литературномъ кругу, значить способствовать умноженію въ литературѣ безчестныхъ личностей, значить оставлять литературу въ рукахъ промышленниковъ, а изъ прогресса по прежнему, дѣлать пестрый наборъ всякихъ нецѣпостей и тѣмъ самымъ осудить его на безплодіе, сдѣлать изъ него игру словъ, а не дѣло. Снимая маски, обнаруживая безчестныя дѣла литературныхъ дѣятелей, можно, мало по малу, очистить составъ литературы. Конечно, тутъ придется относиться къ дѣламъ и къ личностямъ такого рода, съ которыми какъ бы то ни было и гдѣ бы ни было встрѣчаться—очень непріятно. Но безъ этого нельзя обойтись. Презрѣніе къ литературнымъ дѣятелямъ, отвращеніе къ ихъ дѣламъ, авторскимъ и человѣческимъ, не дастъ права удаляться отъ противодѣйствія имъ, какъ самое глубокое отвращеніе отъ всякаго преступника не избавляетъ членовъ общества отъ противодѣйствія всякимъ преступнымъ замысламъ; и общества, дѣйствительно честно понимающія свою цѣль и назначеніе, честно идущія къ нимъ, въ такомъ случаѣ именно поступаютъ подобно англійскимъ официальнымъ адвокатамъ или нашимъ мировымъ посредникамъ.—Если оставить зло на произволь самому себѣ, то оно пуститъ очень глубокіе корни. Чтобъ освободиться отъ

него, надобно вырывать корни, когда они еще не разрослись. Все это, разумется, не ново; но еще старшее возрастомъ та явленіе, что мы говоримъ одно, а дѣлаемъ другое, такъ что, пожалуй, окажется и новостью, особенно для нашего общества, правило соглашать свои дѣла съ своими же словами. Впрочемъ, относительно различныхъ родовъ и видовъ проявленія зла, у насъ существуетъ въ прогрессивной массѣ имѣющіе очень оригинальное; привыкнувъ видѣть начало и корень всего въ одномъ источникѣ, у насъ вообразили, что такъ же въ одномъ общемъ источникѣ находится и корень всего зла, существующаго у насъ, и потому чистые прогрессисты риг запг изъ кожи лѣзутъ вонъ, осуждая этотъ общій источникъ зла, но дѣло тѣмъ и ограничивается; слова и слова, да и то, большею частію, подъ пьяную руку. Что же касается до того зла, которое существуетъ у насъ падъ руками, которое мы сегодня же и вырвемъ съ корнемъ, если только захотимъ, до этого намъ дѣла нѣтъ. А, между тѣмъ, въ немъ то и заключается вся сущность. Потому только и существуетъ среди насъ и общее и частное зло, что сами мы не освободились отъ него, насколько это отъ насъ зависитъ. Говорятъ, что всякое общество, всякій кружокъ, всякій народъ, вполне заслуживаютъ той судьбы, которая ему достается въ удѣлъ.—Исторія, дѣйствительно, возводитъ этотъ афоризмъ въ аксіому. И это обязываетъ всякое общество, серьезно думающее объ улучшеніи своей доли, также серьезно подумать объ искорененіи всякаго зла среди самаго общества, насколько это отъ него зависитъ. Надобно прибавить, что у насъ кое гдѣ это хорошо понимаютъ; только литература, эта масса людей, воображающихъ себя почему то передовыми, считаетъ неудобнымъ для себя это правило, и понятно по чему. А, между тѣмъ, гдѣ это правило не соблюдается, тамъ никто ничего не исправитъ и ждать отъ будущаго; пусть даже и исполнятся хоть по щучьему велѣнью нѣкоторыя изъ желаній общества.

Недавно въ одной газетѣ помѣщено было извѣстіе о внутреннемъ состояніи Мексики, которое, какъ извѣстно, такъ плохо, что вынудило даже вѣдшее вѣдательство Англіи, Франціи и Испаніи. Въ этомъ извѣстіи говорится, что всѣ толки о партияхъ въ Мексикѣ чистый вздоръ, что клерикалы и либералы отличаются другъ отъ друга только цвѣтомъ знаменъ, да фразами. А въ сущности, клерикальная и либеральная парціи состоятъ изъ нѣсколькихъ съжъ плуговъ, которые обращъ и обманываютъ

народъ, и народу одинаково плохо и при Миримонѣ и при Хуаресѣ и при комъ угодно. Дѣло въ томъ, что такъ называемые передовые люди въ Мексикѣ, какъ у насъ, большею частію только эксплуатируютъ народъ. Разница только въ томъ, что тамъ эксплуатируютъ народъ, добившись власти, а наши прогрессисты еще только посредствомъ изданія прогрессивныхъ журналовъ и газетъ. — Если у насъ на виду у всѣхъ дѣлаются такіа дѣла, какъ эта фальшивая публикація, то чего можно ждать отъ подобныхъ дѣятелей въ другой сферѣ? — Пусть читатель вспомнитъ тѣ примѣры, которые, безъ сомнѣнія, каждому удалось видѣть въ короткій срокъ нашего прогресса? Сколько у насъ было и есть прогрессистовъ, которые, на словахъ, были чистыми ангелами, безкорыстными слугами народа, мужами правды и добра, а на дѣлѣ оказывались совсѣмъ другими? — Если дѣлать прогрессъ, такъ ужъ дѣлать его не на словахъ только; если задумывать реформу, такъ задумывать существенную, а не ограничиваться одною формою, переменною вывѣски и т. п. А кто ограничивается одною формою, переменною вывѣски, тотъ и не желаетъ реформъ, тотъ эксплуатируетъ публику и больше ничего. Если онъ успѣетъ въ своихъ тайныхъ желаніяхъ, то онъ еще и получше начнетъ ее эксплуатировать.

«Все это мы говоримъ по поводу факта изъ литературной сферы, уже возбудившаго вниманіе публики. Фактъ, дѣйствительно, имѣетъ смыслъ, и очень знаменательный, и притомъ странно, что онъ замѣченъ публикою, а не самою литературою; странно, что онъ въ литературѣ никого особенно не шокировалъ. Теперь мы его заявляемъ на общественный судъ. Мы привизали къ нему имя г. Н. Курочкина, на сколько позволили средства, т. е. на сколько мы могли руководиться напечатанными извѣстіями; но мы относимся только къ факту и къ его автору, кто бы онъ ни былъ. До г. Н. Курочкина намъ никакого дѣла нѣтъ, мы не знаемъ ни его самого, ни его литературныхъ трудовъ. А фактъ, къ которому привязано его имя, не можетъ не обратить на себя вниманія, какъ доказательство того, что нашему прогрессу недостааетъ существенной опоры, т. е. чести и искренности, согласія между словомъ и дѣломъ, и какъ указаніе не то, что мы должны прибавить къ нашему прогрессу, чтобы онъ былъ истиннымъ прогрессомъ.

В. ОХОЧЕРОМОННЫЙ.

ПО ВОПРОСУ ОБЪ УПРОЩЕНІИ РУССКОЙ ОРЕОГРАФІИ.

Настоящая статья, вѣроятно, уже самимъ заглавіемъ своимъ осуждена остаться непрочитанною; но отчего же бы читателямъ быть недовольными введеніемъ вопроса объ ореографіи въ кругъ предметовъ журнальнаго обсужденія? Мы имѣемъ слабость думать, что вопросъ этотъ не изъ самыхъ маловажныхъ. Изъ-за правописанія русскаго портилась прежде, портится доселѣ и можетъ портигься на будущее время кровь всего учащагося и учившагося человѣчества. Каждому изъ насъ извѣстно то время, когда мы рисковали на каждой строкѣ сдѣлать нѣсколько ореографическихъ ошибокъ, и, затѣмъ, въ перспективѣ были — гримасы искаженной негодоваиіемъ физиономіи учителя и такой баллъ, что не поздоровится. Извѣстно также, что титулъ *безбрамотнаго*, нерѣдко выдаваемый за оскорбленіе какихъ-нибудь ореографическихъ прилчій, ученою и не ученою братіей употребляется обыкновенно въ такомъ-же укоризненномъ смыслѣ, въ какомъ люди изъ породы спасшихъ Римъ гусей указываютъ на происхожденіе другихъ изъ крѣпостнаго или, вообще, изъ податнаго званія. Мучатся ученики, мучатся учителя; треть учебнаго времени расходуется на одно правописаніе, а дѣло идетъ, все-таки, несовсѣмъ успѣшно: и послѣ долгаго ученья для многихъ все-таки ореографія остается какимъ-то пугаломъ.

Но Россія по пути прогресса бредеть исполнинскими шагами: тѣ буквoлюбивые господа, которые, въ сознаниіи собственнаго превосходства, считали за собою право сыпать и направо, и налѣво укоры другимъ въ безграмотности, которые умѣли подь-часъ допимать своихъ учениковъ ореографической казуистикой — эти самые господа поднимають вопросъ объ упрощеніи ореографіи и хотять облегчить дѣло, затрудненное и усложненное ихъ же собственнымъ суетумдріемъ. Это такъ великодушно, что едва вѣрится, такъ трогательно, что, отъ умиленія, такъ сами и льются чернила на бумагу. Устремясь къ *коренному преобразованію ореографіи* * и, въ виду общаго распространенія грамотности въ массѣ народа, желая отиѣнить ореографическія правила, составляющія только излишнія трудности при изученіи языка, наши *грамматики* наконецъ завоевываютъ себѣ право на общее сочувствіе. Новое отрадное явленіе! Привилегированные грамматники протягиваютъ руки въ знакъ сближенія всѣмъ неграмотникамъ, и тѣмъ пріобрѣтають неотъемлемое право на признательность современниковъ и потомства.

Потребность въ упрощеніи правописанія давно чувствовалась, не разъ была заявляема печатно, не разъ обнаруживалась въ разныхъ попыткахъ печатать сочиненія безъ ореографическихъ тонкостей; но всѣ попытки частныхъ лицъ не увѣщались успѣхомъ. Наконецъ настало время отрицанія. Нѣкоторые дѣвщины и дамы срѣзали себѣ косы, вынули изъ ушей серьги, надѣли мужскія шапки — и вотъ за ними потянулись по пути прогресса наши книжники и также хотять упрощенія въ *красивой одеждѣ слова*, какъ издатель воронежскихъ «Философическихъ Записокъ», г. Хованскій, называетъ ореографію. И вотъ, во 2-й с.-петербургской гимназій, съ 10 марта было уже 4 совѣщанія, въ которыхъ принимаютъ участіе какъ многіе учителя русскаго языка, такъ и другія лица, интересующіеся вопросомъ. Въ добрый часъ, друзья неграмотнаго человечества!

Но, какъ ни гигантски шагаетъ наше благословенное отечество по пути преуспѣванія, нельзя не сознаться, что ему больше приходится питать надежды, чѣмъ видѣть ихъ исполненіе: наше время, прежде чѣмъ заявило себя на самомъ дѣлѣ, пропустило

* Такъ, по-крайней-мѣрѣ, положено на второмъ совѣщаніи ореографическаго конгресса.

о себѣ доброе толки, а теперь намъ приходится уже расстаться въ излѣшней вѣрѣ въ него. Такая судьба всѣхъ шестки попытокъ у насъ: потребности мысли и жизни, возбуждаютъ много новыхъ вопросовъ, но наше время неблагопріятно для разрѣшенія ихъ!—Что, если возникшій въ виду распространенія грамотности вопросъ объ упрощеніи орфографіи, облегченіи изученія языка подвергнется также осужденію какого-нибудь г. Павлова? Что, если найдутся любители всего мудреннаго, которые скажутъ Николаю Филипповичу слова принимать и къ любителямъ упрощенія орфографіи: «можетъ быть, имъ въ мужики захотѣлось!—такъ безсчетовно захотѣлось!» Николай Филипповичъ найдутся, чтобы поразить попытку облегчить большинству возможность, съ меньшею затратою времени и силъ, освободиться отъ упрека въ безграмотности; кстати-жъ, они сильны своею численностью! Земля наша велика и обильна; недостатка въ мудрецахъ и любителяхъ всего хитросплетеннаго и запутаннаго нигде у насъ не бываетъ. И шельзя не пожалѣть, что выполненіе живой мысли объ облегченіи грамотности встрѣтитъ сопротивленіе въ массѣ и силъ фокусниковъ правописанія, опирающихся на давности, обычаи и привычки.

По какой-то насмѣшкѣ судьбы, одно изъ самыхъ полезнѣйшихъ изобрѣтеній, одно изъ сильнѣйшихъ средствъ къ движенію образованія—фонетическое письмо, находится въ тяжелой зависимости отъ рутинѣ. У народовъ, воспользовавшихся заимствованнымъ отъ другихъ народовъ алфавитомъ, неизбѣжно господствуетъ большая несообразность письменности съ устною рѣчью; но и у тѣхъ народовъ, которые, въ началѣ своего образованія, получили свой особый алфавитъ, рано или поздно, повторяется подобное же явленіе. И эта несообразность письма съ живою рѣчью считается его достоинствомъ, называется *правописаніемъ* и, на зло здравому смыслу, упорно поддерживается. Письмо, по самому назначенію своему, должно замѣнять разговоръ, буквы—отдѣльные звуки; слѣдовательно правописаніе, въ настоящемъ смыслѣ этого слова, возможно только тогда, когда письмо будетъ возможно-болѣе вѣрно говору, и буквы съ возможно большею точностью будутъ передавать существующіе въ языкѣ звуки. Такъ какъ, съ теченіемъ времени, одни звуки въ языкѣ измѣняются, другіе совсѣмъ исчезаютъ, такъ какъ отдѣльные слова въ историческомъ развитіи языка значительно измѣняются въ сво-

амъ составъ и формахъ, выражающихъ взаимное отношеніе, то, отъ времени до времени, является настоятельная и разумная потребность не только въ отступленіи отъ стариннаго правописанія, но и въ некоторомъ измѣненіи самого состава алфавита; правописаніе, установленное однимъ поколѣніемъ, при оказавшемся измѣненіи въ сочетаніи звуковъ и строевіи словъ, становится нѣсколько не обязательнымъ для поколѣній послѣдующихъ. Но наши грамматники, точно Францискъ II, или Пій, IX, ни за что ни хотятъ признать совершившагося факта, и хотѣли бы повернуть языкъ по своему. Совершившіяся въ немъ перемѣны и живость устной рѣчи они считаютъ порокою и своеволіемъ, а языкъ, какъ истый демократъ, рѣшительно не подчиняется нѣкъ власти, и вотъ какъ выражаются, объ этомъ грамматники: «Такъ-какъ въ чтеніи слова произносятся не буква въ букву, какъ онѣ написаны, то грамматика подлагаетъ строгое различіе между буквами и членораздѣльными звуками. Звуки въ теченіе времени измѣняются отъ произвола въ произношеніи гораздо свободнѣе, чѣмъ буквы въ письмѣ.» Признавъ живую подвижность языка своеволіемъ и испорченностью, они принимаютъ противъ него разныя мѣры строгости и, не имѣя возможности воздержатъ его, стараются подальше отъ живой рѣчи держать любимое свое дѣтище—языкъ книжный: *exempla trahunt*—примѣръ заразителенъ. «Чтобъ уберечь *правильность* книжнаго языка *отъ порчи*, говорятъ они, грамматика подчиняетъ на письмѣ современный выговоръ правиламъ языка книжнаго, по преданію удержавшаго доселѣ многія свойства древнѣйшаго алфавита, и тѣмъ сберегаетъ первоначальный видъ рѣченій. Для того, чтобъ отчетливо и сознательно укрѣпиться въ правописаніи, необходимо имѣть правильное отношеніе между завѣщаннымъ по преданію начертаніемъ и между произволомъ выговора». Напрасно здравый смыслъ требуетъ не заботиться о сбереженіи первоначальнаго вида рѣченій, при передачѣ современной устной рѣчи: книжники упорно твердятъ свое *non possumus* и, по крайней мѣрѣ, на бумагѣ, хотѣтъ поработить себѣ *произвола выговора* завѣщаннымъ по преданію начертаніемъ.

По духу дондѣтию, буквы въ наибольшей точности передаютъ предшествоващія звуки только въ эпоху введенія письменъ, а у насъ, говорятъ грамматисты, должно быть правиломъ «не пиши такъ, какъ говорятъ». Всѣмъ дѣйствию, правописаніе наше обста-

новлено множествомъ правилъ, условныхъ и казуистическихъ. Оттого у насъ былъ и, вѣроятно, еще долго будетъ дѣломъ первой важности вопросъ о томъ, въ какой мундиръ принарядить то или другое слово, тѣ или другіе звуки. Помыслите! какъ же можно не по установленной формѣ! игра въ такъ-называемое правописаніе такъ обуяла умы рускаго человѣчества, что надо удивляться, какъ доселѣ ни старинный книгодѣлатель Поляковъ, ни современный Вольфъ не догадаются издать какого-нибудь ореографическаго лото, въ родѣ изданныхъ когда-то географическаго и хронологическаго лото. Куда ни явись, того и жди, что на встрѣчу пустятъ вамъ какой-нибудь озадачивающій вопросъ о томъ, какъ перенести то или другое слово съ одной строки на другую, или какъ и почему надо написать то или другое слово. «Какъ же въ самомъ дѣлѣ можно писать подобно выговору? Гдѣ видано—говорить, какъ думаешь,—поступать и писать, какъ говоришь? Вѣдь языкъ человѣку данъ не для того, чтобы высказывать свои мысли, а для того, чтобы скрывать ихъ; и письмо изобрѣтено не для того, чтобы передавать звуки голоса, а для того, чтобы маскировать ихъ. Да, вѣдь, и не у насъ однихъ такъ водится: посмотрите-ка у образованныхъ народовъ, у французовъ и англичанъ!» Такія слова чрезвычайно убѣдительны; извѣстно, что болѣзнь становится несравненно легче, когда знаешь, что и другіе также страдаютъ.

Люди такъ любятъ связывать себя рука собственными привычками и укоренившимися безъ нихъ вѣдома обычаями! Имъ такъ недорого время, такъ дешево собственное ихъ вниманіе, что они находятъ удовольствіе полсмать себя голову надъ ничтожнымъ дѣломъ; удовлетвореніе самой естественной потребности они подчиняютъ самой сложной искусственности; изъ легкаго они сдѣлаютъ себя мѹку, изъ разумнаго — пустую игрушку: вѣдь сьумѣли же они, вмѣсто того, чтобы просто и естественно защищать тѣло отъ вредныхъ вліаній, поработить себя потребности кутаться въ затѣйливые и разнообразные доспѣхи мужскаго и женскаго туалета; сьумѣли они служеніе общественнымъ интересамъ обратить въ суетную потѣху побрякушками и пустыми словами; сьумѣли они самыя простыя отношенія свои другъ къ другу обстановить множествомъ тягостныхъ формальностей и церемоній. Такъ легко ли имъ ос-

вободиться отъ привычки писать только для глазъ, несообразно съ говоромъ — привычки, наслѣдованной отъ предковъ? Съ самаго дѣтства, при обученіи родному языку, съ усердіемъ внушаютъ намъ недобострастное вниманіе къ буквамъ и къ сообразному съ принятыми обычаями размѣщенію ихъ въ словахъ; съ самаго дѣтства приучаютъ насъ при чтеніи произносить такіе звуки, которыхъ нѣтъ на бумагѣ, и изображать на письмѣ такіе, которыхъ нѣтъ въ произношеніи — какъ тутъ не развиться потребности видѣть въ мертвой буквѣ, чуждой живому говору, самостоятельное, независимое отъ современнаго языка, существованіе? А что если, по волѣ судьбы, намъ придется спеціально упражняться въ художествѣ, благоглаголати и благописати учащемъ? Тогда наше буквопочитаніе выходитъ изъ границъ: живое, осязательное тому доказательство г. Хованскій. Эготъ знатокъ и любитель орфографіи, вмѣсто того, чтобы извлекать изъ чтенія книгъ и журналовъ прямую пользу для своего ума, уже давно, по собственному его сознанію, слѣдитъ за правописаніемъ, и, веда его лѣтось въ теченіе 20 лѣтъ, съ прискорбіемъ замѣтилъ вторженіе въ письмо множества нововведеній и разнорѣчій. Вчужѣ радуясь на нѣмцевъ за ихъ «разумное стремленіе къ единству въ правописаніи», г. Хованскій сокрушается о томъ, что у насъ *орфографія непрочно прививается къ молодымъ умамъ*, что «нѣкоторые считаютъ ее почему-то дѣломъ маловажнымъ и смотрятъ на буквы ѣ и ѳ какъ-то холодно», не понимаютъ важности и значенія правописанія и, слѣдовательно, не могутъ вполне оцѣнить, что значитъ правильно писать»; а иные такъ еще *умничаютъ надъ правописаніемъ*, придумываютъ свои правила и пишутъ по-своему *. По его *увѣренію*, въ русскомъ языкѣ должно быть правиломъ: «не пиши такъ, какъ говорятъ». По внушенію нѣжной любви къ орфографической униформѣ, онъ приходитъ въ ужасъ при видѣ разнорѣчій и нововведеній. И есть отъ чего! Вообразите: Востоковъ пишетъ «пять сажень», а Гречъ «сажень; Перевальскій» «ещо, учоный». — Гречъ пишетъ «грѣча», а Мартыновъ — «греча»; оди пишутъ «матеріальный», «другіе матеріальный», а иные «матерьяльный»; даже что? въ журналахъ встрѣтите: «провіянть, христіянство, матеріяль», или

* По словамъ г. Хованскаго, «въ глазахъ знатока и любителя слова письмо теряетъ свою цѣну, если оно безграмотно, если въ немъ нѣтъ орфографіи».

крутою права, земного шара»; вѣсто «у лѣя» пишуть у лѣя, вм. дышатъ, дышашій — «дышуть, дышущій, можетъ-быть, потому-что, весьма-много, какъ-можно-отчетливѣе, совершенно-безполезно, почти про-себя, сто-сорокъ-два, двадцать-пять», штаблекаръ, штабскапитанъ, унтер-офицеръ». Но въ вліяніи географической маномаіи г. Хованскій вдается въ ораторскій патетизмъ и восклицаетъ: «Отчего у насъ нѣтъ единства въ правописаніи? Отчего одно и то же слово у насъ одни пишуть такъ, а другіе иначе? Отчего, напр., одно и то же слово одинъ начинаетъ прописною буквою, другой—малою? Отчего это?» («Филолог. зап.» 1860 вып. 1 стр. 53) Продолжайте, продолжайте, г. Хованскій! Краснорѣчіе воронежскаго въздыхателя географіи такъ вдохновительно дѣйствуетъ на насъ, что мы продолжаемъ за него сами въ томъ же тонѣ: «откуда брани и свары въ васъ? не отсюду ли, отъ сластей вашихъ, воюющихъ во удѣхъ вашихъ?» — Особенно озлобляется нашъ витія противъ невниманія къ прописнымъ буквамъ. «Въ настоящее время—говоритъ онъ—появилась какая-то страсть (о, ужасъ!) начинать малою буквою тѣ слова, которыя прежде начинались прописною. Это нововведеніе начато кѣмъ-то лѣтъ за десять назадъ, съ цѣлю, вѣроятно, шегольнуть новизною или, можетъ быть, случайно перешло отъ какого-нибудь малограмотнаго писаря: это правописаніе понравилось и пошло въ ходъ. Многіе обрадовались этой новизнѣ, какъ какой-нибудь находкѣ». Просто дѣти! Но посмотрите, какія произошли отъ того послѣдствія: «Первое изъ частей рѣчи *юстрада*о имя прилагательное притяжательное, отчасти досталось и существительному». Злодѣи! что надѣяли! до чего доводитъ жажда реформъ?! По отзыву г. Хованскаго, эти либералы, подвергши страданіямъ имена прилагательныя, а частью и существительныя, этимъ не удовольствовались, а оскорбили самыя священныя и неотъемлемыя права прописныхъ буквъ и даже посягнули на честь правительственныхъ мѣстъ, званій, чиновъ и должностей: «не стали употреблять — говорить онъ — прописной буквы *даже тамъ*, гдѣ она имѣла *только на то право,...* не смотря ни на какое *отличительное названіе, не обращая вниманія, чтобъ не сказать неуможнаго* ни какое правительственное мѣсто, званіе, должность» и пр. Вообразите, пишуть «министръ юстиціи, адмиралъ, князь А. С. Меншиковъ, высокопреосвященный, архіепископъ херсонскій и таврическій, митрополитъ новгородскій и санктпетербург-

скій, главнокомандующій кавказскою арміею, ваше высокопревосходительство» и пр. и пр. «Нѣтъ, ужь это изъ рукъ вонъ! вольнодумство и своеволие выходятъ, наконецъ, изъ границъ! Зетолковали о свободѣ мысли, совѣсти, слова, торговли, промысла, объ эманципаціи женщинъ; но тамъ, по-крайней-мѣрѣ, пока еще *глазъ видить, да зубъ не ѣмтъ: руки коротки*; а свободой въ употребленіи языка, въ письмѣ, въ буквахъ, уже овладѣли! Какой-нибудь щелкоперъ, бумагомарака, чина-званія не пощадитъ—и крупный чинъ, великорослую дальность смѣетъ писать маленькими, строчными буквами! И какъ все это съ рукъ сходитъ? и чего это смотритъ полиція? Ну, какъ тутъ жить? куда дѣваться тѣмъ, кто свободы не любитъ, кому полюбились сидѣть въ колюдакахъ и жить на привязи?

Да! вспоманешъ про-старину!
 Выль складъ, да-ладъ!...
 Э, ну-ихъ съ волей! право-ну!
 Да-чтò она? одинъ развратъ!

То-ли-дѣло было прежде? Теперь даже «*Духовная Бесѣда*» всѣ вообще названія чиновъ, присутственныхъ мѣстъ, епархій и т. п. начинаетъ малою буквою!» Русскій народъ всегда отличался поклонливостью, почтительностью; наши предки имѣли похвальную привычку «при старыхъ молчати, премудрыхъ слушати, старѣйшимъ покорятися, съ точными (равными) и меньшими любовь имѣти, безъ лука (хитрости) бесѣдующе, необильно смѣятися, срамлятися старѣйшихъ, къ женамъ великимъ не бесѣдовати, долу очи имѣти, а душу горѣ»: а теперь куда дѣвалась эта дѣвственная скромность, украшавшая нашихъ предковъ? Мы умнчаемъ, пишемъ каждый по-своему и не стыдимся оскорблять чины и званія строчными буквами. «Продисная буква непременно (!) имѣетъ какую-нибудь особенность, какое-нибудь значеніе, иначе для чего она пишется?... Не безъ основанія же озаглавливались прописною буквою нѣкоторыя слова, которыя теперь новая школа стала начинать малыми. И чтò изъ этого будетъ? выиграетъ ли отъ этого правописаніе? Скорѣе, кажется, нѣкоторыя слова потеряютъ отъ этого въ значеніи». Вотъ ужасныя послѣдствія нашей различивой и неуважительной ороографіи, по отзыву г. Хованскаго!

Логика г. Хованскаго рѣшительно непобѣдима; мы вопіемъ

соглашаемся съ нимъ; только жаль, не научилъ онъ насъ, въ соответствіе *прописнымъ буквамъ* въ письмѣ, производить и *прописные звуки* при устномъ произношеніи именъ крупнаго значенія: вѣдь прописная буква, говоря его собственными словами, *непрерывно* имѣетъ какую-нибудь особенность; иначе, для чего же она пишется, если не произносится особеннымъ, отличнымъ отъ строчной буквы, образомъ? Чтобы «нѣкоторыя слова не теряли своего значенія», нужно позаботиться о постановленіи твердыхъ правилъ не относительно одного письма, но и устного говора. Вообще—(да проститъ намъ г. Хованскій и К!)—мы приемлемъ смѣлость доложить, что грамматисты наши какъ-то болѣе внимательны къ буквамъ и письму, чѣмъ живой рѣчи. *

На орфографическихъ совѣщаніяхъ уже предположено исключить изъ алфавита ѣ, и, о, ъ; ѣ въ серединѣ словъ передъ гласными замѣщать апострофомъ; ютированное обозначать буквою ё; вопросъ объ исключеніи ъ отложенъ до получения справокъ изъ типографій: не будетъ ли найдено способа къ легчайшей замѣнѣ его надстрочнымъ знакомъ, или уже необходимо будетъ удержать его въ теперешнемъ видѣ. О буквѣ ү вопросъ не былъ поднятъ, конечно, потому, что въ гражданской печати эта буква не употребляется.

Но если, въ разсужденіи отдѣльныхъ буквъ, побѣда осталась не на сторонѣ поклонниковъ обычая и привычки, то можно за-

* Вѣдь вотъ, напр. они говорятъ, что надо писать въ одномъ случаѣ *миръ*, въ другомъ *миръ*, въ иномъ *миро*; въ одномъ случаѣ *е море*, въ другомъ *въ морь*; въ одномъ случаѣ *феодъ*, въ другомъ *феодоръ*, *феодосій*; что имена сущ. оканчиваются на з; ну, чего бы стоило при этомъ сказать, какими изворотами горла, губъ или языка отличаются въ произношеніи *і* и *и*, *ѣ* и *е*, *е* и *ь*, и какъ произнести ѣ. Такъ нѣтъ, и помину объ этомъ не сдѣлаютъ; а вѣдь быть же не можетъ, чтобъ ѣ не произносилось, а е и ѣ, е и ь, і и и, въ произношеніи не различались; иначе, говоря словами г. Хованскаго, для чего же онѣ пишутся? Завѣряютъ, будто въ родит. падежѣ прилагательныя имена и мѣстоимѣнія оканчиваются на *аго*, *яго*, во множеств. ч. на *е* и *я* тогда какъ на самомъ дѣлѣ слышатся звуки *ова*, *ово*, *ева*, *ево* (*этова*, *тово*, *твоево*, *синева*) и *и* (*снѣи*, *добрыи*;) говорятъ, что въ настоящемъ времени глаголы оканчиваются на *еи*, *иш*, *еи*, *иш*... а о томъ, что мы слышимъ *юи*, *ош* (*берьош*, *лжшош*) — ни полслова.

раше ручаться, что, при обсужденіи вопросовъ о составѣ и измѣненіяхъ словъ, они вознаграждать себя.

У нихъ такая предусмотрительная тактика! Напр. г. Стоюнинимъ былъ поднятъ вопросъ объ *упрощеніи ореографіи и о приведеніи ея къ одному основанію, чтобы она никою не мучала своею запутанностью и неопредѣленностью*. Упростить ореографію, привести ее къ одному основанію значитъ, ни болѣе, ни менѣе, какъ сблизить письмо съ живымъ говоромъ, освободить умы обучающагося и даже *пишущаго* поколѣнія отъ подчиненія мертвой буквѣ. На призывъ г. Стоюнина во 2 с.-петербургскую гимназію стеклось значительное количество лицъ, интересующихся облегченіемъ первоначальнаго обученія и ускореніемъ распространенія грамотности; но въ самомъ же началѣ першаго засѣданія оказалось, что

Умысль другой тутъ былъ:

Хозяинъ музыку любилъ.

Въ рефератѣ, которымъ г. Стоюнинъ открылъ 10 марта первое совѣщаніе, онъ не допускаетъ «крутыхъ и рѣзкихъ преобразованій и измѣненій»; «трудно отставать отъ привычки—говорять онъ—«*для глаза, привыкшаго въ срединѣ слова видѣть лско этимологическое начало, странно*», когда пишутъ *чорный, чортъ, жоны*. Уже на первомъ засѣданіи положено было, по предложенію г. Сухомлинова, при несогласіи между русскимъ говоромъ и языкомъ церковнославянскимъ, держаться начала этимологическаго (словопроизводства), а на второмъ, хотя сила логики и взяла—было верхъ надъ педантизмомъ, такъ-что большинство голосовъ оказалось на сторонѣ кореннаго преобразованія ореографіи, клонящагося къ отмѣнѣ принятыхъ всѣми правилъ, въ видахъ облегчить народу обученіе грамотѣ устраниеніемъ множества ореографическихъ правилъ, но, въ то же время, собраніе согласилось держаться и *историческаго* (:) основанія, предложеннаго г. Стоюнинимъ на первомъ засѣданіи, которое не допускаетъ крутыхъ и рѣзкихъ преобразованій и измѣненій, но требуетъ соглашенія этимологическаго словопроизводства съ устнымъ произношеніемъ, законовъ языка съ обычаемъ, освященнымъ временемъ, филологической стороны съ давней привычкой, обратившейся въ законъ. Въ то же засѣданіе снова выставлено на видъ предложеніе г. Сухомлинова, по которому можно допустить въ ореографіи начало фонетическое, если нѣтъ противорѣчія между русскимъ говоромъ и языкомъ

церковнославянскимъ; а если есть между ними несогласіе, то необходимо держаться начала этимологическаго. Наконецъ, мы увѣрены въ побѣдѣ правописцевъ и потому, что на четвертомъ совѣщаніи, подъ предводительствомъ г. Стоюнина, они одержали блистательную побѣду надъ неправописцами, привлекиши большинство на свою сторону въ рѣшеніи вопроса объ употребленіи ѣ послѣ ж, ш, ц, ч, щ, вм.о, такъ-что теперь предвидится большой расходъ на точки, и намъ предстоитъ удовольствіе видѣть давно знакомыя слова въ такомъ узорчатомъ нарядѣ—*шѣмлюмъ, шѣрникъ, шѣрохъ, чужсѣй, лужскѣ прожсѣрливый, жѣслобъ, чѣспорный, чѣртъ, торячѣ, щѣюль, трущѣба, лищѣ, лищѣ, отщѣмъ, щѣколь* и т. п.

Питая совершенно справедливое уваженіе къ церковнославянскимъ книгамъ, и ища въ нихъ не только образцовъ право-мыслия, но и правописанія, наши грамотники должны бы поставить ихъ образцами и живою рѣчи. Зачѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, они не являются на орфографическія совѣщанія современными русскими людьми съ современными приѣмами и объясняются на современномъ чисто-русскомъ языкѣ? Можно ручаться, что и посѣтителей на совѣщанія являлось бы болѣе, и самыя пренія были бы оживленнѣе; намъ не суждено было бы иногда слышать пересыпанья изъ пустого въ порожнее; мы приходили бы не спорить, а слушаться, и поучаться «какъ намъ подобаеть искусство имѣти въ словесѣхъ, и въ рѣчехъ, и въ словицахъ, разумѣти силу словесъ, и гдѣ говорити дебело и гдѣ тоностно, и гдѣ съ пригибоніемъ усть, и гдѣ съ раздвиженіемъ, и гдѣ проосто, паче же ять съ естемъ разнити—(себо вельми зазорно и укорно, еже ять вмѣсто ести глаголати и есть вмѣсто яти), также и верхняя сила знати, и что есть ѡксія или острая, и како сія ударяется и рѣчию обостряется, и что есть тяжкая или варія, и како сія отягчавається, сирѣчь, съ протяженіемъ рѣчь объявляетъ, и что есть облеченная, сирѣчь камора, — также и кроткую, сирѣчь тихую знати, како становится, также и да-сію, сирѣчь краткую, также бы знати и апострофъ, идѣже полагається и како его говорити». Въ настоящее время, не чувствуя особой прелести «въ глубокословной славенщинѣ», не признавая за нею превосходства передъ нашею родною современною рѣчью, мы держаемъ способъ писанія, пригодный для нея, признавать непригоднымъ для настоящаго нашего говора; мы осмѣливаемся думать, что правописаніе церковнославянскихъ

идеть, вѣрнее когда-то, хоть и воплію тогдашнему говору, для нашего времени и языка будетъ уже не правописаніемъ. Такъ-какъ буква и письмо должны представлять звукъ и живую рѣчь, то образъ писанія, принятый въ церковнославянскихъ книгахъ древнѣйшей редакціи, могъ быть правымъ только передъ тѣмъ говоромъ, на которомъ тѣ книги были написаны, но не могъ быть правымъ даже передъ древне-русскою рѣчью, какъ видно изъ самой невыдержанности принятаго правописанія даже въ одномъ и томъ же памятникѣ и изъ постепеннаго его измѣненія. Что же касается церковнославянскихъ книгъ позднѣйшей редакціи, то здѣсь уже встрѣчается искусственное смѣшеніе какъ древнихъ формъ рѣчи съ позднѣйшими, такъ и древняго правописанія съ позднѣйшимъ; между тѣмъ, ореографію этихъ-то книгъ и представляютъ намъ въ образецъ, хотя далеко не-аполнѣ, и, слѣдственно, дѣйствуютъ не послѣдовательно, а противорѣчатъ сами себѣ. Если до того дорожатъ связью современной письменности съ древнею, что, не обращая вниманія на слышимые въ современномъ языкѣ звуки, считаютъ необходимымъ «сберечь въ письмѣ первоначальный видъ рѣченій,» то, безъ сомнѣнія, слѣдовало бы возстановлять въ нашей письменности ореографію древнѣйшихъ памятниковъ, а не позднѣйшихъ.

Слѣдуя этимологическому началу, грамматисты съ родительскою нѣжностью убиваются изъ-за письма и мертвыхъ буквъ, а живой говоръ съ подвижнымъ переливомъ его звуковъ для нихъ какъ будто пасынокъ, или подкидышъ какой: очевидно, въ нихъ недостаетъ одной семейной добродѣтели—равенства любви ко всѣмъ дѣтямъ. Но, при этомъ, мы спѣшимъ оговориться: дѣла семейныя для насъ священны; мы увѣрены, что судъ о нихъ всякаго посторонняго семейству человѣка всегда можетъ быть ошибоченъ, потому-что, по милости Провидѣнія, прогрессъ пока не успѣлъ еще подчинить ихъ гласности. Поэтому, мы рѣшительно отказываемся судить и о тѣхъ побужденіяхъ, по которымъ грамматика и ея поклонники особенно внимательны къ буквамъ и письму, а не выказываютъ нѣжности къ звукамъ и живой рѣчи. Мало ли на то можетъ быть оснований чисто-семейныхъ, самую неприкосновенность семейнаго быта защищенныхъ отъ вмѣшательства чуждой любознательности и отъ пагубнаго вліянія глетворной гласности? Изъ опыта, напр. извѣстно, что родители особенно бываютъ нѣжны къ дѣтямъ хилымъ,

Болѣзненнымъ, чахлымъ, того-и-гляди готовымъ испустить послѣднее дыханіе; родители не отходятъ отъ изголовья больного, съ жадностью и съ замирающимъ сердцемъ присматриваются къ каждому движенію умирающаго. Мы легко могли бы подумать, что сами они окаменѣли; но вотъ, подмѣтивъ едва скользнувшее по лицу умирающаго движеніе, они многозначительно переглянулись, и мы догадываемся, что тутъ не «столны слани», не мраморныя статуи, а живыя существа, въ которыхъ усленно бьется горячее сердце... И смотреть они на отходящее въ вѣчный покой дѣтище—не посмотрятъ, а о другихъ дѣтяхъ—о живыхъ... какъ-будто и думать забыли!... Но ребенокъ умеръ. Посмотрите, что дѣлаютъ родители и что дѣлается съ ними! Предъ ними мертвый трупъ, а они оживляютъ его своими воспоминаніями, своимъ воображеніемъ; «закроютъ холодными вѣждами на вѣки померкшій взоръ его», приготовятъ ему гробикъ самый роскошный, украшенный газетомъ, позументомъ, вапёркомъ, лентами и цвѣтами; нарядятъ мертвое дитя точно на какой праздникъ, или къ вѣнцу, и, въ преизбыткѣ любви, какъ бы забывъ о невозвратимой потерѣ своей, съ восторгомъ скажутъ: «точно херувимчикъ какой лежитъ!» Холодная могила пріяла холодный трупъ и уже не выпуститъ своей добычи; но живъ образъ покойника въ любящей душѣ родителей; они повторяютъ его неслышимыя звуки, бережно хранятъ всѣ лоскутки, бывшіе въ рукахъ отшедшаго къ праотцамъ дѣтища, всѣ платица, въ которыхъ наряжалось оно, всѣ игрушки, которыми забавлялось оно. Любовь къ дѣтямъ умершимъ иногда бываетъ такъ велика, что ей завидуютъ оставшіяся въ живыхъ и, не будь человекъ животнолюбивъ, то, конечно, пожелали бы сами умереть, чтобы овладѣть любовью родительской.—И будто найдутся люди, которые осудятъ эту нѣжность родителей къ умирающимъ или умершимъ ихъ дѣтямъ? Если вы уважаете это чувство, связывающее души родителей съ ихъ страдающими или уже угасшими дѣтьми и отвлекающее иногда ихъ вниманіе отъ оставшихся въ живыхъ, то какъ же рѣшается вы бросить камнемъ осужденія въ родительскую нѣжность грамматикъ и грамматистовъ къ мертвымъ буквамъ и въ недостатокъ вниманія ихъ къ живой рѣчи? Помилуйте! до того ли имъ? Юсь помяни, ъ и ѣ въ поминанье записи, енту въ гробикъ положожи, окончаніямъ е, я во мн. ч. прилагательныхъ, аю въ родит. над. прилагательныхъ лекарство аді; нѣтъ, тутъ есть, чѣмъ заняться, есть отчего забыть и жи-

вую рѣчь, и живые звуки: тутъ ужь не до нихъ... Кромѣ того, бываютъ и другія причины холодности родителей къ дѣтямъ. Вообразите себѣ родителей солиднаго характера, серьёзныхъ правилъ; представьте, что у нихъ дѣти подвижны, живы, легкомысленны, своевольны: вы думаете, они сохранять нѣжность къ такимъ дѣтушкамъ?... Хе! плохо-же вы натуру человеческую знаете! Извините, тутъ родитель воспользуется во всей обширности своимъ правомъ сильного и, по совѣту почтеннаго отца Сильвестра, «уча сынка своего страху божію, и вѣжству, и всякому благочинію, не ослабитъ бѣя младенца, не дастъ ему воли во юности, но участитъ ему раны, сокрушитъ ему ребра». Что касается устной рѣчи и звуковъ, такъ они, дѣйствительно, таковы, какъ описанныя дѣтки: русскіе звуки — всему свѣту известно — народъ вѣтренный, своевольный, и устная рѣчь недаромъ зовется живою рѣчью: это такая подвижная рѣзвушка и вертлявая шалунья. Рѣчь наша является въ самыхъ разнообразныхъ формахъ, заимствованныхъ и изъ языка церковнославянскаго, и изъ древнерусскаго, и изъ областныхъ нарѣчій. Рѣдкое слово у насъ надолго удержится въ одномъ видѣ; къ рѣдкому слову можно примѣниться—такъ они непостоянны. А какъ они своеобразны и самовольны! какихъ бы правилъ ни завели грамматисты, по праву хозяевъ дома, наши шалуны не очень-то имъ подчиняются: у многихъ изъ нихъ свой особый, личный характеръ, неподходящій и не подводящій подъ указныя формы. Такъ, при взаимномъ сближеніи словъ въ рѣчи, грамматисты вмѣняютъ въ обязанность вести себя чинно, ровно, увлекаться умеренно съ сохраненіемъ строгаго приличія, оказывать вниманіе къ другимъ только поверхностное, въ однихъ окончаніяхъ; а эти затѣйливыя проказницы держатъ себя совсѣмъ безъ правилъ и до того поддаются впечатлѣніямъ, до того увлекаются, что весь организмъ ихъ потрясается, всѣ члены ихъ, называемые обыкновенно членораздѣльными звуками, трепещутъ новой жизнью и разнообразно изгибаются (*flexigen, biegen sich*) очень часто въ срединѣ словъ одни звуки выпадаютъ, другіе вставляются, иные измѣняются; * съ одного слога на

* Стелю, слалъ, разстилаю, разстелю, разостлалъ; шлю, слалъ; рассылаю, разошлю, разослалъ; мелю, молolz, малывалъ; гремлю, гремѣлъ, грянулъ: брызжу, брызгалъ, брызнулъ; глотаю, глоталъ, глюю, глатывалъ; хочу, хочешь, хочеть, хотимъ, хотите, хотять, сонъ—сна, день—дня, боець—бойца, улей—улья.

другой передвигаются ударенія, и при этомъ одни звуки какъ бы замираютъ, другіе усиливаются¹; рѣзкіе согласные звуки безъ гласныхъ звуковъ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, ослабляются и, наоборотъ, слабые согласные при гласныхъ переходятъ въ рѣзкіе²; нѣкоторые согласные звуки, твердо произносимые въ одной формѣ слова, въ другой его формѣ произносятся мягко вслѣдствіе смягчающаго отзвука, переходящаго на нихъ отъ мягкаго (ы) или затированнаго гласнаго звука (я, ю, е, й, о,) стоящаго послѣ слѣдующаго согласнаго³; для выраженія нѣкоторыхъ особыхъ оттѣнковъ одного и того же понятія нерѣдко употребляются начальныя приставки къ словамъ⁴. На произволъ выговора и живой устной рѣчи первой указалъ прот. Павскій, и вотъ съ его легкой руки мы роняемъ на этотъ произволъ. Судите же сами, можно ли такимъ солиднымъ личностямъ, какъ наши грамматисты, питать расположеніе къ такому вѣтренному, своевольному, неподчиняющемуся узкимъ правиламъ, несоблюдающему униформы вокалізіи звуковъ; пробовали они, пробуютъ иногда и доселѣ ломать ред-

¹ Вѣцо — ѡнца; часъ — часы; вада — воду — воды и вады; море, моря — маря; вѣсель, весела, вѣсело, весьольны: заря — зорю — зари (род. п. зори (им. мн.ч.)) раздаю, раздамъ — рѣздалъ, рѣзданъ; разиваю — разолью, разлилъ — рѣзлль, разлѣтъ, — рѣзлѣтъ; жена — жѣны; весло — вѣсла; звѣзда — звѣзды.

² Происхожу, произойду, произошолъ, провостолъ; лошка — ложекъ; дрошки — дрожекъ; лехкой — лежокъ, мяхой — мяжокъ; усхой — узокъ; вьось — везло; лѣхой — лѣвокъ; зыпкой — зыбокъ.

³ Чортъ — черты, чертьонокъ; масло — въ маслѣ, узла — въ узлѣ; распу — распялъ, твержу — твердѣтъ. Тоже бываетъ, когда слѣдующій согласный звукъ будетъ имѣть смягченный выговоръ, напр. есть — есьтъ; вертъ — верѣтъ.

⁴ Разудалый, пребольшой, есесильный, намлучшій, получше, поменьше; пишу — напишу, написалъ; дѣлаю — сдѣлаю (здѣлаю,) сдѣлалъ. Для обозначенія успѣха или предѣловъ какого-нибудь событія большею частью употребляются начальныя нарощенія. Такъ называемые глагольные виды считаются особыми глаголами; но такое лѣтнѣе составилось только вслѣдствіе невозможности заковать въ опредѣленныя формы свободное и живое развитіе слова и вслѣдствіе неспособности грамматистовъ сознаться въ неотысканіи законовъ этого развитія. Пишу, писалъ, напишу, написалъ — одинъ и тотъ же глаголъ, только въ разныхъ формахъ, назначенныхъ выражать одно и то же понятіе о событіи, только съ разными оттѣнками, обозначающими то безкратную и многократную длительность, то предѣлъ или успѣхъ событія. *Надписываю, прописываю, подписываю, приписываю* — будутъ выражать понятіе уже совсѣмъ о другомъ событіи.

ую рѣчь: но, не находя возможности подчинить ихъ себѣ—и рукой махнули. Да оно и лучше! Сказалъ «своевольники! произволь выговора!»—и дѣло свято! То-ли-дѣло мертвая буква! не шкелетъ, лежать себѣ смирибхонько. Вотъ причина, почему за нею-то и ухаживаютъ наши грамматисты, почему отгѣйки живого слова, переливы ударенія, а, вмѣстѣ съ нимъ, и самихъ звуковъ во всеи членосоставѣ словъ упускаются у насъ изъ виду или поставляются на заднемъ планѣ,—почему ореографическая сторопа поглощаетъ все вниманіе учителей, почему даже въ то время, когда они берутся за разсмотрѣніе жизненныхъ явленій, т. е. сочетанія звуковъ въ словахъ и измѣненія словъ въ рѣчи, они обращаютъ вниманіе на трупъ отжившаго свой вѣкъ буквеннаго выраженія несуществующихъ въ настоящее время звуковъ.

Напр. грамматика требуетъ окончанія *e* и *я* во мн. числѣ прилагательныхъ; въ ней творит. падежъ отъ дѣтя—*дѣтятемъ*. Одинъ знаменитый педагогъ слова къ *темю* (у Крылова,) *полылемю* (у Кольцова) назвалъ неправильностями, съ которыми дѣтей не слѣдуетъ знакомить. Имъ нужна вѣрность историческому началу; такъ пусть введутъ старинные *зело*, *кми* и *иси*, *отъ* да *юсы*: это будетъ послѣдовательнѣе. Пусть пишутъ *елень*, а не олень,—озеро, а не *озеро*,—*яко*, а не *какъ*—*человѣкъъхъ*, а не *человѣкахъ*; если въ одномъ случаѣ историческая причина мѣшаетъ писать, какъ говорятъ, то она должна мѣшать и въ другомъ. Теперь ребенка мучатъ надъ ореографическими правилами, * цѣлые годы толкуютъ ему разницу въ употребленіи *ь* и *е*; а, въ то же время, не обратятъ вниманія на то, что, благодаря неполнотѣ алфавита, онъ изъ *Номег*'а дѣлаетъ *Гомег*'а изъ *Носче*'а—*Госче*'а и т. п., что онъ одинаково черезъ *г* пишетъ бога и рога, богъ и рогъ.

Если взялись за исправленіе ореографіи, такъ надо исправить ее. Да не мѣшало бы въ ореографическій комитетъ пригласить людей, знающихъ законы какъ общей, такъ и русской фонетики. А то, говорятъ, въ комитетѣ высказывались такіа фонетическія идеи, которыя показываютъ въ авторѣ ихъ потребность выслу-

* *Прим.* Замѣчательно, что у насъ, въ Россіи, почти никто ореографіи не знаетъ. Ее знаютъ только корректоры, да и то не всѣ. Знаютъ еще филологи-спеціалисты, но и тѣ спорятъ между собою. Да и много ли ихъ? Для кого же существуетъ наша ореографія—это вопросъ. Тутъ именно что-то въ родѣ искусства для искусства.

шать нѣсколько лекцій изъ фонетики русскаго языка. Все такъ, все на одинъ ладъ. Да здравствуетъ прогрессъ на словахъ да въ комитетахъ! А народу, который теперь самъ понимаетъ пользу грамотности, самъ добровольно идетъ въ школы—оставляется поле, изрытое ямами и канавами, и изъ ученя выйдетъ для него не ученье, а скачка съ препятствіями, гдѣ многіе сломаютъ себѣ голову, другіе даромъ потратятъ время и трудъ, которыми народъ дорожить больше, нежели наши педагога; остальные убоятся глубины премудрости, пожалѣютъ потери времени и труда и останутся безграмотными. И дѣло! Надобно же кому-нибудь быть и безграмотными, чтобъ остальные имѣли удовольствіе называться грамотными и даже учеными.

А. С.

Г. КОСТОМАРОВУ.

(Объяснение на объяснение.)

Г. Костомарову очень не понравилось изложение событий, сопровождавших закрытие публичных чтений в залъ Думы, напечатанное в III № Библиотеки для Чтенія, и онъ помѣстилъ въ 86 № петербургскихъ вѣдомостей свое объясненіе, въ которомъ излагаетъ ихъ съ своей точки зрѣнія. Мы были бы очень рады прочитать дѣйствительное объясненіе этого событія; и если бы г. Костомаровъ умѣлъ оправдаться въ той, (чтобъ не сказать больше), непослѣдовательности, за которую мы не выказали ему своего сочувствія, мы охотно признали бы свою ошибку.

Къ сожалѣнію, объясненіе г. Костомарова только называется объясненіемъ, а въ самомъ дѣлѣ есть ни что иное, какъ пустое словосочетаніе соединенное съ желаніемъ бросить камень въ Библиотеку для Чтенія.

Прежде всего г. Костомаровъ нападаетъ на насъ за то, что мы говорили о комитетѣ, завѣдывавшемъ дѣлами чтеній въ залѣ Думы.

«Ни о какомъ комитетѣ, пишетъ онъ, я не слыхалъ.» Очень жаль; а мы очень часто слыхали объ этомъ комитетѣ, именно съ этимъ самымъ именемъ, которое, хотя и не было официальнымъ, но все-таки всѣми употреблялось и очень шло къ дѣлу. Въ самомъ дѣлѣ, нѣсколько студентовъ и профессоровъ, хлопотали объ уступкѣ залы Думы въ пользу чтеній, выхлопотали

ее, потому завѣдывали распредѣленіемъ лекцій, заготовляли билеты, продавали ихъ, наблюдали извѣстнымъ образомъ за порядкомъ во время лекцій; это были однѣ и тѣже лица; почему же не назвать ихъ комитетомъ? слово комитетъ, Comité, Comitatus (отъ Comes товарищъ) означаетъ извѣстное количество людей, соединившихся для одной и той же цѣли. Здѣсь именно было то самое. Но г. Костомаровъ, по своей всегдашней методѣ диспутировать, и здѣсь навязываетъ слову то значеніе, которое оно имѣетъ только въ частныхъ, опредѣленныхъ особыми условіями случаяхъ. Онъ думаетъ, что мы придавали слову «комитетъ» какое нибудь официальное значеніе; утѣраемъ г. Костомарова, что такого значенія ему мы не давали и спорить ему тутъ не о чемъ. Кромѣ того г. Костомаровъ предполагаетъ, что мы смотрѣли на распоряженія комитета такъ, что считали ихъ обязательными для профессоровъ.

«Профессоры, говоритъ онъ, между собою не составляли комитета, которому каждый изъ читающихъ долженъ былъ бы подчиняться.» Дальше онъ говоритъ, что соразмѣрять свои поступки съ желаніемъ или нежеланіемъ студентовъ, завѣдывавшихъ выдачею и повѣркою билетовъ, чтобъ лекціи продолжались, онъ не считалъ себя обязаннымъ. Къ чему говоритъ все это г. Костомаровъ? Прочиталъ ли онъ въ Библиотекѣ для Чтенія, что его кто нибудь считалъ обязаннымъ повиноваться рѣшенію комитета или, пожалуй, кружка, завѣдывавшаго внѣшними дѣлами лекцій? Ничего этого не было; въ Библиотекѣ прямо сказано, что «союзъ г. Костомарова съ комитетомъ былъ совершенно свободенъ.» Правда, къ этому прибавлено; что, разойдясь въ убѣжденіяхъ, они, т. е. г. Костомаровъ и кружокъ, должны были разойтись. Въ справедливости этого, разумѣется, сомнѣваться нельзя. Люди, которые устроили чтеніе, не обязаны были устроить ихъ, когда сами этого не желали; и г. Костомаровъ, выставляющій на видъ свои услуги—(чтенію въ пользу бѣдныхъ студентовъ)—могъ бы сообразить, что люди, завѣдывавшіе внѣшними дѣлами лекцій, ему обязаны въ свою очередь ничѣмъ не были и служить ему не могли. Слѣдствіе прямое: г. Костомаровъ долженъ былъ отказаться отъ того, что ими уже было сдѣлано т. е. перестать читать лекціи въ томъ же мѣстѣ, и при томъ же порядкѣ.

Это г. Костомаровъ послѣ понялъ и самъ и публиковалъ, что намѣренъ искать себѣ другую аудиторію и, дѣйствительно,

врискалъ. Къ чему же было дѣлать всю эту исторію въ Думѣ? Зачѣмъ было вызывать скандалъ, который могъ компрометировать когонибудь? Видите ли въ чемъ дѣло. Г. Костомаровъ, въ своемъ объясненіи, высказалъ, что онъ обратился къ публикѣ съ вопросомъ, желаетъ ли она продолженія лекцій, по тому поводу, что «одниъ господинъ возвѣстилъ, будто бы профессоры, прекращаютъ свои лекціи, по случаю высылки г. Павлова.» О какъ удобно г. Костомарову, выставить подобные предлоги: жаль, что не совсѣмъ удобно отстранять ихъ; это ему слѣдовало бы сообразить, когда онъ писалъ свое объясненіе. Теперь мы ему скажемъ только, что кромѣ этого господина было много другихъ, которые въ другомъ находили предлогъ и причину къ закрытію лекцій: именно, желали избѣгнуть произшествій въ родѣ того, которое вызвано было г. Костомаровымъ.

Г. Костомаровъ увѣряетъ, что обратился къ публикѣ съ своимъ вопросомъ, потому что въ первыхъ желалъ знать, есть ли желающіе продолженія лекцій, а, во вторыхъ, ему нужно было найти новыхъ *«распорядителей»* для завѣдыванія внѣшнимъ порядкомъ лекцій. Но зачѣмъ же онъ желалъ знать, есть ли желающіе продолженія лекцій, когда онъ былъ въ этомъ увѣренъ, когда дальше, нѣсколько строкъ ниже, онъ говоритъ: «я знаю, что были и есть слушатели—(т. е. въ числѣ тѣхъ, которые хлѣбли на лекціи въ Думѣ),—искренно преданные занятію науками, это я и теперь повторю.»

Не проще ли было г. Костомарову объявить сначала черезъ газету, что онъ перенеситъ свои лекціи въ другую аудиторію, какъ онъ сдѣлалъ это послѣ? А что касается до принсканія распорядителей, то гораздо удобнѣе было сдѣлать это не съ профессорской кафедры, а просто среди публики, какъ частному лицу, ищущему себѣ сотрудниковъ, для извѣстнаго дѣла. Всего этого г. Костомаровъ не принялъ въ соображеніе, и пусть винить себя одного за результаты, пусть не огорчается, если даже въ той массѣ, которая во время оно носила его на рукахъ, онъ замѣтитъ совсѣмъ другаго рода чувства въ отношеніи къ себѣ.

Впрочемъ г. Костомаровъ увѣренъ, что, все-таки, публика, къ которой онъ обращался, отнеслась къ нему сочувственно, онъ увѣренъ что «больше сотни голосовъ» кричали ему: «читайте, читайте!» И, въ то же время, обвиняетъ Библіотеку для Читанія въ

умышленною искаженіи истины за то, что она напечатала, будто только «кто-то» на его вопросъ оказалъ ему: отчего же не продолжать лекцій? Смѣемъ увѣрить г. Костомарова, что за это умышенное искаженіе истины, мы могли бы ему съ большею основательностью наговорить гораздо больше того, что онъ когда-то наговорилъ г. Погодину, мы могли бы ему привести ясныя доказательства того, что умышенно искажать истину способенъ самъ онъ, г. Костомаровъ (см. Ств. Пч. 1861 г. № 128), а не Библиотека для Чтенія. Но мы ничего этого не сдѣлаемъ, мы не поддадимся на новѣйшій вызовъ г. Костомарова къ скандалу, который онъ дѣлаетъ уже не своимъ слушателямъ, а людямъ постороннимъ. Мы повторимъ только то, что мы слышали уже послѣ объясненія г. Костомарова; именно намъ подтвердили очевидцы, что именно только «кто-то» сказалъ: «отчего же не читать.»

Мы не скажемъ даже г. Костомарову, что онъ умышенно и, притомъ, въ свою пользу искажаетъ истину, хотя, безъ сомнѣнія, мы на это имѣли бы большее право, чѣмъ г. Костомаровъ относительно насъ. Можетъ быть, г. Костомарову такъ и показалось; показалось же ему, что вся Русь приняла отъ него жмудскую теорію. Мы пожалѣемъ только объ одномъ, что изъ нашей литературной среды, повидимому, еще не выходитъ татарская манера обращенія.

Что касается до г. Костомарова, то онъ, вслѣдъ за г. Чернышевскимъ, переноситъ ее изъ литературы въ свои отношенія къ обществу. Онъ незадумался назвать своихъ слушателей Репетиловыми, даже будущими Расплюевыми. Послѣ такого обращенія его къ публикѣ, какихъ еще послѣдствій можно не бѣяться со стороны оскорбляемыхъ; хорошо еще что г. Костомаровъ отдѣлался только свистками; онъ приводитъ, впрочемъ, причину почему онъ позволилъ себѣ такое обращеніе съ слушателями; это изволите видѣть, потому что г. Костомаровъ, о нѣкоторой части ихъ имѣетъ невыгодное мнѣніе. Но если, на основаніи невыгодныхъ мнѣній, позволять себѣ не деликатное обращеніе съ тѣмъ, къ кому оно относится, то чѣмъ это кончится? это будетъ вѣчная междуусобная война; и, очевидно, г. Костомаровъ не далъ себѣ труда выинуть въ это дѣло, какъ и во многое другое, чего онъ самъ хорошо несообразить, да потомъ за то же самое обвиняетъ тѣхъ, кто съ нимъ несогласенъ.

Насъ онъ снова изобличаетъ въ искаженіи истины, на этотъ

разъ не говоря, чтобъ оно было умышленное. Дѣло въ томъ, что въ Библіотекѣ для Чтенія было сказано, будто г. Костомаровъ увѣрялъ, что его слушатели преданы одной наукѣ.

«Я никогда не увѣрялъ, говорить онъ, ни печатно, ни письменно, ни словесно, что мои слушатели преданы одной наукѣ. У самыхъ ревностныхъ труженниковъ науки есть, конечно, своимъ семейныя и домашнія дѣла и т. д.» Нѣтъ, не такъ. Г. Костомаровъ именно увѣрялъ, что его слушатели преданы одной наукѣ, когда онъ говорилъ, что, въ *открытый университетъ пойдутъ только люди, преданные наукѣ*, а не тѣ, которые изъ науки сдѣлали такое же развлеченіе, какимъ до сихъ поръ имъ служили прогулки по Невскому и на островамъ; на этомъ и былъ основанъ весь проэктъ г. Костомарова объ открытыхъ университетахъ. Немножко поздно г. Костомаровъ сознаетъ свои ошибки; и притомъ сознавши ошибку, надобно и признать ее, а не отрекаться отъ своихъ мыслей. Что касается до того, что, по словамъ г. Костомарова «у самыхъ ревностныхъ труженниковъ науки есть свои семейныя и домашнія дѣла,» пусть говорить ихъ г. Костомаровъ кому угодно, только не Библіотекѣ для Чтенія. Напомнимъ ему, что эти же самыя слова въ Библіотекѣ для Чтенія, были сказаны ему четыре мѣсяца назадъ, когда онъ претендовалъ что университетъ, какъ корпорація, связываетъ своихъ членовъ во всѣхъ фазахъ жизни, и что, поэтому, слѣдуетъ устроить высшее преподаваніе наукъ въ родѣ того, которое имѣло мѣсто въ Думѣ и что, при такомъ устройствѣ высшаго обученія, учащіеся не будутъ связаны во всѣхъ фазахъ жизни.

Впрочемъ, все, о чемъ мы говорили выше, составляетъ существенную часть только въ объясненіи г. Костомарова. А его объясненіе совсѣмъ не коснулось сущности того, что сказано въ Библіотекѣ, главной мысли всего разсказа о происшествіи 8 марта. Постараемся теперь пояснить нашу мысль г. Костомарову.

Прежде, онъ былъ партизаномъ того способа преподаванія, который, теперь, на его собственный взглядъ, оказался несостоятельнымъ. Прежде, ему съ той и другой стороны твердили, что его проэктъ неоснователенъ, ведетъ къ пониженію уровня образованія въ Россіи и т. п. Въ то время г. Костомаровъ упорно стоялъ на своемъ, и даже, какъ сказано было въ одной статьѣ, (въ Ишвалидѣ) уступая многое противникамъ, только продолжалъ кричать, что онъ все-таки правъ, и его проэктъ—дѣль-

ный проэктъ. Теперь, называя часть (какую бы то ни было) своихъ слушателей Репетиловыми и Расплюевыми, онъ торжественно осуждаетъ свой собственный проэктъ. Такъ не лучше ли было для г. Костомарова прежде, когда шли толки объ университетахъ, подождать писать свои статьи, не вводить другихъ въ ошибку? Не лучше ли всякому вообще, а г. Костомарову въ особенности, дѣлая прогрессъ, обдумать напередъ свои слова и проэкты, а не дожидаться уроковъ отъ опыта? Вѣдь если мы такъ будемъ поступать вездѣ въ общественной жизни, то слава нашихъ прогрессистовъ обойдется намъ дорого.

Впрочемъ, мы не говоримъ этимъ, чтобы г. Костомаровъ былъ правъ и въ своей послѣдней исторіи. Тутъ онъ тоже не правъ; не въ этомъ случаѣ онъ имѣлъ дѣло съ Репетиловыми и Расплюевыми. Мы, вмѣстѣ съ другими, сами знаемъ нѣкоторыхъ изъ слушателей г. Костомарова, изъ самыхъ такъ называемыхъ рапорядителей, которые не только Расплюевыми, но и Репетиловыми теперь или впоследствии — газваны быть не могутъ, несмотря на то, что они не желали продолженія лекцій г. Костомарова. Другое дѣло — когда г. Костомарова носили на рукахъ или когда гамомъ помогали ему опровергать возраженія г. Погодина. Тогда, правда, масса поклонниковъ г. Костомарова состояла, большею частію, изъ Репетиловыхъ или Расплюевыхъ, какъ это оказалось впоследствии. И что же? тогда, и даже много послѣ, пока еще масса все-таки относилась сочувственно къ г. Костомарову, она была надеждою Россіи въ будущемъ, людьми преданными наукѣ, а теперь, она вдругъ оказалась Расплюевыми.

Если бы г. Костомаровъ, сознавши несостоятельность нашихъ прогрессистовъ, сознательно и обдуманно высказалъ свое недовольство подобными господами и указалъ имъ другую дорогу, предъявилъ имъ новыя требованія, то не съ нашей стороны услышалъ бы онъ осужденіе. Когда г. Костомаровъ, въ своемъ тысячелѣтніи Россіи, сдѣлалъ отзывъ о модничаньѣ прогрессомъ такой, какого это дѣло заслуживаетъ, онъ встрѣтилъ со стороны Библиотеки для Чтенія сочувствіе въ то время, какъ съ другихъ сторонъ онъ встрѣтилъ осужденіе. Но, въ этомъ случаѣ, онъ выражалъ свою мысль, и очень справедливую, хладнокровно обдуманную. Въ происшествіи 8 марта ничего похожаго на это не было; онъ самъ выступилъ на сцену, какъ человѣкъ, движимый сильнымъ неудовольствіемъ, которое было вызвано непочтительнымъ обращеніемъ къ его личности. Онъ позволилъ

себѣ обращеніе съ публикою такое, котораго никто позволить себѣ не можетъ даже и тогда, когда публика, дѣйствительно, никакого другаго обращенія не заслуживаетъ. Но, въ этомъ случаѣ, именно менѣе, нежели когда нибудь, его слушатели играли роль Репетиловыхъ или Расплюевыхъ. Какъ же прикажетъ г. Костомаровъ отнестись къ подобнымъ дѣламъ? Конечно, если онъ свою личность считаетъ такъ связанною съ прогрессомъ въ Россіи, то все, что ни скажетъ онъ, слѣдуетъ принимать съ аплодисментами и за все носить его на рукахъ. Но подобнаго взгляда съ г. Костомаровымъ общество не раздѣлитъ; а раздѣлитъ развѣ Репетиловы, будущіе Расплюевы; а люди, которымъ придавъ эти имена г. Костомаровъ, конечно, выходила не изъ такого взгляда на отношеніе г. Костомарова къ прогрессу; такъ что, кругомъ неправъ все-таки остается г. Костомаровъ. Особенно онъ и справъ въ своемъ объясненіи, потому что обнаруживаетъ въ немъ свою старую методу стараться показать видъ, что онъ правъ, не смотря ни на что. Да къ этому прибавился повидимому его новый взглядъ, что онъ, г. Костомаровъ и русскій прогрессъ—одно и тоже

Вѣроятно, отсюда же идутъ и его жалобы на то, что къ нему посылаются письма, въ которыхъ ему грозятъ смертью. Объ этомъ уже публиковало «Наше Время.» Видно, въ самомъ дѣлѣ, г. Костомаровъ вообразилъ себя человѣкомъ слишкомъ важнымъ въ нашей общественной жизни. Но какъ же онъ, профессоръ исторіи, стало быть, человѣкъ знающій болѣе или менѣе и природу человѣка, и то, что бывало въ человѣческихъ обществахъ прежде, нежели самъ г. Костомаровъ началъ играть свою, не знаемъ какъ назвать, всероссійскую или даже всемірную роль, какъ онъ не потрудился сообразить, что это не больше, какъ шутка? Можетъ быть, даже, письмо, которое онъ получилъ, обозначено первымъ апрѣля?

Впрочемъ, первое или не первое Апрѣля, это все равно; для нѣкоторыхъ, первое Апрѣля продолжается цѣлый годъ, даже въ дѣлахъ серьезныхъ, не говоря о шуткахъ. — Будто неизвѣстно г. Костомарову, что, когда, въ самомъ дѣлѣ, кто нибудь задумываетъ покушеніе на жизнь другаго, то всего меньше онъ думаетъ о томъ, чтобы предупредить о своемъ намѣреніи. Конечно, кто повѣритъ серьезности этихъ писемъ, для того г. Костомаровъ *облечется въ мантию страданій* и личность его получитъ особенный интересъ. Но въ гла-

захъ тѣхъ, которые относятся къ вещамъ болѣе скептически, г. Костомаровъ облачается не въ мантию страданія, а въ другую мантию, которая на мантию страданія походитъ очень мало, а, вѣрнѣе, можетъ быть названа мантию неосновательнаго самоуслажденія. Желаемъ, чтобъ г. Костомаровъ не думалъ, что въ этихъ строкахъ есть что нибудь, диктованное нашими отношеніями къ его личности. Мы относимся только къ его дѣламъ; когда онѣ рациональны, тогда мы выражаемъ ему сочувствіе, когда онѣ ирраціональны, мы не выражаемъ ему сочувствія; больше ничего.

Объясненіе г. Костомарова показалось очень дѣльнымъ и основательнымъ Сѣверной Почтѣ, а наше замѣчаніе о происшествіи 8 Марта, помѣщенное съ прошлой книжкѣ журнала, очень недѣльнымъ и неосновательнымъ. Впрочемъ, Сѣверная Почта не представляетъ своихъ доказательствъ, почему она считаетъ одно дѣльнымъ и основательнымъ, а другое не дѣльнымъ и неосновательнымъ; такъ что, читатель видитъ тутъ только одно. именно: наше замѣчаніе не ладитъ съ системою взглядовъ Сѣверной Почты; а объясненіе г. Костомарова ладитъ. Этого опровергать мы не станемъ тѣмъ болѣе, что неодобреніе Сѣверной Почты насъ особенно не огорчаетъ. Замѣтимъ только Сѣверной Почтѣ, что ей всего менѣе удобно по менторски относиться къ нашей журналистикѣ. Она должна это понять и хорошо помнить.

НОВООТКРЫТАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ ДИКОВИНКА.

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ САТИРИЧЕСКИХ СТИХОТВОРЕНІЙ Г. НЕКРАСОВА.

Одною изъ характеристическихъ чертъ русской литературы всегда было—уваженіе и довѣріе къ писателямъ, какъ людямъ чистымъ и честнымъ, издающимъ журналы, пишущимъ статьи, главнѣйше ради выработки нѣкоторой доли правды, нѣкоторой доли общаго блага. «Фракъ русскаго писателя—говорилъ Бѣлинскій,—давно сталъ очень уважаемымъ мундиромъ». — Мы не привыкли видѣть въ литературѣ людей, агущихъ словомъ и торгующихъ убѣжденіемъ, такъ, какъ продажныя женщины продаютъ красоту; мы не привыкли къ аферистамъ, обращающимъ литературу въ средство единственно для наживанія денегъ, для утолщенія кармана...

Когда одинъ изъ откупщиковъ подкупилъ парижскихъ фельетонистовъ къ прославленію его чудовищныхъ бабовъ и безумной щедрости, мы исполнились негодованіемъ на этихъ продажныхъ людей. Фельетонистъ самой темной русской газетки посмѣялся надъ ними.

Наши путешественники всегда жаловались на барышническое направленіе нѣкоторыхъ слоевъ французской журналистики, на ихъ стремленія сдѣлать аферу изъ своего слова. Г-жа Евгенія Туръ съ великимъ негодованіемъ передавала намъ, что у многихъ французскихъ писателей весь разговоръ вертится на вопросахъ: «что платять за листъ? что даютъ за романъ? выгодно ли смѣнить литературу на биржевую игру? и пр.»

Еще недавно, эта вѣра въ чистоту печатнаго слова была сильна у насъ. Множество русскихъ писателей не хотѣли принимать никакого участія въ одномъ еженедѣльномъ журналѣ, сильно заподозрѣнномъ въ барышническихъ поползновеніяхъ. Мало того. Еще не прошло двухъ лѣтъ съ тѣхъ поръ, когда къ одному изъ очень распространенныхъ ежемѣсячныхъ журналовъ была обращена такая рѣчь:

«Мы не привыкли къ барышникамъ, отдающимъ въ ростъ свои слезы о народномъ страданіи, ни къ промышленникамъ, дѣлающимъ изъ сочувствія къ пролетарію откупную статью. И въ этомъ довѣріи, давно несуществующимъ на Западѣ, бездна хорошаго, и намъ всѣмъ слѣдуетъ поддерживать его. Повѣрьте, что гонитель неправды, сзывающій позоръ и проклетіе на современный срамъ и заустѣніе, и, въ то же время, запирающій въ свою шкапулку деньги, ясно наворованныя у друзей своихъ, при теснѣрешемъ броженіи всѣхъ понятій, при нашей распущенности и удобовпечатлительности—вреднѣе и заразительнѣе всѣхъ праздныхъ и лишнихъ людей, проклимающихъ и слезливыхъ!»

Увы! это всѣмъ памятное предсказаніе о заразѣ чуть ли не начинается сбываться. Въ настоящую минуту распубликована брошюра, представляющая неоспоримыя доказательства въ томъ, что нѣкоторыя газеты печатаютъ у себя безыменные статьи, взимая плату въ десять разъ большую, чѣмъ плата за объявленія. Брошюра о которой мы говоримъ—«донесеніе ревизіонной комиссіи, назначенной 2 августа 1861 г., общимъ собраніемъ акціонеровъ главнаго общества россійскихъ желѣзныхъ дорогъ».

Ревизоры объявляютъ теперь, что они видѣли оправдательные документы т. е., вѣроятно, росписки на слѣдующіе расходы, сдѣланные совѣтомъ управленія Главнаго Общества:

А) Редакціи «Journal de S-t Pétersbourg» было уплачено въ 1860 году:

За помѣщеніе объявленій разъ въ недѣлю о прихотѣ и отходѣ поѣздовъ и прочихъ объявленій, за исключеніемъ отдѣльныхъ статей (articles spéciaux et raisonnés,) по особому договору на годъ, заключенному 5 сентября 1859 г. 1000 р.

За объявленіе о созваніи общаго собранія акціонеровъ. 37 — 50 к.

За напечатаніе въ журналѣ отчета совѣта за 1859 г. 835 — 50 —

За два объявленія о движеніи поѣздовъ. 201 — 20 —

За помѣщеніе статьи въ № 57. 267 — — —

Тоже въ №№ 24, 28, 42 и 45, всего 1413 строкъ, по 50 к.

за каждую строку. 706. 50 —

За объявленія о приходѣ и отходѣ поѣздовъ въ нѣ- сколькихъ №№	68 — 80 —
За напечатаніе статьи въ № 223	8 — — —
	<hr/>
	Всего 3104 р. 50 к.

*В. Расходы по напечатанію разныхъ статей въ журна-
лахъ* 2932 р. — —

*С. Редакціи «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» за обя-
вленія* 1298 — 45 —

*Д. Редакціи Le Nord за объявленія, по неизвѣстному
контракту* 2583 р. 34 —

Статьи Главнаго Общества, подвергшіяся сбору по 50 к. с. за строчку, помѣщены въ одномъ изъ передовыхъ отдѣловъ Journal de S-t Petersbourg, на первыхъ страницахъ № №, а не въ разрядѣ объявленій. Этотъ журналъ никогда не публиковалъ, чтобы онъ помѣщалъ обсужденіе общественныхъ вопросовъ за плату и вообще не объявлялъ, чтобы у него печаталось за деньги что-нибудь, кромѣ разнаго рода объявленій. Дѣйствительно, трудно понять взиманіе платы съ обсужденія общественныхъ вопросовъ. Если предложенная статья хороша, то, напротивъ, можно еще отблагодарить автора за услугу; если она дурна и вредна, то плата не поможетъ. Наконецъ, если статья политическая, то, при существованіи сборовъ, борьба мѣтній перейдетъ въ борьбу кармановъ — вѣдь не всякій же можетъ заплатить по 50 к. с. за каждую строку. Или съ богатыхъ можно брать болѣе? Но такихъ коммунистическихъ взглядовъ нельзя допустить въ Journal de St. Petersbourg. Иная вещь объявленія: это дѣло частное и тутъ плата понятна.

При этомъ, мы невольно вспоминаемъ, что Journal de St. Petersbourg былъ очень остороженъ въ сужденіяхъ о Главномъ Обществѣ, и, однажды даже, отказалъ заявить у себя возраженіе на одну изъ доходныхъ статей этой компаніи. Просьба о такомъ заявленіи была сдѣлана публично въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ». Правда, что случилось намъ также видѣть въ Journal de St. Petersbourg отвѣтъ на одну изъ тѣхъ плодоносныхъ статей, но это не было правиломъ, какъ мы сказали.

За какія же это объявленія получаетъ Le Nord 2,000 р. с. въ годъ? Не дорого ли? И отчего мы видимъ, что Главное Общество заключило очень стоящіе договоры съ двумя газетами на французскомъ языкѣ, наиболѣе занимающимися Россіей? Отчего Le Nord былъ болѣе чѣмъ остороженъ съ Совѣтомъ и даже часто стоялъ на его сторонѣ?

Мы увѣрены, что это происходило отъ самоотверженія; но не было ли бы лучше брать годовую плату поменѣе?

Еще болѣе останавливаетъ наше вниманіе графъ: «Расходи по напечатанію разныхъ статей въ журналахъ», ибо оказываетъ, что здѣсь, разумѣются — русскіе журналы.

Нельзя не замѣтить, что гг. ревизоры поступили опрометчиво: они бросили теперь подозрѣніе на всѣ статьи, помѣщенныя въ 1860 г. въ русскихъ журналахъ, — за Совѣтъ управленія. Что касается до статей *противъ* Совѣта, окончившихся изъясненіемъ недовѣрія къ нему, надо полагать, что если Совѣтъ платилъ за эти статьи, такъ развѣ пятью-десятью улыбками презрѣнія на строчку; и такъ какъ онъ находилъ эти статьи вредными и г. Абаза (предсѣдатель) цѣлое общее собраніе ни о чемъ-другомъ не могъ говорить, кромѣ эгой вредности, то, вѣроятно, Совѣтъ платилъ и негодованіемъ. Полагаемъ, что позволительно думать, что Совѣтъ ничего не платилъ за статьи, некасающіяся Главнаго Общества, и потому остается предположить, что 2912 р. заплачены имъ за статьи въ защиту Совѣта компаніи.

Въ 1860 году, въ защиту компаніи печатались статьи въ «*Журналъ Акціонеровъ, въ Санктпетербургскихъ Вѣдомостяхъ* и въ *Сверной Пчелѣ*—значить, ревизоры бросаютъ тѣнь подозрѣнія, либо на редакціи этихъ газетъ, либо на авторовъ статей. Брасать такія, хотя неопредѣленныя обвиненія,—опротчливо.

Статьи, о которыхъ идетъ рѣчь, были всѣ безъименныя, за исключеніемъ одной, подписанной буквами П. Ш. За безъименныя статьи отвѣчаютъ редакціи и потому, подозрѣніе брошено на г. Трубникова, редактора *Журнала для Акціонеровъ*, на г. Очкина, редактора *Санктпетбургскихъ Вѣдомостей*, на г. Усова, редактора *Сверной Пчелы* и на прекрасную маску П. Ш.

Намъ кажется, что ревизоры, бросивъ подозрѣніе на столько лицъ, должны почувствовать всю неделикатность своего поступка относительно правыхъ и выгородить ихъ.

Касательно редакцій и авторовъ, можно думать, что правымъ не слѣдуетъ покрывать виновнаго, и мы съ большимъ интере-

сомъ ждемъ дальнѣйшаго хода этого дѣла. Посмотримъ, какъ поступать?

Во всякомъ случаѣ, предоставляемъ рѣшить читателю: исполнилось ли вышеприведенное нами, пророчество о заразѣ иныхъ примѣровъ? На долго ли продержится у насъ довѣріе къ иному нищему люду?

И. И. СУХАНИНЪ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Наша западная окраина.—Извѣстія изъ Финляндіи, Прибалтійскаго края и Польши.—Указъ о новомъ займѣ въ 15 м. ф. стерлинговъ.— Назначеніе займа.—Объ обязанностяхъ барона Штиглица передъ русскимъ обществомъ.—«Юноша» Антоновичъ и г. Шедо-Ферроти.

Въ средѣ разныхъ диковинокъ русской печати нельзя не остановиться на чрезвычайной бѣдности свѣдѣній о ходѣ дѣлъ въ западной окраинѣ нашей имперіи, т. е. въ Финляндіи, остзейскихъ губерніяхъ и въ Польшѣ.

Въ нашихъ газетахъ можно найти очень обстоятельныя свѣдѣнія о проектахъ разныхъ англійскихъ и французскихъ преобразованій, о мелочныхъ происшествіяхъ Парижа, Лондона, Берлина и пр., но въ нихъ рѣдко встрѣтишь какое-нибудь извѣстіе о польской литературѣ, о финляндской торговлѣ и пр. Между тѣмъ наша западная окраина представляетъ земли, опередившія насъ на поприщѣ общественнаго развитія. Въ нихъ уже давно нѣтъ крѣпостнаго права, устроены суды, проведены дороги и пр. Каковы бы ни были цѣли остзейскаго дворянства, но всѣ отдають ему справедливость въ большомъ умѣньи дѣйствовать, въ значительной политической ловкости.

Большее развитіе нашей западной окраины не можетъ оставаться безъ всякаго вліянія на насъ; напротивъ, весьма легко предположить, что эти земли, въ извѣстныхъ отношеніяхъ, послужатъ для насъ примѣромъ, укажутъ дорогу. Мы уже видѣли такое вліяніе въ ходѣ вопроса о земскихъ банкахъ. Извѣстно,

что польское закладное общество и банки остзейских губерній послужили образцомъ для нашихъ проектовъ и предположеній. Усовершенствованія, принятая однимъ изъ остзейскихъ банковъ «Церера», тотчасъ перешли въ труды нашихъ специалистовъ, несмотря на то, что, по отсутствію въ нашихъ газетахъ извѣстій въ Прибалтійскаго края, трудно слѣдить за развитіемъ тамошней общественной жизни.

Въ послѣднее время, изъ западной окраины имперіи стали доходить нѣкоторыя извѣстія, но онѣ ограничиваются либо рассказомъ о польскихъ демонстраціяхъ, либо самыми торжественными актами тамошней политической жизни.

Въ Финляндіи общано въ скоромъ времени созваніе сейма. Комиссія выборныхъ отъ разныхъ сословій окончила свои занятія и адресъ ея къ Государю Императору распубликованъ.

Мы узнаемъ изъ него, что порученіе комиссіи было весьма затруднительно, ибо она, по основнымъ законамъ княжества, совершенно новое установленіе.

Выборные подвергались опасности или сдѣлать слишкомъ мало для рѣшенія предположенныхъ вопросовъ, или преступить предоставленную имъ власть и отдалить чрезъ это время созванія сейма, а только чрезъ содѣйствіе его большая часть вопросовъ можетъ получить окончательное законное опредѣленіе. «Для устрашенія всякаго недоразумѣнія относительно взгляда комиссіи на свое занятіе, она въ первомъ же засѣданіи постановила, что ея заключенія представляютъ не мнѣніе страны и ея сословій, а только частное заявленіе собранныхъ финляндскихъ гражданъ».

— «Что Ваше Величество—говоритъ адресъ—желаете производить измѣненія только путемъ, указаннымъ основными законами, такъ-что ни одинъ вопросъ, подлежащій по симъ законамъ разсмотрѣнію сейма, не будетъ рѣшенъ безъ его содѣйствія, въ томъ страна могла убѣдиться изъ двухъ высочайшихъ рескриптовъ отъ прошлаго года, на имя предсѣдателя комиссіи, послѣднихъ первый манифестъ о созваніи выборныхъ и совершенно устранившихъ безпокойство — не смѣемъ утаить это—порожденное имъ.»

Затѣмъ, выборные просятъ о скорѣйшемъ созваніи сейма и спрашиваютъ отложеніе обсужденныхъ ими вопросовъ, на случай, если составленіе полнаго предложенія закона по нимъ отдалило бы созваніе сейма.

Они выражают надежду, что «за сеймомъ, который его величество намѣренъ собрать, послѣдуютъ такія же собранія сословій страны и великое княжество Финляндское сохранить свой основный, законный образъ правленія».

Коммисія выборныхъ испрашиваетъ введенія финляндскаго языка въ административное употребленіе. Народъ въ Финляндіи, за исключеніемъ прибрежныхъ жителей шведскаго происхожденія, говоритъ по-фински, но, до-сихъ поръ, оффиціальнымъ языкомъ считался языкъ шведскій.

Нынѣ царствующій Императоръ еще въ 1826 году былъ именованъ канцлеромъ гельсингфорскаго университета и покровительствовалъ тамошнему національному движенію. Въ университетѣ была учреждена кафедра финскаго языка и литературы, оказана помощь литературному финскому обществу и тамошнимъ ученымъ. Въ 1851 году, 25-ти-лѣтіе гельсингфорскаго университета было отпраздновано какъ національное торжество. Въ послѣднее время стали выходить финскія газеты; литературныя общества для распространенія финскаго языка размножились и обученіе ему стало обязательнымъ въ школахъ: очевидно, что шведскій элементъ болѣе и болѣе побѣждается въ Финляндіи.

Изъ Гельсингфорса къ Государю Императору отправлена депутация по какому-то важному финансовому вопросу; депутация состоитъ изъ графа Армфельда, коммерціи совѣтниковъ Дальстрема и Гакмана и крестьянина Косонецъ. Болѣе о ней ничего неизвѣстно.

Извѣстія изъ остзейскихъ губерніяхъ не менѣе любопытны.

Сперва газеты сообщили, что на ливляндскомъ ландтагѣ приняты огромнымъ большинствомъ слѣдующія предложенія г. фонъ-Бока изъ Шварценгофа: 1) приглашеніе городовъ къ участию въ ливляндскомъ ландтагѣ, 2) устройство всеобщаго балтійскаго ландтага, 3) устройство балтійскаго сената и 4) 99-ти лѣтнее право залога при покупкѣ помѣстьевъ. Такія предложенія—сообщали газеты—будутъ сдѣланы и предстоящимъ ландтагамъ въ Ревелѣ и Митавѣ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ сообщалось, что прибалтійскіе дворяне и городскія сословія, состояція изъ нѣмцевъ, никакъ не могутъ свыкнуться съ мыслию, что между финскимъ племенемъ и ими могло бы когда-нибудь существовать равенство. Если они будутъ держаться той же политики и въ предстоящихъ преобразова-

ніяхъ, то путнаго изъ этого ничего не выйдетъ. Имъ необходимо допустить къ участию въ ландтагахъ и финскій элементъ.

Вслѣдъ за тѣмъ, въ «Рижской Газетѣ» появилась поправка первоначальнаго извѣстія.

Интересно, что г. Катковъ и г. Н. Ф. Павловъ прочли эту поправку совершенно различно. Г. Павловъ кратко увѣдомилъ, что въ «Рижской Газетѣ» помѣщено *полное опроверженіе* приведенныхъ выше предложеній г. фон-Бока, написанное имъ самимъ.

Г. Катковъ привелъ самый текстъ отвѣта г. фон-Бокъ и изъ него оказывается, что въ засѣданіи лифляндскаго ландтага 21 февраля передавъ комитету уѣздныхъ депутатовъ проектъ объ учрежденіи комисіи, которая занялась бы обработкою упомянутыхъ четырехъ вопросовъ, впрочемъ, выраженныхъ въ болѣе правильномъ видѣ.

«Ревельская Газета» прибавляетъ, что, разумѣется, дѣло идетъ о предложеніяхъ и желаніяхъ, а не о рѣшеніяхъ, и что такъ всё повяли первоначальное сообщенное ею извѣстіе.

Изъ Варшавы доходятъ извѣстія о новыхъ манифестаціяхъ.

Нѣсколько лицъ, болышею частью студентовъ, вознамѣрились сдѣлать демонстрацію епископу Фелинскому. Они хотѣли съ шумомъ выйти изъ церкви, когда епископъ начнетъ въ соборѣ Св. Іоанна свою проповѣдь. Но правительство извѣстилось о томъ заранѣе.

Передъ началомъ проповѣди, среди четырехтысячной толпы, бывшей въ храмѣ, ходило нѣсколько молодыхъ людей, дѣлавшихъ какія-то распоряженія. Когда прелать вошелъ на кафедру, многіе изъ близстоящихъ молодыхъ людей стали махать шапками, кашлять и громко приглашать народъ уйти изъ церкви, потомъ, подавшись къ дверямъ, они стали тѣснить часть собравшейся въ церковь толпы, которая и поднялась съ мѣстъ и направилась къ выходу.

Всѣ мѣры были приняты, чтобы виновники этой сцены не избѣжали ответственности; за ними старательно слѣдили и газеты сообщили, что, при выходѣ изъ церкви, 14 человекъ были арестованы на улицѣ разставленными въ окрестностяхъ собора полицейскими слугами.

Толпа возвратилась въ церковь и проповѣдь возобновилась. Архіепископъ нѣсколько разъ благодарилъ за вниманіе къ его

слову. На другой день всѣ члены государственнаго совѣта и многія лица посѣтили Фелинскаго, для выраженія ему сочувствія и уваженія.

По распоряженію исправляющаго должность намѣстника, одинъ изъ арестованныхъ преданъ военному суду, 12 опредѣлены на службу рядовыми, а остальные посажены на нѣсколько недѣль въ казематы. «Русскій Вѣстникъ» уже замѣтилъ, что, значить, было арестовано болѣе 14 человекъ.

Газеты извѣщаютъ, что баронъ А. А. Штиглицъ принялъ «главное участіе» въ предложеніи о постройкѣ желѣзной дороги отъ Ковно до Либавы. Итакъ, баронъ вновь вступаетъ на поприще большихъ государственныхъ работъ.

Признаемся, мы давно и ожидали этого... Есть причины, по которымъ барону Штиглицу необходимо принять участіе въ дѣлѣ русскихъ желѣзныхъ дорогъ.

Большія государственныя работы раздаются обыкновенно компаниямъ капиталистовъ—учредителей, которые, получивъ разрѣшеніе на предвріятіе, передаютъ его чрезъ выпуски акцій ассоціямъ мелкихъ капиталистовъ—акціонеровъ. Кто не знаетъ, что, при такой передачѣ, карманы учредителей весьма толстѣютъ... но мы не думаемъ, чтобы эта сторона дѣла привлекала барона Штиглицъ. Онъ имѣетъ болѣе 70 милл. руб. нажитыхъ въ Россіи преимущественно чрезъ заключенія займовъ и потому насчетъ Россіи: кажется, полно! Да и отъ предвріятія желѣзной дороги, а тѣмъ болѣе, между Ковно и Либавой, такой карманъ, каковъ у барона Штиглицъ, не можетъ потолстѣть чувствительнымъ, для барона, образомъ.

Нѣтъ, мы полагаемъ, что первому русскому капиталисту необходимо принять участіе въ дѣлѣ нашихъ желѣзныхъ дорогъ по совершенно инымъ причинамъ; онѣ состоятъ въ томъ, что баронъ Штиглицъ принималъ *главное участіе* въ основаніи когда то частной компаніи главнаго общества русскихъ желѣзныхъ дорогъ.

При учрежденіи этой компаніи, имя барона Штиглицъ пользовалось почти такимъ же солиднымъ довѣріемъ, какъ имя Ротшильдовъ, которые, какъ извѣстно, не даются въ рыцаря спекуляціи и не разоряютъ лицъ, принимающихъ участіе въ ихъ предвріятіяхъ. Кандидатами на постройку большей сѣти рус-

скія дорогъ явились двѣ компаніи—одна, Ротшильда, и другая, въ главѣ которой стоялъ баронъ Штиглицъ.

Постройка дорогъ была уступлена, какъ извѣстно, послѣдней компаніи. Объ основаніи ея разсказываютъ слѣдующее:

Баронъ Зеebaхъ, саксонскій посланникъ въ Парижѣ и теперешній членъ совѣта Главнаго Общества, во время своихъ знаменитыхъ переговоровъ, передъ окончаніемъ восточной войны, встрѣтился однажды съ г. Перейрой. Разумѣется, рѣчь зашла о Россіи.—«Вотъ куда вамъ слѣдовало бы обратить ваши капиталы и вашу опытность въ дѣлахъ», говорилъ Перейра баронъ Зеebaхъ. «Россія страна еще нетронутая, въ нее трудно войти; но если вы будете тамъ, вы увидите такія вещи, о которыхъ Европа даже не предполагаетъ, это—обътованная страна!»

Перейра, конечно, не далъ никакихъ обѣщаній, но и не отказался отъ обътованной земли.

Мѣсяца три спустя, собрался парижскій конгрессъ. Слухи о намереніи русскаго правительства разрѣшить частныя компаніи желѣзныхъ дорогъ распространились. Графъ Орловъ былъ осажденъ предложеніемъ услугъ, заваленъ просьбами. Ежедневно ему сулили чуть не миллиарды, и онъ наконецъ показалъ двери толпѣ аферистовъ.

Въ Парижѣ пріѣхалъ баронъ Штиглицъ по дѣлу русскіхъ желѣзныхъ дорогъ.

Онъ видѣлся съ большею частью капиталистовъ, вѣроятно, велъ переговоры и съ г. Ротшильдомъ, но вскорѣ частыя свиданія съ г. Перейрой взяли вверхъ. Между этими знаменитостями биржъ устанавливались очень большія сношенія, душою которыхъ былъ г. Турнейсенъ.

Отправившись въ Петербургъ, г. Турнейсенъ велъ дѣла банкирскаго дѣла Штиглицъ и К^о. съ большимъ искусствомъ и великимъ прямушіемъ. Несмотря на это и, къ сожалѣнію барона Штиглица, г. Турнейсенъ вскорѣ уѣхалъ обратно въ Парижъ и сдѣлался директоромъ въ *Crédit mobilier*, соединивъ свои дѣла съ дѣлами братьевъ Перейра; потомъ онъ былъ членомъ совѣта Главнаго Общества.

Такимъ образомъ, баронъ Штиглицъ избралъ компанію капиталистовъ, болѣе или менѣе близкихъ съ *Crédit mobilier*. Условія Ротшильда были, правда, нѣсколько выше условій этихъ капиталистовъ, но за то имя Ротшильда далеко разнится отъ име-

ни Перейра. Послѣдствіи оправдали потомъ опасенія Ротшильда.

Какъ бы то ни было, но участіемъ г. Перейры и Ко. въ дѣлахъ нашихъ желѣзныхъ дорогъ мы обязаны всего болѣе г. Штиглицу, и онъ принялъ на себя отвѣтственность за это дѣло передъ всей Россіей. Въ указѣ, учреждавшемъ главное общество россійскихъ желѣзныхъ дорогъ, прямо говорится, что выборъ правительства остановился на компаніи капиталистовъ, во главѣ которой стоитъ баронъ Штиглицъ. Эти обстоятельства прямо обязывали барона принять самое дѣятельное участіе въ предпріятіи и озаботиться, чтобъ оно пошло удовлетворительно. Дѣйствительно баронъ, Штиглицъ сдѣлался членомъ Совѣта, гдѣ и пребываетъ до сего дня.

Ходъ дѣлъ въ главномъ обществѣ россійскихъ желѣзныхъ дорогъ хорошо извѣстенъ: онъ кончился взятіемъ предпріятія подъ опеку. Совѣтъ передержалъ не одинъ десятокъ миліоновъ и потерялъ довѣріе, необходимое для сбора капиталовъ. Паденіе главнаго общества было тяжкимъ ударомъ для всѣхъ частныхъ предпріятій по государственнымъ работамъ, а, тѣмъ болѣе, для участія иностранныхъ капиталистовъ. Со времени приключившейся катастрофы смолкли всякія слухи, всякія разсужденія о проведеніи новыхъ желѣзныхъ дорогъ.

Что же дѣлалъ баронъ Штиглицъ, чтобы предотвратить бѣду, особенно въ то время, когда стала она грозить, уже очень явственно?

Къ сожалѣнію, мы должны сказать, что баронъ не оправдалъ довѣрія Общества.

О занятіяхъ многихъ членовъ Совѣта, хоть слухи носились. Такъ, напр., извѣстно, что въ Совѣтѣ, между прочимъ, работалъ князь Оболенскій, и онъ даже ѣздилъ по работамъ. На нижегородской дорогѣ намъ разсказывали, что князь Оболенскій всею одобрять разныхъ художественныхъ построекъ французскихъ инженеровъ. О занятіяхъ же барона Штиглица и слуху не было.

Акціонеры могли только видѣть въ общихъ собраніяхъ, что баронъ Штиглицъ очень красиво игралъ своимъ золотымъ лорнетомъ и что многое его весьма смѣшило. «Надобно же кому нибудь вѣрить!» сказалъ онъ однажды въ отвѣтъ на разныя замѣчанія одного акціонера, и, кажется, онъ спокойно ввѣрился иностраннымъ запѣваламъ.

Правда, баронъ не защищалъ Совѣта на общихъ собраніяхъ:

онъ молчалъ. Но вѣдь это слишкомъ мало; это меньше, чѣмъ изъ чайной чашки пожаръ заливать.

Въ чемъ же выражалось участіе барона Штиглица въ дѣлѣ огромной важности, лежавшемъ на его нравственной отвѣтственности?

Намъ могутъ замѣтить, что, можетъ быть, баронъ работалъ очень много, но это осталось въ неизвѣстности, по привычкѣ Совѣта вести себя въ качествѣ глухонѣмого? Можетъ быть, отвѣтимъ мы; но, вѣдь, это никому неизвѣстно и дѣло въ глазахъ всѣхъ стоитъ иначе! Всѣ мы знаемъ, что, по довѣрію къ барону Штиглицу, русскіе капиталы поддержали Главное Общество и вынесли на себѣ главную тяжесть дѣла. Всѣмъ намъ извѣстно, что воспослѣдовала полная неудача въ довѣренности барону Штиглицу; предпріятіе шло крайне дурно и перестало быть частнымъ.

Прошлаго не воротитъ и объ этомъ говорить бы не стоило, еслибы баронъ Штиглицъ не имѣлъ возможности исправить вредъ, нанесенный всѣмъ частнымъ предпріятіямъ желѣзныхъ дорогъ въ Россіи. Но баронъ имѣетъ эту возможность, и потому онъ обязанъ заботиться, чтобы вновь пробудилось довѣріе къ частнымъ компаніямъ на поприщѣ государственныхъ работъ. Конечно, это обязанность нравственная, а не формальная, но, при огромномъ состояніи въ 70 милл. р. с., такія обязанности весьма могутъ быть на первомъ планѣ. О чемъ же другомъ заботиться такому богачу?

Вотъ почему мы сказали выше, что барону Штиглицу необходимо принять участіе въ предпріятіяхъ желѣзныхъ дорогъ. Разумѣется, что это участіе должно быть принято на лучшихъ основаніяхъ.

При теперешнемъ порядкѣ сдачи государственныхъ работъ, капиталисты-учредители предписываютъ мелкимъ капиталамъ акціонеровъ тѣ условія, на которыхъ они могутъ собираться на предпріятія, т. е. объявляютъ подписку, съ уже готовымъ уставомъ. Мы надѣемся, что баронъ Штиглицъ учредитъ компанію прочно, безъ устраненія акціонеровъ отъ дѣла, а также безъ стремленій къ глухотѣ и нѣмотѣ правленія. При отсутствіи удовлетворительнаго суда, одно изъ главныхъ преимуществъ частныхъ компаній состоятъ въ гласности ихъ дѣйствій.

Что же касается вѣтви отъ Ковно до Либавы, она бу-

дети имѣть значеніе только въ случаѣ продолженія ея въ либодордныя губерніи; иначе, Либавѣ не совладать съ Мемелемъ и Ригой. Надо подозрѣвать, что извѣстіе, переданное въ газетахъ, несовсѣмъ вѣрно.

Было бы пріятнѣе видѣть барона Штиглица въ учрежденіи болѣе необходимой дороги, напр., идущей къ Черному морю и прорѣзывающей Новороссію, почти лишенную всякихъ путей сообщенія. До-сихъ-поръ наши пути строились преимущественно по плану Петра Великаго, а Новороссія и Черное море не могли войти въ планъ этого государя.

Въ срединѣ апрѣля объявленъ новый вѣнскій заемъ въ 15 мил. ф. стерл., заключенный у банкировъ Н. М. Ротшильдовъ и Сына, въ Лондонѣ и Ротшильдъ братья въ Парижѣ. Заемъ этотъ сдѣлать, какъ сказано въ указѣ, «въ видахъ установленія денежнаго обращенія на твердыхъ основаніяхъ», съ тѣмъ, чтобы «нынѣ же привести въ дѣйствіе, съ надлежащею постепенностью, мѣры для открытія въ государственномъ банкѣ размѣна кредитныхъ билетовъ на звонкую монету».

Суммы, поступающія въ счетъ настоящаго займа, повелѣно передавать сполна въ непосредственное вѣдѣніе государственнаго банка, исключительно на подкрѣпленіе размѣнаго фонда.

Для открытія постепеннаго размѣна на звонкую монету будутъ составлены особыя правила. Билеты, изыятые изъ обращенія должны быть тотчасъ же сожжены.

«Затѣмъ — сказано въ указѣ — заготовленіе и выпускъ кредитныхъ билетовъ производить впредь по распоряженію и подѣ вѣдѣніемъ государственнаго банка, и отнюдь не иначе, какъ взаимно золота и серебра въ слиткахъ и монетъ, или въ обмѣнъ крупныхъ билетовъ на мелкіе и ветхихъ на новые.»

Подписка на этотъ 5% заемъ по 94 за 100 идетъ, какъ сообщаютъ газеты, весьма успѣшно. Въ Берлинѣ и Франкфуртѣ подписано до 9½ пол. ф. стерл. Носятся слухи, что въ Лондонѣ подписка необыкновенно велика; много торговыхъ домовъ, имѣющихъ теперь деньги въ сборѣ, по случаю остановки дѣлъ съ Америкой, подписали огромныя суммы.

Пока, правила о постепенномъ размѣнѣ еще не опубликованы. Хотятъ ли возстановить цѣну кредитнаго рубля? Въ такомъ случаѣ, выигрышъ будетъ на сторонѣ заимодавцевъ, а должники

проиграютъ. Въ самомъ дѣлѣ, положимъ, что кто-нибудь долженъ теперь 1000 р. с. Если эта тысяча была взята въ недавніе годы, когда кредитный рубль стоилъ около 85 к. с., то, значить теперешній должникъ получилъ, собственно говоря, 850 р. с. При сравненіи же кредитнаго рубля съ серебрянымъ, ему придется уплатить всю тысячу серебрянными рублями, т. е. потерять 150 р. с. Совершенно понятно, что подобное обстоятельство можетъ имѣть большое вліяніе на торговля дѣла, т. е. можетъ произвести нѣсколько банкротствъ. Эти неудобства, въ суммѣ общаго выигрыша отъ возстановленія монетной единицы, конечно, не будутъ очень чувствительны, но и ихъ можно отчасти избѣжать, опредѣливъ кредитный рубль нѣсколько ближе къ настоящей его стоимости. Тогда самое возстановленіе размѣна будетъ легче. Излишній выпускъ кредитныхъ билетовъ, конечно, былъ принудительнымъ займомъ; но, съ-тѣхъ-поръ деньги успѣли уже нѣсколько разъ перейти изъ рукъ въ руки, а потому отыскать и вознаградить лицъ, потерявшихъ отъ выпуска, теперь уже невозможно. Цѣнность кредитныхъ билетовъ падала постепенно и потеря распредѣлилась неравномѣрно, сообразно переходу ихъ отъ одного лица къ другому, переходу, который теперь прослѣдить нѣтъ уже средствъ....

Еще никто никого не разоблачалъ такъ какъ, г. Антоновичъ разоблачилъ Тургенева. Оказывается, что это ненавистникъ всякаго образованія, особенно женскаго, а также всего народа, и любви и молодости, и красоты; онъ дышетъ только клеветою на молодое поколѣніе, гонитъ эмансипацію женщинъ, проповѣдуетъ помѣщичій развратъ — и даже не можетъ поднять своего раздушеннаго лица къ микроскопу, для наблюденій надъ козавкой и даже чиститъ себѣ ногти. А наши дѣвушки, говоритъ прекрасный юноша г. Антоновичъ, готовы смотрѣть въ микроскопъ на что только угодно и даже ручками погrogать. Это мѣсто въ статьѣ напоминаетъ даже о ждановской жидкости. Прогрессъ такъ прогрессъ, — намъ и запахъ ни изъ чьей! Г. Тургеневъ, пожалуй, готовъ сказать, что понятія философа Антоновича, — «ребяческія» и что его слова о царжскихъ, — извините за пропускъ, — нечестны, непозволительны ни при какомъ раздраженіи.

Г. Чернышевскій рекомендовалъ намъ г. Антоновича гла-

нѣйше въ качествѣ прекраснаго юноши,—это было въ его чертикахъ, въ полемическихъ красотахъ. «Какое преимущество передо мною», скорбѣлъ нашъ Невскій Данилъ. Но едва ли г. Антоновичъ не имѣетъ преимуществъ даже относительно юности. По крайней мѣрѣ, онъ «робя» въ своемъ пониманіи художественныхъ произведеній, за что г. Антоновичу, какъ сотруднику «Современника», которому уже завидуетъ г. Чернышевскій, очевидно угрожаетъ безсмертіе. Въ самомъ дѣлѣ *г. Антоновичъ четыре мѣсяца стоитъ во главѣ русской литературы. Для своей славы онъ сдѣлалъ довольно, — написалъ о Тургеневѣ, Людямъ такого закала жизнь ничего не даетъ, кромѣ жгучей скорби.*

Мы полагаемъ, что г. Антоновичу слѣдуетъ поставить памятникъ за—живо. На памятникѣ этомъ можно начертать: «онъ ввелъ въ журналы слово «ерунда» и вполнѣ раскрылъ, до чего можетъ дойти она.»

Непоколебимый монументъ воздвигъ себѣ г. Шедо Ферротти,—но эта дѣло совсѣмъ иного рода.

ФЕЛЬТОНЪ.

ПЕСТРЫЯ ЗАМѢТКИ

Какъ летитъ время? — Великопостныя воспоминанія. — Живыя картины въ Большомъ Театрѣ. — Симфоническіе концерты. — Таланты Маринскаго театра. — Г. Никольскій и его *ut dièze*. — Нѣчто о нашихъ пѣвцахъ и пѣвицахъ. — Что дѣлала постомъ публика Михайловскаго театра? — Прилично-непристойныя увеселенія. — Комикъ Keime, г-жа Деверія и Стелла-Колясъ. — Великопостныя зрѣлища Александринской сцены. — Литературныя чтенія. — Г-жа Толмачева и ея благодарственная рѣчь. — Посильныя о томъ размышленія. — Святая, распутица и народное пьянство. — Балаганы и ихъ несчастная судьба. — Діалектика гг. Берга и Турньера и добросовѣтность послѣдняго. — Спектакли любителей. — Ихъ обиліе и значеніе. — Нѣчто о необузданномъ любительствѣ. — Публика залы Пассажа и привилегированные артисты, пощающіе ее. — Дависонъ. — Толки о немъ и ожиданія. — Гамлетъ и Шейлокъ. — Чего нѣтъ въ талантѣ Дависона и что есть?.. — Новости Александринской сцены: *Легкая Надбавка*, драма г. Погосскаго. — Погромъ Сорокинскихъ и Ицекъ. — Какъ публика отзывается на это? — 3-й продуктъ дѣятельности г. Дьяченко. — Цвѣточная выставка. — Опять канканъ!

Быстро летитъ время, мой добрый читатель. Прочтите *Отцы и Дети*, и вы найдете тамъ мысль, что въ Россіи оно летитъ особенно-быстро.

И что оно приноситъ? Къ сожалѣнію, ничего крупнаго, а однѣ мелкія явленія, одни грошовые интересы, одно безконечное стремленіе всѣхъ и cadaго наполнить свое время разными, никому ненужными вещами, точно будто это время недовольно быстро ичтися.

Надъ сѣверной Пальмирой царила еще зима, когда раздавался безсмертный экспромтъ г. Чернышевскаго; нѣсколько недѣль пролетѣла, и вотъ уже настала пора жаворонковъ, любви, скучныхъ журнальныхъ повѣстей и зубной боли!

Мы проглотили уже цѣлый рядъ великопостныхъ удовольствій.

Этотъ Петербургъ не даетъ отдыха и за все, даже за самую скуку, беретъ деньги, и большія деньги.

Не замѣчали вы, какимъ всеобщимъ званьемъ поражены наши великопостыя зрѣлища?.. Врядъ ли въ какомъ другомъ городѣ, люди такъ легко скучаютъ, какъ въ Петербургѣ.

Это повело бы меня къ размышленіямъ о вялости славянской природы вообще и русской въ особенности; а я не хочу надѣдать вамъ такими общими мѣстами.

Но, право, какъ осмотришься назадъ на всѣ шесть недѣль поста, страшно становится отъ этого запоя музыки, пѣнія и пластики.

Для системы пойдемъ по театрамъ.

Въ Большомъ Театрѣ давались большія представленія, большія живыя картины. Однимъ изъ блистательныхъ спектаклей была бенефисъ машиниста Роллера, въ которомъ играли солдаты, на разныхъ рѣдкихъ инструментахъ, какъ - то на тромбонахъ, на корнетъ-пистонахъ, и т. д. Все это было очень разнообразно; но особаго наслажденія не доставляло. Пластическая, живописная часть оказалась не безъ претензій... Картины поставлены были съ эффектомъ, но, въ сущности, въ нихъ не было ни изыщества, ни правды. Всего лучше вышли портреты женъ Генриха VIII и древнія женщины. Г. Роллеръ въ особенности не пожадѣлъ электрическаго освѣщенія. Онъ его совалъ всюду, наводилъ на главные лица картинъ, и превращалъ ихъ въ какія-то алебастровыя куклы. Недостатокъ вкуса особенно выказывался въ картинѣ, изображавшей Марію Антуанетту передъ казнью. Геній съ очень большими крыльями занималъ слишкомъ много мѣста и придавалъ всей картинѣ банальный характеръ; въ добавокъ, лицо генія было чересчуръ полно: врядъ ли бываютъ такіе откормленные духи! Электрическій свѣтъ, въ изобиліи пущенный на лицо королевы поминутно дрожалъ, чего быть не слѣдуетъ.

То же повторилось и въ другой картинѣ: Жанна д'Аркъ на кострѣ. Отъ обильнаго электрическаго освѣщенія лицо г-жи Сибтковой 3-й было совсѣмъ алебастровое и выраженіе его терялось. Самый костеръ и солдаты вышли какъ-то аляповато и слишкомъ видна была декорация.

Въ бенефисъ г. Роллера, картины печальнаго содержанія сопрождались хорами, которые шли за кулисами хористы итайдской оперы.

Лучше бы ужъ они примолчали! Мы нисколько не превали-

удитъ, если скажемъ, что они пѣли: кто въ лѣсъ кто, по дрова.
Самыми серьёзными концертами въ Большомъ Театрѣ были симфоническіе.

На одномъ изъ нихъ исполняли аррагонскую хоту Глинки.

Намъ пришлось, что тамъ былъ взятъ не тотъ, и мало было тонкости въ исполненіи.

Публика заставила повторить два раза... Это дѣлаетъ честь ея вкусу; но жаль только, что она почти все заставляетъ повторять, что мало-мальски приятно щекочетъ ея слухъ.

Давалось нѣсколько вещей Вагнера, между прочимъ, извѣстный свадебный хоръ изъ Ломгрена.

У насъ нынче что-то притихли по поводу Вагнера и музыки будущаго... Да правду сказать, она какъ-то плохо прививается къ вкусамъ нашей публики... Можетъ быть, это и къ лучшему.

На симфоническихъ концертахъ Большаго Театра собирается самая серьёзная музыкальная публика Петербурга. Ея немало; но, въ нѣкоторые разы, шартерь бывалъ далеко нецолонъ, какъ, напр. на предпоследнемъ концертѣ, когда исполняли прекрасную симфонію Мендельсона... А эта симфонія должна была бы привлечь музыкальную массу, потому-что въ ней столько мелодичнаго.

Да дѣдо-то въ томъ, что у насъ ѣдутъ въ концертъ на авось: что-нибудь да стойтъ на афишѣ, имена громкія, ну, и поѣдемъ, коли не куда дѣться; а есть куда дѣться, такъ и не поѣдемъ. Но всегда, на симфоническихъ концертахъ появляются какіе-нибудь солисты, исполняющіе очень трудолюбиво, но не талантливо, какъ напр. г. Сантисъ, игравшій на предпоследнемъ симфоническомъ концертѣ Concert—Stück Вебера.

Изъ Большаго, мы пойдёмъ въ Мариинскій театръ. Здѣсь царство г. Никольскаго. Онъ взялъ пресловутый *ut-dieze* въ своемъ концертѣ, и привелъ публику въ громкій и продолжительный восторгъ. Знатокъ утѣряютъ, что *ut* Никольскаго все-таки не *ut* Тамберлика. Ну, до такихъ тонкостей мы доходить не будемъ, а поздравимъ отечественныхъ диалектантовъ съ пріятною новостью.

Голосъ г. Никольскаго отъ того не сталъ ни хуже, ни лучше; но у Россіянъ родилось убѣжденіе, что добрались мы наконецъ до этого недосягаемаго *ut-dieze'a*, и нужно намъ его вымыслить изъ за-моря.

Дай Богъ, чтобъ съ легкой руки г. Никольскаго, побольше

расплодилось у насъ ит'овъ... Тогда, авось, прошла бы у насъ маниа къ итальянцамъ, поутихло бы это поглощеніе русскихъ рублей, доходящее до безобразія.

Публика очень любитъ г. Никольскаго; и тутъ нѣтъ ничего удивительнаго. Среди общаго безголосья, онъ обладаетъ звучнымъ, пріятнымъ органомъ, поетъ все пріятныя вещи, да еще беретъ *ut-dieze*.

Выборъ г. Никольскаго, до сихъ поръ, не отличается строгостью—это все болѣе романсы. Я не отвергаю того, что г. Никольскій поетъ ихъ лучше, чѣмъ кто-либо; но, вѣроятно, на романсахъ нашъ пѣвецъ не остановится.

Итальянское не все еще ему удастся. Въ одномъ изъ концертовъ, онъ пропѣлъ арію Страделлы очень неудачно. Ну, да не бѣда! Пускай ему не удаются итальянскія вещи: это его удержитъ отъ общаго банальнаго увлеченія итальянской музыкой и направитъ строже его вкусъ.

Болѣе, чѣмъ кого-либо, мы способны привѣтствовать русскаго даровитаго пѣвца; но намъ становится все-таки страшно, когда мы подумаемъ о нашей публикѣ. У ней не мало грѣховъ на совѣсти, не мало дарованій nela она по ложному пути своими неумѣренными взрывами, своими неосмысленными увлеченіями!

И отчего, напр., придти въ телачій восторгъ именно отъ *ut dieze'a*?

Это *отчего* опять останется безъ отвѣта.

Въ числѣ другихъ пѣвцовъ русской оперы, которые участвовали въ концертахъ, намъ всегда пріятно было слушать г. Васильева. Истинно жаль, что, до-сихъ поръ, онъ не занимаетъ на сценѣ тѣхъ ролей, на которыхъ давно имѣетъ полное право!

Пора бы нашимъ знаменитостямъ, потерявшимъ голосъ, уступить ему роли «Сусанина» и «Руслана.»

Правда г. Васильевъ 1, никогда не будетъ особенно хорошимъ актеромъ; но вѣдь и г. Артемовскій не похвастаетъ игрой.

Нѣсколько разъ слышали мы и пѣвицъ нашихъ.

Г-жа Анненская очень бойко поетъ итальянскія вещи, но въ голосѣ ея нѣтъ ни страсти, ни особой мелодичности... Во всякомъ случаѣ, ея цѣніе заключаетъ въ себѣ больше жизни, чѣмъ канареечное пѣніе г. Булаховой.

Будемъ сидѣть у моря, авось дождемся такого женскаго голоса, который не уступитъ прекрасному тенору г. Никольскаго.

Будетъ и у насъ опера. Если въ это потерять вѣру, такъ

лучше и совѣмъ не говорить о русскихъ пѣвцахъ и музыкантахъ.

Въ Михайловскомъ театрѣ царствовала французская легкая дребень, все пѣлись пѣсенки и романсики, давались веселыя картины, было очень мило и, должно полагать, занимательно для зрителей.

Какой-то Joseph Kelm, именующій себя первымъ комикомъ національнаго театра, (хотя врядъ ли таковой существуетъ въ Парижѣ) потѣшалъ публику разными шутовскими куплетцами. Эти куплетцы всѣмъ парижанамъ намозолили уши во всевозможныхъ *cafés chantants*, а въ Сѣверной Пальмирѣ, они еще въ диковинку и производили въ публикѣ большую сенсацію.

Г-нъ Кельмъ, съ апломбомъ истаго француза, кривлялся и гримасничалъ на разные фасоны. Онъ изобразилъ сцену любви между кошками и вызывалъ ею громкія рукошлесканія.

Публика Михайловскаго театра имѣетъ вкусы французскіе; ей нравится все пранное, прилично-непристойное, двусмысленно-игривое.

Ей нравится, между прочимъ, и пѣніе г-жи Деверіа.

Г-жа Деверіа, пользуясь преимуществами своей наружности, рѣшалась очень часто услаждать слухъ публики своимъ пѣніемъ.

Нужды нѣтъ, что она фальшивить, что голосъ у ней обрывается, ей все-таки хлопаютъ, и, вѣроятно, долго еще будутъ хлопать, до тѣхъ поръ, пока она сохранитъ *prestige* своей наружности.

Она такъ популярна, что ее приглашаютъ участвовать въ разныхъ музыкально-литературныхъ вечерахъ.

Въ Михайловскомъ театрѣ производились также опыты декламации г-жею Стелла-Колласъ. Мы очень уважаемъ игру этой актрисы; но не видимъ ничего особенно занимательнаго въ чтеніи на распѣвъ произведеній французской поэзіи... Можетъ быть, въкоторыя маменьки были очень довольны. Ихъ дочки могли воспользоваться образцомъ хорошаго чтенія, съ соблюденіемъ всевозможныхъ удареній и переливовъ голоса.

Изъ Михайловскаго намъ остается перейти въ любезный сердцу моему Александрійскій... и доложить, что и тамъ обстоило все благополучно... И тамъ публика угощалась музыкальными и пластическими удовольствіями.

Г-нъ Кажинскій разыгрывалъ даже очень недурныя вещи со своимъ оркестромъ. Картины были все больше героичес-

каго содержанія, разные подвиги русскихъ воиновъ на полѣ бранн.

Александринскій пріютилъ подлѣ себя свое и профессоръ бѣдой и всякой магіи. Какой-то г. Калиостро занималъ публику очень иллыми фокусами. Въ какой степени она оставалась довольна — не знаю; кажется, г. Калиостро вызжалъ больше на сюрриализмъ и островахъ, чѣмъ на истинныхъ чудесахъ бѣдой и всякой магіи.

Ахъ, еслибъ этотъ магикъ могъ превратить целовину Александринской труппы изъ бездарностей въ таланты!

Но пересчитать, добрый мой читатель, всѣхъ концертовъ, дѣльныхъ, помню театровъ, въ различныхъ залахъ.

Да вы и безъ меня, я думаю, знаете, что былъ ежегодный блистательный концертъ Венявскаго; что петербургскія фортепьянныя знаменитости давали по концерту. Всѣ эти концерты такъ перемищаются въ памяти, что нѣтъ никакой возможности удержать ихъ букетъ и спеціальныя красоты.

Одинъ только вѣззлся въ мою память. Онъ былъ данъ въ залѣ дворянскаго собранія, любителями и хоромъ вѣчныхъ графа Щереметева, подлѣ управленіемъ г. Домакина. Такого хороваго дѣнія намъ давно не приводилось слышать. Хоръ не пѣлъ, а игралъ, какъ прекрасный органъ, стройно, торко, вѣжно, съ необыкновенной ясностью и густотой звука. Наши театральные хоры покажутся какимъ-то хаосомъ, какимъ-то неосмысленнымъ крикомъ послѣ этого толковаго, изящнаго дѣнія.

Г-нъ Домакинъ, какъ дирижеръ — истинный мастеръ своего дѣла. Въ немъ видно не простое умѣнье довскаго учителя, въ немъ видѣнъ художникъ, глубоко понимающій сущность и красоты каждой музыкальной цоты, выполненной его хоромъ.

Онъ вполнѣ заслужилъ тѣ оваціи, вѣнки и букеты, которые были ему поднесены въ этотъ концертъ. По тонкости исполненія удался особенно хоръ Мендельсона: Ожиданіе. Вообще, весь концертъ былъ составленъ изъ произведеній классическихъ композиторовъ.

Но еще больше цѣны и значенія получаетъ этотъ концертъ, когда мы знаемъ, что сборъ съ него пошелъ на устройство безплатной музыкальной школы, которая и открылась уже въ залахъ Медико-Хирургической Академіи, дѣятельнымъ участіемъ г. Домакина и другихъ лицъ, преданныхъ дѣлу музыкальнаго образованія. Талантливый дирижеръ и композиторъ нашъ М. А.

Балакиревъ занимается тѣмъ преподаваніемъ вмѣстѣ съ г. Ломакинымъ. Это дѣло, достойное полнаго сочувствія, со стороны нашего общества.

Развивать это положеніе — не считаю нужнымъ. Лучше поблагодарить тѣхъ полезныхъ дѣателей, которые взяли за это дело у насъ дѣло.

Преподаваніе началось съ музыкальной азбуки. Учатъ читать ноты, и приходящихъ, съ перваго же воскресенья, было много.

Не знаю, привьются ли у насъ такія воскресныя школы, гдѣ бы учили народъ пѣть... Страшно какъ-то чѣмъ либо восторгаться и предрекать какіе либо успѣхи нашему обществу: какъ разъ рухнутъ самыя умѣренныя ожиданія.

Что теперь воскресныя школы?.. Давно ли обществомъ нашимъ овладѣло одушевленіе къ распространенію этихъ школъ; и все какъ въ море кануло...

Только и слышны жалобы на недостатокъ учителей, на возрастающее равнодушіе во всѣхъ тѣхъ лицахъ, изъ которыхъ могли бы пополняться ряды преподавателей.

Пушкой будетъ существовать только одна музыкальная школа; но при настоящемъ рвеніи со стороны учителей, можетъ быть, изъ такихъ частныхъ попытокъ выростетъ, наконецъ, консерваторія; а можетъ быть, мы въ ней никогда не будемъ нуждаться... какъ полагаютъ нѣкоторые музыканты.

Во всякомъ случаѣ, музыкальная грамотность нужна, а безъ школъ она не мыслима.

Концертъ, подъ управленіемъ г. Ломакина, былъ, безъ сомнѣнія, лучшимъ музыкальнымъ удовольствіемъ поста. Публика оцѣнила это и доставила учредителямъ школы весьма приличный сборъ.

А литературныя чтенія? спросите вы меня, мой добрый читатель...

Ихъ было также чересчуръ много. Послѣ знаменитаго вечера 2-го марта, я долго не рѣшался вкусить наслажденій, предлагаемыхъ литературными чтеніями; но я не могъ устроить противъ одной фониши, которая гласила, что, въ залѣ 2 й гимназіи будетъ происходить чтеніе въ пользу общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ, и столь извѣстная въ исторіи нашей журналистики г-жа Толмачева прочтетъ нѣсколько стихотвореній.

Въ добавокъ это было 31 марта, въ субботу, на шестой недѣ-

лѣ, стало-быть, уже послѣдній вечеръ, послѣднее зрѣлище въ посту.

Нейти было бы непростительно, да и вы бы на меня разсердились, читатель.

Вамъ слишкомъ прожужжали уши, и «безобразнымъ поступкомъ» «Вѣка», и несчастной жертвой фельетоннаго злословія, и египетскими ночами, и протестомъ, и стихами, и прозой — какъ же вамъ не знать, послѣ того, когда, и гдѣ, и что читала г-жа Толмачева, и какъ она читала, и что при этомъ было?

Вѣдь вы, можетъ быть, помните: въ сентябрьскихъ размышленіяхъ, я признавался въ неизмѣніи настоящихъ фельетонныхъ свойствъ. Я не хотѣлъ даже воспользоваться встрѣчей съ г-жею Толмачевой. Тогда вы могли мнѣ это простить, а теперь я вижу крайнюю необходимость успокоить ваше любопытство, хотя въ краткихъ словахъ.

Я уже не знаю: приглашалъ кто-нибудь читать г-жу Толмачеву, или нѣтъ, но она сочла необходимымъ обратиться къ публикѣ съ небольшою вступительною рѣчью.

Это было благодарственное слово петербургскимъ литераторамъ, защитившимъ ее отъ нападокъ Камня Виногорова.

Г-жа Толмачева объявила, что не талантъ ея, котораго она въ себѣ не признаетъ, а чувство признательности побудило ее къ чтенію стиховъ.

Въ этомъ заключалась *суть* рѣчи. Публика приняла г-жу Толмачеву громкими рукоплесканіями. Ея благодарственное слово было также прерываемо и заключено аплодисментами. Эти аплодисменты должны были значить, что публика продолжаетъ считать поступокъ «Вѣка» безобразнымъ, а, можетъ быть, и то, что она вообще сочувствуетъ женщинамъ, читающимъ стихи.

Можетъ быть, она отъ того такъ захопала при появленіи г-жи Толмачевой, что, передъ тѣмъ, ее уходило чтеніе гг. Полонскаго и Н. Потѣхина... Въ такія дистинокціи входитъ мудро, даже при очень большой проницательности.

Г-жа Толмачева совершенно основательно не признала въ себѣ таланта декламациа, таковаго у ней и не оказалось. Голосъ у ней незвучный, глухой, интонаціа слишкомъ тихая, такъ-что въ заднихъ рядахъ залы почти ничего не было слышно.

Вдобавокъ, въ произношеніи есть какая-то довольно-неприятная жесткость и даже легкій акцентъ.

Она прочла четыре стихотворенія. Выборъ тоже не былъ осо-

бенно удаченъ. Тѣмъ дѣло и покончилось, мой добрый читатель. А вы ожидали еще чего нибудь?

Оправдательныхъ рѣчей г-жѣ Толмачевой произносить надобности не представлялось. Петербургская публика—не пермская. Ей, какъ вы очень хорошо знаете, не можетъ показаться страннымъ, что женщина читаетъ публично стихи; даже и чтеніе «Египетскихъ Ночей» вызвало бы непременно рукоплесканія—въ этомъ сомнѣваться нельзя.

Не знаю уже, почему въ Перми декламація г-жи Толмачевой казалась такой художественной. Можетъ быть, она стѣснялась.

На этомъ пунктѣ, впрочемъ, останавливаться очень не слѣдуетъ. Если фактъ чтенія стиховъ былъ только способъ выраженія признательности, то на него нельзя смотрѣть съ одной художественной точки зрѣнія.

Да и потомъ, мой добрый читатель, публика наша такъ много настрадалась отъ плохого чтенія стиховъ и прозы, что на декламаціи г-жи Толмачевой можно было все таки отдохнуть, вспоминая красоту лирики, напр. г. Некрасова или г. Полонскаго.

Послѣ вечера 31 марта никакихъ уже великопостныхъ зрѣлищъ не было. И вотъ насталъ свѣтлый праздникъ, столь любезный всѣмъ и каждому, несущій за собой красныя яички, звѣзды, кресты, чины, пасхи, куличи и общенародное пьянство.

Ненужно быть строгимъ моралистомъ, чтобъ огорчиться, встрѣчая на каждомъ шагѣ мальчиковъ 13—14 лѣтъ, пишущихъ мыслете.

Смотря на общую суету праздничнаго Петербурга, невольно спрашиваешь себя: куда же дѣвался тотъ свѣтлый, тихій характеръ русскаго праздника, который даже желчнаго Щедрина приводилъ въ лирическое настроеніе? И можетъ ли быть что безтодковѣе, неразумнѣе, смѣшаниѣ петербургскаго праздника? Вѣроятно, во всемъ мірѣ есть врядъ ли городъ, въ которомъ дни веселья носили бы на себѣ отпечатокъ такого безразличія, космополитства, и такой смѣшной и глупой скуки въ высшихъ сферахъ общества!

Еще право всего разумнѣе и лучше проводить свое время публика на Адмиралтейской площади. Я съ нея и начну. Увы! на этотъ разъ артистовъ и публику постигли удары климатической судьбы! Всю почти недѣлю шелъ дождь, валилъ хлопьями снѣгъ, стояла грязь и слякоть. Въ балаганахъ было сыро, drog-

ли и омучали чины полиціи, сокрушались и проклинали свою долю содержателя балагановъ!

Этихъ дѣателей народнаго увеселенія мнѣ было искренно жаль! Въдѣ у нихъ нѣтъ неистощимаго кошелька. Они люди случая, удачи. Пролетитъ недѣля, и снесутъ балаганы, не спросясь попалъ ли мѣдный грошъ въ карманъ злосчастнаго антрепренера.

А г. Бергъ чего - чего не наготовилъ въ своемъ пантомимномъ театрѣ! Онъ передѣлалъ *суматоху съ турками и итальянцами* на новый ладъ, выкинулъ мефистофеля, придавъ пантомимѣ болѣе жовіальный характеръ и оживилъ ее новыми полетами и превращеніями. Афиня г. Берга представляла образецъ балаганнаго остроумія, къ сожалѣнію безо всякаго народнаго оттѣнка. Таково уже вліаніе петербургскаго воздуха.

Смотря на представленіе въ балаганѣ Берга, я спрашивалъ себя, отчего всѣ эти господа и барыни, сидящіе въ преслахъ, насмѣшливо улыбаются, глядя на сцену? Какая есть разница между этимъ зрѣлищемъ и любимъ балетомъ? Умиѣ ли балетъ, занимательнѣе ли, серьезнѣе ли? Ни того, ни другого, ни третьяго. Только въ балаганѣ онъ гораздо болѣе на своемъ мѣстѣ.

Долженъ я вамъ также доложить, мой читатель, что нублика балагановъ едвали не приличнѣе ведетъ себя, чѣмъ приличная публика раззолоченныхъ театральныхъ залъ. У ней нѣтъ такихъ неразумныхъ порывовъ; она очень спокойна и гораздо менѣе склонна къ скандаламъ.

Она не любитъ только, когда ее надуваютъ, что съ ней дѣлалъ г. Турньеръ въ теченіи всей недѣли. Его конныя представленія были — чистая надувастика. Вы платили рубль, или шесть гривенъ, или двадцать копеекъ, смотря по мѣсту; предъ вами ломались и скакали съ четверть часа коб-какъ, и потомъ приглашали васъ выйти вонъ, утѣшая тѣмъ, что вотъ вечеромъ, такъ будетъ ужъ настоящее представленіе.

Публика, уходя, посылала обыкновенно энергическія прилагательныя и существительныя, которыя, вѣроятно, и доходили до ушей господъ, сидѣвшихъ въ кассѣ.

Но все это безъ прикоровъ, очень умѣренно. Одинъ баринъ даже насмѣивилъ меня своею наивностью!

— Что же слона-то? — спрашивалъ онъ, поводя глазами. — Я

вѣдъ для слона только и пришелъ. Неужели за рубль-то и слова не покажутъ?

А слона-то, такъ и не показали. За то на вывѣскѣ онъ изображенъ былъ въ разныхъ размѣрахъ.

Удивился я также, мой добрый читатель, развитію исторической критики въ наше просвѣщенное время. Даже афиша того же Турньера поражала своими научно-историческими пріемами. Въ десяти строчкахъ былъ сдѣланъ историческій обзоръ наѣздничества, по поводу восхваленія качествъ г-жи Турньеръ. Я узналъ всѣ знаменитыя имена, включая сюда и дѣвицу Каролю Дюко, которую видѣлъ во дни моей юности, и дѣвицу Лору Бассенъ, которую мы съ вами, читатель, до-сихъ-поръ можемъ видѣть, но уже не на лошадиной спинѣ, а на подмосткахъ Михайловскаго театра.

Да, всюду проникаетъ наука, и это одно можетъ развѣ утѣшить человѣка, ищущаго на Адмиралтейской площади пищи для ума и сердца.

Виновать! я слишкомъ долго держалъ васъ въ такомъ неблагоприятномъ мѣстѣ. Вамъ хочется въ другія сферы; вы жаждете новостей изъ настоящаго художественнаго міра.

Театры открыты; надо спѣшить туда. Но погодите, еще до театровъ были опять концерты—хвостикъ безконечной вереницы великопостныхъ удовольствій.

И опять изъ другихъ я выбираю второй концертъ, въ пользу бесплатной школы пѣнія, открытой 18 марта *.

Г. Я. Ломанинъ и на этотъ разъ доставилъ намъ полное наслажденіе. Хоръ, имъ управляемый, пѣлъ такъ же хорошо и такія же прекрасныя вещи. Публики было не меньше, чѣмъ въ первый концертъ.

Обсѣданіе Мендельсона и хоръ XV столѣтія, которыя такъ удались въ первый концертъ, вошли и на этотъ разъ въ программу и вызвали взрывъ рукоплесканій.

А. И. Бюдель пѣла двѣ соловья партіи. У ней прекрасный голосъ, но размѣру и силѣ.

Но нельзя не замѣтить, что въ публикѣ не было уже того вниманія и того сочувствія, какое замѣчалось въ первый разъ... У насъ все серьезное, все выходящее изъ банальной, пошлой

* Она данъ была въ Дворянскомъ Собраніи 11 апрѣля

колон, может понравиться минутно, увлечь, какъ мода, какъ шикъ; но, à la longue, все это напускное увлеченіе исчезнетъ, и останется то же равнодушное фланерство, тотъ же вкусъ къ пустому, то же стремленіе къ новизнѣ, какъ и всегда.

Жалокъ тотъ смертный, который, въ дѣлѣ искусства, понадеется на симпатію петербургской массы. На ея *ощущенія* можно спекулировать, но нельзя положиться на твердость и серьезность ея требованій, сочувствій и интересовъ. Одно только несомнѣнно: это — любовь къ зрѣлищамъ и, по преимуществу, къ театру.

Несмотря на соперничество казенныхъ театровъ, зала Пассажа, гдѣ давались представленія всю святую недѣлю, была постоянно полна. Этотъ фактъ за себя говорить. Онъ можетъ поощрять будущихъ частныхъ содержателей театровъ.

Да, пришла у насъ, наконецъ, пора сбросить монополию зрѣлищъ.

И если это еще не скоро случится, то можно, по-крайней-мѣрѣ, помечтать объ этомъ времени.

Сидя въ партерѣ Пассажа, я представлялъ себѣ, что я сижу въ одномъ изъ будущихъ антрепренерскихъ театровъ. И эта мечта мирила меня съ спектаклями любителей. Съ этой точки зрѣнія я имъ желаю всевозможнаго развитія. Ихъ было нѣсколько затруднили новыя формальности но не уничтожили ихъ...

Только афиши имъ обходился въ десятеро дороже, Г. Стелловскій, имѣющій, какъ извѣстно, привилегію печатать афиши, собираетъ со всѣхъ артистовъ города Петербурга дань на подобіе ханскихъ баскаковъ. За то и цѣны въ спектакли любителей очень солидныя. Трудно забыть, что ими достигается благотворительная цѣль. Такія цѣны и оправдываются только значительными расходами и малыми размѣрами самого театра.

И несмотря на то, зала была полна!... Повторимъ опять: это хорошій фактъ, особенно если вспомнить, какъ могли всѣмъ надобность спектакли любителей. И если они не надобдали, значить, потребность очень сильна!

Надо признать и то, что репертуаръ любительскихъ театровъ съ каждымъ разомъ становится все серьезнѣе и серьезнѣе...

Въ Пассажѣ давались даже такія пьесы, которыхъ дирекція не разсудила еще поставить на сцену, какъ, напримѣръ, замѣчательная комедія г. Владыкина: *Омутъ*, съ такимъ успѣхомъ игранная въ Москвѣ въ нынѣшнюю зиму. За то, наши бенефицианты ставили Мраморныхъ Красавицъ, Фокусниковъ и различ-

ны *Божья кары!* Къ сожалѣнію, намъ не удалось видѣть «Омута» въ Пассажѣ, но мы попали на другіе спектакли, о которыхъ нельзя не заявить.

Въ воскресенье на Святой шла драма А. Потѣхина: *Судь людской — не Божій*, разыгранная тою же труппою любителей, которая въ январѣ давала его драму: *Чужое добро въ прокъ нейдетъ*.

Мы не знаемъ, зачѣмъ авторъ возобновлялъ такую неудачную, слезливую, блѣдную вещь!... Этотъ грѣхъ останется на его душѣ. Драма эта, и восемь лѣтъ тому назадъ, была слаба, какъ произведеніе начинающаго, а теперь, ее насилу можно было досмотрѣть. Безконечныя повторенія, безконечныя общія мѣста, взаимныя поученія и длинные рассказы, расколаживающіе дѣйствіе — вотъ чѣмъ полно это народное представленіе.

На слѣдующій день, тамъ же, въ залѣ Пассажѣ, разыграно было въ пользу Народной читальни, учрежденной при гальванической ротѣ, *Горе отъ Ума*, другою труппою любителей. Намъ не удалось попасть на первое представленіе *Горе отъ Ума*, бывшее за два дня передъ тѣмъ. Тамъ участвовало общество, которое играло драмы Потѣхина, т. е. г-жа Квадри, г-жа Сиорова, и проч. По общему отзыву, тотъ спектакль былъ удачнѣе. Я могу вамъ только сообщить, читатель, что г. А. Потѣхинъ игралъ Фамусова, г-жа Квадри—Софью, г-жа Сиорова—Лизу, а г. Квадри—Репетилова.

Второе «Горе отъ Ума», неудалось. Это можно сказать, суда даже очень снисходительно. Нѣкоторыя роли исполнялись съ талантомъ, но за то были личности, положительно слабыя; вдобавокъ, пьеса была разучена дурно, поставлена небрежно, ансамбля никакого, и, что всего непростительнѣе, — замѣтно было незнаніе ролей. Даже стихи искажались!.. Для любителей это стыдъ и срамъ. *Горе отъ Ума*—святыня нашей драматической поэзіи. Братъся за постановку ея съ легкостью, дѣлать изъ этого игрушку—легкомысліе, неизвиняемое ничѣмъ.

Одличительная черта спектаклей въ Пассажѣ—длинные антракты. Раньше перваго часа не кончается ни одно представленіе. Несовсѣмъ приатна также духота и тѣснота въ креслахъ.

24 апрѣля, въ пользу Таврической воскресной школы, давали *Испорченную Жизнь* И. Чернышева.

Не распространяясь о самой пьесѣ, мы скажемъ, что она шла очень ровно. Отдѣльныя роли были исполнены съ талан-

томъ и пониманіемъ. Г. Щукаревъ, въ роли Курчаева мужа, былъ замѣчательно-хорошъ. Едва-ли не въ первый разъ на спектаклѣ любителей удалось намъ увидѣть такую добросовѣстную и тонкую игру. Игра г. Щукарева дышала простотой и правдой; неподдѣльное чувство слышалось во всѣхъ словахъ слабого и добраго человѣка. Г. Щукаревъ игралъ *нервами*, а не кровью. Ни одного крика, ни одного мелодраматическаго движенія не вырвалось у него.

Во время всѣхъ этихъ спектаклей ходили въ мірѣ любителей толки о постановкѣ *Грозы*. Слухъ несся, что Катерину будетъ играть г-жа Спорова.

Въ добрый часъ, говорили мы. Въ хорошей, благодарной роли талантъ можетъ выказаться вполне. Но не слишкомъ ли сильны замыслы любителей?

Въ отвѣтъ на это были разосланы и розданы по рукамъ, во время представленій въ Пассажѣ, бѣлыя и цвѣтныя афиши, гласившія, что, дѣйствительно, 28 апрѣля съ *благотворительною цѣлью* дана будетъ «Гроза».

Билеты разбирались прекрасно; общее любопытство было возбуждено.

Признаемся, мы шли, не ожидая ничего особенно хорошаго. Поспѣшность спектакля, прежде всего, не говорила въ пользу его. По тому обилію представленій, какое было въ послѣдніи двѣ недѣли, любители, игравшіе *Грозу*, врядъ-ли могли употребить болѣе недѣли на ея постановку. А вѣдь этого очень мало для такой пьесы, и особенно на театрѣ дилеттантовъ. Да и вообще, можно ли поставить добросовѣстно какую либо пьесу меньше чѣмъ съ пятнадцати репетицій? Неужели такъ увлекателенъ примѣръ Александринскаго театра, гдѣ все на свѣтъ, и *Макбета*, и *Заколдованную яичницу*, ставятъ на почтовыхъ?

Отъ того-то и бросалась въ глаза нетвердость пьесы, недостатокъ изученія, поспѣшность и неосмотрительность въ раздачѣ ролей и небрежность сценической обстановки.

Общаго впечатлѣнія пьеса не оставила именно потому, что общей игры и не было. Все шло урывками, тревожно и съ такой поспѣшностью, точно будто всѣ бились изъ того, чтобы поскорѣе только кончить.

Но какова же была Катерина? спросать меня. Вѣдь на ней лежитъ пьеса; она даетъ колоритъ всей драмѣ?

Г-жа Спорова этой ролью убѣдила насъ, что въ ней есть

дарованіе. Несмотря на то, что она не создала типичнаго лица, несмотря на множество ошибокъ и слабыхъ мѣстъ, въ ней видна была живая женщина, а не актриса, не сочиненное лицо съ искусственными ощущеніями, съ заучеными возгласами и жиденькой сладостью!

4 и 5 мая опять спектакли; 1-й въ пользу учащихъ, 2-й съ благотворительною цѣлью. Первый спектакль былъ прежалкій, и по сбору, и по составу пьесъ, и по игрѣ. Давали два водевильчика и «Дочь втораго полка», гдѣ г-жа Спорова играла Марію. Ролей никто не зналъ, все шло спуста рукава, останавливались, забывались аксесуарныя вещи и проч. Словомъ, вышло очень некрасиво и, скажемъ опять, для любителей—непростительно.

5 мая повторили Грозу, *по востребованію публики*, какъ значится на афишѣ. Послѣ того шла *Жена кавалериста* вяло, дурно, небрежно, такъ что публика едва не заснула, и отдохнула только на *Новичкахъ въ любви*. Эта старая пьеска Коровкина была прекрасно разыграна. Особенно хороши были: г-жа Спорова и г-жа Милова въ роляхъ дѣвочекъ. Въ нихъ сказывалась неподдѣльная веселость, простота и грація.

Но довольно объ спектакляхъ, воскликнетъ мой терпѣливый читатель.

Довольно, повторимъ мы и прибавимъ, что еще не кончился рядъ любительскихъ спектаклей, будетъ еще представленіе въ пользу литературнаго фонда, пойдетъ *Ревизоръ*, и чуть ли не *Скупой рыцарь*.

Мы бы и не останавливались такъ долго на этомъ общественномъ явленіи, еслибъ оно не получило извѣстнаго интереса, и если бы мы не питали надежды на будущее.

Но я не кончилъ еще съ зрѣльцами. Нельзя умолчать о томъ, что было въ *настоящихъ* театрахъ, по ихъ открытіи.

Прежде всего, вы пожелаете узнать о главной новости, о знаменитости драматическаго міра, о дрезденскомъ актерѣ Богумилѣ *Дависонѣ*.

Много было толковъ и ожиданій, когда возвѣстили, что Дависонъ ангажированъ на нѣсколько представленій. Ему предшествовала громкая извѣстность. А вѣдь у насъ кидаются на всякую новость, особенно если эта новость—артистъ, о которомъ прокричали въ Европѣ.

Но кто прокричалъ? спросимъ мы.

Разумѣется, нѣмцы.

Хорошій народъ эти нѣмцы, очень серьезный и добросовѣстный; но въ дѣлѣ драматическаго искусства, на нихъ мнѣнія нельзя очень полагаться.

Всякій знаетъ, что у нихъ до сихъ поръ терпима на сценѣ рутина, надъ которой мы давно смѣемся...

Съ такими мыслями я шелъ въ Маринскій театръ на первый дебютъ Дависона въ Гамлетѣ.

Я не знаю, зачѣмъ онъ выбралъ эту роль для дебюта, — потому ли, что считаетъ ее лучшей своей ролью, или потому, что пьеса такъ популярна; во всякомъ случаѣ, нельзя никакъ считать этотъ выборъ удачнымъ.

Но, скажемъ два слова о наружности и драматическихъ средствахъ знаменитаго артиста.

Онъ уже далеко не первой молодости, ему, по-крайней-мѣрѣ, лѣтъ сорокъ. У него хорошій ростъ, довольно полная фигура, лишенная уже должной граціи для слишкомъ молодыхъ ролей. Онъ не хорошъ собой, съ еврейскимъ профилемъ; съ чертами довольно рѣзкими; но вообще съ подвижнымъ и энергическимъ лицомъ. Росту средняго. Голосъ у него не очень обширный, пріятный и гибкій, когда онъ его не форсируетъ; но довольно крикливый въ сильныхъ монологахъ. Слышится немного носовой звукъ, который, впрочемъ, не портитъ его органа. Произношеніе у него хорошее, безъ провинціального нѣмецкаго акцента. Дависонъ — полякъ, и по нѣмецки началъ играть уже въ зрѣлыхъ лѣтахъ.

Въ Гамлетѣ онъ былъ далеко неудовлетворителенъ и оставилъ на насъ впечатлѣніе *головаго* актера. Его игра была смѣсъ рутины съ простотой и правдой.

Всѣ лучшіе монологи Гамлета, начиная съ перваго, которыми такъ потрясалъ Мочаловъ, пропали у него. Дависонъ произносилъ ихъ съ пѣесомъ, надсаживая грудь, криливо, безъ силы и безъ глубокаго чувства. Это главный пробѣлъ въ его игрѣ; и пробѣлъ не маловажный.

Вездѣ, гдѣ онъ говорилъ простымъ, обыкновеннымъ голосомъ и гдѣ не требовалось страсти и теплаго чувства — онъ былъ очень хорошъ. Такова была сцена съ Офеліей, сцена съ флейтой и, вообще, всѣ сцены въ сумасшествіи.

Даже въ сценѣ съ матерью, въ этомъ благодарномъ и эффектномъ драматическомъ положеніи, Дависонъ не потрясъ своей игрой.

Изученія, обдуманности, опыта и вкуса, всего этого нельзя отнять у знаменитаго актера.

Въ роляхъ требующихъ больше головы, чѣмъ одушевленія и натуры—онъ безукоризненно хорошъ.

Въ Шекспировскомъ репертуарѣ, говорили намъ, лучшая роль Дависона есть *Шейлокъ*. Мы отправились смотрѣть и Шейлока.

Дѣйствительно, Дависонъ хорошъ въ Венеціанскомъ Купцѣ; очень типиченъ, поражаетъ васъ глубокой обдуманностью, правдой и мельчайшими отбѣнками игры; но опять таки, мы не нашли той страсти и потрясающей силы, какая должна быть въ геніальномъ дарованіи. Опять это была головная игра.

Нечего говорить, что Дависонъ былъ въ нѣсколько разъ типичнѣе, вѣрнѣе, вообще выше въ Шейлокѣ, чѣмъ корифей нашей сцены, упражняющійся также въ Шекспирѣ; но, все таки, мы ожидали большаго.

Нашимъ актерамъ есть чему научиться у Дависона. Добросовѣстность и тонкое изученіе видны у него въ каждомъ словѣ, въ каждомъ звукѣ. Въ этомъ отношеніи, всякій западный хорошій актеръ можетъ служить рѣзкимъ контрастомъ нашимъ широкимъ натурамъ, ничего не читающимъ, никогда надъ собой не работающимъ и ставящимъ свое я выше искусства и его требованій.

Пріятно также, что наша публика знакомится съ лучшими вещами нѣмецкаго репертуара въ исполненіи такимъ хорошимъ и образованнымъ актеромъ какъ Дависонъ.

Комическія роли удаются Дависону лучше; хотя у нѣмцевъ его считаютъ, кажется, по преимуществу актеромъ драматическимъ.

Мы жалѣемъ, что не могли его видѣть въ Мефистофелѣ, гдѣ онъ долженъ быть очень хорошъ. Эта роль не требуетъ теплоты и потрясающей силы.

Дависона приняли, какъ всегда у насъ, съ трескомъ; театръ постоянно полонъ. Нѣмцы не ужасаются даже довольно высокихъ цѣнъ и ходятъ въ Маринскій театръ съ постоянствомъ. Половина мѣстъ абонирована.

Репертуаръ Дависона очень разнообразенъ. Въ немъ и Шекспировскія роли, каковы: Гамлетъ, Шейлокъ, Отелло, Ричардъ III; и комическія въ различныхъ комедіяхъ стараго и новаго нѣмецкаго репертуара и мелодраматическія, каковъ напр: извѣст-

ный намъ *Нарцисъ*, въ которомъ Дависона находятъ очень хорошимъ.

Нѣмцы восхищаются имъ безусловно; но сколько мы приобшивались къ толкамъ русскихъ любителей и знатоковъ драматическаго искусства, никто почти не считаетъ его гениальнымъ артистомъ, глубокой даровитой натурой.

Есть вѣдь громадная разница между искусной игрой и высокой художественной правдой, кроющейся въ таинствахъ природы. Это понимаешь смотря на Дависона и вспоминая Мартынова!

А нѣмцы, все-таки, могутъ восхищаться безусловно; это ихъ неотъемлемое право.

Закончимъ эту лѣтопись новостями изъ міра любезнаго сердцу нашему Александринскаго театра.

Въ среду, на Фоминой, въ бенефисъ Равеля русской труппы, г. *Алексѣева*, дана была въ первый разъ драма г. Погосскаго, автора «*Чему быть, того не миновать*» (какъ это значилось и на афишѣ.)

Г. Погосскій писатель для солдатъ, и, въ этомъ смыслѣ, онъ далеко не бездаренъ и можетъ сочинять очень недурные рассказы и разговоры изъ военнаго быта.

Драматическое свое поприще онъ началъ третьяго года народнымъ представленіемъ: *Не по носу табакъ* или *Чему быть, того не миновать*. Пьеса эта, съ дѣтскимъ замысломъ напоминающимъ *ниродня* интермедіи временъ Екатерининскихъ, заключаетъ въ себѣ нѣсколько живыхъ, веселыхъ сценъ, и, благодаря талантливой игрѣ Васильева 2, на нее можно было смотрѣть.

Г. Погосскій, дѣйствительно, знакомъ съ солдатскимъ бытомъ. Даже нѣкоторые другіе типы простолюдыя удалось ему намѣтить весьма прилично. Вообще, въ немъ дарованія несравненно больше, чѣмъ съ драматургахъ Н. Потѣхинъ и Дьяченко; но, изъ этого все-таки не слѣдуетъ, что онъ можетъ быть хорошимъ сценическимъ писателемъ.

Новое его произведеніе, драма *Ложная надбавка*, также слаба по замыслу, также отрывочна и не искусна въ цѣломъ, какъ и первый его опытъ. Мысль драмы заимствована изъ лѣтописей петербургскихъ изобличителей. Это дѣянія Сорокина и Ицки, перенесенныя со страницъ Искры на театральные подмостки. Такія представленія имѣютъ безспорно ноучительный харак-

теръ; они, если хотите, очень реальны, полны живаго интереса, для нѣкоторой публики; но, къ сожалѣнію, исторія искусства говоритъ намъ, что голый фактъ, облеченный въ шероховатую форму не приноситъ никогда никакой пользы, ни для искусства, ни для общества:

Вы, конечно, понимаете читатель, что *Леская Надбавка*, есть надбавка на квартиры, въ которой проявляется алчность и злость Сорокинныхъ и Ицекъ, этихъ Шейлоковъ нашего много-страдальнаго вѣка. На ней то авторъ и построилъ драму. «Разумѣется, дѣло не обошлось безъ бѣдной вдовы съ двумя дѣтьми, безъ добродѣтельнаго друга, убитаго и пьянаго, безъ великодушной черты простаго человѣка, петербургскаго дворника. Онъ то и есть герой драмы. Онъ спасаетъ вдову отъ горькой участи быть выгнанной на улицу.

Драма — въ трехъ дѣйствіяхъ, съ прологомъ и эпилогомъ и разумѣется, съ приличными заглавіями къ каждому дѣйствию.

Эта манера у насъ отлично прививается, благодаря плодови-тому воображенію г. Дьяченко.

Прологъ, по моему мнѣнію, самое удачное мѣсто; это—утро на петербургскомъ дворѣ; очень веселая интермедія, съ малѣйшими подробностями мелкой жизни, со всевозможными разнощиками, шарманщиками и нищими. Только не знаю, почему авторъ назвалъ этотъ дивертисментъ прологомъ. Въ немъ нѣтъ ни малѣйшаго отношенія къ самой пьесѣ, кромѣ извѣстія, общеннаго дворникомъ жильцамъ, что хозяинъ надбавилъ на квартиры.

Да и вообще, всю драму трудно назвать пьесой. Цѣльнаго въ ней нѣтъ ничего. Это рядъ картинъ, гдѣ многое удачное и фотографически вѣрное перемѣшано съ выдуманной, избитой завязкой, плохо склееной и приторной.

Публика рада была похлопать и покричать во всѣхъ мѣстахъ, имѣвшихъ *мѣстный* интересъ, напр. когда дворникъ рассказываетъ біографіи Сорокинныхъ и Ицекъ. Да это еще полнито. Тутъ, по-крайней-мѣрѣ, есть ближайшій поводъ, это все-таки, гораздо осмысленнѣе взрывовъ смѣха и возгласовъ, оглушающихъ такъ часто мрачную залу отечественнаго храма музъ.

Автора вызвали не одинъ разъ.

Въ бенефисъ вдовы и дѣтей Максимова дали произведеніе плодовиатаго нашего драматурга : *Дьяченко*, такъ блистательно

заявившаго себя двумя драмами, изъ которыхъ вторая была действительно, — *кара Божья!*

Произведеніе это—комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ *Институтка*.

Вообразите себя, добрый мой читатель, автора не вызывали!... Въ Александринскомъ театрѣ это составляетъ эпоху!.. Но, все таки, «Институтку» до 10-го мая повторили пять разъ.

Нашъ плодовитый *Sardu* можетъ, стало-быть, утѣшиться.

Больше я ужъ и не былъ въ русскомъ театрѣ, да этимъ и ограничались новости. Къ французамъ я не заглядывалъ; ихъ международная сцена не относится прямо къ моей области — къ предмету вѣдѣнія лѣтописца русской жизни, и у нихъ, вѣроятно, все было мило и занимательно.

Пока я заносилъ все это на свои летучіе листы, весна совсѣмъ просіяла; подкрались наши бѣлыя ночи, сошло тепло на нашу мутную столицу—и все двинулось изъ нея вонъ.

Появленіе весны украсилось цвѣточной выставкой, гдѣ публика гуляла, подъ звуки полекъ и кадрили, платила рубли, полтинники и четвертаки (смотря по днямъ) и оставалась довольна.

Выставка была устроена въ манежѣ, противъ зимняго дворца; она прельщала всѣхъ своей живописностью и вкусомъ отдѣлки. Тутъ было и озеро, и фонтанъ, и водопады, и гротъ, и кіоски, и лужайки, и все, что только можно было помѣстить въ ограниченномъ пространствѣ.

Но цвѣтовъ было немного, да ихъ и не можетъ быть очень много въ это время. Розы, рододендроны, цинерарія, тюльпаны и камелии, да и только почти. Даже камелии не поражали своей красотой.

Тропическихъ растений было немного. Масса зелени, прельщавшая наши взоры, состояла больше изъ російскихъ елокъ, живописно окаймлявшихъ фонъ роскошнаго сада.

Петербургъ пустѣеть; но нынѣшній весенній сезонъ былъ, все таки, блистателенъ и шуменъ. Святая стала ранняя; театры дѣйствовали три недѣли въ полномъ видѣ, и всюду, во всѣхъ концахъ Петербурга, открывались ежедневные публичные балы—новость нашей общественной жизни, надъ которой уже не одинъ моральистъ проливалъ слезы сокрушенія.

Канканъ все поглотилъ! всѣ бѣгутъ на публичные балы. До чего мы дойдемъ! а я про то не знаю, читатель, но прошу васъ ничѣмъ не смущаться.

НЕСВАМУСЬ.

ЛАВИНІЯ.

РОМАНЪ РУФИНИ

(АВТОРА ЛОРЕНЦО БЕНОНИ).

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1862.

Приложеніе къ журналу «Библиотска для Чтенія», № 4 1862 г.,

ВЪ ТИПОГРАФІИ ШТАБА ОТДѢЛЬНАГО КОРПУСА ВНУТРЕННЕЙ СТРАЖИ.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Rosa unica.

Занявъ свое мѣсто въ вагонѣ, Лавинія опустила вуаль и... Но у насъ и безъ того было много трогательнаго въ предыдущей главѣ, такъ-что мы не смѣемъ сказать, что саѣлала молодая дѣвушка. Впрочемъ не наша вина, если, имѣя дѣло съ суровою дѣйствительностью жизни, мы чаще встрѣчаемъ слезы, нежели улыбки. Земля не даромъ названа «юдолюю плача».

Но, что бы ни дѣлала Лавинія, войдя въ вагонъ, ея занятіе скоро было прервано новостью и ответственностью ея положенія. Уже одного того факта, что она ѣдетъ въ первый разъ одна среди чужихъ и, притомъ, въ неизвѣстное мѣсто, было достаточно, чтобы внушить ей какое-то смутное безпокойство и напряженное вниманіе ко всему ее окружавшему, не говоря уже о необходимости смотрѣть за своими вещами и о страхѣ, какъ бы не проѣхать Уэргэмъ. Ей сказали, что на этой станціи она должна перемѣнить поѣздъ, такъ-какъ она ѣдетъ въ Мортонъ. Что будетъ съ нею, если она пропуститъ станцію и очутится въ Экзетерѣ? Подобныя опасенія, какъ ни могутъ они показаться смѣшными для опытныхъ путешественниковъ, тѣмъ не менѣе лежали тяжелымъ бременемъ на душѣ Лавинія, совершенно неопытной въ самыхъ обыкновенныхъ дѣлахъ практической жизни.

Однакожь все прошло благополучно; въ Уэргэмѣ ѣдущимъ въ Мортонъ пассажирамъ было громко объявлено, чтобы они выходили, и Лавинія съ удовольствіемъ видѣла, что ея чемоданъ былъ безопасно помѣщенъ въ транспортный вагонъ надлежащаго поѣзда. Успокоившись въ значительной степени, Лавинія имѣла теперь досугъ почувствовать голодъ. Она пошла въ буфетъ, купила нѣсколько сладкихъ шпротковъ и, отыскавъ пустой вагонъ, вошла въ него, забила въ уголъ и развлекалась наблюденіями за входившими туда и проходившими мимо пассажирами.

Ея вниманіе было привлечено въ особенности одною дамой, сред-

няго роста, которая несла цвѣточный горшокъ, довольно-большого объема, такъ-что онъ занималъ объѣмы ея. Вслѣбъ это былъ ребенокъ, то и тогда она не могла бы съ большою нѣжностью и заботливою осторожностью прижимать его къ своей груди. Носильщики желѣзной дороги соперничали другъ съ другомъ въ готовности избавить ее отъ этой ноши, но она защищала ее противъ всѣхъ обязательныхъ предложеній съ такою же рѣшительностью, какъ и любезностью. Между двумя нѣжными натурами нѣтъ болѣе вѣрнаго проводника сочувствія, какъ заботливость, оказываемая нѣжнымъ и прекраснымъ предметамъ, хотя бы неодушевленнымъ. Лавинія заинтересовалась этою дамою и слѣдила за ея движеніями съ симпатическимъ любопытствомъ. Она видѣла, какъ дама, остановившись сказать нѣсколько словъ съ однимъ изъ должностныхъ лицъ желѣзной дороги, была принуждена освободить свою правую руку отъ своей ноши, чтобы взять отъ него газету; замѣтила, что онъ стоялъ все время съ непокрытою головою, хотя дама не разъ просила его надѣть фуражку. «Должно быть, это знатная дама, но безъ всякихъ претензій и въ высшей степени добрая» — подумала Лавинія въ то время, когда особа, составившая предметъ ея наблюденій, искала для себя вагона. — «Какъ бы мнѣ хотѣлось, чтобы она съѣла сюда!» — Это желаніе тотчасъ же было удовлетворено: незнакомка помѣстилась въ углу, противъ Лавиніи.

— Не правда ли, что цвѣты прекрасны? это настоящая роза уника, — сказала новопрішедшая, въ отвѣтъ на взглядъ восторга, брошенный Лавиніей на ея розы, — и притомъ они такъ чудесно пахнутъ. — И она подвинула ихъ къ молодой дѣвушкѣ.

— Благодарю васъ; они очаровательны, — отвѣчала Лавинія, наклонившись къ цвѣтамъ, — и еще вдвое прекраснѣе оттого, что цвѣтутъ въ такое позднее время года.

— Да, я держала ихъ въ теплицѣ и мнѣ удалось сохранить ихъ въ цвѣту, — прибавила дама, ставя вазу на полъ вагона, чтобы, на свободѣ, развернуть газету «Таймзъ». Она ворочала огромный листъ туда и сюда, очевидно ища какой-то особенной статьи, и, найдя ее, начала читать съ напряженнымъ вниманіемъ. Однакожь скоро это вниманіе было развлечено, потому-что вагонъ двинулся и ея горшокъ запрыгалъ съ большою опасностью для находившихся въ немъ цвѣтовъ. Она сперва старалась удержать его ногою, потомъ поставила возлѣ себя на сидѣнья, наконецъ взяла его къ себѣ на колѣни, но эта послѣдняя мѣра въ высшей степени мѣшала ея чтенію; неутомный горшокъ приходилось держать одною рукою, а другая не могла сладить съ огромнымъ листомъ газеты.

Между тѣмъ Лавинія пристально вглядывалась въ кроткое личико своей визави. Оно было еще молодо и пріятно, но его прелесть заключалась не въ молодости и красотѣ. Пересыпьте капитановыя волосы сѣдною какъ угодно, избородите морщинами нѣжную, прозрачную кожу — мягкость выраженія, простекающая изъ внутренняго свойства души, останется та же самая и будетъ прямо проникать въ

ваше сердце. Это была одна изъ тѣхъ фizioномій, на которыя приятно смотрѣть, потому-что онѣ производятъ на васъ впечатлѣніе нравственнаго достоинства и въ то же время внушаютъ вамъ довѣренность. Покрой и матеріалъ ея одежды отличался какою-то квакерскою простотою: сѣрое платье, темный дорожный бурнусъ и сѣрая касторовая шляпка. Бѣлый, какъ снѣгъ, рюшь плотно охватывавшаго голову чепчикъ, безъ всякихъ лентъ и украшеній, придавалъ ея продолговатому лицу какую-то строгую грацію. Лавинію сильно озадачивалъ этотъ чепчикъ, который не имѣлъ въ себѣ ничего похожего на такъ-называемую куафюру, а скорѣе походилъ на чепчикъ старухи, нисколько не ладившій съ лѣтами ея обладательницы. Носила ли она его вслѣдствіе какихъ-либо гигиеническихъ предписаній, или же это было знакомъ того, что она отказалась отъ житейскихъ суетъ? Въ-самомъ-дѣлѣ, молодая женщина, повидимому, такъ мало заботилась о своей наружности, что это второе предположеніе не имѣло въ себѣ ничего невѣроятнаго. А если такъ, что могло отчуждать отъ свѣта особу, которая была еще молода и привлекательна? Въсь фizioномію, надъ которыми мы неволью задумываемся—мало того—чувствуемъ непреодолимое желаніе узнать исторію людей, которыми онѣ принадлежатъ. Много дала бы Лавинія, чтобы узнать что-нибудь относительно своей прекрасной спутницы. Отчасти занималъ ее также вопросъ о предметѣ и родѣ интереса, заставлявшаго молодую женщину такъ внимательно читать свою газету.

Что этотъ интересъ во всякомъ случаѣ былъ самаго грустнаго свойства—это было замѣтно по облаку, которое все болѣе и болѣе омрачало черты читательницы. Была минута, когда она, вздрогнувъ, измѣнила свое положеніе, какъ-будто покоряясь внезапному порыву внутреннихъ чувствъ. Вслѣдъ за тѣмъ губы ея сдвинулись и на лицѣ ея отразилось глубокое волненіе; наконецъ она не выдержала, выронила газету изъ рукъ на колѣни, откинула свой станъ на спинку скамейки и закрыла глаза, какъ-будто въ припадкѣ физической боли.

— Надѣюсь, вы не прочли никакихъ неприятныхъ извѣстій?—спросила Лавинія съ участіемъ, когда глаза ея визави, открывшіеся снова, встрѣтились съ ея глазами.

— Ужасныя извѣстія! — возразила дама и подала газету Лавиніи, указывая ей пальцемъ на какое-то мѣсто. Это была часть корреспонденціи, подъ заглавіемъ: «Осада Севастополя», и заключала въ себѣ сердцаераздирающій рассказъ о всевозможныхъ несчастіяхъ арміи—о снѣгѣ, дождѣ, ураганѣ, холерѣ, кораблекрушеніяхъ; о палаткахъ, опрокинутыхъ вѣтромъ, или дырjавыхъ, какъ рѣшето; о траншеяхъ, превратившихся въ грязныя ямы; о больныхъ солдатахъ, изгнанныхъ бурей изъ холодныхъ госпиталей и искавшихъ убѣжища въ баракахъ; о здоровыхъ людяхъ, убитыхъ холодомъ и сыростью, или умиравшихъ дюжинами отъ эпидеміи словомъ, о самыхъ ужасныхъ страданіяхъ, какія только можно вообразить. Сердце Лавиніи облилось кровью; эта грустная картина застала ее врасплохъ. Она въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ была слишкомъ заня-

та своимъ шитьемъ, и потому не читала газетъ сама, а м-риссъ Тамплинъ, главный источникъ ея свѣдѣній о мірскихъ несчастіяхъ, ничего не говорила ей объ этихъ страданіяхъ въ Крыму, которыя, должно быть, не входили въ категорію тѣхъ, которыя интересовали вдову; и молодая дѣвушка о важныхъ современныхъ событіяхъ знала только одно, что Англія съ Россією находятся въ войнѣ и что театръ этой войны—Крымъ.

— Неужели нельзя ничего сдѣлать для этихъ несчастныхъ? — вскричала она голосомъ, исполненнымъ глубокой скорби.

— Что можно сдѣлать противъ стихій? — возразила дама, покачавъ головой съ безнадежнымъ видомъ.

— Но почему же въ эту войну болѣе чѣмъ въ другія невозможно пріютить солдата?

— Мы мало знаемъ о подробностяхъ другихъ войнъ, между тѣмъ какъ одна изъ отличительныхъ чертъ нашего времени состоитъ въ томъ, что мы имѣемъ свѣдѣнія обо всемъ, происходящемъ далеко отъ насъ. Впрочемъ, въ Англіи теперь дѣлаются баракы для крымской арміи и нѣсколько ихъ уже послано туда. Благотворительность пробудилась во всей странѣ; собраны значительныя суммы по подпискѣ; приготавливается множество одежды и ащиковъ съ лекарствами; партіи сидѣлокъ для больныхъ и раненыхъ отправлены въ Крымъ. за ними скоро послѣдуютъ другія.

— Да благословить ихъ Богъ!—сказала Лавинія—это истинно самая высокая благотворительность. Всякая ли желающая можетъ поступить въ сидѣлки?

— Да, кажется; т. е. всякая, которая не только желаетъ, но и довольно-сильна для этого. Вы, конечно, слышали о миссъ ***? — и здѣсь говорившая произнесла сладостнѣйшее имя нашего столѣтія, имя, которое наши потомки будутъ вспоминать съ благословеніями даже тогда, когда имена самихъ завоевателей Крыма будутъ забыты. Лавинія отвѣчала, что она ничего не слыхала объ этой сестрѣ милосердія.

— Возможно ли!—воскликнула ея собесѣдница, — это имя у всѣхъ на языкѣ.

— Въ послѣднее время я вела затворническую жизнь, — возразила Лавинія въ видѣ оправданія.

— Я понимаю,—замѣтила дама, бросивъ сострадательный взглядъ на черное платье Лавиніи, и затѣмъ начала подробно разсказывать своей внимательной слушательницѣ объ этомъ «ангелѣ въ образѣ челоуѣка», какъ называла она эту женщину, которая организовала цѣлое воинство сестеръ милосердія и сама, во главѣ ихъ отправилась на Востокъ.

Въ такихъ разговорахъ онѣ доѣхали до Мортонъ и тамъ вышли изъ вагона.

— Не могу ли я быть чѣмъ-нибудь полезна вамъ?—спросила дама, взявъ у Лавиніи свой горшокъ съ розами.

— Благодарю васъ.—отвѣчала та.—Не знаете ли, какимъ бы образомъ мнѣ лучше добраться до мѣста, куда я ѣду: въ Айви-Лоджъ?

— Айви-Лоджъ?—повторила дама, съ видомъ пріятнаго удивленія.— Я сама ѣду туда; а племянница м-риссъ Эннерли.

— Въ-самомъ-дѣлѣ? какъ я рада! Вы были ко мнѣ такъ добры, и мнѣ рѣшительно было грустно думать, что мы разстанемся навсегда.

— Вы видите, что этого бояться нечего. по-крайней-мѣрѣ теперь; мы побѣдемъ вмѣстѣ. Вы ѣдете надолго въ гости къ моей тѣткѣ?

— Продолжительность моего пребыванія у м-риссъ Эннерли будетъ совершенно зависѣть отъ ея воли,— отвѣчала Лавинія.

— Неужели вы — миссъ Голлвелль?

— Именно; я взята ею въ компаньонки.

— Я очень рада, что встрѣтила васъ; мы съ вами въ нѣкоторомъ смыслѣ старыя знакомыя, и я буду имѣть удовольствіе представить васъ м-риссъ Эннерли. Знаетъ ли она, что вы въ траурѣ?

— Право, не умѣю вамъ сказать, отвѣчала Лавинія, нѣсколько удивленная этимъ вопросомъ; — я не имѣла никакихъ личныхъ сношеній съ м-риссъ Эннерли: все это дѣло устроено было для меня одною моею доброй знакомой. Развѣ мой трауръ можетъ мнѣ въ чемъ нибудь вредить?

— Надѣюсь, что нѣтъ; я даже увѣрена въ этомъ; можетъ быть, первое впечатлѣніе будетъ непріятно, но оно исчезнетъ при первомъ взглядѣ на ваше лицо. Моя тѣтка — превосходная женщина, но она нѣсколько чересчуръ пристрастна къ тому, что имѣетъ веселый видъ.

«Если такъ, то у меня мало шансовъ понравиться ей», подумала Лавинія про себя.

Этотъ разговоръ, начатый на платформѣ, кончился внѣ станціи, когда двѣ путешественницы подошли къ извозничьимъ экипажамъ. Лавинія сѣла въ одинъ изъ нихъ, вмѣстѣ съ своею спутницей. Видно было по всему, что племянницу м-риссъ Эннерли здѣсь знали такъ же хорошо, какъ и въ Уэргэмѣ: никто изъ должностныхъ лицъ желѣзной дороги не проходилъ мимо нея, не приподнявъ своей фуражки; даже кондукторы и кучера омнибусовъ и извозчики оказывали ей почтеніе и предлагали свои услуги безъ малѣйшаго слѣда своей обыкновенной грубости. Во время короткаго перѣзда въ Айви-Лоджъ двѣ дамы говорили между собою очень мало. Что касается Лавиніи, то уже одно приближеніе такой рѣшительной для нея минуты, не говоря о слѣланномъ ей намекѣ, что оя траурѣ можетъ произвести неблагоприятное впечатлѣніе, служило достаточнымъ поводомъ къ ея задумчивости. Направленіе мыслей племянницы м-риссъ Эннерли тоже нетрудно было угадать по взглядамъ, которыя она по временамъ бросала на свою хорошенькую спутницу. Та, которая была предметомъ наблюденія Лавиніи, наблюдала ее, въ свою очередь, съ сострадательнымъ участіемъ. Какое сѣбленіе обстоятельствъ могло заставить особу, столь очевидно принадлежавшую къ высшимъ классамъ общества, принять на себя тягостную должность компаньонки? Это была загадка, и стараніе развѣшить ее было причиною молчанія спутницы нашей героини.

Айви-Лоджъ (Шлющевая дача) оправдывалъ свое названіе. Входъ и

все, что можно было видѣть изъ наружныхъ частей зданія, приближаясь къ нему, представляло собою массу плуща Плущъ покрывалъ также большіе каменные столбы по обѣимъ сторонамъ воротъ и, казалось, грозилъ задушить двухъ кошкоподобныхъ каменныхъ львовъ, поставленныхъ на ихъ вершинѣ. Стукъ колесъ вызвалъ изъ дома къ воротамъ какую-то старуху, у входа показался слуга, а изъ глубины передней комнаты выглянула особа въ высочайшемъ чепчикѣ. Дѣвица Шмальцъ, ключница м-риссъ Эннерли, шѣмка, похожая на мужчину, была нѣсколько обижена природою, а ея неумѣренно-пышные и огромные чепчики были извѣстны и въ Дорчестерѣ и въ Уиндѣ.

— Добраго утра, миссъ Шмальцъ; надѣюсь, вы здоровы? Это миссъ Голливелль, о которой тѣтя, вѣроятно, вамъ говорила.

— Я совсѣмъ здорова, миссъ Клара; очень благодарна вамъ за вашъ добрый вопросъ. Какія у васъ чудесныя розы! Боже мой! да это, кажется, гоша шпса.

Знаки вниманія дѣвицы Шмальцъ къ Лавиніи ограничились церемоннымъ поклономъ и казеннымъ вопросомъ о томъ, благополучно ли она ѣхала.

— Здорова ли тѣтя?—спросила миссъ Клара, направляясь къ одной изъ дверей комнаты. Въ это время на середину ея бросилась большая испанская собака и чуть не сбила съ ногъ Лавинію, которая слегка вскрикнула, болѣе отъ неожиданности, чѣмъ отъ испуга.

— Лежать, Турокъ, лежать!—вскричала миссъ Клара, схвативъ собаку, которая теперь находилась въ припадкѣ бѣшеннаго лая противъ Лавиніи.— Молчи, Турокъ!—и она старалась унять животное то ласками, то угрозами.

— Не принести ли для миссъ Голливелль спирту?—спросила дѣвица Шмальцъ, съ саркастическою вѣжливостію.

Лавинія почувствовала преднамѣренную насмѣшку, но отвѣчала кроткимъ, умиловительнымъ тономъ:—о, нѣтъ, благодарю васъ; это было глупо съ моей стороны такъ испугаться; обыкновенно я не боюсь собакъ.

Это маленькое приключеніе было причиною, что вопросъ миссъ Клары объ ея тѣткѣ остался безъ отвѣта. Когда всѣ трое вошли въ гостиную, она опять спросила о м-риссъ Эннерли. На это дѣвица Шмальцъ отвѣчала выраженіемъ надежды и увѣренности, что м-риссъ Эннерли здорова въ Экзетерѣ.

— Въ Экзетерѣ!—вскричала миссъ Клара.

— Да, въ Экзетерѣ, какъ я имѣю честь сказать вамъ. М-риссъ Эннерли вчера получила письмо, въ которомъ ее просили немедленно ѣхать въ Экзетеръ на крестины внука ея пріятельницы, леди Амелли, назначенныя завтра. Вы можете припомнить, миссъ Клара, это было давно рѣшено, что м-риссъ Эннерли будетъ крестною матерью, а сэръ Тимоти Ливингстонъ—крестнымъ отцомъ новорожденнаго. Не знаю почему, церемонія назначена раньше, чѣмъ было рѣшено прежде, и м-риссъ Эннерли должна была отправиться сегодня съ девяти-

часовымъ поѣздомъ. Она поручила мнѣ извинить ея отсутствію предъ миссъ Голивелль.

— Какъ долго тамъ пробудеть тѣтя?—спросила племянница.

— М-риссъ Эннерли сама не знаетъ; я думаю, дня три-четыре, а можетъ быть цѣлую недѣлю.

— Какая досада!—прошептала миссъ Клара.

— Комната для миссъ Голивелль готова, — сказала ключница. — Миссъ Голивелль будетъ имѣть всѣ удобства, какія только я могу ей доставить; хотя (прибавила она сквозь зубы) я, конечно, понимаю, что молодой особѣ будетъ скучно съ такою старухой, какъ я.

Это опять была колкость — инстинктивный протестъ вульгарной женщины противъ чувствуемыхъ, хотя непризнаваемыхъ, ея нравъ природы высшего разряда. Сердце бѣдной Лавиніи было глубоко уязвлено; щоки ея поблѣднѣли, губы задрожали. Ничто не приводитъ неопытную юность въ такое полное смущеніе, какъ знаки непріязни, которой причинъ она не можетъ объяснить. Миссъ Клара замѣтила все это и рѣшилась не оставлять свою новую знакомую одну, на произволъ завистливой ключницы; поэтому она сказала:

— Я не сомнѣваюсь, миссъ Шмальцъ, въ томъ, что вы позаботитесь о миссъ Голивелль; но такъ-какъ тѣти нѣтъ дома, то мнѣ пришла въ голову мысль — воспользоваться этимъ случаемъ и сдѣлать теперь то, что, рано или поздно, должно будетъ сдѣлать, т. е. познакомиться миссъ Голивелль съ моею сестрой. Какъ вы объ этомъ думаете, миссъ Голивелль? угодно вамъ ѣхать со мной?

Лавиніи стоило большого труда не показать, оскорбительнымъ для ея новаго врага образомъ, какое громадное облегченіе она почувствовала при такомъ предложеніи своего новаго друга. Итакъ, не подаваясь порыву внезапной радости, она выразила свою благодарность и готовность, какъ ей казалось, очень холоднымъ и обыкновеннымъ тономъ.

— погодите благодарить меня, — сказала миссъ Клара, улыбаясь, — потому-что, приглашая васъ въ нашу пустыню, я имѣю своекорыстные виды. Дѣло въ томъ, что у меня на рукахъ пропасть шитья для Крыма: нужно сдѣлать цѣлый возъ фланелевыхъ фуфаякъ, и я не думаю, чтобы вы мнѣ отказали въ вашей помощи.

Дѣйствительно, непохоже было на то, чтобы Лавиніи отказала въ чемъ-нибудь миссъ Кларѣ; итакъ было рѣшено, что онѣ отправятся съ двухчасовымъ поѣздомъ въ Уэргэмъ, такъ — чтобы къ четыремъ часамъ быть въ Аульскомбѣ, мѣстопробываніи миссъ Клары. По желанію этой послѣдней, миссъ Шмальцъ велѣла заложить одноколку м-риссъ Эннерли, выразила надежду скоро опять увидѣть миссъ Клару въ Айви-Лоджѣ и, нѣсколько жеманнымъ тономъ, пожелала миссъ Голивелль пріятнаго препровожденія времени.

Миссъ Шмальцъ не была положительно-злою женщиной; всѣ въ домѣ и даже большинство бѣдныхъ людей деревни сказали бы о ней совершенно другое. Она была просто завистлива и повелительна, и могла бы взять своимъ девизомъ извѣстный стихъ латинскаго поэта:

Parcere subjectis et debellare superbos.

(Щадить покорныхъ, усмирять надменныхъ.)

Еслибы Лавинія была дѣвушка съ обыкновенною наружностью и пріѣхала въ Айви-Лоджъ одна, тогда—можно поставить десять противъ одного—миссъ Шмальцъ показала бы ей покровительство и постаралась бы ей угодить. Но компаньонка была прекрасна и отъ природы имѣла благородный видъ и изящныя манеры; въ добавокъ, она была уже знакома съ племянницей м-риссъ Эннерли и любима ею—словомъ, обладала всѣми необходимыми качествами опасной соперницы—и, слѣдовательно, ее нужно было уничтожить. Намъ становится страшно при мысли о томъ, каково будетъ положеніе бѣдной дѣвушки въ Айви-Лоджѣ.

Возвращеніе въ Уэргэмъ и поѣздка въ Аульскомбъ заняли всего-на-все не болѣе одного часа съ половиной. Это время не было потеряно нашими путешественницами относительно упроченія ихъ знакомства между собою. Онѣ много разговаривали о разныхъ предметахъ и незамѣтно высказались другъ къ другу, къ ихъ взаимному удовольствію. Хотя миссъ Клара обращалась съ миссъ Лавиніей какъ равная съ равной, молодая дѣвушка ни на минуту не уклонилась отъ суровой сдержанности, приличной ея зависящему положенію.

Аульскомбъ былъ именно таковъ, какимъ воображала его миссъ Лавинія, судя по миссъ Кларѣ: скромный домикъ новой постройки, безъ всякихъ претензій, даже безъ живописности, онъ имѣлъ видъ уютной простоты, которую легче чувствовать, чѣмъ описывать. Миссъ Клара отвела Лавинію въ маленькую комнату второго этажа, говоря: «я даю вамъ двадцать минутъ времени, т. е. ровно столько, сколько нужно для того, чтобы одѣться къ обѣду, не рискуя простудиться. Вамъ разведутъ огонь, пока мы будемъ обѣдать. Я сейчасъ пришлю сюда вашъ чемоданъ».

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Аульскомбъ и его обитатели.

Хозяинъ и хозяйка Аульскомба приняли Лавинію какъ старую знакомую. Она тотчасъ же увидѣла, что въ домѣ царствуютъ семейное единство, и что м-ръ и м-риссъ Эвлингъ не сочтутъ вольностью со стороны Клары приглашеніе въ ихъ домъ неожиданной гостя. М-риссъ Эвлингъ была бѣлокурова, выше и нѣсколькими годами старше Клары, но въ чертахъ и выраженіи сестры были живымъ портретомъ одна другой. М-ръ Эвлингъ былъ высокій, смуглый, благородной наружности мужчина, съ густыми посѣдѣвшими волосами, откинутыми назадъ и ниспадавшими на виски подобно вѣтвямъ плачущей ивы. Онъ имѣлъ высокій, большой лобъ, изборозженный морщинами; черты его лица были тонки и выражали умъ, но имъ недоставало мягкости. Таково, по-крайней-мѣрѣ, было первое впечатлѣніе Лавиніи, подтвердившееся запальчивымъ тономъ рѣчи этого джентльмена.

Предметомъ разговора были трудности, переносимыя войсками, ко-

торыи осаждали Севастополь. М-ръ и м-риссъ Эвлингъ, очевидно, тоже читали корреспонденцію изъ Крыма, которая такъ взволновала миссъ Клару во время ея утренней поѣздки. Глаза и чувствованія дамъ, какъ истинныхъ женщинъ, были обращены только на сердце-раздирающій фактъ, что тысячи людей бѣдствуютъ и гибнутъ вдали отъ своей родины. Принять участіе въ этихъ страданіяхъ, посредствомъ яркаго представленія всего ихъ ужаснаго равнообразія, придумать наилучшія средства къ облегченію участи тѣхъ, которымъ можно помочь, предупредить подобныя несчастія въ будущемъ—таковъ былъ пунктъ, вокругъ котораго вращались мысли сестеръ, не выходя ни на минуту изъ этого круга.

Напротивъ, м-ръ Эвлингъ, повинувшись виновственнымъ наклонностямъ своего пола, выказывалъ не столько соболѣзнованія къ ужаснымъ страданіямъ, сколько гнѣва противъ того, что было ихъ причиною. Эта причина, по его мнѣнію, состояла въ крайней непредусмотрительности, мало того, въ грубомъ нерадѣніи людей, которыхъ онъ называлъ «бюрократами». Если въ поговоркѣ, что мы чувствуемъ звонъ въ ушахъ, когда о насъ говорятъ худо, есть сколько-нибудь правды, то какъ должны были звенѣть уши этихъ господъ при громкихъ обвиненіяхъ въ безпечности, неспособности и проч., которымъ пополнена была гнѣвная филиппика м-ра Эвинга! Притомъ онъ не хотѣлъ ничего слушать о какихъ бы то ни было уступкахъ въ ихъ пользу.

— Никто—вскричалъ онъ— не имѣетъ права быть снисходительнымъ, когда дѣло идетъ о жизни нашихъ солдатъ! Жизнь самаго младшаго изъ нашихъ барабанщиковъ въ Крыму для отечества дороже чѣмъ жизнь дюжины этихъ дармоѣдовъ, которые своею преступною небрежностью заставляютъ нашихъ храбрыхъ молодцовъ гнить въ грязи и умирать съ голоду. Да, это позоръ, вопіющій позоръ! Ихъ слѣдовало бы повѣсить за это.—И м-ръ Эвлингъ тряхнулъ головою такъ сильно, что его длинные волосы запрыгали вокругъ лица его.

— Какъ свирѣпо вы говорите сегодня, Джорджъ!—сказала миссъ Клара.

— Право?—неужели?—и м-ръ Эвлингъ выпучилъ глаза, съ видомъ челоѣка, только-что вынырнувшего изъ-подъ воды.

— Да, вы очень свирѣпы, и миссъ Голливелль, которая еще васъ не знаетъ, приметъ васъ за настоящаго головорѣза, если вы будете продолжать въ такомъ родѣ.

— Хорошо, такъ-какъ я желаю казаться только тѣмъ, что я на самомъ-дѣлѣ, т. е. мирнымъ членомъ общества,—сказалъ м-ръ Эвлингъ съ какою-то забавною смѣсью раскаянія и комичности, — чѣмъ скорѣе я перестану и попрошу извиненія у миссъ Голливелль, тѣмъ лучше. Дѣло въ томъ, что у меня есть двѣ струны, миссъ Голливелль: сильная и слабая; первая состоитъ въ ненависти моей ко всему дурному, которое я ненавижу отъ всего сердца, также какъ я уважаю все хорошее; а вторая состоитъ въ томъ что я выражаю свою ненависть къ злу безъ воздержности и мѣры, съ бѣшенствомъ разъяреннаго быка, вопреки разсудку и приличію.

— Это совершенно естественно, — сказала Лавинія, съ нѣкоторымъ смущеніемъ, желая сказать что-нибудь примирительное, — это очень естественно, что люди сильно чувствующие сильно выражаютъ свои чувства.

— Но не бѣшено, не опрометчиво, не жестоко, — возразилъ м-ръ Эвлингъ, съ жаромъ.

— Полно, Джордж! ты ужь черезчуръ нападаешь на себя, — протестовала миссъ Клара.

— Я не могу слышать когда ты чернишь себя такъ неосновательно, — сказала м-риссъ Эвлингъ. — Не вѣрьте ему, миссъ Голливелль.

— Только послушайте ихъ, миссъ Голливелль, — вскричалъ м-ръ Эвлингъ, — и онѣ поклянутся, что я кроткій агнецъ.

— Да ты въ-самомъ-дѣлѣ кроткій агнецъ, — вскричали обѣ сестры вмѣстѣ.

— Разсудите насъ, миссъ Голливелль, — сказалъ м-ръ Эвлингъ, полусердитымъ, полудовольнымъ тономъ: — вотъ человекъ, который произноситъ неумолимый, уничтожающій приговоръ надъ своими ближними, не имѣя къ тому другого основанія кромѣ свидѣтельства какой-нибудь газеты, человекъ, который приходитъ въ ярость и толкуетъ о вѣщаньи: и этотъ человекъ не безрасуденъ, не безжалостенъ, не несправедливъ о, нѣтъ!..

— Довольно, довольно! прошу тебя, — ну, сдѣлай мнѣ удовольствіе, умоляла м-риссъ Эвлингъ.

— Хорошо, я замолчу, для тебя Элеонора и для васъ, Клара. Миссъ Голливелль слышала довольно для того, чтобы вывести свои собственные заключенія, не имѣя надобности въ дальнѣйшихъ комментаріяхъ съ моей стороны.

Лавинія въ-самомъ-дѣлѣ слышала довольно: она узнала, что м-ръ Эвлингъ былъ откровенный, искренній, теплосердечный человекъ, имѣвшій въ своей натурѣ какъ-разъ такую долю увлеченія, какая нужна была для того, чтобы постоянно поддерживать въ немъ живое чувство справедливости и нравственной отвѣтственности. И глядя теперь на его просіявшій лобъ и смѣющееся лицо, она внутренно обвиняла себя въ глупости и слѣпотѣ, съ которыми вообразила, будто-бы въ чертахъ его нѣтъ мягкости. Она нетерпѣливо желала загладить этотъ опрометчивый приговоръ, и успѣла приобрести благорасположеніе м-ра Эвлинга. Этого было нетрудно достигнуть, потому — что м-ръ Эвлингъ былъ просто и безыскусственъ какъ взрослый ребенокъ. Даже въ физическомъ отношеніи — въ его глазахъ, въ тонахъ его голоса — были проблески молодости, что-то болѣе собственное двадцатилѣтнему юношѣ, чѣмъ человеку за сорокъ лѣтъ.

Перейдя въ бібліотеку, которая была обыкновеннымъ мѣстомъ, гдѣ собиралась фамилія, дамы усѣлись вокругъ стола, и сейчасъ же принялись за фланелевыя фуфайки для крымской арміи. Три огромныя кучи ихъ уже лежали на трехъ стульяхъ, совсѣмъ выкроенныя и приготовленныя для шитья. М-ръ Эвлингъ ваялъ какой-то журналъ, и по временамъ громко читалъ изъ него нѣкоторые отрывки.

Впрочемъ онъ скоро оставилъ свою книгу и началъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, въ припадкѣ размышленія. По временамъ, проходя мимо стола, за которымъ сидѣли дамы, онъ останавливался и съ невыразимою любовью смотрѣлъ на свою жену и сестру; иногда съгрывалъ съ ними ребяческія штуки, напр., у одной стащитъ наперстокъ, у другой ножницы, и скорчатъ пресерьбзѣйшую мину, какъ будто ему ничего неизвѣстно о пропавшихъ вещахъ, но наконецъ все-таки выдастъ свою проделку громкимъ смѣхомъ.

Разумѣется, при этомъ не было недостатка во фразахъ въ родѣ слѣдующихъ: «Какъ тебѣ не стыдно, Джорджъ», «видали-ль вы когда-нибудь такого повѣсу, миссъ Голивелль?» По временамъ происходила возня: дамы силою старались отнять у м-ра Эвлинга похищенный наперстокъ, или ножницы, и борьба всегда оканчивалась такъ, что и побѣдители и побѣжденные оставались довольны. Наконецъ повѣса уговорился, сѣлъ за маленькій столъ, возлѣ камина, и началъ писать. Скрипъ пера по бумагѣ, подергиваніе нитокъ и постукиванье часовъ на каминѣ были единственными звуками въ комнатѣ.

— Какая тишина! — сказалъ, нѣсколько времени спустя, м-ръ Эвлингъ. — Мнѣ хотѣлось бы, чтобы теперь пощобетали птички: это помогло бы мнѣ отыскать мое сравненіе.

— Птички слишкомъ заняты для того, чтобы щобетать, — сказала миссъ Клара. — Какого тамъ сравненія ты ищешь?

— Сравненія для Колизея; оно должно быть величественно.

— Трудно найти величественное и вмѣстѣ вѣрное уподобленіе, не побывавъ на самомъ мѣстѣ, — замѣтила миссъ Клара. — Тебѣ нужно съѣздить въ Римъ, Джорджъ.

— Такъ мы съѣздимъ, клянусь Юпитеромъ! — вскричалъ м-ръ Эвлингъ съ энтузіазмомъ, стукнувъ по своему письменному столу. — Это чудовищная несообразность, чтобы поэтъ, или, по-крайней-мѣрѣ, человѣкъ, который шипитъ и издастъ стихотворенія, зналъ о Вѣчномъ городѣ только по слухамъ.

— Я была тамъ и видѣла Колизей, — сказала Лавинія.

— Какое счастье! — вскричалъ Джорджъ, въ восторгѣ. — Видѣли-ль вы его при лунномъ свѣтѣ, миссъ Голивелль? Надѣюсь, что видѣли.

— Да, — отвѣчала Лавинія, — со временъ Байрона каждый путешественникъ считаетъ это непремѣннымъ долгомъ.

— И каково было ваше впечатлѣніе?

— Я скажу вамъ лучше о впечатлѣніи другого человѣка, котораго мысли достойнѣе повторенія, нежели мои, — сказала Лавинія, и слегка вздохнула, вспоминая вечеръ, на который дѣлала намекъ. — Одинъ молодой римскій живописецъ, бывшій съ нами, говорилъ, что Колизей, если смотрѣть на него сбоку, похожъ — и это сравненіе поразило меня своего вѣрностью — похожъ на остатъ гиганскаго корабля, сѣвшаго на мель...

— Сѣвшаго на мель у береговъ океана Времени? — докончилъ м-ръ Эвлингъ, сдѣлавъ декламаторскій жестъ правою рукою. Именно такъ:

просто, величественно и вѣрно. Много обязанъ вамъ, миссъ Голлвелль.

— Воюсь, что вы будете теперь имѣть мало покоя, миссъ Голлвелль,—замѣтила м-риссъ Эвлингъ, смѣясь,—я должна сказать вамъ, что дѣйствию поэмы, которую пишетъ мой мужъ, происходитъ именно въ Римѣ. Я дрожу при мысли о вопросахъ, которые готовятся для васъ.

— И не безъ основанія, и не безъ основанія,—подвердилъ поэтъ, съ притворною важною.

Лавинія, разумѣется, выразила свою готовность и охоту помечать всѣми свѣдѣнїями, какія она имѣла, и за тѣмъ опять перо закружило по бумагѣ, и заходили иголки, съ аккомпаниментомъ болтовни швей. Добрыя хозяйки Лавинїи съ нетерпѣливымъ любопытствомъ спрашивали ея о Римѣ, о папѣ и объ осадѣ 1849 г. Обо всѣхъ этихъ предметахъ, въ особенности о послѣднемъ, Лавинія, благодаря своему другу Доминикино, имѣла и могла сообщить достовѣрныя и интересныя свѣдѣнїя. Миссъ Клара преимущественно желала знать всѣ подробности о женщинахъ, которыя приняли на себя обязаности сестеръ милосердія, и, по свидѣтельству газетъ того времени ухаживали во время осады за больными и ранеными съ такою неутомимою заботливостію. Были ли это большею частью дамы, или простыя женщины? Лавинія отвѣчала, что всѣ званія и состоянїя соединились вмѣстѣ въ этомъ дѣлѣ милосердія. Ей показывали молодую и прекрасную клядню, которая была одна изъ первыхъ въ оказанїи помощи внутри и внѣ госпиталей; а сама она лично знала одну въ высшей степени интересную молодую дѣвушку, бѣдную продавицу камней—но съ какимъ богатымъ сердцемъ!—которая также принадлежала къ благочестивой общинѣ сестеръ милосердія. Восторгъ, съ какимъ говорили объ этихъ сидѣлкахъ всѣ видѣвшіе ихъ за дѣломъ,—заключила Лавинія,—служить доказательствомъ предности этихъ женщинъ и пользу которую онѣ принесли.

— Должно быть, страданія въ себѣ и въ другихъ,—сказала миссъ Клара съ кроткою важною,—есть необходимый стимулъ для благородныхъ подвиговъ на землѣ, рѣшительно необходимый для развитія въ челоуѣческой природѣ того, что въ ней есть божественнаго. Тяжкія времена всегда бывають богаче всѣхъ другихъ героизмомъ. Подумайте, какая громадная сумма силы и самопожертвованія осталась бы мертвымъ и бесполезнымъ капиталомъ, еслибы они не были призваны къ дѣйствию подобными случаями, какъ, напримѣръ, этимъ жесточайшимъ изъ бѣдствій—войною!

— Кто тамъ говоритъ о войнѣ?—сказалъ жалобный голосъ изъ-за письменнаго стола. Я къ сожалѣнїю, нахожусь въ войнѣ съ самимъ собою въ эту минуту. Сомнѣнїя давятъ меня, подобно кавалерійской атакѣ подъ Валаклавой.

— Мы призовемъ вспомогательный отрядъ,—отозвалась миссъ Клара,—я позвоню чтобы подавали чай.

— Безчувственная насмѣшница! я нуждаюсь въ помощи, а не въ чаѣ. Я увязъ въ болотѣ, Нелли.

Нелли встала и наклонилась—гибкая, грациозная и любящая—над кюветкой своего мужа. Одною рукой она охватила его шею; длинные кудри ея падали золотистыми волнами на его плечи и лицо, между тѣмъ какъ онъ объяснялъ ей свое затрудненіе и въ то же время игралъ ея волосами, навивая ихъ на пальцы своей лѣвой руки, а правою обнимая тонкій станъ жены, съ цѣломудренною нѣжностью.

— Надѣюсь, вы насъ немножко позабавите музыкой, миссъ Голивелль,—сказала миссъ Клара во время этой маленькой супружеской сцены. — Я увѣрена, что вы хорошо поете и играете.

— Я должна хорошо пѣть и играть, принимая въ расчетъ сколько я потратила времени на эти упражненія.

— Потратили! — повторила миссъ Клара,—это слишкомъ суровое слово для искусства, которое оказываетъ такое облагораживающее и благотѣльное вліяніе на душу.

— Я совершенно согласна съ вашимъ высокимъ мнѣніемъ о музыкѣ, и все-таки не могу не пожалѣть, что я сдѣлала ее главнымъ занятіемъ моей жизни. Есть такъ много другихъ вещей, которымъ слѣдовало бы поучиться; притомъ музыка у любителей—это поводъ къ тиславою, предлогъ порисоваться и похвалиться своими талантами.

— Можеть быть, иногда это и такъ, но не всегда,—кратко возразила миссъ Клара;—въ семейномъ кружкѣ музыка можеть служить обильнымъ источникомъ добра и удовольствія. Джорджъ очень любить музыку; и когда что-нибудь идетъ неладно—т. е. не дома (благодаря Нога, мы всѣ живемъ душа въ душу),—во если какая-нибудь несправедливость, какое-нибудь грустное обстоятельство, напр. подобное тому, которое встревожило его передъ обѣдомъ, разстроитъ его, то музыка успокоиваетъ его раздражительность, и...

Миссъ Клару позвали къ письменному столу и это прекратило ея изліянія.

— Совѣтъ въ полномъ составѣ! должно быть, важный вопросъ стоитъ на очереди,—сказала она, смѣясь. Извините меня миссъ Голивелль,—я оставляю васъ на минуту. И она подошла къ своей сестрѣ и съ важностью выслушала предметъ спора. Отвѣтъ ея на какія-то сомнѣнія м-ра Эвлинга былъ скоръ и рѣшителенъ, и она говорила довольно-громко, такъ-что Лавинія могла слышать ея слова.

— Да, женщина подъ вліяніемъ любви сдѣлала бы это и осталась бы вѣрна своей природѣ.

Затѣмъ совѣтъ разошелся и сестры опять сѣли на свои мѣста за рабочимъ столомъ.

— Въ состояніи ли вы сохранить секретъ, миссъ Голивелль? —спросилъ м-ръ Эвлингъ.

— Я думаю, что въ состояніи... впрочемъ, право не знаю, отвѣчала Лавинія, захваченная врасплохъ.

— Я рѣшился рискнуть и повѣрить вамъ свой секретъ; онъ состоитъ вотъ въ чемъ: я—лгунъ.

— О, сэръ! о, Джорджъ!—протестовали три голоса разомъ.

— Я напередъ зналъ, что всѣ единодушно возопіютъ противъ ме-

ня. Голая, неприкрашенная истина всегда отвергается; но — *amicus Plato, amicus Cicero, sed magis amica veritas* (другъ Платонъ, другъ Цицеронъ, но еще болѣе другъ — истина). Я представлю вамъ, миссъ Голивелль, причины, почему я называю себя лгуномъ, — именно къ вамъ я апеллирую, какъ къ безпристрастному судѣ. Стихи, которые я издаю въ свѣтъ подъ своимъ именемъ и которыми я приобретаю себѣ извѣстность, принадлежать вовсе не мнѣ.

— Какъ можешь ты, Джорджъ, говорить такія побасѣнки!

— Какой ты пустомеля!

— Послушайте меня, миссъ Голивелль, пожалуйста, — продолжалъ м-ръ Эвелингъ, заглушая двухъ противницъ своимъ звучнымъ голосомъ. — Стихи, которые журналисты бранятъ или хвалятъ какъ мои, принадлежать, по праву литературной собственности, двумъ восхитительнымъ женщинамъ, которыя теперь шьютъ возлѣ васъ.

— Это объявленіе было встрѣчено громкимъ, почти гнѣвнымъ крикомъ отрицанія со стороны двухъ сестеръ.

— Клянусь вамъ небомъ и землею, миссъ Голивелль, что изъ-подъ моего пера не выходило ни одного глубокаго чувства, ни одного удачнаго сравненія или выраженія, ни одной поразительной мысли, происхожденія которыхъ я не могъ бы легко отыскать въ чувствованіи, сравненіи, мысли или выраженіи, принадлежащихъ этимъ дамамъ. Я утверждаю, что всѣ эти произведенія, которыя доставили нѣкоторую извѣстность моему имени, суть не что иное, какъ ихъ дѣло: ихъ созданіе, кристаллизованная эссенція ихъ душъ. Короче сказать, эти женщины — поэтъ и поэма вмѣстѣ, а я — не болѣе какъ переписчикъ. Теперь, облегчивъ совѣсть этимъ признаніемъ, я чувствую себя спокойнѣе.

— Сильнѣйшимъ опроверженіемъ клеветы Джорджа противъ себя самого — сказала миссъ Клара, обращаясь къ Лавиніи — служить самое это поэтическое изліяніе относительно Элеоноры и меня, хотя оно не принадлежитъ къ числу лучшихъ его тирадъ. Кто, кромѣ поэта *отъ природы*, могъ бы изобрѣсти этотъ парадоксъ и дать ему такой поэтической колоритъ?

— Аргументъ благовидный, но непрочный въ своемъ основаніи, — замѣтилъ Джорджъ въ скобкахъ.

— Миссъ Голивелль, — сказала м-рисъ Эвелингъ, — Джорджъ напечаталъ свою первую поэму, когда ему было семнадцать лѣтъ. Я не думаю, чтобы мы тогда были знакомы другъ съ другомъ.

— Это несомнѣнъ вѣрно относительно хронологіи, — спокойно замѣтилъ м-ръ Эвелингъ. — Эвелина, героиня моего перваго произведенія, была не кто другой, какъ м-рисъ Эвелингъ.

— Героиня десяти лѣтъ отъ-роду? — возразила м-рисъ Эвелингъ.

— Возрастъ ничего не значитъ. Ручаюсь головой, что въ семнадцать лѣтъ я такъ же былъ по-уши въ тебя влюбленъ, какъ и въ сор...

— Замолчи, Джорджъ, какъ ты смѣешь!...

— Миссъ Голивелль, я опять апеллирую къ вамъ: развѣ въ этомъ есть какая-нибудь непристойность, если мужъ говоритъ, что онъ влюбленъ?

Онъ не могъ, или, лучше, не хотѣлъ договорить: «въ свою жену», потому-что маленькая ручка, которая закрыла ему ротъ, была болѣе нравственнымъ, нежели физическимъ препятствіемъ къ окончанію фразы. И такъ, м-ръ Эвлингъ закрылъ глаза, скрестилъ руки на груди, и всею своею фигурой изобразилъ свое безпомощное состояніе какъ-бы подъ гнетомъ непреодолимой силы. Входъ служанки, съ чайнымъ приборомъ, положилъ конецъ этой сценѣ, которая, при всей своей незначительности на бумагѣ, имѣла въ дѣйствительности какую-то особенную прелесть и выразила собою многое, служащее къ чести человѣческой природы.

Всѣ заботы были оставлены, и общество помѣстилось вокругъ стола. Сестры воспользовались минутою досуга, чтобы, въ свою очередь, напасть на поэта; онъ съ безжалостною обстоятельностью припоминали каждый изъ его литературныхъ успѣховъ, начиная отъ поопрительнаго письма, которое онъ получилъ, будучи еще просто мальчикомъ, отъ одной поэтической знаменитости, до *фурора* слезъ, надѣланнаго его послѣднею поэмой.

— Тогда боялись наводненія, — сказалъ м-ръ Эвлингъ, съ важно-стью, — и лодки страшно поднялись въ цѣвѣ.

— А плохіе путешники понесли значительные убытки, — прибавила миссъ Клара.

— Я должна предупредить васъ, миссъ Голивелль, — что мой братъ проповѣдуетъ величайшее презрѣніе ко всему слезливому.

— Но въ то же самое время дается иногда слезливому съ большимъ наслажденіемъ.

— О, Недли! *On n'est trahi que par les siens*, — вскричалъ мужъ.

— Послушайте, миссъ Голивелль, — сказала миссъ Клара въ свою очередь: — я вамъ разскажу примѣръ его мужественной твердости. Когда онъ писалъ послѣднюю свою поему, то вообразилъ, что героиня, просто душка, должна умереть.

— О, Клара! и ты противъ меня! — воскликнулъ м-ръ Эвлингъ, съ упрямомъ.

— Мы упрашивали, умоляли пощадить ее — все напрасно, — продолжала неумолимая разскащица. Онъ утверждалъ, что ея смерть безусловно необходима. Сочинители принадлежатъ къ числу самыхъ злѣйшихъ тирановъ; они безъ жалости уничтожаютъ лучшихъ овецъ своего стада, хотя справедливость заставляетъ меня признаться, что, рѣшась убить свою героиню, Джоржъ сдѣлалъ это въ великолѣпнѣйшихъ, пламенныхъ стихахъ, какіе только когда-либо изливались изъ его сердца. Онъ, по своему обыкновенію, прочелъ ихъ намъ, или лучше сказать, попробовалъ ихъ прочесть потому-что, дойдя до средины второй строфы, онъ началъ страшно всхлипывать... да, этотъ ажевтъментъ, который не совѣтъ похожъ на робенка, плакалъ какъ злѣя — увѣрю васъ.

— Сознаюсь въ своей винѣ; но въ ней есть смягчающія обстоятельства, — сказалъ м-ръ Эвлингъ. Изъ всѣхъ моихъ созданій Вьянка была моею любимой героиней.

— А, — вотъ оно что! вскричала жена его, торжествующимъ тономъ

Левлю его на словѣ. Прямикомъ всѣхъ присутствующихъ въ садѣ-тели: не признался-ли мой мужъ въ томъ, что онъ есть творецъ *своихъ* своихъ героевъ и героинь?

— Ты придираешься къ словамъ, ты пользуешься простою формою рѣчи, которая употреблена мною для избѣжанія многословія, — возразилъ м-ръ Эвалингъ.

— Я хотѣлъ сказать, что изъ всѣхъ дѣйствующихъ лицъ въ этихъ поэмахъ, относительно которыхъ вы были солнцемъ, а я не бо-лѣе какъ фотографическимъ снарядомъ...

— Полно, полно! теперь уже поздно отступать.

— Бьянка была моею любимѣйшею героиней; она сдѣлалась для меня живымъ существомъ изъ плоти и крови, и я рѣшился привести ее въ жертву только послѣ продолжительной и упорной борьбы. Не удивительно, если съ минуты закланія, моя рука нѣсколько дремала.

— Нечего отвѣтывать! — вскричали двѣ дамы. — Рука дрожала! толь-ко-то? да у тебя просто ключомъ брызгали слезы.

— Я не отвергаю этого, — я былъ окончательно разстроенъ, и это были самая сладкія слезы. Онѣ открыли мнѣ, что моя Галатея про-никнута жизнью; онѣ дали мнѣ право сказать самому себѣ; *Anda io son pittore* (и я живописецъ).

— Теперь я удовлетворена, — сказала миссъ Клара. Вы говорите такъ, какъ привычно человѣку и истинному поэту.

— М-риссъ Эвалингъ же сказала ни слова, но ее видъ показывалъ, что она въ высшей степени гордится своимъ мужемъ.

— Докончу мою исторію, — начала опять миссъ Клара. — Когда онъ былъ уже не въ состояніи продолжать, Элеонора взяла рукопись, прочла три стиха и позорно удалилась со сцены. Очередь дошла до меня; я собрала все мое мужество, придавала твердость своему голо-ву, прочла полтора стиха и зарыдала вмѣстѣ съ другими. Въ эту кри-тическую минуту Джэнь пришла съ чайнымъ подносомъ и заста-вилъ насъ съ слезахъ. При этомъ зрѣлищѣ она, въ ужасѣ, остано-вилась и — какъ она признавалась впоследствии — готова была вскри-нуть и убѣжать изъ комнаты. Намъ вдругъ пришла въ голову кончи-тельность нашего положенія, и мы всѣ трое разразились гомерическимъ смѣхомъ, который только вполнину успокоилъ Джэнь относительно того, что съ нами не случилось ничего ужаснаго. Мы употребили много времени и остроумія, чтобы объяснить ей причину нашихъ слезъ, но плохо въ этомъ успѣли; я, съ тѣхъ-поръ до настоящего времени, она подозрительно смотритъ на рукописи Джорджа, которыя, по ее выраженію, могутъ дѣлать подобныя штуки съ барыней и съ барыней.

Въ такой пріятной болтовнѣ вечеръ прошелъ незамѣтно. Лавинія, по новой просьбѣ, съѣла за фортепьяно и спѣла, къ удовольствію сво-ихъ слушателей, нѣсколько народныхъ итальянскихъ пѣсенъ, кото-рымъ она выучилась въ Римѣ.

Въ десять часовъ общество, разошлось и миссъ Клара проводила гостью въ ея комнату, чтобы посмотреть, все-ли тамъ въ порядкѣ; затѣмъ пожелала Лавиніи спокойной ночи и пріятныхъ сновъ. Если

самъ суть, но бѣды какъ отраженіе впечатлѣній, полученныхъ днемъ, то они не могли быть непріятны подѣ эту гостепріимную кровлей.

ГЛАВА ВОСЬМНАДЦАТАЯ.

НОВОЕ ЗВѢНО, СКРѢПЛЕННОЕ СТАРЫМЪ ИМЕНЕМЪ

Миссъ Клара не выходила въ слѣдующее утро къ завтраку, и нѣсколько дней сряду не присоединялась къ семейному кружку раньше обѣденнаго времени. И такъ, Лавинія оставалась на попеченіи м-риссъ Эвлингъ. Она ничего не потеряла чрезъ это: сама миссъ Клара не могла бы занимать ее съ большимъ радушіемъ и лаской. Ни одинъ уголокъ дома или сада не остался непосѣщеннымъ; оранжерея, птичникъ, ольдернейскія коровы, кохинхинскія куры — все это было поочередно предметомъ восторга и удивленія. Вниманіе Лавинія было привлечено въ особенности однимъ кусочкомъ земли, надъ которымъ м-ръ Эвлингъ трудился каждое утро такъ усердно, какъ-будто изъ-за высушеннаго хлѣба, в маленькую бесѣдку, бывшей его кабинетомъ въ жаркіе дни. М-риссъ Эвлингъ показала ей также, не безъ нѣкоторой гордости, двѣ сосны у этой бесѣдки, которыя она и мужъ ея посадили собственноручно и назвали своими именами въ день своей свадьбы, за пятнадцать лѣтъ передъ тѣмъ.

— Какая прекрасная мысль! — сказала Лавинія, онѣ сдѣлались настоящимъ изображеніемъ своихъ единомышленниковъ: онѣ такъ прямы и чръпки! я думаю ваше сердце радуется при взглядѣ на нихъ.

— Да, это правда, хотя по временамъ мнѣ бываетъ грустно при мысли, что послѣ нашей смерти онѣ перейдутъ въ чужія руки, — сказала м-риссъ Эвлингъ, со вздохомъ.— Впрочемъ, — прибавила она, покачивая головой, какъ-будто желая сбросить съ себя какое-то бремя, — это болѣе чѣмъ безразсудно — сожалѣть о томъ, чего у насъ нѣтъ, когда мы имѣемъ такъ много.

Лавинія не имѣла надобности въ болѣе ясномъ намекѣ, чтобы познать свойство горя, взторгнувшаго вздохъ изъ груди ея веселой хозяйки. Какъ ни была мила и очаровательна картина домашней жизни, на которую удалось взглянуть Лавиніи, но въ этой картинѣ не доставало одной черты, которая дала бы ей полноту: не доставало группы розовыхъ херувимовъ, рѣзнящихся на коврѣ передъ каминномъ и наполняющихъ воздухъ звуками своихъ дѣтскихъ голосовъ. Да, даже м-риссъ Эвлингъ не была исключеніемъ изъ общаго правила, что на землѣ нѣтъ полнаго счастья; даже она самая гордая и счастливая изъ женъ и сестеръ, имѣла одно желаніе, которое не было исполнено, одно въ высшей степени законное честолюбіе, которое не было удовлетворено.

Однакоже пусть читатель не воображаетъ, что это сожалѣніе было отравой ея жизни — нѣтъ; въ ея чашѣ было довольно сладости, чтобы заглушить эту каплю желчи. Мимолетныя облака грусти, нагоняемыя иногда на ея лицо этою мыслью, исчезали въ солнечномъ свѣтѣ любви, озарявшемъ ея жизнь. Древніе римскіе завоеватели не

чувствовали себя хуже отъ того, что въ дни ихъ триумфа имъ говорили, что они смертны. Можетъ быть, безъ этого обстоятельства, напоминавшаго о разочарованіяхъ, которымъ подвержены всѣ люди, нѣжное сочувствіе м-риссъ Эвлингъ къ несчастіямъ другихъ было бы менѣе полно и дѣятельно. Но не подлежитъ сомнѣнію, что это испытаніе — если только это было испытаніе — еще болѣе скрѣпило узы любви и уваженія, связывавшія два существа, надъ которыми оно тяготѣло. Жившая въ одномъ изъ нихъ мысль, что другой питаетъ желаніе, которое не удовлетворено, была для обонхъ постоянно новымъ побужденіемъ къ обмѣну взаимной вѣжності и ласки.

Этими и тому подобными изліяніями м-риссъ Эвлингъ оживляла дневные утренніе часы, сидя вмѣстѣ съ Лавиніей за шитьемъ, въ уютной гостиной Аульскомба. О чемъ другомъ могла она говорить, если не о мужѣ и сестрѣ, о которыхъ она постоянно думала? Они были для нея цѣлымъ міромъ. Клара была ангелъ, по увѣренію м-риссъ Эвлингъ. Она отказала всѣмъ, искавшимъ ея руки, чтобы жить съ зятемъ и сестрою, и дѣлать добро. Дѣлать добро — это страсть Клары. Жизнь ея была непрерывнымъ рядомъ подвиговъ благотворительности. На пространный десяты миль въ окрестностяхъ Аульскомба не было ни одного человѣка въ нуждѣ или горѣ, которому бы она не оказала помощи или утѣшенія. Больные составляли предметъ ея особенной заботливости. Въ самое это время она была центромъ и душою движенія, происходившаго во всемъ графствѣ и имѣвшаго цѣлью собрать деньги и одежду для англійскихъ солдатъ крымской арміи. Это именно дѣло заставляло ее такъ часто отлучаться изъ дому. Клара забывала себя для другихъ. Она было далеко не крѣпкаго сложенія. Миссъ Голивелль, вѣроятно, захѣтила старушечій чепчикъ, который она постоянно носила. Ей докторъ совѣтовалъ носить его, въ видахъ предохраненія себя отъ головныхъ болей, которыми она страдала безпрестанно. И при всемъ томъ ей казалось, что она сдѣлала недовольно добра, и она страстно желала найти себѣ болѣе обипривое поприще для полезной дѣятельности и самопожертвованія. — Въ этомъ мѣстѣ разговора другой, болѣе глубокій вздохъ вырвался изъ груди м-риссъ Эвлингъ; онъ по-видимому, свидѣтельствовалъ о какой-то особенной причинѣ ея безпокойства, оставшея тайною для Лавиніи.

М-риссъ Эвлингъ смотрѣла на своего мужа какъ на прекрасный идеалъ героя и гения. Она боготворила даже тѣнь его. Въ глазахъ ея онъ былъ молодымъ, прекраснымъ, даровитѣйшимъ изъ людей, исполненнымъ всевозможныхъ совершенствъ, какимъ являлся онъ въ ея дѣвическихъ грезахъ двадцать-девять лѣтъ назадъ, когда, не печатая уже поэму на восемнадцатомъ году отъ-роду, онъ пріѣзжалъ въ праздничные дни въ Аульскомбъ, къ ея отцу. Развѣ бывалъ когда-нибудь другъ, подобный Джоржу? Если она и ея сестра имѣли пріютокъ, то кому онѣ были обязаны этимъ, если не Джоржу? После смерти ея отца, м-ръ Эвлингъ, только-что начинавшій тогда свою адвокатскую карьеру, потратилъ пять лучшихъ лѣтъ своей молодости и употребилъ всю свою энергію, все свое небольшое состояніе на то

чтобы спасти остатки их имущества, которые могли еще быть спасены. Благодарение Богу, ему это удалось и онъ женился на ней не прежде, какъ по достиженіи этого счастливаго результата. Какъ приятно быть одолженнымъ тому, кого любишь!

Эти и тому подобныя открытія, разумѣется, были сдѣланы не въ сжатой и непрерывной формѣ, въ которой мы ихъ передаемъ, и притомъ не въ одинъ день; они изливались маленькими перемежающимися струйками, подѣ дѣйствіемъ едва замѣтныхъ вліяній. Однимъ изъ этихъ вліяній, безспорно, были визиты м-ра Эвлинга въ комнату дамъ. Его присутствіе оставляло послѣ себя какой-то благодѣтельный лучъ, который былъ благопріятенъ для довѣрчивыхъ вліяній. У него всегда было въ запасѣ какое-нибудь доброе, проникнутое любовью слово или дѣло. Казалось, онъ не могъ получить никакого пріятнаго впечатлѣнія безъ того, чтобы подѣлиться имъ съ своею Нелли. То это была свѣжая почка, появившаяся на экзотическомъ-нибудь любимомъ растеніи, которое она поставила въ его кабинетъ и на которое онъ обращалъ вниманіе своей жены; то какое-нибудь извѣстіе въ газетѣ, или какое-нибудь поразительное мѣсто въ книгѣ, которое, по его мнѣнію, должно было интересовать ее.

Когда онъ входилъ, по-видимому безъ всякой особенной цѣли, что случалось довольно-часто, его всегда встрѣчали вопросомъ: «Я тебѣ нужна, Джорджъ?»

Этотъ вопросъ служилъ неистощимымъ источникомъ смѣха: м-ръ Эвлингъ обыкновенно удивлялся въ такихъ случаяхъ самооболащенію нѣкоторыхъ супруговъ, которыя воображаютъ, что безъ нихъ ни минуты нельзя обойтись, и говорилъ что онъ пришелъ посмотреть не вооружили-ли здѣсь противъ него, втихомолку, миссъ Голливелль. Иногда на помянутый вопросъ онъ отвѣчалъ:

— Положимъ что мнѣ нужно взглянуть на твое милое личико: что въ томъ худого?

— А то, что ты говоришь эти слова, отвѣчала жена.

— О, лицемерка! — смѣясь возражалъ мужъ. — Слышали вы, миссъ Голливелль? Повергаю вопросъ на ваше усмотрѣніе: развѣ очень неприлично мужу говорить, что онъ хочетъ взглянуть на...

При этихъ словахъ м-риссъ Эвлингъ вставала, съ такимъ угрожающимъ видомъ, что джентльменъ давалъ тягу, доканчивая на бѣгу свою дерзкую фразу, къ сугубому гнѣву оскорбленной стороны, которая убѣгала за нимъ и исчезала изъ виду въ этой погонѣ.

На пятое утро пребыванія миссъ Лавинія въ Аульскомбѣ, миссъ Клара въ первый разъ завтракала съ остальными членами семейства.

День былъ свѣтелъ и ясенъ, земля была суха и покрыта морозомъ. Погода какъ-равъ такая, какая нужна для хорошей прогулки, — зашла миссъ Клара. — Не угодно-ли вамъ идти со мной, миссъ Голливелль?

Лавинія отвѣчала утвердительно, и онѣ вышли изъ дому. Нѣкоторое время онѣ шли молча. Миссъ Клара имѣла очень серьезный видъ.

— Надѣюсь у васъ не болитъ голова? спросила Лавинія.

— О, нѣтъ! я совсѣмъ здорова, благодарю васъ,—отвѣчала миссъ Клара, но только я въ затрудненіи и досадѣ.

— Но ничего серьезнаго не случилось, надѣюсь? снова спросила Лавинія съ участіемъ.

— Нѣтъ, только неприятное, и къ сожалѣнію, это касается васъ, миссъ Голливелль.

Лавинія вздрогнула.

— Я слышала отъ м-риссъ Эннерли... продолжала миссъ Клара. При этомъ имени лицо Лавиніи вытянулось.

— Нѣтъ никакой причины тревожиться,—поспѣшила прибавить миссъ Клара—вы знаете, что вы находитесь между друзьями, которые позаботятся о васъ, что бы ни случилось.

— Значить м-риссъ Эннерли отказывается пр... принять меня,—заиницаясь проговорила Лавинія.

— Не то, чтобы отказывается,—но ей не нравится вашъ трауръ, какъ я съ самаго перваго раза предвидѣла; впрочемъ, я не думаю, чтобы подобное препятствіе могло имѣть какой-нибудь вѣсъ, еслибы она васъ увидѣла. Какъ бы то ни было, но я замѣчаю, что моя тетка вообразила...—Вы видите, какъ я неискусна въ дипломатию,—докончила миссъ Клара съ принужденнымъ смѣхомъ.—Сказать короче,—продолжала она рѣшительно,—моя тетка намекнула, что ей хотѣлось бы уничтожить обязательства въ которое она вступила съ вами, и уничтожить, если возможно, на почетныхъ и пріятныхъ для обѣихъ сторонъ условіяхъ; но она готова лучше остаться при прежнемъ своемъ соглашеніи, чѣмъ обидѣть кого бы то ни было.

Послѣ минутнаго размышленія, Лавинія робко сказала:

— Я не стану пользоваться деликатною совѣстливостію м-риссъ Эннерли и, такъ сказать, втираться насильно въ ея домъ, претитъ ея желанію.

— Разумѣется, если бы я не была почти увѣрена, что это желаніе м-риссъ Эннерли измѣнится, какъ только она васъ увидитъ,—сказала миссъ Клара.—У меня есть другіе мотивы совѣтовъ вамъ принять предложеніе ея на счетъ уничтоженія вашего обязательства. Послушайте меня, миссъ Голливелль. Я не имѣю ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что моя тетка, если бы я посоветовала ей это, тотчасъ же и, притомъ ласково, приняла бы васъ и скоро бы васъ полюбила. Я не сомнѣваюсь также, что всякое непримѣнное вліяніе, которое вы могли бы встрѣтить въ ея домѣ, могло бы быть побѣждено кротостію и искренностію вашего характера; но я боюсь, что вы не будете тамъ счастливы. Я не думаю, чтобы съ вашими вкусами и привычками, какъ я ихъ понимаю, вы могли бы легко примѣниться къ вкусамъ м-риссъ Эннерли. Напр., она постоянно окружена большимъ обществомъ, и много принимаетъ у себя гостей. Во время уличскаго сезона домъ ея самый веселый и шумный изъ всѣхъ. Не васъ ли это?

— О, нѣтъ!—поспѣшно отвѣчала Лавинія,—мнѣ надобны забавы; я буквально жажду тишины и уединенія.

— Я угадала это, сказала миссъ Клара, — и рада, что спросила вашего мнѣнія на этотъ счетъ. Вы очень меня обяжете, если напи-

шите леди Уиллингфордъ по-возможности въ такомъ смыслѣ, чтобы настоящее обстоятельство не бросило тѣни на характеръ моей тетки.

— Я оправдаю м-риссъ Эннерли совершенно, и напишу письмо къ ней самой, — сказала Лавинія, — если вы не имѣете ничего противъ этого.

— Напишите, это будетъ очень мило съ вашей стороны; сбѣлаемъ ей золотой мостъ, по которому она могла бы убѣжать отъ излишнихъ упрековъ своей совѣсти. Разумѣется, она должна дать вамъ приличное вознагражденіе.

— Не сочтете-ли вы надменностью съ моей стороны, если я вамъ скажу, что мнѣ не хотѣлось бы принимать никакого вознагражденія?

— Почему?

— Вы всѣ были такъ добры ко мнѣ, что мнѣ было бы совѣстно принимать деньги отъ кого-нибудь изъ вашей фамилии.

Миссъ Клара увидѣла, что Лавинія съ трудомъ удерживаетъ свои слезы, и сказала:

— Хорошо, хорошо, я не буду болѣе настаивать покамѣстъ. А теперь, прошу васъ, будьте веселы по-прежнему. Вамъ нечего бояться будущаго, — прибавила миссъ Клара, — намъ не будетъ очень трудно найти вамъ мѣсто по вашему вкусу. А въ ожиданіи этого мы удержимъ васъ въ Аульскомбѣ, какъ искуснѣйшую пивею. Можетъ быть, даже, я попрошу васъ продлить ваше пребываніе въ Аульскомбѣ на неопредѣленное время: попрошу замѣнить меня, пока я буду въ отсутствіи.

— Вы развѣ уѣзжаете? — спросила Лавинія тономъ непріятнаго удивленія.

— Да, и довольно на долгое время, только не теперь еще, — отвѣчала миссъ Клара съ нѣкоторой сдержанностью. Лавинія не сказала ничего болѣе, и онѣ продолжали свою прогулку молча и задумчиво.

Лавинія первая заговорила опять.

— Такъ-какъ вы столько добры, что принимаете участіе въ моей судьбѣ, сказала она, то я осмѣлюсь сообщить вамъ объ одномъ моемъ желаніи, которое можетъ быть мнѣ удастся осуществить теперь, когда мое обязательство съ м-риссъ Эннерли кончилось. Я такъ не сбѣдуша во всѣхъ практическихъ дѣлахъ жизни, что нуждаюсь въ совѣтѣ и помощи. Какъ вы думаете: довольно будетъ пятидесяти фунтовъ для проѣзда на Востокъ?

— На Востокъ? — повторила миссъ Клара съ величайшимъ удивленіемъ. Вы въ самомъ дѣлѣ положительно думаете отправиться на Востокъ?

— Да, чтобы служить тамъ въ качествѣ сестры въ какомъ-нибудь изъ госпиталей, — сказала Лавинія. Это было моею почти одновременно мыслью, съ тѣхъ поръ, какъ я имѣла счастье познакомиться съ вами. Я была бы такъ счастлива, о! такъ счастлива! — сбѣдать что-нибудь для моихъ бѣднѣшекъ.

— Я въ состояніи понимать васъ и сочувствовать вашему желанію, — сказала миссъ Клара; но въ тоже время, пожалуйста не прядите

въ худую сторону, если я посоветую вамъ остерегаться необдуманной и опрометчивой рѣшимости. Вы почувствовали призваніе къ обязанности подобнаго рода еще такъ недавно... не лучше-ли вамъ сперва испытать себя?

— Можетъ быть, — кротко сказала Лавинія. — хотя то, что вы называете моимъ призваніемъ, относится къ болѣе давнему времени, чѣмъ вы думаете. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, если бы только я умѣла устроить это, я пошла бы служить въ лондонскихъ больницахъ. Да, съ самаго того дня, когда я узнала какъ много на свѣтѣ бѣдствій и горя — прежде я не знала и не думала ничего объ этомъ, съ того самаго дня, впрочемъ, не очень давняго, я каждое утро и каждый вечеръ молила Бога, чтобы онъ не далъ мнѣ умереть не сдѣлавъ чего-нибудь полезнаго.

— Развѣ вы не имѣете никакихъ семейныхъ узъ, которыя бы васъ связывали?

— Никакихъ: я сирота.

— И никого, съ кѣмъ бы вамъ посоветоваться, чье одобреніе было бы вамъ необходимо!

— Никого, кромѣ леди Уиллинфордъ, безъ согласія которой я не хотѣла бы принять ничего рѣшительнаго.

— Въ такомъ случаѣ, — сказала миссъ Клара, — если леди Уиллинфордъ будетъ согласна и если въ теченіе трехъ недѣль отъ этого времени вы не измѣните своего намѣренія, то наше желаніе будетъ исполнено. Въ концѣ января мы вмѣстѣ отправимся въ Скутари.

— Вмѣстѣ? вы туда ѣдете? — вскричала Лавинія съ величайшимъ изумленіемъ.

— Да, говоря, что уѣзжаю на нѣкоторое время изъ дому, я намекала на мое предполагаемое путешествіе на Востокъ; это дѣло рѣшено болѣе чѣмъ мѣсяць назадъ.

— Теперь я понимаю, — сказала Лавинія — что разумѣла м-риссъ Элингъ, когда, однажды, рассказывая обо всемъ добрѣ, которое вы дѣлали дома, она прибавила, что вы жаждете болѣе-обширной сѣеры для полезной дѣятельности и самопожертвованія.

— М-риссъ Элингъ смотритъ на мои скромныя дѣла въ сосѣдствѣ глазами пристрастной сестры, т. е. сквозь увеличительное стекло любви. Кстати я должна васъ предупредить, что для избавленія себя, по возможности, отъ горестныхъ чувствъ по поводу близкой разлуки, мы всѣ безмолвно согласились избѣгать всякаго намека на мой отъѣздъ. Намъ и безъ того довольно тяжело при этой мысли, — прибавила миссъ Клара со вздохомъ. — Мы такъ нѣжно любимъ другъ друга! мы такъ счастливы вмѣстѣ, что иногда мнѣ хочется спросить себя: имѣю-ли я право рѣшиться на то, что я предприняла. И однакоже я чувствую къ этому такое сильное, непреодолимое влеченіе, ..

Разговоръ принялъ слишкомъ интимный характеръ, такъ что Лавинія не рѣшилась сдѣлать никакого замѣчанія на эти слова миссъ Клары, и объ онѣ опять замолчали. Это молчаніе было прервано не прежде, какъ онѣ вышли изъ небольшого лѣса на дорогу, которая

пересѣкала нѣсколько долинъ и господствовала надъ всѣми окрестностями. Видъ былъ довольно печаленъ тамъ, гдѣ зрѣніе останавливалось на обнаженной холмистой возвышенности; но къ югу холмы спускались граціозными склонами въ маленькія долины, которыя лежали, такъ сказать, у ихъ ногъ; это были веселые уголки, усѣянные кустарниками, плетнями, лугами, фермами, дачами и усадьбами. Нѣсколько далѣе колокольни и церковныя башни стараго города Уэргэма видѣлись изъ-за обнаженныхъ деревьевъ, явственно вырѣзываясь на небѣ. Обширная полоса моря занимала все остальное пространство до горизонта.

— Это мое любимое мѣсто,—замѣтила миссъ Клара,—надѣюсь, вы въ восторгѣ отъ моего Дорсетшира.

— Да, сказала Лавинія,—онъ хорошъ даже теперь, въ этой суровой зимней наготѣ: какъ онъ долженъ быть очарователенъ лѣтомъ, когда онъ покрытъ зеленью!—И между тѣмъ, какъ она смотрѣла на многочисленныя дачи, разбѣяныя вдаль и вблизи, взгляды ея остановились на одной изъ нихъ, стоявшей на переднемъ планѣ и напоминавшей ей, по ея словамъ, итальянскія виллы, не столько своими благородными размѣрами и обширнымъ портикомъ, сколько двумя величественными кипарисами, которые стояли впереди его, — очень обыкновенное украшеніе въ Италіи, предъ всякимъ хорошимъ жилищемъ. Закрытыя ставни и другіе признаки запущенія ясно показывали, что этотъ домъ былъ пустъ; и Лавинія выразила удивленіе, почему такое хорошенькое жилище остается необитаемымъ.

— Бѣдный Сайпресъ-Голь (кипарисовая усадьба)!—сказала миссъ Клара со вздохомъ.—Вотъ уже девять лѣтъ, какъ онъ брошенъ. Его владѣлецъ живетъ за границей.

По тону, съ какимъ были произнесены эти слова, Лавинія почувствовала, что Сайпресъ-Голь соединенъ для миссъ Клары съ тягостными воспоминаніями, и замолчала.

По возвращеніи въ Аульскомбъ, первымъ дѣломъ Лавиніи было написать къ м-риссъ Эннерли и къ леди Уиллинфордъ, какъ она обѣщалась это сдѣлать. Прежде отправленія писемъ, она показала ихъ миссъ Кларѣ. Скажемъ теперь же, что она получила удовлетворительныя отвѣты. М-риссъ Эннерли прислала въ своемъ письмѣ билетъ на двадцать фунтовъ стерлинговъ, который Лавинію убѣдила принять, и такимъ образомъ важныя переговоры кончились, къ взаимному удовольствію всѣхъ сторонъ.

Послѣ этого, Лавинія сдѣлалась неразлучною спутницей миссъ Клары въ ея благотворительныхъ экспедиціяхъ, и оказалась очень послушною и способною помощницей въ искусствѣ ходить за больными. Подобно всѣмъ благотворительнымъ дамамъ, живущимъ въ деревнѣ, миссъ Клара обладала довольно-значительнымъ запасомъ свѣдѣній въ медицинѣ, и всему, что знала сама, она научила Лавинію, которая въ выборѣ лекарствъ скоро сдѣлалась столько же искусною; какъ и ея учительница.

Никогда еще Лавинія не была такъ занята и счастлива.

Ея застѣнчивость и чувство своего низкаго положенія въ обще-

ствъ вчерева подъ вліаніємъ теплаго радушія ея хозяевъ. Они обхо-
дились съ нею такъ, какъ-будто она принадлежала къ ихъ семей-
ству, и сама она скоро стала считать себя его членомъ. Такъ про-
ходили дни и недѣли, быстро и дѣятельно въ своемъ пріятномъ од-
нообразіи. Впрочемъ, въ этотъ періодъ времени произошло малень-
кое приключеніе, упомянуть о которомъ мы имѣемъ основательныя
причины.

Однажды вечеромъ какое-то случайное замѣчаніе Лавиніи дало по-
водъ къ разговору объ осадѣ Рима, и, между другими фактами, она
сказала, что однимъ изъ самыхъ ревностныхъ защитниковъ Вѣчнаго
города въ 1849 г. былъ одинъ англичанинъ, по имени Торнтонъ. За
этими словами вдругъ послѣдовала одна изъ тѣхъ неловкихъ паузъ,
которыя такъ тягостны для всѣхъ присутствующихъ, а въ особен-
ности для того, кто бываетъ ихъ невольною причиною. Такое внезап-
ное молчаніе было тѣмъ поразительнѣе, что разговоръ до этихъ
перъ отличался особеннымъ одушевленіемъ. Миссъ Клара первая
оправилась, но всѣ ея усилія не могли разбѣять холодъ овладѣвшій
всѣмъ обществомъ. Когда наступило время ложиться спать, то всѣ
почувствовали облегченіе, и разошлись. Миссъ Клара проводила Ла-
винію въ ея комнату,

— Я должна кое-что объяснить вамъ и извиниться передъ вами,
сказала она.

— Извиниться?— повторила Лавинія съ удивленіемъ, — въ чемъ?

— Въ томъ, что я сидѣла не раскрывая рта, въ то время, когда
миѣ слѣдовало не допустить васъ огорчиться загадочною переминой,
которая вдругъ произошла въ расположеніи духа моего зятя и мо-
ей сестры. Для объясненія этой перемины, я должна вамъ сказать,
что имя, которое вы произнесли въ этотъ вечеръ, не упоминалось
въ Дульскомбѣ уже нѣсколько лѣтъ и, сверхъ того, оно непріятно
всѣмъ домашнимъ кромѣ меня.

— Какая досада, что я попала какъ разъ на это имя!— воскликну-
ла Лавинія.

— Какъ могли вы знать?— возразила миссъ Клара, прибавивъ по-
сѣтливо и съ большимъ волненіемъ:— джентльменъ, по имени Торн-
тевъ, былъ нѣкогда нашимъ сосѣдомъ и другомъ; Сайпресъ-Голь,
который имъ такъ поправился однажды, принадлежалъ ему. Въ одну
несчастную минуту, между нимъ и моимъ семействомъ, произошло
недоразумѣніе — замѣйте, это была моя вина, да, моя вина;— онъ
уѣхалъ и съ тѣхъ поръ о немъ не было никакихъ слуховъ. Всѣ об-
стоятельства, по-видимому, говорили противъ Торнтонъ, и, въ своей
слѣпой любви ко миѣ, Джоржъ и Нелли свалили всю вину на него.
Я, зная его лучше, считала своею обязанностью защищать его; и
это различіе въ мнѣніяхъ повело къ нѣкоторому несогласію между
нами, для избѣжанія котораго мы безмолвно согласились не упоми-
нать вовсе объ этомъ предметѣ и даже не произносить имени, кото-
рое связано съ нимъ.

— Миѣ такъ досадно, такъ больно, — воскликнула Лавинія, — что я,
наивно не подозревая, вызываю въ васъ эти горькія воспоминанія!

— Не столько горькія, какъ вы думаете; между нами есть и слѣдія. Если во мнѣ есть что-нибудь хорошее, то этимъ я обязана тому, что упомянутое событіе заставило меня оглянуться на самое себя. Біеніе благороднаго сѣдла, которое я уязвила, во-время предостерегло меня. Но полно обо мнѣ. Разкажите о Торнтонѣ, котораго вы видѣли въ Римѣ; онъ высокъ, очень красивъ?

— Да; ему будетъ, кажется, около пятидесяти лѣтъ.

— Ну, такъ это должно быть не онъ. Сайпресгольскій м-ръ Торнтонъ не можетъ имѣть болѣе тридцати-семи лѣтъ отъ-роду.

— Тотъ, котораго я знала, навѣрно гораздо старше; прочемъ, можетъ быть, онъ казался старше отъ того, что его волосы и борода были почти совсѣмъ сѣдые. Кстати, имя этого Торнтона было Мортимеръ.

— Такъ это онъ! — сказала миссъ Клара. — сѣдые волосы! а въ двадцать-восемь лѣтъ онъ казался гораздо моложе своего возраста.

— Почти совсѣмъ сѣдые, повторила Лавинія. — Онъ должно быть, жестоко страдалъ; да это и дѣйствительно такъ: онъ говорилъ мнѣ объ этомъ, — не въ Римѣ, а тогда не могла его терпѣть: онъ былъ такъ важенъ и разсудителенъ, принималъ все такъ серьезно, между тѣмъ какъ я была такъ безразсудна и легкомысленна. Только въ минуту постигнувшаго меня испытанія я узнала дѣву этому человеку: о, это благороднѣйшій и добрѣйшій изъ людей! Мнѣ кажется, что безъ него я сошла бы съ ума. А между тѣмъ у него самого было много горя въ это время, и все чрезъ мое легкомысліе. Должна-ли я рассказать вамъ, какъ это случилось? О, да, если вы мнѣ позволите, хотя бы для того, чтобы вызвали, какъ много я обязана ему, и какъ много я виновата.

Миссъ Клара охотно приняла это предложеніе и кающаяся Лавинія рассказала горькія происшествія своего послѣдняго пребыванія въ Парижѣ. Она начала неблагопріятными обстоятельствами, которые сопровождали пріѣздъ туда молодаго римскаго живописца, описала роковой балъ въ городской ратушѣ, помѣшательство и исчезновеніе Каоло, внезапную болѣзнь м-риссъ Джонсъ, и заключила свой рассказъ сильнымъ припадкомъ слезъ.

Миссъ Клара съ живѣйшимъ участіемъ выслушала эту грустную повѣсть и не скупилась на слова утѣшенія.

— Вы были болѣе несчастны, чѣмъ виновны, — сказала она, Какъ ни тяжело быть орудіемъ страданія другихъ, но для васъ есть утѣшеніе въ сознаніи, что, по крайней мѣрѣ, вы были такимъ орудіемъ неумышленно.

— Но вредъ остается тѣмъ не менѣе вредомъ, — возразила Лавинія.

— Увы! это слишкомъ справедливо, — сказала миссъ Клара съ глубокимъ чувствомъ человѣка, говорящаго на основаніи собственнаго горькаго опыта. — Все что мы можемъ дѣлать, это — стараться заглавить свою вину. Такъ вы послѣ того уже ничего не слыхали объ этомъ итальянцѣ?

— Ничего; Торнтонъ тоже ничего не слыхалъ до времени послѣдняго письма его ко мнѣ, отправленнаго въ маѣ мѣсяцѣ. Съ тѣхъ поръ

всѣ мои письма къ нему остались безъ отвѣта, и когда я стараюсь угадать причину этого молчанія, то мнѣ становится страшно.

— Будемъ надѣяться на лучшее, — сказала миссъ Клара. — Проѣзжая чрезъ Парижъ, мы будемъ имѣть удобный случай разспросить о м-рѣ Торнтонѣ на мѣстѣ, откуда было послано это послѣднее его письмо къ вамъ, и вѣроятно. получимъ какія-нибудь свѣдѣнія, которыя наведутъ насъ на его слѣдъ. Если такъ — и что-то говоритъ мнѣ что это будетъ такъ — то онъ письменно или словесно сообщитъ вамъ извѣстія о своемъ римскомъ другѣ, которыя васъ успокоятъ. Пути Промысла неисповѣдимы, моя милая миссъ Голивелль. Кто могъ бы подумать, что чрезъ васъ, особу, которая нѣсколько недѣль тому назадъ была для меня совершенно чужою, я послѣ девятидѣтнаго промежутка, получу такія утѣшительныя извѣстія о дорогомъ другѣ моей юности, — утѣшительныя въ томъ смыслѣ, что какія бы измѣненія ни были произведены въ его тѣлѣ жестокими испытаніями, которыя онъ перенесъ, душа его осталась неизмѣнною; что онъ тотъ же самый честный, благородный и добрый человѣкъ, какимъ я его знала и продолжала считать до настоящей минуты. Конечно онъ имѣлъ свои недостатки — кто ихъ не имѣетъ? — Онъ былъ болѣзненно раздражителенъ, требователенъ, исключителенъ во всемъ; но благородство его сердца вознаграждало за все это. Онъ въ очень раннихъ лѣтахъ испыталъ несправедливость и притѣсненія. Мачиха ненавидѣла его, опекунъ обманывалъ его, и, чтобы возвратитъ себѣ свою собственность, опъ долженъ былъ вести упорную борьбу въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Что удивительнаго, если, подъ вліяніемъ такихъ обстоятельствъ, характеръ его сдѣлался раздражительнымъ, и онъ сталъ смотрѣть болѣе на темную, чѣмъ на свѣтлую сторону человѣческой природы.

Такимъ образомъ эти двѣ нѣжныя любящія души тѣснѣе и тѣснѣе сближались одна съ другою, и сѣмена, брошенныя взаимнымъ участіемъ и симпатіей, подъ вліяніемъ новой общности интересовъ и чувствованій, возрастали быстро и сильно, и произвели благословенный цвѣтокъ сестринской дружбы.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДАТАЯ.

Открытие въ Парижѣ.

Отъѣздъ миссъ Клары и Лавиніи былъ назначенъ на 25 января. Обѣ онѣ принадлежали къ большой партіи официально принятыхъ сидѣлокъ, — которая должна была отправиться изъ Марселя, на пароходѣ «Vectis», 3-го февраля, въ случаѣ благополучной погоды. Общій сборъ былъ назначенъ въ домѣ англійскаго посольства въ Парижѣ, не позже 31 января. Имѣя въ виду устроить свое личное дѣло въ Парижѣ, именно собрать свѣдѣнія о Торнтонѣ, наши двѣ англичанки рѣшились пріѣхать туда за нѣсколько дней раньше назначеннаго срока.

Прежде чѣмъ продолжать нашъ разсказъ, мы должны упомянуть,

что Лавинія предварительно написала письмо къ леди Уллингфордъ, и получила отъ нея не только согласіе на предполагаемое путешествіе и дозволеніе употребить на него пятьдесятъ фунтовъ, данныхъ ей сіятельствомъ, но кромѣ того еще такую же сумму денегъ, вывѣсть съ безчисленными похвалами и благословеніями. Съ подюжины листовъ самаго крупнаго формата, составлявшіе письмо леди Августы, едва можно было разобрать, не столько по причинѣ мелкаго, убористаго почерка и строкъ, перекрещенныхъ другими строками, сколько по причинѣ расплывшихся по бумагѣ пятнѣнъ, представлявшихъ такой видъ, будто она была подъ дождемъ.

Послѣдняя недѣля пребыванія ихъ въ Аульскомбѣ была большимъ испытаніемъ для всѣхъ его обитателей. Грустно и трогательно было видѣть какъ обѣ сестры старались обмануть одна другую притворною безпечностью и веселостью, которая, однакоже, не обманывала никого. Никогда миссъ Клара не дѣлала своихъ благотворительныхъ экспедицій съ большою регулярностью, никогда не была она болѣе неутомима въ своихъ заботахъ объ оранжереѣ, курятникѣ, птичникѣ и сырнѣ; никогда не выказывала она большаго интереса по поводу ожидаемаго теленка или почки рѣдкой камелии, которая должна была скоро распуститься,—какъ будто бы вся жизнь ея должна была пройти въ этихъ занятіяхъ. Никогда м-рисъ Эвлингъ не была дѣлательнѣе и избрѣтательнѣе относительно улучшеній по разнымъ частямъ своего маленькаго хозяйства; а м-ръ Эвлингъ былъ необыкновенно разговорчивъ и шутливъ и выказывалъ особенное прилежаніе въ сочиненіи своей поэмы, которая, однакоже, по той или другой причинѣ, не слишкомъ-то быстро подвигалась впередъ.

Но по временамъ происходили внезапныя паузы, внезапные выходы, неожиданныя возвращенія съ красными глазами, чего никто не замѣчалъ, разумѣется.

Набросимъ покровъ на сцену разлуки. Она была тяжела какъ всѣ разставанья, и тяжелѣе чѣмъ большая часть изъ нихъ. Еслибы путь долго былъ усыянъ розами, то въ чемъ бы состояла заслуга—идти по немъ? Дорогая сестра утѣжала не одна, и это было утѣшеніемъ. Она имѣла возлѣ себя милую, любящую подругу, которая не оставитъ ее, будетъ заботиться объ ней, если—Боже избави!—съ нею случится какое-нибудь несчастіе: любовь всегда исполнена мрачныхъ опасеній. Однакоже двѣ путешественницы благополучно пріѣхали въ Парижъ, на другой день около десяти часовъ вечера.

Хотя отъ отеля «Голландія» находившагося въ улицѣ Мира (rue de la Paix), гдѣ онѣ остановились, до дома Ново-Сентъ-Огюстинской улицы, откуда Торнтонъ прислалъ свое послѣднее письмо, было не болѣе какъ около двухсотъ шаговъ разстоянія, но онѣ отправились туда въ экипажѣ, въ которомъ миссъ Клара могла бы ожидать результата разспросовъ Лавиніи. Наша героиня была введена въ гостиную, гдѣ сидѣли двѣ женщины почтеннаго вида; одна изъ нихъ подошла къ Лавиніи и спросила—что ей угодно. Лавинія, съ большими извѣстіями, рассказала ей о дѣлѣ своего прихода. Услыхавъ ея слова, другая изъ двухъ дамъ, пріятливая женщина среднихъ лѣтъ и пріятной наруж-

ности, не говорящая ничего до этих поръ, подошла въ свое оде-
ржа къ англичанкѣ

— Вы должны быть миссъ Джэнь, жившая въ прошломъ году на
бульварѣ Канупинновъ? сказала она.

— Да; а вы, вѣрно, мадамъ Франсуазъ, о которой г-нъ Торн-
тонъ, такъ часто упоминаетъ какъ о самой превосходной изъ хо-
зяекъ?

— Именно.—отвѣчала маламъ Франсуазъ, кланяясь.—Справедлива
поговорка, что только гора съ горой не сходится. Что касается до обя-
зательности къ м-ру Торнтону, то въ ней не было большой заслу-
ги. Я никогда не встрѣчала челоѵка такого неприхотливаго, раз-
судительнаго и любезнаго — жаль что онъ былъ такъ страненъ; я
знаю что всѣ англичане оригинальны, но онъ въ особенности отди-
чался этимъ качествомъ во время своего послѣдняго прїѣзда въ Па-
рижъ... Я всегда боялась, что онъ кончитъ такимъ образомъ.

— Кончить .. какъ? — спросила Лавинія, въ смертельномъ страхѣ.

— Неужели вы не знаете? м-ръ Торнтонъ, со .. мадамъ Франсу-
азъ доковчила свою фразу, нѣвою пантомимой: она подняла свою пра-
вую руку къ лбу, и сбѣжала ею значительный круговращательный
жестъ.

— Надѣюсь, онъ не сошелъ съ ума! — вскричала Лавинія въ испугѣ.

— Увы! — громко вздохнула мадамъ Франсуазъ, — это фактъ. И она
тогдашъ-же начала было излагать подробности обстоятельствъ, про-
исходившихъ до, во время, и послѣ этой грустной катастрофы; но
Лавинія, со многими извиненіями, остановила ее и, обращаясь къ той
изъ двухъ женщинъ, которая, по видимому, была хозяйкой дома,
сказала:

— Вы мнѣ позволите, мадамъ, позвать сюда мою прїятельницу,
которая дожидается тамъ внизу, въ фіакрѣ? Это старая знакомая
м-ра Торнтона, и потому она также нетерпѣливо желаетъ узнать —
что съ нимъ случилось.

Разумѣется, просимое позволеніе было дано, и Лавинія, въ сво-
емъ крайнемъ волненіи, быстра сойдя съ лѣстницы, разомъ сказала
своей спутницѣ о несчастномъ событіи. Это вѣвѣстіе до того по-
разило миссъ Клару, что, по мнѣнію Лавиніи, было лучше не разспра-
шивать болѣе о Торнтонѣ на этотъ разъ. Но миссъ Клара, напря-
женнѣйшимъ усиліемъ воли, возвративъ свое хладнокровіе, не хотѣла и
слышать объ острочкѣ.

— Вы понимаете, что время дорого, сказала она; можетъ быть,
мы будемъ ему еще полезны.—И минуто спустя, двѣ подруги сидѣ-
ли въ маленькой гостиниѣ мебелированной квартиры и, блѣдныя и
безмолвныя какъ мраморныя статуи, слушали грустный разговоръ.

Какъ моръ, ма сего, топсіеиъ Торнтонъ вообразить, что онъ убійца,
заклѵчила голорливая матрона, — онъ, который не обидѣлъ бы мухѣ!
вотъ ужъ этого я не могу понять. Чтобы знать, какое у него доб-
рое сердце, надобно было видѣть, какъ онъ заботился о своемъ мо-
лодомъ другѣ, — скорѣе какъ мать, нежели какъ отецъ. Онъ такъ
ухаживалъ за нимъ: сие хочешь-ли ломтикъ хлѣба, или рюмку ви-

ий, Польш, или булбуку, или чашку чаю? и не пройтись-ли немца это будет для тебя полезно; словомъ, онъ старался вслѣдствіи угождать своему мосье Полю. И такъ часто, ночью и днемъ, онъ прислушивался у дверей своего молчаливаго друга! и не удивительно, потому что, если кто-нибудь былъ достоинъ сожалѣнія, такъ это мосье Поль; онъ былъ такъ разстроенъ, блѣденъ, какъ будто его выгнали изъ могилы. О Боже! я не удивляюсь, что мистеръ Торнтонъ сошелъ съ ума; да, это для меня нисколько не удивительно.

Уже въ двадцатый разъ было упоминаемо имя Поля, причеиъ у Лавини постоянно готовъ былъ сорваться вопросъ, замиравшій на губахъ ея при мысли объ ужасномъ отвѣтѣ, который она можетъ услышать. Угаданъ причину молчанія своей подруги, миссъ Клара наконецъ рѣшилась сдѣлать этотъ вопросъ:

— Нигдѣ-ли вы извѣстия о мосье Поля?

— О, да; благодаря Бога, онъ потомъ вернулся, — отвѣчала мадамъ Франсуазъ (Лавини сложила руки и подняла глаза къ небу — о какой это былъ взглядъ!) — Одинъ молодой человекъ изъ Эвре, съ которымъ я очень хорошо знакома, по имени Куранъ, — продолжала мадамъ Франсуазъ, — изучавшій юриспруденцію въ Парижѣ, встрѣтился съ нимъ въ юль, или въ августѣ мѣсяцѣ гдѣ-то въ Латинскомъ кварталѣ. Мосье Поль только-что оправился отъ серьезной болѣзни; онъ былъ такъ слабъ, такъ меланхоличенъ, блѣденъ, и нетерпѣливо желалъ вернуться на родину. Въ послѣдній разъ, какъ мосье Куранъ его видѣлъ, мосье Поль хлопоталъ о паспортѣ. Я думаю, онъ получилъ его, и теперь въ безопасности дома. Это былъ прекрасный молодой человекъ, не похожій на другихъ молодыхъ людей, — онъ не ходилъ ни на балахъ, ни по кантатерскимъ — ни по какимъ подобнымъ мѣстамъ. Этотъ Куранъ, сказать мимоходомъ, новѣса, хотя въ сущности добрый малый — сильно бывало надъ нимъ подтрунивалъ, и называлъ его сантиментальнымъ. А лучше было, еслибы онъ самъ былъ немного посантиментальнѣе, что есть Куранъ: тогда бы онъ не лежалъ больной въ Эвре, и не былъ бы на ножахъ съ своимъ дядей, который клянется, что лишить его наслѣдства.

Какъ только мадамъ Франсуазъ остановилась перевести духъ, посетительницы встали чтобъ уйти, и затѣмъ бывшая хозяйка Торнтона и ея пріятельница начали осыпать ихъ предложеніями услугъ, врося англичанокъ заходить опять. При этомъ, мадамъ Франсуазъ объясняла, что она можетъ располагать своимъ временемъ до половины марта, такъ-какъ она находится теперь въ гостяхъ у своей пріятельницы.

Получивъ адресъ доктора Террела, начальника лечебницы, гдѣ находится Торнтонъ, Лавини, по желанію миссъ Клары, велѣла кучеру ѣхать туда. Во время этой продолжительной поѣздки, онъ говорилъ мало. Узнавъ, что человекъ, котораго мы давно уже потеряли изъ виду, живъ и здоровъ слыша рассказы о его болѣзни, его добротѣ, его грусти; встрѣтивъ любимаго и уважаемаго друга, о которомъ мы

не имѣла нѣвѣстій цѣлыя девять лѣтъ, въ домѣ ума-лишнихъ, не возможно противостоятъ приливу чувствъ слишкомъ глубококъ для того, чтобы ихъ высказывать. Полное симпатіи пожатіе руки, было нѣмымъ языкомъ, вполне вразумительнымъ для двухъ по-другъ.

Лечебница доктора Тернеля находилась на западномъ краю Парижа, близъ Марсова поля. Мы нахвренно говоримъ въ прошедшемъ времени, потъ му-что это уже дѣло прошлое. Даже этотъ спокойный, отдаленный уголокъ съ своими тѣнистыми аллеями и столѣтними ливанскими кедрами былъ опустошенъ перемѣнами, которыя до такой степени преобразовали видъ Парижа въ теченіе послѣднихъ лѣтъ.

Рѣшетка, ограждавшая заведеніе, была подбита зелеными досками, которыя защищали внутренность его отъ взгляда проходящихъ. Помѣщеніе привратника справа, уютный маленькій домикъ слѣва и, прямо за лужайкой, содержимой въ порядкѣ, изящная вилла подъ тѣнью деревьевъ.—таковъ былъ видъ представлявшійся посѣтителемъ. Если названіе виллы покажется неумѣстнымъ, то мы, пожалуй, сравнимъ это жилище съ какою-нибудь дачею богатаго человѣка. Обширные сады, прилегающіе къ нему, простырались отъ улицы Св. Доминика, гдѣ находился главный входъ, до Университетской улицы. Въ дальнемъ разстояніи отъ береговъ Сены, наши двѣ англичанки прошли черезъ дворъ и вышли въ правую боковую дверь зданія. Слуга встрѣтилъ и провелъ ихъ въ кабинетъ доктора.

Докторъ Тернель былъ маленькій худощавый господинъ около пятидесяти лѣтъ, въ черномъ платьѣ, бѣлоснѣжномъ галстухѣ и въ рубашкѣ съ высокими воротничками. Во всей его наружности не было ничего особенно замѣчательнаго, исключая губъ, исполненныхъ хитрости, и общаго выраженія добродушія. Можетъ быть, не смотря на вѣжливую откровенность его манеръ, болѣе проникательный наблюдатель, чѣмъ какими могли быть наши англичанки въ эту минуту, замѣтилъ бы въ его глазахъ и во всей его фигурѣ что-то сдержанное и осторожное, имѣвшее характеръ вооруженнаго нейтралитета вѣроятно результатъ его о бращенія съ умалишенными, которое не разъ угрожа-ло ему большими опасностями. Но десяти секундъ наблюденія надъ двумя прекрасными лицами было достаточно для обезоруженія доктора; и въ его ясныхъ, сѣрыхъ глазахъ теперь не было уже ничего кромѣ вопроса.

Миссъ Клара, которая не приготовилась предварительно къ ясному изложенію причины своего посѣщенія, почувствовала себя неловко при этомъ нѣмомъ вопросѣ, и сказала наудачу:

Мы—англичанки (утвердительно кивокъ и полу-улыбка доктора показывали, что она могла бы обойтись безъ этого предисловія) я хочу сказать что мы соотечественницы одного джентельмена, который, какъ мы узнали сегодня утромъ, принадлежитъ къ числу вашихъ паціентовъ п...

— И потому,—прервалъ докторъ, подсказывая ей окончаніе фразы—принимаете участіе въ немъ, какъ въ соотечественникѣ. Между мож-

ни націоннтами есть нѣсколько англчанъ: позволите узнать, какъ его зовутъ?

При имени Торнтона на лицѣ доктора Тернеля выразилось удовольствіе.

— Не будетъ ли нескромностью съ моей стороны спросить, не родственникъ ли вамъ мистеръ Торнтонъ?

— Не то чтобы родственникъ, а другъ, старинный другъ семейства, сказала миссъ Клара.

— Я дѣлаю этотъ вопросъ не изъ одного любопытства. Въ болѣзни мистера Торнтона мнѣ въ высшей степени важно узнать—наслѣдственна его болѣзнь или нѣтъ?

— Я не могу дать вамъ на это положительнаго отвѣта. Я никогда не слыхала отъ него ни малѣйшаго намека на что-нибудь подобное. По-крайней-мѣрѣ, его отецъ и дѣдъ—я это положительно знаю—были въ здоровомъ умѣ до послѣдняго дня своей жизни.

— Это хорошія вѣсти,—сказалъ докторъ въ раздумьи. Не знаете ли вы: не показывалъ ли когда-нибудь мистеръ Торнтонъ какихъ-нибудь признаковъ особенной эксцентричности, чего-нибудь такого, что бы бросалось другимъ въ глаза?

— Никогда не слыхала. Можетъ быть, онъ всегда былъ нѣсколько непохожъ на другихъ людей, онъ былъ всегда болѣе серьезенъ, рѣшительнъ и сосредоточенъ, постоянно нѣсколько грустенъ и даже подверженъ припадкамъ унынія, но никогда онъ не бывалъ не разсудителенъ. Я говорю о времени за девять лѣтъ тому назадъ.

— Я прошу у васъ извиненія въ своей настойчивости, не отвѣчайте мнѣ, если вамъ это неприятно; но долженъ ли я понимать такъ, что вы совершенно потеряли мистера Торнтона изъ виду девять лѣтъ тому назадъ?

— Да.

Докторъ Тернель опять впалъ въ раздумье, потомъ взглянулъ миссъ Клара прямо въ лицо.

— Въ такомъ случаѣ я думаю, что вамъ неизвѣстно грустное обстоятельство, сопровождавшее помѣшательство мистера Торнтона. Нѣкоторое время онъ находился подъ вліяніемъ большаго унынія, вследствие загадочнаго исчезновенія одного молодаго человѣка, къ которому онъ былъ очень привязанъ. Онъ привыкъ посѣщать Моргъ, въ неопредѣленномъ страхѣ узнать что-нибудь ужасное о своемъ другѣ, и случайно, увидавъ тамъ тѣло одной утопившейся дѣвушки, сошелъ съ ума и покушался на самоубійство. Съ этой минуты его прежняя постоянная забота объ участи исчезнувшаго друга, которая была первоначальною причиною настоящей болѣзни—совершенно исчезла, уступивъ мѣсто новой заботѣ, и мнѣ не удалось узнать связь его помѣшательства съ дѣйствительными обстоятельствами его жизни. Такой переходъ отъ одной постоянной идеи къ другой—довольно обыкновенный феноменъ въ душевныхъ болѣзняхъ. Настоящая мономанія мистера Торнтона состоитъ въ томъ, что онъ считаетъ утопленницу, которую видѣлъ въ Моргѣ, какою-то особою, дѣйствительною или воображаемою, отвлеченно кото-

рой чувствует себя, действительно или мнимо, виноватым. Это поставило его покуситься на самоубийство. Онъ вообразилъ, что былъ причиною ея смерти. Онъ видитъ эту особу, умоляетъ ее о прощениі и называетъ ее Кларой...» Здѣсь докторъ вдругъ остановился. Послѣ нѣкоторой паузы, онъ продолжалъ:

— Во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, мистеръ Торнтонъ говоритъ и дѣйствуетъ какъ человѣкъ въ здоровомъ умѣ; но онъ чрезвычайно равнодушенъ ко всему, что не относится къ предмету его заботливости.

Пока докторъ Тервелъ говорилъ, онъ узналъ все, что ему нужно было узнать. Чувства миссъ Клары, съ которыми она напрасно бегалась во время объясненія доктора, подтвердили подозрѣнія, мелькнувшія въ его умѣ въ ту минуту, когда она упомянула имя мистера Торнтона; безъ сомнѣнія, онъ нашолъ рычагъ, котораго онъ искалъ уже восемь мѣсяцевъ.

— Можете ли вы имѣть какую-нибудь надежду на выздоровленіе Торнтона?—спросила миссъ Клара, послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія.

— Разумѣется, могу. Я рѣдко отчаиваюсь въ комъ бы то ни было изъ моихъ пациентовъ, а въ особенности въ такихъ, какъ мистеръ Торнтонъ. Я былъ свидѣтелемъ такихъ чудесныхъ излеченій; и даже могъ бы ручаться за это выздоровленіе, еслибы... (каждый слогъ сѣдующей фразы былъ высказанъ съ явственнымъ удареніемъ) если бы особа, которую онъ оплакиваетъ какъ умершую, дѣйствительно существовала и помогла бы мнѣ.

Румянецъ, вспыхнувшій на щекахъ миссъ Клары, сказалъ доктору довольно ясно, что онъ подѣйствовалъ на чувствительную струну ея. Потому, рѣшась воспользоваться выгодною своего положенія и ковать желѣзо пока горячо, онъ продолжалъ, обращаясь теперь преимущественно къ Лавиніи:

— Это дѣло достойно женщины, достойно безграничной преданности женскаго сердца. И притомъ подумайте о результатѣ — и черты его просіяли отъ восторга — вызвать гармонию изъ хаоса, освободить благородную душу отъ самыхъ тяжелыхъ узъ, такъ сказать, вновь создать человѣка по образу Божію

— Вы говорите объ этомъ съ чувствомъ человѣка, который видѣлъ и производилъ такіе результаты, — сказала Лавинія съ теплымъ участіемъ.

— Благодаря Бога, я могу этимъ похвалиться, сказалъ докторъ съ увлеченіемъ, но — увь! — прибавилъ онъ, внезапно переходя къ задумчивой грусти, какъ мало успѣховъ и какъ много неудачъ!

— Докторъ, — воскликнула миссъ Клара, — позвольте вы мнѣ завтра придти опять?

— Разумѣется, съ величайшимъ удовольствіемъ.

— Я имѣю до васъ еще одну просьбу. Могу ли я — кажется, это будетъ самое лучшее — видѣть его, не будучи имъ замѣченною?

— О, да, — подхватывала Лавинія, если вы можете, позвольте намъ взглянуть на нашего друга.

— Это можно легко устроить, если только онъ будетъ въ своемъ саду, какъ это, вѣроятно, и случится, отвѣчалъ докторъ. За тѣмъ, обращаясь къ Лавиніи, онъ спросилъ:

— Имѣете ли вы какую-нибудь причину желать, чтобы онъ васъ не видѣлъ?

— Никакой, сказала Лавинія. Я буду очень рада пожать ему руку.

— Очень хорошо, впрочемъ, будетъ гораздо благоразумнѣе предупредить его о вашемъ визитѣ. Какъ я долженъ назвать васъ?

— Лавинія Джонсъ, — отвѣчала наша героиня, подъ этимъ именемъ онъ знаетъ меня въ Римѣ и въ Парижѣ.

Двѣ дамы опустили свои вуали по совѣту доктора и онъ провелъ ихъ черезъ заднюю дверь въ паркъ, прилегавшій къ лечебницѣ. На пути, ихъ вниманіе, по временамъ, привлекала какая-нибудь одинокая фигура, скользившая между деревьями или величественно выступавшая по опрятнымъ дорожкамъ, усыпаннымъ пескомъ. Какой-то высочій мужчина, за которымъ слѣдовали двое другихъ, поспѣшно направился къ доктору. Тернелъ прошепталъ своимъ спутницамъ:

— Этотъ пациентъ хочетъ говорить со мною; не бойтесь, онъ совершенно безопасенъ, и сверхъ того за нимъ по пятамъ слѣдуютъ двое слугъ.

Высокій, красивый молодой человекъ съ длинною бородою, подбѣжалъ къ доктору, но потомъ вдругъ остановился и вскричалъ раздражительно:

— Долго ли еще будете вы меня держать въ сумасшедшемъ домѣ?

— До-тѣхъ-поръ, пока вы не будете себя вести какъ порядочный человекъ, — сказалъ докторъ, быстро сдѣлавъ шагъ или два по направлению къ сумасшедшему. — Порядочныхъ и разсудительныхъ людей, мосье Марсель, можно узнать по тому, что они оказываютъ должное уваженіе къ хозяину дома и къ дамамъ, которыхъ они видятъ въ его обществѣ. Глаза мосье Марселя опустились подъ провинцательнымъ взглядомъ доктора, и онъ тотчасъ же отвернулся, чтобы уйти; но потомъ, вдругъ оборотившись опять, сказалъ спокойно:

— По-крайней-мѣрѣ, дамы извлекутъ пользу изъ этой встрѣчи; у меня есть нѣсколько превосходнѣйшихъ изумрудовъ, достойныхъ украшать корону императора; я дѣлаю изъ нихъ ожерелье для королевы Викторіи; вотъ это для васъ, мадамъ, а это для васъ, — сказалъ онъ, подавая каждой изъ двухъ по небольшому кремню, и тихо прибавилъ: — берегитесь, вы въ домѣ сумасшедшихъ. — Съ этими словами онъ поспѣшилъ прочь.

— Это одинъ изъ самыхъ безнадежныхъ больныхъ, — сказалъ докторъ со вздохомъ; — очень талантливый молодой человекъ, гордость и утѣщеніе умныхъ, богатыхъ и любящихъ родителей и для него почти нѣтъ никакой надежды, потому-что его болѣзнь наследственна. Онъ живетъ вонъ въ томъ маленькомъ домикѣ, а мистеръ Торнтонъ въ этомъ, съ зелеными жалуди и съ отдѣльнымъ садикомъ. Онъ любитъ уединеніе и рѣдко выходитъ въ паркъ. Я пойду впередъ, — сказалъ докторъ, когда они подошли къ воротамъ Торнтонова домика, — и если я найду минуту благоприятную, то пошлаю къ вамъ че-

ловѣка провести васъ въ мѣсто, удобное для наблюдений, а потомъ я самъ приду за миссъ Джонсъ, когда приготовлю Торнтону къ ея посѣщенію.

Скоро за ними приползъ слуга, который проводилъ ихъ въ одну изъ комнатъ перваго этажа, отвернулъ кисейныя занавѣски и оставилъ ихъ тамъ.

Торнтонъ сидѣлъ на скамейкѣ, возлѣ большой ямы, которую онъ копалъ въ землѣ. У ногъ его лежали заступъ и лопата. Облако невыразимой грусти покрывало его благородныя черты и онъ сидѣлъ, опершись подбородкомъ на правую руку, смотря въ яму. Ничто не показывало въ немъ помѣшательства; напротивъ, все въ его наружности — его борода и волосы, совсѣмъ уже сѣдые, его широкое платье, его бѣлье—все было чисто и опрятно.

— Вы видите, что я дѣлаю,—сказалъ онъ, на вопросъ доктора,—я разыгрываю роль могильщика.

— Т. е. вы предаетесь своимъ болѣзненнымъ фантазіямъ,—завѣтилъ докторъ Тернелъ. Могилы копаются для труновъ, а я здѣсь не вижу ни одного.

Торнтонъ покачалъ головою и не отвѣтилъ ни слова.

— Мистеръ Торнтонъ, я васъ спрашиваю,—громко вскричалъ докторъ,—гдѣ вы видите трунъ?

— Онъ былъ здѣсь, когда вы шли сюда, да вонъ онъ—и Торнтонъ указалъ на уголокъ небольшой ограды сада. Докторъ подошелъ къ указанному мѣсту и, разводя руками въ разныхъ направленіяхъ, сказалъ:

— Здѣсь нѣтъ ничего; развѣ вы не видите, что здѣсь нѣтъ ничего? Какъ могъ бы я размахивать руками безъ всякой помѣхи, еслибы здѣсь было что-нибудь?

— Никто не видалъ призрака Ванко, за исключеніемъ того, кому слѣдовало его видѣть... исключая убійцы,—простоналъ Торнтонъ.

— Призрака?—вскричалъ докторъ;—но это предметъ не вещественный, какъ же вы думаете зарыть въ землю то, что не имѣетъ вещества?

Торнтонъ улыбнулся и опустилъ голову, не отвѣчая.

— О, м-ръ Торнтонъ!—возразилъ докторъ Тернелъ съ жаромъ,—какъ можете вы, человѣкъ порядочный, ученый и, главное, христіанинъ, быть игрушкой такихъ пустыхъ грезъ?

— Грезы!—повторилъ Торнтонъ. Позвольте мнѣ сказать вамъ, что есть много вещей на небѣ и на землѣ, докторъ Тернелъ, о которыхъ не снилось нашимъ философамъ. Вотъ, вотъ она! тамъ! развѣ вы ее не видите?

И помѣшанный вскочилъ, сложилъ руки съ умоляющимъ жестомъ, между тѣмъ, какъ глаза его были устремлены по направленію къ дереву.

— Такъ пойдемъ и вынудимъ отъ нея объясненіе,—сказалъ докторъ, схвативъ Торнтону за руку.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!—вскричалъ англичанинъ, въ присядкѣ ужасно хватившись за снѣдь, на которой онъ сидѣлъ.

Послѣ нѣкоторой паузы, докторъ Тернелъ сказалъ:

— Здѣсь есть дама, которая желаетъ васъ видѣть. Слушаете ли вы меня, м-ръ Торнтонъ? Ваша соотечественница, знакомая, миссъ Лавинія Джонсъ пришла къ вамъ.

Ни одинъ мускулъ на лицѣ Торнтона не пошевелился.

— Развѣ вы не помните миссъ Лавинію Джонсъ, высокую, красивую молодую даму, которую вы звали въ Римѣ, а потомъ здѣсь, въ Парижѣ?

— Можетъ быть, я встрѣчался съ нею, — сказалъ Торнтонъ.

— Позвольте мнѣ сказать вамъ, что, съ вашей стороны, не очень любезно принимать такъ холодно извѣстія о посѣщеніи друга.

— Какая мнѣ нужда теперь до того, приходитъ ли или не приходитъ кто ко мнѣ? возразилъ Торнтонъ, въ большомъ уныніи.

— Позвать ее къ вамъ?

— Какъ вамъ угодно, — отвѣчалъ Торнтонъ.

Докторъ пошелъ за Лавиніей.

— Какъ я рада, что опять вижу съ вами, мистеръ Торнтонъ! — проговорила дѣвушка съ притворною веселостью. Мой добрый, превосходный другъ, неужели вы не помните меня, вашу знакомую изъ палатки Морлаки въ Римѣ, съ которою вы такъ часто видѣлись здѣсь, въ Парижѣ, на бульварѣ Капуцинокъ?

Облако, покрывавшее чело бѣднаго помѣшаннаго, на минуту исчезло; его взглядъ просвѣтлѣлъ, но ненадолго, скоро его покрыла снова густая тѣнь; его мутные, блуждающіе глаза перенеслись съ милаго лица, находившагося передъ нимъ, на черное платье Лавиніи и остались прикованными къ этому предмету.

— Это хорошо, что вы носите трауръ по ней, — произнесъ онъ съ разстановкой; — весь свѣтъ долженъ носить его; на землѣ теперь не осталось подобнаго ей созданія.

— Я ношу трауръ по моей милой тетушкѣ, м-ръ Торнтонъ, по этой бѣдной мистриссъ Джонсъ, которая была такъ добра ко мнѣ. Вы, вѣроятно, ее помните — она уже нѣтъ больше на этомъ свѣтѣ, — и глаза Лавиніи наполнились слезами.

— Не плачьте, не плачьте, бѣдное дитя! — сказалъ онъ тономъ сочувствія: это болѣе чѣмъ бесполезно; всѣ слезы міра не возвратятъ намъ нашей Клары; и все, что мы можемъ для нея сдѣлать, это — предать ее христіанскому погребенію. — И онъ взялся за свой заступъ.

— Я жила въ Дорсетширѣ и видѣла Сайпрес - Голь, вашъ домъ: какое очаровательное мѣсто! Вы возвратитесь когда-нибудь жить туда — не правда ли, м-ръ Торнтонъ? Но онъ уже не занимался ею. Лавинія продолжала свои усилія, стараясь привлечь его вниманіе. — А сивьеръ Паоло нашолся: онъ въ Римѣ, живъ и здоровъ. Вѣдъ это пріятная новость — не правда ли?

— Это для меня не новость, — возразилъ Торнтонъ, задрожавшій при этомъ имени; — я зналъ, что, рано или поздно, онъ появится снова и будетъ свидѣтельствовать противъ меня.

— Противъ васъ? О, м-ръ Торнтонъ! онъ будетъ защищать васъ

предъ цѣлымъ свѣтомъ, будетъ любить васъ, утѣшать, какъ онъ дѣлалъ это въ Римѣ.

— Ва! теперь все перемѣнилось;—онъ поклялся говорить правду, и скажетъ ее—онъ самъ говорилъ мнѣ это, здѣсь. Однакоже, помните меня, я обязанъ продолжать свою работу, или же опоздаю.

Докторъ взглядомъ далъ замѣтить Лавиннѣ, что свиданіе было уже довольно продолжительно.

— Итакъ, прощайте, мой милый другъ,—сказала Лавиннѣ, съ трудомъ удерживая слезы.—Она протянула ему руку, но Торнтонъ отнялъ свою.

— Неужели вы не хотите пожать руку своего прежняго друга?

— Лучше не дѣлать этого, — отвѣчалъ онъ,—ничего не выйдетъ хорошаго, если вы дотронетесь до моей руки; она сохранитъ еще запахъ крови. Вы помните это мѣсто нашего поэта: «Всѣ благоуханія Аравіи не истребятъ этого запаха». Это правда, совершенная правда.—И онъ принялся копать землю.

Миссъ Клара не проронила ни одного слова, ни одного движенія изъ того, что происходило въ маленькомъ саду.

Докторъ, проводившій, черезъ паркъ до наружной двери, дамъ, блѣдныхъ и нѣмыхъ, подобно тѣнямъ, не сказалъ съ ними ни слова.

— До завтра,—проговорилъ докторъ Тернель, подавая руку миссъ Кларѣ, чтобы помочь ей войти въ фіакръ.

— До завтра,—отвѣчала она, и горячее пожатіе руки, которымъ она сопровождала эти слова, придадо имъ значеніе, въ которомъ не могъ сомнѣваться человѣкъ, одаренный такою проникательностью, какою отличался докторъ Тернель.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Результатъ открытія.

Читатель легко можетъ предвидѣть результатъ всего этого. Мы не прибѣгаемъ къ театральнымъ эффектамъ, напротивъ, для насъ пріятнѣе всего, когда въ нашемъ разсказѣ послѣдующее прямо вытекаетъ изъ предъидущаго. Итакъ, пусть миссъ Клара рассказываетъ свою исторію:

«Мои милые Элеонора и Джорджъ!

«Что бы вы сказали, еслибы въ ту минуту, когда я, съ недѣлю назадъ, покидала васъ, кто-нибудь вздумалъ пророчить, что мое путешествіе на Востокъ окончится въ Парижѣ? Я вижу отсюда, какой изумленный видъ принимаетъ при этомъ извѣстіи Нелли, которой Джорджъ отвѣчаетъ торжественнымъ наклоненіемъ своей мохнатой головы. Успокойтесь: не случилось ничего непріятнаго. Теперь, скорѣе чѣмъ когда-нибудь, можно сказать, что «человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ». Да, я надѣюсь и увѣрена, что не суевѣріе заставляеть меня видѣть персть Божій въ событіяхъ, которыя привели меня къ этому результату. Способъ, какимъ произошло все это, кажется мнѣ чудомъ, когда я припоминаю его различ-

ные фазы. Если бы, уступая вашимъ желаніямъ, я не оторочила на два мѣсяца своего отъезда въ Скутари, если бы, за это время, я не встрѣтилась съ миссъ Голливелль въ ту минуту, какъ она отправлялась къ тѣтукѣ, если бы не случилось, что моя тѣтка была въ отсутствіи, а миссъ Шмальцъ грубо обыкновеннаго, вслѣдствіе чего миссъ Голливелль не знала, что дѣлать съ собою, такъ, что я, почувствовавъ симпатію къ ней, привезла ее въ Аульскомбъ, если бы... но, въ самомъ дѣлѣ, съ моей стороны жестоко не удовлетворять такъ долго вашему любопытству. Однакоже, чтобы лучше уяснить вамъ мою исторію, я должна нѣсколько возвратиться назадъ.

«Нужно вамъ знать, что миссъ Голливелль, во время своего пребыванія въ Римѣ, познакомилась съ мистеромъ Торнтономъ, и что случившія обстоятельства, превратившія это знакомство въ дружбу. Въ послѣдній разъ она видѣлась съ нимъ въ Парижѣ, девять мѣсяцевъ назадъ. Онъ обѣщалъ писать къ ней; но, такъ какъ со времени своего возвращенія въ Англію, она ни разу не получила отъ него письма, то въ ней родились нѣкоторыя опасенія на его счетъ; и первымъ дѣломъ, по ея пріѣздѣ сюда, было стараніе узнать, что случилось съ нимъ. Я не могу входить здѣсь въ большія подробности, главнымъ образомъ потому, что, поступая такимъ образомъ, я принуждена буду разоблачать чужія тайны; достаточно будетъ сказать, что, разъ узнавши о причинѣ хлопотъ Лавиніи, я стала неутомимо раздѣлать ихъ.

«Наши розыски увѣнчались успѣхомъ: мы нашли его, если только можно выразиться такъ, говоря о человѣкѣ, потерявшемъ лучшую и благороднѣйшую половину самого себя. Пріступъ моего письма, навѣрное, не приготовилъ васъ, друзья мои, къ тому извѣстію, что мы нашли несчастнаго джентльмена въ домѣ сумасшедшихъ. Какое зрѣлище, великій Боже! Я не могу передать вамъ, какая смѣсь тоски и нѣжности овладѣла моимъ сердцемъ, когда собственными глазами я увидѣла печальное положеніе, въ которомъ находится мой старый другъ. Мнѣ казалось, что я всегда понимала, что значить сочувствовать своему ближнему. Но я ошибалась. Нѣтъ, никогда до этой минуты я не имѣла понятія о томъ, что значить дѣйствительное человѣколюбіе. Благодаря Провидѣнію, которое привело меня сюда; благодарю его за то, что оно дало мнѣ возможность принести нѣкоторую пользу! Я съ трудомъ могла узнать Мортимера: его волосы совершенно бѣлы; его благородный станъ согнулся, какъ у старика, и, однако же, нѣтъ ничего дикаго въ его физиономіи: то же милое и нѣжное выраженіе, какое было въ ней прежде; но онъ такъ худъ, такъ блѣдомъ, такъ печаленъ! Мое сердце... Нѣтъ, я не могу описывать того, что я чувствовала. Онъ копалъ могилу — это его постоянное занятіе, — могилу для женщины, которую онъ оскорбилъ и убилъ, то есть для меня; онъ думаетъ, что я умерла черезъ него. Эта мысль была корнемъ его помѣшательства. Вотъ уже болѣе девяти лѣтъ, какъ раскаяніе въ его воображаемыхъ пропавшихъ проступкахъ составляетъ для него терновый вѣнецъ, проникнувшій своими шипами до самаго его мозга. О, мой милый братъ! о, моя добрая сестра! ка-

кая женщина, достойная этого имени, могла бы остаться равнодушною передъ подобнымъ зрѣлищемъ?

«Нужно ли мнѣ послѣ этого защищать его передъ вами? Я увѣрена, что нѣтъ. Я знаю, что когда вы прочтете эти строки, то всѣ прежнія непріятныя чувства исчезнутъ изъ вашихъ сердецъ. Но я должна сказать ему, что если онъ неправъ передо мною, если онъ и дѣлалъ ошибки въ отношеніи ко мнѣ, то и мои поступки не могутъ быть избавлены отъ порицанія. Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ! Это непріятно для васъ, но будьте снисходительны, а хочу высказать вамъ здѣсь всю правду. Не считайте моихъ словъ за выдумку и не думайте, что я нахожу удовольствіе въ томъ, чтобы чернить себя; я только не хочу, чтобы меня считали лучшею, чѣмъ какова я на самомъ дѣлѣ. Васъ не было со мною, когда случилось то, о чемъ я хочу рассказать.

«Я отправилась повидаться съ тѣтушкой въ Айви-Лоджъ, съ намереніемъ быть на балѣ въ Мортонѣ. Я въ первый разъ еще была на балѣ и совершенно поддаюсь увлеченію этой забавы и очарованію музыки. Какая дѣвушка въ девятнадцать лѣтъ устоитъ предъ подобнымъ искушеніемъ? Общество было многочисленнѣе и блестящѣе обыкновеннаго, и среди его, тѣтушка замѣтила въ толпѣ одного молодого офицера и представила его мнѣ съ какою-то особенною выразительностью. Тѣтушка—я должна въ этомъ признаться—ни накого не смотрѣла, никого не слушала, никому не улыбалась, кромѣ этого офицера, который не имѣлъ ничего хорошаго ни въ манерахъ, ни въ лицѣ, но зато былъ сынъ какого-то графа. Его внимательность ко мнѣ въ теченіе вечера дѣлалась довольно ясною, довольно постоянною для того, чтобы ее замѣтили всѣ. Онъ, конечно, не зналъ, что я уже была невѣстою и что мой будущій мужъ находился на балѣ, а я, при глупой застѣнчивости моего возраста и моего провинціальнаго воспитанія, не имѣла ни смѣлости, ни такта, чтобы держать этого нескромнаго фата отъ себя подальше. Онъ поставилъ меня нѣкоторымъ образомъ въ осадное положеніе, не давалъ никому подходить ко мнѣ и настоялъ на томъ, чтобы я танцевала весь вечеръ съ нимъ—(Торнтонъ, какъ вы знаете, никогда не танцевалъ); а когда я выражала желаніе сѣсть, то онъ отводилъ меня въ уголъ и садился самъ возлѣ меня, такъ-что отрѣзывалъ мнѣ всякое сообщеніе съ остальнымъ обществомъ. И, повѣрьте моему признанію, хотя я была чрезвычайно утомлена преслѣдованіемъ такого рода, однакоже вовсе не оставалась нечувствительною къ чести, которую мнѣ оказывала особа, знатнѣйшая изъ всѣхъ гостей.

«Торнтонъ—и въ этомъ заключалась его ошибка—не дѣлалъ ничего, чтобы извлечь меня изъ этого затруднительнаго положенія, напротивъ, онъ держался въ сторонѣ. Я съ огорченіемъ замѣчала неудовольствіе, выражавшееся въ его взглядахъ, но скоро забывала объ этомъ, увлекаясь новою кадрилию. Я встрѣтила взглядъ Торнтона въ дверяхъ столовой, когда входила туда подъ-руку съ своимъ кавалеромъ. Больше я уже не видѣла его въ теченіе всей ночи. Черезъ день послѣ того, онъ пріѣхалъ въ Айви-Лоджъ; онъ былъ хо-

лестъ и мраченъ; въ его глазахъ я видѣла упрекъ. Я сдѣлала ему очень неловкій приемъ. Зablужденіе тѣтушки относительно того, что она называла его невнимательностью ко мнѣ на балѣ, заставило меня предполагать, что я была скорѣе обиженною, чѣмъ обидчицею. Я не имѣю надобности напоминать вамъ, что тетушка была неслашкомъ-то расположена въ пользу Мортимера. Нѣсколько умѣренныхъ замѣчаній, которыя онъ мнѣ сдѣлалъ, вызвали съ моей стороны не-пріятные отвѣты. «Что же я сдѣлала? Я была вѣжлива съ тѣми, кто вѣжливо поступалъ со мною; я танцевала съ тѣми, кто меня просилъ объ этомъ». Въ чемъ же тутъ заключается зло? Почему онъ самъ не танцевалъ со мною? «Вы знаете, отвѣчалъ онъ мнѣ, что я вовсе не танцую».—А развѣ это причина для того, чтобы и я не танцевала? Для чего молодая дѣвушка и вѣзять на балъ, какъ не для танцевъ?»—«Въ самомъ дѣлѣ, для чего же другаго?» повторилъ онъ значительно.

«Въ эту минуту явился мой молодой лордъ; онъ только и говорилъ, что о скачкахъ, объ обѣдѣ и о балѣ, которые готовились на послѣ-завтра въ Уимѣтѣ. Онъ пріѣхалъ съ цѣлью узнать, получили ли мы приглашеніе. Я сообщила ему, что у насъ есть билетъ и что мы намѣрены имъ воспользоваться. Мортимеръ удалился, не говоря ни слова. На другой день я получила отъ него коротенькую записочку:

«Хотите ли вы, изъ любви ко мнѣ»—писалъ онъ,—«отказаться отъ вашего бала въ Уимѣтѣ? Эта просьба можетъ вамъ показаться бессмысленною, но ваша доброта и снисходительность къ моимъ капризамъ дадутъ мнѣ смѣлость сдѣлать ее.»

«Я рѣшилась удовлетворить его желанію и, показывая записку тѣтушкѣ, сказала, что не поѣду на балъ. Тетушка вооружилась и противъ записки, и противъ меня; записка была чудовищна, смѣшна, нелѣпа, и не должна была обращать на нее никакого вниманія,—и она привела мнѣ цѣлую тѣму доказательствъ этой истины. Короче, я отвѣчала Мортимеру, что, несмотря на все мое желаніе уступить его капризу, тетушка объявила, будто при настоящемъ порядкѣ вещей я не могу сдѣлать этого, не нарушивъ явно всѣхъ требованій приличія и всѣхъ правилъ хорошаго воспитанія. Паль давался въ казармахъ, и когда мы приблизились, я замѣтила Торптона, стоявшаго недалеко. Онъ почтительно поклонился намъ, но не сдѣлалъ ни малѣйшей попытки подойти къ намъ. Я думаю, что онъ былъ нѣсколько времени въ танцевальной залѣ; но я его не видѣла больше.

«Остальное вамъ извѣстно. На другой день вечеромъ я получила отъ него изъ Лондона письмо; въ этомъ письмѣ онъ говорилъ, что разрѣшаетъ меня отъ обѣщанія, которое я дала ему, и что онъ дѣлаетъ это не изъ гнѣва, а вслѣдствіе печальнаго убѣжденія, что, при своемъ характерѣ, онъ не можетъ сдѣлать меня счастливою. Было ли наказаніе несоразмѣрно съ виною? Посторонніе могутъ думать это; но я, имѣвшая цѣлый годъ времени для того, чтобы узнать его странности, я, принявшая его такимъ, каковъ онъ былъ, не могла не быть убѣждена въ противномъ. Мои глаза открылись и я скоро извѣрила всю важность моей ошибки и оцѣнила значеніе узавлен-

наго мною сердца. Съ этого письма началась новая эра моего существованія, и я могу безъ преувеличенія сказать, что если во мнѣ и есть что-нибудь хорошее, то я обязана этимъ человѣку, который писалъ это письмо. Я считала своею обязанностью вызвать мое прошлое изъ могилы, теперь же покроемъ вѣчными забвеніемъ все, что относится къ этому роковому происшествію.

«Лечебница, въ которой помѣщается Торнтонъ, находится подъ управленіемъ доктора Тернеля, очень замѣчательнаго врача и весьма почтеннаго человѣка, который питаетъ страсть къ своему дѣлу, и, что еще важнѣе, безгранично преданъ своимъ больнымъ. Нашъ другъ не могъ попасть въ лучшія руки. Докторъ Тернель съ удивительною прозорливостью тотчасъ же узналъ, что я именно то лицо, котораго онъ отыскивалъ въ теченіи осьми мѣсяцевъ: потому что, какъ вы, конечно, и сами понимаете, одна только дѣйствительность можетъ разрушить странную иллюзію Торнтонна, только одна живая Клара можетъ изгнать изъ его головы Клару—призракъ, которая не отстаётъ отъ него ни днемъ, ни ночью. Итакъ, вы видите это; я одна въ цѣломъ мірѣ могу помочь его излеченію, если только оно возможно, и докторъ Тернель вполне увѣренъ въ успѣхѣ. Дай Богъ, чтобы его надежда сбылась! Такъ—какъ я должна буду принять на себя, подъ надзоромъ и руководствомъ доктора, большую и даже главнѣйшую часть этого благочестиваго дѣла, то, натурально, я не должна была имѣть отъ него никакой тайны, между тѣмъ, какъ онъ, съ своей стороны, заботится больше всего о томъ, чтобы я не была жертвою того, что онъ называетъ моимъ великодушіемъ. Вотъ почему онъ не скрываетъ отъ меня не только настоящихъ затрудненій, но даже и будущей отвѣтственности въ этомъ дѣлѣ: «потому что—говоритъ этотъ превосходный человѣкъ—даже въ случаѣ успѣха, вы не должны воображать, что ваше трудъ оконченъ. Ваше постоянное присутствіе будетъ необходимо на долгое время для того, чтобы поддержать этотъ успѣхъ и сдѣлать его прочнымъ; въ противномъ случаѣ, рецидива будетъ неизбѣжна — словомъ, нужно, чтобы вы были какъ—бы ангеломъ—хранителемъ этого джентльмена и чтобы вы были съ нимъ неразлучны, какъ его тѣнь. Къ несчастью, мы живемъ въ такой скептической вѣкъ, когда и самая роль ангела—хранителя, исполняемая молодою и хорошенькою женщиною, можетъ повести къ ложнымъ заключеніямъ. (Докторъ близорукъ и потому принимаетъ за молоденькую и хорошенькую женщину старую дѣву двадцати—восемь лѣтъ.) Однако же, есть средство преодолѣть эти затрудненія. Я прощу васъ извинить меня за мою кажущуюся смѣлость: ея причина должна послужить моимъ оправданіемъ. Еслибы вы приняли на себя трудъ сдѣлать теперь для м-ра Торнтонна то, что вы обѣщали, или имѣли намѣреніе сдѣлать для него назадъ тому девять лѣтъ, то я почти могу ручаться, что его помѣшательство не повторится». Я отвѣчала, что если въ самомъ дѣлѣ мое присутствіе должно имѣть такое значеніе для мистера Торнтонна, и если онъ выразитъ хотя малѣйшее желаніе на то, чтобы

я сдѣлалась его женою, то я охотно соглашусь на это. Не удивляйтесь же, мои милые Джорджъ и Элеонора, если увидите, что въ одно прекрасное утро на васъ сдѣлаетъ набѣгъ радостная парочка. Серьезно, положеніе жены-сидѣлки у человѣка, котораго я уважаю больше всѣхъ мужчинъ, нисколько не пугаетъ меня, совсѣмъ напротивъ. Нашъ союзъ будетъ чѣмъ-то въ родѣ ассоціаціи, съ цѣлью сдѣлать нѣсколько добра въ этомъ мірѣ; а довольно приличные доходы Торнтонъ могутъ достаточно обезпечить потомство ея членовъ.

«Что касается до настоящаго, то мое единственное занятіе—ходить каждый день въ лечебницу и справляться о ходѣ болѣзни, потому-что больной подвергнуть теперь приуготовительному леченію. Неумимыя усилія Тернеля сосредоточены на одномъ пунктѣ: онъ употребляетъ всю свою ловкость для того, чтобы внушить Торнтону мысль о моемъ существованіи. Онъ безпрестанно рассказываетъ ему множество случаевъ, относящихся ко времени, когда мы были обручены, и сообщенныхъ ему съ этою цѣлью мною. Онъ изображаетъ ему меня, какъ женщину, исполненную жизни и чувства и пламенно желающую снова отыскать Торнтонъ. Тяжело и, вмѣстѣ съ тѣмъ, любопытно слушать ихъ разговоры обо мнѣ. Я имѣю возможность выслушивать большую часть этихъ бесѣдъ, согласно желанію доктора, который хочетъ, чтобы я освоилась съ привычками и направленіемъ мыслей Торнтонъ. Одна достойная женщина, мадамъ Франсуазъ, у которой онъ жилъ нѣсколько времени, служитъ намъ въ этомъ случаѣ чрезвычайно полезною помощницей. Не такъ давно я написала одно письмо къ Торнтону, а другое къ доктору, чтобы предупредить больного о днѣ моего пріѣзда. Докторъ сильно рассчитываетъ на дѣйствіе этихъ писемъ. Нужно поставить фортепьяно возлѣ кабинета доктора, и я должна буду играть пьесы, которыя мы любили когда-то, и пѣть мелодіи счастливыхъ дней, дней нашей юности. Докторъ распорядится привести Мортимера въ такое мѣсто, откуда онъ будетъ слышать меня. Но нельзя прибѣгнуть ни къ письмамъ, ни къ музыкѣ раньше, чѣмъ приуготовительное леченіе, которому онъ теперь подвергнуть, дастъ благоприятный результатъ. Тогда, если нашъ планъ будетъ удаченъ, я должна буду явиться, и я молю Бога, чтобы Онъ далъ мнѣ бодрость и внушилъ мнѣ — что я должна говорить; потому-что важнѣйшая часть леченія, если не самое выздоровленіе, будетъ зависѣть отъ моего присутствія духа и душевной твердости въ этомъ случаѣ.

«Но если намъ и не удастся первый опытъ, то мы не должны отчаиваться. Докторъ Тернель имѣетъ въ запасѣ другое средство: это—отвезти Торнтонъ въ Англію, въ Сайпресъ-Голь. Родной воздухъ и видъ знакомыхъ предметовъ могутъ — утверждаетъ онъ — произвести благоприятный кризисъ тогда, какъ уже будутъ испробованы всѣ другія средства. Въ такомъ случаѣ, одинъ молодой докторъ, лучший изъ учениковъ доктора Тернеля, будетъ сопровождать насъ въ Англію, и мы должны будемъ сапо слѣдовать его наставленіямъ. Если дѣла найдутъ такимъ образомъ, тогда, мои милые братья и сестра, мы по-

требуемъ вашей помощи, и я убѣждена, что на нее можно рассчитывать. Мы все-таки надѣмся, что до этого не дойдетъ.

«Прилагаю здѣсь письмо миссъ Голивелль. Она отправляется завтра утромъ въ Марсель, въ превосходномъ обществѣ. Я не могу выразить всего своего сожалѣнія о разлукѣ съ особою, которая была мною преданнымъ и чистосердечнымъ другомъ. По странному стеченію обстоятельствъ,—можно сказать, по волѣ Провидѣнія,—она тоже получила извѣстіе о человѣкѣ, которымъ живо интересуется и котораго исчезновеніе, случившееся при самыхъ необыкновенныхъ обстоятельствахъ, послужило источникомъ жестокихъ безпокойствъ какъ для нея, такъ и для этого бѣдняжки Торнтонъ. Это — молодой итальянскій художникъ, съ которымъ Торнтонъ коротко сошолся въ Римѣ; и изъ словъ миссъ Голивелль я могла заключить, что Мортимеръ имѣлъ случай оказать какъ ему, такъ и ей важныя услуги, здѣсь, въ Парижѣ, при очень затруднительныхъ обстоятельствахъ, разумеется, еще до своей болѣзни. Вы видите, что этотъ человѣкъ родился для того, чтобы дѣлать добро всѣмъ, кто съ нимъ сближается. Миссъ Голивелль отзывается о немъ, какъ о лучшемъ изъ людей. Она говоритъ, что безъ него она сошла бы съ ума.

«Не безпокойтесь ни обо мнѣ, ни о томъ, какимъ образомъ я живу. Я наслаждаюсь полнѣйшимъ здоровьемъ, нахожусь въ самомъ лучшемъ настроеніи духа и наслаждаюсь большимъ комфортомъ въ этомъ меблированномъ домѣ. Хозяйка заслуживаетъ особеннаго уваженія. Мадамъ Франсуазъ пріѣхала погостить къ ней на нѣсколько времени и объ онѣ безконечно заботятся обо мнѣ. Вы не должны и думать о пріѣздѣ сюда ко мнѣ; если вы понадобится мнѣ, то я извѣщу васъ объ этомъ. Теперь же прощайте, мои добрые друзья.»

«Ваша преданная
«Клара».

Въ числѣ писемъ, приготовленныхъ въ этотъ день Лавиніей, было одно, на имя синьора Паоло Манчини въ Римъ. Мы скоро услышимъ о немъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Провужденіе.

Между тѣмъ, Паоло былъ не слишкомъ доволенъ своимъ пребываніемъ въ болотѣ, въ которомъ онъ утопалъ. Чѣмъ болѣе онъ погружался въ бездну чувственности, тѣмъ тяжелѣе становилось для него выносить эту зачумленную атмосферу. Существо, предназначенное парить въ высшихъ сферахъ, не можетъ пресмыкаться, не страдая отъ этого наслоуванія своей природы. Какимъ образомъ онъ, который всю жизнь свою проводилъ въ возвышенныхъ грезахъ и упивался нектаромъ взаимной любви, могъ быть доволенъ нечистою пищею, которою онъ питался теперь? И, однакоже, несмотря на отвращеніе, которое внушало ему этотъ кубокъ Цирцеи, онъ былъ не въ состояніи оттолкнуть его отъ себя. Кто удивится этому, тотъ мало знаетъ человѣческую природу. Назрѣненіе—*video meliora, deteriora sequor* (вижу лучшее, но дѣлаю худ-

ние) была справедлива во всё времена. Не менѣе сильными движеніями, которыя удерживали Паоло на этомъ скользкомъ пути, были увлеченія жности, правды, привычка, а главное, рассужденіе: «къ чему уже теперь?» которое составляетъ обыкновенно сильнѣйшую преграду для самыхъ благихъ намѣреній. Но, какъ ни увлекательны были всё удовольствія, онѣ все-таки не могли заглушить въ немъ внутренняго голоса, который, по временамъ, громко вопіялъ къ нему: «ты унижаешь свою бессмертную душу; ты втоптываешь въ грязь всё свои прежнія вѣрованія; ты—презрѣнное существо. Стыдись!» Относительно больного, въ которомъ есть такое сознаніе, не слѣдуетъ отчаиваться. Незалечимъ тотъ больной, который не замѣчаетъ своей болѣзни. Но для того, кто стонетъ и жалуется, есть много шансовъ для благопріятнаго кризиса.

Нашъ молодой кутила вернулся домой въ четыре часа утра. Онъ уже не жилъ теперь въ улицѣ Сен-Жоржъ, гдѣ мы его оставили. Друзья его — но не онъ самъ — рѣшили, что эта квартира слишкомъ бѣдна и неприлична для него; къ тому же, при ней не было ни коюшии, ни сарая — неудобство, слишкомъ важное для человѣка, который пересталъ вѣдить въ наемныхъ экипажахъ и который имѣлъ своихъ лошадей. Паоло нанялъ бельэтажъ въ улицѣ Шоссе-д'Антенъ, богато меблированной и страшно дорого-стоявшій. Итакъ, говоря въ мы, Паоло вернулся около четырехъ часовъ, проведя ночь самымъ безпутнымъ образомъ; онъ проигралъ довольно-значительную сумму, разумѣется въ обществѣ людей хорошаго тона, но которые — какъ онъ имѣлъ вполнѣ основательный поводъ думать — были ловкіе плуты. Вообще, онъ менѣе всего дорожилъ деньгами и моталъ ихъ съ какимъ-то бѣшенствомъ. Въ настоящемъ случаѣ, ему было всего досаднѣе то, что его такъ нагло одурачили. Человѣкъ не можетъ видѣть равнодушно, когда его заставляютъ играть роль простака; и — надо отдать Паоло справедливость — тревоги совѣсти были не послѣднею причиною его бессонницы. Денегъ, которыя онъ проигралъ, было бы достаточно для безбѣднаго существованія двухъ рабочихъ семействъ въ теченіе года. Просперъ не зарабатывалъ и четвертой части этой суммы во всё двѣнадцать мѣсяцевъ своего тяжелого труда. Это размышленіе привело ему на память маленькаго смотрителя омнибусовъ, Прюдансу, ихъ дѣтей, Бенуа, Перэна, Пертюа и Вонифаса. Они жили время умереть и онъ могъ ничего не знать объ этомъ. Онъ не видалъ ихъ цѣлую вѣчность, да и не старался повидаться съ ними. Онъ буквально забылъ ихъ — какаа неблагодарность! Утренній свѣтъ началъ уже пробиваться сквозь шелковыя занавѣски, когда онъ, наконецъ, нѣсколько успокоился и забылся тяжелымъ сномъ. Ему снился сильный звонъ колоколовъ. Это, въ действительности, былъ звонъ колокольчика, который, наконецъ, разбудилъ его. Онъ вскочилъ и сталъ прислушиваться. До него долетѣли отдаленные отголоски жаркаго спора изъ комнаты, находившейся передъ его гостиною. — «Что бы тамъ могло быть?» Онъ всталъ съ кровати, накинулъ халатъ и закричалъ, отворивъ дверь въ гостиною:

— Что тамъ такое, Викторъ? — Оtvѣта не было, споръ не утихалъ

и, потому Паоло отворилъ дѣверъ въ переднюю и увидѣлъ, что Диктора свою особой заграждалъ входъ въ гостиную и, со стуломъ въ рукахъ, отражалъ нападеніе маленькаго проворнаго человѣчка, размахивавшаго половною щеткой, которая была вдвое больше его, и старался столкнуть Виктора съ дороги. Сначала Паоло онѣмъ отъ удивленія, но сцена была такъ комична, что, онъ, несмотря на свое нерасположеніе къ веселости, расхохотался. Сальваторъ—(это былъ онъ)—бросилъ свою щотку на полъ и, схватившись за бока, опустился на стулъ въ совершенномъ изнеможеніи, между тѣмъ, какъ Викторъ, раскраснѣвшись какъ ракъ, ожидалъ съ нѣкоторымъ безпокойствомъ, что за тѣмъ вѣдсплѣдуетъ. Разумѣется, Паоло и Сальваторъ бросились другъ къ другу въ объятія съ братскою любовью. Викторъ выпустилъ стулъ изъ рукъ и удалился съ видомъ оскорбленнаго достоинства.

— Чортъ возьми!—сказалъ Сальваторъ, смѣясь.—тебя охраняютъ лучше, чѣмъ папу; я говорю безъ преувеличенія: чтобы добраться до тебя, надо прокладывать себѣ дорогу съ помощью оружія.

— Тихе! сказалъ Паоло, уводя его въ свою спальню, потому-что онъ чувствовалъ необходимость одѣться потеплѣе.

— Зачѣмъ же тихе? развѣ запрещено пѣть въ классической странѣ пѣсни?

— Разумѣется, нѣтъ; но теперь еще такъ рано.

— Рано? мой милый, восемь часовъ: это ты называешь рано? Ты, кажется, не знаешь факта, что *Da tre ore il sol ris-ple-nde* (солнце блещетъ съ трехъ часовъ).

— Дѣло въ томъ, что здѣсь мода вставать довольно поздно.—возразилъ Паоло, нѣсколько смущенный, отдергивая занавѣски и открывая жалюзи. Струя свѣта, ворвавшаяся въ комнату, показала ему укоромъ.

— Воже мой!—вскричалъ Сальваторъ,—ты живешь какъ какой-нибудь кардиналъ и одѣтъ какъ Великій-Моголъ...

— Иди какъ шутъ,—сказалъ Паоло, искоса взглянувъ на свои кашмировые панталоны небесно-голубого цвѣта, которые онъ надѣвалъ въ эту минуту. Но обо мнѣ послѣ, поговоримъ лучше о тебѣ, и о Клеліи, и обо всѣхъ моихъ старыхъ друзьяхъ. Живать ли ты и какъ очутился ты здѣсь? Почему ты не отвѣчалъ на мое письмо?

— На письмо отъ первыхъ чиселъ ноября, вмѣстѣ съ письмомъ къ Клеліи и со вложеніемъ билета на тысячу скуди?—По очень простой причинѣ: я получилъ его уже по возвращеніи въ Римъ изъ Палермо, двѣ недѣли тому назадъ. Надо тебѣ сказать, что я и Клелія провели зиму съ маркизой въ Палермо, въ виллѣ, принадлежащей сестрѣ князя Рокка-Докинестры. Такъ-какъ тамъ предполагалось устроить домашніе театры и турниры, то мы съ Клеліей, разумѣется, были необходимы маркизѣ. Впрочемъ, вышло такъ, что синьора могла обойтись и безъ насъ, потому-что, вмѣсто удовольствія, у насъ не было ничего, кромѣ ревности, ссоръ, безпорядковъ и суматохи. Но все это для тебя не занимательно и не имѣетъ ни малѣйшаго отношенія къ прочѣ, которая мнѣ не присылала писемъ потому, что, не ожидая ихъ,

я не принялъ никакихъ необходимыхъ мѣръ, чтобы онѣ ко мнѣ доходили. Такимъ образомъ, воротась въ Римъ въ половинѣ февраля, я чрезвычайно обрадовался, найдя тамъ твое ноябрьское посланіе, и тутъ только я узналъ въ первый разъ, что правительство помѣщало твоему возвращенію въ отечество. Не найдя писемъ, отправленныхъ позже, я началъ беспокоиться о тебѣ. Почему же бы мнѣ, подобно Магомету и не пойти на встрѣчу горѣ, если гора не можетъ прятти ко мнѣ? Клеція одобрила мою мысль; что касается до денегъ, я въ нихъ не нуждаюсь, я могу обойтись, не расходуя ничего изъ тысячи зкю, которые, дѣйствительно, еще не тронуты. И вотъ я отправилась въ путь и пробылъ недѣлю въ Туринѣ, чтобы развѣдать—съ какой стороны дуетъ тамъ вѣтеръ, а вчера утромъ приѣхалъ въ Парижъ. Сперва я отправился въ улицу Сен-Жоржъ, по адресу, приложенному въ твоемъ письмѣ. Тамъ мнѣ сказали, что ты уже давно переѣхалъ, но неизвѣстно куда. Тогда, по адресу, данному тобою въ первомъ письмѣ, я отправился къ м-сьё Просперу, на набережную Монтебелло. Онъ назвалъ мнѣ улицу Дюфуръ, гдѣ никто не могъ сообщить мнѣ о тебѣ никакихъ свѣдѣній, — словомъ, безъ добрейшей г-жи Просперъ, мнѣ невозможно было бы отыскать тебя. Весь вчерашній день мы, точно полицейскіе сыщики, рыскали изъ улицы Дюфуръ въ улицу Сен - Жоржъ, изъ улицы Сен - Жоржъ въ улицу Монтанъ, а оттуда сюда. Вчера вечеромъ я три раза заходилъ къ тебѣ, но привратникъ говорилъ мнѣ, что тебя нѣтъ дома и потому онъ не можетъ меня впустить. Что за ужасныя существа парижскіе привратники! Но твоя обезьяна, съ красными рукавами, превосходитъ ихъ всѣхъ. «Въ полдень, въ полдень и въ полдень!»—вотъ все, чего я могъ отъ него добиться. Оставалось одно: отправить къ чорту всѣхъ парламентаровъ и прибѣгнуть къ рекогносцировкѣ. Красивые рукава загородили мнѣ дорогу и начали фехтовать стуломъ, чтобы заштитить входъ въ крѣпость. Я тотчасъ же зашѣлъ:

Ah canaglia, vuol battaglia,

E battaglia ti darò!

(А, каналья! ты хочешь сраженія: хорошо, я дамъ тебѣ сраженіе!...) и бросился на него со шоткою въ рукахъ. По счастью, ты, подобно *Deus ex machina*, явился во-время, чтобы помѣшать продолженію враждебныхъ дѣйствій.

— Добрый другъ мой, — сказалъ Паоло, тронутый и, вмѣстѣ съ тѣмъ, развеселенный этимъ разговоромъ — какихъ хлопотъ я тебѣ стоилъ! Какъ хорошо сдѣлалъ ты, что приѣхалъ; само Провидѣніе послало тебя сюда. О многомъ нужно мнѣ поговорить съ тобою, очень о многомъ.

— И я тоже горю нетерпѣніемъ услышать твое повѣствованіе; но сперва поговоримъ о Торнтонѣ... нѣтъ, сначала объ миссъ Лав... А, кстати, — и Сальваторъ, подпрыгивая на диванѣ, какъ резиновый мячъ, началъ шарить въ своихъ карманахъ. Ежели я не ошибаюсь, то, повидимому, у меня есть посланіе отъ предмета твоей страсти. Ну, вотъ еще... куда же я его засунулъ?

— Что засунулъ?

— Письмо, адресованное къ тебѣ, которое я нашолъ въ римскомъ почтамтѣ. Одному Богу извѣстно, сколькихъ проволочковъ и нескончаемыхъ объясненій стоило мнѣ это письмо, которое я едва могъ выручить изъ рукъ чиновниковъ. А! вотъ оно и нашлось, наконецъ, въ моемъ послѣднемъ карманѣ.

Паоло схватилъ письмо, дрожащею рукою сломалъ печать, и буквально, проглотилъ его содержаніе. Вотъ что писала ему Лавинія:

«Парижъ, 31 января 1855 г.

«Милый синьоръ Паоло,

«Прѣзжая черезъ Парижъ, я узнала отъ г-жи Франсуазъ, что вы здоровы и невредимы и что, по всей вѣроятности, вы опять находитесь въ вашемъ милomъ Римѣ. Новѣсть эта столь радостна и пріятна мнѣ, что я не могу не выразить вамъ моего удовольствія. Но когда я стараюсь найти выраженіе для передачи своей мысли, то нахожу только слезы благодарности и благословенія, которыя не умѣю достаточно высказать. Примите ихъ, хотя онѣ выражены далеко не такъ, какъ бы мнѣ хотѣлось, и, къ тому же, выражены особою, отплатившею вамъ злою за добро. беру Бога въ свидѣтели, что я не знала, что дѣлала. Я видѣла и ничего не понимала, считая призракъ за дѣйствительность. Довольство и лѣсть меня окружавшія, отуманили мою голову. Съ-тѣхъ-поръ, какъ мы разстались, я узнала строгаго но благороднаго наставника—несчастіе. Я должна была испытать униженіе, чтобы внять голосу разсудка, и этотъ строгій наставникъ сдѣлалъ то и другое. Испытаніе было жестоко, но да будетъ благословенъ тотъ день, когда оно обрушилось на меня и открыло мнѣ глаза, доказавъ, что въ жизни существуютъ своего рода обязанности, и что счастье состоитъ въ ихъ исполненіи. Съ помощью Божіею я надѣюсь исполнить свой долгъ. Многія другія истины, которыя я тогда пропускала безъ вниманія, воскресаютъ теперь въ моей памяти. Повѣрьте, что воспоминаніе о васъ неразрывно связано съ представленіемъ обо всемъ добромъ и благородномъ, между тѣмъ, какъ при мысли обо мнѣ, вы... Ахъ, синьоръ Паоло! какъ должны вы были презирать меня! и я вполнѣ заслуживала этого. Но, въ настоящее время, я могу разсчитывать на ваше уваженіе; да, теперь я имѣю право надѣяться на него. Я не стала бы обманывать васъ, еслибъ даже вѣчное спасеніе души моей зависѣло отъ этого. Одно, чего я прошу у васъ, это—уваженія вашего; я могу отказаться и даже отказываюсь отъ всего остальнаго; пусть прошедшее будетъ предано забвенію во всемъ другомъ; но уваженіе ваше необходимо для меня: я чувствую, что оно будетъ мнѣ опоромъ на моемъ тернистомъ пути. Трудно предположить, чтобы мы когда-либо встрѣтились съ вами въ этой жизни: я отправляюсь въ путешествіе, изъ котораго, можетъ быть, никогда не возвращусь. Но, гдѣ бы я ни была, вездѣ и всегда я буду горячо молиться о вашемъ счастьи и о благополучіи вашего отечества. Пусть ему выпадетъ на долю судьба, которую желаете ему вы, истинный патріотъ. Затѣмъ, прощайте и будьте счастливы».

«Лавинія».

Р. С. Не думайте, что я хочу оправдать свое прежнее безуміе, но мнѣ необходимо сказать только одно въ свою защиту. Я нисколько не была виновата въ послѣднемъ неудовольствіи, происшедшемъ между нами въ Парижѣ. Въ запискѣ моей, наскоро набросанной, я говорила вамъ совершенную правду: на балѣ я была противъ воли; меня рѣшительно *заставили* туда отправиться. Съ этой минуты начались всѣ мои невзгоды. Мистриссъ Джонсъ тутъ же заболѣла и болѣе уже не оправлялась. Она умерла. Болѣзнь, смерть и безпомощное одиночество—таково было мое пробужденіе послѣ этой роковой ночи. Вѣроятно, вы простите мнѣ. Съ м-ромъ Джонсомъ я разошлась навсегда. Прощайте».

Паоло, съ отчаяннымъ жестомъ, бросилъ письмо на полъ, спрятавъ лицо въ подушки дивана и зарыдалъ.

— Великій Боже! что съ тобой? развѣ извѣстія такъ дурны?—воскликнулъ бѣдный Сальваторъ, въ совершенномъ отчаяніи. Паоло указалъ ему на письмо, которое тотъ поднялъ и прочелъ.

— Честью увѣрюю,—сказалъ Сальваторъ,—что, хотя я неполнѣ его понимаю, но не вижу ничего, что могло бы тебя такъ встревожить. Разуѣбется, въ немъ есть страшный намѣкъ, что, можетъ быть, она никогда не возвратится, но, тѣмъ не менѣе, это возвращеніе возможно; ты знаешь, что только гора съ горой не сходится.

— Не то, все не то, — отвѣчалъ Паоло, рыдая, и тряся головою, подобно упрямому ребенку.

— Ежели не это, то я не понимаю, что тебя такъ огорчаетъ,—прибавилъ Сальваторъ,—или же, можетъ быть, смерть доброй старушки...

Паоло отрицательно покачалъ головою.

— Въ такомъ случаѣ, я рѣшительно теряюсь,—продолжалъ Сальваторъ съ легкимъ движеніемъ досады.—Все же остальное, по моему скромному разумѣнію, кажется, обстоитъ благополучно. Она, какъ благородная и достойная дѣвушка, сознается въ своихъ ошибкахъ, проситъ прощенія и требуетъ твоего уваженія.

— Моего уваженія!—пробормоталъ Паоло.

— Ну, да; я очень хорошо понимаю, что слово это немного холодно; но въ лексиконѣ влюбленныхъ, прими это за правило,—прибавилъ маленькій добрякъ съ важнымъ видомъ, — уваженіе значитъ любовь.

— Не говори! не говори ничего болѣе!—воскликнулъ Паоло.

— Могу увѣрить тебя, что я говорю правду. Каждый человѣкъ, въ которомъ есть хоть капля здраваго смысла, пойметъ, что она хочетъ этимъ сказать. Обрати вниманіе на выраженія, въ которыхъ она говоритъ о тебѣ; все, что ты когда-либо говорилъ или дѣлалъ, она считаетъ прекраснымъ; всѣ неправы, исключая одного тебя.

— Этого-то я и не въ состояніи выносить! это положительно сводитъ меня съ ума!—воскликнулъ Паоло, вѣя себя, вскакивая съ своего мѣста.—Хвалить меня! Я говорю тебѣ, что это страшная насмѣшка, ужасная профанация! каждое слово въ ея письмѣ—ударъ кинжала. Мое уваженіе! да я не питаю его къ себѣ самому; мои добродѣ-

тебя! это добродѣтели свиньи; моя доброта! такая доброта свойственна обитателямъ ада. О, я желаю бы умереть теперь!

— Паоло! — воскликнулъ бѣдный Сальваторъ, которымъ овладѣлъ новый ужасъ, и, схвативъ руку своего друга, онъ вытянулся во всю длину своей маленькой фигуры—Паоло!..

— Не пугайся, я въ полномъ разсудкѣ, — сказалъ тотъ, успокоиваясь, — хотя лишиться его — было бы для меня гораздо лучше. Я не сумасшедшій, а просто человѣкъ развращенный, который съ ужасомъ сознаетъ свое паденіе; въ тебѣ я, какъ въ зеркалѣ, вижу это.

— Во мнѣ? — воскликнулъ Сальваторъ, изумленіе котораго постепенно увеличивалось.

— Да, именно въ тебѣ, въ твоей честной простотѣ, въ твоей благородной невинности: ты для меня живой укоръ въ моей изнѣженной и безпутной жизни. Я превратился въ одного изъ тѣхъ смѣшныхъ фатовъ, на которыхъ мы такъ нападали въ Римѣ, называя ихъ бабами; я же теперь сталъ вродь-ли не хуже. Неправда ли, какую величественную фигуру я представляю въ моемъ турецкомъ утреннемъ костюмѣ? Взгляни на мою коллекцію хлыстовъ, тросточекъ, булавокъ для галстуковъ, запонокъ и флаконовъ съ духами, и восхищайся. Неправда ли, что всѣ эти предметы достойны художника? Вотъ сейчасъ явится парикмахеръ завивать меня. Неправда ли, какъ все это пристало мужчине? Ха-ха ха! Почему же ты также не смѣешься? Отвори запасной клапанъ, или же, клянусь Богомъ, ты задохнешься отъ презрѣнія.

— Ну, ну, — возразилъ Сальваторъ, начинавшій, мало-по-малу, понимать, въ чемъ дѣло, — ты уже слишкомъ трагически смотришь на жизнь. Мгновенное увлеченіе легко можно загладить. Человѣку съ твоими наклонностями нужна только сила воли, чтобы разорвать какія-бы то ни было цѣпи, связывающія его со свѣтомъ.

— А узы внутреннія, другъ Сальваторъ? Самсонъ опрокидывалъ столпы, но могъ ли онъ избавиться отъ узъ внутреннихъ? Могъ ли онъ когда-либо возстановить на прежній пьедесталъ свой идеалъ, втоптаный въ грязь Далилоу? Душа моя подобна скопищу нечистоты.

— Вадоръ! — возразилъ маленькій человѣкъ.

— Ты не можешь вообразить себѣ мою жизнь, или, лучше сказать, оргію, которой я предавался въ теченіе послѣднихъ трехъ мѣсяцевъ. Рассказывать тебѣ все это — значило бы развращать тебя; но въ этомъ бюро есть много историческихъ матеріаловъ — раздушенныхъ документовъ, подписанныхъ именами, знаменитыми въ развратѣ. Грязь, грязь и грязь была моею ежедневною пищею! Я слышалъ, какъ осмѣивали, оскорбляли и проклинали все достойное уваженія, все священное: непорочность, патріотизмъ, безкорыстіе, честь, и я слушалъ это, нисколько не возмущаясь, и дополъ, наконецъ, до того, что не въ состояніи былъ отличить добро отъ зла.

— Вадоръ! воскликнулъ Сальваторъ, — въ такомъ случаѣ, ты не говоришь бы того, что говоришь.

— Теперь-же, когда я упалъ такъ низко, что не имѣю надежды когда-либо встать, — продолжалъ Паоло, не обращая вниманія на слова

пріятеля. — вотъ мой послѣдній ударъ: лучъ райскаго свѣта упадаетъ на меня посреди грязи, которою я окружонъ. Облагороженная страданіями, возвращенная къ своей ангельской натурѣ, та, которая была для меня идеаломъ женщины, открываетъ мнѣ свое сердце, умоляетъ о примиреніи и осыпаетъ меня благословеніями — о, Боже! Благословенія мнѣ, существу испорченному въ конецъ! Это мученіе Тантала: имѣть счастье передъ глазами и видѣть невозможность его достигнуть! И во всемъ виновенъ я, я одинъ! Понимаешь ли ты это мученіе, Сальваторъ, это страшное мученіе? А если ты его понимаешь, то также долженъ понять и желаніе отъ него освободиться.

— Те! — воскликнулъ Сальваторъ, — это бредъ язычника. Мы, вѣдь, хрістіане, Паоло, и потому должны думать, говорить и поступать похрістіански. Предположимъ, что ты очутился бы въ другомъ мѣрѣ, могъ ли бы ты тамъ уйти отъ самого себя? Будь же, наконецъ, мужчиной.

Вмѣсто отвѣта, Паоло закрылъ только лицо руками.

— Къ тому же, — продолжалъ Сальваторъ, спускаясь съ высотъ, куда занесся, и стараясь подѣйствовать на человѣческія чувства своего друга, — позволь мнѣ замѣтить тебѣ, что ты приготовилъ весьма печальный пріемъ бѣдняку, явившемуся изъ Рима для свиданія съ тобою, говоря ему... (здѣсь Сальваторъ остановился) угрожая, хочу я сказать... Маленькій живописецъ не могъ докончить своей рѣчи.

— Прости меня, Сальваторъ, — сказалъ Паоло, взявъ своего друга за руку; я не такой безчувственный, какъ могу показаться. Письмо это совершенно меня разстроило; оно пробудило и всѣ мысли, и воспоминанія; оно раскрыло мои старыя раны.

Всѣ потрясенія, которыя выражаются только слезами.

Черезъ минуту Сальваторъ воскликнулъ:

— Вотъ одна изъ продѣлокъ этого противнаго Парижа!

— Нисколько, — отвѣчалъ Паоло, — Парижъ такой же городъ, какъ и другіе; каждый воленъ жить тутъ такъ же, какъ и въ другомъ мѣстѣ, просто, благоразумно и, вмѣстѣ съ тѣмъ, пріятно. Я сомнѣваюсь, что существуетъ въ Европѣ другая столица, представляющая столько средствъ къ развитію умственныхъ способностей и къ пользованію безвредными удовольствіями. Повсюду публичныя зданія, музеи, бібліотеки, школы, сады — и все это даромъ, все это доступно для публики. Разумѣется, въ Парижѣ, какъ и во всякомъ другомъ многолюдномъ городѣ, нѣтъ недостатка въ разнаго рода искушеніяхъ; но высокая такса, наложенная на нихъ здѣсь, какъ и повсюду, ограждаетъ отъ нихъ большинство. Деньги были моимъ несчастіемъ. Безъ нихъ я еще могъ бы остаться тѣмъ честнымъ малымъ, какимъ пріѣхалъ сюда и, не краснѣя, смотрѣть всѣмъ въ глаза. Говорятъ о развратѣ Парижа! Несчастіе забросило меня въ среду рабочаго класса. Тамъ, въ этой смиренной сферѣ, другъ мой, можно найти всѣ добродѣтели, проповѣдуемыя Евангеліемъ, начиная съ милосердія. Потомъ, я имѣлъ случай ознакомиться съ ученымъ классомъ парижскихъ жителей. Человѣкъ

у котораго я занимался, былъ престодушень, какъ дитя, ученъ, какъ бенедиктинецъ. Добрый старикъ Вонифацій! У него не было другихъ безпокойствъ, кромѣ того, какъ-бы не обременить меня черезчуръ работой. Тамъ не было недостатка въ хорошихъ примѣрахъ, такъ-какъ друзья его были такіе же, какъ и онъ самъ, и жили болѣе духовною, чѣмъ физическою жизнью. Въ этой атмосферѣ я вдыхалъ въ себя всѣ облагораживавшія вліянія, какія только могутъ исправить человѣческую природу. Въ это время, я встрѣтилъ молодого вѣтрогона-студента, хотя и добраго малаго, но отчаяннаго вольтерьянца, который поставилъ себѣ задачею «расшевелить» меня, чтобы я спустился съ высоты умственныхъ созерцаній. Успія его были напрасны: я оставался твердъ, какъ скала. Бѣдность и постоянный трудъ ограждали меня отъ искушеній. Потомъ я получилъ это родовое наслѣдство и, съ помощію лѣни, вскорѣ окончательно погрязъ въ матеріализмѣ. Голосъ моего ангела-хранителя совѣтовалъ мнѣ отказать отъ этого наслѣдства, но злой духъ одержалъ верхъ. Какъ только я разбогатѣлъ, то какъ будто-бы переродился и, переходя отъ одной слабости къ другой, я палъ такъ низко, какъ ты находишь меня теперь; я сдѣлался отвратительнымъ матеріалистомъ. Повѣрь мнѣ, Сальваторъ, что въ деньгахъ заключается какое-то проклятіе.

— Если такъ, — возразилъ Сальваторъ, — то нетрудно помочь горю. Отрѣшнись отъ этого проклятія и начни, попрежнему, питаться хлѣбомъ и сыромъ.

— Именно такъ я и сдѣлаю, клянусь всѣмъ, что есть для меня святаго, — воскликнулъ Паоло.

— Ну, такъ сейчасъ же къ дѣлу, — сказалъ Сальваторъ, — надѣвай самое поношенное платье и шляпу, которыя подходили бы къ моему костюму, и отправимся. Не знаешь ли ты мѣста, гдѣ мы могли бы увидать дроздовъ?

— Можетъ быть, въ Тюильри или въ Булонскомъ лѣсу; но, откровенно говоря, я не знаю ничего ни о птицахъ, ни о деревьяхъ, ни о цвѣтахъ.

— Ну, такъ будемъ отыскивать вдвоемъ.

— Милый мой товарищъ! — сказалъ Паоло, выказывая замѣтное отвращеніе, — Тюильри и Булонскій лѣсъ были театромъ многихъ глупостей моихъ, и, къ тому же, я увѣренъ, что, въ томъ или другомъ мѣстѣ, встрѣчу множество знакомыхъ.

— Гм! развѣ нельзя найти какой-нибудь уединенный уголокъ, гдѣ были бы деревья и трава и гдѣ бы ты не рисковалъ встрѣтить никакихъ знакомыхъ? — замѣтилъ Сальваторъ.

Паоло на минуту призадумался.

— Да, — сказалъ онъ, — хотя я былъ тамъ съ незапамятныхъ временъ, но помню, что меня поразило множество дроздовъ, которыхъ я видѣлъ на кладбищѣ Мон-Парнасъ.

— Кладбище! — повторилъ Сальваторъ съ гримасой, далеко не выражавшей удовольствія.

— Ты не пугайся этого имени: въ Парижѣ кладбище—мѣсто прехладное, велевующее, спокойное; увѣрю тебя, что оно тебѣ понравится.

— Ну, такъ отправимся же туда,—отвѣчалъ Сальваторъ.

Паоло былъ готовъ въ нѣсколько минутъ. Викторъ, съ видимымъ неудовольствіемъ выслушалъ приказаніе приготовить для пріятеля своего господина комнату, смежную со столовою.

— Прикажете вы парикмахеру ожидать васъ?—спросилъ Викторъ, торжественнымъ тономъ.

— Нѣтъ; скажи ему, чтобы онъ не приходилъ, пока его не позовутъ.

— Прикажете прислать за вами карету?

— Нѣтъ; скажи Петру, что онъ ненуженъ мнѣ сегодня и свободенъ на всю будущую недѣлю.

— Если кто-нибудь придетъ?

— Меня нѣтъ дома; надобно предупредить привратника.

— Васъ также не будетъ дома и для той особы, съ которою вы завтракали вчера?

— Даже и для той особы.—И, съ этими словами, Паоло сильно хлопнулъ дверью.

Въ теченіе нѣсколькихъ секундъ, Викторъ казался ошеломленнымъ, но, опомнившись, онъ поднялъ правую ногу, склонилъ голову на сторону, протянулъ обѣ руки впередъ и началъ покачивать плечами по направленію къ двери: это было что-то въ родѣ благословія *vis benedicti*, относившагося къ его господину.

Паоло помнилъ только то, что кладбище Мон-Парнасъ находится гдѣ-то на другомъ берегу Сены; но, благодаря ариадниной нити, представляемой комиссіонерами, которые находятся почти на каждомъ углу парижскихъ улицъ, друзья скоро нашли дорогу. Несмотря на предубѣжденіе свое противъ Парижа, которому подвержено большинство иностранцевъ, посѣщающихъ его въ первый разъ, несмотря на расположеніе все критиковать, Сальваторъ, тѣмъ не менѣе, былъ слишкомъ справедливъ, чтобы не одобрить пользы этого учрежденія; когда же, въ небольшой улицѣ, онъ увидѣлъ лавочку продавца печеныхъ каштановъ, находившуюся подъ открытымъ небомъ, то сердце его окончательно растаяло, и онъ откровенно признался, что Франція—страна образованная, несмотря на) азнаго рода разочарованія, которыя могутъ явиться впоследствии. Нельзя себѣ представить—какое вліяніе имѣютъ эти незначительныя обстоятельства при оцѣнкѣ мѣстностей и предметовъ. Сальваторъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы наполнить карманы любимымъ своимъ кушаньемъ, которое, впрочемъ, онъ нашолъ непомерно дорогимъ; потомъ обмѣнялся нѣсколькими словами съ купцомъ и узналъ, что онъ уроженецъ итальянской Швейцаріи.

Другимъ пріятнымъ сюрпризомъ для живописца было множество цвѣточныхъ лавокъ, могильныхъ вѣнковъ, гирляндъ, статуэтокъ и разнаго рода сувенировъ, которые находились вблизи кладбища. Паоло купилъ вѣнокъ изъ иммортелекъ для креста маленькой Анны, въ случаѣ ежели найдетъ его, и не чувствовалъ угрызеній совѣсти отъ

такого поощренія тому, что нѣкоторые люди называютъ безвѣстной спекуляціею на священнѣйшія симпатіи человѣческой души.

Монъ-Парнассъ одно изъ самыхъ скромныхъ кладбищъ Парижа, но, тѣмъ не менѣе, оно производитъ глубокое впечатлѣніе на посѣтителю. Въ немъ очень рѣдки великолѣпные памятники, безумный протестъ посмертнаго тщеславія противъ строгаго равенства, устанавлиаемаго смертію; чаще всего встрѣчаются тамъ скромныя мраморныя плиты, а еще многочисленнѣе — безыменные кресты, свидѣтельствующіе о незнатныхъ, скромныхъ, безвѣстныхъ существахъ, и служащіе, вмѣстѣ съ тѣмъ, эмблемою христіанскаго смиренія. Почти на каждомъ изъ нихъ были повѣшены вѣнки, или же у ихъ подножія росли цвѣты, за которыми былъ заботливый присмотръ. Во всякое время дня, тамъ можно видѣть набожныхъ простолюдиновъ, которые, своими молиственными руками, украшаютъ тихое убѣжище своихъ усопшихъ родственниковъ. Въ этомъ-то уваженіи живыхъ къ покойникамъ заключается особенная привлекательность парижскихъ кладбищъ.

Сальваторъ не сразу понялъ то, что видѣлъ; но когда понялъ, то выразилъ пріятное удивленіе святотатственнымъ груднымъ ии, которое онъ, впрочемъ, успѣлъ во-время заглушить, объявивъ со всевозможнымъ краснорѣчіемъ, къ которому только былъ способенъ, что ежели принять уваженіе къ покойникамъ за мѣрило качества живыхъ, то парижане, разумѣется, лучше, чѣмъ какими слывуть.

— Сядемъ здѣсь, — сказалъ Паоло, — и полюбуемся видомъ съ этого пригорка.

Зрѣлище это имѣло особеннаго рода меланхолическую прелесть. На большомъ пространствѣ кладбища, лежавшемъ у ногъ двухъ друзей, не было ни одного цвѣта, ни одного звука, ни одного движенія, которое бы не гармонировало съ назначеніемъ этого мѣста. Мягкій лучъ блѣднаго мартовскаго солнца, легкія волнообразныя неровности почвы, щебетанье птицъ, наполнявшихъ каждый кусть плюща и кипариса, вѣжная зелень новыхъ побѣговъ вяза, акацій и плакучихъ иль — были, если можно такъ выразиться, сладостными нотами, соединеніе которыхъ составляло дивную мелодію, проникавшую до глубины сердца и располагавшую къ мечтательности.

— Прекрасное мѣсто, — сказалъ Сальваторъ, — да, къ тому же, здѣсь пронасть дроздовъ.

— Развѣ я не говорилъ тебѣ, что тутъ очень мило, хотя это и кладбище? — отвѣчалъ Паоло, какъ-будто пробуждаясь отъ сна. — Какъ сладко должно быть успокоеніе подъ этою зеленѣющею муравою и мирною сѣнью...

— Это такъ, но не прежде, какъ по совершеніи путешествія, положимъ хоть восьмидесятилѣтняго, для достиженія какой-нибудь великой цѣли, — сказалъ Сальваторъ съ одушевленіемъ.

Паоло, съ видомъ безнадежности, покачалъ головою. Тогда Сальваторъ счелъ нужнымъ напомнить своему печальному другу, что онъ рѣшительно ничего не знаетъ о походахъ Паоло послѣ отъѣзда изъ Рима. Сальваторъ ничего не зналъ ни о Торнтонѣ, ни о Лавиніи, и тщетно старался найти причину страннаго развѣдыванія трехъ

друзей. Паоло охотно согласился рассказать подробности истории, которая так давно хранилась въ глубинѣ его сердца. Онъ высказалъ всѣ свои горести, описалъ припадокъ бѣшенства, овладѣвшаго имъ при извѣстїи, что Лавинїя отправилась на балъ въ ратушу, болѣзнь, за тѣмъ послѣдовавшую, напрасные поиски для открытія Торнтонъ, заключеніе, до котораго онъ дошелъ, что Торнтонъ отправился отыскивать его въ Соединенные Штаты, наконецъ, послѣднее происшествіе, не менѣе для него важное, полученіе наслѣдства дяди и безпутную жизнь, которую онъ велъ съ-тѣхъ-поръ.

Сальватора растрогалъ этотъ рассказъ, который, по его словамъ, былъ настоящимъ романомъ, и поэтому долженъ былъ, рано или поздно, но непременно кончиться благополучно; въ то же время, онъ былъ приведенъ въ неописанный восторгъ при видѣ дрозда, который сѣлъ прямо противъ нихъ и, казалось, поддразнивалъ его своимъ пѣніемъ. Подъ вліяніемъ этихъ впечатлѣній, онъ объявилъ, что не можетъ долѣе удерживаться и непременно долженъ запѣть самъ, рискуя, въ противномъ случаѣ, задохнуться. Во избѣжаніе той или другой несвоевременной крайности, слѣдовало отретироваться, что они и сдѣлали. Вскорѣ прїятный запахъ котлетъ и жаркого, зашкотованнаго ихъ обонаніемъ, когда они поровнялись съ маленькимъ транширомъ, напомнилъ Сальватору особенность его темперамента, именно—что всякое сильное ощущеніе возбуждало въ немъ аппетитъ. Поэтому было рѣшено здѣсь остановиться, и наши молодые люди вошли въ скромную харчевню. Паоло, безъ всякихъ усилій и безъ малѣйшаго отвращенія, сѣлъ за столъ, покрытый грубою скатертью; онъ сохранилъ ту же простоту вкусовъ, мыслей и привычекъ, которою отличался во время своего пребыванія въ Римѣ; богатство не успѣло еще, благодаря Бога, испортить его въ этомъ отношеніи. Паоло быстро уничтожилъ простой, незатѣйливый обѣдъ. Въ двадцать-пять лѣтъ желудокъ непременно предъявляетъ свои права, несмотря ни на какое состояніе души.

Подкрѣпивъ такимъ образомъ, свои силы, они отправились гулять въ Люксамбургъ, потомъ въ Пантеонъ. Этимъ на первый разъ окончился обзоръ Парижа. Въ 8 часовъ вечера кабриолетъ привезъ ихъ къ квартирѣ Паоло въ Шоссе-д'Антэнъ; только этотъ послѣдній конецъ они сдѣлали въ экипажѣ; впрочемъ, особеннаго рода обстоятельство могло служить имъ извиненіемъ: они должны были отправиться за чемоданомъ Сальватора въ скромную гостиницу, въ которой онъ остановился по прїездѣ своемъ въ Парижъ. Неудивительно, что они были страшно измучены, пробывъ около девяти часовъ на ногахъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ-ВТОРАЯ.

Tedium vitae.

Винторъ въ красномъ жилетѣ и его товарищъ кучеръ имѣли право смѣлываться упадокъ вѣка и, сидя въ кабакѣ, со стаканами въ рукахъ, предаваться мрачнымъ предположеніямъ на счетъ того, что, напо-

ночь, изъ этого выйдетъ. Съ-тѣхъ-поръ, какъ прѣикалъ маленький «прыгунъ», какъ они называли Сальватора, образъ жизни ихъ сдѣлался весьма печаленъ и нисколько недоходенъ. Не приходилось разносить никакихъ любовныхъ записочекъ, ни вводить дамъ подъ вуалью; ненужно было заказывать ящичковъ шампанскаго и страсбургскихъ пироговъ и проч. Естественно, что, вмѣстѣ съ этимъ, прекратились и разнаго рода доходы, извлекаемые изъ подобныхъ источниковъ. Хорошенькая квартирка, въ которой имъ жилось такъ привольно,—увы! превратилась въ пустыню. Какимъ же другимъ именемъ назвать домъ, хозяинъ котораго уходилъ въ семь часовъ утра, возвращался въ сумерки и въ десять часовъ былъ уже въ постели?

Таковъ былъ, дѣйствительно, образъ жизни, принятый Паоло, подъ вліяніемъ его гостя и друга—Сальватора. Они рано выходили изъ дому, большую часть дня проводили въ осмотрѣ музеевъ и другихъ достопримѣчательностей Парижа; когда же уставали, то садились въ первый попадавшійся омнибусъ, останавливались вмѣстѣ съ нимъ у какой-нибудь заставы, или же въ предмѣстіи, обѣдали въ ближайшемъ трактирѣ, и, наконецъ, возвращались домой въ томъ же самомъ омнибусѣ, или въ другомъ экипажѣ подобнаго рода, такъ какъ Паоло взялъ себѣ за правило—никогда не брать кареты.

Еслибъ даже онъ хотѣлъ этого, то Сальваторъ не позволилъ бы ему. Маленькій живописецъ очень любилъ омнибусы; онъ смотрѣлъ на нихъ, какъ на одно изъ самыхъ чудесныхъ, полезныхъ и пріятныхъ изобрѣтеній новѣйшихъ временъ. Сильно развитый въ немъ духъ наблюдательности, его общительный характеръ, находили обширное поле дѣятельности на этой подвижной сценѣ, дѣйствовавшія лица которой безпрестанно смѣнялись. Незнаніе французскаго языка нисколько его не стѣсняло; онъ свободно и весело разсуждалъ со всѣми, приобрѣталъ себѣ друзей между своими спутниками и рѣдко выходилъ изъ кареты, не будучи въ совершенно дружескихъ и короткихъ отношеніяхъ съ услужливымъ господиномъ. (а благодаря Вога, такія личности встрѣчаются почти каждый разъ), который помогаетъ особамъ пожилымъ и немощнымъ, дамамъ и дѣтямъ, при входѣ и выходѣ, и, рискуя сломать себѣ шею и вывихнуть руки, собираетъ складчину для кондуктора и нѣсколько разъ повѣряетъ сумму, собранную за мѣста.

Даже узкое пространство публичной кареты представляетъ широкое поприще для исполненія нѣкоторыхъ незначительныхъ христіанскихъ обязанностей. Къ несчастью,—нашъ другъ скоро узналъ это,—тутъ также встрѣчаются эгоизмъ и грубость, и часто услужливый господинъ, усердно желающій быть полезнымъ, видитъ свой контрастъ въ человѣкѣ съ нахмуренною миной, который сидитъ въ углу, смотритъ на cadaго новаго пассажира, какъ на человѣка, насильно вторгнувшагося, и даже какъ на врага; онъ не пошевелитъ пальцемъ, чтобы дать мѣсто какой-нибудь нѣжной дамѣ или ребенку и ворчать, если его нечаянно задѣнутъ — живое отрицаніе всякой солидарности между людьми. Эта полуартистическая, полукочевая жизнь была бы въ высшей степени привлекательна для Сальватора, если-

бы безпрестанно возраставшая печаль Паоло не отравляла ее. Паоло съ каждымъ днемъ становился задумчивѣе и молчаливѣе.; предметы, наиболѣе близкіе его сердцу—Давинія, Торнтонъ, Клея, Римъ, по-видимому, потеряли всякую власть надъ нимъ; онъ отвѣчалъ только односложными словами. Когда онъ раскрывалъ ротъ, то только для того, чтобы отвѣчать на энтузіазмъ Сальватора по поводу какой-нибудь картины или статуи, хорошей погоды или ландшафта, и, притомъ, онъ отвѣчалъ въ преувеличенныхъ выраженіяхъ, которыя ясно показывали, что онъ дѣлаетъ это съ намѣреніемъ; къ тому же, видно было, что эти усилія дорого ему стоили. Никакое самообладаніе, никакія разсужденія не могли смягчить или отдалить тоску, овладѣвавшую имъ къ вечеру, подъ тяжестью которой онъ изнемогалъ и духомъ, и тѣломъ. Онъ говорилъ, что усталъ, и ложился на диванъ, на которомъ и оставался по нѣскольکو часовъ съ закрытыми глазами, не произнося ни слова. Всѣ усилія Сальватора вывести его изъ этого состоянія — Богу одному извѣстно, сколько такта, терпѣнія и доброты употреблялъ этотъ добрякъ—оставались напрасны. Онъ получалъ только одинъ отвѣтъ: «Я изнемогаю отъ усталости; пожалуйста, не обращай на меня вниманія; я очень хорошо знаю, что я неспособнѣйшее созданіе въ мірѣ» или же какую-нибудь другую фразу въ подобномъ родѣ. И Сальваторъ опускалъ голову и становился серьезнымъ и задумчивымъ.

Суровость и безпокойство нисколько не шли къ юношескому лицу и веселой фizioноміи Сальватора. Однажды—это былъ пятый вечеръ, который молодые люди проводили вдвоемъ — Паоло, очнувшись отъ припадка томительной тоски, замѣтилъ, что глаза друга устремлены на него, и, при видѣ лица Сальватора, когда-то столь веселаго, сияющаго, теперь же мрачнаго, смущеннаго, въ его душѣ шевельнулось раскаянье, которое пробудило теплоту, таившуюся въ глубинѣ его сердца.

— Вѣднй мой Сальваторъ!—поскликнулъ Паоло,—какой я неблагодарный, отвратительный и безчувственный эгоистъ!

— Уфъ! какое множество прилагательныхъ!—сказалъ Сальваторъ, оживляясь;—позволь узнать, къ чему все это клонится?

— Миѣ на роду написано составлять несчастье всѣхъ, кто меня любитъ. Я систематически тебя убиваю.

— Вздоръ,—смѣясь, отвѣчалъ Сальваторъ.— Я слишкомъ силенъ, чтобы разрушиться такъ скоро. Ты, дѣйствительно, глубоко огорчаешь меня; но что касается до убійства...

— Единственное извиненіе мое, что все это свыше силъ моихъ. Я не въ состояніи дѣйствовать сознательно. Я виновенъ не болѣе, чѣмъ топоръ, который убиваетъ человѣка. Право, Сальваторъ, я не въ силахъ ничего сдѣлать.

— Попробуй,—возразилъ Сальваторъ;—можетъ быть, болѣзнь твоя и состоитъ именно въ этомъ болѣзненномъ чувствѣ своего безсилія; можетъ быть, для избавленія себя отъ этого кошмара тебѣ нуженъ только энергическій порывъ. Сдѣлай этотъ порывъ, собери всю свою энергію и силу воли.

— Да, силу воли... нечего сказать, могучій рычагъ. Это заржавлѣннй ключъ, нигуда негодный. Приказывай укушенному коброй чело-вѣку пощевелѣться: онъ не имѣетъ къ тому ни силы, ни желанія; даже горячіе щипцы не могутъ сдвинуть его съ мѣста. Въ немъ осталось только одно желаніе — неутолимая жажда покоя. То же самое со мною: я укушенъ змѣею, которой имя — скука, отвращеніе къ жизни.

— Опять! — съ содроганіемъ пропенталъ Сальваторъ.

— Еслибъ ты зналъ, что значитъ питать отвращеніе къ жизни, — продолжалъ Паоло, — еслибъ я могъ описать тебѣ свои ощущенія! Во время путешествія сюда, намъ пришлось проѣзжать по длинному тоннелю. Это, кажется, было на дорогѣ отъ Ліона къ Парижу. Воспоминанія мои объ этомъ путешествіи смутны и неопредѣленны; я находился въ страшномъ волненіи, тѣлесномъ и душевномъ, и мои чувствованія были въ высшей степени болѣзненны. Тѣмъ не менѣе, я очень хорошо помню этотъ тоннель, и впечатлѣніе, произведенное на меня быстрымъ переходомъ отъ дневного свѣта къ глубокому мраку, помню этотъ адскій вой локомотива, который, казалось, бѣшено мчалъ насъ къ гибели и упоевалъ насъ передъ смертью этою дикою музыкой. Затѣмъ, чувство движенія исчезло, и тогда мнѣ представилось, что мы колеблемся въ пустомъ пространствѣ и висимъ надъ бездною. Невозможно описать ужасъ, овладѣвающій человекомъ въ подобную минуту. Я чувствовалъ, что я не въ состояннн болѣе выносить это, а готовъ былъ тутъ же выпрыгнуть въ дверцы вагона. И вотъ, теперь жизнь, подобно этому тоннелю, слѣдалась для меня невыносимою; я жадно забываться отъ нея.

— Полно, выбрось этотъ вздоръ изъ головы! — воскликнулъ Сальваторъ съ энергіею и рѣшимостью, тѣмъ болѣе поразительными, что до той минуты ни одна черта его лица и ни одинъ жестъ не выразили ужаснаго впечатлѣнія, произведеннаго на него словами Паоло. — Ты не долженъ думать ни о чемъ подобномъ; говорю я тебѣ, ежели не хочешь взять на себя отвѣтственность за другую жизнь, которая прекратится вмѣстѣ съ твоею, если не хочешь отвѣчать за погибавъ двухъ христіанскихъ душъ.

— Сальваторъ! — воскликнулъ Паоло, понизивъ голосъ.

— Да, твоя жизнь — моя. твоя душа — моя. Между нами не должно быть недоразумѣній; попробуй-ка провести меня, любезный другъ, и я торжественно клянусь послѣдовать твоему примѣру.

— О, Сальваторъ! — со вздохомъ сказалъ Паоло, — я не ожидалъ этого отъ тебя.

— А я, бѣдный безумецъ, покинувшій домъ, отечество, друзей, вслѣдствіе горячей любви къ тебѣ — неужели ты думаешь, что я ожидалъ подобнаго приѣма съ твоей стороны? Скука! отвращеніе! Это должна быть эгоистическая болѣзнь, ежели она ослабляетъ тебя до такой степени, что ты не понимаешь чудовищной роли, которую хочешь заставить меня играть, — роли нѣмого наперстника въ живой трагедіи, которая должна липить меня лучшаго друга, на которомъ была сосредоточена вся моя гордость и любовь.

Здѣсь ораторъ принужденъ былъ остановиться, потому-что голосъ замеръ въ его груди; но, видя, что слезы показались на глазахъ Паоло, онъ сдѣлалъ надъ собою усиліе и продолжалъ:

— Умереть—значить сдаться; но вѣдь борьба гораздо благороднѣе; возьми примѣръ съ миссъ Лавиніи. Упала ли она духомъ при испытаніяхъ, которыя должна была переносить? Нѣтъ, она взяла свой посохъ и отправилась въ невѣдомый путь, на какой-то святой подвигъ, какъ самая кроткая, самая ревностная изъ пилигримокъ. Почему и тебѣ не послѣдовать ея примѣру? Поищи и для себя какое-нибудь благородное назначеніе, подобное тому, которое она, вѣроятно, избрала себѣ. Для тѣхъ, которымъ предстоитъ освобожденіе отечества, не можетъ быть недостатка въ дѣятельности. Напримѣръ, что ты скажешь о Крымѣ? Не хочешь ли отправиться туда?

— Отправиться въ Крымъ? — повторилъ Паоло съ величайшимъ удивленіемъ.

— Ну, да; почему бы тебѣ не способствовать къ взятію Севастополя?

— Ты хочешь сказать, что ежели я такъ сильно желаю смерти, то могу умереть тамъ, по-крайней-мѣрѣ, со славою. Разумѣется, я тутъ вижу нѣкоторую пользу для себя, но ни малѣйшей—для моего отечества.

— Независимо отъ всякихъ другихъ соображеній,—возразилъ Сальваторъ,—мнѣ кажется, что тотъ оказываетъ добрую услугу родинѣ, кто поддерживаетъ честь ея оружія. Въ настоящее время, Пьемонтъ отправляетъ нѣсколько тысячъ солдатъ въ Крымъ: побѣди и ты. Вотъ мѣсто, гдѣ человекъ можетъ жить и умереть со славою.

— Я не отвергаю этого плана, — сказалъ Паоло, — но могу ли я, республиканецъ, служить подъ знаменемъ короля, не измѣняя своимъ политическимъ убѣжденіямъ?

— Почему же нѣтъ, ежели это знамя итальянское и развѣвается повсюду, гдѣ сражаются за независимость Италіи? Повѣрь мнѣ, Севастополь—первый привалъ на нашемъ пути въ Миланъ.

— О, еслибы я могъ быть убѣжденъ въ этомъ! — воскликнулъ Паоло.

— Почему же ты сомнѣваешься въ томъ, въ чемъ, въ настоящее время, убѣждена вся Европа? Развѣ въ противномъ случаѣ пьемонтцы принимали бы участіе въ войнѣ? Потрудишься выслушать меня. У Сардиніи нѣтъ никакихъ особенныхъ интересовъ въ восточномъ вопросѣ; у ней также нѣтъ никакой старинной непріязни противъ Россіи. Сардинія еще страдаетъ отъ ранъ, нанесенныхъ ей въ 1848 и 1849 годахъ; ея долги очень велики, кредитъ незначителенъ, казна почти пуста. Для королевства, находящагося въ подобномъ положеніи, нейтралитетъ былъ бы, повидимому, удобнѣе всего. Если Сардинія отказывается отъ такой явно-благоразумной политики и подвергается случайностямъ войны, то, повѣрь мнѣ, она руководствуется важными соображеніями. Какая же другая причина могла бы побудить ее къ этому, какъ не формальное обѣщаніе западныхъ державъ, что взвѣ-

мнѣнъ ея содѣйствія при взятіи Севастополя, Англія и Франція помогутъ ей изгнать австрийцевъ изъ Италіи?

— Видѣть — значить вѣрить, — сказалъ Паоло наставительнымъ тономъ. — Ты портишь благовидный аргументъ излишнимъ распространеніемъ.

— Нисколько, — возразилъ Сальваторъ, который имѣлъ свои причины для того, чтобы не жалѣть красокъ для картины. — Я говорю тебѣ, что это дѣло рѣшено и подписано. — Когда чаша полна, то достаточно одной капли, чтобы жидкость перелилась черезъ край. Давно уже Австрія, въ восточномъ вопросѣ, водить Францію и Англію за носъ, и ихъ терпѣнію приходитъ конецъ. Онѣ хотятъ унижить Австрію и открыто высказываютъ ей это намѣреніе. «Долой Австрію, да здравствуетъ Пьемонтъ!» таковъ голосъ журналовъ; а, какъ бы то ни было, они служатъ отголоскомъ мнѣній страны.

Паоло недовѣрчиво покачалъ головою.

— Я напередъ угадываю твое возраженіе, — продолжалъ Сальваторъ, — ты хочешь сказать, что пресса во Франціи несвободна. Если такъ; то это еще одинъ лишній поводъ думать, что пресса служитъ, по-крайней-мѣрѣ, выраженіемъ видовъ правительства: не запрещая подобныхъ статей, оно, косвеннымъ образомъ, подтверждаетъ высказываемыя въ нихъ мнѣнія. Это, кажется, довольно ясно. Впрочемъ, оставимъ въ сторонѣ французскую прессу, ежели ты не имѣешь къ ней довѣрія, и обратимся къ прессѣ англійской. Это свободнѣйшая пресса въ цѣломъ мірѣ; ты согласенъ съ этимъ — очень хорошо. Возьми первый попавшійся журналъ: что ты найдешь въ немъ? цѣлыя столбцы, наполненные сарказмами, обвиненіями и угрозами противъ Австріи и похвалами и одобреніями Пьемонту. Ты удивишься моимъ свѣдѣніямъ, мой милый другъ: всѣ эти статьи переведены на итальянскій языкъ и перепечатаны въ туринскихъ журналахъ, и тамъ-то, въ этомъ гнѣздѣ итальянской свободы, читалъ я ихъ. Да, мнѣ хотѣлось бы, чтобы ты прочелъ параллель, проводимую между эгоизмомъ и бездѣйствіемъ огромной имперіи, отсталостью ея правителя, коварными замыслами ея государственныхъ людей и дѣятельностью маленькаго королевства, рыцарскимъ духомъ Виктора-Эммануэла и рѣшимостью его перваго министра. Австрія представлена чудовищемъ, а Пьемонтъ — примѣрною державой.

— Все это очень возможно, — прервалъ Паоло; — но развѣ ты забылъ нашу пословицу: «Dal detto al fatto, ci corre un gran tratto» (отъ слова до дѣла очень далеко)? Я помню совѣтъ Торнтонна — остерегаться этихъ изъявленій симпатіи. Въ 1849 г. начиналось что-то подобное тому, о чемъ ты говоришь теперь; но это нисколько не помѣшало нашимъ доброжелателямъ бросить насъ на произволъ судьбы. Торнтонъ увѣрялъ меня, что огромное большинство англичанъ считаютъ итальянское дѣло не стоящимъ ни одной капли англійской крови, ни одной гинеи. Дѣйствительныя симпатіи Англіи, по его словамъ, находились на сторонѣ ея старой союзницы, Австріи.

— *Находились* — я съ этимъ согласенъ, но не *находятся* теперь. Ты смѣшиваешь время Питта съ временемъ лорда Пальмерстона; ты

забываешь конкордать съ Римомъ, которымъ былъ нанесенъ послѣдній ударъ австрійскому вліянію въ Англіи. Ей держать сторону Австріи! какъ бы не такъ! Вѣдь Австрія есть отрицаніе всего, что составляетъ величіе Великобританіи.—И маленький живописецъ старался математически доказать Паоло, что всѣ англичане, безъ исключенія, противъ Австріи за Италію. Бѣдный, наивный, простодушный Сальваторъ!

Друзья еще много разговаривали; но этотъ разговоръ не имѣлъ никакого непосредственного результата. Несмотря на силу аргументовъ Сальватора, несмотря на привлекательность открываемой ими перспективы для человѣка, питавшаго отвращеніе къ жизни, они не подѣйствовали на Паоло, потому-что участіе въ томъ, что онъ называлъ войною между королями, казалось ему первымъ шагомъ къ отреченію отъ убѣжденій, которымъ онъ руководствовался до-сихъ-поръ. Сальваторъ, отправляясь спать, долженъ былъ удовольствоваться утѣшительнымъ сознаніемъ, что другъ его не до такой степени, какъ ему казалось, былъ глухъ для всѣхъ интересовъ жизни. Онъ не могъ заснуть, но утро было мудренѣе вечера. Около трехъ часовъ, онъ постучался къ Паоло въ дверь.

— Это я; знаешь ты Манина?

— Лично я съ нимъ незнакомъ,—отвѣчалъ Паоло. — Скорость его отвѣта показывала, что онъ еще прежде проснулся.—Къ чему этотъ вопросъ?

— Я спрашиваю тебя, считаешь ли ты его вождемъ, къ которому можно имѣть довѣренность?

— Разумѣется; кто сомнѣвается въ этомъ?

— Вслибы,—продолжалъ Сальваторъ,—онъ одобрилъ образъ дѣйствій, который ты считаешь предосудительнымъ, согласился ли бы ты съ его мнѣніемъ?

— Я думаю—да,—отвѣтилъ Паоло.

— Хорошо, мнѣ это только и нужно было знать. Покойной ночи.

Черезъ нѣсколько минутъ, вертлявый маленький человѣчекъ былъ уже въ постели, и такъ-какъ онъ совершенно успокоился, то не прошло и десяти минутъ, какъ онъ уже захрапѣлъ.

Во время своего непродолжительнаго пребыванія въ Туринѣ, Сальваторъ много наслышался о Манинѣ и о примирительной политикѣ, принятой въ послѣднее время знаменитымъ венеціанцемъ. Дѣйствительно, Манинъ незадолго предъ тѣмъ напечаталъ свою новую программу: «Независимость и Единство», такъ много способствовавшую къ подготовленію этого единодушія цѣли и дѣйствій, которое, нѣсколько лѣтъ спустя, должно было возбудить восторгъ во всѣхъ друзьяхъ Италіи и привести въ отчаяніе всѣхъ ея враговъ: Какъ счастливъ былъ великій человѣкъ, что онъ не дождалъ до того, чтобы видѣть хуже тѣмъ безполезный результатъ своего проекта о примиреніи для геройской страны, которую онъ любилъ такъ пламенно, такъ разумно, такъ благородно, для его милой родины — Венеціи! Случилось, что въ Туринѣ Сальватору дали парижскій адресъ знаменитаго изгнанника. Это обстоятельство, почти забытое имъ при постоянныхъ заботахъ о Пао-

ло, пришло ему на память въ эту критическую минуту, и онъ рѣшился имъ воспользоваться.

На другое утро, когда Сальваторъ предложилъ ему отправиться къ Манини, Паоло нисколько этому не противился; онъ только пожалѣлъ, что у него нѣтъ рекомендательнаго письма для облегченія ихъ доступа къ экс-диктатору.

— Это ничего не значитъ, — сказалъ Сальваторъ; — ты знаешь поговорку о привлекательныхъ наружностяхъ; твоя физиономія послужитъ намъ рекомендаціею; къ тому же, великіе люди всегда доступны для публики.

Манини занималъ маленькую, менѣе чѣмъ скромную квартирку, въ третьемъ этажѣ, въ улицѣ Вланшъ. Онъ принималъ молодыхъ людей съ тѣмъ откровеннымъ радушіемъ, которое составляетъ отличительную черту итальянскаго характера. Когда пришли нежданые посетители, Манини уже надѣвалъ шляпу: видно было, что онъ собирался уходить; впрочемъ, онъ ихъ привалъ, говоря, что онъ можетъ расплагаться четвертью часа. Назвавъ фамилію какъ свою, такъ и Сальватора и объявивъ о своемъ званіи и мѣстѣ рожденія, Паоло самымъ краткимъ образомъ объяснилъ свои сомнѣнія, прося Манина разрѣшить ихъ. Могъ ли онъ, не измѣняя своимъ республиканскимъ убѣжденіямъ, вступить въ ряды сардинской арміи, находящейся въ Крыму?

— Что дороже вамъ, — спросилъ Манини: — республика или Италія? Рѣзультатъ, Италія. Для основанія республики или монархіи, Италія необходимо существовать какъ государству, т. е. быть независимой; все, клонящееся къ этой цѣли, къ основанію единства Италіи, заслуживаетъ поддержки всѣхъ патріотовъ, каковы бы ни были ихъ политическія вѣрованія. Должно ли участіе Пьемонта въ крымской войнѣ считать за событіе подобнаго рода, за шагъ на добромъ пути? Я не задумаюсь отвѣтить утвердительно, имѣя въ виду, что оно расширяетъ кругъ вліянія Пьемонта въ дѣлахъ Европы и даетъ ему силу на добрыя начинанія, стави его въ открытый антагонизмъ съ Австріею и открывая ему удобный случай возвеличить славу итальянскаго оружія. Тѣ, которые отправляются сражаться подъ трехцвѣтнымъ знаменемъ итальянскаго возрожденія — воины не пьемонтскаго королевства, а Италіи. Какъ бы желалъ я быть молодымъ и сильнымъ настолько, чтобы стать въ ихъ ряды!

При послѣднихъ словахъ Манина, Паоло и Сальваторъ встали, чтобы уйти, но онъ удержалъ ихъ, прибавивъ:

— Съ нѣкоторыхъ поръ на меня нападаютъ за то, что я слишкомъ пристрастенъ къ Сардиніи. Я смотрю на нее, какъ на великую національную силу; дурно это или хорошо? — это фактъ и, сверхъ того, это фактъ монархическій. Слѣдуетъ ли намъ считать его враждебнымъ дѣлу освобожденія потому только, что онъ таковъ, или должны мы стараться воспользоваться имъ, принявъ его, каковъ онъ есть? Во всякомъ случаѣ, для меня это вопросъ рѣшонный. Я объявляю, что, съ своей стороны, готовъ примириться съ монархіею, ежели она будетъ основаніемъ единства и независимости Италіи.

Въ то время, какъ онъ говорилъ, дверь въ комнату нотихоньку отворилась, и, когда онъ кончилъ, женскій голосъ—(пожалѣнно бѣднаго, потому-что это не былъ голосъ ни жены, ни дочери: обѣ онѣ пожелали въ свѣжихъ еще могиллахъ)—тихо проговорила:

— М-сье Даміэль, скоро уже одиннадцать часовъ; не забудьте, что вамъ нужно отправляться въ улицу Пигаль.

— Благодарю васъ,—отвѣчалъ Манинъ своей заботливой ключицѣ.—Я иду.—И, взявъ подъ-мышку книгу, лежавшую на столѣ, онъ, вмѣстѣ съ молодыми людьми, сошелъ съ лѣстницы. У выходившей на улицу двери онъ остановился и, съ чувствомъ, сказалъ имъ: «Прощайте, друзья мои, желаю вамъ успѣха на пути, вамъ избранномъ. Честь будетъ неразлучна съ вами, потому-что это путь долга. Благодарю васъ. Вашему поколѣнію, котораго вы представители, простому духомъ и мужественному сердцемъ, Провидѣніе предназначило великое дѣло — освобожденіе Италіи. Миръ, миръ, во что бы ни стало, между угнетенными—и ихъ всеобщій воинскій крикъ, подобенъ трубамъ іерихонскимъ, низвергнетъ въ прахъ всѣ твердыни притѣснителей. Вы, люди молодые, дождетесь этого дня...

— Такъ же, какъ и вы, — воскликнули Паоло и Сальваторъ съ энтузіазмомъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! возразилъ Манинъ, — духъ бодръ, плоть же немощна. Дни мои сочтены, скажу я съ псалмопѣвцемъ; и я несколько не жалѣю объ этомъ. Еще разъ, прощайте.—И, дружески пожавъ руки обомъ молодымъ людямъ, онъ поспѣшно удалился. У Паоло замерло сердце при видѣ шаткой поступи благороднаго патріота, и онъ внутренно задалъ себѣ вопросъ: по какому тайному велѣнію судьбы человекъ, составляющій славу дѣлой націи, обреченъ жить и умереть съ растерзаннымъ сердцемъ?

— Bravo!—воскликнулъ Сальваторъ,—вотъ неоцѣненный человекъ: каждое слово его прямо идетъ къ дѣлу. Впрочемъ, позволь мнѣ тебѣ замѣтить, что все, сказанное имъ—разумѣется, болѣе яснымъ и опредѣленнымъ образомъ,—то же самое, что я имѣлъ честь докладывать тебѣ вчера вечеромъ. Кстати, мнѣ хотѣлось бы узнать, зачѣмъ это у него итальянская грамматика подъ-мышкой?

— Манинъ уроками зарабатываетъ себѣ пропитаніе, и, поэтому, носить съ собою инструменты своего ремесла. Какова насмѣшка судьбы? Экс-диктаторъ Венеціи долженъ торговать частями рѣчи!

Сальваторъ съ минуту призадумался, потомъ сказалъ:

— А почему же и нѣтъ? Бѣдность во все времена налагала на человека печать истиннаго величія. Надѣнь на Гомера пурпурную мантию, посади Данта въ карету, запряженную четверкою лошадей, и тогда увидишь, какія выйдутъ изъ нихъ жалкія фигуры.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ-ТРЕТЬЯ.

Отъѣздъ.

Паоло собирался уѣхать въ тотъ же вечеръ.

— А твой паспортъ?—спросилъ Сальваторъ.

Паоло способенъ былъ уѣхать безъ паспорта. Сальваторъ только

пожималъ плечами. Человѣкъ, прїѣхавшій изъ Палермо въ Парижъ, понимаетъ важность этого документа. Итакъ онъ прибавилъ:

— Это легче сказать, чѣмъ сдѣлать, любезный другъ, я говорю относительно нашего прїѣзда къ мѣсту назначенія. Рѣшительныя мѣры надобно имѣть въ запасъ на крайній случай, а сперва посмотримъ, что сдѣлаетъ для насъ сардинское консульство.

Слѣдуя этому благоразумному совѣту, Паоло отправился въ консульство съ своимъ разсудительнымъ маленькимъ другомъ. Сознавая, что его совѣтъ чиста, Паоло объяснилъ свою просьбу самымъ краткимъ и простымъ образомъ и прибавилъ, что, хотя онъ не имѣетъ никакого особеннаго права на содѣйствіе сардинскаго правительства, но надѣется, что исключительность его положенія, вмѣстѣ съ его намѣреніемъ поступить въ крымскую армію, должна придать нѣкоторый вѣсъ его просьбѣ.

— Разумѣется,—отвѣтилъ чиновникъ, къ которому онъ адресовался.—Если я не ошибаюсь, то вы имѣете намѣреніе ѣхать въ Туринъ.

Паоло утвердительно кивнулъ головой.

— Очень хорошо; извините меня, я на минуту оставлю васъ, — продолжалъ чиновникъ, выходя изъ комнаты. Черезъ нѣсколько минутъ, онъ возвратился вмѣстѣ съ другимъ господиномъ и сказалъ Паоло:

— Вы можете ли вы назвать мнѣ число, когда вы просили и не получили паспорта въ нунціатурѣ?

Паоло сказалъ, что это было въ началѣ сентября.

— Значитъ, около семи мѣсяцевъ назадъ; довольно-продолжительный срокъ для того, чтобы раскаться, — улыбаясь, сказалъ второй господинъ.—Въ этомъ случаѣ вамъ, я думаю, слѣдуетъ возобновить вашу просьбу; если же она будетъ попрежнему безуспѣшна, то приходите опять ко мнѣ съ какими-нибудь двумя почтенными нашими соотечественниками, которые могли бы засвидѣтельствовать этотъ отказъ и удостовѣрить вашу личность, и тогда я дамъ вамъ паспортъ въ Туринъ. Онъ будетъ временный, и годится только для прѣѣзда туда. Довольно вамъ этого?

— Совершенно,—отвѣтилъ Паоло,—я очень вамъ обязанъ.

Тогда Сальваторъ, вынимая свой паспортъ, спросилъ:

— Примете ли вы меня въ число свидѣтелей, требуемыхъ для моего друга?

Разсмотрѣвъ паспортъ, сардинскій чиновникъ отвѣтилъ утвердительно.

Молодые римляне вторично поблагодарили обязательнаго господина и ушли; потомъ, слѣдуя данному имъ совѣту, тотчасъ же отправились въ нунціатуру. Но люди, которыхъ они тамъ встрѣтили, оказались столько же ожесточенными противъ Паоло, какъ Фараонъ противъ еврейскаго законодателя. Однакожъ, Сальваторъ воспользовался настоящимъ случаемъ, чтобы проинсать свой паспортъ въ Римъ.

— Теперь,—сказалъ онъ, выходя на улицу,—надобно позаботиться

о второмъ свидѣтелѣ. Знаешь ли ты какихъ-нибудь итальянцевъ въ Парижѣ?

— Ни одного,—отвѣчалъ Паоло.

— Въ такомъ случаѣ, надобно обратиться къ Дюжанру,—возразилъ Сальваторъ,—въ этомъ случаѣ именно онъ можетъ быть намъ полезенъ: онъ знаетъ всѣхъ. — Но этотъ планъ, повидимому, до такой степени не понравился Паоло, что Сальваторъ, внезапно остановившись, спросилъ своего товарища:

— Какого рода возраженіе находишь ты противъ этого?

У Паоло недостало рѣшимости дать удовлетворительное объясненіе, и потому Сальваторъ продолжалъ съ неумолимымъ благоразуміемъ:

— Милый Паоло, когда заставляетъ необходимость, то нужно отбросить въ сторону излишнюю деликатность. Дюжанръ человекъ въ высшей степени обязательный, и я не понимаю, какъ можно колебаться, если нужно попросить такого добраго малаго объ услугѣ. Намъ нельзя терять времени; надо помнить, что для достиженія цѣли слѣдуетъ употребить всевозможныя средства. Отправимся къ Дюжанру безъ церемоній.

Не заставъ его дома, Паоло оставилъ ему карточку, на которой написалъ, что желаетъ его видѣть.

Паоло не хотѣлъ признаться Сальватору, что въ послѣднее время между нимъ и реалистомъ возникла нѣкоторая холодность отношеній. Дюжанръ былъ методиченъ даже въ своихъ кутежахъ, т. е. онъ взялъ себѣ за правило—не переходить границы, дозволяемыхъ его финансами. Видя, что Паоло, напротивъ того, ведетъ жизнь не по состоянію, онъ не разъ осмѣливался замѣчать ему это, и Паоло, слишкомъ обезумѣвшій, чтобы слушаться благоразумныхъ совѣтовъ, вздумалъ оскорбляться тѣмъ, что считалъ покушеніемъ на его личную свободу. Поэтому, сношенія между прежними неразлучными друзьями были на время прерваны.

Вечеромъ Дюжанръ отправился къ Паоло и съ распростертыми объятіями бросился къ Сальватору, котораго никакъ не предполагалъ увидѣть. Впрочемъ, онъ не изъявилъ ни малѣйшаго удивленія, узнавъ о внезапномъ намѣреніи Паоло. Онъ сказалъ, что онъ приготовленъ ко всему со стороны этого безумца, и даже не удивился бы, еслибы встрѣтилъ его на бульварѣ подъруку съ бапшею церкви Notre Dame. Все крайности,—не правда ли, Паоло? Что бы тамъ ни было, позволь мнѣ тебѣ сказать, что если выбирать изъ двухъ крайностей, то я подаю голосъ за шестимѣсячный походъ въ Крымъ и за солдатскія порціи; по-моему, это лучше адской скачки — извини за выраженіе—которой ты предаешься въ теченіе двухъ мѣсяцевъ.

— Ты вполне охарактеризовалъ мое существованіе, — сказалъ Паоло шутливо;—будь такъ великодушенъ, помоги мнѣ выйти изъ этого положенія. И онъ началъ объяснять ему, какой онъ ожидаетъ отъ зего услуги.

Дюжанръ принялъ это очень горячо и съ обыкновенною своею го-

товностью взялся хлопотать, обѣщаясь найти не только одного са-
дѣтеля, но, если нужно, цѣлыхъ двадцать, сколько понадобится, изъ
всѣхъ государствъ Италіи и даже изъ республики Сан-Марино;
впрочемъ прибавилъ, что на это нужно время.

Именно времени и не могъ дать Паоло; но обстоятельства были
сильнѣе его и имъ слѣдовало покориться. Какъ ни грызъ онъ свои
уши, но принужденъ былъ ждать три дня. Къ счастью, у него не
было недостатка въ спѣсныхъ дѣлахъ.

Во-первыхъ, ему слѣдовало провѣрить множество счетовъ, но для
этого нужно было болѣе денегъ, чѣмъ времени. Что же касается до
кареты и лошадей, которыхъ онъ имѣлъ глушесть купить, то Джу-
жанръ взялся продать ихъ при первомъ удобномъ случаѣ. Во-вто-
рыхъ, онъ долженъ былъ непременно повидаться и проститься съ
немногими друзьями, которыхъ онъ совершенно забылъ въ послед-
нее время.

Перэнъ, Пертюн и Вонифасъ приняли молодого римлянина такъ ра-
душню, какъ будто онъ только наканувъ былъ у нихъ. Можетъ
быть, м-сье Вонифасу, по его разсѣянности, и показалось, что онъ
видѣлся съ Паоло только вчера.

Въ большихъ городахъ люди заняты — какого бы рода ни были
ихъ занятія, умственные или дѣловые — не замѣчаютъ теченія време-
ни, и даже лица, составляющія исключеніе, во избѣжаніе излишнихъ
объясненій, притворяются, будто-бы также не обращаютъ на него
никакого вниманія.

Узнавъ, что Паоло отправляется въ Туринъ — (онъ ни однимъ сло-
вомъ не намекнулъ о Крымѣ) — и думая, что онъ отправляется туда
на постоянное житіе, Перэнъ и Пертюн одобрили его намѣреніе.
Сардинія, сказалъ г. Перэнъ, вскорѣ сдѣлается центромъ италіян-
скаго движенія, и слѣдуетъ желать, чтобы всѣ силы, разбросанныя
по полуострову, стремились бы къ этому пункту. М-сье Пертюн смо-
трѣлъ на недавнюю смѣлую рѣшимость Пьемонта въ крымскомъ дѣ-
лѣ, какъ на отличную политическую мѣру, могущую имѣть несчаст-
лимыя послѣдствія. Сердце Паоло радостно забилося, когда онъ
услышалъ, что такіе достойные люди съ такою похвалою выража-
ются о странѣ, которую онъ, нѣкоторымъ образомъ, хочетъ сдѣлать
своею отчизною, и за которую готовится проливать кровь.

Видѣть его на набережную Монтебелло былъ оставленъ напослѣ-
докъ. Изъ всѣхъ знакомыхъ Паоло, повидимому, одна только При-
данса замѣтила его продолжительное отсутствіе.

— Ахъ, м-сье Поль! — воскликнула она, — какимъ рѣдкимъ гостемъ
вы стали нынче!

При этомъ кроткомъ у рекѣ, глаза итальянца наполнились слезами.

— О, еслибы я чаще посѣщалъ васъ! это было бы лучше и для
меня, и для другихъ.

Вѣчно занятый Просперъ не замѣтилъ долгаго отсутствія Паоло,
онъ, такъ же какъ и дѣти, очень обрадовался ему. Последніе, по стар-
рой памяти, собрались около преняго своего пріятеля и немедленно

начали опустошать его карманы, наполненные игрушками и лакомствами.

Скоро явился и Венуа, которому были сдѣланы телеграфическіе знаки изъ окна, и для изліянія восторга не нашолъ ничего лучшаго, какъ отцѣпить знаменитую пивковую трубку и, размахивая ею, воскликнуть: «Вотъ!» Дѣло было къ вечеру, и Венуа находился подъ влияніемъ пара, — по его іезуитски-лицемерному выраженію — токсикологическое состояніе, которое придавало столько же выразительности его пантомимѣ, сколько отнимало силы отъ его ораторскихъ способностей.

Общество было теперь въ полномъ составѣ, и между со бесѣдниками происходилъ взаимный обмѣнъ вопросовъ, новостей, освѣдомленій, дружескихъ изліяній, прерываемыхъ только безпрестанными отлучками Проспера и приливомъ и отливомъ пассажировъ. Комната, въ которой находилось все общество, была отдѣлана заново, оклеена свѣжими обоями и старая развалившаяся печь замѣнена чистенькою новою. Просперъ не безъ вѣкоторой гордости исчислялъ эти капитальные улучшенія.

— Все это сдѣлало новое управленіе, — пояснялъ маленькій человекъ; — главная компанія омнибусовъ — всѣ члены ея, миллионеры — скупила всѣ линіи за огромную сумму. Что и говорить! Ничто не можетъ сравниться съ централизацией. Сказать между нами, это дѣло золотое и вполнѣ вѣрное.

— Прибавили ли вамъ жалованья? спросилъ Паоло: — это больше всего интересуетъ меня.

— Нѣтъ, жалованья-то мнѣ еще не прибавили, м-сье Поль, но за то намъ всѣмъ дали форму... не правда ли, она недурна? И Просперъ вытянулся во весь ростъ и сталъ такимъ образомъ, что можно было разглядѣть его со всѣхъ сторонъ. Тогда только Паоло замѣтилъ сильнее пальто Проспера съ вышитымъ воротникомъ и фуражку, соответствовавшую этому костюму. — Сукно великолѣпное, пощупайте его, мягко точно бархатъ; а шитье серебряное; у насъ также есть непромокаемые плащи для лошадей. Вотъ мой!

Паоло олобрилъ плащъ, но сдѣлалъ возраженіе противъ мундира. Просперъ горячо защищалъ свой новый костюмъ.

— Въ теперешнее время — говорилъ онъ — всѣ, начиная съ маршаломъ Франціи до коммисіонеровъ при магазинахъ, имѣютъ форму.

— Это мужской кринолинъ, сказала Прюданса, смѣясь.

— А ну, къ чорту эти кринолины! — воскликнулъ Просперъ съ внезапнымъ ожесточеніемъ, — три четверти жалобъ, которыя намъ приходится выслушивать, относятся къ этому отвратительному изобрѣненію. А мундиръ, благодаря Бога, никого не беспокоитъ, и, между тѣмъ, придаетъ очень приличный видъ — не правда ли, крестный?

При этомъ воззваніи къ его особѣ, Венуа, во все время спора аттравившійся своею трубкою, съ важностью прокезаснаго вождя, сталъ сдѣлать военный салютъ и отвѣчалъ съ выразительностью:

— Мундиръ — это человекъ. Вотъ что! — нарѣченіе, слишкомъ глумокомысленное для того, чтобы не покончить всѣхъ недоразумѣній.

Послѣ этого Паоло долженъ былъ приходить въ восторгъ отъ трагедій ребятишекъ и прослушалъ басни «Стрекоза и Муравей», ученную старшимъ сыномъ Проспера.

Когда дѣти, расхваленныя, обласканныя и осыпанныя подарками, отправились спать, Паоло всталъ и сказалъ:

— Теперь, дорогіе друзья мои, и мнѣ пора уходить; я пришолъ проститься съ вами передъ отъѣздомъ моимъ изъ Парижа; я отправляюсь въ Туринъ.

Это извѣстіе возбудило въ старомъ кавалеристѣ припадокъ необыкновенной веселости. Онъ нанесъ воображаемый ударъ въ грудь Паоло, и вскричалъ:

— Проказникъ! вотъ еще что выдумалъ! Ха-ха-ха! Туринъ, славная штука!

— Туринъ! повторилъ Просперъ съ вытнутою физиономією, вѣдь онъ очень далеко, — не правда ли? Надѣюсь, что вы не думаете навсегда поселиться тамъ?

— Что касается до этого, то я ничего не могу сказать навѣрное. Дѣсьбый Просперъ; вы знаете, что иногда мы находимся въ зависимости отъ разнаго рода обстоятельствъ.

— Вотъ видите ли, прибавилъ Просперъ, — я всегда слышалъ, будь это сказано не въ обиду другимъ странамъ, что нѣтъ другого мѣста, которое могло бы сравниться съ Парижемъ на счетъ удобства жизни. Возьмите вы, напримѣръ, публичныя кареты: есть ли хоть одинъ городъ, гдѣ бы можно сѣлать такой конецъ, какъ у насъ отъ Батиньоля до ботаническаго сада, такъ сказать, маленькое путешествіе, за какіе-нибудь шесть су?

Паоло увѣрялъ его, что въ Туринѣ нѣтъ недостатка въ публичныхъ экипажахъ, и что за переѣздъ съ одного конца города на другой платится только четыре су...

— Это очень хорошо, конечно, очень хорошо; но я не думаю, чтобы Туринъ былъ такъ великъ, какъ Парижъ. Впрочемъ, мнѣ очень пріятно слышать то, что вы говорите. Омнибусы съ хорошей стороны рекомендуютъ цивилизацію страны; но, вѣдь вы знаете, что омнибусъ омнибусу рознь; и притомъ, вѣрьте моему слову, въ мірѣ существуетъ только одно «главное общество».

— Не исполните ли вы одинъ мой дѣтскій капризъ? — тихо сказалъ Паоло Придансѣ: — позвольте мнѣ, пожалуйста, взглянуть на мою прежнюю комнату.

— Съ удовольствіемъ, — отвѣчала она и, засвѣтивъ свѣчку, повела его туда.

Венуа проводилъ ихъ новымъ взрывомъ хохота и словами: «Славно, милый другъ, прекрасно! Съ чего вообразилъ этотъ чудакъ, что Паоло спутитъ, говоря о своемъ отъѣздѣ изъ Парижа? Это одна изъ тайнъ опьяненія, которыя не возможно разгадать».

Паоло нѣсколько минутъ разглядывалъ комнату; она была пуста, холодна и довольно мрачна, но даже въ этомъ видѣ она вызвала въ немъ множество воспоминаній, самыхъ пріятныхъ и отрадныхъ.

вспоминаній о безкорыстной привязанности и тепломъ участія. Онъ взялъ Прюдансу за руку и сказалъ:

— Я выжидалъ удобной минуты, когда мы останемся одни, чтобы сказать вамъ.... Тутъ слова замерли на его губахъ. Мнѣ нужно просить у васъ прощенія,—да, прощенія: мнѣ слѣдовало бы стать передъ вами на колѣни, здѣсь на этомъ самомъ мѣстѣ... Не притворяйтесь, будто-бы вы не понимаете меня. Вы очень хорошо знаете, что я былъ неблагодаренъ къ вамъ и ко всѣмъ вашимъ; что я отдался отъ васъ, моей благодѣтельницы, моей великодушной сестры мило-сердія, которой я отплатилъ постыднымъ забвеніемъ того, что вы спасли меня, что я обязанъ вамъ жизнью. Скажите, что вы прощаете меня, если только вы можете сказать это отъ души.

— Если вы непременно этого хотите, — сказала Прюданса, улыбаясь сквозь слезы, — то я скажу вамъ, что прощаю васъ, хотя я никогда и не сердилась на васъ, и прибавлю, что отъ души благословляю васъ, милый м-сье Поль. Теперь позвольте мнѣ объяснить вамъ одну вещь: если я, повпаямому, довольно-холодно принимаю теперь извѣстіе о вашемъ отъѣздѣ, не воображайте, что это происходитъ отъ равнодушія или неудовольствія. Откровенно говоря, я это предчувствовала. Какъ только вы вошли, то я готова была биться объ закладъ, что вы пришли прощаться. Мнѣ самой это грустно, но я радуюсь за васъ: я увѣрена, что это послужитъ къ вашей пользѣ. Вы блѣдны и худы, вы совсѣмъ не тотъ, какимъ были, когда занимались у м-сье Бонифаса; кажется, вы не совсѣмъ счастливы. (Тутъ Паоло поднялъ глаза вверхъ съ выраженіемъ, которое ясно подтверждало подозрѣнія Прюдансы). Хотите ли, я дамъ вамъ хорошій совѣтъ относительно вашего счастья? Я женщина простая, необразованная, но женщины иногда хорошо понимаютъ нѣкоторыя вещи. Постарайтесь найти миленькую дѣвушку, которую бы вы любили и которая любила бы васъ, и женитесь на ней, хотя бы она даже была урожденная принцесса.

— Предположите, сказалъ Паоло, тронутый этой материнскою нѣжностью, предположите, что подобная особа существуетъ, но что я чувствую себя недостойнымъ ея.

— Вотъ еще! воскликнула Прюданса, хорошо быть скромнымъ, но крайности нехороши, — въ чемъ бы то ни было. Впрочемъ, я тѣмъ не менѣе счастлива, зная, что вы на хорошей дорогѣ; все окончится къ лучшему.

— Не могу ли я въ чемъ-нибудь быть вамъ полезнымъ? спросилъ Паоло почти умоляющимъ тономъ.

— Не въ томъ отношеніи, какъ вы думаете, быстро отвѣтила Прюданса; благодаря Бога, намъ нельзя пожаловаться на свою судьбу; но ежели это васъ не обременитъ, то присылайте иногда вѣсточку о себѣ.

Паоло обнялъ, обнялъ ее, поцѣловалъ и вышелъ изъ комнаты.

— Прощайте, Просперъ, прощайте старикъ! Да благословитъ Богъ васъ всѣхъ.

И, сильно пожавъ руку обнимъ мужчинамъ, онъ ушелъ.

У себя на квартирѣ онъ узналъ хорошія вѣсти. Дюжанръ заходилъ къ нему и оставилъ Сальватору записку съ извѣстіемъ, что онъ нашолъ требуемаго свидѣтеля, который явится въ сардинское консульство завтра въ двѣнадцать часовъ. Нечего было безпокоиться о томъ, что Паоло пропуститъ назначенный часъ. Все совершилось благополучно, и около трехъ часовъ, Паоло былъ законнымъ владѣтелемъ правильного паспорта, сверхъ того, прописаннаго еще французскою полиціею. Поэтому они съ Сальваторомъ рѣшили отправиться въ этотъ же вечеръ съ экстреннымъ поѣздомъ.

Платя, книги, обувь были кое-какъ сунуты въ чемоданы и мѣшки и тотчасъ же отправлены на станцію желѣзной дороги. Все это дѣлалось въ присутствіи Дюжанра, который, во все время, предавался своей обычной веселости и подшучивалъ надъ Паоло. Послѣдній до такой степени боялся опоздать, что они пріѣхали на станцію за два часа до отправленія поѣзда. Поэтому, такъ-какъ ни одинъ изъ трехъ не обѣдалъ, они съ общаго согласія отправились въ буфетъ и усѣлись за столъ.

Дюжанръ ѣлъ мало, но, противъ обыкновенія, порядочно пилъ, непомѣрно болталъ и болѣе, чѣмъ когда-либо, сыпалъ парадоксами.

— Италія независимая и свободная! — сказалъ реалистъ, выпивая стаканъ шампанскаго въ отвѣтъ на тѣсть, провозглашонный Сальваторомъ.

— Вы говорите объ этомъ весьма легко, милые друзья мои, а каковы будутъ послѣдствія? Переварить или не переварить? вотъ европейскій вопросъ, заключающійся въ вопросѣ итальянскомъ. А ежели бы я вамъ доказалъ, что *stato quo* въ Италіи есть условіе *vine qui* поп хорошаго пищеваенія для девяти десятыхъ Европы? Покуситесь на малѣйшее измѣненіе, — и желтуха сдѣлается неизбежною. Вы требуете доказательствъ. Эхъ, тупоголовые господа! попробуйте только коснуться римскаго вопроса, хотя бы такъ вѣжно и осторожно, какъ зефиръ прикасается къ розѣ, — а чтобы сдѣлаться свободными, вамъ необходимо будетъ отчасти коснуться его, — тотчасъ же у двухъ-сотъ миліоновъ католиковъ испортятся желудочные соки. Взгляните только мелькомъ на итальянскій Тироль, — а вамъ непремѣнно нужно будетъ посмотрѣть въ ту сторону, или же вамъ нечего и думать о независимости, — тотчасъ же разстройство пищеваенія поразитъ болѣе сорока миліоновъ вашихъ ближнихъ, которые вѣруютъ, какъ въ святую истину, что кислокапустный элементъ *исконно* предназначенъ господствовать надъ элементомъ макароннымъ. Теперь перейдемъ отъ цѣлаго къ подробностямъ. Отклоните этотъ роковой результатъ отъ Италіи, и не будетъ ни одного сословія и ни одной отдѣльной личности, которая жестоко не страдала бы отъ этого. Публицисты, статистики, журналисты будутъ лишены самаго богатаго рудника для своихъ теорій, филантропы — своего любимаго конька, парламентскіе ораторы — пригѣва къ своимъ гнѣвнымъ рѣчамъ, поэты — своего кладбища для неумолкающихъ похоронныхъ гимновъ, херошеш-

кля читательницы «Монхъ Темницъ» *, — предохранительнаго клапана для малѣйша избытка своей чувствительности, и, въ довершеніе всего, масса ничтожествъ, которыхъ Богъ наградилъ отечествомъ, будетъ лишена предмета для сравненія, въ высшей степени выгоднаго для ихъ самопрославленія. Вы видите, что перемена ухудшить положеніе всѣхъ, не улучшивъ ничьей судьбы, даже самихъ итальянцевъ. Я ожидалъ возраженія. Вы первые пострадаете, я докажу вамъ это. Что придаетъ величіе и возвышенность итальянскому характеру и возбуждаетъ къ нему всеобщую симпатію? Это — невещественность цѣли, преслѣдуемой итальянцами и духъ самопожертвованія, который проникнуто это идеальное стремленіе. Посреди бѣшеной погои за наслажденіями и матеріальными интересами, характеризующей нашу вѣкъ, и ставшей всѣхъ подъ одинъ уровень, нельзя не чувствовать нѣкотораго рода уваженія и симпатіи къ людямъ оригинальнымъ до такой степени, что они рискуютъ всѣмъ, даже жизнію, за предметъ неосязаемый и невидимый, за идею. Какъ ни опознѣла мы сами, оригинальность еще нравится намъ въ другихъ. И что же? Этимъ положеніемъ дѣль вы обязаны Австріи. Устраните причину — и вы уничтожите слѣдствіе; сдѣлайте Италію независимою, свободною, счастливою, и тогда прощай этотъ эфирный балластъ, прощай поэзія и оригинальность; вы упадете съ облаковъ и будете возбуждать столь же мало участія, какъ допнувшій воздушный шаръ; однимъ словомъ, вы станете похожи на остальное человѣчество и сдѣлаетесь достойными вращаться среди пошлой орбиты, т. е. заниматься спекуляціями на желѣзныя дороги и биржевые фонды, словомъ, богатѣть и толстѣть.

Люди часто совѣстятся казаться такими добрыми, каковы они на самомъ дѣлѣ. Весь этотъ наборъ галimatъи со стороны Дюжанра не имѣлъ другой цѣли, кромѣ той, чтобы скрыть сильное волненіе, которое много говорили въ его пользу и которое, несмотря на всѣ его усилія, выразилось и въ его взглядахъ и въ словахъ въ минуту разставанія.

— Прощай, милый Сальваторъ, прощай, милый Телемакъ; надѣюсь, что ты не сердился на меня. Если я далъ тебѣ поводъ къ жалобамъ, что очень вѣроятно, то виною тому мои мнѣнія, а не сердце; вѣрь мнѣ, старшій товарищъ, что, несмотря на кажущуюся сухость, я человѣкъ далеко не безчувственный, и когда этотъ скучный итальянскій вопросъ будетъ поставленъ ясно, прямо, а не рикошетомъ... Но довольно.... Мы увидимъ. Можетъ быть, вы все-таки правы, но такъ ли, нѣтъ ли, помните, что я дорожу вашею дружбою и всегда готовъ къ вашимъ услугамъ. Пишите ко мнѣ по временамъ.. Ну, до свиданія!

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Дѣянія Сальватора.

Они быстро пріѣхали въ Ліонъ, потомъ въ Шамбери и вѣзбились на гору Ценись, величественную, громадную, покрытую вѣчнымъ

* Le mie Prigioni, соч. Сильвіо Пеллико.

снѣгомъ. Паоло никогда не видалъ Альпъ и часто старался представить ихъ себѣ по описаніямъ, которыя ему случалось слушать; но какое воображеніе въ состояніи приблизиться къ подавляющей дѣйствительности? Паоло почувствовалъ присутствіе Нога въ его твореніи и поклонился предъ Всемогущимъ Создателемъ.

День былъ холодный и ясный, и старыя сосны, покрытыя инеемъ, блестя на солнцѣ, подобно громаднымъ венеціанскимъ канделябрамъ. Чтобы не потерять ни одной изъ гармоническихъ подробностей грандіозной картины, Паоло пѣшкомъ взобрался на гору, предаваясь тому сладостному ощущенію, подъ влияніемъ котораго человѣкъ чувствуетъ, что какъ-будто у него нѣтъ тѣла и что онъ паритъ на крыльяхъ. Маленькія ножки Сальватора не споткнулись ни разу: исключая двухъ небольшихъ ровдыховъ, онъ мужественно и не отставая шелъ возлѣ своего высокаго товарища.

Такимъ образомъ, они достигли вершины горы Далеко, далеко внизу, сперва сдавленная узкими ущельями, а потомъ постепенно расширяясь, лежала долина Сузы, а на самомъ концѣ ея, черною точкою, видѣлся и самый городъ.

— Посмотри, Сальваторъ, сказалъ Паоло.

— Да здравствуетъ Италия! въ свою очередь воскликнулъ маленькій живописецъ, и въ первый разъ, съ незапамятныхъ временъ, началъ какой-то припѣвъ, болѣе чѣмъ прежніе приспособленный къ обстоятельствамъ:

Ah! del cielo et della terra,
Bella Italia sei l'onor!...

(О, прекрасная Италия! Ты—слава неба и земли!)

Этотъ переходъ черезъ гору Ценисъ, какъ до сихъ поръ увѣряетъ Паоло, болѣе чѣмъ всѣ вмѣстѣ взятые книги и моралисты, способствовалъ къ восстановленію гармоніи въ его душѣ. Счастье, что это такъ случилось, потому что въ Туринѣ его ожидали проволоки и непріятности. Со всѣхъ сторонъ молодые римляне слышали непріятную новость, что въ экспедиціонный пьемонтскій корпусъ принимаютъ только такихъ волонтеровъ, которые были уже на службѣ и могутъ засвидѣтельствовать это. Правда, говорили ему, теперь формируется иностранный легионъ для англійской службы, для поступленія въ который не требуется никакихъ подобныхъ условій и, вѣроятно, вы смѣшали этотъ легионъ съ пьемонтскимъ корпусомъ. Впрочемъ, пылкій молодой человѣкъ, нисколько не упавъ духомъ, отправился къ нѣкоторымъ депутатамъ, съ которыми познакомился во время перваго пребыванія своего въ столицѣ Сардиніи, и съ помощью этихъ мимолетныхъ знакомствъ, ему удалось получить рекомендательное письмо къ одному важному лицу въ военномъ министерствѣ. Но всѣ его исканія, къ несчастію, только убѣдили его въ томъ, что ни ему, ни его другу не возможно и думать быть принятымъ на службу въ Крымъ.

— Я увѣренъ, что вы сами поймете необходимость этой мѣры, сказалъ имъ этотъ важный чиновникъ, по возможности смягчая свой

отказъ явнымъ выраженіемъ симпатическаго сожалѣнія.—Мы будемъ находиться лицомъ къ лицу съ грозною воинскою силой, въ виду двухъ лучшихъ армій Европы; честь нашего отечества здѣсь заинтересована вдвойнѣ, и съ нашей стороны было бы непростительной оплошностью доверить ее кому-либо, кромѣ людей уже отчасти опытныхъ.

— «Доводы недурны, говорилъ самъ себѣ проситель» сходя съ лѣстницы, но, тѣмъ не менѣе, не утѣшительны ни для меня, ни для Паоло. Мнѣ кажется, что совершенно напрасно будетъ добиваться свиданія съ министромъ; разумѣется, они уже заранѣе стоворились пѣть одну и ту же пѣсню. Но еслибы мнѣ можно было добраться до вершины лѣстницы—до короля, то это могло бы нѣсколько помочь дѣлу». Занятый этою новою мыслью, онъ машинально повернулъ направо и былъ вдругъ выведенъ изъ своихъ размышленій видомъ королевскаго дворца, предъ которымъ онъ очутился. Такъ какъ желѣзныя ворота дворца всегда отворены настежь, то Сальваторъ вошелъ на обширный дворъ и долго разсматривалъ королевское жилище. Должно быть, есть какое-то озабоченное наслажденіе въ томъ, чтобы смотрѣть на окна людей, которые могутъ имѣть вліяніе на нашу судьбу. Влюбленные, напримѣръ, никогда не устаютъ безмолвно созерцать окна своихъ возлюбленныхъ.

Офицеръ національной гвардіи, повидимому, дежурный, ходилъ передъ дворцомъ взадъ и впередъ. Наружность его была открытая и привѣтливая. Сальваторъ направилъ шаги такъ, чтобы приблизиться къ офицеру какъ-будто случайно.

— Великолѣпное зданіе! воскликнулъ пейзажистъ.

— Да, отвѣчалъ офицеръ. — Извините мой вопросъ: вы, кажется, невѣдущій?

— Нѣтъ, я римлянинъ,—отвѣчалъ Сальваторъ.—Позволено ли мною странцамъ осматривать внутренность дворца?

— Только не во время пребыванія его величества, какъ, напримѣръ, теперь. Впрочемъ, не должно сердиться на королей за то, что они хотятъ иногда имѣть нѣсколько минутъ покоя.

— Я не имѣю никакой причины сердиться на Виктора-Эммануэла, съ живостью возразилъ Сальваторъ. Черезъ минуту онъ прибавилъ:

— Позвольте спросить васъ, синьоръ: труденъ ли доступъ къ его величеству?

Пьемонтецъ улыбнулся съ выраженіемъ какой-то гордости и отвѣчалъ:

— Дворецъ, который вы видите предъ собою, синьоръ, не Шенбруннъ. Нашъ король не боится видѣть кого бы то ни было. Если вы имѣете нужду въ аудіенціи, то вамъ слѣдуетъ только послать письменную просьбу, съ изложеніемъ вапного желанія и съ надписью вапшего посланника...

— Сказать правду,—прервалъ Сальваторъ, — я не считаю себя въ правѣ просить аудіенціи его величества по дѣлу, которое важно только для меня одного; однакожъ, мнѣ хотѣлось бы взглянуть на Il Re Galantuomo (короля-рыцаря) и сказать ему нѣсколько словъ.

— Въ такомъ случаѣ, почему бы вамъ не подойти къ нему на улицѣ?—сказалъ ефендеръ—онъ не будетъ этимъ недоволенъ.

— Еслибы только я зналъ, гдѣ и когда! — вскричалъ Сальваторъ, съ жаромъ.

— Случай легко найти, — сказалъ его обязательный собесѣдникъ. Вы видите ту арку, на лѣвой сторонѣ этого двора? пройдя черезъ нее, вы увидите направо отъ себя церковь, идите вдоль ея стѣнъ по-тѣхъ-поръ, пока не дойдете до переулка, который лежитъ за нею. На той сторонѣ этого переулка, которая прилагается къ дворцу, вы увидите много дверей; король почти каждый день выходитъ чрезъ какую-нибудь изъ этихъ дверей между двумя и тремя часами пополудни. Ожидайте тамъ, и можно поставить десять противъ одного, что вы его увидите. Но берегитесь показаться оробѣвшимъ или запинаться во время разговора съ его величествомъ: онъ не терпитъ робости и медленности.

Сальваторъ былъ въ такомъ восторгѣ отъ даннаго ему совѣта, что чуть не бросился, въ порывѣ благодарности, на шею своего обязательнаго наставителя; но, одумавшись ограничился тѣмъ, что высказалъ свою признательность римскимъ акцентомъ, который прозвучалъ подобно нѣжной музыкѣ въ отвѣтъ на жесткія, отрывистыя слова его сѣвернаго соотечественника. Онъ прошелъ подъ аркой, обогнулъ церковь и очутился въ переулкѣ гораздо скорѣе, чѣмъ мы можемъ описать его движенія.

— Ха-ха! другъ Сальваторъ—думалъ онъ про-себя—тебѣ представляется превосходный случай, если ты только съумѣешь имъ воспользоваться; ты находишься теперь въ такомъ видѣ, что можешь предстать предъ лицо какой бы то ни было коронованной особы. (Читатель, можетъ быть, забыть, что со времени своего возведенія въ должность декоратора, директора хоровъ и суфлера маркизы Дель-Фузго-и-Аркосъ, Сальваторъ началъ постоянно носить черное платье, бѣлый галстухъ и рубашку съ воротничкомъ). Да, славный случай; лишь бы только король пришелъ. Что касается до нервозности и запинанья, я тому подобнаго, мы постараемся какъ можно менѣе напугать его величествомъ.

Однакожъ, на зло своей увѣренности, Сальваторъ чувствовалъ нѣкоторое безпокойство, чему доказательствомъ служить то, что онъ началъ громко говорить самъ съ собою. Замѣтивъ этотъ фактъ, онъ тотчасъ же прекратилъ свой монологъ рѣшительными словами: «сперестаньте, милостивый государь!» и, напѣвая какую-то арію, сталъ осматривать мѣстность, безпрестанно поглядывая на заднія двери дворца.

Было безъ четверти два, когда онъ занялъ свою позицію въ переулкѣ. Пробило два. Всѣ башенные часы Туряна какъ-будто назначили другъ другу свиданіе надъ головою Сальватора. Четверть третьяго, половина третьяго — и никого нѣтъ, только дождь пошелъ непродолжительнымъ, но сильнымъ ливнемъ, который промочилъ его до костей. Везъ четверти три. Три. Вѣдный Сальваторъ началъ терять терпѣніе. «Или король вышелъ ранѣе обыкновеннаго, или онъ вовсе

не выходилъ». Впрочемъ, едва Сальваторъ пришолъ къ этому неутѣшительному заключенію, какъ вдругъ одна изъ такъ долго наблюдаемыхъ заднихъ дверей отворилась и оттуда вышли два человѣка: оба они были въ партикулярномъ платьѣ; но въ томъ, который шолъ впереди, Сальваторъ тотчасъ же узналъ короля, приближавшагося къ нему твердымъ и быстрымъ шагомъ.

Сальваторъ отступилъ, въ одно мгновеніе снялъ свою шляпу и приложивъ, повоенному, руку ко лбу, выпрямился какъ палка, готовый воспользоваться малѣйшимъ знакомъ вниманія со стороны его величества. Замѣтивъ военный салютъ, король остановился и, слегка улыбнувшись при видѣ этой странной фигуры, устремившей на него глаза, спросилъ:

— Вы имѣете что-нибудь сказать мнѣ?

— Съ позволенія вашего величества, — быстро отвѣчалъ Сальваторъ, — мы, два римлянина, пріѣхали сюда нарочно изъ Парижа, чтобы вступить въ крымскую армію.

— Въ крымскую армію? Имѣете ли вы надлежащій ростъ? — возразилъ король, быстро взглянувъ на маленькаго живописца.

— Какъ разъ такой ростъ, какой требуется для берсальера — (стрѣлка), — ваше величество. А мой другъ крѣпокъ и высокъ какъ башня, и мы уже нюхали порохъ.

— Гдѣ? — спросилъ король.

— При осадѣ Рима въ 1849.

— Что внушило вамъ мысль отправиться въ Крымъ?

— Желаніе приготовить себя къ предстоящей вашему величеству кампаніи въ Ломбардіи.

Король повернулся съ веселой улыбкой къ своему спутнику; затѣмъ, обращаясь къ Сальватору, сказалъ:

— А если васъ убьютъ въ Крыму?

— Что-жь, ваше величество? *dulce et decorum est pro patria mori.*

— Bravo! — вскричалъ король, — хорошая латынь и прекрасная мысль. Какъ ваше имя? Гдѣ васъ отыскать?

— Анджело Джильи, къ услугамъ вашего величества; живу въ гостиницѣ «Старой Таможни.»

— Аддіо! — сказалъ король и, приложивъ руку къ шляпѣ, пошелъ дальше.

Сальваторъ все стоялъ, отдавая воинскую почесть, пока король не скрылся изъ виду.

— Но, — возразилъ Паоло, когда его другъ передалъ ему въ подробности разговоръ свой съ королемъ, — ты напрасно говорилъ ему о двухъ волонтерахъ: вѣдь ты знаешь, что я отправлюсь одинъ.

— Посмотримъ, удастся ли это тебѣ, сказалъ Сальваторъ.

— Ты, вѣдь, конечно, не поѣдешь со мною, — возразилъ Паоло.

— Посмотримъ. — повторилъ маленькій живописецъ.

— А Клелія? замѣтилъ Паоло.

— Клелія подождетъ взятія Севастополя — вотъ и все, — прибавилъ бѣдный Сальваторъ съ принужденной веселостью.

— Ну, если... если съ тобой случится несчастье?

— Именно то же самое изволилъ замѣтить и его величество, забывая, что пули и напасти выбираютъ для себя по преимуществу людей высокаго роста. Впрочемъ,—продолжалъ Сальваторъ съ комическою важностью,—чтобы тебя успокоить, я обещаю всякій разъ наклонять голову, какъ заслышу свистъ. Зачѣмъ, мой добрый Паоло, отнимать у маленькаго человѣчка средства заслужить нѣсколько лавровыхъ вѣтокъ, которыя могутъ прибавить что-нибудь къ его росту? Но къ чему толковать объ этомъ? Споемъ лучше:

Se uniti negli affani,

Noi summo sempre insieme, etc.

(Соединенные въ горѣ, мы были всегда неразлучны.)

На утро слѣдующаго дня, въ гостиницу «Старой Таможни» явился молодой офицеръ, спрашивая синьора Анджело Джильи. Это былъ адъютантъ генерала Ф***, отличившагося въ кампаніи 1848 и 1849 г. и назначеннаго однимъ изъ главныхъ начальниковъ крымской экспедиціи.

Королю такъ понравился маленькій храбрѣцъ, столь увѣренно про-рочившій ломбардскую кампанію, что онъ поручилъ генералу Ф*** (особѣ, его сопровождавшей) сдѣлать все, что можно, для претендента въ волонтеры и для его друга. Генералъ Ф***, въ свою очередь, поручилъ это своему адъютанту.

— Его величество принялъ благосклонно вашу просьбу,—говорилъ адъютантъ,—и мнѣ приказано, по мѣрѣ возможности, удовлетворить ваши желанія. Г. Джильи не такъ высокъ ростомъ, но онъ ловкій, живой: изъ него выйдетъ хорошій стрѣлокъ. Что касается синьора...

— Манчини, подсказалъ Паоло.

— Синьоръ Манчини будетъ славный гренадеръ. Вы, господа, очень способны къ военной службѣ; но, чтобы выйти хорошимъ солдатомъ, необходимо упражненіе, постоянное и тяжѣлое упражненіе. Обнадеживъ васъ такимъ образомъ, прошу у васъ позволенія, какъ говорятъ, взять на себя роль повѣреннаго отъ дьявола и посовѣтовать вамъ хорошенько подумать, прежде чѣмъ рѣшиться на то, чего послѣ нельзя уже будетъ переменить. Жизнь солдата вовсе не имѣетъ той поэтической прелести, о которой мечтаютъ молодые энтузіасты; напротивъ, тутъ вы увидите ужасную дѣйствительность, постоянное разочарованіе. Я намекаю не на простыя обыкновенныя трудности войны. законы непогода, голодъ, холодъ, дни, проведенные въ утомительномъ трудѣ, ночи безъ сна, болѣзни, раны, смерть. Я говорю о вѣчно отдаленной надеждѣ, о полномъ уничтоженіи всякой свободы дѣйствій и мыслей, всякой индивидуальности—объ этой мучительнѣйшей пыткой для умныхъ людей. Эти недѣли, мѣсяцы бездѣйствія, дѣлаютъ жизнь солдата нескончаемою мукой. Вотъ истинная картина. Нравится ли она вамъ?

Паоло и Сальваторъ объявили, что рѣшимости ихъ ничего не можетъ поколебать.

— Тѣмъ лучше для пользы службы!—вскричалъ офицеръ, вставая и пожимая обоихъ за руку.—Адъютантъ сдѣлалъ свое дѣло. Теперь

позвольте вамъ пожелать въ 1848 г. поздравить васъ съ избранною карьерою. Я вижу, что вы проникнуты тѣмъ истиннымъ патриотизмомъ, для котораго нѣтъ невозможной жертвы, *Ad augusta per angusta* (къ великому чрезъ трудное). Я самъ сдѣлался солдатомъ случайно. Я готовился въ адвокаты, но въ 1848г. оставилъ это занятіе, будучи убѣжденъ, что отечество нуждается во мнѣ. Я вступилъ въ службу и теперь сдѣлалъ бы то же, хотя испыталъ все, о чемъ я вамъ говорилъ. Мнѣ кажется, что именно то, что я вытерпѣлъ, придадо солдатской жизни особенную прелесть въ моихъ глазахъ. Думаю, что и вы также любите ее.

Увѣренный въ скоромъ отъѣздѣ въ Крымъ, Паоло на другой день отправился къ нотаріусу и сдѣлалъ завѣщаніе. Оно было очень коротко: все имущество свое онъ передавалъ своему дорогому и вѣрному другу Анджело Джильи, а, въ случаѣ смерти послѣдняго, Кле-лиа Маури. Черезъ нѣсколько дней, Паоло вступилъ въ 1-й полкъ 2-й пѣхотной бригады, подъ начальство генерала Тротти, а Сальваторъ во 2-й батальонъ стрѣлковъ Ла-Мармори.

Цѣлый мѣсяцъ прошолъ со дня ихъ поступленія до дня отплытія, мѣсяцъ постоянныхъ упражненій, во время котораго, по этому самому, нашимъ друзьямъ рѣдко удалось видѣться другъ съ другомъ.

Путешествіе они совершили на разныхъ судахъ и даже, прибывъ на мѣсто назначенія, рѣдко имѣли случай встрѣчаться, потому-что ихъ дивизіи занимали противоположныя оконечности сардинскаго лагера. Но къ концу іюня 2 бригада переведена была въ центръ лагеря и возможность видѣться увеличилась соотвѣтственно уменьшенію разстоянія, раздѣлявшаго ихъ прежде.

Не имѣя въ виду описывать ни крымской кампаніи, ни участія, которое принималъ въ ней пьемонтскій контингентъ, мы будемъ слѣдовать за скромною судьбою Паоло и Сальватора. Ихъ роль не была блестяща и разсказъ о ней займетъ немного страницъ. Прежде, однако, мы должны выполнить одну обязанность въ отношеніи къ читателю, которому, мы думаемъ, интересно знать: улучшилось ли, вслѣдствіе новаго образа жизни, мрачное и болѣзненное расположеніе духа Паоло.

Паоло—поспѣвшимъ засвидѣтельствовать это—излечился еще до прибытія въ Крымъ; излечился, разумѣемъ мы, отъ обаянія того злаго духа, который имъ овладѣлъ въ Парижѣ. Онъ помирился съ жизнью, которою, однако, готовъ былъ пожертвовать за родину; онъ даже раскаявался, что нѣкогда считалъ этотъ даръ неба невыносимымъ для себя бременемъ. И вліяніе физическое и нравственное, перемѣна мѣста, тѣлесное упражненіе, порывы патриотическихъ чувствъ, которые онъ видѣлъ вокругъ себя, сознаніе, что и онъ принести свою лепту—все это привело къ благотѣльнымъ результатамъ. Но изъ этого не слѣдуетъ заключать, что онъ съ болѣею снисходительностью сталъ смотрѣть на прежнія свои заблужденія; напротивъ, онѣ внушали ему такое же отвращеніе, но уже онъ не отчаявался въ возможности исправить свои ошибки. И это печальное время, проведенное имъ въ Парижѣ, представлялось ему чрезвычайно

отдаленнымъ, между тѣмъ какъ, по какому-то умственному оптическому обману, другія времена, другіе образы, другія сцены, гораздо болѣе отдаленныя, казались ему дѣломъ, какъ-будто происходившимъ наканунѣ; напримѣръ, его первое, столь восхитительное свиданіе съ Лавиніей въ мастерской его на Віа Фраттини; въ запахъ его какъ-будто раздавался еще легкій шорохъ, подобный шелесту листьевъ отъ лѣтнаго вѣтерка, шорохъ, возвѣщавшій ея приближеніе; онъ чувствовалъ еще запахъ амврозіи, который она распространяла вокругъ себя; въ его памяти еще свѣжи были всѣ милыя слова, всѣ жесты— все, что онъ видѣлъ и слышалъ въ первый блаженный день визита своего въ Палаццо Морлакки; она представлялась ему такою, какою онъ видѣлъ и считалъ ее въ то время — добрымъ гениемъ въ домѣ ея дяди — и особенно-живо представлялась ему ихъ разлука въ Римѣ, ея покорность его волѣ.

Душа Паоло питалась этими крохами прошедшаго, но, кромѣ того, она находила сладостную пищу въ послѣднемъ письмѣ Лавиніи. Онъ хранилъ его, какъ величайшую святыню: онъ бережно завернулъ это письмо и носилъ его на груди, близъ сердца, чтобы и въ могилу взять его съ собою. Хотя онъ зналъ его наизусть, но постоянно перечитывалъ его и нерѣдко, въ минуты уединенія, повторялъ въ умѣ, находя въ его содержаніи какую-то цѣлительную силу противъ тяжелыхъ воспоминаній. Скажутъ, все это странная мечтательность, ребячество. Да; но это ребячество имѣло спасительные результаты, потому-что на данныхъ письма Лавиніи Паоло построилъ мало-помалу свой духовный міръ: Лавинія, облагороженная несчастіемъ, его любовью къ ней, отмищенная смиреніемъ и, вмѣстѣ съ этимъ, возвышенныя стремленія, которыя украшаютъ и возносятъ природу человека. Развѣ этого мало? Сойдемъ теперь съ высоты этихъ поэтическихъ созерцаній на почву ежедневной дѣйствительности. Положеніе нашихъ двухъ бывшихъ живописцевъ въ лагерѣ на Чорной было довольно-скучное, однообразное и тягостное.

Пьемонтскій отрядъ платилъ тяжкую дань убійственному климату Крыма. Волѣзнь и смерть въ самыхъ ужасающихъ формахъ составляли въ теченіе нѣкотораго времени непреодолимое препятствіе для операций сардинской арміи, и немногіе имѣли силы бороться съ тѣмъ отчаяніемъ, которое рождается отъ относительнаго бездѣйствія и апатіи. Говоримъ «относительнаго», потому-что для здоровыхъ было, конечно, довольно занятій по службѣ; но эти занятія представляли слишкомъ мало интереса, чтобы разсѣять то тягостное чувство, которое господствовало въ лагерѣ, страшно опустошенномъ болѣзью.

Наши волонтеры мужественно переносили испытаніе, а это немаловажная заслуга, если справедливы слова поэта:

«It is the detail of blank interval,
The patient sufferance where no action is,
That proves our nature. Many are who act,
But, oh, how few endure!»

(Мелочи бездѣтнаго промежутка, терпѣливое страданіе безъ всл-

кой дѣятельности—вотъ пробный камень нашей природы. Есть много людей, которые дѣйствуютъ, но какъ мало такихъ, которые умѣютъ терпѣть!)

Паоло и его маленькій другъ не только сами все переносили, но ободряли и другихъ. Въ это время веселость Сальватора и обильный запасъ его припѣвовъ изъ оперъ приносили дѣйствительную пользу и оживляли не одно ослабѣвшее сердце. Онъ не скупился выказывать свои способности, хотя блѣдность его щекъ не совсѣмъ шла къ его комическимъ выходкамъ и увлеченію.

Увы! Неизсякаемая веселость Сальватора не спасла его отъ болѣзни. Въ послѣднее воскресенье іюля, его не было у обѣдни въ лагерной церкви. На безпокойные вопросы Паоло о своемъ другѣ, ему отвѣчали, что маленькій римлянинъ заболѣлъ и отведенъ въ госпиталь.

По очень понятнымъ причинамъ, доступъ въ госпиталь постороннимъ лицамъ былъ воспрещенъ, и только при участіи адъютанта генерала Ф***, того самаго, котораго мы видѣли въ гостиницѣ «Старой Таможни», въ Туринѣ, и который не переставалъ оказывать благосклонность своимъ протеже, Манчини могъ получить о Сальваторѣ извѣстія, которыя его нѣсколько успокоили; у него была перемежающаяся лихорадка, которая могла быть весьма продолжительна, но не представляла опасности для его жизни. Въ началѣ августа, по случаю предполагаемаго штурма противъ Малахова кургана, всѣ госпитали были очищены, и Паоло узналъ, что другъ его переведенъ въ Балаклаву, откуда, при первой возможности, думали перевести его въ госпиталь въ Скутари.

Чтобы успокоить Клелію, которая могла, Богъ знаетъ что, подумать вслѣдствіе продолжительнаго молчанія Сальватора, Паоло счелъ лучшимъ тотчасъ же увѣдомить молодую дѣвушку о дѣйствительномъ положеніи вещей; при письмѣ былъ приложенъ вексель на значительную сумму. Съ этою же почтою, онъ написалъ, согласно своему обѣщанію, письмо къ Придаусѣ, съ извѣщеніемъ о своей новой карьерѣ, и распространился о храбрости и любезности французскихъ солдатъ.

Замѣчательнѣйшимъ фактомъ жизни Паоло въ Крыму была рекогносцировка, сдѣланная пѣмонтцами 13 августа, которая, однако, не привела къ желаемымъ результатамъ. Экспедиціонный корпусъ прошелъ всю долину по ту сторону Черной, не найдя и слѣдовъ непріятеля.

Наконецъ наступилъ день 16 августа, который долженъ былъ принести славу союзникамъ и въ которомъ пѣмонтцамъ предстояла также доля испытаній и славы.

Вся линія Черной, съ наступленіемъ дня, сильно атакована была русскими, которые, послѣ минутнаго успѣха, дорого купленнаго, были отбиты съ большимъ урономъ. Сраженіе при Черной, по мнѣнію знатоковъ, рѣшило судьбу Севастополя. Паоло имѣлъ счастье принадлежать къ дивизіи Тротти, бывшей въ дѣлѣ; онъ находился въ томъ батальонѣ, который преслѣдовалъ отступавшаго непріятеля.

Мэнчии не совершилъ никакихъ необычайныхъ подвиговъ . какіе дѣлались во времена странствующаго рыцарства , но своею твердостью и неустранимостью обратилъ на себя вниманіе солдатъ и офицеровъ своего отряда ; поэтому всѣ очень пожалѣли о немъ , когда увидѣли , что онъ заматался и упалъ . Это былъ послѣдній выстрѣлъ отступавшей русской артиллеріи .

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ .

Благодѣтельная катастрофа .

Но намъ давно пора возвратиться въ Парижъ и посмотреть , что дѣлается въ лечебницѣ доктора Тернеля . Въ теченіе этого времени , перо миссъ Клары было чрезвычайно дѣятельно , и еслибы мы захотѣли представить въ текстѣ всѣ письма , посланныя ею въ Аульскомбъ и Скутари , мы могли бы составить большой томъ . Но , какъ мы не желаемъ увеличивать до безконечности числа главъ нашего романа , то позволимъ себѣ извлечь изъ корреспонденціи миссъ Клары только самые существенные факты .

Докторъ Тернель , употребляя въ дѣло всѣ средства , чтобы пробудить въ своемъ больномъ сознаніи дѣйствительности , рѣшилъ , что наступило , наконецъ , время сдѣлать новый шагъ впередъ на томъ же пути . Въ одно утро , онъ передалъ Торнтону адресованное къ нему письмо изъ Аульскомба , съ уэргэмскимъ почтовымъ штемпелемъ , написанное хорошо знакомымъ почеркомъ миссъ Клары и полъписанное всѣми буквами ея имени . Миссъ Клара писала , что , узнавъ о пребываніи своего стараго друга въ Парижѣ , въ улицѣ св. Доминика , она рѣшилась немедленно пріѣхать къ нему , и спрашивала , желаетъ ли онъ видѣть ее .

Докторъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ послѣдствій этого посланія ; къ удивленію , онѣ оказались далеко не удовлетворительными . Торнтонъ сдѣлался задумчивымъ и погрузился въ мечтанія ; онъ много говорилъ самъ съ собою , но доктору не сказалъ ни одного слова . М-сье Тернель долженъ былъ самъ разбить эту ледяную кору .

— Ну , — проговорилъ онъ весело , — вы получили пріятныя вѣсти , я знаю . Миссъ Клара въ дорогѣ и скоро пріѣдетъ сюда .

— Откуда вы это знаете ? — спросилъ Мортимеръ послѣ нѣкотораго размышленія .

— Она тоже писала и ко мнѣ . Вотъ ея письмо . — И докторъ передалъ ему другое письмо . Торнтонъ взглянулъ на него и прибавилъ сухо : — Все это не болѣе какъ мистификація ; давно ли это мертвые стали писать письма ?

— Но миссъ Клара не умирала , смерть ея — игра вашего разстроеннаго воображенія . Она полна жизни и дѣятельности , также какъ и привязанности къ вамъ , своему старому и лучшему другу .

Торнтонъ съ уныніемъ покачалъ головой .

— Кто можетъ знать лучше меня , ея убійцы , жива она или нѣтъ ?

— Не у меня въ рукахъ очевидное доказательство , что вы обманываетесь , — сказалъ докторъ , ударяя по письму . — Вы совершенно спра-

ведливо замѣтили, что мертвые не пишутъ; но миссъ Клара пишетъ; вамъ почеркъ ея знакомъ очень хорошо.

— Да, я когда-то зналъ этотъ почеркъ,—сказалъ несчастный англичанинъ,—но кто можетъ ручаться? теперь такъ легко поддѣлываются подъ чужую руку. Публиковали ли вы когда-нибудь, что просите сообщать свѣдѣнія о вамъ другъ, пребыванія котораго вы не знаете?

— Нѣтъ, никогда.

— Ну такъ попробуйте, и вы увидите, что изъ этого выйдетъ. Есть множество людей, которые занимаются ремесломъ безстыдныхъ мистификаторовъ. Когда погябъ пароходъ «President», то мистификаціямъ не было конца. Я тоже испыталъ ихъ, потому-что самъ попался въ сѣти. И онъ разсказалъ исторію своего путешествія въ Гавръ и своего жестокаго разочарованія.

Никакіе доводы и убѣжденія доктора не могли вывести его пациента изъ этого новаго состоянія, въ которомъ находился его умъ. Было бы опасно представить ему еще болѣе осязательное доказательство его заблужденія. Докторъ рѣшилъ, что необходимо дожидаться благоприятной переменны въ мысляхъ больного.

— Намъ нельзя рисковать слишкомъ поспѣшно нашею послѣднею, единственною надеждою, сказалъ онъ миссъ Клэръ. Хотя даже самымъ лучшимъ образомъ обдуманнй планъ можетъ не удался, но мы сдѣлаемъ все, человѣчески-возможное.

Первая неудача не уменьшила дѣятельности неутомимаго доктора; онъ намѣнялъ средства для достиженія цѣли. Чего не могъ сдѣлать почеркъ миссъ Клары, то, можетъ быть, сдѣлаетъ ея голосъ, звукъ котораго назначенъ по преимуществу къ тому, чтобы достигать до самаго сердца, особенно если онъ связанъ съ воспоминаніями прошлаго. Съ этою цѣлью докторъ Тернель поставилъ фортепьяно въ комнатѣ, находившейся рядомъ съ кабинетомъ, и единственное окно которой выходило въ паркъ. Миссъ Клара проводила тамъ много безпокойныхъ часовъ, напѣвая аріи и разыгрывая пьесы, которыя способны были напомнить Мортимеру о прошлыхъ временахъ.

Докторъ, съ своей стороны, совѣтовалъ больному выйти въ садъ полюбоваться распускавшимися деревьями. Слуга Торитона получилъ уже приказаніе привести своего господина въ указанное ему мѣсто. Не мало времени потребовалось на то, чтобы убѣдить Мортимера исполнить желаніе доктора. Всегда склонный къ удивленію и сядчай жизни, онъ теперь выходилъ все рѣже и рѣже. Но въ одно утро, когда менте всего ожидали этого, онъ вышелъ и слуга привелъ его къ окну кабинета. Нѣсколько аккордовъ, составившихъ прелюдію къ пьесѣ Вебера «Dernière repêée» заставили его остановиться. Онъ посмотрѣлъ на окно, откуда выходили звуки, и сталъ внимательно прислушиваться. Докторъ, стояшій за жалузи, наблюдалъ съ живѣйшимъ вниманіемъ за выраженіемъ лица Торитона. Онъ спросилъ миссъ Клару пѣтъ, что она и исполнила тотчасъ.

Дѣйствіе голоса на прислушивавшагося больного было мгновенное. Онъ задрожалъ, скрестилъ руки и глаза его наполнились слезами.

— Теперь, или никогда, — сказал тихо Тернель въ сильномъ волненіи. — Пойте, пойте не переставая, я приведу его къ вамъ. Слышите! Въ одну минуту онъ сбѣжалъ съ лѣстницы и подонолъ къ Торнтону; но этого времени было довольно, чтобы произвести внезапную перемену. Торнтонъ уже стоялъ, потупивъ голову и устремивъ глаза въ землю.

— Миссъ Клара тамъ, сказалъ Тернель, показывая на окно, подъ которымъ они стояли.

Торнтонъ подвѣлъ глаза и посмотрѣлъ самымъ недобѣрчивымъ взглядомъ.

— Она поестъ для васъ, — прибавилъ докторъ. — угодно вамъ идти къ ней?

Торнтонъ попытался назадъ, не сказавъ ни слова.

— Почему же вы не хотите видѣть миссъ Клару, которую вы такъ любили?

Торнтонъ сдѣлалъ самый выразительный отрицательный жестъ и, не говоря ни слова, отступилъ еще дальше и кончилъ тѣмъ, что побѣжалъ прочь.

Слозы покатались изъ глазъ бѣднаго доктора, когда онъ увидѣлъ себя принужденнымъ одному вернуться къ молодой женщинѣ, мучимой безпокойствомъ, и объявить ей о своей вторичной неудачѣ. Еслибы расположеніе духа, въ которомъ находился Торнтонъ, когда онъ слышалъ голосъ миссъ Клары, продолжалось еще только нѣсколько минутъ, нельзя представить себѣ, какіе могли быть результаты. Ужасно въ виду гавани стать на мель! Но то, что надо было отложить навремя, нельзя было еще считать окончательно потеряннымъ. Докторъ имѣлъ большую опытность въ душевныхъ болѣзняхъ и былъ увѣренъ, что Торнтонъ опять придетъ на мѣсто, гдѣ онъ испыталъ сильное впечатлѣніе. И тогда вновь представится случай, которымъ не удалось воспользоваться прежде. Съ помощью этихъ разсужденій и другихъ утѣшительныхъ словъ, добрый и чувствительный Тернель старался смягчить отчаяніе миссъ Клары.

Однакоже, подобный случай не представлялся въ теченіе нѣсколькихъ двухъ недѣль. Въ эти четырнадцать дней Торнтонъ выходилъ раза два въ садъ, но тщательно избѣгалъ того угла, куда старался привести его слуга. Докторъ Тернель замѣтилъ, что его пациентъ еще болѣе взволнованъ, и что его мысли находятся еще въ болѣе безпорядкѣ, чѣмъ до послѣдняго опыта.

Въ одинъ день послѣ обѣда миссъ Клара сидѣла за роялемъ, — это былъ прекрасный, теплый день въ серединѣ апрѣля, — и, между тѣмъ, какъ глаза ея покоились на нѣжной зелени деревьевъ, пальцы ея машинально ходили по клавишамъ. Вдругъ ей показалось, что кто-то вошелъ и остановился возлѣ нея съ правой стороны; она чувствовала, что фигура этого человѣка слишкомъ велика для доктора Тернеля; безъ всякаго сомнѣнія, это долженъ быть Торнтонъ. Какъ ни была она испугана, но она помнила наставленіе доктора — чтобы въ подобномъ случаѣ не выказывать никакого волненія. Она продолжала мангры-

вать и старалась казаться кладискровною; наконецъ, повернувшись къ нему и тихо проговорила:

— Ахъ, это вы, Мортимеръ! какъ вы поживаете? — и, не вставая, она подала ему руку.

Онъ не взявъ руки, но сталъ смотрѣть ей въ лицо спокойно, хотя съ нѣкоторою робостью.

— Хотите я вамъ спою «Королеву Мабъ?» продолжала Клара. Вы очень любили когда-то въ Аульскомбѣ эту пѣсню; помните? не правда ли?

Онъ не отвѣчалъ на этотъ вопросъ, но съ устремленными на нее взорами оставался въ глубокомъ раздумьи. Наконецъ, онъ вскричалъ.

— Гдѣ же можетъ быть другая?

— Какая другая? — сказала миссъ Клара, быстро вставъ. — На свѣтѣ существуетъ только одна Клара, ваша Клара. Что же, вы не хотите подать ей руки?

Говоря это, она подошла къ нему.

Онъ казался довольнымъ, улыбался, но раздумывалъ — брать ли ему руку или нѣтъ; затѣмъ, онъ быстро прикоснулся къ ней, но тотчасъ отнявъ свою руку и прошепталъ про-себя, потупивъ глаза: «Какъ это могло случиться?»

Клара взяла его за обѣ руки и, пристально глядя ему въ глаза, проговорила:

— Клара, ваша Клара!

Они стояли съ десять секундъ лицомъ къ лицу, смотря другъ другу въ глаза. Лицо Торнтонна приняло выраженіе полной сознательности, но вдругъ въ немъ сдѣлалась перемѣна. Подобно тому какъ вода, освѣщаемая лучами солнца, вдругъ тускнѣетъ, когда облако закрываетъ солнце, физиономія Торнтонна потеряла свою ясность и сдѣлалась мрачною и тревожною.

— Не трогайте моей руки, она проклята; это рука убійцы. — И онъ сдѣлалъ усиліе освободить ее. Клара старалась удержать его и успокоить кроткими словами, исполненными любви, но напрасно. Въ этой отчаянной борьбѣ они невольно приблизились къ окну, и вдругъ кто-то съ шумомъ вошелъ въ комнату.

Этотъ приходъ былъ такъ некстати, что съ Торнтонномъ сдѣлался настоящій припадокъ сумасшествія. «Мститель, мститель!» вскричалъ онъ и, оттолкнувъ съ силою Клару, выскочилъ за ояна. Двойной крикъ раздался въ воздухѣ; высунувшись въ окно, Клара увидѣла Торнтонна неподвижно распростертымъ на землѣ, кровь, струившуюся ручьемъ .. и упала безъ чувствъ.

Человѣкъ, причинившій такую ужасную катастрофу, былъ слуга Торнтонна, который, замѣтивъ отсутствіе своего господина, искалъ его сначала по саду и, не найдя его, пошелъ увѣдомить объ этомъ доктора Тернеля. Къ несчастью, доктора не было въ кабинетѣ, и слуга, услышавъ шумъ въ сосѣдней комнатѣ, стремительно бросился туда; остальное намъ извѣстно.

Онъ тотчасъ закричалъ и на зовъ его сбѣжались другіе слуги, и

вмѣстѣ съ ними докторъ Тернелъ. Поручивъ повечерю одного изъ своихъ помощниковъ миссъ Клару, съ которой сдѣлался страшный нервный припадокъ, докторъ, блѣдный, какъ полотно, но спокойный, пошелъ туда, гдѣ опасность была серьезнѣе. Торнтонъ тотчасъ перенесенъ въ его комнату, и докторъ нашолъ, что у него, кромѣ другихъ, менѣе значительныхъ, поврежденій, переломлено правое бедро. Переломъ тотчасъ былъ удачно перевязанъ, больному поданы были всѣ пособія, но, за всѣмъ тѣмъ, докторъ не могъ привести его въ чувство. Прошелъ день, прошла ночь, наступилъ слѣдующій день: Торнтонъ оставался безъ чувствъ, и если бы не бленіе слабаго и неправильнаго пульса, то его можно было бы счесть мертвымъ.

Докторъ чрезвычайно опасался — не сдѣлалось ли у Торнтонъ потрясеніе въ мозгу, противъ чего усилія науки были бы безсильны; но опасеніе это онъ хранилъ въ тайнѣ, а, между тѣмъ, употреблялъ всѣ средства и не отходилъ отъ постели Торнтонъ, развѣ только для того, чтобы успокоить миссъ Клару, которая была въ сильной лихорадкѣ и лежала въ той части заведенія, гдѣ помѣщалась женская прислуга. Докторъ Тернелъ вмѣстѣ и лечилъ, и утѣшалъ, мужественно борясь съ страданіями какъ тѣла, такъ и духа.

На другой день, около полудня, Клара, измученная усталостью, спала глубокимъ сномъ, какъ вдругъ въ ея комнату вошелъ докторъ. Онъ былъ очень взволнованъ и видимо удерживалъ себя. Часто люди, привыкшіе къ сильнымъ впечатлѣніямъ, теряютъ всякую власть надъ собою подъ вліаніемъ радости.

— Онъ умеръ! — вскричала Клара, вскочивъ на постели, съ выраженіемъ ужаса въ широко-раскрытыхъ глазахъ.

— Онъ живъ, — продолжалъ докторъ, видя себя отъ восторга, — онъ пришелъ въ чувство, онъ... Но какъ я глушь! приготовьтесь къ тому, чтобы услышать, что онъ...

— Говорите, добрый докторъ! о, говорите! вскричала бѣдная Клара.

— Онъ излеченъ, излеченъ!.. только и могъ выговорить докторъ.

Клара протянула къ нему руки, въ знакъ сильной признательности, и упала на подушки, обливаясь слезами.

Ничто такъ не можетъ успокоить сильное напряженіе чувствъ, какъ обильныя слезы. Скоро она уже была настолько спокойна, что могла выслушать расказъ доктора. Черезъ двадцать четыре часа, послѣ того, какъ были употреблены самыя сильныя средства, Торнтонъ пришелъ въ чувство. Первымъ дѣломъ его было — подозвать къ себѣ Тернелъ и, нагнувшись къ нему шепнуть едва слышнымъ голосомъ:

«Гдѣ Клара?»

— Я ему сказалъ, продолжалъ докторъ, что вы здѣсь, и онъ меня просилъ передать вамъ сейчасъ же, что, благодаря вамъ, онъ выжилъ, и что всю жизнь онъ будетъ благословлять ту, которой онъ обязанъ возвращеніемъ разсудка.

Черезъ три дня Кларѣ позволено было показаться своему другу, именно показаться, потому-что при этомъ поставлено было усло-

вѣтъ, чтобы они не говорили между собою ни слова, — предосторожность напрасная: ни тотъ, ни другой не могли проговорить ни одного слова: слезы заглушали ихъ голосъ.

Слезы, однѣ слезы служили имъ для объясненія другъ съ другомъ; они не произнесли ни одного слова даже и тогда, когда запрещеніе на это было снято. И когда она сдѣлалась свидѣлкою у постели больного Торнтонъ, всякій намекъ на прошедшее тотчасъ же былъ заглушаемъ слезами ихъ обонхъ.

Торнтонъ, какъ легко можно вообразить, былъ въ этихъ случаяхъ, самымъ кроткимъ и благодарнымъ больнымъ; онъ говорилъ мало, хотя чувствовалъ много; онъ безпрестанно шепталъ какъ-бы во снѣ: «ангелъ! ангелъ!.....» и спрашивалъ у какого-то невидимаго духа, чѣмъ онъ заслужилъ такое величайшее счастье. Что касается добраго доктора, онъ, казалось, помолодѣлъ десятью годами, и его бѣлый галстухъ и воротнички рубашки, на нѣкоторое время оставленные въ пренебреженіи, опять приняли свой прежній блескъ.

Такъ прошолъ мѣсяцъ, за тѣмъ другой; солнце грѣло сильно, въ садахъ блистала зелень, цвѣтники наполнены были цвѣтами. Торнтонъ сталъ уже ходить на своихъ костыляхъ или, лучше сказать, на одномъ костылѣ, потому-что рука миссъ Клары замѣнила ему другой. Скоро солнце сдѣлалось слишкомъ жаркимъ; Торнтонъ и Клара стали предпочитать прогулку въ тѣни, за тѣмъ и деревянный костыль былъ оставленъ, другая же, слабая, но сладкая подпора Торнтонъ, рука Клары, не оставляла его никогда. Кромѣ небольшой хромоты, которая должна была со временемъ исчезнуть, Торнтонъ сдѣлался такимъ же, какимъ былъ и прежде, — то есть въ физическомъ отношеніи, потому-что умственно онъ подвергся значительной перемѣнѣ къ лучшему, которая осталась за нимъ навсегда.

Съ наступленіемъ лѣтняго сезона появились нѣкоторые маленькіе планы. Мортимеръ сталъ подумывать о перемѣнѣ жилища и о томъ, чтобы очистить въ заведеніи Тернела мѣсто кому-нибудь другому, кто болѣе нуждался въ немъ. Тогда миссъ Клара написала къ Нелли и Джорджу, что она въ нихъ имѣетъ надобность, и они пріѣхали въ Парижъ въ началѣ іюля.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ-ШЕСТАЯ.

Все хорошо, что хорошо оканчивается.

Сцена нашей послѣдней главы происходитъ въ скутарійскомъ военномъ госпиталѣ, въ послѣднихъ числахъ сентября. Дворъ его наполненъ солдатами изъ лагеря союзниковъ въ Крыму — англійскими, французскими и сардинскими; но англичанъ здѣсь больше чѣмъ другихъ. Зрѣлище ужасное: здѣсь видны человѣческія страданія въ самыхъ разнообразныхъ, въ самыхъ трогательныхъ видахъ, начиная отъ бѣднаго хромого съ отороженными ногами, до страшно изуродованнаго мальбъки, безъ рукъ и безъ ногъ, туловище котораго, какъ безобразная масса, положено на скамью. Многіе едва таскаютъ ноги; ихъ худоба и

смертная блѣдность внушаютъ еще больше состраданія, чѣмъ раны ихъ товарищей по несчастью. На нѣкоторыхъ, весьма немногихъ лицахъ замѣтно появленіе вновь силы и здоровья; но даже эта сила, это здоровье имѣютъ здѣсь грустный видъ, представляя печальный контрастъ съ болѣзнию, для которой уже нѣтъ исцѣленія.

Выздоровливающіе ходятъ одни, или попарно, или маленькими группами; многіе изъ нихъ сидятъ, заняты разговоромъ или чтеніемъ; здѣсь и тамъ какой-нибудь неграмотный герой диктуетъ письмо другому товарищу, болѣе образованному. Отъ времени до времени, женщина, одѣтая въ сѣромъ, съ лентою на шеѣ, на которой вышиты слова «скутарійскій госпиталь», проходитъ по двору, исполняя какое-нибудь дѣло милосердія; толпа раздвигается, всѣ фуражки приподнимаются, и взгляды призывательности привѣтствуютъ проходящую, какъ какою-нибудь королеву.

Въ этой пестрой толпѣ, наше вниманіе останавливаетъ одна группа. Красивый молодой человекъ, съ чрезвычайно блѣднымъ лицомъ, съ черными, низко обстриженными волосами, стоитъ на колѣняхъ передъ скамейкой и рисуетъ что-то на большемъ листѣ бумаги. Хотя нѣтъ ни малѣйшаго вѣтра, но онъ положилъ на бумагу съ одной стороны госпитальный колпакъ, а съ другой камень, чтобы удержать ее на мѣстѣ. Сѣрая шинель швейцарской пѣхоты небрежно виситъ у него на плечахъ съ заброшенными назадъ рукавами. Рисуя, онъ разговариваетъ съ прекрасной молодой дѣвушкой, лицо которой, серьезное и полное достоинства, не совсѣмъ соответствуетъ ея грубому костюму и занятію, состоящему на этотъ разъ въ штопаніи чулковъ. Черные глаза, такіе же волосы и оливковый цвѣтъ лица обличаютъ южное происхожденіе. По временамъ, принимаетъ участіе въ разговорѣ еще третье лицо и почти всякій разъ производитъ смѣхъ своими шутками. Это третье лицо—человѣкъ маленькаго роста, въ сѣрой шинели сардинскихъ берсальеровъ, въ огромномъ и въ высшей степени смѣшномъ полосатомъ колпакѣ, кисточка котораго постоянно качается отъ непрерывныхъ отрывистыхъ движеній головы. Все его вниманіе, по видимому, состоитъ въ томъ, чтобы ходить вокругъ скамейки, размахивать длинною палкой и напѣвать въ промежуткахъ:

Su, da bravi, figliuoli coraggio,
Che fra i savai sarriva alla gloria.

(Мужайтесь, ребята! скалистые проходы ведутъ къ славѣ).

— Да, сказала Клеція, именно это я говорила вамъ. Онъ прибылъ на яхтѣ суднѣ изъ Ливорно и хотѣлъ отправиться въ Валлаблву.

— Ха, ха! это лучшая изъ его штукъ,—сказалъ Паоло, не въ состояніи будучи удерживаться отъ смѣха.—Графъ Фортигуэрра сдѣлался вольнымъ дворяниномъ—конечно изгнанникомъ—и играетъ на гитарѣ!

— Онъ сдѣлалъ изъ этого славу на всю, увѣрю васъ,—прибавила Клеція. Копѣйки и даже серебряныя монеты сыпались въ его нищенскую суму. У него славный баритонъ, нужно сказать правду, и онъ умѣетъ владѣть имъ.

— Это соперникъ твой, Сальваторъ,—вскричалъ Паоло.—Держу съ тобой пари, что онъ на дняхъ появится въ Скутари.

— Если онъ покажется здѣсь, я его выпровожу такъ же скоро, какъ онъ пришолъ.

— Ага! соперничество по мастерству, продолжалъ Паоло. Первый теноръ *assoluto* завидуетъ успѣхамъ баритона.

— Скажи, однако, Сальваторъ, какими чарами надѣешься ты отъ него избавиться?—спросила Клея.

— Я его выведу на чистую воду.

— Если бы ты, дѣйствительно, захотѣлъ это сдѣлать, — сказала спокойно Клея, то едва ли тебѣ удастся сладить съ графомъ Фортигуэррой; онъ въ совершенствѣ исполняетъ всякую роль, которую вздумаетъ взять на себя. Нужно видѣть его въ польской четырехугольной фуражкѣ и венгеркѣ, покрытой петельками и шнурками, нужно видѣть его большіе бѣлые усы и бѣлую имперьялку, нужно слышать, какъ онъ говоритъ о кампаніи 1830 г. Невозможно и усомниться въ томъ, что это одна изъ героевъ Остроленки. Никто изъ находившихся на суднѣ—(тамъ были и поляки)—ни минуты не сомнѣвался въ его замаскированной національности и въ дѣйствительности подвиговъ, которые онъ рассказывалъ,—и если бы кто нибудь вздумалъ обнаружить продѣлки стараго плута, то, навѣрное, это было бы принято очень дурно.

— Я вижу, что на свѣтѣ нынче безстыдство — самый надежный капиталъ,—замѣтилъ Манчини.—Ну что, онъ узналъ васъ?

— Да,—отвѣчала Клея.—Однажды, я къ нему подошла и заговорила по-итальянски: я прочла совершенное признаніе въ его взглядѣ, полномъ лукавства и плутовства, когда онъ отвѣтилъ: «*Parlare italiano, molto giovanello, vecchio scordato tutto quanto*» (Говорить по-итальянски, очень молодой; старыи забылъ все).

— Вы не видѣли его вѣрнаго друга, кавалера?

Прежде, чѣмъ Клея могла отвѣчать на вопросъ Паоло, Сальваторъ, остолебѣвшій отъ изумленія, вдругъ вскричалъ:

— Клянусь Капитоліемъ! я вижу тамъ младшаго брата Ментора.

Паоло повернулся и замѣтилъ человѣка, высокаго ростомъ, въ партикулярномъ платьѣ, проходившаго черезъ дворъ къ воротамъ.

— Праведное небо! это онъ и есть!—вскричалъ Паоло, вспрыгнувъ и бросившись вслѣдъ за удалявшеюся фигурой.

Слыша, что произносятъ его имя, Торнтонъ обернулся, посмотрѣлъ въ лорнетъ и, радостно вскрикнувъ, бросился на встрѣчу Паоло:

— Теперь я совершенно счастливъ! — сказала Торнтонъ, сжимая обѣими руками руку молодого человѣка:

Паоло устремилъ на своего благодѣтеля долгій, испытующій, исполненный любви взглядъ. Перемѣнился, совершенно перемѣнился, выраженіе лица, голосъ — его; это онъ, Торнтонъ; но не прежній Торнтонъ, какимъ онъ былъ въ Римѣ.

— Благодаря Бога, я вижу тебя, наконецъ, въ добромъ здоровьѣ въ лучшемъ, нежели надѣялся тебя видѣть,—сказалъ Паоло съ волненьемъ.

— Счастіе, Паоло, счастіе сдѣлало это чудо. Да, много пережитъ произошло послѣ нашей разлуки; я удостоился большаго счастія, чѣмъ какого заслуживалъ. Ты видишь во мнѣ человѣка, которому возвращено здоровье тѣла и духа, который сталъ надлежащимъ образомъ понимать свѣтъ и людей — словомъ, человѣка возрожденнаго любовью, любовью ангела, къ которому я нѣкогда былъ такъ жестоко несправедливъ. Но перестанемъ говорить обо мнѣ въ эту минуту. Скажи мнѣ, какъ ты попалъ сюда? что сдѣлалось съ тобой въ Парижѣ? расскажи мнѣ все подробно.

— Пойдемъ, сядемъ на минутку, — сказалъ Паоло, указывая на скамейку, гдѣ онъ оставилъ Клелію и Сальватора, — здѣсь есть еще нѣкоторые изъ вашихъ римскихъ друзей.

— Ахъ, какъ будетъ рада жена моя!—вскричалъ Торнтонъ.

— Ваша жена!

— Не сказалъ я развѣ тебѣ, что у меня есть теперь ангель-хранитель? Лавинія тоже здѣсь, Паоло.

— Лавинія?—повторилъ молодой человѣкъ, задыхаясь.

— Да, конечно; теперь она принадлежитъ къ нашему семейству... О, Паоло! милосердное небо! что это такое? — вскричалъ Торнтонъ, вдругъ остановившись, и всѣ черты его затрепетали отъ волненія.

Говоря о Лавиніи, англичанинъ дружески хотѣлъ взять Паоло за лѣвую руку, но не нашолъ ея.

— Это одна изъ многихъ случайностей войны, — сказалъ итальянецъ съ спокойною улыбкой;—благодарю Бога, что это лѣвая, а не правая рука.

— О, мой благородный мальчикъ!—вскричалъ Мортимеръ, прижимая Паоло къ своей груди, и, хотя онъ и былъ истымъ англичаниномъ и удивительно умѣлъ владѣть собою, но залился слезами.

Въ эту минуту подошли Клелія и Сальваторъ. Торнтонъ былъ слишкомъ взволнованъ и не могъ много говорить; но онъ замѣнялъ слова горячими задушевными жестами. Всѣ они сѣли на скамейку, и прежде всего надо было, чтобы Паоло рассказалъ всѣ подробности: какъ его ранили, какъ дѣлали ампутацію и пр. За этимъ слѣдовалъ краткій перечень того, что съ нимъ случилось послѣ разлуки съ Торнтономъ, и онъ не щадилъ себя, когда говорилъ о своей разсѣянной жизни въ Парижѣ. Мортимеръ, въ свою очередь, рассказалъ свои странныя приключенія. Читатель знаетъ ихъ печальную сторону, но не знаетъ свѣтлой. Намъ довольно будетъ нѣсколькихъ строкъ, чтобы пополнить этотъ пробѣлъ.

Бракъ Торнтонна и Клары совершенъ былъ въ домѣ англійскаго посольства въ августѣ, и молодые супруги готовились ѣхать въ Сайпресъ-Голь, разумѣется, вмѣстѣ съ мистеромъ и мистриссъ Эвлингъ, когда они получили очень тревожныя вѣстія изъ Скутари. Съ Лавиніей сдѣлалась холера. Торнтонъ предложилъ тотчасъ же ѣхать въ Скутари.—Это будетъ исполненіемъ твоего проекта, — сказалъ онъ Клэрѣ;—это будетъ дебютомъ нашей ассоціаціи для добрыхъ дѣлъ, которая должна быть цѣлью нашего союза. Если—чего не дай Богъ!—мы пріѣдемъ слишкомъ поздно, чтобы быть полезными нашей мола-

дой и доброй подругѣ, то мы все-таки еще успѣемъ сдѣлать нѣсколько добра другимъ.

Мистриссъ Торнтонъ сама этого пламенно желала. Докторъ Тернелъ горячо одобрилъ ихъ проектъ. Такого поэта, какъ Эвлингъ, не могла не прельстить перспектива путешествія на Востокъ. Мистриссъ Эвлингъ не имѣла другихъ желаній, кромѣ желаній своего мужа — словомъ, они вчетверомъ сѣли на судно въ Марсели, вмѣсто Булони. Прибывъ въ Скутари, они, къ великому утѣшенію своему, узнали, что Лавинія уже внѣ опасности и выздоравливаетъ.

Въ нѣсколькихъ миляхъ отъ главнаго госпиталя, гдѣ находилась Лавинія, былъ сельскій домикъ, принадлежавшій одному англійскому негодіанту, который хотѣлъ жить въ это время въ Константинополѣ. Домовладѣлецъ охотно уступилъ эту виллу Торнтону, и при первой возможности туда была перевезена и Лавинія.

Нужно замѣтить, что главный госпиталь, о которомъ мы говоримъ, лежалъ въ разстояніи получили отъ того госпиталя, во дворъ котораго мы ввели только-что читателя; въ отличіе, этотъ послѣдній обыкновенно назывался военнымъ госпиталемъ. Лавинія отправляла свою должность въ главномъ госпиталѣ: здѣсь она лежала больная и сюда постоянно приходилъ Торнтонъ и его друзья, для дѣлъ милосердія. Другой же госпиталь они посѣщали весьма рѣдко. Вслѣдствіе этого не только Паоло, но даже Сальваторъ и Клеліа, гораздо раньше поступившіе въ военный госпиталь, не имѣли случая встрѣтить Торнтонъ.

— Въ состояніи ли ты сдѣлать маленькую прогулку верхомъ?— спросилъ Мортимеръ у Паоло послѣ того, какъ они кончили взаимныя объясненія;—но я забылъ, что ты не кавалеристъ.

— Я ѣзжу порядочно,—отвѣчалъ Паоло, краснѣя,—я довольно-долго заплатилъ за уроки верховой ѣзды.

— Но, можетъ быть, это очень утомитъ тебя,—настанвалъ Мортимеръ.

— Нѣтъ, я въ этомъ увѣренъ.

— Дорога ужасная; въ экипажѣ ѣздить нельзя и думать, но мы можемъ ѣхать потихоньку. Я знаю, что жена nebude довольна, если ты не повидишься, какъ можно скорѣе, съ нею и съ ея пріятельницами. Что ты на это скажешь? Пріѣхать мнѣ за тобою завтра въ десять часовъ утра? Вечеромъ я провожу тебя назадъ.

— Вижу, что мнѣ назначено вѣчно дѣлать тебѣ хлопоты,—сказалъ Паоло.

— Хлопоты!—потворилъ Мортимеръ,—это слово должно быть исключено изъ нашего словаря. Я беру опять на себя всѣ права Ментора, мой дорогой Телемакъ. Предупреждаю тебя откровенно.

Послѣ этой дружеской угрозы, Мортимеръ удалился.

На другой день онъ, съ военною точностью, прибылъ въ госпиталь ровно въ десять часовъ утра. Паоло тотчасъ вскочилъ въ сѣдло и они поѣхали. Дорога была ужасная; Паоло не замѣчалъ этого: онъ шѣлъ въ виду только свою цѣль, а цѣль эта была такая восхитительная! Торнтонъ говорилъ, но онъ ничего не слышалъ: зрѣніе, слухъ—всѣ чувства его были заняты однимъ предметомъ—Лавиніей;

всѣ мысли его сосредоточились въ одномъ: онъ слова ее увидѣть. Другъ его понималъ это состояніе и, уважая его, нѣкоторое время молчалъ, но на половинѣ дороги онъ обратилъ вниманіе Паоло, занятое мыслью о Лавиніи, на ея исторію.

Паоло внимательно слушалъ разказъ Мортимера о переѣзѣ въ судьбѣ молодой дѣвушки, о томъ, какъ, вскорѣ послѣ смерти мистриссъ Джонсъ, открылось, что Лавинія не была племянницей и даже родственницей м-ра Джонса; что она была дочь бѣднаго ткача, покинутая, изъ денежныхъ выгодъ, вмѣсто дѣйствительной Лавиніи Джонсъ; какъ, вслѣдствіе этого открытія, Лавинія оставила домъ м-ра Джонса; какъ она искала средствъ для пропитанія и какъ въ это время случай свелъ ее съ нынѣшнею мистриссъ Торнтонъ; какъ потомъ обѣ онѣ составили проектъ ѣхать на Востокъ, куда, впрочемъ, поѣхала одна Лавинія, а ея подруга осталась въ Парижѣ для Торнтона.

Чтобы не причинить напрасной скорби своему другу, Мортимеръ не упоминалъ о причинахъ, которыя заставили Лавинію оставить домъ м-ра Джонса. Онъ также выпустилъ изъ своего разказа то обстоятельство, что родители Лавиніи не были обвиняемы. Это составляло черту его природнаго характера, что онъ, по необыкновенной деликатности, не считалъ себя вправѣ, безъ особеннаго разрѣшенія, говорить о томъ, что касалось кого-нибудь лично.

— Все это послужило въ пользу этой бездѣльной дѣвушкѣ, — сказалъ Торнтонъ, окончивая; — перенесенныя несчастія сдѣлали изъ нея новое, прелестное существо. О, какъ счастливъ будетъ тотъ, кто назоветъ ее своею женою!

Паоло ничего не отвѣчалъ и, до конца пути, молчаніе не прерывалось.

Когда наши всадники сошли съ лошадей, на крыльцѣ виллы сидѣли двѣ дамы, но Лавиніи между ними не было. Эти двѣ дамы, которыя такъ походили одна на другую, что ихъ нельзя было считать иначе, какъ сестрами, въ сопровожденіи высокаго джентльмена, съ лицомъ нѣсколько разсѣяннѣмъ и въ самомъ косматомъ и безпорядочномъ изъ натуральныхъ париковъ, подошли къ Паоло, чтобы пожать ему руку, затѣмъ, овладѣвъ его особой, скорѣе потащили его, чѣмъ повели, въ одну комнату, гдѣ, несмотря на всѣ его увѣренія, что онъ нѣсколько не усталъ, уложили его на диванъ, покрыли шалами и засыпали его явствами, винами, ласковыми взглядами и вопросами, исполненными сѣмаго добраго участія.

Паоло отдѣлывался, какъ могъ, отъ этого потока любезностей, какъ вдругъ появился Торнтонъ, въ сопровожденіи Лавиніи.

— Вотъ другой нашъ интересный больной, — сказалъ онъ, — я думаю, что рекомендація будетъ излишнею.

Свиданіе двухъ влюбленныхъ было, какъ и слѣдовало ожидать при обстоятельствахъ, измѣнившихъ ихъ относительное положеніе, исполнено сдержаннаго чувства и тягостнаго затрудненія. Мистриссъ Торнтонъ пришла къ нимъ на помощь. Бдва они пожали другъ другу руки,

какъ она отвела Лавинію и посадила ее въ кресло, а мистрисъ Эдлингъ, опять овладѣвъ особою Паоло, который, при входѣ Лавиніи, соскочилъ съ дивана, уговаривала его лечь и позволить укрыть себя; но на этотъ разъ онъ съ твердостью и успѣхомъ противостоялъ ея убѣжденіямъ.

Паоло былъ героемъ этого дня, центромъ общаго любопытства и интереса. Онъ долженъ былъ опять разсказать исторію потерянной руины, свою болѣзнь въ Парижѣ и пр., описать семейство Просперовъ, ихъ добродушіе въ отношеніи къ нему и объяснить, что заставило его поступить въ крымскую армію — обстоятельство, о которомъ, вслѣдствіе присутствія дамъ, онъ не могъ разсказать иначе, какъ съ разными пропусками. За этимъ послѣдовали безконечныя разсиробы Эдлинга о Римѣ, и Торнтонъ — о нѣкоторыхъ подробностяхъ новой жизни Паоло. Любопытство благороднаго джентльмена было не легко удовлетворено.

Особа, которая больше всего имѣла надобность разсиробить его, предложила ему очень мало вопросовъ. Лавинія говорила мало и старалась всѣми силами избѣжать всякаго намека на прошедшее. Она сказала, что ей очень пріятно было бы видѣть Клею. Хотя, мало-по-малу, взаимное обращеніе Паоло и Лавиніи сдѣлалось довольно естественнымъ и дружескимъ, но въ немъ все еще оставалась нѣкоторая доля скрытности и принужденности. Они не мѣнялись тѣми откровенными продолжительными взглядами, которые проникаютъ въ душу; каждый изъ нихъ какъ-будто избѣгалъ взглядовъ другаго, какъ-будто остерегался чего-то.

Перемѣна, происшедшая съ обоими въ продолженіе болѣе двѣнадцати мѣсяцевъ — перемѣна, которая казалась еще замѣтнѣе отъ военнаго мундира Паоло и костюма Лавиніи, какъ сестры милосердія, — можетъ намъ объяснить въ нѣкоторой степени, что мѣшало имъ вступитъ въ прежнія дружескія отношенія.

Лавинія была такъ же хороша, можетъ быть, еще лучше прежняго; но красота ея получила выраженіе совершенно отличное отъ того, которому удивлялся нѣкогда Паоло. Печаль, размысленіе, привычка къ краткимъ и возвышеннымъ мыслямъ смягчили и, такъ сказать, одухотворили ея фizioномію и напечатлѣли въ ней спокойную ясность и достоинство, которыя сдѣлали ее совершенно новымъ существомъ.

Паоло тоже очень перемѣнился: юношескія черты лица его созрѣли и возмужали. Раскаяніе и смиреніе одушевили ихъ новымъ духомъ. Опытность, приобрѣтенная имъ, сдѣлала его умѣреннымъ и спокойнымъ. Прибавьте къ этому его блѣдность и трогательную слабость, и вы увидите, что перемѣна была полная.

Но, кромѣ внѣшней перемѣны, была другая причина ихъ взаимной сдержанности и осторожности другъ съ другомъ. Паоло и Лавинія такъ хорошо воспользовались уроками своей жизни, что оба были проникнуты убѣжденіемъ, что они недостойны другъ друга и потому обязаны отказаться одинъ отъ другого. Эта, напередъ составленная, идея укрѣпилась въ нихъ такъ глубоко, что, если бы при настоящемъ свиданіи, они поддались первому впечатлѣнію, то броси-

лись бы къ ногамъ другъ друга. Какъ можетъ она, недавно такая вѣтренная, а теперь изгнанная изъ общества, смотрѣть на этого молодого человѣка строгихъ правилъ, героя, мученика? Какъ онъ, павшій идеалистъ, нечестивый грѣшникъ, безумецъ, помышлявшій о самоубійствѣ, можетъ мечтать о ней, возвышенной несчастіемъ, освященной самоотверженіемъ? Отсюда происходила и ихъ осторожность, какъ бы не сказать чего-нибудь такого, что бы могло обнаружить слишкомъ высокомѣрные притязанія на права, уничтоженныя и оставленныя навсегда. Вслѣдствіе этой осторожности, явилась принужденность въ отношеніяхъ, которую каждый изъ нихъ поторопился счесть признакомъ переменъ въ чувствахъ.

На небѣ сіяла полная луна, когда два друга возвращались верхомъ въ госпиталь. Подъ вліяніемъ этого тихаго, томнаго, меланхолическаго свѣта, Паоло готовъ былъ заплакать: онъ вспомнилъ ту ночь, когда онъ былъ на балѣ во дворцѣ князя Торлонія и горькія истины, высказанныя ему Тортономъ о женщинѣ, которая теперь составляла вѣнецъ его счастья.

Впечатлѣнія, вынесенныя италіяцемъ изъ этого посѣщенія, были очень разнообразны: съ одной стороны сожалѣніе и безнадежность, съ другой—безконечное обожаніе и симпатія. Паоло былъ не такой человѣкъ, чтобы, дыша однимъ воздухомъ съ двумя столь совершенными созданіями, каковы были двѣ сестры, не вынести ничего изъ этой облагороживавшей атмосферы.

— Вы въ правѣ называть себя счастливейшимъ человѣкомъ въ мірѣ!—вскричалъ онъ вдругъ съ энтузіазмомъ.—Тортономъ — ангелъ и мистриссъ Эвлинъ тоже.

— А Лавинія? Скажи, на милость, какой титулъ даешь ты ей?—спросилъ Мортимеръ полушутливымъ тономъ, но не безъ нѣкотораго безпокойства.

— Она достойна своихъ друзей — и этого довольно, — отвѣчалъ Паоло.

— Такъ ты соглашаешься со мною, что трижды счастливъ тотъ, кто будетъ обладать этимъ сокровищемъ?

— Безъ всякаго сомнѣнія; но нужно быть слишкомъ дерзкимъ, чтобъ имѣть подобныя надежды.

— Я, право, не совсѣмъ понимаю тебя, — замѣтилъ Мортимеръ.

— Я, кажется, говорю очень ясно, — сказалъ Паоло. — Кто можетъ считать себя достойнымъ ея?

— Однако, я нѣкогда зналъ одного молодого чудака, который имѣлъ смѣлость считать себя достойнымъ ея, — отвѣчалъ англичанинъ, смѣясь.

— Да, я имѣлъ подобную дерзость, — возразилъ Паоло, — но она тогда не была такою, какъ теперь; а молодой чудакомъ, на котораго ты намекаешь, какъ ни былъ онъ высокомѣренъ, былъ чистъ и обладалъ всѣми своими членами; а теперь онъ униженъ, испорченъ и слѣдался калѣкой.

— Гм! Но, за всѣмъ тѣмъ, смиреніе не есть ли лучшая рекомендація передъ избраннѣйшими изъ прекраснаго пола? — спросилъ

Торнтонъ.—И то, что ты называешь калѣчествомъ, если оно произошло въ слѣдствіе нѣкоторыхъ причинъ, не покажется ли особеннымъ достоинствомъ въ ихъ глазахъ, не говоря о томъ, что подобное обстоятельство даетъ случай высказать свою преданность? Что касается прошедшихъ заблужденій, то женщины всегда готовы прощать ихъ и платить добромъ за зло. Доказательство этому ты имѣешь на мнѣ.

— Да, сказалъ Паоло;—но заблужденія заблужденіямъ рознь.

— Я держу пари сто противъ одного,—продолжалъ Торнтонъ,—что твои заблужденія будутъ легко прощены. Поручи мнѣ сдѣлать вмѣсто тебя признаніе передъ Лавніей.

— Хорошо,—отвѣчалъ Паоло.—Пока этого не будетъ сдѣлано, мнѣ кажется, что я буду въ отношеніи къ ней лицомъ врозь; но, пожалуйста, не скрывайте ничего!

— Будь спокоенъ. Но теперь вообразимъ, что она предастъ прошлое совершенному забвенію...

— Искуситель! — вскричалъ Паоло,—зачѣмъ ты стараешься обмануть меня напрасными надеждами?

У Торнтона отвѣтъ былъ готовъ, но онъ удержался: онъ вспомнилъ, что Паоло не знаетъ еще всей исторіи Лавніи и счелъ нужнымъ не подвигать дѣла дальше, прежде чѣмъ не поговорить съ молодой дѣвушкой.

Удивительно сходный съ этимъ разговоръ происходилъ между мистриссъ Торнтонъ и Лавніей, съ подобнымъ же результатомъ, но уже болѣе опредѣленнымъ.

— Никогда, каковы бы ни были мои чувства, — сказала Лавнія, — никогда, ни за что на свѣтѣ, я не захочу челоуѣку честному навязать мой позоръ.

Влагодаря посѣтителемъ и посламъ, лошади Торнтонъ въ теченіе слѣдующихъ десяти дней не знали отдыха. Веселый Сальваторъ имѣлъ большой успѣхъ въ англійскомъ семействѣ, еще болѣе. быть можетъ, понравилась Клелія, особенно Лавніи. Молодая римлянка часто служила посломъ съ утѣшительными вѣстями туда, гдѣ царствовала безнадежность. Однажды, она даже провинилась въ ужасной нескромности, обнаруживъ, что старый эскизъ карандашомъ, сдѣланный въ Римѣ, подписанный буквами П. М. съ изображеніемъ мистриссъ Джонсъ и Лавніи, какъ видно, сопровождалъ послѣднюю въ Крымъ и занималъ почетное мѣсто въ спальнѣ молодой дѣвicy. Торнтонъ съ своей стороны, скоро принесъ извѣстіе, что признанія, сдѣланныя имъ о безпутной жизни Паоло въ Парижѣ были выслушаны въ истинно-христіанскомъ духѣ.

Подъ вліяніемъ многочисленныхъ ободреній, которыя получалъ Паоло со всѣхъ сторонъ, мало-по-малу ослаблялось вкоренившееся въ немъ чувство своего недостойнства; въ его сердце вновь оживилось надеждой, Тѣмъ не менѣе, положеніе дѣлъ не улучшилось; между влюбленными господствовала прежняя тягостная принужденность, отравлявшая удовольствіе ихъ свиданій.

Въ этихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, Торнтонъ и даже его стали размышлять о средствахъ прожить кризисъ.

— Два дѣти обожаютъ другъ друга, но дѣлаютъ себя несчастными и губятъ свое сердце глупою идеею, что они не стоятъ одинъ другого. Какъ выгнать у нихъ эту дурь изъ головы?

— Никто,—отвѣчала Клара,— не въ состояннн выгнать ее изъ головы Лавиннн, кромѣ синьора Паоло. а его, мнѣ кажется, только ты одинъ можешь убѣдить, что онъ ошибается. Кажется, должно начать съ него.

— Я сдѣлаю все возможное,— сказалъ мужъ;—но, прежде чѣмъ оставить его поторопиться своими объясненіями, думаю, что необходимо разъяснить ему то обстоятельство, которому Лавиннн приписываетъ такое нелѣпое значеніе и которое я отъ него скрывалъ досихъ-поръ.

— Почему бы намъ не нарушить на этотъ разъ излишнюю скромность и не взять на себя отвѣтственность за это, не огорчая Лавиннн испрашиваніемъ ея согласіе на это? — сказала м-риссъ Торнтонъ.—Онъ долженъ все знать: и если пятно въ ея гербѣ не измѣняетъ его чувствъ къ ней, такъ скажите ему, что только это — и только это обстоятельство—заставляетъ Лавиннн быть сдержанною въ обращеннн съ нимъ, и что я, Клара Торнтонъ, знаю, что она любить его всѣми силами своей души.

Вслѣдствіе такого плана, на другой день, на пути изъ госпиталя въ виллу, англичанинъ сказалъ итальянцу:

— Предположимъ, что существуетъ пятно на происхожденн Лавиннн: не измѣнитъ ли это обстоятельство твоихъ видовъ въ отношенн къ ней?

— Какъ можешь ты дѣлать мнѣ такіе нелѣпые вопросы? — отвѣчалъ Паоло.—Для меня совершенно все-равно, кто бы она ни была: дочь принца или бѣднаго работника. Какъ можно кого-нибудь винить въ такомъ событнн, которое отъ него не зависѣло и, слѣдовательно, не можетъ быть вѣняемо ему ни въ заслугу, ни въ недостатокъ? Развѣ происхожденн можетъ измѣнить сущность ея природы, сдѣлать ея менѣе доброю или уничтожить хоть одну йоту изъ того, что въ ней есть любезнаго и прекраснаго?

— Конечно, нѣтъ,—сказалъ Торнтонъ.—Но знай, если ты не угадаешь еще, что я хотѣлъ сказать тебѣ на рожденн этой милой дѣвушкн лежитъ пятно: родители ея не были обвиняемы! Вотъ и разгада той холодности, которую она выказываетъ въ отношенн къ тебѣ. Въ наивности своей она воображаетъ, что на нее падаетъ какое-то безчестнн, дѣлающее ее недостойною тебя; но, повѣрь мнѣ, ея счастье столько же зависитъ отъ тебя, сколько твое отъ нея. Ты долженъ разрѣшить всѣ эти недоумѣнн, Паоло.

— Съ помощнню Божіею, я постараюсь!—вскричалъ молодой человѣкъ.—Если я успѣю, и она приметъ мое предложенн, я буду счаст-

двѣдцатимъ человѣкомъ; если она откажетъ, тогда я отправляюсь съ первымъ пароходомъ, который пойдетъ завтра.

Лавинія и мистриссъ Торнтонъ сидѣли за работою въ хорошенькой комнаткѣ, надъ подъездомъ; сюда Торнтонъ привелъ Паоло.

— Теперь или никогда, — шепнулъ онъ ему на ухо. — Я тебѣ подготовлю дорогу. И, обращаясь къ дамамъ, онъ продолжалъ громко: — *Mesdames*, совѣтую вамъ захватить этого измѣнника: онъ замышляетъ побѣгъ.

— О, синьоръ Паоло! — сказала Клара тономъ упрека и съ видимымъ замѣшательствомъ: — неужели вы хотите насъ оставить? Лавинія ничего не сказала, но внезапная блѣдность распространилась по всему лицу ея.

— Можетъ быть, я и уѣду. Впрочемъ, это еще не рѣшено, — проговорилъ онъ, задыхаясь отъ волненія. — Уѣхать мнѣ или остаться — это рѣшить миссъ Лавинія.

— Я, вскричала Лавинія съ испугомъ.

— Да, вы, продолжалъ Паоло рѣшительнымъ тономъ. У меня къ вамъ есть просьба, отвѣтъ на которую гораздо важнѣе, чѣмъ то уѣду ли я или нѣтъ. Отъ этого отвѣта будетъ зависеть счастье или несчастіе всей моей жизни. Моя просьба слишкомъ честолюбива — это правда, но я рѣшаюсь высказать ее со всемъ смиреніемъ моего сердца.

Говоря эти слова, онъ сталъ передъ ней на колѣни и взялъ обѣ руки ея:

— Хотите ли вы взять на себя трудъ сдѣлать меня достойнымъ васъ и осчастливить меня, согласившись быть подругою моей жизни?

Въ страшномъ волненія, избѣгая взглядовъ молодого человѣка, Лавинія вскричала прерывистымъ голосомъ:

— Ради Бога, синьоръ Паоло, пощадите меня!... Это невозможно... вы не знаете....

— Я знаю — продолжалъ Паоло страстно, — что между нами есть одна преграда — вашъ предрасудокъ, и я на колѣняхъ прошу васъ оставить его. Лавинія! ради Бога, позвольте мнѣ пользоваться плодами мнѣнія, какое я всегда имѣлъ, не беспокоясь о томъ, что думаютъ другіе. Я не выдумываю этого мнѣнія собственно для настоящаго случая. Вы сами давно, очень давно, слышали отъ меня, что заслуга или позоръ могутъ быть только личные. что передача знака чести или безчестія тѣмъ, кто самъ не заслужилъ ни того, ни другого, по моему мнѣнію, вертъ несправедливости: вѣрно это или нѣтъ, но я былъ такихъ убѣжденій и останусь при нихъ всегда. О, Лавинія! не отвергайте любящаго сердца изъ-за одного только ошибочнаго мнѣнія съ вашей стороны. Вѣрьте мнѣ, что я всю жизнь свою употреблю на то, чтобы доказать вамъ, какъ высоко я цѣню тотъ даръ, котораго прошу отъ васъ.

Вмѣсто всякаго отвѣта. Лавинія закрывъ слезами, Торнтонъ и жена его, свидѣтели этой трогательной сцены, присоединили и свои доводы къ настояніямъ Паоло.

Борьба была продолжительна и упорна, но любовь вышла изъ ней побѣдительницей и, начиная съ этого дня, Паоло сдѣлался однимъ изъ жильцовъ виллы.

Къ концу декабря, всѣ наши друзья выѣхали изъ Скутари въ Туринъ, куда давно уже прибыли Клелия и Сальваторъ. Въ столицѣ Пьемонта, въ тотъ же день и въ той же церкви, были двѣ свадьбы: Паоло съ Лавинией и Сальватора съ Клелией. Такимъ образомъ, осуществились фантастическія надежды маленькаго живописца относительно свадьбы его и его друга, и здѣсь оканчивается нашъ рассказъ, надѣмся, къ полному удовольствію; по-крайней-мѣрѣ любителей счастливыхъ развязокъ. Романъ, который оканчивается тремя свадьбами, я думаю, стоитъ трехъ водевилей.

ЭПИЛОГЪ.

Паоло устроилъ себѣ по собственному плану домъ на берегу озера Маджоре, между Интроку и Палаццою. Въ жилищѣ этомъ не видно никакихъ претензій, какъ и въ самомъ хозяйнѣ его; но оно просторно и имѣетъ удивительное мѣстоположеніе. Передъ домомъ расположенъ садъ, простирающійся до самаго озера; позади возвышается небольшой холмъ, покрытый итальянскими соснами. Второй этажъ назначаетъ исключительно для Торнтонъ и Эвлинговъ съ ихъ семействами. Наверху, рядомъ съ мастерскою Паоло, находятся двѣ комнаты, назначенныя для Клели и Сальватора.

Паоло опять принялся за живопись; онъ можетъ рисовать довольно-удобно съ помощью чрезвычайно ловко придѣланной искусственной руки. Несмотря на свой необыкновенный талантъ, онъ преслѣдуетъ по прежнему идеалъ красоты, котораго, какъ и прежде, онъ никакъ не можетъ уловить; но онъ переноситъ свою неудачу съ философскимъ терпѣніемъ тецерь, когда онъ, по собственному его выраженію, нашолъ идеалъ жены. Два хорошенькія маленькія препятствія въ образѣ мальчика и дѣвочки, явившихся на свѣтъ одно за другимъ, послѣ надлежащаго промежутка, два раза помѣшали супругамъ сдѣлать годовой визитъ, по уговору, въ Сайпрессъ-Голь и Аульскомбъ и, въ слѣдствіе этого, обитатели Аульскомба и Сайпрессъ-Голя должны были сообразоваться съ изреченіемъ Магомета. Въ послѣднее время подобнаго препятствія не было: нашъ герой и героиня могли, такимъ образомъ, привести въ исполненіе планъ путешествія въ Дорсетширъ.

Семейства Торнтонъ и Эвлингъ живутъ попеременно, но всегда вѣдѣтъ, то въ Аульскомбѣ, то въ Сайпрессъ-Голь, исключая, конечно, того времени, когда онѣ бываютъ въ виллѣ Манчини на озерѣ Маджоре. Живя спокойно, для самихъ себя, а не для сосѣдей своихъ, онѣ не пользуются большимъ расположеніемъ со стороны мелкаго

дворянства и купечества, живущаго въ окрестности, но за то имя ихъ очень популярно между крестьянами, особенно между большими и бѣдными. М. Эвлингъ напечаталъ новую поэму «Гладиаторъ», задуманную и начатую въ Римѣ въ 1856 г., гдѣ онъ жилъ съ женою нѣкоторое время, вскорѣ послѣ свадьбы Манчини Джильи.

Сальваторъ и Кледія живутъ въ Туринѣ. Сальваторъ имѣетъ мѣсто декорационнаго живописца въ кариньянскомъ театрѣ, а Кледія, выдержавъ экзаментъ, завела школу для дѣвицъ. Они зарабатываютъ довольно, такъ что могутъ дѣлать небольшія сбереженія, и дѣятельный, восторженный маленькій живописецъ уже задумалъ проектъ построить подлѣ Паоло собственную виллу. Какъ только Кледія и мужъ ея немножко свободны, они тотчасъ отправляются къ озеру Маджоре, гдѣ ихъ всегда встрѣчаютъ радушно.

Просперъ и Прюданса не живутъ больше на набережной Монтебелло: ихъ повысили переводомъ въ контору омнибусовъ близъ церкви Магдалены, гдѣ они работаютъ, совершенно довольные судьбою. Всякій разъ, какъ Менчини проѣзжаютъ чрезъ Парижъ по пути въ Англію, или возвращаются оттуда, они всегда навѣщаютъ своихъ друзей, милостивыхъ самаритянъ, и эти случаи подають поводъ къ великой радости.

Бенуа уступилъ свое мѣсто одному молодому человѣку, который платитъ ему за это по два франка съ половиною въ день, и правитель бани, послѣ своего отреченія, переѣхалъ на новую квартиру своего крестника. Онъ приноситъ пользу разными услугами, отводитъ дѣтей въ школу, приводитъ ихъ домой, въ праздники дѣлаетъ съ ними продолжительныя прогулки и проч.

Пелисье, иначе называемый Дюжанромъ, сдержалъ свое слово. Какъ только итальянскій вопросъ, по его выраженію, пошелъ по хорошей дорогѣ, реалистъ записался въ военную службу простымъ солдатомъ. Въ продолженіе всей кампаніи онъ велъ себя съ большимъ мужествомъ и имѣлъ счастье возвратиться въ Парижъ, не получивъ ни одной царапинки. Онъ жалѣлъ только одного, какъ писалъ къ Паоло, что долженъ былъ остановиться въ то время, когда ему особенно понравилась боевая жизнь.

М-ръ Джонсъ вступилъ во второй бракъ. Онъ женился на молодой и хорошенькой дѣвушкѣ, и рожденіе наследника, предмета давнишнихъ его пламенныхъ желаній, дополнило его счастье. Состояніе и значеніе его возрастаютъ съ каждымъ днемъ; ему не остается рѣшительно ничего больше желать, развѣ только одного — перемѣны своей фамиліи! Для этого остается одно средство: получить достоинство пера. Кто знаетъ, можетъ быть, онъ и достигнетъ этого. На свѣтѣ бывають вещи еще болѣе удивительныя.

Леди Августа, нынѣ графиня Терроль, продолжаетъ быть въ задушевнѣйшей дружбѣ съ Лавиніей; переписка ихъ такъ же дѣятельна и постоянна, какъ и во время пребыванія Лавиніи въ Римѣ. Мать ея, леди Уэлингфорсъ, продолжаетъ оказывать материнскую привязанность къ старинной своей любимицѣ.

Что касается маркизы Дель-Амико-и-Ариосъ, то послѣднимъ известіемъ, она наняла шлюпку на озерѣ Камо. Тамъ она ѣздитъ въ лодкѣ, галопируетъ на лошади, стрѣляетъ въ цѣль и поетъ, окруженная избраннымъ обществомъ двуногихъ и четвероногихъ, какъ и во время пребыванія въ виллѣ Торральба.

Конецъ.

ОГЛАВЛЕНИЕ

СТО СВИДЕЧАТАГО ТОМА.

Морты.

- ✓ Мѣшалкины. Повѣсть. *Н. Бунакова.*
- ✓ Три ховяина. Съ англійскаго, изъ Диккенса.
- ✓ Правые и виноватые. Записки сѣдователя сороковыхъ годовъ.
Объ отношеніи русской экономической литературы къ наукѣ. *Д. Θ. Щеглова.*
- Женихъ. Баллада изъ Гартмана. *Н. П. Грекова.*
- ✓ Въ путь дорогу!.. Романъ. Книга первая. (Окончаніе первой книги).
П. Д. Боберикина.
- Изъ Вайрона. Стих. *Н. П. Грекова.*

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

- ✓ Новые свѣдѣнія о русскомъ расколѣ.
- ✓ Новое открытіе въ Шекспировой драмѣ.
Ясная Поляна, журналъ педагогическій, издаваемый гр. Тодстымъ.
№ 1. *К. Охочко-Моннаго,*

↳ преобразованія ценсурнаго управленія. *С. Н. Челышева.*

↳ Современныя путешествія русскихъ людей за границу, для научныхъ цѣлей. *М. К.*

↳ Путевыя письма Феликса Мендельсона за время 1830—1832 года.

✓ Лесть живому и поруганіе надъ мертвымъ. *З-на.*

↳ Современныя поминки друзьямъ. (Матеріалы для общественной физиологии.)

↳ Кто стоялъ въ послѣднее время во главѣ русской литературы: Добролюбовъ или Панаевъ? (Письмо въ редакцію.)

✓ **ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.** Нѣсколько словъ о профессорѣ В. П. Павловѣ. — Публичныя лекціи въ Думѣ. — Лекція г. Костомарова 8-го марта. — Объявленіе г. Костомарова. — Закрытіе публичныхъ лекцій. — Объявленіе г. Лохвицкаго. — Поголовная брань въ литературѣ. — Всеобщее недовольство другъ другомъ въ обществѣ. — «Современникъ» въ объятіяхъ «Искры». — Нѣкоторыя замѣтки о прогрессѣ и въ дѣлѣ воспитанія. — «Чепуха г. Киттары. — Мнѣніе его же объ инспекторствѣ. — Прогрессистъ-консерваторъ. — Новая система репетицій. — Прогрессъ въ обработкѣ полей. — Наемъ иностранныхъ рабочихъ. — Чехи въ «Диканькѣ». — Отвѣтъ кн. Кочубея. — Кн. Голицынъ и г. Смирновъ. — О нашемъ умѣннѣ привлечь рабочихъ. — Воскресныя школы.

✓ **ПОЛИТИКА.** Распущеніе прусской палаты депутатовъ. — Перемѣна министерства. — Слѣдствія кризиса. — Путешествіе австрійскаго императора и аресты. — Финансы въ Австріи. — Ратница Provvedimento. — Путешествіе Гарibaldi. — Положеніе дѣлъ въ Римѣ и Неаполѣ. — Греческое возстаніе. — Турецкій заемъ. — Протестъ турецкаго правительства противъ Черногоріи. — Характеръ сессіи англійскаго парламента и законодательнаго собранія.

ПРИЛОЖЕНІЕ. Лавинія. Романъ Руфини. (Автора Лоренцо Бенони.) (Продолженіе.)

Апрѣль.

✓ Подневольный бракъ. Записки слѣдователя сороковыхъ годовъ.

Отчего, когда въ полночь прійду я... Стих. *Всеволода Крестовскаго.*

↳ Объ ассоціаціяхъ рабочихъ, какъ средствѣ для обезпеченія состоянія нашихъ рабочихъ классовъ. (По поводу брошюры г. Л. М. Д. Щеглова.)

- ✓ *Портъ. Изъ Гайно. Стих. П. Веймберга.*
- ✓ *Политическая экономія съ клерикальной точки зрѣнія. (De la richesse des sociétés chrétiennes par Charles Perin professeur de droit public et d'économie politique à l'université de Louvain. Paris 1861.) Д. Щеглова.*
- ✓ *Отрывокъ. Стих. Э. Берга.*
- ✓ *Несчастные. Романъ Виктора Гюго. Часть первая Книга первая.*
- ✓ *Въ путь-дорогу. Романъ. Часть вторая. П. Д. Боборыкина.*

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

- ✓ *Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ. Исслѣдованіе П. Пекарскаго. Т. I. С.п.б. 1862 г.*
- ✓ *Не въ бровь, а въ глазъ. Отцы и дѣти. Романъ И. С. Тургенева. (Рус. Вѣстникъ. Февраль. 1861.) 3—5.*
- ✓ *Литературный прогрессъ. (Нѣкоторые размышленія по поводу полемики между гг. Курочкинымъ и Вауманомъ и обстоятельство, сопровождающихъ эту полемику.) К. Охочекомоннаго.*
- ✓ *По вопросу объ упрощеніи русской орфографіи. А. С.*
- ✓ *Г. Костомарову. (Объясненіе на объясненіе.)*
- ✓ *Новооткрытая литературная диковинка. Б. Б. Суханина.*
- ✓ *ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. Наша западная окраина. — Извѣстія изъ Финляндіи, Прибалтійскаго края и Польши. — Указъ о новомъ займѣ въ 15 м. ф. стерлинговъ. — Назначеніе займа. — Обь обязанностяхъ барона Штиглица передъ русскимъ обществомъ. — Князь Витгенштейнъ, «юноша» Антоновичъ и г. Шедо-Ферротт.*
- ✓ *ФЕЛДЬТОНЪ. Какъ летитъ время? — Великопостныя воспоминанія. — Живыя картины въ Большомъ театрѣ. — Симфоническіе концерты. — Таланты Маринскаго театра. — Г. Никольскій и его ut dièze. — Нѣчто о нашихъ пѣвцахъ и пѣвицахъ. — Что дѣлала постомъ публика Михайловскаго театра? — Прилично-непристойныя увеселенія. — Комикъ Kelm, г-жа Деверія и Стелля-Колясъ. — Великопостныя зрѣлища Александринской сцены. — Литературныя чтенія. — Г-жа Толмачева и ея благодарственная рѣчь. — Посильныя о томъ размышленія. — Святая, распутица и народное пьянство. — Балаганы и ихъ несчастная судьба. — Діалектика гг. Берга и Турньера и добросовѣстность послѣдняго. — Спектакли любителей. — Ихъ обиліе и значеніе. Нѣчто о необузданномъ любительствѣ. — Публика залы Пассажа и привилегированныя артисты, посѣщаю-*

ще ее. — Дависонъ. — Толки о немъ, и ожиданія. — Гамлетъ и Шейлокъ. — Чего нѣтъ въ талантѣ Дависона и что есть? — Новости александрийской сцены: *Легкая надбавка*, драма г. Погоскаго. — Погромъ Сорокиныхъ и Ицекъ. — Какъ публика отзывается на это? — 3-й продуктъ дѣятельности г. Дьяченко. — Цвѣточная выставка. — Опять канканъ!

ПРИЛОЖЕНІЕ. Лавинія. Романъ Руфина. (Автора Лоренца Бенони.)
(Окончаніе.)

FEB 10 1937

